М.М.ПРИШВИН

Дневники

1936

1937

Санкт-Петербург
2010

УДК 882
ББК 84Р7-4
П77

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Издано при финансовой поддержке
Фонда Первого Президента РФ Б. Н. Ельцина

Пришвин М. М.
П77 Дневники. 1936—1937 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой;Статья, коммент. Я. З. Гришиной. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2010. — 992 с.

Книга дневников 1936—1937 годов продолжает издание литературного наследия писателя.

Первая книга дневников (1914—1917) вышла в 1991 г., вторая (1918—1919) — в 1994 г., третья (1920—1922) — в 1995 г., четвертая (1923—1925) — в 1999 г., пятая (1926—1927) — в 2003 г., шестая (1928—1929) — в 2004 г., седьмая (1930—1931) — в 2006 г., восьмая книга (1932—1935) — в 2009 г.

Публикуется впервые.

При оформлении форзаца и нахзаца
использованы фотографии М. М. Пришвина
1936 г.

УДК 882
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-94668-073-8

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1936

1937

1 Января. Встречали всей семьей (Галина, Надежда Петровна с нами были). Такое обилие! Народ валил весь день из леса с елками (после 18 лет запрещения можно и порубить). Чувствовался глубокий перелом жизни, и пока в хорошую сторону.

Продолжение «Чащи»: нарастание весны.

2 Января. Продолжается оттепель: осадка. Убыло снегу, но все-таки Осману по шею.

3 Января. Все еще оттепель.

Злость моя современному человеку тем непонятна, что таит в себе революционную злость, тогда как революция в этом смысле (ниспровержения) кончена, и каждое дурное явление ты должен сам лично устранить (дядя Костя речь говорит, и директор не обижается).

4 Января. Читаю Герцена и переношу его к нам... Детям елку дали, — так когда-нибудь у писателей будет свобода и мысль.

5 Января. Если прошлое обратилось в звезды и в утреннем свете звезда за звездой с тобой расстаются — простись! но, расставаясь, становись на место утраченного и принимайся за дело в уверенности: я это все теперь сделаю сам.

Так, бывает, срубят девственный лес, и ты говоришь: я сам выращу. И когда деревья, тобою посаженные, хоть немного поднимутся, ты уже радуешься им больше, чем когда-то радовался не тобою созданной Чаще. <*Зачеркнуто:* В этом же и есть все движение жизни людей на земле: на место прошлого.>

<u>Консерватизм</u>. Сегодня на дому у старого окулиста Диомидова я застал рабочего, которому машина пробила глаз. Доктора в Москве приговорили пораненный глаз к ампутации. Диомидов, осмотрев глаз, сказал, что он живой, и глаз вынимать

не велел. — Он еще вам пригодится, — сказал доктор. Рабочий обрадовался и, сжав кулаки, сказал: — Поблагодарю же я их! — Доктор даже чуть-чуть испугался: — Что вы, что вы, — сказал он, — ведь это так понятно, я уверен, что молодые люди вас осматривали. — Молодые, — ответил рабочий. — Ну, вот, вспомните, давно ли это было, молодежь была в управлении, чуть что, и сейчас удалять. А мы, старики, знаем, что удалишь глаз и ведь не вернешь, мы, старики, жалеем, мы консерваторы, и это так естественно: вам драться не надо.

6 Января. Оттепель. Генеральный заяц погиб.

Вопрос: где граница между работником (материальным) и организатором?

7 Января. Рождество. Мороз. Звездное утро. Месяц огромный чуть-чуть не дождался рассвета и свалился. Я шел погруженный в свои думы, а мимо меня с шумом промчался лыжник. Как трудно нам сойтись, не утратив каждому из себя самого ценнейшего, мне — моей мысли, ему — движения. Сейчас у нас все бросились в движение, все стали на лыжи, и потому нам, обремененным ношей пережитого, бывает подчас трудновато. <*Приписка:* Спорт — если за счет духа тело, то пусть лучше дух за счет тела.> За 6 дней (к 13-му) кончить «Чащу». 13-го ехать в Москву по всем делам.

Под вечер, гуляя при догорающей заре, видел, как из маленького домика вышел старый священник в мантии с узелком и сейчас же исчез в следующем маленьком домике. Какие-то люди еще держат связь с предками.

Исстрадался на севере человек в борьбе за веру, за буквы старых книг, за сложение пальцев в кресте, горел и выгорел до конца, так и не поняв, за что, из-за чего он горел. Повалился на кладбище старый восьмиконечный крест, и кончено! изверился обманутый простак и вместо креста отцу своему поставил кол, хорошо его затесав и начертав на нем рубышами свое дохристианское охотничье знамя. И вот они, отдаленные отсветы прошедших времен...

<*приписка:* — Нет ни Христа, ни Антихриста!>

<*приписка:* Нет Антихриста, но ворон летит...>

8 Января. Вспомнил о «героях» Сов. Союза: момент признания, награда для героя в то же время является и его концом:

после признания герой исчезает из поля зрения общества. Писатель написал роман — обратили внимание, он еще напишет, художник тоже живет от картины к картине. Но нельзя же ежегодно повторять Челюскина...

9 Января. «Революция удалась». Герцен и Печерин о роли науки в обществе.

Ныряли с Петей в снегу. Близится настоящий конец «Чащи». У писателя дума заканчивается в форме слов и только с этим написанным надо считаться, тогда как у всех людей есть свое домашнее мнение, которое он носит с собой. Мне это «мнение» в себе является не мыслью, а чувством упрека совести: другие, мол, понимают, а ты до этого не дошел.

11 Января. В Москве. Староверская кровь (И. Н., умирая, отказался от большевистской белой муки).

13 Января. Действительно заканчиваю «Чащу» и сегодня последний кусок сдаю в печать.

Некоторые думают, что двадцать поколений немцев работали, чтобы создать Гёте (Герцен), надо бы сказать, что работали они между прочим, сами того не зная, вернее, просто жили, а Гёте сам собой <*зачеркнуто:* создавался> заводился, как заводятся птицы в частых кустах.

Встреча в [кабаке] с Бор. Григ. Ерошевским (патер от коммунизма).

14 Января. Вышел «Зверь Бурундук». Договор с Фаворским об иллюстрации.

15 Января. Бой с Маршаком.

I. Почему детская литература не может до сих пор стать на первое место?
   Потому что писатель плохо сознает себя строителем будущего... создателем радости.

Почему так сложилось? Реки слов, но два: Пушкин и Гоголь... Пушкин — Толстой: детские рассказы и радость, Гоголь — Достоевский — А. Белый — бесплодны: эгоцентрики.

Не все мои рассказы, но среди них есть образцовые.

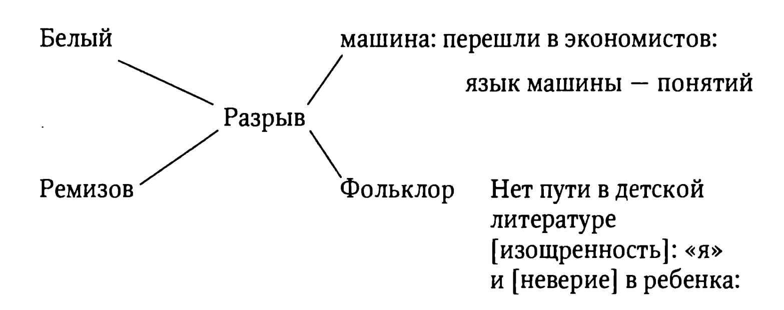
Ремизов: нет материалов. Я — бог.

II. Ребенок в моем опыте: я — [это] мать, ребенок — рвется Кащеева цепь.

III. Мой путь в детскую литературу: сказка, путешествие — секрет вечной молодости... Ремизов и я: через Ремизова я поверил в себя. Ремизов: материалы в книгах, мои — в народе. Пушкин ходил на базары, Толстой — на большие дороги...

Мой путь к простоте детского рассказа: в «Журавлиной родине» раскрыто творчество: внешне — детский рассказ «Жур. родина», «Грач», «Еж»...

Маршак и Союз писателей.



<*На полях:* Народная школа:>

Думает по-иностранному, пишет по-русски.
Под маской интернационала космополитизм: но это успех.

Поэты: В синей форменной фуражке
— Это — он
Это — он
Ленинградский почтальон

ja ja ja
das ist er schon

Подыгрывание под детей:
— Колеса, колеса — послушный народ
Первичная музыкальность
(Хуторское дело — куда как смело)
В ресторане: машины шинами шуршат.
Маршак и фольклор.
— На 100% — фольклор: в «Детгизе» ответили.
Что такое фольклор? это язык:
пойдет на фабрику;
на равных правах: вас на смех, а вы их.

{ Мой опыт в «Мурзилке»

Иногда вдруг из «Конька-Горбунка»:

Вот так чудо, в самом деле,
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной,
Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.

К фольклору, но не по новой методе: выхватить из среды (пример: стахановца: представим его в Медвежьих горах).

Союз писателей: интернационал.

Консерватор.

После речи Цыпина, столь невежественного человека, почувствовал такое унижение себя как писателя, литературы, что не только не решился выступить, а даже и вовсе быть дальше с ними...

Бывает и так, что выгодней для дела не знать... узнаешь и делать не станешь, всю охоту отшибут. Сейчас вышибло из детской литературы только потому, что посмотрел на людей, ее делающих. Наверно, то же и в большой, если сблизишься, то ущемит, и на большее не будешь способен.

<*На полях:* Борис Григорьевич Ерошевский, Виталий Валентинович Бианки>

Крым, Тессели (Форос), Горькому

Дорогой Алексей Максимович,

прошлый год на всесоюз. съезде писателей Маршак в своем докладе (это напечатано) сказал, что Пришвин, талантливый писатель для взрослых, не является в своих вещах для детей писателем интересным и понятным. С тех пор я все дожидался выхода своей книжки («Зверь Бурундук»), чтобы послать ее на Ваше рассмотрение с тем, чтобы мне приобресть авторитетного союзника в борьбе за русский язык, которую жизнь мне навязывает vollens, nollens[1]. В этом письме мне хочется Вам раскрыть, почему же это меня, писателя, ныне столь признаваемого почти всеми, так больно задевает мнение Маршака <*зачеркнуто:* которого я лично вовсе даже и не считаю писателем. Вот почему оно меня задевает: мне кажется, Маршак не по злобе на меня неспособен...>.

Мне приходится начать издалека, от Пушкина, нашего национального писателя, и Гоголя, не могу сказать точно, что

[1] vollens, nollens — волей-неволей (*лат.*).

именно национального, но гениального. Давайте условно разделим всех наших писателей на писателей национальных и «гениев». Из национальных писателей я могу назвать Пушкина, Толстого, Лескова, Горького, себя. Из «гениев» Гоголя, Достоевского, <*зачеркнуто:* Ремизова,> Белого.

Первая группа беременна своей национальностью, живот у нее раздут гражданственностью, и для всей этой группы характерно тяготение к фольклорному самовыражению и рассказу для детей (это ничего не значит, что некоторые, может быть, ничего не написали для детей).

Вторая группа чистых «гениев» тяготеет лично к себе и пожирает фольклор не для воспроизводства (через беременность), а в целях холостого (хотя и гениального) творчества. И как немыслимо себе вообразить, чтобы А. Белый написал бы рассказ для детей, так и Пришвин должен будет отказаться и возвратить отцу талантов свой билет, если только в его творчестве не найдется десяти народно-детских рассказов. Стрела Маршака, возглавляющего детскую литературу, попадает в самое мое сердце...

А еще вот что... Вы это лучше меня знаете, что хороший коммунист не умом, а сердцем знает, с кем ему по пути и кто против. Так точно и я, как живой-преживой писатель, чувствую до точности по нескольким строчкам, кто из писателей проходит холостым гением и кто идет с брюхом. В наше время государственного строительства писатель с брюхом имеет первенствующее значение, потому что это брюхо является мостом между искусством слова и государством, работающим главным образом на будущего человека. Я не вижу иного союза, т. к. искусство и государственность так же в существе своем противоположны, как вода и берег.

Я величайший враг бюрократии и в простоте своей часто действия ее принимал за действия самой революции, вел себя часто до крайности нетактично. Теперь, вспоминая рискованные свои поступки (ведь раз даже у стенки стоял), я иногда задаю себе вопрос, каким образом я уцелел, не пристукнули меня и не застукали (нисколечко!). Решая эту задачу, я иногда все объясняю случайностью, а иногда поглядишь, как все-таки с беременными женщинами обходятся более или менее пристойно и в нашем безобразном быту, думаю, что меня охраняли за брюхо.

Стрела Маршака ранит моего младенца — вот почему мне так больно. Третьего дня меня приглашают на совещание о дет-

ской литературе в ЦК комсомола к обсуждению доклада Цыпина и Маршака. Мне вдруг пришло в голову подозрение, что Маршак потому меня ранит, что имеет в виду не тех детей, каких я имею. Мне вспомнились разговоры с народными учителями, их жалобы на то, что они должны питать детей Маршаком, что русские дети совсем не могут понять, почему за словом «Алжир» у Маршака следует «Жир», почему «колеса, колеса, веселый народ» (не по-русски), почему цыплята у него «свистят» и т. п. Вдруг что-то поняв, я принялся читать Маршака, и мне стало ясно, что этот писатель думает по-иностранному, а пишет по-русски. Вот, напр., у Маршака:

Да, да — это он —
Ленинградский почтальон.

<*Приписка:* Бой с Маршаком (18-го/I 1936 в 11—3 ч. утра.>

Мой путь и путь детского [профессионального] писателя.
Жизнь образов иная, чем жизнь понятий...
Радость (происхождение). Секрет моего успеха.

Зверь Бурундук.

Письмо Горькому
Маршак. Угода детям: игра на рифме: куда как смело
Технический [уклон] — космополитизм: эсперанто
мастер — [историзм], фольклор
Пафос и мастерство.
Почему все детские писатели сделались детскими.
Звери или люди и машины

Москва. С 12-го по 18-е Января: боевая неделя в ЦК ВЛКСМ...

Встреча с Ерошевским (Григорий Борисович), интересен как pater от коммунизма и возможный агент охранки.

Два разных осадка после речи: первое, что как будто ты сел за руль и <*зачеркнуто:* повел сам машину>, овладев ее механизмом, повел ее; второе — почему-то стыдно: ты отдал себя...

20 Января. 19-го была метель — сколько снега! После «событий» как-то «все равно». Раскаиваться в жестокости не приходится: Маршак и подл, и первый напал на меня. Вот самолюбие... это болезнь.

Два величайших народа разделили власть над миром, хотя оба эти народа утратили свою территорию. Один из этих вели-

ких народов евреи, предназначенные расшатывать современные народы и сбивать их с основ, другой из великих народов цыгане, напротив, ни с кем не сходятся, ни в чем не уступая, несут счастье свое прямо в будущее.

21 Января. Задумал переделать для маленьких детей «Берендееву чащу».

Берендеева чаща.

1. Машка... конец: года три мы так ездили с Петей и нынешней весной отправились на север искать Берендееву чащу, где еще никогда не бывал человек с топором. 2. Запань.

<*На полях:* Ломаной копейки не дал.>

22 Января. В «Чаще» сильные места: домкрат (начало), Сокольники (конец). Прямо же за... Москва стоит в лесу. Если выехать лесами из Москвы на север, то и будет все лес и лес до самого моря. <*Приписка:* Но все это, нам казалось, лес.> Мы помчались лесами на север и ехали, пока можно было, на Машке. Ехали на пароходе. Ехали верхом.

Как пьют шоферы (рассказ Коли Куликова): в чай рюмку, а они добавили: полстакана и... я только могу за один глоток хватить: у него — лапти вверх, а у меня дух вон: свою жену не узнал. И что тут было: пи*н*жак забыл и вернуться стыдно: так и хожу в синих штанах и в сером пи*н*жаке. (Начало рассказа: почему это у вас, Коля, штаны синие, а пиджак серый?)

24 Января. Всю ночь на 24-е дождь. Зима «сиротская», в том же роде, как весна, лето и осень 35-[го] года.

«Берендеева чаща» = провести в «Колхозных ребятах».

26 Января. 30—31 быть дома: примерка. Нога (ушиб) болит, но меньше. Роман Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». Читая о бедствиях евреев у фашистов, думаешь о наших «кулаках» и чувствуешь разницу: те хоть вовремя могли постоять за себя (вот этот роман), а те мученики (сколько вовсе невинных, ни за что ни про что) просто быльем зарастут. В романе есть и еврейская мудрость, направленная против героизма и мученичества как такового...

Много мне пришлось передумать о причинах постоянного нападения деревенских и городских мальчиков на мою газов-

скую машину «Машку» (я <*зачеркнуто:* сторонник> держусь того, чтобы личные машины, как животных, лодки, яхты и т. п., называть своими именами). Случилось однажды мне заехать в чайную. Машка стояла не совсем против окна, и мне то и дело приходилось в тревоге вставать и поглядывать. Поглядел я однажды и обмер: мальчишка стоит возле Машки и отвинчивает колпачок на вентиле в заднем колесе. Я вышел осторожно, пробрался из-за машины и цапнул мальчика за рубашку.

— Это тебе не игрушка! — сказал я, потрясая небольшого гражданина.

Вдруг этот самый гражданин, ничуть не растерявшись, в ответ на мое «не игрушка» отвечает: «игрушка». Я ему опять: «нет, не игрушка». А он мне опять: «нет, игрушка».

Я вдруг <*приписка:* мне стало стыдно спорить с мальчиком> одумался, понял чувством какое-то глубокое значение нашего спора и мгновенно перестроился.

— Как тебя звать? — спросил я ласково.

— Колькой, — отвечает гражданин.

— Вот что, Колька, — говорю я, — садись на приступочку и стереги Машку, а я за это тебя прокачу.

Колька садится. Я иду в чайную. Очень скоро к окну приходит другой мальчик и просится у меня тоже стеречь машину.

— Там, — сказал я, — уже сидит Колька.

— А я тоже Колька, — отвечает мальчик, — я тоже хочу.

Вслед за этим другой, третий, все называются Кольками, и всех я принимаю в «кольки». Баловаться стало некому, все мальчишки стали кольками, охраняющими мою Машку. А когда я потом их прокатил, то в этой округе мне можно стало бросать машину без призора: далеко завидев машину, <*зачеркнуто:* ребята> «Кольки» кричали: «Наша Машка идет» и становились на дежурство...

И все это благополучие началось с того момента, как мальчик на мое «не игрушка» ответил мне, что моя Машка именно и есть игрушка, и я, уязвленный, подумал: да, правда, эта машина игрушка не только для мальчика, а и для меня: ведь я же шофер-любитель, я по-настоящему играю с Машкой, и детям, может быть, даже кажется, что я у них под предлогом «цели» отбил самую лучшую игрушку.

Мысль, которую хочу я высказать, еще наглядней показалась нам недавно на другой детской игрушке. На заводе «Шарикоподшипник» оказалось очень много бракованных шариков. Чтобы использовать их, кто-то придумал детский бильярд

с этими шариками. Игрушка, довольно дорогая (сто и больше рублей), очень понравилась взрослым. [В] детский бильярд, продаваемый детским отделом Мосторга в клубы, играют все взрослые, даже старики. Взрослые на наших глазах похитили у детей предназначенную именно для них игрушку.

Речь свою веду я, однако, не к тому, что взрослые, будучи в глубине своей тоже детьми, похищают часто у настоящих детей их игрушки, а что взро́слые играют не меньше детей, и, значит, если ты хочешь понять ребенка и дать ему самую лучшую для него игру́шку, то ты должен понять себя как ребенка и предложить другому ребенку игрушки так же всерьез, как ты предлагаешь себе.

Так, по-моему, надо и книги писать для детей не со «скидкой» на молодой возраст или средний, а непосредственно для того ребенка, которого должен чувствовать в себе самом каждый писатель, каждый художник, ребенка, составляющего сущность таланта. Мне иногда кажется...

Надо писать, дорогой писатель, не о том, что не сродни тебе и что тебе, однако, навязывают, а о самом дорогом, самом любимом. Я думаю, что то самое дорогое в себе — это именно и есть тот ребенок, для которого мы покупаем то книжку в изящном издании, то заводим «Машку», то пианино, то патефон или красивую одежду.

Создавая детский рассказ, писатель должен не склоняться к маленьким детям внешне, а понимать их <*приписка:* их поднимать, узнавая их> потребности через своего личного ребенка, в существе которого, собственно говоря, и заключается то, что называют талантом. Мне иногда представляется, [что] такого рода «талант» заключается почти в каждом человеке, но что люди именно это самое нужное для создания нового человека, нового общества знать не хотят.

Дети младшего возраста больше всех возрастов поумнели от революции, сектор поумнения, мне кажется, гораздо <*зачеркнуто:* меньше> у́же в детях среднего возраста, еще меньше в детях постарше, и так, мне думается, в конце концов можно прийти к тем, кто совсем от революции не поумнел, и наконец добраться до тех, кто поглупел...

27 Января. — Исторический день. Амнистия исторической личности (постановление о препод[авании] истории) — явление того же порядка, что и стахановское движение, и «жизнь

стала веселее». Это значит, конец тому партийному аскетизму, в который когда-то (1904 г.) уперлась моя личная жизнь. В сущности, это и было источником моей оппозиции. Теперь стена эта рушится и наступает жизнь, граждански нам еще неведомая, жизнь, которой никогда и не жил русский интеллигент. Таким образом, общество вступает теперь на тот самый путь, который мне лично открылся как выход из тупика: творчество; этот путь я раскрываю в «Кащеевой цепи». Очень похоже на 17-й год, первые дни после свержения царя: казалось, тоже вдруг рушилась Кащеева цепь.

И в то же время в глубине души остаток основного верования: что Кащей-то ведь бессмертен.

29 Января. Сравнение увиденного пешеходом с тем, что видит в совокупности автомобилист, приводит к сравнению людей, живущих на месте (как было Хрущево: и под землей все твое), и тех, кто получил возможность всюду ездить, все видеть (нынче это у меня взамен Хрущево).

30 Января. Алексей Константинов. Игнатов, Москва, Мытная, 23, кв. 192.

Инженер военный (химик), стрелок (из пулемета и нагана) и летчик.

31 Января. Идры. Григорьев боится отношения к нему наших командиров детской литературы, никуда не ходит, чтобы не слышать: «Гайдар, Паустовский и др.» и оставаться в этих «др.» Он ищет забвения in vino и в картах (и с какими обывателями!). В сущности, я в том же положении, но при всяком случае крикну, они и вспомнят. «И др.» есть одна из самых утонченных пыток, какие только существуют на свете, если запустить свое душевное хозяйство. «Идры» служит мне сигналом к бою или к пересмотру своей деятельности с тем, чтобы выше подняться. Бороться с «идрами» надо двумя способами: 1) показываться среди «идров», чтобы не слагалось в себе заболоченное мнение, 2) самое, конечно, главное — это повышать свою деятельность, чтó именно и дает оружие в борьбе с «идрами».

Вот вопрос... ведь все эти коммунисты, вроде Молотова, зарождаются в обществе, они дети общества, и личность их не противопоставляется обществу. Значит, и Фауст и Мефистофель исчезают... И значит, вот это мое чувство, будто я теперь

живу в детской и не встречаю вовсе взрослых, — это чувство отмирающего человека.

За написанным словом автор «скрывается», за сказанным тоже скрывается: мы слышим...

<*На полях:* писаное слово — выше себя, сказанное слово — ниже себя, преодоление обманчивой видимости.>

1 Февраля. Бросился в Москву от страшной и беспричинной тоски. Все размотал в вине и разговорах.

2 Февраля. Визит к Дедкову (5 в.). Маршак в «Детгиз». Борода. Союз писателей.

Вместо жизни картинка. Отец и мать на службе, ребенка нужно занять, и вот вместо жизни ребенку дается картинка с текстом. Ребенок забывается. Что-то вроде головокружения при покачивании люльки. (Вместо любовного усилия...)

Человек — да, я это понимаю, и лошадь при человеке, и корова. Но вот белка — что это? мне кажется, это лишнее.

3 Февраля. Был у Дунички[1] и потом у Соф. Яковл... Боже мой! даже С. Я. наконец-то признала и сказала о нем: «умный человек».

Вопросы семьи. Рабочие при партчистке, когда доходит до семьи, становятся живыми хорошими людьми: Коля из этого заключает, что жизнь рабочего человека сейчас движется в сторону устройства семьи.

Толстой. То самое лучшее, вокруг чего я с трепетом хожу всю жизнь, он назвал Богом.

Город и деревня. Коля Дедков сказал, что он свою деревню ненавидит и в то же время любит страстно: ему жить и умереть в городе среди людей, а природа для него в книгах, и он выбирает себе книги о животных, лесах.

Петя сказал, что в городе первое, что противопоставляется деревенскому человеку, это люди, народ. И отсюда все остальное: в городе человек зависит от человека, в деревне от «судьбы» и себя самого (и если не удается «сам», то на месте его судьба).

[1] Был у Дунички — орфография автографа.

Положение писателя.

Женское движение проникло в ресторан, где я не частый гость, но верный: много лет я тут при наездах своих в Москву обедаю. Раньше в этом ресторане были лучшие официанты, сохранившие до нашего времени во всей чистоте ресторанные культурные навыки. Недавно при вторжении женщин большинство этих официантов было распределено, в качестве инструкторов, по другим ресторанам. Но десяток лучших старых официантов остались. Женщины потеснили этот остаток в самую заднюю комнату, оставленную для особенно требовательных любителей ресторанного быта. Вместе с женщинами появился для пущей важности метрдотель в костюме заграничного сукна. Сохранив связь со старыми официантами, я...

6 Февраля. Улыбка Хаджи-Мурата: человеку с такой улыбкой можно резать людей.

Я стал уже и бояться в себе чувства неприязни к евреям, по временам овладевающего мной до отвращения. Но при окончательном разборе вспомнил, что немногие евреи, работающие в области высшего творчества, или даже просто люди из них, разрывающие связь со своим еврейским бытом (напр., Шпет, православный священник), не только [не] возбуждают неприязни, но, напротив, как бы возвышаются над тобой, и тебе становится от них хорошо. Эти люди и есть именно те самые праведники, из-за которых еврейский град до сих пор не разрушен.

9 Февраля. Алексей Денисов, толстовский мужик: этот человек возможностью существования своего вскрывает, что русский народ жив не единым хлебом, хотя живет безобразно и своего лучшего не сознает, и это лучшее потому как бы ни во что ставит и, если придется его выказать, никакой платы за него не берет.

Написал единым духом пять шоферских рассказов. Не знаю, к лицу ли мне заниматься такой мелочью. Да и вообще я хорошо не знаю, взял ли я много от своего таланта или же проспал его. (Григорьев склонен думать о последнем.)

Пленум выезжает в Минск. Послать телеграмму: Радуюсь прекрасному свиданию товарищей и поздравляю. Сам, к сожалению, лично лишен возможности приехать. Михаил Пришвин.

От Ежовой назначено свидание с Калмыковым завтра 5 веч. Телеграмма: Приедем. Очень благодарю. Пришвины.

Всю ночь опять валил снег. Вот подготовка к весне!

Читаю Буша: движение растений по земле во времени (расцвет: третичная эпоха, 3 мил. лет), и теперь буду читать в пространстве.

Определенно, опытом установил, что в новых местах мне надо работать точно как художники, писать этюды по непосредственным впечатлениям, а не откладывать в долгий ящик. И чем смелее писать на месте, тем будет лучше. Значит, приехав, надо хорошо устроиться и работать, а не двигаться... Между прочим, если бы взяться, то можно бы и в городе, в Москве сделать такую же работу, как в субтропиках. Только надо для этого освободиться от всяких обязанностей, встреч деловых и так же, как «Лес», например, наметить что-нибудь темой для наблюдения, напр., «народ» в его массе, как он является приезжему в город.

10 Февраля. Свидание с Калмыковым. Статья в «Правде» о Бухарине.

Моя защита: <*приписка:* русский всякий народ ставит выше себя> два величайших народа — я цыган.

Варево СССР на стройке. Бетал растолстел. Бетал стал нервным: плохо спит по ночам. 1-й разговор о Бетале с Бухариным: госуд. деятель без сентиментальностей. Не написать ли «портрет»? Бетал: «Я читал "Жень-шень" — вы хорошо знаете зверей — у нас много зверей, только не Лувен, а Юль».

Ежова: я всегда и до революции знала, что русский народ — великий (холодный поворот, как стартер вертит коленчатый вал, и она: русский великий народ: довольно что-либо назвать вслух, чтобы орех, имея все обличье ореха, стал пустым: чтобы единственного русского в «Известиях» обвинили в нерусскости). Единственный пункт обвинения правильный — это заскоки Бухарина в отвлеченную область военной политики: туда ведь нельзя смертному, и если он это делает, то становится претендентом на трон.

К портрету Бетала: звери Кавказа и переход к человеку, минуя «человеческое» русской интеллигенции. Безмерная храбрость, хитрость дикаря, детскость. Кавказ: горы — вышки, с которых хорошо разглядывать человека.

13 Февраля. Петя к 20-му/II. Отъезд 1-го Марта. Источники. Разговор с Бухариным о совете, от кого ехать, а перед этим с Изгоевым. Одежда: толстовка для меня, для Пети рубашка наружу.

15 Февраля. С тех пор как выступил против Маршака, никак не могу войти в себя. Надо непременно войти.

Надо «радость», о которой высказался я, ссылаясь на «жить стало веселее», не упустить в ее высоком значении (как творчество жизни) хотя бы для себя самого. Что же касается произнесенных мной слов, то, конечно, их поймут в мещанском смысле (вещественном), хотя это так и надо, т. е. имеющие уши да слышат, а не имеющие поймут по-своему, и это для меня не так плохо.

Трудно сказать, когда это случилось, но только вдруг, когда мы хватились, личность этого человека была далеко от нас, эта личность стала сверхчеловеческой и незаместимой. Раньше всем казалось, что умри он, и их таких за ним стоит множество. И правда, они были тогда просты и вместе были как шерсть: остриги, и вырастет. Теперь быстрыми переменами они сбиты с толку все, и весь толк остался в единственном человеке.

Надо быть всегда наготове относительно радостной жизни и помнить, что если внутри Союза и нет как будто врагов, то на всем-то свете враг Союза будет поистине до тех пор, пока лев не ляжет рядом с ягненком. Но раз есть враг, то ушки должны быть у ведущих людей всегда на макушке, чтобы в нужный момент всю шерсть поставить против врага. «Жить стало веселей» надо понимать как тактический прием, вроде ленинской «передышки». Слова «родина», «Великороссия», мелочи быта вроде елочки и т. п., принимаемые обывателем «весело», имеют не меньшее рабочее значение на войне, чем пушки и противогазы.

Будет момент, когда встанет опасность разномыслия в обществе. В такой момент людей можно бросить на войну. Так что, если «веселая жизнь» перейдет какую-то меру, она корректируется войной: тогда все разномыслие, порожденное веселой жизнью, вмиг будет приведено к единству. И так, по всей вероятности, жизнь будет делаться все веселей и веселей вплоть до войны.

Поездка в Кабарду должна быть организована так, чтобы ни в коем случае не кончалось переселением туда и ликвидаци-

ей домика в Загорске. Мы проведем с Петей там весну. Если понравится, на лето и осень переедет Павловна. А что дальше, — будет видно. Поездка на три месяца будет стоить приблизительно 3600 руб., скажем, 5000 руб.

Читаю «Крейцерову сонату». Интересен анализ супружеских размолвок в связи с приступами чувственности. Чересчур просто и грубо, но начало пути анализа верное.

Мелькает возможность идеи «Жень-шеня» развить на материалах Кабарды: строительство осветить изнутри светом интимной жизни личности.

12-го у нас был на блинах П. Еф. Безруких и рассказывал о Репине, что он будто бы в письме кому-то восторженно расхваливает политику Ленина и возмущается только одним, что он допускает такую мерзость, как диктатура пролетариата. Я стараюсь понять Репина и думаю, что он таким образом приходит к такой нелепости: пролетарий, с точки зрения Репина, конкретный рабочий человек и физически и нравственно соединяет в себе недостатки обделенного человека с всей злобой его и претензией, — в таком случае, чего же хуже может быть явления диктатуры этого класса.

Вера Ант. Яловецкая, когда Чехов еще был жив, некоторое время была актрисой Художественного театра. Ей, должно быть, не очень везло, и оттого она вышла замуж за маленького адвоката Яловецкого и вместе с тем ушла (может быть, уволили) из Худ. театра. Всю жизнь свою она попрекала мужа и всем рассказывает, что он загубил ее артистическую карьеру. И теперь на старости лет с чисто юношеской энергией она выступает с чтениями в провинции и каждый раз надеется произвести «ф у р о р». Чудовищно мучительную свою семейную жизнь оба супруга не обрывают, очевидно, из-за Чехова: оба мучителя связаны образом Чехова, каждый мучитель является в то же время свидетелем чудесного времени Чехова в Худ. театре, и разойтись, остаться без свидетеля, уйти в пустоту настоящего и создавать из ничего себе будущее оба не в силах... Давно прошла их серебряная свадьба, дождутся и «золотой». И вот судите по долгой жизни о «счастье»! Возвращаюсь к Толстому: можно ли, напр., в этой жизни объяснять беду семейной жизни чувственностью. А часто может объясняться раздор супругов недостатком чувственности одной стороны, ее «духовностью».

20 Февраля. За это время заключил договор о 2-м изд. «Зверь Бурундук» и «Ярик»; с Бухариным договор о поездке в Кабарду, виделся со Шкловским и Катынским.

Шкловский сказал, что я «смял Маршака». Это меня обрадовало, и я пытался дать понять Шк-у, как дорого мне самому стоит такое выступление: некоторые думают, — сказал я, — что я старая хитрая лисица...

<*На полях:* Начало Кавказа — это поездка в Грузию.>

<*На полях:* Ш[кловский] — это по натуре один из тех древних мудрецов, которые выходили на площадь учить. Смотришь на его голову и чувствуешь, как там «трещит» от постоянной работы. Это один из тех десяти праведников, за которых в свое время ответят фашисты.>

Хитрость. Шкловский сказал, что я «смял Маршака». Я пытался дать понять ему, как дорого мне самому стоят такие выступления. — Некоторые думают, — сказал я, — что я старая лисица и беру хитростью. На самом деле я беру откровенностью и простотой... — Ш. странно смотрел на меня, и я понял: он сам думает, что я беру хитростью. — А может быть, и хитростью, — сказал я, — это неплохо при цели, поставленной в большой дали и высоте. — Вспоминаю свидание с Горьким в первый его приезд из Италии. На мои недоуменные вопросы ему за обедом он сказал: «Вы должны понять наконец, что я хитрый человек. — Это неплохо, — ответил я, — надо быть и хитрым, вот я ведь тоже хитрый... — Горький засмеялся: — Какой вы хитрый...» А недавно слышал от Зазубрина, он же сказал: «Пришвин — это хитрый-прехитрый».

Сам уж и не знаю, как о себе думать. Знаю только, что, конечно, меня принимают не за меня, и я играю на своей простоте.

Ш[кловский] назвал Бабеля литер. импотентом, и, кажется, это и верно: вот писатель прославленный и с единственным недостатком: ничего не пишет. Из рассказов Бабеля о Кабарде Шкловский передал нам о легендарности Бетала: будто бы в гражданскую войну его загнали вместе с туром на вершину горы и там измученный человек и козел как-то объяснялись друг с другом. А еще как Бетал велел в одну ночь выстроить дом для обиженного человека. И еще, как дикие кабаны освободили домашних свиней. — Все это очень, очень интересно, — сказал я, — постараюсь отнять у Бетала его маленькое государство. — Ну, это у него не отнимете...

Вот, пожалуй, хороший пример моей «хитрости»: разумеется, государство у Б. не отнять никак, но можно затеять такую игру: Бетал создает свою Кабарду как государств. человек, а я свою как художник, и Б. хочет мое творчество взять на пользу своей Кабарды, я же хочу его Кабарду взять для своей. <*Приписка:* Развитие мысли о кузнеце Вакуле и черте.>

В своих целях я, конечно, буду действовать как хитрый человек, и тут да, я большой хитрец, хотя ощутимого вреда и от моей хитрости и воровства нет никому. Между прочим, «я отниму Кабарду» может быть одной из тем моего «исследования», и в ней должен целиком отразиться современный наш роман государства с литературой. Это роман коровы с велосипедом: корова ухаживает, кокетничает, становится поперек тропы, и ехать нельзя. Это один из планов «Кабарды».

Еще мне интересен человек без «человечности», т. е. что человечность, живущая внутри природы, исходя из нее, на пути своем не брезгует государством, напротив, наша человечность либеральная для государства разрушительна (причина появления «варваров» во главе госуд-ва).

А еще в Кабарде надо найти счастье в творчестве жизни (строительство, как в «Жень-шене», взятое изнутри, строительство как личное творчество) <*приписка:* (Вся сущность Бетала предвидена)>.

У Ш[кловского] были железнодорожники (Виталий Иванов. Ермилов, «Гудок»), предлагавшие мне написать «портреты» их орденоносцев Гаприндашвили на Сурамском перевале и Малюк Никол. Андр., нач. службы эксплуатации Северо-Кавк. ж. д. г. Орджоникидзе. Если пожелаю взяться, то чтобы дней за 5 телеграфировал в «Гудок», и Малюк приедет на своей машине за мной. (Переговор. по телефону с «Гудком», согласоваться мне для возможности повидать Кавказ, кроме Кабарды.)

Заключил договор с «Известиями» (извлек 2500 руб.).

Понимаю и чувствую, как неприятен должен быть Бухарин нашим государственникам. В его общей даровитости чисто литературного характера скрывается «претендент на престол», подобный тому «селянскому министру», который жил в Чернове Викторе: что-то вроде мании. И «они» (враги) это отлично знают и на этом играют, как мальчишки, замечающие смешные стороны учителя. <*Приписка:* складывается с «хитростью»: т. е. что каждый писатель, художник есть непременно претен-

дент и конкурент Беталу: это можно показать на себе и на других художниках...>

Похоже на фигурку в трубочке со спиртом «американского жителя», погреют теплом руки — житель поднимется, охладят — опустится, А человек, видно, хороший, и жалко его: неужели же так трудно... <*приписка:* т. е. что перед чем-то в Бетале (вера) каждый художник — «америк. житель»: это в Бетале есть «партия» — вера, а у [нас] «личность»>.

Вот Горький всего на несколько месяцев отошел и будто отодвинул ширму от своей писательской личности, именно вот на фоне этого лит[болота] Союза писателей вдруг проглядываешь в сердце настоящего писателя и опять начинаешь и жалеть человека, и уважать. Бухарин хвалил мою книгу «Север» и в нем «лов рыбы». Подозреваю, что я не очень-то дохожу до него и не могу понять, почему же это... Каждый раз в таком случае берешь себе на заметку: «а не преувеличил ли я себя, не ввел ли других в заблуждение».

(Выход. В борьбе с Маршаком хороша зуботычина, посредством которой я выхожу из того порочного круга писательского самолюбия, в котором развивается настоящая фобия. С. Т. Григорьев, напр., боится идти на собрание детских писателей только потому, что он попадет там в «и друг.». Зуботычина — это самый естественный, самый здоровый выход из этого болезненного состояния.)

Мы столько времени жили в уверенности, что за ним стоит кандидат, за кандидатом другой, третий, как у оленей в гареме во время гона. И вдруг, подумав об этом, увидели, что нет никаких ассистентов, что мы упустили его и он теперь стал незаменимым и единственным («и человека человек послал к Анчару властным взглядом»). На наших глазах произошло то, о чем загадывал Л. Толстой, и мы, глядя в упор, ничего не видели. Все происходило как после потопа: множество рек и ручьев стали бежать в одно место, и то место сделалось морем...

Невозвратное время. Все возвращается на прежнее место, и родина, и Великороссия, и елка <*приписка:* («а раз елка, — сказал N., — значит, вернется и твердый знак»)>, но все это возвращается сравнительно с прежним как бы в засушенном виде, вроде как бы растение в гербарии. Елка, напр., в наше время как бы держала детей в доме при семье, и зимой на чистом снегу не было ни одного лыжного следа. Теперь дети вышли из дома на улицу, в лес, все снега искрещены лыжами. При таком

достижении елка хороша только в прошлом. Почему же она возвращается?

Встреча с Катынским. Кабаны (вепрь). Частый дубняк. Стрельба в упор. Люль: «а это черт».

Охотник на кабанов. Сюжет для рассказа об охотнике, не умеющем обращаться с ружьем (ходит и ездит, не вынимая патронов, а говорит: «я вынул». Стало опасно, Катынский поставил на предохранитель, и тот, когда пошли на него кабаны, не мог выстрелить). Раненый кабан покатился с горы. Раненый пошел в драку. После второго выстрела опять завернул. Зад повис, но ползет. В дубняке все изрыто и пахнет свиньями. Свинья-вожатый остановилась, топнула ногой. Секач, одинéц. Обстановка, приготовленная для членов правительства, и в ней я, любитель непосредственного соприкосновения с природой. Но ведь один из планов Кабарды будет борьба с чертом <*Приписка:* Черт есть обезличенное действие>, и мне это будет упражнением.

(Если это будет открытая повесть, то герой ее Бетал должен победить «черта» государственности, который рождается от чего-то... напр., самому лично нельзя убить, сам подписывает, другой убивает: и через это добро и зло разделяются: кто-то берет зло на себя: Ленина даже освободили от необходимости подписывать смертные приговоры. Эта «легкость», облегченность через обезличение действия дает возможность создания плана, закона и других чисто государственных принципов, благодаря которым делается возможным механизировать общество, от которого во все стороны летят бороды, подковки и поддевки.)

<*На полях:* малая мудрость и большая>

<*На полях:* Выход к морю: оно отвлеченно и принципиально, как закон, в море за куст не зацепишься: везде вода.>

<*На полях:* Саид Татаринов и Барманда. Марманда. Дриандия.>

Почему же Бетал «толстеет»? Над «принципом» надо сидеть, когда сидит, то полнеет, диафрагма давит на сердце, и от неправильной деятельности сердца еще полнеет. Но когда начинает двигаться, то возвращается к личности подданных во вред выработке законов.

Почему Б. «стал таким нервным: ночи не спит»? Маленькое государство в конце концов обеспечило ему некоторое равновесие между отвлеченным и личным делом (земледельческая,

колхозная страна), но огромный СССР стоит угрозой: тут надо сидеть, и опять диафрагма начинает на сердце давить. (Во время «исследования» ответы получать только от дела, но людей об этом никогда не спрашивать. Жизнь ответит.)

Черти бывают двух порядков, одни — это индивидуалисты — эгоцентрики капит. общества, владеющие миром посредством золота, другие <*приписка:* механизаторы> общественники и законники, порабощающие человека машиной. Мой строитель должен победить всех чертей. Не всякий ли роман питается сказкой? — Пишу сказки для образованного общества: романы.

Начался кашель сухой, резкий, редкий. Вечером t 37,5 P. 84.

21 Февраля. Лежу. t 38,5 P. 84. Подозреваю воспаление легких (главное, что нет насморка, кашель, высокая темп.). Лежа сочиняю себе смерть свою и веселую могилу. Заказать Бострему: мой гроб расписать «беспредметно» разноцветными весенними пятнышками. Хоронить в землю. Музыка струнная, отличная, лучше бы всего Гимн Радости Бетховена из 9-й симф. Председатель Союза писателей (если согласится приехать) или кто-нибудь из друзей объясняет, почему Пришвин предается земле, а не огню (это нетрудно понять). После речи — Гимн Радости. А гроб забит уже дома. Лицо покойника, кроме жены и самых близких, очень немногих, никто не видел. После Гимна Радости гроб, покрытый весенними пятнышками, опускается. Перед тем как расходиться, председатель читает проект памятника, завещанный самим Пришвиным. Надпись на одной стороне: «Друзья, ложитесь рядом, веселей будет». На другой: «Здесь лежит Берендей. Закон берендеев: “Помирать собирайся, рожь сей”». На третьей стороне рассказ для детей «Говорящий грач» с его «Кашки хочешь, дурашка?». На четвертой стороне обыкновенное, кто, когда родился и умер. С похорон все уходят веселые, повторяя «веселая могила».

Когда начал Павловне рассказывать, она собралась было плакать, но только сказал «кашки хочешь, дурашка?», рассмеялась и в общем осталась весела и довольна. Попытаемся так сделать.

<*На полях:* Завещание: невозможность это сделать, потому что смерть серьезна.>

22 Февраля. Ночь всю спал. t и Р. те же. Начался сильный насморк и чох. Тот момент, когда чхнуть, всегда загадочен, и до самого этого момента обыкновенно не знаешь даже наверно, чхнешь ли еще или все «так пройдет». Перед этим моментом лицо человека бывает как будто он, ломая руки, стоит у пропасти и сам за секунду не знает, полетит ли он туда или повернется назад и опять заживет обыкновенной своей хорошей человеческой жизнью. <*Приписка:* Чох (к описанию болезни Бетала: черемша).>

Леонардо, считая живопись величайшим искусством, литературу, как искусство от слуха, а не глаза, считал ниже ее и даже часто о литераторах говорил заодно с математиками. Вот отчего и я сопротивляюсь Белому: я, исходящий в литературе исключительно от глаза, вижу в Белом «математика», это действительно математик от литературы.

<*Приписка:* «Почему я не спал, а веселей всех вас?» (Божьим делом занимался).>

Бог как единство мира и Ego как центр моей личности. Оба центра могут так близко сойтись, что Ego подменит Бога и сделается центром вселенной. Мы такого эгоцентрика узнаем по его неспособности видеть что-либо вне себя.

<*Приписка:* Когда «Я» сделается центром вселенной — этот человек ничего не видит вокруг, напротив, если «Я» располагалось в мире наравне с другими освещенными предметами — мне все видно.>

Белый мира вне себя не мог видеть (разве только посредством «кодака»), живая жизнь не могла бы ему дать тему. Вот почему он совсем ничего не понимал в текущей литературе и писал о ней нелепости. И под каким бы углом ни проходила его логика, она всегда у него остается на первом месте, ученики же его должны непременно сделаться только уродливыми рационалистами. Он сгорел «поделом».

23 Февраля. Всю ночь не спал и не мог ни о чем думать. Как только закрою глаза, сейчас же появляется Бетал Калмыков, обсуждающий в своем Совете книгу мою «Зверь Бурундук». Мучительно болела голова. Позвал доктора Савицкого. Оказался бронхит в левом легком и грипп. Еще до получения лекарства мне стало много легче. Вечером же t 36,5 Р. 80.

24 Февраля. Утром лежа состряпал книжку в 20 лист. для дешевого издания. Почувствовал весну света (Солнце и «Голубой», Лева сказал: у нашего окна поет синица брачным голосом). Заболела Павловна, как она за мной ухаживала и вот заболела той же болезнью.

Вчера мне она рассказывала, как она песням научилась. Бывало, ни одной работы без песен не проходило: зимними вечерами спать хочется, песня не дает спать. А на поле! как ведь устанешь, и не больно-то сытно, другие сало едят, у нас кой-что, и заморошная и голодная, а как хватят после работы песню, вся затрясешься и даже плясать. Как научилась! да тогда без песни и жить нельзя было. А теперь Паня, девочка той же деревни, списывает! Тогда песни сами рождались, теперь их списывают и учат. И опять будут петь, но не как народ поет, а как интеллигенция. Да, Россия умерла, но чем же я так долго живу, если она умерла?

Мне вспомнилась моя небогатая страстями, связями скромная труженицкая жизнь. И странным становится, что я теперь почему-то известный, почти знаменитый и во всяком случае богатый, какое-то воистину цыганское счастье.

Еще вспоминал свою поездку на Кавказ, когда мне было года 22—23. Как я сделался тут за переводом Бебеля марксистом. Как я мало тогда мог воспринимать от природы. Скудость образования, бедность в семейном счастье, жажда дружбы, женщины, чего-то лучшего. Как скудно... Вот бы Шкловскому открыть «секрет» Пришвина: что это самый взаправдашний рядовой марксист, каким-то чудом пересаженный из политики в искусство слова. Это единственный, быть может, пример.

Артем здоровенный мужик, очень злой. На сходках никогда не мог ничего сказать от злости, его душила злость, и от этого он не мог ничего сообразить. Сидел с налитыми кровью глазами, хотел, вскакивал и опять садился, не мог. Только единственный раз во время революции, когда каждая волость была склонна объявить себя самостоятельной республикой, Артем вдруг прорвался на собрании и с налитыми кровью глазами сказал: «Товарыщи! ни одной коровы за границу Соловьевской волости не выпущайте!» С этим все согласились, и этим началось во главе с Артемом эфемерно короткое существование Соловьевской республики.

Мне доставляет наслаждение мысль о том, что я отомстил Маршаку. Я возвращаюсь к этой мысли с чувством черкеса, уколотившего наконец-то убийцу своего брата. И в чем разница? Если я бью, ратуя за свое кровное дело, русский язык, то для черкеса охрана своей крови была не менее «кровным делом», чем у меня язык и литература. Если я бью словом, а он кинжалом? Об этом и говорить нечего.

Одним словом, если ты предан чему-нибудь, то должен за это стоять, и тут око за око. И ты должен отвергнуться от всего мира, чтобы подставить щеку другую ударившему тебя по щеке. Эти христианские заповеди столь отвлеченны, что на практике они переделались, стали непонятным пугалом для живых людей. А как ими играли либералы в борьбе с консерваторами государства! Все эти тургеневские описания смертной казни, рассчитанные на человеческие (христианские) чувства!

Добролюбова у нас теперь расшифровали как великоросса и претендента на престол. И действительно, этот здоровый мотив народной воли против гнилых основ государства проходит через всю революцию. Недаром же случались такие прорывы, как явление «селянского министра» Виктора Чернова. Параллельно государственникам христиане со своей христианской точки зрения разрушали государство (Лев Толстой). Момент сочетания в правительстве левых эсеров и большевиков был последним моментом параллельного движения этих противоположных начал. Восторжествовали государственные начала, а христианские вместе со своими социалистическими суррогатами были сметены, и вся эта русская интеллигенция в настоящее время в лице Добролюбова представляется просто беременной будущим государством.

Взять крупное имя... Из тысячи один, называя это имя, понимает его значение, остальные покоряются бессмысленно его авторитету. Так было с именем «Помазанника». Не то же ли явление происходит в движении культуры, всякое имя крупного деятеля культуры некоторое время ограждается для своей деятельности от посягательств на него со стороны толпы. Кто-то сознательно работает, связывая, обезвреживая эти бесчисленные бараньи головы. Эти люди — святые отцы всякой культуры. Таким подлинно чистым святым подвижником русской культуры был М. О. Гершензон. Помимо Столпнера, теперь к этому типу близок Шкловский. Всех этих евреев я счи-

таю более русскими — и очень, очень более! — чем сами великороссы по крови.

Государство определилось в своей необходимости и стало расти независимо от личной воли. Определившись как государство, оно перестало заманивать нас взятыми на время со стороны звездами. Государство есть необходимость и само по себе человеку никогда не может быть путеводной звездой. Мы, однако, до того со старым своим государством были не ко времени, так от этого массам скудно жилось и так еще вдобавок набралось горя от революции, что новое государство на некоторое время сойдет за звезду.

— Так вот государство и эти старые заповеди «око за око», все это живет и будет с нами жить, вероятней всего, до скончания мира. Движение состоит лишь в том, что старые ценности становятся просто органическими и бессознательными, а сознание занимается другими идеями. Так вот в жизни органической мы все живем строго по закону «око за око», но стоит взять это «око» в принцип, и получается нелепость. Старые законы, входя внутрь организма, становятся секретными отправлениями, которые в обществе даже и нельзя называть своим именем.

— Но позвольте! если в обществе неловко говорить о том, что в животе происходит, то насколько же мерзее под предлогом новых идей заниматься своим пищеварением!

25 Февраля. Встал с постели, весь день пописывал и почитывал Белого «Ветер с Кавказа».

Весна света горит всей своей красой. Весь день солнце, и в окнах такая обширность небесная.

У Павловны трудный день, t 39,1. Вечером неожиданно пьяница Лычков принес костюм и, когда я удивился, сказал: — Вот вы думали, я алкоголик, а я в рот капли вина не беру.

26 Февраля. Еще один прекраснейший день весны света. Может ли быть на свете где-нибудь так хорошо? Правдивый, [дельный] человек Катынский побывал на юге и сказал: — Хорошо! но лучше нашей природы нигде нет, у нас лучше.

Получено письмо от Андрея Александровича Насимовича из Кавказского заповедника. О весне пишет, что весна прихо-

дит сюда (800 м над ур. моря) в начале Марта и во второй половине Мая уходит выше в горы. Это один из главных мотивов кавказской природы. Вот хорошо бы найти какой-то мотив для связи Кабарды со всем Кавказом. Приехал Разумник.

26 Февраля по 3 Марта. Продолжал болеть гриппом и всю неделю с утра до ночи проговорил с Разумником.

4 Марта. Выдернул последний зуб. — А может быть, вырастут? — сказала Е. П. — Не хочу, — ответил я, — будут расти, гнить, болеть: довольно, отболели, больше не хочу.

Написать рассказ о собаке «Кащей» и рассказ о профессоре, который отказался из рук большевиков принять акад. паек. В 1918 г. один профессор с язвой в желудке отказался из рук большевиков принять академический паек. Между тем белая пшеничная мука была ему необходима, и отказ означал: «умру, а не сдамся». В то время еще большевики не возились с профессорами <*зачеркнуто:* как потом с акад. Павловым>, видно, им не до того было. Да и профессор Игнатов был далеко не то, что акад. Павлов. Отказ от пайка...

Кащей. Много я рассказывал, друзья охотники, о своих собаках удачливых и о счастье натаски их и охоты в лесах и болотах. Но я еще ни разу не рассказал вам о неудачной собаке и о том, как я с нею расстался. А ведь как надо это для правды: по правде-то настоящая собака в жизни охотника бывает одна, и жизнь собаки короткая: сколько же приходится помучиться с плохими собаками, прежде чем обретешь свою единственную. И не все же охота и радость, приходится с единственной и расставаться. Так вот однажды расстался я со своей единственной Кентой, а детей ее, Нерль и Дубца, отравили враги...

Разумник со времени «Заветов» не сказал ни одного одобрит. слова о моих вещах, написанных при сов. власти: он ревнует: Пришвина ведь он открыл. Я начинаю подозревать, что он вовсе и не понимал и не понимает, о чем я пишу. Взять, например, глухаря в «Берендеевой чаще»: это единственное описание охоты на глухаря, но ведь он же никогда не видал ни глухаря, ни клюквенной кочки, он смотрел на другое в природе и ничего не видал. Что же, должен ли я ему сделать понятным неизвестное, дать образы неведомого мира?

Может ли дойти песнь о Снегурочке коренному жителю тропиков, или надо ему приехать посмотреть на снега, а потом

идти в оперу и слушать «Снегурочку»? Или звуки сами собой должны открыть Снегурочку сидящему на месте жителю тропиков? (на Кавказе и об этом подумать).

Ответят: взять «Джунгли» Киплинга: «кто из нас видел джунгли, а понимаем». Отвечаю: «джунглей подлинных в “Джунглях” нет». С другой стороны, и что охотники понимают красоту описания моего охоты на глухаря — тоже не велик козырь в оценке вещи. Я думаю, однако, что чувство природы, которое мной передается, не всем понятно, и в том числе и Разумнику. Ему, наверно, нравятся во мне некоторые стилистические приемы, по всей вероятности, действительно в прежнее время еще более четкие, чем теперь. А до А. Белого, как говорит Раз., я и совсем не дошел. (Для слепых картины мои непонятны, для глухих неслышны мои рассказы, между тем глухие тоже...)

<*На полях:* Счастливое горе. Все люди счастливы в трех степенях: первые — те, кто родятся счастливыми, вторые — кто родился несчастным и этим несчастьем своим [как] отсутствием чего-либо другого наслаждается, третьи — это кто родился на счастье, но люди сделали его несчастным, и он счастье свое нашел в борьбе за освобождение от плена несчастья.>

«Рождение человека» (трагедия) у Разумника есть единственная тема литературы. Почему, напр., не рождение пана? Я очень боюсь, что «человек» у Разумника сливается с муками своего рождения и человека без необходимых мук он вовсе и не узнает. Как и все наши прежние народники, он по мукам только и узнает человека, втайне сладостно сливая эти муки со своими личными муками. Я очень боюсь еще, что на этом пути мученик, вмечтавшись в «человека», хватаясь за революцию как за средство «спасения», вдруг вскроется как претендент на престол, подобный «селянскому министру».

По рассказам Разумника, все его судьи находятся на низком культ. уровне, что «великих инквизиторов» вовсе нет (можно представить себе, что какой-нибудь следователь спросил: «кто выше, Рембрандт или Рафаэль?).

5 Марта. В № 2 «Наши достижения» 1936 г. статья Лежнева об очерке.

Уважаемый т. Лежнев, с точки зрения бондаря скажу о Вашей статье, что клепки много, а обручей нет и оттого бочка Ва-

шей статьи не обретает надлежащей формы. Должен, однако, признаться, что сказанное Вами о Пришвине принадлежит к числу очень немногих умных слов, сказанных о деле этого еще вовсе не раскрытого критикой писателя.

Вы совершенно правильно определили очерк Пришвина как «фактический» в отношении факта и субъективный в отношении автора, что художественное выражение факты в таких очерках получают через приближение их к личности автора. Так ясно проблема творчества Пришвина по всему, что я читал, поставлена впервые.

Читая, впервые я подумал: «Вот, кажется, начинают наконец и до меня добираться». Но именно когда Вы «подобрались» к зверю на самое близкое расстояние, то вдруг повертываетесь спиной и говорите вроде того, что Пришвин в этом единственный и раскрыть «тайну» творчества невозможно. Но ведь на то же и есть критик, чтобы раскрыть для всех то, что сказано впервые и единственным человеком.

Дальше Вы отделываетесь шуткой, будто сам Пришвин о себе говорит, будто у него выходит все само собой и что он сам себя (кокетничая с читателем) как бы и за писателя не считает. Смею уверить Вас, т. Лежнев, что Пришвин не кокетничает своим мастерством, а говорит вполне серьезно.

Дело в том, что в наше время, поучая молодых товарищей, приводят их к «мастерству» литературного дела подобно тому, как учат лет девять играть на скрипке, в балете, в живописи и т. п. Мне кажется, в отношении литературы этот путь очень вредный и напоминает мне мое далекое гимназическое время, когда многие ученики назубок знали грамматику и синтаксис, а в сочинениях делали постоянно ошибок больше, чем я, никогда не зубривший грамматики. Помню, умный учитель тогда вскрыл для учеников секрет успеха Пришвина в сочинениях: «Просто он, — сказал учитель Силецкий, — очень любит читать, отлично развивается, а грамота, это маленькое дело, ему через это дается сама».

Точно то же происходит и с писателем Пришвиным. Он своими словами, что-де не писатель, что писание у него совершается до крайности просто, хочет сказать, что самое главное для него — это жизнь, что он стремится не отстать, не захиреть, приблизить к себе, к своей собственной <u>личной</u> жизни всякие вопросы общества, природы. Пришвин хочет сказать: не уходите от себя в погоне за <*зачеркнуто:* счастьем> дальним, приближайте, напротив, все великое лично к себе, считайте ответ-

ственным за все лично себя, и тогда «мастерство» литератора вам дастся так же просто и легко, как дается грамота ученику, крепко любящему читать ежедневно великих мастеров слова.

Очень возможно, что мастерство писателя так же трудно, как живописца и музыканта, но в литературе основные процессы саморазвития так велики, что малые вопросы мастерства для настоящих писателей должны проходить нечувствительно, и выдвигать их на первый план мастерства вредно.

И Вы, т. Лежнев, так умно задевший меня своей клепкой, не сердитесь, Вы тоже страдаете грехом нашего времени и, готовя клепку, забываете о обручах. Ведь стоит только нам поближе к сердцу принять вопросы самого вина, как необходимость влить куда-то его определит клепку и обручи, продиктует хранилищу стройную и прочную форму. Даю Вам честное слово, что в простоте своей и во времена РАППа и после, читая о «мастерстве» писателя, увлекаясь иногда автором, я много раз подумывал о себе, что я ввожу своим писанием в заблуждение: до того просто мне далось мастерство.

(Переписано и отправлено в «Наши достижения».)

После сильных «сретенских» морозов сильная оттепель. Дорога побурела. Совсем весна и точно как прошлый год. Так оборвалась в общем «сиротская» зима сретенскими страшными морозами. Хватил грипп, эпидемия. Теперь опять перемена.

6 Марта. Вчера читали ясные ответы Сталина амер. журналисту.

Японские события как будто начинают открывать завесу на слабость страны.

Собираемся в Кабарду.

7 Марта. Наконец-то ночью, почти во сне догадался о причине молчания Разумника о всех моих писаниях при сов. власти. Единственным словом, которое мог бы он сказать, это: «подкоммунивает».

Неужели и я тоже как все, только с той разницей, что, указывая на «бревна» в глазах других, не хочу замечать сучка в своем? А ведь сучок в глазу талантливого значит гораздо больше, чем бревно у бездарного.

Как труднее осуществляется самокритика, это важнейшее орудие творчества: личностью, угнетенной несчастием, или же в благополучии?

Ответы Сталина — это величайшее достижение всех нас, трудящихся СССР. Пора действительно наконец чувствовать себя хозяином в родной стране, т. е. сознавать, что лучшее делается и твоими личными усилиями.

Кровь и роса. Столько убийств! и все-таки кровь в самое короткое время исчезает, как роса. И все потому, что человек этот прост, целен и совершает убийства не за себя, а по вере своей в лучшее общество. Петр I ведь тоже казнил много, и все такие казнят, и у всех сошла кровь, как роса, кроме Робеспьера. Видно, чтобы кровь обращалась в росу, кроме веры в лучшее, еще нужна и удача. Неудачливые госдеятели становятся злодеями.

Рождение пана — вот чудесная тема, которую можно противопоставить рождению человека. (Страсть к жизни: радость творчества. Творчество как процесс рождения пана.) «Рождение человека» должно означать муки человеческие при рождении пана. Между тем люди обоготворили смерть свою, отказ от жизни сделали достойнейшим чувством, украшая его «любовью к человеку» вообще и подобными добродетелями.

7 Марта. Утро-то самое весеннее с легким морозом и большим светом, лучшее утро лучшего времени весны света. Кажется, с тебя шкурка за шкуркой спадает, и от этого становится все легче и шире. Пройдет еще несколько недель, и покажется возле дорог там и тут тряпье, сбрасываемое человеком при наступлении теплого времени. Не проходит ни одной весны, чтобы, завидев такую сброшенную зимнюю одежду, я не вернулся к этому всеобщему чувству радости русского человека при сбрасывании с себя всего лишнего. Русские писатели ухитрились даже смерть представить как сбрасывание лишней одежды, бремени и через это освобождение и как бы рождение человека нового. Но это не рождение, а смерть опоэтизирована. Рождение человека должно быть рождением определенной индивидуальности с необычайно страстным инстинктом жизни.

По пути в Москву беседую с лесным инженером Ждановым о лесе и о том, что мы не видим прекрасного возле себя, что для видения прекрасного в обычном надо взрывать броню обыденности: иные для этого напиваются, другие путешествуют. — Хорошо, — сказал я, — один день в месяц поголодать. — Удивительно, — сказал Ж., — как у вас в наше время могла воз-

никнуть такая мысль: мы далеко еще не так сыты, чтобы о постах думать.

После того мы говорили о славе и неудаче: кому труднее держать верный курс жизни, прославленному или неудачнику.

<*Приписка:* Весна в Москве.> Голубые звезды вечером в Москве не показались: все небо осталось голубым и очень медленно синело. На этом новом голубом фоне в домах там и тут вспыхивали лампы с разноцветными абажурами. Детский радостный крик возле полузамерзших луж наполнял весь воздух: дети в Москве начинают весну, как в деревне воробьи, грачи и жаворонки. Я это почувствовал, затрепетал, все зимние одежды мои с тоской и гриппом свалились, и я, оказалось, уже выехал в свое весеннее путешествие, и жизнь передо мной открылась невиданная в интересных и необычайных подробностях.

<*Приписка:* Др! лед под ногами — др — со звоном вторая лужа. И я повторил этот звук, прибавляя гласные: др-а, др-я, др-и, и вышло почему-то «Дриан». — Что это он сказал? — И вышло как раз то, что мне надо было: вышло название той страны, которую буду я создавать как легенду Кабард.-Балк.>

— Дриан! — сказал я бессмысленно вслух, чтобы хоть как-нибудь хоть с воздухом поделиться своим радостным чувством. — Что он сказал? — спросила одна девочка у другой, и третья повторила: — Что он сказал? — Заметив удивление детей, я издали им крикнул: — Дриандия! — Тогда все девочки эти и мальчики с другой лужи бросились догонять меня. — Вы что-то сказали? — спросили они меня. — Да, — ответил я, — я сказал: где Малая Бронная? — Какое уныние, какое разочарование от слова Малая Бронная: мы же ведь и стояли все на этой самой обыкновенной улице Малой Бронной. — Мне кажется, — спросила одна маленькая девочка с плутовскими глазами, — вы что-то другое сказали? — Нет, — ответил я, — вот Малая Бронная, и мне надо по ней идти, до свиданья!

Они остались недовольные в кружке обсуждать эту странность. Отойдя от них, я громко крикнул: — Дриан! — и все дети с тем же криком «Дриан, Дриан!» бросились ко мне. — Что же это? — спросили они. — Это, — ответил я, — <*зачеркнуто:* воинственный крик> страна вольных сванов и кабардинцев. — А кто они? — спросили дети. — Это, — начал я рассказывать, — люди не очень большие ростом, но сильно вооруженные...

Так мы вошли под черные старые деревья Патриарших прудов. Лед под ногами трещал, большие матовые электрические

шары, как луны, восходили из-за деревьев. Закраина на пруду была покрыта тонким льдом. Одна девочка попробовала стать, лед затрещал. – Да ты с головой уйдешь! – сказал я. – С головой? – засмеялась она. – С головой, с головой! – подхватили ребята. И сейчас же бросились все на лед, прельщенные необыкновенной и смешной возможностью уйти с головой. Когда же все кончилось благополучно и никто с головой не ушел, дети вернулись ко мне и просили еще рассказать о маленьких и сильно вооруженных людях в Дриандии.

– Люди эти, – рассказывал я, – всегда держатся по двое и на салазках: один отдыхает, другой везет, и у них от этого время никогда не пропадает.

– На салазках! – восклицали дети, – значит, у них всегда зима?

– Нет, – отвечал я, – у них всегда, как у нас теперь, весна света: лед под ногами хрустит, иногда проваливается, и голубые звезды вечером не бывают: все небо у них голубое, разноцветные лампочки в окнах загораются вечером...

И я им рассказал о Дриандии то самое, что бывает постоянно в Москве. И мало-помалу довел их до того, что они увидели Синюю птицу у себя в Москве

Так в Москве дети начинают весну, как в деревне воробьи под капелями.

Так и надо для [дела]. Завтра они в Москве у себя будут устраивать свою Дриандию, а я свою Дриандию завтра поеду искать в Кабарде.

Не застав у Патриарших прудов Чувиляевых, перешел на Садовую и поднялся к Замошкину, этому удивительному человеку с вырезанной кишкой и желудком. Он признался мне, что после этой операции с желудком живет не по-прежнему: нет боли, но нет прежней радости жизни. Живет только для сына и верит, что и оттуда за ним он будет следить. Я рассказал о теме своей «Рождение пана», объяснил ему, что все русские писатели до сих пор «Рождение человека» представляли как смерть, что это не рождение, а православная опоэтизированная смерть выдается как рождение. – У них рождение чего-то общего, – сказал я, – пусть будет это даже любовь, как у Толстого, у меня же должна родиться индивидуальность. <*Приписка:* Существует у человеков сладость, наслаждение своими собственными муками, но только в том случае муки я эти принимаю, когда после них рождается на свет что-нибудь новое. «Духовный че-

ловек», говоря грубо, есть индивидуальность, т. е. какое-нибудь от всех бывших до него людей отличительное свойство, при реализации которого человек получает видимое «отличие».>

З. очень хорошо понял меня и рассказал, что в Балкарии есть один старик <*приписка:* Пачев>, который за отсутствием письменности на балкарском языке сам выдумал письменность и описал свою жизнь.

NB. Собрать крупнейшие индивидуальности и понять их явление в оправдание мук рождения: ведь индивидуальность рождается именно как нечто небывалое. Родился, и муки избыты, и в новорожденном их не видать. Так поет Офелия даже в воде. <*Приписка:* Так поет утопающая Офелия. Так Офелия, даже утопая, поет.>

8 Марта. Купили кожаное пальто. Устраивая дело с квартирой, имел небольшую неприятность. — Помните, — сказал я С[тишов]ой, — если квартиру не дадут, я из Кабарды сюда не вернусь в Москву.

Пустяк, а всю поэзию весны московской вышибло: что-то очень унизительное есть в этом домогании, в этой необходимости агрессии личной жизни, принимаемой другими как аппетит неприличнейший.

9 Марта. Ранним утром на восходе при весеннем морозце с восхищением слушал радиоконцерт на Ярославском рынке. Кроме меня, никто концерт не слушал, чуть ведь заслушаешься, и тебя в миг обворуют. Я с восхищением слушал сентиментальный романс «Letzte Rose» [1], но рынок не обращал на музыку никакого внимания, рынку музыку никогда не навязать.

Мы купили башмаки, теплое белье. Вечером в Союзе были на бездарнейшем вечере памяти Шевченко.

В советское время создалась особая покорная аудитория, как скучно ни будь, все будут терпеливо сидеть и слушать. В гостиной видел на парадном месте тот самый свой гипсовый портрет, о котором написан рассказ: «лучше в таланте жить, чем в славе парить».

10 Марта. Утром выехали в Загорск. Обедали дома. Погода переменилась: метель. Вечером заказал Ритту зубы: плохо мое дело!

[1] «Letzte Rose». — Последняя роза (*нем.*).

Письмо — что Дуничка больна. Выедем 14-го, т. е. 1-го старого Марта, в день ее именин. Поезд уходит в 11 в., значит, утром я буду на родной широте возле Ельца, а вечером где-то за Харьковом, значит, с утра до вечера исчезнет весь великий снег этой зимы, мы увидим в тот же день всю весну воды, встретим грачей, жаворонков.

11 Марта. От Разумника письмо, что не устроился и возвращается в Саратов. Денежные отношения портят человеческие отношения теми побочными мыслями, которые гонишь от себя, и они, конечно, уходят, но оставляют после себя нечистое место своего пребывания. Я потому и не ставлю себе в заслугу денежную помощь, что не с любовью это делаю, а холодно и с одумкой, как будто даже и не по своей воле даю, а у меня насильно берут. Да, решительно, по слабости даю, а не от сердца. И забываю не потому, что «левая рука не знает», а что нет действительно ничего в этом хорошего и хочется поскорее забыть.

В Москве на ходу перечитал «Гамлета» с упоением. От Гамлета, вероятно, и начинаются все Фаусты и демоны индивидуализма, мировая скорбь и все такое... В муках творчества, в столкновении добра и зла, поэзия в безумном лепете Офелии: поет и утопая. Читая эту библию искусства, Шекспира, считал себя счастливым обладателем такого сокровища. Но главное мое счастье, конечно, в том, что и без книги сам могу читать жизнь, как книгу...

<*На полях:* Шекспир — вот родина индивидуальности. И, конечно, изображая американских жителей при сравнении с безликой необходимостью, надо иметь в виду Шекспира и рождение настоящей индивидуальности.

«Первый глаз» — это глаз пана, в Христе — принцип и конец «1-му глазу»: тут уже умственность, принципиальность и пропуск жизни.>

Вечером приходил Бострем, приглашал меня признать и отдаться «да будет воля Твоя». Я же ему на это сказал, что, по народным поверьям, если найдешь крестик лицом к тебе, то надо ждать, и Христос сам придет, если же изнанкой, то надо искать. Он нашел крест изнанкой, я лицом. Рассказал ему в пример, как в Ельце во время Мамонтова отказался надеть на себя для защиты своей жизни крест и как за это был счастлив. И еще

рассказал, какое бремя профессии, нужды нес я, пока не добился свободы в искусстве слова. Напротив, он жил барином, объелся свободой и теперь должен регулировать жизнь свою огромным балластом. И правда, можно ли сравнить жизнь самого строгого монаха с жизнью художника, обреченного писать вождей с утра до ночи для пропитания трех истерических нетрудоспособных женщин, из которых одна с утра до ночи в 40 своих лет учит на рояле.

NB. Вот в чем оправдание варварства — это раз, и второе: вот почему христ. ценности, пущенные в народ церковью, переделываются в языческие. Вот где оправдание революции и в революции оправдание...

После обсуждения с Павловной она сказала мне: — Никаких нет на тебе грехов, ты мне одной грешен, да и то я прощу.

Грешен же, как она думает, я в том, что не сделал ее образованной. Она забывает, что...

12 Марта. Дни серые, дорога бурая преет, поутру градус мороза, днем полградуса тепла.

Ставский — это ком-поп, и много таких. До тех пор, видимо, не будет настоящей литературы, пока не переведутся такие попы.

Послал «пенсию» 500 р., написав, что это до 1-го Августа, а там спишемся (Детское Село, Ляминская, 4 а $^1/_2$ Апр., а дальше: Саратов, Чер. 138).

Когда в новый дом переедешь, то надо захватить своего петуха: когда свой петух закричит, то и дом будет свой и тебе станет на новом месте как «дома».

<*На полях:* Подданный делает лицо вождя по своему образу, но вождь стремится обезличить своего подданного.>

Заменимые части механизма и незаменимые органы. Молодежь интересуется заменимыми частями, и желанный мир для них – это управляемый аппарат (они тешатся властью). Старый человек, (собираясь), начинает ценить незаменимые части (в том числе свою юность), и оттого он консерватор.

(Рассказ «Консерватор»: доктор спас глаз рабочему, тот сжал кулаки на московских врачей, а старик успокоил его: они молодые — им так и надо, а мы старики — мы консерваторы.)

Диффузия. За 17 лет у нас с большевиками происходила диффузия: мы от них брали готовность к движению, они от нас культурность, им казалось, что они хозяева, мы их подчиненные, нам казалось, что в конце концов мы их ведем. А кто стоял в стороне, тот превращался в старую деву. <*Зачеркнуто:* Разумник Вас. теперь — это непорочная старая дева.>

Одиночество плодотворно, если оно направлено к миру всего мира, но не от испуга происходит, гордости, слабости и т. п.

<*На полях:* диффузия... право на одиночество>

<*На полях:* Принимая лицо свое от подданных, вождь их отдельные лица стремится стереть и таким образом сделать их послушными, т. е. явление вождя есть процесс рождения...>

Подданные создают лицо своего вождя по образу своему и подобию, вкладывая в лицо это самые свои желанные черты. Напротив, вождь стремится стереть лицо своих подданных, чтобы легче управлять, чтобы в общем для всех законе нельзя было отличить того от другого. Это легко увидеть теперь в тайной борьбе художников с партийцами, претендующими на руководство литературой. В этом теперь вся суть литературной беды: претензия власти прощупала дно и смущена: штык прошел сквозь, и нет ничего! Чуднее всего, что они же и сами хотят быть литераторами...

Начало греха власти человека над человеком, войн и всех бедствий бывает, когда именной личный человек превращается в вообще-человека и этот отвлеченный «человек» собирает в себя силу, посредством которой и осуществляется власть одного над другим («И человека человек послал к анчару властным взглядом»). В этом отношении определяется направление деятельности множества людей (каждый маленький ум в этом процессе начинает понимать себя большим, конечно, за счет другого: «умные» люди живут чужим умом). Другая деятельность, противоположная, выискивает в природе лица как самостоятельные творческие единицы и дает им имена.

<*На полях:* Это и есть сила организации, извлекаемая человеком власти на помощь себе из земли, из самости, из «силы вещей»: человек делается не-сам, зато вождь Сам в абсолюте, незаменим, неповторим.>

<*На полях:* Связать с 35-м и вспомнить о том, что крестьянство же наше, как [принуждали] и всякий терял в новое время лицо, и об этом плач. Новый человек, значит, новое лицо, и в основе лица, конечно, что он сам.>

13 Марта. Петю и Паню направил с вещами в Москву на Курск. вокзал. Сам окончательно уложился и во всем сговорился с Павловной. Итак, в Кабарде мы пробудем месяца два (14 Марта — 1 Июня) с половиной. Мы будем искать место оседлости с тем, чтобы летом собраться и на осень переехать вместе с Павловной. За лето же надо устроить и московск. квартиру. Хорошо бы за весну сделать следующее: завязаться в Кабарде и пролетом побывать в Сванетии, в Заказнике, в Сухуме (Абхазии). Но можно и все время посвятить Кабарде с тем, чтобы осенью узнать весь Кавказ.

Москва — Прохладная — 1948 килом.

14 (1 Марта). 6 утра. Последняя запись в Загорске. Тоска бывает разная, бывает молодая (творческая), бывает старая, безнадежная. Чеховские рассказы замечательные «Весна» (писатель неудавшийся), «Тоска» (извозчик), «Мечты» (бродяга) и друг.: это безвыходная тоска слабого человека перед неизбежной слепой судьбой, человека становится жалко.

Как понимают мои рассказы, напр., о глухаре, люди, никогда не видавшие глухариного леса, городские? По-видимому, инстинкт природы в городе замирает, но не умирает: как в лесу у осин спящие почки... Возможно, что люди в городе с атрофированным чувством природы только маскируют условиями жизни города свою утрату чувства природы: оно может утратиться, как и всякое чувство, от самых разнообразных причин.

Туман. Все киснет. Снег, оседая, грязнеет, но до воды еще далеко. Лесные речки отделяются от снега аквамариновым цветом.

Приходил Бострем, рассказывал о своем аде. Отец его был редчайшей доброты человек (из помещиков богатых изредка бывали такие, из писателей и художников таких не выходит). Б. один из тех немногих людей, которые свой личный мир держат при себе и в дело из него у них не переходит. И странно, что те, кто из этого своего личного мира умеют создать нечто прекрасное и полезное для людей, напр., Фаворский, притом при высоких личных, семейных и др. качествах, не дают того

высокого и желанного типа, как эти блаженные (сюда же Коноплянцев, Алексей Денисов, Дедок, Платон Каратаев и др.). Этому блаженному типу посвящены лучшие вещи русск. литературы. И вот почему из всех новейших попыток создать тип деятельный до сих пор ничего не выходит. Надо искать его вне русского народа и внутри себя (в писании лучшее от тебя уходит в книгу, — так точно у других в дело, у физика Реомюра в термометр, и вместо человека термометр Реомюр <*зачеркнуто:* вместо Горького-человека Горький-учреждение>).

Мы выехали в 11.30. Лева нас проводил.

15 Марта. На рассвете, открывая вентилятор вверху купе, Петя нечто услыхал и, подумав немного, с величайшим волнением воскликнул: — Кажется, это грачи кричат. — Мы открыли шторку и на деревьях какой-то маленькой станции увидали грачей. Между тем отъехали мы от Москвы всего только 280 верст. Поля же тут были закрыты всем тяжелым слоем зимнего снега, обледенелого сверху при последней большой оттепели и утренниках. К Орлу появились проталинки, и грачей было все больше и больше. За Орлом было грачей великое множество, и стало понятным, что те слышанные нами утром через вентилятор грачи были только передовые, разведчики.

Почти каждый час нашего движения на юг сопровождался переменой в отношении черного к белому в «сорочьем царстве». Снег держался только на парах и жнивьях, вспаханные же с осени черноземные поля почти вовсе освободились от снега. Природа была такая, что будь так дома, мы пошли бы вечером на тягу вальдшнепов. Но у нас ведь еще месяц до тяги! И причина этому была, кажется, не так в широте, как в лесах нашего подмосковного края.

Мороз довольно сильный, виднелись весенние озера и реки, схваченные морозом и остановленные. Только уже за Курском мы увидели весну воды в полной силе, а черная сырая земля ждала семени, и черные скворцы, едва заметные, как мыши бегали, искали себе свою пищу. Остатки белые исчезающего сорочьего царства Петя назвал неликвидированным остатком классового врага.

Что же это такое? Ведь дома мы целый месяц ждем весны воды, радуемся при хорошем солнечном таянии, горюем при возвратных морозах, нежданных весенних метелях. Мало-помалу в горе и радости мы так сживаемся с природой, что весна

становится как бы плодом наших собственных усилий. Тут же мы заплатили за купе по 140 р. от Москвы до Нальчика и сидим, как в кино: весна делается быстро — в один день вся весна! — и без малейших наших усилий.

<*На полях:* Пачев из Нартан. Все, что делается без личных усилий — не...>

16 Марта. Погода пришлась на беду нашу холодная, ветреная. Необъятные степи и возле ни одного человека, как бывало в 3-м классе, — не у кого спросить, как живется на этой земле. Степь. Земля, где человек утром встанет, подойдет к спокойной речке, моется и видит, как за несколько верст тоже вышел человек из беленькой хаты, тоже подошел к речке мыться и тоже, наверно, заметил соседа за несколько верст. Вставая рано вместе с этим воображаемым человеком, слушая с ним перепелов, оглядывая пшеницу до горизонта, я уводил этого своего товарища в северный лес и показывал ему светлые и темные рады, кокори, поросшие мохом, черные речки, заваленные ими же и подмытыми деревьями.

Далеко еще не доезжая до Ростова мы обратили внимание на то, что балочки, пересекающие степь, здесь поросли тростниками, — чего раньше нигде не замечалось. Потом мы поехали берегом моря (после Таганрога) и, несмотря на туман, видели в море рыбаков, стоящих довольно далеко от берега и не выше [колен] в воде. Завернув от моря в сторону, мы попали на берег не то реки, не то лагуны и поехали этим берегом. Видели тут множество уток. Когда травянистый берег становился высоким, то на нем непременно были домики рыбаков. И так мы ехали, ехали, и вдруг эта «лагуна» оказалась притоком и превратилась в Дон, и показался большой город Ростов-на-Дону.

До вечера ничего не видели особенного, степь и степь, еще неживая <*приписка:* мы подъезжали к местам, где весна...>. Ночь прошла в сборах и тревоге не проспать.

<*На полях:* Поиграли горы и скрылись.>

17 Марта. На ст. Прохладной <*приписка:* нерусск.> старик схватил чемоданы и бросился бежать, едва поспевали за ним в кутерьме восточных людей. Милиционер, однако, был русский и отдавал приказания на чисто русском языке. Нас ожидала машина от Бетала <*приписка:* выслали за нами из Кабарды>.

Ехали в темноте, сначала молодыми дубовыми лесами, потом кукурузными полями. Время от времени на дорогу выбегали зайцы. Шофер говорил, что часто и лисицы выбегают, их множество. Но бывает, и кабаны быстро перебегают дорогу, бывает, во время таких перебежек машина врежется в кабана. По дороге стало рассветать, но в Нальчике был туман.

Приехали в гостиницу, очень чистую. Окно нашего номера против огромного молодого парка, переходящего в дачный поселок. Дальше полукругом (Нальчик значит «подковка») должны бы стоять северные склоны больш. Кавказского хребта, но теперь был туман, и ничего не было видно.

Когда выспались, то пришел небольшого роста, вежливый с нервным лицом молодой человек от Бетала <*приписка:* его секретарь в Обкоме (Дмитриев)> приветствовал, извинялся, что нас поместили в гостинице, а не на даче: там на дачах везде ремонт. Вслед за ним пришел маленький человек с глазами луня, оказалось, Культпроб, т. е. министр народного просвещ. Кабард.-Балк., Михаил Иванович Звонцов. Он тоже приветствовал от Бетала, тоже извинялся за хороший номер, а другой стушевался, сжимая что-то в руках, и был очень похож на одного из героев «Ревизора», робеющего предложить Хлестакову взятку. — Что это у вас в руке? — спросил я <*зачеркнуто:* точь-в-точь как Хлестаков>. Оказалось, это были боны для пользования обедами в ресторане. Меня навело это на мысль о происхождении Хлестакова с внутренней стороны: как он откалывался от самого Гоголя. И я тоже, как сказочник и литератор в Кабарде — разве тоже в своем роде не Хлестаков? И мне даже мелькает впереди «Хлестаков» как этап поражения в моей попытке отобрать Кабарду у Бетала.

М. И. Звонцов рассказывал много интересного. О связи Кабарды со Сванетией: через Балкары гоняют стада в Сванетию. Предполагается на самолете перебросить в Сванетию английских свиней. Возражение: не в свиньях дело, а в соответствующем корме <*приписка:* (уходе) (сказал Бетал после)>.

Снегу в эту зиму почти не было, да его и вообще здесь мало бывает. «Когда начнется весна?» — «Когда будет тепло» (это значит, что начнется вдруг лето и все пройдет без весны, как в Крыму).

Дикие кабаны возле Прохладной оплодотворили белых англ. свиней, получились метисы.

Поросят диких можно ловить: свинья убежит, а поросята к человеку подбегают <*зачеркнуто:* любят человека>.

Альпийские барашки. Свинина дикая очень вкусна, но барашек вкуснее: это ведь не тот русский барашек, а барашек с альпийских лугов так же далек от здешних, как эти от русских.

Национальной расприи отталкивания будто бы не существует, но почему-то русские не смешиваются с кабардинцами.

В мечетях старики-магометане теперь вот как отплясывают! так окончилась религия, но свинину все равно не едят, и оттого нигде нет столько диких свиней, как в Кабарде.

Туман здесь, грязное небо, как в Москве, а в горах солнце.

Всего 50 килом. разделяют... Забор разделяет северный склон от южного: южный склон разогревается, к нему пары от моря. Но и здесь, на северном склоне, есть южные склоны, где на лыжах по снегу можно ходить голому, солнце греет, и снег не тает.

Голубые озера (лес хорош, чинаровый).

Чегемский водопад в замерзшем виде.

Саид Хаджиев и Юсуп Тилов — альпинисты, живут под Эльбрусом.

Кукуруза — основная культура (Спиртовый завод).

На улицах все не по-нашему: вот нагруженный осел шагает, а возле него идут пять человек в шапках широких, основанием конуса вверх с разноцветными донышками, худая стремительная женщина, горец с портфелем вместо кинжала.

Вечером у Бетала. Зал заседаний. Трапеция. Стол. Двусп. кровать. Шкаф с книгами (словарь Брокгауз <*приписка:* Сов. энциклопедия>). Антонов. Осетинский секретарь. Черный у двери. Краткие разговоры: того-то... убрать, согласен, но молодого секретаря ломать нельзя: сломаете вначале, кем же он дальше будет? Об интеллигенции: — Часть убежала, другая часть — мы ошиблись... Появление Люля. (Шайка охотников: Люль, Тагир, Харды, Аграиль, Гергов, Романов, Камбулат).

Кабаны полям не вредят: в этом лесу много груш, яблок, орехов: все мелкие орехи остаются в лесу.

«Богоборчество» (рассказ Бетала): Люль обхватил руками и не пускает: бороться. Ребро. (Ангел ногу повредил Иакову.) Люль сослан на автомобиль. (Определилось подданство.)

Борьба с медведем: прижал к скале, когда впустил, кинжал — рукоятка оторвалась: катились километр; слуга сидит наверху и плачет. Когти подрезали, иначе нельзя было вытянуть. (Определился человек.)

Наверху сидит товарищ и плачет (не может допустить, чтобы, пролетев в пропасть с медведем, мог остаться живым). После того две недели лежал у костра, и товарищ (Люль?) его перевертывал.

Заснул в ожидании. Сидят волки полукругом и воют: 18 штук. Стрелять невыгодно, осторожно пошел. По следу Люля — нет Люля: волки съели? Пришел к дороге, а он у машины <*приписка:* (своим следом)> (ушел, замерз).

Мы хохотали. Метил в висок, попал в шею. Думал — упал мертвый, а он вдруг из-под горы и из пятерых выбрал его. Чужое ружье, не вспомнил передвинуть. Удар по ноге. Поехал: щетина. Упал. Криком прогнали и стали хохотать. И другой раз ночью вспомнишь и тихонько начнешь смеяться, больше, больше, и жена проснется: — Что с тобой?

Кабан опасней медведя, после тигра самый опасный зверь. Кабан, если свалил сам, то изрубит до конца, а с медведем можно еще и побороться.

Перед вечером у Бетала мы гуляли в парке по берегу р. Нальчик. Слышали певчего дрозда, кулика, видели двух вальдшнепов. Узнали потом, что вальдшнепы появились дня три тому назад и бывают здесь месяц. Так и выходит по расчету: через месяц у нас начинается тяга, значит — это последние здешние вальдшнепы тогда доходят до нас. Еще рассказывали нам, что во время осеннего пролета перепелов в Нальчике коты выходят к телеграфным столбам и хватают убивающихся о проволоку перепелов. Так охотники и узнают о перелете: если коты вышли на улицу, это значит, начался великий пролет перепелов.

18 Марта. Сегодня горы открылись, вся заключающая Нальчик подкова хотя и не сразу вся, но в разное время была видна. Так играли с нами горы, то открываясь, то закрываясь до обеда, и после до вечера вовсе закрылись. Наверно, высокие горы со снежными вершинами и никогда не стоят, навязываясь, перед глазами. Вот почему они никогда не надоедают, и так держатся тоже большие люди, вечно играя, часто смущая туманами рядовых людей.

<*На полях:* Снимки гор с облаками. Как открывались горы: лес за лесом одна гора, — облако курилось; задняя цепь, а еще дальше высоко: тоже цепь? Нет, это черные плотные облака снялись с гор, поднялись над ними,

и когда горы опять закрылись белым-белым облаком, то те черные колпачки висели: это снимки гор. Зубчик черный, как человек наверху. Дымок над горой.>

<*Приписка:* На этом построить: что из тумана постепенно выходили все 5 хребтов: лесной, пастбищный, скалистый, боковой и главный.>

Мы гуляли в парке к дачам без пальто, но в фуфайках. Было одновременно и жарко и холодно, жарко от солнца, холодно от воздуха, обнимающего тело с теневой стороны. Вся городская молодежь от низших школ и до высших сошлась на субботник по уборке огромного парка. Раз не было снега (всего лежал зимой недели две), то нет и подснежников и никаких этих наших первых цветов, столь удивительных у нас на весенней рыжей земле. Здесь от солнечных лучей первые зазеленели какие-то паразиты на грушах, похожие формой на ведьмины метлы на наших березах.

Дачи, оказалось, были все распределены между разными учреждениями, и частно устроиться на даче, тем более купить для себя и жить — невозможно. Так устроиться можно только в ауле или деревне. Это моя старинная <*зачеркнуто:* мания> радость — воображать себя собственником заманчивого места, купить-то не купишь, а хоть потешишься этим, представляя себе новый строй жизни, определяемый внедрением в новый край. Надо бы давно выбросить из себя этого хозяйчика и чувствовать себя, вот как, напр. <*зачеркнуто:* Бухарин>, всюду хозяином в советской земле. Хорошо бы, но где граница между воображаемым хозяином и конкретным хозяйчиком, только не своей земли, а хозяйчиком личных аппетитов на советской земле?

<*Приписка:* Легкие люди и вопрос: кто больше видит, кто едет на машине или кто пешком идет? Это одна из тем: добыть дом, т. е. касаться жизни непосредственно, а не из гостиницы.>

<*На полях:* Еще было: выпустил 5 пуль, а с места сойти не хотел: все смотрят: неловко, что от кабана убежал. Бетал за дерево. Выпустил пятую пулю, кабан остановился живой и стоя помер.
Бетал — грипп — черемша: травой лечится, как зверь.
Речь Люля: магнит и дермант.
Моя заключительная речь.>

Переживаю сильнейшее впечатление вчерашнего вечера: это надменное в отношении интеллигенции и циничное «мы ошиблись» (т. е. уничтожили). Это кровавая месть, трансформированная в классовую ненависть? А когда представишь на другой стороне «разумников» и холостеющий мир, жаль становится Люля с его синими жилами и атамана Бетала, способного катиться в обнимку с медведем километр по отвесной скале. Люль называет «магнит» — силу радости жизни, а «дермант» — здоровье: каждый человек должен знать магнит и как сохранить дермант.

19 Марта. Вечером вчера был дождь и утром сегодня тоже идет. Дождь весенний, в парке поют зяблики. Слышал, кто-то сказал: «На машине ехать нельзя, сами видите: дождь». По-видимому, здесь нет шоссе и в дождь машины буксуют. После обеда повалил мокрыми хлопьями снег до вечера. Безвыходно сидел дома. Приходил фольклорист исслед. института Та́лпа Михаил Евгеньевич тел. 1.25 (Науч. исслед. инст. и Союз писателей), Налоев, Романов и Звонцов.

Последствие гриппа: стесненность дыхания и дряблость такая, что просто хоть садись на поезд и уезжай назад.

Сравниваю между собой тип Люля и Алексея Денисова, тоже видел сегодня в ресторане массивного хохла, ничем не возмутимого, и при одном слове вспыхивающего кабардинца, вспомнились тоже французы и немцы.

Спросил Петю, знакома ли ему вообще тоска, и он сказал, что тоска ему знакома с 11 лет. — А мне, — говорю, — только в 29. — Значит, ты до тех пор летел? — спросил он. И я ответил: — Я до тех пор был очень веселый человек.

Петя ходил в Обком к Звонцову, и тот ему сказал, что через час к нам придет председат. Союза писателей Налоев и собиратель фольклора, а ехать никуда нельзя, дождь: «Разве в горы, там лучше, но... нет, тоже не советую». Курьезно, рассказывал Петя, было превращение маленькой птицы в орла. Очевидно, мы сами еще не сознаем, на какой высоте мы парим. (Для Хлестакова тоже его положение возникло само собой.)

План беседы с Налоевым и фольклористом.

20 Марта. Горы, горы! два месяца я буду смотреть на вас с этого места, и каждый день по-разному вы будете играть мною, часто определяя на весь день мое настроение.

Вчера шлепал с обеда до вечера мокрый снег — снежинки в кулак! и с утра до вечера не видно было гор ни на одно мгновенье. Сегодня утром перед окном земля белая поднимается к небесам. На лесах туман рассек все черное белой полосой и оставил вверху черные зубчики леса, пилой своей пересекающие бок ближайшей горы (Дых-Тау) с вечным снегом, закрывающей еще <*зачеркнуто:* более> высокий Эльбрус.

Да, так и у гор, как у людей, очень часто небольшие закрывают собой высочайшие, и надо сделать лично большое усилие, лично совершить трудный путь, чтобы увидать вершины во всей их свободной и ничем не заслоненной красоте.

Лес на облаке: черная роща посреди белых гор. Полосы черные обвалов снежных, как будто ребятишки на лыжах, на санках катались и протерли.

Бетал не может стрелять на засидках, когда звери выходят: в особенности лисицы: до того красиво.

Зайцы на грушевого паразита.

Кабаны в городе: 11 человек посекли. Ночью разгуливали по полям, рассвет застал, их стронули, они бросились к своим местам и по пути 11 человек «посекли». Один вбежал в город, во двор, милиц. застрелил.

Б. на трибуне краснеет, когда его восхваляют, и от аплодисментов отмахивается рукой, как будто мухи ему мешают.

Вчерашние записи: Фольклор у кабардинцев — эпос, у балкар — лирика (Та́лпа).

Кабардинцы были всегда передовым народом Сев. Кавказа <*приписка:* и в то же время у них не было письменности: все неграмотные и передовые!>

Рассказ Романова о засидках на кабанов, сделали для Бухарина, исходя из басни Крылова: что свинья не может взглянуть вверх и увидеть желудей на дубу — для Бухарина сделали высокое место, и там Б. сел с женой (известно, что Б. на охоту всегда ездит с женой). Когда свиньи, приученные подкормкой, пришли на место, то прежде чем приняться за еду, все разом взглянули высоко вверх и, заметив Бухарина, бросились со всех ног.

Засидки. — Меня, — сказал Романов, — сами же свиньи натолкнули на мысль, как устроить засидки. Раз я увидел, что свиньи подрылись под стог и там лежат, чешутся, отдыхают.

Тогда мы сделали шалаш в виде стога, и теперь можно сидеть в шалаше и наблюдать свиней в пяти шагах.

Храбрость доктора Мандрыги (Петра Васильевича). М. был посажен возле дерева (сажают всегда впереди дерева, и человек для кабана сливается с корой, и он принимает человека за одно с деревом; если же сзади стать, то человек, следя за кабаном, непременно будет маячить зверю). М., увидев кабанов, в одно мгновенье выпустил всю обойму, и один раненый кабан бросился и, забежав почему-то сзади, остановился перед самым деревом, за которым сидел М. И., постояв, пронесся дальше.

<*На полях:* Бетал прекрасный наездник: лошадь оскользнулась, полетела с кручи, он оставался сидеть на ней и оглядывался кругом и увидел куст, за который ухватился: лошадь разбилась, а он выбрался.>

Паразиты растущие на грушах (дикие груши, полежав, станов. очень вкусными, а яблоки дикие кислы), являются лучшей приманкой на зайцев (и, кажется, для коз). Узнать местное название.

Пролет вальдшнепов начался несколько дней тому назад и пока еще не велик.

Разговор с Та́лпой о моей теме был такой. Я: — Вы знаете? в последнее время я начинаю понимать русскую литературу точно так же, как панихиду: прекрасней панихиды, похорон человека нет ничего в православной церкви, так точно в русской литературе под предлогом рождения духовного человека изображается смерть физического человека: «Хозяин и Работник», Платон Каратаев, бесчисленные чеховские и другие рассказы. Мне же хотелось бы изобразить рождение физического человека, живой творческой индивидуальности, вот как Бетал, как... — Понимаю! — сказал Та́лпа, — вы здесь найдете себе безграничные материалы.

<*На полях:* Б. в революцию 1905 г. был, как революционер, при восстании пастухов: какой-то князь отобрал пастбище и обложил платой... Отец и брат расстреляны в 18—19 гг.>

Снег лежал сегодня только в ранние утренние часы, потом он быстро сошел, но и горы скоро закрылись. Я вышел в парк, всюду пели зяблики, и все было точно как у нас в Апреле. Встретился Арсений Авраамов, и я зазвал его к себе. Вот человек с гениальной мыслью по теории музыки, он заключил до-

говор с Кабардой-Балк. на изучение фольклора и ничем не может доказать и показать ход своей работы. Калмыкова, дама-патронесса, окруженная музыкантами и художниками, умеющими показать свое искусство, не может тоже убедиться в полезности Авраамова, и он, имея восемь чел. детей, весь облезлый <*приписка:* (кабанья шерсть)>, не может достать себе квартиру.

<*На полях:* NB. Пусть это будет первая попытка уйти от гостиницы и начало изображения своего плена.>

<*На полях:* Просто обидно: поди изучи хозяйство, историю, народ, вождей, природу, а он услышал балкарскую песенку в каменной сакле у Голубых озер, еще раз сел отдохнуть — едет из гор всадник в бурке, старый человек едет на ишаке: ему скучно, он и поет. Арсений записал эту песенку, дочка на скрипке сыграла, и вот тут вся Балкария. И Кабарда. Искусство всегда Моцарт: ни за что ни про что! И вечно будет Сальери.>

Первая охота. Орех цветет! а синички-гаечки у них с белой лысинкой.

Колючие кустарники. Липкая грязь. Щелочная вода. Дрозды пели, как у нас. Крикнул фазан. Смерклось сразу: сделали несколько десятков шагов, и стало тепло. Вечером пробовали пойти на тягу. <*Приписка:* Фазан крикнул.> Встречается лесник кабардинец с красным носом. Объясняемся: — Мне Б. Калмыков разрешил. — Озов у нас начальник, все идут к Озову, и Буденный был у нас — тоже к Озову. — А Ворошилов? — И Ворошилов к Озову, все к Озову. — А Калмыков? — Чуть подумал и ответил: — Калмыкову не надо, Калмыков может сам везде ходить. — А другому Калмыков может разрешить? — Другому нет. Сам может, другой должен к Озову.

После того сторож прошел несколько с нами по обратному пути, поднялся на пригорок, откуда мы были видны, и мы пошли домой, а он с горы нас провожал глазами.

21 Марта. Ночью дождь и утром тоже, прямой мокрый снег. Говорят, что все до сих пор было сухо и дождь для посева — драгоценная погода.

Вчера у речки видели скромный памятник расстрелянным революционерам в 18—19 г., среди них были отец и брат Калмыкова.

Мысль о нынешнем кабардинском вожде уводит в далекие патриархальные времена национальных героев. Трудно себе представить Калмыкова без охоты и вообще без охоты образование кабард. вождя: охота, война и революция в едином сродстве. Охота при этом является как бы средством охраны в человеке ребенка <приписка: лицо Бетала – лицо ребенка: засмеется и заплачет>, необходимого для возможности внутренней спайки противоречивых элементов психики вождя: жестокости и милости.

В этом, между прочим, и заключается противоположность народа и русской «интеллигенции»: наши разумники столкновение, необходимость симбиоза любви и убийства в одной душе разрешают разумно в пользу любви: жизнь, однако, разбивает ненадежные скрепы разумной любви, и революция является смертью интеллигенции.

С другой стороны, возникают национ. единства в лице Муссолини, Гитлера (японский фашизм на носу), в нашем «кровосмесительстве» тоже начинают <*зачеркнуто:* кристаллизоваться> уплотняться национ. туманности Великороссии, Украины и т. п. (в кабаньих угодьях сторожа все кабардинцы, но на вокзале в Прохладной милиционер русский). Сов. Союз теперь только что не говорит вслух: «нам надо делать то же, создавать кровное объединение людей, кровные группировки, объединенные общей универсальной идеей братства народов в интернационале».

Невозможно, наверно, мне, русскому, без какого-нибудь особенного покровительства Бетала частным порядком купить или выстроить дом для себя. Одна из тем. Надо в Кабарде натурализоваться приблизительно как это сделал Герцен в Швейцарии: примкнуть к какому-нибудь колхозу, учреждению, определиться деятельностью, значимостью, а жилище и проч. так дадут. Между прочим, этот способ внедрения порождает столько же фальшивых существ, как и капит. способ посредством частн. собств. <*приписка:* (тип странствующего хозяина сов. земли: напр., Бухарин)> (при изучении машины это же самое было в лице Павлика, любящего свое дело шоферское и Озолапина со «своей машинкой»: разрешилось в высшую ценность «своей машинки» на фоне общественного дела).

Весь день до ночи валил снег. Получили на имя Б. Калмыкова от Е. П. портянки. Перешли на свое иждивение (кстати, ведь и боны кончились, думаю и за номер платить из принци-

па: «не пей из колодца»). Романов не пришел, Та́лпа не пришел, позвонился в Иссл. институт, погрозил. Пришли Та́лпа, Налоев и «прокурор». Читал «прокурор» роман. Ужинали с Налоевым и прокурором. Подвинулся вопрос о жилище.

22 Марта. Ночью был морозик со звездами, и утром впервые горы показались без игры и во всей правде. Открылись цепи, намекающие на перевал, показались горы, как белые палатки с плотными синими тенями, и чего-чего только там не было, на что только не думаешь.

Только глядя на горы, больше не думаешь ни о чем, а ласкаешь себя, и в этой нежной ласке души вполне уже ни о чем не думаешь. Если же проснется мысль, то горы от мысли исчезают, как от тумана, глядишь и не видишь. Так я сегодня забылся, но кучевые облака показались из-за гор, легкие дымки поползли по склонам, закурились вершины, и началась игра...

Мы прожили уже пять дней против гор, и нам разве только чуть-чуть они стали намеком понятны. Но жизнь будет идти, и горы все больше и больше нам будут понятными. Так точно и все другое, начиная с самого маленького, хотя бы об охоте, о домике и др. Вчера из спора Налоева с «прокурором» выяснилось, что охота на кабанов и фазанов запрещена по всей области и большая часть угодий в запретниках. Непонятно было приглашение Калмыковым на охоту и не хотелось принимать милости от НКВД. Но туман рассеялся, и открылся иной кругозор: оказалось, Балкария не в таких ладах с Кабардой, как говорили, на жизнь Бетала был заговор и проч... Оказалось, в области вообще из-за этого очень немногим разрешено иметь оружие и охотиться. И когда оказывается, что охотничья общественность в этих исключительных условиях и не может существовать, то опять принимаешь возможность пользоваться «милостью» области. То же и с домом: оказалось, много домов в Нальчике остается от выжимаемых людей (кулаков), что купить легко дом в 4—6 комнат за 5—7 тыс. руб. И когда все решено, Налоев шепчет: вы об этом поговорите с Беталом. Это значит, что опять-таки устроить можно через «милость».

<*На полях:* Попетушишься — а вдруг открылся другой кругозор, и сам себе становишься очень смешным. Это годится к тому месту, где сам делаешься как художник маленьким и Бетал растет в Обкоме, и тоже сюда к вопросу об охоте.>

Весь Кавказ. Ветер сильный дует с Черного моря, и к нам из-за гор наплывают оттуда облака, мало-помалу образуя небо кучевых облаков, и даже видно, как от каждой почти вершины протягивается к общему небу столбик. Но ветер и небо уносит, и новорожденные облака с гор не могут одолеть синеву.

<*На полях:* Солнце восходит со степи из Кабарды, и горная Балкария расцветает в лучах Кабарды. Белый свет, белый день и белые горы в славе.>

Вершина горит на солнце, и облака тянутся к ней, на самой вершине, наверно, от обвала осталось черное пятно, и это совсем как будто наверху человек стоит. Я вспомнил Бетала, как вокруг него все тянется вверх, чтобы попасть к нему. Даже мелочь какая-нибудь вроде машины или квартиры, и то никто ничего не ответит прямо от себя, а посоветует: «об этом вам надо поговорить с Беталом». И даже если решится сам за свой страх что-нибудь сделать, то непременно про себя трижды представит, как в этом случае поступит Бетал. По-видимому, на этом и построена система управления этой маленькой страной: Б. до всего доходит сам, и мимо за спиной у него ничего не пройдет.

Ветер сильный и очень холодный. Облака с Черного моря как будто переносятся через Кавказский хребет, перелетают все небо и на противоположном конце собираются, уплотняются и прочной белой стеной стоят против гор. Мы ходили по Нальчику, покупая себе продукты, и вдруг увидели на противоположной горам стороне Кабардинской улицы тоже горы. Это было так непонятно, что мы пошли туда посмотреть, как же это могли мы проехать. Но улица длинная, и мало-помалу у нас явилась догадка, не облака ли это. Несколько раз было мы говорили уверенно: — Горы! вон виден и темный лес на предгорьях, вон и черные палки обвалов, как будто мальчики снег протерли лыжами. — И вдруг: — Нет, это облака! — И опять: — Горы!

Осмотрев Нальчик с точки зрения покупки себе жилища, я не нашел тут ничего для себя лучшего, чем в Загорске. Это, очевидно, уже влияние гор: после такой красоты никак не хочется втискиваться в ряды обывательских домиков. В магазинах ничего не продавалось местного, и все было точь-в-точь как в Загорске, кроме маленьких величиной в грецкий орех кавказских лимонов в полтора рубля штука ценой.

Да, конечно, покупка своего жилища не есть у меня мысль или чувство, подлежащие практическому выполнению: это скорее метод сближения с новым местом, это попытка жениться и устроить брачную жизнь. Другой, «бухаринский» метод — это чуть касаться, пролетая от одного края к другому. Мне представился и еще человек, который вообще ничему не удивляется в природе и никакое человеческое положение его не смутит: пусть проходит мимо вождь народа или босяк-пропойца, он глаза не оторвет от своего дела. Лучше всего такой тип выражается в Москве персами и ассирийцами, занятыми чисткой сапог. Но и среди русских на разных ступенях развития попадаются такие люди.

<*На полях:* человек, которому все равно>

Приходила библиотекарша, приглашала речь сказать на массовом собрании читателей. Она не скрыла от меня, что массовому читателю я мало доступен (хотя «В краю непуг. птиц» с «Беломорск. каналом» нарасхват: экая честь! книга, написанная 30 лет тому назад и подсвеженная современностью). Я сначала согласился, а когда пришло время, отказался.

Вызывали Звонцова решить три вопроса: 1) «Запретник». 2) Прикрепление машины. 3) Квартира. По первому вопросу изловили Романова, и я прочитал ему свою «ноту». По второму пока (наверно, без Бетала нельзя) Звонцов на завтра для поездки в Заюково даст свою. По третьему опять все неопределенно, очевидно, тоже без Бетала нельзя. Мне удалось в этот раз помочь Арсению Авраамову <*приписка:* Кавказ без машины. Если пойти? то ведь недалеко уйдешь...>

23 Марта. Солнце восходит со степи из земледельческой Кабарды, и горы [пастушецкой] Балкарии расцветают в лучах степной Кабарды... От этого получается редкое явление на восходе: и внизу каждая елочка и каждое человеческое лицо горят на восходе, и высочайшие снежные вершины светятся как лица людей...

Сегодня было тихое морозное утро. Я любовался горами впервые от первого легкого розового света до тех пор, пока не стал свет белый и день белый, и горы встали белые в славе.

Ожидаю в восемь часов машину и Налоева ехать в Заюково.

Небывалая зима в Кабарде без снега, небывалая, говорят, и весна.

<*На полях:* Горы видят. Студенты, сделав зарядку, с портфелями вместо кинжалов идут на ученье.>

В новом месте только и видишь и понимаешь скорость движения собственной жизни <*приписка:* сюда силу первого взгляда>: жизнь проходит в непривычных условиях, и нужно успеть закрепить в памяти все, пока все станет привычным и движение жизни своей станет незаметным. Поэтому для других непонятна бывает и неприятна торопливость моя... А я должен стремиться, чтобы час мой не пропал. Так происходит «турист» в смысле «тура» спеха: это самый отвлеченный род путешественников, имеющих цель как можно скорее, хотя бы даже ничего и не видя, сделать тур.

В 9 у. подали машину Баксанстроя, шофер Семен. Провожает Налоев. Отъехав десяток километров от города, увидели всю цепь главного хребта от Эльбруса до Казбека. Это весеннее самое лучшее время, чтобы смотреть на горы. Три рода гор, первые — лесистые, вторые — голые камни, третьи снежные; летом бывают покрыты снегом только отдельные вершины из третьего рода. Взгляд на цепь всю целиком сразу же расширил наше представление о горах.

Грачи, не улетающие на зиму, ремонтируют свои гнезда. Жаворонки поют... Районный центр (громадный кинотеатр, и в то же время чем-то похоже на Константиново — чем?) Баксанстрой — похоже на Нивастрой. Заюково и дальше: животноводческий колхоз, овечий кош новый и старый, быки швицы, жеребцы кабардинцы. Молочно-продуктовая ферма. Пастухи каждый для каждого из нас несут по тарелке масла, каждая в $^1/_2$ кило, потом каймак, вареную простоквашу и кукурузные лепешки. Я видел, как Люль съел $^1/_2$ кило, и, подумав об этом, сказал Налоеву, но он мне ответил, что это для русских: «ведь русские всегда спрашивают масло». (Едва ли, подозреваю в Налоеве ущемленного национала.) После того в Заюкове смотрели агрогород. Строятся хорошие деревенские дома, какие обыкновенны в германской деревне. Но почему это агрогород? (узнать) Видели настоящую саклю старинную, каменные вечные изгороди, снимали мосты через Баксан. Слушали знаменитых певцов и музыкантов (см. в конце): что-то кавказское, но кабардинского не понял. Пели смешные куплеты старики, но мы ничего не понимали. Этот жопа Налоев ничего нам не переводил. Еще хуже было потом за обедом: он целиком занялся разговором, а мы сидели дураками. Люди, дети были иногда очень краси-

вые. Возвращаясь, видели ту же цепь, но неярко, словно отраженную, Эльбрус скоро остался назади за горой, а вершина двуглавая Казбека исчезла только у переезда в Нальчике через полотно ж. д.

<*На полях:* Старик в ужасной шубе вошел в правление, я хотел его снять, но не успел, а когда он вышел, то шуба у него была новая.
Налоев рассказал об одном пастухе в царское время, у богача мальчишка рос пастухом с [детства] и говорить не мог: только бараны понимали. Школа пастухов: так, раньше пастухов понимали только бараны, а теперь пастухи грамотные и с людьми говорят, а баранов не понимают.>

Вечером у «прокурора» торжественная встреча меня писателями. Начало письменности 1924 г. Спор о латинск. и русском алфавите (возможные последствия такого спора). Язык Ленина. На каком писать: на языке Ленина – растворить Кабарду, на своем – сколько же читателей, и каких! Неудачники. Образ Налоева, литератора ущемленного, в противоположность герою Калмыкову: поэт и должен быть при дворе невольником. Жизнь освобождает поэта, как женщину: одна и та же судьба, вот почему поэты везде вступаются за женщину.

24 Марта. Горы на восходе были розовые не как вчера длительно, а только на очень короткое время: наверно, сегодня воздух еще чище. Ветер крутился и стал на вчерашнее: с гор.

Стоит один цветок на окне в лучах солнца, и по цветку знаешь, что ты на юге, что такого богатого солнца на севере у нас никогда не бывает.

В 9 у. выехали верхами с Романовым на Верхнюю будку. Озов Тагир, стар. объездчик, тот самый, о котором сторож в тот раз говорил нам: «все к Озову», хотел ехать с нами, но его вызвали в НКВД, и мы поехали без него. 15 кил. ехали шагом в гору часа два. Пробыли на Верхн. будке часа два и другой дорогой через Желтую кручу спустились в «Дубы», где до вечера были на кабаньих засидках.

Солнце с утра на Кавказе сильнее, чем после полудня, и даже в горах, где еще был снег, было жарко. Ореховые заросли в полном расцвете, и если птичка прыгает с ветки на ветку,

то с золотых сережек летит пыльца, как дымок. А видимо эти дни — массовый пролет певчих птиц: везде дымятся кусты.

<*На полях:* Гора Палатка: летом то побелеет, то почернеет.
Гора Ошьхомахо (Эльбрус): счастливая гора.
Вблизи да, горы меняют всю жизнь человека, но издали горам радуются только приезжие. Местные люди к бесполезным кружевам на горизонте привыкают, как к облакам, и не обращают на них никакого внимания. Впрочем, у каждого была встреча с горами, и если спросить, то каждый скажет, где Казбек и Дых-Тау и Эльбрус.>

<*Зачеркнуто:* Веселый> Красивый гай: Это место над балкой, сбоку и снизу гонят, а стрелки у дороги. Заросли ореха, боярышника, мушмулы, шиповник, среди кустарника старые груши и яблони, больше груши. <*Приписка:* Фруктовые леса, на пашнях груши, вырубить все, кроме груш — нормальный сад.> Чинары гигантские когда-то были высоко срублены и дали множество поросли. Старые стволы чинар, узловатые, в кулаках и желваках, иногда были дуплистые и такие просторные, что человек и медведь могли бы себе тут устроить жилье. Эти места, богатейшие для корма кабанов, сейчас были пусты, и следов свежих не встречалось. Вернее всего, кабаны теперь «в дубах» на низу, а поросные свиньи таятся. Возможно, что началась уже опороска. Свинья делает себе в кусту из хвороста конус, в широкое отверстие конуса входит задом, поросится и потом опять, чтобы подкармливать поросят, входит в конус задом. Харун, сторож Верх. будки, обещался мне найти гнездо. На открытых луговых местах встречались обширные старые и небольшие новые жировки. Кабаны жируют только ночью, днем залегают в дубняки, как абреки. При лунном свете можно разобрать их мелькающие тени. Абреки тоже еще недавно селились в этих пятнышках леса на склонах гор. Бетал, однако, устроил в таких местах поселения, и абреки исчезли. Кабаны очень беспокоят кукурузные поля таких поселенцев, и они все ночи ходят с трещетками. Кабаны, несмотря на этот крик, все-таки, бывает, прорываются. (А Б. говорил, что кабаны вовсе не вредны для полей.)

<*На полях:* Черные горы
Кабаны или ушли выше в горы, или вниз в дубы.
Следы кабанов на снегу.
Лошадка П о ц а н — мальчишецкое слово.>

Фирновые поля на Казбеке. Вдруг явились снежные горы и как будто все до Казбека обратили внимание на нас. Мы сошли с лошадей и стали разглядывать в бинокль блестящие серебряные пятна. Это были ледники <*приписка:* фирновые поля> среди снежных пустынь. В нашу сторону горы снежные были видны до нашей Палатки, против гостиницы. Эти горы, передняя цепь, (через месяц?) будут черными и местами покроются травой, и тут балкары будут загонять стада. Балкары. У балкар в горах зимой бывает очень тепло (напр., за Палаткой), и до того, что жилища делаются кое-как из камней. Иногда едешь по дороге, а сбоку из-под дороги человек выходит...

Желтая круча является центром охоты на кабанов на Верхн. будке, сверху донизу круто обсыпающейся горы от трех до пятиста метров. За 15 лет дорога отошла от края приблизительно на три метра, значит, слой в 3 метра толщиной осыпался. Стоя наверху у края, слышишь непрерывное движение песка и камней; переводя глаза в сторону большего шума, видишь скачущие камешки.

Но разве не такая жизнь горы вообще, разве не есть, с одной стороны, и вся жизнь беспрерывное рассыпание? Да, несомненно, только там везде процесс рассыпания маскируется нарастанием. Здесь же до того открыто, шумно рассыпается гора, что, принимая к сердцу эту беду горы, чувствуешь и свою неизбежность... Романов, следя за одним камнем, сказал: — Лег! и тут вечность свою нашел. — Мы сами так рассыплемся и все найдем свою вечность, — прервал я молчание.

Село Нартан и есть гора Нартан.
Черноклён или Яур.
«Труба» в горах, где постоянный ветер: день и ночь.

Принц Датский. Рассказ Романова: — Жестокий человек, он все с тобой может сделать. — Посадить? — И расстрелять. Трепещем. Чтобы войти к нему — много подумаешь, расспросишь, узнаешь верно, какой он сейчас — и войдешь. А на охоте он самый лучший товарищ, друг твой. И как же это соединяется? Или может быть? — Я не знаю, меня вот что удивляет: до чего он тонко понимает струну человека и так больно, больно играет на ней. Он чувствует в мгновенье при взгляде струну каждого человека и учитывает. Думаете, вас не учел? Да при первом же взгляде. — Ну, что ты, — сказал я, — у меня нет струны. — Не может быть, у каждого струна. — Нет, у меня флейта

вместо струны, и на ней только я сам могу играть, как это рассказано у Гамлета. — А кто это Гамлет? — Принц Датский. Он сказал: «Играй, друг мой, на своей флейте, но я человек, я тебе не флейта». — Вот именно! я понимаю: а Бетал действительно на тебе, на человеке, как на струне, играет: самое-самое больное место. А на охоте самый лучший друг твой, ну, как это соединяется? Или это у него и на охоте струна?

Сегодня впервые начинает чуть-чуть зеленеть трава, едва заметно. В конце мая, говорят, будет разлив рек, которые теперь узнаешь по камням. Надо всесторонне понять значение в местной природе этих разливов. <*Приписка:* Каменные реки.>

Турлучные постройки (плетень из более крупных веток, обмазывается глиной).

Месяц виден впервые — так что понять нельзя, р или d.

Лягушки земляные и древесные.

Пролет певчих птиц.

Свет на солнце старых чинаровых листьев.

Фруктовые леса, или охота на кабанов.

1) Верхняя будка. 2) Дубы.

Дубы (при описании охоты на кабанов).

Засидки. Яблоновый склон как сад. Дубы. По дорожке, оглядываясь... Множество ворон. Площадка, вспаханная рылами кабанов. Лесенка на возвышении в 3 метра и другая: сидели Бухарин и его жена. Тут же стогоподобный шалаш с двойным плетнем. Мы засели. Сойки как будто не наши, или это они в весеннем брачном наряде? Крик фазана. Порхание птичек. Две лужи. Купанье птичек: черный дрозд: один желтый нос из воды и хлопает крыльями; зяблик у края отаптывает место; чижи, зарянки, неизвестные очень яркие желтые с черными крапинами.

Фазан прилетел и задумался. Луч солнца: литое золото, высокий взгляд, синева глаз, рога на голове, назади кинжал: весь подобран, черкес. Вдруг пустился (с ума сошел!). Из чащи серая курочка. На кабаньем натопе куст малины густой, и она в него, как в саклю, и он вокруг куста. Другая фазанка. И эта в саклю: фазанка бедная только клюет, как серая забитая мусульманская женщина. Он задумался и вдруг закричал и одновременно прохлопал крыльями: это и есть вызов, есть ток. А бежал за курочкой с тетеревиным курлыканьем. <*Приписка:*

Вдруг показывается лисица, фазан садится на дерево невысоко. Лисица уходит, прячется, фазан спускается... Вон он вытянулся, но тут... кабан.>

История с лошадьми. Возвращение в тьме.

25 Марта. Утро чистое, горы спят. Казалось, на минуту закрыл глаза, и все первое розовое утро прошло. К полудню впервые из-за гор пришло...

<*На полях:* «Разврат» (не забыть описать солнечные ванны как разврат, как любовь из-за любви, «загорание»: ведь собака зимой ложится к огню так близко, что только шерсти загореться.>

Первый глаз на поля. Слабость в коленках от вчерашнего и жрать хочется как собаке, только бы дотянуть до 2-х часов, до обеда, наесться и спать. Вдруг в 1 ч. звонок, прислуга по гудку звонка как-то узнает, что от Калмыкова. Едем на конный завод по дороге в Заюково: пахота трактором. <*Приписка:* Бетал сам проверяет сантиметром: нет, так сам смерь. И остатки кукурузы...> Сев яровых. Огромные колхозные фруктовые сады. <*Приписка:* Мое о садах: ребенок должен вырасти в саду (воруют яблоки: простительно детям).>

Обсаженное деревьями шоссе. Громадные черные поля. Кризис в кормах (Балкарии самой не хватает).

Рассказ Бетала об агрогороде: «простыня» и проч. «пара кроватей». Какая же разница с немецкой деревней и почему там то же, но не называется агрогородом? Надо понимать в цельности строительство: деревня — невежество, а город — культура: агрогород — это городская культура, внесенная в земледельческий быт. <*приписка:* сакля с ослом>

Разговор о Соловках: величина острова: какая? Монахи — сколько монахов, чем жили? Удивление о полуночном солнце. Как с ребенком. И в то же время сплющивание от него. Выводка коней. Кабардинка волосатая, как женщина: «Хвост отпустила, чтобы по земле волочился». И вслед за этим: «А чего ты себе отпустил брюхо?» Кабардинка вынослива, смирна, ночью едешь — она знает дорогу, англичанка упрется в канаву. Коротковата, но под кабард. седло хорошее. Косячный жеребец отвечает за сытость маток, он их ведет на водопой, защищает от волков и пр. Косяк живет круглый год на пастбище... Антонов выбирает себе другой день жереба. — Я тебе партбилета не дам, я спрошу: а зачем ты два дня возил секретаря?

Коннозавод Малка.

Восхождение на Эльбрус: с вершины Черное море, турецкие города, Константинополь. Вдвоем-втроем, но никогда больше не поведу массу (сказал Бетал).

Косяки в Зольских пастбищах.

Сплющивание кажущееся: испорченность властью человека: он недослушивает: не захочется слушать, он замычит и поставит другой вопрос. Надеюсь преодолеть все делом: наберу материалу и его не буду дослушивать. Отчасти это от желания думать про себя: один говорит, он не слушает, и вдруг интересно: — А? — и другой повторяет. Я говорил, он не слушал, я сказал: настоящая лошадь непродажна. — А? — Любимая лошадь не продается! — повторяю. И он загорелся: — Да! у меня было три, две убиты на войне, третья, Гроза... ты (Антонову) Грозу застал? — Последняя лошадь был Огонь, ее отравили. На Огне проехал 280 кил. в 14 часов. «Про́езд» (особая манера хо́да лошади: Поцан — это проезд). Скачет в 2 года и в 3, на 4-й год в производство: жеребцы к косякам, матки к маткам. Скачки 12 Мая. Косяки смотреть летом. Прототипы Бетала в помещичьем-военном быту. Петр I со своей дружиной вел себя тоже так непринужденно: Петербург и агрогород.

Опытное поле. — Кабарда, — сказал я Беталу, — должна сделаться опытным полем всего Союза. — Пробуем, — ответил он, — посмотрим.

Сюда же к «паре кроватей» — еще «человек» в понимании Бетала: у писателя человек — это герой, у госуд. человек — средний, нам он ненавистен, тут: каждый годится, понять «струну».

Сюда перенести с 29/III.

Разгадываю, что это Налоев именно пересказал по злобе на Звонцова своему брату, а тот Беталу: именно, что я недоволен гостиницей и проч. Бетал задал перцу Звонцову и ввязался сам. Он предложил устроить мне приют на 3-й будке, распорядился отправить туда корову и проч. («пару кроватей»): — Встанете, возьмете ружье и на фазанов или на вальдшнепов, поросенка убьете — вот и жареное. — Вызвал Зайца и распорядился, а я для верности, расставаясь, спросил: — Так, значит, можно убить кабана? — Хоть двух, — отв. Б. — сколько хотите.

С Романовым ехать было решено на завтра, чтобы убить кабана. Зайц и сказал об этом, что с Романовым. — И с Таги-

ром, — распорядился Бетал. Видимо, он не очень доверяет Романову. Выехать решили в 10 у. на весь день.

26 Марта. Утро вечера мудренее: туман с утра. В 10 у. пришел Романов с Тагиром: Ром. уже был на месте и подсыпал корму. Ввиду тумана решено выехать на машине в 4 в.: успеем! Выедем с прямой целью убить кабана.

В 4.30 приехал Романов на пикапе, определенном исключительно для охоты. Выехали в тумане, сквозь который среди черно-распаханных и посеянных полей обозначились формы степных курганов. На кукурузных полях от шума машины взлетали тучи перелетающих на север зябликов. Всего 12 километров мы проехали (ехали по Прохладному шоссе и с него свернули вправо и прямо ехали полями, проселочными дорожками: земля здесь после дождя высыхает очень скоро, можно ездить везде без шоссе, за исключением дождливых дней). Вблизи высокого кургана начинались «дубы», и тут была Нижняя будка.

Не доезжая до места, в каком-то логу, мне нужно было испробовать винчестер Катынского. На двадцать шагов пуля попала в точку, шофер-кабардинец сказал: — Охотник хороший — погода плохая. — В туманный, серый день охота лучше выходит, — ответил я и очень удивил шофера. А оно так вышло и в этот день.

Мы вышли из сторожки и сели в шалаш 20 минут шестого. И сразу же решили, что из засидки ничего не выйдет: действительно, на черной, растоптанной кабанами площадке была рассыпана свежая кукуруза и виднелись свежие следы машины, значит, сегодня же рассыпали, шумели, портили землю и воздух резиной и бензином. На свежую приманку слетелись в множестве черные дрозды, сойки, мелкие птички, пришел фазан. Вот мы видим его только второй раз и уже не разглядываем страстно в бинокль и не волнуемся: фазан и фазан. Вот она, великая сила первого взгляда на вещь.

Раздумывая о фазане этом, я понимаю себя инженером, овладевающим этой силой, применяющим ее для творчества счастья. И тут же в связи с этим вспоминается, что гора Эльбрус с кабардинского (?) значит «счастливая гора». — Не сделать ли мне Эльбрус фокусом «исследования» моего Кабарды? — подумал я, и в этот самый момент Петя прошептал: — Кабан! — Тогда с фазана мгновенно я перевел глаз, и черное страшное

необычайной формы чудовище стояло в десяти шагах от меня. Вот в этом первом взгляде на кабана и мысли, что он вовсе не похож на свинью, что это самостоятельное не виданное мной чудовище, и было самое главное.

Первое не по-свиному было уже то, что кабан не пришел, как свинья, а явился с необычайной легкостью. Отчего-то он вздрогнул и замер. Не услыхал ли, не почуял ли нас? Отверстие сделано в шалаше шириной не меньше четверти, через него можно видеть все лицо человека, и хорошо я догадался сесть как можно поглубже и на нижний край отверстия уложил самый кончик винчестера. Вздрогнув, послушав, кабан хватил носом кукурузу, опять вздрогнул. Тут вот и началась мгновенная в нашем общем времени и длинная во времени лично переживаемом борьба. Вспоминаю и понимаю теперь рассказ Калмыкова о том, что он не может стрелять зверей на засидках: до того необычайно интересно глядеть на повадки зверя. Мне хотелось бесконечно сильно побыть наедине со зверем, и в то же время как тяжкий долг, как злая необходимость давила на меня: надо стрелять, а то ведь, если зверь почует нас и убежит — ввек себе не простишь.

Конец описания охоты: Птичка умирает от выстрела часто в воздухе, а животное долго бьется. И охоту на зверя можно описывать [до предела], скажем: «кабан упал». А описывать, как он умирал, как спорили о том, добивать или «сам дойдет» — все это жестоко, и нельзя об этом писать, как в любви тоже до предела, после чего говорят: «грязно!» В охоте жестоко, в любви — грязь.

Я стал водить мушкой по левому боку зверя, выбирая убойное место, и по уговору с Петей шепнул «раз, два»... оставалось сказать: «готовься! — три» — и мы должны были разом стрельнуть. Вдруг из нижней шерсти мне явственно показались сосцы: «супоросная свинья!» мелькнуло в сознании. А я уже и перед этим заговаривал себя от позора убить супоросную свинью. — Отставь! — шепнул тоже и Петя, — кажется, свинья. — И до того я обрадовался, что остальной вечер, быть может, целый час можно будет спокойно наблюдать животное. Но Петя взглянул в бинокль и сказал: — Клыки. — И я простым глазом увидел возле рыла по белой точке. Кабан же вдруг встрепенулся, повернулся прямо к нам, стал всматриваться.

Кабан, как чудище: потому что кабан ночное животное, тень лунного света. Он пришел рано из-за тумана, он ошибся

и явился на свет нежданный. Он питается кукурузой и может бороться с медведем (? спросить) и резать волков, сколько бы их ни было.

— А ведь уйдет! — мелькнуло во мне. На случай я взял его междуглазье на мушку. Слышал не раз от охотников, что не следует в лоб стрелять кабана, пуля может скользнуть по кости. Но ведь я это помню, я это так только для пробы навел. Однако не врут ли охотники: место такое широкое, и смешно не попасть. — Конечно, врут, — мелькнуло мне, — и надо стрелять. — Я нажал спуск. Мгновенно рухнул кабан на передние ноги, и тут Петя стрельнул. Кабан забился, перебрасывая свою тушу с бока на бок, на правой стороне головы от моей пули у него было сильное кровавое место, а из бока от Петиного жакана била кровь. Побившись, он лег и захрапел. Пришел Романов. — Не ударить ли еще раз? — спросил я. — Зачем портить мясо, — сказал он, — дойдет. — Мы подошли к подыхающему зверю. Он лежал рылом к земле, вверх глядел живой белый глаз, и я видел, что глаз этот время от времени живо моргал. — Дойдет! — повторил Романов, взял палочку и, обнажив губу кабана, стал показывать нам его скрытые под губами клыки.

Я же смотрел на белый моргающий глаз и чувствовал не страх, а что-то совсем особенное, не имеющее определения: я это чувствую при удачной стрельбе в каждого крупного зверя, пока не убит — ничего, я даже могу быть очень храбрым и находчивым, но когда зверь лежит, я чувствую вот это самое, среднее между страхом, жалостью, раскаяньем. Какой страх может быть, если у меня еще четыре пули в винчестере, я не с тем, а совсем с каким-то другим «страхом» смотрю в белый мигающий глаз.

Фазан от кабана не взлетел, и все птицы сидели на местах, и заяц пришлепал, но когда лисица пришла и все разлетелись, фазан закричал, сел на ветку: ко-ко-ко! — и кабан, вздрогнув, на мгновенье посмотрел на лису, как гордая женщина, когда возле нее мужчины начинают говорить между собой пошленькие вещи.

Между тем Романову хочется и посмотреть и на второй клык, он поддевает голову палкой, и вдруг кабан вскакивает... и бежит в кусты. Через два-три десятка шагов под беглым нашим огнем кабан застревает в кусту и сидит. Петя посылает ему в шею жакан, и он ложится и опять храпит. — Нож, давайте же нож! — Но Романов повторяет, что оба его отличные

ножа взяли у него в НКВД. Добили кабана в упор из мелкокалиб. винтовки и колуном по голове. Приехала машина прямо на кукурузу. С великим трудом общими силами взвалили кабана на машину, и через полчаса в ресторане за ужином мы вспоминали подробности.

После ужина пришел геолог Кудрявцев: написал роман (было очень тяжело, «хотел уйти от себя» и написал). Желает узнать, может ли он. В этих глухих местах писатель-критик является истинным <зачеркнуто: лекарем> целителем душ.

27 Марта. Туман беспросветный. Ветки деревьев в трубочках льда, а лес выше в горах весь седой, как от инея. Птичка полетит, и ледяные трубочки друг о друга тюк-тюк... Ходили к кабану: очень худ, 5—6 лет, годится только на колбасу. Установили, что жакан не годится, что рухнул кабан только благодаря силе боя винчестера: пуля попала ниже глаза, искрошила нижнюю челюсть и ушла в шею. Вид кабана был хотя и вовсе не тот, что вчера, но зато теперь можно было понять конструкцию этого чудовища: легкий зад и колоссальный перед с головой в $^1/_3$ всего кабана.

Романов рассказывал нам о жизни кабанов: секач держится вблизи табуна и охраняет его; свинья, вырастив поросят, соединяется в другими в табун от 40 до 50 штук. Гнездо свое свинья защищает, бросается как тигр. Вот почему подойти и наблюдать гнездо невозможно. Так надо узнать всю жизнь кабанов. Последить за ними лунной ночью.

Романов организует переправу кроватей и продовольствия на Верхнюю будку.

Видел Та́лпу. Мы беседовали с ним о колоссальном несоответствии хозяйств.-полит. состояния Кабарды и культурного слоя деятелей. Между прочим, это все замечают, и проф. Соколов даже пытался об этом тонко намекнуть Беталу. Из разговора об Агрогороде с Беталом мне показывается даже трагическая ограниченность нашей господствующей идеологии: завел чистую кровать, и чистый человек, культурный и сложный, вывелся, как червь из земли в цветочных горшках (вера моей няни).

Прокурор. Эти эпитеты в романе Круглова: «пышные груди» и т. п. проходят бессмысленно; и только потому, что надо выслушать, надо же потом и сказать что-нибудь, я схватился

за эти «пышные груди», представил их себе с расстегнутым лифчиком, видя, как они из него вывалились и вся женщина открылась с животом, с ее претензиями и той непобедимой властью обыденности, в которой отделяется из жизни «мечта» и расплывается бессильная в воздухе. «Пышные» груди у Круглова сменились «тугими», я уцепился за тугие и тоже стал из этой формы извлекать ее содержание. И так слушая, вываливая из пышного и тугого его обычное содержание, я подошел с острым любопытством к тайне творчества, в котором не вываливается из тугого и пышного уничтожающее всякую охоту жизни содержание, а напротив, все неохотное становится страстным и образует завлекающую воображение форму. Некоторые называют эту силу обманом <*зачеркнуто:* и даже ложью>, но нет: эта сила есть сила жизни, при восхождении — эрос, при понижении — обман. А что это, эрос? Эрос — это сама жизнь.

После того как Калмыков прочитал мне свою партлекцию об Агрогороде (кровать, умывальник, мыло создают быт), мне бы надо было спросить его: а что, в этом новом стандартном для всего мира быту останется что-нибудь кабардинского, или даже и последняя барашковая папаха заменится нашей московской шапкой? <*Приписка:* Переплавка человека в коллективном труде, и в этом счастье: открыто быть и ничего не бояться и так просто понимать простого человека.>

<*На полях:* Всесоюзная барахолка: в Москве и в Кабарде на барахолке продают одни и те же предметы.>

Гуляя сегодня по городу, мы прочитали по-русски название «улица Гоголя» и на одном из домиков «председатель уличного комитета»: очевидно, это был пословный перевод с кабардинского, т. к. по-русски «уличный комитет» означал [бы] комитет воров и т. п. Мы подивились той силе, которая растаскивает все чисто кабардинское во всесоюзное. (Возможно, что и русский язык только по имени русский, а тоже стал всесоюзным и потерял в большой степени свою силу национального творчества.)

28 Марта. Третий день туман и гололедица.

Совесть угрызает за что-то, и лень хватается за какую-нибудь причину. В особенности лезет в голову критика мещанского рая...

<*На полях:* Как это видится из окна: как седеют горы.>

Сколько за это время видели мы интересных кабардинцев мужчин, а женщину-кабардинку никак не можешь себе представить. Авраамов говорит, что красивых женщин у них до сих пор прячут.

Одна из тем «Кабарды»: Все знают теперь силу падающих рек и умеют отлично пользоваться ей для создания света. Но силу первого взгляда человека на вещь, возбуждающего неудержимое желание поделиться своим впечатлением с другим человеком, со всеми людьми, мало оценивают как силу и вовсе не умеют ей пользоваться.

Сила эта тоже, как сила падающих рек, трансформируется в силу света, в просвещение, и мы это делаем постоянно, выражая свое удивление чем-нибудь другому устно или письменно. Я лично обладаю такой большой силой первого взгляда на вещь, что она побеждает во мне романиста, и мало-помалу я, сначала смутно, потом все ясней и ясней начинаю ей пользоваться и наконец вот теперь вплотную подхожу к вопросу о природе ее.

Мне захотелось этой весной поехать в такую страну, где было бы мне все ново и я мог бы увидеть все в первый раз, чтобы проверить себя и воспользоваться изобразительной силой первого взгляда совершенно сознательно, как пользуются научно-познавательными методами. Н. И. Бухарин, выслушав меня, с обыкновенной его быстротой решения сказал: — Поезжайте в Кабарду...

Целитель душ. Налоев как утративший силу 1-го взгляда.

Калмыков, обладающий в буднях силой первого взгляда (напр., наша поездка на дачи, цветники: его вечно цепляющийся глазок: глубина вспашки, кукуруза-мотылек, слушает-не слушает — цепляется взглядом и «А?» (происхождение «А» — рассеянность: неприятно.)

<*Приписка:* Противопоставить человеку, дисциплинированному культурой, не выдающему себя.>

Противоположный человек Налоев: он уже все видел и ему смотреть не на что: он думает о себе. Углубление темы «сила первого взгляда» в этапах до силы творчества, напр., как один из этапов «целитель душ»: приходят ко мне люди с романами, Круглов, Кудрявцев, говорят: «я измучился, мне стало невозможно оставаться самому с собой, мне стало необходимостью отдать куда-то себя, и я стал писать». Я сказал, что как-нибудь надо устроить человеку возможность уважать себя, схватиться

за дело: какие мемуары он напишет. Потребность этих людей в целителе создает из меня целителя, и вот тут очень легко через это (и свой опыт) подойти к этапу творчества, напр., тоске и пр.

Быть может, удастся вывести творчество Бетала как государственного деятеля непосредственно из силы первого взгляда на вещь, а свое (творчество личности) как второй этаж: сначала уход к «я» (Гамлет), потом возвращение к той же силе 1-го взгляда. И можно дальше идти: к необходимости людей 2-го этажа и к трагедии Кабарды, самого Бетала и к борьбе поэта с госуд. деятелем: поэт победит, но не сейчас.

В 12 д. туман рассеялся и стали показываться горы. Они были сегодня смутные.

Были в исслед. институте: Та́лпа и Налоев. Беседовали. Вдруг Налоев встал не простясь и ушел. Петя объясняет это «индивидуализмом», он заметил давно, что все «индивидуалисты» такими приемами выставляют себя, а больше этого у них и нет ничего. Боюсь, что еще у таких есть сплетня и надо будет остерегаться.

Та́лпа дал программу минимум: 1) Эльбрус (Баксанское ущелье). 2) Верхняя Балкария (Голубые озера). 3) Чегемское ущелье.

Были в местном музее, где 15 лет сидит и собирает Макар Иванович Ермоленков. Бетал нашел этого старика и дал ему дело. За 15 лет М. И. выкопал из ближайших к Нальчику курганов скифских и кочевников множество ценнейших памятников. Решаю, что старика со всеми его сокровищами надо изучить. В Нальчике русское население. Нальчик крепость. Основан в 1820 г. (?) До револ. 8 тыс., теперь 40 тыс. Кабардинцы были христианами, попали под ислам. Кабардинцы со светлыми глазами (славяне?) и с темными (киммерийцы, греки). Влияние стариков остается, но скрывается. Съезд стариков был политич. шагом: стариков на свою сторону, а за ними и молодежь. Молодежь вся стремится учиться по-русски из-за возможности потом лучше устроиться.

<*На полях:* К силе 1-го взгляда: другому и на свет глядеть-то не хочется.>

К вечеру солнце подобралось к нашей цепи со стороны Черного моря и сзади нашей цепи влево особенным светом открыло одну гору: все горы курились, как вулканы.

Позвонились к Антонине Александровне Калмыковой и сегодня в 7 в. идем осматривать дом внешкольного воспитания детей.

Катастрофа на Счастливой горе: 8 комсомольцев с проводником: 4 ранено и остальные с проводником погибли, убитые камнями.

Вечер в доме внешк. воспитания. Красная губернаторша («Калмычиха»). Симпатичный председатель Облоно. В разговоре с Антониной Александр. Калмыковой все мелькнувшее в голове догадкой подтвердилось: и «роковая» русификация, и роковой недостаток интеллигенции, и несостоятельность Союза писателей.

Вечером кое-где проглядывали еще звезды. Ночью стучал дождь.

<*На полях:* Иная мысль. «Интеллигент» после революции определился как работник с ориентацией более широкой, чем партийная, и самоутвержденный в своей профессии.
В Москве сознана и молчаливо допущена иная мысль, чем официально партийная.
Иная мысль допускается во всяком деле, но с тем, чтобы ее не высказывать вслух одну как таковую, а лишь использовать потихоньку ее рабочую ценность.>

29 Марта. Дождь и туман. Если скоро не придет и не явится солнце, то намеченная поездка на Верхн. будку не состоится: пикап наш не пройдет.

<*На полях:* Частный человек.>

Ровная черная степь, если получше оглядеться, там и тут вздымает, как девственные груди, многочисленные курга́ны, сохраняющие под кукурузой нынешнего дня погребенные останки личностей вождей, просто знатных и незнатных людей древних народов, скифов, сарматов, [инков].

Музей. Раскапывать курганы запрещено частным лицам, но, конечно, раскапывают, золото себе берут, а бронзу и камни несут в музей. Надо бы их задержать, но... Из этих приносимых вещей за 15 лет составился музей. С утра до ночи ежедневно вокруг старика Макара Ивановича толпятся дети маленькие

и взрослые, выпытывая у него тайны огромных зубов допотопных животных, каменных инструментов первобытного человека, бронзовых браслетов, булавок женщин...

Взять с собой на Верхнюю будку: 1) чернильницу, 2) купить чернил, 3) купить вина и булок, 4) стол, 5) легкий чемодан с штативом, 5) сапожн. чемодан и в нем: штиблеты с гетрами, по одной паре белья + ночное, 6) тюк с одеялами и проч., 7) патронный ящик, 8) Включ. продукты, сок, 9) примус? 10) шоколад, 11) ружье, 12) портфель со всем, 12) термос.

<*На полях:* Итого наших вещей: 1) фото-чемодан. 2) Сапожн.-чемодан. 3) Тюк с одеялами. 4) Сок – провизия. 5) Ящик патрон. 6) Ружье. 7) Портфель. 8) Термос. Что купить?>

Как туман, и облака развеиваются, и показываются горы ясно и точно в своих очертаниях, так, вживаясь, теряешь предрассудки. Так вот я хотел в Калмыкове видеть нац. героя, а на деле оказывается, что его работа стирает нацию... А еще я и так думаю: не столько же, как и кабардинец, теряет и русский из своего национального быта при перестройке, даже из своего языка, хотя внешне остается русский язык. Разгадка «Джина», вероятно, и заключается в этом противоборстве национального с общесоюзной культурой, входящей через Калмыкова и его красную губернаторшу.

Что-то вышло с бензином, и поездку на Верхнюю будку пришлось отложить на завтра. Под вечер вышел пройтись и столкнулся с Беталом, который, наверно, шел проведать меня. Он говорил мне много о пошлости того, что пишут о Кавказе: «бурный Терек», «Эльбрус – высочайшая вершина» – и что если я опишу животных и природу просто по своим впечатлениям и в подробностях, то это будет великое дело для Кавказа. Мне кажется, он был холоден вообще к Эльбрусу, и мне это дало повод поговорить о «славе» и, в частности, о пошлости того, что пишут о «Бетале» и пр. Он очень это принял к сердцу. А потом, когда я сказал о несоответствии здесь «духовной» культуры с материальной, то энергично подтверждал. Стремление к русскому ради лучшего личного будущего с жертвой национальным – вот и это подтвердил Б. Он рассказывал, что вполне понимает, как трудно мне было стрельнуть в кабана, и что он никогда не бьет зверей на засидках. Он едет в лес после занятий, стоит возле дерева и наблюдает, как проходят раз-

ные звери: кабаны и в стороне, придерживаясь их, волки, лисицы — и как разбегаются зайцы, фазаны кокочут и садятся на ветки.

<*На полях:* Звери. Рассказ Б. о массе проходящих зверей (связь: заяц — фазан — лисица, кабаны — волки — не охотятся ли волки за поросятами?): надо искать случая почувствовать массу зверей. Волки голо, кабаны — по кустам. Охотиться на кабанов можно и без гая, просто идти, он вскочит, и бить.>

Говорили о Макаре Ивановиче и невозможности найти ему заместителя (болен был — отпуск, а уехать нельзя: никому нельзя доверить музей, осталось только поставить милиционера). Прогуливаясь по Кабарде, увидели бороду: метнулась борода, выглянул из другого переулка, из третьего и вдруг почти в упор перед Беталом. — Да что это ты? — спросил Б. — Минутный разговор. — Некогда, сейчас заседание. — И после короткой паузы: — Да в чем дело? — Борода в одно мгновенье полетел, и человек пожилой, солидный инженер какой-то, выпуская слова как из пулемета, заговорил о какой-то постройке. В это время сзади подкралась к нам Антонина Алекс., и мы пошли с ней... В тени давно таился Налоев...

<*На полях:* Писатель Налоев описывает Бетала на коне, между тем Бетал давно уже сидит в Обкоме, и это, пожалуй, труднее, чем на коне (а в доказательство «бороду»). Человек сидел на коне и воевал в горах, теперь он сидит в Обкоме и строит Кабарду — когда ему было труднее?>

<*На полях:* Мне кажется, он на человека смотрит как мать на ребенка: что надо его чистенько одеть, хорошо накормить, кроватку дать и пр. Поняв же так, я не посмел поставить сложную цепь вопросов города и деревни, личности и т. п.>

Сапетка. Из рассказов Налоева: кабан, толкнув мордой дверь, вошел <*приписка:* (в сапетку)> в кукурузное хранилище — дверь за ним сама собой закрылась, за кабаном вошла свинья — дверь открылась и закрылась, за свиньей годовалые поросята, каждый открывал рылом дверь, и когда за последним поросенком дверь закрылась, то она закрылась совсем: когда свиньи наелись кукурузы и захотели открыть дверь — в ту сторону дверь не открылась... (Мальчик, колхоз, телеграмма...)

30 Марта. Облачно с просветами, иногда вырвется луч солнца и откроет какую-нибудь серебряную вершину на серо-пепельном фоне.

Ждем Романова и не можем дождаться, неужели еще не достали бензина?

Бетал не показался. Вчера мы в ожидании машины читали длинную повесть Налоева, и давно бы надо бросить: описывался какой-то бой отряда белых с красными, сюжета никакого не было, и оттого читалось очень скучно. Отрядом белых командовал известный Серебряков, расстрелявший отца и брата Бетала. Мы стали думать, что смысловое значение вещи заключается в историчности, и начали ожидать появления Бетала как мстителя, именно вот, думали мы, для того вещь и растягивается, чтобы вдруг поразить и прославить Бетала. Мы стали читать с трудом из-за этого. — Петя, — говорил я не раз, — да загляни же ты вперед, может быть, Б. и не покажется. — Ну как же не покажется, — флегматично отвечал он, — из-за чего же все написано, непременно покажется. — И так мы читали до последней строчки, и ничего не показалось. После того пришел Романов и сказал, что бензину не хватило и ехать нельзя. <*Приписка:* борьба охотстражи с гаражом началась из-за пикапа, прикрепленного к охотстраже.>

<*На полях:* Мýки из-за машины (разговор с воображаемым Беталом) — понять как борьбу за овладение механизмом и победу человека, когда мы ее получили. Эта победа и есть в оправдание претензии художника. (Так что момент получения — с этого момента должен начаться подъем.) NB. Не забыть «штрафную машину», которая кончается «нет штрафной» и дает машину брата.>

Волки (сон): годится для описания борьбы за машину.

Сон был в лунную ночь. Волки сидели возле нас полукольцом, свесив языки, нам стрелять было невыгодно: их было слишком много. Мы решили взобраться на дерево, я влез быстро, а Петя, когда лез, выпустил ружье. Волки после того вплотную продвинулись к дереву. Петя сделал крючок и пытается крючком этим достать ружье. Это ему никак не удается, поднимет немного, и ружье опять срывается, и так всю ночь, срывается и срывается.

Жизнь кабана: вопросы. Когда поросятся? (конец марта, начало апреля). Почему одна раньше, другая поздней? Огуля-

лась раньше, но почему раньше: не от упитанности ли? Секач держится свиньи́ из года в год или меняет? Чем кормятся поросята после молока матери, что самое любимое? Все корма по времени и степени. Когда поросята делаются самостоятельными? В каком месяце семьи соединяются в гурты? Секач охраняет один или несколько? Где поросится, внизу или вверху, посуше или посырее, возле воды или как? Забота матери о поросятах.

<*На полях:* Рыло. Кри́к в лесу. Лежка на животе или на боку? Бой кабана с волками и похищение поросят волками. Бой кабана с медведем. Мясная пища кабанов: птицы, мыши и пр., черви, насекомые: рыло (от слова «рыть»). Посмотрел на вспаханное кабаньим рылом поле и вдруг в первый раз понял, что рыло происходит от слова «рыть» и до чего это, значит, унизительно, когда лицо человека называют рылом: Иван Ант. – у Гоголя – Кувшинное рыло. NB. Не забыть 1-е впечатление на Верхн. будке от полей, взрытых кабанами: и что при лунном свете можно видеть их тени и что возле самой будки.>

Смоленский шофер. В 12 д. поехали на машине на Верхнюю будку. Шофер оказался смоленским парнем. Мне интересно было узнать у него, как ему показалась эта богатейшая страна после смоленских болот, песков и морозов. – Тяжелый климат, – сказал он, – и очень опасный, даже летом бывает днем жара, а вечером пальто надевай. – А люди, – спросил я, – люди тут какие, взять, напр., Люля. – Люль, – отвечает шофер, – человек талантливый, но только мало таких, у нас же все, как Люль. – Ну, ладно, – сказал я, – климат, люди, а какая у них земля. – Земля! – воскликнул он, – земля у них прямо без навоза, прямо хлеб по хлебу родит, да! если бы такую землю да не им, лентяям, а нам, смолякам, так мы много людей кормили [бы] такой землей.

Дон Кихот. Из рассказов Люля о художнике Герасимове. Когда охотники садились на коней, то и Герасимов должен был сесть: Герасимов в жизни своей никогда верхом не ездил. Он присмотрелся к другим, как другие сели, и когда те тронулись и были к нему спиной, сам вдел ногу в стремя и прыгнул. Он ошибся, думая, что его никто не видит. За кустом из-за веток наблюдал его Люль, и он видел, как Г. правильно подошел к лошади с левой стороны, как все, но вдел в стремя не левую ногу, а правую. Эта ошибка повела к тому, что всадник, прыгнув, ле-

вой ногой описал дугу вокруг гривы, а сам очутился лицом к хвосту лошади.

Отсмеявшись этому рассказу, каждый спрашивал: — Ну как же левой-то ногой он не задел шею лошади и от этого не одумался? — Люль отвечал: — Прыгать хорошо может. — Ах, какая досада, — говорили мы, — что Сервантес не мог видеть такого художника, он, наверно бы, изобразил так рассеянность Дон Кихота, и, может быть, ему тогда не нужно бы даже было длинное описание возвращения Россинанта обратно в конюшню, достаточно было бы посадить рыцаря Печального образа после его речи коню лицом к конюшне.

<*На полях:* Сила первого взгляда: надо не спешить, все видеть и сохранить желание видеть (развить). Как же сохранить?>

Запутались в балках. По приезде мы бросились в лес на Желтую кручу и, желая сократить путь, пошли низом, долиной, а не по дороге. Мы запутались в бесчисленных балках и на кручу не попали. Хорошо еще, что удачно к дому попали. Отправились на тягу. Холодно. Кричала сова. В сумерках протянул один вальдшнеп снизу из Чинаровой долины в сторону Казбека.

Живая листва. Перелетные птицы в листве. Чижи.

Недалеко где-то от Желтой кручи в бинокль мы видели, как под чинарами желтая листва как живая шевелилась и сухие листики иногда даже невысоко взлетали: оказалось, это множество каких-то перелетных птичек бегало по листве и под листвой, добираясь до земли. Невиданное было для нас зрелище: у нас зимой масса снега давит, сплющивает листву, из-под нее весной выпирает трава и скрывает преющее прошлое. Тут под необъятными, тенистыми чинарами трава, наверно, вовсе не растет и листва ложится на голую землю, а при малоснежности зимы листва точно такой же остается с осени и до весны.

Очень мягко и приятно идти по листьям, как по ковру. Стóит, однако, шаркнуть ногой, и под листвой обнажится черная рыхлая, будто хорошо вспаханная и забороненная земля. Вот птички, добираясь до этой земли, и шевелили листву так, что она издали казалась нам живою. Мы подошли к тому месту, птички тучей вырвались из-под листвы и сели на чинары. Все эти птички оказались чижами.

<*Приписка:* Листва. Узнал от Харуна, что листва старая остается в чинаровом лесу и на все лето... — Хорошо! — сказал он. —

Чем же хорошо? — спросил я. — Можно лечь в тени: сухо и мягко. — А комар? — Мало. — Муха? — Много.>

<*На полях:* У нас каждый цветочек, каждая травка свое время знает.

Пища кабана. Шидди — корень травы, которой питается кабан.

Пепшши — чинаровый орех: корень не копал бы, орех 1-й корм <*приписка:* — лучший>. Второй: груши, яблоки, шишки (мушмула). Дуб — орех тоже самый лучший. Дуб — орех = Мёшхупа. Ку-у-ж = груша. Яблоко = Н-на. Кушхамнш = мушмула. Ка-а-ляр = черемша — это люди едят: Бетал лечится. Ввадз = трава высокая негодная. Дда = наш орешник: едят кабаны. Торин = похож на черный виноград (?) едят кабаны.>

Мох на чинарах вовсе не такой, как у нас на севере на березах сырой и рыхлый. Тут мох будто зеленая сухая шерсть, и раз погладил рукой такую чинару, то, как доброго зверя, хочется и дальше все гладить и гладить. Стволы гигантских чинар серые, как бетонные, метров в шесть в толщину. Я на этом сером бетоне рассмотрел, как начинается мох: на одном дереве была только одна ниточка зелени, ее легко было отделить, но все же и чувствовалось, что нить довольно цепко держится. Вглядываясь в даль между чинарами, мы увидели, вроде как бы голубой дымок в безветрии долины прямой колонной поднимался среди серых чинар. И мы довольно долго шли, считая голубой за дым, пока наконец не увидели, что это дерево такое голубое. Вблизи оказалось, что это погибающая чинара, до половины она была почти кругом заедена зеленым мохом, а верхняя [часть] отчего-то заголубела.

Кваква. Мы узнали и отсюда из чинаровой долины ту самую гору Палатку, которая была у нас видна из гостиницы в Нальчике. В виду этой Палатки над Чинаровой долиной летела Кваква, большая птица, чуть поменьше нашей цапли, с черными крыльями и красным носом. Мы ее видели в тот раз, проездом, здесь же. И нашли чинару с птичьим пометом внизу. Не на дереве ли селится эта птица?

Маленький поросенок — после молока 1-й корм чинарный орех, до ореха (в Сентябре) травка. Вообще траву едят.

Родственники. Гурт состоит исключительно из родственников, если все помрут, останется поросенок, то его не примут.

Самый большой гурт здесь ходит в 65 штук: впереди идет секач и назади секач, если подозрительно ш-ш-ш! все остановятся, если увидят — зарычат — маленькие все лягут.

Нос кабана. Кабан сверху: построен, чтобы пролезать в чаще, куда нос — туда весь кабан. — Притом шерсть, щетина защищает от поранений.

Движение взрывами — здесь, у нас: всему свое время.

Вся листва как ковер и под ковром черная сырая земля, но вдруг где-нибудь увидишь, лежат громадные листья какого-то растения и тут же лезет новая живая шишка, толстая, как кукуруза — видно, новый ствол того высокого растения, вокруг ползучка с листьями, как земляника, и много прошлогодних поломанных стеблей бурьяна высокого, наверно скрывающего человека. Это, вероятно, действие света, прорывающего чинаровую сплошную тень. Смотришь на такие взрывы растительности и вспоминаешь, что и вся весна здесь движется взрывами, чуть пробьется солнечный луч, и делается очень жарко, и видно, как все приходит в движение, как появляются цветочки даже (сейчас уже много синих подснежников). Но скроется солнце, и наступает южная зима, не сильно холодная, но равнодушная. У нас же каждый цветок, каждая травка свое время знает.

<*На полях:* Узнать о лесах во время революции.>

Смерть кабана. Можно описывать охоту на кабана до известной границы, именно даже до того момента, когда кабан упал. Но как он умирал, как его добивали и спорили, один — надо стрелять, другой — «дойдет!» — тут почему-то нельзя, это жестоко для описания, как в любви <*зачеркнуто:* описание полового акта — «грязно»> тоже до тех пор можно, пока... не «грязно» <*приписка:* тоже до известного предела можно описывать, а потом для бумаги грязно. Птичка умирает от выстрела в воздухе, а животное долго бьется...> Нельзя дальше: жестоко, все равно как и поэзия любви кончается, когда «грязно».

31 Марта. Мороз, снег, камин, дрова — кость.

Ночью холод. Пробовал ножом колоть на растопку грабовые дрова и не мог, не дерево — кость. Догадались облить керосином из лампы и затопил камин. Утром сильный мороз. После обеда снег. Мы утром ходили до обеда на Желтую кручу, убили одного вальдшнепа. Потом грелись у камина.

Следы. По вчерашнему следу нашей машины следы кабанов. По дороге следы волка. Кабаны идут чащурой, волки открыто: кабан может пройти везде, где бы ему только можно было нос просунуть, волк не может в кустах, и это спасает свиней от волков.

Гурковали витютни. Клекотали над лесами орлы, иногда звук был похож, как будто ноги лошади в камнях. Дятлы — барабанная трель. Много обыкнов. синиц пищали просто пинь-пинь и по-брачному.

Местами склоны в ореховых кустарниках вблизи Желтой кручи были взрыты воронками, как от снарядов: это кабаны искали корень Ш и д д а (найдет один узелок, а рядом, как картофель, много). В одной воронке, вырытой кабаном, была нора и в ней птичка мертвая, очевидно, спряталась в норку от мороза и была придушена кабаном.

Романов и Тагир: Петя спросил Р-а: — Бык ведь сильнее лошади? — Сильнее, — ответил Р. — А если сильнее, то почему пашут на 4-х лошадях, а быков по шести? — Р. ответил: — Наверно, лошадь сильнее. — После того П. спросил Тагира, и тот сказал: — Нет, бык сильнее лошади, но хомут нельзя надеть на быка, а ярмо так давит на шею, что бык становится слабей лошади.

Из этого вывод: Тагир такой человек, что никогда не может скрывать и всегда говорит верно, а Романов тоже неглупый человек, но легко может скрывать. <*Приписка:* Сын народа русского, [шедший] кривыми тропинками, а Тагир...>

Облака и горы. Между черными и белыми горами залег туман, и черные горы синели, а туман все выше и выше, как будто наполнял и наполнял долину, и от белых гор мало-помалу остались только верхушки. В это время над Чинаровой долиной с клекотом летели орлы. Потом и верхушки белых гор закрылись, и тучами закрылись черные горы с нашей стороны, все скрылось, и пошел мелкий снег.

«Попа». Харун и Кухва. Семья Харуна и его помощника Гергова окружила нас вниманием, когда я одевался, жена, заметив непорядок, сказала «попа!» и вправила сзади белую рубашку в штаны, а хозяин в это время говорил: — Только скажите, и все будет!

Синички. Синички бегали в синих подснежниках и шумели листвой.

<*На полях:* Сапетка = кукурузохранилище.>

Томский. В лесу кабан выходит засветло, а на поле выходит ночью. Мы были на кабаньем лазу (как дорога) из леса через дорогу в поле. Возле дороги стояла уродливая старая чинара с лесенкой и подмостками. Там сидел Томский в лунную ночь и вместо кабана убил под Тагиром коня.

Упавшая чинара была толщиною в рост человека и представляла собой непреоборимую преграду для кабана.

Рассказы Люля. 1) Какой зверь страшнее, медведь или кабан. Рассказ о медведе: тропа Романова (никогда не поеду в Балкарию), на этой тропе: человек и медведь. Неделю перевертывал Бетала у костра с боку на бок. 2) Совсем недавно... кабан подбросил. Конец: — Ночью моя жена спрашивает, чего ты смеешься... А Бетал говорит: — И моя жена. 3) Б. гостей очень любит и всех на охоту везет: приехал писатель Б. Услыхал «кабан» и рассказал нам басню Крылова. 4) Дон Кихот.

Пгга́ — орел. Джи-гуу́ — дятел. Ккóа — кабан. Тугу́жшь — волк. Миша — медведь. Ба́жя — лисица. Тхакумаки́х — заяц. Бля́ — змея. Пжи́ — чинара.

1 Апреля. Фенологическая связь. Мороз лежит, и туман сидит вплотную к дому. Едва разобрал в дровах седую от мороза голову собаки и позвал его. Кабардинцы в этом отдали дань русскому языку и назвали своего огромного кавказского пари́ Шуркой. Страшно было глядеть, каким зверь поднялся из дров: ни одного своего серого волоска, все белые. — Поздравляю тебя, Шурка, — сказал я, — с первым Апреля. — Пока я разговаривал с Шуркой, ветер, наверно, дунул, и туман пополз. Быть может, это не туман, а облако ночевало на нашей горе? Еще спустя немного из тумана посыпался снег, и высокие чинары от верху до низу стали седеть, ореховые золотые сережки стали белыми куколками.

Елец. Ночью мне привиделось, что нашествие Мамонтова можно теперь уже и описать легко и хорошо: 1) Иван-Царевич от купцов; 2) Алпатов: искушение: уехать с белыми.

Начало: Это было время, когда Алпатов, сам того не зная, находился еще под сильным влиянием Льва Толстого <*зачеркнуто:* и отчасти казацкой романтики>. Он отвергал все толстовство с Чертковым во главе его, с пахотой, непротивлением. Но

быть самим собой при всяких условиях — это невольно [принципом] взял он себе, и это было правильно и хорошо. Неправильно было, что он из этого принципа делал вывод о какой-то обязательной для него высоте над белыми и красными. Никакой высоты этой не было, а просто высотой этой он укрывался от пустоты между красными и белыми. Через Толстого пришло ему держаться в вопросе «красные или белые?» чего-то высшего, но что это высшее, сказать себе он не мог, вернее всего, это высшее и был сам Лев Толстой.

А казаки, возможно, тоже через Льва Толстого, возможно, через казенный патриотизм в гимназии — Илья Муромец и все такое, казались детьми природы, натуральными русскими людьми: сам их в лицо он никогда не видел. Из-за этой романтики, сам того не очень сознавая, он нарушил толстовское пари белых и красных и ожидал казаков с большим любопытством. Последние дни каждый день вдали слышалась пальба из орудий: это Мамонтов прорвался со своим корпусом.

В рассказе, строго историческом, привести ряд мотивов, по которым Алпатов остался с красными. Надо подвести — быть с теми и другими и сохранить Алпатову верное толстовство: быть самим собой. Вот это бесстрашие перед смертью — «герой» — и даст ему возможность самоопределения: сам и в себе самом нашел необходимость быть с красными.

(Дележ ситца открыл всеобщее, из чего сложены «белые».)

Люль. Вставить сюда описание Люля, напр., его выносливость: что с благодарностью вспоминаешь Толстого, умевшего тогда во время войны возбудить дружбу к горцам, связавшимся <*зачеркнуто:* перед смертью> и поющим в кустах предсмертную песню. Люль из этаких: и он бы резал, резал, как Хаджи Мурат... и вот он же и мирно сидит и дружит.

Пророк и вино. Странные предрассудки у них, смеются, а исполняют обряды, не пьют вино, а водку и коньяк пьют, потому что ни водки, ни коньяка при Пророке не было и их запретить он не мог. Впрочем, и у культурных англичан существует же король как остаток старины...

Козы и Люль. Гора осыпается, внизу козы пасутся: камни падают, чтобы козы не дремали, а всегда думали — не тут ли Люль.

Рассказы Люля.

Желтая круча возле Верхней будки кабардино-балкарского охотничьего хозяйства является центром охоты на кабанов.

Эта гора из желтого песка и гальки высотой над долиной не менее 500 метров осыпается неустанно, далеко не доходя до нее, можно во всякое время слышать непрерывный шум рассыпания горы, а когда близко подойдешь, то и видишь глазом, как с высоты скачут вниз беспрерывно мелкие камешки. За последние 15 лет осыпание задело верхнюю дорогу, а она была от края в трех метрах. Звук рассыпания гор до крайности неровный, случается как бы взрывами. И все-таки звери привыкли к осыпанию горы, мирно лежат себе днем или пасутся ночью, но стоит человеку шурхнуть листвой под чинарами, и звери это сразу узнают и разбегаются во все стороны.

Что привлекает сюда зверей? Конечно, обилие корма: редкие, но громадные чинары толщиной в шесть метров обеспечивают кабанов орехом. Между чинарами, когда не бывает ореха, в густых кустах по склонам в обилии родится в земле корень Шидда. Есть заросли, где кабан может только нос просунуть, но это известно, что кабану такая чаща самое лучшее: ему бы только нос просунуть, а все остальное тело, густо покрытое щетиной, всюду пройдет; зато волк в кусты не пролезет, и поросята могут тут жить в безопасности.

Мы шли к Желтой круче с двумя охотниками-кабардинцами, охраняющими заказник от браконьеров. Один из охотников, Люль, живой, без устали рассказывает о повадках зверей, другой, Гарун, с близкими людьми чрезвычайно [молчалив].

Когда мы пришли на Желтую кручу и сели отдыхать, я спросил Люля.

Приближаясь к Желтой круче с лучшим охотником Кабардино-Балкарии Люлем, я рассматривал на дороге кабаньи, волчьи и козьи следы, Люль говорил тихо, что и там внизу, вот в этой балке, полно зверями, и в той, и там подальше. Один склон в орешнике был весь покрыт воронками <*приписка:* пахал землю кабан>, казалось, он весь был засыпан снарядами, и все это изрыли кабаны в поисках корня Шидда. В одной воронке мы нашли птичку: она, очевидно, залезла в свою норку, и кабан неосторожно ее задавил. Так пришли мы с Люлем к Желтой круче и сели отдохнуть.

Гора неустанно сыпалась, летели, высоко подскакивая, по желтому крутому склону мелкие черные камешки. Мертвая гора жила большой жизнью, а живые звери вокруг спали, не обращая на это внимания. Я бы мог, слушая гóру, часами здесь сидеть неподвижно и молча, но Люль по чрезвычайной живос-

ти своего характера молчать не мог и стал мне рассказывать про Бетала Калмыкова, своего главного и любимого хозяина, и про гостей его разных на охоте, про кабанов, медведей и птиц Кабардино-Балкарии.

<*Приписка:* — Как это, — спросил я, — внизу козы пасутся и не боятся шума камней.

— Им тут безопасней, — ответил Люль, — ведь камни падают, чтобы козы не дремали, а всегда помнили, — не тут ли где-нибудь Люль.>

<*Зачеркнуто:* Рассказ о борьбе с хозяином.> Магнит.

Шли однажды по горной тропе на медведя впереди Бетал, позади Люль. Вдруг Люль обхватил сзади Бетала. — Пусти! — велит Бетал. — Не ходи дальше! — сказал Люль. — Я твой хозяин или ты мой хозяин? — спросил Бетал. — У кого магнит больше, тот хозяин: мой магнит больше: я твой хозяин, твой магнит — я твой слуга. — А, так... — ответил Бетал. И началась борьба. На другой день Люль приходит в Нальчик, в больницу. Доктор нашел перелом двух ребер. — Опять медведь тебя помял? — спросил доктор. — Нет, — сказал Люль, — это я под машину попал.

Дермант.

После этого рассказа я спросил Люля:

— А что это за магнит такой?

— Как, ты не знаешь, — ответил Люль, — это дермант.

Я записал по слогам дер-мант и долго не мог от Люля добиться полного смысла слова и понять, откуда он его взял: к кабардинскому языку слово это не подходило. Для полного раскрытия смысла этого слова Люль рассказал о борьбе Бетала с медведем.

В Балкарии было на горной тропе. Азраил пошел по тропе, а Бетал стал у тропы. Азраил хотел погнать медведя по тропе к Беталу с маленьким гаем. Ждал Бетал — нет медведя. Не выдержал и пошел по тропе возле скалы. Вдруг на том конце показывается медведь. Бетал стреляет из берданки один раз. В другой раз выстрелить не удалось: не успел передернуть затвором, медведь обхватил его лапами, впустил когти в спину и стал прижимать к скале. <*Приписка:* Медведь боялся сорваться и стал жать Бетала к скале.> Бетал угнул свою голову медведю под лапу, как птица под крыло, вынул кинжал, впустил его в медведя, хотел повернуть, но рукоятка разломилась, и нож остался

в медведе, а рукоятка в руке. Медведь взревел и так вздрогнул от кинжала, что не удержался на тропе и покатился вниз в обнимку с Беталом. Пока катились далеко вниз, медведь кончился, но когтей не выпустил. И Азраил наверху это видел. Он сел на краю пропасти и громко плакал. А Бетал все чувствует и слышит, как плачет Азраил, и собирается крикнуть, но не может. После того Азраил каждый коготь отдельно вырезал из медвежьей лапы и потом вынимал из спины Бетала. И целую неделю потом Азраил у костра сидел и повертывал Бетала к огню: размечется в горячке, повернется, а он опять ранами к огню... Через неделю Бетал встал и пошел...

— Вот что значит дермант <*приписка:* магнит>, — заключил Люль.

<*Приписка:* Бывает человек самый умный, а нет магнита.>

Начиная догадываться о значении слова дермант как физической силы, я намекнул Люлю на силу человеческого разума...

— Если нет дерманта <*приписка:* магнита>, — сказал Люль, — один разум нехорошая сила.

И в подтверждение рассказал об одном охотнике <*приписка:* писателе>, который приехал стрелять кабанов на засидках. Известный литератор прочитал басню о свинье под дубом вековым: свинья в поисках желудей подрывала корни дуба и не могла видеть, что желуди висели на дубу. Если бы только свинья могла взглянуть наверх, то, конечно, не стала бы портить корни дерева, на котором висят желуди. — А если свинья не может вверх смотреть, то надо устроить лесенку и стрелять кабана сверху. Это совсем тоже безопасно! — сказал литератор. И сел наверх. А Люль насыпал вокруг кукурузы. И с легеньким гаем стал нажимать на большое знакомое стадо свиней. Услыхав маленький гай Люля, <*приписка:* хорошо ему знакомый> секач <*приписка:* Бóа> сделал свое ш-ш-ш! и повел тихонько весь гурт в сторону, где сидел наверху литератор. Все стадо пошло, свиньи, поросята, дедушки, бабушки, внуки и правнуки, а под конец другой секач. И когда первый секач вышел на кукурузу, то, почуяв, сделал свое ш-ш-ш! и поднял голову вверх [и] сразу увидел наверху <*зачеркнуто:* литератора> ученого.

<*На полях:* Кабан глянул вверх. Хороший охотник успел бы стрельнуть, но литератор был так изумлен, что свинья взглянула на желуди, что момент стрельбы пропустил.>

Вмиг исчез секач в густых кустах, и за ним вся родня, и куда только нос может просунуть секач, туда он и весь проскакивает, и за ним вся родня. И забрались они в [невозможную] чащу и там залегли.

— А человек [пусть] самый умный и самый хороший, и ружье самое хорошее, только нужен дермант <*приписка:* магнит>: с одними баснями нельзя на охоту.

И еще рассказал Люль, что однажды из Москвы к Беталу в гости приехало много хороших охотников и среди них был художник, и ему тоже захотелось на охоту. Все гости, люди военные, всем известные охотники, сели на коней и поехали. А художник ездить не умел и хотел сесть один после, чтобы никто его не видел, и потом догнать. Люль это хорошо понял: бывали и такие охотники. Люль привязал коня к столбику, отошел подальше и сел за кустик. А художник выходит, оглянулся, не смотрит ли кто. И верно подходит с левой стороны (бывают такие охотники, что и справа садятся). С левой стороны подходит, и надо левую ногу в стремя, а он это забыл и ставит правую ногу, делает прыжок с правой ноги, а левая нога летит через гриву, и художник садится лицом к заду лошади... <*Приписка:* А лошадь испугалась и понесла догонять. И когда лошадь догнала, то все товарищи увидели, что художник сидит задом наперед, а руками держится за хвост лошади.>

— Люль, Люль! — воскликнул я, — если бы ты знал, сколько бы тебе дал за такой рассказ Сервантес!

И я рассказал Люлю о Дон Кихоте, что Сервантесу нужно было много истратить слов, чтобы изобразить возвращение Россинанта в конюшню. Если бы Сервантес знал рассказ Люля, то Дон Кихот в рассеянности своей непременно бы сел у него задом на лошадь.

— Рассеянность! — сказал я Люлю.

А Люль опять напомнил мне о дерманте, и тут я наконец-то ясно понял, что такое дермант: это не просто сила, это, скорее всего, сила жизни, составляющая в личности человека единство того, что мы называем духовным существом и физическим.

Фенолог.: туман. Волк. Петя пошел искать вальдшнепов, зашел далеко, вдруг туман лег очень плотный. Он едва выбрался из горы домой. Потом пришли в тумане парень с женщиной, тоже заблудились: шли в Кашка-Тау, а попали сюда. Мороз оставался весь день, при морозе одно время снег сыпался, а к ве-

черу чинары стали убираться и к вечеру так убрались инеем, что от них и дорога светлела. Между тем в конце балок, где ручеек бежит в глубине, а возле на скатах поросло кустарником, тихо, довольно тепло, и тут собралось множество певчих перелетных птичек...

Вечером мы вышли постоять на кабаньих переходах, но, видно, в такую погоду они не выходят из леса. Зато волк по дороге подошел прямо к нам.

Мужество. Харун принимает слабительное: из ручья. 9 огромных кружек вонючей воды. Мужество его при операции: отказался от хлороформа и потребовал показать ему свои собственные внутренности и свою вырезанную кишку.

О-о з ы н ь щ а у ӯ х. Кухва = имя хозяйки. Сахáт — часы. Гуджя — зеркало. Яда — отец. Яна — мать. Сый кóш — брат. Сышупх — сестра. Са-бы́ — дети. Хыгебз — девочка. Шáля — мальчик. Бзу — птица.

Консерватизм кабардинцев и легкость русских. Так вот мы и попали в ловушку, сидим целый день у камина, и глаза щиплет дым. Беседовали с Харуном о вине: вино не пьет — Пророк вино запретил — а коньяк пить можно, и водку пить тоже можно, и бузу, потому что во время Пророка не было ни коньяка, ни бузы, ни водки. Но мало того! о самом Пророке Харун говорит с легкой иронией, отдавая уважение русским, «через которых мы теперь всему учимся», и в то же время святой обычай старины не пить вина сохраняет, и молодой Таля тоже не пьет вина.

2 Апреля. Туман, мороз, то ли идти куда-нибудь искать теплых ключей с поющими птичками, то ли заниматься обработкой рассказа.

Иней. Редкостный иней, густейший, красивый. К полудню на полях снег сошел, но иней остался, и на темной земле, казалось, всюду были разбросаны белые цветущие кусты.

Мы пошли низом на Желтую кручу, но опять принуждены были подняться наверх и уже оттуда с большим трудом и некоторой опасностью спустились и опять поднялись и вернулись домой в 3 д. Замечательно, что после 5-часовой ломки ног в тяжелых сапогах по горам ноги совсем свежие, тогда как у нас, на равнине, после 5 часов делаешься усталым и после отдыха

ноги ломит. Здесь совсем не чувствуешь усталости в ногах, и только есть очень хочется.

Во время обеда налет Антонова с доктором, едут будто бы проверить серный источник (тот самый, который Харун пьет как слабительное): думаю, что под предлогом источника приезжали проверить нас.

От Харуна слышал, что Бетал не оставляет без внимания всякого бедняка, напр., у него с Желтой кручи сорвалась и убилась корова, Б., узнав об этом, подарил ему корову. «Без Бетала мы, бедные люди, пропали бы».

Чинаровое кладбище. Желтая круча стала понятна только внизу. Вероятно, это громадная морена, промытая, как разрезанная водой надвое. Размытые стены на одной стороне нынешней долины защитились от рассыпания лесом, хотя и там сейчас видно большое желтое пятно — быть может, начало рассыпания. Эта же морена рассыпалась давным-давно. Деревья, конечно, и сейчас силятся там и тут схватить рассыпание, но не могут и падают вместе с галькой и валунами и песком вниз. Упавшее вниз дерево служит препятствием для дальнейшего проскакивания камней, и потому каждая упавшая чинара служит причиной образования продольного каменного холма, могилы этой чинары. Сначала странным кажется, что деревья висят над бездной и внизу их нет. Но потом, оглядываясь вокруг, понимаешь, что все бесчисленные каменные холмы вокруг содержат в основе своей дерево и вся местность внизу является чинаровым кладбищем. На камнях, как и на всяком кладбище, охотно стремится подняться новая растительность, кусты шиповника, желтые первоцветы, какие-то травы, любимые, очевидно, дикими козами: везде мы видели тут их черные орешки.

Морена состояла из шести или больше заметных, разделенных черными полосами слоев. Среди мелкого кругляка, связанного желтым цементом из глины и песка, кое-где вкраплены были массивные валуны. Остается еще очень немного, три, пять лет, может быть, десять, и рассыпание кручи окончится: и эта долина соединится с долиной по ту сторону кручи. <*Приписка:* («Труба»)>

Фиалки. Иногда шаркнешь ногой по листве, и откроются фиалки синие, эти пахнут грибами, а те, которым удалось вытянуться из-под листвы на свет, пахнут прекрасно. Из других цветов много подснежников, и тоже которые выбились и синеют, а которые скрыты.

Черемша. Внизу на сыром склоне из-под листвы и снега высунулись, зеленея, нам показалось, наши ландыши. Но когда мы взяли один из «ландышей» в руки, то от него в сильнейшей степени запахло чесноком и луком, и мы догадались, что все эти зеленеющие поляны есть черемша. От Харуна после узнали, что Бетал заготовляет себе по 7 пудов черемши. Это его любимая трава, ею он радуется, ею лечится, как и всякий зверь травой лечится, и от сильной травы набирает себе силу для государственной деятельности. В маринованном виде черемша не воняет, и Бетал ест ее, конечно, в маринованном виде, иначе, поедая 7 пудов, он протушил бы, наверно, весь Обком.

<*На полях:* Антонов сказал, что весна эта ненормальная, что теперь бы должно быть все зеленое.>

Иней. К середине дня начал было обрушиваться иней с чинар, но потом посвежело вверху, и внизу снег сошел, и оттого иней на деревьях стал выделяться еще сильней, может быть, тоже и нарастал. Только странно было в этом совершенно зимнем лесу слышать песни бесчисленных перелетных птиц и нюхать фиалки. Только не было кукушки. Что, эта насекомоядная птица запаздывает, как и у нас, в ожидании насекомых, или совсем не кукует в этих лесах на своем перелете?

<*На полях:* Приезжал Антонов с доктором. Антонов оставил прутик. Рассказ его о том, как он 30 ружей своих раздарил (какой богатый!)>

Лисий след и тропа. И так та едва заметная дорожка в лесу, теперь пересыпанная снегом, часто терялась, и мы узнавали ее только по лисьему следу, который начался еще от большой дороги.

3 Апреля. Ледяные трубочки. Утро немного лучше, чем все эти дни, туман свернулся внизу в долине, а не у окон стоит. Но небо закрыто, и всё мороз. Иней во всей красе, тот самый <*приписка:* (ледяные трубочки)>, который мы видим из Нальчика в горах, когда они оттуда кажутся седыми.

В движении нашем заминка, и довольно крупная.

<*На полях:* Приезжал Люль.>

Харун после обеда повел нас показывать места, где охотится Ворошилов, где его засидка, где холм Калмыкова, были у сернистого источника и вечером вернулись домой. Вальдшнепы тянули.

Кабаны-ежи. Думал, люди на дороге, присмотрелся — кабаны! Взял бинокль — диво: как ежи на ногах и последний кабан хвост кверху.

«Сернистый источник»: выпьют по четверке и гулять, если кто сядет (понос), дожидаются.

Иней исчез. Фенологический план.

После обеда шли мы, и вдруг я схватился, — чего-то нет, что-то произошло: а это, оказалось, вдруг иней исчез. Кроме того, вечером было мягко, тянули вальдшнепы. Мы решили, что это начало перемены погоды. И действительно, после ужина, когда легли, окна у нас были голубые: сквозь облака светила луна.

Мы видели норы: желтые пятна на холмах. В одной норе жил барсук и кот, а пониже их отдельно лисица (возможно, что лисица поселилась у барсука и он ушел и вырыл нору повыше, и к нему кот).

Уважение к старшим. Я взял прутик начальника НКВД и погрозил Пете, он же вырвал его у меня из рук и мне показал. Тогда и Люль и Харун серьезно остановили Петю, и Люль рассказал, что когда он был маленький и ходил с отцом, то встретился большой медведь, отец раз! — осечка. Люль хотел стрелять. — Нельзя! — остановил отец, навел ружье, — вторая осечка. Люль говорит: — Я убью! — Отец говорит: — Нельзя! — Отец боялся: если две осечки — признак плохой. Что признак, пустяки! А ослушаться нельзя: он старший. — И тебе, — сказал он Пете, — нельзя, надо старших уважать, потому что ты будешь тоже старый. (Хорошо это, и как отвратительно у нас, где над стариками смеются.)

<*На полях:* И у нас оно было в деревнях в высокой мере.>

Харун и Кухва: Харун токует, Кухва любит в бинокль на горы смотреть: через бинокль освобождение мусульманской женщины. Бедная Кухва! все ели, пили, но никто не решился предложить ей рюмку вина или выпить за здоровье хозяйки. Освобождение мусульманской женщины совсем иное, чем русской.

Люль и Харун. Люль и Харун сидели у стопки коньяка и долго спорили. — О чем вы? — спросил я. — Кому пить: раз гость налил, отказаться нельзя, а если он — пропадет (так пьян), и я пропаду. — Харун выпил.

<*Приписка:* Развить в вопрос о том, кто лучше охотник, и это перешло в то, кто храбрей — тогда Люль, а потом Харун: как он не согласился на хлороформ, как он потребовал ему кишку показать и увидел: все были синие, а тот кусок красный. Мы заставили выпить Люля.>

4 Апреля. Горы. О радость великая! Небо чистое. Горы явились, встретили нас и узнали нас, и мы узнали: вот наша Палатка — такая чистая, и чем дальше к Черному морю, к Западу, тем все чище, яснее, — вот на Эльбрус бы смотреть с нашего холма! — а чем дальше к Востоку, к Каспию — тем сумрачней: Казбек едва только можно было разобрать, и узнавался он скорее по ледникам, серебрящимся даже через хмару. Внизу в долинах синел туман, и это не нравилось Талю: «когда этот туман пройдет и будет туман наверху (кучевые облака), будет лето».

Горы и ручей. Маленький ручей распилил скалу сверху донизу. И гора с той и другой стороны обрушилась на ручей и засыпала, но задавить не могла. Ручей выбился, а на отлогих берегах рассыпанной скалы поселились разные травы, а потом люди пришли и начали землю пахать.

Мы пошли берегом маленького ручья к реке Ху. Ручеек, однако, зарывался все глубже и глубже, пока наконец в остром углу высоких черных осыпей с упавшими вниз деревьями стало невозможно идти. На этот маленький ручеек падали гигантские чинары, рушились камни, осыпались целые горы, и он все-таки в конце концов малюсенький одолевал огромные горы. И так это странно было думать, что ведь целая большая гора не может засыпать самого маленького ручейка.

Думая об этом ручейке, я думал о творчестве и, конечно, о себе, потому что это моя вечная мысль... Я вспомнил долину Желтой кручи: ведь и ее создал тот ручеек. И долина Черека со своими колхозами, черными пашнями — все это от горного ручейка, бегущего из-под ледника. Смотрел туда, в снежные горы, бродил по снежным и бесснежным пустыням, и мне было точно как на море: ничего нет лучше, веселей наблюдать битву волн со скалами, и как пусто в самом море; так и здесь, наблюдая в предгорьях разрушение гор от воды, хорошо посматривать на те снежные вершины и понимать их жизнь по этому маленькому ручейку, которого не может задавить гора.

<*Приписка:* Можно кончить: ночью мне приснился мотив моей повести «Жень-шень»: «охотник, охотник, отчего ты не

схватил ее за копытце?» в его автобиографическом происхождении, и это во сне понималось как родник поэзии, который не задавит никакая скала.>

Кукурузное поле под небесами. Мы перешли реку Ху и после раздумья: в чинаровый лес или «тигром по хребту» влево, оставили дорогу на Кашка-Тау и осторожно стали подниматься и, когда поднялись, там наверху под небесами увидели кукурузное поле. Сколько усилий человеку и животным! Говорят: «Бетал ошибся». Но Бетал устроил колхоз для защиты от абреков... И верно: абреки ушли, а те люди продолжали жить (так «человека человек послал к Анчару властным взглядом»).

Рождение облака. Смотрели, как из черного ущелья вышел просто дым, пар или клочок тумана и как он поднялся к снежным горам, к их вершинам и наконец отделился и по синему небу поплыл обыкновенным летним облаком.

Припёк. Пришли к «озеру потерянного орла» (стреляли в беркута, он свалился к озеру, и мы его не нашли). Наверху горы в заветрии был такой припек (а вчера ведь был снег, мороз, иней), что Петя разделся, лег на свое белье и загорал, да и я наполовину разделся. А когда вышли из угрева, пришлось надеть фуфайку и толстую куртку. Понятно стало, что где-то по снегу на лыжах ходят в трусиках.

<*На полях:* Кухва видом рябая русская баба, точно как у Некрасова: «нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить». Только нерусская чернота волос и отчасти глаз говорит о кавказском происхождении.>

Харун привез провизию. Заказали машину на 6-е. Харун говорил, что Бетал ежедневно пьет сернистую воду и съедает 7 пудов черемши и сколько-то чеснока.

Концерт лягушек. Весь день на востоке было сумрачно, на западе горы снежные боролись с большими облаками. Вечером горы с востока начали одна за одной исчезать... Когда село солнце, долго еще краснели вершины, потом горы стали сплошь ровно голубым силуэтом, и с востока от Каспия они стали исчезать гора за горой, а к Черному морю на западе были еще долго видны даже и при луне. Однако лунного света мало для горы: горы существа дневные. Впервые слышал концерт лягушек.

Кабаны будто люди. Петя на тяге, когда еще было совсем светло, увидел, будто вдали по дороге люди показались, пригляделся, а это кабаны.

5 Апреля. Нартан. Второй день солнечный... Мы вышли на гору Нартан (Три горы: Нартан, Испор, Надпор видны из Нальчика, на них жили три великана и подавали друг другу, что надо: надо ножик — брат подает ножик, а старшему Нартану голову барана).

Нигде я не видал, не слыхал столько маленьких птиц и столько хищников. На горе Нартан мы сели в затишье, разделись догола и принимали солнечную ванну, а почти рядом лежал еще снег, и всего только позавчера весь лес от верху до низу был в инее, а земля в снегу. Лес чинаровый под нами еще совсем голый, и деревья были как воткнутые стрелы великанов, будто бы обитавших внутри этих гор: стрела к стреле перьями, как и надо, вверх. Почки чинаровые острые и длинные, как будто начинают пухнуть от этих жарких солнечных лучей. Будь наши березы под такими лучами, они, кажется, в один бы день вспыхнули яркой зеленью, а это, видно, как и дуб, тяжелые деревья. И понятно, почему они редко, как стрелы, сидят: очень ветвисты; вероятно, под ними летом будет сплошная тень. Видно, сейчас, пока еще голы чинары, и есть только время пожить весеннему цветочку. Подснежников целые поля и фиалок тоже довольно, и обыкновенно их в желтой листве не сразу увидишь, сначала на ходу пахнет на тебя фиалками, а потом и обратишь на них внимание.

Чрезвычайно приятна горная солнечная ванна, но действие ее так сильно, так расслабляешься, разлениваешься, глупеешь, что идти потом домой по жаре часа полтора сил нет. Пришел чуть живой.

Легенда о Бетале. Вот еще одна из легенд о Бетале. Когда старик Томский вместо кабана убил под Тагиром лошадь, Б. прогнал его, а смеяться над стариком запретил строго-настрого. Вот эти маленькие легенды являются драгоценным материалом, если описывать Кабарду: нет-нет да и покажется Бетал.

Гость и дом. После обеда улеглись отдыхать. Является Романов. Зачем он приезжал? очевидно, лодырничает под предлогом обслуживания «гостя». Это навело меня на беспокойные размышления. Изучение длительно, а «гость» — это понятие,

включающее в себя непременную ограниченность во времени. Эта ограниченность пребывания создает беспокойство, кажется, все не успеваешь. Другое дело, когда свои деньги расходуешь и ни от кого не зависишь. Возможно ли так устроиться здесь? В Нальчике жить не захочется: в городе плохо, на даче как-то курортно. В ином месте, где-нибудь в колхозе, для поездок надо иметь лошадь и, пожалуй, еще машину. Об этом надо поговорить откровенно с Беталом, имея сам в виду следующее: сейчас быстро пересмотрю все, что надо, Эльбрус, ущелья и пр., после того поеду в Майкоп, в заповедник, в леса, после того познакомлюсь с лесами в Сухуме, в Батуме, побываю в Тифлисе и к июлю вернусь домой. Осенью же для изучения Кабарды приехать уже не гостем.

<*На полях:* Значит, «гость» — источник беспокойства — это почему турист не видит ничего — надо не гостем быть, а купить свой дом: есть свой дом, и получаешь то равновесие, когда любуешься (в женщине есть дом: заключается дом в ее ребенке, и оттого лучше нет, прекрасней нет ее родственного внимания).
Гости и Бетал — это целая тема: не хочу быть гостем, хочу быть сам хозяином в Кабарде, и вот борьба: для этого нужен дом и машина.>

Черек шумит. Вечер тихий и такой лунный свет, что видны снежные горы. Так тихо, что слышно, как Черек шумит, будто поезд.

6 Апреля. Родник поэзии и скала. Ночью повторял в сердце мотив всей моей жизни «охотник, охотник, отчего ты ее не схватил за копытце?» Силился выбиться из этого «непорочного» круга и не мог... И, по-видимому, это и есть тот родник поэзии, который не может задавить никакая скала.

Читал в «Правде», что вот уже 5 день в душном зале Союза писателей идет спор, критика и самокритика писателей. Всев. Иванов публично отказался от своего «факира» и назвал этот свой поступок величайшим геройством. Я на эти слова отвечал: — Слабая собака в борьбе, сдаваясь, перевертывается на брюхо, но никогда сама себя не кусает. У людей как редкий случай приводит Гоголь рассказ об унтер-офицерше, которая сама себя высекла. Но только во всем мире за все его существование ни среди животных, ни среди людей не было случая, чтобы побежденное существо, перевертываясь на брюхо, заяв-

ляло об этом как о факте беспримерного геройства. Этого мог достигнуть только советский писатель.

Земля пахнет. Солнце, небо и горы в легкой влажной дымке, и земля пахнет собой хорошо, как <*зачеркнуто:* добрая> наполненная горячим хлебом печка у хорошей хозяйки хорошо пахнет...

Роса на бровке. Иду по дороге на гору Аушегер. Бровка колеи начала зеленеть, и на молодой траве явилась в это утро первая роса.

Цветы. Налево от меня лес, направо пастбище, вспаханное до черноты кабанами осенью. Чинара очень трудное дерево, как и дуб – не развертывается, не верит этому непрочному теплу. Из-под желтой сухой листвы полями голубыми пробились подснежники, в этих южных лучах голубое подснежников напоминает самаркандские эмали на мечетях. Вдруг повеет фиалками, и тогда не без труда находишь затаенные в желтой сухой массе листвы синие цветочки (здесь фиалки не голубые, а синие).

Лазы. Хребет предгорий, по которому я иду, каждый год, конечно, осыпается в балки, и осыпанная земля уносится с одной стороны в лес, с другой в поля. Мало-помалу противоположные балки сходятся, и хребет понижается в этом месте. По этим низким местам из леса в поле ночной порой проходят кабаны, это лазы. И так идешь по дороге все время то поднимаясь, то опускаясь. Если тихо идти, то можно, поднимаясь, внезапно застать зверя, переходящего по лазу. Я захватил лисицу.

Почему я забыл взглянуть на горы? Опускаясь в низменное место, я застал себя на одном низменном чувстве. Мне было досадно, что Харун вчера не доставил мне вонючей воды из целебного серного источника. Низменным была мне подозрительность и та обижаемость, похожая на злобное бессилие заключенного, переводящего причину обиды своей на ничтожные поступки тюремного сторожа.

Когда я поднялся наверх, то вдруг увидел все горы, от Черного моря до Казбека и дальше в туманной дали Осетии к Дагестану в бесконечности... Первый раз за все пребывание свое на Кавказе я, выходя из дома, забыл взглянуть на горы, и они сейчас как будто упрекали меня в этом моем первом грехе.

Давно ли я давал себе обет не отдавать себя привычке и каждое утро отмечать перемену в горах и так понять их жизнь. И вот я забыл о горах впервые, хотя они сияли сегодня, быть может, даже лучше, чем в прежние разы. Правда, многие снежные горы во время этих трех жарких дней стали черными, зато сильней стали выделяться своей белизной вершины с вечными снегами и особенно Казбек со своими сверкающими серебряными формами. Как же это могло произойти, едва ли ведь так просто объясняется утрата великого чувства простым раздражением на бедного Харуна...

<*На полях:* Трудно увидеть хорошее, но еще труднее по хорошему увидеть плохое.>

Ключ от источника. Спускаясь снова в низменное место, я вдруг ясно представил себе небольшой срубик, заключающий целебный источник. На этом срубе была крышка с пробоем и в нем заржавленный замок. В избушке рядом с источником сидел сторож, и когда мы позвали его, то он вышел с кружкой, а замок, хитро улыбаясь нам, открыл без ключа. Вчера же вечером Харун именно и сослался на сторожа, что будто бы не было сторожа. Мне тоже сказали, что Б. ежедневно пьет по три нарзанных бутылки этой воды. Я вспомнил еще поездку начальника НКВД с врачом к этому источнику. И вдруг все соединилось во мне, и явилась догадка, что ключ-то от замка находится у Бетала или у его охранников и каждый раз, когда посылают от него за водой, посылают и ключ. А сторож открыл нам замок своим способом благодаря дружбе с Харуном. И когда я послал с большим чайником, то сторож просто не посмел. Тогда низменное мое чувство перенеслось на Бетала: он пьет целебную воду и так боится за жизнь свою (не отравили бы враги источники), что вешает замок на целебный источник. А ведь сам когда-то был табунщиком и, наверно, помнит то время, когда все бедные и богатые приходили исцеляться к источнику, свободно бьющему из гор? <Приписка: Можно отнести к нарзанной реке под Эльбрусом, заключенной в бассейн.>

И тут второй раз я застал себя глядящим на прекрасные горы и не видящим их красоту. И опять горы с великим упреком смотрели на меня, и мне было очень больно. — Почти наверно, — думал я дальше, — все это о ключе вздор: замок отпирается только «своим способом».

<*Приписка:* Описывая, можно Бетала заменить кем-нибудь... что именно не Бетал, а кто-то, кому надо заботиться о Бетале, «посредники». Развить мысль, что Б. ничего и не знает о замке́, а что это люди позаботились и повесили (Антонов и пр.)>.

И даже если бы и заботился Б. об охране своей жизни, то как же ему, вождю, и не заботиться об этом. Я часто боюсь смерти из-за того, что книгу какую-то не дописал, а он строит государство и, вероятно, чувствует себя незаменимым. Необходимость замка́ в процессе размножения людей. И как же быть с целебными источниками, если слава о них распространится, если всем хочется пить эту вонючую воду: ведь табуны таких людей скоро затопчут, загадят, задрищут эти источники, если не повесить замок и не установить какой-то порядок. И в этом же есть и весь смысл государства.

Не в Бетале дело и не в Харуне, а в законах человеческой жизни, в человеке. Тогда я стал думать о человеке, и когда вспомнил о прекрасных горах, то они больше не упрекали меня: ведь не из-за своего дрянного чувства забыл я о них, я забыл о горах, потому что думал о человеке. А еще мне сами уж горы это подсказали: «трудно увидеть хорошее, но еще труднее по хорошему увидеть плохое».

Возникновение Пятигорска.

Свойство думать плохо так же вечно и внутри человека, а не в вещах, как «Прекрасная Дама» (априорно) [1].

Голуби голубую глину... зяблики из гостиницы слышны... чудо техники (охотничьей).

Лес северный и чинаровый. Лес великий, наши сосны перед чинарами, как спички, но какой это лес, если можно забраться повыше и просмотреть его сверху насквозь. У нас на севере это и есть самое главное в лесе, что он выше нас...

Глядя на хребет Кавказа, распределял против копий горы — Орджоникидзе, где Нальчик, где Майкоп, где Дагестан, и Северный Кавказ вдруг стал весь понятен. От Белых гор отделились Черные, от Черных — Лесные.

---

[1] априорно (*лат.*) — то есть известно заранее, доопытно, до проведения исследования.

Работа воды и людей. До сих пор все делала вода в борьбе с тяжелыми массами, а над лесами работали люди, превращая в пастбища наверху и в поля поближе к реке.

Груши в полях. Есть поля, как сады, покрытые редкими грушевыми деревьями: сладки дикие груши, и их оставляли на полях.

Ошибка вождя. Много вреда причиняют кабаны полям. Пророк сделал ошибку. Бетал тоже сделал ошибку, что поселил людей в горах, а оказалось, он поселил их из-за разбойников, и, может быть, сами разбойники раскаялись и пашут теперь вершины под кукурузу, искупая свои грехи. Ошибки Пророка устойчивее, чем его добрые замыслы: он ехал верхом и увидел, один пьяный человек убил другого, — после того он перестал пить вино, и это стало запретом для всех. Но как гора не может задавить ручья, так вся моральная сила Пророка не могла победить источника человеческого горя и радости: вина. Водки и коньяка не было при пророке. И Харун не только вино, а даже бутылку винную не возьмет, а водку пьет ежедневно.

<*На полях:* Янус. Лесные горы: лицо гор с севера — лес, с юга — пастбище, и каждая такая гора, если посмотреть с востока и с запада, стала как двуликий Янус.>

Миграция кабанов. С прекращением пастьбы в мае кабаны выходят на поля и посещают их до весны, до выгона скота в поля. Миграция с гор вниз из-за тепла (?)

Солнечная ванна на горе Аушегер. У нас под Москвой снег такой, что чуть тепло, и он тает (потому что тепло у нас длительное). А в горах под самым горячим лучом снег лежит (вероятно, не успевает вобрать тепла, как ночь морозная или ветер меняется). И вот на верху горы под знойными лучами мы раздеваемся догола, ложимся на свою одежду и повертываемся медленно, подставляя лучам то живот, то бок, то спину. У нас под Москвой такой воздух бывает немного по утрам в марте при легком морозе и сильном сиянии солнца. Этот чистый воздух так чист, так ничем не пахнет, что мысль вызывает любой запах, увидишь церковь — и запахнет ладаном, желтую бабочку — фиалкой... Солнечная горная ванна, купание солнечное, если не перегреться до испарины, доставляет такое тонкое физическое наслаждение, что почти оно и не физическое...

<*приписка:* потому что по образам начинают показываться запахи, напр., ладан и пр.)>

Долина Черека... Урвань в Черек и называется Чере́к, а потом опять разделяется на Чере́к и Урвань, и в Урвань впадает Урванец (Ху). И после того как Урвань и Малка соединяются с Череком, река называется Терек.

Колхозы: по одной корове, больше нельзя (почему?). Турлучные жилища, хорошие, чистые (в с. Аушегер). Все понять в процессе строительства.

Дрозд в чинаровом лесу. Нигде не видел столько певчих птиц. Мелькнуло в глазу что-то серое и затаилось в кусту и опять зашуршало сильно листвой. Думал, зверь, а это дрозд-рябинник производит такой шум в чинаровой листве.

Романов и Люль заметно меньше стали меня уважать, когда я задержался на Верхней будке.

Река камней. Думаешь издали, будто молочная река замерла и остановилась, а это настоящая река, ее каменное русло, ожидающее с гор воды. Среди камней часто невидимо бежит ручей, способный потом скрыть все широкое каменное русло.

Путь моего опыта, как дорога, то вверх, то вниз. Сколько раз хотел уехать назад, и опять...

Нижняя будка. После обеда, после чая с шоколадом пили вонючую серную воду. Кухва поехала с нами. Приехали в Верхнюю будку. Ждали табун кабанов. Прошел один силуэтом. Бегал фазан, сойки, черные дрозды, зяблики. Возвращение в гостиницу: радость культуре (эта радость и есть мотив современной жизни). Ну и Бетал! (охота с этой стороны).

7 Апреля. Фенология из гостиницы (после перепела можно увидеть фазана). Вчерашняя заминка в свете солнца, тепло и сушь разрешились дождем и снегом. Наши горы стоят белые, и даже из гостиницы слышно, как поют в парке зяблики.

Живые покойники. Снег вернулся. Смотрел на спящего Петю и узнал в чертах его лица своих братьев. Как давно это было! Есть какое-то чувство неловкости в отношении покойников за свою жизненность, больше даже, чем простая неловкость, почти виновность. Так точно в отношении некоторых очень хороших людей чувствуешь как бы свою нравственную несостоя-

тельность: странно! К живым хорошим чувствуешь то же, что и к покойникам (Дуничка, Р. В. Иванов). Что же это? Или хорошие люди так основательно вымерли, что невольно остатки их считаешь с покойниками? Или... Разумник уверен, что честный коммунист не может сделаться писателем, но что и писатель, получивший успех при коммунизме, — плохой писатель. Мои произведения «Кащееву цепь», «Журавлиную родину» он только терпит, он втайне считает, что раньше я лучше писал. По его личности можно понять, как в свое время возникли староверы.

<*На полях:* Встретил начальника турбазы Кудрявцева (который написал роман). Он ушел из турбазы, переезжает из Кабарды в Теберду (Карагай), говорит, что там очень хорошо.>

Если спросят, что в Кабарде прежде всего остановило мое внимание, я скажу, что в Кабарде я впервые почувствовал наступающую старость свою защищенной от насмешек. На моей родине стариками дразнятся, здесь стариков уважают.

Явилась мысль выступить с Люлем у детей. Мои рассказы иллюстрирует Люль. 1) Желтая круча: рассказ о медведе. 2) Кабаны и волки (нос просунул, и весь кабан, а волк...) Люль изображает табун: секач впереди: Люль прыгнул с дерева в середину, стрельнул в воздух из ружья, и все разбежались.

8 Апреля. Фенология из гостиницы. На востоке солнце, в горах темно и страшно. Постепенно как будто солнце одолевает. Легкий морозец. В парке на елках остатки снега. В горах, где мы были, снег сплошной. Трава как начала слегка зеленеть, так и осталась. Растения, вероятно, приспособились к резким переменам и до ровного тепла не выходят из своего зимнего покоя.

Горы повыше Эльбруса. Что значит в славе Бетала его восхождение на Эльбрус, или для Ворошилова значок ворошиловского стрелка, или для любого крупного деятеля науки и искусства орден Ленина? Есть горы такие высокие, на высоте которых сам Эльбрус игрушка, а орденов вовсе не видно: видали мы ваши медали — и альпинизм и туризм: всякий «изм» делается посредством мутовки, взбалтывающей человечину, как сметану. А кто взбалтывает, тот помалкивает.

Вышел утром пройтись и встретились, идут в Обком директор исслед. института Пшеноков, Налоев и Талпа, в Обкоме им будут кишки прочищать. Возле Обкома встретилась и Калмыкова. Моя идея выступить с Люлем перед детьми ей очень понравилась. Только что-то опять мне мелькнуло в ней «губернаторское», т. е. какая-то суета возле нее, шум, что-то вывернутое наружу... не знаю точно — что́, но я унес с собой неприятный осадок.

Были свиньи или не были? В обед показались горы, и, хотя довольно холодно, вечер наметился хороший. Пришел Романов с докладом, что вчера он запоздал, но тихо подкрался к шалашу (возможно ли?) и застал 7 кабанов, что будто бы он вернулся и велел свистнуть, после того сам опять подкрался и видел, как после свиста кабаны тихонько ушли. А после того ночью пришли, и он долго любовался при луне множеством зверей. Из этого рассказа следовало, что надо ехать, между тем в Обкоме нет бензина, но если мы сами позвонимся, то дадут, не может быть, чтобы не было! Мы позвонились — дали. Но через малое время говорят, что шофера нет. Вдруг появляется Тагир и говорит, что он только что проверил: свиньи не приходили в эту ночь. Замешательство. Романов говорит: «Ну так сегодня придут...» Были свиньи или не были? Кто врет, Романов или Тагир? Скорее всего, Романов врет: свиньи не были. Мы отказались ехать с тем, чтобы завтра с утра направиться в Пригородное хозяйство.

Теперь явно, что вокруг нас плутуют, что жить «гостем» и что-то делать трудно, скучно. Не лучше ли вовремя отступить, переехать в Теберду, оттуда в Сухум, и тогда в общей цепи Кабарда как звено будет замечательным? Итак, мы поживем на Черной речке, посмотрим птиц в степи, съездим в ущелья, на Эльбрус и в Карагай, пообещав Беталу вернуться к осени на Черную речку.

Встретился Налоев. Откровенно рассказали, и он тоже признал, что Бетал — да, а возле плуты. Ох, и тяжела ты, шапка Мономаха!

9 Апреля. Как почернели эти белые горы! Встали в 6 у. до восхода солнца. Небо ясное, из-за гор встают золотые от восходящего солнца кучевые облака и образуют свой снежно-золотой хребет правильно на равной высоте от нашего черного, еще покрытого белыми пятнами. Как они почернели, эти бе-

лые горы, с тех пор как я увидел их первым глазом. И горы чернеют, и взгляд мой тупеет, остается только записанный мной пройденный путь. Но я, действуя, буду приближаться к горам, буду учиться понимать их жизнь и тем взрывать тупящую оболочку, облекающую первый взгляд.

Ураган. В 9—10 у. при полном сиянии солнца с Запада надвинулась желтая густая муть степной пыли, пронесся ураган, и все небо закрылось хуже, чем тучами, желтой плотной пылью.

Свиньи не были, но будут. Романов позвонил, что с машиной «та же канитель». Решил идти к Беталу и выяснить все мое положение. Звонцов назначил от 1—2 ч. Явился Романов: достал бензину. Я спровадил его до после разговора с Б. Тогда пришел Тагир. С Тагиром пришел сапожник, присланный Водаховым (наркомпром), чтобы сделать мне сапоги. Я принял сапожника за Зайца и отругал его... Потом обратился к Тагиру: — Что же, — спросил я, — Р. говорил, что свиньи были, вы — не были. Неужели вы, такой опытный охотник, не могли понять свежие следы большого стада? — Тагир замялся и покраснел. Он переживал драму: сказать, что Р. врет — он не хотел, и ему тоже надо было сохранить свое положение охотника. После некоторого замешательства, покраснев (а старик!), он сказал: — Свиньи не были, но они будут. Сегодня же, может быть, будут. — Вот тогда я, смягченный ответом Тагира, обратился к Зайцу и спросил... Но тут сапожник открылся, я очень обрадовался и решил ехать и Б-у не жаловаться.

Бетала не было в 2 ч., да и к лучшему, о бензине рассказал Звонцову: — Подозреваю, — сказал я, — войну гаража с охотстражей. — Оно так и есть! — отв. Звонцов.

В 3 д. мы выехали и по предложению Р. взяли «в нашей колбасной» много колбасы чайной и краковской (вероятно, в компенсацию за кабана). Через какие-нибудь ½ часа мы преодолели пространство в 17 км, которое стоило нам 3х-дневного сиденья в номере, и въехали в ворота подсобн. хозяйства Облисполкома. Хозяин Измаил Хангиреевич Пшибшев показал нам коров и рассказал о хозяйстве на 100 гект., показал нам пруд с дикими утками и форелями.

Я его просил показать мне, как живут колхозники у себя дома, причем не предупреждая: — Просто зайдем напиться. — Это вам наш хозяин велел? — спросил Измаил. — Нет, — ответил я, — но ведь я тоже хозяин: он в Кабарде, я у себя в литера-

туре: мне это надо. — Так выдал Измаил, что существует и что-то закулисное в его прекрасном рассказе. А он рассказывал нам, что в Нартане давно отвыкли от кукурузы и едят мясо, что русские дети и кабардинские совсем «не понимают даже, что они русские или кабардинцы, а все одинаковые», что Бетал кабардинцам дал все, просвещение, хозяйство. Под вечер мы пошли к фазаннику и в терновник очень частый возле фазанника. Сквозь частые ветки мы заметили на пруду удочки и человека. Оказалось, удочки поставлены, чтобы нам на завтра поймать форель. Этот человек и потом еще садовник сказали нам, что здесь кругом повальная малярия, потому что земля такая: ковырнул, и родник. Это сведение сразу покончило с желанием моим поселиться на Черной речке, и так я обрадовался, что не удалось встретиться с Беталом.

Сон: змейка и ящерица. Нас уложили в роскошнейшие постели, и мне снилось, будто я, стоя на ногах, скольжу по наклонной плоскости, а две девочки шли рядом с гувернанткой и, поняв, что так можно катиться, поехали рядом со мной. По дороге нам попались на пути две ящерицы и змейка. Дети взяли их с собой и покатились дальше. Но внизу сидела огромная жаба. Девочка около жабы близко несла змейку и ящерицу, жаба схватила змейку, потом ящерицу и проглотила. Девочка заплакала, рассердилась и ладонью изо всей силы хлопнула жабу по лапке.

Тип Романова и, напр., Измаила. Русский — это прожженный человек, кабардинец — наивен.

Павлин. В подсобном хозяйстве есть все для приезжего гостя, фазаны, утки, форель и даже, как полагается в таких случаях, домашний павлин.

Проснувшись ночью, я окончательно решил, что в Кабарде мне не жить, и стал раздумывать о природе этого самообмана, который преследует меня всю жизнь: во всякой новой местности мне хочется поселиться, и я представляю себе, что куплю дом, и согласно с этим действую до какого-нибудь препятствия и тогда бросаю. Так вот теперь препятствием (предлогом?) является малярия. Помнится, что и у Толстого было что-то вроде этого... А у людей типа Бетала отношение другое: личное устройство для него само собой вытекает из его общественного дела. Бухарин удовлетворяется легкими связями. Мое личное

отношение к природе происходит от чувства собственности или же явление порядка поэтического?

10 Апреля. Форель и буза (название к последующему).

Утром вошла хозяйка и спросила: — Если вы заинтересованы рыбой, то идите ее вынимать. — Мы вскочили и немытые бросились к пруду. Поймались на удочку две форели, которые вскоре были нам поданы в жареном виде. Вместе с форелями подана была и бузá, кабард. нац. напиток из жареного пшена.

Охотились. Солнце через пыль светило как луна. Собака у нас курцхар, подаренная Рукзутаном, по кличке Самурай, а все зовут, и русские и кабардинцы, Замарай. Собака хлещет по болоту, брызги летят, и в то же время пыль от каждой ноги столбом, и каждый сучок дымит, и кажется, будто попал в квартиру, где печку ломают...

Удод и ласточки. Вчера по пути на дороге встретился удод. — Ну, — сказал Р., — если удод прилетел, то и ласточка тут. — И правда: сегодня везде ласточки. Сорвался бекас, и мы ему, родному, дикому обрадовались. В оврагах ручьев, бегущих в Урвань, непроходимые колючие заросли. Ива и терновник обнаружили зеленые почки. Замарай, весь истыканный колючками, носился в зарослях и вне выстрела нашего выгонял вальдшнепов и фазанов. Одна фазанка вылетела близко от нас прямым полетом и с таким же гульканьем пролетела, как серая куропатка. Очень сухо, птицы далеко слышат собаку, бегут, фазаны перед взлетом кричат. Так один набежал на нас, крикнул перед взлетом, Петя приготовился и, когда фазан взлетел вверх свечой, остановился в воздухе для поворота, прицелился и выстрелил, как в сидячего. Мгновенно Замарай насел на него верхом, и полетели по воздуху золотые, синие, зеленые и всякие-всякие перышки. Мы вдвоем едва оттащили от разукрашенного брачным нарядом Замарая и долго любовались разными [невероятными] перышками.

Нас, однако, интересовали гораздо больше фазанов вальдшнепы. Фазан ведь это здесь для охотников недоступная птица, а вальдшнепа все-таки где-нибудь кто-нибудь нет-нет и убьет. В особенности теперь только стало понятно, почему так обрадовался Катынский, когда нашел здесь гаршнепа.

Бригада. Вечером ходили смотреть пахоту бригады колхоза Нартан (20 бригад × 60 человек). Чистота идеальная, пахота превосходная. Трактором управляла недурная кабардинская

девушка и давала глубину в 20 сантиметров. Мне вспомнилось, как Бетал пояснял нам значение агрогорода: «у них будут железные кровати, у них будут матрацы, белье...» И Петр I, перестраивая Россию, наверно, точно так рассуждал. И так в отношении масс рассуждает и должен рассуждать всякий строитель <*приписка:* потому что отношения хозяина к массе есть отношения матери к детям>.

Хозяин и художник. Я же, постигающий мир через себя, убежденный в том, что «я» мое (и всеобщее: личность) так же необходимо «массам», как и хлеб, возмущаюсь глубочайшим мещанством такой идеологии. Наоборот, во всей практике жизни своей я чувствую лучшее без всякого отношения к моему материальному устройству: независимость от материального массового стандарта и есть одно из условий формирования личности.

Но ведь быт Кабарды гораздо дальше от формирования личности, чем Великороссия. Что же я могу в ней найти, кроме кукурузы, тракторов, элементарной грамоты? Вот найденная малярия тем и хороша, что открывает сознанию внутреннюю малярию, которая никогда не позволит Беталу дойти до дружбы со мной: не такой он простак.

<*На полях:* Слушали концерт лягушек. Были на тяге: вальдшнепы беззвучны. Река.>

11 Апреля. Дорогой гость. Туман. Рано утром Петя приоткрыл ставню и видел, как в полумраке другой стороны пруда прокрался с корзинкой в руке тот самый человек, который вчера для нас ловил форель, выхватил здоровенную рыбину и тем же путем возвратился к себе. Нам сегодня дали на завтрак фазана, а то форели. Что же, недурно, но... Так, наверно, и с бензином, и с километражем машины, и с продуктами... Дорого обходится гость Кабарде!

Мы начали день с того, что, увидев вновь возле форелевых удочек того человека, спросили его: — Ничего не попалось? — Нет, — ответил он, — бывает иногда, что ничего и не попадется. — После того пришлось задуматься, почему все русские, которых мы узнали в Кабарде, не только плуты, как у нас, а еще как бы плуты победоносные.

Солнце и горы. Весь этот день солнце пыталось пробиться сквозь туман и показывалось иной раз в виде луны, но горы так и не показались.

Нартан. Мы вдруг вздумали пешком через весь Нартан отправиться в Нальчик. Пшибшев ушел в Нартан, мы простились с хозяином и оставили П. записку с просьбой сегодня доставить вещи. Село Нартан тянется по речке на восемь верст, дальше на несколько верст немецкая слобода, сколько-то верст «Мужичный хутор» и слобода Нальчика. Каждая усадьба в Нартане широко разделяется от другой садами и огородами: широко живут. В ауле только старики, дети да беременные. Один старик, очень красивый, с седой бородой, настоящий породистый маркиз, сидел на камушке. Мы поклонились ему, сказав: — Селям алекум! — Улыбаясь очень приветливо, маркиз на камушке ответил с самой изысканной вежливостью: — Здравствуйте, пожалуйста! — Но верного ответа на вопрос, сколько остается до Нальчика, не дал.

Мы спрашивали худых тонких женщин с острыми лицами, спрашивали девушку в черном шелковом платье со значками ГТО и ворошиловским. <*Приписка:* Русские и кабардинцы.> Наконец возле Сельсовета увидели высокого плечистого мужчину, очевидно русского, и спросили его. — А вы откуда идете и куда? — спросил он властно и, главное, таким тоном откровенно наглым, что мы ответили: — Идем издалека, в Москву потихоньку идем. — После этого ответа ему оставалось или «а ну-ка, подать сюда...», или сдаться. Он сдался и тихонько вслед нам ядовито сказал: — Пешочком? — После этого мне пришла в голову разгадка, почему именно русские в Кабарде мне кажутся плутами: потому что русские властвуют, а власть на высоких местах соединяется с жестокостью, на низших с плутовством. <*Приписка:* Власть — волчий зуб наверху, и та же власть внизу — лисий хвост.>

И еще я думал о том самом неприятном, что плут, считая себя за «умного», других настоящих умных людей и честных считает дураками. (На этом, между прочим, они и попадаются, потому что настоящий умный человек терпит, терпит, да вдруг раскроет плутню.)

После Нартана мы перешли реку Нальчик. (Сухие реки: «Весна, в буковом лесу шорох сухой листвы под ногой, сухая река. Весна. Сухие листья под ногой, сухие реки...) Отдыхали возле арыка у каменной изгороди. С нами отдыхал и Замарай. Как мало людей, понимающих душу собаки. Хозяйка говорила, что Замарай непременно вернется, я же знал, что за наше внимание, за наше отношение человеческое Замарай никогда не оставит.

(В каждом дворе огромная собака парй, которая, вероятно, потом уходит пасти овец на Зольские пастбища. Умные псы знают свою территорию: дорога нейтральна и в особенности ради человека, идущего со своей собакой; но раз соблазнился Замарай небольшой собачкой, побежал за ней на двор, и она завалилась, открыла живот: священное место; в это время колоссальных размеров белый медведь прыжком. Замарай стал меж ними, и кончено.)

После Нартана нагнал нас Измаил на паре лошадей и потребовал, чтобы мы ехали. Когда мы потом об этом рассказали Романову, он ответил, что русские того не могут, что кабардинцы <*приписка:* и особенно балкарцы>. <*На полях:* Рассказ Романова о балкарцах.> Однажды ему пришлось идти пешком в Балкарию, на ногах ему устроили какие-то горные чувяки с веревками, по пути обувь расстроилась, пятка [натерлась], идти стало невозможно. Вдруг показываются три всадника, вооруженные, в бурках. Один пригляделся и вдруг говорит: — Гриша! — Оказалось, я когда-то помог ему к ружью курок привинтить — вот и все: вспомнил! — Гриша, — говорит, — отчего ты хромаешь? — Слез с лошади, осмотрел ногу, а те два уехали. Посадил меня на свою лошадь, сам повел, со скалы на скалу спускались, всползали, приехали к сакле. Там на сковороде в золе явились лепешки, принес айрану, я ел, а он пятку мою держал над огнем, грел и чесал и помазывал. — Ну мыслимо ли русскому! и все только за то, что я ему курок привинтил. Устроил мне обувь, и я так легко пошел! Немыслимо это для русского!

Немецкая слобода до крайности пострадала от колхозного порядка, остались от прежнего только прекрасные сады. Еще лучше и гораздо больше были сады в Мужицком хуторе: видно, как обрадовались такой-то земле наши какие-нибудь смоляки, привыкшие корчевать... Таких обрадованных землей мужиков, наверно, отправили куда-нибудь в Среднюю Азию, а соединенные сады их и жилища предоставили колхозным детям.

<*На полях:* Гость. В «гостя» собирается все, что...>

В Нальчике удачно попал к зубн. врачу, наблюдал бой кабардинки с русскими (из-за очереди). Под вечер встретил в парке Бетала с женой. Вопрос (к теме: «Гость»). Спросил его, как лучше — объехать Сев. Кавказ или просидеть на Кабарде. Он задумался. — Мало видели! — Нужно год? — Нет, три года, нет, мало: надо пять лет. Договор о премии — коне. Завтра таврить

на Зольские пастбища. Разговор о легендах Бет.: старик Томский. Таинственный автомобиль. В 12 ночи Романов вещи привез.

12 Апреля. (Пасха.) Туман или остатки самума не дали нам сегодня посмотреть на горы, но, оказалось, и без солнца, и в чужой стороне при удаче можно весело день провести.

Мы были с Беталом на Зольских пастбищах Псыншока на празднике кабардинской лошади (таврение).

По пути в машине начальник НКВД Антонов рассказал, что ночью в приемник он слушал пасхальную заутреню, причем дьякон так ревел, что пришлось закрыть приемник: соседи могли подумать, что это он сам упражняется. Так мы узнали, что у нас Пасха.

Темы рассказов Бетала и др.

1. Жеребец Атлас. 2. Змеи. 3. Мусульмане под бузиной со свиньями: т. Киров. 4. Матка вернулась из Закавказья в свой косяк. 5. Явление жеребца из моря. 6. Косячный жеребец: какой он – не кусает: мужчина – взглянет, и слушаются. Отец заарканил и проч.: «садись!» 7. Конь кабардинец (кинжалом чертей, Б. сзади: конь упирается). 8. Почему у Б. нет своей лошади? (яйца надо вырезать) 9. Почему Б. не пьет воды (олени – козы – кабаны). 10. К жеребцу Атласу: говорят – кто его отец: «а ты знаешь, кто твой отец?» 11. Скороспелость и долговечность. «Ты старше жены? и жеребец должен быть старше». 12. Привязанность лошади: уходит из колхоза. 13. Пили за $^1/_4$ английской: дальше не идем! Правильно. 14. Собака умнее лошади, она ближе к человеку, но лошадь как животное выше собаки. 15. Собака и лошадь.

<*Приписка:* Поднять кабардинку (через англ[ичанку]), интел[лигентность], шею (а шея у кабардинки доставать с земли). Крепость копыта – копыто всё, а в конюшне какое копыто. Сохранить кабардинку – ее национ[альное] – и придать интеллигентность.

Три породы: Нагайская – исчезла, Донская – степная, Кабардинская – горная. (Есть еще в Карагае, но мелка.)>

<*На полях:* Почернели горы. Неясно показались горы: как они почернели с тех пор, как мы с ними расстались. География рассказов.>

Жеребец Атлас – сюжет для рассказа о кабардинской лошади. Б. раз видит где-то, повалили жеребца и бегают вокруг: холостят. Хвост (как у женщины волосы) – кабардинец. – Поставьте! – На завод. Вернули. 2-й раз, 3-й – директора вон. И опять... – А кто его отец? – А кто твой отец? – Второго директора вон. При 3-м Атлас делается родоначальником всех лучших лошадей в краю. (По человеческой линии можно раскрыть борьбу родины, личности, науки с обезличкой и мешаниной.) Третьего директора сняли, и новому говорю: ставь Атласа, разводи кабардинскую лошадь, и никто тебя не обвинит в национализме.

Змеи. Третий день висит в воздухе песчаная пыль. – Эти пески, – сказал Б. – (где это было, где-то в Дагестане к Каспию)... я спал на бурке... будить тебя или нет, уж и не знаю: посмотри сам. Глянул я и обмер: вокруг бурки змеи, много, много змей, штук двести, больше! Бывают года такие змеиные. Посмотрел я и лег, и они легли, я поднимусь, и они головы поднимают, а на бурку не смеют, и каждая (сажени полторы?). Мы думали, думали и надумали: одну бурку бросим на них – они отступят, мы на нее, а другую бурку стягиваем и перебрасываем и так вперед, а змеи за нами. Версты три так прошли, глядим, подвода едет.

(Проверить, какие это змеи).

Медвежья желчь. <*Приписка:* Рассказ заюкинских стариков. (Рассказал Бетал.)> Антонов сказал, что Саид Хаджиев просит разрешения убить медведя. – Ему не мясо нужно, – отв. Б., – ему желчь... Заюковские старики рассказывали, что князья охотились и один медведя убил, и желчь взял в бутылку. Два бывшие с ним охотника (на другой охоте) приняли эту бутылку за пиво и хватили желчи по стакану. У них раздуло животы, и они стали 3-му охотнику завещать: один поклялся, что 500 р. денег зарыто у него, все рассказал, где и как взять и кому передать. Другой прямо сознался в грехе перед женой, что жил изменяя ей, и просил за то прощенья. Князья вернулись с охоты, позвали доктора и вылечились. Тогда больные стали третьему охотнику вспоминать, какой вздор они ему несли от медвежьей желчи.

Мусульманин и свиньи. «Ты отсюда не уйдешь!» (узнать у Пети). В лесу, документы и револьверы: сдались. Посадили. – Политический? буду помогать. – Дал три рубля. Напоили стра-

жу (легли головами...). Хотели высадить окно, а высадилась вся стена: и не слыхали! Стали искать выхода, везде колючее заграждение. Пропутались до свету. В логу густая бузина. Залезли. Бросились искать, да только не в бузине. Приходят свиньи штук 30 и ложатся, а жара и воздух... Мусульманин ни жив ни мертв... Вторую ночь опять не могли выйти и опять свиньи. В сумерки третьего дня просто вышли из станицы. Взяли документы и револьверы.

Матка вернулась в свой косяк. Продали в Грузию, и она оттуда через перевал никому не ведомыми путями пришла: вот что значит горная кабардинская лошадь.

Кабардинка. Вел горами нас человек и запутался. Мы чуть из-за него не перестрелялись и его чуть не убили. Я вступился за него... Смотрю, мой конь уперся передними ногами и не идет. Тогда я понял, что запутался человек и дорога не та. — Моя лошадь, — говорю ему, — лучше тебя дорогу понимает. — Он обиделся. И наши говорят: — Пусть ведет! — Ладно, пусть ведет, — сказал я, — только я буду последним ехать, все равно мне скоро придется ехать впереди... — Едем, смотрю, проводник кинжалом машет во все стороны. — Чего ты? — Чертей, — говорит, — отгоняю. — Ну я же говорил, что моя лошадь понимает дорогу лучше тебя. — Он вовсе обиделся. Немного проехали, он стрелять. — Чертей, — говорит, — отгоняю! — Ну это уже и опасно, могут услышать. Тогда повернули, я впереди, спустились, я дал коню (огонь) воли, куда хочет, туда пусть идет. И скоро мы попадаем на тропу настоящую. Это понял теперь и проводник, и я ему говорю: — Видишь теперь сам: моя лошадь понимает дорогу лучше тебя.

Был хозяин Шелох, у него была охотная кобыла. Ехал он возле моря, остановился, слез. Море бушует и пенится. А из пены белой выходит жеребец и оплодотворяет кобылу. С этого и началась шелоховская порода.

<*На полях:* Глупость: выгонять из овцы два приплода.
Араб белый просит только вороных.
Жеребец вообще очень требователен к маткам.>

Косячный жеребец. Отец хотел заарканить какую-то кобылку, и петля попала на жеребца. Жеребец дернул, отец не дался и влез от этого по колено в грязь. — Помочь тебе? — спрашиваю. — Нет, — говорит, — я сам. — Освободил ноги из

грязи, подбирается, подбирается, схватил жеребца за уши, пригнул голову вниз, держит и говорит мне: — Сядешь? — Нет, — говорю, — не сяду. — Ну так я говорю тебе: садись! — И я сел, а он пустил. И носил он, носил меня весь день. Вечером отец говорит дяде: — Ты будешь... погляди, там мальчишка мой. — Как изловили жеребца, с двух сторон заехали... И два раза потом отец спрашивал: — Сядешь? — И я отвечал: — Сяду.

Хороший косячный жеребец спокоен, не кусает маток, и они одного его взгляда слушаются: как мужчина, властный, настоящий.

<*На полях:* Кабардинцы уходили от сов. власти в Турцию — сколько они табунов угнали?
Л. М. — тавро (Лука Мудищев — это начальник Н.К.В.Д. Антонов).>

Почему Б. мало пьет воды? Много смотрел на животных, вот олень — отчего такой легкий? воды почти не пьет, окунет нос и дальше. А кабан пьет много, у него, правда, силы много в шее и рвануть он может, а бежать ведь нет (не то ли самое люди в степях и люди в горах).

<*На полях:* Можно этот мотив развить: разные мысли при созерцании разных зверей и птиц... Вспомнить, что стрепет и дрофа в степи.>

Собака умнее лошади, она ближе к человеку, но лошадь как животное выше собаки. И может быть, если убрать человеческую мерку, а взять по-животному, лошадь будет умнее собаки. Я знал одну кабардинку из косяка на Зольском нагорье возле Эльбруса, ее продали в Грузию, и она обратно через хребет своим неведомым путем вернулась на Северный Кавказ с Нагорья, и как раз в свой косяк.

Загон из прессованного сена. Ловля арканом. Таврение. Карахалка на ляжку (Б. — При чем тут карахалка: тавро), номер на шею. 10 мес. — гнут 15 человек. Нагорные пастбища. Старый наездник. Обед. Вино. Тост за травы и целебные источники, воспитавшие Бетала. Человек «Запятая» (тост за бедняка).

<*На полях:* Запятая с выдачей билета.>

Настоящий конь. Где-то в большом обществе сказали Беталу: — Вот у кого, наверно, есть свой настоящий конь. — Есть, — отв. Б., — но только настоящего нет: если вижу настоящего, то

не могу взять себе для езды. (Настоящие кони идут в производители.)

Кабардинская лошадь на подножном корме, ей надо гнуть шею: шея должна быть длинная, копыто крепкое. От англичан «поднять» и поинтеллигентней, и сохранить все местные свойства.

Б. против скороспелости: это ведь жизнь укорочает. (— Дураки хотят получать от овцы два окота. Свинья — мясо! скот — все понятно; но лошадь скороспелая... Жеребец должен быть старше, ты женился, ведь жена моложе, так и жеребец...

У Бетала во всей его жизни личной и общественной проходит связь его с природой: черемша, вода, родная лошадь...

13 Апреля. Вчера вечером при возвращении с Зольских пастбищ в свете прожектора нам попались пять лисиц, несколько зайцев и много тушканчиков. — Тушканчики — это хорошо, — сказал Бетал, — это перед погодой.

И правда, погода как будто начинает меняться, очень тепло, и хотя и в сумраке, но горы показались. Мы давно их не видели, и сегодня при встрече оказалось, что в тумане с них много сбежало снегов и если раньше это были белые горы с черными полосами и пятнами, то теперь горы черные с белыми пятнами и отдельными пиками вечных снегов.

Вчера Б. после 3-х бессонных ночей соснул перед поездкой часа на 2—3 и был весел чрезвычайно, рассказывал без перерыву, таврил, ловил арканом коней, скакал, смешил за обедом, говорил речи, дразнил «бедняком» маленького человека. (Маленький человек проходил чистку при обмене партбилета и сейчас, улучив минуту, спросил Б., и он ответил: «приди через месяц, есть запятая» и звал его «Запятая».)

Многое я понял в Б. за этот день. Очень сблизились. Я ему рассказал о борьбе охотсторожа с гаражом. Он очень извинялся: очень занят... Обещал устроить и жилище и машину.

<*На полях:* Кичмалка отдел Малковского завода.
Смерть Пачева.
Хозяин гуляет с женой: хороший...>

Сегодня выходной день у жены Бетала, и, прогуляв вчера свой выходной день с нами, сегодня под вечер он вырвался из Обкома и гуляет в парке с женой. С ними какой-то мальчик, и Б. с ним идет в обнимку. Я вспоминаю Земляка (Соколова)

тоже с татарским лицом и тоже отличного товарища, вечного нашего подпольного кассира. Неплох тоже и близок к типу общественника Кожевников. Б. из таких, всех ему надо потрогать, потрепать, хлопнуть ладонью по спине, и бывает так, что глазами видишь, как глубоко ладонь его погрузилась в тело жертвы.

Думал я о жизни этого человека, в детстве арканившего здесь коней и теперь хозяина, настоящего творца своей области. Какая цельность личности и какая работоспособность! Так это и надо запомнить, что для государственного деятеля необходима сила в личности, между прочим и сила физическая (и никак не интеллект при дряблом теле...).

<*На полях:* Не забыть: у Пшибшева на стене висят два портрета вождей: Ленин, Сталин и между ними портфель.>

За покровительство лошади наш Союз будет вечно благодарить товарища Буденного. И родная ему казацкая донская лошадь, как лошадь степная, останется навсегда в нашем Союзе первой лошадью. Но чтобы с нашей горной кабардинской лошадью могла спорить степная — нет! И когда нашему хозяину кто-то в присутствии т. Буденного и явно в угоду ему осмелился доложить, что в последнем пробеге донцы взяли верх, наш хозяин сказал: — Неверно!

14 Апреля. Утро несколько свежее, но здоровое. В дымке, как и вчера, чуть видны очертания больших гор. Сирень распускается. А ведь целый месяц мы все ждем.

«Скороспелость за счет долговечности» — это очень [ценные] слова Бетала.

Солнце не показалось. Горы исчезли. И после обеда пошел дождь и так до утра.

<*На полях:* Россия для Кабарды, как Петру I — Европа: Бетала большевизм точно, как у Петра I.>

Б. опять забыл про меня, хотя обещал на другой же день устроить и жилище и машину. Приходит в голову, что вот когда Сталин рекомендовал ему Бухарина, то ведь не забывал и ухаживал даже за Катынским, потому что тот был при Ворошилове, а тут писатель — единственный, кто может прославить его Кабарду, и он забывает. И вот поэт чисто кабардинский Пачев, о котором сам он говорит «этот сильней Сулеймана», и он не знает, что этот поэт уже месяц тому [назад] скончался под

Нальчиком. Приходит в голову еще и что малярия в Кабарде свирепствует, что приезжему бросаются в глаза кабардинские женщины и приходит в голову: «не от малярии ли они тощают?» Между тем площадка парка, по которому каждый вечер веет чисто дезинфицирующий ледниковый ветерок, вся засыпается для московских дачников цветами, обсаживается соснами...

Такой поток мысли при личной удаче мгновенно повертывает обратно, все тогда оправдывается, все объясняется в пользу Бетала.

«Калмыков» везде выговаривают так просто, будто это не местный Сталин, а какой-нибудь заведующий универмагом, и в то же время Калмыков несомненно во всеобщем сознании несомненный «национальный герой». «И хорошо, — думает обыкновенный гражданин, — это национальный герой, а мы-то все ведь обыкновенные люди, он герой, а мы люди, и что же такого, герой и герой, нам-то что». И вот отчего в повседневной жизни о нем говорят очень просто, Калмыков и все.

Но есть другие (подозреваю Налоева), эти обожают Бетала и вечно думают про себя: «но я-то ведь не Бетал». А тот, угадывая это, прибавляет какую-нибудь «запятую» и поднимает тост, глядя ему в лицо, за «бедняка». Путь Бетала вообще усеян жертвами, имея в виду уже трехдневные без сна заседания. <*Приписка:* — А?> У Антонова сердце даже вовсе отказалось работать, а он: — Антонов, жив? — Стиснув зубы, живу. — Мне тебя надо лечить. — Хорошо лечишь! целую неделю прошу чесночного настоя, все обещаешь и нет... — А, есть, есть полбутылки, я тебе дам... Ну, как ты думаешь о рыжем? — Антонов молчит, но мысли хозяина он до точности знает: с копыт на хвост, на шею, на уши... И в тот момент, когда Бетал думает про уши, Антонов, разжав стиснутые от сердечного припадка зубы, говорит: — Чуть-чуть бы их подвострить. — А? — спрашивает Бетал. — Подвострить, говорю. — Верно, вот верно: в ушах все дело. Антонов, ты зайди сегодня, как приедешь, я тебе дам, у меня еще есть полбутылки чесноку...

Из всего этого анализа вывожу необходимость такого своего поведения. Не обижаться на «забыл» и «некогда», вернее, обижаться, но находить выход из положения и тем унимать неверные потоки, исходящие из обид, а ту неверность, которая происходит от «шарма» (обожания), переносить на лошадей и вообще на дела, а не на личность. В частности, я сейчас по-

ступлю так. Если подтвердится, что Б. забыл, то я пойду к нему и скажу, что намерен поселиться в Пятигорске или Кисловодске, потому что жена хворает сердцем и ей нужно лечиться. А мне там жить тоже удобно, ближе к Зольским пастбищам. Я поселюсь вдвоем с женой, она привезет с собой девушку, мне будут обеспечены рабочие условия. У него же прошу записку к Евдокимову о том, что я хочу написать книгу о кабардинской лошади и чтобы для этого он мне создал жилищные условия, средства передвижения и обеспечил бы т. Покровского в этом деле изучения лошади мне помогать.

15 [Апреля]. Всю ночь дождь, днем пасмурно и время от времени брызжет дождик. В половине дня едем с Беталом на Урванский конзавод. — Вот что, Антонов, — сказал Б. — Мих. М-у надо в парке найти домик, чтобы он жил и жил, только где выбрать место? — Я очень обрадовался, но сказал, что, может быть, мне поселиться в Кисловодске. Б. решительно протестовал...

Выводка чистокровных (английских), полукровных, $^3/_4$ (чистопородные — кабардинские — и чистокровные — английские).

Глаз большой огневой
Красавец, арабистый конь
хорош подверх
Сжатое копыто
Растянут: одно ребро снять
К у р б а — порок (ноги?)
Вся в кулаке и голова приятная
Хвост чебуком (чубуком)
Ребро-то какое!

Верх хорош, ноги неприятные.
Бабелина Гименеевской крови
Зад напирает на перед:

Окорок хорош
Запястье бедное, простовата,
одно слово: «лошадка»
Высок на ногах: ветру много
Жабка на бабке

Сегодня утром спрашивал Налоева о Пачеве, оказалось, и он не знал, что умер, и не удивился этому. — А написать о нем некогда. — И перечислил свои «дела». Я подумал, может быть, он...

Сад грецких орехов, между орехами карликовая культура (с 3-х лет) плодовых деревьев. Б. рассаживает орехи в Нальчике в большом количестве. — Эти орехи, — сказ. Б., — действуют благотворно в половом отношении. — Что же именно? — спросил я. — Мощь, — отв. он. И рассказал, что он все испыты-

вает: яблоки, груши, сливы. — Понимаю, — сказал я, — вы такой цельный человек, прямо от земли поднимаетесь, и это так близко мне, моему человеку. Я это и проповедовал, но не сразу меня поняли, теперь начинают понимать. Через свою землю, свою нацию к интернационалу, иначе все не творчество, а мешанина. — Совершенно верно, — сказал он.

<*На полях:* Б. учится, советуясь со всеми, а поступает по-своему (как моя ма́ть).
Рассказ о дубах и карликовом саде.>

16 Апреля. Горы. Кострами белые облака встают на черных горах, а белых гор совсем не видать. И уже начинает забываться о них: не во сне ли это было?

Эх, развернул бы свою душу во всю ширь этих гор, не посмотрел бы на облака, поднялся бы выше на коне и над облаками под солнцем глядел бы и глядел: там горы как горы...

Пасмурно. К вечеру дождевая мгла. Но мы бодро собирались. В 4 в., как мы ждали, машина не пришла, и совсем не пришла. А мы все ждали до самого вечера. Хозяин, очевидно, забыл... И вот грызет и грызет это внутри, что тебя забыли, что только дайся им и они тебя <*зачеркнуто:* съедят> забудут, как забыли даже своего национ. поэта Пачева.

Написал в «Известия» о Пачеве. Вчера спросил у Налоева, — он не знал. — Почему бы вам не дать заметку о смерти поэта? — Некогда, перегружен работой, — ответил председатель Союза писателей. После того в дороге спросил Бетала: — Может быть, Пачев в полит. отношении замаран, не советский человек? — Нет, — отв. он, — с этой стороны все чисто. — Так я напишу в «Известия», что Союз кабардинских писателей собирается чествовать память его? — Напишите, очень хорошо. Антонов! а ведь Пачев был сильней Сулеймана? — Куда сильней, — ответил Антонов точно тем же тоном, ка́к перед этим говорил о жеребцах.

Встретил Арсения Авраамова, сообщил ему о Пачеве, что умер. Арсений переменился в лице: — Как! — Я все рассказал, и про Налоева, и про Бетала. — И так они во всем, это они пропускают. — Что «это»? — спросил я. — А то, что не дай Бог у них умереть.

Авраамов путный человек и наверно задумал какую-то плутню, чтобы нарушить договор и удрать. Но «это» он чув-

ствует правдиво, и оно есть тоже и у меня. Но мы не могли бы в «этом» соединиться с Авраамовым и, вероятно, ни с кем, потому что на «этом» спекулировали уже несметное число всякого рода претендентов на власть, социалистов (вроде Чернова), либералов, гуманистов всех оттенков.

Авраамову я сказал (больше для проверки себя), что с Беталом мы хороши, что он увлекает меня как строитель, хозяин, и мне кажется, человек он очень хороший. При последних словах Авраамов молча посмотрел на меня. И долго спустя сказал: — Они все такие, вот и Ленин. Раз Луначарский пришел к нему просить за каких-то писателей или артистов. Ленин ответил ему: «Анат. Вас.! делай сам, признаюсь — ничего в этом не понимаю». И правда, когда им, некогда им разбираться.

В этом «некогда» большая правда. Вспоминаю, 15-го на Урванском конзаводе Б. увидел замечательного садовника 82 лет, и сразу же явилась у него вкусная мысль пересадить старика в Нальчик. — Годы мои... — пробормотал старик. — Что годы, — отв. Б., — мы тебя устроим хорошо, лет двадцать проживешь, и довольно. — А сам за спиной старика показал нам, меняя число, несколько пальцев: два, три, четыре... А вслух: — И довольно! — После того он выходит, садится в машину. — Я, — говорит, — вина не пью, я поеду в сад. — И посадил с собой старика и меня. Работа в саду оказалась прекрасной. Старик дельно рассказывал («Грецкий орех — половая мощь»). И когда мы вернулись, старик спросил: — Ну что, я теперь свободен? — Видно, ему очень трудно было это многочасовое сиденье за столом. «Отдохнуть бы!» — думал он (курорт). — Нет, — отв. Б., — вы еще с нами посидите, чаю попьем. — И после чая решил: «Нет, пусть он здесь остается».

Почему же он оставил его: то ли дело здесь большое затеяно и нельзя его обрывать, то ли понял старика, что тот учен, упрям и плохо будет мяться у него в руках. Нам это неизвестно. Только видно, что подход к человеку этого организатора, строителя чисто деловой, как к дереву, которое нужно из леса пересадить в центральный парк. Мало того, все, даже внимание к индивидуальным особенностям, делается как бы в интересах не личности, а общественного механизма («Кабарды»). Относительно личного самого по себе такому организатору всегда «некогда». Между тем это «некогда» создает как бы плотину, запруду для великого множества людей с личными интересами (напр., как писатель Горький превратился в учреждение).

<*На полях:* Что есть личность? Анализировать до ясности и сопоставлять с «Обкомом».>

Людей культурных в смысле того, что сердце их, или человеческая целина их связалась кровно с историей человечества, всегда было до крайности мало. И такие люди, как Б., именно тем и хороши, что все лишнее, вся мишура и условность образования, воспитания здесь начисто сброшены и натуральный человек выступает ярко, ничем не смущаясь. «Плотина», сдерживающая напор личных просителей, здесь находится не в швейцаре и секретаре, а в самой личности организатора. Он никуда не прячется, он свободно без всякой охраны гуляет в парке, и никто не смеет к нему подойти: боятся. Все боятся и уважают. «В общем и целом» получается замечательный правитель, герой, «любимый и дорогой» вождь.

Каждое утро за углом Банка на лугу «заряжается» беталова спартанская школа («Городок»), во время гимнастики их портфели и папки складывают где-нибудь на или под плащи, смотря по тому, солнечный день или дождь. Несмотря ни на какую погоду, гимнастика производится ежедневно, после чего студенты-спартанцы берут свои портфели и папки и военным маршем с военными песнями проходят мимо гостиницы: раз-два, шагом, шагом, раз, два! Вид их бравый, все в кабардинских папахах, в кавказских сапогах, но не в бешметах, а в пиджаках, и не с кинжалами, а с портфелями...

По-видимому, и в характере строящегося курорта, и в спартанской школе, и в хозяйстве, везде и во всем раскрывается, осуществляется беталова натуральная индивидуальность. Национальное чувство крепко держится за черемшу, за серные источники, за кабардинскую лошадь и растворяется в маршировке с портфелями. (У Пшибшева в комнате между портретами Ленина и Сталина на самом почетном месте висит небольшой портфель, который, очевидно, никогда не снимается с гвоздика.)

<*На полях:* Спарта.>

17 Апреля. Кострами встают белые облака на черных горах и присоединяются к серым тучам вверху. Белых же гор и вовсе не видно за тучами. И даже спрашиваешь себя: уж не во сне ли это все было? Эх, развернуть бы душу свою во всю ширь, чтобы, не обращая внимания на тучи, подняться бы выше над облаками к солнцу и оттуда сверху смотреть на заоблачные снежные вершины в вечном сиянии солнца!

Но не могу же я к начальнику области звониться, упрекать его, как завгаража, что забыл прислать мне машину. Я совсем не вижу выхода из этого глупого положения: ничего нельзя достать, нельзя с места тронуться без разрешения Бетала, а его просить о мелочах невозможно. И получается так, что сидишь, сидишь, злишься, начинаешь решаться бросить все и уезжать в лучшее место, как вдруг звонок: — Через 15 минут за вами заеду, будем таврить на конзаводе. — На пути все скажет, все обещает, во все поверишь, а там опять «некогда» и «забыл».

Сегодня повидаю жену его и в конце беседы постараюсь передать ей о своем настроении. Посмотрю тоже «Городок», а завтра выходной день, и узел как-нибудь да развяжется. Если же не станет развязываться, то надо его разрубить...

...мне сейчас в голову пришло все взять на пушку. Посылаю Петю вызвать дежурн. секретаря Калмыкова и сказать: распоряжение Калмыкова — ехать, пришлите машину и пр. Петя возражает: — Может выйти дело, но это непорядок. — Может быть, — отв. я, — ты прав, но само мое появление здесь есть беспорядок и раз [есть распоряжение], то, значит, порядок. — Петя с ворчанием удалился, и моя правда: машину пришлют без всяких оговорок.

Машину в 4 не прислали и в 5 — нет: мы с ума сошли. Мы решили сегодня же идти к Беталу, сказать ему, что жить на Кавказе без машины и лошади — это хуже, чем в тюрьме: там ничего не видно, все манит и все далеко. Мы действительно немного и сошли с ума и жужжали как мухи в паутине.

В 6 в., вопреки сопротивлению Петьки (он все-таки до крайности инертен и непредприимчив), я сам позвонил в Обком, и как раз в эту минуту, как я взял трубку, оттуда сказали, что машина (единственная дежурная) пришла из Пятигорска и направляется к нам.

Как только сели в машину, все как рукой сняло и по обыкновению стало стыдно за свое маленькое дело... Но почему же мое дело маленькое, а дело Б. так-то уж очень большое? Не знаю почему, но очень-очень хорошо, что Петьку я не послушал.

Около 8 в. мы были уже на Урванском заводе, беседовали со знатными людьми. Вечером и по звездам и по теплу узнали, что завтра будет хорошая погода.

Б. сказал: — Вы еще видели так мало, так ничтожно... — Я обрадовался, что он хоть понимает, что мне надо еще по-

быть. — Год, — сказал я, — надо, чтобы все понять. — Два, — ответил он, — нет, три, нет, пять.

Нутро не принимает. Коммунист самый ярый, а свинину есть не может: «нутро не принимает». «Развожу свиней, а нутро не принимает». Так и освобожденная женщина едет на тракторе, служит зам. председ. исполкома, а внутри быта тот же коммунист не посадит жену с гостями за стол: она будет служить гостям, но не сядет.

Огонь. Б. на коне. — Встретились: взялся за дело и кончу. Хлестнул коня. (А какой конь был — Огонь? — Не знаю. — А я знаю: это Огонь.)

Слово Бетала у них закон: его дело все теперь увидели и полюбили.

В 31 году: в ликвидации кулаков сам принимал участие.

Конюшня для чистокровных = кабинет для интеллигента. Б. как вел себя: ненавидит интеллигенцию, а необходимо, т. е. точно то же, что в революцию.

В Б. есть то же, что в Хаджи-Мурате: умеет вести себя в обществе, а живет чувством родины.

Любовь лошадей: с лица.

Шайка арабов.

Скворцы, певчие дрозды, воробьи, бутоны и почки громадные, липкие, абрикос и персик, ласковые пчелы, борьба старика с тополями (сердцевина гнилая): спасение дубов, старик — [разное] делает, Бетал: человеку под тенью отдохнуть... а старик спешит своей карликовой культурой).

Арбуз огромнейший — нет такого человека, кто мог бы съесть такой арбуз, а чуть пальцем тронул, и он лопнет.

Почки-бутоны, в погребах старое вино забродило: и всякое вино, когда почки начались, бродит (повар Воронцова-Дашкова).

Строганов... разница в зайцах (это вопрос конюшни и коренного пастбища в споре графа и кабардинца).

Игра двухлетних жеребцов: на колени, [на дыбы] и взвиваются.

Б. относится к интеллигенции приблизительно как к английской чистокровной породе лошадей: совершенно необхо-

дима временно чистая кровь, чтобы поднять (на ногах), облагородить голову, шею, подсушить ноги кабардинке, но...

18 Апреля. Фенологическая запевка. Такого дня в жизни своей я еще, кажется, и не видывал. Вырвались лучи такие горячие, что вдруг у нас на глазах зацвели абрикосы и персики (и ранняя ива, та самая, наша, одновременно с абрикосом цветет). На всех деревьях надулись, треснули и раскрылись в зелень почки, иногда огромные. Поют скворцы, певчие дрозды, фыркают фазаны в ближайших кустах, гогочут жеребцы, в небе же вдали сквозь [непонятную] дымку нежно открывается вся цепь белых гор, и оттуда к нам на север, на родину спешат журавли. — Кланяйтесь, кланяйтесь нашим, принесите от нас и им хороший апрельский день...

<*На полях:* Дороги по всей Кабарде обсаживают в обязательном порядке.

— Иван Грозный был женат на кабардинке. — Неужели же он и тогда ездил на кабардинке? — Не ездил, а женат, но впрочем, кабардинская лошадь и тогда была, и, наверно, чистая...>

Весь день прошел в удивлении над беталовым хозяйством: так удивительно чисто везде и столько цветов. «В здоровом теле — здоровая душа» — вспомнил я из брошюры Бетала, а сам подумал: «При здоровом теле и разговора нет ни о какой душе». Мне даже представилось, что, пожалуй, и то верно: если дать человеку железную кровать, чистое белье, хорошую пищу, удобную одежду, то и быт переменится к лучшему.

<*Приписка:* При здоровом теле, — какой разговор может быть о душе?>

Грозный. Говорили о чистой кабардинке, пожалуй, теперь совсем исчезнувшей, о той древней, к которой никакая кровь еще не приливалась. Кучук Магомет заговорил о древности такой отдаленной, когда будто бы шайка арабов перебралась на Кавказ, с чего именно будто бы и началась история кабардинской лошади. — Было это или нет, — сказал Алексей Абрамыч, — а только Грозный ведь был женат на кабардинке. — Неужели Грозный на кабардинке ездил? — спросил, не дослушав, Гамзет Закарович. — Женат, — сказал Алексей Абр., — но раз женат был на кабардинке, то почему бы ему и не ездить на кабардинской лошади.

Есть несколько знаменитых пород кабардинских лошадей: Шелоховская порода, Абуковская.

Происхождение бука по балкарским преданиям: черные горы вдруг стали белыми: снег не снег, а тоже все белое. Стали ближе подходить, и оказалось, все это были птицы. А когда птицы улетели, то из их кала вырос чинаровый лес (не расходится и с наукой, т. к. известно, что птицы переносят семена растений).

Араб — всегда живой и очень веселый взгляд и очень наряден. Но английская лошадь сильней, крупней (и что еще? разве интеллигентней?).

Старое коневодство было кустарно, теперь заводы, передавая производителей в колхозы, переделывают всю породу лошадей в стране.

Заяц и пастбище. Кучук однажды заспорил с хозяином своим графом Строгановым о конюшенном кормлении и на коренном пастбище. Строганов говорил о том, что чистую кровь надо поддерживать конюшенным кормом, а на коренном пастбище лошадь грубеет. На это Кучук возразил своим наблюдением при охоте на зайцев, что когда заяц попадается на коренной степи, то он так быстр на ноги, что стрельнуть не успеешь и скрылся, а заяц на пашне заметно бежит тише. Так и лошадь на коренном пастбище и в конюшне.

Винодел и повар Воронцова-Дашкова водил нас в подвал пробовать его рислинг, а относительно красного вина извинился, вино молодое чувствует, что почка раскрывается на воле, и сильно бродит. — И даже старое вино, — сказал он, — когда почка раскрывается, бродит.

<*На полях:* Когда почки весенние раскалываются, то даже и старое вино начинает бродить. Я же не стар еще, и моя кровь весной как молодое вино, и от крови моей в голове...>

Бетал относится к интеллигенции приблизительно как к английской породе лошадей: кровь английская необходима, чтобы натуральную кабард. лошадь поднять и облагородить, но потом надо преодолеть эту кровь и от чистокровной лошади вернуться к чистопородной. Надо было видеть, как холодно смотрел он прекрасных английских коней и как тепло кабар-

динских, и с какой надменностью сказал о местной интеллигенции, что мы «ошиблись» и с ней покончили.

<*На полях:* Разве один Бетал? Начиная с выстрела матроса в актера, сказавшего слово Христос, революция шла в борьбе с интеллигенцией. И далеко не кончилась эта борьба: первое время «стрельба в Пушкина», теперь Пушкин...

Характеристика Ленина Фаворским: «практический человек». И Арсений: «Ничего в этом не понимаю». Еще: это сильней артиллерии. Еще: кино лучшее искусство. Еще: смущенность Горького. Да и существует ли тут что-нибудь, не все ли это необходимый обман (если взять Луначарского и нац[иональное] у Бетала). Мое личное смущение и мать моя с Дуничкой... Лесопромышленник верил в это и вдруг увидал, что этого нет. И Роман Кютнер. Советовал царя со святыми. Король и папа. Вплотную вопрос: да существует ли личность, не обман ли это.>

19 Апреля. Фенологическая запевка. Ночь сильно звездная, а утром снова туман и такой, что нет-нет с сучков из него собирается и падает большая капля, отчего на песке <*приписка:* песок — чистота> будто гвоздями набили: это туман, как во Владивостоке. В тумане на дереве со всей силой скворцы.

Сегодня пойдем с лесником попробовать задержать собаками кабана; собаки — помесь гончей с гордоном, черные шерстные, а формой гончие. Идут тоже и по фазанам...

Налоевская порода людей у кабардинцев: не то спать ему хочется, не то чем-то расстроен и вынужден, стиснув зубы, отвечать и делать лицо, и вдруг как бы очнется и сделается на некоторое время довольно оживленным.

— Послушный народ, — сказал Романов. Кавказская дружба, преданность, куначество, наверно, и легли в основу легенды о Бетале и сделали возможным его появление. Сбитые с основ своих люди схватились за него как за основу (легенда о встрече друзей... но Бетал сказал: «я взялся и должен дойти <*приписка:* довести> до конца» и хлестнул лошадь, а теперь все видят...).

Часов в 10 у. пробилось солнце, но горы не показались... Часа в 4 солнце стало медленно меркнуть в облаках.

Охотник, провожавший нас, оказался плохим, и собака его никуда не годной, фазаны кричали возле нас, собаки носились далеко от нас по зайцам. К несчастью, вырвался один вальдшнеп, и Петя убил его. Хозяева этим воспользовались, быстро изготовили его и в твердокаменном виде подали вместо второго, даже и без картошки. Я отдал его Пете, а сам хлебнул только пустого борща, да потом чаем надулся.

Лес. Лес, где мы хо́дили, весь порослевой. Во время революции на низу погибли все великолепные леса. Дерево карагач (какое это дерево?) и осокорь (что это?). На осокоре орлиное гнездо, самка сидела на виду и повертывала головой. Когда подошли — поднялась и сделала круг у нас над головой. Мы решили на втором кругу сломать ей крыло и потом снять как живую, но она поняла это и за Урванью села на небольшое сухое дерево. Недалеко от этого гнезда мы нашли другое, и на дереве там его стерегли два орла.

В затоне Урвани ревели лягушки, на размывистые берега прилетели синие зимородки. Кричали фазаны. Но как-то не по-нашему сухо в лесу, и горные реки для нас скучноваты: слишком они каменисты, худощавы, и характер у них как у кабардинцев: то будто спят, и от этого скучно с ними невероятно, а то вдруг будто проснутся...

<*На полях:* Во время революции этот лес был начисто срублен, после чего, за немногим исключением, вырос новый, порослевой лес с обильными зарослями кустарников, колючек, обвитых лианами. Лес был вовсе непроходим для человека, и оттого на уцелевших старых деревьях карагача и осо́коря поселились орлы. В хозяйстве одном для кирпичного завода понадобилась лесная мелочь. Лес прорубили и оставили редкие деревья. Орлы по привычке весной устроились, не сообразив, что теперь они со всех сторон далеко на виду.>

Карликовый сад и рассказ о дубах. Предоставив Пете охоту, я свернул к питомнику и очень обрадовался, что увидел на другом конце дорожки идущего мне навстречу старика-садовника. Он шел с записной книжкой в руке и отмечал в ней, очевидно, состояние почек. Он был погружен в свой труд, как бывают погружены старые работники. Я его теперь понимаю вполне, это потомок Базарова, конечно, идеалист материализма, рационалист и утилизатор-общественник. Он весь отдался карликово-

му саду за то, что каждую яблонку можно осмотреть сверху донизу и прямо своими же пальцами сбросить насекомых, обрезать негодный и подлечить болеющий сучок. Через это в карликовом саду не бывает плодов 3-го сорта. Старик беспощадно уничтожает высокие бесполезные деревья, громадные до небес пирамид. тополя («У них ведь, — говорит он, — сердцевина гнилая»). Он хотел добраться и до двух дубов, но Бетал не дал ему их. (В этот момент, наверно, он и понял художественную ограниченность этого садовника и решил: «Нет, пусть остается здесь». Кстати, старик был этому очень рад.)

Когда старик заметил меня, то остановился, пригляделся, повернулся к какому-то дереву, сделался спиной ко мне и завернул к своему дому и в него вошел. Мне было интересно узнать, — ушел он, не желая разговором со мной отвлечься от дела, — зайдет домой, а когда я уйду, будет продолжать. А то, может быть, он просто шел домой и ушел. Я присел на камешек за плетнем его забора и стал глядеть в щелку: очень скоро старик вышел из дома, осторожно глянул в мою сторону, видимо, удивился, что вдали на дороге не видно моей спины. В конце концов он убедился, что нет меня, вынул записную книжку, карандаш и опять стал отмечать состояние почек. Я долго разглядывал его работу в бинокль и думал о садовниках, что едва ли часто из них бывают поэты: они делают, а поэты приходят и восторгаются, воображая, что Бог первого человека ввел в сад. Трудно, однако, современному поэту карликовый сад сделать раем...

Встретил ветеринара фельдшера и техника баксанских укреплений. — У нас выходной день, — сказал фельдшер, — но работа завода продолжается. — А как же у пробника бывает выходн. день? — спросил я. — Пробника два, — ответил он, — через день у каждого выходной. — Разговорились о том, что английский жеребец стоит 42 тыс. золотом и что все-таки это оправдается. — И он сейчас еще работает, — сказал фельдшер, — хотя очень стар: 23 года. <*Приписка:* Жеребец Сагайдак 1915 год рождения.> — Позвольте, — сказал строитель, — мне кажется, одно время его сперму забраковали и отставили. — А я нашел под микроскопом,— ответил фельдшер, — что жеребец хотя и стар, а сперма его прекрасная. — Но ведь там были ученые люди, как же это они не нашли, а ты нашел, чай, они тоже с микроскопом работали? — Конечно, с микроскопом, — задумчиво ответил фельдшер, — но это бывает... Я же знаю

и могу наверно. — Каким же способом? — А очень простым: микроскоп надо прямо держать.

<*На полях:* Разговор о розовой дорожке...>

Гость. Сегодня задал охотнику вопрос: — Если гость приходит к вам, угощаете вы его? — Угощаем. — А сколько времени угощаете? — Сколько он захочет, только он должен, поев вначале, объяснить, зачем он пришел. — Хорошо! но если гость, поев, объяснит, что он белый. — Укрыть? укроем. — Несмотря на то, что он белый? — Что же делать, он — гость. — Но вы-то ведь советский человек. — Вполне советский. — А если гость такой к Беталу придет? — Ну, Бетал, конечно, не посмотрит, он не укроет, ему нельзя.

<*На полях:* Орлы на воду. Свиньи (кормит). Можно ли человеку свиней разводить, а он стоит. Я смеюсь: стоит и кормит. Она в корыто легла, он ногой...
Кучук: — Не верьте этому, что Шелоховская порода вышла из моря. — Не верю, дорогой Кучук — но откуда же она вышла? — Из Аравии, конечно: ведь у арабов тоже есть горбоносые, от них и Шелоховская. А что из моря — это не верьте!>

В результате моего утреннего хождения без куртки после обеденного отдыха едва встал с кровати: хватил прострел Lumbago. Услыхав, однако, визг кобылы, выглянул в окно и, поняв, в чем дело, взял аппарат и отправился с грехом пополам на случку. Случали Корнелию, вороную чистокровную, с Вемусом (1928 г. чист. англ.) и Алекту, рыжую кобылу, с жереб. Мсаниасом (1920 г.). <*Приписка:* Вемус будто бы стоил 42 т. золотом.>

Случка ручная. Услыхав гогот жеребца, вороная подняла хвост колесом. Он понюхал и, высоко подняв голову, обнажив зубы, некоторое время оставался в таком положении и в чем-то сговаривался с небом. После я понял: он задумал туда улететь. Потом он медленно наклонился и с поднятым членом взвился на двух ногах вверх, минуя кобылу, как будто ему прежде всего хотелось улететь, согласно своему обещанию. И только потом, упав, поняв невозможность полета, он поднялся с определенным расчетом, но и то не совсем: попал в ляжку. В третий раз он точно рассчитал и, быстро введя даже не весь член, вдруг весь опал и медленно свалился. Ему на вялый мокрый член успели выплеснуть целое ведро воды. Корнелию тронули для

проводки, и она при первом же шаге выплеснула из петли лишнюю сперму.

Рыжая кобыла Алекта встретила гнедого Мсаниаса точно так же, подняв вверх и согнув серпом хвост. Понюхав, Мсаниас точно так же, как Вемус, поднял голову с оскаленными зубами вверх, тоже обещая улететь, но в первый же раз, поняв невозможность полета, верно рассчитал и за то, не потеряв ни секунды времени на воздушные опыты, вогнал свой насос сразу до конца, и мало того, что вогнал, пернул на весь луг и успел еще раза три так сильно пришлепнуть, что Алекта вся содрогалась. <*Приписка:* И так ничего не было потеряно и все пошло в дело.>

Кучук мне много рассказывал о преимуществах арабской породы. Я позвал его к себе. Он забежал домой и пришел с книгой. В этой книге, посвященной заводу графа Строганова, был помещен портрет молодого Кучука в черкеске и с арабским жеребцом. (Известно, что Строганов в кабардинскую породу вливал арабскую кровь.) Много мне всего рассказывал Кучук, простился со мной, но потом опять для чего-то вернулся. — Не верьте, — сказал он, — что Шелоховская порода вышла из моря. — Я и не верю, дорогой Кучук, — сказал я, — что из моря может выйти жеребец, но если не из моря, то откуда же все-таки взялась Шелоховская порода? — Откуда взялась? А присмотритесь получше к арабам, ведь у них в породе тоже, как и Шелоховские, есть горбоносые, легкие, глаз большой, всегда веселый. Из Аравии, а не из моря вышла Шелоховская порода. Шайка, наверно, арабов... И повторил свою арабскую сказку.

В 34 Заводе жеребцы арабы: 1) Мерзух (белый) кроет только вороных, потому что ему дан был вначале косяк из вороных. 2) Бабар. Выпуклый лоб у арабов и тоже у кабардинской, и у араба большие глаза, кожа тонкая, ноздри широкие.

Скороспелость. Кабардинская лошадь поспевает в 7 лет (медленный рост), и арабская тоже в 7, а английская в 3 года полная лошадь. Бетал сказал, что скороспелость идет за счет долговечности.

Вопрос: какими приемами достигается скороспелость?

Родители Бетала. Кубá — аул, где родился Бетал. Отец его сильный, пониже Бетала, плотный. Мать (и сейчас жива) красивая и хорошая, нервная женщина, много страдала. «Полувал» о Бетале: жен бросал кабардинок с детьми, наконец взял русскую, жену генерала, и генерала чуть ли не сам убил.

Полковник Носович — хозяин этого имения. Генерал Чернозубов — их какая-то связь с бунтом 1912 г. на Зольских пастбищах (по-видимому, они были инициаторами раздела пастбищ в пользу богатых).

Обдумали вместе с Кучуком план моего изучения кабардинской лошади: надо просить Бетала, чтобы мне дали для повседневной езды хорошую кабард. лошадь. — Только надо смирную, — сказал я. — Просите хорошую, — повторил Кучук. — Люди хороши, и все хорошо, и лошадь хорошая непременно должна быть и смирной.

Поселиться надо в племхозе <*приписка:* сгоняют все стада сюда> на Золке (или на Кичманке), можно съездить недалеко колхоз Каменномостский. Начать же надо с того места, где мы таврили.

Богатые люди имели табуны в 500 голов (один имел 1000 Лафишев, но сыновья прокутили). Эти крупные табуны теснили бедноту.

Кто был отец Атласа? У кабардинской лошади аттестатов не было. — Кто отец? — А кто твой отец?

<*На полях:* Карабахская лошадь. Начкон. Чеховский мотив: Спор у директора вышел из-за того, что тот назвал Начком вместо Начкон. — Да ты понимаешь ли, что ты сказал? — Тот разинул рот. — Ты же сказал Начком. — Да, я сказал. — А знаешь ли ты, что ты сказал? — Начком.>

Человек и свинья. — Все культурно становится, — сказал Кучук, — все лучше. — А можешь ли свинину есть? — спросил русский. — Нет, вино могу, а свинину нутро не принимает. Не едят у нас, а разводят. Вот смешно, вижу недавно, стоит мой приятель возле свиней: человек ухаживает за свиньями. Смеялся я, смеялся на него. Одна свинья легла в корыто. Он ее ногой толкнул. Она вскочила, хрюкнула. А я умирал со смеху: человек и занимается свиньями.

Лошади. Золка. Нагорье. Теперь все стало культурно, теперь жеребных маток и жеребят пасут отдельно от косяка, а раньше все в табуне. В мороз, гололедицу матка может оступиться. Перегоняют с Зольских пастбищ в нагорные от овода: там такая трава, что лошадь о нее чистится; в нагорье овода нет. А когда к 15 Сент. косяки вернутся, то трава на Зольских вырастает по

колено. Тут остаются до Ноября, когда хлеб уберут, и тогда в кукурузники.

Хороший косячный жеребец уши прижмет, зубы оскалит и прямо на волка. Заржет, и все матки за ним. Чужая прибьется — выгонит. При каждом косяке табунщик.

Творческий смотр.

Дорожка роз и 42 т. жеребец.

Разговор с пьяненьким ветеринаром (микроскоп надо прямо держать) о дорожке роз — на рабочего. Полувал: полдня работы. Беспорядочному — все некогда.

20 Апреля. С утра легкий дождь. От боли в спине едва добрался до умывальника. Просил директора вызвать из Нальчика машину, только не очень надеюсь. Если не придет, вызову фельдшера банки поставить.

Дождь сильней, а болезнь проходит. Директор судит. Гости: Валя — полувал и начконша (Институт коневодства). Производственное совещание.

21 Апреля. Фенологическая запевка. Хмуро, но дождя нет. Довольно тепло. Поет масса скворцов. Цветут ярко абрикосы, выделяясь среди серой массы неодетых деревьев. Возле конюшни терпеливая работа с пробником.

В охоте, оказывается, одна только невзрачная кобылка, да и то вопрос, в котором мнения Начкона и Кучука расходятся, спор переходит на принципиальную точку: Начкон говорит, что иная кобыла охоту не показывает, Кучук — что охочая кобыла видна: петлей играет, мочится и т. д.

Разговор с ветеринарами о лучшем украинском заводе англ. лошадей: Стрелецкий завод, ст. Чертково, Харьк. о-во коннозаводства № 60. О домике в Кисловодске в 6 тыс. р. (требуется прописка, а прописывают не всех).

Бетал в легендах. В 9 у. прислали пикап. По дороге шофер, русский парень, [говорил,] что русские меньше боятся Бетала, чем «националы», что на кабардинцев и балкарцев страх он наводит, как тигр, и что сам Бетал теперь этому уже и не рад. Шофер уверял меня, что националы лентяи и плуты, что русские в много раз лучше их в работе. — У вас есть фотоаппарат — вот поедемте в Баксанское ущелье, снимите на дорогах, как работают балкарцы: мужчины сидят, женщины работа-

ют. — Он еще говорил, что Б. это ненавидит и ругает своих националов: «эх, вы, чабаны!», что за это боятся все его, как тигра, но тоже и все уважают. А русские меньше боятся.

Приехав домой, встретился с Сосновским (неузнаваемо похудел!). Обменялись комплиментами. — Вы-то общественник, вы-то все знаете! — Зато вы видите глубже, вам не надо на колхозы смотреть: вам они даром дадутся. — Поговорив так, С. предложил выпить пиво и сделать «творческий смотр» <*приписка:* или «яичница на 3-х яйцах»>.

Мы кое о чем переговорили, я понял, что Сосновский ничего моего не читал, а судит меня с общей точки, как принято: что я владею прекрасно русским языком, что я «чудак» и смотрю с точки зрения частных интересов. На это я резко возражал ему, что если он переживет меня лет на 50, то узнает, с каких интересов [я] смотрел, что ведь нужна же наконец философия, не остановилась же она на 18 томах Ленина (какая это философия!). — Колхозы, общественность! — да разве я это отрицаю, разве я говорю, что этим не надо заниматься? Вот я видел карликовый сад, громадный дуб затенял много деревьев. Садовник обратился с просьбой: срубить дерево, Бетал отказал: «Тут люди работают в саду, им захочется отдохнуть, и они сядут под тень...» — Да вы знаете ли, что такое карликовый сад? — спросил С. — Хорошо знаю: сад, который будет прислоняться к стенам фабрик, жилищ рабочих, и они будут доставать рукой яблоки: прекрасный, полезный, но карликовый сад. Людям же, кроме съедобной пользы, надо отдохнуть, собраться с силами под высоким тенистым дубом. — После этих моих слов С-у, как [образованному] еврею, я стал окончательно ясен. Он потерял ко мне уважение и стал усиленно рекомендовать обратить внимание на колхозы, на это состояние, в котором люди простились с заботой о хлебе («у нас в России еще далеко до этого»).

От встречи с Сосновским осталось то самое гнуснейшее чувство, которое испытываю я в Москве от людей, пользующихся литературой и погоняющих писателей. Тут же за обедом С. получил записку от Фадеева с приглашением на заседание Обкома («железный человек Б., иные от бесконечных заседаний падают под стол, а он сидит как ни в чем не бывало»). И разумеется, он в самое короткое время так будет «все знать». Каким же глупым должно бы казаться Беталу мое поведение!.. Но он до того умен, что и это может понять: что при всех своих глупостях я не дурак.

<*На полях:* Творческий смотр. Плохие результаты. Помогло: вам не надо смотреть колхозы. Пересмотрев: надо смотреть.>

<*На полях:* Дураки. При всех своих глупостях я далеко не дурак, но простые дураки, видя мои глупости, считают за своего, — я друг простым дуракам. Дураки же образованные, понимая по моим глупостям во мне дурака простого, глубоко презирают именно за эту простоту, и нет на свете у меня больших врагов, как образованные дураки всех видов.>

Договор. Я решил покончить сегодня же со своим неопределенным состоянием и стал звониться к Беталу. А Петя, поглядев в окно, сказал: — Б. гуляет против гостиницы с Сосновским. — Я выбежал и рассказал ему о своей беде с машиной. А он уже все обдумал. Завтра в 11 у. мне надо зайти к нему, мы посмотрим мою дачу, и я получу ключ от нее. И машину он отберет у кого-нибудь из штрафных и даст мне ее ездить, куда я захочу. Насчет же верховой лошади, то он даст мне свою, на которой он поднимался на Эльбрус. — Решено! — сказал я, — вы мне даете дачу, машину, лошадь свою, буду создавать книгу о кабардинской лошади такую, чтобы ее перевели на все иностранные языки, и даю вам слово, что о Бетале Калмыкове в этой книге не будет ни слова. — Согласен, — сказал Б., — и работу вашу буду поддерживать.

После того он с величайшей любовью и страстью стал рассказывать о прелестях нагорных пастбищ, лугах, цветах, птицах («и медведь есть, и кабан есть!») и о том, в каком порядке от всех колхозов движутся стада, и проч.

<*На полях:* «Табунная натура» — мне определенно сильно понравилась любительская английская лошадь.
Шея лошади. Почему нельзя английскую лошадь в табун на целинное пастбище: потому что в конюшне у яслей корм близко и шея укоротилась, она не может целые дни доставать с земли корм и тратится. А у Кабардинки шея длиннее.>

<*Зачеркнуто:* Лошадиная интеллигенция.> Табунная натура. Разговор зашел об уходе за английской лошадью на Урванском конзаводе. Я начал было ему передавать мнение ветеринаров, что на Стрелецком заводе, как говорят, уход еще лучше. Он перебил меня, как бы предвидя неприятнейшее. — Ухода лучше, чем на Урванском заводе, нет нигде, и в Лондоне даже... — Спустя некоторое время я понял причину горячности

5 Зак 3028

и поспешности этих слов. — Английская лошадь, — сказал я, — это похоже как у нас интеллигенция, тоже... — Что тоже? — оборвал он, — английская лошадь — это прежде всего глупая лошадь. — Может быть, — возразил я, — и глупая, но красивая. — Красивая в конюшне, а проскочите за километр, и весь вид пропал. — Но ведь для чего-то приливают кровь английской лошади к кабардинской? <*Приписка:* Возможно, что Б. ответил парадоксом, вследствие моего сравнения английской лошади с интеллигенцией, а конюшни с кабинетом. Значит, это он бил не в лошадей, а в интеллигенцию. «Глупая лошадь» не может определяться в трудном пути, интеллигенция — в природе. На это со стороны интеллигенции ответ: что ведь зато очень уж и ограничена сфера желанной им дикой лошади: ведь только горы!> — Все это вздор, коню не нужно. — Зачем же делаете? — Это другое, я же в государственных условиях работаю.

Так прорвалась табунная натура Бетала. И я понял, почему он так энергично подчеркнул отличность ухода за англичанами: в своем деле можно как хочется, как выйдет, а в государственном (и явно не своем) нужно все на отлично.

<*На полях:* Поправка к разговору о глупой лошади английской и об интеллигенции.>

<*На полях:* 6 обид. Сосновский сообщил 6 причин: почему Беталу невыгодно, если его хвалят: 1) Если в Кабарде хорошо, то при распределении денег урезают: там хорошо. 2) Обида другим областям. 3) Обида сотрудникам. 4) Обида руководителям края. 5) Обида...>

Рассказ о копыте. «Донская лошадь всем хороша, но у нее копыто никуда не годится: в горы она не может, подкова слетит, и она кончилась. А вот было...» Он рассказал эпизод военный, когда белые его загнали в горы. Надо было успеть пройти одно ущелье. В отряде был Орджоникидзе и N. с женой и грудным ребенком. Лошадь была одна. Посадили женщину на лошадь. «Ребенка я завернул в башлык и надел на спину. Лезем по скалам, карабкаемся, и лошадь лезет, как козел. Я, конечно, как природный кавказец, замыкаю отряд, и <*зачеркнуто:* Орджоникидзе> Серго тоже природный кавказец, сильный. Время от времени подтяну башлык, посмотрю: «жив», подам женщине, она покормит, и опять несу. Дождь, снег, скользко, а лошадь лезет и лезет. И только вылезли, только перевалили, казаки

закрыли ущелье. Вот что значит хорошее копыто». На это Сосновский сказал: — Вот вам и глава: копыто.

22 Апреля. Фенолог. Вчера вечером Сосновский спросил Бетала, как он думает о погоде на завтрашний день (Сосновский привез с собой секретаря и фотографа, уродливую старую еврейку, и ему хочется их прокатить в Баксанское ущелье). Бетал глянул на облачное небо, обернулся кругом, как охотники делают, вроде как бы смерил небо и землю с самим собой и потом осторожно сказал: — Ничего, кажется, ничего. — Оно так и вышло. После первого луча, ударившего в лесные горы, вскоре прорвалось хмурое небо и показались... начали показываться черные горы, а дальше начали открываться белые, и мало-помалу открылись все горы и удивили нас до крайности: в последний раз они были уже совсем черные до крайних вечно белых вершин, а теперь снова донизу опять белые, и, кажется, белее еще, чем когда приехали, словно их, как башмаки, вымазали мелом...

<*На полях:* 22. Утро. Вчера вечером Сосновский спросил Б.: — Какая завтра будет погода? — Бетал оглянулся кругом, как бы смерил небо и землю (так охотники делают) и сказал неопределенно: — Да, кажется, ничего. — Оно так и вышло.>

Первый солнечный луч осветил лесные горы, потом стали выходить из-под облаков черные горы и открываться клочками снежными. <*Приписка:* Какие выйдут горы? Темные? Вышли белые, больше белые, чем мел.> И вот как странно: снегу прибавилось, горы все опять белые. будто их, как белые башмаки, мелом натерли.

<*На полях:* Лесные горы вышли из туч, а черные не вышли: черные горы вышли как белые и слились с вершинами белых.>

Английск.: работа в госуд. условиях.
— Лучше ухода нет!
Школа власти.
Копыто.

Логунов. С машиной плохо.

Дача в саду (писатель должен мечтать). Заняли служащие. Прокурор и зав. Беляев. Вызвать машину. Телефон не работает: кабель проложили. — Дела у нас много. — Машину 4-местную.

Подумали, Пришвину. — Не дают: молча ходим. — Если секретарю не дают... — Бросился вверх. Рев. Машина. Кому? Калмыкову! — Бежать. Поздно. Чья машина. — Кузнецова. — Поедем, если надо, мы и на самом Кузнецове... — Рессора. — А? — Рессора прогнулась. (Выдало зеркальце.) Искали кого-то: вверх, вниз, в полгоры с визгом остановились... Положение шофера (не успел убежать). Из грязной машины голос Бетала, и человек замирает.

Пока приедет прокурор: приехал. — Чья машина? — Прокурора. — Вдруг увидел Бетала и голландская живопись. Халупины, обложенные камнями (строит. материал): старуха: сердце оторвалось! Другая: с бумагой края: 4000! 119 корней: сами своими руками. Сколько жили? — 30 лет. — И за 30 лет в такой халупине. Мужики — как быть: они держатся за кусочек: свой, а у нас вон материал, мы хотим лучшего. Другая семья: старик: уедем, но в городе жильцы. — Выселить! — Мужик обрадовался: — Мы не просили. — Бетал рассердился: няньку вам надо, соску в рот. (И все пропало.) Бумага из края. — Мы же курорт строим! — Понимаем! А свои 119 деревьев сами посадили. — Деревья государственные. — Да ведь мы их сами сажали. — Появление прокурора и Беляева. Упустил (загадили). — Убеди, переговори по телефону, поезжай в Край. — [Конечно!] — Беляев, где бы домик? Не понравилось. — Пришло в голову. Опытное поле: вода — не портить ландшафт — курган. Палец зацепил: как маленький (маникюр на пальцах). Дача Облисполкома... Трактор. — Отвинти динамо! — Кто-то вдвинул машину, глянул и ох! а Бетал: — Вот еще: ишь какой, подумаешь! ничего, подождешь! Отвинчивают.... что-то долго, страшно... а вдруг поезд бросится в сторону? Принесли. — Я тебя посажу, а если принесете другую динаму, то два раза посажу, а начальник НКВД пусть дня три вокруг потанцует. — Убрать бы! — Но нет! В кабинете: вносят динамо. Секретарь — Дмитриеву: — Поручаю тебе персонально: машина... Домик... в саду — понимаешь, он писатель, ему надо мечтать. Ты и устрой, чтобы можно было мечтать. — Появление Антонова. — Что это. — Карбюратор и пр. — Если начальник НКВД, то... анархизм, варварство... Бетал и я... Мих. Мих., видите кусочек культурной земли, ковыряем, каким трудом это достается, а тут вот... (Я бы должен сказать: — Ничего, Бетал, успокойтесь, дорогой, я постараюсь показать всему свету, что люди выносят, что... т. е. что мечта найдет искупление: вы построите, а я буду продолжать ваше творчество, и вы скажете: недаром мы старались.) Вечером мы

у Круглова узнали, что Б. в 20-м году созвал «пши» на совещание и перерезал всех как барашков («физически уничтожить»). Братья в тюрьме. Жена в это не может вмешаться, и никто: тут он свободен, через все переступает, тут он узаконенный переступник (преступник): и это начинается как необходимость, навязываемая извне, фактом (трактор на асфальте, постановление «физически уничтожить» (так что тут уж ни отец, ни брат, ни друг, ни приятель Антонов, а трактор)). Не мораль, не философия, а дело так подводит, что ты должен убить человека: сказал на чистке, и за это тебе власть (что переступил).

Кошмар. Мы пошли к 11 в Обком, но там сказали, что Б. «из квартиры не выходил». Ушли домой, и около часу нам позвонили: «просят поскорей». В кабинете стоял Б., возле двери навытяжку Логунов, пожилой человек, завгаражом. — Вот не можем вам машину найти, — сказал мне Б. Я сел в америк. кресло в чисто-начисто белом чехле (чистота — это спутник Б.). Кому-то звонит о машине. — Нет у тебя свободной машины, месяца на два? ... гм... гм... отнять я и без тебя знаю, могу отнять, а так нет? ... а как домик там, знаешь, на Долинской, отдельный в саду: мне нужно там писателя устроить, ты знаешь, писатель должен мечтать, чтобы никто ему не мешал... Занято, кто занял? Гм, гм... прокурору... — Дайте прокурора... кто спрашивает? скажите: гражданин Советского Союза. — Это ты?.. до тебя дозвониться труднее, чем до Молотова... Кто занял, как они смели?.. Немедленно отправляйся туда, возьми Беляева. Я сейчас приеду.

— С дачей тоже плохо, — сказал мне Б. Я набрал в рот воды, и что можно сказать, если весь аппарат области пущен, чтобы обеспечить писателю возможность «мечтать». «А руки у него, — заметил я себе, — очень чисты, и, кажется, даже сделан маникюр».

Получилось сведение: 3 Мая в гараж переходят три машины от какого-то ликвидированного союза. — Одну, — распорядился Б., — предоставить Пришвину, он будет сам ездить, без шофера, приведете машину, вымойте, осмотрите, [бензина] налейте и по требованию давайте, а до 3-го обеспечьте: чтобы по его вызову машина была. Теперь велите прислать 4-местн. машину. — Сейчас пошлю, телефон не работает. — Почему не работает? — Кабель прокладывают.

Нервное ожидание машины. Нет и нет... Мы с Беталом спускаемся и ходим по тротуару взад и вперед. — Дела у нас мно-

го... — бормочет Б., очевидно взбешенный. — Не только вам, оказывается, и мне трудно получить машину. — Я пробую ответить, успокоить, начать разговор, но слова мои возвращаются назад ко мне... Ходим взад и вперед и молчим. — Нет, так ничего не выходит... — Поднимается по лестнице. Мы задерживаемся внизу... Вдруг наверху не то крик, не то храп, не то рык, и так страшно... Пулей, весь в красных пятнах проносится вниз дежурный и мчится скачками в гараж (а гараж Бог знает где!). Вдруг подкатывает паршивая машина с погнутой рессорой: соловьи поют, тормоз визжит. Шофер выходит: — Кто у вас Пришвин? — Я Пришвин. — Для вас выслана машина. — Хорошо, сейчас придет Калмыков, он со мной едет. — Калмыков! — воскликнул мальчик-шофер в бесконечном ужасе, — Калмыков на такой машине не поедет!

Становится все понятным: распоряжение Калмыкова дать машину поняли, что машину надо для Пришвина, и потому давали не торопясь и нашли самую дрянную. Шофер бросился в машину, чтобы как можно скорее удрать (оно ведь и страшно мальчику ехать с самим Калмыковым!). Но шофер не успел развернуться, вышел Калмыков. — Чья машина? — Кузнецова. — Хорошо, мы поедем. — А как же Кузнецов? — осмелел шофер. — Будет нужно, и на самом Кузнецове поедем!

В это время дежурный успел добежать до гаража, схватить новую машину и помчаться к Обкому. Он мчался нам навстречу в открытой машине и то подвскочит вверх, то опустится, как в игрушке «америк. житель», то подвскочит, то опустится: подвскакивает, чтобы увидел Бет., и опускается от страха, что Бет. как будто его увидел. И когда опустился, ему кажется, будто Б. не заметил, и он опять поднимается... Б., конечно, заметил, но проехал. Я улыбнулся Пете и показал на америк. жителя. А в зеркальце Б. увидел, что я смеюсь, и спросил меня: — Что? — Да вот рессора у Кузнецова плоха.

Шутка моя вернулась ко мне назад: Б. ничего не сказал. Я понял, что он внутри был свиреп. У него такое широкое монгольское лицо, так сложены скулы округло, такие щелки вместо глаз, что ему стоит в себе сделать усилие не более того, как повертывается ключ в америк. замке, и лицо его, кажется, предобродушно улыбается. Этим он обманывает, и голос ничего не выдает. Но я чувствую, теперь он никаких шуток моих не поймет и разговор наш не свяжется... В то же время я же знал, что как ни страшен поезд, а в сторону он не бросается, и стоит отступить от рельс два-три шага, и поезд вовсе не страшен.

А мне так легко отступить от Б.: ведь я же московский гость, и я хочу работать и могу, и жилище и пути область обязана мне предоставить: этого я заслужил, паровоз в мою сторону не может броситься...

Мы несемся на машине по Долинской, по Садовой, вниз и вверх, по лужам, останавливаемся в полгоры по сигналу Бетала. Шофера очень жалко и страшно за него... Мы кого-то ищем и не можем найти. Мне кажется, мы ищем ту группу домиков, которые надлежит снести и среди которых находится и моя дачка... Но это оказалась неправда. Мы ищем, оказалось, просто зав. цветочной оранжереей. Зачем? это известно одному Б. У него делается зараз тысяча дел, и метод его такой — что раз сказав — проверить это распоряжение. Так, распоряжаясь, он как бы сеет или сажает и все посеянное и посаженное, помня до точности, при ближайшей встрече проверяет. Так он, впиваясь своими монгольскими глазами в пространство, все там видит и о всем соображает и работает беспрерывно. — Пропал! — сказал он наконец про себя и, бросив садовника, велел ехать куда-то и по другому делу. Так мы скоро против каких-то лачуг настигли машину, пустую. — Чья машина? — Прокурора. — А где прокурор. — С Беляевым ушли. — Подай сюда прокурора.

И вдруг женщина, пожилая, выходя из халупины, узнала Калмыкова и подошла. Она говорила с волнением о том, что она 30 лет здесь жила, своими руками сад насадила и у нее хотят теперь это отнять. — Тридцать лет жила в такой халупине! — сказал Калмыков. В это время из халупины [вышла] женщина средних лет, полная, беременная, с огромными незакрытыми грудями (не успела закрыть), вылезла молодая девушка, другая девушка, пришел очень старый человек и очень старая женщина. Я заметил, что домики, обреченные на сломку, были обложены камнями и другими строит. материалами. Оказалось, что все приготовлено для постройки курорта, но обитатели избушек подали жалобу в край, и оттуда велели «приостановить выселение». — 30 лет прожили, — говорит Бетал, — в такой халупине и не могли улучшить свою жизнь, все держитесь за старую дрянь, а мы строим курорт. — Это хорошо, что вы строите, очень мы это уважаем, но и нам надо где-нибудь жить. — Вам дают 4000 р. за такую дрянь! — А мы на эти деньги не можем ничего купить, дайте жилье... — Вам дали площадь, стройтесь... — В это время старик ввернул, что он купил дом, но жильцов выселить не может, выселите —

я уеду. — Выселить надо! — сказал Б. Но старик обрадовался и начал говорить, что вот его выселяют и это несправедливо. — Вас надо выселять и строить снова: вы сами никак не хотите жизнь улучшить для себя, вам нужна нянька, вам соска нужна. — Старик погубил свое дело о выселении жильцов в городе. Его жена старуха подошла, хотела сказать, но только могла: — Ох, дух захватило! — И, отойдя к забору, схватилась за сердце. Только сейчас опомнилась женщина с голландской грудью и в один миг закрыла ее. Б. ее заметил: — Вот вы молодая женщина, мать ваша работала, сад вырастила, а вы что делали? — Мы сами матери, — ответила женщина.

— Вот крестьяне, — сказ. Б., обернувшись ко мне, — у них такая привязанность к этой чепухе, к этой халупе, они не хотят двигаться вперед. Смотрите, с каким трудом вылавировали мы эти кусочки земли для курорта, для лучшего. Что с ними поделаешь, мы платим по 4000 р. при стоимости в несколько сот руб., а они не хотят уходить... (На самом деле стоило бы только обеспечить жилплощадью, а не деньгами, и все бы ушли; является тема строительства курорта и в ней строителя и крестьянина.)

Пришли прокурор и Беляев, заведующий дачами. Начался длинный разговор о способах выселения служащих какого-то учреждения, захвативших дачи, подлежащие теперь разрушению или ремонту. (— Ты (прокурор), — сказал Б., — бумагу бумагой, а переговори по телефону или сам в Край поезжай.) Беляев повел нам показывать домик. Он не очень понравился... Б-у что-то пришло в голову. Выехали из садов в поле. И там все люди, люди... — Сады сажают! — задумчиво проговорил Б. Приехали к опытн. полю, там в ложбине держалась вода. — Надо засыпать! — Откуда взять землю? — А вы курган возьмите, вон другой: можно два. — И хорошо еще, что нету здесь археологов, а то бы не крестьяне, а мертвые заговорили против строительства.

Б. очень надеялся, что указанная им дачка Облисполкома удовлетворила меня, но в ней не было печи. — Летнее помещение, — сказал я, — а может быть, мне захочется зимой жить. — При выходе из дачи у калитки Б. зацепил себе палец и сморщился от боли, как ребенок, совсем ребенок, сосал долго этот палец и дул на него и, видно, сердился, сердился на что-то... «А ведь все из-за меня!» —думал я. Мы поехали в город, возле гостиницы я хотел уйти, считая вопрос о машине покончен-

ным, а дачный... Бог с ним! в конце концов, не так-то ведь это и важно. Но Б. не пустил меня. И вот тут-то наконец нашлась причина, давшая возможность разрядиться всему отрицательному электричеству, собравшемуся в Бетале за несколько часов глупейших неудач возле машины для меня и дачи, начиная от «Кузнецова» и кончая пораненным пальцем у забора моей дачи.

Ехал трактор НКВД по мостовой в городе. Бетал остановил его (и как это страшно было, наверно, людям открывать Бетала неожиданно в грязной машине!). Он велел шоферу отвинтить динамо. Кто-то вздумал на машине просунуться между трактором и нашей машиной и, вдруг увидев Б., стал отступать, а Б. ему вслед: — Ишь какой, подумаешь, ничего, подождешь! — А шоферу трактора: — Я тебя посажу, а если вы другую динаму поставите, я другой раз тебя посажу, а начальник НКВД пусть вокруг трактора потанцует. — После того мы направились в Обком, динаму внесли в кабинет и положили возле письменного стола. Вызывается управл. делами Дмитриев, и ему отдается распоряжение о том, чтобы по вызову писателя Пришвина ему доставлялась машина, а с 3-го Мая машина поступит в его пользование. Еще надо найти домик и обставить его мебелью. — Постарайтесь найти такой, чтобы он окружен был садом и уединен. Вы понимаете? писатель должен мечтать, ему это надо обеспечить. — Дмитриев стоял навытяжку и стоя как бы высыхал и ссыхался, как мумия. Он спросил: — На сколько же времени такая дача? — На вечные времена! — отв. Б. Как раз в это время вошел Антонов и снял фуражку (начальник НКВД снял фуражку! а Б. был в папахе). — А! успели накрутить...

— Нет, я ничего не знаю, Бетал. — На вот, посмотри, что это? — Это, Б., кажется, карбюратор. — Нет, ты получше посмотри! — У Антонова лицо сделалось совершенно как бывало у Ярика при моих словах: «что ты сделал?» — Ты же ездишь на машине, неужели ты не узнаешь? — А, кажется, магнето. — Да вот, магнето, а если сам начальник НКВД занимается варварством, анархией, то кому его судить?.. Михаил Михайлович! вы сегодня видели, с каким трудом нам достается выковыривать из всякой дряни, чтобы создать кусочек культурной земли, и вот...

Показал на Антонова. — Сейчас же посади! — велел он. — Сейчас посажу, Бетал. — И три дня пусть трактор стоит и пусть доска на нем будет висеть, и напишем на ней о том, как хозяйствует начальник НКВД.

Мы насилу выбрались. Прощаясь, Б. еще раз сказал Дмитриеву, который продолжал высыхать и ссыхаться, как мумия.

Барашки. Вечером К. рассказывал нам, что во время парт. чистки (К. чистил Бетала) тот рассказал на чистке эпизод из 20 года, когда он с товарищем под каким-то предлогом созвал на заседание всех знатных людей области, после заседания заманил их в подвал: «и тут мы их, как барашков, перерезали».

Как бы там ни было, а жизнь моя и работа интереснейшая мне теперь обеспечены, и как гора спала с плеч, что к Беталу больше не надо идти, и сам Бетал явился мне теперь как-то более понятным и простым.

23 Апреля. Туман утренний скоро разошелся и показались горы в дымке и такими оставались весь день, но солнце совсем не показалось, и раза два принимался понемногу моросить дождь, но было сравнительно тепло.

С утра Петя пошел посмотреть, не уехал ли трактор, т. е. не простил ли Бетал Антонова. И нет, трактор стоял. Неужели три дня он действительно будет без дела стоять?

Ходили осматривать дачи, предложенные Беталом. Пришли к тому, что лето прожить и в той и [в] другой можно, что если устроят хорошо — пусть! нет, мы и в этих халупинах неплохо сами устроимся.

Перед обедом часа в 3 проверили трактор, там работали два мастера, отвинчивали шипы с колес. Мы подумали, что Б. смягчился и разрешил взять, но велел обезвредить трактор.

К вечеру опять посмотрели, уверенные в том, что трактор ушел. Нет, он стоял без шипов. Значит, это уже Антонов сам от себя его обезвредил, приготовив тем самым ответ на вопрос: — Взять разрешаю, но как ты его возьмешь?

Как ни хочется ехать в Баксанское ущелье, но решили ехать и завтра в Свинсовхоз... 24 утром выедем, 25 вечером вернемся. 27-го в Баксанское ущелье на 28-е, 29-е, 30-е. Или так провести время: съездить верхом...

24 Апреля. 6 ч. утра. Туман.

Начало рассказа. Все слышали и многие еще простые люди верят у нас в Кабарде, что Шелоховская порода вышла из моря. Рассказывают, что будто бы владетельный Шелох пас у Черного моря своих кобылиц, и вот из моря вышел жеребец

неизвестной породы, покрыл одну кобылицу и был таков. Недавно мы беседовали об этом с Кучуком, и он говорит мне: — Михаил, неужели ты этой басне веришь? — Нет, — засмеялся я, — жеребца этого не было. — Был, — сказал Кучук, — он был, только это был араб, и не из моря, а вокруг моря араб ехал на жеребце, и не один. И от шайки этой начались и кабардинцы и лошади: в прошлом мы все и лошади наши начались от арабов. — Но Шелоховская порода все-таки отличается же от кабардинской. — Не верь, Михаил, — живо ответил Кучук, — не выходил жеребец из моря, не может этого быть. — Но ведь... <*Приписка:* Шелоховская порода исчезает. Бетал нашел шелоховского жеребца.>

В рассказе два соперника, в одном изобразить Бетала, в другом, Михаиле, себя (часть себя), так же как и в Бетале тоже часть себя. В центре спасение Беталом жеребца Атласа. На этом Атласе совершает какой-то военный эпизод, решивший победу революции на Сев. Кавказе. Жена Михаила ехала на Атласе. Бетал нес в башлыке ребенка... И с тех пор отставать, отставать (начался туберкулез). И девочка Бетала звала папой. В этих соперниках изобразить именно то, что сейчас происходит: я хочу у Б. отнять Кабарду: борьба жизни и смерти... Вот сюжет: спасение Атласа и создание Шелоховской породы, и спор за английскую лошадь... И потом он «отставать, отставать», а он строить.

Дом детей моих — это женщина, мать их. Какой другой может быть дом для детей. Вот почему беспризорные дети, сколько бы их ни устраивали, никогда не будут дома.

Искусство создает дом человеку, наука бездомна.

8 утра. Горы наметились из тумана. Солнце показалось луной. В парке на черных масках Ленина и Сталина, приготовленных для расцвечивания, там и тут на губах, на ушах, на щеках пучками начала пробиваться зелень. Трактор ушел. Мы разгадали, как это вышло. Антонов пришел в Обком и сказал: — Бетал, уже два дня трактор стоит без дела: у нас дело очень страдает, разреши взять. — Я ничего против не имею, — отв. Б., — но как ты возьмешь? — Я отвинчу шипы. — Отвинтишь, бери. — И так вчера отвинтили, а чтобы не было публике зрелища, ночью вывезли.

9 утра. Машина подана. Дмитриев работает исправно (недаром же он мумией сох целый час).

Из тумана мало-помалу выезжаем. На Черной речке цветет везде терновник. В степи возле Прохладной воздух переменился, как-то окреп по-степному, и люди начались русские, украинцы, показались хорошенькие хохлушки. Вон Свинсовхоз! думали, запахнет издали свиньями, а там все в цветах.

Игонькин Константин Иванович (партизан, израненный). Основание совхоза 1926 г. (была только старая мельница Шестопалова и старые тополя). Сейчас больше 1000 рабочих и служащих. В день на людей и свиней выходит 10 тонн. Рогатый скот до 200 голов, 80% молока идет на поросят. 200 маток и 60 ремонтных, 23 хряка основн. Опорос 20—21 в среднем на матку, всего 4000 голов, из них 7% на питание (колбасных). По области теперь поголовье 60 тыс. Условия: лес, выпас, вода, воздух. Река Малка и река Шоколь. Родоначальники Алмаз и Амалия дали свои имена колхозным свиньям, пошли бесчисленные Алмазы и Амалии (еще Реклама).

Как делали, чтобы дикие кабаны могли оплодотворить маток английских. Полукровки: живость, щетина, удлиненность рыла: белый цвет, рыло покороче диких... Беталова идея (ближе к природе).

Выпас свиней на озимой ржи (скусывают, но не роют).

Рассказ о Бетале: в 19 году... разбили... пробивались в ущелье... стрельба вокруг... высунуть нос из машины нельзя... старик шофер... застряла машина... шофер: «вот бы Бетал, какая в нем сила!» Бетал вылез, поднял зад машины. Шофер завопил: да он разломает... Бетал выпихнул машину, а потом сел и говорит: я и есть Б. Калмыков.

Конст. Ив.: — У таких людей вовсе нет личной жизни. — Жена? — А когда он ее видит?

Вопрос: что есть «личная» жизнь. Взять мою преданность писанию: тоже ведь личного нет у меня... у меня даже и неустроено вокруг себя, а может быть, и устроено, а еще хуже: нет и нет; что же это личное? может быть, искусство, власть тоже личное? или же «личное» есть легенда для успокоения тех людей, которые почему бы то ни было не могут занять место творцов, легенда потребителей жизни. Производители жизни и ее потребители, если человек больше производит, чем потребляет, то говорят, что у него нет личной жизни.

Узнать о войне: горный эпизод 19 г. и кто в Нальчике может рассказать. И еще найти материал, чтобы дикую свинью связать с английской.

Мысль о возможности написать («продрать») всю повесть в неделю (на ходу), с тем чтобы знать, что искать. (Хотя оно уже и само началось.)

Характер творчества. Бетал: ничего не забывает, не потому, что память, а что творческий процесс (и это против «крестьян» — «эти крестьяне!»). Завернулось в тысячах мест, и везде всё как у Бетала: напр., цветы, напр., «ближе к природе».

Дело и человек. Если человек отдается делу своему целиком, то в деле своем он должен целиком и показываться. (Эту мысль я кладу в основу понимания Бетала в делах Кабарды, и так выходит, что и в ее природе.)

Если Б. погорячился в Нальчике и выругал Антонова (правда, за дело: Б. никогда не может сердиться без причины), то А., в свою очередь, погорячится и сорвет свою душу на ком-нибудь, а тот намылит шею еще кому-то, и тот кто-то накрутит хвоста своему подчиненному, и так беталов справедливый удар в Нальчике похож на удар камнем по воде: волна за волной покатится до берега (а в беталовом ударе до границы области).

Душевный разговор директора начался словами: — Все знать в своей области Б. все-таки не может...

Роль политотдела и рабочкома: собрались трое из разных стран, чтобы друг другу мешать... А в колхозах, там все-таки люди свои, у них есть общий интерес в том, чтобы <*зачеркнуто:* дело шло> друг другу поменьше мешать.

Однако человек со стороны, заинтересованный местными делами лишь постольку, поскольку они должны выражать волю центра, имеет значение мутовки, перемешивающей бродящее, вздутое тесто, с той разницей, что мутовку хоть облизать можно, а начальника политотдела никак не оближешь.

Записываю разговор за стеной:

— До каких же пор?

— До тех пор, пока ты не будешь считаться с рабочим комитетом.

— Не буду...

— Не будешь?

— Не буду.

— Еще раз спрашиваю: не будешь?

— Не буду.

— Последний раз: не будешь?

— Не буду.

— Сволочь же ты...

25 Апреля. Весь день собирался дождь и пошел только вечером в темноте. А в Нальчике может быть и солнце (часто в Нальчике возле гор и в степной Прохладной погода обратная).

Мы ездили смотреть свиные дачи совхоза на Малке, в колхоз Алтуд (сравнить свиноводство в совхозе и в колхозе), охотились на фазанов по реке Кедука.

<*На полях:* фазаны утром выходят в поле>

Ближе к природе (Бетала тема).

Логово кабана: носом проламывает кабан чащу — лозовник, терн, кислица, облепиха, вход в логово заделывает изнутри и ложится на день, а ночью выходит сам темный и невидимый. А свинья английская белая и живет днем. Надо было дикое ночное животное свести с культурным дневным. Возле логова кабана приманку положили и ежедневно ее отодвигали ближе и ближе к Малке <*приписка:* а приманка: жареный подсолнух: дух такой, что переманили кабана на ту сторону Малки>. Потом приманкой перевели кабана к необходимости переплыть реку, и он переплыл, тут англ. свинья в такой охоте, что спутался у ней день и ночь...

Кошка Филька. Собаки Лимон и Нели. Баран Боря, жеребец Абрек (арабистый). (Все эти друзья жили в комнате, и единств. Абрек и то подумывал о жеребце. А жена такая же...)

Фонари. [Додумалась] зампредоблисполкома, увидав у Калмыкова на машине 5 фонарей, потребовала в гараже, чтобы и ей сделали 5, но ей к 2-м обыкновенным прибавили только один. Это дошло до Калмыкова, и на заседании Обкома он посмеялся: не успела сделаться властью, а уже хочет 5 фонарей.

Алтуд гора и на ней аул Алтуд.

С высоты горы Алтуд (феодальной крепости эпохи Шамиля, теперь тут свинарник колхоза Алтуд <*приписка:* (в ясную погоду с него Нальчик виден)> и молочная ферма, тут мулла кабардинский теперь для удовольствия гостей может за ногу поймать поросенка и поцеловать его в пятачок).

Алтуд и мулла. Свингородок. Руки не подавали ему за свиней, а теперь... Тут на вершину крепости мулла забирается, стучит палкой по железному ведру, и на этот звук со всех сторон с пастбищ луговых и даже из камышей речки Кедука (куриная балка) подымаются и бегут во весь дух английские свиньи среднего возраста. Если же захочет мулла, то может голосом со-

звать свиней старшего возраста, а на свист бегут самые маленькие. С высоты этой крепости заметил однажды, что дикая свинья вошла в лозовник на Кедуке, а через речку не перешла: осталась... Так было раз-два, и тогда убедились, что дикая свинья собирается здесь пороситься...

Свиньями уплачивают мясной налог, а коров сберегают.
Маслобойка, подсолнух для масла и грызовой.

Штаб колхоза <*приписка:* (предколхоза, парторг, сельсовет: к ним съезжаются бригадиры)> во время посевной (сейчас кукурузу сеют) и уборки (приказ Бетала) выезжает в поле и живет тут. (Домик, окруженный плетнем, физкультурная...)

<*На полях:* Река Шакой протекает через Совхоз (свин.) и рядом с ним впадает в Малку (Совхоз на стыке рек). Речка Яман-су («плохая вода» значит, хотя вода очень хорошая): роет землю кривульками, зарывается глубже... на поле.>

До конца пятилетки Бетал запретил работать на кобылах, и оттого совхоз бесполезных для себя кобылиц отдал в колхоз. (Совхоз и колхоз помогают друг другу: совхоз дает машины, колхоз рабочие руки.)

Горизонт как пила с округлыми зубьями: эти зубья — бесчисленные курганы.

Метис дикого кота Филька. Метис фазана Петух. Итальянец Лимон. Ишак сахару просит. Поросенок визжит: привык к жареным семечкам. Лимон царапнул по глазу Фильку, и дикий кот (с дикими разводами шерсть) навсегда остался в подчинении, перевертывается пузом вверх и отбивается лапами. Гончий (громадный) <*зачеркнуто:* Дунай> Докучай когда входит, тот бросается и висит на ухе, от этого он уходит, а этот возвращается победителем.

Для революции. — Руку не подавали, а теперь по своему желанию мулла целует в нос поросенка. «Кое-что и я для революции делаю».

Вождь послушал народ, оказалось, что в колхозе жить нельзя: в деревне старики, в бригадах нет быта.

Кабардинцы послушный и верный народ, а если бы не были послушны и верны, то у них не было бы их замечательного вождя...

Соловей есть, кукушка, говорят, есть.

Игонькин [рассказал] о политотделе, показал свои раны.

Интересно, что современная идеология, направленная против предрассудков религии, целиком принята, и часто слышишь рассуждения мусульманина, направленные очень разумно против запрещения свинины, мало того: человек этот ухаживает за свиньями, чтобы свининой уплатить налог, и даже в азарте угождения начальству возьмет и поцелует свинью, но есть не станет и виновато ответит: «нутро не дозволяет есть свинину».

Вид рождающей свиньи.

Каждый поросенок знает свой сосок.

Полудикий кабан Ежик белый и на ходу легок очень, щетину может поднять, как ерш.

Собаки стали: по индюшке на яйцах.

Партизанское сердце не выдержало.

Игонькин мало того что заставил муллу поросенка поймать, он нашел жену его, которая подмазывала хату глинонавозом, и заставил и ее поймать поросенка, и она, прямо навозными руками, начала ловить.

Предколхоза рассказал мне, что диких свиней у них раньше не было, что теперь они появились и охраняются: в кукурузу ходят, дороги проделают, там ложатся... И пусть лежат... Ведь это богатство!

Через несколько минут Игонькин приглашал меня стрелять кабанов: «убьете, пользу большую принесете». И тот же председатель молчал.

Фазаны. Еще до света с полей уходят кабаны и укладываются. При первом свете из зарослей реки Кедуки выходят фазаны кучками, пасутся, как куры на полях, прячутся тут же в облогах.

На стыке Баксана и Малки горизонт как пила с округлыми зубьями: эти зубья — бесчисленные курганы. Какие это народы? И кто они, покойники, лично, вожди? Наверно, вожди каких-то народов, наверно, послушных и верных, иначе не могло бы среди них рождаться вождей... На кургане, близком к нам, показались рога волов, голова, ярмо, выехал пахарь, оглаживая... Сколько лет пройдет, сколько пахарей легло и еще ляжет, пока эти курганы, насыпанные одними людьми, будут сглажены другими.

26 Апреля. С утра ночной дождь продолжается. Это дождь теплый, весенний, все ему радуются, чудесный дождь для всхода посеянного и для посева кукурузы. Под самый вечер дождь перестал, и я ходил по мокроте до стыка нашей реки Шакоя и Малки, где находится 1-я бригада свиных дач. Жена бригадира, немка, сказала, что начали показываться комары и что малярия здесь сильна. Значит, надо из степей удирать в горы.

<*На полях:* Амалия (жир на скале). Разговор о метисах английских с диким кабаном. Как они заманили и как, закончив свое дело, кабан услыхал и бросился вниз с берега и уплыл. «Если бы английская свинья так бросилась, то от нее остался бы только жир на камнях».>

Шакой, глубоко зарывшийся в землю, начинает исчезать в зелени кустов и деревьев, скоро он совсем исчезнет для глаза, и только по плеску бегущей по камням воды можно будет узнавать, что там в густели река.

Малка. Эти бедовые горные реки не могут и на степи успокоиться. В одно лето, даже в один бурный паводок Малка прорывает множество своих лучей, старицы с большой быстротой зарастают камышом, кустарником, и так на ровной степи среди распаханных и отлично ухоженных полей образуется очень широкая долина, способная по ширине своей пропустить сотни рек...

Рассказы о Бетале. Носки. Встретив однажды секретаря какого-то райкома, Б. велел ему снять сапоги и показать носки. Увидев очень грязные носки, Б. сказал: — Какой ты секретарь и чему ты людей можешь учить, если у тебя носки и то грязные. — Этого было довольно, чтобы секретари всех учреждений в Кабарде, все председатели и многие другие служащие стали следить за чистотой своего белья.

<*Приписка:* Граница между другом народа и деспотом.>

Техминимум. Еще было, Бетал созвал секретарей райкомов для публичного экзамена на техминимум. Привели лошадей, коров, баранов, быков. И Бетал начал по очереди заставлять запрягать лошадей, доить коров, задавать разные технические вопросы. С первых же вопросов экзамен превратился в издевательство над людьми, ничего не умеющими делать. И после того, как в ответах секретарей мерин оказался жеребой кобылой, экзамен был отложен, и секретарям был дан срок на переподготовку.

27 Апреля. Утро пасмурное, но тепло, как в парнике. К середине дня распогодилось и солнце открылось, но горы не открывались.

По берегу Шакоя я пошел на Малку.

Нелька и перепела; Шакой курган. По-видимому, сейчас массовый прилет перепелов. Из гущи цветущего завитого хмелем и плющом терновника Нелька вытуривал перепелов. Птица, вылетев на паханое поле, очень большое, заключенное цепью курганов, летела вперед и, сделав большой круг, возвращалась на берег Шакоя. А Нелька мчался почти до курганов, возвращался с высунутым языком, приискивал нового перепела и вновь мчался к курганам. Местами Шакой уже начинал прятаться в зелень. Летом же эта речка будет бежать в плотном зеленом шатре: сколько увидишь тогда, если тихонько будешь продвигаться на лодочке.

Крикнул фазан за Малкой. Сизоворонка взвилась высоко, сложила крылья, ринулась вниз, верно, промахнулась, опять взлетела, схватила что-то невидимое и уселась, синяя, на сухое дерево.

Лимон в шляпе. Карманная собачка Лимон (подарил китаец и так называл, хотя это сучка). Гонял барана, гонял козла, терроризировал кошку Фильку (метиса дикого кота). Я сегодня залучил его в комнату, он под кровать и, со́гнув лапку, дрожит, а когда я хотел накрыть его шляпой, понял вперед мой замысел, понял, что в шутке живет все его существо, и с грустью...

<*На полях:* Узва́ — компот.>

После обеда выехали в Нальчик. Не доезжая Черной речки, К. И. указал место, где жил генерал Пшибшев, сыновья которого жили грабежом так, что дорога эта была очень опасная. Они во время революции эмигрировали, а внук Темирхан остался, и долго его не могли изловить. Наконец, окруженный со всех сторон, он решил покончить с сопротивлением с условием, что сдастся только Калмыкову. Беталу дали знать, он приехал, обнял молодого человека, усадил в машину и увез. — Дня два с ним беседовал, — сказал К. И. — И чем же кончилось? — спросил я. — Расстреляли, конечно...

<*На полях:* Везде в садах цветут вишни, абрикосы, алыча, в лесах терновник. Ароматные белые и розовые деревья.>

За Черной речкой указали место, где жил второй «хищник».

Часов в 11, когда я улегся спать, раздался стук в дверь. Это Калмыков вдруг вздумал мне сделать визит и, узнав, что я в кровати, ушел. Меня он своей властной фигурой, подавляя, волнует, и это очень унизительно. Думаю, что эта неловкость скоро пройдет.

28 Апреля. Солнечное утро. Снежный хребет хорошо виден, пониже все в пепельной дымке.

В 6 у. ходил смотреть, как строится курорт. Работа кипит, люди роют, возят цветы, деревья развертываются, птицы спеваются. Кто же эти счастливцы, для которых вкладывается в землю столько труда? Так чудесно все строится и так искренно не хочется быть в числе счастливцев. Близость гор и прохладных ветров сильно сказывается: здесь яблони и груши долго еще не цветут. Заходил посмотреть свою халупину, не понравилась. Подумываю переключиться на 34-й конный завод, однако если хорошее жилище устроят, не откажусь.

В конце концов надо добиться единства в этом строительстве, чтобы и курорт и свиноводство и коневодство, конюшни, стойла племенных свиней и курортные дачи являлись звеньями в творчестве всей Кабарды. Все это объединяется беталовой темой «ближе к природе»...

Горы и облака. В 12 д. дня горы оделись в кучевые облака, только-только вошли в них и стали не горы, а облака, хотя все остальное небо было безоблачно.

Только разделался с Шустовым, появился П., и их будет множество.

Вечер. К вечеру далекие снежные горы стали одеваться в какие-то малопрозрачные одежды — одну на одну постепенно и скрылись при полном солнечном свете: улеглись раньше времени спать. После того и черные горы стали белеть, и лесные скрыли свои леса, от гор остались только силуэты в тумане.

Голову гора показала из-под одеяла, другая показала, и все скрылись.

Теплый — 1-й вечер. Девушка землю таскает на носилках, и как взялась за ручки, поет, поет. Появление настоящей барыни и с ней 2 кавалера: увидав вишню: как молоком облитая.

Вишня. Солнце, подходя к низу, сегодня превратилось в луну, и от земли шло тепло даже и к вечеру. Перед закатом одна гора показала голову из-под одеяла своего и скрылась. Вишня под горою в тепле до того расцвела, что все, проходя, останавливались. Девушка молоденькая с другой женщиной землю на носилках таскала и каждый раз, как дойдет до цветущей вишни, запоет. Вдруг настоящая курортная пышная дама в шелковом платье показалась с двумя кавалерами: это первая дама была. Перед вишней все трое остановились, и кавалер сказал: — Как молоком облитые стоят сады вишневые. — Это был первый теплый весенний вечер, и впервые в теплоте чуть-чуть веяло с гор холодком: после, говорят, летом эти ночные прохладные ветерки с ледников дают особенное наслаждение дачникам.

Заседание Обкома. Игонькин, когда мы у него были, рассказывал о заседании Обкома, что сели в восемь вечера и встали в 6 утра, и всю ночь от 6 вечера и до утра Бетал говорил и учил. — Тяжело? — О-очень! Конечно, и чай тут, закуски, фрукты, да все это ни к чему: и не дотронешься. <*Приписка:* Игонькин, партизан, до смерти боится Бетала.>

О единстве творчества Кабарды надо почаще думать, чтобы и жизнь Обкома и жизнь фазана и колхоза и кабана и совхоза...

Кровники. Сколько ненависти скрывается в человеке и постепенно расходуется на других в ядовитых уколах и подколах. Чтобы сразу отделаться от одного врага, отвинтить ему голову и открыть чистую душу свою навстречу всем приходящим, [мало] <*зачеркнуто:* чувства> силы сознания своей правоты: в тот момент, когда схватишь врага, в голове шевелится: «а что если я ошибаюсь?» Мало того! даже без всякой мысли его выпускаешь: «нельзя!», и конечно, в тайне сокровеннейшей мечтая своими собственными руками оторвать врагу голову. И этого мало! Затаивая в себе невозможно сладкое и пугающее роскошью полного удовлетворения чувство кровавой расправы, иной человек трансформирует сладость кровавой мести в еще более тонкую сладость прощения, милосердия и даже любви к своему кровному врагу.

Но вот к нам пришел человек не с личными счетами, а с чисто детским сознанием правды: ему видно на глаз — это красное, это — белое, красное наше, в белое надо бить без колебания. И он нам показывает и начинает. И мы все, чувствуя силу его правды, бросаем колебания, обрадованные возможности

очистить свою душу. Аналогия: разряд души в ругательстве. «Помоги, Господи, не простить» = значение разряда = приливу варварской крови = дикий кабан и англ. свинья и проч. Находят же это прилитие необходимым, значит, надо же как-то и оправдать: «Ближе к природе» значит и оправдание варварства.

29 Апреля. Туман медленно расходится. В горах (Чегемском ущелье) в 12 д. солнце. Вечером небольшой дождь. В 9 у. направились в В. Чегем, откуда недалеко перевал в Сванетию. Вернулись тоже около 9-ти (вечера). Шофер русский недоволен Кабардой («нет ничего выдающегося» = лично ему тут среди националов жить и работать плохо).

Буковые леса: чинара распускается. За лесами этими огромные скалы. Наверху маленькие сосны и березки толщиной в свечку (целый лес из сосен и березок). Внизу Чегем, и в Чегем ручеек, тоже рассекающий скалы от верху и донизу. Под сенью горных стен прохлада. Птица черная аляпка с камушка в воду, и вода ей так же своя, как и камень... <*Приписка:* Вода и камень между собою в вечной борьбе, но аляпка любит и воду и камень.>

Желтая бабочка в ущелье на большой высоте, и ее схватывает неизвестная нам птичка. На самой высоте <*загеркнуто:* гриф> орел. Еще внизу у Чегема птичка вроде трясогузки, но с желтыми перьями. Была и трясогузка. Голую плотную отвесную скалу изнутри пробил ручей, из дырочки льется, разбиваясь на три струи, ласково охватывает скалу. В этой ласке и смерть скале. Никакая скала во времени не может устоять от ласки самого маленького ручья, непременно уступает ему и вся рассыпается от верху донизу. Никакая гора, падая, не может задавить маленького ручья. Вот камень величиной в многоэтажный городской дом когда-то упал с высоты на Чегем и, наверно, шлепнул так, что от всего Чегема в воздухе осталась только радуга. Но прошло время, Чегем по-прежнему скачет, охватывая упавшую скалу с обеих сторон. А на верху скалы вырос целый лес из сосен и березок тоненьких, как свечи, и мохом темно-зеленым, как плюшевым платьем, оделись все скалы от верху донизу. Надо найти начало Чегема, понять, с чего же все разрушение начинается, и проследить его путь сначала по местам, где создались альпийские луга и в теплой впадине аул.

<*На полях:* Есть люди, верящие в слово Бетала: «слово Бетала священный закон». Но мы, люди, разложенные критической мыслью, не можем же слепо верить слову Бетала и проч.>

Сванетская башня: войны, барашки, буза, огородники, мельницы, плоские крыши: камни бегут с крыши на крышу... набежало много камней, у плетня на камнях старики сидят весь день, пьют и поют. Чабаны и барашки. Учительница на коне. Женщины и дети на крышах. Мельницы от ручья. Из цветущего куста родник разливается. Ишаки с дровами. Ишаки с бидонами в горы идут по мостику, уши большие, голова большая лошадиная, сами — мальчику сесть. Человек старый на ишаке, ноги почти до земли. Впереди машины ишак оседланный: налево скала, направо пропасть в Чегем: 20 километ. бежит в час по спидометру, а легко. Встретился человек... две собаки пара: сами нашлись.

Чегем зарывается глубже и глубже в борьбе со скалами прорезом: чем дальше от начала, тем глубже... а еще дальше уже и скалы попадали, стали отлогими и начались леса, а еще дальше распаханные холмы — земледельцы: и наконец Чегем по равнине, и там работает «Бетал»: заседает внизу Обком, вверху в Чегеме пастухи пьют бузу и поют. Придет время — не станет Бетал дожидаться Чегема, пока тот луга горные <*приписка:* и горы> превратит в долины... Он уже теперь собирает их в колхозы, не все еще собраны: председатель Н. Чегема (район) машину получил и старается, у него синяя борода: невозможно пробрать, фамилия его Кумуков.

<*На полях:* Ульбашев — заговор на Бетала.
Камень и дерево. На севере дерево, здесь камень, и, наверно, мастера есть с тысячелетним навыком.>

Форели много в Чегеме, вода малая, а ловить в камнях, как у нас в траве и тине.

Чегем и Бетал: Чегем то же делает, что и Бетал, но дает срок людям пить бузу и песни петь, а Бетал скорей: не дает людям ни сроку, ни отдыху... Жилище балкарца: клетушка вроде верши на земле, а это не верша, это труба, и в ней видно жилище: человек спуститься может: там огонек, на палочке человек жарит ляжку барана. Гостя женщины раздевают (одежду потом вычистят). Бетал выковыривает внизу жителей, строит курорт, доберется доверху... Моют золото, отводят русло.

Рассказ шофера: прошлый год был убит бандит, балкарец Ациканов: шесть лет (с 31 года — восстание в Балкарии) не изловили, держал связь с бандитами... пришел в кош... забавился сказками... любовь: невесте свидание назначил... окружили: в кустах: стрельба: пуля в живот, всего 8 пуль, ружье приспособил одной рукой стрелять, на случай ранят. Наган, сумка убитого им начальника ГПУ. Самолетами выбивали.

<*На полях:* Колхоз в единстве нельзя увидать, как мы видим дерево.>

30 Апреля. Пасмурно с дождиком. Бетал действует, как Чегем действует: тут [дело] не в личностях и не в счастье. Ты выше, выше поднимайся...

Проявление. Украшение гостиницы. Народ на мое окно смотрит. Сталин поднимается. У моего окна останавливается, смотрит в комнату, покачивается, глаза туда-сюда.

К вечеру сильный дождь.

Вспоминаю с восхищением мельницы с лоточками от ручья...

Жить в колхозе — это все равно что в канцелярии, жить у балкарцев — у людей. Намечается работа: жизнь колхозника и жизнь балкарца. Вспомнился Бострем и сопоставился с Беталом.

1 Мая. Советская Пасха! демонстрация принудительной силы государства, между тем в понятии праздника на первом месте стоит свобода: спустили с цепи песика, он прыгает: ему это праздник.

Сладость обиды: сколько людей живет этим!

<*На полях:* Пасмурно. Весь день не дождь, а мга, и не идет, а садится на охоложенные ляжки физкультурниц. Пасмурно, холодная мга садится на широкие обнаженные ляжки физкультурниц, и тело покрывает гусиной кожей. >

Вечные формы скал. Кто определяет, вода или камень? Форма этих скал образовалась потоком, работавшим над этим сотни лет, и потом они долго стоят, и все кругом привыкают к ним как к вечным формам, определяющим бег потока. Но это кажется так людям, имеющим короткий срок жизни на земле. На самом деле поток работал дольше и формы этой... И челове-

ческая жизнь, ее поток бежал три тысячи лет тому назад, эти жилища, эти мельницы... они тоже должны рухнуть (Бетал выковыривает).

<*На полях:* Рассказ Гуревича о Гуревиче, который бежал и на ходу кричал, что он не тот Гуревич. Тамада.>

Шляпа и кепи. Мы в толпе поднимались на цыпочки, чтобы видеть процессию возле трибуны, и когда это надоело, вернулись домой. Между тем Бетал отдал приказание Антонову найти меня, и секретарь искал нас: старик в шляпе, молодой в кепи. Но случилось, кепи надел я, а Петя шляпу, и нас найти не могли. В конце концов в комнату ворвались, взяли нас и водворили на трибуне.

Митинг в Обкоме. <*Приписка:* Зам.> Наркомздрав Гуревич. Его речь о парах: Сталин – Ленин, Дзержинский – Свердлов, Орджоникидзе – ? Бетал об Орджоникидзе: «святой». Рассказ о том, как Б. женщину нес на руках в походе, как он белых завернул с 60-ю. Рассказ самого Б. о том, как он поймал Пшибшева Темирхана. Беременная женщина загородила вход, бросился с револьвером, под одеялом дети. Женщину «в переплет»: догадались по глазам: невольно глядела в одну сторону, и тот домик окружили. Объявил, что сдастся одному Беталу. – Очень храбрый человек (и хозяин хороший), – сказал Б. – А умирал нехорошо! – ответил «директор» (агент под видом директора какого-то завода жил в селе и выслеживал). – Это потому, – ответил Б., – что он убежден был, что его не расстреляют.

Я не тот Гуревич! Рассказ Гуревича наркомздрава об одном Гуревиче, которого арестовали белые вместо него, и когда белые бежали, то он все продолжал всем доказывать, что он не тот Гуревич.

Финтифлюшки Погибы (вспомнился Анацевич) и «директор».

<*На полях:* Моя речь о работе Чегема и Бетала: горы сравняются... Гуревич сказал: – Чегем и Бетал: это нехорошо. – Горы, – отв. я, – это одно недоразумение: велик должен быть человек, а не горы. В горах человека не видно, в степи человек далеко виден и в степной – все человек и человек без конца. Рано или поздно Чегем сравняет ущелья.>

Визит Бетала. В 10 в. звонок Бетала, просит собрать всех. Сам приходит ко мне в номер. Говорили о Пшибшеве, что он враг был и нельзя было его оставить. О Кожаеве, что не стоит мне его брать: «хаотический человек и ничего не выйдет» (так, наверно, кто-то и о мне говорил бы, если бы я не стал на свой личный путь и не заставил их себя признать). Насчет жилища сказал обиняком, что-де в ресторане плохо кормят и думаю переселиться на 34-й конный завод. — Устроим как-нибудь, — ответил он. А куда же девалось его обещание устроить меня с семьей (работу буду поддерживать и проч.). По-видимому, ему представлены какие-то аргументы против моего устройства: или что дач нет, или что политически приближение непартийного писателя невыгодно и т. п. А то может быть и так, что в глубине души он все это и не считает важным делом, как доказал на примере Пачева: умер, и кончено. (Оказалось, что мою статью о Пачеве напечатали в «Известиях» и местные газеты просто перепечатали ее, ничего не сказав от себя. Талпа рассказывал, что у кабардинцев нац. чувство теперь вообще очень слабо и «националу» нужен конь, плеть, да...)

Sic transit. Ночь просидел в обществе Бетала и чекистов, которые, опьянев, клялись всю ночь в чистоте и непорочности ВЧК: похоже, что постоянное сознание порочности и негодности жизни своей личной их подгоняло славить ВЧК: sic transit gloria mundi[1]. «Рассеянный человек» (Погибо) большой успех у дам («всесторонне одаренный человек»): тут своя дешевая романтика на почве большой физической живучести (пить без конца и говорить без конца какой-то талантливый вздор). У Бетала лицо осталось по сложению своему детским, улыбающееся лицо и во всей натуре сохраненный ребенок.

<*На полях:* отлетает от себя — шелуха. >

Без покровов. Прейхнер, Зоя П., корресп. «Крест. газеты»: среди них Зоя... зевнули: весело! Бросили... Грузин художник с красивой женой художницей, композитор с женой композитором, «директор», Погибо.

После моего рассказа о «стенке» Погибо сказал задумчиво: — Тут ведь все покровы падают... — Как это было понять: сказано ли это в объяснение того моего «вдруг стало легко» (покровы упали) или же того, что самый рассказ мой есть еще покров, всякий рассказ об этом есть творчество покрова и рас-

[1] sic transit gloria mundi — так проходит мирская слава (*лат.*).

сказать вообще нельзя об этом... Скорее всего, «рассеянный человек» в пьяном виде думал и о том, и о другом. Но в конце концов вдруг он сказал: — Да что... это легко. Умирать легко, жить трудно. — Мне пришлось пожать ему руку. В это время пьяный художник произнес речь за Сталина, за ВЧК и [за партию]. Чекист выпил с ним на брудершафт и сказал, погладив по голове: «вот мой мальчик». Раз обмолвился: сволочь какая-нибудь, интеллигенция. Для чекиста интеллигенция величайший враг <*приписка:* потому что интеллигенция создает «покров»>.

2 Мая. Фенологические записи. Погода серая, но теплая. Как поднялась трава! Деревья сильно распускаются, каштаны. Маевка в Долинском. Булычев. Превосходная организация: как будто и нет ее. Значит, могут же быть праздники организованными. Танцы горных евреев. Танец древний грузинский сохранили в Сванетии, называется перхули (дружба людей). Народ возвращался пьяненький, впереди пьяненькая женщина в зеленом платье шла танцуя, вращалась, на другой день я узнал ее в аптекарской кассирше. Чем цветистей плюшевая кепь, тем безобразней лицо...

Супруги Кудрявцевы. Вечером был Кудрявцев с женой, женщина вдвое старше его и ему говорить не дает, рекомендует мне уехать из Нальчика: что в Нальчике, вот куда надо... — А как туда проехать? — Туда нельзя проехать, а надо идти пешком. — Пешком! — перебила жена, места́ — и пешком не пройдешь. Супруги рекомендовали предс. облисполкома Карачаева Курджаева.

<*На полях:* Шоферское свидетельство и Запорожцев.
Положение Зои: заказы писать.>

3 Мая. Фенологическая характеристика. Рано утром наконец-то показались горы. Но даже легкого как дыхание ветра было довольно, чтобы вскоре они стали закрываться пепельной дымкой, а потом и белыми облаками. Все остальное небо оставалось открытым, и солнце весь день было жаркое. В парке, в лесах цветет множество деревьев, начинают и яблони.

Сын писателя. Справка в гараже дала благоприятные результаты: беталово приказание автоматически действует, и машина у нас, кажется, будет. Собираемся ехать завтра 4-го в Пятигорск и пробыть там до 7-го вечера. Петя, чтобы ему возобновили

старое московское давно потерявшее силу право езды на машине, сказал длинную речь, ссылаясь на Калмыкова. Человечек вник в речь, долго расспрашивал про меня, писателя — что написал, какие книги, про Калмыкова и в конце концов сказал, что он разрешить это не вправе, а вот придет через час начальник Запорожцев, и тогда ему это все надо будет сказать. Петя, рассерженный до крайности, проходил час, и когда Запорожцев явился, то все ему снова сказал, и про Калмыкова, и про писателя Пришвина. Выслушав внимательно, Запорожцев сказал: — Так, стало быть, вы сын Калмыкова? — Нет, — ответил Петя, — я сын писателя Пришвина. — Понимаю, — сказал Запорожцев, — так в чем же дело? — Да вот надо возобновить права. — Э, бросьте, есть права и ездите. — А если остановят? — Ну кто вас остановит, вы же ведь сын Калмыкова. — Да нет же, я сын писателя Пришвина. — Ну все равно: сын писателя, вас не остановят.

<*На полях:* Тетрадь — а с Беталом согласовано? >

<u>Кровати с сеткой и машина</u>. Бетал всю область забросал кроватями с сеткой, какие и в Москве редко встречаются: во всех колхозах у него железные кровати с сетками, и так лично тоже: дает кровать и берет человека. Людей покрупнее, заслуженных крепит домиком, председателей машиной, конечно, уже машиной после ремонта, но это ничего: машина после капит. ремонта живет еще столько же.

Обеталенный председатель (Бетал машину подарил).

<u>Машина</u>: без Машины нельзя: новая жизнь. Зоя П. встала в 6 у., чтобы ехать — спутники спали, в 9 — спали — в 11 спали, в 12 ушли. Художественная пара бродит везде. Б. сказал: сегодня мы встретились, вечером еще встретимся, 2-го Мая в Долинском маевка, а потом к работе... Пришло 3-е Мая, погода чудесная — машины нет — что делать? — спрашивают меня. — Одежда есть? встали. Машина есть? поехали. — Нет машины, а вы как? — Мне пришлют из Москвы... — А сейчас? — В ожидании.

Теперь по ним вижу, как я настрадался, что пережил... А окрестностей в Нальчике нет, этюды писать не с чего... Прежде к лошадям приноравливались, теперь все по машине: нет машины, и пропал.

Намечаю на случай затора в отношениях перезнакомиться с вождями Северн. Кавказа.

— Нельзя дать ружья охотникам? Значит, нельзя и дать перья писателям.

<*На полях:* Ружья и перья. Если в области еще опасно давать всем без особой войны охотникам ружья, то как же можно давать перья писателям!>

По-нашему, с расцветом садов весна кончается, и тут я тоже чувствую, что тот острый интерес к ходу жизни в природе у меня кончается. Надо почувствовать дни, когда в Долинском зацветут сады. После того надо понять рост трав на лугах и ход удаляющейся в горы весны...

Лева в письме очень кстати напомнил о необходимости общ. деятельности (чтобы не обидеть Бетала). И очень возможно, что заминка в даче объясняется недовольством «губернаторши».

<*На полях:* Человек, имеющий претензию на первое место в глубине души своей, и тот человечек, который знает легкие и простые пути на первое место: и когда вы сели, наконец-то добились места, то видите, рядом с вами и те сидят.>

<*Приписка:* Не послано.> Дорогая Антонина Александровна, сегодня я встретил одну начальницу школы, которая сделала мне строгий выговор за то, что я на ее письмо не появился в их школе. Я ответил ей: «подождите немного, я появлюсь непременно». Мне приходит в голову, что и Вы можете обижаться на меня за то же, и, считаю, имеете полное право на это. Но Вы меня простите, если я объясню Вам, что влюблен в строительство Вашего мужа и отдаю все свои силы, чтобы понять его: от меня больше сейчас ничего не остается: я или раньше [был] занят наблюдением, или в Нальчике сижу за разработкой своих находок. Я даже отказал курьеру, посланному от «Известий» за статьей для Моск. номера, и едва нашел время, чтобы написать статью в «Известия» о смерти замечательного кабардинского поэта Пачева, выдвинутого Беталом так, что о Пачеве давно я знал, вовсе не зная Кабарды. Я не могу опомниться от ужаса, который охватил меня, когда я узнал, что Кабарда не обратила ни малейшего внимания на утрату одного из самых крупных своих людей: ужас мой был от того, что на этом примере я почувствовал ясно до крайности, что высокая хозяйственная культура может одновременно сосуществовать с величайшей некультурностью в людях. Мне стало вовсе груст-

но, когда статья, напечатанная в «Известиях», появилась в местной газете, и, значит, только через меня, случайного, чужого человека, страна узнала об этой утрате.

Из этого примера Вы видите, как глубоко я сочувствую Вашей деятельности, направленной к воспитанию людей, способных продолжить дело Бетала. Но я не хочу легкими появившимися выступлениями отделаться от своих гражданских обязанностей. И вообще я, старик, тяжеловат немного, и Вы, пожалуйста, простите эту мою «некультурность». Сердечный привет мой...

4 Мая. Рано утром горы закрыты пеплом, а все небо ясное, солнце. А ветер с гор. Посмотрим, что выйдет.

Теперь, когда я был внутри гор, смотришь на них по-иному: понимаешь, и как в них [что] и как образовалась равнина (Чегем).

Догадываюсь, что принцип управления у Б. — не выгонять людей, держать до последней возможности под страхом: примеры: Игонькин и Налоев. В случае с Игонькиным, однако, хорошо: партизана, любителя выпить он посадил на свиней, и под страхом партизан превосходно работает (при другом бы отношении погиб). В случае с Налоевым долготерпение хозяина явно ложится на дело и губит его (Бетал выдвинул Пачева, Налоев даже не мог его и похоронить).

Писатель в Кабарде. Был вчера Кожаев и оставил отличное впечатление, несмотря на то, что Б. сказал о нем: «хаотический человек». По-видимому, это один из тех, кто не укладывается в норму. Но как может вообще сделаться писателем человек, не выходящий из нормы, и особенно в области, где каждый виден насквозь. От Кожаева надо узнать подробно историю советской культуры в Кабарде.

Посылать письмо или начхать? Подожду до возвращения из Пятигорска. Письмо слишком серьезно для барыни и может показаться странным. И еще обидно, что оно вызвано подозрением...

7 у. Мне кажется, на горах чуть-чуть начинает светлеть и есть надежда, что они покажутся во всей красе. Я тоже надеюсь, что...

Обезличка машин. Орденоносные девушки. Около девяти утра горы выглядывают из-под серого одеяла и дальше то по-

кажутся, то спрячутся, а все небо чистое и солнце такое жаркое, что даже и страшно: никуда не пойдешь.

Машину не прислали, потому что ночью постановлением обкома все машины были «обезличены». Нас об этом не предупредили, и невольное бездействие вызвало опять тот самый припадок злобы, который, казалось, после обещаний Б. оставил нас навсегда.

Глубокоуважаемый т. Калмыков,

4-го Мая я весь день провел в номере с упакованными вещами в ожидании машины. Только после обеда от т. Водахова я узнал, что все машины постановлением Обкома «обезличены». Дорогой Бетал, я предвижу, что Ваше распоряжение дать машину с 3-го Мая в мое пользование переходит в то же самое длительно-неопределенное «обезличенное состояние», как и распоряжение об устройстве для меня жилища. Продумав причины этого глубоко, я решил отказаться от длительной работы в Кабарде, и значит, дача больше мне теперь вовсе не нужна. Но я прошу Вас немедленно и самым решительным образом покончить с вопросом о машине, чтобы в течение месяца-двух я мог с тем же радостным чувством закончить свое путешествие, как начал его. <*Зачеркнуто:* (По моему письму Молотов прислал мне машину через два дня в полное распоряжение, Сталин дал квартиру в Москве и т. д.)>

<*Зачеркнуто:* На 34-м заводе, наверно, уже начинают разбивать табун на косяки. Мне нужно поскорее туда попасть.> От нечего делать в Нальчике в ожидании машины буду работать в Пятигорске, выжимать соки у Покровского. По получении машины сын приедет за мной в Пятигорск, и мы отправимся немедленно прямо из Пятигорска на 34-й завод к Маше́ <*зачеркнуто:* людям живым и любящим свое дело так же, как и я люблю свое>.

5 Мая. Наконец-то горы показались вовсе чистые, и небо с утра безоблачно. Горы вовсе почернели, и белые только вершины.

Все утро писал Беталу письмо. Вчера в цветущем парке при пении лягушек (турлушки и басы) продумал до конца, почему нельзя мне селиться в Кабарде (вспомнили: — Когда вы подходите к этому кабинету — пульс 120! — и когда вы выходите: из вас все взяли!). Директор и Погибо в пафосе своем разрушители цивилизации. Разговор о разрушении цивилизации <*при-*

писка: Сволочь интеллиг.>, о гибели народности (одни лошади и черкески), о: «они вспоминают минувшие дни» и об отсутствии преемственности.

Итак, путешествие описать можно по сюжету: поиски домика в Кабарде, чтобы поселиться, и отчего я не мог поселиться навсегда в Кабарде.

Кадилак и кавардак.

Неожиданно появились около двух часов 2 машины кадилак, взяли нас всех, музыкальную пару, живописную и фотографическую. Путь до Малки (вблизи Конзавода) известный и дальше еще скучнее... Показалась Бешта́у, и я узнал ее, Машук и другие горы...

<*На полях:* Эльбрус видели.>

Приехали в обжитой город старой России, переполненный краевыми работниками (40 тыс.). Деревянный трехэтажный дом педагогич. института, крутые деревянные лестницы.

Орденоносные девушки (из-за которых горе с машиной) прибыли, хор, танцоры и т. п. Провожатый носится по городу в поисках начальства, а оно все на заседании. Ожидание... Бефстроганов в маленькой столовой. Голод. Раздражительность на проводника и еще на кого-то... Между тем Бештау и Машук — маленькие горы, как маленькими кажутся комнаты, в которых жил в детстве... На половине Машука фары автомобиля. — Где умер Лермонтов? — Вон там, на склоне Машука: там же и Пушкин. — Высоко на Машуке могила Пастухова: пожелал лечь против Эльбруса.

Кошмарная ночь. Наши дамы: им невозможно спать на таких туго набитых соломой подушках и на узеньких матрацах: — Клопы! — закричали они. И всем нам представилось, что клопы, и мы не могли спать. Дам перевели: какие-то рыцари уступили свое жилище и ночевали на бульваре. Стали приходить разные люди. Спрятал аппарат под койку, а человек, заметив это, стал говорить, что кто-то здесь у него украл балалайку. Вдруг явился корреспондент и стал требовать интервью и т. п.

<*На полях:* Привыкли к Беталу, что он все видит, а попали в край, где 20 беталов обезличенных. Пустил к Беталу гонца, но он сказал, что в Нальчике — да, а здесь в нем силы нет, и мы остались без ковра-самолета и скатерти-самобранки.>

Приходили наши Водахов и Афаунов, я говорил, что в фамилии Афаунова «а» означает «нет», дальше фауна значит клопы и в общем «афаунов» — это значит: нет клопов. Мне стало досадно, что меня, знаменитость, поставили в такое положение, от этого я много лишнего наговорил, вел себя неприязненно... Наконец догадались устроить баррикады. И вот новый стук, робкий, более смелый, настойчивый, и голос: — Дайте мне хоть свой чемоданишко взять.

Появление Авраамова. Его разговор: выпил чихирю, тем и живет... недолго так можно... На его койке шофер. Осторожно шоферу хочет сказать, а шофер сам предлагает: ложись. И они ложатся вместе. И какие клопы, если совесть чиста! А у меня совесть болит: я избаловался, зазнался. Каждая благополучная жизнь очищается совестью: совесть, этот санитар жизненного благополучия, заплывает в благополучии, ее пробуждают клопы... Сердиться — быть людоедом, не сердиться — остаться нулем. Как бы там ни было, но совесть упрекает, и это делают клопы. Вдруг узнал, что жена музыканта «Мойсеевна», и тогда стало понятно, что жена художника тоже «Моисеевна» и их совесть не упрекает (когда в клопах родился и жил, то совесть уже не упрекает).

Утром пошел умываться и увидел впервые Эльбрус: видение, большой...

6 Мая. День начался несолнечно, вскоре явилось солнце. Несколько раз надвигались тучи, но проходило, и снова показывалось солнце. А в Нальчике с обеда шел дождь..

Чихирнули с Авраамовым: сидят два и пальцами отщелкивают по столу ритм плясовой, который там означает и звук. Другой, видя меня, задерживает его пальцы, а сам потом мало-помалу начинает отбивать, и за ним другой и третий и сам Авраамов.

<*На полях:* «Тот всадник».
Женщина, облаченная в солнце.
Пляшут — плывут, и после самому станет как будто легко ходить...
Происхождение власти: какой взгляд! топнул, и она полетела (Серна).
Синий (тень на снегу) и абрикосовый цвет.
Черкеска сверхнациональна и потому победила казаков.
Похищение невесты.>

Разговор о ритме и мещанстве ямбов: Блок: «отойди, сатана» в том смысле, что у него мысль и если думать о ямбе, то мысль потеряешь.

(Почему я не люблю стихов? не за то ли? а я словесную речь перекладываю, и от этого у меня в прозе подлинный ритм: он и не выдуманный и не затрепанный, как ямбы...)

Разговор о цыганах: счастье, это так, но что делает счастье? азарт и суеверие: карты; какая-то книга есть, раскрывающая тайны живучести цыган и их влияния.

Происхождение власти. Цыганский колхоз: председатель плясун и Серна: прикажет: Гоп! и она вылетает и дразнит плечом.

Посмотрел «цветник» и серные ванны: какой же это курорт! и вот начинаешь понимать Нальчик. И вообще после романа Лермонтова, пережитого в детстве, как милы «комнаты»...

В 10 у. поехали на гипподром (ночь бессонная, но подправились чихирем). Хорошая встреча: Ставский, Третьяков.

Черкеска. Все в черкесках, даже пузатые. Бетал в серой черкеске (вероятно, балкарской, выходит по-своему и практично...). Черкеска сверхнациональна... казаки взяли бурку, черкеску... красота и удобство победили (узнать). Хор казаков. Танцы... плывут... жена в солнце одетая... Цыгане: председатель колхоза первый танцор, и весь колхоз пляшет... Топнет ногой, крикнет, и она как серна летит (происхождение власти). Повытащили из сундуков черкески великолепного кастора, другие шьют... На пляску смотришь долго, и потом когда сам пойдешь, то кажется, легче стало по земле ходить и особенно подниматься по лестницам...

Погибо увел в столовую НКВД и там, сильно нагрузившись, мы покончили кавардак и на кадилаке вернулись домой.

Ночью пошел дождь...

7 Мая. Утро: туман и лужи, потом дождь. В середине дня является местный наркомздрав и уводит всех нас к Беталу. Он кратко выспрашивает у всех, что кому надо, и обращается ко мне: — Вы на нас рассердились, а мы с женой как ночевали, у нее температура 40°... — Я тоже, — ответил я, — могу многое переносить, но если меня обвиняют в том, что я украл балалайку...

И, получив через «балалайку» внимание, я рассказал о своей ночевке в Пятигорске сознательно, чтобы смять историю

с письмом... После того как всем было дано согласно с их планами, мне он сказал: — Ваше дело отдельное. — Я напомнил о машине, и он отдал приказание Булычеву: «дать машину на месяц», хотя тогда говорил на два и теперь про дачу совершенно забыл. Или, быть может, все помнит, но испытывает и, помня все, про себя выводит... Или среди серьезных его дел наши дела висят как паутина, на которую в хорошие минуты он любуется, а в плохие рвет, поспешая пройти куда-нибудь...

<*На полях:* Орденоносные девушки, из-за которых сорвалась моя работа, не пустили на праздник...>

Он отлично раскритиковал весь праздник, верно оценив казачий хор и цыган. Я напомнил ему о том, как превосходно командиры рубили лозу. — Хлеб, соль едят и целый день этим только занимаются, отчего бы им и не рубить лозу? Это ведь еще не значит, что на войне они будут людей рубить.

Расставаясь, он сказал «до вечера». — Нам прийти? — спросил кто-то. — Нет, я сам вас разыщу.

Мы пришли домой. Директору было дано распоряжение приготовить два номера. Я информировал, что один из писателей старик, партиец весьма почтенный, другой хороший, но не так, и молодой. Тогда директор пустил в ход самый лучший номер с отдельной комнатой для письменной работы — для Серафимовича, а обыкновенно хороший дал Третьякову. Мне думается, это жена Третьякова пронюхала, и Сергей Михайлыч, переговорив с директором, вселился в номер Серафимовича. Такая спетая пара! И все знает в Кабарде, как и Сосновский, ничего не видав.

Серафимович не приехал еще. Вся публика наша в тревоге: вдруг явится Бетал; и когда он явится? что если ночью? По случаю этого все легли спать.

Переменчивое слово. Попал в зависимость от лица, и это убивает всякую охоту к работе: не дает дачу, не дает машину, и кончено. Меня очень соблазняет сказать ему на прощанье... не записываю: длинно. Я все Пете сказал, как Беталу: приходится строить работу на слове Бетала, а это слово переменчиво: Б. скажет Дмитриеву: устрой, поручаю тебе! а я прихожу к Дмитриеву, он говорит: Б. сказал, что он сам устроит.

8 Мая. Утро пасмурное, лужи, грязь. Я так устал и от «праздника», и от борьбы за машину, что мысль о хозяине вертится с таким же болезненным постоянством, как бывало в тюрьме.

Хорошо бы переменить место, поехать в заповедник, напр., или в Грузию, но страшно пробиваться через препятствия: Майкоп, напр., становится областным центром: а уже по Пятигорску видно — что это значит! В Грузию страшно из-за вина и дружбы... Нигде, по-видимому, кроме как в центре, а может быть, вообще в месте своей оседлости, в своей норе, нет возможности жить частной жизнью...

Как бы ни были чудесны цветы на горных пастбищах, ручьи в горах, цветущие сады — все это дается тебе не жизнью, а милостью Бетала Калмыкова. Теперь где бы я ни был, на что бы ни смотрел, всюду будет преследовать меня навязчивая мысль о моем хозяине. Раньше всегда я был сам себе хозяином...

Перестраиваюсь «на ходу»: написал письмо директору Кавказского заповедника о моем приезде в конце мая. 15-го (через неделю), если не получу ответа, буду телеграфировать. Звери заповедника и леса Красной поляны, если посмотреть, то вместе с Кабардой будет хорошо.

Машину гараж забраковал. Булычев распорядился выбрать другую. Ждем звонка. Дело с машиной, кажется, готово наладиться...

Приехал Серафимович. Третьяков привез Бетала к нему. Конечно, Антонов потом тоже... Ко мне явился с поручением от Бетала Дмитриев и, замерев, высыхая, мумифицируясь, предложил от Бетала (Дмитриев вызван был из Обкома, а сам Б. сидел тут же в гостинице у Серафимовича) принять участие в поездке в Адыр-Су. Художник потом передал слова Б.: — Пока Пришвин вернется, ему будет отремонтирована машина.

Представился «старику». Подарил Антонову «шоферские рассказы».

<*Приписка:* Организаторская гениальность Б. сказалась и тут: в одну машину он посадил гулевую часть публики, в другую рабочую; в гулевой посадил нагуливать старика Серафимовича, к нему, конечно, всех дам и для их обслуживания Третьякова и Афаунова; в «рабочую»: меня с Петей, художника и композитора.>

Бетал усадил нас всех самолично в кадилаки, укрыл дам шубами. И мы поехали.

Висели тучи. Мы неслись на плоскости, пока далеко расставленные гигантские синие руки, сближаясь все больше и больше, не схватили нас и не приняло нас в себя Баксанское ущелье... Облака при подъеме становились все ближе и ближе. Мы надеялись подняться через них выше, к солнцу, но не поднялись. Эльбрус нас встретил дождем и ветром.

<*На полях:* Третьяков: писать бы, а он говорит и окатывает слова. Художник и старец 108 лет.
Березы распускаются, кукушка, снег, ледник, асфальт, курорт, нарзаны.
Пишет окатанными словами, окатанными фразами.
Грифы в поднебесье. Грифы под облаками: — Что это? — Галки, — отвечаю.>

Дача-палатка: беталово творчество (приедет и непременно пальцем по карнизам: пыль проверит)...

После разрушения — в горах электричество в соснах: творчество счастья.

Б. как художник работает: сам все своими глазами видит, своими пальцами щупает — иначе берет в руки бюрократия — а тут он берет ее, и потому явление «мумий».

<*На полях:* Художник — строитель счастья («Строитель счастья») (напр., как он обошел бюрократию: чтобы сохранить лошадь, подготовил волов и, создав раб. силу животных, запретил работу на кобылах).>

<*На полях:* Если самому все делать, чтобы другой был только на побегушках, то другой возле тебя превращается в мумию, если другому дать волю, то он превращается в бюрократию.
Смерть. Представят смерть твою как логический вывод и еще спросят: научите нас, если хотите, как можем мы иначе поступить...>

Надо собрать примеры борьбы со своей бюрократией и с союзной... Надо узнать все виды строительства и как их строитель собирает в единство (по-моему, это здоровье и счастье): есть художники слова, звука, краски, линии, пластики, масс, почему бы не быть художником потока жизни, как она зарождается в недрах природы и продолжается в человеческой личности и обществе, почему не быть художнику... (Я спросил грузина о их секретаре... он сказал, что и тот любит художников, но он их использует, а Бетал сам художник).

<*На полях:* Накладные расходы: Третьяков, красавица нос сует: — А скажите, где перевал.
Самый бездарный художник здесь может написать порядочную вещь: природа помогает.>

Племя и чистая кровь. Возвращаюсь к теме о лошади, главное тут в борьбе людей за кабардинскую и английскую кровь (за племя и кровь: за сильное племя и за чистую кровь, один герой племенной чистопородный и другой чистокровный).

Банкет. Мой разговор с Афауновым (о необходимости национального сознания кабардинской интеллигенции). Третьяков обижен, что я, а не он тамада, ему нужно первое место (успел захватить, отбить у Серафимовича комнату). Язвит, острит. Этот человек в разговоре, речах, выступлениях окатывает слова, фразы и после всего этими окатанными фразами пишет... человек с неимоверно длинными ногами свалился на земной шар и бегает быстро вокруг него, разглядывая все в большие очки. Из моего разговора с Афауновым, подхваченного Третьяковым, родилась хорошая мысль: чтобы каждый приехавший в благодарность за прием оставил бы молодежи от себя что-нибудь на память.

Третьяков откуда-то вычитал, что ектенья произошла из тостов. Грузины первые мастера тостов: тост и звон стаканов...

(Поехать в Кахетию: написать в Союз писателей, и всё устроят.)

<*На полях:* Машина. Охотно бы стал прославлять машину, если бы это не было вовсе ненужно: ведь друг мой <*зачеркнуто:* читатель> сидит без машины, и мои слова лишь прибавят ему горечи, а враг путем какого-то «блата» давно достал и пользуется, не дожидаясь моих похвал. А деловым людям машина приходит по-деловому...>

9 Мая. Кукушка: весна ушла в горы — тут она. Легли в два. Я встал в 7 у. Вышел в туман. Сосны. Шум воды, и в тумане где-то кукушка. Я обрадовался ей...

Баксан, несущийся с ледников, цветом своей воды и холодом сам как лед. Ущелье Адыр-Су: много нарзанов вливается в поток Адыр-Су. Камушки с Эльбруса: возьмешь катышек, нажмешь, и он рассыпется на бесчисленное множество мелких камней... Думал, река камней в кустах, а это снег такой, и возле распускается березка (кукушка, березка: весна первая поднимается в горы, а внизу уже траву стригут).

Туман (облака) на минуту прорвался, и рядом поднялась высокая вся белая гора...

Малая гора заслонила гору Счастья. Мы у самого подножия великой счастливой горы, но из-за какого-то небольшого пригорка не можем видеть Эльбруса.

Намеком показались очертания, и нам сказали, что это Эльбрус. Под самыми облаками вьются, как будто играя между собой, танцуя (именно танец: люди это от птиц переняли) грифы <*приписка:* орлы>. Мы их разглядели в бинокль, а наши спутники, видя простым глазом, сказали, что это галки.

<*На полях:* Гриб. Все танцующие грифы окутались облаками и скрылись, один же, планируя, спустился по горе. – Гриф сел, — сказал я Пете. — Вы сказали: гриб сел? – спросил Третьяков. Так он острит, и это беспрерывно, как пулемет.>

Красавица. Накладные расходы: красивая дама снимается и всюду сует нос: «как, что, я не слыхала, скажите...» Раз десять переговорили о перевалах в Сванетию и о Б[аксане] (прямо и показали). И вдруг она: — Ах, я не слыхала... — Ужас! Пищит, притворяясь, как маленькая. Разговор о помаде для лица, рекомендуемой самой Калмыковой.

Березка распускается, кукушка, прилетел и сел на березу дроздик с червячком — неужели вывелись? А может быть, не червяк, а что-нибудь для гнезда?

Зеленые лепешки на скалах (можжевельники?).

Нарзан: желто-ржавая земля и холм над Баксаном, в земле лоточек, и из него тонкой струйкой вода с привкусом серы. «Реки Нарзана» (Бухарин) теперь прекратились: нашли место: 6 родников, над ними вырыли, закончили бассейн, строят ванны.

<*На полях:* Телефон в деле строительства (Калмыков запретил отказывать звониться). Телеф. разговоры о строительстве стилизировать. Выдвинуть «посевной штаб».>

Счастливая старость. Строится необыкновенный курорт. Утверждены расходы на асфальтовую дорогу. Рядом с нашей [дорогой] (она скоро будет асфальтовой) стоит сложенная из камней нора, и в ней живут люди. Мы прошли к ним между ослом и коровой. Там на земляном полу у костра сидела женщина

и кормила ребенка грудью, в котле варилась белая каша, дым уходил вверх, и в сакле воздух был прекрасный. У стен в большом порядке были сложены подушки и ковры. На полках рядами чисто вымытая кухонная посуда.

Когда старик сказал, что ему 108 лет, то художник предложил мне вопрос: — А как вы думаете, М. М., если ему для жизни дать не темную саклю, а дом с большим светом, чистым воздухом и всеми культурными удобствами, то ведь он бы еще много дольше прожил, или нет? — Вы-то как думаете? — спросил я. — Я думаю, что наверно бы он прожил дольше, а вы? — Не думаю, — ответил я. Художник очень удивился и просил объяснить ему, почему же так может выйти, что культурные ценности так велики и прекрасны, а долголетие от них уменьшается. — Долголетие, — ответил я, — не является принципом современной жизни. В пастушеские времена родового быта это само собой выходило, а теперь зачем долголетие? <*Приписка:* это смешной пережиток. Рассказ «Счастливая старость».>

«Природа помогает». Разговор в Адыр-Су. Художник: — Самый бездарный художник здесь может написать порядочную вещь: природа помогает. — Помогает природа, — ответил я, — тем, у кого есть талант, значит, он с природой в сродстве. А если нет таланта, природа ему не поможет.

Гостиница «Интурист» открыла мне путь свободы. Во всякое время я могу [ехать] сюда, в эту благороднейшую [в мире] обстановку для поэта, и подниматься к гнездам грифов.

Так мы проехали до Военстройки, прошли немного по пути на кругозор, вернулись, осмотрели нарзаны. В 4 ч. кончили обед, выехали в дождь и в 9 в. прибыли в гостиницу.

10 Мая. Пасмурно. Холодно. Приезд Бетала в гостиницу уговорить Серафимовича остаться на 12-е: народный праздник в Псыгансу. Нам теперь от этого приезда ни тепло ни холодно: Логунов сказал, что в 4 веч. машина будет нам передана. («И машинка во!» — он показал большой палец.)

В 4 веч. после пробы подписал акт о получении машины. С этого торжественного часу я вольный человек и захочу — поеду на пастбище, захочу — полезу искать гнездо грифа.

<*На полях:* Узнать о переводе денег. Сходить к Василевскому. — Бетал жестокий или добрый? — Ни жестокий, ни добрый: он ставит всех на свои места.>

База мужества. Петя захворал. После ванны в 11 в. мы улеглись. Вдруг стук в дверь. Входит Афаунов с поручением от Бетала привести меня на вечер со всеми приезжими. У меня хватило мужества отказаться наотрез. В этом «мужестве» большую роль играла машина — раз, и возможность жить независимо в Адыр-Су.

<*На полях:* Письма из Кабарды.

Самое первое, на что я обратил внимание при переезде из Великороссии в Кабардино-Балкарию, это <*зачеркнуто:* уважение> почтительность к старшим. К сожалению, у себя на родине старость я чувствую как порок, здесь это, конечно, не добродетель, но старость не попрекнут и не посмеются никогда над стариком.

Еще начало: Малка, Терек, Баксан, вблизи и по берегам рек курганы, отчего весь горизонт как пила с округлыми зубьями. Курганы киммерийские, люди бронзового века, изредка и скифские. <*Приписка:* черные, зеленые>.

Люди, а разве иные живущие люди... курганы, не таящие в себе сокровища? >

Макар. Археология определила (курган) особенный интерес к человеку (вождю). Сегодня я наконец навестил старика Макара Ивановича Ермоленко и расспрашивал о его жизни, которая переплелась с жизнью Бетала.

Родился в 1860 г. в Ставроп. губ. в уезде Александровском. Учился: кончил 2 класса гор. школы, потом сошелся с народовольцами, служил помощн. сельск. писаря в 1884 (24 года). На бахчах охотился, начальство ехало по бахчам, поспорил, его хотели кнутом ударить, но ружье «само выстрелило» вверх. За это потянули и приговорили к вечной каторге, но попал под манифест, и заменили ссылкой в Енисейскую губ. (1893 г.) <*приписка:* 30 лет>. — Неужели же за один только нечаянный выстрел? — Много всего накопилось, из мелочей вышло: ну, положим, ранил пристава в руку — экое большое дело! или будто бы покушался на следователя, а я просто рассердился на допросе, и он от меня побежал из комнаты, я за ним, он от меня по лестнице и в окно, и я за ним в окно и не догнал. Какой же разговор: ведь не догнал. Много было всего. — В Енисейск. губ. жил, заметил, что на пашне выпахиваются разные древние предметы. Стал собирать. Обратили внимание, перевели в Минусинск работать для музея (96—97 г. = 36—37 лет). В 1902 г.

перевели в Красноярский музей (42 года), писал в «Губ[ернские] вед[омости]»: это помогло, и в 1906 г. разрешили вернуться на Кавказ.

В 1907 г. получил место в Кубá (родина Бетала) писарем, работа маленькая, а курганов много (киммерийские, бронз. век). К этому времени в Куба 1-я начальная русская школа. Бетал кончил ее, и ему не захотелось работать табунщиком (сам Ермоленко тоже, когда прошел 2 класса, не захотелось пахать). Дяди Бетала были богатые, а отец его бедняк: Бетал и мёл, и мазал избу. А мальчишка смышленый, и я уже подумывал, что можно его распропагандировать. — Или ты будешь человеком, или... веревка по тебе плачет. — За рекой станица Мариинская(?), там богач Ржевский, ему 45, а жене 20, и она кончила гимназию, образованная, и так лет 5. Бетал поступил к нему приказчиком, «и это по секрету: Б. с ней книжки читал». <*Приписка:* В 1912 бунт на Зольском т. Определилась роль Бетала. Расспросить подробности.>

Раскапывал курганы: по берегам рек, киммерийские, бронз. век. В 1916 г. перешел в музей [во] Владикавказ, (помогал прис[яжному] пов[еренному — Прожитин] из Ставрополя). Редактор газеты «Терек» Киров, писал в ней. В 1917 г. прочитал о Бетале, в революционный комитет в Пятигорск от Кабарды. Пришли белые. Допрашивали. «Незаметный» — это ты? (писал под этим псевдонимом). В 21 г. пришли красные. Слышу под окном голос Бетала: — Макар, ты жив? — И увез меня в Нальчик. С тех пор тут и живу. <*Приписка:* (Начало рассказа: — Макар, ты жив?)>

<*На полях:* Арс. Авраамов год целый добивался Бетала и сказал ему об этом: — Плохо добиваетесь, — ответил Бетал.
Горшочки с клубникой.
В машину не посадили.>

11 Мая. В 11 у. вырвались на свободу и покатили на 34-й Завод. Погода все пасмурная. Гор не видать. Узнали, что машина наша — это брата Бетала.

Предупредили, что, чуть дождь, машина будет скатываться с грейдера в канаву. По сухой дороге, рядом с шоссе катишь 50 км без сучка без задоринки (свойство почвы.)

Ай, как легко ехать одному и не стесненно смотреть вокруг! Ай, сколько трудностей пережито, чтобы теперь радоваться. И как уменьшились пространства!

Приехали на Конзавод. Извлекли хозяина (Машу́ Гонгулова) из колхоза Эльбрус (село Малка). Узнали, что колхозный скот еще не пригнали, что к 1-му июня табуны и косяки будут в нагорных пастбищах вблизи Кисловодска в долине Нарзана, там есть гостиница Ш и д-к е д-м е с (значит «ишак не дойдет»).

Поехали в сопровождении Ма́ша [на] отд[ельный] конзавод Псыншоу (25 к.). Разговор по пути.

Перетянутая лошадь (слишком сухая): пересол на спине (английские слишком сухи, кабард. помясней и оттого могут держать более длинные пробеги, английская при сухости вспыхивает накоротке).

Рассказ. Магометанские арабы из Персии.

— Не верьте сказанию, что будто бы джигит уснул на берегу моря, стреножил кобылу, а из моря будто бы вышел жеребец и покрыл ее. Это неверно! — Да я и не верю, разве может из моря выйти жеребец. — Ну, в этом вы неправы: из моря жеребец может выйти, и это действительно было. Известно, конечно, вам, что раньше кабардинцы жили от Черного моря до Каспийского. И вот раз видят, на Каспийском море вроде как бы люди, враги плывут: головы, головы! Пригляделись, а это не люди, это закаспийский жеребец из самых лучших магометанских арабов через море ведет свой косяк. Когда косяк выбрался на берег, стали ловить — лошади были вовсе дикие. От этих кобылиц и началась Шелоховская порода, и это похоже на правду: наша кабардинская порода действительно ведет свое начало от персидских арабов. А то, что говорят, будто джигит стреножил кобылу, лег спать и жеребец вышел из моря, это не верно. — Как же не верно, если вы же сами сказали, что из моря вышел жеребец. — Ну да, он приплыл, это верно, а что джигит стреножил верховую кобылу — это не верно: раньше джигиты никогда на кобылах не ездили.

«Ш а х г д ы — кровная кабард. лошадь. Их три породы, помните, три!», а когда стал перечислять, оказалось пять: 1) Шелох. 2) Трамовская. 3) Жамбоковская. 4) Абуковская. 5) Жерешковская.

— Дайте мне один аркан, один абуковец, и ни одна лошадь не уйдет из табуна. (Прочность породы.)

Ярмарка. Абуковская скачет хорошо, вынослива, прочна, а Жерешковская красива. Вот Абуков сказал Жерешкову:

— Давай скакать. — А тот ответил: — Мы скакать будем на ярмарке.

Цибоватая лошадь (ноги длинны) и шея коротка: это от корма: английская лошадь.

Лучшие жеребцы. Яблочно-гнедой Атлас.

Атлас, Ерока и Зураб: кабардинцы: Атлас дает крупных жеребцов, мелких кобыл, Ерока благородных кобыл, жеребцы погрубей, Зураб — то и другое крупны, но грубоваты.

Жеребенок лежит (родился): глазами поводит на небо, на людей переводит, всему удивляется, а когда встанет... Жеребец был равнодушен к рождению, и когда родился — не обращал внимания, а когда жеребенок встал, повернул к нему голову... (случаи загрызания).

Приехали в Псыншоу. В ко́ше стояло 20 маток, подобранных к косяку сына Атласа. Жабка на бабке. Впуск жеребца. Нужно, чтобы покрыл и потом в степь. Молодой не понимает, прыгает. Старая кобыла учит. Страсть разгорается: мчится за ней, грызет пах. — Любовь? — Конечно: Мирзух белый кроет вороных. Занимается с одной, а другие охоту теряют. Не любит грязных и т. п. Хороший жеребец пасет хорошо и кроет хорошо. После трудной выучки (изгрыз кобылу, измучил) косяк отправился в степь. За ужином у начкона: английская лошадь — это установлено, я вам дам книги («интеллигенция!» — засмеялся Маша́).

Машук и Бештау как призраки.

12 Мая. Рано утром солнце, потом пасмурно. Степь: бесчисленные жаворонки, перепела. Пырей и баранчики. Машук так четко, что видны дома.

Подбор маток для косяка: это сделано заранее, теперь только выловка (заарканивание) и маллеинизация (в глаз, реакция на сап). Осмотр косяков. В одном косяке жеребец хорошо кроет, а пасти не может. Косяк Атласа: кобылы, как он, с тонкой шеей. Как Атлас завертывает косяк: «щукой»: шея вытянута, уши сложены. Внюхивается в землю, вынюхав, поднимает вверх голову, скалит зубы. Кроет умно: покрыл и не станет, хотя она подходит, а потом через день проверит — не принялось — кроет еще.

Пастух лег спать: под головой седло — оно же и от ветра, в башлыке, в бурке: лепешка черная. Каждый косяк: виден жеребец и видна лепешка. Пастух выспался, бурку оставил, ку-

паться пошел. Атлас за это время напоил косяк и вернулся точно к тому месту, где бурка лежит. Водопой: вниз по белому (песок) к ручью, там лоток (глубокая балка)... Крепко спит: башлык развязался.

Глубокая балка. На горизонте, где Машук, всадник гонит лошадь в табун, как зайца. Волнисто, балки, а видно далеко-далеко: степь, косяки, табуны, холодный ручей с ледников.

Холодный ручей. Сухая голова Атласова сына, на котором ехал управляющий, вьется, молод (3 года, а спелый 7 лет). Допрос: сколько зарабатываешь? кто дает? и множество глупых вопросов. Надоело. Я сказал: — Ну, поскачем! — Я не успел выговорить, мой спутник летел под гору далеко внизу.

Рассказ Маши́ Гонгулова 13-го Мая. Гя́ур Эффенди.

<*На полях:* Атажукин — богатый коннозаводчик звал отца>

<*Приписка:* Так втягивает в себя большая культура без насилия: мы тоже так к Европе.>

Ашабово (ныне Малка) р. 1889. Два дня в школе. Учить по-арабски (1899 г.). В 1900 протест: хочу учиться по-русски (14 л.), рус[ские] — культ[урный] народ: вернулся в ту же школу. Мать согласилась, отец против: мать беспокоилась за судьбу сына. Отец чабан высококачественный: пас лошадей и баранту: батрачил, князья конкурировали из-за этого батрака.

В 1910—11 г. коннозаводчики сговорились о земле для лошадей: в 12 г. распредел., в июне волнения. Толчок Бетал. Некоторые князья против (у кого лошади и быки). Бывш. Науровские селения (теперь 2-й Касбурун) — Малка (Ашабово), Куба́ (тогда 3-е Атажукино). Базар. Прогон: народ тысячи (прогон). Полковник уговаривал. Полковник Калишбеев ожидал начальника округа. Каждое селение избрало своего переводчика (но не Бетал... в переводчики и Маша́. Генерал: «Ну, что ж?» Серая черкеска, кинжал черный (казачий генерал). Не желаю с переводом. Его переводчик: Ассемиров. Срок 10 минут. Разбежались. Всех арестовывали. Я сбежал.

В 12 г. «кинжал»... В 17 г. генерал Карадов, керенщик. Против Керенского. В конце 17 г.

15 Февр. 18 г. съезд в Моздоке: 1-й большевицкий съезд — перенесли в Пятигорск на 15 ф. 18 года, с этого момента там с Беталом: на этом съезде и я и Бетал членами областн. совета (в Пятигорске), а практически: членами земельн. комит[ета]

съезда до Марта — перенесен во Владикавказ: в центре города офицеры безвластны, на окраинах большевики. 23 Марта по приезде встреча рабочих, а с крыш юнкера. С Кадетского корпуса сняли погоны. Было до Апреля 18 года. А в Нальчике все власть князей. С Беталом и я в Нальчик, как для восстановления сов. власти: чрезвыч. уполномоченный Бетал. А на другой день народ, князья бессильны, но не сдаются. Офицерск. собрание, пригласили в Реальн. учил[ище]: цель приезда. Бетал: — Пойдем на офиц. собрание. — Князь Анзаров генерал, Серебряков полковник и другие, Инароков: бешеная собака. Бетал сказал: — Мы пришли взять у вас власть. — А я: — Князья, сдав[айтесь!] Разбежались, остался начал. округа Чижиков. Бетал: давай печать, уходи. Достал из кармана печать и ушел. — Поздравляю вас: князей нет... — И вернулись во Владикавказ. Председателем остался Фадеев.

В Мае шалит казачество с Шкурой в Кисловодске и друг. Поручили мне по Малк. району мобилизовать красноар[мейцев], [ускорили] фронт под Прохладной (перв. в Пятигорске, 3-й съезд в Грозном) и опять вернулись во Владикавказ (все в 18 году). В июне настоящий фронт: Прохладненский держит Бетал. Июнь, Июль, Август. В Августе 4-й съезд. Бетал проскочил через фронт во Владикавказ. Казачество: полк. Соколов глава. Съезд был разогнан казаками. Бетал прорвался один: в Ингушетию и там с Орджоникидзе организовал... В Августе 18 года опять вернулась сов. власть: Киров глава организации. Киров — перевод. Калмыков. Национальная резня, а Киров — ист. это гражд. война, там надо верхушку убрать.

До 1-го Января 19 года держалась сов. власть: 19-го Долинское взяли и держали до Марта 20 года.

Абректствовал: в Ингушетию. Мысль Бетала: мобилизовать и связать. Разошлись и 10 по 15 человек. Бетал решил напасть на Кабарду: в Урванск. районе в лесу организовал, а сам в Тифлис. «А я попал в Дагестан» (там меньшевики: республика, горцы). Арестован... сидел 40 дней. Сбежал и попал в Баку, связался с Беталом, приехал в Тифлис, а Бетал отъезжал тайно через Сухум, Карачай и опять в Тифлис. Перезимовал в Тифлисе, а весной 20 г. приехал во Владикавказ. С 20—24 год председатель в Малке, председатель ревкома... С 24 г. член областного суда, до 26, а потом председат. округа исп. Комитета, с 26 г. председатель округа в Пятигорске, с 27 Ав. 26 г. по Ноябрь 29 г. прокурор области. С 29 г. председатель Нагорного района по 32 г. С 32 директ. этого завода.

13 Мая. Проснулись у Маши́ между Ворошиловым и Буденным. Просвечивает солнце. Эльбрус громадный, о вершину задело облако белое... Малка шумит. Упасть с высоты террасы – разобьешься (4-этажный дом). Маши́н сад: <*приписка:* интеллигенция> вишни цветут, пчелы гудят, кирпичики на ребре известкой выбелены, яблони развертываются. На конюшне: соколы живут вместе со скворцами и во множестве птицы. Если лев еще и не лег рядом с ягненком, то скворцы живут рядом с ястребом (сокол чеглок, цвет как горлинка).

Рассказ Маши́: мысль первая: что начальная школа (как Бетал, как Макар): русский язык для русификации вызвал революцию, и после революции он же и русифицировал (лекции к культурному народу). Мысль вторая: ненависть или хотя бы усмешка в сторону интеллигенции складывается с отношением к «англичанам» (лошадям и их заступникам). Это вся революция: против интеллигенции («англичан»): заставляет силой «англичан» работать на «Кабарду»: англичане же действительно улучшают: в «интеллигенции» есть оболочка претензии на власть и другая оболочка «установка на культурные ценности» («это установлено = (у) = остановка»), а варвар сбивает претензии, оболочки, и остается здоровое ядро интеллигентности, которое растворяет варварскую грубость и освобождает из него культурного деятеля. От начальной школы через революцию к интеллигенции: здоровье: революция как оздоровление. Почему Киров и Орджоникидзе – на высоте, а Бетал много ниже?

<*На полях:* Варвар наивен, и в этом его оправдание, самое большое, что он ищет в интеллигенции – это его рабочей ценности. С другой стороны, это требование является действительно коррективом творчества.>

<*На полях:* К Беталу: ненавидит «англичан», но работают у него все англичане.
«Улучшенный». Речь Бетала у «англичан» на празднике таврения в Псыгансу.>

После рассказа Маши́ мы поехали на скотопрогонный пункт, где проходящий скот принимает мышьяковистую ванну от клещей. Мы увидели гуртовую дорогу (большак), балаган для штаба (тут каждый колхоз получает свое место на Залке). Видели ванну, в которую корова идет постепенно и вдруг под водой обрывается и плывет. Видели крытую повозку в виде бочки: это ехали кухня и штаб колхоза. По-военному тоже была

объявлена сегодня мобилизация, т. е. сегодня после обеда стада всех колхозов 250 тыс. голов (проверить) должны тронуться в путь. Главный штаб руководствовался сведениями бюро погоды: до13 Мая предсказана плохая, холодная погода; хорошая погода, солнечная необходима для просушки скота после ванны (иначе простудится). <*На полях:* Дни с утра очень трудно определяются...>

Сегодня жаркий солнечный день. По пути в Нальчик встретилось мобилизованное стадо, за которым шли стройные, легкой походкой чабаны. После обеда и до вечера шел сильный и теплый дождь. Вот так предсказание, и что теперь будет с мобилизованным скотом?

Вечером пришла худож. Зоя Петровна и сказала, что ее спутники, фотографы, (очевидно, не выдержав испытания) переезжают на Кубань и что если мы ее возьмем под свое покровительство, то она остается, нет — едет с ними. Мы художницу взяли себе.

Когда буду уезжать, то приду к Калмыкову и скажу: — В присутствии Сосновского был у нас заключен договор: я напишу книгу о кабардинской лошади и ни разу в ней не упомяну ваше имя, за это вы даете мне дачу в Долинском на лето и машину на время работы. Вы согласились и разрешили мне выписывать жену. Одну половину договора вы выполнили: дали машину. Но дачу не дали и тем произвели в моей семье кутерьму. За это и я первую половину договора выполню, напишу книгу о Кабарде, но вторую нет: книга будет начинаться посвящением Беталу Калмыкову, и потом на каждой странице при каждом достижении Кабарды неизменно будет упомянут Бетал Калмыков.

Тетрадь куплена 17 окт. 1935 г., бумага не самого высокого качества, но чернила, кажется, не расплывутся. Чувствуется, однако, некоторая задержка пера при быстром писании, это отношу к недостаткам бумаги.>

14 Мая. День трудно определялся, после обеда прорывалось солнце между дождевыми тяжелыми облаками, но горы не показались. Вечером дождь.

<*На полях:* Парк создался из дикого [винограда] и дикой «грушовки». «Фруктовый лес».>

Утром ходили смотреть цветущие сады в Долинском. После теплого дождя все было насыщено ароматом. Листья деревьев не вполне развились и окрепли, особенно хороши были липовые, в трубочках. Местами еще вишни цвели, а местами груши отцветали и оформилась персидская сирень, яблони в полном расцвете только дикие. Столько цветов, столько пчел! В доме отдыха играют на маленьких биллиардах, другие на них смотрят тупо, видимо скучая. Слышали иволгу (в наше время прилетела). Вчера Петя на Малке слышал кукушку. В городе ставят «Хижину старого Лувена».

<*На полях:* Антонов. Развить последствия, если бы мы вздумали путешествовать с ишаком (в борьбе с Беталом). Начать с того, что видел из парка, балкарец старый ехал на ишаке и пел, или шел. И как мы раз ушли из пригородного хозяйства и директор нас изловил. «Бетал — да, но Антонов. Чем свободней — тем лучше для Бетала, но Антонов [навряд ли] допустит».>

После обеда с художником Капаидзе, его белой женой и Зоей Петровной поехали смотреть стада. Темпера для весны или весна для темперы? Тему дал художнику: косяк Атласа (вечером спор: другой художник пишет косяк на фоне Эльбруса: можно ли двум? оба работают по заказу музея народов к празднику Кабарды 15 сент.).

Учился понимать сходящиеся линии склонов (вся причина в ручьях), пятна солнечные на весенней зелени: ядовитая зелень! лиловый чернозем, синий фон дальних гор. И если весь этот рельеф (обнажения пород, смывы, оползни) и самая равнина степи произошли от размывания гор, то как же та наша вся великая равнина? она была дном моря...

<*Приписка:* Горы делал огонь, [подмывала] равнины вода: это не с камнями, а с огнем вода борется и, разбивая первозданные, огневые породы, создает свои легкие намывные берега и долины, удобные для работы человека. В пользу человеческого дела, земледелия происходит на земле борьба воды с огнем.> Горы делал огонь, долины — вода.

(Надо перечитать геологию с целью ясного понимания простых причин.)

Идет рогатый скот, лошади пойдут только 25-го, после баранты. Подводы с хоз. скарбом, дрова, а когда подвинутся к Эльбрусу: там лес. Станы на пастбищах, парт. организации и газеты каждый день. Зампредседатель в бурке, из бурки пыль. Приезд

Антонова (хорошая встреча в смысле подготовки возможности...).

На обратном пути заехали в питомник военных собак. Караульные псы... их все дразнят (чтобы злее были), и только один кормит, и этот один является хозяином.

<*На полях:* Жизнь сотрудника милиции само собой дороже, чем жизнь преступника, и потому собак учат хватать преступника намертво.>

Вся организация, чтобы травить преступников (людей) зверями, между тем в спальне у них на ночных столиках у каждого по розе, или лилии красного цвета, «поразительная» чистота. Розы и лилии подсказывают мне, что и тут не без Бетала... <*Приписка:* — А это что? — спросил я с удивлением, показывая на розы возле кроватей милиционеров, — зачем это? —Культурная жизнь, — ответила мне женщина.>

15 Мая. Рано утром безоблачно, и горы стояли до неприятности четко. (Мне снилось после впечатлений вчерашнего собачника, что я преступник, раненый, и по моему кровавому следу с собаками идут Третьяков, Сосновский и другие газетчики.)

Странно, что ветер с гор, а между тем на горах быстро выросли облака, размножились и закрыли солнце (говорят, что в горы, чтобы застать солнце, надо ехать очень рано).

Зашла «Белая» и сказала, что они все едут в Псыгансу на праздник к 12 д. Узнав это, мы почли необходимым отложить нашу поездку в горы и тоже ехать на праздник. Губернаторша заехала за нашими, сидела внизу в ожидании. Я подошел к ней и сказал, что тоже еду. — Как, и вы едете? — удивилась она. Из этого я понял, что у нас в отношениях началась неловкость.

Дубы: ирисы. В 11 у. мы выехали. Впереди летел Водахов ужасной дорогой по ямам, камням, через бурные потоки, так что в брызгах вся машина скрывалась. Въехали в тот дубняк, где был нами убит кабан: дубняк этот теперь оделся нежно-зеленой листвой, старая вся легла вниз и уже почти исчезла в траве. По краям дубняка были роскошные темно-синие ирисы. — Петя! — сказал я, — гляди, это ирисы! — Черт бы их побрал, эти ирисы, — ответил Петя, измученный безумной гонкой за Водаховым, в страхе не удержать машину тормозом на спусках, не столкнуться в узких местах с другой машиной. — «К черту

ирисы!» — подумал я, — и это сказал Петя, замечающий всякую мелочь в природе. Так точно было во время революции: «К черту искусство!» — говорили нам. А мы только этим и могли заниматься.

Приехали к самому началу. Бетал с трибуны говорил по-кабардински народу речь. Все происходило на площадке огромной террасы реки Черека, ниже у реки, на самой нижней ступени террасы раскинулось огромное селение Псыгансу и дальше Старый Черек, на верхней площадке над нами виднелись прямо на небе животные. Все было похоже на <u>огромный диван</u>, внизу игрушечные домики, вверху игрушечные животные, по спинке дивана, как мухи — дети играют, то спускаясь, то поднимаясь, а на диване Бетал речь говорит народу.

После речи народ распределился полукругом, уселись на зеленом лугу, налево вдали длинным строем стояли повозки приехавших на праздник из других колхозов района, вправо автомобили гостей из Нальчика. Внутри полукруга начались выступления сначала физкультурников, потом разных колхозов с пением и пляской. В каждой группе при этом каждый колхоз хотел как будто перещеголять в танцах широтой возрастного состава, в одном случае была 6-летняя девочка и старец за сто лет. И таких древних людей около этого возраста было много, один стройный и гибкий танцевал превосходно, другой бодрый, красивый совсем удивил (103 года!) и как старейший занял почетное место на трибуне, рядом с Беловым, начальником Моск. воен. округа.

Бетал вслух критиковал танцующих, часто узнавал их: то двоюродная сестра Били, то тетка такого-то — будто он не был хозяином области, а какого-то одного аула. Танцующие дети особенно останавливали его внимание, когда плохо танцевали, он говорил: — Преждевременно, — когда хорошо: — Что есть в народе! — Иногда он спрашивал по своей привычке: — Антонов, жив? — Иногда: — Ну, теперь надо выступать Михал Михалычу. — А когда столетний старец отплясывал, он говорил: — Михал Мих.! ведь вы перед ним пионер! — Обнимал Билю, называл ее дочкой, вообще вел себя очень просто. Удивительно и чарующе в нем, что к каждому человечку, какому-нибудь заскребышу вроде <*зачеркнуто:* Прехнера> он относился просто и хорошо: сколько заскребышей выпрямлялось! <*Зачеркнуто:* Прехнер>, фотограф, типичный заскребыш, поднес лейку к самому его лицу, он схватил и начал его кружить, все фотографы

это снимали: Бетал обнимается с Прехнером. — Однако, — сказал я Беталу, — фотографы начали снимать баранину! — После того он дал сигнал заканчивать, музыка заиграла какой-то нац. марш, и вся масса народа в разноцветных костюмах стала медленно отходить по лугу, как будто праздник не прекратился, а переходил, как весна, куда-то дальше, выше в горы. Мы остались лицо к лицу с целым бараном на столе. Старик взял голову, Беталу дали ухо. Старуха с огромной чашей бузы. Речи. Почетных гостей Бетал водил куда-то, и меня повели. Это оказалось, с ним фотографироваться. Человек 20 фотографов навели аппараты, и я говорил, что едва мог удержать слезы от радости: в жизни не видел, не мог себе вообразить. — Какой вы чуткий! — удивился Б. — Мало чуткости надо, — ответил я, — чтобы восхищаться таким праздником — подумайте! ведь ни одного милиционера! — Б. этим был видимо восхищен: — Вот это да, вот это да, — говорил он, — это не Пятигорск, это народный праздник, увидите: у нас будет праздник в 100 тыс. людей и не будет ни одного милиционера.

После еды смотрели джигитовку: стрельба из кремневой винтовки на всем скаку в яйцо, рубка лозы и др.

Между тем необычайно жаркий, солнечный, жгучий день (и в этом Б. оказался счастливцем) потемнел, собрались грозовые тучи, праздник закончился, я вырвался, а Бетала народ окружил, он попал в кольцо, и так я его оставил. Какое это величайшее и тончайшее наслаждение — думать хорошо о человеке <*приписка:* и в хорошем обществе все устроено так, что вы хороший>: я думал очень хорошо о Бетале. Но и <*зачеркнуто:* Прехнер>, наверно, тоже хорошо думал, этот несчастный заскребыш, представляя себе негатив, где его обнимает Бетал.

<*На полях:* Труднее всего в деле писателя — это оторваться от того, что называют «трудом», как будто в основе большого писательского труда лежит легкомыслие.>

16 Мая. Запевка. Солнце. Ясные горы. Позади Скалистого хребта рождаются кучевые облака, отрываются и громоздятся над горами, как бы играют с ними, то закрывая их, то показывая. К обеду все небо закрылось. Был летний дождь и прошел. Кажется, будто установилось летнее прочное тепло.

Мы выехали в $11\,^{3}/_{4}$ у. и в 5 в. приехали к Эльбрусу. Приближаясь к Адыл-Су, долго видели перед собой снежную гору, и вокруг нее был пояс легких летних облаков. Потом гора эта

вся закрылась. Видели <*приписка:* альпийских> горных галок (?), они были с красными носами и красными лапами, по камням бегали не как наши грачи или галки, а проворно, скакали, как сойки. Местами осыпающиеся скалы были закреплены зелеными пятнами, это, оказалось, не мох, а низенький можжевельник, не колючий, внутри такого пятна часто [приподнимались] и кусты нашего колючего можжевельника. В Баксане играла с волнами оляпка, вверху возле сползающих с камней туч парил гриф (орел).

В гостинице «Интурист», устраиваясь, слышали легкий шум: казалось, дождь, а этот шум был от Баксана и водопада. Не спеша поднимались к водопаду, хотелось увидеть начало.

Весна в горах. Березы и кусты только что распустились, сияли младенческой желтоватой листвой, выше на березах были только надутые почки и крестики, еще выше они стояли как зимой: весна медленно двигалась в горы. Видели черного дрозда с белыми пятнами, анютины глазки были большие, как у нас в садах, внизу фиалки были синие, вверху, как у нас, бледно-голубые.

Петя лазил наверх к началу, но начала не нашел: очень возможно, что начало где-нибудь далеко в ледниках. Еще Петя рассказывал, что встретил нашу чернику и что очень интересно открывать среди неизвестных цветов наши цветы по запаху. Так вот, напр., Trollius europeus[1] цвел не бубенчиком, и узнать в нем Trollius было бы очень трудно, однако понюхал и узнал: пахнет по-нашему.

Разговорились с нашей тихой дамой Зоей Петровной о возможности искусства чутья... Сидели у водопада, удивляясь разрушительной силе воды. Я думал о горных людях, вроде Хаджи Саида, которые могут думать горным временем и, напр., могут сказать, через сколько десятков лет вот эта струя воды, падая на скалу и разбиваясь в пыль, разрушит её и будет бежать не разбиваясь... Мы нисколько не мешали думать друг другу, но и не молчали: очевидно, можно думать вместе и вопросы ставить как бы ритмически. По контрасту вспомнилась поездка в Адыл-Су перед этим с Третьяковым и дамами. Так редко приходится в пути встречать людей по себе! а потому в пути больше, чем где-либо, надо усваивать особый тон, выработанный европейской культурой путешествия.

---

[1] *Trollius europeus* — купальница европейская (*лат.*).

<*На полях:* Культура: сложная система условностей, ограждающих жизнь «про себя». И в национальной культуре, и в европейской. Значит, «культурная жизнь» направлена против бытовой пустоты, созданной революцией.>

17 Мая. Не по утренней зорьке, как у нас, определяется день на Северном Кавказе в горах, а часов в 8—9 утра, и ночь определяется тоже в 8—9 вечера. Рано поутру встаешь и до 8—9 живешь в неопределенной погоде. Сегодня я встал в облаках, ничего не было видно вокруг, и сырость облачная оседала, как мелкий и редкий дождь.

Я поднялся к водопаду по ослиной тропе, слушая пение множества птиц, и в то время, когда надо было определяться дню, в окружающих облаках началось передвижение... Сижу в облаке, и вдруг против меня на небе высоко деревья на скалах, а внизу за Баксаном долина зеленая, и кажется, она уходит далеко под эти скалы с деревьями. Как это может быть? И понимаешь умом, а не видом, что горы сквозь облако кажутся ближе, а долина дальше.

Каждую минуту перемена в горах: там откроется, там снова закроется, и только мало-помалу определяется и устанавливается. И определилось, что весь день мы должны провести в сырых облаках.

Мы трое пошли к нарзану Адыл-Су и дошли до «приюта трех» — пещеры против слияния Шхельды и Адыл-Су.

Ишаки. Горной тропой ровным медленным шагом один за другим ступают нагруженные ишаки. Совсем они не глупые животные, как принято думать, и откуда только это взялось, что осел глуп? мало ли людей, нагруженных тяжестью, идут по жизни тоже молча медленным шагом? Неужели это тоже ослы? Нет! это не ослы, а мудрецы идут, они понимают, чувствуют жизнь в ее достоинстве так глубоко, что если оставить всю суету, тщеславие, хлесткость и только ровным ритмическим мерным шагом идти под тяжестью, то все-таки и тут не конец, и тут можно привыкнуть нести и жить хорошо про себя... <*зачеркнуто:* и что даже и так умирать не надо, и так жизнь ничего себе, и хороша.>

<*Приписка:* Да разве вся тяжесть условностей так называемой культурной жизни не для того создана, чтобы внутри ее

мог человек жить про себя? И так можно по-ослиному на любую гору всякому подняться.>

Адыл-Су. Там, где в белых от пены камнях Шхельда сливается с Адыл-Су, окрашивающей своими нарзанными ключами все камни, все поверженные деревья в красный цвет, лежит камень, похожий на живучего балкарского старца. В ржаво-красный цвет железисто-нарзанных источников окрасила Адыл-Су своего старика. Дальше, где воды красной реки и белой слились, камни окрашены в слабо-желтый цвет. Тут вечный рев и как бы подземный гул. Можно часами сидеть тут, разбираясь в струйках, омывающих лобики камней, складывая то и другое, искать значение общего дела воды. Я долго сижу, ищу, может быть, ритма какого-нибудь в этом хаотическом творчестве? Мало-помалу мое дыхание, удары пульса моей крови находят себе отклик в природе, и я понимаю, чем Адыл-Су занимается: каждую минуту, охватывая ржаво-красное загорелое лицо своего тысячелетнего старца зеленой струей своей, она надевает на его голову белую шапочку.

<*На полях:* Третьяков уехал, чувствуя неприязнь ко мне через мою неприязнь к нему. И он подозревать не мог, что я зол на него за издевательство над ослом.>

Ишаки и ВЦСП. По тропе же — идут, все идут мерным шагом ослы, они нагружены тяжелыми палатками для туристов ВЦСП: там 160 человек, пользуясь отпуском (тоже ведь, наверно, несут какую-то ослиную тяжесть), задумали дерзкое дело взойти на до сих пор неприступную Шхельду...

Бетал. Сосенки. Рабочие бродят в лесу, разыскивая маленькие, не выше 25 см в высоту сосенки. Им нужно их собрать 25 тысяч. Каждый день грузовой автомобиль отправляется вниз, нагруженный этими маленькими соснами. Это Бетал создает курорт из горных богатств. Прохладный ветер с ледников будет дышать соснами...

<*На полях:* Бетал сказал: — Ну, Мих. Мих., молодой старик. Мир праху. Художник.>

Весна в горах. Распускаются березы. Та береза с корнями на обрыве. Переплеты сосновых корней, как хватается сосна за камни (в несколько сажень руки)... Шум весеннего хаоса... Уродливый соловей. Ныряющая оляпка... <*Зачеркнуто:* Гриф> Нарзан (запах серы): из-под камня Адыл-Су... красный... крепкий.

Вечером Саид Хаджи: вопрос геологический: много позднее Главного Эльбруса и всех других хребтов (уважение к науке, 64 года). Тут же встреча с художником памятников: делает памятник недавно погибшим (какая профессия!)... Моя мысль о творчестве своего памятника осуществлена 5-ю членами изыскат. партии: «Мир праху вашему» <*приписка:* следуют имена: Лопух и другие>. И мое предложение отшлифовать и выгравировать буквы. — Делайте, — сказал я, — что хотите, я буду вам помогать. — После того, рассматривая ближе надпись, мы обратили внимание на стрелку и цифру высоты на другом камне: та же рука, тою же краской <*приписка:* и, наконец, самое первое имя «Лопух»>, значит, они просто, закончив работу, исчезнув как «изыскат. партия», поставили ей памятник «мир праху» (от партии только прах). А почему бы и при жизни не подготовить себе памятник? (мы же все, кто книгами, кто картинами, делами бессознательно готовим себе продолжение жизни... <*Приписка:* Лопух и покровы. Потому нельзя, что всякое искусство создает покров, а когда приходится умирать, то все покровы спадают и бессмысленно кажется их создавать. А еще стихи Баратынского:

«Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит:
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит».>

А что за профессия: художник горных памятников: пока работал на Памире, туристы падали на Кавказе, на Алтае, на Дальнем Востоке, пока объездил Алтай, Д. Восток, Кавказ, на Памире собралось столько жертв! И везде почитатели мертвых: с живого шкуру сдерут: попробуй-ка нанять пару волов, чтобы живому подняться до приюта (5000 тыс.), а упади, и все охотно даром дадут.

О погоде Саид сказал, чтобы не обращать внимания, но другой балкарец остановил его и сказал, что сейчас на Эльбрусе буря и выше Кругозора снегу на метр и он талый, проваливается. Саид на это сказал, что в каком-то году в половине мая снег выпал по колено и год был очень счастливый: «барашка была жирная». В том же году у какой-то женщины заболела ляжка, и Саид убил медведя, и женщина поела ляжки медведя, и у нее своя ляжка прошла. Еще Саид очень хвалился Балкарией и уверял меня, что балкарцы идут впереди кабардинцев. <*Приписка:* О Пастухове.>

18 Мая. С вечера были звезды, а оказалось не совсем верно, что непременно в 8 ч. перемена и остается так до 8 утра: сегодня рано утром был снег, потом прояснело, появилось мутное солнце, облака начали было свою игру с горами, и вдруг все закрылось, пошел дождь, и после обеда и до вечера валом валил снег.

Мы утром справились, как на Кругозоре, и оказалось, что вчера, когда у нас чуть порошило, там выпало снегу на метр, значит, подниматься невозможно. Не обращая внимания на дождь (он шел все-таки с перерывами), мы в 9 ½ у. пошли к леднику Адыл-Су (7 верст) левым берегом Адыл-Су, перешли р. Шхельду, достигли «лагерей», вплотную подошли к морене ледника и вернулись другой, не лесной (сев. склон), а пастбищной стороной Адыл-Су (южн. склон) в 6 час. вечера.

Может ли когда-нибудь наскучить человеку в горах Сев. Кавказа, и если кому наскучит, можно ли такому простить...

<*На полях:* ослы: шеи и головы
фамилия Зои Петровны
Туман заставил слушать и смотреть не на то.
кош
Рододендрон и черника>

Мальчик (чабан) любил забираться на гору и строгивать оттуда сверху большие камни: лежащий, как будто мертвый, камень вдруг оживал, быстро набирал огромную силу, то минуя, то ломая деревья вниз до реки...

Сползающий снег почернел от веток и семечек окружающих деревьев, в множестве бегали по леднику чижи.

Вот пень, сколько он камней задержал! Сосны этого леса сжились и с теми камнями, которые оставил когда-то ледник, и с теми, которые после прикатились и привалились. Одна сосна на краю берега упала, но корни землю не выпустили, и мало-помалу ствол висевшей сосны изогнулся и дерево, висящее в воздухе над водопадами Адыл-Су и Шхельды, поднялось вверх и выросло над бездною. На полянах черника и рододендроны.

Цвет ледниковой воды голубовато-зеленый и то делается белым, то, обмывая тонким слоем лоб камня, розовым, а камни почти что красные от множества нарзанов.

Большой полукруглый камень обливается рекой, и вся вода со всех сторон ровно сбегает.

Дерево встало. Поток принес большое, упавшее с берега дерево. Камень свалился на конец его, и от этой тяжести дерево, опираясь на другой камень, встало, его прижало другими камнями, закрепило, и оно, вздрагивая, стоит и стоит...

Некоторые, видя нас втроем везде постоянно вместе, думали, что Зоя Петровна – дочь моя, некоторые – жена сына, и третьи – что моя жена (волосы у нее, хотя и преждевременно, все-таки чуть-чуть седели). На самом деле, бродя с ней всюду и привыкая изо дня в день все больше и больше, мы не знали даже ее фамилии (сначала, казалось, незачем было спрашивать, а потом стало и неловко: столько всего пережили вместе и не знали фамилии).

Весна (фенолог.). Березы зеленели еще самыми маленькими листиками, на черемухе сложились кисточки, старые барбарисовые ягоды во множестве, смородина, цветы и наши и не наши и вовсе невиданные. Какой-то куст с такой лаковой листвой, и в пазухе каждого листика алмаз блестит.

Слух в тумане. В туман видишь не то, что в солнечный день, в туман много слышишь... Вдруг как-то сошлось в горах, что весь грохот водопадов двух рек бросало к нам, и среди грохота чуть слышно кукушку.

Лес очень крупный, но редкий, между соснами то кусты, то огромные камни. За Шхельдой не старый, но частый сосновый лес, только бы глухарям токовать.

Кош. На горном пастбище там и тут огромные камни остановились как бы на ходу. Один, величиной во многоэтажный дом, только чуть-чуть не довалился, стал на ребре, и под ним осталась пещера. Человек заделал пещеру досками, навесил дверушку, сена там себе настлал для спанья, вокруг снаружи выложил из камней двор для животных, и это «кош» – жилище человека на все время пастбища.

Крик ишака. Осел в тумане закричал. Раз иностранец ехал на машине в тумане. Вышла неполадка с машиной, путешественник, пока возился шофер, пошел гулять и вдруг услыхал в тумане крик ишака, бросился бегом к машине. – Там зверь какой-то страшно кричит, – сказал он шоферу. – Какой же это может быть зверь? – подумал шофер. – Вот, – сказал иностранец, – вот он опять кричит. Шофер засмеялся: кричал ишак.

Море серых камней (морена). Сосны выросли после. В тумане сосны, горы выше и сосны выше, и конца нет им в высоту, и в тумане все [нежней и нежней]: мы через ветку с круглыми почками смотрели (декорация для оперы «Китеж»).

Молния. Дождь падал из того самого облака, среди которого мы шли, потом повалил снег, и мы смотрели из своей тучи, как массой он падал среди зеленеющих берез в Адыл-Су. Говорили о том, что если тут же молния возле нас рядом и гром и возможно ли так... Орел пролетел над нами в муть, непонятно для нас ориентируясь.

Сванетия. Разговоры в лагере о Сванетии. — Там нет ничего. — Как ничего? — Да так: колхозов нет, налогов не платят, начальник НКВД вместе с другими сванами гонит самогонку (из груш, из ягод...). Женщина перевалом в калошах, свалились калоши, из-за них сама чуть не упала.

<*На полях:* Малое и большое.
Счастье, все счастье человека — сесть на место.>

19 Мая. Лежит снег. Видел ясно след кота дикого <*приписка:* фенолог.>. Барбарис: из-под снега торчат кончики распустившихся зеленых листьев, и яркие красные висят кисти ягод. Дня на два хватит на Кругозоре снегу. Значит, надо ехать в Нальчик.

Осел и машина: в этом споре последнее слово осла: всё ли машина? И если всё и не будет осла, то будет «ничего».

Мы дивимся малому, и когда встречается бо́льшее, то впечатление от малого уничтожается, потому что большая гора содержит в себе малую. В таком случае, быть может, выгоднее было бы с Эльбруса посмотреть сразу на Кавказский хребет, чем записывать изо дня в день впечатления от гор из Нальчика? Но это неверно...

Творчество Бетала. Величайшее и единственное личное счастье человека на земле — это нестесненно раскрываться в своем деле, в своем творчестве. Призвание Бетала — каждого человека ставить на свое место, значит, он занимается творчеством счастья. <*Приписка:* Отсюда добраться до права физического уничтожения: для чего у творца должен быть план, данный верой (что это за вера?). Строить жизнь в оправдание жертв революции.

(«После того как трудодень дошел до... все убедились в том, что Б. знал, из-за чего он...»)>

Написать в статье: если ландшафтом называть преображенную человеком природу, то мотивом, по которому это должно в стране делаться, может быть строительство Кабарды: дорожки розовые на конном заводе, розы в собачнике, клумбы посевного штаба (если не клумба, то кирпичики ребром белые), агрогород, школа в балкарском ауле.

Выехали в $10\,{}^1/_2$ у., приехали в $4\,{}^1/_2$, — 6 часов в пути, из которых 1 ч. на осмотр самого богатого в области животноводческого колхоза Нижний Баксан: 178 дворов, 10.000 голов скота (2500 лош. и рогат.). Строятся гостиница, школа, дом советов, электростанция 225 ha. В индив. пользовании 2—3 коровы. Из-под земли вырос секретарь райкома: ведет себя и не подумаешь, что начальник. Наверху женщина чистила бугор, в переулке молодая трепала ковер и убежала во время снимания. — Предрассудок! — сказал секретарь, — есть такой предрассудок, что молодая женщина первое время после свадьбы не должна показываться, это остатки прошлого, предрассудок! — Сказав это, секретарь нырнул в жилище молодых, позвал женщину и поставил на то самое место, где она была. Вскоре вышел и «молодой», горбоносый горец (портрет). Снимали красивую женщину с полуголым ребенком на руках, хотя было очень холодно: вот почему здесь живут больше 100 лет. Смотрели бурочные, очень красивые ковры. Дивились электричеству в саклях. Снимали большое окно в крошечной сакле. Уютное жилище председателя, глиняный пол, много ковров под матрацем. Перестраивается жизнь... И памятник жертвам...

Культура. Вспомнились розы у собачных курсантов. (— Что это? — Культурная жизнь.) Культура — это цель, а что это «культура»? (мы привыкли «розан», «герань» у простых людей понимать как атрибут мещанства: у барина роза, у слуги если роза, то смешно: как будто не в розе дело, а в том, что у слуги нет права на розу, на «культурную жизнь»...) Колхозный двор (плуги старые и новые), разница с нашим, подмосковным: у нас была культура кустарная, и она новым делом испорчена, здесь на смену умершего приходит живое, новое, лучшее (тут быт пастушеский и ремесла очень мало).

Трудна дорога лишь возле Гунделена. Холодный ветер, дождь.

Узнал, что Бабель организует номер Кабарды «СССР на Стройке» и пишет повесть о Бетале Калмыкове. Это не должно ничуть мне помешать, но мне пришло в голову при воспоминании о повторяемости Беталом своих рассказов, что Бабель все из него выжал и что этим рассказам Бетала о себе не надо придавать большого значения. Вернее будет описывать Кабарду, смотреть на освещенные предметы, а не на солнце.

<*На полях:* Секреты Петиных повадок: почти каждая незанятая женщина... >

20 Мая. Дождь, холод. Вторая атака Эльбруса отбита, и опять мы его не видали. Теперь будем справляться в «Интуристе» (Карачаевская, 7, Бураков, против Госбанка). Программа минимум: 1) Эльбрус, Адыл-Су с посещением лагерей туристов, беседа с охотниками (грифы), с Саидом (Хребет Кавказа). 2) Нагорное пастбище возле Кисловодска, сам Кисловодск, литература в Пятигорске. 3) Недельная работа в Обкоме над извлечением цифр строительства, общего обзора, истории революции по жизни Фадеева, Черкесова и друг., выписки из книг о Кабарде. 4) Разные поездки: Балкарское ущелье, Желтая круча и др.

К 1-му Июля возвратиться домой. Июль—Август разработка материала на машинке и 15 Сент. на праздник Кабарды, если захочется.

Получились письма от Левы о том, что надо за Московскую квартиру к 8 тыс. прибавить еще 18, что здоровье матери налаживается. Решено перевести 18 т. и почти решено совсем с Е. П. перебраться в Москву, а дом в Загорске оставить для приезда, побега, работы, охоты. Это решение вполне соответствует впечатлениям от Кабарды: мир дворцам, война хижинам. Я, конечно, был и останусь человеком хижины, но именно для охраны хижины стало необходимым обладать дворцом: и пора наконец бросить чудачество и хижину внутреннего творчества видеть в мещанском домике в Загорске...

Дела на завтра: 1) Перевести 18 тыс. за квартиру в Москве. 2) Выслать Леве документ на защиту его жилища от Литфонда. 3) Сходить к Беталу и переговорить с ним о: а) история революции в Кабарде по рассказу Фадеева или кого еще? б) добыть премудрость журналистов, т. е. сводку строительства; в) определиться в отношениях после отъезда.

21 Мая. Холодно, строго, горы частично то покажутся, то скроются, и к вечеру даже солнце показывалось.

На завтраке знакомство: т. Жамурзов, нач. физкультуры в области. Обещается вместе повести атаку на Эльбрус.

Никто из шоферов за город не выезжает. Дорога установится, если не будет дождя, послезавтра.

Поросята (фенол.). Встретился Люль, говорит, что дикие поросята растут, много, много поросят.

Отправлено 18 т., Леве послана бумага.

Зашел в Обком. Велел доложить. Вдруг слышу, Б. в бешенстве заревел, топнул и в телеф. трубку: — Ты Воробей?.. а если ты Воробей, то найди себя в телеф. книжке... не можешь найти? а если Воробей, начальник телеф. сети, сам себя не может найти, то... — И пошло, и пошло. Между тем я приготовил вопрос: — Что я нашел в Кабарде?

Я нашел тему здесь: раскрыть психологически и выразить, что революционер подлинный непременно должен сделаться строителем, т. е. взять на себя всю тяжесть, а затем «мы новый, лучший мир построим». Так вот, у кого бы это достать материалы по истории революции в Кабарде и строительству?

Так я обдумывал, а из этого кабинета («все мы знаем то чувство, когда подходим к этому кабинету...») выходит то мумия, то ошпаренный рак, и хозяин гремит как из пушки: — Ты Заяц? а если ты Заяц... — Меня ужас охватывает, кажется мне, будто я со своей литературой должен быть среди этих реальностей ненавистнейшим за ненужнейшую вмешаемость... всему есть место, но зачем же ты здесь... Бежать, но как сбежишь, если Бетал, зная, что я здесь был и ушел, подумает, будто я обиделся за плохой прием.

К счастью, входит Макар Ив. Ермоленко, и мы заводим с ним разговор о всем, что, напр., пастухи-балкарцы, да и кабардинцы, у которых жизнь очень проста, безболезненно принимают блага цивилизации, электричество, плуги железные и пр., как высшие блага. Бетал покоряет председателей машинами, и главное, всех железными кроватями с сеткой, беталова кровать — это все <*приписка:* вспомнить покорение дикарей осколками бутылки и проч.>, как сложен, напротив, переход к новой жизни у людей с высокой ремесленной культурой под Москвой... Как бедна была в то же время жизнь и деятельность русских администраторов и какое значение имели между тисками Корана и Царизма русские начальные школы и слово

культурного прогрессивного народа... И какая разница стран христианской культуры, Грузии, Армении... — А киммерийцы? — И когда дошли до киммерийцев, то из кабинета раздался звонок и кто-то седой и красный с мутными глазами вылетел как бомба. Мумия бросилась на звонок, а я, передав через Мак. Ив. поклон Беталу, извинение, умчался... — Сбежал! — сказал я Пете. — Эх, ты! — Не «эх, ты», а скажи, слава Богу, удалось сбежать.

<*Приписка:* Монахи первого ранга и монахи, которых держат под страхом, и, наконец, беспартийные: мир/болото.>

<*На полях:* Если горы ясно видны и так долго остаются на безоблачном небе, то они скоро наскучивают.>

Интеллигенция и Бетал. Вечером в парке искали Бетала и встретили Макара. Старик много рассказывал, и странно выходило у него, что, с одной стороны, Б. жмет людей до последней возможности (этому его Москва научила, и тоже хочется создать Кабарду), что не жми Б., все из колхозов бы разбежались и зажили бы по своей (лучшей) воле, с другой, что все любят и обожают Б. как своего родного человека, своего вождя. Кроме Б., интеллигентных людей вовсе нет, потому что интеллигенция прежняя — это князья, а они или убежали, или погибли.

<*На полях:* Кабардинская интеллигенция (князья) — погибла, — стала русская интеллигенция.>

— Б. очень добрый, вся семья добрая, все очень хорошие люди, вот уж не думали, что он к этому придет: этому, верно, его Москва научила.

— Он верит и любит и оттого всех жмет и заставляет работать.

— Кто-то поехал жаловаться на Бетала Сталину, нашел где-то в саду, рассказал. А потом в Пятигорске его повели куда-то, и больше этого человека не видели.

Одуванчики (фенол.). Вечером заметил, что появились уже одуванчики, кричит коростель: у нас одуванчики в половине июня (через месяц). Потеплело к вечеру, кричат лягушки, но человек зачем-то поднял голову и заглянул всем лицом на небо, я же, глядя на него, высунул с балкона руку, мне капнуло, и человек сказал: — Кажется, опять дождь собирается.

Тем не менее решили, что если завтра мало-мальски будет погода, отправимся пешком на Желтую кручу.

<*На полях:* «Пользуется» гостеприимством.>

Элементы власти: человек — это... что вы хотите? «ну, просто человек и человек»; в отношении такого «человека» необходимо понуждение; и еще надо сознавать свое право на понуждение. (— Поеду в Пятигорск к Покровскому. — Зачем вам ездить, пошлем машину, и он приедет. — Но мне нужна литература. — И со всем, с литературой приедет...)

<*На полях:* Кишки свободы. Не совсем кишки, но что-то вроде кишечника есть и у идей, например, взять свободу: с лица — одно, а глянешь поглубже, и покажутся кишки. Все эти Крючковы-Антоновы дают возможность хозяину быть «свободным»: тут прямо и видишь насквозь, чем набиты кишки свободы.>

22 Мая. Всю ночь дождь. Утром все лесные горы курятся, там и тут солнечные пятна, а везде пасмурно.

<*На полях:* Копытце. Мысль с самого начала поездки: найти и оправдать человека, который не откладывал действие, а схватил за копытце. Такого должен оправдать друг его.>

Когда мы с горечью или бессильной злобой говорим о том или другом человеке «ах, негодяй какой!» и проходим дальше иногда с обидой в душе на какую-то сущность вещей, у Бетала тут действие, раз негодяй, значит, надо его снять с работы, посадить, и если невозможный вредитель, то и физически его уничтожить.

Так складываются мои два типа людей: один в раздумье откладывает действие, другой немедленно действует и берет жизнь «за копытце». Философ, художник, поэт, всякий деятель искусства — непременно ли должны они жить по первому типу, или могут тоже схватить «за копытце»?

<*Приписка:* Всегда «не», но именно это «не» в отношении себя может быть как «да» в отношении к другому. В первом плане: изобразить отношения парт. руководителя и высшего научного специалиста. Один стремится все на сегодняшний день, другой глядит дальше, а этому кажется, бездействует.>

Субъективно всегда, объективно (напр., Толстой) могут взять (хотя это будет «не то» в субъективной оценке). Отстранение от себя действия означает потребность в бóльшем кругозоре сознания, в большем плане, но в этом можно перейти

границу в сторону бездействия, как и в действии можно перейти до бессознания. Весь вопрос в ценности сознания: если нужно сознание, то нужен и тип человека, отстраняющий от себя непосредственное действие.

Итак, и тип «с копытцами», и тип отстраняющий могут друг с другом бороться, занимая одинаково правое положение: иногда избыток сознания бывает вреден, иногда вредна бессознательность действия: значит, оба типа могут показываться попеременно в своей правде и неправде.

Напр., Бетал, столь могуче действенный человек, имеет ахиллесову пяту: по мере роста его хозяйства все более и более сказывается недостаток интеллигенции в этой маленькой стране... (следовательно, оба друга, на кабардинской лошади и на английской: кабардинец торжествует внешне: он победитель, строитель, орденоносец и проч., англичанин не поспевает: «отставать, отставать и умер в туберкулезе»... <*приписка:* напр., то же: варвар и римлянин>

До революции интеллигенция в Кабарде была у князей (феодалы), после революции вся интеллигентность страны собралась в одно лицо, победителя Бетала (таков, напр., был и Грозный). Таким образом, секретарь ВКП(б) в существе своем является самодержцем земледельческо-пастушеской Кабардино-Балкарии (между прочим, с интеллигенцией он расправлялся так же, как и с феодалами: «мы ошиблись» — его слова). Подозреваю, что местная газета не печатает, а только перепечатывает столичные статьи о Пачеве потому, что Пачев (предполагаю) нравственно разошелся с Б. и удалился из Нальчика в Нартан (не сумел организовать вокруг себя новую интеллигенцию).

А у нас? ведь надо у нас из интеллигентности в искусстве исключить все, что работает по заказу на парад... то же, что остается по существу: все, что не «сделано» (как, напр., сделан Ленинск. городок в Нальчике), а само собой делалось, как образуется дым, если зажигают дрова: вот эта творческая сущность, если она у нас сейчас есть, то создавалась она вне «глаза» (заглазное творчество). В маленькой стране, где каждый человек насквозь виден и взвешен, заглазное творчество невозможно (тут каждый — чиновник, слуга, рабочий, но творческий человек — это сам в своем существе тот же Бетал).

<*На полях:* Антонина и Антонов. У Антонины и у Антонова есть нечто общее в глазах, что это? высокомерие в защи-

ту от нападения: а главное, чтобы людей понимать, смотри на них как на детей, для тебя же вовсе не обязательно считаться с тем, что их делает «старшими» в детской.>

К 9 утра (как это и вообще здесь бывает: день определяется к 9 ч.) день разгулялся.

<*Приписка:* Фенолог.> Явилось жаркое солнце, открылись лесные горы, потом пастбищные... снежные так и не показались. Мы пошли было на Желтую кручу (ехать по грязи никуда нельзя), но за Великим аулом вдруг охватила такая жара, что дальше в калошах, тепло одетому, идти было невозможно. Мы отдохнули под густой тенью «фруктовых лесов» и возвратились домой: по грязной тропинке скатывались, а схватиться за ветку нельзя: везде колючки. Когда пришли домой, подул ветерок и стало не очень жарко. Мы очень пожалели, что вернулись.

Звонился Б., спрашивал, зачем я вчера приходил, я ответил, что хочу поработать над историей революции в Кабарде и статистикой строительства, что с этим спешу, т. к. к 15 Июля хочу быть в Москве. — Что скоро? — спросил он. — Как, — ответил я, — три месяца, никто у вас не жил по три месяца. — На это он ничего не сказал. Я лелею мечту под конец высказать ему всю свою «обиду» и объяснить, почему сорвалась работа о кабардинской лошади.

<*На полях:* Петя милиционеру: — Нельзя ли тут машинку поставить? — Или в буфете: — Не дадите ли нам редисочки?
Я говорю Пете: — Опять машинка, опять редисочка, когда же ты наконец научишься властвовать и говорить: «Поставьте машину, дайте редиску!»>

Вечер такой же теплый, как и вчера. Прокатились в Долинское. Еще цветут и во всей силе яблони. Смотрели те дачи (для правительства) и вспомнили, что Бетал говорил о себе как табунщике: на косогоре, где ветерок дует с гор, завернуться в бурку, и можно проехать двенадцать часов... Так тоже Горький в Неаполе мечтал о волжских кострах. Есть у него что-то общее с Горьким: тот ведь тоже строитель и так же наивен в отношении оценки материальных благ (чего стоит сетчатая кровать!): это варвары, и оба в глубине души чувствуют свою нехватку в чем-то, и оба в добрых делах, покровительстве и т. п. <*Приписка:* Есть ценности, которых сделать нельзя, Горький же думал, что литературу сделать можно. Бетал едва ли не умнее...>

7 Зак 3028

<*На полях:* Если человек хочет писать по правде, как лично он ее понимает, то на это надо решиться и не бояться, если встречается на пути не совсем такая правда политическая.>

23 Мая. Ночь звездная. Утром горы ясные. Собираемся ехать и, если день простоит и завтра утро будет ясное, попробуем подняться на Кругозор.

<*На полях:* Суслик. Суслик сел у норы, остановили машину, спрятался и опять выглянул.>

Весь день солнечный, и дорога хорошо просохла. По пути откуда-то выдвинулись кончиком две плотно-белые вершины Эльбруса. В Адыл-Су мы были поражены белизной гор, белее этой вершины нет ничего на свете белого. А мы в тот раз ходили тут как слепые. Ездили в Терскол посмотреть Эльбрус. Нет! Облако скрывало его. Начальник тур. лагеря:

— Товарищ Пришвин, мы зайца поймали.

Вечером мы сюда пришли из гостиницы и любовались долго, как сходились в полумраке к горам ночевать облака. Народился месяц. Высыпали звезды, и так осталось на всю ночь.

Тревожно спалось. Не исчезли бы звезды!

24 Мая. Совершенно ясный солнечный день. В 7 $^1/_2$ у. вышли из воен. городка и в 1 ч. д. были на Кругозоре. В 6 в. вышли, в 8 в. выехали из воен. городка в гостиницу.

Баксан образуется из разных рек (Азау, Терека и др.) и называется «Баксаном» возле Терскола.

Ледник самый низкий, отступил (ме́тины на горах, гигантские морены), из обнаженного конца его речка Азау: бежит по грязному льду, в нем прорезает себе русло и выбегает чистая, как лед внутренний, и куда-то где-то исчезает под лед...

Горные индейки насвистывали тонкой свирелью.

Горные куропатки квохтали звучно.

Альпийские галки с красными лапами, с желтыми и красными носами.

В сосновом лесу (3 версты от воен. городка до поляны Азау): чисто, как у нас в лесу, но камни и воздух очень легкий, все наши птицы поют: зяблики, желна, певчий дрозд, черный (пестрый) дрозд, был сарыч. Теснота гор стеснила их в лесу, но кукушка кукует почти из Сванетии, ей подняться — и там. Кукушки носятся друг за другом, перелетая между горами Эльбруса

к Большому хребту. Устраивается на березку и прямо в камнях: громко в горах ку-ку, как на Пинеге (северная птица и ведь у нас любит на сухих суках сидеть). Индейки бегают, раскрыв хвост, быстро, а в гору все-таки потише, к ручью и вдоль ручья... (У птиц самый ток: березки распускаются). <*Приписка:* Более подробно описать, как мы увидели горную индейку.>

Эльбрус такой незначительный, но вдумываешься: ведь это все его горы! и он становится все выше, все дальше. Он как жеребец в косяке: его это горы, и на них магмовые фигуры самых причудливых форм. Долина: внизу лес, направо Большой хребет, налево горы Эльбруса, долина замыкается горами Адыл-Су и ущельем.

Пустынно и сухо. Синие цветы (сине-зеленого цвета: так сине, что зеленеет), как будто животные какие-то оставили после себя.

Гора Донгуз-Орун и перевал в Сванетию более легкий, чем на Кругозор.

Другой трудный перевал Азау... (трехсловное название). За этим перевалом колючие заросли такие, что из Сванетии сюда люди приходят голые. Там, вероятно, и туры прячутся, здесь туров нет.

<*Зачеркнуто:* Звуки.> Всегда слышишь, там или там катится камень. Всегда речка шумит. А то ш-ш-ш... осыпается снег.

Магмовые фигуры из магмы и собрать вокруг них звуки: осыпи снега, удары камней, свист индеек, крик горной куропатки (кеклик), шум ручьев и т. д.

Сюжет для описания жизни людей: у Васи Андрюхова рабочий НКВД бутылку интуристского коньяку украл... (Жизнь Васи, стеснительного человека, любителя гор.)

Мусульманка, жена начальника базы туристов на Кругозоре: махнули шляпой — исчезла и опять появилась.

Спор о значении физкультуры в Военном городке и его реплика: — Неверно!

25 Мая. Утро началось дождем, потом жаркое солнце, и еще два раза день обрывался налетным дождем.

Ездили в В. Баксан экзему лечить (плохо с медикаментами). На обратном пути присел человек и рассказывал про сванов, что индивидуалисты и богато живут: по 30 коров держат. Но делается к ним шоссе, всего осталось до них 30 километров,

и тогда конец «вольной» Сванетии, она будет «свободной». <*Приписка:* Свобода и воля.> Сваны, когда видят самолет, говорят: — Вот опять летит и смотрит на моих баранов.

Вернувшись домой, отправились к леднику Адыл-Су и домой пришли в 7 веч. Встреча с Шапиро, председат. МПС (у Бетала 70 тыс. людей, а у Шапиро 140 тыс.), и Кузнецовым (из Нальчика, по туризму).

Альпинист. Сегодня я вдруг понял душу альпиниста, оглядывая ту вершину, которая приковала меня при въезде в Адыл-Су. Я стал примериваться к ней, чтобы взойти, я даже представил себе, что взошел на нее и она, эта недоступная вершина, стала моей, и я через это стал каким-то другим человеком, чем был: я стал <*зачеркнуто:* героем> высоким, сильным, щедрым и милостивым. Но это ведь только минутный полет воображения, вот я вернулся к действительности: я, разгуливающий по горам в московских ботинках с галошами — какой же я альпинист. И вот все-таки нет, осталась в памяти глаз моих четкая до мельчайших подробностей изломанная линия вершины и такая белизна ее, такая белизна, какой нигде не увидишь. Там и тут хожу я в ботинках, и все в глазах моя та белая вершина, я стал маньяком, мне туда непременно надо взойти, сломаю себе шею и взойду...

— Друг мой! — шепчет другой мой внутренний человек, — вспомни, сколько людей стремились тоже к Южному полюсу, сколько погибло их, а последний человек пришел, и оказалось, там нет ничего. Умирая там, где нет ничего, достигнувший полюса поставил полоз саней, прикрепил к нему флаг. Ветер, кажется, сорвет этот флаг, и когда другой человек достиг полюса, то увидел, что вокруг ничего нет и на самой точке полюса санный полоз стоит. Так вот и на твоей белой вершине тоже нет ничего...

Так я думаю, глядя в окно гостиницы в Нальчике, и вдруг вижу, опять идет молодой человек в высокогорных башмаках. Целый месяц я вижу его на асфальте в железных башмаках и вдруг начинаю понимать его по себе и вместе с тем душу всего альпинизма. (Вася на Эльбрусе: как он постеснялся сказать рабочему про бутылку при товарищах, в то время как товарищи именно и подговорили его украсть, но Вася, высокогорный человек, не мог этого допустить: ведь он так по-хорошему им про горы рассказывал.)

<*Приписка:* Начало: Два месяца, как я положил это себе, я смотрю на то место, где горы, и отмечаю перемену в себе и перемену в горах. И вот уже месяц, вижу я, внизу по асфальту ходит молодой человек в высокогорных башмаках <*приписка:* его оштрафовал Бетал: по гвоздям добрались> и тоже поглядывает в горы. По всему видно, что эти железные башмаки все его достояние и больше нет у него ничего.

Мое неприязненное отношение к туризму.>

Наш водопад. Мы, слепые, прозрели. Первое, что увидели после тумана, что наш водопадик очень извысока, что там, где кончаются последние кустики, гора ломается и лысая уходит куда-то, быть может, к снежным вершинам, и мы видим, как по лысине тоже струится вода, и маленькое ущелье она сделала себе уже, и там на лысине и по всей горе этот маленький ручей-водопад уже глубоко надрезал и непременно в будущем разрежет всю гору.

Еще мы видели большую весну, как она уходила в горы: эта яркая зелень берез.

Эта яркая зелень берез, аромат сосен, светло-прохладный воздух, легкий, всеобщий гул вод ледниковых. Нашли место, где нам поселиться с художником Б. (на осле возить пищу). (На сливе рек Шхельды и Адыл-Су).

<*На полях:* Тайна 140 тысяч членов. Мы приняли Шапиро за председателя ВЦСПС, но потом вспомнили, что он сказал: у Бетала вся Каб.-Балк. 70 тыс., а у меня в союзе вовсе больше. — Как же так! — сказал я Пете, — 140 тыс.! — Сообразив все, мы решили, что большой начальник есть председатель ОПТС, которое теперь ликвидировали и передали его дело в ВЦСПС.>

Пещера у воды, где укрывался балкарец (быть может, от кровника)... Морена ледника Шхельды. Ледник Адыл-Су: лед на сгибе ломается... К леднику снизу поднимаются по камням сосны, меньше и меньше и совсем маленькие возле ледника (очевидно, сосны вырастали по мере отступания ледника).

Фото с места слияния рек: как сходится, плавно закругляясь, линия лесов.

Долина нарзанов (какие-то цветы в воде).

Фото. Склон горы: лес лиственный зеленый, лес еще неодетый, выше сосны, их рассекают сверху линии осыпей и обвалов.

Камень величиной в дом, катясь с ребра на ребро, удержался в неустойчивом положении, оброс и закрепился: хочется спустить его...

Нарзан. Голубая колонна льда... река из него... падает в Адыл-Су, тут на берегу Камень, под ним красные стены и в красных стенах водица: нарзан. Две женщины с чайниками. Притягивает пить: «крепкий».

<*На полях:* У Шапиро еврейские губы, как Петя сказал, похожие на ту фигурную скобку, которую последней снимают при решении задач.>

Шапиро (по-видимому, он — начальник какого-то отдела ВЦСПС и в его руки перешло ликвидированное ОПТС): — Мы с вами, М. М., материалисты, марксисты... — Ну, да, конечно, а все-таки нельзя же мерить счастье людей в колхозах удобными кроватями, есть же и внутренний человек. — Это грубо, конечно, но, М. М., мы с вами материалисты, за немногими исключениями, как, напр., мы с вами (вы большой писатель и работаете не для денег: вы получаете по своим потребностям, я партийный работник, тем самым...), все остальные люди озабочены исключительно удовлетворением своих потребностей, значит, подсчитав трудодни, то се, вы можете себе ясное представление составить о колхозном счастье. (Вот это чисто еврейское, противное нашему понимание. Разве он читал меня действительно, как говорит? нет, но он знает мою котировку в высшем для него обществе <*приписка:* Моя котировка на кастах>, и вот именно эта котировка определяет меня как человека с удовлетворенными потребностями. В глазах этих людей одежда, квартира имеют решающее значение.) — Вы не знаете, М. М., я же лучше вас знаю, кто вы: вы писатель замечательный, на вас миллионы смотрят, ждут от вас: ваши леса, природа вообще: звери — это исключительно, о человеке нового у вас нет, вот если бы вы дали нам нового человека. — Незачем это... — Понимаю: анималистов на свете чрезвычайно мало, о людях же пишут все, я это знаю, но я к тому, что если бы с вашим талантом да нам нового человека. (В который раз я это слышу!)

<*На полях:* Потребители и посредники. Вспомнился Левин, философ 10-го этажа Московского дома: толпа внизу — это все только потребители, и самая великая чистая мысль, попадая туда, окатывается в хлебную булку.>

Я высказал свою постоянную мысль о великороссах, что они считают всякий народ выше своего. — Какая великая мысль, — воскл. он, — вот, напр., латинский алфавит для националов, почему же не свой... И Сталин это понял и принял решение русский алфавит ввести... (вот откуда! и этот чудак Арсений Авраамов вздумал оспаривать!)

Мой рассказ о кабардинце, который допрашивал меня, сколько я получаю за книгу, и не мог понять, что я получаю — сколько хочу, по своим потребностям (мне он надоел: — Поскачем! — сказал я, и он вмиг умчался). — И он не мог вас понять... (Еврейский пессимизм теряется в разборе и подсчете потребностей масс, и еврейский оптимизм поднимается к человеку, удовлетворяющему все потребности, освобожденному...)

<*На полях:* Мясо закупали для лагерей: 250 р. баран! Пришли на базу. Завед. просил сесть. Мы сказали о башмаках. Он ответил: — Башмаки есть. — И началось молчание долгое.

Скопцы. Сосновский в свое время писал: «Товарищи, мужайся сегодня, ибо завтра будет еще хуже!» Ныне он и все подобные похожи на людей оскопленных.>

В городе показывался в гвоздевых башмаках странный человек; его оштрафовали.

Вася. Рассказ мой об украденной бутылке коньяку был передан по телефону в НКВД, и рабочий со слезами каялся: «Я пьян был, и зачем же это Вася рассказал!» Я рассказал, чтобы Васю возвысить, но тут стали говорить, что у Васи есть все, да он боится брать... и всю историю повернули на то, что рабочие подшутили; лежит собака на сене, сама не ест и... Вася, как горный дух в белоснежных вершинах, сделается проводником, а хозяйство другому, кто может брать...

Уговорились с Шапиро, договорились: мне дают башмаки, а я напишу в «Известия» об альпинизме (Сталин ребром поставил: поставить туризм на высоту). Завтра будем отдыхать и готовиться для переселения в лагерь туристов.

26 Мая. Вся ночь звездная. Утро серое, потом дождь до вечера. Ходили за нарзаном: как удивительно притягивает к себе эта вода с запахом тухлых яиц, и запах даже становится приятным. Приехал Антонов в связи с работой изыск. партии: про-

кладывается асфальтовая дорога на Кругозор. Антонов спросил, как нравится мне это место. — А сколько будет грибов, земляники! все будет покрыто грибами и земляникой. — Только почему вы, — сказал я, — построились так низко, я бы поставил себе дачу при слиянии Адыл-Су с Шхельдой. — И туда дойдем, — сказал он, — это ведь только начало... Тут я вспомнил о сванах вольных, до которых осталось только 30 килом.

Итак, есть рассказы: 1) Человек с железными башмаками. 2) Вася. 3) Памятник.

<*На полях:* Балкарцы кругловиднее, чем кабардинцы, но и у них есть тоже острые лица.

Горбачев, Полянский и еще один — метеоролог, радист и... запсиховали.

Левин с высоты 5 этажа: толпа жует наше все, тем потребности удовлетворяет: потребители. — А производство? — Они работают [мало] при мотиве потребления.>

Пожарник «собрался в себе»: давно не был в себе.

Безобразие от Шапиро. Кошмарное собрание: психи с Эльбруса и отдыхающие партработники из Кисловодска. Высокогорные работники сразу напились, обалдели, хватались то за редиску, то за вино. Рассказ об альпийском охотнике, что [сваны] его съели и остался альпийский значок... Горбачев пел гнусно о лавинах и как он стал на высоте Эльбруса. Партработники истуканами смотрели, не улыбаясь. Шапиро, председатель ЦК союза профработников, оказался председатель ЦК пожарников и попал в туризм профсоюзов случайно, по командировке.

Вечером партработники между собой говорили о Балкарии, один спрашивал, другие отвечали. — Балкарцы — почему у них нет вот этого... (цивилизация, рестораны). — Потому что они пастухи. — А Микоян-Шахар? — Там промышленность (а в Балкарии и золото, и редметаллы, и постройки, школы). — А звери какие? — «Степной козел». — И медведь? — Конечно, медведь и волк. — И они охотятся? — Нет, кажется, они не охотятся. — Но почему же они не охотятся? — И т. д. Сами тут же сочиняют.

27 Мая. Крылья птиц. Ночью дождь, вероятно, теплый весенний («дожди степь оживили»). Мне снится встреча, и мы дни проводим вместе в обществе еще каких-то лиц, и между нами все было — все в прошлом, и теперь только... А в окне ту-

ман, и в тумане Баксан, как тысяча птиц, Адыл-Су... и водопадик с большой высоты, как стая пролетающих птиц: не шум крыльев, а звон и свист, так и вода. Холодные реки из ледников, я видел, как Азау бьет со льда и сходится с Терсколом — Баксан, видел, Адыл-Су сходится с Баксаном.

Из тумана слышится кукушка. Родная кукушка, живая. Мы к ней приближаемся, или это она прилетела на помощь нам... и когда она стала первая в звуках туманного утра, то и ледяные реки стали понятны: точно то же и у них было в далеком прошлом, горячие были — стали холодные. Но ведь бьют же до сих пор еще горячие нарзаны из скал, и вот кукушка, и вот множество птиц всяких запело, защебетало: это весна, это живая жизнь, и все выше и выше Ледник отступает и дерево: каждый год отступает и пробивается выше, а внизу высокие, столетние, а дальше маленькие, как дети среди юношей. (Азау и Терскол создали Баксан...)

140 тыс. У Бетала людей 70 тыс., немудрено, что он всех знает в лицо — ведь это одна московская улица, у меня в Союзе и то вдвое больше. — Неужели вы их тоже всех знаете? — Нет, да ведь это же и вовсе не нужно. Мы вспомнили этот разговор ночью, и оказалось, 140 тыс. членов — какой же это союз? Может быть, он имел в виду один район.

В 6 у. мою кукушку перебили свист и пение и окрики и стук: это вчерашние гости, решив, что после дождя им нечего идти на Кругозор (а сколько обсуждалось с вечера — как идти, как не стеснять слабых, в каком порядке, что взять), собрались возвратиться в Кисловодск. После них бесшумно уехал Антонов, и стало опять хорошо.

Узнал что жена Ш. летом жила на даче Сталина, а мужа к ней не допускали, и ему приходилось для свидания с ней пробегать 30 верст: похудел. Еще узнал, что он был начальником (наркомом) ГПУ, но пал и, падая, уцепился за пожарное дело. Еще узнал, что он приезжал как ревизор и его ждали со страхом, а он пробыл всего 5 минут. Догадываюсь, что «родители его жены, которые бывают у меня» — это Безруких.

В который раз идем пешком по Адыл-Су. Погода средняя, то погреет, то нахмурится и брызнет дождь. Два камня на Адыл-Су при впадении Шхельды, вот бы на них дачу построить... и построят! это место — проходной двор. Дачу надо строить при заповеднике (там, говорят, и горы прекрасные, и лес,

и все звери там собрались отдаться под покровительство науки).

По правде говоря, если бы и будучи дома хорошенько взяться за себя: побольше поработать топором, поменьше поесть, сосредоточиваться на несколько часов и, подбираясь во всем, подчинять себя, то можно подниматься на большую высоту... Это довольно трудно и сложно. Гораздо проще взять молоток, гвозди, веревку и подниматься на каменную гору: тоже достигаешь высоты.

Абалаков, инженер-механик, Виктор Михайл., начальник лагеря альпинистов, инструктора наши и австрийцы-шуцбундовцы. Лейтмотив беседы: что нельзя себя разделять надвое и надо заниматься тем, что любишь: в этом счастье. Родство с охотниками. Радость свидания с лесом после снегов (это и я пережил на Кругозоре и Азау).

Высота не есть мера подвига альпиниста (Крыленко ввел эту дурь), высок Эльбрус, но для альпиниста это не гора: «вон та белая собачка, она два раза была на вершине» — мера: трудность. Горы заражают: кто начал этим, тот в этом погиб. Горы выпрямляют человека (чистое дело: кошки, крючки). Высота 7.000 мет. Высота достигается легко на самолете: а трудность и девственность (никто не ходил, а я: конечно, есть реализация личности и, конечно, ее выпрямление).

<*Приписка:* Высота в альпинизме (после самолета) потеряла всякое значение, осталась трудность и такая реализация личности, когда «я» становится совершенно прямым: человек выправляется.> Маленький, тонкий сухой человечек (как завидно ему!). Эльбрус освоенная гора, отданная в распоряжение всех: пойдут и семипудовые, их будут на машине [поднимать], потом на веревках... и тогда всё. А в Сванетию еще нельзя: снег не дает (в июле надо). Грифов нет: орлы.

Путь к ресторану. Пройти по профилю вершины Ужбы и Шхельды: что это за чувство? Он проходит, а за ним (как Эльбрус) другие, третьи, наконец проходит человек в калошах (5 пар чулок) и с собачкой, и дальше такие, как Антонов, устраивают асфальт, веревочн. ж. д., и тогда высота всеми освоена, — высота без личного усилия: ресторан.

<*На полях:* Береговая морена, боковая, серединная (если два).>

Разговор о леднике — что деревья росли одновременно, а не вслед за отступлением. Отступление несколько сот лет.

28 Мая. Ночью теплый дождь. Утро солнечное. Облака расстаются с горами. В прохладной тени барбарисовых кустов... я думал о том, что нет уголка в Кабардино-Балкарии, куда бы не проник глаз Бетала и где бы он не вспомнился. И вот это чудесное место в горах подготовляется им для курорта... Крепнет решение ехать в Кавказский Заповедник.

Вечером гуляли в парке в Нальчике, удивляясь высокой траве и тени старых лип. Вспомнились альпийцы с их презрением к «проходному двору». — «Это неверно!» Человек высокий должен с добродушной улыбкой относиться к этому «счастью» многих. И мы, оглядев все кругом, сказали: «Как хорошо!» Наш художник с женой, окруженный молодыми художниками, поправил их эскизы. Обратили внимание на великолепно начатую под землей постройку духана еще до революции: теперь из каждой комнаты вышли на свет липы и другие деревья.

Все большие... Пришел Налоев и рассказывал, что Бетал о культ. просвещении в Кабарде высказался так, что его пять лет обманывали. Я же говорил Налоеву, что какой разговор может быть о культуре, если в стране малейших попыток нет к национ. самосознанию: нет ни истории (революции), нет уважения к деятелям культуры (Пачев).

29 Мая. Рано утром безоблачно, только довольно холодный ветер с гор. В 7 у. все затихло, стало тепло, и горы начали играть с облаками. Вскоре стало у нас очень жарко, и в горах собрались тучи и загремела гроза. Но дождя не было, и день определился как первый роскошно созданный весенне-летний день Северного Кавказа.

<*На полях:* Прометей.>

Если человек ощупывает руками отвесную скалу, впиваясь ногтями в камни, находит трещину, вбивает в нее гвоздь, поднимается и выше опять так, все выше и выше, пока наконец не достигнет такой вершины, где еще никто никогда не бывал — это еще не герой. Вот если он, забравшись туда, как Прометей, похитит для людей огонь, или даже просто спасет хоть одного ребеночка и с высоты, как летчик Малыгин со льдов, принесет нам живую спасенную душу, мы [поклонимся] ему как герою...

Но вулкан Эльбрус, где был прикован Прометей, теперь остыл, и огонь есть уже давно у людей, и ребенка в горах не спасешь: это лучше сделает аэроплан, и высотой никогда не пе-

рещеголяешь аэроплана: альпинизм — чистый спорт, как охота...

Пионеры. И вот человек, побывавший на высоте, не удовлетворяется, строит мосты, дороги для машин, чтобы другие люди могли в любое свободное время подняться...

Пчелы гудят: их нечего бояться: кавказские пчелы почти совсем не злятся и не кусаются, и зачем им злиться, если у них все есть. По старой липе медленно переходят огромные муравьи, раза в четыре больше наших. Страшно смотреть, но тоже, наверно, они не кусаются: тоже все есть.

Духан: из каждой комнаты («отдельные кабинеты») выросло дерево.

Цветет сирень, и воздух так насыщен ароматом и озоном, что мысли в голове как бы срываются с места и кружатся совсем нелогично.

И вот этот чудесный парк, созданный из фруктовых лесов, окружающих Нальчик, это ведь тоже направлено к тому, чтобы поднять и выпрямить человека (ежедневно приходят машины, нагруженные горными соснами). Какая прохлада в тени старых лип! Пионер Ваня И. прогуливается с книжкой в руке и зубрит правила арифметики для экзамена (сдать арифметику, и полная свобода до осени). Навстречу ему по аллее с тем же учебником и красным галстуком идет Лена М. Чудесная желто-золотая птица иволга перекликается с другой. Перепела кричат тут же в парке, как в вольной степи. Солнечную дорожку между двумя пионерами перешмыгнула большая ярко-зеленая ящерица. — Ваня, лови! — Лена, дави! — бросились пионеры в высокую, почти до пояса траву. Напрасно, в такой траве ящерицу поймать невозможно. Пионеры пришли в тень и сели на зеленую лавочку. Лена сидела, положив книжку <*приписка:* арифметику> на колени, высматривая, — не перешмыгнет ли солнечную дорожку еще одна зеленая ящерица. Ваня, уложив арифметику возле себя, перочинным ножиком на спинке зеленой лавочки вырезал белые буковки: Ваня И. + (плюс) Елена М.

Эльбрус в калошах. Я считаю так, что с тех пор как один озорной альпинист в калошах (правда, в тройных шерстяных чулках) и с двумя небольшими белыми собачками поднялся на вершину Эльбруса, эта гора перешла из рук альпинистов в общее пользование.

Письмо Бухарина: пишет, что до него слух дошел, будто бы я распространяю среди «трудящих», что одних князей выгнали, но другие работают. Ответил: что удивляюсь, как хороший и умный человек слушает дураков и еще пишет об этом... Беталу прочитал, тот смеялся. — Но кто же? — спросил я, — мог так информировать Ник. Ивановича, разве Сосновский? — Нет, не может быть, Сосн. не такой... Это что-нибудь охотничье. — Разве может быть Третьяков? — Ну, какой же охотник Третьяков! — А письмо прислал, через НКВД?.. — Вы думаете на Антонова, ну бросьте: мы с ним часто шутим, это вы знаете, но сам он очень серьезный человек и как охотник плохой. Тут что-нибудь чисто охотничье... Позвольте, да это вовсе и не Бухарин: он еще не приехал, дайте письмо... Странно, рука его. Значит, приехал. А у него, знаете ли, охотничий темперамент есть. Э! стойте! да ведь это он сам все и выдумал. Чудак Н. И. Помню первую встречу, приехал с письмом Сталина (письмо срочное) и называет меня «Калмыкович». Придумал же! Особенный человек. Вы, М. М., не обращайте внимания, конечно же, он пошутил.

Из Орджоникидзе получено приглашение на юбилейные дни поэта Коста́. Решил вдруг, что пора уезжать, и пошел прощаться с Беталом.

Тема разговора: Б. извиняется, стыдится, напр., что не мог проститься с Серафимовичем, с Третьяковым, что столько дел! сельскохоз. экономика, проверка билетов ночью, ложусь в 6 утра, здоровье — да вот все хочу сам... А писателю, художнику ведь не закажешь: — они сами это делают... «А что вот тут этот художник был... он, кажется, здесь еще... не слыхали, что с ним?» (а художник думает, что Беталу [так эта] важна работа!)

Все мы, писатели, художники, заняты собой гораздо больше, чем следует... Бетал говорит: «вот эта вся работа черная, я взялся за нее, и от этого уже нельзя уйти никуда, разве не хотелось бы мне с вами проехаться на охоту, но это тиски» (а художники как ду́хи пролетают и так много, много думают о себе, и каждый думает, что он лучше другого и что настоящий писатель, художник только он и есть).

<*Приписка:* Тиски Обкома после разговора с Лапиным: состав страсти вождя: он и отец, и мать, и аскеза: ведь все в будущем и сам не видит семьи.>

Точка зрения Б. на искусство, что заказать нельзя, что людей принуждать, насиловать нельзя... И вот этот взгляд привел к краху (создались лентяи, которые прозевали Пачева).

Я рассказал Б-у о том, что не все благополучно в Кабарде, что национ. самосознание отсутствует, рассказал о Пачеве и моем повороте. — Погодите, справимся как-нибудь... этот лентяй Налоев.

Я предлагал дружбу, общ. работу. На это Б. опять ответил, что писатель должен быть совершенно свободным, и трудно было понять, отстраняет ли он предложение, изверился он в этих «тостах» или боится, что я предлагаю, стесненный «хлебом-солью»... Постарался дать понять, что «хлеб-соль» понимаю как вообще привилегированное положение писателя. Ах, вот еще его вопрос: — А как дом, нашли? — Дачу на Шхельде, сто тысяч — не верите? вот продам книгу... — Бетал думал: «Неужели это тоже арап!»

Так окончился мой роман с Б., и так провалился план с домом.

31-го еду в Осетию.

30 Мая. Так же, как вчера, неспокойное раннее утро, потом тихо, тепло, игра гор с облаками и жара летняя.

Дали телеграмму в Орджоникидзе о приезде 31-го Мая. Ходил прощаться к «Калмычихе» и встретил ее на пути. Какая надменная особа, какая важная и в то же время «губернская». Я сказал любезности, простился, она: «Приезжайте».

К обеду собрался дождь теплый, богатый. После дождя к вечеру явились горы лесные, размытые, пастбищные, скалистые черные (снег с черных гор за последние дни почти вовсе сошел), из-за черных виднелись верхушки с вечными снегами.

31 Мая. Поездка в Орджоникидзе. С утра и до вечера в природе борьба за свет, солнце то покажется, то скроется в синих тучах. Мы поехали на тучи и только в Орджоникидзе догнали: тут был дождь, и нам сказали, что ежедневно до обеда жара и после обеда дождь.

Фенолог. Цветущую сирень и каштаны догнала белая акация, рожь выколосилась давно и, волнуясь, принялась наливать. Вот уж так у нас не бывает, чтобы сирень и рожь почти что цветет.

Ехали всё Малой Кабардой и заметили, что тут всё похуже: мостики едва живые, видно, что Бетал не видал; а когда переехали в Осетию, то еще хуже. Мы ехали вдоль хребта, пока наконец не свернули вправо, въехав в огромную пасть гор, намытых Тереком, в эту обширную Владикавказскую котловину. По берегу Терека тянулись все время заболоченные луга. Вот, вероятно, где малярия...

Расположились в «Интуристе». Татархан Сосланбекович Наскидаев (Николай Мих. Орж. и поэт Коста́ Фарнион).

Нищенка влезла в окно ресторана и на глазах наших хотела что-то схватить со стола, и когда это заметили и хотели ее обратно выкинуть, она схватилась мертвой хваткой за стол. Ее били по рукам и до тех пор не могли оторвать, пока Наскидаев не дал ей рубль.

По этому поводу рассказал про ингушей, что у них до сих пор воровство в большом почете и раз, напр., когда они должны были перегонять баранту через осетинский аул, мальчишка ингушонок, наклонившись над оградой, вцепился (как орел) в барана, чтобы поднять его и утащить, но не мог поднять, не успел: могли оторвать его руки только с шерстью барана.

Перегон скота в нагорные пастбища существует по всему Кавказу, а не только в Кабарде.

Еще рассказал Наскидаев, что в его ауле (Ардан) прижилась одно время маленькая турица по названию Кукла. Ее добыли в горах при охоте, убили мать, а дочку взяли, коза долго не хотела ее кормить, но потом привыкла; турица в ауле ходила в сельсовет, в сельпо, а не то заберется на крышу... И когда услышит гудок автомобиля, то на гудок, перескакивая с крыши на крышу сажени в три, возвращалась домой: гудок автомобиля признавала за сигнал козла. Туры — гон в сентябре, котятся в конце мая... На 3-й год разбиваются молодые самцы к самцам, самки к самкам. В 3 у. спускаются на пастбище и в 8 у. уходят обратно на высоту, вечером на ночь снова спускаются.

Рассказ Наскидаева о том, как он зимой взобрался на Казбек (зимой никто не был), как один человек провалился в трещину: задержался на изломе, взял сумку с табаком, водкой, выронил, и она укатилась дальше. Четыре ночи и три дня в трещине. Схватились. Вытащили, и когда очнулся, то первые слова его были: — Табаку! — а потом, когда ему дали, заплакал.

Медвежий жир имеет свойство предохранять лицо от морозных ожогов...

Странно бывает понять, зачем он привязывается к формам красивой проходящей мимо женщины... Немыслимо допустить, чтобы он овладел ею или даже, овладев, мог с ней начать что-либо в этом роде. Нет! это рождение формы, первое начало ее существования самостоятельного. (Годится при описании первого отрыва облака от горы: обнимая гору, оно приняло форму ее выступа и самостоятельно поплыло как форма, и кто-то внизу удивлялся этой форме, принял внутрь себя, и через человека форма осталась навсегда и стала жить, и в поэме никто же не мог знать, как родилась эта форма стиха и определилась жизнь человека, посвященная форме.

<*Приписка:* Молодой поэт узнал в этой форме черты своей возлюбленной, исчезнувшей, и страсть его невозможная соединилась с чертами... и он стал снимать облако с этой горы... Она была недоступная, и он стал на нее взбираться, ощупывать. Человек в высокогорных башмаках: привести рассказ его в дневнике.>

1 Июня. Утром солнце, но горы не были видны, после обеда и до вечера дождь и гроза...

Утром разговоры с «Замошкин-Талпы» (Пятигорск, редакц. газ. «Северокавк. большевик», С. Д. Говоров) о его фольклорных (по театру) работах, с Жалькин Петр Лазаревич (драматург, Москва, ул. Герцена) с Наскидаевым и Фарнионом. Характеристика поэтов Фарниона, Ив. Джанаева, К. Дзесова. Достать у Фарниона «Антологию» и турьи рога.

К вечеру гроза застала на берегу Терека, проходящего по парку.

Торжественное заседание: человек с седой головой в черной черкеске.

Старик-щеголь, природный тамада, писатель глубоко старый, при выборе в президиум замахал руками, стал отмахиваться, но прошел.

Николай Тихонов, парень из лабаза (киношные дела: история революции), другие почетные старцы, бойкий речистый председатель Союза писателей и проч., и проч.

<*На полях:* Тихонов 3 месяца работал с евреем режиссером в Ленинграде над сценарием, а теперь ходит по Кавказу... Провалился с деловой стороны.>

Почетное место в кресле рядом с Тогоевым (вылезти невозможно, жара). Банкет, опять тамада. Директор исслед. института – женщина слева (осетинка), директ. средней школы – женщина справа (еврейка), проходящая заочные курсы иностр. языков, уполномоч. НКВД. Разделение на высших и низших, как в Соловках...

Я сказал Тогоеву, что в Кабарде мало культурных людей, а он на это: – И все-таки Кабарда шагнула вперед огромным скачком, там же неграмотные люди были... – Напротив, утром, сильно выпивший Фарнион: – Бетал, что говорить... но Тогоев занял Нальчик первым (500 человек положил), а Бетал в это время был где-то в Ингушетии. Когда рассвело, ходили на Терек с Фарнионом, смотрели Казбек и Столовую гору, между которыми Дарьяльское ущелье. Мечеть, в которой рыбаки нашли замуровленную бутылку водки.

2 Июня. В 4 у. до восхода солнца смотрели с Терека на Казбек и Столовую гору. День обошелся без дождя. В парке на берегу Терека расхаживал свой [Калмыков]. В сумерках председатель Союза писателей Барон Боциев повел нас в Исследов. институт. Там показывал Фарнион музей как иллюстрацию личности Коста́ Хетагурова. От Петра I до смерти Коста́. Творимая народом легенда о Коста́ (и то же о Бетале). Коста́ где-то сказал: «Охотник ходит у пропастей: он живет близко к мертвым, но, умирая, редко попадает на кладбище». Его живопись церковная.

<*Приписка:* Ставроп. семинария. Жил, писал, как Бострем.>

(Пошлость Фарниона.)

Музей посмотреть отдельно. Встреча с писателями. Рассказ современного Коста́: Цаголов (см. на конце, совсем как русский) рассказал, как под Новый год Коста́ с кем-то голубей на чердаке резали (праздник справлять), а он думал, что ножи точат – резать «Петушиху».

Саид Бадуев, чеченец, рассказал происхождение себя как поэта и писателя от народа и встречи с «универсальностью» (это мое), школа и революция.

Аткай Аджаматов, кумыкский поэт, о дагестанском театре, успех имеет «Отелло», как будто это горская вещь (из-за «чести»). Грим по мусульманству не допускается и в (?) театр, основоположник театра Бейбулатов Темирбулат ходил в горы со своими представлениями, и там бросали в него камнями.

Сказки председателя Карачаевск. союза писателей из Микоян-Шахара: мне кажется, в них много и русского и арабского. Тема исследования: христианство и магометанство в отношении искусства...

<*На полях:* Бухарин.
В Орджоникидзе я увидел, на бульваре устроена кабинка для чистки сапог, и, забыв, что я в Осетии, сказал: – Наверно, и это Бетал придумал!
Тост старика ко мне, передавшему рог другому: – А вам карандаш и ручка.
Мой тост: чтобы рог выпивать до дна – это жизнь, а не оставались от человека только карандаш и ручка.
Грузины ошиблись и поехали в Южную Осетию.>

Конь и Красавица – Джигит.
Конь – Арабстан
Красавица – Грузистан
Джигит – Дагестан
Продолжение совещания в духане до 3-х час. ночи.
Тост чеченца Саида:
– Земля без травы и цветов – какая это земля?
– Человек без культуры – какой это человек?
– И то же писатель без народа – не писатель.

Абрек. Рассказ безрукого о том, как из-за чего-то поссорился с кабардинцем (соседи), подобрал 60 человек, и началась война. (А теперь при колхозах? – Ну, ты и теперь абрек.)

<*На полях:* Кукла погибла из-за цыпленка: хозяин камнем отогнал.
В Дагестане на базаре все языки сходятся на тюркском: на нем объясняются.>

Старики-осетины, эмигрировавшие во время царских гонений в Карачай, приехали депутатами на праздник, как знавшие Костá. Держатся, напрягая жилы. Пьют тост (только осетины!) с убежденностью в том, за что пьют. «Национальное по форме, социалистическое по содержанию». Визг горца и хлопанье (рог). Речь хозяина духана.

<*На полях:* С сияющим лицом выпивший сказал мне: – На какую высоту вас поставили!
На другой день нет никакой высоты.
Я дал кумыку второй рог и извинился: второй раз выручаете. – Что же, – ответил он, – ведь если надо, я должен за вас и умереть...

«Пить не могу. — Поставь! — Рог не поставишь». Спор: откуда взялся рог, один, что взялся он из-за посуды: нет в горах посуды; другой, что рог нельзя поставить.>

3 Июня. Утро солнечное жаркое. После обеда сильный дождь с грозой.

Утром сел на лавочку на бульваре, подошел Соцко́, потом Губа́, старики, и сидеть тесно. Соцко́: — Одна слава сидящим, другая слава стоящим.

— Бог живет на вершинах гор, ему нужен чистый воздух, а человек живет в долинах: ну, и не мешай же мне, Господи, живи себе на вершине.

Гость. Пришел гость: день прожил — хозяин ухаживает за ним, кормит. Живет другой день и третий. У хозяина нечем гостя кормить и некогда за ним ухаживать. На четвертый день хозяин просит гостя в сад. Прилетели птички, посидели и улетели. Вот хозяин говорит гостю: — Видел птичку? — Видел: хорошая птичка. — Очень хорошая и время знает: посидела и улетела, а человек никогда времени не знает. — Гость понял. Простился с хозяином, поблагодарил, сел на коня и ускакал.

<*На полях:* Похож на Тагира.
Внутренний враг. Вот Столыпин боролся с внутренним врагом, так я борюсь с печалью — моим внутренним врагом. — Но ведь Столыпин же не победил. — Для своего времени он побеждал, а если умер от внутреннего врага, то в конце концов и мы все умрем от него. Так лучше же я буду жить веселым...>

Три ущелья: 1) Дигорское, примыкает к Кабарде и заповеднику Лескена (девственные буковые леса). 2) Алагирское (Военно-Осетинская дорога). 3) Арвы-ущелье (небесное ущелье): Военно-Грузинская дорога.

Толпа народа: милиционер. «Я веселый, потому что борюсь с печалью. Все умрем, так лучше же я умру веселым».

Губа́: рассказ его об уздене прапорщике Тукаеве и гражданине свободном Гончуеве, что узденъ хотел его плеткой, а тот вырвал плетку и похлестал узденя (хуже пули, кинжала). Как избежать беды? Уздень потребовал мальчика. Тот поехал далеко, уронил плетку, мальчик подал, а он в седло его и умчал. И отдал в холопы узденю, а мальчик и теперь жив.

Северная Осетия наполовину только христианская, Южная вся христианская (Грузия).

4 Июня. После проливного вчерашнего теплого тропического дождя сегодня утром облака так высоки и так прозрачны, что сквозь молочную дымку видны горы: из садика «Интуриста» видна гора, что рядом с Казбеком.

Чеченец-поэт, променявший кинжал на перо (вот небо, вот земля, вот мой кинжал — знать ничего не хочу) — у него и у других подобных душа открыта незагрязненная для культуры: есть такой человек!

Наскидаев вечером, как обещался, не пришел, и дело с познанием Осетии затягивается. Слышал, что осетины привычны на обещания, посулят, а там и нет ничего. (Ночью говорили: — На какую высоту мы вас подняли! — а утром очнулся, и нет ничего, и ноги от вчерашнего даже на лестнице подламываются... какая уже тут высота! и не с кого спросить ее: все разбежались, никого не найдешь. Вот она, богема со своими обманами...

Солнце выманило меня, посмотрел на Столовую гору (Казбек был закрыт). Зашел в парк, сел. Сторож (75 л. — отец 140 — дед 200). — Вот всё дожди, — сказал он, — и никто не может остановить, какие беспомощные люди. А раньше старики на гору, барашка там или что зарежут, помолятся, поедят, и если дождь нужен — дождь идет, не нужен — кончается. Люди потому меньше живут — что горы — воздух и лес — воздух: ледник почему-то отступил, лес вырубили, и зубы у людей стали портиться.

Пошел на Д. В. счастья искать, сделался богатым человеком и хотел жениться, но революция разорила... затем собирал деньги, что видел: вся семейная жизнь рушится из-за куска хлеба — и не женился: теперь один. Подошел некий Кучи́ев, ставивший власть вместе с Кировым. На мой вопрос о ценности стихов Коста́ он сказал, что высоко ценит личность Коста́, но в его стихах часто есть что-то от религии, хотя вообще сам он и не религиозный, и в этом главное вот и есть, что человек не религиозный, а играет религиозными словами. Итак, всякие стихи, их значение: игра души, но создавать нового человека стихи не могут.

<*На полях:* Культура и баранта. Татари сказал: — Да, раньше у нас, до революции, было у каждого больше баранты, но что из этого: ели грязное мясо и больше

ничего. А теперь культура. Все дело не в баранте, а в культуре.>

Завоевание Кавказа. Еще говорил этот же человек, что очень обижаться на русских за то, что завоевали Кавказ, нельзя: если бы русские не завоевали, то сами бы между собой перерезались, перестреляли друг друга из башен. (На это кто-то потом возразил тем, что люди стали драться друг с другом из-за бедности, и в этом виноваты русские: ведь это они загнали в горы: у горца земли — буркой закроешь, а у русского казака 15 дес. на душу, и какая земля!)

Не знаю, верно ли последнее в точности, но разложение родового строя наверно обусловлено размножением и вследствие этого недостатком земли: единство власти, возникающее при эволюции феодального строя, вероятно, и основано на том, что при единстве власти увеличивается емкость данной площади, в индустриально-буржуазном емкость еще больше, а социалистический строй дерзает даже идти вообще против войны. Старик же в парке все вздыхал о том времени, когда у каждого, как теперь у сванов, было много баранты: между тем емкость соц[иалистического] строя именно и обусловливается материальным ограничением личности: личность может богатеть, лишь обогащая других.)

Загадка. Человек... скажите, что это такое человек ежеминутно делает и днем и ночью и для изображения этого в русском языке нет звука? Это дыхание и этому нет звука... а в осетинском есть...

Около 10 у. приехал Наскидаев на машине, и мы выехали в Алагирское ущелье. В Ардоне смотрели дом Соцкó и у матери Татарй пили пиво. С нами едет Чапур.

На пути из Ардона в Алагир сломалась рессора. Напрасные поиски. Решили тихо ехать до Баркад (рудник). Алагирское ущелье зеленое: зелень буковая до самой реки, и оттого ущелье это веселое и река Ардон, создавшая ущелье, быстрей Терека. <*Приписка:* (Арра-дон: сумасшедшая вода.)>

<*На полях:* Ардон = Арра-дон = бешеная река.>

Садон — рудник. Едем до Нурзала. Древнейший осетинский аул: сакля над саклей. Крепость. Часовня XII в. <*Зачеркнуто:* Райком.> Район. Опять Тамада. Достали рессору. Вечер. Прогулка. Звезда на небе? нет — это электрическая лампочка на руднике. Будущее Кавказа — рудник и курорт.

<*На полях:* Пахнет серой так сильно, что шофер, опасаясь, что на него скажут, спешит предупредить и рассказать о множестве серных источников.>

Метисы туров. Рассказы о том, что в с. Архан (ущелье от Алаганского ущелья) охотник Сарби Худалов добыл себе турёнка и другой охотник там же другого, им теперь по 3 года, ходят с козами, дали в нынешнем году четырех метисов, и они вышли ближе к домашней козе.

Рассказ Татарй о плите с грузинской надписью. Комсомольцы хотели узнать, что это лежит под плитой, но пришли старики-осетины и рассказали им, что в XII в. (?) была война осетин с грузинами, осетины побили грузин, и мир с Грузией и обет осетин: [грузинскую] могилу охранять на вечные времена.

В Ардоне мать Татари: не хочет в город. Татари линяет, собака его теряет чутье, еще носит партийный значок, завещанный ему умершим товарищем (морской парабеллум). Начал толстеть. Сравнительно с Александром — перерождается: горец в долине переродится.

Мать пивом угостила, садик Семинарии: гнездо революции. Идеализм семинарский и романтизм: не женятся: Костá и Соцкó. Дом Соцкó. Шамилевка.

Туры. В конце ноября: борьба. Ниже 4-х лет — нет. У скалы — от 4 до 7 разбег (метров шесть—семь). Звук: удар, слышен за 2 километра. На 50 — два часовых. Видел стадо в 99 штук: 9 часовых. Свисток тура. Май—Июнь: на 1-ю траву — самое низкое. Трава выше, и он выше в горах. По рогу: самый старый 25; с 25 лет тупеют рога и нельзя считать. До Ноября самцы каждый отдельно. Сейчас в Мае—Июне 1 $^1/_2$ км. ниже уровня моря трава растет до 3-х км. Старый тур на малой траве наверху. В Декабре гололедица: на месте стоит (в 903 г. поймали 2, убили 8, на гололеде падает, в снегу вязнет). 15 июня рожают: скала на самой высокой траве (вокруг стрелять: турёнок ложится, и поймал). Часа за 3 до темноты спускаются. Человек всех обманывает. Сейчас охота так: в 3 ч. ночи выйти на конец лугов — на границу лугов. Тур умный зверь <*приписка:* — чистый зверь: во всем дисциплина и закон>, серна глупый: без закона, безумная, живет пониже — с куропатками, а тот с индейками. Расходятся в январе, а если позднее, то весна будет плохая.

Перевал Цейский. Скала Адай-хох. Кальпер.

Охотник. Село Бурóн – слияние Цеи с Ардоном, родина охотника Александра Морзиева, от него Шамилем пахнет, грудина, кисти, ноги, глаза, нос, высматривает из-за камня тура.

На гору можно подняться, а спуститься не спустишься: ни взад ни вперед.

Рысь и барса называют «стай» и потому часто смешивают: не рысь охотится за турятами, а барс... но барсов теперь нет.

Разговор с Татари́: – Жили хорошо, мяса было много, а теперь меньше. – Много мяса, да, но и только: ели мясо грязное, культуры не было.

Пили в Нурзале. Баркад значит избыток.

Пили за счастливый путь, за св. Георгия. Ночная езда в полях цветов ароматных желтых. Дом отдыха. Санаторий: горы до неба и выше гор сосны. Внутри горных стен. Больной не знает, что делать.

<*На полях:* Татари́ ночью, приехав, пустил Чапура на кроликов. Переполох. Татари́ хохочет. Тифлис – Батум – 349 км, 12 час. 25 руб.>

5 Июня. (Именины.) Утро дождливое. Ходил в лагерь разведочной партии.

Туман поднимается вверх, охватывает гору кругом и, сгорая, курясь, тает и скрывается в дыму...

6 Июня. Всю ночь перебуровили охотники на туров: казалось, так хорошо: звездная ночь.

Фенология. Часам к двум с большой черной горы против моего окна будто молоко через края перелилось: это стал спускаться туман, и скоро та, более далекая, гора исчезла. Наскидаев с его утробным оптимизмом продолжал говорить о хорошей погоде, но через час после их ухода пошел дождь. В 5 у. один охотник что-то забыл и вернулся: остальные, сказал он, сидят возле ледника и пережидают дождь.

– Итак, будущее Кавказа рудник и курорт, – сказал я вчера. – А вам это не нравится? – спросили меня. Я ответил, что нравится мне или не нравится, для дела мало имеет значения. Сам же я понимаю сейчас, что не хижина уединенная, не охота мне нужна и не осесть где-то нужно, а так наивно хочется приблизиться к роднику поэзии своей... какая-то ненормальность, вследствие того, что я не хочу от этого отделаться дачей.

Дождь перестал. В 7 у. я вышел на Цейский ледник, и мне стало очень хорошо, мне стало казаться, что все предшествующие неприятности — накладные расходы и что так везде и всюду, в путешествиях, в Москве, все равно, что «простой» человек ценится нами за меньшее сравнительно с нами, что, усложняясь, жизнь ставит все бóльшие и бóльшие трудности в доступе к своему творческому я...

Так и Кавказ, делаясь рудником и курортом, попадает в сложную цепь «культуры»; низшие соблазняются «культурностью» (цветы в собашнике), и естественная даровитость, обнаженность творческой природы, «простота» исчезает: она делается величайшей ценностью для немногих; «простые» люди так слепнут, что... докажи им ценою всей своей жизни, что можно разбить цепь, укажи им путь, они скажут: «у вас талант!» Докторша: у вас талант, а что мы, простые врачи: человек умереть должен, а ты ему... — Что же... вот «мать» обещает детям фасоль, а сама варит камни, и дети засыпают, после того она плачет... разве это не талант, вы только не хотите сознавать это, вас в Москву тянет, а зачем? — Театр, ах, театр! Докторша: «талант» и еврейская жажда театра.

<*На полях:* Азалии — желтые... А белые? Что это за желтые цветы? Азалии. А белый? Рододендрон.>

Фенологическая запевка. Сквозь шум Цеи с деревьев (весна сейчас здесь, на самом верху есть еще неодетые деревья и кусты, потом весна поползет по земле в альпийские луга, травой луговой, потом где-то в трещинках скал: когда конец, чем кончается?) — сквозь шум резкие выбросы отдельных звуков птичьей песни, как будто песня соловья разбилась на отдельные колена... И так оно оказалось, разные птички, думаю, здешние соловьи, пели разные колена соловьиной песни, и она у них не складывалась, потому что пели они, не считаясь друг с другом... Казалось, сумасшедшая, революционная вода разбила эту песню соловья, вмещающую в себя и сиреневые ночи, и тургеневских женщин «Дворянского гнезда», и...

<*На полях:* Бегство 1. Марксизм 2. Париж — любовь 3. Павловна — охота 4. Литература 5.>

Бетал выходит к людям на пир всегда веселый, потому что предан чему-то до конца (скажем, борьбе с «внутр. врагом») и до того отдает туда себя всего, что веселье консервируется и является непременно там, где живут не всерьез: «игра души».

Имя на скале. Ни одного знатного имени на скале не найдешь: тот человек, дойдя в простоте природы до камня — рад наконец-то отделиться от себя и сказать: вот я, а вот камень, скала, и пусть когда-нибудь придет другой человек с аммоналом и взорвет эту скалу, но пока скала великая, и я приветствую это величие природы, живущее и растущее независимо от меня, и даже, напротив, меня самого поднимающее... А тот человек из дома отдыха тоже чувствует величие скал, но не может в себе найти никакого другого ответа, как только имя свое никому не ведомое начертать на скале.

<*На полях:* Я убедился, что, когда вам надо, вы везде меня находите.>

Одна из тем моего путешествия — это «моя хижина»: я ищу, где бы мне поселиться, и, поняв, что везде рано или поздно будет рудник и курорт, нахожу, что лучше всего поселиться в Москве (пай 26 тыс.).

<*На полях:* Моя хижина: это моя свобода, я стремлюсь к ней, свободе в творчестве. Но где же об этом думать? Толстые стены против Третьяковской галереи: 26 тыс. пай.>

На повороте мне открылся ледник, и видно было, как Цея вытекала из него (цея = сукровица, белая), а тут ниже в лесу из шума вод складывался разговор до того человеческий, что я ладони к ушам приложил, чтобы слова разобрать.

Жужжание пчел. На пути лежал камень величиною с большой многоэтажный дом, и мне послышалось тут жужжание пчел. Где эти пчелы, и так много? Я вернулся, опять. И я понял, что это внутри огромного камня, просачиваясь, по-пчелиному пела вода.

В крутом сваренном мясе морской рыбы трески отваливаются слои, так в скале снизу один слой выпал, рассыпался внизу, и под скалой образовалась широкая пещера, открытая: там наши охотники на туров спали, подле них стояла бутылка. Тарй и простой народ (родной народ). (К этому: моя и зависть и неприязнь: ночевка тело к телу, запах и проч., отношение к шоферу и пр.: это давнее чувство еще из времен народничества...)

<*На полях:* По нашему пути впереди везде шла баранта...>

Во всей широкой мощной слоисто-темной массе, с каждого острого камешка капала вода, и вся гора снизу и на огромную высоту была мокрая и блестела, и я вспомнил эту мать в поэме Коста́, которая варила камни и уверяла детей, что это фасоль варится, и до тех пор уверяла и была веселой, пока все дети в ожидании фасоли не поснули. Тогда мать дала себе волю и заплакала. Но эти же именно слезы матери, вот эта вода, омывая, растворяя, так делает, что из каждой трещины в этой огромной скале, если хорошо приглядеться, вырастает зелень: вот папоротник, вот белые звездочки, вот даже фиалки...

Против плачущей скалы я стал спускаться вниз к леднику по зеленому корытцу, вымытому ручьем, по берегам этого корыта лежали слой на слое камни, как будто сложенные рукой человека. Ручей создал эту корытообразную долинку с фиалками: сколько тут будет цветов, какая тут будет трава!

Ледник: многоэтажный дом. Очередные камни. Падение. Звук от камней, перебивающий рев Цеи. Пушечные выстрелы: трещины льда... Из-под льда Цея... Ледяной грот под аркой внизу. Жилище — пещера ледяная вверху. Струйки, обтачивающие профиль льда: сейчас они работают над огромным носом лица, и скоро будет лицо. Струйки, ручейки. Очередной камень... Вырывается звук — визги, вроде как будто пустили круглую пилу... Выше игра облаков, то откроются нагромождения сломанного льда, то скроются, и над ними снежная гора: лед и камень и облака. Долина: леса и над ними между горами облака белые и зелень — какая роскошная зелень... Береговая морена черно-сыпучая, видишь, как она обрастает кустами, зеленеет: сколько-то времени (веков?) надо, чтобы ледник отступил и морена пролежала, пока не позеленела.

Груды камней голых — сейчас упали! прыгаешь по ним в резиновых калошах: первая зелень, лишайник, мхи в виде ежа, стелется березка, сосна в спичечную коробку, можжевельник, и постепенно оформляются кусты, цветы, сосна, сжатая камнями, березка. Морена обросла... Похороненный камень, как надгробная плита: почва: ручьи светлые с гор... островки... берега... цветы... прохлада... сверкание. Тропинка и по ней взобрался к скале Матери, которая плакала и рассылала ручьи, и каждый ручей в лесу (в скале выше так вымылась площадка вся в цветах: сюда туры спускаются: сколько тут пещер, проходов... тут горная индейка...)

Народничество (Тата́ри) упирается в ограниченность своего народа и тут встречает (во мне) враждебность общего для всех, и все разрешается «культурой» — эта культура компромисс столкновения национального «по форме» и социалистического по содержанию. Народ цепляется за «культуру» как за выход: для социализма это оформление.

Свист... кто-то погоняет быков.

Вверху скала на скале прилегла отдохнуть, между ними просвет.

Высота. «Игра души» — это форма (тут искусство и личность). Сквозь родные леса пробивается вверх гора: и ведь она голая, кажется, — что там? а то, что она высоко, это уже есть, и это высокое чувство (а какие тонкие ноги у Александра и какая грудная клетка): лес — это нация, проник выше: и оттуда столь чудесно возвращение, как в рай.

Описать, как это хочется подниматься все выше и выше, явно видишь, что теряешь цветы, деревья, а хочется выше неудержимо, и там как будто отделился от всего: страшно дышать высотой! странное чувство! И такое радостное возвращение.

<*На полях:* Аскетизм дает высоту: люди морят себя, чтобы именно набрать высоту.>

После обеда обратно. Обращение Тата́ри с шофером, с народом: все знакомые. Заяц, езда за зайцем через канавы, по посевам... Радость долины. От Алагира до Ардона (заяц).

<*На полях:* «Реком» — жертвенное место возле санатория. Цветут дикие яблони. Дом из пихты (800 лет?). Привезли через перевал два быка без человека. Грузины очень почитают.>

7 Июня. Именины ошибочно справили, по-настоящему 5-го Июня (23 Мая по-старому).

С утра проливной дождь. Записи. Сборы. Празднование именин: шашлык (альпийский) с кахетинским, ванна вечером. В гостях были и принесли турьи рога Фарнион, Джатиев и Кусов. Узнал от Джатиева, что не рысь враг турят, а барс (теперь барса нет), тот и другой зверь называется «стай» — отчего и путаница. Джатиев знает весь Кавказ и говорит, что Кообань лучшее место по красоте. Хорошо бы осенью, сделав квартиру в Москве и поселив там Павловну, к октябрю приехать сюда месяца на два...

Сегодня сделали тактический визит отв. секретарю Облисполкома Кулаевой и просили устроить на завтра поездку на Кобань с Татари́. Отправляем лишние вещи: ружья, рога и т. п. Послезавтра предполагается поездка в Тифлис и оттуда (попробовать на автомобиле) в Батум и морем до Туапсе и по ж. д. в Майкоп и в Заповедник.

От писателей узнал, что еще два года тому назад Коста́ был в полном пренебрежении и теперь расцвел вместе с переменой политики в отношении к националам (народностям, а Коста́ ведь народник, идеалист).

8 Июня. Дождь весь день проливной, и так осталось на ночь. Утром взяты билеты в Тифлис на завтра (9-е), отправлены ружья и проч., запаслись деньгами в сберкассе и в 12 д. отправились с Татари́ в Кообань. Ничего не видели, но лес настоящий, зверя много, люди простые очень по мне, и вообще поселиться и жить можно тут хорошо (место найдено, окажет содействие Маурер).

Тост в доме старика Хасана Дзампаева (Орджоник. край., село К.: послать карточки, купить бритву Татари́): жеронд (старик) в Осетии, как в Кабарде тамада (хотя и в Осетии теперь везде тамада). Татари́ пьет тост: ему подносит чашу «барышня», замирающая в обрядовой позе (не улыбнется, никак не покажет себя вне обряда, как в танцах, вот-вот полетит мотыльком). И Татари́ замирает и говорит, как приказывает, заклинает силы духовного строительства, собираясь внутри, пальто его на одном плече: поза дана в танцах, и монумент утвержден тысячелетием: — Как с гор катится камень и по земле бежит колесо, так чтобы катилась жизнь этого дома все вперед и было бы вам все лучше и лучше... А вам, гости дорогие, чтобы вернуться домой здоровыми, веселыми, и как горного путника встречают внизу лесная прохлада и радостное пение птиц, так чтобы встретили вас дома ваши родные...

Пить-то никому не хочется, но надо для общего праздника, тут своего рода долг, дело, а нам, не верящим, Демьянова уха...

<*На полях:* На тура охотятся, как на кровника... ведь горы только издали имеют форму, а когда на нее взойдешь, то как дом — вошел в дом: разные комнаты, чуланы, кладовые, уборные, коридоры, а крыши не видно. Но в горе каждый уступ — целый дом: есть где спрятаться туру и притаиться охотнику в ожидании.>

<*На полях:* «Здесь больных нет!» (против санатория).>

Татари́ поспорил с хозяином, что попадет в петуха, не попал и выпустил в кур всю обойму драгоценных патрон (они все-таки взрываются: гоньба кролика в санатории, скачка по посеву и канавам за зайцем и проч.). Положение хозяйки: вздыхает: «нет, у него почки перебиты». Петух вышел из крапивы с пробитым зобом.

Рассказ о богатырях: 3 брата: ум — меньший: сила. — Если увидишь, птица летит и прямо, не разбирая места, летит через реку, знай, это не птица, а Шелох мчится на своем коне... — Вот ворон летит. — Это Шелох (смерть Шелоха). Рассказ построен на том, что дети князя вышли от побочной жены, стали холопами, а вели себя как князья, а князья как холопы. Похороны матери: князь велел бросить труп, а когда умерла законная жена князя, дети незаконные пришли в дом и отдали все почести... Как просили родственники Шелоха взять их под свое покровительство (Шелох — балкарский князь), и он отказал, а братья угнали табун коней, и он за ними прискакал как птица...

Шофер Миша: «Миша, выше!» Миша пропал.

9 Июня. Дождь. Мы выехали в Тифлис в 9 $^{1}/_{2}$ и могли добраться лишь в 7 в.: от дождей везде размыты мосты. На перевале лежал снег, как у нас зимой, и хорошо еще, что солнце было закрыто, а то бы очень трудно было глазам. (Подобное было, говорят, в 29 г.) Спуск в Грузию в глубину возделанных клочками гор, потом грузинские мирные горы, дети со спелой черешней.

С нами ехал по поручению Чичикова <*зачеркнуто:* мертвые души> что-то закупать в Грузии его комиссионер и все время издевался над старым гоголевским Чичиковым, пытавшимся обойтись без посредника. В наше время действительно странно было представлять себе Чичикова, своей собственной персоной выполняющего свою гениальную, но опасную придумку, и так неловко, так неумело. И как это гениальному Гоголю не пришло в голову, что для изображения совершенной пошлости ему надо было изображать не самого афериста, а посредника между аферистом-изобретателем и владельцами мертвых душ. Посредник ничего не изобретает, и он есть сам по себе полное ничто с еле тлящейся жизнью в черной головешке. Но как только собирается группа людей и образует omnibus, т. е. общество совершенно незнакомых и чуждых друг другу людей, заключенных временно в стенки вагона, головешка вспыхивает...

В сущности, Чичиков с мертвыми душами выдумал неплохую штуку, и по внутреннему свойству повести, похожему на силу, влекущую шар по наклонной плоскости, читатель сочувствует герою независимо, вор он, разбойник или сыщик: если сыщик герой — хочет, чтобы сыщик поймал, если герой вор — чтобы улизнул, а разбойник, если и не убил, то хоть покаялся. Вот почему Чичиков сделался героем через свою замечательную придумку, наивный читатель [сочувствует]... Но если бы герой был посредник...

Семен Маркович одно время был посредником некоего N (из Москвы) и скупал купчие у выгнанных помещиков. С небольшим убытком N вовремя успел эти купчие перепродать за границу, закупить с помощью С. М. большую партию сахарина, и в то время, когда люди жили вовсе без сахара, он на этом обмане сладостью вовсе не питательного и даже, по мнению многих, вредного вещества нажил громадные деньги. <*Приписка:* N уехал в Париж, а Семен Марк. стал служить посредником у N в кооперативе по доставке картофеля, в числе множества таких же посредников, обслуживающих громадное картоф. дело.> Без всякого риска себе при помощи скромнейшего Семена Марковича N., современный Чичиков, проник в [пару] совхозов, колхозов...

Сем. Марк. говорит общее, всем известное: все знают, что если сказать Дарьяльское ущелье, значит, тем самым сказать и о замке Тамары. Кто-то сказал: — Дарьяльское ущелье — Да, замок Тамары, смотрите, вот замок... и т. д. Люди молча накопляли злобу, но подчинялись. Перевал. Объяснение. Но кто-то вдруг, возбужденный, сказал: — Смотрите, реки текут в другую сторону. — Да, — вскинулся пораженный С. М., — смотрите, смотрите, я это забыл: реки... — Но было уже поздно: С. М. упустил, восхищенные люди вдруг соединились, объединились на подъеме... А там дальше Грузия, Арагва... С. М. вдруг исчез и замолк. И больше его до самого Тифлиса никто не замечал, и все ехали радостно. Я же думал о том грядущем подъеме общества, когда исчезнет Чичиков со всеми своими посредниками, исчезнет «классовый враг».

<*На полях:* Баранта на горных пастбищах. Чабан сидит на высоте, как орел, и ему виден каждый «барашка». След на снегу. — Это чей след? — Это след зверя, безразлично, какого зверя: на снегу след и след.
Вдруг все увидели корову и засмеялись. — Я же говорил, безразлично, какой след.

— Какая река? — Много рек, им нет имен, все в Куру. — Это Арагва, — сказал я. — Ах, это Арагва, та самая...>

Страдание в поисках номера. Маклер. Вдова с незначительным мужем. Встреча с Рябининым.

10 Июня. Тифлис. Солнце и ветер. Сухо, но не жарко, как бы следовало. И тут тоже все были дожди.

Разочарование в Ботаническом саду. Красивые женщины. Упитанные дети. Породистые лица, грузинские носы. И никакого не может быть разговора о национальности: ею весь воздух наполнен.

Разговор с Рябининым Русский язык — воляпюк: на нем все говорят, все пишут, все коверкают. Возможность журнала с Рябининым. Подождем благословенной поры после новой конституции.

В Батум или в Сухум?

Почти решено не ехать в Заповедник, потому что не хватает больше вместилища впечатлений, особенно после моря... и не хочется кое-как... и надо же наконец по свежим следам и писать.

11 [Июня]. Сияющий день и с утра пока не жарко. Главное, что наконец-то чувствуется устойчивость, как летом, как у нас. Петя пошел билеты покупать в Батум. Очень мне хочется повидать место самой моей радостной встречи с Черным морем через 62 – 22 = 40 лет!

Как возникает посредник? А вот сам же я для журнала хочу взять Рябинина, и он будет посредником в моем деле создания журнала.

<*На полях:* Рябинин. Мы подозревали, что он, будучи редактором 16 журналов, работал в ГПУ. Теперь, когда незачем стало это делать секретом, при встрече в Тифлисе он чуть ли не с первого слова сказал: «В то время я работал в НКВД, тогда это называлось ГПУ». — И на другой день за обедом после вина повторил: «В то время я работал в НКВД, тогда это называлось ЧК». — Это меня поразило. Да, мы догадывались, что он работал в ГПУ, но что он работал еще и когда было ЧК — этого мы не подозревали.>

Дверь на двор открыта. Налево уборная тоже открыта. И ворота из железной решетки открыты на улицу. Над воротами ка-

кая-то ярко-зеленая в боковом утреннем освещении куща, под кущей в ярком боковом свете вспыхивают цветные одежды проходящих женщин: как видение... Вошел человек и у ворот не дойдя до уборной...

Верные жены. 1. Хозяйка долго говорила нам о верности исключительной грузинок и даже вроде того, что на свете нет жен более верных. Через некоторое время она стала говорить о ревности своего мужа, грузина: вот вы увидите, разве мне он пара: бездельник, лентяй, грубиян, но что поделаешь, при малейшем подозрении зарежет, как барашку... И тогда стало нам понятно, почему у грузин такие верные жены.

Верные жены. 2. Появился муж, и она шепнула: видите, ну пара ли он мне! и вслух, принимая от него военную шинель: — Не люблю военных, от их шинелей так отвратительно пахнет!

Муж грузин был такого мрачного вида, что стало ясно: если жена еще и дальше будет кокетничать, то он просто возьмет и убьет. В то же время стало ясно и что это единственный способ отделаться от такого мужа: раз он убьет, то его посадят.

Директор. Поднялись на фуникулере. С высоты Тифлис еще более сух, чем внутри: в тесноте домов его слишком мало зеленых площадей. Но зато очень порадовало, что на горе сажают лес и, значит, в отношении гор выходят на путь Японии. Известно, что горы, окружающие большой город, претерпевают, во-первых, стадию полного уничтожения леса, после того в этом состоянии голых каменных, пыльных гор они пребывают долгое время, иногда, как в Пекине, многие столетия, и после того, как в Японии, их озеленяют, и горы превращаются в сад.

С высоты этой горы был виден Казбек и цепь соседних гор. Снизу вскарабкались два рабочих и, заметив, что мы смотрим в сторону снежных гор, сказали: — Вы не здешние? — Мы ответили, что хотя и приезжие, но горы показать можем: — Вон Казбек... — Не горы, — ответили рабочие, — а у нас с завода директор пропал. — Время еще раннее, — сказали мы, — по всей вероятности, он еще на квартире. — Были на квартире, жена посоветовала подняться и тут посмотреть: любит, будто бы, перед службой подняться: воздух тут хорош. Так вы его тут не видали? — Нет, — решительно ответили мы, — кажется, еще никто, кроме нас, не поднимался. — Рабочие поблагодарили и побежали на своих на двоих вниз мимо могилы Грибоедова.

Мы решили пройтись по дороге. Воздух наверху был действительно прекрасный, весело было глядеть на работу жен-

щин в лесном питомнике, на кустики молодого леса: это ведь известно, что саженые леса и сады радуют не только когда в них является тень и плоды, а с самого младенческого возраста. В сущности тут радуешься не потребительской ценности деревьев, а самому творчеству человека, что вот он наконец-то становится на истинный путь...

Мы шли всё вперед с целью дойти до конца колючих заграждений и после того прямо по траве подняться на холм. И когда колючая проволока повернула под прямым углом и мы повернули под прямым углом к дороге, то увидели, что впереди нас, помахивая портфелем в левой руке и обнимая стан молодой женщины правой рукой, поднимался на гору средних лет красивый мужчина.

Мы сразу поняли, что это и был сбежавший директор.

12 Июня. В час ночи выехали в Батум. Где-то свалился товарный вагон, и мы из-за этого очень долго стояли. Я выглянул в окно в 7 у. и заметил, что речка бежит в направлении поезда: значит, мы перевалили горы и речка бежала в Рион. Вокруг были холмы с комками южных деревьев, полосами кукурузы и виноградников.

Хмурый грузин. Я прочитал Пете вслух из старого путеводителя о праздности и добродушии грузин. — Было когда-то, — ответил старый грузин, — теперь работают по 24 часа и благодушия нет. — Он много рассказывал о современной бедности грузин, о невозможности так объединить эти маленькие клочки земли, чтобы из них получился дельный колхоз, о громадных ценах на масло и мясо. А почему видимость зажиточной жизни в Тифлисе, то это потому, что грузины голодают, но выйдут на улицу в приличной одежде... Еще он говорил, что и писатели грузинские все мелочь, есть еще что-то в П. Яшвили и Тициане Табидзе, но... что-то и не больше.

Мне вспомнился малярийный «фермер без твердого знака», пророчивший при большой луне в ущелье плохую участь Кавказу. Но и полезно было послушать — для корректива наигранных радостью жизни и особенностью своего положения настроений.

Вблизи Батума начались чудеса растений, увидели море.

В Батуме обещали номер. Ходили под теплым дождем к морю, Петя купался, я сидел голый и, как многие, попадал ка-

мешками в намеченный камень. Так можно сидеть сколько угодно. На бульваре цветут магнолии, роскошь тропических растений необычайная, хотя, по правде, всем этим искусственно выращенным пальмам и эвкалиптусам я предпочел бы естественно выросшие сосны с черникой внизу и березки с Иван-чаем.

Спали в хорошем номере, но душном, потому что из-за малярии боялись открывать на ночь окно.

Просыпаясь, видели, как зелено-голубое море стало молочно-белым и зеленое оставалось только возле судов.

13 Июня. Проливной [дождь] с утра, потом солнце до вечера. Пережидая дождь, играли на биллиарде (8 биллиардов!), потом до 7 в. были на Зеленом мысу в Ботаническом саду. Купались в море, временно помогло, потом опять тело покрылось теплой влагой. В номере душно. Ночью опять играли.

Идея сада: природа на своем рутинном пути после ледникового охлаждения так и продолжает давать виды, депрессированные холодом, не сознавая того, что опять стало много теплей. Теперь человек, помогая природе, внедряет в нее растения субтропиков, цитрусовые, чай, тут, бамбук, новозеландский лен.

С эвкалиптов кора сброшенная висела на суках, как вымытая одежда для просушки на ветре и солнце.

<*Приписка:* сюда можно: Миша N + Елена М.>

<*На полях:* Эрозия, вымывает из почвы питательные вещества и уносит в море...>

Море и горы надо взять в совокупном деле: ручьи несут камни в море, влага поднимается с моря и возвращает камни.

Море на метровом прибое, на гребешке белом волны показывает гальку и осыпает весь берег разноцветными округлыми камешками: эти камешки принесены ручьями с гор, и море теперь их возвращает земле. Если нырнуть под волну, то шум от гальки такой, что страшно: кажется, вот сейчас засыплет всего тебя.

Море, конечно, всегда пугает своей волной у берега, но не надо очень пугаться.>

<*На полях:* Гора, вся обвитая зеленой лианой pueraria.>

Удивляли бананы. Блеск на листьях собирался в фокусы и казалось иногда — это цветы, а иногда — монисты солнца,

собранные на листьях, так били в глаза, что становилось очень больно смотреть. Невиданные травы. Зяблик распевал на эвкалипте. Снизу долетал легкий прибой моря. Между листьями бананов на голубом сверкала, искрилась солнечная дорога... Воздух как в оранжерее, трудно идти, лень охватывает.

Эти необыкновенные деревья, собранные из разных стран, жили тут в чужой стране без родных животных, птиц, насекомых: зяблик пел на эвкалипте, черный дрозд шмыгнул в бамбуках, маленькая бронзового цвета ящерица, чрезвычайно изящная, греясь на гальке, глядела на все, вышли из земли огромные, раза в четыре больше наших муравьи. Немало лет пройдет, пока все эти новые растения сживутся с местными травами, птицами, насекомыми, и в жизни их согласованной начнется тот ритм, который подхватывает человек... и кажется, будто раз сотворенная жизнь движется сама собой без всякого усилия.

<*На полях:* Японский сад.>

14 Июня. Дождя нет, день серый и нежаркий. Нездоровится (вчера объелся черешни). Ничего не делал. Смотрел, как Петя купается. Море выбрасывало округлые разноцветные камешки. Я думал, откуда, с каких гор принесли их ручьи Кавказа в море и о том, как совершался обмен: море отдавало влагу горам, и влага, обращаясь в ручьи, возвращалась в море и приносила эти камни. (Найти Реклю и спец. работы о Кавказе.)

<*На полях:* Горы интересны только если, когда играют с облаками, живут, меняясь поминутно.>

Вероятно, переполнился впечатлениями, и мне страшно думать, что в Сухуме надо идти в Обком, о чем-то хлопотать, на что-то смотреть. То ли дело оплыть все берега, сидя в каюте 1-го класса... Взял да и решил: плыть морем в Одессу и оттуда в Москву: легко просмотрю все Черноморское побережье, Крым. Решил. В 7 вечера взял каюту в Одессу, в 12 ночи выезжаю. 18-го в 10 утра буду в Одессе — 20-го, вероятно, в Москве, т. е. всего через 6 дней буду дома.

<*На полях:* Страшные женщины: в Батуме так и осталось мне загадкой, кто были эти женщины в черном с закрытыми лицами.>

Хозяин вселенной. Глядя на камни, думал о словах Пети, что будто бы напрасно пропадает сила прибоя. Напрасно ли? Мы раньше никогда бы так просто не сказали «напрасно», по-

тому что ведь это может относиться только к человеку-деятелю, герою современности. Мы раньше человека считали, правда, высшим существом на земле, но не дерзали считать высшим во вселенной. Напротив...

Надо было внушить молодежи мысль о том, что современный человек, социалист, не то что прежний просто-человек: что современный человек единственный и конечный хозяин вселенной. Задача перед таким человеком «освоить» вселенную, и значит, если вселенная работает вне воли человека («самотек»), то она «напрасно» работает: сила «пропадает». И если бы мне, писателю, захотелось бы сделаться современным писателем, «властителем дум», то я бы должен был именно в этом и перестроиться, т. е. найти поэзию строительства, или же борьбу с природой.

Строительство курорта в Нальчике см. как милость к «человеку-потребителю»...

Природа творчества жизни: вскрыть природу творчества жизни — это значит показать потребителю, какой ценой достается тот «рай», о котором он мечтает в свои выходные дни, или же открыть природу страсти, делающей человека творцом.

Так вот два обстоятельства определили мое движение в Одессу: 1) отрицательное: мучила тифлисская неприятность, и оттого в Сухуме идти в Обком из-за комнаты было противно, именно потому противно, что насытился впечатлениями и не хотелось уже больше претерпевать из-за новых; 2) положительное: возможность получения 2-местной каюты 1-го класса.

15 Июня. Аджаристан. Ночью в 12. Мы отчаливаем из Аджаристана, нагруженные цибиками чая и кишмишем. Черная вода и огни. Люди целуются. Музыка из патефона.

Поти. Проснулся от гула голосов и отчетливых диалогов, прилетающих в каюту... Потом гром, треск. С трудом понял, что это мы в Поти и люди стоят смотрят и говорят у борта против моей каюты.

8 утра. Море. Низкие облака закрывают берег. Облака мало-помалу поднимаются. Виднеется на зеленом море узкая черная полоска — все, что видно от берега. Из дыма парохода вырвались два голубя и пролетели над палубой. Вскоре туман, и там, где скрылся берег, наверно дождь.

Так заканчивается прекрасное путешествие, в котором не прошло ни одного дня, не встретилось и не осталось без внимания ни одного значительного человека. Начинает показываться ярче и ярче образ Бетала и его творчество... Главное, конечно, личность в ее творчестве: личность творческая в отношении к личности потребительской (дачники) «счастье»: напр., Бетал гуляет и думает о ветре с ледников и что если этот прохладный ветер будет проходить через сосны. Не в потребителях дело, а в том, что среди них явится новый творец...

Перевел стрелку часов назад (на Московское время) ровно на час (против Тифлисского), и стало опять 8 утра. На море вокруг нас дождь. Откуда-то взялся дрозд-рябинник и, равняясь с пароходом, как будто все пытался сесть на мачту и, может быть, сел (мне из каюты не видно), но чего-то испугался и с большой быстротой полетел обратно.

Частый дождик чешет зеленые волны: так возвращается в море вода.

Сухум. Выходили получать деньги в сберкассе. Осматривали Ботанический сад, маленький сравнительно с батумским. Сухум весь разубран тропическими растениями, но после батумского Ботанического сада это не поражает. Вообще Сухум как город маловат кажется и действительно вполне курортный город: дачи и дачи.

Гагры — дачный поселок, горы густо лесные спускаются прямо в море и песчаный пляж. Думается, тут не должна быть малярия (как в низине очень страшной между Поти и Сухумом).

Сочи — приехали вечером, и ничего нельзя было понять.

Море тихое, качки ни малейшей, в буфете кормят отлично и не дорого. Тело все как бы покрыто тонкой тепло-влажной рубашкой, и от этого ни о чем не хочется думать, как-то все есть и все хорошо — для чего же думать? И так он, весь этот приморский юг, охвачен потребителями, и только с этой точки зрения все тут и смотрят на природу.

Купил в Сухуме сборники произведений местных писателей. Это вполне бездарные писатели и могут быть оценены лишь с точки зрения «на безрыбье и рак рыба». Вспоминается точка зрения Бетала, — что не надо вынуждать литературу: ничего от этого не получится, она должна возникать сама, если

созданы для этого благоприятные условия: если появляется досуг для чувства и мысли, если накопились избытки народных сил, ищущих лучшего применения, если появились лица, живущие наслаждением делать лучшие вещи независимо от их немедленного спроса, то и... Как можем вынуждать мы такие произведения, тем более что их появление нами не всегда даже может быть понято и оценено, напр., их появление может нам показаться и преждевременным и вредным...

Читая у абхазского писателя о радости, с которой встречают старики невестку, радости тем самым будущей жизнью своего рода, я вдруг понял, что большие строители вроде Бетала (быть может, и Сталина и всех лучших революционеров) в глубине себя именно и живут этим самым чувством хозяев рода («государст. человек» и есть трансформированный родовой человек: «хозяин»), и рядом с ним... в Горьком борьба и мешанина этих двух существ, государственника и художника.

Хозяин и Художник: Хозяину — род, Художнику — личность. Личность и род. Возникновение ненавистного Художнику и любезного Хозяину среднего арифметического — «человечество» и равно непонятного для Хозяина — «бессмертной, единственный раз показавшейся на свет личности».

Если хорошенько разобраться, то к этому и сводится вся моя борьба с Беталом и тем же объясняется мое желание «поселиться» (домик) и его: «писатель должен мечтать»... к этому все и сводится: мне нужно чувственно все понять, и для этого надо вещи приблизить к себе, отрогать их, орадовать, оплакать, чтобы они были как мое тело, моя собственность неприкосновенная... Но это иллюзия (мания), имеющая ту рабочую ценность, что сила первого взгляда и связанного с этим чувства собственности, как сила падающей воды, объективно создают ценности для всех.

Необходима ли эта «иллюзия» для художника? Весь вопрос является вследствие воспитания на чувстве собственности таком, в котором личность делается рабом чечевичной похлебки, напр., истинное чувство есть чувство личности, обнимающей весь мир — творчество: человек не смеет понять себя как творца и смешно смешивает это с «купить себе домик»: в процессе работы внутренней творческой человек одолевает собственника.

<*На полях:* Собственник. Случается, к моему делу подходит другой человек. Я знаю, первое, что человек этот безда-

рен и никогда ему не увидеть того, что я вижу. И еще бывает, я знаю: тысячи художников могут работать над той же самой натурой, и как моя натура она от этого ничего не потеряет. И все-таки, на известном этапе, ты, другой, не подходи к моему материалу: я собственник его и не дам. Я один и никто другой.>

16 Июня. Каюта первого класса обложена пассажирами 3-го класса, и от их разговоров плохо спать: разница с их положением, что у тех воздух, а ты закрыт, у тех звуки соседей уходят в пространство и их можно не слушать, а тут они попадают к тебе в камеру, усиливаясь, смешиваясь.

С 3-х ночи стали в Туапсе и в 6 у. тронулись. Виднелись снежные вершины, похожие на Эльбрус, — верно ли?

Лес на Кавказе не то что лес в лесных краях: тут, где только можно достать, он вырублен, и на месте его кустарник, издали принимаемый за лес. В недоступных для использования местах, конечно, лес сохранился, но и то ведь всегда можно забраться на горку повыше леса и с высоты пересмотреть его, но раз лес можно пересмотреть с высоты, то он уже не будет лесной необъятной, как море, стихией...

Печальный грузин на пути из Тифлиса в Батум и с ним мальчик, его сын, не имеющий понятия о грусти его отца по той воле грузин, которой пользовались они на своих маленьких виноградниках. Сын вырастет в условиях, когда грузины работают часто и по 24 часа в сутки. Мальчик будет искать выхода из этих трудных лет жизни своего народа в будущем, это же состояние он будет преодолевать работой на будущее, а не бессильными вздохами о прошлом, обращенными как бы к самому Провидению.

Уровень моря. Мы чрезвычайно спокойно плывем и кончаем свое путешествие: как будто где-то на высоте 4-х тыс. метров над уровнем моря на языке ледника лежал камень в ожидании своей очереди и вот дождался. Когда-то вулканическая сила взнесла его на высоту Эльбруса, и, набрав в себя этой силы, он стал медленно из года в год съезжать вниз на леднике, то вместе с ним наступая, то отступая. И наконец дождался, свалил вниз в реку с тающего языка, и река потихоньку стала катить его дальше и дальше вниз, пока не донесла до уровня моря. Тогда камень потерял всю набранную через действие вулканической силы высоту и лег под теплую волну до конца успокоенный.

Так вот и я в своем путешествии, набрав начальную высоту, катился, катился и вот вместе с разноцветными камнями лежу в ожидании вала цветистого, теплого, и мне кажется, все люди, приходящие к такому морю, именно такими и делаются морем: бессильными. На «уровне моря» на этом «пляже» люди лежат как тюлени и для того, чтобы им обеспечить совершенный покой, строятся вблизи удобные дома, обсаживаются пальмами и бананами: люди эти достигли уровня моря.

Водяная рубашка. В Батуме. Если дождь прольет — а он тут проливает то и дело — то вскоре непременно явится солнце, тело все кругом охватывает теплым паром, и человек от этого делается ни-куда: ни ходить, ни... только лежать на берегу на уровне моря...

Новороссийск. Пыльные безлесные горы. Деревья на бульварах похожи на кактусы, — до того отрепаны ветрами. В городе дома ничего и довольно чисто. Но все-таки очень скучно: так голо!

Потом ехали песчаным берегом, похожим на дюны, поросшие кустарником, и против Керченского пролива свернули к Феодосии.

Ящерица. Маленькая, тонкая и гибкая женщина протирала снаружи стекло ресторана. Я загляделся на нее, вспомнил виденную в Батуме в Ботаническом саду совсем маленькую и особенно гибкую золотистого цвета ящерицу. На ее улыбку я ответил в пределах, допустимых для моего возраста на людях ресторана 1-го класса. Через минуту она улыбалась в другое окно Пете, потом следующему молодому человеку. Необыкновенная живость этой маленькой ящерицы возбуждала старого и малого. — Это, наверно, одна из [аджаристанских] омусульманенных грузинок сняла чадру, и в освобожденной женщине проявилась и бросилась наружу настоящая жизнь, — сказал я.

<*Зачеркнуто:* — Может быть, — ответил мой спутник, — возможно, из [Аджаристана], только едва ли, пароход один ходит между Аджаристаном и Одессой — не из Одессы ли, там тоже очень живые женщины. — Я вышел из ресторана, подошел к ящерице и спросил. — Я из Одессы, — ответила она, — а вы, наверно, приняли меня за грузинку.>

— Вы из [Аджаристана], — спросил я ее при встрече, — вы, наверно, грузинка.

— Нет, — ответила она, — я из Одессы: ведь пароход между Аджаристаном и Одессой: я из Одессы. А вы, наверно, приняли меня за грузинку.

— Нет, — ответил я, — не за грузинку, я вас за ящерицу принял.

<*На полях:* Малярия в долине Риона (Поти): люди обессилели в борьбе с жарой, а на севере борются с холодом: там бороться легче.>

Керченский пролив.

Голубой круг. Все путешествие сошлось в голубой круг. Море — это из чего вышла вся наша жизнь и куда она в остатках своих потом опять возвращается: голубой круг. Все мои горы пали, исчезли, кругом вода, все заключено в голубой круг.

Последний из Адыге. На пароходе едет несколько людей из племени Адыге (черкесы), у старика глаза пронзительные и долго не мигают, как у орла: дикие. Петя думает, что это у них от огня: долго задумчиво, не мигая, смотрят в свои костры. Такие глаза, что, кажется, могут гору пронзить и просмотреть через нее в закрытую долину.

17 Июня. В 00 часов Феодосия. Видны только огни.

В 6 у. берег Крыма, мне кажется, я видел Судак и ту гору с генуэзской крепостью, под которой когда-то плыл Одиссей. Может быть, Коктебель.

Эти невысокие голые горы тем хороши, что фигурны очень, с заливами, проливами, иногда в три ряда, и часто в них открываешь профили знакомых людей.

Полная тишина, едва даже рябит...

Ялта. В безветрии ясно и жарко. Искали дворец, где в старину владелец соскучился по русским лягушкам, устроил бассейн, и мы ходили их слушать. Среди пальм и кипарисов заблудились. Дети на теннисе...

Емкость дворцов и домов и садов: незаметно, что тесно, а на улице массы и люди серые и нет одетых хорошо. — Погодите, оденутся, — давал реплики человек в тюбетейке. — Куда же деться человеку не массовому? — Его или татары обдерут дочиста, или индивидуальную путевку — тоже дорого. Но погодите — все будет. — Почему все для больных и ничего для здоровых? — Крым, где каждый сантиметр обжит образованным

человеком: сам Чехов тут березки сажал... и теперь они без связи... — Все будет. Сейчас пока все на Кавказ, а вот...

Судак: узнал Генуэзскую крепость и искал профиль Пушкина в Коктебеле.

Симеиз: Дева и Монах: Монах рассыпался, осталась Дева.

Дача Богданова... Ливадия <*приписка:* Аю-даг>. Алупка <*приписка:* Ай-тодор>: так мало... Больная девушка (глаза, руки), ее мать и брат: в одно: глаз в глаз, слово в слово (не выздоровела!), смотришь на нее, и всё упрекает здоровых людей за их здоровье: на той же скамейке гигантская баба в голубом (с дочкой: «молчи, чертовка»): где-то жмых прессованный, плитку нашла и засунула между грудями: плоскость между холмами; другая в розовом кулачиха с постоялого двора, капитан — хитрый лоснящийся хохол, гепеушник вроде Антонова.

С другой стороны, когда видишь, что все «райские» места отдаются больным и отдыхающим, то жалко здоровых: надо же где-нибудь разгуляться здоровым, где бы они широтой наполнились: здоровье в смысле жажды творчества, питать воображение, как альпинисты (не можешь найти башмаков с гвоздями). Если я заболею, то мне сейчас же путевку дадут на Кавказ, а если я здоров и мечтаю забраться на высоту, мне по всей Москве не найти альпийских башмаков с гвоздями, рассуждают так, что здоровый сам себе сделает башмаки, а о больном надо подумать в первую очередь. (Погодите, будут думать и о здоровых.)

Севастополь: Херсонес, Малахов курган. Намытый мыс песчаный и на нем маяк. Мальчик с высоты в море (динамо). Жара. Мороженое и пиво. — Жара, мы то за мороженое, то за пиво.

<*На полях:* Патефон во время прибытия.>

Третий класс, в трюме: так близки люди друг другу, так уважаешь их, и так умеют они веселиться: и спят, вылезая на воздух рядом (там люди Адыге с огненными глазами, вместе ходят), там смешливая молодуха и остроумная старушка, и такая бездна возможностей и столько грязи — в грязи! Второй класс почище (тут больная девушка), тут в салоне за каждым столом в карты играют: живут. В салоне 1-го класса пусто, и на палубе танцуют фокстрот: и такая скука! Но тут и сам капитан (3-й класс облепил каюты 1-го класса): я в молодости ездил в 3-м классе

и ему обязан нынешним положением своим в 1-м: нет, я не могу их разогнать, а нам в каюту как в барабан (Крым, это 3-й класс заслужил и обрабатывается под 1-й).

Постышев. Свита. Морские чины выстроились: руки ладони к штанам. Старший поздоровался и руки за спину по-английски, ближайшие к нему тоже... дальнейшие жались. Старший стал разгуливать с заложенными руками, вслед за ним ближайшие, в это время самый маленький решился тоже переложить руки за спину, и как раз в это время спустился трап и все наверх и оттуда влекли мученика власти в парусиновом пиджаке и кепке, утомленного...

Вечер. Все тишина. Нехотя танцевали фокстрот.

Радиограмма (я посылаю с парохода! и дешево): в бюро поручений о билете в Москву и в гостиницу «Лондон» на случай, если не достанут билета. (Пассажирский помощник.)

Передо мной живой человек. Неужели же я сознательно буду им пользоваться как «материалом» и буду из живого создавать своего лучшего человека. Нет, я не буду заниматься этим суетно-тщеславным делом (просто глупым, по-моему) и берусь за перо только затем, что этот живой человек мне очень понравился и я хочу, чтобы о нем больше знали.

Это Бетал Калмыков, о котором впервые узнал я от Н. И. Бухарина в кабинете редактора «Известий». Я говорил редактору о жалких подмосковных колхозах, он же посоветовал мне посмотреть хорошие колхозы в Кабарде и обещался написать о мне Беталу Калмыкову. — Вы же охотник, и Бетал охотник: он вам устроит такую охоту на кабанов, а колхозы... как Бухарин рассказал о Калмыкове.

Я не уехал, потому что это было осенью, а не весной: только весной могу я срываться с места. Пришла весна, меня уговорили ехать на север смотреть леса. Я леса осмотрел, написал («Берендеева чаща») и следующей весной <*приписка:* в феврале след. года> стал подумывать о поездке на юг: там бы леса посмотреть.

Беспокоимся о здоровье Горького.

NB. После Бухарин весной того же года уговаривал написать портрет: вы дайте человека. Можно ли портрет? Пишу по первому впечатлению и думаю, портрет надо писать не по самому человеку, а по делам его: как нельзя солнце описывать, а надо освещенные предметы. Надо съездить в Кабарду.

II глава. Собираюсь в Кабарду.

Как Бухарин рассказал о Калмыкове и как потом всюду, куда я ни пойду, все почему-то прибавляли что-нибудь про Бетала. В особенности я много слышал о нем от Шкловского, который, в свою очередь, слышал много от Бабеля. В другом месте от других, от третьих людей я слышал разные рассказы Бабеля о Бетале Калмыкове и, собрав коллекцию, едва-едва удержался от искушения напечатать их под общим заглавием «Рассказы Бабеля». В этих рассказах интересна была для меня их легендарность и, в особенности, что творчество легенды ведь было о ныне здравствующем известном человеке, секретаре обкома Кабардино-Балкарии. Не удержусь, чтобы не передать здесь несколько из этих рассказов Бабеля, хотя допускаю, что ни один из этих рассказов не был рассказом Бабеля, они только приписаны ему.

18 Июня. В открытом море солнце всходило красное и не светящее. Рябь скоро начала седеть от белых на синем гребешков, но качки ни малейшей. Так мирно мы плывем в Одессу, сегодня в 12 д. решится вопрос о возможности ехать в Москву (курортники ринулись со всей силой).

20 Июня. Возле Брянска землянику продают. Кукушка кукует по-нашему. Цветики-цветочки.

Нет ничего неприятней чужого человека с правилами: человека не знаешь, а правило само по себе разве может сказать, к добру оно или к худу. Кажется, для того чужой человек выставляет правило, чтобы только укрыть в нем свою злую волю. Так приблизительно, с этим чувством...

18-го в 12 дня в Одессе «линкольн» от лондонских номеров. Номер в 40 р. (что значит радио с моря и «пассажирский помощник»). Узнаем, что и билет уже взят. Ликвидируем номер, в 2 ч. д. выезжаем в Москву: (26 часов). Жара смертельная, пыль невозможная. Ночью чуть не задохнулся, пока не догадался, смочив полотенце, обвернуть им рот и дышать через нос. (У них тут везде засуха с весны.) 19-го надо бы в 4 приехать, а мы в 7 и у самой Москвы узнали о смерти Горького.

Несколько часов углубленно думал и понял М. Горького как человека исключительно удачливого и счастливого (такой же и Бетал, а то есть люди не-счастные (счастные люди и не-

счастные: Разумник не-счастный). Я — человек, находящийся в борьбе с «не»: мне счастье не даром дается.

В Москве переехали на Северн. вокзал и в 8 в. двинулись в Загорск. По пути в газете, что сегодня кремация, завтра похороны. Дома не-счастие: болезнь Павловны, очень серьезная. Принимаю новый вызов борьбы с «не». 20-го жара. Послал молнию утром Леве и Ставскому, что изнемог и прошу Леву быть представителем на похоронах.

<u>КОНЕЦ</u>

путешествию на Кавказ, начатому 14-го Марта и законченному 19-го Июня 1936 г.

1) Во мне есть острие литературного самолюбия, прикосновение к которому грубое или повергает меня в тоску, или приводит в бешенство. Я, напр., не могу читать, когда о мне пишут нехорошо. Надо это поставить перед собой совсем ясно и начать суровую борьбу. Начало с чтения присланной статьи и спокойного разбора («Берендеева Чаща»).

2) Вопрос о переезде в Москву в связи с болезнью Павловны решен. Это новая жизнь, и надо отнестись к этому чрезвычайно серьезно, т. е. резко переменить тон юродства и болтовни, применяемый мной в Москве при наездах. Мы должны устроиться в Москве так же независимо, как в Загорске, имея в виду, что это, быть может, и невозможно (на этот случай или сохранить Загорск, или создать новый).

3) Добиваться для литературы в отношении «формы» такой же по крайней мере автономии, как некоторые республики, признанные национальными по форме.

<*На полях:* Автономия личности.>

<*На полях:* Смерть Толстого вышла тоже на людях, как и у Горького, но Толстой от известности хотел убежать в какую-то неведомую избушку в неизвестность. Это было <u>здоровое</u> чувство: зверь, умирая, удаляется с глаз зверей... И непременно каждое существо умирает, значит, удаляется. Кто знает, что думал, удаляясь, Горький.>

Лева приехал с похорон и рассказал, что похороны Горького ускорены: 18-го умер, а 19-го его сожгли; вследствие ускорения была во время прощания в Колонном зале давка. (Дорого стоит, и вообще писатель, даже Горький, даже мертвец, беспо-

койное существо.) Рассказывал Лева, что на 8-й день болезни у Горького был Сталин и Молотов и это больного порадовало (был в последнее время в немилости). Еще Лева говорил, что не попал на митинг, а то бы сказал он о том, как любил Горький Пришвина и как он, Алпатов, в течение 8 лет не мог добиться свидания Горького с Пришвиным. А ведь это правда! И хорошо, что я не пошел на похороны: мне бы тоже свиданья не было, стоял бы где-нибудь статистом. Горький был взят от нас государством, и самое интимное в жизни человека, его похороны, исчезает тем самым, что похороны «государственные».

Государственный человек привыкает на живого человека смотреть не с точки зрения личности, единственной в своем роде и неповторимой в истории человечества, а человека вообще, т. е. существа, способного и на хорошее и на плохое и крайне ограниченного... из этой «человечины» он выбирает себе друзей, работников, помощников, учитывая их необходимые слабости и дарования. Мы же, писатели, принуждены из массы людей выделять личности. (Годится для восстановления разговора с Беталом о Покровском в присутствии Сосновского.)

Мелькнуло при виде Постышева в Ялте и Одессе: в наше сов. время в отношении начальников (часто знаменитых) как бы двойное отношение (к тому же Беталу): он почитается как начальник, и в то же самое время проглядывает в отношении человека в начальнике что-то циничное (следует наблюдать и анализировать).

Телеграмма от Урицкого: просят от «Крест. газеты» моего отклика на новую конституцию. «Что у кого болит, тот о том и говорит». У меня, писателя, болит <*зачеркнуто:* душа> на том месте, где рождаются слова и образы нашего родного языка. Я не говорю именно о языке, на котором я пишу, великорусском. Мне одинаково больно смотреть, напр., на иного кабардинского писателя, который, минуя сокровища устной словесности своего родного края, предпочитает писать на великорусском языке только потому, что свой маленький народ еще не в состоянии печатать много книжек на своем языке...

22 Июня. Жаркие дни. Прихожу в себя...

Квартира в Москве. Кончается Загорск не моей волей: со всех сторон все подводит к перемене.

<*Газетная вырезка:* И я думал также, что здесь, в Советском Союзе, есть нечто новое и неожиданное: до сих

> пор во всех странах света крупный писатель почти всегда был в той или иной степени мятежником и бунтарем. Более или менее сознательно, с большей или меньшей ясностью он думал, он писал всегда против чего-нибудь. Он не соглашался ничего одобрять. Он вселял в умы и сердца брожение непокорности, мятежа. Сановники, власти, если бы они умели предвидеть, без сомнения угадали бы в нем врага.
>
> Сейчас в Советском Союзе вопрос впервые стоит иначе: будучи революционером, писатель не является больше оппозиционером. Наоборот, он выражает волю масс, всего народа и, что прекраснее всего, — волю его вождей.>

Это из речи Андре Жид'а на похоронах Горького, и так это больно попадает в меня: что я не мятежник, а выражаю волю вождей. В этом и есть все: я хочу быть как писатель не в оппозиции как таковой (как Разумник), а боюсь равнодушия к воле их, связанного у нас с выражением воли вождей (Толстой и др.), боюсь хамства (бесчисленное множество), боюсь быть вообще не самим собой. Они — это бессовестные люди, им хоть бы что, и вот надо с ними: все, мол, хорошо!

<*На полях:* По этому материалу составить для Урицкого («Крест. газ.») мой отзыв на конституцию: т. е. что писатель не может быть «без-мятежным».>

Письмо Баркову. Уваж. т. Барков, в присланной Вами статье одно хорошо, что автор хвалит журнал «Наши достижения». Ему было бы труднее хвалить журнал, если бы он знал, что именно по просьбе редакции этого журнала автор придал своей чисто художественной работе задорный тон борьбы с лесной бюрократией. По всему тону статьи ясно видно, что автор именно и является посланником от этой бюрократии на борьбу с Пришвиным. Книга проф. Морозова, напр., у таких людей считается реакционной (по существу за то, что она мешала делать необходимые для времени сплошные рубки). И вот десяток строк, сказанных Пришвиным о Морозове, берутся в «главу угла» для доказательства реакционности самого Пришвина.

Я берусь на спор удалить 20 строк о Морозове, совершенно несущественных для моей работы, и вся полемика автора останется в воздухе. Цену своей работе я хорошо знаю, но мне самому унизительно выступать с защитой ее от нападения узкого

лесного специалиста или, может быть, даже просто чиновника. Если редакция желает печатать статью, то я требую, чтобы редакция показала бы во всей силе значение моей работы и созналась бы в своем поощрении борьбы автора с возмутительными порядками лесной бюрократии.

Книга Морозова, между прочим, реакционная в эпоху необходимости сплошных рубок, в грядущую эпоху лесонасаждения явится прогрессивной, потому что это единственная на русском языке книга, заражающая читателя любовью к лесу и его охране.

Вы меня просите дать свой отклик на новую конституцию Советского Союза.

<*Зачеркнуто:* Сознаюсь, что мне пришлось, чтобы не отделаться общими фразами (что, правда, может быть лучше такой конституции), некоторое время порыться в своем писательском багаже. Это ведь правда, что у кого болит, тот о том и говорит. И я стал искать в себе как писателе то больное место, которое должна излечить новая конституция.>

Не хочу отделываться общими фразами, ищу в себе самом больное место по правилу: что у кого болит, тот о том и говорит. В эту минуту моего раздумья мне попалась на глаза напечатанная в «Известиях» речь Андре Жида на похоронах Максима Горького.

В этих словах меня что-то затронуло очень больно, и я стал рыться в себе, в своем внутреннем, вечно бродящем и вечно мятежном существе и понял: нет, я и сейчас не могу жить и писать без-мятежно <*приписка:* напротив, если вынуть мятежность из моей груди, я превращусь в живой труп>, и тогда, в царское время, и теперь, в советское, в существе своем, как писатель, я мятежное существо.

Мое прошлое в царское время безупречно в смысле близости моей к русскому народу и неприязни моей к его правительству. Мои современные писания доказывают, что я по-прежнему близок и родному русскому народу <*приписка:* и даже стремлюсь по моим [возможностям] приблизиться к другим [нациям] Союза> и по совести уважаю советское правительство и некоторых лиц из него считаю по-своему «святыми». Но почему же, несмотря на все это и на отличный ход моих писаний, на такое полнейшее удовлетворение материальных потребностей, что я даже могу помогать и другим, я остаюсь мятежником и обращусь в живой труп, если этот мятеж каким-нибудь способом будет изъят из моей груди.

Спрашиваю себя: кто же это мой враг, лишающий меня возможности быть хоть на короткое время совсем без-мятежным? И я отвечаю себе: в Советском Союзе мой враг бюрократия, и в новой конституции я почерпну себе здоровье, силу, отвагу вместе с народом и вождями выйти на борьбу с этим самым страшным врагом всякого творчества.

<*Приписка:* Мой враг в творчестве — это прежде всего мое собственное желание повторять себя самого без всяких новых усилий и на этом повторении строить свое благополучие. Каждый раз, когда мне что-нибудь удалось, мне хочется прекратить трудные искания и просто писать по найденному образцу. Так точно и в общественной работе есть люди, и множество людей, имеющих в общественном творчестве скромное назначение служить временным передатчиком созданного вождями в народ и обратно, созданного народом вождям. Они, однако, не удовлетворяются своей скромной ролью и, пользуясь созданным народом и вождями, выставляют сами себя как творцов и живую творческую личность норовят превратить в шестерню. Этот величайший вообще враг наш называется бюрократия, и новая конституция, обращенная на защиту живой творческой личности, является...>

23 Июня. Чрезвычайно жаркие дни. Чуть брызнул дождик.

Молодые тонко-подобранные и чрезвычайно глупые вороны выходят из кустов на пашню. — Ду-ры, ду-ры! куда вы идете — ду-ры, ду-ры! вер-р-нитесь, спрячьтесь! — кричит в беспамятстве над ними мать, старая ворона с дырявыми крыльями. У грачей тоже хлопоты с молодыми. Молодые ночевать будто бы летают еще в свои гнезда.

На Кавказе персики поспели.

Разделался с письмами. Послал Урицкому «Новая конституция» и Баркову ответ по поводу неприятной статьи. Начал проявление.

О кавказской работе думаю, что начало надо дать «Бетал в легендах московских», а дальше надо давать «Бетал в природе и хозяйстве», т. е., с одной стороны, конкретизировать, ввести в природу, с другой — дать кавказский фон.

<*На полях:* Каждый день просыпаюсь с вопросом «где это я?» и начинаю узнавать предметы, невероятно похожие на те, которые живут со мной в Загорске. Так мало-

помалу прихожу в себя, и вдруг как молния прорезает: я — у себя в доме, и все вокруг — это мое.>

24 Июня. Среди дня на полчаса теплый ливень. Всей семьей вечером ездили в поле. Рожь тощая, сгорела. Травы цветут низкорослые. Но хорошо, что мы были вместе: и Павловну прокатили и каплюшку.

Вечером был Кожевников. О Горьком говорили вяло, а К. даже поставил вопрос: «был ли вообще он искренним в советское время?»

Я бы вопрос поставил иначе: были ли в сов. время у него моменты вспышки его таланта, только ведь по этим вспышкам, оставившим след, и можно судить об искренности его поведения. Я этих вспышек не знаю.

И еще вопрос, почему за 8 лет, с тех пор как он вернулся из Италии, меня к нему ни разу не допустили?

Заместителем Горького называют Толстого или коллектив из «толстых», подобно президиуму Верховного Совета новой конституции. Ввиду явного недостатка или же невозможности быть личностью на месте председателя, конечно, коллектив желательней.

Письмо от Бабуркина: просит свидания, будучи уверен, что правда на свете есть и что если мы вдвоем хорошенько побеседуем, то, может быть, и найдем «абсолютную правду».

Письмо от читателя-пограничника. Восторгается «Женьшенем», недоволен, что охотник не схватил ланку, и до крайности разочарован тем, что женщина пришла не та.

25 Июня. Закончил проявление. Ремонтируется машина. Начал работу над дневником. Стараюсь проникнуться пониманием человека Беталом: это чувство массового человека с его обыкновенными достоинствами и обыкновенными недостатками: «человек и человек — чего вы хотите?»

Противоположная «идеалистическая» точка зрения: это искать в человечестве личность, и это приводит к святым и разбойникам. К этому еще надо знать, что Бетал внимательно следит за работой каждого человека, выжимает из него все, что только возможно, на что только способен человек, пугает, наказывает, но не гонит, все возле него сидят: боятся и любят.

<*На полях:* Русское купанье. Человек пришел с собакой и стал купаться. Другой человек пришел к берегу, сел и стал

на него смотреть, долго смотрел, наконец тот спросил:

— Мухи тебя не кусают?

— Нет, — ответил тот удивленно. — Мух нет. А собака охотничья?

— Охотничья.

Молчание. И опять.

— Мухи тебя не кусают?

Тот понял теперь, что мухи не простые, но отнес это к прошлому.

— Бывало! кусывали и мухи и люди, а все ничего: жили не тужили.

И через некоторое время:

— Так они жили, не тужили, спали врозь, а ребятишки были.>

26 Июня. Стало прохладно, и дождики начали перепадать. Машину ремонтируют: кольца переменили, клапана приточили, барабаны разобрали и собрали. Надо достать для левого переднего ступицу (а то и барабан).

Приходил Бострем, и в разговоре с ним мне многое стало яснее в работе. Просто портрет Бетала написать нельзя. Надо противопоставить Беталу Пачева. Бетал, как и Горький, — это варвары, дикари, со всей верой и правдой отдаются «культуре» (роза). Представить Обком как церковь, где служат, а художники во имя свое требуют машину и проч. Мне казалось, что я — не они, но каждый из них считает себя больше меня, и я годами: тамада.

«Обком» сливается с тем, о чем я думаю, когда вспоминаю нашу «компанию», и то именно, что́ я представляю, когда как писатель говорю: есть что-то больше меня. И это пришло ко мне через родителей от церкви, и, очень возможно, у Сталина было то же самое, и у Ленина, и у всех революционеров разрушенная церковная вера собирается в «Обком».

Та́лпе письмо.

Дети. В деле коварства в политике — им карты в руки, но в отношении культуры — они дети.

«Мать» с фасолью надо понять как происхождение искусства, и тут же гора-мать и ее слезы и цветы в трещинах и лес.

Что такое наделал этот маленький человек, этот духовный бедняк? Почему, когда идешь с Беталом, там и тут встречаешь его глаза, пока наконец он весь вдруг не выдвинется и не по-

дойдет на своих [кривых] ногах. Он решается что-то спросить без слов, и Б. ему отвечает:

— Походи еще месяц так, а потом приходи: за ответом.

— Кто это?

— Так, бедняк.

Подозреваю, что Бетал задерживает в отношении его обмен партийного билета.

Есть сила самого первого взгляда на вещь, она у большинства людей растрачивается точно так же, как в природе растрачивается сила падающей воды. Но стоит взять себя в руки, научиться схватывать это впечатление, как сила первого взгляда обнаруживается точно так же ясно, как сила падающей воды, дающей освещение целым большим городам. У каждого человека эта сила является в разное время — надо знать его! и сказывается на разных вещах — надо определить круг своих вещей, вызывающих удивление.

Мое время сильнейшей впечатлительности — самая ранняя весна: весна света, когда разгорается солнце над снежной землей. Мои любимые предметы — это невидимая мною земля, освещенная весенним солнцем. Этой весной я решил воспользоваться силой первого взгляда на Кавказе.

Возможное начало. Бебель.

На Кавказе я был ровно сорок лет тому назад и с тех пор больше не был ни разу. Я был тогда студентом-химиком в Риге, <*зачеркнуто:* мне было 22 года> и, нуждаясь в заработке, отправился на летние каникулы подзаработать себе на службе расследователя филоксеры на виноградниках.

Бедствие филоксерное в то время перекинулось из Европы на Кавказ <*приписка:* какой-то полковник, любитель ботаники, пересматривал свой гербарий на балконе, внизу был виноградник, филоксера попала вниз и пошла гулять по Кавказу>, и в Сураме нас, студентов разных высших учебных заведений, у начальника Старосельского собралось более сорока человек.

Начальник Старосельский, старый петровец, был народником, человек пять студентов были на его стороне, народники, остальные все были марксисты, и <*зачеркнуто:* в первый месяц> на Кавказе в первые несколько недель нашей подготовки у Старосельского по вечерам за большим столом с вином, брынзой и травами были жестокие схватки марксистов с народниками.

В начале этих споров я был на стороне народников, но с каждым днем все больше и больше уступал марксистам. Теперь психологическую сущность происходившего во мне процесса я понимаю так: в душе постоянная тревога о том, что семья, где я вырос, не такая, как мне бы хотелось, — не настоящая, гимназия не дала мне правильного образования — не настоящее мое образование, и сейчас я химик по недоразумению: студент я не настоящий <*приписка:* почему я химик? только потому, что [не] мог попасть [лучше] куда-нибудь — не настоящий я химик>, и так во всем, везде мне все «нет» и «нет».

Революционная молодежь на Кавказе мне сразу пришлась по душе: вот это «настоящее»! — сразу подумал я, и оставалось только определиться мне самому между марксистами и народниками. Мне народническая задушевность, внимание к личности ближнего, интерес к биологии были близки человечностью, но марксисты меня соблазняли верой в знание, готовностью к определенному и немедленному действию, и главное, что это все были удалые ребята, [деятельные] — жить собирались, а народники <*зачеркнуто:* размазни> расплывчаты, и этика их долговая... [традиционная]...

Когда мы прошли у Старосельского курс филоксерных расследователей, я попал в группу марксистов и был направлен для расследования виноградников в Гори. Так родина Сталина сделалась родиной моего марксизма, причинившего потом мне много беды. Ребята вместе с чтением Маркса предложили мне еще переводить на русский язык книгу Бебеля «Die Frau und Sozialismus». Теперь, просматривая Бебеля, я понять не могу, с чего же именно взялся тот огненный энтузиазм, с которым я переводил эту вовсе не блестящую книгу.

<*Приписка:* Я думаю, потому что вместе с женским вопросом вставала и решалась труднейшая для юноши этическая проблема, а еще у Бебеля был поставлен вопрос о всемирной катастрофе: при нашей жизни. С этим чувством конца у вождя германского пролетариата пробуждалось наследственное чувство конца от староверов, предков моих по матери. Концом мира меня с детства пугали, и вот теперь этот конец делался началом новой жизни. Путь же к осуществлению конца и начала давало чтение трудной для чтения, но тем еще более увлекающей воображение книги «Капитал» Маркса.>

Времени на винограднике было сколько угодно: рабочие приносили корешки лозы, я просматривал их в лупу, отдавал

и опять со всем пожаром в душе отдавался и переводу «Женщины», и чтению трудной, но таинственной книги «Капитал», чтобы вечером друзьям прочесть свой перевод и поделиться своими мыслями. Это было выходом к семье, друзьям, товарищам.

<*Приписка:* Раньше было вне меня все «да» и внутри «нет» — я неудачник, теперь стало внутри меня «да» и вне меня «нет» — теперь мир вне нашей партии стал неудачником, и мы втайне верили, что нам суждено его переделать и он переменится, как и Бебель в то время писал, что всемирная катастрофа настанет еще при нашей жизни.>

Так мало-помалу, день за днем на винограднике у нас сложилась не то секта, не то семья, не то партия с бесконечной преданностью этому коллективу и готовностью за него во всякое время принести себя в жертву. Раньше все было «нет», теперь все «да».

Не всё читали, помню — пили вино, пели «Марсельезу». Помню каких-то грузинских детей, которые меня учили танцевать лезгинку. Странно теперь думать, что среди этих детей рос и мог учить меня лезгинке сам Сталин! Помню несколько молодых людей из грузин, вовлеченных в наш кружок из семинарии. Но замечательно, что тогда я вовсе и не заметил никаких красот кавказской природы. Напротив, мне было тесно в горах, и я очень обрадовался, когда из них вырвался. Только после, когда вернулся на родину, то перестал смеяться над нашими барышнями, которые, гуляя, смакуют ту или другую картинку природы: там им серая береза на зеленой лужайке, там облако. В особенности часто я стал останавливаться на облаках, вспоминая кавказские горы, и когда потом на следующий год наступила весна, то я вспомнил с Кавказа одну цветущую вишенку, тонкую, гибкую, грациозно-прекрасную, и с тех пор всю жизнь ее воспоминаю. (Эта вишенка везде меня преследовала, и в тюрьме и на воле, когда приходилось делать не свое дело.)

Так, я считаю, Кавказ был колыбелью моей революционной веры и моего чувства природы, сделавшего меня писателем. <*Зачеркнуто:* Об этом всем я рассказал моему другу, и он мне посоветовал решительно: надо теперь на Кавказ посмотреть.> Не могу сказать, чтобы обе открытые на Кавказе составные части моей личности оставались все время в мирном сожительстве. Но, конечно, мой писатель (как, думаю, и вся-

кий) от революции получил гораздо больше, чем революционер от писательства. Настанет ли когда-нибудь время, что писатель возвратит взятое? Я думаю, да: он уже возвращает...

Так, я считаю, Кавказ был колыбелью меня, никому не известного революционера, но весьма романтичного, и моего чувства природы, сделавшего меня писателем, человеком известным.

И вот теперь, когда я, известный человек, собрался через сорок лет опять на Кавказ, конечно, волновали меня прежде всего воспоминания о том далеком времени, когда я под виноградными лозами, пожевывая кисленькие листики, [часами] переводил пророчества Бебеля о всемирной катастрофе и совершенно ничего не видел в кавказской природе.

Лет десять художник был в плену революции, потом стал робко поднимать голову с опаской. И вот это, что с опаской, чуть-чуть со стыдом, не дозволяющим поставить себя как художника в центр вселенной, и есть единственное и главное, чем я могу гордиться и отличать себя от множества <*приписка:* легких художников> эгоцентриков... В скором времени, я надеюсь, эта скромность опять будет... Это эгоистично, когда все художники и каждый из всех будто считает себя выше всех... Остальное все не реально, потому что каждый ведь себя считает выше другого, читатель постоянно ошибается, критик и говорить нечего...

Вместе с грациозной вишенкой сам Кавказ сохранялся во мне как что-то несомненно прекрасное: Кавказ — лучше всего. А почему я не ехал на Кавказ, а стремился на Север или Дальний Восток, то это из-за трудности <*приписка:* из того же аскетизма моего юного времени: мне хотелось открывать трудную красоту севера, а не любоваться>. Мне казалось, что все знают Кавказ и он несомненно прекрасен, а вот поди-ка, открой красоту Севера и покажи — вот это будет заслуга. Но пришло время собирать урожай, и я поехал туда, где посеяно было сорок лет тому назад. <*На полях:* Через 40 лет посмотреть первым глазом на то, что было тогда пропущено.>

27 Июня. Машина закончена с грехом пополам.

Читаю свои записки, расплавляю места и сроки, соединяю людей.

28 Июня. Машину отрегулировали.

Тогда (на Кавказе) всемирная катастрофа была юношеской мечтой, вскоре сам Бебель отказался от своих слов о том, что катастрофа будет еще при нашей жизни, а ревизионисты совсем растворили ее в эволюции... Из моих кавказских товарищей лучший покончил с собой, другие рассеялись и, встречаясь, с улыбкой говорили о своей юношеской «мечте». Так по молчаливому договору все люди свое упущенное в детстве и юности лучшее называют «мечтой». <*Зачеркнуто:* Мне оставалась из всей мечты от Кавказа вишенка с белыми цветами на синем небе...>

Теперь, через сорок лет, всемирная катастрофа стала фактом даже в повседневной жизни и таким близким, что каждого это коснулось и для [всех] из этого стало дело.

Теперь, через сорок лет, я имею возможность со своим воспоминанием опять поехать на Кавказ, сличить «мечту» с делом, вытекающим из <u>факта</u> мировой катастрофы, встретиться с той необыкновенно прекрасной вишенкой, столько лет волновавшей меня...

Пусть будто я не ехал, а во сне перелетел на Кавказ и проснулся в Нальчике в новой гостинице против парка и гор. Пусть руководитель Кабардино-Балкарской области Бетал Калмыков будет вместо давно умершего ныне вождя нашего марксистского кружка Данилыча (В. Д. Ульрих), Обком — это наша юношеская партия (в Обкоме вместе с Калмыковым замечательно работали Фадеев по земледелию <*приписка:* — «колхозник»>, Антонов <*зачеркнуто:* НКВД> и Булычев...). А березку мою пусть будет представлять народный кабардинский поэт Пачев и союз кабардино-балкарских писателей, потом осетинских, дагестанских, чеченских, грузинских, абхазских и других.

По-настоящему мне бы надо было с самого начала ехать в Грузию, а не в Кабарду, я признаюсь, что уже после на Кавказе и потом, когда я принялся писать, мне припомнилось мое путешествие 40 лет тому назад на Кавказ. Началось же мое путешествие только благодаря тому, что меня свели в Москве с Калмыковым и представили ему меня как охотника, дав ему перед этим прочитать мою книгу о животных («Корень жизни»)...

Мы сошлись в «Метрополе» с Беталом. На голове у него и в комнате была неизменная кабардинская папаха, широкое

чисто монгольское лицо (недаром он Калмыков) дружески и даже как бы детски улыбалось. И вообще этот крупный сильный мужчина очень легко превращался в цветущего монгольского мальчика с узкими щелками вместо глаз и улыбающимся лицом. Счастлив был до такого лица, широкого, что стоило только хозяину чуть-чуть тронуть лицевые мускулы, и он... конечно, ни один человек в такое короткое время не мог перейти от гнева к милости, от горя к радости, а лицо помогало, и каждому кажется, будто хозяин лица до крайности гостю обрадовался. – Я читал вашу книгу «Жень-шень», – сказал мне Бетал, – вы прекрасно знаете животных. А вот у нас на Сев. Кавказе много зверей! и я не знаю, где бы еще было больше, чем у нас в Кабарде. И у вас в книге есть Лувен, а у меня Люль – вот как знает зверей. Приезжайте!

<*Приписка:* Да, по-настоящему надо бы в Грузию ехать.>

Дело было в то время, когда начиналась в Москве весна света.

29 Июня. Обнаружилось, что шоферы, протирая масляный картер, забыли в нем тряпку.

Гость. Все так много делают, такая огромная ведется работа в стране, что без дела ходить в народе, странником и чудаком – теперь невозможно. Слышал я, что на Кавказе можно, называясь гостем, жить в любом доме.

– Сколько же так можно прожить? – спросил я одного кабардинца.

– Три сутки, – ответил он.

– А после?

– После гость объясняет, зачем он пришел.

– И после того?

– После того, если есть время ухаживать за гостем и достаток, гость еще может жить.

– А если нет времени?

– Нет времени – хозяева делают по-разному. Если нет у меня времени, я рано утром угощаю гостя вином и барашкой, беру гостя ласково под руку, веду в сад и дожидаюсь, когда прилетит птичка. Она прилетит, и она улетит. Когда она прилетит, я показываю гостю и дожидаюсь, когда она улетит. Тогда я показываю гостю [спину] этой птички и говорю: – Вот птичка и та знает время: прилетела и улетела, а человек иногда и этого не знает – паа-чиму он называется человек?

После того гость приходит, идет в конюшню, садится на коня и уезжает.

Но куда же деваться путешественнику, если тот и другой хозяин будут указывать на птичку? Гостю приходится остановиться в гостинице, а на Кавказе гостиницы чистые и так хорошо, так по-европейски устроены, что в гостинице утром, попив кофею со сливками, сядешь что-нибудь записывать в тетради, да и просидишь до обеда, как у себя дома.

<*На полях:* Штучная работа мастеров (камера Адамса, ружье Перде) навсегда останутся, но... >

Хорошо тем, кто не придает значения глазу и может работать в гостинице, имея под руками только цифры. Я так работать не могу и часто думаю об этом, то принимая как достоинство, то как недостаток.

И правда, вопрос этот о необходимости или ненужности для дела своего глаза чрезвычайно спорный. Иной, ничего не видя на месте, просто поняв что-то и построив у себя в комнате на бумаге, придет и укажет, что и как надо делать. Другому надо все видеть своим глазом, и только увидев чужое, он начинает свое создавать.

Я принадлежу к тем, кто должен видеть материю и до того осязать ее, что если приходится и лбом о что-нибудь хлопнуться, то и это на пользу идет, угоришь. Побьют — сам побьешь, оберут — сам стянешь, и тысячи всего такого и противоположного в настоящем путешествии именно и дают тот материал <*зачеркнуто:* писателю> мне, которым потом, переделав, убеждаю читателя в реальности существования виденного им края.

И, однако, я сам видел своими глазами писателя в гостинице: секретарь и фотограф приносили ему материал, и он отлично писал. Я видел слепого и глухого на охоте: слепой подводил к токующей птице или ревущему зверю глухого, и тот убивал, вместе они были одним охотником. Конечно, и я, будь я глухой или слепой, так мог бы убить глухаря. Но я не могу себе представить, чтобы художник мог так разделиться на двух, на трех, чтобы одна побитая или обласканная часть разделенного существа в точности могла сообщить свои чувства другой.

По-моему, в этом случае потерпевшая часть, передавая испытанное исполнительному органу, или не сумеет передать, или орган не поймет вполне, произойдет утечка самого главного какого-то неизвестного витамина художества, и вещь будет не сотворенной, а сделанной.

<*На полях:* Рассказ: Глухой и слепой — кончить: так они убивают глухарей больше всех охотников, хотя слепой никогда не видал глухаря, а глухой никогда не слыхал его песни.>

В одной древней книге неплохо сказано, что творчество мира, начиная с хаоса, создает постепенно звезды, луну, солнце, рыб, птиц, зверей, в конце концов приходит к человеку.

Можно, пожалуй, даже сказать, что всякое творчество есть замаскированная встреча одного человека с другим (как сигнал одного тура в горах вызывает другого).

И вот что еще: есть на свете сила падающих рек, посредством которой теперь ночью освещают, как солнцем, большие города.

И есть сила первого взгляда на вещь, человек взглянул, и ему неудержимо хочется полученную силу сообщить другому. Это очень большая сила, ею начинается, может быть, <*зачеркнуто:* свет сознания> просвещение всех народов.

От силы падающих рек происходит освещение, от удивления, вызванного силой первого взгляда человека на вещь, и последующего страстного желания поделиться с другим человеком — просвещение. Да, пожалуй, так можно сказать, что всякое настоящее творчество есть замаскированная встреча одного любящего человека с другим, и часто на таких больших отрезках времени, что без книги, картины, звука эти люди в пределах земли никак не могли бы встретиться. Через тоску, через муку, через смерть свою, через все препятствия силой творчества переходит человек навстречу другому, и эта «культурная» связь людей начинается, как я думаю, силой первого взгляда на вещь.

30 Июня. Мыл с утра машину и потом лечился. Вечером приехал Лева. Рад, что выдержал и не показался в «Правде». Задумал письмо Бухарину.

Свой глаз — хозяин — ребенок. Сила 1-го взгляда — художник, работник сознания. Связь художника с таким хозяином.

1 Июля. Ночью сочинил письмо Бухарину. Написал Талпе. Думаю, что не надо спешить переезжать с Павловной в Москву. Лучше перевести на ее имя дом в Загорске, а самому закрепить за собой в Москве 2 комнаты. Купить в Москве обои для

Загорска. Можно сделать так, что в эту зиму оставить все как было, только мне почаще ездить и устраивать квартиру, а дальше будет видно.

<*Зачеркнуто:* Многоуважаемый Ник. Иванович,
до сих пор не мог опомниться от Вашего письма, полученного мною в Нальчике через НКВД. Читал его Беталу, и он долго не хотел верить, что это Вы писали: — Это кто-нибудь пошутил, — говорил он. А когда я показал Вашу руку и печать и адрес через НКВД, он сказал: — Только не думайте на Антонова, он у нас человек серьезный.

Не могу догадаться, кто мог Вам о мне, писателе Михаиле Пришвине, написать такой вздор <*зачеркнуто:* и как Вы, занимающий такое крупное положение, всерьез могли занимать воображение названного писателя таким вздором>. Вы же хорошо знаете Антонова. Если бы я был редактором, то на Вашем месте я бы не Пришвину написал, а Антонову, и попросил бы унять автора письма. Вместо этого Вы меня упрекаете, что я-де ем хлеб-соль у Бетала, а сам агитирую против него в Кабарде, объясняясь при этом в «дружбе» ко мне и называя такое обращение свойственной Вам «прямотой».

Возвращаю Вам удостоверение спец. корреспондента. «Известий», которым, до Ваших слов, ни разу нигде не пользовался: проехал по всему Кавказу, и везде меня превосходно принимали просто как Пришвина. Одновременно с этим возвращаю в бухгалтерию взятый аванс и Вашу дружбу: я Вам больше не друг.

С уважением, Михаил Пришвин.>

<*На полях:* Послано: на Кавказе меня везде превосходно принимали просто как «Пришвина», и я ни одному человеку и не показывал и, кажется, даже не говорил, что я приехал корреспондентом «Известий». Вследствие этого я недоумеваю, каким же образом идиотский донос на меня из Кабарды мог попасть именно к Вам, и еще более я недоумеваю, как Вы в положении редактора большой газеты, притом уверявший меня в своем уважении к положению «большого писателя» и даже в дружбе, могли написать мне столь оскорбительное письмо. На Вашем месте я не стал бы беспокоить пожилого почтенного человека, а в частном порядке попросил бы того же Антонова, уполномоченного НКВД, весьма порядочного человека, по возможности оградить работу Вашего сотрудни-

ка от всяких неприятностей. А что письмо оскорбительное, в том нет никаких сомнений, потому что, напр., Бетал Калмыков не поверил, чтобы Вы, Бухарин, могли написать Пришвину такое письмо. (— Он еще не приезжал из-за границы, — говорил Б., — это кто-нибудь пошутил.) По приезде в Москву я хотел было лично с Вами объясниться, но пока не могу перейти через чувство обиды: боюсь, что не выдержу и с своей стороны Вас навсегда оскорблю. Вы меня просили не связывать себя обязательством непременно писать и непременно в «Известия». Пользуюсь этим позволением и перевожу в бухгалтерию взятый аванс.>

Некоторые в старину не хотели вступать в разговоры с чертом и, открещиваясь, выгоняли его. Так они время не тратили на диалектику: черт, значит, вон его. В свое время и я так, бывало, относился к мнениям людей, явно мне и моему делу неприязненных. Теперь я все свое так обдумал, что, если бы действительно явился бы черт у моей калитки, я бы впустил его и с большим удовольствием принялся бы с ним разговаривать.

Нарзан — река, заключенная в бассейн.

Конечно, человек переменится и от нашей тоски по чистым, созданным самой природой источникам освободится: он будет сам делать источники и любоваться деланной природой, а не дикой. Это к реке Нарзан, заключенной в бассейн.

Единственный примиряющий взгляд на человека-дачника — это как на детей: и Бетал именно и смотрит на всех (народ) как на детей. Что детям нужно, поесть, поиграть, поспать. И школа у него детская: вместо кинжалов портфели. Понятно, и почему он фанатик чистоты. (Как Бетал, увидев грязь, уговаривает хозяев, просит почистить и под конец обещается завтра зайти и посмотреть.) Если ты ребенок, смотришь на мир первым взглядом и хочешь понимать это как свое лучшее и стремишься удержать это, надо, конечно, поступать как любящая мать.

При описании парка — могила отца Бетала.

После обеда Петя купаться — я его на машину, и он купается, а я возле машины пишу. После этого поехали искать место для гульбы на завтра — нашли траву высокую и попали на Охотстанцию...

2 Июля. Лева созвал пикник на «купеческие места». Гости трезвые, сам напился. Безобразие! а тут еще хлынул дождь, дамы непривычные — беда!

Кровь, как роса. Слышали рассказ о Бетале. Вождем революции был вначале не Бетал, а один балкарец. Потом у него вышел спор с Беталом, и тот его арестовал. Балкарцу удалось убежать, но — чудак человек! — вернулся к Беталу доспоривать, и тот велел его расстрелять. С тех пор вплоть до Ульбашева так и остается, что балкарец, председатель Облисполкома, враждует с секретарем Обкома Калмыковым. Много было крови пролито в Балкарии, тяжело дались народу эти пастушеские колхозы. И все-таки эта кровь сошла с Бетала, как роса. — Как это вы понимаете? — спросил я классную даму. И она ответила: — Ну, что же, Бетал настоящий большевик. — Значит, большевик — это человек, который может убивать, и кровь для него, как роса? — Нет, не то, большевик — это кто видит вперед и от этого знает, что делает.

<*Приписка:* К рассказу «Гость».

— А Бетал? — Бетал убьет и гостя, ему можно. — А почему можно Беталу? — Бетал знает, что будет вперед. Мы за старое держимся, а Б. смотрит вперед. Ему можно.>

Знание. Опрокидываю такого большевика в свое прошлое, когда внутри меня все «да», а вне все «нет» и в будущем «мировая катастрофа», и так прихожу к вере, к которой потом присоединяется политический опыт, и получается «знание».

Замошкин появился. Передаю ему письмо Горького.

Разговор о казачке и силе русского народа.

Еще узнал, что речь моя против Маршака напечатана и что сам Маршак в связи или не в связи с речью обвиняется в каком-то скверном деле («Маршак снят»).

О Бухарине. Иногда в обществе необходим бывает шут, и тогда приходит человек и делается шутом, а когда окажется, что общество и без шута может жить, то человек-шут исчезает. Так точно бывает иногда нужен литератор, который только бы не молчал, только бы «отзывался», и он появляется и отзывается. А когда неловкость молчания проходит и можно становится говорить всем, то и литератор тот исчезает. Этот литератор у нас теперь Бухарин: часто шутует тем, что Бога ругает... эко, герой! заступиться за Бога неудобно, сам Бог слишком высок и велик, чтобы читать Бухарина, болтай, сколько захочется!

3 Июля. Убийство и пол. Семя, излитое без участия женщины, всегда оставляет угрызение совести, болезнь всего тела и часто головную боль, но если половой акт совершается нормально, то и все хорошо. Так точно и пролитая кровь мучит человека, если это не кровная месть, не война, не революция, не госуд. деятельность. И как бесстрастные люди не понимают охотника, убивающего птицу, так мирные люди не понимают и содрогаются от убийств госуд. властелинов. (Есть ли у Шекспира? Есть: Брут.)

Вчера из разговоров гостей выяснилось, что мои акции после Маршака поднялись, а сам Маршак смят. Но почему же, когда я сказал, все были против меня и слова мои невозможными, и на другой день Зарудин, встретясь, сказал: «Не советую вам выступать в больших собраниях, там надо каждое слово взвешивать...» и проч., и даже Кожевников смутился. И сколько раз так было! Это выходит потому, что я гораздо больше верю в порядочность правительства, чем эти все чрезвычайно преданные граждане. И еще то, что каждый преданный гражданин в глубине души считает себя подлецом и это же переносит туда: в сущности, он меряет мир по своему аршину и потому правду боится сказать: если по правде, то...

<*На полях:* К рассказу «Фасоль» надо прибавить и разговор с врачом Цейского санатория.>

Корень чистоты. Женщинам с грязью приходится иметь [дело] гораздо больше мужчин, зато и показывает она себя чистенькой (мужчина же всегда стыдливей).

Хозяин занимается массой людей, как мать ребятами: накормить, уложить спать, поиграть. Красоте (искусству) он мало придает значения, потому что красивых на 100 людей одно лицо. Между тем художник выбирает красивое, строит лицо.

4 Июля. Гость и Обком. Гость — тема и может быть название книги. В гостя укладывается и «личность» и разгадывается желание дом купить. На самом деле если купить дом и устроиться, то непременно исчезнет художник и будет обком.

И почему гость священное существо? потому что его 1-й глаз что-то значит: ведь по всему свету гость будет рассказывать. Художник тоже почитается в культурном обществе, как у первобытных народов гость.

Бетал сказал: — С этим я не согласен: хлеб-соль едят и только одним занимаются: рубят лозу. А когда придется людей рубить, то неизвестно: по лозе успех имел кабардинец, а на войне окажется [балкарец]: очень возможно!

В Москве. «Детгиз» (2200 р. перевели на книжку 5-го, за «Ярика»). «Гослит»: на днях сигнал «Кащеевой цепи», 3-й том подписан в печать. Жара. Квартира.

5 Июля. Утро: дождь, потом смертельная жара, льет с лица из-под шляпы, как с крыши во время дождя.

Александр Михайлович — приехал в Загорск.

Письмо Бухарину:

Многоуваж. Ник. Ив.,

я Вам из Нальчика написал простодушно, а после Беталу прочитал Ваше письмо, и у меня явилось подозрение в том, что это не шутка и что так нельзя <*приписка:* шуткой нельзя отделаться в этом случае>. После того я поехал в Осетию, в Грузию, Аджари, Абхазию и не думал о письме. А когда вернулся домой и хотел начать писать в «Известия», то перечитал письмо, и мне стало невозможно писать для редактора, который со мной обходится, как с мальчишкой (в самом же деле я пожилой [почтенный] человек и неплохой литератор). Я посоветовался со вторым «свистуном» (как Вы их называете), и тот глаза вытаращил почти так же, как и Бетал. А по Вашему второму письму (вроде фельетона) видно, что Вы не очень даже помните, что Вы написали. По-настоящему бы надо теперь просить Вас или отказаться от 1-го письма и объяснить, что были введены в заблуждение, или же придать делу официальный характер и начать расследование. Но я не хочу Вас мучить и мучиться вместе с Вами. Прошу Вас покончить тем, что Вы напишете Беталу <*приписка:* или Антонову> об этом и назовете ему лицо, сделавшее донос. Я подозреваю двух лиц, которыми Бетал очень недоволен, и мы сделаем частично добро для Кабарды, если дадим в руки Б-у объективную причину для их удаления. Этим историю буду считать поконченной. Насильно выжимать из себя для «Известий» не буду, но если по мере моей работы над материалом будут выходить удачные картины для газеты — буду присылать. <*Приписка:* Не выйдет — то при 1-м требовании <*зачеркнуто*: напоминании> бухгалтерии [верну] аванс.>

Всего Вам доброго, не помнящий зла Михаил Пришвин.

<*На полях:* изд-во «Молодая Гвардия» т. Полянскому>

Дорогой друг, Вы, конечно, поняли, что повесть «Женьшень» <*зачеркнуто:* сделана> выросла из моей собственной <*зачеркнуто:* крови> души, а не просто беллетристика, которой обманывают авторы читателя. <*Зачеркнуто:* Вы так удачно вспомнили о цветах: ведь и цветы с их ароматом вырастают из какой-то «души» (не мистик я, но по себе кое-что понимаю в природе: там ведь все без обмана делается).> Ваше письмо тоже настоящее, я ему очень обрадовался и посылаю Вам один из немногих экземпляров 1-го издания полюбившейся Вам книги с замечательной гравюрой Фаворского. Если будет охота, напишите о себе, интересно бы знать, занимаетесь ли вообще литературой, и книга моя дошла до вас <*зачеркнуто:* культурным> путем, как [предмет] искусства, или же занимаетесь чем-нибудь другим, и книга случайно «попалась» и вызвала в Вас воспоминание о каком-то личном переживании.

Телеграмма Лаврову: Живу Загорске. Приезжайте. М. Пришвин.

6 Июля. Коноплянцев и Липовецкий в гостях.

Разговор о хозяине, что он берет людей сегодняшнего дня и что через это накопляется фонд интеллигентности, мудрости, вместе с тем и молодежь теперь определяющую линию жизни ищет не в книгах, а в жизни, схватится за что-нибудь, и само дело определяет его «университет». Я хочу в этом факте найти объяснение огромному перевесу экономического строительства над [строительством] внутреннего человека («счастья»: счастлив тот, кто делает свое дело, значит, нашел сам себя как личность). И это переношу в Кабарду... У нас нет души: душа — это пар, исчезла душа.

Драма Бетала: он как мать к детям, а дети...

<*На полях:* Аборт (запрещение). Вопрос: чем в полит.-экономическом материализме определяется основа единообразия? Если в христианстве это определяется греховностью зачатия, то здесь должно быть наоборот.>

Начало рассказа <*приписка:* Идеи Платона>: Мы это, вероятно, через разные книги так или иначе перенимали идеи Платона и как дети в глубине души слепо верили, что государством управляют мудрецы, философы и поэты. И когда время пришло раскрыть завесу управления государством для всех и открыть

9 Зак. 3028

путь участия в этом простом деле каждому, счастлив был в это время тот, кто был действительно прост и не оглядывался на Платона и не искал в человеке государственного управления «душу», как-то называя это «личностью» и т. п. Вот Бетал был действительно прост, и я был некоторое время прост. Мы оба окончили двухклассную министерскую школу: я ходил в нее через реку из степи, Бетал спускался с гор.

Зреет повесть: «Обком»: «компания», партия, круг, необходимость, мать-хозяйка и дети, земля: долг, верность, безликость, против Платона, эконом. необходимость как рок, судьба, «прокурор» (против адвоката: мы с Беталом спорили, я за адвоката, он — за прокурора, у одного надо убить, у другого убедить.

Итак, на одной стороне Обком и Бетал, на другой Личность: душа, напр., та боль в «Жень-шене», скрытая весной, «когда олени сбрасывают рога», свобода, человек... Так люди, и это же на лошадей: «Обком» — кабардинка, Личность — англичанка, т. е. в рассказе преобразовать весь спор между защитником кабардинки и, с другой стороны, англичанки, и, значит, то же в людях, в отношении к природе: один — навоз (будущее), другой цвет, один польза, другой — <*зачеркнуто:* больше пользы>...

<*На полях:* Читатель <*приписка:* (А. М. Горький)>. Некоторые читают, чтобы время провести: «легкое чтение». Другие хотят чему-нибудь научиться: читатели-ученики. Третьи пользуются книгой, чтобы набрать из нее материалу и в подкрепление своей мысли и других чему-нибудь научить. И, наверно, есть еще много разрядов читателей, вот бы когда-нибудь заняться классификацией...

Среди всех этих групп читателей мне знаком и дорог бесконечно читатель, проверяющий в личном опыте читаемое с тем, чтобы самому присоединиться к творчеству автора. Таким моим желанным читателем был А. М. Горький, с которым виделся я в жизни несколько раз и едва ли из всех этих встреч сложится часа два непрерывной беседы. Письма, однако, из которых у меня сохранилось семнадцать, в высшей степени подтверждают чрезвычайную близость ко мне Горького как читателя: несомненно, он сам творил своего желанного Пришвина и в этом желанном писателе забывал себя как творца, и когда возвращался к себе, то находил себя хуже этого желанного.

Только этим я объясняю себе происхождение той поэмы о Пришвине в 17 главах, которая [состоит из писем]. И только это позволило мне [процитировать] одно из семнадцати писем-глав творимого Горьким писателя.>

7 Июля. Свез Петю в Пушкино. Жара с коротким теплым ливнем, капли большие, как сливы. Написал «Читатель» (А. М. Горький). Лева уехал на Сахалин.

<u>Ледниковое начало</u>. Когда спускался ледник с высоты, вытирая береговую морену, то был он ужасен всему вокруг, и в множестве падали на него потревоженные камни. Так революция движется и несет на себе удары и движется, захватывая и все, что было когда-то против нее. Но вот все кончилось, ледник начал отступать. Река ледниковой целебной воды выносится из-под ледяного языка высотой в несколько многоэтажных домов. Наверху в очереди лежат те камни, летевшие когда-то с гор навстречу врагу. Вот теперь лед, подтаивая, освобождает эти камни, и в жаркий или теплодождливый день они падают вниз один за другим. В самой близости отступающего ледника лежат одни только примиренные теперь, вечно обмываемые целебной водой камни, а подальше от льда начинают зеленеть мхи, лишайники дальше ниже стелятся на камнях, березы и сосны, много цветов. Еще ниже осмеливаются цветы, деревья поднимаются выше и выше. И вот лес, поют птицы вокруг санатория: тут лечатся люди и ежедневно пьют целебную ледниковую воду.

Слушайте, я тоже, как этот ледник, отступаю. Что-то случилось, время пришло, и я уступаю этой зеленеющей жизни внизу.

8 Июля. Липы цветут. Вечерний визит толстой незнакомки с целью «сближения».

9 Июля. Великое счастье: «Жень-шень» пробил себе дорогу в свет, книга получена в роскошном издании с предисловием Гексли. После того великое горе: умерла Дуничка.

10 Июля. Хоронили Дуничку, слушали речи вроде того, что человек хороший, но средней и недостаточной рев. активности. Сам не мог говорить перед чужими, боялся разреветься. И не надо было говорить. После осматривал квартиру 70 писателей. Вечером хватил бутылку вина и так в одиночестве помянул Дуничку.

11 Июля. Утром в 8 приехал домой. Целый день беседовал с Б. Ф. Лавровым, который хочет написать о мне библиографию.

Замечание Бетала о человеке: — Что вы увлекаетесь, ну, человек и человек... Это раскрыть: как важно это дело о всем человеке, а человеки приблизительно одинаковы.

12 Июля. Ближе к природе, значит, ближе к себе самому, получившему от природы дар творчества. Но раз я состою из всего и все во мне, то (по Ницше) и среда, с которой борюсь я, во мне. Конечно, да, но из этого не выходит, что в борьбе со средой я заключен в себе самом: нет, я на материале среды, живущей во мне, лишь познаю ее, и, конечно, она из меня продолжается в мир, и победить среду в себе не значит еще победить ее во всем мире. <*Приписка:* (Это вопрос. Попробуй, победи в себе.)>

В Симеизе, кто бывал там в старое время, все непременно глядели на береговую скалу, из фигур которой выходило: девушка, запрокинув голову, собиралась броситься в море, а за ней стоял монах. В каком-то революционном году было в Крыму землетрясение, и монах рассыпался. Так и нет теперь монаха, а «дева» все собирается броситься. Мы-то все были уверены тогда до революции, что тут во всем монах виноват. А вот оказалось, вовсе не в монахе тут дело и несчастный монах существовал до революции как козел отпущения. Да и сколько же было всякого рода подобных козлов! И когда пали козлы, то оказалось...

На Северном Кавказе, в Нальчике так хорошо, что к руководителю области Калмыкову приезжает множество гостей, чтобы полюбоваться чудесами Сев. Кавказа. Бетал любезнейший человек, но и очень занятой, развел кабанов.

Звезды и мухи. Днем борюсь с мухами, ночью на звезды смотрю, набираюсь силами и с утра опять на мух, с утра и до вечера.

Автомобиль переделал Кавказ, и если бы кто-нибудь вздумал весь Кавказ пройти с ишаком и конем — это будет полупушкинский Кавказ, но не современный.

Рождение героя. Без покрова. Ледник отступил, и вслед за ним растения (покровы), и так после революции Бетал должен

сажать, но «я» это делаю как «я» (личность), а Б. сеет точно как природа: вчера косил — сегодня сеет. Быть может, во «мне» изобразить «рождение героя». Можно начать с борьбы с русским миропониманием «рождение героя = смерть», и на пути борьбы является Бетал как герой беспанихидный, а после сам силой вещей попадаешь в эти герои.

Мы родились: я в казачьей станице у реки, а друг мой за рекой, где начинаются горы. Нас соединила школа у них: я ходил за реку. Родители не были против: гяуры и пр.

Когда тебя насильно пересадили в другую среду, то, приживаясь к ней, ты долго чахнешь и судишь, конечно, неверно... (Разумник).

Теперь доходит до того, что самим победителям приходится оберегать национальные интересы от добровольного растворения нации малой в большой.

Пастухов и современность. 8 дней поднимался и до самой вершины не мог дойти. И не докончив, умирая, велел похоронить себя на Машуке высоко против Эльбруса, чтобы точно оттуда глядеть вечно, как другие будут достигать <*приписка:* и чувствовать вечность: чтобы вечность на вечность глядела>.

А другие целыми бригадами на рысях стали валить туда, а потом сделали асфальтовую дорогу до Кругозора и выше веревочную ж. д. и скоро в какой-нибудь год-два от самого низу до самой вершины [откроют] рестораны и там в стакане горячего кофе со сливками [будут] проглатывать все трудности прошлого, открывая возможность понимать <*приписка:* принимать> весь Эльбрус как одно ощущение.

Каково-то будет тогда Пастухову на Машуке вспоминать, как он тащил и не мог дотащить свое грузное тело!

Фашисты: Италия — Австрия — Немцы. Закон: Англия, Франция. А если победа, то мы уже знаем: тот прав... мы видели это в гражданской войне: это проникло в кровь.

Рассказ о собаке. Звали его Самурай, и я тоже начал так называть, но все вокруг меня, и егеря, и простые любители собак, называли не Самурай, а Замарай. Мало-помалу, дальше больше, и я тоже стал звать собаку, эту немецкую легавую, не по-японски Самурай, а по-русски: Замарай.

Куда ни приедешь, везде возле человека какое-нибудь любимое животное, а собака везде. Но нигде не видел я возле че-

ловека в его комнате, сколько я видел у Игонькина, директора свиной фермы: баран, козел, кот и пр.

Что будет, если я стану в Кабарде пешком ходить?

Мне снилось, что я иду в голубой монастырь, и это женский монастырь, а на пути лежит злейшая собачка, привязанная возле тропы. Я попробовал ее обойти, но там оказался овраг, и лезть мне не захотелось. Тогда я зашел как-то сбоку и вдруг увидал себя над глубочайшей бездной, и было уже поздно отступать, оставалось только лететь туда. Падая, успел я перекреститься и успел подумать о том, что все кончено и сейчас я ударюсь и лучше, если ударюсь прямо головой, и хорошо, если под головой попадется кирпич. Но что-то произошло, я не разбиваюсь и чувствую, что жив и еще поживу.

Если самую маленькую страстишку питать отказом и борьбой с ней, то можно на этом построить целый иллюзорный мир (о. Сергий). Если же эту же страстишку вовремя удовлетворить, то придет время, когда и хотел бы побаловаться, порадоваться жизни, а хвать! — и нет этой страстишки: удовлетворена.

<*На полях:* Макар и Бетал. (Это я сам выдумал.) К тому случаю, когда Ермоленко встретился с Беталом и тот сказал: я сейчас 6 негодяев белых убил — оказалось, он нечаянно убил бухгалтера, обслуживавшего и Музей: возле Музея лежал. — А там возле музея лежит. — Это ты? — Я. — Да ведь это же наш бухгалтер. — <*Приписка:* Поморщился.> Нехорошо, — ответил Б., — это я дал промах. — Поморщился еще и ответил: — Ну, брат, и так сказать: лес рубят, щепки летят.>

«Загорится пожар» — можно перенести на Золку и Макара (народовольца) сделать учителем.

Психология «Старших». Право смотреть на всех людей как на детей, и это единств. свободный взгляд, потому что «взрослыми» или «старшими» или серьезными люди кажутся только зависимым от них.

Бетал свободен, потому что необходимость взял на себя начальник НКВД Антонов.

Когда он речь говорил, а возле началась стрельба в него, и он все продолжал говорить и не уходил, то это — уйти, увести

его – он тоже предоставлял сделать другим это «необходимое» дело. Кто-то должен делать это, а он свободен: он вождь. И мы, окружив его, стали выносить на своих руках, а он все говорил и у нас на руках. И когда человек бросился на него с кинжалом, то он говорил, глядя внимательно своими острыми маленькими глазами на этот кинжал, убежденный, – что не он должен отвести руку убийцы, а кто-то другой. И, конечно, я бросился, пронзил насквозь мою ногу.

Секрет Пришвина: Кавказское уверование – «рядовой» – в существе его преданность и собственноручное выполнение необходимости (это и Лувен, это и Гегель: свобода – сознание необходимости – и Восток), и есть нечто другое, что делает людей вождями, норманнами, большевиками, строителями: большевик же – это человек власти, и европейцы. В славянофильстве + народничестве + Востоке + толстовстве надо искать корней «рядового» марксиста <*приписка:* из чего должна создаться культура>. Итак, это будет обратный «Жень-шень»: я – Лувен, Бетал – европеец, вождь, делец. Я же родник народной поэзии, религии, сознания. Бетал же в деле и тем самым неполным сознанием, ощупью живет. Мой переворот: «и начал отступать» – есть отступление к себе самому – чем именно прекращается скрытая зависть (нечто более тонкое): победа над завистью, т. е. смирение.

<*На полях:* Уверование и да будет воля Твоя. Со страхом Божиим: православие, Агнец: яко Агнец... Старшие, Божья матушка: из всего этого рядовой марксист: внутреннее да: все это внутрь вошло, а наружу все нет. «Да будет воля Твоя» превращается в: да будет воля партии. Из пассивного в активного (казалось, большевики со стороны пришли). Из этой преданности формируется «Я»: каждый партиец делается в своем кругу «вождем» (т. е. из «да будет» получается личное назначение). Вопрос: почему же я-то не получил удела.

Безудельный князь приходит к личности и творит свой удел, личный.>

Счастливая гора. <*Приписка:* Внутри вещи от начала до конца «Катастрофа».> Итак, материя, из которой будет создана эта вещь, есть, во-первых, личная встреча с марксизмом на Кавказе в 1895 (?) году (юноша в 22 г.), личное переживание его всей жизнью и распадение юношеского нашего марксизма (ча-

яние всемирной катастрофы) на человека власти и человека «творчества» (не знаю, как назвать). Быть может, победа «моя»... т. е. победа Бетала надо мной даст мне победу над ним, и весь «я» формально превращусь в фон для понимания Бетала и выведу его из тупого состояния во власти к деятельному этапу творчества строительного.

Все растворить, вогнать внутрь Кавказской природы через свои переживания в ней.

В сюжет ввести: женщину и ребенка...

Внелитературная тенденциозная критика.

20 Июля. Вчера был Цветков. Много интересного рассказывал о природе. Но как-то слишком много рассказывает. И как-то трудно ему рассказать что-нибудь: знает все сам.

<*На полях:* Травы: цицмада, кинза. Тархун — грузинская трава с вином.>

Из похорон Дунички. Хотел не идти в Крематорий, не видеть мертвого лица, а остаться с тем, которое видел за несколько дней до смерти. Колебался до последнего момента, и когда само решилось (и удачно узнал о пути, и трамвай подошел и успел захватить, и я попал в круг расстроенных и плачущих людей, и сам заплакал), то тут и оказалось явно, что быть я должен был на похоронах и не приди — было бы нехорошо (личный, дикий, неоправдываемый разрыв с людьми хорошими). И после того вывожу на себя: что архивом своим заняться надо, потому что это именно долг мой, живущего человека, в отношении себя как покойника (да, действительно, заниматься своим архивом — это значит создавать свои похороны).

Вдруг понял, что Цветков приходил от Бонча: вот люди, которые занимаются только мертвыми: и очень борзо.

Запевка о единстве хлеба и не-хлеба в автобиограф. тетради.

Дальний (Бог), ближний (человек).

Пришло письмо любви (по воздуху): богиня. Пришла «богиня» с бородавкой на носу, как вишня. Один человек испугался и убежал. Другой перетянул бородавку шелковой ниточкой, дождался, пока она отпала, смазал, вылечил, поцеловал (человек, только человек является коррективом любви к дальнему — Богу: и в революцию — жатва и единство отбрасывают Бога, потому что жатва: без ссылок на Бога: векселя рвут...

22 *Июля.* Телеграмма. Москва. Спиридоновка, 2. Наши достижения. Бобрышеву. Приветствую вас и сотрудников лучшего по нашему времени журнала «Наши достижения». Сожалею лично не могу быть вечере. Пришвин.

Высота и осел. Хорошо на высокую гору подниматься вместе с ослом. Видишь, какой он умный, и от него учишься сам, как надо подниматься на высокую гору. Тут только и поймешь, отчего у осла такая большая голова и такая длинная шея: такой голове на такой шее очень легко дотянуться до того камешка, на который вот сейчас бы должна ступить нога. И если камешек твердо лежит, нога ступит, если ненадежен, осел обнюхивает другой. Но самое главное у осла — это мера своему шагу: один шаг как другой, как велит дыхание и ритмическое спокойствие сердца.

Тяжело непривычному человеку, беспечно носящему свое тело на равнине, быть может, несколько поздновато для себя в своем возрасте пожелавшему насладиться красотой гор. Но смотришь на осла, как он делает, и очень скоро начинаешь понимать, как надо подниматься на высоту. Надо внимательно, как осел, осмотреть место, куда должна опуститься нога. Надо, занося ногу, собраться с духом в себе, чтобы спокойно потом поднять свое тело. Не до красот в это время. Как будто даже и от всего на свете отказаться, лишь бы только поднять свое тело. С таким именно чувством ступают на свете все ослы, все люди идут по жизни от первого крика младенца до последнего вздоха старика.

Есть удовлетворение себе смотреть, как поднимается осел, и думать, что ведь и все так <*приписка:* и я не в обиде>. Лучше, по-моему, не очень часто осматриваться и оглядываться вниз. Надо просто высчитать, через сколько же шагов следует передохнуть и обрадоваться вместе с ослом своим достижениям. Одному пять, другому десять, третьему можно сделать двадцать шагов. Я могу, не повышая пульса, сделать десять шагов: отсчитаю и оглядываюсь. Тогда вдруг открывается, какая высота набирается от мерных ослиных шагов и какая является красота в высоте.

Лес! да разве может быть на земле какое-нибудь счастье без леса, какая это земля без покрова. Но вот поднимаешься ослиной поступью выше леса, кругом одни камни, одни фигуры из остывшей лавы да снег.

Происхождение лирики. У всех ли это? но у него было так, что перед тем, как заплакать, он непременно хотя бы на одну долю секунды подумает о себе, пусть мать умерла: вот она лежит неподвижная. Смутно сходятся по разным дорожкам, как растерянное стадо, бесчисленные переживания, собираются недоуменно к бездыханному телу: это ведь мать умерла! и ничего... Но вдруг появилось в пустыне сознание: — Я сирота! — и как только вышло «я» из пустыни, слезы градом полились и рыдания...

Из Реклю: людей, стремящихся к удовлетворению повседневных потребностей, к «счастью», безмерно больше, чем религиозных, и потому...

<*На полях:* Поправка к Реклю. Надо бы сказать не «люди», а «огромное большинство людей»... Тогда оставалось бы: а меньшинство не довольствуется повседневным «счастьем» — оно думает о будущем, хочет реализоваться «там» (напр., в истории), и потому большинство людей всегда должно попасть в руки меньшинства.>

...а люди и без религиозных учителей (М. П.) просто в силу своего размножения и необходимости устраиваться в новых более тесных условиях должны неминуемо попасть в то же самое положение, о котором проповедуют получающие за это жалованье учителя (духовенство).

<*Зачеркнуто:* Рассказ о птичке. <*Приписка:* Запретный> Одно время мне пришлось жить в Москве в квартире, населенной кустарями. Это всем известно, что наши кустари, в особенности сапожники и портные, весь день поют. А что, правда, делать, если работа привычная, руки сами работают. В нашей квартире, однако, трансляция, и у портного весь день с семи утра и до двенадцати ночи поет и рассказывает радио. Я рядом в этих условиях должен был писать и не протестовал: я знаю, если запретишь ему радио, непременно портной сам запоет, и мне от этого будет не легче.

Лет пять я так жил и приладился работать с 12 ночи, когда затихает <*приписка:* кончается> радио боем часов на Спасской башне, и до семи, когда начинается гимнастика. За эти пять лет при вечных звуках радио у портного выросла девочка Маша. Когда приходил заказчик, девочку выгоняли в коридор. Я тут в коридоре познакомился с Машей, подружился. Мне жалко

стало эту девочку, лишенную силы звуков полей и лесов, вынужденную от колыбели своей питаться звуками радио.

Однажды я купил девочке канарейку, эту золотистую птичку с серебряным голосом. Был солнечный день. Светлый лучик пробивался в комнату портного. Мы выдернули штепсель радио, повесили клетку на освещенное солнцем место, и золотая птичка запела серебряным голосом.

Широкими глазами удивленно и восхищенно смотрела Маша на птичку и слушала.

Вдруг со стороны Моссовета надвинулась туча и закрыла солнце. Канарейка замолчала. Радио тоже молчало. Впервые в квартире портного наступила полная тишина. Девочке очень странно это показалось, она всех обвела нас глазами удивленными. Потом она остановилась на птичке. Та неподвижно сидела на жердочке... И обратилась ко мне робко с просьбой, показывая на птичку:

— Дяденька, милый, заведи.

Я стал раздражать канарейку, потирая ножиком о ножик. Но это была неученая канарейка. Я вынужден был ответить девочке, что живая птичка не заводится: живая птичка сама поет, когда ей захочется.

К счастью, туча от Моссовета свернула в сторону, солнце открылось, луч упал на канарейку, она встрепенулась и снова запела. Дочь кустаря-одиночки в Москве впервые узнала: птичка сама поет, когда ей захочется.

<*На полях*: Так дочь кустаря-одиночки в Москве впервые узнала, что птички не заводятся, а сами поют.>

<*На полях:* Кто-то сказал нашему портному: — Целый день у вас гремит радио. Ваша девочка никогда не слыхала живой песенки. Вы хоть бы птичку себе достали!

Портной купил золотую птичку с серебряным голосом.

Солнечный луч упал на клетку, канарейка запела своим серебряным голосом.

— Хорошо? — спросил портной.

— Ничего нет лучше на свете, — отв. Маша.

Тучи <*зачеркнуто:* набежали> налетели, солнце закрылось, канарейка замолчала, Маша нахмурилась.

— Пой! — велела она канарейке.

Птичка молчала.

— Папа, — сказала она отцу, — что же ты, ну!..

— Что? — спросил портной.

— Заведи! — потребовала девочка.
Портному пришлось объяснить девочке, что живые птички не заводятся, а поют сами, когда им хочется. [Испуганным] голосом девочка ответила:
— Это плохо.>

Есть еще рассказ о церкви. В Загорске в институт игрушек пригласили знаменитого самоучку художника и посадили работать у окна против церкви. Художник и начал эту церковь писать. Ему сказали, что церковь в наше время для детей не нужна, что не надо это делать... Художник перестал, сделал что ему велели, а потом опять принялся за церковь. Ему опять заметили, и после того он стал себя принуждать, но все равно, что бы художник ни писал, красноармейца, автомобиль, церковный мотив неизбежно входил в состав рисунка... Догадались пересадить его к другому окну, откуда церковь работы Растрелли была не видна. И все равно, не видя церковь перед собой, он взглядывал иногда в то окно невольно, и церковная форма все-таки давала себя знать на всех игрушках: автомобиле, красноармейце. С этим художником институт игрушек должен был расстаться.

И напрасно, по-моему: если [бы] не только форма, а даже сама колокольня Растрелли, поднятая [многосильным] мотором, стала носиться по воздуху, Богу бы в ней все равно не стали молиться.

Соки земли. Говорили вчера о колхозном счастье: что нет этого счастья, единственно возможного для человека счастья: питаться соками земли.

То, о чем тоскует Кожевников, это смысл, больше человеческого, живущий во вселенной: все это для него есть «земля», как у меня «свой домик», у Толстого пахота и др., у Успенского «власть земли».

<*Зачеркнуто:* Связь с землей.> Доверие и окаянство. Кожевников говорил о потере людьми <*зачеркнуто:* чувства к земле> связи с землей. <*На полях:* «Индивидуальная личность».> Я спрашиваю, что это, земля, и какая может быть с ней связь. Напр., трактор, нарушает ли он «связь». Разобрать хорошенько... думаю, что придешь с землей к вопросу о личном деле. <*Приписка:* К этому: земледельцы и машинисты (обслуживающие землю машины).>

Пистон. Жестокость и милость (Бетал). До жестокости легко додуматься: что-то головное, какая-то мыслёнка тут играет роль <*зачеркнуто:* «собачки», спускающей курок> искры пистона, взрывающей пороховой склад вековечной звериной ненависти, стерегущей поступки «великодушного» гражданина: св. Иероним говорит: «настоящее милосердие заключается в том, чтобы быть безжалостным» (какой пистон!). В противоположность этому (у моего Бетала) есть жестокость, обусловленная не «пистоном мысли», а ходом дел, и такой человек воистину может быть милостивым, а пистонный никогда.

Доверие и окаянство. А может быть, «земля» есть доверие к «силам» и «старшим», к чему-то вообще, что больше, чем «я»: что связывает меня, не дозволяет являться принципиальному окаянству.

Пистон. Вот и надо выявить эту земную мудрость, которая убивает убийцу, и сопоставить с тем, кто не убивает, но существует как «пистон» (Иван Карамазов).

«Постышев». Как ни... власть исходила из таких высоких сфер, что казалась божественной (Реклю): разгадка моему чувству и понимание современного двойственного отношения к власти: недавно было божественное, теперь тут пустое место (и оно-то и занимает меня, а Петя понять этого уже не может).

24 Июля. Ночь на Кубре. Ездили на Кубрю рыбу ловить. Жарко, но воздух прозрачный. — Почему-то леса не горят? — Люди поумнели. — Яловецкий исхудал, говорил о природе: — Вот этого у меня никто не отнимет. — Павловна, — сказал я дома, — Яловецкий сказал: этого у меня никто не отнимет. — Это, — ответила П., — само отпадет.

Ночевали, туман полз к нам по скошенному лугу. Из белого тумана головы лошадей. Потом остались только звезды. А туман до нас не дошел и лег рядом. В полночь как петухи ударили спросонья перекликнулись и вдруг смолкли. Гоготал пастушонок, и ему отвечал жеребчик. Мальчик прогогочет, и ему ответит. И потом, видно, жеребчик бежит по слуху. Остановился, загоготал, мальчик ответил. И так всю ночь, жеребчик отходит и мальчик его подзовет. Так ведь можно волков накликать?

Мост, который уже оспаривается природой у человека: над ним она больше работала. С моста спустили рогатку. Щука

хватила живца. Сколько ни гуляй рыба с крючком в губе, хозяин придет и сделает из тебя уху. Кувшиночные круглые листья лежали рядом как блюдечки. Над ними возвышались зеленые круглые хлыстики. Некоторые из них надломились, и стало удобно голубым стрекозам на них останавливаться. На скошенный луг со стогами вышли семьями сороки и стали подскакивать.

Яловецкий рассказал, что 30 лет тому назад был влюблен, и вдруг теперь она сидит у него на службе. Спросил фамилию: ее фамилия. Оказалось: дочь.

25 Июля. Мое пожелание. Поменьше бы обращали внимания на литературу и побольше бы она заставляла обращать внимание на себя.

И еще надо знать, что писать вообще очень легко, гораздо легче, чем думают, а писателей почему-то чрезвычайно мало. Поэтому если обращать внимание на литературу и устраивать литераторов, то будут устраиваться прежде всего те, кому легко пишется, а до писателя помощь скорее всего и не дойдет: писателя забьют литераторы. Придет время, жизнь сама за себя скажет: будет хорошо, и будет литература.

О конституции говорят, как было при вести о конце РАППа: «Все на словах, а сами рапповцы сели на хорошие места, и вот погодите...» Так теперь тоже: «Какая же свобода, если ведет все по-прежнему партия». Как будто партия есть нечто вовсе неизменное. Важна не свобода, а что партия движется к свободе личности.

Ускользающая гора. По фото: 1) облака играли с горой, а гора играла с ними: то покажется близко, вот только бы нам доехать до того поворота и успеть так снять ее, пока облака не закрыли. Мы доезжали до поворота, и она становилась дальше, чем была, как будто пока мы ее догоняли, она с гораздо большей скоростью от нас убегала. И все-таки наконец мы стали ее догонять, только теперь, как будто видя, что неизбежно мы ее догоним на своей легкой машине, она стала одеваться облаками и закрываться. Надо было очень спешить, и мы погнали машину, но вдруг впереди два осла, мать и маленький, и им некуда: налево стена, направо внизу Баксан. Мы дали гудок, и они побежали...

Звери Кавказа. В этих колючих завитых и крепко-накрепко перевитых разными лианами зарослях человек может двигаться, только если прорубает себе путь топором. Ни волк, ни медведь, ни серна пройти не могут. А кабан только вставит свой пятачок и влезает весь всюду свободно и движется в самых крепких зарослях легко и довольно скоро. За ним пролезает свинья, и по свободному широкому пути бегут поросята. По верхнему голому краю балки идут волки и, слушая, как шумят кабаны, как похрюкивает свинья и повизгивают поросята, только облизываются...

Колхоз «Смена» ликвидирован как «Смена» и вошел в колхоз «Красный путь» (Березники). Но сменовские деревни остались и числятся как «Смена»: Дерюзино, Бобошино.

Колесо. Остались «Смена» и Березники: один катит колесо. — Куда? — В Америку.

Кошки.

Один: — Жизнь какая! Другой: — И кошки живут. Один: — Живем! Другой: — И кошки живут.

Исход от Жень-шеня: жизнь построена на том, что человек не схватил за копытце. А если бы схватил?

Два человека: 1) 1-й (Бетал = Саид Татаринов) схватил, а 2-й («я») создаю легенду (2-й этап творчества). Между ними Кавказ, женщина, лошади, гражд. война, строительство — ребенок, курорт, санаторий, ледник Цейский.

Катастрофа всемирная из книжного пророчества Бебеля делается жизнью (христианское движение ведь тоже началось катастрофой —эсхатология).

Загадка: в старой религии (и у народников) результат в загробье, а здесь как-то выходило: рай на земле: «рая нет, но его можно сделать».

Завод кабард[инки] и завод англ[ичанки] будут — 1-й представлять дело человека как личное дело, 2-й как государственное.

И тут вот именно должно сказаться личное сознание как единственно возможное сознание, что же касается сознания человека государственного, то это сознание отличается от «сознания», напр., воды (в воде все долг) более разнообразным «сознательным» применением законов природы, напр., физик Реомюр превращается в термометр.

Стахановец или герой Сов. Союза мало чем в существе своем отличаются от природы: у муравьев есть подобная черта, наверно: это государственная индивидуальность, а мы хотим индивидуальную личность.

Итак, высокая госуд.-общественная индивидуальность может быть безличной.

Обком — это трансформатор личного в общественное, и отсюда все страдания крестьянства, [в колхоз] со своей индивидуальностью как домом личности. Со временем, конечно, и в колхозах личность как-нибудь же материализуется в индивидуальность, наживет себе дом, но пока что переход в колхоз подобен смерти (ложь, беспокойство, суетность, «долг», предательство, шпионство).

Ни герой, ни изобретатель самолета еще не личность, потому что «герой», достигнувший такого положения тем, что «покрыл» 9 тыс. км, предполагает следующего героя, который покроет его рекорд. Наоборот, личность не может перекрыть другую личность, потому что личность неповторима (индивидуальности могут повторяться).

Можно ли обладать полным общественным сознанием и в то же время не быть личностью? Так, мы думаем, живут пчелы и муравьи (по заведенному). Личность характеризуется тем, что является непременно обогатителем сознания: живет по-своему.

Чудаком называют человека до тех пор, пока он во внешней своей жизни живет не как все, но как только заметят, что этот особенный образ жизни порождает нечто для сознания людей, чудак становится личностью (Чудак Горшков, моя книга: «проскочил»).

«Личность» во мне, когда я задал вопрос: что есть в существе перемен? Напр., общество имеет 3-полье, а это личность сделала 4-полье. Личное сознание есть агент перемен в сознании общественном, личность всегда борется с косностью. В искусстве личность создает качественную оценку вещей. Искусство не может быть безлично: его создает только личность.

Вот пример личности: топор и пила (женщина).

В литературе открыта борьба за превращение ее из личного (кустарного) в общественное дело.

Для обществ. творчества явление личности не обязательно и даже вредно, напр., в любом производстве. Тут образуются

касты: массовый средний человек идет навсегда безоговорочно и безнадежно в «массу», человек творческий присоединяется к «делу» как «зав» и проч. (отсюда еврейский оптимизм: «мы с вами» — это одно, а масса другое, а «нас с вами» всегда оценят).

«Личность» превращается в «мастера». Ремесленный мир, хранивший в недрах своего миропонимания понятие творческой личности человека, разлагаясь, дал массу фабричных рабочих и кустарей. «Личность» превратилась в мастера. Сложилось такое убеждение, что, овладев мастерством, можно и сделаться «мастером». Это перекинулось и в литературу, стали овладевать мастерством и овладели, но творцы не вышли, потому что «личность», изгнанная из производства, крепко засела в искусстве, и оказалось, чтобы сделаться мастером в искусстве, надо сделаться личностью.

Итак, в наше время «личность» исчезает (верование христиан: каждая душа может сделаться личностью)... Значит, в лице Бетала изобразить современную личность в лучших ее возможностях, а «я» «стал отходить» и «вторую природу» как вторую силу воды.

У Реклю движение народов приравнивается к движению воды. Это интересно: мы ведь вовсе не имеем внутреннего понимания жизни воды, подобно жизни животных. Едва ли это и возможно сделать... Но можно обратно, с воды взять и движение человечины понять безлично, как понимаем мы движение воды...

На небе, в этой игре снегов с тучами, внизу там в лесах, придавленных белыми туманами, здесь у скалы, где из-под каждого камешка бьется жилка воды и тут же в трещинах вырастают фиалки, везде раскрыта наша собственная душа человеческая со всеми тончайшими оттенками сознания и чувства связи в родстве. Вот она, гора в слезах, та самая мать, которая варила в котелке своим детям камешки и уверяла их, что это фасоль — вот дети в ожидании фасоли уснули...

Если грубо взять, то Бетал будет природа (Саид), а «я» — сознающая себя природа: человек. Отсюда сравнение: Бетал и Чегем. И «Обком», где личность трансформируется в человечину, как капли бегущей воды в туманность; напр., Б. хотел бы растить лошадей-кабардинок, а выращивает английских.

1. Яловецкий. Железные ворота.
2. Ущелье.

3. Пути искусства: христиане, вандалы, большевики непременно и должны валить Венер и Перунов: потому что в тот момент предметы искусства являются предметом эстетики. Исход этого: мать моя, толстая, некрасивая, пусть со мной посидит, а молодая красивая жена пусть постоит. Нравственное общественное чувство занято бедными, некрасивыми и всякого рода «средними» людьми, которые составляют массу общества, всё же красивое и даровитое занимает ничтожную часть, и когда революцию поднимают за справедливость, то причем же тут Венера Милосская.

Вода и человек.

Вон видно, как Чегем прорыл Скалистый хребет и размытые камни вынес на плоскость, сложив их в виде громадных холмов. И тут же видно, как человек продолжает дело воды, распахивая эти холмы. (Человек работает, как вода, и говорят в истории...)

<*На полях:* Тот, кто желает взойти на самую высокую вершину, подвигается вперед шаг за шагом и отнюдь не делает больших скачков. (Папа Григорий Великий, послание XL.)>

Смотришь на передвижение людей во время войн, революций и думаешь о человеке изнутри, как он себя чувствует, догадываешься о нем по себе и с него переводишь на другого и различаешь другого от третьего, четвертого... И если ты выбыл из строя живущих, дальше за его судьбой невозможно следить по себе... И когда, начав думать о движении народов, благодаря встрече с ручьем, размывшим скалу, вернешься опять к воде, то так досадно, что жизнь воды, судьбу действующей капли не можешь понять по себе... Между тем вот она, живая форма действующей капли, как человек, умирает и обращается в пар. И тут же видишь, струи пара того наверху горы соединяются в дождевое облако и возвращаются каплями.

Тогда вот становится до чего же странным жизнь человека и жизнь капли воды. Вот капля, жизнь которой не могу я понять по себе, а вижу прямо глазами ее возвращение после потери формы. Почему же о человеке я ничего не могу сказать после его смерти: умер и всё?

Неужели же это только потому, что человека я понимаю по себе, и как я неповторим, то не могу допустить, чтобы другой повторился и каплей такой же круглой, как первая, вернулся.

Нет, никогда мне не понять жизнь воды по человеку изнутри себя. Но зато, глядя на воду и забыв о себе, я могу легко понять подобные же действия человеческие в истории.

<*На полях:* Мысли о коммунизме с точки зрения уничтожения народных верований и традиций.>

Как же это, почему так: вон птичка Оляпка сидит на камушке, готовая во всякое мгновенье броситься в гремящий поток за добычей. И я вполне могу допустить, что, изучив птичку, я найду в ней, в этой индивидуальности такое свойство, какого нет у других оляпок, и что как только я найду это свойство, так мне сейчас же можно будет всю птичку понять по себе, как человека. Но почему же вода...

Понимаю! Все понимаю! Эта сила различия, данная человеку, <*приписка:* эта сила родственного внимания внутри наружи сказывается в переменах> и вызывает перемену в условиях его жизни, эту перемену в орудии от каменного молота до самолета. Вникая в животных силой этого своего родственного внимания, он и в их среду вносит различия, и мало-помалу судьба животных и растений сливается с судьбой человека.

Через множество тысячелетий, возможно, и между каплями воды человек уловит различие. И когда кто-нибудь примет судьбу какой-нибудь капли так близко к себе и полюбит ее и увидит, что капля на глазах его исчезает... Тогда он о капле воды будет плакать, как о человеке, и струйки пара, образующие наверху облако, не будут, как теперь, утешать бессмертием форм.

Нет различающей любви и все хорошо, и где любовь, там и смерть.

Итак, в основу творчества (строительства) в «Жень-шене» была взята личная судьба, и через это строительство было представлено изнутри личности. Здесь же будет показано, что только <u>родственное внимание</u> к миру и связанная с ним <u>сила различия</u> дает перемены от кремневого ножа до самолета: это свойство [делать] орудие является результатом раз-личия, способности раз-личать.

<u>Рассказ</u>: Бетал строит, не понимая (как и Лапин), а Я (отступая) раскрываю.

Саид ничего о себе сказать не может, а делать может все: во время дела он все понимает, но в это время невозможно с ним говорить. Бетал рассказывает не словом, а делом.

Начало повести. Есть люди, сознающие себя людьми только во время дела, и если бы в разгар их борьбы спросить их, то, будь у них время, ответили бы на всякий мой трудный жизненный вопрос... Какие сокровенные мысли и чувства влились бы от них в нашу культуру. Но безумно спрашивать в то время, когда, может быть, сама жизнь их в этот миг висит на волоске...

Так в молчании бессловесном переменяется жизнь, и только редкий деятель, всплывая наружу, награждается орденом или памятником, а жена его пожизненной пенсией.

Другой человек, напротив, мучительно желая отдать жизнь свою в творческо-бессловесном деле, не может отдать и остается в стороне, может быть, только затем, чтобы сказать по силе способности. Вот я такой человек и хочу попробовать оправдать свою жизнь рассказом о друге своем, который все знает вокруг и не может ничего сказать о себе.

Нас в детстве разделяла большая река, берущая начало в ледниках Счастливой горы. Я родился в степи, он в горах, но в летнее время мы, казаки, гоняли от мух и слепней свои табуны и стада к ним в альпийские нагорные пастбища. Его звали Саид Татаринов, и мы в детстве с ним говорили на языке, смешанном из их тюркского и моего родного казачьего русского.

Раз приходит Саид и говорит:

— Ходи со мной в горы.

— Скоро, — отв. я, — косяк мой пойдет на водопой. (Из бурки человек.)

Поднялись в горы и видели, как жеребец отвел и привел к бурке.

28 Июля. Именины Фаворского. <*Приписка:* «Се человек», не забывай его, Михаил!>

<*На полях:* Одно удовольствие подниматься на Счастливую гору, и совсем другое удовольствие [лечь] под волну на берегу моря среди разноцветных камней.>

Ледник отступает всего в год, может быть, на какие-нибудь десять метров, и эти десять метров очень толстого льда превращаются в воду и безвозвратно теряются, убегая в море на четыре тысячи метров вниз. На этих десяти метрах льда лежит множество камней, упавших сверху на лед, когда он наступал и вытирал своим наступлением эти камни из гор.

Когда-то подземная огненная сила подняла эти камни наверх, и вот теперь они же лежат на льду в очереди. Солнечные

лучи падают прямо на лед, и вода каплями, собираясь в струйки, сбегает, капля с каплей — струйка, струйка со струйкой — ручей, ручей с ручьем — река ледниковая. И каждый раз, как собирается сколько-то капель в струйку, один очередной камень, когда-то поднятый вверх титанической силой, падает сверху ледяной стены в реку. Мало-помалу река подвигает камень, дробит, обтачивает, вносит в море, и много лет море в свою очередь трудится над ним. Слышно, когда нырнешь в воду, будто много поездов бегут, а это море катит гальку, и вот дети сидят и получают от теплой синей волны разноцветные камешки (соединить с ученьем Макара), воистину дети огня и воды.

Счастливая гора: Огонь из моря выдвинул Счастливую гору, и с тех пор вода изо дня в день круглые сутки и круглый год, и столетия и тысячелетия неустанно трудится, чтобы опять обратно в море вернуть эту гору.

<*Приписка:* Огонь мог поднять Счастливую гору с двумя величайшими в Европе вершинами, но гора не может устоять против силы воды, и даже самая большая гора не может задавить самый маленький ручей. И часто я о своем собственном «я» думаю как о мелком ручье сознания человеческого и по себе о всякой человеческой творческой личности тоже думаю, что нет в мире силы, которая могла бы окончательно придушить поток нашего человеческого сознания.>

Местами человеку с другим человеком говорить можно только на ухо: до того со всех сторон много льется воды и падает подмытого камня.

Спор у Эльбруса с физкультурником. Я: — Физическая культура должна быть составной гармонической частью общей культуры. А если физкультура... — Неверно! — Я же не досказал: если физкультура сама по себе... — Неверно! — Я же не досказал. Если физкультура без культуры... — Неверно! в здоровом теле здоровая душа. — В здоровом теле может и вовсе не быть души. — Неверно! В здоровом теле — здоровая душа. — Неверно! — воскликнул я. Он вытаращил глаза и повторил: — Это не я, это весь мир говорит: в здоровом теле здоровая душа. — Неверно! — воскликнул я. — В здоровом теле нет никакой души. — Он растерялся. Я продолжал. — Какая там душа, откуда вы это взяли.

Ждали конца мира с незапамятных пор несчастные люди, чтобы погибнуть всем и на том свете начать новую жизнь за-

гробную. Мы тоже верили и так сильно, что даже знали: непременно при нашей жизни будет конец всему старому, и новую лучшую жизнь здесь на земле мы сделаем сами.

6 Августа. Происхождение без-различия. Неудачник и победитель. Неудачливый все понимает «по себе», и это путь от «Лопухина» (Львов) до Христа, «до смертию смерть». — Другой путь — это путь победителя: здесь «по себе» ничего не поймешь: ведь «я» — победитель: я правдой побеждал людей и правдой их и меряю, я их в деле познаю, а не по себе: среди обыкновенных, всяких людей (человек и человек!) я высматриваю человека, полезного моей правде, моему делу. Быть может, когда-то я и понимал человека «по себе», но с тех пор как у меня автомобиль, я не могу хорошо раз-личать пешеходов: пешеход и пешеход: человек идет! Между ними (народ) и мной вырастает тупая стена, о которую разбивается всякое чувство. Я испытываю человека в деле и никогда ему не доверяю: хорошо делает — награждаю для примера другим, плохо делает — наказываю, и опять-таки не для себя и для него самого, а для других, как пример. — Я смотрю через тебя на других, и у меня выходит дело, а ты смотришь в себя, в меня, в Петра, Ивана и не хочешь и не можешь понимать других, массу людей, «массы».

Саиду легко и просто быть жестоким (пусть убьет нечаянно среди врагов нашего старика-бухгалтера). Все это пустяки! Саид из грязи выводит людей, из земледельческого рабства (см. девушка на тракторе) к господству над землей (борьба Саида с мусульманской косностью в вопросе женщин, в вопросе школы: с отцом...)

Характерна горьковская «вторая природа»: она построена по рационалистическому, позитивному пониманию природы: антропоморфированная природа... т. е. дело в «природе» (хотя и «второй»), но не в личности, т. е. внутренней самооценке своего внешнего положения.

Вся эта героика борьбы за «вторую природу» в корне своем, как отрицание всего косного («ошибка пророка») — необходима, достойна и может быть в лице Саида сделана прекрасной, подобной варварскому христианству, опрокинутому на шалунов античного искусства... возможно из этого и преобразовать настоящее: т. е. люди, эстеты — шалуны, а боги должны быть разбиты и в свое время должны воскреснуть...

Значит, «Я» моей повести вроде какого-то языческого бога, которому надо скрыться и не мешать, чтобы после воскреснуть (подобное пережито мною лично до Раппа и после —воскресение в виде «Жень-шеня»: это верное переживание и это надо изобразить). Преобразовать эту же необходимость гибели личного в англизированной лошади (вопрос был в крепком копыте, но не в сухой красивой ноге, вопрос был в длинной шее, но не в красивой голове, и в горной памяти, а не в умных глазах).

— Я в борьбе за правду победил врагов и этой правдой меряю людей, а никак не по себе и не лично.

— Среди всяких обыкновенных людей (человек и человек!) я высматриваю человека, полезного моей правде, моему делу.

— С тех пор как у меня автомобиль, я плохо могу различать пешеходов.

Люди, с которыми мне легко и просто (назвать их), вторые — с которыми хорошо и просто встретиться, но страшно остаться наедине, и третьи — с которыми и так и так трудно.

Черта Саида как государственника: игра на флейте: насквозь видит человека, играет на нем, но не хочет видеть личность вне своей правды.

Борьба Саида за школу с отцом (в гневе отец походил на Зураба).

Ошибка Пророка и ошибка Бетала (из-за абреков обрек людей на вечную муку). (Пульс был на 120, а мы все поднимались: и вдруг на всей высоте кукурузное поле.)

NB. Рассказ «Посредник»: посредником сделать Шапиро и его двойную бухгалтерию, посредник между Чичиковым и владельцами мертвых душ.

Начало: как это никто до сих пор не обратил внимания на ошибку Гоголя в «Мертвых душах», — трудно понять. Чичиков представлен деловым человеком, а между тем обходится в деле столь щекотливом, как покупка мертвых душ, без всякого посредника. Ведь местами досадно читать и больно за Чичикова, что автор, столь неделовой человек, поставил его в глупейшее положение объясняться с Коробочкой, с Ноздревым и т. п. «типами».

NB. Кто-то в беседе у нас допустил в будущей войне возможность оперирования бомбами, начиненными бациллами чумы и холеры. И никто не мог определенно сказать: «Невоз-

можно!» Мало того! Когда один это допустил для фашистов, другой сейчас же уверенно сказал: — Мы ответим тем же! — Но ведь мы будем тогда истреблять тыл, т. е. жен и детей, возможно, преданных нам, ожидающих от нас спасения?

Будем истреблять и коммунистов до тех пор, пока будут сидеть по норам: пусть выходят на смерть за нашу правду, или же умрут от бактерий.

Окунуть героев моих, Саида и др., в эту «мораль» будущей войны и поставить вопрос: нужен ли на земле личный человек.

Правда эллинских богов (и всяких культурных деятелей): то, что внутренний человек ими представлен вовне, личность с ее счастьем выбита в каменной глыбе: этот след истинной человеческой личности называется богом. — Долой богов! = Долой все личное, нам дела нет, как чувствует себя сейчас человек изнутри. Человек действует как вода (а то вода как человек, мрамор как человек, собака как человек и т. д.). (Так арабы совершили общее дело в истории, и каждый лично вернулся к своему труду...)

Плач на горе: — Ах, зачем же я постиг это (личность, Бог). — И кончается радостью: сознав необходимость грядущего варварства, приветствую беталов курорт: в нем ведь не буржуазия будет утучняться, а те, кто должен свергнуть ее: благословение варварства.

Трагедия балкарцев есть трагедия каждого личника, общая с богами (личное будет повержено и рано или поздно воскреснет). Провести «счастье» балкарца, обреченного на гибель, как римлянин, и «Обком», как христианских варваров (вандалы)...

«Боги» — это все личное, начиная от крестьян и ремесленников, кончая писателем (Пушкина свергали), варвары — общее, «массы», число, абстракция: «беднейший из крестьян» («кулаки» — это вполне «язычники»).

Национальности могут воскреснуть только с воскресением «богов», т. е. личного, «кулаки» в творческом своем существе должны воскреснуть, когда «общее» (варварство) совершит свое дело.

Почему «личинки», т. е. творческие люди, боги, оказываются временно врагами революции? (Потому что)... ведь за них же держится все косное, подлежащее уничтожению... напр., организаторы всякого рода, в том числе и памятников искусства, боги...

— Вода действует на горы как варвары в истории, массой, в которой сливаются в единство все капельки. Но размытые водой горы распадаются фигурами: одна упала, другая стоит, и так все фигурами до последнего распада, когда гору, разбитую на мельчайшие пылинки, не причешет плуг человека и борона. — Вот ты одна из фигурок распада. — Пусть, но надо помнить, что это огонь из недр земли выдвинул горные фигуры, огонь делал, а вода размывала, ты хочешь быть как вода. — Нет, я ни вода, ни огонь: я плуг.

Люди за своих богов держатся, как деревья за камни...

Огонь выдвинул двухвершинную гору, и будто бы человек похитил огонь для людей и за то был прикован к двухвершинной горе.

— Люди в борьбе за своего бога называют богов других народов идолами, и так это было вечно: для одних бог, для других идол. Единого Бога создать никому не удалось...

«Правда» Бетала. Один старичок: — Как ты жив? — Не знаю. — А я знаю. — Наклонился и на ухо: — Тебя Бог хранит.

Пляшет старец в 108 лет лезгинку. Немного же, братец мой, осталось тебе поплясать. Ну что же, попляши! Посмотрел бы я на тебя, как ты после пляски домой вернешься: там ты не будешь плясать.

Распад гор и дело воды.

— Всякая дрянь за богов держится: надо им пуп от богов отрезать. А богов по возможности уговорить и обработать в смысле добросовестной службы Советам. И знаешь, я как государственный деятель по секрету скажу тебе, признаюсь в том, что обращенного бога ценю больше, чем естественного пролетария.

Обращение бога: Венера обратилась в Непорочную Деву.

— Помнишь, в шестикнижии Макаровом сказано было, как обратилась Венера и стала служить людям как Непорочная Дева. — Ну, когда Венера назвалась непорочной, люди перестали верить в непорочность Девы и даже в самую возможность непорочного зачатия.

Книга, напр., ведь это уже дело Божье, потому что в ней рассматривается человек изнутри как личность.

Если люди согласились какой-нибудь камень считать священным и в этом почитании камня прошло много лет: много лет множество людей поверяли этому камню личную жизнь: то, конечно, камень этот сделался богом и стал по вере людей им помогать. И если теперь людей разлучили с их богом, то на чем им сойтись: на одном доверии к своей личной жизни. Магомет припал к этому камню, и камень был ему как весь мир, и весь мир как проявление бога, то почему бы нам и не почитать Каабу как священное место встречи бога с пророком?

— В конце концов революция освобождает богов от людей и то же самое людей от богов. Или так: — Революция освобождает прежде всего людей от богов и, может быть, тоже и богов от людей.

Итак, Бог есть творческое выражение сокровенности человеческой, не ограниченной ни отдельностью человека, ни отдельностью народа... Но почему-то народ делает Бога своим: в этом преступление, и эту связь разбивает революция.

Революция — это универсальная сила.

Бог помогает человеку в творчестве жизни, но не в войне (а если война творческая, как было у арабов, как в революциях?).

Искусство создает универсальных богов.

Искусство борется с богами за единство их и универсальность и человечность.

Так греческие боги едины в своем существе, универсальны и человечны.

7 Августа. После 3 мес. засухи вдруг переменилось: прохлада и дождь, и, видно, переменилось совсем.

«Катастрофа» и сегодняшний день (вдруг фашисты стали лицом к лицу: это [пришло] во время Испанского мятежа). Началась жизнь на вулкане. За каждым орудием войны нетерпеливый человек, отчего орудия как бы живые и самовольные. Всемирная катастрофа нарастает неизбежно как рак, пожирающий все соки организма. Начинаем худеть. Писать можно только имея в виду этот рак.

Вчера говорю Кожевникову:

— Я так счастлив, что напечатал в Англии книжку.

— Удрать можно туда? — понял Кожевников.

— Нет...

— Понимаю: когда они станут расстреливать, можно показать книгу, так?

— И опять нет... Я думаю не о том совсем: я думаю, что перед катастрофой личности исчезнут, все станут людьми государственными и в наших условиях мы как писатели исчезнем. А там сохранят: там в Англии умеют хранить. Не я как есть, а я в той книжечке сохранюсь, и то хорошо!

Посмотрим, как пойдет с Испанией, а то надо сделать капитальную чистку себя.

<*Приписка:* С патриотами надо быть осторожней, в группы не входить и даже в [журнальчики] не определяться: писать везде. Слить положение героя — «Я» в новой книге с «Я» настоящим в действительности.>

Один встречает человека нового как гостя из далеких неведомых стран: то-то вот расскажет он! Другой встречает, взвешивая человека: а на что он годится <*зачеркнуто:* в том большом деле, которому я служу>. Без всякого колебания спрашивает себя так, потому что дело свое он считает больше человека и всякую отдельность человеческую меряет положением, которое он займет в этом деле. Он может притвориться и очаровать, но в глубине души о всяком человеке он думает только с этой точки «полезности».

(— Мы тебе перебросим Лапина (инженера) — знаешь его? — Ну конечно, отличный инженер, правда, выпивает, но это не мешает делу, а ты нам отдай Струнина. — Нет, Струнина я тебе ни за что не отдам... и т. п.)

А вот человек глядит на мир с удивлением и краснеет, когда его спрашивают: «много набрали материалов?» Бывает, когда все-все отгонишь от себя и родственно-бескорыстно, сложив руки, посмотришь возле себя: отсюда из этого истекает творчество... и понимание одного человека другим: сойдутся двое, и хорошо им вместе, знают, когда можно спросить, когда надо помолчать: каждый в присутствии другого остается самим собой...

Горьковская «вторая природа» (созданная человеком) не менее жестокая, чем первая, если думать о механизмах.

Не есть ли единственная мера против «Левиафана» механизировать его и управлять им, как машиной? (Плановое хозяйство.)

8 Августа. Искусство приходит на помощь религии в то время, когда люди уже перестают верить? Едва ли всегда: взять Рублева...

Почему это в ходе революции быстро иссякает вера в самостоятельное творчество народа... (Наше правительство прямо выжимает поэтов...) Нет охоты петь, нет свободы петь...

Реклю религиозное чувство человека считает общим с животными и, очевидно, вместе с Кантом и др. позитивистами выделяет особую «человеческую» природу. Эта кантовская природа человека вошла в нашу революцию через народовольцев и в наше время, до Горького. Тут и Макар... Анархизм тут тоже очень близок.

Для религии характерно не то, что человек «хватается за внешнее» (солнце-луна и пр.), а что, напротив: религиозный человек уходит внутрь себя, отчего и происходит та необыкновенная встреча с действительностью, через которую и рождается «бог» (личный в творчестве).

Революционеры были напуганы церковью и шаманством: тоже «страх», который они считают отправным пунктом религии. И вся их научно-революционная организация имеет те же религиозные основы сектантского характера («интеллигенция»): какое-то насильное понимание внешнего мира через причинную связь: «а почему?» (как дети).

Работа ученых, искателей причинного понимания движения мира, создает «вторую (человеческую) природу», понимать которую внутренний человек обязан так же, как и первую.

(Католики взялись за это, но они, как и государственные строители, несвободны и связаны при восприятии «природы» «полезностью», т. е. ограничены церковной тенденцией, как госуд. деятель государством: от печки танцуют.)

Почему всем госуд. деятелям нужны личные свидания? Потому что не все можно написать и сказать: иногда надо посмотреть, что написано на лице: как ведет себя человек.

Цельное сознание во всякую минуту пользуется и тем познанием, которое достается изнутри из себя, и тем, которое дается извне. Эта гипертрофия «разумного» понимания (научного) создает гипертрофию внутреннего понимания (мистику); третье неверное понимание — это государственно-церковное (деятельно-полезное).

Два возможные отношения: 1) за войну и 2) против войны всякой, и оборонительной.

По долгом размышлении прихожу к заключению, что единственно возможный путь спасения революции — это в какой-то выгодный момент сложить оружие: «делайте как хотите, а мы не воюем». Это может соединить страну. Гениальность скажется не в принципе, а в уловлении момента, когда это надо будет сделать. Тетки: Италия, Германия, сестры: Франция, Англия.

Дуничка жила, окруженная со всех сторон вопросами, на которые не имела ответа. Ей действительность настоящего предстала как вывод из того, во что она верила в юности, и свою привычную критику она и хотела, и не смела продолжать здесь. Умерла, признав Сталина за «умного» человека.

Я делаюсь больше: меня начинают знать за границей. Мир становится меньше. И я сомневаюсь: «Нет, скорей всего, это мне кажется: это меня слава обманывает: мир не так-то уж мал и плох, как мне кажется, и я не так велик, как говорят мои друзья».

Конечно, без порядка нигде ничего нельзя сделать: порядок во всякой работе — первое правило. Но восторг порядка можно испытать, только если запустить все, погрузиться на некоторое время в хаос и потом, когда станет плохо, вдруг спохватиться и начать чистку всего. Вот тогда видишь насквозь всю силу и значение порядка и, убрав свой стол и вещи, начинаешь отлично работать. И это ведь от одного стола: убрал стол! А если все тело, если внутри себя тоже все вычистить: да тогда, кажется, можно даже и смерть победить, а не только обыкновенных врагов.

10–11–12 Августа. В 4 у. выехали из Загорска. В 7.40 убит 1-й петух возле Селезнева. Вечером охота возле Нерли. Утром опять возле Нерли и вечером в 10 в. дома. Беседа с кумом.

Как засыпает Нерль. Ползет по лугу плотно-белый туман, и тонут в нем до половины стога, в иных остаются только пики стожаров. Кувшинки, большие цветы, свернулись. Где-то летает стрекоза, но не видна на фоне леса и тростников, зато в воде отчетливо видна ее тень-отражение: так в воде она носится. И долго видно: природа засыпает с открытыми глазами.

Утро. Очень люблю сухие волнистые пустыри, на которых живут только кузнечики. Среди них есть главный, он может

с треском подняться и немного пролететь на красных крыльях или на голубых. На таких совершенно сухих пустырях с редкими маленькими соснами тоже часто бывают стрекозы огненно-красные, тогда как внизу у воды стрекозы голубые. Хороши берестовые намеки на бывшую здесь когда-то изгородь.

Приобщился к своему прошлому: сопоставить реку и бор с реками и лесами Кавказа.

Беседа с кумом о «я в ризах» и о той подлости, которую сознает в себе каждый русский человек: и что сознание этого своего «ничто» в то же время является творческой силой. <*Зачеркнуто:* Итак, фашисты сильны (Германия, Италия) сознанием своего достоинства, [силы], мы сильны сознанием своего ничтожества (а слова наши пустые).>

Мелочи жизни преодолеваются великодушием.

Пустыни, грязь глинозема и всякие неудобные и некрасивые места на земле преодолеваются широтой охвата зрением: надо подняться повыше. Так точно мелочи человеческой жизни преодолеваются великодушием.

14 Августа. Отправляется Уолтону: «Север» + «Записки Охотника» и перед этим: «Зверь Бурундук» + «Охота за счастьем» + «Журавл. родина». Послать «Кащееву цепь». Послать «Grey Owl», русск. «Жень-шень» с фотографиями.

Постановил: 1) ежедневно учиться чтению по-английски. 2) Заниматься архивом (похоронами). 3) Готовиться к поездке на Кавказ: чтение Реклю, доверенность Пете, достать пленку. 4) Вписывать в «конспект Кавказа» новые темы.

Так: Романов: как сила «ничто»: всякий вождь, как творческий человек, в глубине души сомневается и знает «ничто», но подданный его сомневаться не может: таков, напр., кабардинец. И это вот есть в Кабарде, тем сильны теперь и Германия и Италия. Но тем самым другой народ они привязать к себе не могут: им можно только воевать. В ограниченном кругу своей личной жизни человек делается полезным для своего государства, и главное, что он в этом не сомневается и чтит своего государя

А если целый народ, великорусы, знают «ничто»: то, конечно, само возле себя у них и остается это «ничто», зато другие народы к этому тянутся, и так «собирается Русь». («Ничто»: жить кое-как и вдруг подняться всем миром.)

А у нас так и липнет «ничто» к «ничту», как воздух стремится в пустое пространство. Наш человек во всем сомневается и, создав обстановку величайшего послушания, втайне подсматривает, нельзя ли как-нибудь здесь поживиться.

Начало рассказа. Я не занимался своим архивом, потому что это занятие, мне казалось, костенит мое живое «я» в его претензии на загробную значимость. Со стороны гигиены своей личности, мне казалось, нехорошо направлять свое внимание на свою особу. А еще к этому основному прибавилось возмущение, когда одна литературно-погребальная комиссия вопреки посмертному распоряжению одного писателя не сожгла пачку бумаг, а приобщила их к своему полезному делу собирания червоточины... Но я пришел к необходимости работать над архивом на похоронах старушки... Я понял это дело не как гордость собой, а как участие в своих собственных похоронах.

Вот пруд, видом своим узкий, в лесистых высоких берегах, неограниченный видимо в сторонах, совсем как река, и если поэтически подходить, то кажется, не все ли равно, река и река: даже рыбы много, и в тростнике утки живут.

Но настоящему поэту нельзя выдать этот пруд за реку, потому что река течет неустанно и в своем течении, как жизнь, вечно изменяется, и это движение обещает каждому возможность какого-нибудь своего личного открытия в реке. Каждый подходит к реке как бы с лотерейным билетом на счастье открытия чего-то для всех нового. А глядя на стоячий пруд, как бы он ни был похож на реку, поэт может только припомнить, что другие поэты говорили о реке, и повторить то же самое в своем маленьком и ненужном варианте. Значит, чтобы оставаться самим собой в творчестве поэтической реки, нужна река настоящая, а не пруд вместо реки.

Почему огромное большинство, почти все государства, кроме Китая, Парагвая, Уругвая и еще, может быть, каких-нибудь очень немногих, носят женские имена: Россия, Англия, Германия, Франция, Италия, Испания, Португалия, Япония, Америка и т. д.?

По Реклю: «Облако»: Весна уходила в горы и дошла до самого верха, где кончались леса и начинались горные пастбища, там наверху только-только раскрывались почки на березах и одевались ивовые кустарники. Тут весне в помощь пришло

облако и пошел дождь, а выше, где пастбище, из того же облака сыпался снег, дождь зеленил гору, снег белил ее там, где кончались леса...

Наши мысли похожи на смерзающиеся льдинки, плывущие в направлении текущей воды внутри ледника...

Каждая мысль покупается тратой живого чувства в живом существе, и так образуется жизнь разума, подобная леднику, медленно текущему с гор, растирающему землю и переносящему с высоты гор в долины огромные тяжелые камни.

Животное — это существо, которое вовсе не растратило себя на образование разума и все понимает, и ничего не может сказать.

Восхищаться разумом в человеке можно только в том случае, когда заметны бывают на нем следы личного происхождения с личной тратой огромного чувства: так из снега образуется лед. Но разум, которым пользуются, не затрачивая ничего из себя, тот безликий разум, «чужой ум».

Страдания юноши в поисках чужого ума.

Непорядок у него был не в разуме, а в чувстве, питающем разум: когда неровное чувство было — разум вспыхивал, когда чувство угасало, млел разум и даже отказывался вовсе работать. Но от чего зависела прибыль и убыль питающего чувства, нельзя было сказать. Как будто солнце восходило и ледник двигался.

Эстеты природы: Зворыкин, Микитов, Зарудин: писатели захлебываются в сладости от красоты своего собственного слова...

К природе надо подходить...

Если бы не о женщине сказано было, а о природе, что идешь в природу, бери с собой кнут, — я бы охотно это признал. И не только кнут, а надо быть готовым, если можешь — вцепиться и вгрызться, если не можешь — улепетывать, не стыдясь, во все ноги. Надо это принять, надо быть готовым на это во всякую минуту.

И еще больше: надо быть готовым во всякий момент, что тебя загрызут, и все-таки при этом восхищаться жизнью и говорить, что она хороша, прекрасна. Вот тогда, имея это в себе, можно восхищаться травой, солнцем, вальдшнепом, бабочкой и чем хочешь. А наши описывают захлебываясь... Тогда только

можно благословить все существующее с его добром и злом и решительно стать на сторону человека в природе, создающего небывалое, лучшее...

15 Августа. Нехорошие вести о рязанских колхозах. Отношение колхозников к трактористам и комбайнерам. Если счастья искать, то никак не в колхозе.

Сколько лжи, и вдруг взрыв войны... Надо быть готовым. Должны бы враги подавиться...

Остерегаться пренебрежения к мелкой литературной работе, возможно раствориться в эстетике, как было в Новгороде.

Поглотив чувство творящего лица, разум обезличивается и как «чужой ум» может служить дуракам: возьмет человек билет (ума немного надо) и летит на самолете, совсем и не понимая, как он устроен, и даже не интересуясь этим (напр., Реомюр, бывший когда-то человеком, теперь живет как термометр). Так «чужой ум», накопляясь, облегчает жизнь дуракам, которые, не будучи знакомы с творчеством, употребляют накопленные силы разума во зло и господствуют...

Яснеет и яснеет прием, которым я пользовался для создания своих книг: берется встреча 1-го взгляда с природой или человеком как встреча с невестой, и в поправку упущенного тогда в юности [мгновения] собственной жизни теперь «невеста» становится женой и совершается творчество новой вещи (= полученное впечатление силой держится как бы в заключении и не оставляется вниманием, мыслью до синтеза, в котором и рождается новая вещь).

Есть два рода спасения от человеческой порчи природы: первое — это культурное воздействие на самого человека, и второе — в мысли о бесконечности нетронутых миров: в бесконечно малом и в бесконечно большом.

Ментс: эта моя работа должна быть вся насквозь пропитана современной тревогой: газеты, события, даже война не должны ей мешать, напротив... Но в окончательном результате все это современное должно утонуть в вечном и получить выражение в простом рассказе о природе Северного Кавказа.

16 Августа. Быть самим собой — это значит жить своим умом. Однако наследством чужого разума надо ведь овладеть, чтобы прибавить ко всему своего ума: и вот некоторые книжки

читают и от этого окончательно теряют способность жить своим умом. Но оставаться в невежах — это ведь тоже не путь!.. Как же сделать, чтобы не пугаться преходящего времени: я отстал. (Барышня спешит везде побывать, все увидеть, о всем говорить.) Значит, надо найти в себе нечто независимое от времени. Я единственный раз пришел и не повторюсь...

...И как-то вдруг откроется: это значит, пробился сквозь чужой ум и овладел им. Тогда новый вопрос: мне ведь надо и рассчитаться за полученное.

Надо все-таки когда-нибудь анализировать до самого конца свое возрождение: тут на 1-м плане: 1) смирение, 2) доверие: человек во всяких положениях в существе своем живет в такой же тревоге, как и я, и я не один: страдают и радуются жизни одинаково и ученые и неученые: я никак не один! 3) бесстрашие: будь что будет (пари Паскаля). И все вместе: да будет воля Твоя.

17 Августа. Дер. Михалево. Павел Владим. Мотанин. Старуха-бригадирша. И их разговор строгий, простой о простых вещах. Ботанин луг. Суточный дождь.

Продолжаю анализ выхода из хаоса: вот причина того, что я чураюсь своего писательства и бесконечно его люблю: я боюсь эстетизма, который и не был для меня и не может быть выходом из хаоса. Писательство лишь средство материализации духа, бревно, за которое хватается утопающий. Вспомнить все ступени выхода из хаоса: это значит — история о том, как разбитый человек складывался по-новому: как, напр., входила жизнь в пустые места: женщина-мечта и живая.

Дождь. Разрешения нет. Но раз дождь, значит, нет вреда охотиться. Начальник милиции робко спрашивает об охоте: разрешена или нет? Проходит охотник с ружьем, робко говорит: а если дождь, то ведь, значит, разрешается? Милиционер сочувственно молчит.

NB. — Повесть о русском народе: Ефрос. Павл. и собрать всех русских: Ремизов, Чувиляев и множество и всех свести, а Алпатова пустить на поиски народа своего, и тут же Невидимый град, Религиозно-философское общество, Мережковский. И так все построить на сознании своего «ничто» и чтобы «ничто» сделать творческой силой.

Современность скажется в остроте постановки вопроса о национальности.

18 Августа. С 15-го Авг. начались дожди непрерывные.

Внезапно вернулся к роману «[Начало] века». Алпатов ищет счастья в сближении со своим народом (заказ современности). Героиня Павловна. Возможно ли начать роман восторгом от физического сближения с женщиной? и дальше рост ребенка.

Или возможно так: начинается паломничеством в Китеж и отсюда приход в Питер и знакомство с Религ.-филос. обществом. И так Алпатов сближается. Но, смущенный всей чепухой интеллигенции, обращается к «<u>делу</u>» (торфмейстер) и там находит «счастье», т. е. «ничто» русского народа творческое.

Это и есть глубочайший план: это «<u>ничто</u>» русского народа, собирающее вокруг себя все народности, и противопоставление... народов с <*зачеркнуто:* вождями> государями.

Быть может, это происходит от близости к кочевью азиатскому, от малости накопления культурных ценностей: т. е. что всякая <u>форма</u> есть «ничто», а <u>суть</u> не в форме (а в чем?). Алпатов в этом «<u>ничто</u>» (совлечение) находит необходимейший для себя этап творчества: народ и с других народов должен совлечь их спесь и открыть только вечную <u>форму</u> (как «воскресение» Бога и вообще Бог...).

<u>Тело</u> романа: русская женщина <*приписка:* ребенок> и с ней все лучшее: все счастье; природа в движении, русские простые люди и интеллигенция конца века. Художник и его ребенок.

Найти сюжет: дождаться сюжета.

<u>Начало</u> <*приписка:* или лучше к главе о счастье, а начало путь в Китеж>: Алпатову.

Так бывает сколько угодно, что в сокровенной глубине души, как семя в земле, нечто лежит и не дает сознанию ничего от себя. И всегда это нечто в первый момент своего прорастания дает знать о себе как ничто, или сомнение в главном, чем всецело поглощен человек.

Это главное было в Алпатове любовь к женщине, для него недоступной. Теперь же ему вспомнилось, как Недоступная однажды уступила ему и согласилась на брак. В тот самый миг в нем как ток пробежало то самое «<u>ничто</u>», скрылось и змейкой залегло на самое дно. Возможно даже, что невеста поняла этот миг, отчего именно очень скоро она взяла свое слово назад и стала опять Недоступной. И только теперь, пережив всю

силу отчаяния и близость смерти от неудачи в достижении самого главного, как ему казалось, самого основного для жизни, Алпатов вдруг вспомнил этот миг и вздрогнул от изумления и страха.

Он вспомнил, что, получив согласие на брак, он взглянул на нее и она показалась ему теперь совсем как-то со стороны очень обыкновенной, почти некрасивой и совсем ему ненужной. Он помнит, что ему даже пришлось что-то преодолеть в себе, неискренне обрадоваться, сказать несколько неискренних слов. А потом, когда она сделалась опять Недоступной, любовь <*приписка:* чувство> вернулась во всем своем ужасном обмане, а то «ничто» залегло и как будто вовсе и не было.

Алпатов содрогнулся теперь от возможности такого ужасного самообмана: его невесты, оказывалось, в действительности вовсе и не было, он сам ее сотворил и, как Дон-Кихот, объяснялся с Альдонсой. Но ведь это писал Сервантес, и он об этом с осуждением рыцаря-романтика еще в школе писал сочинение, — как же это с ним, русским революционером и «разночинцем», могла повториться до точности та же самая история рыцаря Печального образа. Так неужели же и все так?

Мы ничего не получаем из книг и, когда дело касается самих себя, поступаем как первобытные люди. Тогда он стал на сторону Альдонсы и ужаснулся еще больше: ведь она-то видела этот взгляд поверх себя вдаль... И вдруг вся настоящая женщина в ее доступности, в слабости, в потребности внимательной родственной любви явилась ему. И что если бы он хотя бы долю мог дать ей того родственного внимания, которое охватило его тогда, она бы по первому слову, намеку отдалась бы ему и верной женой прошла бы с ним через всю жизнь. Что же он сделал!

Тогда впервые спала с глаз этого Дон-Кихота пелена, и с той самой силой родственного внимания, которое ощутил он в себе в отношении исчезнувшей Недоступной, он оглянулся вокруг себя и замер от восхищения. (Описание обстановки торфмейстера, встреча с женщиной, брачная ночь и удивление: какое счастье... Разговор с ней: и так несомненно, что это жена...)

Главное же, что нет греха, это что вчерашним днем осталось: он и после этого мог с родственным вниманием разглядывать мир.

Другое начало: В начале этого века между Японской войной и Германской Россия была <*зачеркнуто:* завлекательной> очень занимательной для иностранца, утомленного грохотом

европейской цивилизации. В глубине ее, казалось [ему], дремала какая-то нераскрытая сила, и ремесленники, кустари, бедняки из крестьян, странствующие по святым местам, бесчисленные сектанты, ищущие в темных лесах спасения, как будто... Это был дух средневековья, и секты среди интеллигенции...

26 Августа. Вчера вечером вернулись из Михалева (был 5 дней на охоте). Куплен Трубач за 150 р. у Морозова, Иван. Серг., предсельсовета. (Сейчас под судом за то, что изранил ножом колхозника: раненый в тюрьме («классовый враг»), Морозов <*зачеркнуто:* пока> на воле. Ссора из-за коровы: отобрал у классового врага.)

Люди сто́ят своих начальников: бабушка Настасья, жадная. Ее рассказ о том, как поймали бандита и когда узнали, что не русский, то одна баба сказала: это «новый царь» сбежал. (Отрыжка из эпохи самозванцев) и что из-за этого было.

Это бабы лен трепали: — Нас, батюшка, 30 баб, день целый треплем и чего-чего не наскажем, бывает, и поплачем, а какая и попляшет. — Ну, ладно, твоей голове это не выдумать, я твою голову знаю.

Морозов говорил, что из года в год земля меньше рожает: плохо удобряют и живут между собой плохо и всё хуже. — А что, если дать волю, разбегутся? — А теперь уже и нет, куда уйдешь из колхоза, ни лошадей, ни... (гениально, что «безлошадные»). — Разделятся! — сказала бабушка Настасья и стала подробно рассказывать, как можно справедливо между всеми разделить колхозный инвентарь. И при всей этой дряни удивительная душевность русского человека...

Дедушка Павел, башмачник, принимает охотников и никого не называет по фамилии: Христофор Яковлевич какой-то, Ксенофонт Петрович и т. п. 63 года, говорит дрожащим голосом, еле дышит, а между тем, вдовец, посылает свахой бабушку Настасью к молодой вдове: к черту послала.

<*На полях:* Рассказать — не поверят: до чего долго у стариков держится претензия любви.>

Бабушка Настасья не хочет идти в Москву к детям: здесь повольнее (никогда не забудет свою волю крестьянин).

Превращение собственника в начальника (кулак на канале переделался в начальника).

Власть и собственность. Замысел писать детские или народные рассказы на современные темы.

<*Приписка:* Зарождение повести.> Напр.: жена — собственник, муж с ней борется за власть: и однажды в окно кинул на дорогу кошелек, полный золота. Не побежала, а вся задрожала. Человек показался. Она не выдержала, стала просить, а я ее <*зачеркнуто:* образумливать> молчу... и она молчит, только вся белая, белая! Человек оглядел кошелек, оглянулся по сторонам, положил в карман и ушел... (Природа власти и победа ее. Это власть в ее происхождении священном, т. е. из цельной личности.)

А то власть обезличенная в своем происхождении, которую «берут» просто, как ведь берут воры, разбойники. Пример этому — ошеломляющий процесс троцкистов. (Пророчество Достоевского: «и все растечется в грязь».) Неужели же такое малодушие даже не в целях «жить», а как-нибудь полегче умереть? Так закончилась вековая эпопея революционной интеллигенции и <*зачеркнуто:* Сталина назвали «величайшим из людей»>. В этом свете показываются по-иному Бухарин, Радек и др. растленные люди (претенденты на власть).

<*На полях:* Страшное копыто. Рассказ «Копыто»: За копыто боролись собаки, не раз щенку попадало. Однажды щенок увидел копыто без хозяев. Побежал к нему, но вблизи остановился, потянулся, вдруг испугался и, поджав хвост, убежал.
(Копыту 10 лет: оно высохло и [нашлось], когда я делал забор.)>

Расслоение деревни: 1) Начальники — работники. 2) Работники и москали, т. е. рабочие из Москвы, приезжающие отдыхать в свою деревню («москали цены набивают, у них все с собой, один с ружьем ходит и стреляет воробьев»). 3) И еще при больших колхозах обслуживающие машины с.-х. Самое интересное, конечно, «начальники» в своем происхождении («люблю работу с массой»: посевная компания и проч. «разъясняешь, хотя теперь, конечно, все понимают, но все-таки...»).

<*На полях:* Бабушка Настасья скряга, а поговорить и образованному человеку интересно. Дочь ее, из «москалей» бригадирша, сказала мне: — Вы, кажется, писатель? — Кажется, да, — ответил я. — А кто вас проверяет?>

Охотник Горохов из Никитского, одноличник, ухитряется жить вне колхоза, и «пушнина» его мало-мальски реабилитирует. Однако живет в мечте уехать куда-то, где много зверя (а везде все занято).

<*На полях:* Разве это охотник, единоличники теперь стали менее симпатичны, чем колхозники.>

Ходил под теплым летним дождем далеко к Ботанину лугу. Из большого леса через сухой ручей под черной ольхой в высоких травах пробирались на другую сторону (на той стороне хлопал пастух). И вышли один за другим, шевеля частым бурьяном, раскачивая былинки, пять глухарей... (я убил одного и другого ранил).

Чудесная, красивейшая рябина, какой цвет, такая красота в матовой силе цвета, что невольно, проходя, цапнешь и в рот, и так тебя дернет, что другой раз проходишь, любуешься, а в рот уже не берешь.

Муравьи силой своей государственности из большого муравейника под сосной-матерью (вокруг этой сосны далеко ее молодежь) проложили путь в ладонь шириной. Этот путь легко идет под соснами и между двумя чудесными березами, очень белыми, очень чистыми, как из мрамора, входит в еловый долгомошник. Сколько труда нужно было затратить государству, чтобы пробить мох до земли и совершенно очистить от него путь... И вот теперь по этому широкому пути в два ряда туда и сюда бегут труженики муравьи, и по этой же тропе идет птица — глухарь? (если не глухарь, то какая птица может идти и поклевывать?) <*приписка:* — клюет граждан большого государства, и им хоть бы что: государство от этого завтрака мало страдает>.

Какой чудесный трепет осинника между березами и елями...

Река Вьюлка бочагами идет, плесами, большой плес — море тростников, старые лавы. Возле болота стога сена. Я патроны забыл. Петя ушел. Я под стогом, читаю процесс троцкистов. По лавам люди. Предсельсовета и секретарь.

— Чем же я подозрителен вам? — Не на месте сидите. Ваши документы? — Нет, вы мне покажите документы.

— Мы... — А я... — Очень приятно!

Хитрейшая, красноносая с ласковым голосом старая кулачиха развела у себя невозможную мухоту, и казалось, жить

нельзя, но я выбрался вон и нашел местечко между кустом черной смородины, вишней и яблоней. Тут же рябина, на рябину прилетели вороны. Частокол, заросший бурьяном. Ежик пришел... начал разводить мотор, высунул [бок] и пошел... Тут я нашел свое счастье...

В тележке, сплетенной из дранки, ребенок... На оглобле другой ребенок покачивает его... Паша — ведьма с птичьими неподвижными глазами... Курица в траве идет, высматривая, движется, как будто кинорежиссер сложил ее движение из отдельных кадров и очень медленно пропускает свою ленту через пробный аппарат...

Охота с легавой не дает возможности наблюдать (всё на ходу). Надо (и решено) переходить на рыбную ловлю.

Отделался вихлюшками да мотушками и вышел сух из воды.

Есть, конечно, и среди крокодилов, наверно, более или менее добрые и между голубями порядочные змеюки, но все-таки скажешь «крокодил», и получается крокодил, скажешь «голубь» — получается представление кроткого и нежного существа. Но между людьми постоянно то голубь, то крокодил, и общее можно сказать только глядя на небо, на самолет, или спускаясь под землю в метро: человек всё делал, всё человек...

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками, но сохранившие прочную свою форму. Если, однако, придется сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда это почувствуешь, что ты немного осел, то вскакивай немедленно с этого пня: из каждой дырочки этого пня под тобой выползает множество муравьев, и ноздреватый пень оказывается весь [огромным] муравейником, сохранившим обличие пня.

<Как деревенские дети гоняют белку в лесу: как затихает, как поднимается крик, как похоже на Россию и какое это дает сильнейшее чувство первобытности («Ловить» захватывает в охоте больше всего).>

Дальше такого конца, как сложилось у Зиновьева и др., и дальше такого освещения, какое дают ему газетные сотрудники, таящие страх сами попасть в число подобных, идти некуда. Это настоящий конец, и хорошее начать можно только без памяти прошлого. Начать совсем не то, обращаться совсем не к тем...

27 Августа. Самолеты. В конце концов все сводится к тому последнему звену твоей индивидуальности, которое должно быть непременно с чем-то сцеплено. Всем, однако, кажется, что звено это связано с чем-то хорошим для всех, и если тебе удастся взять власть и стать самим собой через это (на самом деле власть дается только тому, кто стал сам собой), то думается, что от этого будет всем хорошо...

Есть в полете всякой творческой индивидуальности непременно такое пустое место, в котором держаться не за что и все само-леты падают. Без достижения сферы этого «ничто» не может быть творческой личности: это «ничто» является пробой на творчество, если оно во имя себя, то такие «самолеты» все падают, если же конечное звено сцепляется с чем-то большим тебя, то ты из «ничто» вылетаешь. (Кажется, Троцкий типичный «самолет», а Сталин верит в партию.)

<*На полях:* Есть власть, оправданная своим происхождением: власть, исходящая от личности. И есть власть, которую захватывают, как восточную рабыню. Можно стать на место внутри себя, т. е. найти самого себя, и тем самим ты сделаешься властным. И можно занять место в бюрократическом аппарате и тоже сделаться властным.>

Жил у нас под Загорском бекас, до того известный всем, что я однажды в гнезде у него нашел футлярчик от пенсне и догадался об охотнике: это, наверно, Яловецкий натаскивал здесь свою собаку и заглянул бекасу в гнездо. Встретив сегодня его на улице, я передал ему футлярчик, объяснив, где я нашел его... Яловецкий — лучший тип охотника.

<*На полях:* Священное Ничто: надо вечно иметь его в виду.>

Какое чудесное утро: и роса, и грибы, и птицы... Но только ведь это уже осень. Березки желтеют, трепетная осина шепчет: нет опоры в поэзии; роса высохнет, птицы улетят, тугие грибы все развалятся в прах... <*зачеркнуто:* люди съедят> Нет опоры... И так надо это принять и лететь на веру: как-нибудь перелечу (священное Ничто: не надо выдумывать церковь, не надо хвататься за партию, даже за Бога: надо бескорыстие — Китеж).

Не следует очень-то носиться даже и с прекраснейшим из людей... кто его знает? перед лицом опасности за жизнь все прекрасное в человеке обыкновенно в один миг испаряется.

Я шел сегодня с тем утренним восторгом в душе, который ищет себе предмета для воплощения и обыкновенно быстро находит в чем-нибудь: может быть, сарыч тяжело и неохотно слетит с влажного дерева, может быть, наградят тебя ели обилием урожая светло-зеленых своих шишек, может быть, заметишь, красный тугой грибок лезет, оглянешься — там другой, третий, и на всей полянке всё грибы и грибы... Я бросился на грибы, собрал их и дальше пошел, не отводя глаз от земли. Я был теперь связан определенной целью искания грибов, я был целиком этим заинтересован, <*зачеркнуто:* специализировался на этом> и больше не мог ничего открывать в природе.

Порядочному человеку теперь нельзя высказываться просто о политике, это неприлично, потому что вызывает ответ другого, который, наверно, не хочет говорить о политике, ты же вызываешь его, и хотя он верит, что ты не провокатор, но так делают провокаторы, и это создает дурной тон.

Вот говорят, что надо учить молодежь литературному мастерству... А я думаю, что этому учить их вредно в наше время. Ведь если талант, то он сам выучится по книгам, а если нет таланта, то ты наверно создаешь литературного хорька.

Начало сборов на Кавказ. 1. Письмо Насимовичу. Отправлено.

Пришел человек и подсказал... Так вот почему я верил в конституцию и почему так часто стали говорить все народ и народ, и почему я почувствовал необходимость голоса вне... через головы... <*Приписка:* Он сказал: — Теперь придется опираться на народ.>

28 Августа. Снилось, будто я в телеге вместе с мужиками везу гроб своей матери и как раз против Хрущевской усадьбы колесо телеги попало в колдобину и гроб полетел на ту сторону. — А тело, скажите, как тело? — в ужасе повторял я, не смея глянуть в ту сторону. — Тело выехало! — ответили мне. Я решился посмотреть и увидел, что ноги матери моей задраны вверх и медленно, как будто тело оттаивает, опускаются.

Есть ли это безобразное сновидение независимо-случайная игра сонной фантазии, или оно является выражением моей внутренней нескладицы, а может быть, моей сейчас особенно сильной тревоги за существо моей родины-матери...

Или, может быть, все наделала моя книжка «Жень-шень», присланная из Англии в золотом переплете и с золотыми словами? Вдруг ясно стало, что наша жизнь очень тяжела и что люди где-то живут хорошо? Или вот эти последние события в суде, воспоминание о словах еврея И., что России уже нет: все разрушено... и во мне уже хотят видеть нерусского и называют иногда Пришман.

<*На полях:* Временами чувствую сильнейшую ненависть к евреям, повседневно грубящим русскую народность и язык. И каждый раз вслед за приступом ненависти я мысленно перемещаюсь в общество русского <*зачеркнуто:* фашизма> и не нахожу себе там места. И в конце концов опять перехожу к тому «ничто», которое являет собой силу и особенность великорусского племени: этой силой и собирались вокруг Великороссии терпеливые и устойчивые племена.>

Страница Кавказа. Сборы на Кавказ. Взять: термос, бинокль, пистолет, горные башмаки + штиблеты, новый костюм и какой-нибудь, теплое белье... 4 пары; 1 подушечка. Реклю 2 тома + Нурок. Фото. Все чтобы вошло в 1 чемодан + 1 сак + Рюкзак. Пальто кожаное. Тепл. шапка. Откладываю сборы до приезда Насимовича.

29 Августа. У всякого человека должно быть место вроде храма за письменным столом, в детской, в лесу где-нибудь. И минута особенная ночная или утренняя, где и когда все пережитое он, как в линзу лучи, собирает в один фокус, отчего все внешнее становится личной собственностью, которую никто не может отнять.

30 Августа. Ходил за грибами. Насладился первым осенним утром.

По озеру такому тихому, что кажется, можно пойти и не провалишься, перебегают ночные туманы: так ночные мысли мои переходят. А я думал ночью об английской книге и сейчас думаю об этом: совершенно изданная книга дает мне то же самое чувство, как совершенное (гармоническое) явление в природе. Это показывает, что сущность «природы», о которой все говорят постоянно, есть творчество и вся радость от природы — это от участия в творчестве. И возможно, что всякое совершенное произведение искусства построено по тем же самым законам, как строится все в природе...

Все различие в нечеловеческих переживаниях в природе при достижении, напр., кристаллической формы и всем нам знакомых человеческих в искусстве — это... Ведь в природе для одних все гармония, для других все дисгармония. И только если, участвуя в творчестве, соединился с природой, начинаешь понимать, что природа есть творческий процесс и что гармонические ценности явились в результате бесчисленных проб и борьбы. Все различие в том, что у нас — мы хозяева, а там само делается или Бог делает: нечто делает вне нас, но и там и тут делается по тем же самым законам.

<*Приписка:* Вот это разделение, по нашей сов. идеологии, и незаконно: по советской идеологии все сводится к единству творчества человека, а природа есть хаотический материал творящего человека. Смертным грехом и высшим выражением буржуазности явилось бы удивление «цивилизации» муравьев с подчеркиванием некоторых превосходств муравьиной цивилизации в отношении человеческой.

«Самотёк» — это общее презрительное название всей мировой самости; в противоположность самотёку: «планирование».>

С полей, с лугов, с воды поднялись туманы и растаяли в небесной лазури, но в лесу туманы застряли надолго. Солнце поднимается выше, лучи сквозь лесной туман проникают в глубины чащи, и на них там, в чаще, можно смотреть прямо как на лучи и даже считать и фотографировать.

Зеленые дорожки в лесу, поляны все будто курятся, туман везде поднимается, садится на листья водой, на хвоинки елок, на паутинные сети, на телеграфную проволоку. И по мере того как поднимается солнце и разогревает воздух, капли на телеграфной проволоке начинают сливаться одна с другой и редеть. Наверно, то же самое делается и на деревьях: там тоже сливаются капли. И когда наконец солнце стало порядочно греть, на телеграфной проволоке большие сверкающие радужные капли стали падать на землю.

И то же самое в лесу хвойном и лиственном: не дождь пошел, а как будто пролились радостные слезы. В особенности трепетно-радостной была осина, когда упавшая сверху одна капля приводила в движение чутко-трепетный лист под собой, и так все ниже, все сильнее, и вся осина в полном безветрии, сверкая, трепетала от одних только капель. В это время и некоторые высоко построенные сети пауков пообсохли и пауки

стали подтягивать свои сигнальные нити. Застучал дятел по елке, затрещал дрозд на рябине.

<*На полях:* Ученым мало понятны угадывания безмысленных животных, но художникам это близко очень...>

О прелестях труда говорить не приходится, к труду необходимость подводит, и если даже и нужды нет никакой в заработке, и нет охоты к творчеству, в свое время здоровье потребует.

Время, когда осины стоят еще совсем зеленые, а под осинами на зеленой траве лежат покрытые сильной утренней росой листья ее от золотого до красного цвета и совсем бывают похожи на спелые желтые и красные яблоки и груши.

Бьюшка погубила молодую лисицу.

Конец истории с Лежневым (другой Лежнев, третий).

Революция подвела к двурушничеству как бы всюдному. Но особенно яркие типы в этом отношении, конечно, евреи (как и показал этот троцк.-зинов., в сущности, еврейский процесс). Но единственное средство борьбы с «жидом» — это пассивное сопротивление, выжидание и доказательство беды фактами (напр., порча языка). Народность должна выжить, победить и все расставить на свое место. Уже совершился перелом, и среди сплошного двурушничества совсем в новом свете встает тот самый «честный» человек, который, бывало, честностью своей никого и не удивлял.

Борьба моя за Разумника есть борьба за честного человека. Надо с ним лично переговорить и, если он... завернуть дело покруче. Но мне надо непременно и не откладывая бросить всякую болтовню в Москве, держаться строго, недоступно-независимо, появляться, говорить до крайности скупо.

Решение: как решено было бросить курить и бросилось. Так точно о деле охраны своего «места и минуты» с этого дня думать ежедневно и записывать, считая все ошибки и случаи забывчивости. Ни с кем свободно, кроме немногих своих.

1 Сентября. Вчера барометр сильно упал. Сегодня окладной, но теплый и, наверно, долгий дождь. Высыпали грибы. Вчера мы в Александровке охотились на тетеревов и брали (хватали) на ходу грибы. <*На полях:* Тайный гриб.>

«Человек — это звучит гордо» (как это глупо!). Человек... да что вы преувеличиваете, одного превозносите, другого унижа-

ете, смотрите просто: человек и человек. От самого большого и до самого маленького все те же недостатки и все те же попытки к хорошему.

По газетам в Польше героев еврейского процесса считают мучениками, а Зиновьева сравнивают со св. Петром.

— Я люблю свою родную страну Россию, но социализм я любить не могу, и никто это не может любить. Может быть, я признаю социализм полезным для моей страны. Так, может быть, я и евреев считаю полезными и признаю их общегражданские права в нашем союзе. Но любить их, как русских, я не могу. Вообще все измы находятся вне сферы наших привязанностей.

Молча движется история...

Молча движется страна в ту сторону, куда надо, и никакие слова об этом не выходят. Фальшивые слова сейчас у нас.

Мы так радуемся грибу, когда его находим, что, кажется, и он с нами радуется, между тем самому грибу...

То вырос гриб сам в лесу и мы его там находим в свой праздничный день, а то вырастает гриб шампиньон, нами посеянный в подвале и выхоженный. Там радуешься тому, что само выросло и досталось нам даром, здесь радуешься тому, что сами вырастили. Там гриб сам, здесь мы сами. Два миропонимания.

<*Приписка:* В Совете одни шампиньоны. Заводная Канарейка. В этой «религии человечества» скрываются, маскируя друг друга, два противоположных процесса: еврейско-эвдемонистическое господство (пошлость величайшая!) и наше саможертвенное «ничто».>

Оборот с Лежневым (не Вы!) гениален. Он может служить образцом в отношении борьбы с антисемитическими настроениями, с двурушничеством и т. п.

2 Сентября. Барометр все ниже. С трудом пробрались в Александровку и выбрались оттуда. Привезли множество белых грибов и 4-х птиц. Пришел Б[острем]. Он купил дом, но этот шаг, видимо, истощил его ресурсы: заболел и насела жена. Человек замучился и повторяется (истощен). Видение пророческое: все личное как путь святости ко всему прекрасному и все общественно-государств. летит к дьяволу.

Новоселье не удалось, семья погибала, но пришел простой человек и посоветовал купить петуха. Посмеялись, но купили, и как только петух закричал — все пошло как надо; к этому надо знать, что значит у нас теперь свой домик и что значит подвиг оставаться самим собой...

Рассказ «Петух» или «Новоселье» (народный рассказ).

Лесник Мих. Мих-ч, человек лет 60-ти, получил путевку в дом отдыха в Москву на 11 дней и поехал... А Карповы перебрались в Загорск, дом их забит.

<*На полях:* Начало рассказа. После мучительной стойки вылетели два тетерева, я хватил в одного, Петя в другого, и оба мы по два раза. Четыре выстрела в секунду было, и в следующую секунду рядом в кусту хватил нас 3-этажным словом русский человек, собиравший грибы. Мы захохотали, он тоже засмеялся, повторяя ту же ругань в дружеском тоне.>

Убедился, что народ читает мои рассказики в отрывном календаре и понимает — это приятно. И если сопоставить с тем, что и в Англии понимают, то можно гордиться: этого мог достигнуть, кажется, один Лев Толстой. Значит, так и надо продолжать писать детские и народные рассказы — раз, рассказы о животных, подобные «Жень-шеню» — два, роман «Начало века» — три.

В народных рассказах надо переходить от охотничьих рассказов к бытовым советским <*приписка:* Например, рассказ Петух и тоже Власть>: народную мудрость окунуть в современную жизнь (потому что ведь те же самые же эти русские люди живут и как-то приспособляются к новой жизни).

Так, напр., бабушка Настасья о нынешнем сложном времени так просто понимает: на ее памяти жили люди получше и похуже: сейчас похуже: а отчего? скота стало меньше, землю мало удобряют, земля перестала рожать. Что церковь ломают — это приезжему чудовищно, а бабушке хоть бы что, не в этом дело, а в том, как люди живут. Вот Николай Фадеич, скажем, какой человек-то был, а все-таки был осужден как кулак и умер в тюрьме ни за что, между тем дочь его поступила в столовую ГПУ и мало-помалу как самый верный, как золотой человек устроилась в НКВД, именно за те же самые отцовские качества, нажитые тем еще в лабазных мальчишках, дали счастье его дочери.

Куриный трест. Птичий трест с пищевым Вузом во главе, который у нас официально называют Птицеград, а в просторечье куриный трест, развел множество кур, и мало-помалу они наполнили весь район.

Несколько лет тому назад мы столько давили деревенских кур на дороге, что иногда совестно становилось ездить на машине. Бывало, шоферы грузовых машин то и знай подбирают. Я сам не раз вместе с ними в Константинове из общего котла хлебал куриный кулеш. Прошло с тех пор всего каких-нибудь три года, и ни одна курица больше не попадает в шоферский котел.

И вот как ко всему привыкаешь, если оно переменяется постепенно, что и не замечаешь. Долго я ездил и не замечал вовсе, что больше не приходится выглядывать из кабинки назад из интереса узнать, проскочила курица или осталась неподвижно лежать на дороге. Я спохватился только на днях в Константинове, где долго не был и где за последние годы развелось особенно много домашней птицы. Ехали мы с большой скоростью, врезались в целое стадо кур на дороге. Много было крику куриного, мелькающей <*зачеркнуто:* пестроты> белой птичьей, а и ни одной курицы не пришлось задавить. Когда я поставил машину в гараж и потом сел с шоферами за кулеш из копченой колбасы, мне вдруг вспомнились куры, и я спросил товарищей, почему это куры больше не попадают шоферам в кулеш.

— Поумнели, — ответили шоферы, — а вы как думали: курица глупа? Нет... жизнь идет, ездят на машине больше, и курица умнеет.

И правда. Я это на детях замечал: как поумнели маленькие дети! Но никогда в голову не приходило мне, что курица от жизни тоже постепенно умнеет.

— Позвольте, товарищи, — одумался я, — это я сам тоже думаю, и это верно: курица от жизни с машинами тоже умнеет. Но вот вопрос, какая курица? Если курица старая, то я понимаю: раз прошмыгнула под картером, два — хвост отхватило колесом, и в третий раз она остерегается. Но как же нынешние, молоденькие цыплятки, откуда же у них-то берется опыт?

— А на что же куриный-то трест, — ответил шофер, — на что же там у них профессора и всякого рода спецы: там каждое яйцо под номером... Молодые куры! Да ведь раньше-то молодая курица от матери ум брала: какая это наука. А теперь яйца без матери из инкубатора... Значит, ум не тот. Прямо в самом зародыше современная курица выходит умнее. — Вся жизнь

стала умнее и лучше, — сказал один. И ему ответил [другой] шофер: — Что умнее жизнь, это верно, а что лучше, то как кому: давно ли, товарищи, мы с вами ели куриный кулеш, а теперь вот едим копченую колбасу.

Сорочьи семьи. Осенью, пока еще не закрыл снег дорогу, сороки семьями своими в пять, в семь даже штук выходят утром и кормятся на своем участке дороги. Ездишь по знакомой дороге часто и замечаешь там и тут и едешь, считая, от первого сорочьего гнезда до второго...

Заосеняло. Мухи стучат в потолок... Воробьи табунятся. Грачи на убранных полях черным-черно. Сороки семьями штук по пять, по семь пасутся по дорогам. Роски <*зачеркнуто:* утренние седые> холодные, серые. Иная росинка в пазухе листа весь день просверкает...

3 Сентября. А. Щербаков (2-го Апр. 1936 г. «Известия») вопреки нашему с ним объяснению опять, перечислив тех писателей, которых можно печатать массовыми тиражами («всяких много!»), не упомянул меня даже как «и др.». Случайно газета эта (в свое время нечитанная) попала мне в руки сегодня ночью, и я прочитал ее за новую и, помимо всякого смысла, затосковал (не упомянули о мне, кто столько лет стоит у простоты языка и народности: именно, по словам Щерб., за простоту и народность избраны были все перечисленные). Между тем «бригадиры от литературы» (Гронский, Щербаков и за ними, за дураками, целая колонна сознательных разрушителей народности, простоты, языка), давно мною сознано, стоят вне литературы, и их слова фактически ничего не значат (и квартиру дали, и массовый сектор охотно меня издает). Это заставило меня объяснить свою обиду общей зависимостью писателя от общества. <*На полях:* Переговорить с массовым сектором в Гихле.>

Обида и похвала — это две руки, которые подвинчивают (неприятное чувство) и смазывают (сладкое чувство) сердце обыкновенного маленького человека в писателе. До конца освободиться от этих опекунов никакому писателю невозможно, оставаясь писателем профессиональным. Но облегчить свою участь можно так:

1) При обиде надо становиться к врагам лицом к лицу, считая, что так потеряешь времени и сил гораздо меньше, чем

если будешь отравлять себя. Это правило я испытал на себе много раз и всегда благотворно. С другой стороны, видел много неудачников, отравленных до конца пассивным переживанием обиды под предлогом презрения к врагам.

2) С похвалой бороться гораздо труднее, потому что без этого даже и вовсе не проживешь. Тут надо прежде всего научиться различать похвалу, которая просто помогает работе, открывая тебе самому глаза на свой путь, и ту похвалу, которая навертывается на твое имя, как мокрый снег, и превращает в баловня или просто в болвана, для того чтобы в один прекрасный день, когда ты растаешь, посмеяться над твоей глупостью. В сущности, такого рода похвала есть коварнейший способ нанесения обиды.

Приходил Б., и я понял, почему он долго не был: он, наверно, тренировал себя в молчании: разговор серебро, молчание золото. Так бывает, что когда тоска схватит тебя, ты, спасаясь от боли, говоришь откровенно в самом задушевном тоне с первым попавшимся человеком. Так, избывая свою боль на людях, как простая женщина (у них по-другому: женщины ближе друг к другу), ты попадаешь в чужие руки и страдаешь по-другому, воображая себе всюду врагов.

А то бывает в болтовне опасное место: ты сознаешь, что именно об этом нельзя говорить с посторонним человеком, и тебя тянет прямо туда и ты начинаешь на опасном месте играть с человеком. Таких болезненных разговорчивых людей особенно возбуждают люди серьезные, уравновешенные и ограниченные... (трудно выносить их молчание). Во всех этих случаях постоянная упорная мысль о том, чтобы сделать другому удовольствие, а нет удовольствия больше для всякого, как сделаться его внимательным слушателем. В этом надо тренировать себя и не уставать от этого никогда. Это есть в манере разговора англичан: они искренно говорят о себе то, что можно сказать, располагают тем к себе человека и начинают его внимательно слушать.

Гриб растет ведь только до того времени, пока его не найдут: после этого он делается предметом потребления. Так точно и писатель растет. Одну книгу возьмут, и опять из той же подземной грибницы, пользуясь теплым дождиком, надо расти, пока не придет и не откроет тебя потребитель и не срежет тебя под корешок. В молчании под сенью листьев и хвои совершается творчество. Вот почему художники, писатели, арти-

сты всех времен и стран прославляют природу с ее лесами, горами, океанами и пустынями.

Русские дураки охотно превращаются в тараны для разрушения русской народности...

Грибник. Мы вдвоем ходили по тетеревам и стреляли из-под одной собаки. За поясами у нас, кроме того, было по мешочку для грибов. Правда, нет ничего вкуснее молодых тетеревов с соусом из белых грибов. Случилось в этот раз, что мы наломали грибов по целому мешочку, а выводка ни одного не нашли, стали побаиваться, что соус домой привезем, а жареного так и не будет. Тогда, оставив бесплодные искания в Поддубнике, мы перешли дорогу и пустили собаку в Подмошнике. Сразу же собака повела по свежему следу и поползла. Погода была чисто грибная, то солнце, то дождь теплый. В мокрой траве, прислушиваясь к ходу собаки, быстро бежали.

Собака нас обманывала поминутно: станет, и сам стоишь — вот-вот вылетят, а нет ничего, и опять она ползет, а мы за ней. Наконец они вошли в куст, Лада сделала круг и пришпилила наше жареное. Мы расположились так, что один влево стреляет, другой летящего вправо. И после мучительной стойки наконец случилось по нашему желанию: одна птица полетела влево, другая вправо. Раз — промахнулся я на большом расстоянии, два — и убил. Петя тоже, измученный напряженным ожиданием, два раза хватил и убил. Вышло в одну секунду четыре выстрела, и вслед за тем из недалекого куста как выстрел грянул трехэтажный разряд русского человека. Мы побледнели, опустив ружья. В кусту, из которого послышался разряд, стало тихо.

— Неужели? — сказал я.

— Ерунда, — ответил Петя, — если бы мы ранили, он бы стонал, если бы убили, то разве может человек, умирая, так безобразно ругнуться.

— Ничего ты еще не понимаешь, — начал было я, — именно раненый человек... — и не кончил.

Из подозрительного куста вышел грибник с огромной корзиной, повторяя то же самое ругательство, но в обратном значении: ругая теперь этим же ужасным словом, он как бы дружески нас обнимал и восхищался тем, что мы добыли жаркое. — Ну и стрелки! — говорил он. И прибавлял к стрелкам в самом дружеском тоне свое ужасное прилагательное.

Через минуту мы покуривали с грибником и разговаривали как старые друзья, и, вспомнив оборванную фразу, я сказал Пете:

— Ты на войне не бывал, а сколько раз мне приходилось это видеть: хватит шрапнелью русского человека, и он только выругается.

<*Приписка:* Грибник понял нас и сказал: — Ну, конечно, когда думаешь, что жизни решился, — один разговор, а встретишь приятелей — другой...

— Разговор другой, а слова те же.

— Не в словах дело, а в мысли. Охотник — это что! были бы ноги, вот и охотник. А грибник в лесу всегда ходит с мыслями. А тут вдруг — бац! Смерть!

Сел чистить грибы и сказал: — Человек смерти боится: чудно! вот гриб... >

<*Приписка:* Выходит, смерти нет никакой, а человек смерти боится. Тут я вспомнил ... грибника... и ответил ему: — Вот ты говорил, что смертельно раненый человек не может ругнуться. А я сам свидетелем был на войне, как полруки хватит шрапнелью, он только успевает ругнуться.>

<*Приписка:* Известно, что Аксаков заканчивает свои охотничьи очерки словами о том, что та или другая добыча, дичь оказалась потом очень вкусной.

Между тем тоже известно, что будто бы настоящие охотники, как и породистые собаки, никогда добытую дичь не едят. Я не разделяю [поведения] породистой собаки и, как Аксаков, чрезвычайно люблю есть добытую дичь. И в особенности люблю молодых тетеревов с соусом из белых грибов. Нынешним летом [вышло так], что [урожай] белых грибов как раз совпал с лучшим возрастом тетерева.>

Самурай. Немецкие легавые, курцхары, очень пригодны для охоты в лесу: поиск у них неширокий, всегда видишь собаку и на умеренном ходу мало утомляешься. Мне случалось весь сезон ежедневно охотиться с одной и той же собакой. И такая вышла мне однажды беда: от одной и той же наследственной болезни сердца умерла моя знаменитая Кента, вскоре за ней Нерль, дочь ее, и Дубец, сын. В то время как раз в Москве мне дали комнату для занятий литературой в московских условиях. На первых порах мне пришлось применить ее для поиска в Москве немецкой легавой <*приписка:* весь день бегал по этим делам и домой только спать приехал>. Наконец созвонился с одним бухгалтером.

— А если два года собака сидела на цепи без натаски, — спросил бухгалтер, — можно из нее что-нибудь сделать?

— Моя Кента два года лежала на диване у московской актрисы, — ответил я, — и то вышла какая собака!

Оказалось, что у брата бухгалтера, не охотника, жил как дворовый пес на цепи родной племянник моей Кенты: чистокровный курцхар, по кличке Самурай.

Я обрадовался выше всякой меры, и через несколько дней Самурай был у меня. На всякий случай, чтобы собака не шмыгнула в коридор и чего доброго там не наделала, я привязал ее к радиатору и подстелил половик.

Самурай ночью вел себя скверно. Утром я подошел, чтобы взять загаженный половик, и только протянул руку — хвать! Самурай на меня, и с такой злобой: глаза кровью налиты, зубами щелкает.

— Самурай, что с тобой?

— Гы-ы!

— Самурай, Самурай!

— Рры-ы-ы!

Так ничего и не мог сделать я. Дождался десяти утра, звонюсь на службу к бухгалтеру.

— Вот в чем дело, — ответил бухгалтер, — мать Самурая, отличная охотничья собака, была приучена охранять вещи охотника. Отец мой ухитрялся на вокзале даже ружье и рюкзак оставлять возле собаки: никого не подпустит. А Самурай неученый, ему передалось, что надо хранить <*приписка:* все возле себя>, вот он сходил и хранит. Я так понимаю.

— Что же делать? — спросил я.

— Позовите дворника, — посоветовал бухгалтер, — вы будете обманывать кусочком сала или мяса, а дворник выдернет. После того попробуете пустить свободно.

Мы так и сделали. А когда Самурай убедился, что хранить ему нечего, легко дался спустить себя. Отрезая маленькие кусочки сала от большого куска, я давал ему их, оглаживая. И мне казалось, мы подружились.

Мне зачем-то понадобилось выйти на минутку из комнаты. На столе лежал кусок сала. Я уложил Самурая на пол, чтобы он лежал и стерег, как делала его мать. И только, вернувшись, открываю дверь, Самурай как тигр на меня. Я понял: <*приписка:* на столе сало лежит,> он это сало теперь хранит, не хозяина, не человека, а сало... Спускаюсь вниз, покупаю в лавочке кусочек сала, на чуточку открываю дверь, даю понюхать, выманиваю,

и пока он ест в коридоре — я в комнату к салу, и вслед за мной верный, уже опять ласковый Самурай. А через некоторое время <*приписка:* он, поев хорошо сала,> идет к радиатору и на старое место, но уже без половика. Чуть я тронусь туда — он рычит. Занял территорию в три четверти комнаты и оставил мне только проход от стола к двери. <*Приписка:* Хорошо хоть, что это осталось и можно было выйти и позвать дворника.> Зову дворника. И думаем вместе, как быть.

— Самурай! — сказал я ласково.

— Гы-ы-ы!

— Замарай! — сказал дворник.

— Ры-ы!

— Ничего не поделаешь, — сказал дворник, — нация такая.

Дворник ни малейшего понятия не имел, что Самурай значит японский дворянин, и даже упрямо выговаривал это как Замарай <*приписка:* и нация, конечно, у него не значила японская нация>: «нация» у него значила не то породу собаки, не то характер индивидуума.

Ну и повозился же я с этой «нацией», пока наконец удалось [научить], что не в вещах дело, а в хозяине, и что нельзя гадить и за эту дрянь свою <*зачеркнуто*: биться> стоять. И ничего все-таки вышла собака, правда, с коротким чутьем, и звали все мы ее не Самурай, как стояло в аттестате собачьем, а Замарай.

4 Сентября. Стахановец.

— Все куплю! — сказало злато.
— Все возьму! — сказал булат.

Некоторые товарищи источником и первой причиной <*приписка:* злой кулацкой> собственности считают «бабу». Извините меня за выражение: так они и говорят «баба» <*зачеркнуто:* в наш век коммунизма>. Люди эти малокультурные и несознательные. Я считал и всем это разъяснял, как мог, что сама женщина долго была законной и <*зачеркнуто:* до сих пор> незаконно часто тоже <*зачеркнуто:* является> собственностью. <*Приписка:* Да, я так говорил в нашем культпросвете: ...Не в нашей избе началась собственность.> — Нет, — говорил я часто в нашем культурно-просветительном кружке, — происхождение собственности начинается не в нашей избе, а пришла она к нам из далеких стран из давних времен.

И рассказываю дальше, как изложено у Августа Бебеля: Женщина <*зачеркнуто:* и социализм> в прошлом, в настоящем и будущем.

И заключаю тем, что недостойно в современности женщине являться следом буржуазного воспитания и, конечно, с этим надо бороться и освобождать женщину, а не осуждать.

И меня слушали, многие с моих слов брали книжки, а уж когда человек начал в книжке правду искать, тот человек вреда не сделает.

Но только однажды я так читаю им в клубе, вдруг один гражданин поднимается и говорит:

— Товарищи, это он нам зубы заговаривает, а сам на кулачихе женился.

Вслед за этим другой, третий, и так осекли...

На мои слова некоторые несознательные товарищи в дискуссии начинают разбирать нашу рабочую жизнь, приводят примеры, и каждый раз непременно, бывало, задевают меня: ты, мол, сам на кулачихе женат. <*Зачеркнуто:* в чужом глазу сучки считаешь, в своем бревна не видишь?> И тем осекали.

А между тем это было действительно. Я ведь Лизу взял за одну красоту <*приписка:* и ни о чем больше не думал>. Мне уже потом, когда мы втайне сошлись, донесли: дочь она кулака, что ты делаешь: ведь тебя же забьют, ты всю жизнь себе испортишь. Правы они были, надо бы отстать, бросить, как многие делают. Но я упрямый: первое, ведь я не знал, когда сходился, что она дочь такого кулака: она ведь была пришлая. Второе, сходился я с ней не из корысти и ни о чем не думал: разутая, раздетая ходила, я за одной красотой погнался без всякой корысти. И третье, стыдно: полюбил, сошелся, а как узнал, что дочь кулака и невыгодно, — бросил. Нет! Нет, женился я, официально расписались в браке. И весь навоз этот, поклепы, суды-пересуды решил смыть трудом своим и устроить себе жизнь счастливую и зажиточную.

<*На полях:* Пианино. В умном труде рождается власть. Я испытывал власть свою над горой, давал руду. И власть моя над горой перешла на людей: мало-помалу стали меня все уважать, и про Лизу никто не смел мне сказать в глаза худого слова...

Только в доме у меня была своя тайная жизнь, но в то время я согласился бы скорей за каждое слово о ней палец рубить себе, чем это слово сказать людям. Я ведь брал ее за одну красоту... Так я и в кино стал ходить из-за красоты. Все не понимал: зачем кино. И раз вижу, водица при месяце, как в природе, и так я обрадовался и понял: вот в чем дело, из-за

красоты. С этого после и пришло ко всему понимание. Так и тут было: из-за красоты.
Пианино в доме.
Пианино в Москве.
Пианино — струна.
Она прячет.
Описать настроение прятания из-за страха будущего.>

<*Приписка:* В умном труде власть твоя рождается. И у меня рождалась эта власть над горой, и я давал уголь больше других. Я как пьяный взялся и все победил: забыли мою кулачиху, все простили...>

Испытывал я власть свою над горой и давал <уголь *испр. на:*> руду. Напечатали в газетах мой портрет, дали орден, высоко вознесли и так ласково спрашивают в Москве: — Сколько ты зарабатываешь? — Я отвечаю, конечно: тысячи зарабатываю. — А куда, — говорят, — деньги деваешь? — Домик отделал, — говорю. — Очень хорошо! — говорят, — а еще что? — Жену одеваю. — Неплохо, ну, дальше... — Купил патефон и пианино. — Играть умеешь? — Стыдно мне ужасно стало от этого вопроса, смешался я и ответил: — Нет, я играть не умею, но даю свое стахановское слово, что к следующему году научусь.

<*Приписка:* Никто не усмехнулся. Все поверили в мою простоту. Но сам я... И своего ответа еще больше застыдился и смешался совсем.> Я так глупо ответил оттого, что смешался, и стыдно мне: кому это надо, правда, чтобы я непременно через год играл на пианино...>

А суть была в том, что как только показалось у меня дно, то смертная борьба у меня началась с женой. <*Приписка:* Никто этого не знал, все думали: вот это счастливая жизнь.> До чего она женщина оказалась — сказать невозможно. Покупная вещь, наша вещь, чуть в руках у нее побывает: моя! Мало того, если и «наша» скажет, то это значит самое подлое: другой человек тут уж к нам не вотрется. Голую, нищую взял за одну красоту, и вот какая власть красоты: что ни заработаю, все на нее проваливается, и под самый конец вот пианино купили, а оба играть не умеем.

Вот отчего я так смешался в Москве и так ответил, что научусь через год. Сам я про себя в Москве великий зарок дал в другом. — Как это, — я подумал тогда, — с горою справился, и так высоко меня за это поставили. С горой справился, а с собственностью этой в женщине поделать ничего не могу. — На-

учусь я играть, — сказал я — а сам тут же решил научиться, да не тому: научусь я играть на одной струне. С горой справился, справлюсь и с этим.

И, твердо решив про струну, уехал домой. <*Приписка:* Струна эта у жены моей была гордость, а трусость ее так [прямо] из красоты выходила сама собой. На этой струне я и решил поиграть.>

<*Приписка:* Испытывал я власть свою над горой и давал руду, но женщина досталась мне труднее горы.>

Однажды в выходной день мы сидели у окошка. Шел осенний дождик третьи сутки: из дома выходить незачем. Она пришивала к желтому шелковому платью синие ленточки, я бритву правил. Мы уже больше ничего не говорили между собой. И сказать ничего нельзя было: ей все не нужно, что мне мило, а что ей мило — мне на это противно смотреть. Но она, я чувствовал, была в моих руках, она боролась со мной только тем, что дано ей от предков ее, кулаков, а у меня вот уже два месяца зрел план: я боролся сознательно, стахановским методом. Вот уже два месяца я копил деньги и ей ничего не давал. <*Приписка:* Два дела достигал: копил деньги и ее, как мне нужно было, раздражал.> Я ее довел до белого накала. — Для чего ты деньги копишь? — Хочу испытать свою власть над горой, — отвечаю. Она посмотрит на меня внимательно и отвернется...

Вот сидим мы молча, я бритву правлю, барыня ленточки пришивает. Потом бритву я выправил, ножик принес: выточил ножик. Она же шьет и поглядывает изредка. У меня же все план: я все нарочно вперед задумал. Человеческая душа не коровья: посмотрела на бритву, посмотрела на ножик острый, широкий. После ножика принес наган, чистил, чистил, проглядывал на свет, патрон заложил и с наганом вышел... и вернулся с деньгами.

Увидела она деньги. Я их копил, и она никак знать не могла, что у меня такие деньги были. Жадная она. А я накопил денег за два месяца, [были] и премии и кое-что продал: денег было, я знал, ровно пять тысяч, и лежали они у меня, хранились тысячами, пять бумажек в бумажнике из синей рыбьей кожи...

— Вот, посмотри, — говорю ей, — пять тысяч. Я нарочно их копил. Вот зачем. Неладно у нас с тобой из-за этого: вот я и копил... Я это тебе.

Она просияла.

— Одно только условие, — сказал я, — вон дорога, грязь, прохожие люди идут, я брошу туда, а ты подними: твои будут деньги.

Открыл окно и зашвырнул прямо на середину улицы на самое видное место.

Она побелела.

— Да смотри, поспешай, а то ведь возьмут: пять тысяч!

Я хорошо знаю: гордость у нее одолеет жадность. И на такой худой конец тоже имею расчет: если побежит за деньгами. Тогда надо все кончить. Я приготовился. <*Приписка:* Пусть, деньги ей пригодятся, а я...>

— Смотри, — говорю, — вон человек какой-то идет.

С костылем человек идет вроде паука, серый, облезлый, старый. Идет он, стучит железный костыль по камням, ближе и ближе.

— Спеши, — говорю, — спеши, Лиза! Счастье ведь...

Сидит белая. И если бы ножик ей сейчас или наган, зарезала бы или застрелила.

А серый человек в лохмотьях увидел и потянулся. Однако есть еще время.

Серый человек увидел.

— Иди, — говорю, — иди.

Серый человек наклонился.

— Ведь паук отнимет Счастье.

И посмотрел.

— Поди, отними: я помогу.

Серый человек сливается с серым забором напротив. Исчезает напротив в кусту бузины.

Вдруг она вскакивает, хвать ножницами по платью и руками и все в куски, а сама в спальню и там на кровать... как это у них [водится]...

<*Приписка:* ножницами на мелкие кусочки и в спальню и там легла и голову покрыла, завернулась.>

Смотрю, не шевелясь, на куст бузины, и хотя не видно мне ничего за кустом, но так будто и вижу: сидит он у забора, заслонился кустом и считает, считает...

Деньги.

1) Клин клином вышибить!

Стал и я тоже деньги копить...

2) Сцена у окна: когда выкинул деньги, начала резать платье. А я подумал: это хорошо, это от гордости: такая не побежит. Я так ей и сказал:

— Это хорошо!

Она же вся потемнела <*приписка:* и черно-зеленые глаза, брови собольи>. Подошла к умывальнику. Взяла [мокрое] полотенце, обмотала им голову и в кровать легла и одеялом завернулась вокруг себя. Рядом с собой на простыне ножик положила. Я это понял: «Подойдешь, коснешься, зарежу».

Сцена с серым человеком.

Конец: ночь: где теперь искать...

Долго сидел...

Вернулся: она как легла, так и лежит. И ножик рядом.

Что же это, спит ли она?

Стал я на колени перед кроватью и говорю шепотом:

— Лиза!

Молчит.

— Лиза! — повторяю, — возьми ножик, зарежь меня.

Молчит.

Положил я ножик на окошко. Сам разделся.

И это была наша первая настоящая брачная ночь.

Погано мне стало, что сидит тот «счастливый». Отниму-ка я у него, кстати, и она успокоится: все, что надо, сделано. Беру я на случай наган и к бузине, а там нет никого. Во всю даль серого забора посмотрел: не увижу ли на сером серого — нет! Стал разбираться в следах, а он, оказалось, не сидел и не считал деньги за кустом бузины. Он костылем своим железным за это время подкапывал под забор и нырнул туда, а там овраги, скрещенные зарослями самыми-самыми частыми. <*Приписка:* Уполз.>

Плюнул я на все и вернулся домой.

С этого разу мы стали друг к другу привыкать. Несколько времени она со мной работала в шахте. Сейчас грудью кормит ребенка. Ничего сказать худого о жизни своей не могу: живем хорошо. Но только скажу прямо, что соглашусь целую гору один раскопать, чем еще раз попасть в переделку. Всю эту историю жена кое-кому рассказала из своих, и теперь, когда я в культурно-просветительном кружке начинаю заступаться за женщину, кулачкой больше никто меня не осекает.

<*На полях:* Начало: Отчего это бывает, если где-нибудь насмотришься на картины и выйдешь на улицу, то кажется на улице каждое лицо интересным, значительным, как на картине, и, как лица людей, тоже и дома на бульварах, и дым на небе и свет на всем, главное, вот

этот свет солнечный понимаешь как волшебную живую воду, от которой всякая мелочь живет и получает красоту.

Тоже вроде этого у меня было и с книгами. За любовь мою к чтению меня звали везде, куда я ни показывался, Максимом Горьким. А я, если правду сказать, <*зачеркнуто:* не книги читал, а жизнь> не в самих книгах находил сладость. Книги для меня были тем самым, как свет от картин, когда выходишь на улицу. Если я о людях прочитаю, выхожу на улицу и смотрю, смотрю на людей, и мне кажется, в каждом лице жизнь этого человека я насквозь прочитываю. А если читаю научное, <*приписка:* то сходится во мне, и я чувствую по себе, как лицо> то радуюсь открытиям, и мне кажется тогда, что если бы люди захотели жить согласно своему разуму, то хорошо бы они могли жить на земле! Случилось мне однажды прочитать книгу географа Реклю о горах огнедышащих.>

5 Сентября. Ходим за грибами. Обдумывал «Стахановца» и «Грибника». Жду Насимовича. Петя готовится. Прошло тяжелое жаркое лето.

Углубляюсь в себя и в этом мне хорошо и кажется, что вот не надо бы и сходить с этих рельс.

Среди пряных запахов в осеннем лесу есть такой аромат, что, схватив его на ходу, начинаешь непременно искать повторения. Бывает, нападешь и опять обдаст тебя всего ароматом, но сейчас же опять потеряется, и так источника этого очарования и не найдешь, как будто кто-то надел шапку-невидимку и <*зачеркнуто:* прячется от тебя> с тобой играет... (вокруг березки ходил и не поймал).

Втяпался ногой в большой белый гриб.

«Счастливое» наше время нынешнее, захватив немного и будущего, я несколько вперед всех нас пережил.

<u>Тайный гриб</u> ждет меня, и этот мой гриб всегда на меня смотрит.

Однажды пошел я на охоту за грибами и рябчиками, но, увидев на земле разноцветные осиновые листья в росе, стал собирать их и так набил полный рюкзак опавшими листьями. Так и вся моя охота, о которой я столько написал охотничьих

рассказов, по существу своему есть охота за своими опавшими листьями.

Рост. Мало-помалу определяется, что не так-то уж очень надо гоняться за материалами: довольно взглянуть, и можно писать. Я это понимаю как рост доверия к себе самому. Много изучают и проверяют себя при научной работе, но в искусстве доверие к себе, к своему первому взгляду есть самое главное. <*Зачеркнуто:* Но и в науке, наверно, новое что-нибудь открывает непременно доверие к себе.>

В дождик идешь по грязи под небом серым, безнадежным, деревья сливаются все в один сплошной зеленый забор. Но когда входишь в лес, в его слезы, то начинаешь ко всему приживаться, находить необыкновенное и удивляться. (Гроза снесла дерево. Стоит пень на изломе апельсинного цвета, окруженный кустом рябины и елками. Само дерево кругом заросло. И по всему стволу густо покрыто опенками. Тут же и заяц лежал.)

В грибном лесу полянка другой полянке руку подает через кусты, и когда эти кусты переходишь, на полянке тебя встречает твой гриб. <*Приписка:* Самый тайный гриб — это мой: он таится от всех и ждет меня. А когда я к нему подхожу, он на меня смотрит.> Тут искать нечего: твой гриб всегда на тебя смотрит.

Гриб рос в лесу тайком, и никто его не увидел: рос и рос. Когда же состарился, то его могучую «ножку» стал червь точить и мало-помалу добрался до шляпки и всю ее источил. После того гриб упал и рассыпался. Но червь съел только что ему надо, а чем гриб живет, то осталось, и вот опять и опять грибы растут на том месте. <*Приписка:* Так живут грибы, и смерти своей личной, как у нас, у них нет. Смерть у них общая, — когда лес вырубают и раскорчевывают.> Но почему же люди смерти боятся и думают, что черви их так после смерти источат, что ничего вовсе и не останется?

Урожай рябины небывалый, а дроздов почему-то нет: людям горько, птиц нет, вот и осталась вся прелесть в лесу.

6 Сентября. Возил Павловну с ее девками в лес за опенками. В два часа они собрали маленьких грибов нам на всю зиму. Я же бродил и, раздумывая о рассказе «Стахановец», поставил себе вопрос о расширении этого рассказа в повесть, подобную

«Жень-шеню», но в обратном направлении: там герой упустил свою ланку, здесь пусть он схватит ее за копытце. Красота горы (природы), противопоставленная мещанству («пианино»). Герой освободит женщину от ее мещанства, играя на гордости ее, связанной с красотой.

7 Сентября. Вчерашняя мысль о включении кавказского материала крепнет. Человек, наивно восхищенный красотой и знанием среди кавказских гор, вроде Максима Горького. «Гора» — вся красота (р. Ардон). «Пианино» — вся сила мещанства. Начать анализ с того, что пролетарий принимает мещанство (дом, наряды жене и проч...) как «счастье», а жена своим поведением открывает «первородный грех» этого счастья (собственность кулацкая).

8 Сентября. Сплошной дождь всю ночь и буря.

Мой герой должен выйти из Максима Горького (как он о себе рассказал). Женщина или русская: т. е. Павловна или мать моя: в будни — кулаки, в праздник — пир на весь мир. Или же пришла в Осетию из Кабарды, т. е. «черкешенка» русской литературы.

«География» — это состояние всепрощающей широты души. (У меня было оно при разливе реки и спаде воды: показалась Италия, Испания, Греция и др.) Сделать «географию» из гор и облаков: похититель денег исчез в тумане, и вместо него «география» и радость такая, что на коленки стал и начался пир на весь мир.

Слова мудреца, как осенние листья, падают без всяких усилий...

Чем женщина <*зачеркнуто:* мужественней> больше похожа на мужчину, тем слабее и уязвимее она как женщина, и вот почему у достойнейших женщин мужья бывают часто пьяницы и вообще ничтожные люди (Дуня и Рыжий)...

Рисунок моей повести.

Рудник — ☼ — лампа-звезда. Гора. р. Ардон

Темы: Гора + Пианино. Он (Максим Горький) + Она (Русская). Красота и Гордость. Весна — туры. Буки — кабаны (ночь).

Научиться хорошо писать по-русски, лично минуя русские переживания...

Приехал Р. В. Иванов. Рассказ его об одном Дон-Кихоте из евреев, посаженном в сумасшедший дом. Повеяло чеховским рассказом о двух приятелях, которые говорили всегда о том, что все хорошо знают, напр., что Волга впадает в Каспийское море.

И ведь у Дон-Кихота своего тоже в голове ничего не было, он был обескровлен для рождения идеи и жил по книгам. Ему не хватало того, что с избытком было у его слуги: крови для жизни. Конечно, и у евреев есть свои дон-кихоты, но представителем евреев является «Посредник», но никак не Дон-Кихот.

Вообще Иванов-Разумник похож на то шило, которое нельзя в мешке утаить. Так и прет из него начинкой старой русской интеллигенции. Он никогда не поймет, что большевизм родился в процессе реализации интеллигентских чаяний, что Керенский, Чернов, Плеханов, Троцкий ходом событий во всем мире, а не только у нас, непременно приведены бы были к тому самому, что делает теперь большевизм: делает государство силой принуждения, потому что кругом никто государства и обязанностей к нему выполнять не хочет: всякий хочет быть «сам по себе».

Перед новой конституцией после расстрела «двурушников» чувствуется упадок и то особенное восприятие русской жизни, когда видишь, что она в существе своем, выражаемом «нá хуй мне это все», совершенно такая же, как и была при моем рождении, больше полвека тому назад. А все новое, электричество, автомобили, самолеты пригляделись, не удивляют, не освежают, а будто это так и должно быть: что из этого, если телегу заменил грузовик: люди совершенно те же самые.

Я испытал это чувство на днях у прудика возле гаража. Свалилась лошадь в воду, и человек 15 ее доставали. Вода ужасно воняла, люди сыпали «мать» без конца: лезть в воду холодно и грязно, за веревкой идти никому не хочется. Вытащили голову лошади из воды и держали ее, чтобы лошадь не захлебнулась. — Самое главное, — говорил кто-то, — чтобы в ухо воды не попало: как попадет, так каюк. — Подошла m-lle Marie, нищенка, говорящая по-французски. Почему-то она часто приходит к вонючему прудику и смотрит в него. Шоферы признают в ней помещицу, у которой здесь раньше стоял дом, и пруд этот

был ее усадьбой. На самом деле Marie была гувернанткой у каких-то знатных людей, которых во время революции услали. Вся эта сцена вытаскивания лошади до того мне приблизила старую Русь, что казалось, и электричество и все эти грузовики были и тогда и если даже не были, то это вовсе ничего не значит: не в этом дело, а в человеке.

Приходил чинить швейную машину молодой человек и говорил много и хорошо о стахановском движении в том смысле, что и подтягивает рабочего и создает интерес для старания. Так, значит, есть и «честный люд прелестный». Вопрос, в каком численном отношении они к пьяницам и моральным... не есть ли...

«Эпигамное поведение» или предбрачные игры животных.

9 Сентября. Разумник Васильевич решился наконец о себе написать письмо Сталину. — Как же вы обратитесь к нему? — спросил я. — Напишу без обращения, — ответил он, — не могу и не могу писать «дорогой», а уважаемый и даже многоуважаемый написать нельзя. — Напишите глубокоуважаемый, — ответил я, — и будет хорошо. — Вы-то как писали? — спросил он. — Я писал «глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович». — Р. В. ничего не сказал, но, видно, согласился. Этому и Сталин должен бы порадоваться: если Разумник решился написать ему, то значит, врагов у него со стороны интеллигенции нет.

11 Сентября. (Иван Постный.) Хватил мороз. Болото все белое. Когда солнце разогрело, то кочки с солнечной стороны обтаяли и стали зелеными. А в тенях, бросаемых кочками, оставался мороз, и тени эти были голубые. Изредка попадались по морозу очень стромкие бекасы, но дупелей вовсе не было. Из Алмазова мы попали в Александровку, убили там вальдшнепа и тетерева. Потом в Михалеве пробовали молодого петушка в [сменных] перьях.

Насимович приедет только в конце Сентября. В связи с этим начинаю колебаться относительно поездки на Кавказ.

12 Сентября. Сады в Нальчике потому не сады, что нет тех, кто их сажал, нет изгородей, отделяющих один сад от другого, нет даже жилищ: это скучное повторение одинаковых фрукт. деревьев, обмазанных снизу известкой.

Есть великая радость в сближении с девственной природой и великая печаль при ее гибели. Возрождение утраченного является в личной деятельности человека, восстанавливающего природу. Однако лишь при личном участии начинается возрождение: нет личности, и нет новой природы. Сад без личности — пуст, в посаженной роще спрашивают — кто ее посадил. Возможно, что кто-нибудь сделает сад, имея в виду общество, но это будет возможно, когда общество будет едино, как личность; впрочем, возможны государственные парки (Павловский парк), однако они не могут заменить яблоко от своей яблонки...

Уничтожая девственную природу, человек потом у нее как бы просит прощения и, сам через это возрождаясь, ведет вслед за собой сады, рощи и парки.

Копыто. Рассказ.

Десять лет тому назад я купил себе в Загорске небольшой деревянный домик <*зачеркнуто:* с пустырем> и участок в 10 × 100 кв. саженей и поселился. <*Зачеркнуто:* Рядом со мной жил драч.> К соседу моему приводили старых лошадей, он их колол, пользовался мясом и шкурами, а кости растаскивали чужие собаки. <*Приписка:* (Вскоре потом это дело ему пришлось прекратить.)> Множество обглоданных и обветренных костей тогда валялось и на моем участке. Купив дом, немедленно я обставил все свое место хорошим забором, кости все выбросил, пустырь распахал и устроил огород.

В то время у меня были собаки Ярик — ирландский сеттер, Кента — немецкая легавая, дети ее — Нерль и Дубец и гончий Соловей. Все эти собаки, свободно гуляя на огороженном участке, время от времени выкапывали себе откуда-то старую лошадиную кость и возились с ней, пока я не перебрасывал ее через забор обратно к соседу. Мало-помалу таким образом были уничтожены все следы прошлого беспорядка, и началась у нас с собаками хорошая жизнь.

Летом я писал обыкновенно в огороде под единственной липой на самом простом столике. Однако писать мне очень мешали собаки, они постоянно то играли между собой, то ссорились, при играх пыль летела мне в глаза, при ссорах обиженное существо жалось к моим коленям. Грубо разгонять своих приятелей не было в моей манере. Я должен был судить, наказывать. Часто злился, и это мне очень мешало работать.

Случилось однажды, Кента недалеко от моей липы выкопала из-под земли лошадиное копыто, давно обглоданное, без

11 Зак 3028

всяких признаков на нем чего-либо съедобного, просто это было голое копыто из рогового несъедобного вещества с железной подковой, пробитыми <*зачеркнуто:* через копыто> и загнутыми гвоздями. Увидев это копыто, я хотел было по своему обыкновению швырнуть его к соседу через забор, но странное, исследовательски внимательное, не то чем-то озабоченное, не то чуть-чуть испуганное чем-то сверхъестественным, непонятное выражение Кенты меня заинтересовало, и я невольно отложил расправу с копытом.

Поведение Кенты возле находки обратило внимание всех других собак. Они окружили ее, не подходя, однако, близко, как только кто-нибудь переходил невидимую черту запрета, Кента злобно рычала. Только мало-помалу умная Кента пришла в себя и определила свое поведение в отношении таинственной находки. Она захватила всей пастью копыто вместе с железной подковой, легла у ног моих под столиком, устроила копыто между лапами, а сама, освобожденная от неудобной ноши, властным взглядом окинула всех других собак, Ярика, Нерль, Дубца и Соловья. И сейчас же они все, как бы подчиняясь ее властному взгляду, легли полукругом возле моего столика.

Мне очень кстати пришлась эта новая спокойная организация моего собачьего мирка при помощи таинственного копыта. Будь это съедобная кость, Кента принялась бы ее грызть, остальные собаки, быть может, вдали полежали бы, поглядели бы некоторое время с завистью, в надежде, что Кента забудется, убежит зачем-нибудь, и тогда по собачьему праву на собственность каждый может захватить и завладеть ей. Там при съедобной кости даже самый хруст, иногда столь продолжительный, мог бы раздражать меня и отвлекать от работы. Но здесь при совершенно несъедобном старом выветренном копыте, закованном в железо, Кента ни малейших попыток не делала грызть его. Возможно, для собачьего носа был ощутим животный дух в копыте, но это был только дух и больше ничего, и благодаря этому духу власть Кенты осуществлялась в полной тишине, спокойствии и как бы даже величии. Так думалось мне, глядя на собак, о собственности капиталистического мира: сколько жестокой грубой борьбы, распри при захвате какой-нибудь начальной вещественной собственности, и сколько величия, когда собственность стала отвлеченной властью и владелец сидит в своем роскошном особняке.

<*На полях:* И сколько величия, когда собственность делается властью и капиталист спокойно властвует при помощи каких-то бумажек...>

У моих собак нет ни малейшего сомнения в существовании бога: бог — это я, человек, и всё сущее на земле от меня, и в том числе, конечно, и копыто. Бог дал и бог взял. Я беру у Кенты копыто, приказываю ей лечь в полукруг границы, подзываю Ярика, передаю ему копыто, и вот он тоже, как Кента, принимает львиную позу и начинает господствовать.

Под вечер, окончив свой дневной труд, я уношу с собой копыто, собаки начинают бегать, возиться. И так каждый день, когда мне нужно работать, я выношу копыто, делаю кого-нибудь из собак королем и в полной тишине начинаю работать.

С тех пор прошло десять лет. Все собаки мои описаны, Ярик, Кента, Нерль, Дубец, Соловей. Рассказы мои о них, написанные под липой с помощью копыта, в сотнях тысяч распространились по стране и некоторые переведены на иностранные языки. Мало того! мне встречались охотники, именем моих собак назвавшие своих. Так живут мои собаки в умах и чувствах людей, но в жизни тех моих милых собак больше уже нет: Кента умерла от сердечной болезни, Нерль и Дубец тоже погибли внезапно от той же переданной по наследству болезни, о конце Ярика мне больно рассказывать, Соловей же умер, как умирают самые лучшие гонцы: на всем ходу за лисицей его хватил на старости лет паралич. <*Зачеркнуто:* Во время этих напастей исчезло куда-то знаменитое копыто.> И с исчезновением собак неизвестно куда исчезло знаменитое копыто власти.

На днях сижу я под липой за тем же столиком. Четырехмесячный щенок черный пойнтер Осман невозможно возится с матерью своей Ладой, в этой возне принимают участие также сибирская лайка Бия и гончий кобель англо-русский Трубач. Пыль валит в воздухе, дышать нечем, бумага грязная, и так интересно смотреть и следить за играми, что писать ничего не хочется. И вдруг вся игра обрывается, Лада делается очень серьезной и начинает копать землю, вместе с ней, препотешно ей подражая, копает сын ее, Осман. <*Приписка:* С точно таким выражением, как было у Кенты.> Они до чего-то докопались, обнюхивают, и вдруг Лада, оскалив зубы, отгоняет от себя сначала Османа, а потом и на всех начинает злобно рычать. И все собаки почтительно расступаются и образуют полукруг.

И что же я вижу: копыто! то же самое копыто, и тогда уже бестелесное, теперь за десять лет окончательно духовное, с той же самой железной подковой, с гвоздем. И точно так же, как Кента, Лада забирает в пасть копыто, ложится львом под столом, укладывает его между лапами, все другие собаки в смиренных позах ложатся полукругом. Маленький Осман попробовал было нарушить невидимую границу, но ему за это здорово попало от Лады, и маленький так же лежит, как большие. И в тишине организованного мирка я снова могу писать рассказ о новых собаках. Признаюсь, мне трудно писать, я не могу спокойно расстаться с любимыми существами и новых полюбить, как тех. Вот кто-то постучался в комнату. Ну разве могла бы Кента поступить тогда как Лада? Нет, никак ни при каких обстоятельствах не могла бы Кента бросить на произвол судьбы таинственное копыто. А Лада как только услыхала стук, забыла о копыте, с лаем бросилась и увлекла за собой всех. Я успел задержать только маленького Османа и показал ему рукой и вообще дал понять, что никого нет, что копыто свободно и он сейчас легко может захватить власть. <*Приписка:* Мне было очень забавно представить, как маленький Осман будет стеречь копыто, а взрослые с завистью будут лежать и смотреть.> И он понимает меня, осторожно переходит запретную черту, движется вперед, однако все тише, тише. Не дойдя до копыта, он вытягивается весь, вытягивает шею, играет ноздрями, втягивая в себя копытный дух, вопросительно переводит глаза на меня.

— Да! — говорю я, — бери власть.

— Боюсь! — отвечает он мне и дрожит.

— Спеши, Осман, — говорю я, — спеши, сейчас они вернутся.

— Боюсь! — отвечает он.

И вдруг, поджав хвост, бросается от страшного копыта в картошку.

<*Приписка:* Тогда державной собачьей властью знаменитое копыто появилось из-под земли снова на свет, как отринуты были и воскресли древние боги.>

<*На полях:* Тема об отходе от «земли» — забвение и возвращение.>

13 Сентября. Государственный человек вырабатывает в себе на человека приблизительно такой же взгляд, какой сотнями миллионов лет выработался у человека в отношении дерева. Живое существо дерева человек не чувствует как живое, дерево

и дерево. Так государственный деятель смотрит на какого-то среднего человека как неживого: человек и человек.

В Московской области сохранилось еще немало таких лесов, что если по-настоящему заблудишься, то и не выскочишь.

Это знали и держали в уме оба старых приятеля Мишутка Грачев и Петька, сын охотника, известного под кличкой Дух-Пух. Миша и Петя даже компас с собой постоянно носили.

15 Сентября. Яловецкий с Петей ездили на дупелей в Алмазово. Я постился (болел живот). Они убили 5 дупелей и 5 бекасов.

Рассказал Разумнику Васильевичу сюжет рассказа о горé и убедился из этого рассказа, что сделано много и, вероятно, повесть будет написана.

На Кавказ (добавлять материалов) ехать, вероятно, не надо, хватит всего, смелей надо. О зверях же Насимович добавит мне, об осени и вообще о сезонах.

16 Сентября. Петя уехал в Москву делать работу. Из беседы с Яловецким вернулась в 31-м году начатая работа о том, как мальчик затерялся в лесу. Теперь захотелось ту же историю перенести в северный лес и таким образом описать лес по-настоящему, включив в материал «Берендееву чащу».

17 Сентября. Ходил в Алмазово за дупелями под дождем, убил одного и гаршнепа. Вчера с Петей отправил в «Правду» рассказ «Копыто», и на душе хорошо: рассказ хоть куда.

18 Сентября. С Вахмистровой и Яловецким ездили на дупелей в Ляхово болото. Нашел только двух дупелей, из которых одного упустил. Елена Васильевна убила двух тетеревов, Яловецкий бекасов.

День утром хмурый, потом до ночи солнечный. Дубовая аллея Гагариных и сама по себе светилась от золота осени, а тут вечернее солнце ворвалось косыми лучами, и то дерево, на которое луч попадал — горело (тут с поля на поле поперек аллеи перебирался выводок куропаток).

Я за чаем у Ошанина рассказывал о том, как я по совету с Беталом знакомился с охотстражей (иначе нельзя: бумаги непонятны), с этим связались характеристики Люля, Харуна, Та-

гира и др. Как выпукло, как интересно. Скорее надо писать повесть, иначе разделаешься с Кавказом, как с лесом, очерком.

Осенью, как ранней весной, когда впервые лиственный лес зашумит, чувствуешь во всей силе ветер как лесного хозяина. Особенно у трепетной разукрашенной всеми цветами осины видишь, что нет ни одного не тронутого ветром листика, и с утра до вечера он их перебирает и отрывает...

19 Сентября. Эпигамное поведение. У Бьюшки пустовка начинается: эпигамное поведение. Она вызывает его на игру: обнимает лапами его голову, приглашает бежать за ней и даже садиться на нее верхом и делать по-кобелиному. Но Боже сохрани, ежели попробует он это всерьез. Тогда Бьюшка бросается на него и серьезно кусает. Измученный он уходит в огород и там, воткнув нос в землю, на каждом листике и стебельке находит ее следы: живет воображением. Пройдет еще немного, и она станет перед ним и сама будет просить, только бы ткнул. И он ткнет (а у людей может не ткнуть, займется одними следами и станет писателем).

Задумал без всякого дальнейшего изучения материалов прямо писать свою повесть «полузакрыв глаза».

Пришел пом. фининспектора, мальчишка в кожаной куртке, и спросил меня: — Вы, кажется, пописываете? — Я принял его за начинающего писателя и сказал: — Пора бы вам знать о том, что я пописываю, стыдно, зачем вы пришли? — От Райфо, — ответил он, — хотим вас обложить за ваши писания маленько, а может быть, и не мало, одним словом, зайдите завтра в Райфо.

В Загорский Райфо. Фининспектору. Вследствие устного предложения Вашего агента дать в Райфо сведения касательно возможности местного обложения моих литературных доходов, сообщаю Вам, что я прописан в Москве по Леонтьевскому пер., д. 9/12, кв. 7. Я получаю персональную академическую пенсию в 200 р. в месяц. Пенсия обложению не подлежит. Касательно литерат. заработка сверх пенсии, то это облагается автоматически в Москве в той самой редакции, откуда исходит заработок. В конце года, если оказывается недобор, московский фининспектор взимает добавочную сумму.

В Загорске у меня дача (как у большинства крупных писателей). Я здесь работаю летом и осенью. Никаких доходов от нее

не имею: маленький домик. Плачу поземельные, за строения, страховку на общем основании. Имею машину, освобожденную от налогов как премию, полученную мной от Совнаркома.

21 Сентября. Стоит золотая осень, тихо, сухо, тепло. Ездили с Яловецким в Алмазово: дупелей нет. Поехали в Миниху. Убили черныша. Был Разумник Васильевич.

22 Сентября. Золотой день безделья. Насимович приехал в Москву.

23 Сентября. В $^1/_2$ 8-го у. вызову Петю, чтобы сегодня приехал с Насимовичем: будем завтра охотиться в Новом.

24 Сентября. А. А. Насимович рассказывал о зверях Кавказа и о себе. Неурядицы в «показательном» заповеднике, а что же, значит, делается в глухих местах! Говорят, что работать более уверенно можно только в военных и лагерных условиях.

Появился гермафродит. Пришли Кожевников, Платонов (Андрей Платоныч). Разговаривали о скромности ученых и о наглости литераторов.

25 Сентября. Ездил с Петей в Нелидово. Дупелей нет. На шоссе вышел лось: много раз пытался перейти шоссе, и все ему мешали.

Лето было сухое, морозы ранние. В сухом воздухе получили необычайную расцветку леса.

В Нелидове (Лео-нидово = Нилидово) мальчик босой, в школу не ходит: нет башмаков: отец умер: шестеро — все босые, одна девочка в башмаках (у нее ноги маленькие, а то бы взял у нее и в школу пошел). — Почему колхоз не обеспечит сирот? — А колхоз откуда возьмет?

Уезжая из деревни, сказали друг другу: — Неважно живем.

26 Сентября. Лесная поляна. Вышел, стал под березкой... что делается! Елки, одна к одной, так сильно густели и вдруг остановились у большой поляны. Там, на другой стороне поляны, были тоже ели и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так кругом всей поляны стояли густые высокие ели, каждая высылая вперед себя березку. Вся большая поляна была покрыта зелеными бугорками: это было все наработано

когда-то кротами и потом заросло и покрылось мохом. На эти взрытые кротами холмики падало семя и вырастала березка, а под березкой, защищенная от мороза, вырастала елочка. И так высокие елки, не смея сами открыто высылать своих маленьких на поляну, высылали их под березки, и под березками выходили ели, и поляна кругом зарастала.

Притаиться, подождать у края – что там делается на лесной поляне! В полумраке приходят невидимые дворники и потом перед восходом солнца начинают по всей поляне расстилать белые холсты. (Ход утра: холсты убирают – зеленое место; но под тенью кочек долго еще на зелени те же белые ткани голубеют).

Ветер, заботливый хозяин, за лето везде побывает, у него даже в самых густых местах не остается ни одного незнакомого листика: всех переберет. А вот осень пришла, и заботливый хозяин собирает свой урожай.

Листья, падая, шепчутся, прощаясь навек: у них ведь так: раз ты оторвался от родимого царства, то и прощайся: погиб! А у нас, у людей, часто, когда оторвался, только тут и начинается настоящая жизнь.

Вот из густых елок вышел под березку заяц и остановился, увидев большую поляну. Не посмел прямо идти на ту сторону и пошел кругом от березки к березке.

Поляна только с первого взгляда кажется кругло обставленной деревьями, а пойдешь кругом и увидишь, что все неровно, как везде на земле и на море, омывающем землю: есть бухты, мысы...

Кто боится чего-то в лесу, то лучше не ходи, когда падают листья и шепчутся. Все кажется, будто кто-то сзади крадется к тебе. Можно, конечно, и трусливому человеку набраться храбрости и не оглядываться. Но тут бывает другое: ты не побоялся, не поддался обману падающих листьев, а как раз вот тут кто-то воспользовался, подкрался к тебе сзади под шумок, схватил в зубы и унес... <*Приписка:* И когда это пришло в голову, то уж тут невозможно не оглянуться, кажется, вот тут непременно сзади должно быть страшилище. Оглянулся, и опять нет ничего, и листья, падая, шепчут все: ма-ша, ма-ша...>

На голубом небе между золотыми деревьями не поймешь что творится: ветер листья уносит или стайками собрались мелкие птички и несутся в теплые края.

Осень позднеет: рябину оклевали дрозды, а нетронутую красную ягодку мороз добил и она почернела.

Так на поляне, пользуясь работой кротов, селились березки, под березками вырастали ели, все теснее и теснее сжимая кольцо. И когда наконец поляна стала такой маленькой, что молодые елки могли укрываться от мороза под сенью родителей, то нужды в березках больше не стало и вся полянка покрылась елками... <*Приписка:* Можно рассказать, будто я долго жил здесь. Тогда вначале жил старик в лесу и вырубил всю полянку, оставил две слитные елки. А потом как эта поляна зарастала и елки сошлись.>

Художник в борьбе за свою личность отвернулся от обстоящей его человечины и, разглядывая деревья, стал среди них находить живые существа и через них понимать весь лес как живой мир. И когда под конец он создал дерево и оно стало такое живое, что зрители видели, как движутся на нем листики, вдруг художник в этом дереве узнал самого себя и понял, что это не дерево он писал, а себя самого в борьбе с человечиной.

«Метод проб и ошибок», свойственный животным при обретении навыка (условного рефлекса), является единственным методом в творчестве, т. е. создании чего-нибудь нового. Другие методы, свидетельствующие о наличии в человеке разума (как чего-то иного, чем инстинкт и навык), относятся не к самому творчеству, а к облегчению условий его действия. И это не говоря уже о том, что является лишь симуляцией творчества.

<*Приписка:* Дурак в деревне попадает в пастухи... Цивилизация — это метод использования дураков посредством приобщения их к образованию: образованные дураки.>

Основная же ошибка «рационалистов» в том, что они искусственно проводят черту между инстинктом, навыком и разумом и потом рассуждают, исходя из этой ограды, вовсе не существующей в природе вещей.

Вопрос вот в чем. Если в разуме один человек нашел средство овладения своим инстинктом для каких-нибудь высших

целей своего существования, то другой человек, получив средство в руки, может употребить его для целей «низших», напр., просто для истребления своего врага. Так, передавая секрет, открытый без контроля трудности подлинного творчества, создавая «облегченный путь», мы создаем «цивилизацию», не имеющую никакого отношения к связи людей между собой в прошлом и настоящем и будущем.

Итак, если писать что-либо, то современность надо содержать в себе всю целиком, т. е. сейчас, например, что на глазах наших исчезла Абиссиния потому, что была мала и стояла на пути Италии. Мы видим, как исчезает Испания, и, вероятно, увидим исчезновение демократической Франции.

Фашисты должны уничтожить демократию и затем непременно подраться между собой, но возможна фашистская длительность... у них <*зачеркнуто:* как у нас> иссушаются народные соки: colon perdo sovjeti[1]. Нас истощает индустрия, отсутствие радости в деле, радости жизни, уверенности в завтрашнем дне, необходимость лжи во всем, двурушничество, не хватает людей, на которых «можно положиться». И при всей этой чудовищной самоистребленности невозможно примкнуть к фашизму, потому что национальное уже перейдено: мы уже нигилисты: историческая миссия: ненавидеть свое и тем самым быть сильным. Врагам не помогут наше рассеяние и наше рабство.

Подумываю в повесть ввести жену Пшибшева, казненного в Кабарде, и построить загадку: что значили ее глаза, когда она их переводила на место укрытия мужа; наводила она меня на его истребление или же невольно от любви к нему. Весь роман в этой загадке и в ее чудовищной жадности (впилась в шерсть барана).

В Москве: достать Дынник. Насимович. Устроиться в библиотеке (Петю наладить на разведку). Замошкин. Детгиз (договор на год). Насимович (4-й том). Массовый сектор (Роман-газета). Хрулев. Бюро переводчиков. Спросить о 3-м томе.

27 Сентября. Начало комиссии о состоянии «Лавры». Продвижение 2-й главы кавказской повести. Беседа с Бостремом о спасении от зависимости похвал и брани.

По его словам, спастись можно только «Богом», и вера эта явиться должна через мысль о смерти. — Назовите, — сказал

[1] Советы уничтожают крестьян (*ит.*).

я, – хоть одного писателя, кто, охваченный чувством смерти и Бога, занимался бы писанием повестей? — Б. уклонился и потом осторожно заметил: надо заниматься и жить, как жил, только некоторое время посвящать Богу. (Если так все будет идти, как сейчас идет, то многие побегут в...) Но я думаю, что при сильном религиозном чувстве можно обойтись без помощи попов.

NB. «Такая общественность, что нет повода сближения с человеком». «Цивилизация как результат рационализации». Или так они говорят: рационализация есть средство порабощения личности обществом.

Человек не уважает себя, и потому нельзя быть искренним: не уважая себя, он твою искренность, обращенную к нему, считает или твоей ошибкой, или же глупостью. Вот отчего замечаешь, что некоторые люди, слушая, глядят на тебя двойным взглядом.

Самое трудное в деле писателя не писание: писание — это самое легкое. А трудно переживать то время, когда не пишется. В то время как люди занимаются игрой, писатель прячется. То же относится и к старцам-пустынникам, когда их мучают «бесы». Книга, выпущенная автором, всегда есть обман уже по одному тому, что содержит лучшее его жизни и не раскрывает, какою ценою далось это лучшее. Автор отдает обществу свои сливки, а сам простоквашей питается <*приписка:* (как и всякий подвижник)>.

Еще о «полочке». Дело писателя так связано с современностью, что, по-видимому, ему невозможно, как ученому, пропуская современность, работать независимо на «полочку» будущего. Писатель останавливает мгновенье и потому не может не быть современным. И вот именно то, что он должен быть современным (художником), не дает ему возможности отдаться «вечному» («полочке»). Именно потому художник...

Богу служить можно без всякого посредства и никому не заявляя об этом, непосредственно своими делами. Но это очень наивная жизнь... Такого человека пугает смерть, и тут-то он бывает изловлен, как рыба, сетью тех, кому дана власть «вязать». Тут узел всего: в этой связи: человек в Боге связывается весь целиком (тут без «двурушничества»). Этот путь ясен, вопрос о тех, кто должен «вязать»... Значит, тут все в связи и культура истинная есть связь... сердцами связь... или делами...

связывается человек с другим; вместе убивая третьего = дьявольская связь; связываются двое, спасая третьего = «троица».

И тут «рационализация» величайшая опасность: можно вызнать «секрет» и им оперировать, как антропософы, а можно, чувствуя «секрет» и не называя его, оставаться в делах и молчании (своего рода «иеро-фобия»).

28 Сентября. Занимался выковыриванием гвоздей из горных башмаков и английским языком. Образец перевода: у меня: «три взрослых оленя и один рогач». Перевод: «четыре оленя». Наверно, и в Англии есть халтурщики, или, может быть, он научился этому в России.

29 Сентября. Дождь. Слякоть. Очень серо. Я думал о мещанском домике в слободе, где я живу, что открывают эти домики: и в природе и в человеке необходимы эти серые дни, вот и отвечает этому домик: до чего скучно! до того... А дай зима, засверкай весна — с какой радостью встретят перемену эти домики.

В городе большие дома скрывают человека и о жильцах своих снаружи ничего не говорят. Нам приходится войти внутрь. Вот звонок и под ним: «Портной Сидоров» (Рассказ о Канарейке).

Если говорить о народности, то она собирается определенно к одному полюсу, где есть объем в отношениях человека к человеку: среда, в которой люди и сходятся и расходятся, и всё остаются вместе. Напротив, на другом полюсе люди всегда вместе и никогда не сходятся. Я думаю (чтобы не повторять ошибок рационалистической интеллигенции: «богоискательство») — полюс этот должен оставаться до того личным делом, что лучше, если о нем никто никогда не узнает. И, может быть, так по времени надо, чтобы складывался невидимый град.

Есть почти болезнь: не принимать священника из-за боязни в нем увидеть попа (это эстетизм, как у Шаляпина).

30 Сентября. Сговорился с Петей, что завтра я еду в Москву, чтобы обделать все дела до приезда Левы (7-го Окт.).

Два типа: 1) Пьяница Ломакин после трехмесячного лечения в изоляторе выходит на волю и, увидев вино, перед тем как решиться выпить, подумал: «за эти минуты отдаю всю жизнь,

после этого не все ли равно, — умру, умертвят меня в изоляторе, или буду влачить жизнь — все равно!» И, выпивая, отдает за мгновенье всю жизнь. 2) Иванов-Разумник за полочку будущего, где его книга будет стоять рядом с Белинским — влачит жизнь. Так эти оба: один за мгновенье в настоящем, другой за мгновенье в будущем — влачат жизни.

Сегодня хотели шкаф переставить в связи с оклейкой комнаты, но шкаф не стал. И когда он вернулся на старое место, я вспомнил, сколько раз после Кабарды, пробуждаясь, я спрашивал себя: «где это я, в какой гостинице, куда еду» — и потом, разобрав самовольно сложившийся на дубовом шкафу из пятен портрет Наполеона, узнавал с чрезвычайной радостью старый шкаф и говорил себе: «я дома!» Так что шкаф стал и должен стоять на своем месте.

Нам оттого теперь и тяжело всем, что всё в стране сошло со своих мест и до сих пор не может стать. Пора давать премии за службу в течение нескольких лет на одном месте.

Фашисты в Испании взяли Толедо. Литвинов в речи своей упомянул о фаталистических настроениях в Европе: все равно-де фашисты возьмут. Пишут о валютном блоке: — Все куплю, — сказало злато. А о фашистах: — Все возьму, — сказал булат. Демократия очутилась между фашистами и коммунистами, т. е. между молотом и наковальней.

Рассказ Разумника о Сологубе: как Д. рассказала ему, что она по утрам лежит у себя на окне на солнце: принимает солнечные ванны; а Сологуб понял, что это она ему намекает прийти: пришел и был изгнан (в 70 лет!).

Пол, если дать ему волю, непременно ведет к безумию. Спасает от безумия или Эрос (любовь — творчество), или семейственность (родолюбие). Мир унижения мужчин (пола), мир, где господствуют «хозяйки».

1–2–3 Октября (в Москве). Первого дождь целый день, 2-го такой снег (1-й зазимок), что и посейчас (4-го) кое-где в лесу белеются клочки.

Задумал рассказ «Лысинка» (по пути в Москву).

Мысль об анализе «1-го взгляда» («глазами ребенка») (человек, старея с каждым днем, постепенно теряет ту силу первого взгляда, которым на каждую <*зачеркнуто:* интересную> обыкновенную вещь смотрит ребенок. Едва ли и возможно по-

жилому человеку видеть тем же самым взглядом, как ребенок. Но художники видят, и если даже не совсем как дети, то самая попытка видеть как дети обогащает их. Во всех бесчисленных играх, существующих для взрослых так же, как и для детей, взрослый человек приближается в своем восприятии мира к ребенку, и если суметь воспользоваться игрой как очками при слабом зрении, то можно очень близко подойти к тому миру, который видит ребенок. У Л. Толстого: «необходимость заблудиться». И вообще о пользовании этой таинственной силой в своем опыте: один из сигналов этой силы — это «уехать вдаль» и возвратиться домой с новым взглядом и той же «музой» (Марья Моревна) и др.

От пения Рождественской на вечере сов. писателей в Москве было, как в березовой роще: очевидно, сотворенная вещь является из того же самого источника жизни, который нас манит в природу.

Выступление в «Колхозных ребятах» (на вечере) вышло очень нехорошо, потому что в среде «ребят» нельзя было развернуться. Правда, нехорошее выйдет в конце концов мне на пользу (сейчас, пока не оглядели меня, все на пользу идет), но, несомненно, за счет основного капитала (убавляет, а не прибавляет).

NB. Надо помнить, что с той высоты, на которую привелось теперь стать, всякое высказывание имеет огромное значение, и от фальши надо беречься чрезвычайно. Необходимо повседневное возвращение к этой мысли.

К 31-му Окт. (празднование Кабарды) хорошо бы написать что-нибудь в «Известия».

Отвратительный прием высказывания: когда на языке вертится то, о чем нельзя говорить, вдруг спустить это с языка, но перед этим или после этого мгновенно придать высказыванию характер до крайности наивно-интимный с последующим истолкованием в смысле вполне легальном. В общем это принимается за искренность, некоторые понимают как хитрость. Я сам тоже долго принимал это за искренность, и, может быть, вначале в основе тут и была простота, но когда эта простота обратилась в прием, то, конечно, перешла в хитрость, и опять-таки полуосознанную. Теперь, когда прием перешел в сознание, является отвращение к себе. Значит, надо это оставить.

На большую политику, оправдывающую все средства к достижению цели, я неспособен, не могу тоже оставаться простодушной верующей овечкой и не могу занять среднее положение, в котором политик есть другое название двурушника.

Читал мемуары Хаджи-Мурата, и стало совершенно ясно, почему Бетал из всей революционной резни вышел незапачканным кровью: кавказцы кровь как росу понимают: роса высохла, и нет ничего. В их натуре нет христианской испуганности «преступлением и наказанием». Их нравственная личность обходится совсем без этой усложненности. С них это не спрашивается, а нам нельзя. <*Приписка:* В этом вся разгадка симпатичности Бетала.>

Ставский очень оживился и бегает по Союзу писателей в состоянии того перманентного оптимизма, по которому сразу угадываешь человека, входящего в курс удачливой карьеры. Мы с ним ели раков, мне хотелось узнать о Р[азумнике], и ему хотелось, наверно, тоже сказать, но я думал: «пусть он скажет», а он: «пусть он начнет». В таком состоянии мы, разговаривая о пустяках, съели огромное блюдо и, чувствуя, что главное не сказано, спросили другое. — Однако! — сказал он, указывая под конец на гору моих шкурок. — Однако! — повторил я, указывая на его гору. И так мы разошлись, друг к другу ничего не сказав.

Договорились вместе охотиться. Но боюсь, что и на охоте от объяснения можно отделываться раками.

6 Октября. В Двориках с Яловецким наганивали собак и Ладу взяли. Вальдшнепы попадались, и очень жирные. Листья, совсем желтые, держатся на верхушках берез. Издали смешанные леса еще очень красивы. Долина верховий Дубны очень хороша.

Денисов Алексей, один из беднейших колхозников, когда приезжаю к нему, сует мне в автомобиль гуся или уток пару. В этом отношении он чувствует свое превосходство над человеком, имеющим собственный автомобиль: тот должен расходоваться, у того все купленное, а это <u>свое</u>. Этим он, с одной стороны, как бы утверждает свое превосходство натурального хозяина, с другой — это, конечно, подарок, свидетельство вольных, не покупаемых за деньги отношений между людьми.

Яловецкий — охотник исключительный: в бескорыстии с ним может сравниться только Алексей Денисов. Как юрисконсульт он выдерживает всю возможную жизненную грязь, как семьянин — он беспримерный мученик, жертва ада неудачливой актрисы Художественного театра. У нее все для показа в обществе и нет ничего для себя, у него все в себе и нет ничего для показа. Они должны до конца ненавидеть и презирать друг друга. Зато, все приняв, Яловецкий выходит в природу как в рай.

Природа беспощадна к слабым, каждый знает по себе, что стоит немного заболеть животу, как она отвертывает лицо от тебя, чтобы ты не мешал ее ликованию. Но, испытав на себе все убийственные средства мучения неудачной актрисы, Яловецкий не боится коварства природы: ни голод, ни жажда, ни дождь, ни мороз не лишают его мужества в общении с природой. Не природа является господином, как у дачников — просто любителей, а он ее господин — человек. — Этого у меня, — любит он говорить, — никто не отнимет. (— Это само отпадет! — отвечала ему Е. П.) В сущности, все эти Платоны Каратаевы (Алексей Денисов) [сильны] именно этой внутренней победой над природой (победа «индустриальная» лишает любви, а эта победа есть именно победа любви). Вот бы рассказ написать о Платоне Каратаеве внутри юрисконсульта.

Сегодня хоронят Ломакина. Этот пьяница месяца два сидел в больничном изоляторе и подвергался всевозможному лечению от алкоголя вплоть до впрыскивания подкожного. Когда он вышел на волю... Соблазн его и раньше в особенном чувстве поэта жизни: отдать всю ее за мгновенье: «сейчас я выпью, — говорил он, — а потом вы делайте со мной что хотите: я жизнь свою взял, выпил, остаток бросаю». И каждый раз «остаток» опять оживал. Наконец теперь ему удалось. Он выпил и пьяный свалился в канаву. Пролежав ночь в воде, получил воспаление легких и умер. Вино, как игра в карты, как музыка, создает иллюзорную жизнь.

Кепь — барометр с длинным козырьком, до того сжилась с природой, что перед хорошей погодой во время малого атмосферного давления козырек ее поднимался вверх, при давлении большем перед ненастьем козырек опускался вниз.

7—11 Октября. На восходе в красных лучах блестят на тропе хвоинки и золотые денежки рассыпаны всюду на земле.

Время, когда березы последним своим золотом <*зачеркнуто*: последнее свое золото осыпали> сыпали на ели...

Муравьи убрались, и муравейник засыпало листьями...

Как жизнь хороша. Я замечаю даже блеск хвоинок на тропе в красных лучах восходящего солнца. Неужели же останавливать жизнь мыслью о несправедливом отношении Лиги Наций к законному испанскому демократич. правительству.

Положение тореадора, когда демокр. правительство прекратит бой быков, а мятежники, слышно, пользуются боем для развлечения армии.

На море — берег, в лесу — опушка. На море — остров, в лесу — поляна.

Рябина красными гроздьями висит на черных сучках, ее уже несколько раз хватило морозом, и ее теперь можно есть. Хороши тоже становятся на вкус убитые морозом ягоды шиповника, только надо выплевывать крупные зернышки.

Я сел отдохнуть на упавшее дерево, и вдруг из-под меня вырвался заяц. Я вскочил и вскоре понял, почему тут устроился заяц.

Ветер сильный налетел на лес, нашел себе щелку, ворвался внутрь и много на пути своем снес елей, повернув корни их с землей как стены. Две елочки рядом легли, одна за другой, одна своей вершиной покрыла выворотень другой. Так под этим выворотнем и вершиной сложилось и для лета отличное убежище от дождя и ветра, а зимой, когда еще сверху засыпало снегом, внутри стало отлично... <*Приписка:* Тут заяц устроился, а когда я сел, он выскочил.>

Когда слушаешь ветер в лесу, всегда о нас думаешь, о людях: напр., что мы сеем правильней, экономней, с нашей человеческой точки зрения. Мы даже готовы осуждать природу, и правильно, с нашей человеческой точки зрения, представляя себе, что весь мир создавался и существует для человека. Неплохо было бы и такое представление, если бы человек понимался как звено, вроде того как сын в лоне отчем. Но у нас в эпоху индустриального строительства Человек — это существо рациональное, и Ratio — не что иное, как способность все на свете использовать для себя. Так выходит, что все почти способно

отдаваться человеку, а что не отдается — то есть зло и его надо уничтожить.

У елок вся жизнь наверху, где в богатстве шишек хозяйствуют белки, клесты и, наверно, еще многие неизвестные мне существа. Внизу же под елями, как на черном ходу, все мрачно, и только смотришь, как шелушки летят.

Я шел по обочине шоссе, стараясь не смешивать след свой со множеством других следов на камнях, чтобы Трубач мог по моему следу найти меня.

Три большие березы в самом низу срослись между собой и так втроем прожили большую жизнь. Теперь одна из этих старых берез отяжелела, стала клониться к земле и упала бы, но огромным суком, как рукой, береза эта оперлась на землю и удержалась. Под этой аркой (зимой)...

Вышел из темного леса на поляну вместе с маленькими елочками. Где только я не видел их там в лесу, и на пнях старых, и под березками. Там, в лесу, я мало-помалу понял, что в этих деревцах нет различия, как у нас, и что все это одно дерево... Тогда мне стало понятно их живое существо, как и наше человеческое: у нас много лиц, у них одно, и они по-своему тоже движутся, но только в одном направлении, вверх к солнцу.

<На полях: Гриб. Возле березы рос белый гриб, возле гриба рос папоротник и закрывал гриб от людей. Тяпнул мороз. Лист папоротника почернел, и тогда открылся под березой гигантский белый гриб. Я бросился взять его, но когда тронул — <зачеркнуто: испугался> вздрогнул, как будто коснулся покойника: гриб был холодный как лед и твердый как ка́мень.>

12 Октября. Второй зазимок. Поля сероватые, но крыши белые, и так остается на другой день.

Мы охотились в Двориках, весь день валил снег, очень мешал Трубачу разбираться в жировках, но все-таки мы нашли четырех зайцев, в трех промазали, одного взяли. С нами и Лада была, взяла двух превосходных вальдшнепов.

Какая бездна молчания!.. Все, что должно быть открытым — открылось, остается назвать его, но люди еще боятся начать называть пережитое и открытое своим именем...

Бострем говорил о своем оптимизме в области личного и пессимизме в общественности: это не просто сказано: это современное переживание уединенного человека...

Где же делается история и кто ее делает?

13 Октября. На крышах снег, поля серые.

Не забыть, что одна елка: семя, выброшенное белкой, упало под березой между двумя ее обнаженными корнями. Елка, прикрытая березой от морозов, стала расти, но между обнаженными корнями березы внизу были еще корни, и елке своих корней было некуда деть. Тогда елка подняла свои корешки сверх березовых, обогнула их и на той стороне впустила в землю. Теперь эта елка обогнала березу и стоит рядом с ней со сплетенными корнями.

14 Октября. Барометр пал. Дождь сплошной. На ночь расчистило.

15 Октября. Мороз. Нашел единственного вальдшнепа в овраге и убил. А прошел речкой в Глинково до Черного моста, по той же речке до Параклита, через шоссе и лесом до «купеческих мест» и отсюда в овраг.

Вдали на дереве сидела сорока с опущенным хвостом, значит, она глядела куда-то вниз и что-то пережидала. Мы догадались, что там лежала падаль и, вероятно, собака терзала ее, а сорока дожидалась, когда собака уйдет.

Осень длится, как узкий путь с крутыми заворотами: то мороз, то дождь и вдруг снег, как зимой, метель белая с воем, и опять солнце, тепло и зеленеет. Вдали в самом конце, кажется, березка стоит, и никак до нее не дойдешь, березка с золотыми листиками, как обмерзла раз, так и осталась, и больше уже ветер с нее даже и не срывает листья.

Сегодня весь лес в каплях, как было вчера после дождя, так и застыло, думаешь капли, а это ледяшки...

Опушки замерзли, а в лесу мягко, поляны белые, под елками зелено.

Опушки в лесу, и у ручья заводи, тоже замерзли. В иных местах бежит только середина.

То место, где я стою — единственное, тут я все занимаю и другому стать невозможно <*зачеркнуто:* и всякое уплотнение убивает мою деятельность>. Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов отдать ближнему, но места своего уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на месте этом для себя ничего не найдут и не поймут, из-за чего я на нем бился, за что стоял.

Большой и спокойный ручей замерз, а маленький, быстрый все еще бьется.

Только узенькая середочка ручья еще не замерзла, и видно, как по ней струится и бьется вода.

Редкий год попадешь на высыпку вальдшнепов: есть какой-то один день, когда они у нас, пролетая, садятся. Вчера был теплый дождливый день. Я поленился. А сегодня мороз все заковал. Какая досада! Я поленился, а именно вчера-то и были у нас вальдшнепы.

Вот поляна, где я недавно белые грибы собирал, а теперь вся эта поляна белая, каждый черный пень накрыт белой скатертью, и даже красная рябина морозом напудрена.

Листья на деревьях, связанные льдом, держались с утра до тех пор, пока не разогрелся немного воздух и не растаяло возле тонких черенков, прикрепленных к ветке. Тогда вдруг тяжелые обледенелые листья перевесили и начали срываться, падая, тяжелые, стали другие сшибать по пути, и все дерево зашумело, в несколько десятков минут оголяясь до последнего листа. До смерти напуганные этим внезапным шумом, бросились из лесу зайцы...

Не все разом птицы и звери покидали этот лес, со всех сторон занятый строительством. Первыми исчезли глухари навсегда, потом тетерева, куропатки. Долго держались несколько пар рябчиков, и зайцы приходили глодать по ночам осину. Упрямый бекас единственный остался на маленьком болотце среди леса и каждый год здесь на кочке устраивал себе гнездо. Этого бекаса знали охотники всего города и приходили по этому единственному бекасу натаскивать своих легавых собак. Однажды мы сошлись тут со своими молодыми пойнтерами-однопометниками. У всех у нас собаки держались молодцами: такие рослые, выхоленные! только у одного Платоныча сучка, одного с нашими помета, маленькая, худая — только ребра. —

В чем дело, Платоныч? — спросил я. — Глисты извели, — ответил он сумрачно. — Дал бы глистогонного, — посоветовал кто-то, — глисты должны выйти. — Давал не раз, — ответил сумрачно Платоныч, — не выходят. — И, печально оглядев счастливых товарищей, удалился. Тогда Егоров, Василий Алексеич, сосед Платоныча, оглянувшись на удаляющегося охотника, выждал, пока он не отойдет, чтобы не было слышно, наклонился к нам и вполголоса сказал: — Врет! это не от глистов, это у него жена такая злющая и жадная, всю злость свою на собаке срывает <*зачеркнуто:* заморила собаку, такая глиста!>.

Обдумывал возможность в следующем году жизни в палатке, выхлопотать участок, и с другой стороны, обдумывал возможность сближения с натуралистами писателями: устроить общество настоящих натуралистов. Отложил до Москвы. Если окажется, что ввиду войны и заикнуться нельзя об обществе (участок надо ведь выпросить), то вместо палатки променять машину на пикап и на нем устроить жилище с отоплением от машины.

17 Октября. Из «Правды» (№ 286 год 1936): из ст. М. Эрколи «Об особенностях испанской революции»: «ослабляют сплоченность и единство народного фронта скороспелыми проектами насильственной “коллективизации”, “отмены денег”, проповедью “организованной недисциплинированности”».

Скороспелость. Тип молодого человека, пожелавшего сказать то, о чем все молчат (из принципа: люди в рабстве, потому что не хотят вслух сказать то, что думают втайне): это остатки «скороспелости». Нас всех это когда-то соблазняло, а теперь смешно вспоминать. То же самое в крестьянстве, прежний выдающийся человек превратился в «одноличника», отстаивающего всей правдой и неправдой свое бытие вне колхоза. Сочувствие возвращается к колхознику, который нутром своим выносит неизбежное.

Вот и проф. Павлов вынес. И все мы «выносим» всевозможные «принципы», напр., «рационализм» в смысле «использóвывать».

N. сказал, что корни русского коммунизма <*зачеркнуто:* есть рабство русского человека, что «рабство» находится в> есть смирение, способность все выносить до дна и дальновидность человека, могущего все выносить.

Налоев как тип современного человека, к которому подходишь и не знаешь, что получишь: или он друг тебе, или враг.

Мы вспомнили это, когда подъехали ночью к леснику, и он, никогда не видав нас, стал просить зайти «в избу», и в этом произнесении «в избу», нам показалось, есть нечто прямо противоположное Налоеву... Вот эти два начала, «в избу» и Налоевщина, в смертельной борьбе, если «в избу» победит, то и коммунизм победит мир, но если коммунизм совсем уничтожит «в избу», то победит фашизм. И ни один писатель этого не хочет понять, даже евреи понимают, но они зато и не могут сделаться русскими.

Огонек в лесу: изба лесника под соснами. Как чудесно! и пусть там в избе, как у Дуни, все дерутся друг с другом, огонек отзывается во мне, потому что у меня в душе горит родственный огонек и, будучи постоянным, неугасимым, сейчас складывается с тем случайным: не сложится сейчас, найдется другой, которому «изба» соответствует (т. е. бытие когда-то определяло сознание, а теперь сознание определяет бытие).

Мы ездили сегодня в Дворики и там открыли очень красивую гористую местность по неизвестной реке. В тот день морозный, как у меня описано выше, разом свалился весь лист, в один этот день все одежды спали, и лес вполне готов для зимы. Однако некоторые чуть желтеющие как бы от цветения весной березки много дают этому тонкому одухотворенному пейзажу. Высоко под нежно-голубым эти золотые березки, потом елки темно-зеленые и среди них обнаженные березы, в самом низу в частом ольшанике речка бежит. Трубач там поднял зайца, и я больше часа искал перехода.

19 Октября. Льют дожди. Наступает переломный в году месяц Ноябрь. Ходили с Петей в овраг (за 1 ч. перед обедом) и принесли двух жирных вальдшнепов.

Чувствую сильный упадок стимулов к писанию. Не вижу новой литературы, но чувствую, что нет ее и не может быть. Вообще, если и движусь вперед, то толчками сзади, а передним умом ничего не вижу хорошего. Очень боюсь, что задуманную повесть (борьба с горой) придется бросить и написать «Весна на Кавказе», как «Родники».

Вероятно, только у нас и именно после революции (через интеллигенцию) стали отвечать на выраженное качество отри-

цанием через причинность: если сказать: «евреи портят язык русский» (см. статью в «Правде» об «использóвывать» и проч.), то пожмут плечами и скажут: «чего же вы хотите от евреев, которых угнетали столько лет». Остается ожидать ответа на: «кто-то испортил воздух» — «что же тут удивительного: у человека расстройство желудка». Русская распущенность и еврейская наглость отравляют среду и не дают возможности сложиться новому быту. А еще говорят: елка!

20 Октября. Перечитал начатую повесть «Счастливая гора» (одна глава). И вдруг загорелся и обрадовался: «Счастливая гора» должна быть написана. И я начал «на ходу» ее продолжать (ходить стало весело). В сотый раз исправив, отправил в «Известия» парадный очерк «Счастливая гора» (празднование 15-летия Кабарды 31-го Окт., номер «Известий» 27 окт.).

В парадных речах и писаниях слова падают, как камни в пропасть, из которой не слышится возвратного звука: упал и упал...

Вечер. В овраге убил двух вальдшнепов.

21 Октября. По морозцу ходил в Ильинки на вальдшнепов со «Счастливой горой» в голове. Не нашел ни одного.

Вечером приезжала Галина, ей и Пете прочитал начало и, рассказав кое-что о «Счастливой горе», сильно зарядился.

22 Октября. Морозик, тишина. Ездили в Дворики и охотились, с 7 у. до 7 ч. вечера (на ногах, не присаживаясь). Вот чистка всего тела насквозь. Удивительная гористая местность истока Дубны. Самый лёт, самый жор дроздов-рябинников. И рябина все еще цела. Охота на дроздов с затайкой: после выстрела они улетают, но вскоре возвращаются. Дерево-чудо. В лесу много деревьев попарно сплетается корнями, одно обхватит сверху корни и впустит потом в землю, и оба друг за друга держатся при сильном ветре.

Лист опал, и при солнце земля как холст с беспредметной живописью и без рамы, идешь, смотришь в беспредельность, как в море. Ручей одевается как стеклом прозрачным и часто в тишине леса выговаривает какие-то слова, до того похожие на человеческие, что останавливаешься и прислушиваешься и думаешь, не идет ли кто-нибудь, разговаривая, и нет ли где, может быть, деревни.

<*На полях:* Быт непременно от поэтов жизни.>

Разве поэзия только у людей, называющих себя поэтами и сделавших из нее себе, подобно попам из религии, профессию? Всякий устраивающий свой личный и общественный быт с порядком и вкусом является непременно родником поэзии...

Сходить к Полякову, снять грача. Б. Кукуевка, д. 32. «Интернац. литература» журнал (роман Джойса «Улисс»).

Дос-Пассос, Хэмингуэй.

23 Октября. Вчера вечером пошел снег и припорошил крыши.

Рассказ Полякова о граче — Гранька. Молодой грач, раскрыв клюв, побежал за сыном. Взяли в дом. Вся семья (9 человек) соединилась, кошка понимала, что люди любят — не трогала и уступала, собаку грач гнал, петух боялся, один поросенок: поросенка грач боялся. Грач и бабка: она за водой, он с дерева на дерево и дожидается, а назад летит прямиком. Мальчишки раньше из рогатки били, два раза ранили (нога, крыло), зажило, а когда узнали, что это свой, то перестали стрелять, вся улица соединилась в охране.

В солнечный день снять.

В ГИХЛе найти журнал «Иностранная литература», 35–36 год — роман «Улисс» автор Джойс, Дос Пассос, Хэмингуэй.

24 Октября. Есть такие пропасти, что камень туда спихнешь и отзвука снизу не получишь. Эта пропасть известна всем, кто писал, не рассчитывая на читателя, писал, выпускал книги, и они падали в жизнь без отзвука. Я так писал. Через десятки лет стали из пропасти появляться люди, которые...

Сегодня был секр. парткома Цаги Коля Дедков, можно сказать, мой крестник. А вечером был Кирилл Флоренский, говоривший, что у меня много друзей, что он сам под влиянием чтения моих книг взялся за Claudophora и открыл в ней концентрат брома.

Ходили в лес. Белки молодые еще не [вышли]. Дрозды продолжаются на рябинах. На ручьях (где не замерзло) под Глинковым нашли крякву, подстреленная в крыло, она бросилась в воду, но незаметная ей пленка прозрачного льда ее задержа-

ла, и она по льду пошла на своих красных лапках. За ней на карачках, чтобы не провалиться, пошла Бьюшка...

Подушкин (очки). Суд в парткоме. Мастер Подушкин, пожилой, семьянин, крепко держит семью, в работе индивидуалист, солидный, в очках. Мастера напились (пьют, черти!), Подушкину разбили очки. Безобразие разбиралось. Ребята сговариваются предварительно, последний решающий голос секретаря: читает моральное заключение: «мне даже стыдно, я молодой и должен...» Во время чистки всех пробрало, все давали слово и проч. Но Подушкин отзвука не давал. Когда все кончилось, Дедков спросил его: в чем дело. — А вот в чем дело, — отв. он, — вот очки: ведь они 33 р. стоят. — Да так и не мог перешагнуть через очки.

Желание. <*Зачеркнуто:* В драке один другому нос откусил.> Жена, узнав о неверности мужа, отрезала ему бритвой конец носа. На суде разбиралось дело, женщины потихоньку: — Ну а скажите, милые, отрезала нос, для чего-нибудь она его резала. — Чтобы не соблазнял баб. — Ну да, я понимаю, баб, а скажите, милые, нос это, значит, у них... если, значит, отрезать у них нос, желание-то, милые, остается?

25 Октября. Вчера весь день земля не оттаивала. Говорят, будто вальдшнепы до тех пор не отлетают совсем, пока совсем не замерзла земля. Визит «Комсомольской правды».

26 Октября. Ездили в Чирково за собакой. Светящиеся глаза Алексея Денисова (Платон Каратаев).

«Процесс» — с одной стороны, «конституция» — с другой, победа фашистов в Европе — с третьей создали нынешнее настроение. Во что это все разрешится? Разве «конституция» что-то внесет... N. говорил, ставил в сравнение варвара и пролетария: что те и другие идут с диктатурой... и фашисты — всё диктатура, демократия в скрытом виде несет диктатуру (коммунизма), фашист естественно предпочитает... Демократия — среда, в которой...

27 Октября. И вчера было, и на сегодня встает солнечный день с легким морозцем. Земля только к полудню на дороге и то слегка только мажется. Клесты всей силой работают на елках, дрозды тучами на рябине. Ночью у нас Бия остановила молодого ежа. Неужели они еще не уснули? И когда засыпают

ежи? (То же и кроты, и змеи, барсуки. Какие у них сроки?) Как клест, балуясь, рушит шишку и сам взлетает.

<*На полях:* Постышев>

Творчество берет всего человека, но одним творчеством невозможно заполнить все время. И когда «муза» покидает, остается или жена, требующая к себе, конечно, внимания, или пустота, которую чем-то надо наполнить.

В молодости пустота заполняется просто <*зачеркнуто:* чем-нибудь>: разгулом, спортом, театром. Но в зрелом возрасте, как было с Толстым, человек, отдавшийся «музе», ищет у жены отдыха; и та, поняв всю игру как измену жизни, себе, начинает господствовать, забирает поэта и подвижника в руки и часто мстит. Напр., переписку «Войны и Мира» можно понять как попытку соучастия в творчестве. Но сам Толстой должен же был рано или поздно почувствовать фальшь этого соучастия, должен был где-то встретить претензию переписчицы на равное отношение к «Музе». Он должен был чем-то оскорбить свою сотрудницу, после чего она как женщина, как жена, как мать детей, как жизнь должна была мстить.

И у Ефр. Павл. ее вулканические извержения, наверно, имеют то же самое происхождение. В эти дни она ненавидит меня всей силой натуры своей, всю мою бумажную, словесную деятельность она считает сплошным лицемерием, обманом и меня самого за человека талантливого, но и неумного, и нехорошего (хотя ты можешь все имущество свое отдать ей и детям: не в том дело). И она права. В таких союзах не вся любовь (не вся жизнь), и женщина ищет глубокой полной любви, а он ищет в ней отдыха, уюта, отдавая все свои средства. Павловна хороша бывает в голод, когда от ее умения обходиться с minimum'ом пищи зависит все и вся власть у нее.

Если так понимать борьбу, то какое же должно быть ее разрешение в «Счастливой горе»? 1) Обеспечив женщину, детей, просто удалиться, т. е. стать монахом и ту же самую борьбу перенести в религиозную плоскость (так бывает, отчего и пишут сатану с женскими грудями). 2) Разрушив ее собственнический инстинкт, вовлечь ее в творчество жизни, для этого требуется: не искать в женщине отдыха, а вовлечь ее в... (не переписывать же «Войну и Мир», не определить же ее на службу в одно учреждение)...

Видите ли, друзья, если уж и дети пошли, то схватываться поздно: она будет господствовать над тобой через детей... Надо

в творчестве самой брачной ночи истребить корни господства злой силы, чтобы не попасть потом в зависимость от нее.

Неприятное создалось положение с МВО. На досуге надо написать обдуманно заявление в правление. Или Петю послать?

Причесав несколько, напечатали мой мучительный труд «Агрогород» в «Известиях».

Серна. Набрав в себя множество мыслей о «Счастливой горе» и «Серне», я вышел из дома по Торгошинке стрелять дроздов на рябине.

Ковер. В смешанном лесу ель, преобладающая порода, подготовила из своих хвоинок толстую, мягкую, серую основу, а осина и ель осенью насыпали разноцветные пятнышки одно к одному, как мазки в беспредметных картинах, и так получился ковер без рамы, как море и небо.

Поздняя осень. Самая поздняя осень — это когда от морозов рябина сморщится и станет, как говорят, «сладкой». В это время самая поздняя осень до того сходится близко с самой ранней весной, что по себе только и узнаешь отличие дня осеннего и весеннего: осенью думаешь: «вот переживу эту зиму и еще одной весне обрадуюсь». Тогда думаешь, что и все так в жизни непременно должно быть: надо наморить себя, натрудить, и после того можно и радоваться чему-нибудь.

Вспомнилась басня «Стрекоза и Муравей» и как муравей говорит стрекозе: «ты все пела, это дело, так поди же попляши». А ранней весной точно в такой же день ждешь радости без всяких заслуг, придет весна, ты прижмешься к ней, как стрекоза, и полетишь, вовсе не раздумывая о муравьях.

Кряква. В крутых берегах в густом ольшанике речка сужалась до того, что ее тут можно было перескочить. Тут и от лесного тепла и от силы течения вода не замерзла, и тут задержалась и коротала последние деньки перед зимой запоздавшая кряква. Не видя ее в густом ольшанике, мы услышали только шум взлета, крик, и выстрелить удалось только уже когда она была высоко над ольхой. Одна из дробинок, однако, попала ей в крыло, кость сломалась, кряква полетела вниз головой, как бутылка. Подстреленная в крыло кряква ищет спасения в воде, ныряет и затаивается в корнях, высунув только свой темный незаметный носик. Случается, охотник из сил выбьется: вот же тут упала, сам видел своими глазами, а найти никак не может.

То место, где кряква таилась у быстрой воды, было как раз поворотное, речка отсюда повертывала на голое место, расширяясь на плесе, как пруд. Тут вода на спокойном открытом месте замерзла, сохранив на поверхности вид совершенно спокойной и прозрачной воды. Падая на эту поверхность вниз головой, кряква только собралась было нырнуть и вдруг ударилась. Лед не проломился от удара. Ошеломленная кряква поднялась и [медленно] пошла на своих красных лапках. Бьюшка, увидев, бросилась к ней, но провалилась, вернулась, подумала и опять, расширив лапы, раскорячив все четыре ноги, медленно пошла...

Рассказ для малышей о лесе. Мы ищем пропавшего в лесу ребенка. Надо создать цепь признаков и ею связать множество животных и растений. Напр., ребенок может укрыться в огромной муравьиной кочке, которая была государством, но теперь заросла травой и кустарником: тропа муравьиная широкая и на ней следы. Муравейники как стога. Разработать до мельчайших подробностей уголок леса, речку. Найти книги о муравьях. Медведь. Можно в двух планах: 1) как искали; 2) как ребенок жил. Белки. Клесты.

29 Октября. Мороз отпустил. Тепло. Разрешение [с] гончей охоты в Моск. обл. Гоняли на Княжеских местах. Петя ранил лисицу на 5-м кругу у нор под яром. Трубач ее задавил, но найти не могли. После того тут вблизи Петя убил беляка старого на 1-м кругу. Беляк с брюха забелел и наверху седой, так наполовину. Вопрос — правда ли, что время линьки у зайцев движется в переменчивых сроках ежегодно, или это лишь сказка охотников?

Вспомнилось несколько собачьих рассказов, которые следует написать и, соединив в «Собаки», дать в «Правду» или «Известия». 1) Лимон. 2) Собака Никифора.

В царское время у некоторых лесников были маленькие и до того злющие собачки, что от них весь лес звенел... Как я его у Никифора купил и как он жил у меня, обдумывая план освобождения, вроде Кавказского пленника, так и назвать «Кавказский пленник». Убежал к Никифору, а тот его упрятал к свату. 3) Самурай. 4) Нептун в Лаптеве.

Когда возвратилась к детям елка, некий задумчивый гражданин сказал: — Очень не радуйтесь, дети, елка вернулась, вернется и буква ять.

30 Октября. Утро туманное мягкое. Сильно пахнет листва на земле, и это, говорят охотники, отнимает у гончих чутье к зайцам. Мы пробовали новую собаку (зовут «Находка», мы стали звать Найда, а теперь будем звать Лайба) с Алексеем Денисовым (Платон Каратаев). Убили двух зайцев. Можно надеяться, что собаки споются.

Думал по случаю счастливого введения в повесть Романова и Тагира о возможности всю повесть насквозь написать по впечатлениям и мыслям, ввести в нее все дневники. Словом, сделать сознательно то, что в «Жень-шене» дано случайно: достигнуть, дождаться единства всего внешнего в своей личности. Наметились, как полагается, три лица: Я (искатель счастья), Саид и Серна.

Читаю о муравьях и думаю о человеке как существе насквозь общественном, и русском человеке в особенности.

Книжки для карандаша: даже и полубеллетристика годится, потому что материал всякий собирал и только не сумел справиться, напр., один описывает дырочку в земле, сделанную жужелицей: это годится.

Начинаю думать, что в существе своем Бетал есть художник и, собственно говоря, он делает из Кабарды картину, а вольность свою черпает из таланта художника: жизнь в таланте есть жизнь личная и жизнь полная, когда кажется, что если мне хорошо, то и всем должно быть хорошо.

31 Октября. Запомнить «опыт» сегодняшнего дня и проследить все последствия и на сколько хватит. 1) После вечернего чая довольно ясная голова, повышенная и плодотворная работа. 2) Прерывистый сон. Кажется, вся ночь, а проспал один час. В голове ворошится безумие. Утром тоска и кажется, что жизнь свою не сумел устроить. И так весь день, ничего не сделал.

<*На полях:* Посвящается опыту.>

1 Ноября. С вечера тепло (+7), и дождь моросил, потом усилился и часов до двух ночи барабанил по крыше. Выхожу с Лайбой на лисицу.

В теплое туманное ноябрьское утро весь лист лежит на земле и пахнет необычайно сильно ароматным тленом лиственного леса. Вероятно, и собакам этот аромат отбивает запах, остав-

ленный на этих листьях заячьими лапками. За все утро Лайба ничего не нашла.

Для нас Б. человек не только достойный, но и почти святой. Но жена его, наверно, ненавидит за какую-то нам не видимую и отдаленнейшую от нас черту личности его, не поддающуюся никакому учету, определению. Я чувствовал на себе такую же ненависть сестры своей, спрашивал сотни раз: «за что?» и отвечал себе: «ни за что». И Ефр. Пав. временами вспыхивает этой же самой ненавистью беспричинной. А как загорелась ненавистью к великому Толстому его жена! и опять именно «ни за что», потому что дело тут не в причине, а в самом ненавистном облике, быть может, даже и очень хорошего и даже любимого человека, да, так бывает, любимый человек является в ненавистном облике. Думаю, что это вполне естественное чувство, сдерживаемое воспитанием, необходимостью совместного существования и пр. У плохо воспитанных, истеричных женщин...

<*Приписка:* Люди в своем общежитии прежде всего должны научиться соблюдать допустимую близость между собой. А то ведь есть и недопустимая близость, когда близкий, даже любимый человек является в ненавистном облике.>

Как это ни странно, а герой середины прошлого века, Печорин, сохранился в жизни до нашего времени, конечно, в раздробленном виде, в умельченном состоянии. Назову: Налоев, Прехнер, множество студентов — все это современные Печорины.

Предисловие. Наступило время перечитать кавказские записки и поступить с ними, как поступил <*зачеркнуто:* в Кабарде Бетал> один хозяин с фруктовыми лесами: он вырубил все лишнее, оставил фруктовые деревья и некоторые декоративные, ко всему интересному подвел дорожку, возле всего замечательного поставил лавочку. Так точно и я все лишнее в своих записках вычеркну, ко всему интересному и замечательному подведу дорожку сюжета и вместо лавочек всюду расставлю главы и части.

Под таким небом, в такой пустыне мысли могут быть только свои, вот потому и боятся пустыни, что боятся остаться наедине с собой самим.

Сороки услыхали меня и заговорили, конечно, о том, что я иду. Вот и сороки, если бы еще попустынней, чтобы и собаки не было с собой, то непременно сошлись бы в бесконечности моя параллель с сорочьей: ведь и я тоже устроен и пущен как сорока на свет, и ведь 0,99 всех людей «пущенные» наравне с сороками, и из 0,01, давших миру нечто новое от себя, каждый из этих «разумных» существ на 0,99 своего существа жил тоже как пущенный. А ведь любая глупенькая курсистка, услыхав об «уме» животных, презрительно скажет: это «инстинкт», а когда назовут человека, скажет: это «разумное» существо.

2 Ноября. В Москве, если жить придется, совершенно необходимо строжайшим образом беречь допустимое расстояние в общении с людьми. Как образец такого рода людей, с виду интимно расположенных к другому, а внутри абсолютно недоступных, могут быть А. М. Ремизов и Бетал Калмыков.

Петя рассказывал про студентку-беспризорницу Шуру Клементьеву, которой «все можно». Ее любовь, она и как женщина выключена из общества, [имеет вид малого]. Как она влюбилась...

Печорин обладает психологией беспризорника, и Демон тоже беспризорник, и сам Лермонтов; только там общественная связь нарушена из-за праздности наверху, а тут внизу: характер иной, а сущность та же самая.

Политический коммунизм вовсе заслоняет собой коммунизм этический, все поставлено на то, чтобы показать, и совсем отстранен вопрос о том, как люди живут. Напр., в ж-ле «Молодой колхозник» напечатана статья «24 часа спорта», в которой основная мысль та, что нет спортсмена без сливочного масла. Можно это где угодно говорить, только не среди колхозников. Политически это, конечно, правильно, раз — счастливая жизнь, то нужен спорт, а если спорт, то сливочное масло, фундамент всякого спорта. Этически, однако, вышло это так, что, когда я прочитал это живому колхознику Алексею Денисову, он подумал, что это смеются над колхозниками, и сказал: — Конечно, смеются: хлеба нет своего, а они говорят о сливочном масле!

Разум человека весь целиком сказался в машине, которая есть <u>средство</u> и нашего счастья, если она в наших руках, и нашего бедствия, если она служит нашему неприятелю. Без машины теперь, напр., нельзя даже и Кавказ посмотреть.

К Сталину все стали обращаться, чтобы избежать проволочки своего дела в бюрократ. аппарате, так за стеной аппарата встала личность вождя.

Часто замечаю, что высказанное мной случайно, без всякой веры и намерения осуществить — осуществляется само собой в моем писании. Значит, как между работником земли и урожаем есть еще совершенно самостоятельная (автономная) работа самой земли, так и в творчестве нужно учитывать работу натуры таланта (Земля = утроба матери).

Вся наша трагедия на земле с темным рождением и беспричинным концом состоит в том, что подобно тому, как животные, участвуя в малом деле, не вполне ясно понимают, для чего оно делается, так и мы тоже не видим конца нашего дела, лица существа, для которого работаем. В темных догадках или в претензиях на ясность дела проходит наше земное существование. Все состоит в том, проникаем ли мы постепенно в понимание нашего дела или просто усиление, усложнение нашей работы сопровождается иллюзией нашего могущества и понимания цели.

2 Ноября. Теплый ярко-солнечный день.

Начал вторую читку кавказских записок с выбором по сюжету.

3 Ноября. Ночью дождь. Утром моросит и ветер. Мы поехали в Териброво. Семья Вершининых. На беляке гончие скололись сразу и найти не могли. Лисицу погнали. Она ушла за пять верст. И охотники, и собаки растерялись. Только вечером сошлись в Тараберках, я с Лайбой прошел из Канюкина (через Карелы), Петя с противоположной стороны. Полуживые приехали, убив одного тетерева. У нас был Разумник Васильевич.

4 Ноября. Петю отправил в Москву. Раз. Васильевичу подробно рассказал о «Счастливой горе».

Разобрать понятие «организации» (надо бы сказать, механизации) как силы земли, «силы вещей», извлекаемой для действия власти: на этой силе и покоится власть; во все времена фараоны, цари, вожди, президенты, диктаторы и т. п. личные представители власти пользовались соответственной своему времени организацией, в наше время организация эта машинная, фордовская. Возвратить эту силу земле, или «силе вещей»,

значит возвратить людям «счастье» (счастье в чувстве: ты только сеешь, а вырастает само).

Не забыть рассказ «Консерватор» (см. записи Кавказ).

Человек, который родился в гостинице и всю жизнь в разных городах останавливался в гостиницах, ума набрался — уйма! а когда утомился странствовать и купил себе домик, то все рассмотрели, что хотя ума он и набрался по разным странам и много, но своего ума не имел.

Эренбург, Кольцов и другие, рожденные в гостиницах, странствующие хозяева и представители международные советской земли...

5 Ноября. Расписываю дневник по карточкам и надеюсь, что, когда все выпишу, в голове повесть окончательно оформится и тогда я напишу ее всю в один месяц.

Из дома не выходил.

Иная мысль допускается у нас во всяком деле, но с тем, чтобы ее не высказывать вслух как мысль, а использовать потихоньку ее рабочую ценность. Так одни живут парадными мыслями и в сущности ничего не делают, а только повелевают, другие, люди иной мысли, работают в безвестности и существуют рабочим инстинктом.

Если А. М. Коноплянцев приедет, расспросить его по части строительства, а если нет — у Яловецкого.

Наблюдая вчера домашних птиц, гусей, уток, подивился — как же скоро признали они свою кормилицу Паню! Сколько тут ладу, добродушных голосов. И какой ад, какой воистину срежет зубовный окружает людей на заводе...

7 Ноября. Филимонов, Лева, Петя и я поехали в Териброво с одним Трубачом. К 2 ч. д. убили двух зайцев (всего теперь 7) и глухаря.

8 Ноября. Вечером неладно поел. Ночью схватило клещами под ложечкой. Заболел. А. М. Коноплянцев все курит.

9—10—11 Ноября. Пребываю в температуре. Бредовые мысли. Из них одна о населении уголка Кавказа моими героями, связанными в единство с ландшафтом и в идейном порядке

раздвоение: один герой думает, что для всех людей должен быть единый закон жизни, другой — что, как у муравьев: один закон для властных, другой для рабочих.

Вчера, когда я лежал в постели, в ворота постучалась дама, не пожелавшая назвать свое имя и цель посещения. Я велел Пане передать ей, что болею и не могу ее принять, но прошу назвать имя и цель: я ей помогу. После этого дама открылась Пане, что она жена начальника уголовного розыска и сочиняет стихи. Она не совсем грамотна и боится стихи написать, а прочесть может. И прочла Пане поэму о том, что великий Сталин подарил писателю Пришвину автомобиль и он теперь счастливый ездит и радуется жизни.

12 Ноября. Вчера к вечеру температура поднялась еле заметно. По-видимому, болезнь проходит.

Думаю о неграмотном человеке, женщине, не знающей в году месяцы и в то же время, по общему признанию, умной и способной на что-то... Вот этот ум понять и его изобразить в Серне...

Яловецкий и Коноплянцев при всех своих мученьях сохранили один — восторг в природе, другой — в искусстве: это их храм, где они спасаются больше всего от своих жен.

Визит председат. горсовета Бабунова. Возвращение здоровья. Отъезд Пети с поручением в Москву.

13 Ноября. Сочиняю свою речь в таком плане, что я — личность, что я как личность не нужен был до сих пор: пророка не признавали в своем отечестве. Но конституция требует личности, и потому пророк признан. На этом сюжете дать понятие о художественном краеведении и лице нашего края.

Перечитывал немецкие рецензии моей книги и чувствовал себя не то на троне, недоступном ни для какого монарха, не то участником творчества истинного интернационала, где управляет миром любовь.

Творчество — это прежде всего борьба со смертью, с забвением. Вглядишься в себя, и ничего не умерло, все живет в тебе...

Был на съезде. Речи не сказал. Пришлось весь вечер от 5 до 9 хлопать в ладоши. Вся конституция утонула в славе вождю,

мало того: каждый в крайнем славословии, хлопаньи в ладоши как будто сознательно старался заглушить, забить голос собственной личности. Что-то зловещее и небывалое в человечестве чудилось в этих говорящих и хлопающих марионетках. Между тем этого, наверно, никто не хотел из устроителей и вождей, очевидно, сам народ такой в своей массовой некультурности (маска и марионетка).

Культура выражается личностью человека, но не «культурными товарами» (патефоны, пианино, пластинки и т. п.).

Орденоносная ткачиха: старуха твердая, с резкими честными чертами лица, сидит, не раздеваясь, в пальто, на груди между пуговицами пальто как раз посередине орден.

Задумчивый рассеянный человек при словах ораторов «счастливая жизнь, спасибо вождям за счастливую жизнь» поднимает руки с колен и легонечко начинает похлопывать. Мне кажется, он придумывает особый аппарат для парадных собраний: чтобы перед каждым гражданином висели механические руки, приводимые [в движение] самим оратором: скажет «счастливая жизнь», нажмет пуговку на кафедре, и руки без всяких усилий со стороны граждан сами захлопают.

Военный оратор, молодой человек до того навострился речи говорить, что простым повышением голоса в соотв. местах речи он как бы нажимал пуговку, после чего сотни механических рук, без малейшего участия внутреннего человека в гражданине, приводились в движение и похлопывали.

В чиновничье старое время было же такое веяние, что человек искусством может заниматься без профессии: отслужит, напр., сколько-то часов в департаменте и потом будет музыкой заниматься или литературой. Ссылались на Гончарова. Но Гончаров был один, а все другие, ломая себя надвое, были плохими чиновниками и никуда не годными артистами. Искусство требует службы себе, и притом честной службы, всего человека. Эта мечта социалистов о том, что в будущем все будут после службы артистами, есть та же самая мещанская мечта стахановцев о «культурных товарах» (патефоны, пианино и проч.).

Говорить почему-то не стал и потихоньку удрал. Может быть, и к лучшему.

То, что я делал столько лет, изучая один и тот же подмосковный край, должно соединиться с Каналом и движением Москвы на край.

Дуничка и мать: образованный ум и природный (без всего: ум по слуху, как семя по ветру: ум от языка и слуха, как семена по ветру).

Ценность жизни. Ноябрь, забойные дожди. Серые лачуги. Нищий старик в тряпье стучится палкой в окошко. Наверно, у него еще и множество болезней, ревматизмы летучие и суставные. Но он не хочет сесть у забора, протерпеть одну холодную ночь и тем кончить жизнь. Может быть, он в Бога сильно верит и тем объясняется его упорство в добывании себе средств жизни, — не все ли равно? пусть за Бога держится, но все равно он тем самым живет и хочет жить. Мало того! ведь сколько бы ни говорили о богатых душах, великих умах и сердцах людей разных народностей, о накопленных народом сокровищах, все это старик не чувствует, и весь мир для старика расположен как немая мертвая пустыня: только «я» — только Бог и пустыня... Такая, кажется, незначительная величина этого стариковского «я», и между тем в этот ноябрьский день под дождем весь мир где-то на той стороне показывается в чувстве этого старика. А может быть, там и не бывает осеней и дождей: там перемены, движение, время видят прямо в душах?

Революция началась в моем понимании выстрелом одного матроса в актера, который в театре, читая стихи, упомянул имя Христа: в шапочке из роз сам Господь Иисус Христос. И вот теперь Совет Народных Комиссаров снял пьесу Д. Бедного «Богатыри» за хулу на крещение Руси. Демьян отстал от времени.

При всех своих бесчисленных глупостях я далеко не дурак, но дураки, видя мои глупости, принимают за своего, и с простыми дураками я часто бываю в отличных отношениях. Зато уж образованные дураки, сразу замечая, что глупости свои я не хочу прикрывать образованностью, глубоко презирают меня и оскорбляют. Может быть, глядясь в мои глупости, они узнают себя в грубом первоначальном виде, как узнает себя человек в обезьяне, и оттого часто с первого взгляда не только презирают меня, но даже и ненавидят. Вот почему я так безумно обрадовался, когда в Англии появилась моя книга в роскошном издании: образованным дуракам теперь это будет кляп в рот.

14 Ноября. На съезде побыл немного утром, заявил желание говорить, а потом вдруг скрылся: стало как-то жутковато, струсил.

Вблизи, конечно, кажется все... Когда человек должен превратиться в часть механизма, особенно непривычный и свободолюбивый человек, то кажется скучно, стыдно, тягостно. А когда дома одумаешься и представишь себе, что точно так ведь и вся страна, все 110 миллионов как один человек организованны и могут по одному слову вождя вмиг стать под ружье, то всякое либеральное ёрничанье отпадает и начинаешь понимать в этом общественное явление, небывалое во всем мире, во все времена.

У Дос-Пассоса («42-я параллель») отношение рабочего к капиталисту приблизительно то же самое, что у меня, писателя, к нашим современным «посредникам» литературы, объявившим себя творцами. Но капиталист не только посредник, и в рабочем не всегда заключена творческая натура. Вообще тут двойная опасность: 1) заграничный человек, не испытавший на себе социальной революции, может говорить о ней не больше, чем девушка о родах; 2) самое избрание и возвеличение писателя у нас при его симпатии к социализму очень легко дается.

15 Ноября. Ходил в лес с Лайбой. Погонял беляка. Ужасно устал. Приехал Раз. Вас. Спор о Белом.

Признаю, что надо ставить себе цель в сочинении, но моменты достижения цели обусловлены полной бесцельностью (т. е. когда цель действует из-под сознания и ее вовсе не чувствуешь). Вернулся Петя из Москвы. Событие с Демьяном Бедным.

16 Ноября. Ездили в Терибрsово. Убили беляка, второго догнал Трубач и съел. Его радость хватки живого теплого мяса и крови. Кровь текла в лужу, и лужа стала красной. Наелся и выпил всю красную лужу.

17 Ноября. Петя ходил на норок с Бьюшкой. Убил двух белок, а норка ушла под воду. Под деревом на берегу у моста он нашел большую дыру, края были мокрые, видно, что зверек выходил из воды мокрый через эту нору. А по воде косой полосой по ходу норки расположились белые пузырьки: это значит, что норка только-только нырнула под воду.

Весь день барометр шел вверх и морозило. Я даже воду спустил в машине. На закате, однако, появились в обилии комоч-

ки, хвосты, и вопреки барометру и термометру я предсказал на эту ночь снег.

18 Ноября. До рассвета часа за три началась снежная метель при –4°. Очень надеемся, что завтра будет пороша.

В «Наших достижениях» наконец после многих месяцев напечатана моя статья «Мои читатели» с письмом Горького. Несомненно, много я доставил хлопот с этой статьей нашим заправилам. А хорошо! Именно тем хорошо, что Горький оказывается действительно хорош.

Счастливая жизнь. Кузнецовы муж и жена развелись, а комнатка одна, и каждый из супругов считает ее своей, так они судятся, ругаются, шипят, а живут. Так вот люди добились «личного» закона счастливого, а жизнь в поправку дает свой закон, ставящий супругов в положение беспримерно худшее, чем животных. Наши вспомнили подобные случаи и набрали десяток знакомых. Значит, в Москве это есть бытовое явление.

Нельзя целью поставить себе счастье: невозможно на земле личное счастье как цель. Счастье дается совсем даром тому, кто ставит какую-нибудь цель и достигает ее после большого труда. Верное счастье обретает тот, кто целью своей ставит счастье своего ближнего.

Если даже охотничьи ружья даются у нас с особого разрешения, то как же можно давать свободно перья писателям!

Ученый-разученый человек, заглянув под деревом в дырочку, через которую норка ушла с земли под воду, заметил влажность земли и сказал: — Это... норка, живущая в воде. — Другой человек, неграмотный, заметил белый след пузырьков на воде и ответил ученому: — Норка только сейчас нырнула под воду, вон ее след. — Так ученый и дикарь вместе решают вопросы жизни зверька норки, объясняясь на одном и том же, понятном для обоих языке. Вот этот язык, служащий связью всего народа, и есть тот язык, который мы должны культивировать — это язык народа, язык Пушкина. И есть еще язык, которым...

Санитары уничтожают клопов, но клопы, в свою очередь, часто являются санитарами заплывающего в благополучии человека и пробуждают в нем совесть, клопы бывают санитарами совести.

19 Ноября. Мороз –10°, ветер. И все как будто сразу в один день 18-го Ноября наступила средина самой лютой зимы. Ездили в Териберки с двумя собаками. Убили только одного зайца, а подняли (с «пятачков») и гоняли трех. Зайцы очень далеко бежали от собак, как лисицы. Мы это объясняли предположительно тем, что собаки мешают друг другу. Завтра попробуем по белой тропе одного Трубача.

20 Ноября. Рождение месяца.

Небо чистое, восход роскошный в тишине. Мороз –12°. Трубач по белой тропе гонит одним чутьем, как по черной, оттого скалывается. Редко завершается круг, обыкновенно угонит и не вернет. Ему надо учиться, а Лайбу испробуем завтра. Одного зайца все-таки убили.

Весь день в лесу был золотой, а вечером заря горела в полнеба. Это была северная заря вся малиново-блестящая, как в елочных игрушках, бывало, в бомбоньерках с выстрелом, особая прозрачная бумага, через которую посмотришь на свет, и все бывает окрашено в какой-нибудь волшебный цвет.

Однако на живом небе был не один красный цвет: посередине была густо-синяя стреловидная полоса, лежала на красном как цеппелин, а самое главное, разные прослоечки тончайших оттенков, пограничных к основным цветам, не зеленый, напр., а желтый при первом заметном для глаза переходе к зеленому...

Полный расцвет зари продолжался каких-нибудь четверть часа. Мы стояли на дикой вырубке, с которой отдельные изуродованные деревья стояли против зари. Казалось, это было какое-то действо, вроде огненного крещения. И правда, впечатлительному юноше довольно раз увидеть такую красоту, чтобы остаться навсегда в плену у природы.

<*На полях:* Молодой месяц стоял против красного на голубом, будто он увидел это в первый раз и в этой красоте крестился на жизнь лунную.
Изобразить рождение месяца: т. е. что как на вырубке месяц родился.>

Мое новое произведение должно дать строителя, т. е. продолжение строителя «Кащеевой цепи» и «Жень-шеня».

Итак, в природе все «заведено» и «пущено», все движется не своей личной волей, а «законом». Человек отличается от мира природы именно тем беззаконием, которое является свойством человеческой личности.

Это сказывается особенно ярко и просто при сравнении государств, напр., насекомых с государствами людей. У насекомых государства действуют во исполнение какого-то «закона» природы, тут же главная цель государства есть охрана благополучия большинства от личного или группового беззакония. Личное своеволие — вот все, чем отличается человек от животного, и отсюда, конечно, всякого рода придумки орудий производства и пользование ими в полной мере, тогда как другим организованным существам в природе они даются «по закону» в ограниченном количестве.

Тоня работает на трикотажной фабрике как ученица. Проходит необходимое ученье. Учит таблицу умножения и боится, как бы не «повредить себе голову». Когда готовилась по географии, вдруг поняла, зачем учится и почему учиться необходимо.

Раньше, до ученья, она думала, что смоленская, западная область и есть на земле все сельское, а дальше на свете все только «города», Москва, Ленинград и другие, что город [прилегает] как бы к другому городу и сельской жизни, колхозной между ними нет. Но когда она выучила географию, то оказалось, что вокруг каждого города тоже такие большие колхозные пространства, как и вокруг Смоленска. Это до такой степени удивительно, что все в голове яснеет и просветляется. А еще оказалось, другие народы, как и русский народ, тоже так живут и, главное, в народах везде есть свой язык и все этот язык понимают, как и мы понимаем свой язык.

Раньше она видела только раз двух «чухонцев», и когда они заговорили между собой, то она не думала, что это язык и что это можно научиться понимать, как и наш русский язык. Она думала, что чухонцы так же говорят, как галки и другие птицы, а понимаем друг друга только мы, русские. Все это разобрав, все поняв, Тоня признала, что учиться действительно надо, а не для того ученье, чтобы только мучить людей для послушания.

Начинают очень ярко выступать кабардинские рассказы, напр., как охотились на Малке и Игонькин убил гнездовую индюшку («партизанское сердце не выдержало»).

Народы изнемогают под тяжестью вооружения. Но слова против войны изношены до конца, и нет никакого живого примера без слов против войны.

Еврейский демократизм: собрались «все свои». Иногда в женщине и ошибешься и не думаешь на нее никак, что еврейка, и вдруг она не то толкнет тебя или своей «пышной» грудью неловко прижмет, не то обратится к тебе до крайности «просто», будто или мы век с ней знакомы были, или что все люди вообще «свои», — внезапно почувствуешь в ней еврейку, и тогда станет совершенно все в ней понятно и всякая возможная иллюзия пропадет. «Обворожительной» еврейки в жизни своей я никогда не встречал, но в молодости по непониманию мог бы легко попасться, как попадались вследствие своей радикальности русские ребята. Этой своей «простотой» еврейки и ловили.

Мудрецы не спорят. И мы, как мудрецы, не спорили между собой, а советовались, доводя голос своего внутреннего существа до встречи с другим. То же самое я испытываю, читая, напр., во время фашизма дружественную рецензию немецкого писателя. Между тем где-то люди разговаривают посредством пушек, люди воистину Ветхого завета.

21 Ноября. –12°. Ветер средней силы. Петя ходил пробовать гон Лайбы в заказник. Под огромной, в дом, кучей грачевника открыл зайца (все зайцы сейчас под кучами), запустил под нее Лайбу и, вытурив зайца, взял его.

Пришла в голову мысль издать «Берендееву чащу» с иллюстрациями из поэтических вещей наших классиков, в первую очередь, напр., хорошо взять Пушкинские сосны («Здравствуй, племя» и пр.).

22 Ноября. –16°. Тишина. Сколько тепла сохраняет снеговое одеяло земли: несмотря на 16° мороза грязь на дорогах, болота совсем не замерзли под снегом. И до того там внизу тепло, что одна лягушка выбралась из-под теплого низу на поверхность снега; тут при морозе в 16° она могла погулять лишь на расстоянии одного метра, после чего растянулась и до того оледенела, что можно было ее взять за лапку и поднять, как вещь каменную. Теперь все зависит от дальнейшего хода зимы, если будет оттепель, эта лягушка отживет и, поняв на своем опыте ошибку свою, спрячется под снег, если же морозы будут все усиливаться, она неминуемо погибнет.

Мы гоняли долго лисицу. У Черного моста на ольхе сидела пара клестов, он чисто кровяного цвета, она серая. При нашем

приближении клесты улетели, а когда через несколько часов лисица здесь снова прошла и мы вернулись сюда, клесты сидели точно на тех же веточках ольхи. Значит, чем-то тут кормятся.

Иванов-Разумник упрекнул на днях меня за высказывание в «Журавлиной родине» о крысах, — что крысы могут раньше человека узнать о пробоине в корабле или начале пожара, но крысы не могут узнать вперед о мине, на которой взорвется завтра корабль. — Разве вы рационалист, — сказал он, — множество примеров собрано о подобных случаях: крысы могут знать о мине. — Каким образом? — Не знаю каким, но могут. — И сослался на геометрию четырех измерений: по Евклиду непонятно что-либо, а в четырех измерениях объясняется очень просто.

С этим я согласился и готов был отвлеченно допустить возможность пред-знания крыс, но в таком допущении крыса становится некоей отвлеченностью, неинтересной и ненужной для художества, как я его понимаю. И мне думается, что все новейшие физико-математические открытия, все эти созерцаемые миры небесных и внутриатомных пространств непосредственно ничего не дают художнику. Но эти открытия очень утончают наш чувственный опыт и заставляют обращать внимание наше на такие стороны чувственных вещей, каких без нового знания мы бы не замечали. Ошибка Иванова-Разумника в том, что, не будучи заинтересован и связан сохранностью чувственного тела крысы, он оперирует ей как величиной сверхчувственной. В этом и состоит, вероятно, соблазн теософии, антропософии и т. п. дешевой мистики.

Мы же, художники, вечно внимая мирам иным, привязаны крепко-накрепко к чувственным формам и должны взять их вместе с собой в Царство Небесное. Так, напр., несмотря на открытие Коперника, доведенное в очевидности до глобуса, художники упорно расставляли свои предметы на земле-плоскости до тех пор, пока математики не сказали, что и в математике землю можно понимать как плоскость. Вот почему я остаюсь в убеждении, что зайцы в лесу не могут знать, каким номером дроби я завтра их буду угощать на охоте, как не могут крысы корабля, выходящего из Гамбурга, знать о мине, которую мы приготовили для этого корабля в Финском заливе.

Можно еще и так возразить о крысах. Крысы, как все существа природы, сильнее нас в понимании установленных законов, но человек, в свою очередь, бесконечно сильнее крыс в сво-

ем беззаконии, основном свойстве личности («Я пришел нарушить закон»). Человеку «вздумалось», и он мину поставил: крыса не может догадываться, о чем еще вздумается человеку. И в этой встрече закона Божьего, доступного, конечно, и крысам, с беззаконием человеческой личности гораздо более тайны (мистики), чем в дешевых сказках антропософов и теософов через чувственную образность.

Непрестанно думаю о личном творчестве как первоисточнике мира на земле и думаю, что человек может творить мир даже и во время войны, напр., он, потеряв сознание, может прийти в себя и перевязать раны сраженному им же врагу. К войне отношение у такого человека как к необходимости, выйти из которой он обязуется только путем личного творчества: общественно принужденный к войне, он лично ее превращает в дело мира...

Начинаю подумывать, что хорошо бы ввести в повесть мотив расхождения двух личностей из-за привязанности к животным (лошадям), как это было преднамечено во время самого путешествия. Возможные начала:

1) Говорят, что собаки благодаря близости своей к человеку стали гораздо умней лошадей. Пусть даже собака человечностью своей выше всех животных на земле, зато лошадь, по-моему, бесконечно выше собаки как животное.

2) Мы были вместе с Саидом Татариновым в больших переделках во время гражданской войны. Раз мы поскакали с ним в разведку, привязали лошадей своих и стали подкрадываться. Вдруг откуда ни возьмись... цап-царап.

23 Ноября. Мороз сдал: –6°. Ветрено. Пасмурно. Ходили пробовать Лайбу. Убили двух зайцев в заказнике, третьего от кучи грачевника на новой трассе гнали за «Смену» несколько часов. Болото совсем не замерзло, под снегом продолжается жизнь. На валенках намерзали тяжелые комы льда. Отбивая лед, оторвал подошву. Петя, отрезая подошву, отхватил часть шерстяного чулка, шел полубосой. За пять дней по 9 часов хода в лесу втянулись в жизнь рабочего лесного, и становилось изо дня в день все легче и легче.

Землеройка в снегу как рыба в воде, и на поверхности снега она расписывает свой ожерельный следок, а захочет и вмиг нырнет под снег. Кроты под снегом продолжали свою обыч-

ную работу в еще не замерзшей земле, и всюду на белой поверхности снега наращивали свои темные маленькие вулканы.

<*На полях:* Землеройки, кроты, клесты, белки, синицы-гаички, зайцы, паучки живые из-под снега, шелушки белок на снегу, <*зачеркнуто:* летучки> посорки с берез, заячья осина... Два-три пня так были осыпаны снегом, что из одного вышел молодой человек в белой шапочке. Обняв свою даму в горностаевой мантии... Третий...>

Два друга, Яловецкий (юрисконсульт, отморожен кончик носа и на нем всегда капля, варит чай, капля в чайник; жена — ад, природа — рай). Фролов (бухгалтер, отчего собака тощая? жена злая).

<*Зачеркнуто:* Умный Заяц.> Синий лапоть.

Через наш лес проводят шоссе. Пока сейчас только лес вырубили для шоссе ровно, как по линейке. Большие деревья и верхушки увезли, а на месте остались только мелкие прутики, грачевник. Собрали этот грачевник в огромные, величиной в маленький дом, кучи и оставили на зиму. <*Приписка:* Хотели развезти их на одну фабрику, но не управились. Отчасти это и хорошо, потому что весной грачам будет [что] взять и под кучами зайцам тоже хорошо укрываться.>

Вероятно, будет разрешено гражданам брать себе этот грачевник на топку, кто сколько может взять. А кстати, ведь и грачи прилетят, им это тоже очень нужно для гнезд, за то же и называется грачевник.

Осенью охотники жаловались, что в этом году в лесу почему-то вовсе зайцев не попадается. А когда пришли зимой и выпал первый снег, вдруг по следам обнаружилось: все зайцы укрываются на новой трассе под кучами грачевника. Узнав об этом, мы тоже пошли туда во главе с Родионычем <*приписка:* по прозвищу Синий лапоть за то, что без этой приговорки он не мог ни одного зайца убить и каждый заяц у него был Синий лапоть>, который видит жизнь зайца насквозь и лучше всякой собаки может нагнать любого зайца на охотника: ему только след нужен, возьмет след и направит зайца куда ему только захочется.

Так вот, с этим Родионычем пришли мы по следу к одной куче грачевника, обстали кучу со всех сторон, а Родионыч длинным прутом поддел под кучу, чтобы оттуда вылетел заяц.

<*Приписка:* — Ну, вылезай, Синий лапоть! — пыряли мы.> Кругом всей кучи пырял Родионыч, — нет и нет зайца. Охотники стали ходить вокруг кучи, надеясь разглядеть выходной след. Все думали, что заяц вышел из-под кучи до нашего прихода, прыгнув куда-нибудь в куст и укрыв таким образом след.

Родионыч был озабочен чрезвычайно и говорил, что такого обмана от зайца он не ожидал и отродясь этого с ним не было. Вскоре, однако, он, вероятно, что-то смекнул, очень повеселел, подмигнул мне и сказал:

— Ну, ребята, заяц тут, ищите как ни можно лучше, а я пока сверну себе цигарку покурить.

<*Приписка:* И стал вертеть козью ножку.>

И, сев на пенек вблизи кучи, стал свертывать. Поняв по его миганию, что он мне потихоньку желает что-то открыть, я подошел к нему и сел рядом с ним на пенек. Когда охотники, обходя кучу, были к нам спиной, он показал мне пальцем наверх и такую плутовскую мину состроил на своем лице, что я чуть-чуть громко не расхохотался. Потом, взглянув вверх, я замер от удивления. Куча была величиной с небольшой одноэтажный дом. Заяц, сообразив, что погода на другой день не должна быть холодной и что под кучей лежать все-таки не безопаснее, прыгнул на кучу и устроился там на высоте небольшого одноэтажного дома. Заслышав охотников, он навострился и, нацелив голову, следил за ними. Охотники вертятся, и он вертится. Он был совсем белый, и только на носу от летней шерсти осталось лимонно-желтое пятнышко. Вокруг него и кучи был белый снег, и только по двум черным глазам да черным кончикам ушей мог Родионыч заметить зайца.

— Родионыч, — шепнул я, — сделай одолжение, спаси зайца.

На самом верху видна была голова зайца, белая голова с черными глазами, а носик был еще рыжий с остатками летней шерсти. Уши с черными кончиками. Заяц сверху отлично мог наблюдать за охотниками, они ходят, и он повертывает вслед им голову.

Отчего это все зайцы лежат под кучами, а этот один взобрался на кучу.

— Умный, — ответил Родионыч, — а ты думал, они все одинаковые! Нет, брат, умных, как и у нас, у них ведь тоже мало бывает.

— Родионыч, — сказал я, — давай спасем этого.

— А ведь догадаются, — шепнул я Родионычу, — мне бы хотелось этого зайца спасти, устрой, пожалуйста.

— Это просто, — ответил Родионыч.

И, взяв горсть снегу, обогрел, обмял и так сделал комочек точно такой, каким играют дети в снежки.

И когда охотники зашли от нас все на ту сторону, хватил этой ледышкой прямо куда надо. Тогда в одно мгновение заяц вдруг вырос на куче, большой, нажался и гигантским скачком махнул прямо через головы охотников, и им это было будто заяц с неба упал.

Выстрелы посыпались <*зачеркнуто:* как из пулемета>. Но когда охотники стреляют вместе, то каждому хочется раньше другого убить, все спешат, никто не целится. Весь снег вокруг зайца был обсеян дырочками, был обстеган дробинками, а сам он показал охотникам свой белый цветок и был таков в темном еловом лесу.

Маленький хвост у зайцев по-охотничьи называется цветок.

<*На полях:* В лесу обвислая тишина.>

В мировых путях какой-то планеты, а может быть, и звезды, где-то что-то встретилось, чуть хрустнуло и так отозвалось на нашей планете, что после метели не потеплело, как полагается по закону природы, а напротив, мороз хватил сразу же после очень маленького в 16 градусов. Такое случайное, беззаконное поведение нашей планеты, однако, ничем не сказалось в жизни под теплым слоем снега. Там была вода... одной лягушке даже захотелось вылезти. Если бы вода была [ниже нуля], то лягушка была бы... Лягушки живут строго по закону. Лягушка вышла по дырочке землеройки. Как только лягушка вышла на поверхность, мороз в 10° так схватил ее, что она не в состоянии вернуться. Она могла только дрыгать лапками и медленно двигаться на поверхности. Все-таки она проползла два-три человеческих шага. Потом она окоченела, замерзла и обратилась скоро в кусок льда.

Мы подняли ее за лапку, как вещь, сделанную из зеленого камня. Разглядывая лягушку, мы никак не могли вспомнить, до какого градуса лягушка может выносить понижение температуры. Вспомнили, что на этом основана зимой доставка живой рыбы в Москву: при какой-то температуре рыба замерзает, но не умирает, а когда ее доставят на место и пустят в теплую воду, она опять оживает. Но едва ли могла отжить эта лягушка, и нам ее стало очень жаль. Ведь она жила, точно повинуясь закону природы: раз вода под снегом теплая, значит, можно ползти, и она ползла. Беззаконие совершилось где-то, может быть,

в биосфере, или, может быть, и еще много дальше, что-то встретилось на пути, что-то хрустнуло, и от этого после метели не тепло пало, как по закону, а хватил мороз.

Жалея послушную закону лягушку, мы принесли ее домой, пустили в теплую воду. И нет!

25 Ноября. Тишина. –6°. Многоследица.

В 5 в. Сталин читает на всю страну. «Известия» телеграф[ируют]: «Дорогой М. М., напишите впечатления из Загорска от речи Сталина». Разве мне возможно об этом написать? Разве как пишут Леонов, Толстой: сегодня пишут Сталину, завтра Троцкому напишут. В сущности, они все обманывают Сталина, и единственно остается надежда, что Сталин не так уж глуп. Он принимает дары, ему это нужно для дела, но он должен глубоко презирать этих дьяконов от литературы. Жена ответила: «Пришвин уехал на Шариков Пал. Телеграфн. связи нет. Ефросинья Пришвина». Все-таки я попытаюсь прослушать речь, если наше начальство организовало общественное слушанье.

Если начать судить коммунизм и капитализм (фашизм), то, конечно, надо начинать от собственности на орудия производства. У них наследственная собственность есть способ национального отбора способных людей. Вместе с собственностью наследственно передаются и сохраняются личные навыки, народные обычаи. У нас этот путь не удался, и крупнейший сознательный старатель Столыпин на этом пути был убит.

Коммунизм выскреб все личные привязанности наших людей к своим вещам, все личные навыки (кустарей), все народные обычаи. Так образовалась аморфная масса, ныне распределяющаяся вокруг личности вождя, как опилки вокруг магнитного полюса. Сила и оригинальность этого исторического явления заключаются в необычайной организованности, подкрепленной всеми современными техническими средствами связи, радио, авиацией, автотранспортом и т. п.

Вследствие отсутствия собственности на орудия производства и вообще личной материальной бедности, крайней неприхотливости, выносливости получается огромная подвижность, легкая управляемость. В таких условиях зародилась идея возможности устройства полной счастливой и зажиточной жизни для этой податливой и неприхотливой массы. Движение отличников рабочих (стахановцев) от станка к ученью, казалось бы, в самом деле открывало путь к творческой личности как

к источнику подлинного и единственного счастья. Но в этих условиях крайней специализации и государственной утилизации обучения знание не освобождает, а, напротив, еще более закрепощает личность: рабочий, не утративший связи с землей, у нас теперь, наверно, должен быть внутренне свободней, чем инженер.

Я, как сын своего народа, коренной, подлинный, внезапно просыпаясь ночью, вижу насквозь всю свою жизнь кочевника, все унижение свое, всю необходимость чисто рабского смирения, беспорядка, обмана и т. п., изумленный ставлю себе вопрос: но ведь я же внес какую-то свою чистейшую лепту, пусть хоть один маленький, но современный рассказик. Ведь если бы у нас было все неправда, то не мог бы я этого сделать и не стали бы меня переводить в Германии, Англии и с восхищением писать о моих книгах рецензии. Вот только за этот кончик личного творчества я хватаюсь, соединяюсь с <*зачеркнуто:* Пушкиным> подобными друзьями и на этом островке живу... Показать бы с этого острова путь творческой личности (вот-вот... это именно и надо сделать в новой работе).

В 5 в. слушал в парткабинете доклад Сталина. Конец речи был похож на грузинский тост: чем хуже говорит грузин по-русски, тем милее выходит у него тост. Грузинский акцент еще помогает юмору, Сталин этим пользуется: если бы русский сказал — не было бы смешно, а у кавказца смешно. При всем том простота речи, непретенциозность, речь для дела, но не дело для речи. По славной русской традиции примеры из Щедрина и Гоголя. Живая речь живого человека.

Если дело какое-нибудь принять совсем близко к сердцу и отдавать ему всю жизнь свою и днем и ночью, то «Я» будет само собой к делу ближе всего. И пусть сам Сталин не называет это «Я», все равно другие берут это «Я» и превращают его в государственное понятие. Так, напр., имя человека Реомюр превратилось в термометр Реомюр, и советское государство почти слилось с именем Сталин.

«Я» Сталина родилось из кавказской, кровной верности, непостижимого <*зачеркнуто:* упрямства> упорства «кровника» в достижении цели, из коварства азиатского, из дружбы, из огромной первобытной, кровной близости к человеку, из безфантазии и бездосужия, из партии...

Он, вероятно, беспрерывно «прижимает человека к стене», ловит его с поличным его блажи и одного, отпустив, делает

своим человеком навсегда, другого, когда надо, без колебания уничтожает (слышал я, будто он позвонил к Пастернаку и спросил: не нуждается ли он в чем-нибудь, и после долгих намеков сказал о сосланном Мандельштаме; а когда Пастернак отказался, сказал ему: — Эх, вы, писатели! — Таким образом он пригвоздил к себе навсегда Пастернака). Не дай-то Бог попасть в такой нравственный плен!

<*На полях:* Слова Сталина: — Обманом долго не проживешь. И еще: старая интеллигенция в процентах. И вся конституция как факт циферный. Сила этого факта до тех пор, пока на другой стороне сила лжи (покров), но когда явится полная оголенность, то и в факте откроется «ничто» и сила перейдет в «покров» (т. е. на место выразителя рода (масс) станет личность). Сила Сталина есть родовая сила.>

Материалы для изображения этой силы: 1) Леонтий Б. и я в бухгалтерии: у меня личные чувства, у него цифры или «факты»: факты бьют как пули. 2) В дуэли Печорина знание о незаряженном пистолете убивает Грушницкого, но у Печорина его право убить является как бы из подлости человеческой... и... как-то романтически неясно... тут же кровник преследует свою цель и казнит цифровой убедительностью: земледелие в царское время — теперь в $1\,^1/_2$ раза больше, индустрия в 4... Эта убийственно человеческая работа есть смерть либеральной демократии, интеллигенции с ее «свободами». Признай необходимость, т. е. единство партии, единство человека в едином классе, и тогда ты будешь свободен (у религиозных людей это Бог: веришь, и ты свободен).

Итак, у Саида Татаринова в его строительстве государства, в его психике как основное чувство — это кровная месть (напр., как у Бетала был расстрелян отец и брат), отсюда настойчивость в преследовании врагов, беспощадность в расправе и, главное, все время движение (преследование) к единой цели, так что цель — это все, а живые люди как друзья и враги лишь в отношении цели, а не сами по себе: вот почему тут не может быть и представления о личности, вот почему «флейта» Романова (на самом деле же тут без всякой флейты все дается знанием, близостью к делу). В дружбе своей он становится ребенком, играющим добреньким зверем, в то же время способным вдруг впустить когти в горячее мясо (вспомнить наслаждение Трубача теплым мясом, горячей кровью: белые зубы в крови: недо-

ступное человеку наслаждение, возможно, существует в кровной мести).

В этом человеке жизнь правдива почти как смерть, и все наши искусства ему являются лишь покровами. Вот почему, изображая Саида в борьбе с другим («Я»), надо изобразить борьбу как смертный пробег и, может быть, дать в личности (искусстве) нечто сильнее смерти и это взять из английской культурной лошади и противопоставить кабардинке (исходный момент «копыто»).

Родовая сила Саида Татаринова, сила кровного мщения, простых радостей жизни, правды и прочих сил жизни должна быть противопоставлена силе «личности», творческой сознательной человеческой личности, источнику остающихся ценностей и смысла жизни человечества на земле... С таким чувством творчества личного, счастья высшего и проч. связывается ущерб родовой силы и счастья, но у меня должно быть представлено так, что это творчество, напротив, дает жизнь и роду. Это ведь и есть, иначе как бы мог возникнуть я.

Есть такие у нас секреты, которые мы чувствуем, но не можем выразить другим никакими словами. Вот эти невыразимые секреты отчуждают нас, не дают возможности сблизиться. Этот секрет заключается в неподобности, в чувстве своего личного «я».

Всю свою жизнь, начиная с первых проблесков сознания, чувствую «я» свое в исключительном долге быть именно как «я» и тем самым двигать вперед и самую жизнь. С другой стороны, и в то же самое время чувствую в этом вину свою перед «всеми», и мне с малолетства казалось, что некогда придет правдивый, подлинный человек, представитель всех и накажет меня за этот грех быть непременно как «я», для всех бесполезное, но для меня необходимое. От малых лет я жду появления этого судьи своего, и наконец он появился в лице друга моего Саида Татаринова. Но, конечно, всю эту гущу душевную извлекаю я на свет, когда она уже осела. Тогда же гущи, казалось, вовсе и не было, все бродило, переменялось во мне, и невозможно было ничего ясно видеть.

Вчера Сталин, разбирая поправку к «совет рабочих и крестьян» «и интеллигенции», сказал, что поправка эта лишняя, потому что интеллигенция не класс и во все времена была только «прослойкой» и что его отрицание поправки вовсе не должно

«обижать» интеллигенцию. Между тем вот именно в этой «прослойке» и заключается то самое творческое «я», за которое я болею душой с малолетства. А Сталину, конечно, класс бесконечно важнее, чем «прослойка». Таким образом, драма моего романа целиком заключается в современной жизни.

Надо освободить из жизни творчество. Это значит, надо освободить личность. Какие-то американцы (по словам Сталина) предсказывали, что конституция есть ослабление диктатуры пролетариата. На это Сталин сказал, что они «ничего не понимают». И он, конечно, прав, потому что американцы понимают конституцию как освобождение личности творческой, создающей из бесполезного высшие ценности, а Сталинская конституция имеет в виду не личность, а стахановца, т. е. личность, обусловленную непосредственной пользой для общества. Личность понимается Сталиным не как самостоятельная творческая монада, а как уплотнение в какой-то точке общественной массы: точка эта и есть личность, — что-то вроде объяснения возникновения небесных тел из сгущения туманностей.

26 Ноября. С утра в тишине при –5° летит спокойно красивый крупный снег. Спеши, спеши, Петя, из Москвы в Загорск, завтра пороша.

Вечером приехал Лева и потом Петя. Привез Петя дневник Л. Толстого и С. А. Толстой за 1910 г. Ночью читал, и драма Толстых таким же путем, как вчера речь Сталина, утонула в моей работе. Из этих примеров наконец можно и вывести правило для художественной работы: если ты достаточно углубился в свою тему, то жизнь той же самой глубокой волны будет отвечать тебе и освещать твою тему бесчисленными примерами. Это диво происходит, вероятно, потому, что психическая жизнь человека с точки зрения художника является как органическое целое; тоже и весь мир будет органическим целым, если только удастся найти соответств. точку зрения.

Не успел записать эту мысль, появляется Бострем и рассказывает подробно всю историю своей борьбы с женой. Эта борьба, эта частная жизнь представляется потом как один из видов общей «безблагодатной» (счастливой, зажиточной) жизни.

У Б. драма в том, что и жена и старец не дают быть ему художником: жене нужны средства, о. Федору нужно наставить

овцу на христианский путь смирения. Если он уйдет, то унесет с собой себя и в новой обстановке жизнь будет продолжаться в тех же противоречиях. Вот почему надо на месте покончить с дьяволом, заставить семью уважать его. О. Федор не прав, потому что отношения слишком запущены (нельзя уже и разговаривать). Однако если есть дар, то зарывать его нельзя в землю. Бежать надо к творчеству, к себе высшему. Но жена говорит: ты бездарен. Видения картин (искушения). У Толстого то же, и все мученье ведь «из-за любви»: она любит и мучит... История с веником и табуреткой: вот ты настоящий. Уйти нельзя: я не могу без тебя остаться даже на одну ночь.

Из рассказа ярко выступило значение другого человека для художника, – целителя (читатель: читатель как выход, отдушина).

Три лампы.

Разговор о падающих государствах, Франция, Англия. Как будто одни государства, достигнув мощности, должны в силе жизни своей поступиться и питать жаждущие жизни варварские государства культурой («культурная жизнь»).

Счастье должны люди сами делать (условия счастья делает государство).

27 Ноября. Неудачно охотились с Левой и Петей под Загорском. Одного зайца почему-то недоработали мы, а другого собака угнала так далеко, что едва дня хватило, чтобы по следу дойти до собак.

28–29 Ноября. Ходили с Трубачом. Одного зайца у нас убил браконьер, другого сами. Клесты работают над еловыми шишками очень дружно, звонко, весело. Белки зимой мало бегают, облюбует себе дерево и живет на нем, как в доме, такое дерево далеко видно по еловым посоркам на белом снегу.

30 Ноября. Ночью готовилась оттепель, начинало с крыш капать. Как вдруг к утру небо расчистилось и начало морозить. Мы ездили в Тараберки и пробыли еще один золотой день в лесу.

Все эти охоты с гончей в этом году похожи на запойное пьянство, чем больше устаешь, тем больше тянет. И если что-то смущает немного, то, кажется, только не безделье (почему

бы в моем возрасте и положении не побездельничать?). Смущает, что я запускаю денежные дела: так можно про-охотиться. Во время этого мускульного пьянства чувствую в себе два полюса жизни: в себе, в глубине, пытаюсь соединить в единство разноречивые потоки нашего времени, вокруг же себя смотрю с беспрерывным наслаждением на зимний лес.

Старик, нищий, но если верует, то эта вера — избыток его жизненных сил.

Сила жизни погашается... <*зачеркнуто:* тупой работой> Силу жизни можно использовать для внешнего дела... (Форд). А то бывает, избыток жизни концентрируется в личности (почему личностей среди неграмотной России было больше, чем теперь среди грамотной).

Перетянуть себе мускулы ежедневной работой для куска хлеба до того, что связки уже и болеть перестанут и труд такой станет обычен и легок. Тогда будет понятен и близок рабочий человек, и это совсем не то, что о нем говорят.

Есть у отдельных людей сила умственного творчества, оправдывающая неучастие в физическом труде, но между физическим работником и умственным распределена вся великая масса людей, отходящих от физического труда ради большей легкости труда служащего, соединенной с легкостью кажущегося счастья. Сейчас на этом пути весь русский народ: основной материк как бы размывается, все падает с высокого берега, камни, деревья, а на другой стороне намывается другой берег («наволок»)...

Говорят, что положение Мейерхольда покачнулось. Так советский человек, изработав себя, ничего не наживает, обращается в «выжатый лимон». Из этого надо вывести правило поведения: не давать себя выжимать до конца.

Жизнь есть борьба с утешением. Смерть — борьба безутешная, борьба в чистом виде. У религиозных людей смерть является победой жизни. (Простые живородящие люди сохраняют в своей вере, вероятно, и самую радость жизни.)

Л. Толстой умер с достоинством человека, но безрадостно, несовершенно. Надо перечитать его дневник 1910 г. с вопросом: как бы надо ему было поступить по-настоящему: в рассказе моем деньги выбрасываются <u>грубой</u> силой: вместе с тем и жалость отбрасывается; другой путь хитростью или «мудростью»...

Трудность в том, что разрубить приходится себя самого: в этом, однако, и оправдание грубости.

Женщина в радостях жизни незаметно забирает в себя самого человека. Павловна сознательно прячет воротнички, чтобы я без нее не мог одеться, и от этого я в плену бывал: я, со всеми своими мыслями; без воротничков и то не легко уйти, а как уйти без тела? Ушел и умер. Вот, значит, почему православие не разрешает уйти от жены: дух должен смириться до служения, до благодатного устройства немощей своих, иначе дух — гордый, мятежный, разрушительный.

1 Декабря. Вчера среди золотого морозного дня стал катастрофически падать барометр. Ночью шла и до утра и сейчас все сыплется мельчайшая белая пыль.

Явление конституции как повод отчетливо самоопределиться в коммунизме и фашизме. Пока ясно вижу различие их в строительстве.

Те (фашисты) используют древнюю силу земли: ты только подготовишь землю, только бросишь семя, а выращивает земля сама.

У нас же пробуют механизировать самую силу земли, сколько, напр., явилось на свет беспризорников, пока пришли к необходимости ответственность за детей возложить на родителей.

С девизом и попытками рационализации и утилизации коммунизм, однако, по существу действует безвыгодно, рискованно. Напротив, фашизм, вызывая силы земли, корыстен, утилитарен и должен людей озверить.

В этом плане мой рассказ о борьбе мужа с женой должен отвечать...

Черт в женщине следит за святым человеком и, поймав его в момент падения, указывает на этот момент как на сущность «святого», все же его прекрасное и доброе называет личинами, масками, одеждами обмана («Вот и непротивление ваше, все рушилось!» — писала С. А. Толстая Черткову.) Почти то же сказала жена художника Бострема, когда он пустил в нее веником и замахнулся табуреткой. — Вот, вот ты какой настоящий, таким тебя друзья не видят. — Начинаю подозревать у Б. сексуальную подпочву его борьбы. Но если бы даже оно и пришло теперь, то было и действует у нее как власть над его бытием, в чувстве собственности над ним.

Вот один цветок, вот другой — такие разные, а корни их схожи, и земля, которую каждый из них представляет по-своему, — эта земля одна.

Таковы творческие личности людей, каждая личность является представителем всех. Но к этому необходимо сделать определение личности.

Есть «я» индивидуальное, «я» — в разнице: «я не такой, как вы».

И есть «я» — личное, «я» как особенный в своем роде представитель всех людей и всего мира. Это «я» является нам в творчестве связи между людьми (культуре).

Индивидуальное «я» ограничивается своей «гениальностью» в лучшем случае, а большей частью один упрекает другого за длину его носа или что-нибудь в том же роде.

Мнится моя работа в лесу как современное отшельничество, спасение своей личности... (об этом надо много подумать).

Стол мой запущен. Он похож на лес: контуры рисуют умственного работника, а в деталях хаос, ничего не понять никому, кроме самого хозяина. Так выходит в лесу ежик, перебирая листву: он все знает. И так я на своем столе.

Писатель! для понимания людей смотри на всех как на детей, для тебя необязательно считать их «старшими». Если ты сумеешь всех превратить в детей, а сам стать в положение классного наставника, то много посмеешься над тем, напр., как коммунисты ругаются с фашистами: «сволочь» и пр.

Русский человек привык отношения свои улаживать как-нибудь (вот почему так много у нас в разговоре уменьшительных имен: «хозяюшка!» и др.). Этим улаживанием занимались и власть имущие, приказчики, старшины, даже и становые. Общий, нормальный тон всех отношений был именно тон улаживания, на фоне которого особенно отчетливо выступали проявления власти, зверства и т. п. Большевики же стали учить народ власти.

2 Декабря. Так и уснули вчера, а мелкий снег все сыпался и стал бушевать ветер. Сейчас рассветает, ветер тише, температура −2°, барометр двинулся вправо.

Вечером вчера неважно себя чувствовал и утром встал плоховат, начинается насморк. Не будь этого, пошел бы по слепой пороше на лису.

Читаю Л. Толстого дневник 1910 г. Очень понимаю по себе потребность в таком дневнике: не вынашивать мысли с собой до конца и так незаметно реализовать их в действии, а схватывать в самом начале, заносить в дневник и тут, в процессе писания, дорабатывать. Таким образом, жизнь кончается словами. Я помню, что и В. В. Розанов обратил на это внимание и сказал, что Толстой слишком много пишет. Но, может быть, Толстому так и надо, в этом особый подвиг Толстого, чтобы под конец своей жизни думать о самом важном, или вертеться колесу на холостом ходу. Вместо этого я предпочел бы художника, вбирающего в себя, как леса при постройках, и самые важные мысли.

А. Н. Толстой в своей речи на съезде иронически отозвался о Союзе писателей как о самом покойном учреждении в наше тревожное время. Очевидно, он метит на место Горького. Еще он говорил о том, что от писателя сейчас нельзя многого требовать, т. к. писатель классового общества привык к критике, иронии, мятежу, а бесклассовое общество в этом не нуждается. Так вот, должно пройти немало времени, пока писатель перестроится.

Эта придумка довольно хитрая, ею можно будет ему в качестве председателя Союза писателей долго отбиваться от литературных активистов. Но только эти мятежные писатели у нас уже давно исчезли, нет давно ни одного, и даже я, взяв себе область природы, давно и замечательно счастливо перестроился. Теперь, напротив, литература перегружена подпевалами, ими хоть пруд пруди.

С другой стороны, где тот писатель, который разоблачил бы двурушников или бюрократов, которыми был до сих пор переполнен Сов. Союз?? И самое главное: если коммунизм понять не только политически, но и этически, т. е. принять к сердцу, то станешь непременно мятежником в отношении не только фашизма, бюрократизма и т. п., а и в отношении самой природы индивидуализма, составляющей основу капитализма.

Ночью, как это бывает, очень ясно видел необходимость для себя быть подальше от нашей литературной среды, заслоняющей своим скрежетом зубовным истоки творчества.

В глубине души каждый из литераторов несет в себе претензию на гения, исключительного и единственного в мире существа. В наше время мы этого своего «гения», эту кость мерт-

веца искуснейшим образом умели прятать не только от других, но и от себя, потому что если бы сам ясно сознавал в себе эту кость, то никогда бы не посмел и взяться за перо.

Начинал писать, теряясь, робея, прося внимания к себе с таким же стыдом, как ненаторевший еще в профессии своей нищий. Теперь эти нищие потребовали к себе исключительного внимания, выставляя на вид кость своей гениальности, как нищий выставляет напоказ свой обрубок. И от этого никто из писателей не ищет общества другого писателя. Так исчезла литературная среда, и общественная личность писателя сменилась голой претензией индивидуалиста.

Появились особые литературные попы, составлявшие во время РАППа чудовищное судилище. Довольно, напр., полчаса послушать Ставского с его «неверно!», чтобы оглохнуть и долго не быть в состоянии слышать голос своей личности. Надо быть чрезвычайно осторожным в отношении к современной литературной среде и входить в нее лишь поскольку она не заглушает своего внутреннего голоса.

Судить по хорошему или по плохому?

Была одна ночь, когда я всю свою жизнь увидел в ее крайней бедности, хаотическом беспорядке и нигилизме русского среднего интеллигента. Было очень больно.

Сегодня почему-то, наоборот, увидел в себе всю огромную силу свойственной моей природе поэзии, эту способность чувствовать гармонию во всяком хаосе, извлекать красоту из самого бедного, никому не нужного хлама. Это подлинная сила земли, перешедшая в душу человека. Не могу и не хочу думать об этом по своим сочинениям: вероятней всего, что я мало сумел воспользоваться данной мне силой. Я сужу по той многолетней радости жизни, которая мне была ключом в условиях жизни, невозможной для культурного человека.

Так вот — в одну ночь видел бедность свою, в другую ночь — несметное богатство. Я могу так и так показаться себе и другим. И что есть во мне реальность, та бедность нигилиста или это богатство поэта.

<*Приписка:* Этот вопрос личный целиком впадает в общее течение русского народа.>

Кто-то ловит меня в повседневной жизни и говорит, что вот эта жалкая жизнь, устроенная кое-как (одна перчатка на руке, другую никак не могу отыскать, *то* пропадет, *другое*, стол как

лес и т. п.) и есть подлинность моя, а творчество мое – это одежды, закрывающие мою пустоту от других.

<*Приписка:* И опять все это можно отнести к России.>

Выдавая одежды за сущность, обманывая людей, ты удовлетворяешься самообманом, ты весь стоишь на других и от них целиком зависишь, а не стоишь на своих собственных ногах, дунет ветер, распахнет твое шитое гладью белье и откроет твое грязное тело.

<*Приписка:* Это противопоставляется миру устроенных собственников, фашистов: в этом оберегании собственника весь фашизм. Напротив, коммунизм – в постоянной мобилизованности людей.>

(Думаю, что Лев Толстой, оглядываясь на чепуху своей семьи, требующей с него столько средств, мог себе делать те же упреки, что и я; и что он именно в этой борьбе с чепухой искал реальности в своем творчестве, не удовлетворился этой реальностью и обратился к Богу, противопоставляя эту поддерживаемую Богом любовь ненависти к повседневности материальной жизни.)

Почему Толстой не мог добиться реальности в своем служении Богу посредством своего творчества и должен был вынести этого Бога своего куда-то за границу достижения союза с Ним в своем творчестве? <*Приписка:* Бога... надо как можно меньше рассуждать о Нем, надо это держать в глубочайшей тайне, служить Ему, не называя, пряча Его силу, как прячется ток... Чтобы сам труд твой подводил людей к Богу.> Почему? Это надо будет исследовать.

Вот и Гоголь тоже, как будто забирая плугом все глубже и глубже, открывает на пути своего Бога и, обессиленный трудной пахотой, хочет броситься к Нему непосредственно.

Или сама природа искусства такая, что нет у нее собственных средств заступить собой всю жизнь, и потому она исчерпывается в душе человека, как в горé золотоносный пласт.

Или, наоборот, внутри искусства есть Бог, как и во всяком творчестве жизни, но разного рода попам (о. Матвею, Черткову, нашему, напр., Ставскому и т. п.) боязно упустить овцу из лона своего, и они ловят художника той же самой «реальностью»

духа (Бога), как жены ловят на требовании реализации в своей материальной повседневной жизни: тут жены, там попы.

Так, забирая плугом все глубже и глубже, художник устает в поисках реальности, и тут его ловят или жены, или попы. Так взлетает ракета к небу и непременно падает, рассыпаясь огненными брызгами и потухая.

<*Приписка:* Почему хватаются за Божью силу к старости, к смерти: сил нет — и Бог! почему не вспоминают Его и не относят к Нему счастье нашего молодого творчества.>

Мне ответила М. Н. Толстая в Шамордине, что Толстой гениальный, а она обыкновенная женщина. В этом ответе всё: ведь и «попы» тоже «обыкновенные». Жена и поп два полюса «обыкновенной» жизни, рассчитанной на «среднего человека». (У Гоголя жена заменяется чертом.)

«Обыкновенный муж» вникает в хозяйство жены, руководит им, вместе живет с женой, вместе гуляет и отдыхает. Здесь же управление материальной стороной выпадает, материальность женщиной фетишируется и становится против «духа». Итак, муж выпускает из рук управление материальным миром, а жена (обыкновенная) не может согласоваться с движением духа своего необыкновенного мужа. (Распадение Неплюевской общины о. Николая Опоцкого: тоже упустил материальную сторону, и мужики, члены общины, на этой почве во время отъезда его пошли друг на друга с топорами.)

3 Декабря. Всю ночь летел снег и сейчас, утром, летит. Всего −1°. Слепая пороша. Петя идет пробовать счастье с Трубачом на лисицу.

Вот уже 3-й день чувствую себя не совсем здоровым, чуть-чуть повышена t утром, вечером слишком сильно падает.

У внука Миши туберкулез бронх. Мальчик вообще как будто «не жилец», хотя в свое время и про Петю так говорили. Надо помочь. Лева ничего не может делать, не будучи лично материально заинтересован. Весь в плену и должен, по-моему, запутываться все сильней. Галина такая же. Легкие богемно-веселые люди попадают в трудное положение.

Обещают квартиру к 1 Января.

Самое время начинать писать кавказскую повесть. Чтение материала почти закончено.

Время проходит, все меняется, и оттого именно, что время бежит, мы, люди, рождаемся каждый с каким-нибудь отличием от другого, и так не только люди, но нет букашки, чтобы с другой букашкой или лист на дереве с другим, рядом сидящим листом точно складывались...

Случай с дятлом.

Петя принес четырех зайцев, из которых двух поймал Трубач. Большой, глубокий, рыхлый и скользкий снег. Заяц давал пробуксовки, и тут его настигал Трубач. Два другие возвращались в свой след, и Петя потому ловил их на первом кругу. Значит, по первой пороше бегает заяц далеко и неправильно, потому что, с одной стороны, ему еще боязно кружить по белому, с другой, нет никакого облегчения попадать в свой след.

Видел он дятла: летел короткий (хвостик у него ведь маленький), насадив себе на клюв большую еловую шишку. Он сел на березу, где у него была мастерская для шелушения шишек. Пробежав вверх по стволу с шишкой на клюве до знакомого места, он увидел, что в развилине, где у него защемляются шишки, торчала выработанная и несброшенная шишка и новую шишку ему некуда было девать. И нельзя было ему, нечем было сбросить старую, потому что клюв был занят. Тогда дятел, совсем как сделал бы в его положении человек, новую шишку поместил между своей грудью и деревом и, сильно прижав ее, освобожденным клювом быстро выбросил старую шишку, потом новую поместил в свою мастерскую и заработал. Такой он умный, всегда бодрый, оживленный.

Начать рассказ описанием случая с дятлом: что он в такой-то своей мастерской (какая она, где, какое дерево) долбил шишку и хотел было ее сбросить, чтобы лететь за новой, но нечто ему помешало. Дятел прилетел на дерево: внизу муравейник, обсыпанный шелушками белки, сама белка, клесты (жизнь на елке зимой, вспомнить мрачность елей внизу и веселье вверху, где-то есть у меня такое).

4 Декабря. Всю ночь была капель, и условия для охоты создались лучше вчерашнего. Петя идет с Трубачом. У меня сильнейший насморк, сижу дома в ожидании превосходного рассказа Пети: интерес выслушать почти равняется самой охоте.

Толстого упрекали много за то, что он живет в барских условиях, и рекомендовали уйти. Молодежь всегда хватается за это «уйти», потому что это самый легкий способ решать трудный

моральный вопрос. <*Приписка:* Вообще «уйти» — это «не способ».>

Я сам всегда берег для себя это «уйти». И не уходил никуда не потому, что это трудно, а подчиняясь воле неведомого спящего во мне человека с гораздо большим моральным кругозором, чем мой действующий, рассуждающий, сознательный человек. Этот спящий человек, вероятно, и есть «совесть», к которой прибегают люди, не умея ясно осознать свой поступок, говорят просто: «совестно». Бывает, человек даже покраснеет: так ему совестно. Выходит так, что сам гораздо лучше в существе своем, чем думаешь, и оттого «совестно» и страшно оказаться со своими маленькими делами «на виду», быть застигнутым врасплох.

Андре Жид, вернувшись домой, написал о нас одиозную книжку, о которой пишут теперь в «Правде», вспоминая Иудино целование. Тяжелее всего думать, что Жид пишет, возможно, даже и не думая, что он причиняет нам вред: привык писать свободно, не церемонясь с политикой. А мы не можем так писать и, зная, что не можем и вообще ничего не можем как писатели...

Писатель у нас находится в банке с притертой пробкой и виден весь насквозь. Ведь и рад бы всей душой отстаивать родину, Сов. Союз и вождя, но гораздо больше будешь значить как писатель, если промолчишь, чем вместе со всеми воскликнешь «осанна!». В такой осанне твой голос не будет личным голосом в хоре, согласным, но имеющим свое место, нет, личность твоя потонет в реве существ, которые завтра же при перемене заревут совсем по-другому. В таких условиях молчание выразительно и за молчание уважают.

Такие книги, как Жида, ставят нашим вождям вопросы для разрешения, и это приближает нас к лучшим дням. До чего совестно жить становится! Никакое настоящее общение невозможно, потому что боишься труса в себе и противно говорить с человеком, имея в виду, что он, может быть, для того и беседует с тобой, чтобы куда-то сообщить. С умным боишься его ума — использует! с глупым боишься, что разболтает по глупости. К этому теперь до того привыкли, что уже и не страшно. А ведь было время, когда этот страх вызывал страхи эпохи борьбы человека с пещерным медведем!

Становясь с писательской точки зрения на правительственную, конечно, понимаешь, что там вполне искренно говорят

и ждут настоящей «осанны», т. е. выражения подлинных народных чувств, и тогда уже после уверенности в настоящей осанне [надо] сказать: «ныне отпущаеши»: говорите, пишите как хотите, ваша воля. Такая блаженная мечта: — Осанна! — вопит народ. — Ныне отпущаеши! — отвечает правительство.

Какой же вздор!

Вот бы взялись теперь, пользуясь конституцией, несколько крупных писателей начать журнал «Советская честь» и начать войну против фальшивой «осанны», как, бывало, соединялись на Руси честные люди. Попробуй-ка!

Церковь у нас была школой любви. Страна была вся усеяна такими школами. Но эти школы любви, когда накопилось в народе сознание неправды, стали политическим орудием гражданского мира. Вот почему в самом начале революции в театре при слове «Христос» <*зачеркнуто:* одного актера> один матрос выстрелил в этого актера и вскоре затем начали ломать «школы любви». Так вырвался народ из рук попов и никогда к этим попам не вернется, потому что в простоте своей был обманут. Церковь начнется среди личностей верующих и будет элементом культуры, но не политики. Спрашивается, однако, где народ будет учиться любви, если эти школы разрушены. Народ бросается за этим на ученье, на книгу.

Ставский в своей речи на съезде сосчитал, сколько разрушено церквей и сколько создано театров. Какой дурак! Церковь должна быть теперь лишь завершением культурного потока, высшей точкой связи между людьми (культуры), и тут, наверно, после великого разгрома жизни среди разноплеменников создается соединение церквей.

Лирика в эпосе достается читателю как искренность автора, душевность. Эта лирика достается автору материалом личного человеческого переживания. Не много можно написать посредством этой нутряной поэзии; не на много томов ее хватит. Но зато все сказанное должно жить долго. Значит, написано не много, а скажется много. Какая экономия бумаги и времени!

Однако нет ничего противнее, если такое писательство становится приемом, мастерством без внутреннего переживания. Я это думал, когда перелистывал свою «Кащееву цепь», эту еще совсем не оцененную книгу. Неужели я себя переоцениваю? Если же нет (думаю, что нет), то мое время еще впереди, и по всей вероятности, когда меня не будет в живых. Как это

хорошо, какое богатство в этом, скопление силы и гигиена личности. Одним плохо, что при успехе, наверно, я бы еще лучше и больше написал.

Телесный труд (так и надо говорить вместо «физический») теперь выполняет машина, а человек управляет. Но раньше, подчиняясь телесно, он оставался в мечте своей свободным. Теперь он, как управляющий, не телом, а своим духом подчиняется другому, старшему управляющему, и для мечты у него больше нет времени. Овладев машиной, он сам становится частью машины.

Перечитав главу «Живая ночь» из «Кащеевой цепи», вдруг понял, почему Белый и его антропософы не поняли «Кащееву цепь». «Живая ночь», напр., так близка к природе, что кажется фантастикой автора. Между тем сама близость именно и является мотивом поэзии. И вся «Кащеева цепь» построена именно на этой близости поэта и человека. Неужели этого никто не поймет и не скажет? Едва ли...

Итак, моя повесть будет посвящена творчеству. Понятие «природа» в ней будет раскрыто как дар жизнетворчества. Это жизнетворчество разлагается на две силы: центробежную и центростремительную. Центробежная сила — это творческая личность человека, стремящаяся оторваться и улететь в пространство к «Богу». Центростремительная сила воплощается в обществе, или государстве, которое эту силу стремится повернуть (использовать) на благо обществу, человеку. То и другое движение изображается в лицах в двух героях, которые мирятся друг с другом «в день отдыха», на круговом движении, «счастье».

Спор, борьба между этими двумя лицами, начинается от пристрастия к лошадям: у одного местная, полезная, у другого английская, бесполезная, но прекрасная. В дальнейшем развить сюжет, найденный в Кабарде на основе [пережитых] моих отношений с Беталом Калмыковым.

Вечером Петя пришел с охоты, убил зайца и двух подстрелил... съел Трубач. Почему в оттепель так плотно лежат зайцы?

5 Декабря. Оттепель продолжается. Снег садится. (Введенье ломает леденье.)

Сидим с залепленными окнами. Вот пример того, как мы напуганы.

Сделали опыт обучения населения на случай воздушного налета. И все залепили себе окна и поверили в то, что свои же люди будут пускать в нас отравляющими газами. В городе не хватило хлеба, потому что деревня бросилась закупать себе хлеб на время отсидки дома от удушливых газов. Пришлось в газете разъяснять населению дело по существу.

Так, помню, когда отменили РАПП, в писательской среде никто не верил: «все говорили, они тут сидят, но только на других местах». Точно так же и конституционным свободам никто не верит. А я думаю, что перемена какая-то у нас, писателей, должна быть уже по тому одному, что в деле послушания, молчания и лжи дошли до последнего предела.

Читаю дневник Толстого за 1910 г. и считаю эту книгу одним из величайших документов человеческой жизни мирового значения.

Обдумать мысль об «этическом коммунизме», включающем в себя всю революционную этику прошлого. Странно, почему Горький, воспитанник революционной интеллигенции, не посмел стать на этот путь.

Философия усилия в дневнике Толстого. (Обдумать: личность и усилие. Неприятное чувство, сопровождающее усилие.)

Читая дневник Толстого за 1910 г., вдруг с этим внутренним человеком сопоставил Ленина: это очень годится для моей повести: вот два полюса жизни, духовно-личный и материально-общественный.

Найти место в «Дневнике», где Толстой, мучаясь положением барина, говорит, что народ русский станет на свои ноги, когда вымрут все бары и революционеры. Вот теперь бары все вымерли, и революционеры-интеллигенты тоже все кончились. Или еще не кончились?

Надо помнить, что я единственный из писателей, а может быть, единственный из всех работников культуры, кто в молодости был рядовым марксистом и в этом служении начал свое культурное сознание. Я единственный, кто ощутил эту пропасть между общественным служением в полной мере (почти религии) и личным сознанием (творчеством). И значительность моего положения подтверждается значительностью коммунизма в настоящее время — это раз, и общественным

признанием моего творчества — два. В повести и это должно найти выражение, потому что повесть эта выходит из настоящего, а настоящее есть момент рождения культурной личности, если же этого не будет сейчас, то, значит... она родится в процессе войны.

Наше нынешнее общество и Спящий человек среди него. Не только пробуждения этого человека боятся, но если даже он чхнет во сне или зевнет, сразу же летит вон несколько авторитетов. Толстой в своей речи только намекнул на что-то, и Субботский, кажется, самое отвратительное из всех <*зачеркнуто:* существ> властей, предержащих литературу, полетел к чертям.

Человек, уходя из дома, отряхнет прах с своих ног и начинает строить дом на другом месте — это революционер, переживающий два фазиса: 1) уход, 2) строительство.

1) фазис: Уйти — это и есть собственно революция, т. е. момент разрыва с прошлым. Уход Петра I. 2) фазис: Строительство — см. строительство Петербурга.

Сюда же: уход Толстого и всякое решение трудного морального вопроса есть революция. К этому: уход, перемена не разрешается церковью ввиду того, что человек, уходя от беды, уносит ее с собой. В этом случае церковь смотрит на среднего человека (шаблон), есть, однако, такое положение, когда человек должен уйти, т. е. когда трескается самый дом, в котором он живет. (Вопрос: Петр I имел ли такую необходимость, или же он мог...)

Кавказские рассказы.

I.

Гость.

Прошлой весной гостил я на Кавказе, и меня принимали с особенным почетом. На Кавказе гость — лицо самое уважаемое.

— Вот, — подумал я, — жить бы так и жить, ты ничего не делаешь, а за тобой все ухаживают только за то, что ты гость.

— Неужели, — спросил я одного осетина, — каждого гостя везде на Кавказе принимают с почетом?

— Каждого гостя, — ответил осетин, — на Кавказе принимают с почетом.

— И сколько времени он может гостить?

— *Три* сутки, — ответил осетин, — он может гостить.

— Только трое суток! — удивился я, — а как же после трех суток?

— После три сутки гость должен объяснить, *зачим* он пришел.

— А если он промолчит?

— Если он промолчит, я спрошу его: «А *па-ачиму* ты молчишь?» И когда он объяснит, то еще может жить.

— Сколько же времени еще-то можно?

— Если есть у меня время ухаживать за гостем, он может еще долго жить.

— А если нет времени?

— Нет времени, то каждый хозяин объясняет это гостю <*приписка:* освобождается от гостя> по-разному. Если я хочу с гостем проститься, то рано утром иду в конюшню и хорошо кормлю коня моего гостя и хорошо его чищу. После того бужу хозяина и хорошо его угощаю: шашлык делаю, бузу, чихирь, айран. Когда гость бывает сыт, я веду его под руку в свой сад и дожидаюсь птичку. Она прилетит, и она улетит. Когда птичка прилетит, я показываю на нее гостю и говорю: «Вот птичка прилетела». Гость смотрит на птичку. А когда птичка улетит, я говорю: «Птичка улетела! Птичка знает время, когда ей прилететь и когда улететь, а человек этого часто не знает. А *паачиму* человек не знает?» После того гость благодарит меня и уезжает.

Петя опять весь день на охоте. Убил одного только зайца, потому что Лайба оказалась плохой, возвращу ее назад.

Рассказывал Петя, как рабочие говорили о волках, будто волк знает, кто его обидел, и у того отнимает овец. Это напоминает суеверие Иванова-Раз. относительно крыс: будто крысы могут знать о мине, угрожающей кораблю, и т. п. Суеверие тех и других людей происходит от их отдаленности от природы. Напротив, охотники, глубоко чувствуя и понимая природу, никогда не скажут таких глупостей. Так рационалисты могут быть суеверными, а мистики, глубоко чувствующие люди могут, наверно, часто из одного опасения быть суеверными не покидать границ разума. Да, мистик, наверно, уже из одного оберегания своего чувства должен быть более рационалистом, чем сам рационалист.

Но ведь Петя разговаривал с дровосеками, крестьянами, которые всю жизнь проводят в лесу — и ничего не знают. Близость, значит, не в том, что ты близко живешь, а близко чув-

ствуешь. С другой стороны, книги многих ученых, имеющих в голове «классификацию» животных и пр., в существе своем чрезвычайно далеки от природы. Знание (от науки) только тогда дает истинное знание, когда оно является ответом на вопросы, поставленные личным удивлением, полученным от первого впечатления (первого взгляда). Это ответ на вопросы ребенка (ребенок любознательный живет и во взрослом и часто до старости лет): а почему? а отчего? а что это?

6 Декабря. Оттепель продолжается. Говорят, что снег сильно осел («осадка»). Мой насморк проходит. Сегодня ремонт машины.

Читаю дневник Толстого за 1910 г. и «Берег Маклая». Окончил чтение кавказских дневников. Приступаю к повести. Написал детский рассказ с Кавказа «Гость». Составил книжку в 2 листа о севере для ГИХЛа.

Чтение Маклая открывает для юноши свободу проявления личной инициативы: это «Робинзон» не условный, а действительный: в сущности, каждое место является Новой Гвинеей...

Если самую маленькую, невинную, свойственную всем страстишку не удовлетворять, а бороться с ней, то она в своем требовании удовлетворения заполнит всего человека, даже выйдет из него и появится в виде искушающего дьявола (Отец Сергий). Если же эту страстишку вовремя удовлетворить, то придет время, когда и хотел бы побаловаться, порадоваться жизни — хвать! и нет уже в тебе этой страстишки: удовлетворен.

Вычитал из кавказских тетрадей, что необходимость быть на ее похоронах (быть с людьми близким через нее) вскрыла необходимость заняться своим архивом: что архив — это долг мой, живущего человека, в отношении себя как покойника, что заниматься своим архивом — это значит создавать свои похороны.

Революционеры должны кончиться после того, как они покончат с «классовым врагом». Эта борьба отсрочивала «личную жизнь», которая является единственным источником жизнетворчества. До конца борьбы революционеров личным творчеством заниматься у нас не полагалось, поэтому я, напр., или Алпатов «Кащеевой цепи» чувствовал себя несвободно. Толстой затемнил жизнетворчество, противопоставив революционерам непротивление злу. Надо было...

Любовь (христианская), о которой так много говорит Толстой, так же принудительна и отвлеченна, как, напр., служение революции или рабочему классу, это не чувство живое любви, а долг, служба («обком» моей повести).

Самое неприятное в другом человеке — это когда чувствуешь в нем свое собственное пережитое и самим собой осужденное.

Приходил шофер Терехина Анатолий Петр. Гусев и рассказал свой сценарий из быта монахов: выходило, что все монахи у него были развратники и негодяи. — Это исторически неверно, — возразил я, — что же касается значения агитационного, то вспомните, что недавно в «Правде» писали об извращении Демьяном Бедным значения факта Крещения Руси. В агитационном отношении теперь нужен сценарий, поднимающий великорусское национальное самосознание. — И Анатолий не мог ничего возразить.

Вот какая перемена, вот ответ тем, кто говорит, что конституция ничего не значит. Нет, она, по всей вероятности, будет значить то же, что в литературе отмена РАППа. Правда, литература после РАППа мало улучшилась, но я, напр., написал «Жень-шень» и продолжаю жить в надежде, что еще напишу. Есть за что хоть уцепиться, а тогда ведь собрался вовсе жизнь кончать. Ужасно вспомнить. Только испорченные политикой люди могут осуждать или не придавать значения конституции.

Отправил в «Мурзилку» рассказ «Гость». Поручил Пете: договориться о книге «Берег Маклая», о маленькой книжке «Отцы и дети», покончить с иностранцами, достать копию договора на 4-й том.

Лева, когда был моим секретарем, то́ каждую операцию проводил, устраиваясь вместе с тем и сам: если доставал мне лицензию на фотоаппарат, то тут же и себе доставал, если добивался пленки в Кино, то и себе урывал. Он был заинтересован. Теперь он обижен, что его сменил Петя, и ничего не хочет мне делать. Моя почта погибает в его квартире, из которой он выпер меня. Так пропал сейчас договор на 4-й том. Жена его тоже эгоистка и без дальних планов. Придется больше не обращаться к нему ни за какой помощью и вместе с тем ни в коем случае этим самым не питать какой-либо неприязни к нему: таков он есть, и дай ему Бог хоть с самим-то собой мало-мальски справиться.

Синий лапоть.
Так они жили и не тужили,
Ниток не было, а чем-то шили,
Спали врозь, а детишки были.

7 Декабря. Наконец заморозило: −6 °С. Заря лиловая внизу, над лиловым началом внизу зеленовато-желтая светящаяся полоса и выше еще более густо-лиловая тяжеловатая полоса, а еще выше на светящемся голубом своде свежий маленький новорожденный месяц. Вскоре от лилового раскинулся свет на полнеба.

Так сбывается, что «Введенье ломает леденье, Варюшка подмостит, а Никола пригвоздит».

Лева пишет, что Кронгауз, жулик из «Молодого колхозника», восстал на меня, узнав, что я дал в его журнал не новую вещь. Он же рекомендует в журнале молодым колхозникам есть больше сливочного масла.

Написал рассказ (детский) «Косой черт». Прочитал «Берег Маклая». Дневник вначале волнует и восхищает. Но потом топчется на одном месте, и не знаешь, из-за чего в конце концов все совершается. Для детей, однако, это будет хорошая книга.

Задумал приспособить машину для пустынной жизни. Для этого надо свою машину променять на «Пикап», кузов превратить в фургон с отоплением от мотора, спальней и проч.

Чем отличается толстовская «любовь» от «долга»? Напр., дело Екат. Семеновны (фельдшерицы) есть дело любви или долга? С другой стороны, любовь (влюбленность) как сила первого взгляда, детского, эта любовь, когда кажется, что все люди хороши и мир единое целое в творчестве — почему не ставится она в основу творчества жизни? Скажут — такая любовь проходит и на этой любви нельзя основаться. Но вот именно тут и спорю: любовь эта прошла, потому что ты этот дар погубил: ты виноват, а не эта любовь. Личный твой грех закрыт в любви-долге, через ошибку твою, грех твой любовь творческая перешла в любовь-долг.

В повести «Жень-шень» показан путь сохранения творческой любви через лишение себя, воздержание (не схватил за копытце), т. е. показан долг не в отношении «Бога», «ближнего», «пролетария», «беднейшего из крестьян» и т. п. отвлеченных,

не существующих конкретно идолов, а долг в отношении своей живой созидающей любви, своего жизнетворчества. Тебе дан талант, и долг твой умножать его.

Почему же Гоголь, Толстой, гениально одаренные, не удовлетворяются долгом в отношении своего жизнетворчества, а хватаются за костыли просто долга в отношении Бога и ближних?

Тут заключается личный грех вроде того, что человек объелся и на хлеб не может смотреть: не нужно было обжираться; так точно вкус к жизни предметной, конкретной, к личности живой и божественной портится, и тогда не жить, а «-изм» (социализм) или «-ство» (человечество) и прочие отвлеченности.

Итак, существует преступный путь ухода от предметной жизни к мнимой, которая всю предметную жизнь объявляет греховной, в то время как не в жизни предметной (материальной) грех, а в человеке, не сумевшем ее повысить соответственно со своим ростом (напр., Толстой не должен был отдавать детям состояние, не должен был всецело все хозяйство взвалить на жену и тем вырастить в ней своего врага).

Значит, мой человек от своего таланта природного приходит к Богу с десятью талантами, приходит, «чтобы прославить Его». Другой человек, не получивший таланта, обращается к Богу за помощью и путем смирения... и еще много всего... получает дар любви деятельной: помогает бедным, больным (Екатер. Семеновна, Дуничка, Сафонов — их на Руси было так много: эсеры, святые народники). И, наконец, те приходят к Богу, кто от гордости совершил грех отвлеченности (найти слово) = «гордости», в христ. смысле = гордыни = отвлеченность + гордыня = отгор[оженность].

Дар видеть красоту мира есть дар, который надо умножать путем творчества, в этом даре заключается способность давать вещам качества, создавать перемены и различия, тут сила первого взгляда, родственное внимание, любовь различающая.

8 Декабря. Солнечный день. Тихо: дым вверх. Утром −12°. Вышел до восхода лечить нос морозом. В 8, когда рассвело, туман, иней. Моя повесть вся в лесах (надстройках), одни леса и ни одного кирпича. Есть опасность, что лесами все и кончится.

Самое противное у евреев (и главное, у евреек) — это быстрый переход их после первого знакомства к положению дав-

нишнего знакомого: вдруг как бы проваливаешься в мир, где все свои, или «наши», между тем как в то же время отлично знаешь, что это не по правде, а особый стиль или метод <*зачеркнуто:* обезличивания> узнавания. Как дорого обходятся русскому народу те немногие замечательные люди среди евреев, из-за которых приходится выносить столько накладных расходов. Но у Сталина как будто нет к ним особого пристрастия, да и нет экономических основ, где бы они могли быть в корне вредными. Между тем проявляемая нами расовая терпимость стоит того, чтобы подавить свою личную неприязнь.

Вечером хорошо работал над материалами с Кавказа. Выйдет что-нибудь или брошу, но работу веду как надо и мыслью далеко продвигаюсь вперед.

9 Декабря. 6 ч. утра. Звезд не видно. Барометр слегка пошел налево. Темп. –11 °С. Выпустил Ладу. Вернулся с ней. И, как ежедневно, уже поспел у меня самовар. Сажусь за чай. Лада ждет подачки. В этот заутренний час мне до того хорошо одному, что даже Лада стесняет. Как всегда, я первый кусок режу для нее, и она это знает. Этот кусок я слегка намазываю маслом, и когда намажу, она стремительно бросается к двери, отталкивает ее и сама вылетает в коридор. Дверь тихонько возвращается обратно, но Лада успевает высунуть голову и не допустить ее захлопнуться. Я даю кусок голове, она убирается, дверь закрывается, и я остаюсь один с глазу на глаз с самоваром.

Сегодня в эти священные для меня минуты почему-то вспомнилось детское: «Да исправится молитва моя», и я впервые через 50 лет с тех пор понял, что «да исправится» означает «да будет», а не в смысле коррекции. Это показывает, что вопреки Л. Толстому логический смысл в молитве не имеет никакого значения. Не в смысле дела, а в особого рода сосредоточенности всего существа. Возможно, что это мое заутреннее чаепитие с полной свободой мыслить о чем только ни захочется и потом мало-помалу этот медленный голубеющий в окнах рассвет — находится в прямом родстве с «Да исправится», со «Свете Тихий» и другими молитвами. И это утреннее состояние есть прямое наследство мне от матери, а у нее еще от кого-нибудь из родных и вообще от народа...

Ах, вот вспомнил замечательную поправку в тексте конституции: что личная собственность наследуется.

В 8 у. пойду говорить с Петей в Москву. Сказать о делах.

Ошибка в законодательстве до тех пор не погасится, пока не изживется. Была такая ошибка. Она с своими чудовищными последствиями надвигалась на мирную нашу жизнь. И когда, вследствие этой ошибки, мы лишились всего и потом, обрадованные тем, что для нас-то эта беда кончилась, хотели начать строить новую жизнь, оказалось, что нельзя строить жизнь, пока ошибка не обойдет всю бесконечно огромную страну. Ошибка шла черепашьим шагом. Некоторые придумывали уезжать далеко, куда она еще не дошла. Но какое удовольствие было им там устраиваться, когда наверно знали, что рано или поздно ошибка уничтожит все ими созданное...

В 9 у. соединился с Петей. Приедет 13-го. Завтра вышлю ему девок за резиной.

Вечером представление газовой атаки. Удалось, потому что население боялось: допускали возможность отравления «для пробы».

10 Декабря. Ночью около нуля. Быстро теплеет. На рассвете –3. Молодой месяц в барашках.

Письмо Л. Толстого Миклухо-Маклаю о том, что его научные изыскания ничто перед человечностью, которую он открывает у диких, теперь сбылось. Научные работы его забыты, а «Берег Маклая» читают дети и долго будут читать. Точно то же было с Арсеньевым и его Дерсу. Итак, надо жить и записывать за собой даже совсем просто, и получатся замечательные книги. Можно сложно записывать, наделяя своими переживаниями воображаемые лица. И наконец, можно воображать по возможностям жизни, сидя за столом. В основе хотя и возможная лишь, но все-таки жизнь. Значит, если явится у писателя сомнение в своем даровании, то можно проверить, записывая за собой жизнь (очерк).

Усердно изучаю жизнь Толстого 1910 г., чтобы эту борьбу смертную двух любящих друг друга людей, мужчины и женщины, изобразить на фоне всего, что люди называют «счастьем».

Надо приступить к окончательной сборке 4-го тома.

Вчера вечером по тревожному гудку мы погасили огни и, выглянув в окно, увидели в темноте на снегу автомобиль и военно-

го человека. Решили, что в этой машине зенитная пушка и около нашего домика скоро ахнет орудие. Окна у нас были все закрещены полосками бумаги, заделаны хорошо клеенками против газов. После некоторого колебания — завешивать окна, чтобы укрыть ночь, или пораньше ложиться спать — решил спать, и так в эту ночь спалось хорошо, что ничего не слыхали. Но утром оказалось, что и слушать было нечего: вчерашний автомобиль был просто автомобиль, задержанный милиционером до конца военных маневров. В учреждениях по случаю раннего спанья тоже все опоздали на службу, но это уж всегда так: если очень рано лег, то проснешься позднее, чем надо.

Предвижу, что когда начнется настоящая война и настоящая воздушная газовая атака, люди мало-помалу так привыкнут к этой мысли, что ничего, будут себе жить и нюхать газ без особенного протеста. Сгоряча даже какая-нибудь мать еще нашлепает своего отравленного мальчонка: «Я, — закричит, — тебе говорила не выходить на улицу без противогаза, а ты что, так вот тебе и надо, пострел!» Общему привыканию к величайшей мерзости, отраве мирного населения газом, и сам когда-нибудь тоже поддамся. Нет! надо спешить, скорей, скорей, пусть даже с противогазовой маской на лице, писать о возможностях в будущем для каждого участвовать в творчестве жизни, а не смерти, как теперь.

Материалы собраны и так расписаны аккуратно и мелко в карманной книжке, что я могу их носить с собой, жить с ними до тех пор, пока не удастся все их спрыснуть живой водой. Я хочу это творчество одеть как противогаз и затем именно участвую и на все смотрю.

Безрукий просит написать в Пушкинский номер журн. «30 дней» что-нибудь о Пушкине. Надо написать.

Лет десять тому назад, помню, в литературных кругах возникал вопрос о том, нужен ли нам теперь еще Пушкин, не кончился ли он в наше время. Была пущена тогда анкета, чтобы каждый писатель высказал свое мнение о Пушкине. Помню, что я тогда написал в анкете, и это было даже и напечатано в каком-то журнальчике: «Считаю Пушкина хорошим поэтом».

С тех пор прошло десять лет, теперь победило в отношении Пушкина именно то мое чувство русского человека, скрывая которое от «американских жителей», я бросил тогда им пренебрежительно фразу о том, что Пушкин был хороший поэт.

Жителями же американскими в старое время [назывались] маленькие фигурки в стеклянных трубочках с эфиром, если возьмешь в ладонь конец этой трубки, то «житель» вместе с эфиром поднимается и прыгает, если разожмешь ладонь, опускается. Занятная игрушка. Ни один вербный базар, бывало, не обходился без нее, и всюду слышался крик: «Американский житель! Житель американский!»

Повидав в своей жизни литературную среду, изучив ее за тридцать пять лет своего литературного существования <*приписка:* служения>, вполне достаточно я убедился, что она как при империализме, так и при социализме не может обойтись без американского жителя: чуть ему потеплеет, он и прыгает, все зависит от тепла, а своего мнения у американского жителя нет.

<*Зачеркнуто:* Суровый ход истории>

Прошедшей весной на Северном Кавказе мы с сыном неслись на «форде», стараясь не выпустить из глаз другого «форда», мчащегося по горам и через каменистые реки с невероятной быстротой (на Кавказе вообще почему-то ездят гораздо смелей, чем у нас). Нам нельзя было выпустить с глаз другую машину, потому что одни мы дорогу бы не нашли и просто бы не посмели даже броситься в стремительно мчащуюся реку. Взлетая у края пропасти на одну гору, я заметил, что в густом дубовом кустарнике <*приписка:* где мы убили кабана>, сохранившем еще зимнюю желтую листву, везде показались великолепные темно-синие, почти черные ирисы.

— Смотри, смотри, какие ирисы! — крикнул я сыну, ведущему машину.

Непривычный к кавказской езде, едва удерживая машину (с плохим тормозом) над пропастью, <*приписка*: он искоса поглядел и> крикнул мне в ответ:

— К черту ирисы!

Я расхохотался. И вспомнил то время, когда <*приписка:* и на Пушкина и на все искусство ворчали, как мы, шоферы, на ирисы> революция нам, служителям искусства, тоже кричала:

— К черту ирисы.

И мы жались, несчастные, возле распределителей <*приписка:* получая каждый по своей литературной категории>.

Да вот давно ли, всего каких-нибудь десять лет, по нашим рукам гуляла анкета, в которой вопросы были направлены к тому, сохранился ли еще Пушкин как поэт до нашего времени

или кончился. При этом явно выходило, что если напишешь «кончился», то будешь передовым, если «сохранился», то отсталым, требующим выяснения своей отсталости в своем прошлом. Я тогда мужественно написал: «Считаю Пушкина хорошим поэтом». И помню, что мой ответ был напечатан в каком-то журнальчике и уж наверно он не повысил ту мою литер. категорию и уж вреда в отношении лит. категории не причинил: мужественная правда в моем опыте революционного времени никак мне не причинила вреда.

Теперь все так переменилось, что никому и в голову не придет сомневаться в ирисах Пушкина, и мне трудно об этом говорить, сохраняя необщее выражение своего лица. Пушкин мне сейчас нужен <*зачеркнуто:* не как поэт> опять-таки не ирисами. Я держу его том у себя на столе, чтобы сваливать с себя после ежедневного необходимого чтения газет какую-то невероятную словесную тягость, сильно мешающую мне свободно писать. Я не говорю о выражениях «в общем и целом», о «паре лет» или «паре дней», которые употребляют даже герои Советского Союза (см. реляцию т. Чкалова из Парижа), или о таких шедеврах центральных газет, как «выеденного гроша не стоит» и т. п. Не эти смешные мелочи меня пугают: все эти провинциализмы приходят и уходят, как, напр., все мы чувствуем, что «в общем и целом» говорят теперь много реже, что «пара дней» и «пара лет» хотя и в самом разгаре, но уже дни этих пар сочтены и т. д. <*приписка:* решительно все таковы,> вплоть до «выеденного гроша».

Страшна языковая неподвижность газет, говорящих теперь на всю страну. «Пара дней» — это мода, но «оратор с пеной у рта» — это уже образ вечный, всякий враждебный оратор непременно говорит с пеной у рта. И вся многомиллионная, ныне вся грамотная страна ежедневно усваивает себе эти образы. Меня пугает то, что никакая, даже наша великорусская сила фольклор, не может уже больше бороться с языком газет с многомиллионными тиражами и с радио. Каждый советский гражданин теперь говорит этим официальным языком с соответствующими данному году украшениями, вроде «выеденного гроша».

Должен сказать, однако, что за народ в словесно-творческом отношении я ничуть не боюсь. Народ в своей интимной жизни говорит своим языком и вечно творит. Вот, напр., вчера у меня за чайным столом сидели два молодых парня, шоферы. Один из них, желая повысить себя в моих литературных гла-

зах, передавал мне содержание своего сценария, «в общем и целом» направленного против монахов. Прощаясь со мной, этот шофер сказал: — Через пару дней я вам это напишу. — Другой же шофер, переговорив со мной о делах, простился просто и потом, обернувшись к своему фасонистому товарищу, сказал: — Ну, пойдем, Синий лапоть! — Так целый час я слушал официальную речь, и в одно мгновенье всю ее, как нежить какую-то, истребил «синий лапоть». Нет, я за народ нисколько не боюсь, но меня страшит, что современный гражданин выступает в двух лицах, одно лицо с одними словами официальными и другое лицо с интимными.

Вот почему, из-за единства личности, говорящей везде одним языком, я хочу для народа Пушкина: через Пушкина простой человек поймет цену своего интимного языка, которого он теперь стыдится. Через Пушкина газетчики научатся строить свою речь согласно духу русского народа.

Теперь все так переменилось, что никому и в голову не придет, как пришло мне на Кавказе, сопоставить поэзию Пушкина с цветами, отвлекающими внимание управляющего движением машины над пропастью. Пушкин стал необходимостью в дальнейшем движении нашей машины. Лично я держу один из самых близких мне томов Пушкина у себя на столике возле постели. Перечитав на ночь газеты, я чувствую в процессе чтения какую-то внешнюю помеху для будущего моего утреннего писания. Газетный язык мне представляется тогда какой-то проволочной сеткой с частыми ячейками, в которые должен я постоянно нырять, чтобы иметь возможность писать по-своему. Прочитав на ночь что-нибудь из Пушкина, я отстраняю от себя это препятствие.

Такие почти повседневные выражения в газетах, как «пара дней» или «пара лет», и даже переиначивание поговорок вроде «выеденного гроша не стоит» (как будто гроши можно есть) — на это я не обращаю внимания как на моду. Все это проходит, как мода, достаточно вспомнить, напр., что «в общем и целом» и «во главу угла», вчера бывшие у всех на устах, заметно исчезли. «Пара дней» сейчас в зените, но тем самым ей уже и подготовлен конец. Не это страшно в газетном языке, губящем не язык, а самого автора, а система мертвых образов, понятий и слов.

Гибельно для языка, что автор берет у другого автора напрокат слова и образы, так что, напр., враждебный оратор не-

пременно должен говорить «с пеной у рта». Попробуйте так вдумчиво прочитать хотя бы за один день наши центральные газеты, и вы тогда, я уверен, вроде меня оденетесь в противогаз Пушкина. Но представьте себе наш многомиллионный народ, ныне грамотный и ежедневно попросту, без эстетической проверки впитывающий в себя газетный язык. Вы, наверно, в первый момент скажете, что газетный язык должен вытеснить живую народную ежеминутно творимую речь. Представьте себе, что нет. Народ официально говорит этим новым ораторским условным языком, похожим на воляпюк, другой же язык он сохраняет для своей интимной жизни.

Вечером девки привезли из Москвы покрышки. На электричке их хотели оштрафовать и стали составлять протокол. Но какой-то военный («весь обсыпанный ромбами»), услыхав, что шины для Пришвина, вдруг вскочил и стал говорить, что Пришвина писателя он читал и готов ручаться за него и, если надо, заплатить штраф. Тогда и кондуктор, составлявший протокол, остановился, пробормотал: — Я, кажется, тоже что-то читал, — и, обещая вернуться, вышел и больше не возвращался. Так вот я дожил до почетных лет, и это неплохо.

<*На полях:* сумасшедшее сердце>

Ночью читаю толстовскую библию 1910-й год, постоянно встречаются знакомые лица, эпоха проходит перед моими глазами. Начинаю понимать, что все те возражения, которые складываются относительно его поведения, Толстой знал. Надо написать такую повесть, чтобы мой воображаемый Толстой в своем положении нашел бы себе достойный выход и такой, чтобы покойник Лев Толстой мог бы с ним согласиться.

Надо написать вещь, которая играла бы в духовной области ту же роль, что противогаз, т. е. чтобы заставить читателя смотреть в сторону настоящего творчества жизни, а не смерти, как все делают теперь и постепенно к этому привыкают, принюхиваются к атмосфере смерти.

Есть, однако, какое-то «но», когда в этом отношении мысленно хочешь соединиться с мирным направлением политики нашего Союза. Ведь наш «мир» явно вызывает войну гражданскую во всех капиталистических странах, это не мир, достигаемый удовлетворением в творчестве жизни, это... Но...

Вот где острие нашей современности, на которое едва ли кто-нибудь стал. Становится все труднее и труднее жить в неясном чаянии... Не говорю, что можно стать «на позицию», как оно предлагается, но позицию своей личности, центральную точку веры надо сознавать сейчас более ясно, чем раньше. Надо при этом, однако, помнить, что в чувстве жизни своей я не ошибаюсь, это верная линия. Но ввиду наступающих огромных событий эта моя полуинстинктивная линия, может быть, требует бóльшего сознания. В то же время надо помнить, что при накоплении сознания можно сделать толстовскую ошибку. В чем эта ошибка, я пока разобрать не могу, знаю, что ее называют «гордыней», но что значит это — не совсем понимаю.

Есть гордость во спасение, она связана с мужеством личности. И есть другая гордость, основанная на славе своей, на личных преимуществах, и означает почти что собственность, т. е. нечто скопленное и не действующее в творчестве жизни. Презрение, которое питаю я теперь ко всей нашей литерат. среде, есть почва, питающая подобную «гордость». Остается каким-нибудь выдающимся произведением обратить всеобщее внимание, и отравишься. Подозреваю, что Лев Толстой был этим отравлен, знал это, делал усилия и не мог избавиться от своего «знаменателя». Толстой мог отказываться от своего художества, как барин сытый. Но ему не приходилось испытать себя покинутым, заживо погребенным, как было при РАППе, или голодным мечтателем о солнечной природе черного хлеба, как в первые годы революции. И тут где-то в этом самоволии возникли ошибки его мучительной религии, похожей на самобичевание.

В этой борьбе он был очень высок в отношении окружавших его пигмеев, но пигмеи были внутри жизненного организма, он же был вне. Выдвинутый, как вулкан огнем, он дошел до высоты вечного снега и льдов. На голове белые волосы, как снег на горе, в глазах слезы... Солнце, конечно, рано или поздно и эту вершину обратит к всеобщему благу, снег и лед разбегутся реками в долинах. Я не знаю, чем возразить против «самоволия» вулканов. Есть ли в этом чувстве материальной связи с людьми, зависимости от массы — материи, необходимости, рождающей свободу, и чувстве радости жизни возражение против толстовства.

Резкое разделение духа и материи с презрением к материи и обожествлением какого-то «духа» (не себя ли?)... Сводится

к славе, к публичности (а в сущности конец Горького с прекращением способности живого творчества был пародией конца Толстого).

11—12 Декабря. Суточная погода от 0 до −4 °C, легкая облачность с проглядыванием солнца. И так одинаково, день в день.

Начал собирать 4-й том. Послал в «30 дней»: статья «Двуязычие» о Пушкине, очень правдивая и не мелкая статья, но едва ли осмелятся напечатать без купюр.

Слава. У Толстого слава как посредник его смерти (слава присватала гордость). У Б[острема], художника, слава как голодному кусок хлеба для жизни: слава в форме общественного признания так же, [как] голодному черный хлеб — в его солнечной природе.

«Уход» Толстого из дома надо понимать как уход из жизни! Начал уходить он, когда еще... когда началось? А бунт его против жизни выходит из какого-то общего его бунта. Посредник смерти его есть слава.

Уход. Когда Толстому сообщили, что в семье против него существует заговор, — отнять у него завещание, а самого объявить слабоумным, то он говорил, что дело не так остро обстоит. Если бы, однако, и существовал такой заговор, говорил он, то это к лучшему, это оправдывает его отдаление от семьи и неприязнь к сыновьям. Тут Толстой вплотную подходит к своей вине, человека отходящего (умирающего). Религиозный человек в этом уходе чувствует вину, а у Толстого его уход от жизни совершился как бунт против жизни.

Толстой прав, когда, судя ужасное поведение своей жены перед смертью, отказывается объяснять [его] болезнью ее (как это обыкновенно делают). Ведь потому именно он и ненавидел врачей, что в поисках причины они систематически игнорируют личность человека с его верой. (Напр., операция Замошкина, когда врачи думали, что он кончится, а он знал, что будет жив: — Хотя меня бы спросили! — говор. Зам., — а то ведь, не спрашивая меня, говорили кому-то в дверь: «еще жив».)

Рассказ о машине, навеянный чтением дневника Толстого в 1910.

Наш роман с вещами: одухотворение вещи, пока не сложится привычка: вещь начинает служить, и человек о ней забывает: служит и служит. Точно то же бывает с женщиной, когда она из невесты делается женой. Машина была забыта. Но вот она изъездилась и стала напоминать о себе, и начались со старой женой сцены. Хозяин злился и опять одухотворял вещь и не хотел знать, что она сносилась, и приписывал ей злую волю.

(Между прочим, у человека, напр., у Софьи Андреевны в ее параноико-истерических сценах, действует вполне здоровая жизненная сила. Толстой, уходя из мира духом, ищет того покоя, который сопровождается равнодушием. И женщина, становясь в положение забываемой вещи, живая личность ее вступает в борьбу с мертвецом.)

Вот и описать вещь, машину, чтобы сказалось это. Рассказ вести от потери хозяином чувства к живому, когда он увидел, что нет у его машины своего «раннего зажигания», а что все части заменимы, и до тех пор, когда вещь, изнашиваясь, начинает капризничать. Вместить сюда все с Автозавода: и сгоревшую Машу, и конвейер, и все.

Еще рассказ на тему «противогаз». Отравленный газом человек подбегает к реке. Великолепие вечера на р. Нерли. Человек умирает. У человека умирают прежде всего глаза. Но он слышит жизнь. Умер. (Близкий друг возле.) Конец вечера: летает бабочка, ее не видно на фоне темного леса. Но в реке видно: так в воде она летает. (Быть может, друг хочет показать это умирающему, чтобы он спасся красотой, этим противогазом. Но тот уже не видит: у человека раньше умирают глаза. В природе глаза земли закрываются после всего.)

В газетах трагедия демократии: в Англии сбежал король. Демократия. Остатки франц. революции: Руссо. Вера в правду, живущую в начальном человеке в природе. Это же есть и в православии (откуда? также, откуда вера в правду рыбака в франц. революции? из религии. Значит, демократия есть этап разложения церкви: это оттуда).

У нас православие + толстовство + народничество на плазме мужика. Большевики превращают демократию в рабочих и крестьян: + (плюс) беднейший из крестьян: величина отвлеченная, в действительности конкретны это последний пьяница-лодырь в деревне, и – (минус) пролетарий, понятие в существе своем отрицательное. Ток политический между этими двумя полюсами вскрывает мелкособственническую природу демо-

кратии; собственник заменяется властелином. По этому же образцу строится фашизм: тут тоже рабочие и крестьяне — демократия — трансформируются во властелинов и воинов.

«Демократия» теперь означает мирная благодушная жизнь мелких собственников (это прежде всего Франция). Итак, идея демократии вышла из христианства и, став материализмом, дошла до войны, т. е. до конца, до газов. Уничтожив у себя демократию в корне своем, мы сейчас в Сталинской конституции как бы воскресаем как демократия, очищенная от затемняющих ее элементов собственности. Это демократия без ее первородного греха собственности капиталистической. Вероятней всего, наше сочувствие теперь демократии испанской, французской, английской основано только на том, что, осужденные на падение, они обещают коммунизм.

13 Декабря. Весь день слегка морозный просверкал, как весной света...

Занят изготовлением 4-го тома собрания. Хочу в нем дать статью «Мои читатели». Пишу 2-ю часть «Мои читатели» (помещ. в «Наши достижения»).

Мои читатели.

Мы были наслышаны с малолетства, что дело писателя — это трагическое дело и лучше вообще за него, пожалуй, не браться. Теперь, проработав уже много лет в этой профессии, я думаю, что это правда, если смотреть на сторону. Так часто говорят, — какая жена у него некрасивая, злая, не дай-то бог! А между тем тоже часто оказывается, муж этой жены очень ею доволен и живет с ней как у Христа за пазухой (что за поговорки были на старой Руси!). Так и я бы сказал о своем писательском деле. Вот тоже, хотя бы рождать детей — занятие трудное, между тем женщина родит и счастлива. И писатель...

В писательском деле...

Чего я не имел в жизни и что в душе желал бы больше всего — это накрыть большой стол и усадить гостей, к этому столу поставить другой, потом третий, который выходил бы на улицу, потом на бульвар, и по бульвару всё столы, и за столами всё мои гости пьют, едят и меня похваливают.

...особенно же хорошо мне стало, когда книжку мою «Женьшень» перевели за границей и появились в моем доме такие гости знатные, о которых я и не мечтал. Да, теперь ясно вижу, что в невозможно рискованном, если и прямо не трагическом

деле писателя есть момент счастья, схожий со всеискупающим счастьем матери, когда она встретится с новорожденным.

Писательское дело. Дело писателя, как и всякого другого художника, если только посмотреть на него с точки зрения всякой другой <*зачеркнуто:* обыкновенной> выгодной профессии — нестоящее дело. Но ведь точно так же и детей рождать, если все взвесить, нестоящее дело. <*Приписка:* Жизнетворчество во всем одинаково.> Однако рождают же...

Есть искупающие все муки моменты счастья, из-за них вся [игра]: хотя бы счастье первой встречи матери со своим ребенком. А у нас, писателей, я считаю чем-то вроде этого встречу с читателем: есть такие читатели, вроде А. М. Горького, встреча с которыми является большим счастьем. <*Зачеркнуто:* Когда я начинал писать и был совсем наивным человеком, мне в душе казалось так, что благодаря писанию своему, если я буду иметь успех, попаду в лучшее общество.>

После Горького я хочу здесь привести несколько других маленьких писем, которые каждое по-своему мне было очень приятно прочитать. Признаюсь, для опубликования этих писем мне приходится преодолеть внутреннее препятствие <*приписка:* [чувство] вроде ложного стыда, так как все эти письма хвалебные и как-то неловко писать на самого на себя>, но я пользуюсь разрешением покойного А. М.: «поработав столько лет в литературе, можно допустить и нескромность» — и собираю этих гостей. Пусть будет что-то вроде моего юбилея <*приписка:* каким он должен быть у писателя: сорадование друзей>. Кое-какие из этих писем мне были присланы через издательства как отзывы читателей. В этом случае незачем скрывать имена авторов, тем более что в издательствах имеются копии этих писем. Другие — от иностранных авторов, как рецензии в газетах и журналах. Третьи (одно или два) личные, и их именно мне приходится скрыть. Мало ли писем мне присылали, это, конечно, ничтожная часть, но я выбрал те, которые играли роль в моем счастье.

14 Декабря. Писал «мои читатели», и, кажется, это провалилось: невозможно самому писать о себе одной непрерывной похвалой.

Написал в Украинский Госиздат о «Звере», изданном без спроса у автора. Англичане, немцы спрашиваются, а свои... вот истинное хамство, и как будто конца ему нет.

События в Китае, похоже, что начинается война по-настоящему, война за передел Азии.

На ночь читал толстовский [дневник] 1910 г., одна из самых замечательных книг. Неизменность самосознания. Это верно: «я» в основе своей неизменно: оно стоит, мир движется. «Неразлагаемое я» (в Курымушке).

Толстой из этой неподвижности «я» делает заключение, что оно существует вне пространства и времени и что оно от Бога. Отсюда презрение ко всему, что ограничено пр. и вр., и сознательная борьба с ним и аскетизм. Выход из христианства в буддизм, к отрицанию личности в человеке, к преодолению ее «любовью» (к Богу).

Вся домашняя жизнь Толстого, слава (не слаще домашней жизни: яд) создавали Толстого, кажется, не будь его, будь какой бы то ни было гениальный человек, и из него бы вышел Толстой. Приходит в голову, почему Толстой не догадывался о зависимости его аскетического учения от его жизни, ограниченной пространством и временем?

Пространство и время (если смириться) могут быть поняты как единственные условия возможности для человека человеческого творчества, соприкосновенного с божественным (вне времени и пространства).

Пример, какое влияние на сновидение оказывает чтение на ночь. Мне снилась большая дорога, наша прежняя, с муравой и тройками. На этой дороге почтовые станции, и начальники этих станций— столетние индусы, мудрецы, признающие все это движение вообще ненужностью. Из-за этих мудрецов всюду на большаке путаница, приключения с добавлением лошадей и моя личная кошмарная судьба.

Толстой говорит, что прямая обязанность людей — любить, а они хотят летать и летают плохо.

Покой и движение. Восток — покой, Европа — движение. Европа весь мир приводит в движение. Создается движущийся, заведенный человек, целиком устремленный в жизнь мотор. «Остановись!» Но ведь это не личности, это масса, летящая к счастью: это жить хотят. Вот Китай распечатают, и если там все жить захотят...

В мире этого никогда не было, что всем хочется «жить» и все на это получат права и возможности по мере личной удачи.

Лотерея. Государство играет: лотерея. Вот о «личности» у нас идет речь. Немцы к этой русской глупости должны ума прибавить. У нас жизнь под давлением: сжатая сила, безликая, но если немца прибавить – сила непобедимая, невиданная: вроде атомной силы; это и в человеке есть, в его родовой жажде жизни.

Коммунизм непобедим, но требует немца. Или они нас завоюют, или опять провалятся и сольются с коммунизмом.

Элементы силы этой новой: 1) движение, 2) массовость, 3) претензия каждого на личное счастье. В результате движение. Анализировать зарождение движения: из каких элементов оно складывается, напр., у нас «ученье». (Паня – Тоня. Алексей (лисица) на вопрос дочерей о матери сказал: «Никуда, остарела, больная, когда лучку съест, когда огурчик». Тоня заплакала, Паня засмеялась.)

Задача политики сейчас силу из-под давления пустить на работу с внутренним стимулом каждого атома – личного счастья. В этом вся игра – освободить внутриатомную силу общества и пустить в работу под предлогом личного счастья. Произнесены слова и написаны в «Правде» крупными буквами: святая любимая родина. Если мы не успеем сами дать это народу, то немцы дадут. А там вся Азия будет освобождаться для счастья. И это «счастье» не купеческие блины, не дворянские охоты и пиры; ограниченность материальная, вещественная, пространственная будет восполняться движением, тогда – кто больше, теперь – кто скорей (до́ма нет ничего, а летает под небеса).

Итак, прошлое: судьба и покой, новое: счастье и движение. Этим вся Азия будет покорена. Гунны идут обратно: из Европы на Восток («Счастливая жизнь»). Не в фашизме и коммунизме [дело]: фашизм будет равняться по коммунизму, коммунизм по фашизму: дело в массах и их личном счастье с выходом в движение, как раньше в вещественность (скопление, накопление, брюхо, толстые люди). Худой человек, поглощенный движением, бездомный: движение (время) является проклятием, пленом, как раньше скопленность («капитал»).

Раньше, в капитализме, индивидуум (личность) была носителем счастья, организуемая личностью масса питалась судьбой, долгом, смирением. Теперь для масс раскрылся секрет: каждый хочет иметь свою долю счастья на земле (счастливая жизнь), и личность, т. е. выдающийся даровитый человек, ста-

новится в прежние условия масс: он теперь служит обществу. (Свалив на массу долг, служение, будущую жизнь и пр., прежний организатор сам лично жил счастьем, теперь возможно, что именно все эти качества сделаются условиями существования личности.)

15 Декабря. Туманная хмарь. Тепло 0–4 °С. Наст. Нового снега все нет и нет. Упорный насморк, давит голову.

Петя ходил с Бьюшкой на белок.

Удалось слышать, как мышь под снегом грызла корешок.

Спросить доктора об ушном усилителе. Что можно слышать в тишине (напр., норку, плывущую).

Из чего состоит тишина?

Писать о себе на основании писем друзей не могу: бросил эту работу. Статья в «Правде» о гонорарах писателей: счастливые дни писателей приходят к концу. Приглашение читать на Пушкинском вечере бойцов.

Разговор с Петей о привычке, что это сила, которую ты можешь подчинить себе и которая, в свою очередь, может тебя подчинить. Огромнейшее число людей подчинены привычке лично, а общественно — условному рефлексу.

В газетах начинают бороться против страха фашистов (давно пора). Красноармеец говорил, что зимой о войне не говорят, а нынешнюю зиму все говорят о войне, что же будет весной?

Стремятся фольклор подогнать под Маркса. Трудно Соколову. Личное происхождение фольклора. Болтовня в «Известиях» и окрик «Правды» — никак нельзя понимать конституцию по старинке демократических свобод.

16 Декабря. Лева приехал с семьей.

Отвезли в Чирково Лайбу и полюбовались Османом.

Разговор о сладости любимого труда в обществе близких людей: что если бы можно было заниматься 1) своим делом 2) самому выбирать себе в работе товарищей. Но организатор производства делает не свое дело, а то, что ему должно делать, и долг его тоже не личный, а его тоже гонят: его гонят, и он гонит. Между тем вышло это еще из партийных кружков, из того самого «долга», который описан мной в «Кащеевой цепи» и противопоставлен труду художника.

Стахановец — это не выход к личному труду, а своеобразный способ погоняния, осуществления все того же долга, надрыв.

В труде немца два элемента: 1) как надо работать, 2) как я хочу. В труде русского или как я хочу, или одно «как надо» (стахановец).

Я Пете сказал, что в свое время он не представлял себе для беспартийного выхода «в люди», а вот как скоро переменилось; точно так же и тут, во всяком же случае, индивидуальный выход всегда возможен: рыба ищет где глубже, человек — лучше.

<*На полях:* Стоит какому-нибудь Ставскому пожелать, и то, что надо правительству и партии от писателей, сливается с тем, чего именно и хочет и сам писатель.>

Со-весть значит весть, как со-знание есть знание.

Путаюсь, разбираясь в корнях современности, чтобы надстроить на них свою повесть. Путь моих исканий такой: я беру, напр., организацию современного труда на основе долга, сравниваю со своим трудом личным, выросшим на основе живой любви моей личной к труду, и нахожу в моем труде отрицание того труда как непродуктивного, рабского. На этом этапе мне представляется, что повесть эта невозможна, т. к. о таких вещах мне говорить вслух не дадут.

Желая устранить этот затор, я спрашиваю себя, а может быть, если подняться повыше, в том более широком кругозоре окажется, что моя маленькая гора личной свободы заслоняла высочайшую вершину обществ. долга и оттого она казалась мне горой рабства. Что если туда забраться, какой оттуда откроется мне кругозор? Тогда, забравшись туда, осмотрев горизонт со стороны долга и необходимости, я понимаю, напр., современное движение Европы в Азию как обратное движение народов, двигавшихся некогда из недр Азии в Европу. И, возвращаясь после того к той маленькой горе моего личного сознания, я тот самый долг и необходимость, которые в истории движет народы на Восток, вижу обращенными к охране моего личного сознания.

Если мое сознание требует от меня движения на Запад, в то время как все идут на Восток, я должен, обходя общий поток, двигаться на Запад: таков закон долга и необходимости в отношении к личному сознанию. И так вот подходишь, напр., с точки зрения движения народов на Восток к объяснению преоб-

ладания идеи долга в отношении организации современного труда. Поняв это как необходимость, я ищу выход для себя лично в сторону личной свободы для необходимого мне движения не на Восток, а на Запад.

Шоферские рассказы:
1) Клин.
2) На автозаводе (два механика, премированные машинами).
3) Полумеханик (колдун).

Пересмотреть материалы с автозавода.

Начало 2-го рассказа: Мы, инженеры и проч., сидели на скелетах машин и спорили на тему, что элементы всякого труда есть: как надо работать и как я хочу, что немцы, латыши работают как надо, а русский — как я хочу: если бы мог русский как надо, он победил бы весь мир, — назовите хоть одного: — А Гусенков?

В заключение привозят разбитый автомобиль, а Гусенков в больнице.

Тип как надо — Озолапин, который уверял всех, что машина учит быть умнее. Он говорил, что машина сама учит, как надо: умнее «форда» не будешь.

Можно сделать, что в выходной день оба, и латыш и Гусенков: латыш давно сидит над машиной и, [расписывая], учит Гусенкова. Тот только получил и почтительно слушает. Потом выходит и выпивает «как я хочу» — сказка его воздушного полета.

А. Жид внес к нам эту идею этого счастья советского писателя в выполнении воли вождей и сам же потом написал у себя дома, что писатель всегда должен оставаться мятежником и идти против вождей.

Немножко неверно последнее: надо бы сказать, что писатель есть автономная личность и прекрасно, если деятельность ее совпадает с направлением воли вождей, но если будет извне уничтожена автономия писательской личности и вожди потребуют, чтобы он, минуя веление своей совести, выполнял волю вождей, писатель должен будет молчать или идти против вождей.

<*Приписка:* Только молчать (в русском случае), потому что он сомневается и спрашивает свою совесть: если вожди непра-

вы в отношении меня, то как я, обиженный, лично заинтересованный, могу судить дело вождей.>

(Советский писатель — это автономная область. И правда, почему даже областям дается возможность быть автономными, а писатель...)

События, которые происходят во время работы моей над этой книгой, наводят на мысль, что это есть новое великое передвижение народов с той разницей от старого, что тогда гунны шли на Запад, а теперь <*приписка:* усвоив от Европы новые ценности> гунны возвращаются к себе на Восток, покоряя его и переделывая.

<*Приписка:* Маленькое советское автономное государство Абхазия, будучи по существу своему одним из древнейших государств Азии, пробужденное от сна своего историч. русской революцией, стремительно двинулось в Европу.>

Нет, как ни бейся, но сказать того, что я хочу, нельзя. Сказать нельзя, но показать можно. Напр., можно показать борьбу с женщиной как борьбу с собственностью — это раз. Второе, пусть Саид свой азиатский народ ведет в Европу против движения Европы на Восток. Расхождение с Саидом именно и заключается в том, что Саид борется с собственностью общественно, двигая бессознательно народ в Европу, а другой то же самое переживает лично, в семье своей, сознательно. И в заключение он, завоевав идею лично, смотрит на дело Саида сознательно. В основу взять мое отношение к рабочему движению, когда я почувствовал себя личностью.

Какой-то старик в рубище с пустым мешком за спиной, насквозь вымокший, постучал палкой в окно деревянного домика. Это событие у нас на Комсомольской улице не только было ничтожно в сравнении с действиями испанских мятежников, но и даже у нас на Комсомольской улице не имело [конечно] значения. И тем не менее нельзя и личность нищего выбросить со счета. Он как личность был в своем роде единственным и в своем «Я» заострился как представитель человечес[тва], всего земного шара: он был человек как все и в то же время как «Я» — человек единственный в мире.

Всякий общественный деятель... например, решается женский вопрос как общественный вопрос или же вопрос личный

с собственной женой (напр., драма Толстого: женский вопрос лично).

Все получить из личного опыта человек не может: не может только личность свою брать как пример для общества (путь святости?). Он берет «как надо»... И вот один говорит: я живу как надо, а не как хочется. — Другой: я живу, как мне хочется, согласуя с тем, как надо.

17 Декабря. Все по-прежнему день смотрится в день.

Если спросят меня, почему я не выступаю ни с критикой, ни с самокритикой, то я так должен ответить. В силу сложившихся обстоятельств литература в Советском Союзе является лишь исполнителем воли вождей.

Жизнь в Союзе переменяется с большой скоростью не только в смысле переезда учреждений с улицы на улицу, но и в своих мотивировках: вчера Демьян мог издеваться над Крещением Руси, а поп, сказав за Крещение, летел в Соловки, сегодня Демьян летит вон из Кремля по воле вождей. И как вчера писатель Луговской прославлял РАПП, сегодня его РАПП распустили, и Луговской сидит на бобах. Но если бы раньше, чем вожди решили отменить РАПП, Луговской, предвидя, как поэт, его негодность, обрушился бы на него, то был бы уничтожен, и если бы Демьян, любя Россию, досрочно оценил значение Крещения Руси, то... и говорить нечего, что сделали бы с Бедным.

В этом я усматриваю жалкое, подневольное положение «пророка», посвященного в призвание глаголом жечь сердца людей. И как, уязвленный в самом существе своей личности творца, могу я свободно судить о деятельности вождей в целом. Могу ли я, задетый лично, выступать против людей, отказывающихся от всего личного во имя будущей социалистической родины. Уязвленный лично, я не могу судить беспристрастно и оттого молчу и как литератор, и как гражданин.

18 Декабря. В Толстом заключается вся наша революция в зародыше. Толстовство — это начало революции, замаскированной в религиозно-этическую реформацию. Читая Толстого (дневники 1910), надо думать о современности, в особенности ярко выступают Горький, Сталин в их привязанности к материи, к счастью. На первый взгляд кажется, они диаметрально противоположны Толстому, на самом деле — дети его. Правда, если, напр., Петр I разорвал связь с прошлым, переехал на другое, пустынное место, — ему прежде всего надо строиться. И на-

чал строить новую Россию, целиком занятый материалами. Такое же строительство и Сталина. Толстой рванул и ушел, а с народом как же иначе возиться, как не устраивая его счастье.

<*На полях:* Знакомый.

Не забыть. Коля Куликов <*зачеркнуто:* познакомился с писателем Пришвиным>. Раз он ехал в большом страхе, потому что ему должен был встретиться новый начальник. Вдруг его обогнал Пришвин, поклонился и [проехал]. И только обогнал, показался впереди автомобиль начальника. — Стой! — крикнул начальник и высунул руку. — Это кто проехал? — спросил Колю начальник. — Пришвин, — ответил Коля. — Писатель? — Да, писатель Пришвин. — Это тебе он кланялся? — Мне, мы знакомы. И вам тоже, кажется, кланялся. — Да, кланялся, да вот я не узнал, неловко, а мы знакомы.

После того начальник вышел, стал осматривать машину, а мне хоть бы что. Так, я заметил, часто бывает между людьми: хоть вот один общий знакомый найдется, и почему-то легче становится.

(Узнать у Коли — какой это был начальник и почему он его боялся.)>

Из «Шоферских рассказов».

Своя машинка. Премия.

Начало рассказа: «Как надо и как я хочу». Это было еще в то время, когда газики, копия модели Форд А, выпускались с кузовами торпедо, а не как теперь выпускают М, с лимузинами. В то время <*приписка:* первое время, когда только-только завод стал на свои ноги> два лучших мастера на конвейере Мартын Генрихсон, родом из Латвии, и Андрей Платонов из-под Лебядни были впервые премированы автомобилями, Генрихсон поздней осенью и через полгода в разгар весны Платонов.

Все завидовали Генрихсону, когда он, выбрав себе машину на конвейере, сел за руль. В числе других рабочих мне тоже удалось посмотреть в этот момент на Генрихсона. И вот, скажу сейчас, что было мне удивительно. Каждый ведь день я провожал машины с конвейера, и ни разу не чувствовал я по-настоящему, что это за священный момент на заводе, когда машина сходит с конвейера.

Генрихсона я знал хорошо. Он из Латвии попал к нам еще во время германской войны, женился на русской, занялся своей механикой, да и застрял: вроде как бы понравилось. Но и правда, уважали его все, дотошный человек был и любил нам всегда

говорить: «русский человек работает как ему хочется, а я работаю как надо». Но любил наших рабочих, часто смеялся. И было чему посмеяться в то время. Ведь прямо тут из деревни Монастырки серый мужик поступал на завод, от самых простых работ по уборке переходил к простым машинам, от простых к сложным и так собирался в рабочего, как из грубых частей на конвейере собирается машина. Не смеясь говорил Генрихсон: «Машина умней нас, она учит нас. Машина учит, как надо работать, а русский человек не хочет как надо, а хочет: я сам».

В числе других рабочих мне удалось посмотреть на Генрихсона, когда он, выбрав себе на конвейере, впервые сел в свою машинку. Каждый день я видел, как сходили машины с конвейера, но когда Генрихсон сел, то и мне стало будто я сам сел в свою машинку. Некоторые шоферы научились врать, будто ему общественная машина все равно что своя.

<*Зачеркнуто:* Фарисеи! — говорю я им, — не знаете, что говорите, лицедеи: нет у вас ничего и не будет у вас ничего. Говорят! А дай-ка ему свою машину.>

Да, да, послушать — все говорят. А дай ему машину свою — запоет другую песню. Знаю я эти повадки. Генрихсон не такой, он как сел, так и мы все будто сели, каждый в свою машинку.

И тут я впервые понял, что за чудо это бывает, когда машина сходит с конвейера. С того времени, когда на скелет машины спускается сверху кузов — вы видите дальше, что по конвейеру дальше движется уже настоящая машина и только что не сама идет, а движет ее конвейер. И шофер садится, заводит. Видишь, как задышала машина. Но все еще не проснулась. Маша у нас одна была, в кошке сидела и развозила <*приписка:* [разливала]> металлическое литье по формам. Раз сама попала в литьё и сгорела в металле. Я вспомнил эту Машу, когда Генрихсон подъехал к концу конвейера, дал газ, включил сцепление и машина покатилась сама. Как это сама, откуда взялось?

Вспомнил я тут сгоревшую Машу и всех нас и себя самого пожалел: все мы это, силу свою отдали. Человек захотел, и машина пошла. И вспомнил еще, как Генрихсон говорил: «Не надо делать как "я хочу", надо делать как надо: машина умней нас». Посмотрел бы он тогда со стороны, с каким лицом он скатился с конвейера и дальше, полукругом завернув, вылетел за ворота сборочного цеха. У них у латышей, когда рады, лицо так и пышет. — Своя машинка! — сказал возле меня рабочий,

тоже, верно, понимая по Генрихсону, как и я понял в ту минуту конвейер.

<*На полях:* Завод в единстве, станки везде, как свечи стали>

Вылетев из цеха, Генрихсон заехал к себе, забрал жену и детей, покатался и скоро вернулся. Он себе сразу же право выхлопотал держать машину при цехе в ремонтном гараже и заниматься в выходные дни. Вот с тех пор это и началось у Генрихсона, машина ему стала как вторая самая разорительная жена. Чего только он для нее ни придумывал, чего ни доставал. Достал усиленные баллоны — мало того! Поставил и супербаллоны. Придумал экономичный карбюратор. Лишился выходных дней. Жена стала появляться. Прокатит полчаса, а потом три часа чистит, полирует. Иностранцы посещали завод, к нему стали заводить в ремонтную и показывать.

Ровно через шесть месяцев съехал с конвейера второй замечательный мастер автосборочного цеха Андрей Платонов и тоже с разрешения начальника цеха временно получил разрешение ставить машину в ремонтный гараж. Андрей Платонов самый русский человек, весел бывает и доволен жизнью только если выпьет. Лицо худое, длинное, цвета в щеках давно нет, и никогда щеками не смеется. Но зато глазами по-своему улыбается и вдруг что-нибудь придумает, засветится весь.

Жарко у нас бывало в цеху, или от работы внутри горит: часто пить хочется, и для этого у нас в цеху там и тут были [баки]. Бывало, начнет Платонов, пьет. Станешь в очередь. Заметит — бросит, отойдет. А ты напьешься — окажется, он это для тебя бросил. Такой тихий человек и задумчивый. Мы очень обрадовались, когда начальство его работу заметило, и не завидовали, когда ему дали машину.

Так сошлись они с Генрихсоном в гараже, когда Андрей сделал свой полукруг, с конвейера [ввел] свою новую машину в гараж. Генрихсон в это время там синей кисточкой переделывал зеленый кантик по черной лакировке кузова на белый, и выходило много красивей: зеленое по черному было менее заметно, а беленький кантик очень украшал.

— Самая разорительная жена, — сказал Генрихсон.

— Забрала же она тебя в руки, — сказал Андрей.

— Так надо, — ответил Генрихсон, — погоди, вот и тебя твоя заберет.

— Нет, [ответил], меня не заберет.

— Заберет.

— Нет, едва ли.

— Хочешь спорить?

— Давай!

Поспорили.

Посидев немного, Андрей собрался уезжать.

— Машина умная вещь, — она учит нас порядку... у нее больше ума, вот погоди, увидишь: заберет она тебя в руки.

— Не заберет, — сказал Андрей и уехал.

Много раз потом в дружеской беседе — он когда выпьет, делается таким разговорчивым — рассказывал мне Андрей об этом своем замечательном выезде на своей машине. Как эта мысль о том, что не заберет его в руки машина, продолжалась у него и за рулем. И как росла у него за рулем и подсказывала ему. И в конце концов соблазнила. Заехал куда надо и там выпил и взял с собой. Когда выпьешь, это известно — каждый шофер это знает, кажется, много увереннее ведешь, и чем больше пьешь, то не как по земле пьяный, качаешься, а очень уверенный [бываешь]. Андрей пил глоточками и с каждым глоточком шептал: — Нет, меня не заберет, нет, меня не заберет. — И вот стала земля отделяться, а он, повторяя «нет, не заберет!», стал подниматься все выше и выше...

<*На полях:* Смешной он, так любит читать, из Гоголя взял [сюжет]... Земля отделилась, и за черевичками на чёрте летел.>

Возле сборочного цеха у самого окна ремонтного гаража в то время валялись скелеты разных аварийных машин, безнадежно ожидающих ремонта. Под вечер, когда наша смена кончилась, мы расселись тут на скелетах покурить, покумекать.

Кое-кто был тут из молодых инженеров, недавно работавших у самого Форда в Америке. Генрихсон пришел. Инженеры нам рассказывали удивительные сказки про Форда: что там кто-то окурки на дворе собирал и тем больше зарабатывал, чем инженер. Спорили между собой инженеры, сравнивая американских и русских рабочих.

Один инженер раскрывал такую мысль, что во всяком труде рабочий, с одной стороны, чувствует, как надо работать, а с другой, как самому хочется, и что правильное [со]отношение одного и другого определяет все качество работы. Если чересчур много «надо» — получается немецкая работа: машина выходит хорошая, но безличная, если рабочий и знает как надо и как

хочется самому: машина английская, высокого качества, но дорогая. С этим не спорили другие инженеры. Но в оценке нашего труда они разошлись. Одни инженеры говорили, что наш труд губит кустарщина, наследие ремесленной эпохи: каждый рабочий хочет работать по-своему и не может подчинить свою волю тому, как надо. Другие инженеры говорили, что пока и требовать ничего нельзя от мужика из Монастырки. А вот когда они сами мужика научат, как надо работать...

— Нашего рабочего машина не заберет, — сказал кто-то.

— Заберет! — говорил другой.

Спор выходил точно такой, как у Генрихсона с Андреем. Услыхав это, Генрихсон сказал от себя:

— Когда это будет или не будет, мы ничего об этом сказать вперед не можем, товарищи. Может быть, будет, а может быть, не будет. Я говорю, что есть сейчас: машина умная, и пока нам у машины надо учиться. И ничего худого не будет, если мы у машины будем учиться.

При этих словах вдали на том конце огромного двора показалось большое облако дыма и направилось к нам. Из этого облака показалась большая пятитонная машина и на буксире поломанная полуторатонка с остатками склянок дымящейся серной кислоты, и в этом дыму лежал почти бесформенный газик. Оказалось, это Андрей, поднимаясь на небо, на огромной скорости вставил машину свою в полуторатонку, нагруженную серной кислотой. К счастью, каким-то чудом сам уцелел и бледный сидел подле: хмель все-таки из него вышел, и он, увидав Генрихсона, сказал:

— Вот видишь, меня машина не забрала.

— И ничего хорошего нет, совсем бы не следовало тебе ее и давать.

<*На полях:* С тревогой мы спросили про Андрея.

— А что Андрей, пьяница и ему...

— Жив.

— Пьяница всегда жив остается, только вот машины: две машины разбил и серной кислоты на две тысячи рублей.

Инженер: — Теперь будет выплачивать.

— Я говорил, что зажмет, — сказал Генрихсон после Андрею, — не тем, так другим зажмет: я делаю как надо, и она как самая разорительная жена, а ты делаешь как хочется, и она тебе как любовница.>

У Лидии ум был насмешливый, очень была наблюдательна, — почему же ей Толстой был неприятен и даже не особенно умен. Лидия, верно, не поняла, что такому, как Толстой, непременно должно было быть юродом. Попробуй-ка сама стать хотя бы на один день в витрину на Кузнецком: хороша будешь! И какого живого человека еще не оглупила слава. Горький? В славе человек если не сходит с ума, то сходит со своего места: он не как мы, и это может быть неприятно.

20 Декабря. Выпала достаточная пороша (завтра поохотимся!) и сейчас (утром на рассвете) потихоньку идет.

Вчера ездил в Москву. Слышал от Безрукого о «вакханалии» писателей. Это понятно: раз счастье делается как пирог, то бесцеремонные люди должны отхватывать первые от пирога (нам тоже ведь попадает). Среда до крайности неприятная, но высовываться с протестом не надо: или заклюют, или сделают из тебя чучело нравственности и сами, обнажаясь до крайности, будут вешать на тебя свою одежду, как на вешалку. Если заденут, тогда другое дело.

Деревенская баба, увидав калошу, лезет, разбрасывая очередь, чуть ребенка у другой не выбила... Откуда эта непристойность деревенской женщины: в деревенском быту ведь столько всяких церемоний? Очевидно, быт, разбиваясь, освобождает животность, как вода выделяет скрытую теплоту: это грубая жажда жизни и ничем не отличается от жажды жизни писателей, выхватывающих первые куски от пирога счастья. Надо ведь только вспомнить ту этическую силу, которая регулировала нравы нашей среды, напр., в эпоху Глеба Успенского. Но в декадентское время уже была и вакханалия, но и... Нет, шума из этого делать не стоит: с этой непристойностью литературы ничего не поделаешь.

Глядя на бедность крестьян, Толстой очень страдал и тяготился своей барской жизнью. Такой-то работник! Но дело в том, что другие бары жили лучше его и вовсе ничего не делали. Он, очевидно, стыдился этой принадлежности к их классу, как я сейчас стыжусь принадлежности своей к «Дому писателей».

Рассказ Левы о человеке на пути и его похождения: почему-то стыдно за Леву и жалко начальника.

Письмо Дмитрию Ивановичу Волкову, бывшему миллионеру, теперь собственнику дневника, который ему теперь много дороже тех миллионов. Это у меня (хранение дневника) вышло настоящее, органическое доброе дело, подобно созданию книжки для детей «Зверь Бурундук». Выходило так, что я делал для себя, но это «для себя» в то же время значило и для других. Это доказывает, что в душе человека есть такой род собственности, который является одновременно и личной собственностью, и общественной. Можно поэтому представить себе и коммунизм, обратный этому: пустой внутри и даже насыщенный злобой.

Например, капиталистический собственник Форд, по моему рассуждению, является добродетельным общественником. «Злая» собственность (баба на калошу лезет) лишь как личное качество злого человека. Так что и капитализм в отношении зла... и коммунизм... это системы, не имеющие отношения к личной этике: это условия, вроде как для жизни червя условием является сырая земля, а нянька думала, что земля не условие, а причина. То же думают теперь о коммунизме многие, как нянька о земле, что счастливый человек выведется, как червяк. Но вот создались условия, все заговорили о счастливой жизни, но счастливого человека не оказывалось. Чего это червям не хватает?

Киев. Секретарю... Постышеву.
<*Приписка:* Украинский ЦК партии т. Постышеву.>

Глубокоуважаемый т. Постышев!

Позвольте в лице Вашем выразить мою признательность за перевод моей книги для детей «Зверь Бурундук» на украинский язык. Вместе с тем разрешите мне обратиться к Вам с просьбой устранить маленькие недостатки Украинского государств. издательства детской литературы. Мне известны случаи, когда «Детвидав» издавал книги великорусских <*зачеркнуто:* авторов>, вовсе не считаясь с их авторами и с правами. В частности, напр., моя книга была издана без моего ведома, и я узнал об ее издании, случайно увидев ее в витрине Моск. книжного магазина.

Между тем, если бы «Детвидав» вошел со мной в сношение, как это в отношении той же самой книги сделали отдаленные страны (Англия) и даже враждебные (Германия), то я мог бы книгу дополнить новыми рассказами, более близкими украинскому читателю, чем наши северные. <*Зачеркнуто:* Точно так

же и в отношении гонорара тоже получается неловкость: такие страны, как Англия, не состоящие с нами в литер. соглашении, почему-то считают своим долгом присылать гонорар, а наша родная Украина этим совсем пренебрегает, считая, что великорусский автор по этому поводу не достоин и разговора.> Не мешало бы, по-моему, также украинскому издательству, если оно почему-либо не может платить авторских гонораров, снестись об этом с автором. <*Зачеркнуто:* Зарубежные издательства, не состоящие с нами в литературной конвенции, в таких случаях назначают небольшой гонорар, который... >

Вот об этих маленьких недостатках механизма Украинского гос. издательства я считаю своим долгом довести до Вашего сведения. Не откажите в распоряжении уведомить меня о последующем.

С уважением

Михаил Пришвин.

<*На полях:* С. А. Толстая: 18 лет
+ 16 =
Женился — 34 Л. Толстой>

Собрание сочинений Михаила Пришвина.

Т. IV. Берендеева чаща.

План.

В основу книги взять план книги «Мой очерк», расширить его вставными очерками до единой целой книги.

Или взять «Мой очерк» почти как есть, и во второй части собрать очерки в историческом порядке от «тещи» до «Берендеевой чащи».

Предисловие.

Том IV называется «Берендеевой чащей» не потому, что в нем содержится последняя очерковая работа автора над лесом «Берендеева чаща», а — что при составлении книги ему трудно было пролезть через чащу написанных им за 30 лет работы всевозможных очерков, начиная о том, «Как я укреплял тещу Никифора», кончая «Берендеевой чащей» и шоферскими рассказами.

Разобраться во всей чаще и сделать из нее мало-мальски законченную книгу непосильно мне, пока еще не пришло время, пока же я прорубил в чаще моих [сочинений] две просеки, чтобы читатель, проходя первой просекой, мог бы пересмот-

реть, как создавался мой очерк и как в нем груда материала превращается в художественное произведение, проходя же второй просекой, читатель был бы заинтересован сменой исторически-бытового содержания разных очерков: автор все тот же, а как жизнь изменилась!

Итак, в основу 1-й части книги, первой просеки я положу изданную в ... году в «Моск. писателе» книгу «Мой очерк», дополнив ее показательными материалами. Не могу сказать, чтобы в 1936 году меня удовлетворяла высказанная мысль об очерке в 1931 году, равно как и <*приписка:* в особенности> клочки из работ Романа Новоселова. Но делать нечего, если новые мысли еще [не] оформлены, приходится [печатать] по прошлому, очень несовершенному.

Вторую просеку я вырубил очень просто, руководствуясь не творчеством качества, а только временем, начиная от «Тещи Никифора», написанной в N-году, кончая «Шоферскими рассказами» 1936 года. С тех пор, как теща Никифора ушла от своего зятя, до тех пор, как я стал шофером, прошло не мало не много, а все те тридцать лет. Много ли примеров найдется в литературе, чтобы газетный очерк с интересом мог бы прочесть новый читатель через 30 лет с тех пор, как он был написан.

Никогда бы я не посмел предложить это блюдо читателю, если бы не чувствовал с каждым годом ближе и ближе к себе современного читателя, не участвовал всем своим существом в современности и не знал бы в ней своего читателя. Такому другу-читателю я должен сказать в оправдание этой моей книги, что прошлое, мало́ оно или не мало́, входит все целиком в состав моих современных действий. И читателю-другу я должен напомнить о том, что во всяком творческом миге [во] всем творчестве моем в настоящем присутствует прошлое все целиком — это происходит, чтобы из настоящего перекинуться в будущее...

Берендеева чаща.
Просека первая.
Мой очерк.
Просека вторая.

21 Декабря. Киснет все больше и больше: +3°, но вечером (а какой день теперь!) или ночью чуть-чуть прихватит, и получается к утру корка. Петя поехал в Москву в Институт, 26-го защищает и конец. А что делать, не знает.

Закончен рассказ «Своя машинка». Трудно эти рассказы писать, гораздо труднее романа, но замах нужен на роман, не хватает духа, и вот этим отделываешься. Но, кажется, ведь не дурак.

22 Декабря. Ночь простояла на +3, корка исчезла, зернистый снег, должна быть хорошая охота.

Заменимый человек. «О людях не думайте: это везде. Было бы самому возможно устроиться, а устроитесь — человек явится, за этим не станет». И это правда, человек этот со всей человеческой гаммой от мерзкого до святого распределен равномерно всюду, как осенью на зеленях иногда равномерно лежит паутина. Что это за «человек»? Не сродни ли он тому же безликому существу, той плазме, об условиях существования которой печется государственный человек (Саид Татаринов). К этому человеку не надо привязываться: он заменим, он везде. И разговора не может быть об утрате: он заменим, он везде.

Между тем к этому есть особое чувство, можно любить эту человечину, можно ненавидеть: сейчас, по-моему, ее ненавидят, а любили в эпоху эсерства (Глеба Успенского). Основное свойство этого человека — что он заменим, тогда как в христианском понимании человек (личность) незаменим и является на земле всегда единственным. В этом и есть все наше разногласие с нашим временем.

<*На полях:* Все проекты социалистического «счастья» относятся к человеку заменимому: тут ведь своя воля. А в отношении к человеку незаменимому: тут уже не своя воля, потому что приходится считаться с существом небывалым, и положение свое тоже небывалое, и ниоткуда его не выведешь. Каждый, подходя к такому узлу своей жизни, по наивности ищет советов, но их быть не может, и если даже Старец, то... сила сверхъестественная, божественная: чудо от Бога, где: личность как представитель Бога на земле.>

В споре Толстого с женой замечательно место, где он прекращение брачных отношений считает условием для просветления духа, а она в этом видит главную причину «охлаждения»: в этих брачных отношениях — «человек везде», а в прекращении — (по-толстовски) личность: ему высота, ей — снижение: болезнь, старость.

23 Декабря. Вчера ходил по зернистому снегу в лесу, как весной: будто пух, а нога по земле (так под снегом и не успела застыть земля). Только дорога еще держится. Солнце было, и все, как весной: птицы пели. На елках шишки, как награда... Трубач гнал зайца от Параклита до Фермы: заяц долго бежал по берегу реки: прыгнуть — широко, перейти — вода; наконец нашлось затянутое льдом место, перешел, и за ним Трубач. На той стороне Трубач его затерял, а я не мог перейти помочь.

Петя привез приемник. Рассказ «Своя машинка» наполовину переписан. Хорош.

Продолжаю разбирать драму Толстого по дневникам 1910 г. Очень тяжело, но, читая, сам становишься на высоту и видишь свои поступки в прошлом смешными: заключить бы и на сегодня — но нет: сегодня кажешься себе мудрецом.

В технике говорят «заело», когда какая-нибудь постоянно движущаяся часть механизма бывает зажата другими, большей частью неподвижными частями. В душевной жизни человека вечно движущаяся мысль иногда бывает заедена какой-нибудь «неприятностью» вроде бревна в речном заторе, и вода накопляет возле этого бревна все: это бревно соответствует неподвижной мысли. (На этом основана история, напр., у Софьи Андреевны мысль о Черткове.) Еще есть страх перед заговором, тайной вокруг тебя.

У мудрецов нет тайн (см. С. А. 140).

Политика вся на тайне стоит: я этого органически не мог вынести.

Вина Толстого и всех таких учителей, что «хозяйственную часть» своей личности они передают в руки других, и когда те, чем-нибудь обиженные, восстают, то все учение летит (восстание Соф. Андр. = пролетариату; гибель неплюевской общины, оязычение церкви и т. п.).

У Толстого «любовь» его заключает в себе главным образом чувство личного долга перед людьми, у Молочникова эта же любовь есть флаг толстовства.

К старости вокруг себя, в непосредственной близости надо устроить мир (тишину). Это основное условие жизни, и в этом Толстому было отказано. (Пустыня вокруг старика должна расти, — кому же старик интересен! но мудрец должен выходить из пустыни.)

Обдумать, в какой степени должны быть обязанности к писательству — к себе как к учреждению, и чем они должны питаться и не лучше ли за собой эти следы заметать... Толстой всех заразил дневниками, все вокруг жизнь записывали — а надо ли?

«Брачные отношения» как нечто от себя не зависящее, более сложное, чем <*зачеркнуто: я*> своя воля...

Установил приемник и впустил в свою тишину музыкальный базар всего мира. Подивился опять, до чего же все подготовляется к тому, чтобы человек мог жить одиноко.

Ходил с Трубачом. Следы расплылись, другие следы протаяли до земли. Очевидно, нельзя было в них разобраться, ни одного зайца не подняли. В большом лесу, как весной, под деревьями проталины.

Вечером выпала пороша, но температура понизилась, образовалась корка, и охота стала невозможной.

24 Декабря. Слушал «Паяцы» по радио, и мне пришло в голову, что слава писателя и радиоприемник одинаково дают чувство личной свободы. Правда, ведь только благодаря славе я получаю возможность заниматься чем мне хочется: сколько, напр., я в лесах тратил времени на всякие радующие меня глупости, из чего вышли мои охотничьи рассказы и оправдали все эти глупости. Приемник то же самое, как и слава, дает возможность распоряжаться по своей воле каким-то богатством. Деньги тоже тем же хороши...

Но вся эта мощь хороша только в том случае, если на все это есть хозяин, которому все это подвластно, если же, напротив, слава, деньги и «культурные ценности» стирают личность в человеке и делают жалким своим потребителем, неспособным в решительный момент все это зашвырнуть, то вот и получается то «мещанство», из-за которого, напр., жена Толстого отправила мужа своего на тот свет. Это именно «женская часть», скопляющая жизнь в быт (конденсатор жизни), терпимый, однако, до тех пор, пока есть хозяин, его допускающий, но от него независимый. В моей повести хозяин должен все это вышвырнуть.

Толстой, в сущности, так и сделал и поступил правильно, и то правильно было, что жену он все время жалел; плохо одно, что, жалея, он затянул все и тем сделал худо для всех.

Мой герой выбросит эту «начинку» вовремя и тем спасет женщину.

В. А. Молочников (один из самых противнейших толстовцев) пользовался Толстым для революции и революцией прикрывался в оправдание своей злости и глупости. Его жена, простая хорошая русская женщина, раскусила его как существо «легкое», но должна была жить и мучиться с ним из-за детей.

В доме (кажется, собственном) этого слесаря была довольно большая мастерская, и там работало несколько рабочих. В комнате же (кабинете) хозяина в эту мастерскую было проделано маленькое окошечко с задвижкой. Хозяин-толстовец читает или пишет, а когда надо, вдруг отодвигает задвижку и подсматривает в окошко за работниками.

Молочников в смысле творчества был абсолютно глуп, но, как еврей, практичен и претенциозен: и Толстого и революцию он приспособил для себя. И вот Толстой такому дураку написал 40 писем! Разве это тоже не «глупость»! Так что есть глупость от ума <*приписка:* (образованные дураки)>, и есть ум от глупости.

Переписал, поправил окончательно рассказ «Своя машинка» и как будто им доволен. Этот рассказ должен быть тем желанным народным, понятным моим рассказом и в то же время производственным и отвечающим современности, рассказ, в реализме своем доведенный до сказки. Я напечатаю его в «Известиях», если только умный редактор опять не отроет в нем вредного смысла. В этом отношении никакого редактора перехитрить теперь невозможно: редактор всегда умнее писателя и им пользуется: писатель — это сырье. Если мне удается этот их ум преодолеть, то исключительно той простотой, которая всего на свете умней. Если рассказ окажется хорош, то он даст мне смелость написать в этом роде и современную повесть.

<*На полях:* Любовь к врагам.
Высота горы (чтение Толстого).>

25 Декабря. Ночью выпал снег. Петя едет в Москву. Отправляю в «Известия» «Своя машинка». Приступаю к составлению IV тома.

Продолжаю разбирать семейную драму Толстого.

Та высота, которую чувствуешь, читая дневник Толстого 1910 г., несмотря на все сомнения, происходит от мысли о люб-

ви к врагу, от которой и происходит всякая другая толстовская «любовь», противопоставляясь нашей обыкновенной любви как «пристрастию» (определение самого Толстого).

В этом свете появляется моя задача добиться увековечения этой любви-пристрастия (т. е. посредством творчества выбросить из этой любви смертные остатки и сохранить бессмертные). Этот путь дает 1) смирение, 2) творчество. Толстовский путь разрыва обеспечивает 1) гордыню, 2) прекращение творчества, 3) нелюбовь к людям. (Замечательно, что в 1910 году у Толстого нет ни одного слова о природе: она для него умерла и люди, он «отходил».)

John G. Gifford сказал: «Der Drang zum Herrschen ist im primitiven Menschen nicht sehr klar ausgeprägt, besonders nicht im Indianer. Er herrschte selten ueber die Dinge, die ihn umgaben, denn er fühlte sich als ein Teil der Natur und nicht als ihr Herr»[1] (т. е. считал себя частью органического целого, превосходящего его личность: «да будет воля Твоя!»).

Слушал оперу «Евгений Онегин» и думал о том образе, которому адресовалось письмо Татьяны, и о том, к кому оно попало: девичьем образе любви; что отними образ, и будет свинство = без-образие; этот образ и есть начальный, исток равно как искусства, [так] и рода: в первом случае дитя в искусстве, во втором: дитя в... как назвать? жизни (искусство тоже есть жизнь) или в роду (дитя искусства и дитя рода человеческого).

Долг Татьяны (жизнь со стариком) вышел из первообраза, как у меня в «Жень-шене»: сложилась жизнь: жизнь течет и жизнь складывается, но сила первого образа остается там и тут.

Расширение души – мысль Джеффери выражена мною в «Журавлиной родине» (творчество жизни).

Спайка (узел) любви-эроса и любви-долга, то и другое в единстве личности у Пушкина вышло прекрасно. В толстовской «любви» (аскетической), [которая] противопоставлена «пристрастию», этой спайки не чувствуется, и стоит вопрос: не есть ли эта «любовь» в своем происхождении «лишней мыс-

[1] «Склонность к господству у примитивных народов выражена не очень ярко, особенно у индейца. Он редко властвует над окружающими его вещами, так как чувствует себя частью природы, а не ее господином» (*нем.*).

лью». Любовь на столбах («Держусь»). Скажет «любовь» и тут же «держусь» — как будто эта любовь у него мост на ненадежных столбах и, переходя, он шепчет «держусь» и «помоги, Господи, перейти». <*Приписка:* Любовь Толстого.>

26 Декабря. Ночью приехал Петя, я утром ушел на охоту (какая пороша, какой день! и мороз, и солнце). Проснувшись, Петя бросился вслед за мной, но попал не на ту дорогу. Вышло так, что Трубач поднял зайца возле него, а возле меня чужая собака, которую я принял по голосу за свою. Петя ушел за Трубачом, а чужая собака бросила зайца, и я, сердитый-рассердитый, вернулся домой. Последний год я на прогулках в лесу без ружья стал гораздо больше получать, чем с ружьем. По-видимому, надо от охоты отставать и переходить на рыбную ловлю.

Два миропонимания: 1) Восточное: человек считает себя частью огромного целого, «мира», поэтому он себя благоговейно подчиняет этому целому, или Богу.

2) Европейское (Западное): человек считает себя господином мира и создает систему господства, называемую им цивилизацией.

Демократия, социализм, коммунизм — это только названия этапов цивилизации как системы господства.

Внутренней силой цивилизации является стремление к счастью, внешней — наука.

Вот почему Толстой презирал науку, а Горький ее обожествлял.

<*На полях:* Как двое чувствовали одно и то же.>

Господство таится во внутренней животной природе человека и, по-видимому, свойственно почти каждому, а не так, чтобы люди разделялись бы на активных и пассивных: если бы не страшно было, то каждый начал бы господствовать: и цивилизация открывает это для всякого. Есть в этом отношении чувствования ужаснейшие, и если бы им дать волю, то «господа» открыли бы в себе древнейшие инстинкты.

Когда моя собака Трубач догоняет зайца, впускает молодые зубы в живое мясо и спешно (чтобы успеть до охотников) глотает куски горячего, кровавого мяса прямо с кожей и шерстью, то можно себе допустить возможность такого рода счастья и у людей (страшно, отвратительно, и в то же время тянет испытать).

И цивилизация, открывая всем и каждому ворота в «счастье», непременно и дошла бы до самоистребления, если бы навстречу индивидуальному счастью не шло общественное в идее эгалитарности (равенства, «уравниловки»). Так движение к счастью посредством господства (или наоборот) должно непременно рано или поздно привести людей к системе, в которой личность попадает в неволю механизма.

NB. У Бострема чувство это усиливается до крайности вследствие личных неудач, желания объяснить свое существование (вернее, открыть его смысл), такого рода люди представляют себе эгалитарность и машинизацию прямо возле себя непосредственно и рядом с этим безграничную глубину своей личности, еще один шаг — и личность эта, в поисках воплощения, превращается в Übermensch'а[1] — в высоких натурах и в анархиста — у многих. Говорят, что этот Übermensch в своей эволюции должен сделаться Христом.

Книг много, но идей, в которых движется современное человечество, немного, их конспект надо всегда держать в ясном сознании для того, чтобы поток родственного внимания и реализации своей личности в нем (творчество) проходил бы как река, систематически размывающая свои берега.

27 Декабря. Светлый морозный день.

Ошибка Толстого. (Вроде рассказа.) Мы шли по следу зайца — обратному. Заяц прятал искусно свой след в своем старом следу, иногда пользовался лыжницей, а то лисьим следом, чем ближе к лежке, тем скачки делались больше (прятал) и т. д. (собрать материалы о следах и соединить с рассказом о зайце на куче хвороста).

Явился вопрос о рассказе Толстого о зайце, который он заключает тем, что заяц прыгает на заре от звуков, а охотники думают, что это он прячет след. (Привести самый рассказ.)

Вопрос: почему такой охотник, как Толстой, ошибся так грубо? Ответ: потому что он охотился, т. е. гонялся с борзыми или стрелял из ружья, а выслеживать самую жизнь зайца и выставлять на охотника поручал егерям.

Точно так же и во всей своей жизни писателя: он сам писал и учил, а самой жизнью его занималась жена Соф. Андр.: она вела все его хозяйство по имению, по продаже сочинений и пр.

[1] Übermensch — сверхчеловек (*нем.*).

И это разделение собственной жизни на [духовную и] материальную, порученную жене и служащим (секретарю, доктору по его телу и проч.), привело мысль его к разделению жизни на духовную (более важную и единственно ценную) и материальную (им презираемую, когда потребности сократились к старости до предела).

Отсюда, из такой ошибки возникает вопрос о единстве: как устроить жизнь, чтобы она протекала в единстве материального и духовного. Это путь творчества, в котором, напр., слово (образ) получает физическую силу, а материя (в страстях творчества) становится легкой, как эфир, ароматной, как весенний чернозем, и цветисто прекрасной, как небесный воздух.

<*На полях:* Философия для детей.
Рассказ для детей.
Мы с Петей шли по следу зайца. Петя читал рассказ Толстого и... Беседа с Петей о следах зайцев.>

Клесты в солнечный день разыгрались на елках (шишки на солнце как награда). Один из клестов воткнул нос в шишку и решился с ней перелететь на другое дерево, кто пересилит, клест шишку или шишка вниз потянет клеста?

Дятел тащил шишку в свою мастерскую в носу (см. выше, как он ее устраивал).

Со мной шел маленький Миша по заячьему следу. Вчера моя собака пригнала его сюда к самому городу из далекого леса. Интересно было узнать, вернулся ли заяц на старое место в лес или на некоторое время остался жить здесь около людей в парках и в хорошо заросших оврагах. Обошли... Если он возвратился, то три следа... Нашли третий. Я сказал: по этому следу он возвратился к себе в старый лес. След был свеженький. Мне представилось, что заяц только что прошел. — Где же он ночевал? — спросил Миша. <*Зачеркнуто:* — Что значит заяц ночевал? — удивился я вопросу мальчика> На мгновенье вопрос сбил меня с толку, но я опомнился и ответил: — Это мы ночуем, — ответил я, — а заяц ночью живет: ночью он и прошел здесь, а дневать ушел в лес, и там теперь он лежит, отдыхает. Это мы ночуем, а зайцы днюют, и им днем гораздо страшней, чем нам ночью.

<*На полях:* Иногда так задумаешься, что в рассеянности ставишь самый глупый вопрос: так я сегодня спросил Петю: где же заяц ночевал? Глупо, но по-детски гениально.

В этом доказательство близости безумия и гения: а у детей это так часто, что мы и не замечаем.>

Кажется, всерьез взялся составлять IV Том «Берендеева чаща» (Просека первая, Просека вторая).

Рассказы о граммофоне (ария Ленского), о радиоприемнике (старики), о машине.

Ефрос. Павл. состоит вся из сказок и песен. Я ее сохранил в том состоянии. Но все это скрылось внутрь. Вчера слушали по радио «Русалку»: князь, русалка и все другое. Она была потрясена и спросила: — Значит, все опять возвращается? — Что? — Вот князь и русалка, давно ли были комсомольцы и пионеры, а теперь...

<*На полях:* Радиоприемник. Старушка-песенница и сказочница живет со мной. Я ее сохранил. Но во время революции она напугалась и замолкла. Я купил приемник. Русалка. Ее вопрос. Я не стал огорчать и ответил: — Помнишь, я говорил тебе, что все старое вернется и так хорошо. Ну вот видишь: оно вернулось. (Начало: Я утешал ее: — Погоди, потерпи, все хорошее старое не умрет, все вернется.)>

В юности однажды до того мне досталось, что о внутреннем моем страдании стало заметно по работе. Немка, жена Главноуправляющего, это заметила и потихоньку спросила меня, чем это я так расстроен. Я встретил первого человека, кто проявил живое участие. Я ей все рассказал. — Ну, я вас сейчас вылечу, — сказала добрая фрау Гельцерман и велела мне отнести в сад граммофон.

Там было много цветущей сирени и везде пели соловьи. Еще там была посеяна фацелия для пчел, и ярко-синяя цветущая поляна вся гудела пчелами. Фрау Гельцерман принесла пластинку, завела, и в граммофоне знаменитый в то время певец Собинов запел арию Ленского. Фрау Гельцерман восхищенно-добрыми глазами смотрела на меня, готовая помочь мне всем, чем могла. Каждое слово Собинова, казалось мне, пронизывалось звуками соловья, пропитывалось медом фацелии, пахло ароматом сирени.

С тех пор прошло множество лет. И когда мне случится слышать где-нибудь арию Ленского, то все непременно возвращается: пчелы, синяя фацелия, соловьи и сирень.

Тогда я не понял, но теперь знаю, что фрау Гельцерман действительно вылечила меня, и когда все вокруг меня начинают с презрением говорить о граммофоне, я молчу...

28 Декабря. И хорошо напорошило, и несколько раз в день подпорашивало. Сильный ветер.

Весь день занимался составлением IV тома, не удалось кончить: пришел Бострем.

Перемена, происходящая во мне, была им замечена.

Человек, который овладевал машиной подобно тому, как кузнец Вакула черта крестил — вдруг узнал, что об этом рассказано у Гете: Фауст овладел Мефистофелем, но Маргарита из тюрьмы за ним не пошла. Он и знал, но не догадывался, что его переживание кем-то обдумано: переживая сам лично в первый раз, он думал, что и весь мир это в первый раз переживает (открытие Америки). Но как же быть: ведь надо же самому переживать лично всем существом, а не по книжке. Когда дойдет до себя, то каждый вновь открывает Америку.

Несомненно, мое охотничье юродство приходит к концу, не потому что стало бы особенно жалко убивать, а просто я достаточно воспитался, чтобы находить интерес в природе и без охоты. Стала мешать охота. Но, отходя от охоты, очень постепенно, ни в коем случае не надо из этого делать какой-нибудь «перелом». Попробую заняться рыбой. Кстати, почему все рыбаки всегда как-то интеллигентней охотников?

29 Декабря. Морозный ветер, метель.

Ездил в Москву, с грехом пополам сдал IV том. Встретил Огнева (Розанова), того самого писателя, о котором рассказывал кто-то: находится в отчаянном положении, с утра до вечера ничего не делает, скучает, не знает, что писать. А теперь при встрече он начал оживленно рассказывать о своей педагогической общественной деятельности и хвалить молодежь. Я взялся было искренне хвалить его за «выход» из положения и даже прямо с завистью... А он, вдруг подмигнув мне, сказал: — Я это недаром делаю... — Оказывается, он таким образом «собирает материалы».

30 Декабря. Ветер стихает, но мороз −18. Сегодня Петя защищает работу.

При –20° отличное утро, в лесу тепло, в поле ужасно на ветру. Гонял один. Осечка. Длительность рассвета зимой, начиная от возможности различить след на снегу кончая восходом солнца, когда загораются вершины елей, нагруженные подарками.

О книге «Смерть Толстого» (дневник 1910 г.) я так сказал Лукину, что надо дожить, чтобы прочитать эту библию. Если читать не доживая, то надо быть практичным евреем: прочитать и сделать себе практический вывод, напр., не брать женщину моложе себя на 20 лет и т. п. Поэтические же книги (сказки) жизненно многопланны, т. е. они для каждого возраста имеют свой план: они мудры.

О спорте. В спорте выпирает телесность за счет духа. Но я думаю, что все-таки лучше духовность за счет тела, чем телесность за счет духа.

Статья Фейхтвангера против Жида в «Правде» 1936 г. 30 Дек.

Эта статья начинается унижением личности Жида эпитетами «стилист и эстет», после чего очень легко ответить и на все остальное. Совсем плохо о стахановцах. Между тем эта статья вызывает какое-то чувство вроде стыда за то, что сам не можешь почему-то выступить с настоящей защитой Союза, устраняющей защиту «двурушников», к которым и принадлежит, несомненно, этот еврей, способный в любой момент сделаться «Жидом».

Эта статья мне полезна тем, что при обдумывании «естественных прав» личности напоминает о «личном» — которое нужно при восстановлении личности совершенно искоренить.

Истоки личности во мне: ярче всего помню разговор с доктором в Клину (1904?): говорили мы о прогрессе: есть он или нет. Вот, напр., трехполье — отправной пункт, если же к этому дать четырехполье с клевером, то будет прогресс. На это я ответил доктору, что это делается само собой и это вовсе не прогресс: так все растет и движется и людей больше становится и средств существования больше и что даже монархия сменится социализмом — все это сделается, но только само собой. «Прогресс, — сказал я, — не может быть без "я" — если "я" участвую, если от меня исходит и если "я" от себя что-то прибавил (теперь: сотворил), то вот это внутреннее, или внешнее в соотношении с личным — это прогресс».

Это так было сказано приблизительно, и не в словах дело, словами и сейчас не скажешь, но в этом было чувство себя как творческой личности (т. е. чувство без «личностей»: личное без личностей): личное творческое начало, присущее всему человеку, в этом смысле единому. Важно, что это чувство личности (не себя) было, когда я был агрономом, а не писателем: «настоящий» писатель, каким я всегда себя чувствовал, и есть реализация того смутного чувства — догадки о личности, делающей прогресс.

Чувство природы состоит в том, что чувствуешь все с собой в родстве, как будто все во мне есть от крокодила до голубя.

В последнее время начинаю принимать на себя человека, как бы отвечать собою за всех, однако здесь, в отличие от природы, есть в себе «предельный крокодил», во мне, т. е. что под моим крокодилом есть существо человеческое еще покрокодилистей, и то же самое вверх: математики, напр., вроде Эйнштейна, или хирурги, в особенности сестры милосердия — это все выше меня, или, верней, не во мне.

Так что природу я всю вмещаю в себя, а всего человека в себя вместить не могу почему-то. Однако стоит мне почувствовать себя как творческую личность, как вся шкала недоступного мне вверх и вниз всего человека, с [Эйнштейном], хирургами, сестрами милосердия, всякими чертями-подлецами и т. п., исчезает, и моя капля (творческая) сливается с всем океаном, и она отвечает за океан, и сам океан отвечает за каплю: океан и капля — одно. В таком творчески-личном, как бы расправленном человеке (состоящем в твердом состоянии из способностей: «каждому по способностям»). Вот эту творческую личность я и хотел бы противопоставить существу среднему, которое надо накормить, разложив и оценив в нем способности: одному больше, другому меньше. (Спросить знатоков (напр., Разумника), у кого, хотя бы в утопическом виде, разработан в этом смысле коммунизм, т. е. как творчество лиц в едином лице человека.)

<*На полях:* Вопрос о переживании в худ. произведении.>

31 Декабря. Последний день старого года.

В 4 у. приехал Петя. Работу защитил. Вуз окончил. И может смело сказать, вместе с доктором Фаустом, что, пройдя науки все, выходит из Вуза «so klug» [1], как и вступил в него.

[1] so klug — такой умный (*нем.*).

Читая «Серую Сову», думал о фронте цивилизации, об индейцах и радио: был индеец в девственных лесах Канады, работал когда хотел, гулял тоже когда вздумается. Канада же тогда была бедная дикая земля. Когда же пришел цивилизаторский фронт, индеец стал работать 24 часа, но зато Канада прославилась на весь мир пушниной, и радио хлещет ежедневно о счастливой Канаде. Но ведь это капиталистическая система.

Если у нас так же выйдет, мы объясним положение состоянием почти что войны: в принципе мы против этого... Сам по себе принцип... он похож на тот атом, в броне которого заключается сила: так тут есть надежда, без которой нельзя бы жить, надежда, заключенная в принципе. Если бы ее не было где-то, вероятно, и я ничего бы не написал и не было бы у меня читателя.

Петя привез скверное известие. Наумова позвонила в ЦК Комсомола и доложила, что Пришвин не получил повестки на всесоюзное совещание детских писателей. Ей ответили, что Пришвина и не приглашали. Значит, мое выступление против Маршака весной дало теперь урожай: Маршак был оглушен, но отжил и выправил линию.

По существу, если бы про меня просто забыли и не пригласили, пожалуй, я бы и рад был. Но ведь это скажется, во-первых, на издании моих детских книг — раз, второе: уступишь здесь — дурная слава перекинется в общую литературу, пригвоздят какой-нибудь антисемитизм, и пошло гулять. Очевидно, надо весьма резко реагировать, думаю — написать энергичное письмо Косыреву, словом, пройти поверх умных голов и показать им язык.

Таким образом, Новый год начну этим боевым делом. Определиться, разобраться в этом посредством Кожевникова. Затем надо походить по умным людям, вроде Шкловского. Кстати, иметь разговор со Ставским и др. И все это с единственной целью обеспечить себе возможность уединенной работы.

За время моего уединения накопилась та враждебная среда, которая в тот раз («Молодая Гвардия») чуть не погубила меня. Теперь надо, если это от себя зависит, устранить это в смысле «да здравствует разум». К этой кампании надо отнести до крайности обдуманно, все записать, исследовать, обдумать и покончить.

За время долгого уединения накопилось так много в себе, что при первой встрече душа как бы прорывается, это болез-

ненное состояние, в котором можно делать что-нибудь, только отдавая во всем себе письменный отчет.

Маршак для меня становится почти тем же самым ненавистным существом, каким сделался для истеричной С. А. Толстой Чертков. В этом состоянии человек действительно попадает в руки черта, который тащит к погибели. Маршак, надо помнить, всемогущ на какой-то своей волне, а есть такая волна, откуда его можно бить, а он и знать не будет, откуда это: он снизу, а я сверху. Но как это сделать: в Маршаке сидит «жид» — существо, которое должно превратиться в советского честного еврея и никак не превращается. Тут вот где-то и начинается моя истерия, делающая из Маршака черта. Тут надо или очень резкое действие вроде письма Косыреву, или же, если еще возможно, отойти совсем от опасного места, всей этой детской литературы и борьбы за язык. В глубине души я думаю, что все тут само сделается и мое фрондирование имеет значение только оберегания возможности личного творчества. Пусть говорят себе всласть «пару слов» — не в этом дело, это пройдет. Значит, кипятиться-то вовсе и незачем. Возможно, и так обернется, что выгодней не реагировать больше, т. к. зажатие рта за речь против Маршака станет очевидно, положение оппозиционера, возможно, даже и выгодно.

Итак, начинаю:

Письмо Кожевникову. Дорогой А. В. Я было обрадовался, что меня не пригласили на Совещание, думал, забыли... (и слава Богу!) Но Петя привез мне дурную весть, что будто бы намеренно не пригласили. Прошу Вас душевно поговорить с Наумовой и, может быть, еще с кем-нибудь, имея в виду следующее: 1) что это — Маршак сработал, представив мое выступление на почве группировки как политического смутьяна, или же эта беда пришла откуда-нибудь с другой стороны, 2) как тактичнее поступить, имея в виду охрану спокойных условий не только для детской моей литературы, но и всего моего дела — съесть крендель и не обращать внимания или же резко реагировать, напр., письмом Косыреву (или кому?) с просьбой свидания, объяснения и т. п. Вы разберитесь потоньше, помня, что борьба (письмо Косыреву или что там) есть крайнее и нежелательное мне средство, на которое я пойду только при необходимости оберечь свой труд (а то ведь начнут с этого <*приписка:* тут зажмут>, а кончат <*зачеркнуто:* обвинением в антисемитизме да еще и в фашизме: уж очень народ-то сволочной> тем, что

и везде зажмут). Итак, собрав сведения, дайте совет: отойти от говна или взять лопату и зашвырнуть его. <*Зачеркнуто:* После Вашей информации нырну в Москву.>

Когда и где, у вас или у нас будем обмывать дочку.

Письмо осталось лежать на столе. Пошли с Петей на охоту. Ничего путного по многоследице не вышло. Тоска проедала мне сердце. Вырубка представлялась как изорванная, замученная Россия. Больно было до крика.

Но встреча Нового года удалась благодаря радиоприемнику: Левина родня, почти незнакомые мне люди, просидели весь вечер и слова не сказали, потому что говорил и пел приемник. И было хорошо сидеть, быть и не быть с людьми.

Радио — это великий разлучник. И великий обманщик: человек не поет, не беседует с другим человеком, поет и беседует радио за всю страну: и страна выходит счастливая, а о людях ничего сказать нельзя: люди как истуканы сидят.

Прощаясь, я, будучи расстроен и озлоблен, сказал гостям горькие слова и теперь очень боюсь, что эти слова попадут в папку собирателя характеристики писателя Пришвина.

М. М. ПРИШВИН
ДНЕВНИКИ

1936

1937

1 Января. Из старого года в новый перешло горькое чувство, что в эти Пушкинские дни представителем Пушкина являюсь не я, а Маршак с Цыпиным. Сегодня я должен решить: открывать борьбу или глубже спрятаться. В 10 у. был у Кожевникова, который думает что неприглашение меня было сделано «мелкотой», т. е. 3-мя лицами: Маршаком, Ивантером и Цыпиным, что положение их довольно шаткое, вследствие этого стоит написать Косыреву.

Проект письма:

В предпоследнем совещании в ЦК ВЛКСМ в детской литературе я выступал и теперь напомню тезисы своей речи:

1) детская литература как труднейшая является высшим достижением писателя для взрослых. Я это иллюстрировал книгой своих детских рассказов «Зверь Бурундук». 2) Я подверг очень резкой критике деятельность т. Маршака с точки зрения требований русской народности, мое выступление, таким образом, было направлено против отграничения от общей литературы детских писателей и в высшей степени невыгодно для тех писателей детских, которые не в состоянии ничего дать общей литературе. С тех пор как это было высказано, я лично хотел развить эту мысль более конкретно. Однако я не получил приглашения на это совещание.

Не допуская мысли о том, что устранение меня от совещания есть сознательное действие, я послал сына в редакцию «Колхозные ребята» к Наумовой...

Письмо отложено до послезавтра, когда Кожевников привезет материалы. Речь Косырева и план.

Сразу же после того как Кожевников разъяснил, что жулики вовсе не составляют цельной среды, способной, завидев врага, единодушно соединяться, Маршак превратился в маленького неопасного жулика, добить которого есть моя обязанность. Из этого вывод, что я человек душевно раненый и на почве

этой раны-травмы нахожусь у границы больного манией преследования. Это определилось и дошло до мучительного состояния в эпоху Раппа, когда я из страха увидеть свое имя не мог читать газеты.

Я помню, однако, что с детства боялся «тайны», как заговора: они что-то знают и делают вместе против тебя, а ты чувствуешь это, но знать не можешь. Так я ушел от Як. Ив. Мюллера и др. И когда это коснется, то охватывает желание от них скорее подняться, бежать куда-то, спасаться как заяц, пустить в ход ноги. Тогда навертывается множество догадок и всё складывается в страх и трус бежит. Зная это в себе, я сделал из себя храброго зайца, т. е., собравшись с духом, бегу.

Еврейские жулики только потому не сильны, что у них у каждого «рыльце в пушку».

Но я должен теперь остановить «своего Черткова».

Множество жизненных трудностей...

Храбрый заяц. Однажды со мной на охоте был такой случай, что если я расскажу без своих догадок, то никто не поверит. Шел я однажды в лесу. Возле меня шел гончий Соловей. Время для охоты было самое трудное: ночи самые длинные, дни самые короткие. Всю длинную ночь зайцы ходили в лесу, а дожди утром смывали следы. Зайцы давно побелели, а снега еще не было. Белому зайцу очень опасно было днем лежать на заметном месте, и они ложились так и лежали до того крепко, что рядом пройдешь, и он не выскочит. Так вот, мы с Соловьем, сделав большой обход в лесу, возвращались. Как вдруг Соловей остановился на тропе, потянул ноздрями, собрался ползти, сделал громадный прыжок в куст и прямо из-под носа у него вырвался заяц-беляк. Я ждал его, но пришел смущенный Соловей.

Вскоре, выйдя из леса, я увидел крестьянина, который рассказал мне, что Соловей бежал за белым зайцем и настигал его, вдруг заяц обернулся и пошел на собаку, и собака побежала от зайца. Что это такое? Не верю. Но когда мне случается в борьбе с недобрыми людьми испугаться и я почувствую в себе страх, то вспоминаю храброго зайца, собираюсь с силами, иду прямо навстречу, и всегда он бежит.

Из этого рассказа: Соловей побежал по зайцу, прыгнул в кусты. Значит, зайца не было, а Соловей бежал. Было ли так — неправдоподобно. Может быть, заяц увидел впереди летящего на него филина и, забыв о собаке, обернулся. Может быть да-

же, заяц на мгновенье забыл о собаке и побежал, но довольно мгновенья: Соловей, увидав, что заяц бежит на него, в ужасном страхе пустился назад. В следующее мгновенье заяц, все поняв, кинулся в куст и пропал. Но Соловей [бежал], пробежал и... зайца не было, а он все бежал и бежал. Не знаю, возможно ли так, но я понимаю храброго зайца. Но когда в моей борьбе с врагами я чувствую сомненье, и мне хочется бежать, и я уже обернулся, и вдруг вспоминаю храброго зайца, обертываюсь, и враг бежит от меня. Гляжу, улыбаюсь, вспоминаю Соловья. Я стою, а он все бежит как Соловей: зайца и не было, а он все бежал.

Зайцы. I. Родионыч. 2 и 3 = рассказы охотников, упустивших зайца: 2) Толстовский заяц; 3) Храбрый заяц.

Зайцы: 1. Умный заяц. 2. Хитрый заяц. 3. Храбрый заяц.

Начало Кавказских записок:

Положение писателя — нечего на это глаза закрывать — чисто поповское положение — читатель, наша паства оплачивает нашу «свободу» и в своей массе ждет от нас не чисто материальной, а какой-то иной, скажем «духовной», помощи.

Так начать и свести к собственности: как ее вынуть из человека. Сила взятой задачи (темы) должна выровнять перемену автором места: Кавказ и Журавлиная родина — мысль одна.

2 Января. Та боль под ложечкой (солнечное сплетение), «тоска», о которой не знаешь, — тело это болит или дух; я убедился вчера, что дух: как только, благодаря разъяснению Кожевникова, разум явился (да здравствует разум!), вся боль исчезла.

Мой «Чертков»: живу как ущельный человек с ущельной душой, все оглядываясь, все завертывая, и на всяком месте, вижу, еврей стоит. Мало-помалу ущельная душа моя превращает еврея в причину всей моей беды, я начинаю его ненавидеть, и чем мне хуже, тем больше я ненавижу. Тогда все скверно-еврейское начинает потоком стекаться ко мне, и возникает навязчивая идея на фоне мании преследования. Я не совсем больной, но бываю близок к этому, во всяком случае, меня соблазняет, и будь я поменьше, а Маршак побольше, то сделался бы Маршак мне персоной от евреев, как у Соф. Андр. Толстой Чертков сделался персоной от чертей и она окуривала от него дом ладаном.

Перенести эту мысль в повесть, т. е. как спастись или спасти человека, женщину от навязчивой идеи собственности, как разгипнотизировать ее, чтобы вышло «да скроется тьма, да здравствует разум».

Материал для этого: напр., с положительной стороны вчерашняя беседа с Кожевниковым, рассеявшая страх от сплоченного семитства. Отсюда и Косырев и все эти большие общественники с их простейшим выражением: «Да воскреснет Бог! и расточатся враги Его». Эта сила является при встрече одинокого с другим человеком, встрече, конечно, органической: «сбрасываю все, вот я какой и вот как надо». <*Приписка:* Враги от личных до дьявола есть личная слабость — движение вниз. Стоит собраться с силами, стать выше, и враги бессильные остаются внизу.>

«Врага» в сущности нет: это страх делает врага и бессилие бороться с ненавистью. По-толстовски сила эта «любовь», но сам он не мог этой любовью спасти жену. Тут в общественности есть свой Бог — разум: думал одно, а сошлись — стало по-другому: и тут сказать, назвать своим именем, открыть завесу. Что-то вроде суда. Свести к творчеству.

Кожевников сказал, что детская литература в отношении к общей сейчас похожа на старицу в отношении к большому руслу. В старице не движется вода и лягушки. Там собирается мелкота и, пользуясь ее ничтожеством и страхами, садятся властелины Маршак, Чуковский: человек 5. А Косыреву всё они же и насвистывают. Надо покончить с детским писателем — это раз. Второе, покончить с редакторами случайными, и надо сюда тоже писателей.

Сегодня в 10 у. поехали с Петей в Териберки и отлично гоняли. Зима сиротская.

Перепись назначена на ночь с 5-го на 6 Января, но оказалось, это только проверка, а самая перепись явилась сегодня внезапно. Я лежал в постели. Явилась переписчица и, спросив, «сколько лет», «какое образование» и «чем занимаетесь?», внезапно задала вопрос: «Верующий?» Застигнутый врасплох, я ответил: «Да, верующий». Я так ответил, потому что вот именно теперь, эту осень и зиму, думал много об этом, и мне хочется веровать. «Да, верующий» <*зачеркнуто:* — твердо сказал я. А она:> «Православный?» На это я тоже ответил, что православный.

А как же иначе было ответить? Ведь когда православные во время Мамонтова предложили мне надеть крест для самозащиты от казаков, я остался согласным с коммунистами и крестом пользоваться не стал именно потому, что не хотел «пользоваться». Теперь, напротив, коммунисты, хозяева положения, предлагают отказаться. Сколько людей, слабо верующих, теперь откажутся от веры. Какой же я православный, если лет 50 не говел! Но именно чтобы постоять за себя, я сказал: православный. Кроме того, я так был должен сказать, потому что православие — это моя связь со всей моей родиной и в нем таится для моего нравственного сознания готовность идти к желанному счастью через страдание и, если понадобится, через смерть. Тогда как «некрещеные» принимают коммунизм и его счастье просто как насекомые, летящие на огонь.

В память этого важного события привешиваю медаль Троицкой лавры к «Жень-шеню», с обетом молчания о себе. Знаю, как при моей манере болтать о всем с первым встречным трудно это сделать сразу. Принимаю лишь как путь борьбы с собой. Первое средство помощи этому есть разговор, пусть даже болтовня, в которой внимание мое направляется не к себе, а к собеседнику. В сущности, я разговариваю обыкновенно сам с собой, теперь же я буду говорить с другим и о всем, кроме себя и, разумеется, себя в отношении больных современных вопросов (чтобы ничего не «выскакивало»).

3 Января. Продолжается сиротская зима, сильный ветер. Беседовал с Петей о его судьбе: 1) в Университет, 2) Аспирантура, 3) Зооферма. Жду Кожевникова с материалами для письма Косыреву о детской литературе.

Кожевн. узнал, что козни строит руководство детской сессией, три лица: Маршак, Ивантер и Цыпин. Буду действовать решительно.

Петя освобожден от воинских дел.

4 Января. Пороша в сантиметр. Гоняли трех, взяли одного. Все на нуле. (Сиротская.)

Мысль о книге портретов людей кавказских, начиная с Бетала. (Завести страничку.)

Проф. охоты Федосов сошел с ума. Он был никуда не годный охотник, но тешился словами и сделался профессором. Оказалось, у него и прав-то никаких не было, и он вдруг стал

никто. Так он и должен был сойти с ума перед лицом правды. Вроде Страшного Суда для всех: этого надо бояться; это страх Божий.

Читаю «Серую Сову», и как с себя списано, у меня ведь тоже своя Анахарео, своя лесная пустыня и в ней подвиг счастья, и когда пережились все трудности, то теперь вся эта моя жизнь с людьми-детьми и животными, — какая это счастливая жизнь! Теперь остается приготовиться к возможному концу, углубляя одновременно «счастье».

«Физические упражнения» (гимнастика) должны делаться так, чтобы стать бессознательными и необходимыми, иначе они, как спорт, совершаются за счет духа. А лучше пусть будет дух развиваться за счет тела, чем тело за счет духа.

5 Января. Весь день на борьбу с Маршаком: письмо Косыреву. А день морозный и солнечный: так хорошо там! К вечеру протянулись по небу кошачьи хвосты к непогоде, и мне так опротивело письмо, что начал подумывать все бросить. Однако ночью поднялось, как в тюрьме, самоверчение, самосверление, и утром вернулся к борьбе. Она необходима, как накладной расход, как тара для защиты пересылаемых ценностей.

6 Января. Сочельник. Продолжаю письмо. Когда отделаюсь, займусь «портретами».

Ходил к Кожевникову, читал письмо: очень хорошо. До вечера подскребал, подчищал. Вечером слушали концерт по радио. И вот Павловна, вечно бранящая большевиков, сказала, что жизнь меняется, из какой тьмы выходим мы... — А как же ты постоянно ругаешься? — Ну, так это время переходит, перейдет, и потом будут лучше жить.

Идет пороша. Ночью Петя явился.

7 Января. Рождество.

Ночью, часто просыпаясь, читал «Серую Сову» в немецком издании «Kleiner Bruder». И действительно, это мой молодой брат, жизнь совсем складывается, даже иногда охватывает настороженность, когда читаешь рассказ своего ученика: явится ли он сам или будет подражателем, что неприятно.

Видел сон, в котором все близкое мне как бы округлялось формами и сходилось. Началось с того, что я увидел родимое

гигантское дерево страшно постаревшим, растрепанным. С этого дерева в эту бурную ночь свалился сук, и такой это огромный сук и такой густой сад, что сук поверх яблонь лежал во весь огромный, в несколько десятин, сад, и от него падала тень на траву. И еще другой сук тоже лежал накрест с этим. А когда вышла ко мне радостная мать и я сказал ей про тени суков, она улыбалась и оставалась равнодушной, как будто я ребенок и мне только это кажется. Появилась моя невеста в своем милом виде, как 35 лет тому назад, мы с ней сидели на лавочке, и нам было как будто мы с ней никогда не расставались и жили вместе всю жизнь. Она говорила, напр., что я грязный и мне надо мыться, а я ей говорил, что и ей тоже надо и я, пожалуй, попрошу маму устроить баню. И когда я стал маме говорить о бане, то из нее как-то возникла Павловна, с обычной неохотой принимавшая просьбу о бане. Так все мои основные друзья, живые и мертвые, сошлись как бы в единое существо, т. е. из единого существа возникала то одна форма, то другая.

Так чудесно представилось Старое Рождество.

Еду на охоту, отправляю письма — эти воинственные письма: Косыреву, Детгизу, Агентству.

Чудесная пороша, мягкий день, тихо. Взяли двух зайцев. Письма отправил не с почтой, а с Петей. Плохое возможно только в том, что просто ничего не ответят, все останется без всяких последствий. Ну, так им же хуже! а я свое, что мог, сказал.

Беспокоит Лева своей слабостью: попал под башмак жены и от нее пошел на чистое обывательство. Вот еще пример женской «корысти» (здесь вся корысть в лени, лень — счастье). В изображении борьбы с женщиной надо помнить, что эта «корысть» является той силой, которая создает быт, бытовое счастье, семью, дом.

Мужчина — центробежная сила + женщина центростремительная = движение по кругу = дом, согласие ритмическое с природой. Если центростремительная (женщина) преобладает — вот и является корысть, если мужское, центробежное, разрушительное — монашество (толстовство и т. п.), революция. В каждой семье (внутри) борьба ежедневная, получающая извне форму счастья (круга).

Человек что-то из себя представлял, по крайней мере, так ему казалось, и это было его личным счастьем: шел, спускался

по лестнице и это нес с собой, как «я» — что мы на свете все чувствуем, нечто вроде личного представительства всего мира людей. И вот эта личность спускается в швейцарскую, ищет в кармане свой номер к калошам и не находит: номер потерян. Он называет швейцару свое имя, но швейцару Большого театра нет никакого дела до имен, потому что носители всех имен являются носителями и калош, а он приставлен к калошам. Швейцар предлагает величайшему представителю человеческого мира (а ведь каждое «я» есть величайший представитель) дождаться, пока кончится представление, все разойдутся и определится номер калош. — Да вон они, я их вижу! — Вы видите, а у меня нет номера, и я не могу. — Тогда великий представитель человечества садится на диван под часами и отдается той самой вечности, которую все мы ждем после смерти, этому швейцару наших телес: мы как будто все теряем свои номера, и наше заслуженное «я» в представительстве своем исчезает.

Общество всегда убивает: «чан», в который бросается человек, чтобы воскреснуть, вот для чего личины и маски, вот что значит герой. Каждый лелеет свое «я», своего героя, который укрывается у него под личиной, каждый тем самым давит на другого, являясь его смертельным врагом, и так все друг друга стерегут.

Но когда вырвется кто-нибудь и, не обращая никакого внимания на их маски, начнет говорить то, что надо и что каждый таит, но не смеет сказать, тогда все идут за ним и делают как надо. Вот простейшая формула общества и личности.

И если вернемся в швейцарскую, то пусть тот профессор сидит под часами, приходит другой, потерявший номер. — Я вижу свои калоши! — говорит он и, не обращая никакого внимания на швейцара, ловко перескакивает через барьер, и когда возмущенный швейцар бросается к нему, он берет его, как маленького, ладонями под уши, поднимает вверх и спрашивает: — Видишь Москву? — И, опустив его, опять: — Видел? — Видел, — уныло говорит швейцар. — Вот то-то! — и уходит. — Почему же вы мне не даете? — удивляется профессор под часами. — Я бы и ему не дал, да ведь он Москву показал. — Тогда профессор в ярости скачет через барьер, и через минуту борьбы швейцар поднимает его под уши и спрашивает: — Видишь Москву?

8 Января. Снежная метель: «буря мглою».

Написал для «Известий» для ленинских дней кабардинский очерк «Макар».

Горюю о Леве, потому что родня его для нас помогла окончательно определить его жену. Он, вероятно, рано или поздно сбежит, а т. к. ему некуда бежать, то он, отняв у меня одну квартиру, отнимет и другую, потому что опять приведет...

К рассказу «Приемник Си 235»: Партизан Николай Иванович Савин в свое время очень был напорист на фронте и в тылу у себя был величайшим безбожником. Между тем жена его Ефросинья Павловна была верующая, строго держалась православного обряда, под все праздники зажигала лампадки. Николай Иванович не то что не мог бы с женой бороться, а ему так представлялось, что у людей икона есть зло принципиальное, а для жены только утешение, что-то вроде забавы, и что жена его вместе с ним одинаково в глубине души верит в революцию.

Трудно понять, откуда могла у него взяться такая вера в революционную веру жены. В домашней жизни он слышал вечную песню, вечные проклятия жены по всякому поводу. Николай Иванович никогда не возражал, потому что знал, что все плохое, что случается, что это надо терпеть, а когда-нибудь непременно людям будет от революции хорошо. Он жил тем дальним, а она настоящим, он же настоящее понимал как цепь проходящих случайностей. Спорить, доказывать жене что-нибудь он давно бросил, потому что она никаких рассуждений слушать не хочет, напротив, только раздражается и начинает скверно ругать всех, от самых больших и до самых маленьких здешних людей... Песни... (Помнить о «круге».)

Если решу ехать завтра на собрание «Наши достижения», то в отношении конституции можно призвать к действию личному, создать атмосферу этического коммунизма. И к молодежи. И журнал «Н. д.» для молодежи.

9 Января. Снегу нанесло на четверть, но опять оттепель: небывалая зима! Из Архангельска приехала «Морошка», ехала по Двине на пароходе, в Архангельске дождь.

После метели и в тепле зайцы пролежали всю ночь, хотя и не было снега. Редкий, может быть, повертелся на пятачке возле себя. Я ни одного следа не нашел.

(Не забыть: когда в хмари наконец-то начинает светлеть, то на белом стена елей до того черная, просто черная как уголь. Птички очень работают.)

Кончаю читать «брата»: совсем близкий человек. Буду переводить.

10 Января. Морозик –4, но корки не вышло. Ездили в Териберки, вернулись в 8 в.

Ни одного впечатления, ни одной мысли, весь день в переживании мускулов. Но нечего горевать: мысли радостной вереницей пройдут в то время, когда тело начнет отдыхать.

Нас нет, но роль наша больше, чем если бы мы были. А Германия есть, сама есть, удивительный, самый сильный в мире народ. Но, по-видимому, роли у нее нет, и все кончится вспышкой. Думал о Фейхтвангере («еврейское сердце»), и вот это уже роль. Да, вот народ — ничего нет, ни земли, ни языка, а какая роль!

Разговор писателя с дьяконом:

Писатель. — Перед тем как что-нибудь написать, я должен в себе все проверить, что́ чужое во мне — выбросить и оставить только свое. Даже если на пути моего творчества встретится сам Бог, я спрошу себя: «есть ли Бог», и если окажется, что меня научили, а сам я в глубине своей вовсе даже ничего и не знаю о Боге, то я должен и Бога оставить в стороне. Вы же, дьяконы, при одном звуке «Бог», не рассуждая, не сомневаясь, должны хвататься за кадило.

Дьякон. — Не обязательно. Есть дьяконы многоумные, подумает, уверится, молитву прочтет от искусителя «Да воскреснет Бог!» и закадит.

Писатель. — Да, конечно, есть и среди дьяконов люди своей мысли, как и среди писателей есть дьяконы, но по существу дьякон не должен сомневаться, а быть просто верующим дьяконом, как писатель должен быть только тем, что он сам лично есть.

Мысли являются радостные, когда измученное тело начинает отдыхать, тогда понимаешь мысль прямо как явление отдыха тела.

11 Января. Переписывал и отделывал «Макара» для «Известий». Мороз усиливался. Петя поехал в Пушкино. Хочу

ехать в Москву в номер недели на две, все осмотрю, со всеми наговорюсь, все устрою. Петю надо свести к Формозову.

12 Января. Мороз хватил в 20°. Наконец-то! Кончаю замечательную книгу индейца «Серая Сова» и так считаю, что я больше его много как писатель, но он больше меня как человек.

Начинаю через него понимать всех нас, таких, как я и наш русский народ, как индейцев. Мало того! Наш коммунизм представляется ярко как этап цивилизации, когда все делаются «господами», глядящими на все в мире с точки зрения утилизации.

Кавказские народы во время империи развили в точности героические черты индейцев, но теперь они вступили в период мирной обработки цивилизатором. Вот в том-то и дело, что коммунизм умеет цивилизовать, не вызывая на другой стороне героев. Что же касается самих коммунистов, то они сами сто раз на день называют себя героями. На этом пути, как мне думается сейчас, должна непременно кончиться и «героическая» Германия.

Мефистофеля надо понимать как чародея — техника и цивилизатора, почему христианка Маргарита (культура) не пойдет с Фаустом и останется в тюрьме.

Но Мефистофель является злой силой при наличии доктора Фауста. Если же на черта садится кузнец Вакула, простак, действующий силой креста, то при помощи черта он достает своей Маргарите царские башмаки и, как ни в чем не бывало, женится на ней по всем правилам православия.

Отсюда понятно, почему коммунизм против Фауста. Коммунизм хочет быть прост, как кузнец, но вот тут-то и вопрос: хочет ли быть Вакулой или же без Вакулы и без Фауста, а просто вот как англичане высадились в Америке и давай прибирать к рукам индейцев. Однако возможен и Вакула, это бы можно попробовать дать в рассказе «Русалка» (приемник Си 235).

И даже появление Маргариты вызвано кавказским сюжетом борьбы с женщиной.

Розанов, помню, когда я в первый раз у них за столом появился и рассказывал о своих путешествиях, сказал про все это мне: «это тоже от Ницше». Теперь Гексли пишет о «Жень-шене», что это похоже на Джеффериса (который тоже близок к Ницше). Но я не читал толком ничего у Ницше и совсем не

знал о Джефферисе. Значит, как же мало мы сознаем общение душ и как опасно давать свое для всех... (не то хочу сказать).

«Максим», открывший в Енисейской пустыне свой университет, Вэша Куоннезин — индеец, сделавший сверх-усилие, и, наконец, это мое верчение вокруг личного фактора жизни творческой — все это от сверхчеловека, вовсе не сознаваемого мною. Нас эти все люди подводят к сверхчеловеку, на самом же деле в себе самом это проявление чего-то, с чем я не могу справиться.

Один борется с болезнью (Джефферис), другой с чем еще, словом, все эти сверхчеловеки являются неудачниками, преодолевающими сверх-силой свое положение.

Читал Реклю об индейцах в Канаде, когда английский король платил сколько-то денег за скальп француза, а французский король — за англичанина.

13 Января. Встал в 6 у. и почувствовал в глубине себя тоску, которая не дает работать. Стал ходить на морозе под звездами по двору из конца в конец. Дымок поднимается из трубы у Дуни. Барашка кричит у нее на дворе. Пыхтит паровоз. Мерный шаг, мерные повороты, дыханье на чистом воздухе, и вдруг как бы что-то спадает и так приблизительно: какой-то «писатель» из Владивостока прислал глупую рукопись и написал мне, что хотел Горькому послать, но он умер, и за невозможностью послать «полноценному» писателю посылает ко мне.

Это одна из тысячи неприятностей, которые подкатывают в тоске. Да, и вдруг: «а черт с ним!» И после того — радость, какая-то легкость жизни и родственное внимание к этому дыму живому из трубы. Вроде сбрасывания шкуры старой, — спало, и хорошо.

Так, может быть, и жизнь в свое время отпадет, и под самый конец станет вдруг хорошо, не потому ли покойники становятся опять «хорошими». На этом поставлен и Платон Каратаев: что-то неважное (личная телесная жизнь) скинул, и стало хорошо, все кругом засветилось.

Это, конечно, сохраненная жизнь (в истрепанном на рабской работе теле). Это же самое сохраняется в браке без любви (моя мать), в монахах, старых девах. На этом покоится и «расширение души» Джеффериса. Это блаженное состояние не достигается, а дается за правильную жизнь. Если же достигать посредством этого (пользоваться), то и будет система аскетизма.

Так, есть целый ряд проявлений личности, которые мгновенно расстраиваются, [если] к ним присоединяется так называемое «сознательное» управление, до того они «бескорыстны» — тут их губит «утилитарность». Т. е. как будто в каждой «воле» есть «корысть», напр., при отступлении от этой «воли» своей является радостное «Да будет воля Твоя», и когда скажешь «Да будет!», вот и является родственное внимание к дыму на морозе и этому крику барашки, и отсюда уже свое же действие становится радостным и нужным делом.

Но учить этому... если учить, то и получается вроде «пассивного сопротивления». Есть в этом пассивном сопротивлении грех осмысливания: надо это создавать, но не останавливать любовный творческий процесс анализом.

Все больше и больше хочется написать книгу «Записанный год»: начать со знакомства с Беталом и описать Кавказ и последующее, и так описать Кавказ и последующее, что не так важен сам Кавказ или Журавлиная родина, как мысль о творчестве или там о чем. Боюсь, что опять «Берендеева чаща»...

Вечером приехал Н. В.

14 Января. Какое утешение, если ждать, когда нас [потеснят] к Уралу... и если это пережить, то будет хорошо! Я лучше утешусь, глядя на сына Петю и вспоминая, как ему было несколько лет тому назад тяжело и насколько ему стало лучше.

Еще было, я сказал: — Злость у меня в душе. — Нет, — ответил он, — это не злость, а презрение. — Но я ответил ему: — Презрение не лучше злости, даже хуже: презрение — это злость сознательная, что-то вроде лучей смерти.

Вот именно от этого всего и спасает мое «творчество» путем расширения души.

Говорили о спиритических опытах ученых с явлением [голых] проституток. Но мало ли в человеческой патологии всяких «чудес».

17 Января. Вчера вечером, увидав в Москве летящую порошу, явился Петя, и мы ездили в Дворики. Снег налетел такой пушистый, что сваливался со стенок отпечатка следа, и оттого очень трудно было отличить вчерашний, засыпанный след от нового. Несмотря на это, взяли двух зайцев.

Всякий ствол дерева, всякая ветка чем выше, тем тоньше, и еще на конце метелочка, вот почему, когда дружно выпадет

снег, аркой сгибаются в молодом лесу на просеку ольхи с одной стороны на другую. Тогда по широкой просеке идти и наклонясь нельзя: по-настоящему надо бы стать на четвереньки и, как заяц, бежать.

Из домашней темноты елей две ветви высунулись высоко и остались в инее двумя белыми крестами, и вся ель от этого стояла как Notre Dame de Paris. Рядом на темном вся в инее нарисовалась кружевная березка и на ней красный снегирь...

Какое богатство высоких чувств скопилось, было, в Старой России, вспомнить только тургеневское описание смертной казни в Париже или обращение хулиганствующего мальчишки Илюшечки Алексеем Карамазовым. Что бы сказал Достоевский, когда мальчишек таких развелось во множестве и они бритвами стали подрезать руки женщинам, чтобы вырывать ручки вещей.

Говорят о поэте: он «певец американской демократии». Вот это неправильно: привязывать певца к чему-то преходящему: «демократия» исчезает, но <*зачеркнуто:* певец> песня остается...

А то есть поэты вроде Маяковского: он потому такой, в оранжевой кофте, что есть [бюрократия], и у него не только кофта, а и язык такой, но что остается от него, если убрать бюрократию?

Собирать поэтов «святой плоти».

Соблазн сделать из Кавказа книгу о творчестве, соединив Кавказ с Журавлиной родиной в книге: «1936 год» (Дневник писателя).

Со всех концов русской земли собирается народная песня в Радиоприемник и оттуда, из ящика, выходит много совершеннее, чем из уст живого народного неведомого миру артиста. Раньше все участвовали в создании музыки, теперь создают несколько композиторов, а все стали потребителями музыки: не поют, а слушают. Раньше, работая, сами же работники пели, теперь... То надо занимать собеседника, а то ящик занимает, то надо возиться с ребенком, а то книжка с картинкой, и так во всем как будто облегчение: все «не сам». Но где же сам-то: сам сейчас на работе? Там он тоже не сам. И вот тут еврейская двойная бухгалтерия: «"сам" — это мы с вами, Михаил Мих.! избранные, высшие люди».

Все это есть путь творчества, и все было бы хорошо, если бы для всех, а то простой народ обирают, пьют из него соки паразиты.

18 Января. День весны света.

Если заслониться от солнца деревом, то видно было, как бесчисленными искрами летели при ясном голубом небе и садились всюду снежинки. Ночью при звездном небе как будто прямо со звезд падали и падали снежинки и при луне на снегу сверкали звездочками. Утром на рассвете в лесу все было неузнаваемо, казалось, за одну только эту ночь собрались сюда и теперь при свете остановились одетые в кружева деревья...

Читаю Джеффериса о расширении души и нахожу в дневниках у себя записанное теми же словами, и теперь понимаю только, что удалось мне сказать в «Жень-шене».

Человек прекрасен, если его собирать из лучших людей, оставивших следы в истории культуры, и особенно тех, которые близки к себе. Можно поискать и в настоящем таких и подивиться им. Но человек наш нынешний, массовый, как он себя проявляет в приспособлении к существованию — безотраднейшее существо, какой-то всюдный Маршак...

Надо хорошенько разобрать, почему именно метод в спорте глупит человека... Трапеция Бетала...

20 Января. Второй день (1-й — 18-го) весны света: мороз –20°, а среди дня капéль. День процвел. Ели, засыпанные снегом, стали как алебастровые и меняли цвета от розового до голубого. Весь день с утра на небе вверху висел обрывок бледного месяца, а внизу вокруг по всему горизонту небо цвело. Все как писали зиму художники, и ничего нельзя было еще прибавить: совершенно закончено. Оставалось только жить в этом, и мы жили. Несмотря на мороз в –20°, зайцы лежали очень плотно. И почему-то лежали не в болотах, как им полагается в стужу, а на поле в кустиках и островках близ опушки (беляки!).

Вспомнил (по календарю) 9-е Января: этот расстрел толпы, соблазненной Гапоном. — Помни, друг, жертвовать собой, вероятно, нельзя и для Бога: и для Бога ты должен делать, оставаясь самим собой (как Христос). 9-е Января — это слепая Голгофа.

На мостовой лежала такая пушистая («звездная») пороша, что когда воробей сел и потом ему вздумалось подняться, то от ветра его крыльев взлетела на воздух целая туча сверкающих звездочек и на мостовой осталось большое темное место <*зачеркнуто:* величиной в шапку>.

Вымирает поющий русский народ, воскресает певец народный и музыкант как личность (Римский-Корсаков). Народную песню создавали тоже личности, но они терялись в народе. Теперь явилось имя автора. Стало цениться само творчество. (К рассказу «Русалка».)

Хочется жить как все, иметь то, что у всех, а надо свое дать, надо прибавить к потоку нечто свое, и через это — страдание: не могу как все и не знаю даже, что я «лебедь». Живешь гадким утенком, а про лебедя узнаешь нескоро, когда это разутешить не может.

Рушится, разлагаясь, демократия, и монарх возвращается в маске сверхчеловека. Это маленькое дело требует миллионы жертв.

С другой стороны, в обличии сверхчеловека является, как явился самому Ницше, Христос: чем это и вправду не сверхчеловек?

Вы меня извините, но выйти в личной жизни своей за пределы мелкобуржуазных понятий не мог и плетусь на лошадке своей, как последний извозчик в Париже.

«Индейцы»: последние русские люди, напр., мастер с палочкой на Архангельском заводе. Их надо сейчас собирать, как последних из могикан.

Книга как орудие моей души < *зачеркнуто:* произведение... души или духа >

6-го Февраля (23 Января) день моего рождения, мне будет — страшно сказать! — 64 года. Уймись же, Михаил, пора собираться.

21 Января. Мороз –25. Солнце весь день.

22 Января. Мороз. Солнце. Как будто верно начал писать кавказскую вещь «Саид Татаринов» <*приписка:* или «Счастливая гора»>.

23 Января. Мороз –28°. Человек сидит в пустой комнате и ругается с репродуктором. Он думает, что ненавидит коммунистов, между тем «коммунистов», как он понимает, не существует. Ему ненавистно все, что выводит его из покоя и его привычек. Коммунистов вообще нельзя ни любить, ни не любить: тут необходимость действует, и если ты лично ставишь себя против, то и попадаешь в положение спорящего с репродуктором.

Те же, кого сегодня будут судить (Радек и др.), скрытые претенденты на трон: их не жалко, им «поделóм»: их казнят, но если бы им удалось, то они бы еще больше казнили.

К человеку с репродуктором: Мотивы переменились, но старое продолжало действовать физиологически, как секретное отправление. Человеку же у репродуктора мотивы казались обманом, а секретные отправления правдой. Вот почему он говорит репродуктору <*приписка:* когда тот о счастье>: — Ври, ври!

Переписал на машинке главу «Рассказы Бабеля» (эту главу потом можно разукрасить легендами о Бетале).

Читаю Jefferies'а. Надо продумать вопрос о единстве тела и духа в душе: а душа есть творчество, т. е. непременно движение. Только надо все взять из опыта любви, где именно и происходит решение в пользу духа или тела.

24 Января. –30°! Дух совершенствуется личностью, но тело в массе, и тут необходимо действовать на массу (два человека: один в понимании деятеля государственного, другой культурного). Улучшение тела народа у Джеффериса очень хорошо.

Дополнил 1-ю главу рассказами Люля и начал 2-ю: «Дриандия».

25 Января. –30, но признаки кошачьих хвостов, исчезающих к закату. Барометр качнулся тоже налево. Написал 2-ю главу «Дриандия». В 1-ю можно вставить прошлогоднюю речь мою в Комсомоле.

<u>Настоящее и будущее</u>. — Если в настоящем мы не жертвуем собой для будущего, то какое же это настоящее! — А если будущее построится на истощенном поколении, то какое же это бу-

дущее! — Так можно спорить без конца, и притом спор от лица к лицу: кому как живется...

Готовлюсь к весне света, буду снимать портреты безобидных существ (в елочках). Входишь к ним в эту атмосферу чистоты, задумчивости, молчания, и чувствуешь себя в обществе.

Люди исчезают: лица. Пора научиться коммуне.

Каждый раз после смертных процессов чувствуешь в себе ослабление уверенности в прочности власти. Напротив, вспоминаешь манифесты: это власть в глазах общества укрепляло. Но, может быть, эти наши обывательские чувства ничего не значат, — и это возможно.

Во время революции и теперь в ее последствиях человек трудящийся в истинном смысле слова, творческий человек, сделав что-то, отходит и теряет скоро свое имя. Это выходит нехорошо почему-то, но могло бы воспитывать людей в бескорыстии работы для общества: условие для этого: любовь к своему делу, хорошие условия работы.

Письмо от Феги из Швейцарии. Надо возобновить с ней работу.

26 Января. Стрелка за стрелкой на ясном небе, каждый день больше, показались хвосты, и вот сегодня утром всего −15, небо полузакрыто, а к вечеру закачались высокие ели, роняя вниз все подарки, в приюте безобидных существ и то зашептались... И чуть-чуть заснежило.

Процесс почти без всякого моего внимания к нему действует очень глубоко какою-то своей скрытой силой. Главное, что вернулась после стольких лет идея пораженчества.

27 Января. Летит редкая пороша. Наметил 3-ю главу.

— Человек имеет право и должен заниматься политикой, если у него есть что-нибудь за душой такое, что требует действенного выражения в жизни. А то есть политики-специалисты, которые только тем и занимаются, что... неужели Троцкий и есть такой пустоцвет? Люди его, по-видимому, вовсе бездарны, если за столько лет умели убить одного Кирова. Процесс ставит перед нами альтернативу: или пораженчество, или Сталин. И когда остаешься со Сталиным, то видишь, как все непрочно у нас в партии и как быстро надо ему закреплять за собой народ и, главное, крестьянство. Процесс открывает глаза...

28 Января. –15. Гон возле купеческих мест. К вечеру –20 и ночью –30.

Приумолкли дикторы счастья и радости, с утра до ночи дикторы народного гнева вещают по радио: псы, гадюки, подлецы, и даже из Украины было: подлюка Троцкий. У нас на фабрике постановили, чтобы не расстреливать, а четвертовать, и т. п.

Достоевский продолжает оставаться единственным описавшим бесов.

Из всего этого, между прочим, видно, что наше положение более трудно, чем казалось. Казалось, напр., что мы могли бы в военном деле нанести удар, а какой же это был бы удар при троцкистах! Казалось, что ГПУ гораздо сильнее. Казалось... Но теперь, если не будет войны, благодаря выборам по новой конституции могут быть выбраны и порядочные люди (не одни «бесы», т. е. исключительно политики), стахановцы помогут. После расправы с троцкистами нужен резкий переход к свободам и церкви. (Так говорят.)

29 Января. Ночью –35. На рассвете –30.

Удачно набросал несколько главок «Нового человека». Речь Вышинского (прокурора?) как выражение народного гнева (скептики говорят: «организованный самосуд»). Слова Достоевского: «И все растечется в грязь».

Этапы моей перемены в 1936—37 г. Болезнь Павловны и возвращение с Кавказа в июне 36 года (необходимость воздержания). Летом борьба с собой, одно поражение, точное возвращение юности. Несколько напрасных попыток. Наконец, в Январе 37-го года явление охлаждения к своему телу и возможность успешной борьбы. Я думаю, это начало старости хорошей, когда человек вполне владеет собой и на него можно положиться. Всю эту перемену ускорила вынужденная отсидка в Загорске (квартиры нет в Москве), чтение дневника Толстого и др. книг, сосредоточенность на себе.

Писатели сейчас должны ненавидеть друг друга.

Жить бы на земле, где старые деревья маленькими видели моих дедов и прадедов...

30 Января. –30. Приговор самый неожиданный: ничего не было! а Паня с Тоней так втравились, что ждут, когда «псам и гадам» будут отнимать члены, рубить пальцы и т. п. Некто вечно дурачимый — кто это?

Все свелось к техническому приему. Столько сил истрачено в напрасной борьбе, и когда стало казаться невозможным дальше бороться, пришло в голову нечто весьма простое, почти не требующее усилий ума и воли, чисто технический прием, который можно рекомендовать и другим. Кажется, всё в этом приеме, которым каждый может пользоваться, не тратя себя, даже вовсе не думая.

Так в глубине всякой техники заключается живой человек, отдавший жизнь свою за это. И вот некоторые (и их множество) в пользовании этими даровыми полезными приемами видят все счастье человека: какое счастье, если все дается даром! Пользоваться техникой имеет право лишь тот, кто, в свою очередь, тратит жизнь в достижении чего-то и, достигая, в свою очередь обращает это в прием.

И фашизм, и коммунизм... Фейхтвангер пишет о фашизме, а мы все это видим в коммунизме. Общее в том и другом нечто, с точки зрения талантливого еврея, оглупляющее: немцы — пишет он — поглупели. Но ведь и мы поглупели невероятно, и все от тех же причин, которые у фашистов носят название «чистой расы», у нас «класса рабочих». Там и тут как главный фактор вводится варвар. Так на одной стороне варвар, на другой космополитический интеллигент, быть может, с евреем во главе. Но это очень приблизительно и, может быть, неверно.

Надо выяснить, почему оба фактора, и чистая раса и рабочий класс, производят одинаково оглупляющее действие и направлены против интеллигента. Почему до сих пор возле талантливого и честного специалиста стоит и мешает ему глупый и необразованный коммунист. По-видимому, тут борьба совершается государственно-родового начала с личным: и оттого оглупление на одной стороне и накопление вооруженных сил на другой.

Итак, чтобы создавать в романе нового человека, надо создавать его в борьбе того начала, родового, и начала личного, умея становиться на ту и на другую сторону. Напр., очень интересно, как лично-творческое начало, Пушкин, на наших глазах обращается в государственно-родовое или даже прямо в технический прием. Проследить (см. выше «технический прием») градации перехода личного на пользу государственного: всякого рода творчество начинается лично, т. е. духом, а переходит в полезность, воплощаясь, делаясь телом, множеством (когда-то рукопись Пушкина была одна, и ей одной начинается нынешний Пушкин).

Но почему тянет меня к простаку, интуиции, инстинкту, народу, природе, земле, красоте, искусству, а не сложности декадентской, аристократизму, космополитизму, науке, рационализму и мистицизму, к отвлеченному: частично тут мое уважение, частично ненависть.

Заставьте Эйнштейна маршировать в колонне, и что будет? Так исчезает неминуемо всякая личность, если перед государством стоит вопрос: быть или не быть.

– Вопрос стоит так, быть или не быть Кабарде, а вы пристаете ко мне с вопросами личности как чего-то неизвестного. Я на личность смотрю с точки зрения ее полезности для Кабарды... Что же касается той личности, о которой вы думаете, то, мне кажется, чем меньше о ней заботиться, тем будет для нее лучше: это делается «само», и тут «сам», а у нас «надо». Если же мы будем связываться с самостью, то или мы ее превратим в «надо» и она как самость исчезнет, или же все будет само делаться, а государство станет ненадобно. (Бетал превратится в Саида. Очень можно показать Бетала с хорошей стороны тем, что он хочет оставаться на посту и честно отказывается вмешиваться в дела поэтов.)

Если неизвестный и страшный тебе человек начнет разговор с того, что назовет знакомого, который и тебе знаком, то он уже сразу от этого в значительной степени перестает быть страшным. Мне страшен немного почти всякий неизвестный мне человек и в особенности человек государственный. Но как только государственный человек, оказывается, живо интересуется литературой, то я его не только не боюсь, но мне он особенно интересен, как же: он и государственный, и в то же время он и мой, потому что через его ахиллесову пяту интереса к искусству слова я могу заглянуть и во всю его государственность. Сколько в старое время из-за интереса к литературе погибло губернаторов! В то время можно было считать прямо за правило, что раз администратор заинтересован литературой, не бойся его, он тебе не страшен. И вот я вижу у Бетала шкаф книжный – какая радость! Но, разглядев корешки, я увидел энциклопедический словарь Брокгауза... Можно говорить об охоте.

Интеллигент и простак: простак живой, он берет все из первых рук природы и человека, интеллигент из книг. Тому труднее выбраться из-под чужого: смотреть на все своим первым

глазом. Но зато каждый из них находится в образованном обществе и действует его силой. Человек природы точно так же, чтобы выступить как сам: да у него же все свое. Но раз он решит учиться — он пропал. С другой стороны, «ученье» — для Петра I или Бетала пустяк: довольно грамоты и книги, читать и считать. Много таких из большевиков: книга вредна (автомобиль и Безроднов). Точно так же есть выход непосредственный и в область духа (старцы) — можно себе представить: откуда взялись Клюев, Горький, Есенин.

Простак и плановик и почему вышло преступление и кто виноват.

31 Января. Потеплело и слегка порошило.

Читал «последнее слово» (много еще их будет последних) Радека, вспоминал Бухарина. И понимал их всех как последние, сухие листья, даже не листья, а те желтые трубочки, в которые превращаются листья зимой. И некоторое свое личное сокровенное желание, чтобы кто-нибудь из подсудимых вопреки всякому здравому смыслу открыл бы те благородные мотивы, по которым он шел против Сталина — все эти «благородные мотивы» были, в свою очередь, когда-то моими личными листиками. Дерево осыпалось до последнего листика, и остался ствол черный, толстый, погруженный в мерзлую, засыпанную снегом землю. Зима, дерево государственного рода стоит без малейшего листика, но стоит. И ты, гордый человек, опусти руки, оглянись назад, загляни вперед и замри, затая в себе силу будущей жизни.

Они те «плановики», люди, посвятившие себя плану, чистому плану и в этом плане живущие: каждый из них по-своему честен, но жизни он не знает... Это «завелось» и движется, но внутренней самостоятельной жизни в этой исторической заведенности нет ни малейшей.

Написана еще глава

Счастливая гора
Путешествие

Сквозят, просвечивая, многие планы этого сочинения: 1) Весна на Северном Кавказе. 2) Портрет Бетала. 3) Горы, весь Кавказ и среди них Эльбрус, Счастливая гора. 4) Строительство тела (Бетал) и духа (Саид Татаринов).

1 Февраля. –7°. Выпала пороша. Незаконно охотились. Весь день гоняли, ничего не убили. Начал снимать. Веточками, как пальцами тончайшими, ветки держали большой пышный ком. Формы этих комков (в солнечный день захватить такую порошу). В полдень ветер: комки начали падать, сшибать один другого: деревья играли в снежки. Один такой ком в зайца попал, и он вскочил и дал великолепный след, по этому следу пустился Трубач добирать.

В Териброве все до одного колхозники читали процесс, и так во всей стране и каждый гражданин! И все это переваривается, и когда масса все сварит, то и рассудит, суд будет! (для масс нужно время).

Думал о первом впечатлении и о том, что «естественно».

Когда говорят о чем-нибудь: «оно вполне естественно», это значит другими словами: «в этом нет ничего удивительного». Так большинство людей осваивает явления природы, возникновение электрических поездов, радио и самолетов и ничему на свете не удивляется и все находит естественным. Только если произойдет какое-нибудь личное потрясающее событие, такой человек оглянется вокруг себя первым младенческим глазом, удивится, и тут может случиться по-разному: одни люди, презирая естественное, обратятся к сверхъестественному, другие будут дивиться естественному и все, что в нем совершается, будут считать чудесным.

Я принадлежу к числу таких удивленных простаков и хочу героя своего, величайшего простака, вывести из этого и дать ему подвиг «открывать людям глаза» и тем открывать людям силу бесконечно бо́льшую, чем открыл Прометей в силе огня.

Я вспомнил о Прометее, когда рассвело и горная каменистая река, через которую мы переезжали, напомнила, что течет она с Эльбруса, на котором, по преданиям, и был прикован Прометей.

2 Февраля. –12°. Солнце. Закончили охоту на зайцев. Начались двойные следы, и один убитый заяц был с пистолетом. Теперь конец до весны. День просиял в лесах от зари до зари. Среди дня солнце пригревало, ветерок покачивал ветви, и падали изредка пушистые клубки и, не долетая до земли, на ветру рассыпались пылью, и мельчайшая пыль взлетала и светилась на солнце искорками. Сняли на фото убитого зайца.

Лес был наполнен фигурами и лицами безобидных существ.

Верхняя мутовка елей, как ваза, собирала снег, и до того большой ком складывался наверху, что в нем тонул даже верхний крестик. 7 соро́к и Бьюшка с двумя костями: одна сорока, жертвуя собой, подскакивает к носу собаки, другие, когда она бросится, хватают кость.

Вечером на заре одно дерево среди других было особенное, и, глядя на него, я понимал лес, как и людей, в различиях, вспомнил о законах (напр., подсчет древесины), понимая эти законы как силу человека: закон для устройства машины.

В этом смысле душа человека беззаконна.

Вспомнил о блюминге, который действует как единственный (унификация — тоже «закон»). Мое чувство (сердечная мысль) было, однако, о том, что все наши законы создают лишь механизмы.

Одни люди заняты и живут сами, другие за ними подсматривают, пользуются их достижением.

Неудачник, с точки зрения ненасытимости его, то же, что и творец: оба неудовлетворены.

Разница же их — что неудачник ограничен в развитии своих желаний извне («ходу не дают»), творец — изнутри, по самой природе творчества не может достигнуть конца (насытиться, удовлетвориться). Но самое главное, один уязвлен и зол, горд, другой смирение, широта.

Напрасно называют Ницше неудачником. По себе: преодоление неудачи: молча страдал и винил сам себя в борьбе с претензией. Вообще это самый трудный вопрос: нечто вроде «рождения человека»: «глубина» страдания и «широта» радости.

Пусть глубина — долгота.

Есть глобус земли, и есть глобус жизни самого человека, где каждый из нас находится под какой-нибудь широтой радости и долготой страдания.

Полная жизнь — это где долгота (страдания) как бы порождает широту радости: чем глубже уходит страдание, тем шире делается радость.

...сегодня мы с лесу благодаря машине. Только польза в машине и больше ничего. Вред от машины происходит от организации людей: машину завели, а человек не завелся.

Душевная земля, твердость, вера (поэт и муза).

При чувстве живописной красоты природы мысль о красках: «ведь это только краски!»: красные, лиловые, голубые,

и на этом веточки в снегу... что еще? но не в красках дело, а в том, что они вызывают в душе.

Смотрю на лес, засыпанный снегом в розовых лучах заходящего солнца, и думаю, за что бы в этом прекрасном ухватиться, чтобы оно осталось... если за краски, то ведь не в красках тут дело. Что же еще... вот ветка склонилась от тяжести, тонкими веточками, как пальцами, эта ветка захватила огромную снежную глыбу и с нею вместе легла, и другая, и третья. И все стволы гибкие гнутся арками оттого, что они кверху тоньше, а веточек больше, и больше прихватывают наверху снега, и ствол гнется. И вот согнулся до земли, коснулся верхней веткой снега, а в снегу еще прихватило. Так думаешь, что у нас бывает. И опять, как в красках: нет у леса ничего, а это мы создаем...

Всем научились пользоваться люди, только не научились пользоваться свободой, если она просто придет.

Может быть, бороться с нуждой и крайней необходимостью легче гораздо, чем со свободой. В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе, и на этом пути являются праздники: чуть-чуть полегче — и праздник. От праздника к празднику с мечтой о свободе и до смерти.

Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать, люди дуреют, имеют возможность летать, а сами мечтают о натуральном хозяйстве.

Пользоваться научились всем на свете, силами природы, умеют всякого зверя поймать и вынуть из воды всякую рыбку умеют... только не научились пользоваться своей свободой и все [трудом] добытые знания обратить на путь человеческого счастья. Как у нас, бывало, купеческие дети в [карточное] время спускали состояния отцов, так теперь драгоценные орудия свободы и счастья бросаются для истребления людей...

3 Февраля. Метель, наконец-то! а то ведь и снегу-то за всю зиму только землю прикрыло, и по белой тропе мы охотились без лыж до Февраля!

Хорошо подправил главу «Навстречу весне» и начал описывать Нальчик.

Все думаю о том, что Джефферис прав, и что до него я думал так же точно, и что «Жень-шень» есть действительно русский вариант опыта, сделанного в Англии. А именно, что есть два пути, а не один: путь человечества в борьбе за существование — один путь, и путь к свободе и счастью — другой.

Меня стесняет опасность попасть в Ницшеанскую колею, но думаю, что если писать хорошо, т. е. от себя самого, то никогда и не попадешь в чужое.

<*Зачеркнуто:* Все настоящие художественные произведения, в конце концов, есть обрывки общей человеческой души> Всякое настоящее художественное произведение есть выражение той силы души человека, которой обладает всякий сознательный человек: «они всех касаются». И сила настоящего искусства есть именно та самая сила, о которой я сейчас пытаюсь говорить как о силе первого взгляда.

Пораженцев и тогда и теперь я не люблю, потому что у них там, где для нас провал в область инстинкта с вопросами и сомнениями, стоит просто логический мост. Я и сам знаю, что немец помог бы сделать нам лучшую жизнь, да вот не хочется немца.

4 Февраля. (День моего рождения) <*приписка:* т. к. до 1900 г. ст. календарь на 12, а не на 13 дней, как теперь.>

Притянули к Пушкину в «Литерат. газету», которую попрежнему редактирует военный прокурор. Пушкиным я никогда не занимался, потому что всегда казалось, что Пушкин — это именно то, что «само собой разумеется». Спросите, напр., о Реомюре, и я скажу, что это термометр, и мне надо как-то чем-нибудь отклониться от привычки, опомниться, чтобы думать и говорить о Реомюре как человеке — изобретателе термометра. И если я, застигнутый врасплох, вынужден был бы что-нибудь сказать о Пушкине, то лучше всего для меня, не литературоведа, выбрать из своего что-нибудь получше, и когда мне удалось бы найти что-нибудь действительно получше, то там «само собой разумеется» включается Пушкин.

Одна из самых выразительных особенностей восприятия природы, которую все замечали у меня, — это природа в движении, «фенологическая», конечно, происходит от Пушкина, который очень любил сезоны... Вспоминаю, что именно «Евгений Онегин», роман, написанный так, что автор... дал мне мысль написать «Кащееву цепь» в двух планах: герой действует, а переживший сам в себе этого героя автор судит.

В особенности же в Пушкине близка мне простота, которая ему как будто врожденна, а нам приходится ее достигать. Об этой простоте все знают, и в то же время очень трудно сказать, в чем именно она состоит. Что это значит? Народная простота.

В декадентском кружке это называлось кларизмом (ясностью), Достоевский, для которого Пушкинская простота была недостижимой звездой, называл целокупностью. Мне это лучшее пушкинское...

Мне кажется, когда я думаю о Пушкине, что художник есть такой человек, кто сохранил в душе своей себя как ребенка и может по своему желанию смотреть на мир, если захочет, тем первым младенческим взглядом и потом пропускать свой материал через всю сложность взрослого мыслящего человека. Чем больше сохранился этот младенец, тем больше в творце простоты, целокупности, ясности. Я не говорю, что литература должна быть проста: Гоголь, Достоевский не простые писатели, а гениальные. Но и Гоголь и Достоевский с наслаждением забросили бы всю свою гениальность, если бы могли.

«Я» Пушкина — это мы, и кто хочет говорить от своего имени без стыда, [тому] надо учиться у Пушкина <*приписка:* простоте>.

5 Февраля. –5°. Снег. Весь день работа над «Глаза Пушкина». Кончил.

6 Февраля. Снегу прибавило на четверть. Утром поправил «Глаза».

К пониманию простейших вещей философ доходит сложным путем, и потому его положение среди

простого народа всегда опасно, еще бы: человек мучительно думает и доказывает то, что все знают.

7 Февраля. (23 Января — мое рождение.)

Ошибся — вчера был день рождения, и у меня вечером была ссора с Ефр. Павл. из-за пропажи книги. Вчера же была Т. В. Розанова и передала свою сумасшедшую тревогу. Она обнаженная личность, вернее, какой-то кончик от лица человека или осколок зеркала, в котором все видно...

Есть люди, с которыми был где-то вместе, потом ушел и не простился и никогда не увидишься: все возможное для сближения исчерпано: чужой человек, недобрый.

Сильная оттепель, сквозь туман мокрый снег. В оттепель вылезает на улицу человеческое тряпье, о существовании которого и не догадывался в морозные дни.

После процесса меняется сама собой ориентировка у нас, и едва ли она переменилась у правительства. Есть версия толкования процесса такая, что троцкисты хотят терроризировать правительство психологически: напугать врагами и расчистить путь Робеспьеру.

8 Февраля. Ночью +1. Утром –1 и крупный снег. Вечером солнце.

Все с разочарованием и упреком говорят: «Это вышло случайно!» С другой стороны, тоже говорят: «Он отлично воспользовался случаем». Значит, случай есть такая же сила, как, напр., сила ума, если не сам человек управляет силой ума, а она им, то он сумасшедший, если он сам действует этой силой, то говорят, что он тверд умом, и т. п. Точно так и если пользоваться случаем, то результат будет списываться за счет личности, а не слепой судьбы. Из этого выходит, что случай есть сила, которой можно пользоваться, как электрическим светом.

При обеспеченной изоляции мысли... как в большом городе, обеспечивается всякая отвлеченная мысль, как полезная обществу, так и преступная. В большом городе невозможно, как Сократу, выйти на площадь с учением добра в познании самого себя и невозможно, как герою Раскольникову, опуститься на колени и поклониться народу, покаяться. Если бы...

Вечером приехал Разумник. Читал ему «Дриандию» (Дриада — богиня дерева), почувствовал уверенность: хорошо начато, форма готова. Боюсь за Бетала: а вдруг его раскулачат — и книгу нельзя будет печатать, как нельзя напечатать теперь «Охоту за счастьем» с именем Воронского. Но я думаю, успею написать, пока цел Бетал. Пробовали с Разумником философствовать, но как-то плохо выходило. При моем изложении Джеффериса он спросил: «А где же Христос?» В сущности, этот вопрос и у меня был к Джефферису.

9 Февраля. Беседовали с приятелем, советовал он мне быть смелей в философии.

10 Февраля. Морозно –11, ясно, ветрено.

Чувство природы — это (стремление к худ. творчеству) личная потребность в творчестве (как-то надо иначе выразить): оно то же самое, что и в музее искусств. Истоки красоты — это

сам человек, поддержанный природой. Измученную душу поддерживает природа.

Изучение загадочного человека.

10 Февраля. Ванька Душин: — Я его рукавицей закрою, а он мною распоряжается.

Его слова: система и террор. — Что это, террор? — Это когда человек не самим делом занят, а выставляет себя ради дела. — А система? — Это мы, крестьяне, раньше для себя жили, а когда в систему попали, стали двигателями.

Это и есть самый больной нерв нынешнего рабочего и всякого порядочного человека, что он работает, а другой, которого он рукавицей закроет, говорит за него и всем пользуется.

Сила рабочего осуществляется в полном молчании, и кто хочет держать себя как можно лучше среди рабочих — [тому] надо молчать.

11 Февраля. Солнце, и стало морозить, к вечеру дошло до –20.

Двойной человек у нас — внутренний про себя думает, а наружный говорит то, что ему велят. Возникает вопрос о том, кто же из них есть настоящий человек. Сейчас приходит в голову, что «внешний»-то и есть настоящий, а другой как «внутренний враг». Как будто вообще с коммунизмом, вернее, в его нынешней практике, внутренняя жизнь человека есть нечто враждебное, подлежащее ликвидации.

Между прочим, в практике монастырей тоже вера и понимание своей веры для монаха была необязательна, лишь бы он был предан монастырю. А предан он мог быть уже потому, что, пожив в монастыре, он делался психологически негодным для мира. А после привыкал, молился и пел, как все монахи.

В наше время, когда вся масса людей на́скоро должна быть обработана для послушания, этот внутренний человек как реальность есть действительно интеллигентский бред. Сейчас внешнего полируют Пушкиным. Во всяком случае, внешний человек — каким надо быть, и внутренний — каким каждому в отдельности хочется, должны каким-то образом развиваться.

Внутренний содержит в себе разгром. Внешний — ложь.

Кто-то по радио отбарабанил (кажется, Косырев), что Пушкин со своим гением и есть самая действительность, то имен-

но, что надо, и очень надо удивляться, почему так мало «гениев». Это годится для создания «Дриандии».

Если осудить внешнего и остаться с одним внутренним (как Разумник), то требования к внутреннему предъявляются столь большие, что всякий, будь то Радек, Бухарин или кто другой, падают: правда, ведь все революционные, мятежные качества давно исчерпаны... цель — капитализм, возвращение в колонию, — позорна; религиозные устремления...

12 Февраля. Куплены ставные сети, начато знакомство с Кулаковым и др. рыбаками.

Пусть тратятся деньги и опять явится нужда со своими огорчениями: эти огорчения — детские огорчения в сравнении с теми, которые являются, когда проходит нужда. Бояться нужды, как и смерти, не надо, но нельзя тоже искать в этом утешения. Придет — пусть, но стремиться к нужде — нет!

Самое плохое, что пишешь без признания тебя, отношение такое, что «пишешь и пиши, а подохнешь — хорошо сделаешь». Аппарат отъявленных негодяев разлучает с читателем. Но если опять тот же аппарат начнет тебя признавать и пускать в ход, то это еще хуже, чем нынешнее презрение.

<*Приписка:* Полнейшая преданность есть граница власти... граничит с властью>

Но почему же именно человек должен быть одним «Я», а не двумя, не тремя?

13 Февраля. Метель. Ездил с Петей к Формозову. С аспирантурой дело налаживается.

Разговор о внешнем и внутреннем человеке, о «5-ю тысячу кончаю» — кто же настоящий человек, внешний или внутренний?

14 Февраля. Тоска от желудка через солнечное сплетение. Узнать у докторов. В этой тоске всякая мысль упирается в преграды из разных неудач.

15 Февраля. Весь день с Яловецким гоняли напрасно зайца: была корка, и от лыжи она разлеталась и звенела, как стекло. Ветер и солнце. Свет весенний. Поют синицы и клесты брачным голосом. Павловна видела, как кувыркаются вороны.

Вечером под музыку из неизвестного далекого города...

16 Февраля. Иней. Вчера вечером порошило из ничего, как будто это со звезд падали снежинки и отличались от обычного снега тем, что при электричестве на улице внизу сверкали как звезды. Из этого сложилась порошка чрезвычайно нежная, кажется — дунул, и нет. Но мы подумали, что для отличия вчерашнего следа от нового этого довольно, и поехали. Правда, зайцев мы поднимали, но гоняли плохо.

Начинаю понимать свое управление творчеством силой родственного внимания как «расширение души» Джеффериса, и это, по-видимому, дало повод Гексли вспомнить Джеффериса при чтении «Жень-шеня».

Если сказанное Джефферисом, Гете, Ницше и кем угодно я, не зная сказанного, лично переживу и сумею об этом же сказать по-своему, то в истории культуры я нечто прибавлю, потому что содержание культуры во все времена неизменно, а раскрывается оно нам в <u>личных</u> переживаниях, придающих содержанию культуры качественную ценность.

Личность как <u>двигатель</u> нашей общей души...

В творчестве при всяком повелительном «надо» необходимо рядом спросить: «а может быть, и не надо?» Степенью борьбы «надо» с «не надо» и оценивается созданная вещь. Если же созданное велико, а кому-то легко далось, то, значит, где-то раньше уже долго боролись за это и выразилось в «таланте». Значит, талант — это способность <u>лично</u> выразить то, [за что] многие бессознательно и долго боролись. Так личность является двигателем общества.

«<u>Индейцы</u>» — это не значит контрреволюционеры, напротив, это те, кто остается с культурой, когда цивилизация действует против культуры. «Индейцы» — это те, кто признают только ту цивилизацию, которая движет культуру.

Выяснить разницу моего чувства личности и того, что дается нам в понятии <u>стахановца</u>. Стахановец — это техническая индивидуальность, тогда как «моя личность» есть двигатель культуры непосредственно. Личность универсальна и не ограничивается необходимостью ее «полезности», как у стахановца. Личность включает в себя способность действовать самостоятельно, независимо от учета своей полезности... и даже часто против того, что все считают пользой для общества.

Не одни русские люди пели и славили в хороводах солнце, землю, жениха, невесту и всю хорошую жизнь. Есть народы, у кого это много лучше выходило, чем у русских. И все равно: хороводы везде исчезали, и народное искусство везде умирало на месте и возрождалось в более совершенной форме потом в музыкальных симфониях. Но пока через радио симфония возвращала народу его первоначальную музыку, сколько при больших переменах хирело певцов, певиц и музыкантов! Недавно еще в Брянских лесах у одного озера собирались такие чудесные хороводы! Бывало это, и мы там подпевали, а вот теперь сидим у приемника Си-235 и ловим на той или другой волне русскую песню.

Из того брянского знакомого нам хоровода одна девушка, знакомая нам, Домнушка вышла замуж, и только вышла, покатилась по всей земле нашей революция. Муж ее, Егор Кузьмич... Не черт ли? — Пробовала уговаривать крест надеть: не дается. Контрибуция. Ночью стонет. Внутренняя тема: каждый про другого думает, что у него не всерьез, и что на стороне можно осуждать, а здесь только пожалеть. Заостренность рассказа в опустении быта, гибели песни.

Разумник Вас. рассказывал, что его хозяин, старый податной инспектор, пенсионер, когда чай пьет, то ругается с репродуктором: — Мели, мели! и проч.

16 Февраля. Пришел Кожевников и рассказал, что если не дадут в Москве квартиру, то жена с новорожденным явится в Союз и скажет: не уйду, она может, она мать. — Вы представляете себе, — сказал Кожевников, — мы с вами этого не можем, даже отстаивая свое самое любимое детище, плод всей жизни, у нас относительно нашего «плода» всегда остается сомнение: «а может быть, плод этот никому не нужен», и у меня нет средств доказать, что это важно для всех. Она же, мать ребенка, имеет право сосредоточить все времена, все государства, все дела, весь мир, всю вселенную и сказать: «нет мне никакого дела до вселенной, вот ребенок мой, и я его мать!»

А разве С. А. Толстая не с этим одним, не с этой «собственностью» выступала против своего великого Льва, и Великий не мог ничего противопоставить, явно опровергающего «корысть».

Теперь моя предполагаемая повесть вступает в новую фазу: оказывается, не так-то легко выбросить за окошко деньги. (Возможно, что «Серна» именно потому и прятала деньги, что была беременна.)

Мать всегда узнает меня, и даже мои калоши узнает.

Мать родина и среда моей личности и железо моей защиты.

Двойной человек. Двойной человек: кто работает, а кто говорит то, что надо; и если оба соединяются в одном, то все равно их два, один работает, а другой говорит не о том, что думает, а о том, что надо.

Мысли о: «смирись, гордый человек!», и каким делают Пушкина, и каким стал сейчас русский народ.

«Исследование»: научный метод ведет, как электровоз ведет наши вагоны и самих нас. И вот мы приехали в новый край, оглядываемся вокруг и начинаем судить: не метод, не электровоз, а мы сами, такие же мы, какими были и дома. Итак, научный метод перемещает нас, открывает новую область, но в этой области судим и все оцениваем мы сами.

Очерк того существа, которому мы теперь даем Пушкина и вообще ради которого все живем и работаем в Советском Союзе: тот «счастливый» человек без начала и без конца.

Большим писателем называется, кто сумеет поднять дух в обществе бодрый, радостный, поселить уверенность в напрасности жизни.

Помнить, что ссылка на «обидное положение», на «внешние причины»: множество наглецов, дураков и проч. — все это есть лишь оправдание своей слабости. Нет оправдания! Но, с другой стороны, когда это выровняешь и победишь слабость и почувствуешь себя самого в своих достижениях, тогда-то и надо всей силой наброситься на внешние обстоятельства. Так что правило: когда тебе самому плохо, ищи вне себя только разумное, прекрасное, доброе, когда же тебе самому хорошо — гляди на недостатки нашего прекрасного мира. <*Приписка:* Можно ли на основе этого сказать, что величайшие оптимисты лично все несчастные люди и, наоборот, пессимизм исходит от счастья.>

Когда я развил философию Джеффериса, Раз. Вас. сказал: — А где же «этика»? — И пояснил: он этикой называет христианство, православие, антропософию и все такое. И что два мира, один живет в этой «этике», другой обходится без нее.

Денежные ресурсы, подсчет для того, чтобы узнать, сколько времени можно жить, не думая о нужде, имея в виду, что

нужда страшна лишь издали, как смерть, что на самом деле работать в нужде гораздо легче, чем самоопределяться в работе без палки.

Если расходовать в месяц 2000 р., то хватит на четыре года — вычесть один год на оборудование квартиры в Москве, т. е. 24 тысячи, то три года верных обеспечено. Три года! за это время все переменится и, может быть, сам умрешь. Следовательно, думать надо не о нужде, а о удержании на достойной высоте.

Продолжаю думать о внешнем («как надо») человеке и внутреннем («как хочется»). «Как надо», взятое добровольно на себя, называется «долгом», а недобровольно — бременем или игом. Труд — это долг; человек долга: вся жизнь в труде. Творчество совершается духом, освобожденным от труда: дух веет, где хочет.

17 Февраля. В Т. Розановой есть нечто чрезвычайно близкое моей собственной индивидуальности, что это, еще не могу разобрать даже в том отношении, выходит это из болезненной стороны или из здоровой: может быть, это живость, расположенность к душевной беседе. Может быть, углубленность переживания интеллигентских тем. Напр., вчера выяснилось, что и я, и она только очень недавно поняли, что дух не работает. И стало так ясно прошедшее в трех фазах: 1) Когда жили в отчем законе беспрекословного повиновения и против этого бунтовали. 2) Когда работа стала долгом и к этому бунт превратился в крест революции. 3) Когда освободился дух и дал смысл и радость жизни.

Все переживается так, что вперед всегда путь открыт, а вернуться назад невозможно, как будто за тобой закрывается шлюз.

Почти решил появить себя на пленуме на один раз после парада с целью окончательно выяснить, есть ли какие-нибудь перспективы литер. работы или до каких-то перемен надо отложить попечение.

Не от самих троцкистов была некоторая свобода в литературе, а от столкновения двух течений политических, не имеющих прямого отношения к литературе. Теперь будет одна дудка — это раз, и второе, что Горького нет, с которым несколько стеснялись. Теперь вали! По-моему, весь пленум должен вылиться в Пушкина.

Боже мой, ключом к каким тысячам вопросов служит это знание того, что дух не работает! и как обидно, с одной стороны, что догадался об этом на 65-м году жизни и после 30 лет литерат. работы! с другой стороны, кажется, и хорошо: значит, на 65 году душа моя продолжает жить и развиваться. Вот таких простых истин не сознаешь вполне, и оттого такая неуверенность.

Применение: народ работает по принуждению, интеллигенция по долгу: «не пришло время жить личной жизнью». И вот, наконец, «счастливая» жизнь, где все категории развития становятся в высшую творческую ступень: отсюда понятны и все эти претензии на первое место и возвращение искалеченных людей к труду.

Все чудесно в семье Фаворских, и чего-то не хватает — чего? Я думал долго, мне того не хватает, что есть у него, и я это свое невольно по зависти переношу как вопрос в их счастливую семью.

Сегодня Мар. Влад. очень удивилась моей общественной тревоге: «Вы же пишете о животных, что Вам?» И как я ей ни объяснял, так и не могла она понять, как это можно писать о животных и до смертушки волноваться судьбой своей родной страны. Мне самому на минуту показалось это моим пороком: не могу, наверно, целиком отдаться творчеству и оправдываю себя, свою лень, гражданским состоянием.

С другой стороны... Да, это, должно быть, верно, что мне следовало бы... но... Это остатки прошлого, после Горького, я кончаю — потом явятся поэты, для которых народ будет как-то дальше, чем нам, мы же сольемся с фольклором. Между прочим, физическая близость (напр., нынешняя мода собирать сказки) не поможет: тут не в эстетике дело, а в тех душевных муках, перенесенных за народ: там страдания в отчем плане, здесь в сыновнем, — как долг, и этот долг как тюрьма художника, на зато если удавалось вырваться из тюрьмы, то обрадованный дух творил чудеса.

Все это хорошо, но из этого никак не следует, что надо возвращать всех художников в тюрьму: нет возврата, мы прошли. Новый человек должен... нет... именно, что он не должен, а живет свободно, творит, как Фаворский свои гравюры.

(Вспоминается расцвет искусства декадентства — как вспышка в последние годы самодержавия.)

Человек иногда из своей лично-мучительной жизни, как в окошко, выглянет в жизнь вокруг себя с травой-муравой, с букашками и таракашками, ребятами и девчатами на качелях, на салазках, увидит [это всё] в таком радостном свете под золотыми лучами! Это значит, что дух освобожденный увидел действительность как она есть и должна быть для человека. Даже это просто и после болезни бывает, но как надо, чтобы без мук и болезней?

Мы о том человеке говорим, который будет: мы путь указываем, звезду человеческую, а как идти к ней, в каком порядке – это не наша забота. У нас... Между нами и государством время: время для нас не существует, но государство нас упрекает временем: ему время нужно: всё о времени: человек умирает для будущего человека... всё оно во временном: «подрастут».

18 Февраля. Сегодня утром, надевая чулки, вспомнил, – скольким людям, начиная с М. Горького, я показал через окошко мучительной их жизни возможность радости, счастья. Мне стало хорошо на душе, и дальнейший путь мой осветился. Да, конечно, мне теперь надо дать лес, но только, наблюдая лес, я должен одновременно погрузиться в искусство всех времен, всех народов, чтобы лес был у меня как человек, или, вернее, чтобы провести человека по лесу.

Мне надо обдумать то время, когда упрекали за эстетизм, я же думал, что дурное заключается в «изме», если же честно брать красоту и служить ей, то это не должно быть плохо, т. е. если «изм» красоты заменяет собой необходимый для людей какой-нибудь другой «изм» (как у Толстого), то это плохо, а если красота берется в чистом виде и дается всем, то это дело оправдывает жизнь человека вполне.

Еще одна мысль: что черт должен быть идеалистом (в кантианском смысле), но закрывается материализмом: в этом и есть его обман и страшный цинизм.

В душе метель мыслей, но солнце (солнечное сплетение) ярко светит: не болит, не тоскует. Из этой внутренней метели, как через окошко, показывается в необычайной прелести внешний мир, и вижу, там тоже ярко светит солнце, а внизу поземка: блестят ярко серебряные всхолмия наста, и по ним перебегают белые дымящиеся струйки метелицы-поземки. Дорога

узенькая промятая санями, правая сторона теневая — голубая, левая ярко серебряная, сам идешь в санном углублении...

Вечером Петя привез хорошие вести и относительно «Известий», и Союза: я действительно одичал в одиночестве.

Анализировать происхождение неловких разговоров (Т. Розанова, Князь Мышкин): неуместность умственности среди бутылок или искренности в светском салоне.

В конце концов, все сводится к тому, чтобы быть самому собой, но как это сделать, если всё вокруг, на что смотришь, говорит: «это я, а не ты». И только в редчайших случаях, когда удается посмотреть первым глазом, «я» и «ты» соединяются, и «я» расширяется, и является «я-сам», которое сливается с «мы». Вопрос весь в том, как надо вести себя, чтобы это, скажем, душа, постоянно ширилось...

Новое дело всякое увлекает некоторое время всегда, как новое: насколько можно этим пользоваться?

«1-й взгляд» имеет тоже границу емкости, за которой ничем не удивишь.

19 Февраля. Отправил в Лондон о спиннинге. Готовлюсь к завтрашнему пленуму. Умер Орджоникидзе.

1-й фланг Комариха, 2-й фланг сапожник: стал ревнителем с тех пор, как получил пособие за многосемейность. Мысль о новой должности «Комиссар бытостроительства».

20—21 Февраля. Поехал делегатом на пленум Союза писателей, а попал на похороны Орджоникидзе. Дали номер вдвоем с Чапыгиным. Ночью пришел не Чапыгин, а некий еврейчик Вальбе, разбудил меня, выспрашивал, задавал даже и такие вопросы: — А Сталин как относится к вам? — Сталин меня любит, — отвечал я ему. Измучив меня, он захрапел, а я так и не спал до утра и встал с головной болью. Потом пришел некий человек и потребовал, чтобы я до 5 ч. вечера вышел из гостиницы (окна гостиницы выходят прямо на линию движения похоронной процессии). На улице метель, все пути оцеплены. Мелькнуло: скорей в Загорск! — Можно к метро пройти? — Сейчас еще можно, через 5 минут будет нельзя! — Я бросился в метель, в метро и попал обратно в Загорск. Метель, кутерьма. Нет никакой законности в быту.

Вальбе = Тальникову, но Тальников неудачник, а Вальбе гордится, что может писать с марксистской проработкой. Оба глуповаты, суетны, все время живут слухами, литературными сплетнями. И тем не менее оба одинаково меня волнуют. Тому и другому хочется написать о мне по книге, оба чувствуют, что написать надо бы, но не могут взяться за работу без договора, а договора не могут заключить. И, передавая мне всякие сплетни в связи со своими неудачами, волнуют меня. Попадаешь как-то вроде мухи в их паутину. Начинаешь думать, что все личные порывы ни к чему, раз ты попал в литературную паутину. Есть такая паутина.

Относительно меня сложено так, что большой человек Горький любил «сорадоваться» с маленькими, напр., Чапыгиным, Пришвиным. Но вот Горький умер, и имена маленьких постепенно сходят на нет. Попробуй-ка, выбейся из такой паутины, докажи, что ты не от Горького. Там борьба методическая, паучья, здесь, в ответ — мои партизанские налеты. Муха бьется еще, рыба еще ходит, но на леске и с крючком во рту. Придет срок, и рыболов подтянет тебя к берегу и стукнет молотком по голове. Не помогает и мысль о пустынном жительстве и независимости духа: хорошо об этом думать, когда ты еще муха, еще летаешь и кусаешь, но если ты муха в паутине, если ты рыба на леске, то куда ты уйдешь?

Самое неприятное в этом — сознание того, что ты находишься в какой-то зависимости и не можешь не обращать внимания. Это точно та же зависимость от пошлой среды, как было у Лермонтова и Пушкина: глубоко презирают среду, и тянет в нее, как магнитом, и оба умирают, считаясь с «предрассудками» (паутиной) этой среды. Затрагивается как бы физическое самолюбие, как бы хотят тебе у всех на виду вырезать яйца <*приписка:* (пальцы)>, и ты в борьбе за яйца <*приписка:* пальцы> с ужасом оглядываешься на свой покинутый, униженный дух. Но попробуй-ка бросить унизительную борьбу, попробуй без пальцев (яиц) вернуться в прелестную пустыню! Из всего этого вывод такой, что, конечно, одной честной работой не спасешься: рано или поздно враги отравят твою работу в самом желании. Невозможно помочь делу и партизанскими набегами. Необходимо охранять себя борьбой методической, и это обдумать ко времени получения квартиры в Москве. Главное же, надо иметь в виду, чтобы сама эта методика борьбы не стала паутиной.

22–23 Февраля. Разобрать: полные газеты об Орджоникидзе и ничего о нем самом, каков он есть. И тут, даже на похоронах человек пропускается. Тревога о себе, что все ни к чему и тебя забудут: «Не дай Бог среди них умереть». В этом всё: разобрать.

Все равно: здесь в Союзе и там у Сологуба...

В собрании людей, как в лесу, оставаться самому с собой и прекраснейшим человеком.

Вторая природа как чужой ум: напр., положение необразованного партийца, когда начали повторяться имена Пушкина и др.

Срыв завета и последствия.

Зал с трибуны и трибуна из зала (глаз бедняка и глаз трибуны).

Вишневский, Лева и Щербаков: русский, крестьянский народ, добродушие и растоптать врага, немца.

Еврей Вальбе: украинский лес закрыл ему путь в Палестину, блуждает в украинском лесу гражданин рассеянного по земле «народа книги». Вопрос: я, русский, могу допускать себе роскошь презрения и ненависти к подлецу одной и той же со мной, скажем, арийской крови. Но еврей в отношении к своему подлецу не может допустить и этой роскоши: нет земли под ногами, почвы, по которой он мог бы уйти, отдалиться и физически отстраниться от своего родного подлеца. Ему приходится выносить его рядом с собой в непосредственной близости и, что самое ужасное, в конце концов, отвечать за него. Перед ним две дороги: одна <*приписка:* индивидуальная> к золотому могуществу («На земле весь род людской»), другая <*приписка:* общая> к интеллектуализму или революции, что-то вроде perpetuum mobile, вечное движение без отдыха.

Анализ нашего русского, советского антисемитизма: надо взяться за это наконец и довести до конца: Радек и двурушничество. Самая суть темы, что в Палестину вернуться нельзя, как вообще нельзя вернуться физически к своему прошлому. Это каждый испытывает лично, непременно теряя, утрачивая свою личную почву. Но чтобы целый народ вместе со своими святыми и подлецами мог утратить почву и рассеяться, сохраняя в то же время душевное единство, это необычайно, это, может быть, единственный раз было в истории: какое-то чудо

перехода сырой, твердой обыкновенной земли, чернозема, супеси и т. п. в душевное состояние.

Появился П. Н. Щекин-Кротов, педагог, директор рабфака. Разговор об эгоизме нового человека (рассказ о «путевке»: если получает путевку, то ни на что не смотрит, бросает лекции и требует выполнения своего права). Рассказ о железной дисциплине, ее необходимости, определенной ходом самой революции (постановление совета: вставать при входе учителя, один рабочий не встал). Возвращение к своей описанной в «Кащеевой цепи» гимназии: священный бунт Курымушки теперь представляется мне не священным, и кажется, что учителя были гораздо лучше, чем описаны. Необходимость дисциплины, осознание этого приходит у Курымушки на 65 году жизни!

24—25 Февраля. Слушал Ставского, похожего на хозяина в колхозе. Чистка писателей (Пастернак и Пильняк). Тип Вальбе (Тальников =). Вечером уехал домой. <*Приписка:* Послать Щекину «Север», «Кащееву цепь», «Зверь».>

26 Февраля. Всё метели. Снегу в лесах довольно и для хорошей весны. Думаю о словах В., что евреи (нэпманы) спасли Россию, и начинаю понимать, что каждый еврей в глубине души капиталист и троцкист и что в дальнейшем есть опасность еврейского погрома...

Тело народа, земля, физический труд, народность и необходимое объединение всего этого, государство, евреями глубоко презирается, потому что из этого можно сделать вытяжку и опустить в карман в виде золота, которым и достигаются все те ценности: краткий путь. Поняв это, человек просто скучает среди национальных наивностей. Заключив,, таким образом, всю материальную силу, еврей делается ценителем культурных ценностей, поскольку всякая культурная ценность само собой выходит за пределы своего национального происхождения...

Таким образом, евреи являются как бы агентами интернационала, и так оно было довольно давно, потому что торговля, обмен... Все объясняется их торговым прошлым...

И вот как понятно теперь, что они должны быть недовольны до крайности нынешней национальной (Пушкин) политикой Сталина. Троцкизм — их дело и состоит в том, чтобы напугать, поселить страх, препятствующий творчеству... С другой стороны, восхваление Сталина, превращение его в бога есть

тоже разрушительное дело: и на том и на другом пути стараются евреи.

27—28 Февраля. Окладывали лисицу, большого кобеля. В темноте вечером я спутал флаги, и зверь остался незафлаженным. Измучились до конца.

Еврей не потому успевает в житейских делах, что умнее, а что действует без «предрассудков», свойственных другим нациям: ничто его не держит, ни рыцарская честь, ни буржуазная честность. Он сросся с товаром, с монетой и сам стал таким же отвлеченным, как монета: в монете его власть, чистая власть, лишенная царских игрушек и облачений. Каждый еврей должен быть троцкистом, и я боюсь, что как бы наш коммунизм не окончился изгнанием евреев.

Еврей среди народов всегда всплывет наверх, как самый легкий.

Еврей никогда не ассимилируется по тем же причинам, по каким крестьянин, переменив профессию, не возвращается к земле...

Еврей может быть погашен как еврей-спекулянт и революционер лишь в творческом интернационале моей Дриандии.

Сталинец скоро оформится в русского националиста (Вишневский, Щербаков, Лева и т. п.): все равно, будет это при жизни Сталина или после него.

Положение толкача: Кагановича никогда не удовлетворит еврея: рано или поздно он возвратит свой советский паспорт и потребует капитализма.

Положение его теперь между фашизмом и коммунизмом в «демократических» странах. Наш советский коммунизм дает <*зачеркнуто:* жестокое> справедливое решение еврейскому вопросу: кто не работает, тот не ест: работай наравне с другими, и будешь равным гражданином.

<*Приписка:* Наблюдения: розовая береза, орехи, белка, крик совы, клесты, вороны.>

28 Февраля. Вчера и сегодня солнечные дни весны света. Вороны кувыркаются. Клесты поют везде. Мелкий березняк на фоне темного бора в лучах солнца становится розовым...

Солнечный луч на крыше гаража создает нечто вроде ледника, из-под которого, как и в настоящих горных ледниках, струится по нагретой крыше вода, и ледник отступает, все ши-

ре и шире темнеет между ледником и краем крыши темная полоска железа. Тоненькая струйка с теплой крыши попадает на холодную сосульку, висящую в тени на морозе. От этого вода, коснувшись сосульки, тут же замерзает, и так все утро. Сосулька утром сверху растет в толщину. Когда солнце, огибая крышу, заглядывает на сосульку, мороз исчезает, и ручеек, сбежав из-под ледника, струится по сосульке и золотыми каплями падает вниз. И весь день; и в какое окно только ни глянешь, везде, кажется, солнечные лучи золотыми каплями падают вниз. Но далеко еще до вечера начинает морозить в тени, и хотя на крыше все еще отступает и ручей струится по всей сосульке, внизу многие капельки останавливаются, капля прирастает к капле: сосулька растет в длину. (Сделать началом «Дриандии»: после этого: «Это весна света все равно и ночью»...)

Пете на завтра в Москву: 1) Организовать «Свадьбу Лады». 2) Покончить с сапогами. 3) Деньги у Лазаря и письмо ему. 4) Свои дела: а) тема лесная, б) прошение. 5) Мелочи: 2-й спиннинг, 4 лески, складные удилища, клеенку для футляра спиннинга, привезти аппарат и коробку фотопластинок, к блеснам рыбки, Зуев: порох, кожи. Белка. Миллер и Мирский — англо-русский словарь, изд. Советск. Энциклопедия.

1 Марта. Утро −25. Около 2 [пополудни] разгар солнца, капли с крыш, вечером −5. Петя уехал в Москву устраивать свои дела в Университете.

Был Сергей Александрович Цветков. С ним тяжело: не дослушивает и перебивает своим. Это вроде болезни, у Тани Розановой то же. Долго быть невыносимо, тем более что и сам заражаешься и начинаешь его не слушать и сам прыгаешь. Не дай Бог! Человек в отношении другого должен быть прежде всего душевно внимательным: это у человека лучшее...

Удалось влепить в Кавказ двух существ, живущих во мне: подпольного («Бедняк») и светлое, аполлоническое существо (Альпинист): ведь вечная же борьба того и другого: разобрать эту борьбу (Гоголь и Пушкин) и условия победы. Думаю, что основа победы «дух не работает» (Моцарт).

2 Марта. Такой же, как вчера, морозно-солнечный день от −25 до капели.

Писал «Завидово».

Читал Метерлинка. Вот болтун! Вот махровый писатель, полная противоположность Пушкину, Толстому, Гете, Джефферис'у. Как неверно сравнивают пустые слова с водой: ни с каким физическим явлением нельзя сравнить словесное извержение: в природе и вода, и все работает, а у человека слова просто выходят и пропадают.

Упражнялся в метании спиннинга.

3 Марта. Погода та же. Кончил «Завидово». Метал спиннинг. Жду Петю.

Решил достать Гете и прочитать его по-немецки.

Никогда с такой радостью и без всякой тревоги не ждал весны. Когда вспомнишь о сближении своем с природой, то вспоминаешь, сколько этому счастью помогла моя бедность: нищенское существование до революции обрекало на деревенскую жизнь, после революции долго не давали комнату, потом комнату и Лева отобрал, и стали вообще опускаться руки на перемену. Между тем при других обстоятельствах я мог бы так же, как природу, полюбить в городе искусство и книги. Когда будет квартира, я непременно сделаю опыт в этом отношении: попробую пожить в городе «эстетически», т. е. свободно, как в лесу.

4 Марта. Когда навстречу прекрасному в природе душа моя расширяется, я верю, что это прекрасное существует в мире само по себе и я лишь просто его принимаю в себя. Когда мне становится худо и на глаза попадается все некрасивое и недоброе, то виновником этого состояния я считаю себя: это я такой и такими глазами я смотрю на мир. В этом заключаются все правила моей гигиены, и только благодаря этому я в творчестве своем движусь вперед.

— Я тоже так живу, — ответил мне N., — лучшее не во мне и не от меня, но ответ за дурное могу принимать только до известной степени и отношу его в большинстве случаев к Марксу. И так оно вернее.

Итак, во мне сейчас и всегда борются три существа: 1) Альпинист, 2) Бедняк, 3) некто высчитывающий, как бы выгодней продать, напр., работу о Завидовском хозяйственном военном обществе, назовем его Практик.

5 Марта. «Альпинист». Когда поднимается на гору, то смотрит на себя как на осла: это нужно, это бремя он берет на себя и тут встречается с подпольным «Я», с той «задней мыслью», которая таится у осла за ушами. Эту заднюю мысль, ослиную, каким-то образом надо преодолеть в себе, чтобы обрадоваться достигаемой высоте.

Творчество именно в этом и состоит: выйти за пределы ослиного «Я» и делать, «не работая».

Вопрос: как надо жить, чтобы от ослиной работы перейти к той высоте, где не работают?

Ответ: надо ослиное бремя жизни, труда взять лично на себя по примеру Христа (антропософы это все знают, но они «шалуны») и через эту смерть добровольную попрать смерть назначенную.

Возможно при этом, что и не сам ты взял бремя, а кто-то за тебя это сделал и освободил тебя.

Некоторые недовольны тем, что осел имеет заднюю мысль за ушами, но как же ему не иметь ее, если он взял на себя бремя, освободил человека, а тот кричит на него и бьет палкой: он ведь не собака, только собака...

Бедняк — это кто отстраняет от себя бремя как долг...

Удивляешься большим художникам, как Репин, Суриков — как они могли за короткую человеческую жизнь столько наработать. Загадка разрешается тем, что они не работали: им даром давалось. И вот именно в истории культуры человеческой весь труд пропадает бесследно и остается только то, что выходило даром.

Бедняк — это прежде всего завистник (Сальери): это революционер, рабочий, отравляющий Моцарта, это задняя мысль за ушами осла, это вечно преодолеваемый мой антагонист: одно и то же бремя и по-разному толкуемое.

Третий человек «практик»: это нянька, напр., во время смерти Саши, это мысль каждой хозяйки за столом всех накормить, это я, одновременно размышляющий о Христе и высчитывающий гонорар, это хозяйственник (Марфа жизни).

Осел презрительно называется ослом не за ум: у него ума довольно, вообще осел — умное животное. Нет! мы называем презрительно ослом того, кто несет свое жизненное бремя не свободно, а имеет за своими ослиными ушами какую-то зад-

нюю мысль, злую, с претензией за свой ослиный труд получить признание как за творческий.

Без ослиного труда, конечно, не обойтись и Моцарту, но Моцарт прячет этот свой труд как ничтожный в сравнении с тем благом, которое им получено даром как некая реальность мира, достигаемая трудом миллионов.

<*На полях:* Осел — как герой. Альпинист и пр.>

Круглые подбородки. Начинаю понимать, что тупик мысли есть свойство всех национально-крестьянских типов: что это вообще сейчас повторяется и, накопляясь, переходит в ту слепую силу, которая делается силой нации. Это у немцев очень сильно и сейчас начинается у нас, и очень этого много в марксизме, как он практикуется. Это начало, противоположное романтизму, Христу: в этом начале американская практика, это вообще есть слепое пятно прагматизма.

Бетал как организатор той «необходимости», которая для каждого обязательна: это твое личное дело, решить, каким образом тебе надлежит преодолеть необходимого осла, но она обязательна, и перед ней все равны: происхождение «человека» («а люди — это везде», человек как среднее, что можно с него спрашивать и чем можно его удовлетворять).

В этом грех и бремя и зарождение и оправдание власти, подобной нагромождению скал. Бремя это необходимо, и Бетал стоит на страже, чтобы один человек не освобождался тем, что перекладывает его на другого.

Революция занимается вообще не освобождением человека от бремени, а скорее утверждением его необходимости и справедливым его распределением между людьми. Вот почему и является необходимость в абстрактной величине человека среднего, без индивидуальности.

Создание Дриандии понадобилось вследствие того, что искусство предполагает личность как условие творчества, требует личности автора в образе «героя», и это понадобилось теперь показать.

6 Марта. Царит весна света. Пете в Москву: 1) Свидание с Формозовым. 2) С Ларским. 3) Фиксаж.

Приходил читатель за таким словом, которое могло бы вернуть ему желание и силу жизни. Очень плакал. Сам в валенках,

16 Зак 3028

а в сумке кожаные сапоги на случай оттепели (за это цепляется и говорит: — Вероятно, я уцелею, видите, какая предусмотрительность!). Первое: пишете слова ежедневно для всех вдаль, и приходит человек и говорит: «нет ли у вас слова для меня лично, спасите меня». Денег не берет, в Бога не верит, докторов не хочет: слово ему нужно. <*Приписка:* Болезнь его в том, что он не может жить без чтения (не было раз чтения — он драл обои, под ними читал газетную заклейку). Потерял себя, не может найти своего ритма.> Вот жуткое положение! Второе: это ведь современное явление, это раненый: смертельно ли? Сейчас ведь война, и это надо помнить, надо не забываться, что война вокруг самая жестокая.

Анализ нынешнего понятия «счастье»: самозабвение в служении будущему, роду человеческому: есть человек, и есть род человеческий; человек, личность его: это есть настоящее. Лицо человеческого рода есть его настоящее, и в настоящем живут личности. Восходящие государства все: культ родового человека. Падающие хватаются за настоящее.

7 Марта. Утренняя пороша. Теплеет.

Возле сберкассы который уже день толпится народ: выдают 30 р. за 100 р. облигационной ссуды. Все, однако, знают, что это не ссуда, а продажа: продают свое счастье, и государство скупает векселя своего счастья очень дешево. Игру все видят насквозь и презирают кого-то и что-то... и шепчутся, оглядываясь. Неужели Сталин знает эту операцию?

Я бы такого финансиста повесил. Представляю себе его, реалиста цинического: он думал об этом будущем счастье и верно рассчитал, что это принужденное будущее гражданин охотно отдаст за 30% настоящего. Счастье на векселях: дайте нам 100, через 20 лет без проигрыша будет счастье, а может быть, и раньше. Векселя скупаются... я бы этого финансиста повесил: чистейшее вредительство, волчий троцкизм.

Возвращаюсь к читателю: писатель и читатель: читатель просит такого слова, чтобы ему им можно было жить. Нет, настоящий читатель не станет нищенствовать: тот не просит, а, получив, сам творит и помогает автору. Это был запоздавший интеллигент: о, как давно это пережито!

8 Марта. Пороша ночью. В 4-м ч. утра явился Петя из Москвы.

Бывает, душа попадет на свою волну. Такая тишина, такая ясность. Смотришь на человека всякого с таким родственным вниманием. Птицу, зверя, — кого ни увидишь, всеми восхищаешься. Нельзя восхищаться — пожалеешь. В любой вещи чувствуешь создавшего ее человека. И даже если это самовар, то постараешься, чтобы и самовар, поспевая, слезы не пролил.

Писать в «Юный натуралист».

Осуществлять мечту: создать сказку жизни, чтобы читали мой детский рассказ, как сказку, все возрасты. Это единственно возможная теперь литература. В такой форме единственно художник может служить будущему. И пусть, кто хочет жить, смирится, и все будут как дети.

Утренняя молитва.

Заутренняя молитва царя Берендея.

Утром в темноте в предрассветный час падает снег.

И сейчас падает неслышно.

Такая тишина, такая ясность души.

Приходит с снегом в душу полная ясность и тишина. Можно слышать себя самого.

Хочу смотреть сегодня на всякого человека внимательно и принимать его в себя родственно.

Пусть птица, зверь, кого ни увижу сегодня, всех встречу с моим родственным вниманием и восхищением. А если и нельзя восхищаться — пожалеть надо. Нельзя будет восхищаться — пожалею.

В любой вещи прошу хочу нынче видеть и понимать руку создавшего ее человека.

Хочу и к вещи относиться внимательно, родственно.

И если эта вещь вот этот мой в предрассветный час закипающий самовар, то пусть даже самовар, закипая...

Вот первая вещь: мой любимый самовар. Так пусть же и этот в предрассветный час поспевающий самовар, закипая, сегодня слезы не прольет.

Заутренняя молитва царя Берендея.

Берендеева утреня.

Утром, в предрассветный час, падает мартовский снег. Тишина приходит в душу и полная ясность.

<*Приписка:* Вижу, какая величайшая трудность быть современным всему в мире — какой это крест! — и какое великое

счастье рядом: сохранять в своей душе себя как ребенка. Если бы так удалось, то на этом пути стало бы можно служить будущему человеку, не тратя себя в настоящем. Можно бы стало спасать род человеческий без распятия, не умирая никогда, вечно воскресать самому.>

Хочу сегодня начать встречать всякого человека непременно со вниманием, родственно.

Пусть птица, зверь, кого ни увижу сегодня, всех встречу с хозяйственным, родственным вниманием. Буду слушать бескорыстно всякого гостя, а не ему о себе говорить. <*Приписка:* Покрошу хлеба, насыплю зерна воробьям, синицам.>

В любой вещи хочу нынче понимать руку создавшего ее человека.

Хочу бережно, в порядке расставить все у себя, чтобы все вокруг было как у меня в душе.

Начинаю. Вот мой любимый, в этот предрассветный час поспевающий самовар. Я возьму на себя терпение, постою возле него, подожду у крана с чайником в руке и в нем засыпанным чаем. Пусть сегодня даже мой самовар, закипая, слезы не прольет.

Величайшая редкость в мире — это быть современным всему, что вокруг тебя совершается, и в то же время сохранять в своей душе себя как ребенка. Если бы так удалось, то можно бы служить будущему человеку, не тратя себя. Можно бы спасать без распятия, воскресать, не умирая.

Мне бы хотелось еще сегодня жить бесцельно, создавать без труда, одним желанием, одним духом. И это можно, если же это достигнешь, то можно и смерть победить. Как это? я не знаю сейчас, но так понимаю: если можно добиться такого, чтобы <*зачеркнуто:* жить> создавать не работая, то можно и смерть победить.

Пчелиный закон социализма: кто не работает, тот не ест.

Но возможно, что человек двигал вперед себя и все человечество именно не работая: именно чтобы не работать, мальчик (Уатт) выдумал рычаг к паровой машине. Спасаясь от тягости физической, человек прибегает к духу, и дух, сам не работая, еще освобождает и других от работы. И вот хитрецы (евреи) это поняли и стали этим пользоваться. Мало-помалу жизнь разделилась надвое: для одних, для масс: кто не работает, тот не ест; для других, хитрецов, наоборот: дураков работа любит.

Каждый еврей так думает, каждый из них есть спекулянт духовными ценностями.

Это прикладная часть духа: прикладная наука. Есть прикладная наука — есть прикладной человек. В творчестве дух не работает? — да. Но там человек-работник именно входит в дух, а тут этим пользуется: это хитрость. Значит, работать надо, и закон необходим: кто не работает, тот не ест. И только на этом пути открывается путь к жизни без труда, к творчеству.

Не только еврей, но и стахановец освобождается от труда, переходя на учебу, не совсем правильно: он тоже убежал от труда и не вошел в дух. Избежал работы, а в дух не вошел: будет инженер-плановик такой же подневольный. Это здоровый путь работника, но не это вводит в дух: стахановец тоже хитрец, но не так противен, как еврей: стахановец был работником, потрудился, и у него некоторое облегчение вышло из труда, а как из труда, отталкиваясь от работы, облегчая труд, придумывается изобретение. Еврей облегчает себя, не работая, он, не имея права на облегчение, получает его, спекулируя духом: еврей... беда не в том, что он спекулирует селедками, а что он духом спекулирует. В сущности, это ведь заповедь социальная о труде, что «надо трудиться», легко обходится, как и заповедь «рождать детей». Оказалось, детей можно не рождать, а если можно выскабливать детей, то зачем же еще надо и в поте лица трудиться. Положение еврея похоже на положение женщины, сделавшей себе аборт: любить, не рождая, жить без труда: противно! а между тем в духе и живут без труда, и рождают без боли. Так я возвращаюсь к теме этой зимы, к жизни Толстого в 1910 г., когда Толстой, войдя в дух, не мог освободиться от упреков заповедей: в поте лица работать, в болезнях рождать. И это же тема Кавказа, над которой я работаю.

Литератор не может сказать «да» (рождение Хлестакова из отношения искусства и государства: брак рождает Хлестакова).

9 Марта. 2-й день (вторник) Масленицы. После метелей ясный день. Окладывали лисицу. Среди дня к лыжам стало примазываться. Пришлось бросить. Весна, стало размаривать.

В Ивановской области голод (разговор пильщика Московской области с пильщиком Ивановской о паспортах, квартирах и заработке). — Еду на лесные заготовки, — сказал Московский. — А у вас еще выполняют? — спросил Ивановский. — У нас бросили. У нас говорят: «кто не ест, тот не работает».

Вот знакомый исстари голос, помните? Мы его когда-то слушали почти радостно, и вот он нам показал, что это значит, если кончается хлеб: все кончается...

Ведь это я сказал когда-то первый на пленуме «сорадование», а теперь все говорят, и как это противно!

Как часто сейчас можно видеть прилично одетого мужчину с дамой, и он сморкается пальцами в одну сторону, она в другую. Одежда меняется легче всего...

Рождение Хлестакова. Гоголя сейчас хотят присоединить к социализму таким образом: при наличии в имперское время государства, враждебного личности, решимость Гоголя служить государству являлась такой же невозможностью, таким же падением, как, напр., если бы Лев Толстой забросил свое христианство и стал бы служить Софье Андреевне. Но теперь в социализме рознь между личностью и государством кончилась, царское государство кончилось, и та «служба», о которой мечтал Гоголь, теперь стала возможной. Точно так же теперь не может появиться Хлестаков как одно из проявлений личности в соприкосновении ее с государством.

Разобрать в чистых планах, т. е. представить себе в единстве Дриандию и Кабарду.

Это возможно лишь в том случае, если государство будет обслуживать не массу, а личность, и личность будет творческая, т. е. готовая служить своим творчеством массе, и не должна [будет], как теперь, лишь бороться с государством за такую свою свободу (служить). (Свобода не личности, а свобода службы.)

Теперь государству приходится обламывать личность, вечно испытывать ее на «полезность»: учитывать, проверять, контролировать, равнять по средней полезности.

Требуется совпадение полное субъекта с объектом (личность и госуд-во = субъект и объект). Объект учитывает субъекта, но субъект (ягненок) аки агнец на заклание.

Субъект и объект сойдутся, когда лев ляжет рядом с ягненком.

А по-нашему: когда все субъекты сделаются ягнятами.

Мы сейчас не можем бороться с волей объекта, потому что мы в аргументах своих исходим из «вечности» антагонизма субъекта с объектом, а они говорят, что этот разлад временный, недостатки механизма.

Вот сейчас ясно вижу, что самый замысел мой построить из Кабарды (государства) свою поэтическую страну Дриандию принципиально недопустим: Дриандия поэтическая и Кабарда государственная совпадают, как Синяя птица живет в нашем доме.

Я могу только написать именно в этом роде: что моя Дриандия заключается в самой Кабарде и мое строительство Дриандии совпадает со строительством Кабарды Беталом. И что, напр., Синяя птица живет в избе колхозника Ивановской области, он поэтически должен открыть ее у себя, а не в Московской области, и быть довольным своим местом и петь: «я другой такой страны не знаю».

Если же я стану на точку зрения «вечной», как параллельные линии, борьбы субъекта с объектом, то в мой дом явится троцкист и... а я ведь против троцкистов.

Почему я против них? Потому что они лишь «меньшевики» того же самого большого дела — и это в лучшем случае, в худшем: спекулянты...

Но если бросить политику и вообще условия издания, а писать...

В буржуазных странах госуд. власть понимается как необходимость и даже как необходимое зло. У нас государство есть некий непогрешимый в принципе идеал, в котором личность, как в пчелином улье, свое счастье находит в служении обществу.

И опять-таки все это выходит, но не есть наша цель.

Наша цель апокалиптическая: лев рядом с ягненком.

Мы что-то достигли такое, чего нет во всем мире, свергли эксплуатацию человека человеком в личных интересах и заменили пока эксплуатацией в интересах общества (будущего, улья, рода и т. д.) с тем, чтобы, накопив средств в эпоху «каждому по способностям», создать эпоху «каждому по потребностям».

Значит, надо выждать несколько, потерпеть, и, личность будет [иметь] все средства для выполнения своих желаний.

Спрашивается, откуда же является вопрос о невозможности написать Дриандию. Вот откуда: если бы я взял капиталистическую страну и стал бы ее переделывать как желанную — это да. Но если я беру социалистическую республику и ей не удовлетворяюсь, а хочу открыть личную, демонстрировать необходимость личности, я...

11 Марта. После оттепели и снега вдруг сегодня утром мороз –16°. Солнце яркое и сильное. Под лучами при морозе на заборе тает белый пух вчерашнего снега, растут из-под белого темные пятна и дымятся, весь забор дымится...

Вчера вечером приехал Разумник, привез запрещенную повесть Макарова, в которой он и мне отводит глупую и злую страницу. Вот умнейший человек Раз. Вас., а в чем-то глуп: разве можно было угощать меня таким чтением! Но пошло на пользу: все «бедняки» соединились во мне, и явился вопрос о выходе из этого состояния подполья; и распространилось до пролетария: революция постепенно всем претендентам показала кукиш и скоро это же покажет стахановцам.

«Бедняк» — это все наше недоброе, от «беднейшего из крестьян» до беднейшего и образованнейшего интеллигента, от прохожего, пхнувшего Бьюшку сапогом в живот, до Ивана Макарова: это злые силы бездонных пропастей и просто помойных ведер.

12 Марта. Продолжали гулять масленицу. Петя встретил сани, потянул их с народом и потом по сигналу « valись!» бросился в них, и сани понеслись...

Разговор о Дриандии, что не может быть Дриандии в Горьковском смысле, т. е. без трагедии в основе своей, без страдания.

Разделение всего мира: с Христом и без Христа.

В связи с этим «преодоление осла», я хочу сказать о положении человека, который, имея машину, мечтает об осле. Вот отсюда мысли о Дриандии как о счастье. Осел остается там, где не может брать машина, там, где осел не может — я делаюсь ослом; поднимаясь на Эльбрус, я преодолеваю в себе осла.

Социализм дает механизм. Робот вместо осла, трагедия из грубых планов внешней зависимости переносится в личный: оказывается, осел заключен в себе самом, и все так: после того как социалистический человек будет освобожден от осла, вопрос перенесется в личность... И таков весь горьковский кругозор: он думает, что вопрос весь целиком заключен в рабочем: освободите его, и будет Дриандия. Но «осел» заключается в самом духе...

Против такой Дриандии — это раз, и против возвращения к ослу — два.

Борьба переносится в самый дух...

И свести к простому: если человек стал богат, то какой же путь его – 1) раздать бедным 2) или, приняв его, как талант, сделать из него того форда, того черта, на котором Вакула добыл черевички.

В сущности, это ведь жизнью подведено: у меня талант и деньги, вокруг бездарь и нищета, мне стыдно и невозможно писать в этой обстановке: вот и все.

13 Марта. Солнечный день. В лесу размаривает в полдень: весна. Птицы поют, но признаков весны на опушках еще не заметно. Разве вот что шапочка снега на елке выпустила из себя сосульку.: редко бывает.

Приходится отложить Кабарду в сторону до благоприятного времени, первый, кажется, раз не выходит: все как-то не нравится, и страсти нет, чтобы схватить все.

Артемова злость. Не зависть это, а может быть, и зависть? Есть зависть как сила соревнования, и есть зависть хамская, весьма у нас распространенная, подпольная зависть, смердяковская зависть (швейцар Дмитрий). И это в значительной дозе у нашего пролетария, и выход: «сами, сами комиссары!»

Итак, тема 1-я для размышления: «выход». Тема 2: Счастье Горького.

14 Марта. Все, что было нам с детства как долг: трудись, гражданствуй и т. п., — все это, в сущности, «трудись» и не помни себя, все это бремя должно быть искупленным, и если, напр., ты родился для красоты, то и бери ее, и если удастся, никто не попрекнет тебя «эстетом».

Колхозники ехали, я шел с лыжами в руках в лес на прогулку. – Барин! – сказал один, рассчитывая, что я обернусь, но я сообразил: оглянись я, — весь обоз бы помер со смеху.

Одно время поэты, очевидно, из чувства самосохранения старались доказать, что поэзия тоже <u>делается</u> (Маяковский), и, как всегда и во всем, что исходит из чувства и еще чувства самоохраны, палку перегнули: стали думать, что раз поэзия делается, как вещи на фабрике, то и обратно, рабочие могут делать поэзию, стали зазывать в литературу рабочих с заводов и фабрик.

Когда же рабочие пришли, то оказалось, что труд в поэзии — это малая сторона, а что главное для поэзии — это что надо талант, что надо родиться поэтом и что с испокон веков поэты трудились и только виду не показывали. Трудились, конечно, много, но трудящимся открывали как идеал... как добиться в жизни возможности жить без труда и без раба.

Правдой в этой сказке было то, что у человека, может быть, каждого, может быть такое любимое дело, выполняя которое он не чувствует бремени труда подневольного.

Я развиваю мысль о том, что только в глубине себя самого таится сила личности, преодолевающая «тугу» труда. Но наши думают, что и во вне личности, в общественной организации есть такая «сила коллектива», порождающая охоту труда (человек на земле живет вроде как бы «для компанейства»). На этом пути именно и нужно искать происхождение непонятного для нас горьковского «счастья» без трагедии.

Трагедия, страдание предполагает личность, они же, находя силу простого счастья в родниках общества, восстают на трагедию, на страдание и тем самым на личность. У них личность есть индивид, получающий счастье свое не путем страдания, а непосредственно из запасов этого счастья в обществе. А так как трагедия нам дается в образе Христа, а общественность в образе Маркса, то мир разделяется сейчас на половины, с Христом и с Марксом.

Разобрать первое: все мои источники радости (родники Берендея) и найти их происхождение, какие личные, какие общественные.

(Радость воскресения и радость возрождения.)

Личность	—	Общество
Воскресение	—	Возрождение
Путь страдания	—	Путь труда
Идея	—	Материя
Радость	—	Счастье
Гоголь—Достоевский	—	Пушкин—Толстой

Раз происходит такое разделение всего мира, значит, это меряются между собой необходимые для существования силы: сила личности и сила общества.

Рассказ Лимон <*приписка:* Забияка>: В одном совхозе в Кабарде, случилось, китаец какой-то пришел к директору. Он напомнил о каком-то случае, сказал, что в подарок ему он собач-

ку принес, если только хозяин возьмет. У директора Трофима Михайловича собак и других разных животных было в доме достаточно: Нелли, черный кудрявый гордон, Трубач, англорусский гонец, кот Мишка, черный как уголь, блестящий и самостоятельный, домашний ежик, говорящий ручной грач и в самое последнее время появился молодой красивый баран Борис. Всех этих животных Троф. Мих. держал для своего любимого Шуры, мальчик был единственный сын, и отец с матерью его баловали.

Услыхав о новой собаке, Т. М. и руками замахал, и на губы показал <*приписка:* на губы в знак молчания>:

— Тише, тише, — шепнул.

Но было поздно, слова китайца услыхала Елена Васильевна, директорша, пришла и попросила китайца собачку привести.

— Она здесь, — ответил китаец.

И вынул из пазухи собачку такую маленькую, что свободно можно шляпой покрыть. Такие собачки изредка бывают и у нас в Москве, маленькие, тонкие, как пружинки, голенькие, всегда дрожат от холода, гнутся, а глаза черные, блестящие, умные и выпуклые, как у муравьев. Я точно не знаю названия породы их, но при редких встречах своих всегда останавливался, смотрел вслед и дивился: чуднее ничего нет.

— Какая прелесть! — воскликнула Елена Вас. и взяла у китайца собачку себе на руки.

Трофиму Мих. собачка тоже понравилась, и он протянул было руку, но она в одну минуту освоилась на груди хозяйки и стала ей служить: попробовала тяпнуть за руку Т. М., а главное, визг, гам такой подняла, что все сбежались: Нелли, Трубач, Мишка, Борис. Не хватало ежа одного и грача. Увидев это общество, собачка спрыгнула с рук хозяйки, стремительно с отчаянным визгом бросилась на барана и, загнав его на диван, выгнала в дверь огромного гордона Нелли и Трубача. Бой принял один только Мишка, согнулся дугой и заныл. Мгновенно прыгнула через кота китайская собачка, хватив кота за хвост, обратила его в постыдное бегство, и он вылетел в форточку вместе с грачом. Подчинив таким образом себе всех в доме, начиная с хозяина, герой прыгнул обратно на колени к своей Елене Васильевне. Ей все это очень понравилось.

— А как его звать? — спросила она китайца.

И тот ответил просто:

— Лимон.

Никто не стал узнавать, добиваться, что это по-китайски значит, ли-мон, все поняли просто: что очень маленький, правда, почти что с большой исполинский лимон.

Как раз в это время я гостил в этом совхозе и столовался у директора: четыре раза в день я приходил к ним в столовую, и каждый раз Лимон поднимал такой брех на меня, что все в трепете разбегались, и я не мог ни поздороваться, ни поблагодарить после еды. Но мало того! Мне очень нравилась Елена Васильевна, после обеда за чаем я увлекался беседой с ней, рассказывая ей что-нибудь интересное, показывал часто руками, и когда рука моя чуть-чуть только приближалась к хозяйке, Лимон срывался с диким ревом и пытался откусить мне указательный палец.

Раз ночью у хозяев в спальне поднялся такой гам, что все мы, жильцы, подумав о ворах и разбойниках, бросились в спальню с оружием в руках. И что же вы подумаете? Оказалось, это Лимон поймал ежа и решил во что бы то ни стало его себе подчинить. И подчинил: еж перестал ночевать в спальне у хозяев и, кажется, даже совсем куда-то исчез.

<*приписка:* — Нашла коса на камень. — Визгу много, шерсти мало (бой с ежом).>

Теперь в доме оставался непобежденным один только я, и нужно сказать, что как он меня, так и я его ненавидел: ну, что это, правда, за жизнь, если вечно слышишь за стеной грызни и сам постоянно боишься, что и тебя самого схватят за палец. Хозяйка же была от Лимона без памяти и какие-нибудь попытки борьбы с врагом при ней были невозможны. Случилось раз, хозяйка ушла на базар, и Лимон остался в доме совершенно один: во всем доме я и Лимон. Сообразив, я очень обрадовался и без прута, без всего с голыми руками честно пошел на Лимона <*приписка:* врага>. Схватка наша была недолгой. Как только он позволил себе прокусить мне до крови руку, я позволил себе снять с головы шляпу и накрыть ею Лимона. И как только я посадил забияку в шляпу, вдруг сразу все кончилось: весь дух из него вышел сразу в одно мгновение и навсегда. Мне даже чуть-чуть жалко стало его: выпученными черными глазами молча и грустно смотрел он на меня из глубины шляпы и, выпущенный, молча пошел на кровать к хозяйке и лег.

<*Приписка:* — Мне правда стало его чуть-чуть жалко. — Эх, брат, — сказал я, — всегда правду о вашем брате забияке говорят: «Визгу много, шерсти мало!» Пришел Борис... и пр.> Вошел баран — он молчит, пришла Нелли, Трубач, Мишка, грач

прилетел — он молчит и смотрит на них теми же самыми глазами, как на меня из глубины моей шляпы.

Так бывает со всеми забияками: он тебе наговорит, он тебе нaвизжит, пустит пыли в глаза, а ты возьми посади его в шляпу, и у него сразу дух вон навсегда.

<*Зачеркнуто:* И ты даже сам удивишься, куда все делось.>

«Визгу много, шерсти мало» — говорят о таких у нас в русском народе.

Окаянство жизни не в том одном, что есть люди, творящие зло, а и в том, что напуганные ими люди приготовились к злу, стали очень подозрительные и уже не в состоянии встречать человека незнакомого с доверием.

Рассказ «Храбрый Заяц».

Это в тебе, Михаил, борец говорит, а не писатель: неужели же ты не можешь понять, что сила общества, рода, труда, государства так же необходима и благодетельна, как сила личности.

Когда случалось что-нибудь хорошее, то он думал, что вот теперь найден секрет: буду так делать хорошо: теперь счастье в моих руках. Этому методу он радовался, но когда очарование случая проходило, метод исчезал, и оказывалось, что все было случайно и он не воспользовался случаем.

Сосед напротив меня был так пуст, что ничего не видел в окне и все смотрел на меня, и если у меня от впечатленья получалось на лице что-нибудь, то и у него на лице отражалось мое удовольствие.

Австрияк, что ли, он, ... латыш? или грузин. Забыл: венгерец. Ах, венгерец!

Прелесть вагонной болтовни: галки на дереве.

14—15 Марта. Ездили за 7 верст киселя хлебать на новоселье к Кожевникову. Подумываю о продаже Загорского дома и устройстве где-нибудь у реки.

Командировка Платонова на лошади по пути Радищева, из Москвы в Петербург (признаки отрыва от действительности).

Бьюшка умирает. Когда умирает любимое животное, ни в чем не повинное, то человеку всегда это бывает упреком: так неповинно животное и все-таки должно страдать и умирать,

а ты виновен во многом и все-таки не допускаешь мысли о необходимости страданий и смерти. (Это чисто христианское чувство.)

Почему-то обхожусь с Разумником невнимательно и небрежно. Боюсь, что это от его слабости в настоящем положении и от моего здоровья: всегда здоровый явно или тайно пренебрегает больным или, чувствуя это в себе, теряется и страшится.

Пережил неприятность от «Известий», как будто ничего не было. Это надо запомнить: как есть известная мера всасывания в себя новых впечатлений, после достижения которой ни на что и смотреть-то не хочется, так точно и обида, неудача имеет срок во времени, после которого «проходит» и даже забывается.

Фаворский сам не может ранней весной сближаться с природой: у него бывает разлад в это время, и с детства осталось в памяти, что все ссоры с матерью относились к этому времени. Весну он чувствует по детям, когда они ранней весной входят в дом, то от них пахнет морозом и солнцем.

О собаке немецкой овчарке своих знакомых Маша сказала, что ее учили, но поздно отдали в школу, и оттого у нее от ученья осталась одна злость.

К полудню все раскисло, в тумане чернеет рыжая дорога. Петя и Вика повезли в лечебницу Бию с наказом делать операцию. Через некоторое время Вика вернулась и подала мне письмо. Я узнал из этого письма, что скончался Евгений Иван. Замятин, гордый и честный и умный человек. Я погрузился в себя и не обращал внимания вокруг ни на что до тех пор, пока не поглядел нечаянно на Ефр. Павл.: она была в слезах. Я подумал, что она чем-то в хозяйстве своем расстроилась, и, чтобы развлечь ее, сказал:

— Как-то теперь Бьюша!

— Кончилась, — сказала Е. П.

Оказалось, что Вика вернулась, потому что Бьюша по дороге кончилась. И Павловна, узнав об этом, погрузилась в свое горе и забыла про меня. А я, узнав о смерти Евг. Ив., отдался ему и забыл про нее. Теперь я вдруг очнулся и, узнав о конце Бии, сказал:

— Евгений Ив. Замятин скончался.

Так в первые минуты горя мы, верно, всегда должны на некоторое время остаться вдвоем с умершим, и только спустя какое-то время начинаем в горе своем искать общества.

Но только все-все на свете «переживается», всякая боль от всякой обиды мало-помалу перестает болеть. Пора бы спокойней относиться к уколам...

Пусть это все где-то в глубине варится и делается: далеко, далеко, и все дальше и дальше, и все слабее уколы жизни и воспоминаний. А там, в дали в самой последней, пусть явится последнее сильное чувство: прощайте!

И все... Ах, Евгений Иванович! Скоро все свидетели моей жизни уйдут, и я тогда начну принимать к себе молодых людей без свидетелей, «живой классик» (не желая говорить: живой мертвец...).

17 Марта. Киснет на нуле и после выше. Сильный туман. Пустились в Москву на машине за лодкой. Дорога над асфальтом, выбитая в снегу, неприятная. За Пушкином к Москве ближе асфальт открывается. Туман же смерзается на стекле, трудно видеть что-нибудь, но мы увидели все-таки, что на снегу возле чего-то темного сидел грач. Еще ближе к Москве, к югу, к теплу встретилось несколько грачей. С этого дня начинается наша экспедиция и мои записи весны и наших работ в лесу. Мы теперь уже хорошо связаны с Университетом, надо сойтись с Шумяцким в отношении культфильма.

Вернулись домой около часу и стали под руководством Шурика собирать лодку, к 2-м часам собрали. Надо узнать об этих лодках в их происхождении от канадских кану и наших сибирских, береста заменяется резиной и способность раскладываться.

Нам остается еще кончить с сапогами, с Петиной темой о землеройке (19-го), с закупкой провизии.

Думал о возможности преувеличения нашей творческой силы личности, переживал непосредственно все ее унижение. И обратно, что мы отвертываемся от благодетельной силы общества из-за того, что нас к этому принуждают. Вот пример этой силы: Павловна девочкой жала голодная, уставала до упаду, а когда работа кончалась и бабы с песней возвращались домой, сама пела и даже иногда плясала. Мы не можем понять того, что совершается, потому что сами участвуем, сами заинтересо-

ваны лично и материально. Наша неправда при отстаивании личности в обществе в том, что мы не можем отделаться от интересов своей индивидуальности; в то же время ошибка общественников в том, что они связаны необходимостью государства и власти. Вследствие этого именно и происходит борьба и полный разлад между личностью и обществом. Пример борьбы этой...

Под музыку своего приемника ясно видел происхождение своей литературы от писем к В. И., похожих на те излияния, которые пишут мне литераторы, начиная с похвалы мне и кончая просьбой устроить творения. Вот этот провинциализм именно и был в основе страданий: Мадонна, подбитая совершенной глупостью пола. Страдание и утрата всякой возможности сближения дали мне силу выхода из «провинции» индивидуального к личному творчеству: таким образом, творчество есть разрешение, есть выход из борьбы <*зачеркнуто:* личного> индивидуального и общего...

В процессе борьбы свое унижение было смертельно, и действительно нечто и умерло, а осталось это сверх своего, нечто неунижаемое, и это «сверх» себя непременно должно в конце концов найти место в общем достоянии, в культуре. И вот это есть, наверно, самый общий путь поэта с некоторой видовой разницей: есть, напр., род поэтов, которые мое единое переживание повторяют при каждом стихотворении.

И вот, может быть, именно единство переворота и множественность разделяют между собой человека жизненного дела и поэта. В этом отношении, конечно, я не поэт, и это возвышает меня, когда я отношу свою поэзию к жизни, и унижает, когда я жизнь свою сравниваю с жизнью «настоящих» поэтов: до чего моя жизнь и моя поэзия бедна! Я не свободен в своей поэзии — меня держит жизнь, я не свободен в жизни — меня держит поэзия. И так я живу «особенный» (за это упрекали Пастернака), уединенный...

Из всего этого возникает вопрос: обязательно ли для жизни и творчества страдание личное, трагедия, или же эту трагедию, признавая как чисто личный путь, необязательный для других, надо таить в себе, как некоторые певцы и танцоры веселят людей, скрывая смертельную болезнь?

К людям приходить надо с ценностями сверхличными, т. е. сделай и покажи: пусть Реомюр станет реомюром. Такой подвиг есть необходимость в деле ученого и почему-то величайшая

редкость у художника. В то же время настоящий большой художник работает тоже как Реомюр. (Отсюда поучение: поменьше капризничать, когда выходит неприятность.) Но все-таки «Реомюр» есть разрешение трагедии, выход из нее, предполагающий личное страдание. Нам же надо личность, воспитанную не страданием, а благодетельной силой общества: по-видимому, это будет пчела с ее больше и лучше для улья. (Христос ведь был распят тоже для улья — спасения мира — но, в отличие от пчелы, он это страдание сам взял на себя, и то же Реомюр.)

Наше «сталинское» общество есть спасение мира, то самое чистое счастливое состояние людей, из-за чего был распят Христос и с ним весь физический человек в истории культуры. Мы достигли конечного счастья, и вся история человечества теперь открыта в своих тайнах и сводится к нашей конституции. Трагедия кончена, мир будет спасен через две-три пятилетки.

Все сводится к тому, имеет ли смысл, имеем ли мы право раскрывать трагедию сотворенных человеком вещей. (= Может быть, «счастливая жизнь» именно и требует молчания о скрытой в ней личной трагедии.)

18 Марта. Днем был дождь и доходило до +8°. Егоров сказал, что глухари начинают пощелкивать.

Петя уехал в Москву брать у Формозова тему. Написал для детей рассказ «Лимон» и будто дело сделал.

Вечером, слушая по радио хорошую музыку, взлетал на волнах в иные миры, а то и просто оставался на месте, истекая кровью по швам старых ран.

19 Марта. Ночью порошил мелкий липучий снежок и продолжал утром лепить из деревьев в тумане последнюю сказку зимы.

— Позвольте, дорогой друг, но ведь молчание о личном подвиге, личной трагедии именно и было христианской добродетелью. Мы, может быть, от эстетической распущенности просто возвращаемся к этике древнего христианства, открывая ее под знаменем Ленина?

Если взять словесное искусство, то Пушкин—Толстой характерны радостью жизни, которой закрыта личная трагедия: мы видим готовую вещь, совершенством которой закрылась личная трагедия мастера. Напротив, у Гоголя, Достоевского

природа, счастье и вся жизнь планеты и вселенной существует как среда и условие страдающей личности.

«Очерк» по существу своему должен быть демонстрацией радости жизни, современностью, оправдывающей трагедию прошлого. Я это начал... Ошибка была в том, что я это делал в процессе своего роста как художника, скрывая необходимую личную трагедию, а ребята схватились за эту форму как за нечто внешнее, готовое.

Вот весна света сейчас переходит в весну воды, и от этого почему-то душа в смуте острой быстро мелькающей боли, радости, неожиданных мыслей, голова то горит, то вдруг вся сила куда-то проваливается, слабеешь в поту. Нет времени года, когда человек со своей человеческой душой до такой степени бы зависел от природы в ее стихиях тепла, света, воды.

И вот я вижу снегурочку, сидящую на ветке дерева, засыпанного снегом.

Я беру эту видимую снегурочку из внешнего мира, она тает в моем горячем чувстве, но форма остается, и так я, личной своей трагедией растопив куколку, создаю форму, точно такую, как она была на дереве, но уже не подверженную влиянию обыкновенной температуры.

Так я создал снегурочку, вдунув в форму природы свою человеческую душу.

В этом я видел именно смысл и свой подвиг, чтобы в чарующей форме погасить свою личную трагедию и этим привлечь к ней людей как к своему счастью и тем убедить их в необходимости личного подвига по их собственной линии жизни. Сколько раз я клялся себе, что никогда-никогда не буду учить их, «как надо жить», а буду лишь это показывать.

На этом пути и произошел мой очерк, между тем бездушные ребята, разобрав механику моего очерка, стали ездить по стране и описывать этим «способом» наши достижения.

Мое искусство как личный подвиг, как счастливую службу никто не понял, и до сих пор не нашлось у меня ни одного ученика.

Я буду жить и писать всем, друзья мои, как будто это весна моя последняя и у меня уже больше нет времени рассказывать о печальном прошлом моей личной жизни. Я буду рассказывать о великом богатстве жизни на каждом месте, о счастье непомерном, которое каждый может достичь себе и создать из

ничего. Всякий родится и некоторое время живет радостной жизнью, но не всякий, страдая, достигает радостной старости.

(С обеда до вечера.) От капели с деревьев (с ночи на утро в лесу снежный завал, в полдень все деревья черные и капель) снег в лесу рябой. Видел, как прыгнула из-под снега освобожденная ветка. В лесу была натуга и молчание. Видел, как напряженно натянутая в дугу ветка с примерзшей и засыпанной снегом вершиной вдруг освободилась и прыгнула. Все напряжено, все молчит и ждет...

Вечером Петя приехал, и очень плохо у него с аспирантурой: нашли, что много неграмотного народа, студентов мобилизовали учить народ и в связи с этим сократили число аспирантов. Но, я думаю, и без экзамена на аспиранта можно сделать работу ценную, которая в будущем облегчит ему возможность вступить в Университет. Ищем, где устроиться.

20 Марта. Буду жить и писать, друзья мои, как будто эта наступающая весна — последняя весна моей жизни.

Не надо горевать! я не говорю, что непременно последняя, я только готовлюсь на случай, хочу взять все от этой весны, как будто это действительно последняя весна моей жизни. И не то важно, буду ли я жить следующей весной 1938-го года или не буду.

Важна перестановка всех составных частей личности, как только представишь себе свою последнюю весну: что следующей весной тебя больше не будет.

Я так понимаю в себе эту перестановку: личность моя как бы хочет освободиться от своего заключения в индивидуальность, хочет выйти наружу, соединиться со всем любимым и так остаться навсегда — как трава, как цветы, как ветер, как солнце, как искусство, как дети, как хорошие люди, как всё, что я любил на земле.

При мысли о последней весне я не хочу быть литератором, потому что в этой профессии есть индивидуальная заинтересованность и несколько эгоцентрический и прямо корыстный подход к внешнему миру.

Мы все умираем, оставляя следы после себя, все, что есть хорошее или дурное, — все это наследство предшествовавших нам миллиардов индивидуальностей.

Я хочу оставить след любви своей к прекрасному, заинтересованный в длительном его существовании, но не в личном своем писательстве.

Конечно, всякий оставивший большой след на земле человек непременно забывался, непременно выходил из себя, но ведь это нелегко, и никто из великих людей не оставил нам секрета к такому совершенно бескорыстному творчеству, и большинство из них сами об этом не знали.

Но, мне кажется, отчасти можно достигнуть этого сознательно, если только представить себе, что наступила своя последняя весна и надо со всем любимым проститься...

Я лес любил, и мне хочется теперь описать какой-нибудь участок леса и даже какую-нибудь мельчайшую в нем тварь, чтобы через нее понять весь лес.

Мне этого не довольно, что поэты всех времен, входя в лес, говорили «ах!» и потом описывали свои чувства в лесу.

Мне хочется самый лес описать и для этого отдаться ему, как делают ученые: берут какую-то мелочь и занимаются ею безлично всю жизнь: редко кто-нибудь из сотен тысяч сделает потрясающее мир обобщение и прославится, огромное большинство передает свое дело другому, в самых счастливых случаях попадая в примечания.

20 Марта. Все киснет в тумане. Все брошено старое (Кавказ так и остался ненаписанным). Заваривается новое, готовимся к своей экспедиции. Запасаемся бензином. Почти решили, где жить: в Новом река, но лес далековат, в Териброве — леса, река далеко. Завтра едем решать на месте, там или тут, и снимать жилище на 6 месяцев (1 Апреля — 1 Октября). Вопрос о моторчике. Петя привез составленный с Формозовым план исследования. На этот план буду навертывать свой.

Снегу все-таки к весне подвалило. Но он рыхлый, и если будет тепло, вода хлынет сразу. На тротуарах нога проваливается до камней. Месиво. В канавах появилась вода.

Вечером ходили за сетью. Жили два рыбака. Один молодой, другой старый. Молодой поступил в мануфактурный магазин № 12, где были нитки. Взял к себе на квартиру старика сети плести. Комбинат. Захотелось слушать радио. Продал сапоги, купил приемник. Жена весь день слушает. Старик умный, сосредоточенный в плетении сетей, нашел было себе спасительную тишину, и вдруг радио в одной комнате (у него уголок с чугункой) и весь день.

Это мне ответ на мой запрос о постоянстве и тишине умной: почему бы вот не читать молитву Берендея и не создавать себе на старость состояние тишины в постоянстве родственного внимания. Казалось бы, все устроилось, нитки есть, береста и поплавки, свинец на грузила, а вот вдруг свой же, рыбак, завел радио (и он иногда говорит, возражает: «ври, ври!»).

Начал статью о Горьком.

Послал в «Мурзилку» «Лимон».

Думаю о Кавказе, что в Кабарде есть нечто подобное, как было от поездки по северному каналу («показывают»), плюс от машины: хорошо везет, но сердца нет.

Напечатана речь А. Толстого за границей, Алеша гордится романами Ильфа и Петрова и Валентина Катаева. После Горького, моралиста, потянуло на Ильфа и Петрова: на талантливую легкость. Тут весь сам Толстой: склеил себе из бумаги оптимизм, как мы лодку складываем из палочек и парусины. Но все-таки романы эти: «Одноэтажная Америка» и ... надо достать.

Намечаю для анализа: роман с вещью: как совершается выполнение отношений к вещи в переходный период между концом увлечения и началом привычки.

21 Марта. Воздух остается по ночам на нуле, и хотя днем тает понемногу в тумане, — весна вперед не движется. В лесах снег, как зимой, и единственно только, что деревья так очистились от всего белого, как никогда не бывает зимой. В верховьях маленьких речек нет ни малейшей отметинки, отпарины. Но дорога весенняя, две автомобильных колеи — две реки, а между ними так высоко, что слышно, как пашут картер и дифференциал.

На дороге по-весеннему вялые, как бы ошеломленные сойки, вороны, токуя прямо на земле, надуваются и качаются, сороки, овсянки, иногда снегири. Так начинается весна на дороге, которая, раньше всего темнея, привлекает на себя теплые солнечные лучи.

Нет ужасней асфальтовой дороги, если за ней по весне не ухаживают: ездили за 30 верст в Териберки снимать квартиру и совершенно измучились. Квартиру сняли у Григория Констант. Куракина.

Биолог Житков, наверно, одним легким прикосновением к душе молодых людей делал их своими учениками, и вот его ученик Формозов сразу открывает путь Пете. Почему же я всю жизнь сижу возле природы, и Петя ничего от меня не получает? Почему искренние любящие меня ребята в литературе являются малосильными подражателями и не больше: даже что-то вроде обмана, порчи происходит от моего литературного влияния.

В науке подходят к вещам и явлениям непременно не лично: не «Я» тут, а закон.

В искусстве моем: непременно лично, тут надо вдунуть бессмертную душу свою, и в этом деле, по-видимому, нет метода...

Утро. Спящая Красавица. Как рискует Иван Царевич: что если спросонья она плюнет в него или посадит кулаком синяк на глазу! Он рискует унижением всего своего человеческого достоинства до самого последнего кобеля, которого сука погрызла и повязалась с другим на его же глазах. Вот они где, святые-то отцы, возникают, вот где их сила народности, мудрости и реализма, и вот где природа, где...

Землеройка, по-видимому, самое маленькое позвоночное животное. Искать ее надо больше в тех местах леса, где на старой посече остались кучи дров, сгнивающего хвороста и брошенных вершин. В жизни этого маленького животного, возможно, заключается $^3/_4$ общего с жизнью человека — это одно (ужас!). И другое: интересно сравнить с этим унизительным для человека существом жизнь в среднем ярусе леса: жизнь дупляных птиц.

Разговор с хозяином о том, как поумнел крестьянин: что интеллигенция много больше выносила, а крестьянин понял страдание только со времени колхозов.

(Образование по радио, девушка: — На сегодняшний день я с вами не разговариваю...) Вопрос о смене: если старики поумнели, то какая им смена? (Это разобрать.)

Хлеб дешевле сена (18 р. пуд). Мужики бросились в города за хлебом для скота. Это начальство поняло, и, кажется, теперь в Загорске уже нельзя становится купить черный хлеб просто. А белой муки сколько хочешь, потому что она дорога.

Мы начинаем для своей экспедиции запасаться белой мукой (о черной и не помышляем).

Крестьянин землю покидает, если следующий год неурожай — мы пропали, и вот... кого же нам судить тогда, и кто будет судить?

Разговор с Куракиным, как вначале у немцев было тяжело в плену и как потом пленные стали хозяевами и стали сходиться со вдовами (мало ли вдов было!). И как четверо при помощи машин могли обслуживать хозяйство молочное в 60 коров.

Приближение к деревне (землеройке) от самого начала революции и посейчас — в отношении нашего будущего довольно мрачное настроение. И это повторялось в моей жизни столько раз и столько раз не оправдалось, что стало источником оптимизма: там (у землеройки) всегда так.

Постепенно мы привыкли к угрозам стихии и морали обездоленных. Мы повеселели, но земля постепенно истощалась, работник земли беднел и мельчал.

Числитель дроби, назовем «культурность», знаменатель сила стихии («земля»): «культурность» очень росла, но если знаменатель рос больше, то числитель рано или поздно должен стать лишь претензией на культуру.

Артемова злоба: надо же наконец понять ее и тем оправдать. Объект злобы: <*зачеркнуто:* некий объективный вредитель> нечто действующее вне меня по своим вражеским законам (дьявол). Артем не знает, кто он, где он, и оставляет вопрос открытым, в то же время оставляя открытой и злобу. <*Зачеркнуто*: Большевик> самая примитивная форма дьявола... большевик, рационалист <*1 нрзб.*> понимает вредителя и казнит подходящих к его подозрениям людей (террор, и тут нет конца: Робеспьер).

22 Марта. Закупаем провизию: муку, крупу, по 4 кило дают за один раз.

В разговоре с Таней Розановой соединил рассуждение хозяина о том, что крестьянин только с 32 г. (колхозы) понял интеллигенцию: сколько она терпела и пр. — с мученьем нашей Тани-трикотажницы: таблица умножения: не повредить бы голову, и география ее...

Мысль моя об исследовании художественном будто бы есть у Гоголя.

На завтра: покончить со статьей о Горьком и его письмами.

23 Марта. Лада заболела чумой. Мытарство с бензином, с шоферским билетом и т. д. Стало сильно заметно ухудшение аппарата: человека послали выключить электричество у неплательщиков, он выключает всех подряд и т. п. Как будто все стали чумные (не то перед войной, не то перед конституцией). По радио каждый день «Жаворонок», но в природе их еще нет.

К роману вещей. Ищу, хочу понять тот промежуток, когда кончается жар увлечения и еще не наступил холод привычки, когда вещь только «служит»: в это время не хочется поддерживать порядок и долго ни к чему не можешь прикоснуться. А еще бывает, привыкнешь, доверишься привычке, и вот тут-то, когда доверился, она тебя обманет, и вдруг ты забыл всю нажитую механику.

24 Марта. Утро с Ладой к ветеринару. Машина сломалась. +10. Среди дня дождь и во время дождя +5°. Работал над письмами Горького, см. «Колхозник».

25 Марта. Туман и в тумане весь день дождь. Весь день работал над Горьким.

26 Марта. Густой туман, и в нем быстро тает. В Москве закупили провиант, смотрел квартиру. Лада между жизнью и смертью.

В полночь медленно приходил в себя, переживая два рода каких-то звуков, пока наконец не проснулся и не понял: одно было — дождь такой сильный, что вся крыша ровно пела, другой — в припадках удушья Лада боролась за жизнь. Вспомнилось: Лева так боролся за жизнь, и глаза Ярика.

27 Марта. Продолжаю думать о переходе влюбленности (увлечения, жизнерадости) в брак (долг, служба, «рацио» и т. д. и в конце концов смерть). Нечто вроде самопонуждения, и тут раздвоение: или ты сам нечто берешь на себя, как берут на себя родители воспитание детей, или же тебя к этому насильно кто-нибудь понуждает (общественное мнение, государство). Взять сами на себя некое бремя могут очень немногие («мне-то что!» воскликнула вчера некая девица, выхватывая место у старухи): это вожди быта. И вот тут, в таком «самосохранении», и заключается «человек». На этом стоит хорошая семья. В этом «культура», «общество» и т. п., все, что само: все же остальное относится к государству: не само.

Сейчас мы переживаем момент отступления грубой внешней силы государства, перелом, в котором все трещит по швам. Из этого состояния или мы должны выйти к самодеятельности (натерпелись-то как, жить-то как хочется!). Или же непременно быть побежденными в войне и остаться примером, как социализм сделал великий народ жертвой войны или как социализм переродился в милитаризм.

И это будет примером еще и того, что невозможно в одной стране ввести социализм (потому что все другие капит. страны станут во враждебное отношение и вызовут на конкуренцию в производстве средств войны: тем самым капитализм и пожрет социализм, быть может, и не вступая с ним в прямую войну).

План. В плане была одна мелочь, которая при обращении на себя внимания инженера распадалась на множество мелочей, среди которых тонула и делалась невозможной для осуществления большая мысль. Надо было сделать творческое усилие, которое вывело бы из мелочей на большой путь, но такое усилие казалось *неразумным*, а мелочи все были умные.

Мы с Цветковым согласились, что нам надо оставаться при Сталине, потому что какой ни на есть, а это государственный путь.

Сейчас все, что человек хочет для себя лично, не смея вслух из осторожности даже назвать (счастье?), кто-то как будто подслушивает (рационализаторы счастья) и, схватив, утилизирует: таким образом, все сокровенные личные ценности (счастье, радость, подарок и пр.), не успев прорасти через личность и общество, являются как государственное требование и влекут, конечно, за собой личное понуждение (пример: праздники советские).

Весна. Дождь парит вовсю. Расцветает желто-зеленый мох на стволах тополей. Посмотреть надо сходить на пару других деревьев.

— А помнишь, Петя, мы гоняли зайца, над бором и ельником пронеслись первые весенние лучи света, и молодой березняк внизу в лощине нам в этом свете показался розовым: перемена в цвете коры на деревьях есть в лесу первый признак наступающей весны.

Умер гениальный человек, но при чем тут жена его: вам ведь он дорог был как единственный в своем роде: был один

раз и больше никогда не придет. А вы теперь должны иметь дело с его женой, при чем тут жена! Так точно с историками и критиками литературы: это ведь все жены, жены.

Дубна-потопиха. Верховье Дубны, маленькая речка «Дубна-потопиха» протекает около Двориков среди высоких крутых холмов, и среди этих холмов есть один, на котором много огромных для нашего края муравейников. Я за всю жизнь свою таких не видал, когда неожиданно встретишь, подумаешь – это стог сена стоит. От одного муравейника виден другой такой же и тропы возле них, не меньше средней человеческой тропы.

Талант педагога состоит в том...

27 Марта. Дождь весь день парит. Весна воды ринулась. В полях сорочье царство. Снег на полях и в лесу зернистый, можно ходить, продвигая ноги, как лыжи. Под елками старая хвоя, ссаживаясь, по мере сседания снега, дает коричневое пятно. На лужах везде торопливый частый дождь не дает пузырей, но в спокойных лесных лужах каждая капля, полная, спокойная, делает на луже довольный пузырь.

Я видел, как в лесу начинался поток. На холме стояло дерево, очень высокая елка. Капли дождя, собираясь с веток на ствол, укрупненные скакали от неровности ствола до неровности. И погасали в лишайниках коры. Вся кора орошаемая видимо расцветала своими лишайниками. Дерево было внизу изогнуто, и капли из-под лишайников падали на землю, прямо в лужу, подостланную льдом. Кроме этого, и прямо с дерева, с ветвей падали разные капли в лужу звучно и по-разному, и каждая давала пузырь.

Эту лужу прорвало, и под снегом поток загремел к дороге, и ледяную дорогу поток размыл и загремел вниз по сорочьему царству к речке. Там внизу под северным еловым крутояром бежала и очень спешила черная на белом снегу река. Ольшаник у берега был затоплен, с каждой ольхи падало в заводь множество капель, каждая капля давала пузырь, и все эти пузыри, медленно двигаясь по заводи к потоку, вдруг срывались и неслись вместе с пеной тысячами...

В тумане я видел пролетающих птичек и слышал, что они пищали, но за шумом реки не мог понять их голосов. Они летели и садились все отдыхать на несколько высоких деревьев, стоящих куртинкой среди сорочьего царства южного склона.

Когда, оставив поток, я поднялся туда, то услышал зябликов: и они всё подлетали и подлетали. А вокруг на зяби сорочьего царства по темным местам бегали все птицы, и не одни зяблики, тут были овсянки и, конечно, жаворонки. Первый раз я догадался, что название «зяблики» происходит от зяби.

Синица звенит не как раньше брачным голосом в теплом луче. Теперь под дождем звенит непрерывно. И ворона уже не на дереве, а прямо на грязной дороге, токуя, <*загеркнуто:* раскачивается> раскланивается, давится и хрипит, задыхаясь.

Я стал думать под звуки потоков и звонких капель о своем, как под самую чудесную музыку, бывает, начнешь вертеть о себе: музыка далеко остается где-то фоном, а ты буравишь свое, часто больное или досадное.

Так и теперь я стал думать о человеке, что не тогда мы говорим *геловек*, если он движется, как все эти потоки и птицы, отдаваясь внутреннему своему бессознательному влечению. Человек начинается в тот момент, когда, остановленный как-нибудь в своем обыкновенном общем со всею природой движении, он станет выбирать сам лучшее направление в своем дальнейшем движении...

И так я задумался, разбирая всю ту безмерную сложность душевную, которая располагается по ступенькам длинной лестницы от увлечения до сознанной необходимости действия <*приписка:* согласного с планом>.

Я очнулся, услыхав песню зяблика. Я не поверил, думал, это все во сне. Но скоро увидел, что из тумана всё летели и летели зяблики и везде распевали на деревьях. Тогда я с тоской подумал, что из-за мысли своей о начале человека я чуть-чуть было не прозевал перелета зябликов. И мне показалась мысль моя началом греха. Правда, здесь я пропущу сегодня зябликов, завтра из-за мысли о человеке пропущу хорошего человека, и он без моего внимания тут же где-то очень близко от меня и погибнет. Так, совершив грех, я покаялся и стал, не отвлекаясь больше, наблюдать зябликов. И мне кажется, только благодаря тому, что я отошел в отвлеченный мир, я теперь с такой страстью наблюдал зябликов: страсть явилась от горя разлуки.

И в конце концов я пришел к тому, что ничего, можно и согрешить, если только потом непременно вернуться: ты сделаешь больше: ты вернешься как человек.

Но бывает, и большей частью так бывает, что, согрешив, человек не возвращается к утраченному миру и живет, не видя ни зябликов в природе, ни живого человека, его личности в потоке всего просто животно-живого...

Так значит, это еще не грех, что ты, взяв свою мысль, временно отошел с ней: раз это мысль твоя собственная, то и она тоже жизнь, и ты, совершив с нею круг, вернешься непременно к исходной точке более живым, чем был, ты вернешься к животным и растениям, и к воде, и к воздуху как человек.

Но если эта мысль была не твоя, а ты ею лишь воспользовался для какой-то частной цели, то ты уже не вернешься домой и сам превратишься в орудие чужой воли, и вот тут, в механизации живого, в утрате себя самого и заключается смертный грех.

В Загорске женщина у колодца держала ведро, а мужчина качал, его ведро было отставлено: он ей помогал. И они, будучи в весне, говорили о праздниках:

— Пасха нынче 2-го Мая, — сказал он.

— Как же так, — ответила она, подсчитывая, — значит, Егорий в середу на Пасхе, бывает ли так?

— Все бывает. Даже бывает, Светлое Христово Воскресение и Благовещение в один день сходятся 25-го Марта, по-новому 7 Апреля.

Дождь не переставал до ночи. В 10 в. Петя приехал. Рассказывал, что слышал, в Университете все очень хвалили какую-то работу, повторяя: прекрасная работа! И когда Петя поинтересовался узнать, чем хороша она, ему ответили: — 10 тысяч точных восьмикратных измерений лягушек: попробуйте-ка собрать 10 тысяч лягушек и каждую 8 раз измерить!

И так непременно в науке: как весенние светлые лужицы сейчас подстелены льдом, как весь зеленый мир стоит в навозе, так наука в труде: сто человек отработают, придет 101-й и всем без труда воспользуется и что-нибудь откроет, и 102-й открытию найдет применение: таковы «этажи в науке».

Разумник Вас. предлагает будущую мою работу назвать: «Этажи леса». Это неплохо: нижний этаж корни, землеройки, второй дупляные птицы (ствол), третий (какие существа на кронах, там, где работает лист и свет).

28 Марта. Всю ночь до утра шпарил дождь. Что теперь делается на Канале?

Этажи леса: корни, ствол, листья — в человеке, в его я: и корни, и ствол, и все находит обмен и оправдание: — все я!

Лада отказывалась есть. Чашка с молоком стояла возле носа, она отвертывалась. Позвали меня. — Лада! — сказал я. Она подняла голову и забила прутом. Я погладил ее по голове, и от этого, от ласки жизнь заиграла в ее глазах. — Кушай, Лада! — пригласил я ее. И она, протянув нос к молоку, залакала. Не знаю, что это сделало: через мою ласку ей жизни прибавилось, или же она подчинялась мне из любви и уважения.

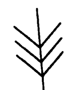
Бострем в своем трудном семейном положении обратился за советом к старцу, и тот ему так сказал: — Доброта твоя тут ни при чем, свою доброту ты получил от своих родителей: она не твоя. А вот теперь наступил срок показать себя: какой ты есть, добрый или злой. (Жена, когда он бросил в нее веником, так и сказала: «Вот это ты настоящий».) Вопрос: — А талант как понимать, тоже как не свое достояние, тоже как дар?

Т. В. Розанова, истеричка, замухрышка и пр., все-таки в моих глазах имеет какую-то значительность и чем-то превышает множество людей... Я думаю, это у нее от христианства.

С. А. Цветков, очевидно, подбирался к моему архиву лично заинтересованный. Это литературный могильщик.

В марте, в конце, нет ничего в природе веселее дороги: днем поклевать сюда слетаются все весенние птицы, ночью, спасаясь от мокрого рыхлого снега, приходят звери. Со всех сторон стекаются к ледяной дороге ручейки, и она, как плотина, их подпирает, и они от этого разливаются озерами: дорога их сдерживает. По такой старой рыжей ледяной дороге еще может двигаться на санях и человек.

Ехал такой-то охотник с сынишкой, который потом пропадет. А самое начало с капли, упавшей с дерева Дарья (Певчее дерево). Каплю довести до дороги, а по дороге герой. Дарья повторяется при описании тока глухарей. Землеройка Марфутка, и так через человеческие имена приблизить и ознакомить со всем лесом. Капля с Дарьи где-нибудь на Коде, и можно дать всю систему Двины и лес сделать на Севере.



Пара клестов на елке, их тревога, у елки сучок, а может быть, червь?

Певчее дерево: два глухаря и под деревом певчие хвои... на белом снегу, далеко видно.

Певчее дерево, описанное выше, как с него падают капли и довольные пузыри, такая идиллия под деревом и песня воды и потом песня глухарей: похоже. Из этой лужи начало всей северной системы вод. В луже пузыри, шишки, брусника, заячьи шарики.

Снег еще глубок, но так зернисто рыхл, что даже заяц проваливается до земли и брюхом чешет снег наверху.

Происхождение моста (в этом месте всегда «прорывало» дорогу, и наконец ездить стало невозможно: перемыло).

После дороги птицы перелетают на те места на полях, где стало черно.

Все березы радостно плакали, капли, сверкая, летели и гасли в снегу, и от этого снег становился зернистым.

Конец дороги: «черепок».

И то желтое ледяное ложе, по которому бежал поток, тоже размякло: под водой на этом ледяном желтом ложе виднелись следы: это заяц оставил, перебираясь на ту сторону ночью.

В науке решен вопрос самый трудный: тут устроены дураки и сделаны тоже учеными. 5000 лягушек измерил, и каждая по 8 раз! — отличная работа! (дураков работа любит.) А у нас, в искусстве, тоже надо мерить, считать, работать, но здесь мы обязаны свою работу скрывать и гордиться тем, что далось без труда (дураков работа любит).

29 Марта. С утра было солнце и после обеда до вечера, хотя и через дымку, но все-таки свет был хороший. Мы ездили в Москву хлопотать о пистолете (так глупо!) и, ничего не сделав, вернулись.

Решали вечером с Павловной тяжелый вопрос о «Левиной даче» (с Левой у нас все быстро расходится: обычный детский эгоизм: то хорошо, что мне приятно) он сумел донести до своего 4-го десятка лет. Галина во всем ему потакает, она вообще тоже

очень ленива. Напишу ему о невозможности вселения в подвал: 1) ребенок в сырости, а я не могу уступить свое жилище. 2) Мать больна. 3) Пете негде жить.

Приехал учитель из Калинина без всякого дела, повидать охотника: ему 54 года, 14 лет был парикмахером, остальное — учителем народной школы. Беседуя с ним, вспомнил предупреждения многих мудрецов о том, что разделение на богатых и бедных есть наивно-детское в сравнении с разделением на образованных и необразованных.

Наука сильна тем, что могла дать работу дуракам: в науке дураки считают и меряют, а ученые, пользуясь необходимым трудом дураков, делают открытия. Это делается возможным, потому что в науке скоро не разберешь, кто творит, а кто считает только, там дурак сходит за ученого. В искусстве же сразу все видно, потому что тут художники работают как кустари, целиком, каждый за свой личный страх и риск.

30 Марта. С утра идет снег при температуре немного выше нуля.

В «Правде» от 29/III статья «Пошлость», в которой описывается, как на Заводе «Серп и Молот» в Москве на партийном собрании два дня выявляли подхалимов открытым голосованием «за» и «против» признания за таким-то лицом подхалимства. Таким образом за два дня выявили семь подхалимов.

Явление того же порядка, что и «чистка», на которой бывало еще и много «почище», но теперь можно говорить об этом и дивиться. «Чистка» происходит от грубого материализма, нигилизма интеллигенции и сельских сходов, на которых перебирали косточки односельчан. Материализм же в том, что, вывертывая и перемывая кишки живых людей, искренно хотят исправить природу человека.

Много, конечно, делается и просто «сдуру», потому что нет большего идиота на свете, как дикарь, хлебнувший грамоты в целях приспособления. Сколько времени будет продолжаться эта тактика «сшибания носов», — трудно сказать. Видимо, в основе ее таится искреннее желание покончить с порядками подхалимства и дать голоса патриотам и вообще честным людям — с одной стороны, и с другой, создать более надежный партийный аппарат.

При истощении почвы есть средство обновления — это поглубже пахать. Но есть известный предел глубокой вспашки, после которого выпахивается наверх бесплодная земля.

То же бывает и в политике при использовании силы простодушного желания жить и связанного с этим страха перед неудачей, наказанием, смертью. На известной глубине политической вспашки сначала исчезает желание устраиваться надолго, а потом и вообще устраиваться: жизнь слишком коротка, чтобы устраиваться.

Но я не думаю, что мы до этого дошли: истощился, несомненно, только верхний слой, стоит только опустить плуг пониже, дать гражданам возможность хоть какой-нибудь личной жизни, и... начнется воскресение, и много еще будет ею воскресенного!

Вечером ходили к рыбакам. На дороге напрасно выбивались из города последние сани. Люди говорили вокруг: — Верно говорили старики, что до Благовещения неделю недоездят или неделю переездят. Вот недоездили. Весна ранняя.

Рыбаки сказали, что сейчас можно в озерах у заберегов или в речных заводях ботить рыбу.

С Левиным переселением нашли остроумный выход: снять ему дачу на свои деньги. Такое простое средство, а какой нравственный тупик, если бы не было у меня денег! В то же время как ясно из этого примера, что здоровая нравственность непременно питается желанием жить, стремлением к своему физическому лучшему... Ведь именно на этой канве вышивается человек.

Я свою мать вспоминаю, ее животную жизнерадостность, ее наивное стремление к «хорошо жить» и в то же время ее участие к человеку, ее робость и смущение перед «высшей» нравственностью. При некоторых возможностях это приводит к нравственной тупости, но если нет озлобляющей бедности, если неустанным трудом поддерживается лишь надежда на улучшение жизни, то может быть достигнут некоторый предел такой физической нравственности — настолько тонкий предел, что очень трудно отличить острие конца этой физической нравственности от острия начала другой. Но оно, несомненно, есть и в особенности чувствуется резко в наше время при всеобщем желании жить хоть как-нибудь, лишь бы жить.

На фоне этого движения к счастью Вифлеемская звезда блестит так ярко и так она высоко недоступна.

Нет никакого сомнения в существовании какого-то провала между «пантеизмом» (поэзией) и этикой чисто христианской, которая позволяет жить и действовать за пределом красоты, поэзии, счастья среди увечных, больных и всякого рода нищих.

Тут основной вопрос в том, что существует ли действительно та «высшая» христианская этика или же «высшее», как высшее образование, получается за чей-то (родительский или государственный) счет. Высшая этика в христианстве получается за счет рода.

31 Марта. Холодный ветер и солнце. Все замерзло. Но грачи сегодня собрались на гнездовых деревьях. Некоторые даже заняли и гнезда.

Упадок сил: как будто провалился куда-то. И тоска, о которой всегда думаешь и не можешь решить, душа это болит или живот.

Телеф. разговор с Левой о пистолете: не дают. Через это ясное зрение.

Вечером визит актеров. Мат. Фед. Никитин.

В свете колхозного дела перечитываю Глеба Успенского.

1 Апреля. Подморозило. С утра солнце. Собираемся в Териберки с тем, чтобы отвезти часть вещей.

Оказалось, что в те недавние дни, когда шли дожди и мы доставали напрасно в Москве пистолет, был паводок, и все наши речки прошли и вода вошла в свои берега. Все так быстро совершилось, что, во-первых, по сиротской зиме и снегу было очень мало, и что очень дружно взялось тепло и дожди. После разлива теперь схватили морозцы, и вот из-под замерзших луж разлива сбежала вода, и луга во многих местах остались покрытыми белыми морозными цветами. И в самой речке по льдинкам, застрявшим на сучках ольхи, можно было догадаться, как высоко и еще так недавно шла вода.

Дорога по шоссе местами от мороза так высохла, что даже пылит. Лед с бегущими по следам автомобильного пути ручьями остался только на особенно густых лесных местах. Снег белыми нитями лежит только в бороздах — полосах полей. В лучах солнца весеннего краснеют метелочки молодых берез.

Ветер хотя и холодный, но на лесной опушке, на угреве чудесно сидеть в ожидании встречи с первой желтой бабочкой.

И только где лучи проникают в лес и греют муравейник, можно думать, что уже выбрались полусонные муравьи.

По кротовой норе рискнула тронуться в путь землеройка, вот не дай-то Бог и хозяин проснулся и встретится с ней!?

Мы высматривали заводи, на которых можно сетью отрезать нерестующих щук. Разговаривали о придонных удочках для налимов. Мечтали о близких вальдшнепах... Вот речка Юнога́ впадает в Кубрю, а берется из ничего верстах в семи от шоссе, да, из ничего... Была одна лужица, из нее ручеек бежал. Когда после паводка хватил мороз, лужица покрылась белыми цветами мороза, и ручей тоже бежал под блестящей белой ризой.

Воздух солнце-морозный, как летом на снежных вершинах Кавказа.

Чертякинское болото начинается вблизи села Нового, и если его перейти, то недалеко будет Берендеево, а от болота Берендеева пять верст до города Александрова, где до сих пор показывают трон царя Ивана Грозного из эпохи его уединения в Александровской слободе.

Всякий деспот действует во имя тех или других групповых интересов, как ранней весною мороз; пока он действует, разводя свои узоры, вода убегает из-подо льда, и разукрашенный белыми цветами лед-тощак висит в воздухе. Проходит кто-нибудь, ставит ногу, и все вдребезги разлетается. Тогда оказывается, что никаких групповых интересов у деспота нет, а только личная утеха под предлогом общественным. Так всегда кончаются деспоты: живая жизнь из-под власти их утекает. (Это надо как-нибудь собраться проанализировать до конца.)

Начал всерьез читать Глеба Успенского, и так странно читать: благодаря пережитому все как-то насквозь видно.

Написать в «Советский писатель» о гонораре за военный сборник. Леве — о Постышеве.

2 Апреля. Бились весь день, но сложиться не могли: все не вошло в машину. Потому, уложив все, что можно, Петя в $7^1/_2$ выехал в Териброво и около 10 в. вернулся. Выедем окончательно завтра в 8 у.

3 Апреля. Лучезарное морозное утро (−9), тишина. Так вот мороз схватил нашу весну, и вода ушла подо льдом. Весна воды

не удалась. И так мало тепла еще, что щука не начинала нереститься. В то же время вода быстро светлеет, и мы опасаемся за налимов: ловятся налимы только в мутной воде.

Слышал от Яловецкого, что его кошка однажды побежала за землеройкой, приняв ее за мышку, но когда поняла, то не стала брать.

Письмо Замошкина и кутерьма с письмами Горького. Замечают, что Горький в них смиренный, и потому будто бы они не цензурны. Странно, что я так мало этим письмам придавал значения. Что так?

Возвращаюсь к мысли написать портрет Горького по материалам Кавказа, это будут «искания» вроде Вертера, только русского. Впрочем, возможно, что весь «Вертер» войдет в небольшой рассказ.

Начало творчества бывает, когда из всей сложности прочитанного, виденного и обдуманного начинает выделяться простейший рассказ (а то все ни к чему).

Читаю Гл. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» и начинаю много больше понимать свое время: какой был народ, чего мы лишились и куда мы идем.

Лесков со своим кудрявым языком, пожалуй, больше всех наших писателей художник слова. Ремизов это понял и довел языковое художество Лескова до того, что можно назвать виршеплетством (то же, что и у Белого).

Как бы ни был угнетен и подавлен человек работой, всегда возможно, что он сам, внутренней силой своего творческого существа освободится от нее (дух не работает).

Мы все, даже и «творцы» профессиональные, «давимся» материалами, прежде чем начинаем сочинять, мы все роботы. Но нельзя рассчитывать, что, поработав, ты непременно создашь что-нибудь сверх того, что потребишь. («Дураков работа любит» — это значит, что кто-то пользуется [твоей] работой и ты для него робот.)

Я хотел записать, что в самой природе человека таится путь его освобождения; и что это освобождение носит совсем иной характер, если человек освобождается общественно, рационально, посредством образования.

В 9 у. мы выехали наконец-то. По пути Дубну поглядели: вода заметно светлеет.

Должность. Хозяин, дивясь моим вещам и затеям, встретил меня вопросом:

— Михаил Михайлович, дозвольте вас спросить, от себя вы это делаете, по своей воле, или должность у вас такая?

— Константин Григорьевич, сам лично я создал себе такое дело, раньше это за свою волю считал, теперь понимаю как должность.

Хозяин больше не спрашивал, и не знаю, понял ли что.

Скворцы. Скворцов много. Вдруг услышал я иволгу, а потом галка крикнула, потом телега загремела, и я понял, что это скворец пел у окна.

Скворцы живут уже недели две.

Хозяин три километра нес из леса дупло и на липе устроил. А мальчишка дупло разломал. — Ты зачем его разломал, ведь я нес его скворцу, и для чего нес, для скворца: ведь я не для себя нес, скворец за лето ничего мне не натаскает, а я нес три километра.

Обошли «Филимоновские места». В лесу еще много снегу и местами ходить тяжело. Следы глухарей на снегу. Зяблики таятся внутри елки. Все беззвучно. Как будто вальдшнеп пролетел беззвучно.

Дер. Мистрино (тетеревиный ток).

Полувзвоз на реке (налим).

Косолапик = кузнечик. (Всякая рыба берется на свое, и это надо знать, иной нужен червяк, иной косолапик.)

Петя жаканы 20 калибра переделывал на донники для налимов.

4 Апреля. В 3 у. Петя ушел на глухарей по насту (а надо было в 2). Около 6 утра он услышал песню и видел токующего на земле глухаря. Совсем было приладился бить, как вдруг глухарь, вероятно, завидев самку, пустился бежать в ельник такой густой, что видны были только его мелькающие черные ноги на белом снегу. Исчезнув, глухарь больше не запел. После того Петя спугнул тут же еще двух молчунов, которые, может быть, и пели, но невозможно было услышать их песню за пением бесчисленных зябликов, овсянок, певчих дроздов.

Думая об исчезновении глухарей, рыбы и всяких естественных прелестей, заодно вспоминаешь и прежнего «мужика». И, решая вопрос о глухаре, что дальше будет он жить в заповедниках и петь в условиях охраны, как в Англии, возвращаешься мыслью к мужику: да, и он, конечно, сделается земледельческим рабочим или арендатором, а прежнее будет забыто, и его судьба дальнейшая будет решаться вместе со всей цивилизацией.

Я вышел в 7 часов. Токовал тетерев. Утренник был значительный, но сегодня с утра прилетные птицы выбрались из глубины леса на опушки ближе к полям и все запели. Я шел по опушке леса, расположенного вокруг села диаметром версты в две.

Снег выходил из леса в поле белыми скатертями с длинными нитями по бороздам. Между лесом и полем на деревьях распевали и спаривались певчие птицы. И удивительно было, что даже дятел, вечный работник, тоже по-своему пытался запеть, когда он гонялся за видимой самкой (по самке невидимой другой дятел тут же где-то вел известную барабанную трель).

Снимок замерзшей лужи с такими красивыми вольными линиями белых цветов, среди которых вмерз и желтый сухой березовый лист, и сухие прутики, сброшенные ветром с ольхи, и клоки сена. Мороз, конечно, не о красоте думал, зажимая полевые ручьи на опушках лесов, и они тоже думали не о красоте, а вот как вышло красиво. Значит, в природе красоту не делают, а она сама выходит, когда делается нечто безусловно нужное и серьезное.

Красота выходит и как бы сопутствует делу: вот красота этих узоров и вот рядом тут не сметенные остатки кровной борьбы: этот желтый лист березы, эти прутики... И явно видишь совершенную бесполезность этой красоты: мороз хватил сверху по ручью и этим не мог удержать: под тонким льдом убежал ручей, и повис лед-тощак, и остались не для чего, только для вида белые цветы как след напрасной борьбы мороза с весной.

Бесполезная красота! Но только так всегда в природе: красота не в труде и не для труда, она бесполезна и сама по себе, но почему-то всегда встречается около того места, где совершается общая необходимая, неумолимая работа.

(Так Г. Успенский нашел свою поэзию в беспощадном труде крестьянина.)

Я сделал снимок опушки с птицами, поющими на красных прутьях вербы, начинающей раздувать свои серые мохнатые шарики. Ни орешник, ни ольха еще не позолотили своих сережек. Но на одной тройные пальчики ожили, надулись, позеленели, и завтра, если будет теплый дождь или солнце, они наверно позолотятся. Я взял сережку с тремя холодными пальцами и согревал в своей теплой ладони...

Ночные следы на снегу сейчас вовсе не видны, но клочки заячьей шерсти остались, видно, был бой между самцами.

Муравьи перебрались в верхние этажи, некоторые вяло бегают по всему муравейнику, а главная масса лежит на виду темными пятнами.

Читая Успенского, слежу, как под предлогом «гуманизации» врывалась цивилизация в крестьянскую жизнь. И сейчас по аналогии вижу, как в сталинское дело (тоже в существе своем крестьянское(!)) врывается разрушительное начало под предлогом прав «личности» и личного счастья.

— Никто у тебя не спрашивает личной жертвы, ты только пойми, признай и после живи, признавая, в полное свое удовольствие.

5 Апреля. Ночью облачно, легкий мороз и тишина. В 2 ч. ночи отправил Петю искать глухарей. Сам вышел в 7-м ч. посмотреть Мякишево. Летел снег, но скоро прошел, и мало-помалу небо стало расчищаться.

Против заднего шалаша на елках, на самых вершинах сидели три петуха, и один бойко бормотал. В шалаше сидел председатель колхоза.

При входе в лес муравейник. Я довольно глубоко покопал в нем: муравьев не было, спустились вниз. Заметил себе, если придется вернуться, посмотреть, что будет, когда солнце согреет воздух.

Орешник еще не цветет, но когда берешь в руку сережку, то чувствуешь в ней живущие пальчики, по три пальца в сережке.

Иду, конечно, по зимняку, вокруг в лесу довольно глубокий снег и проваливается. Подо льдом на дороге где-то вода, наверно, вымыла себе ледяной бочонок, и далеко слышно разда-

ется особенный глухой звук. (В детском рассказе это будет Цедило.)

Рассказ о мальчике должен быть написан: дружба мальчика начнется с того, что он украл у охотника дупляной скворечник: тот усовестил его, и мальчик принес ему новый: охотник говорил: он (скворец) за лето мне ведь ничего не натаскал. Развить дружбу во время хода первой весны и потом потерю мальчика основать на внезапной перемене погоды: исчезли следы, и то же самое певчее дерево стало не то.

Когда, желая узнать, где был, начнешь местному человеку рассказывать «пошел направо-налево», он не поймет, а скажешь примету верную «тут сломанное дерево» — то он так обрадуется! он обрадуется тому, что другой, чужой человек поглядел наконец-то на его родную примету (как родинка).

Еловый лес, если нет солнца, всегда угрюмый лес, но он вдруг весь вспыхивает зеленым светом, когда солнечный луч пробьется в его темную глубину. Кажется тогда, будто он только этим живет, только этого ждет. Я такую зелень видел раз только в море, я ехал на лодке <*приписка:* в Соловки>, а солнечный луч пробился под воду и [оказались] там в зеленом свете растительные чудеса...

Не тот художник, поэт, музыкант, кто рисует, поет, играет, <*зачеркнуто:* пишет> бормочет стихи, — так-то и мороз рисует (чего лучше!), и ветер поет, и ручей лопочет под ледяной корой тоже стихами, и еще какими! У них ведь это выходит не для чего, совершается какая-то большая работа, а это все не очень-то и нужно.

Вот мороз в эту ночь боролся с ручьем, собирался его заморозить. Но силы у него достало только чтобы схватить поверхность воды. Под тоненькой коркой ручей убежал, на место воды под лед воздух ворвался, и от всей борьбы мороза с водой остался тонкий лед-тощак и на нем чудесные белые цветы, ни на что не нужные, бесполезные, исчезающие при первых лучах без следа. Но я, человек — не мороз, а настоящий художник — увидел эти цветы и создал из них картину борьбы Мороза <*зачеркнуто:* с Ручьем> и Солнца...

Когда лучи солнца пробились в еловый лес, то попали прямо на вершину одной высокой ели, всю увешанную шишками, как золотыми подарками. Чешуйки зрелых, перенесших зиму шишек, встретив лучи, согреваясь, неровно с одной стороны

стали шириться, давить на другие и вылетать из своих гнезд. Так семенные летучки, кружась, как маленькие парашюты, полетели вниз. Явилось солнце и с огромным проворством стало всюду славить.

Краснозобый снегирь прилетел и сел красный против красного луча: будто вспыхнул и сгорает. Возле него две серые самки снегирихи. Вспыхнув, снегирь повернулся к одной подруге, та поняла его и полетела куда-то, и он за ней полетел. А другая снегириха повернула свою головку в сторону улетевших, смотрела туда, и, по-моему, одинокая, она очень была грустна.

Весной самой ранней, в лучах солнца среди золотых подарков, спускающих вниз вертящиеся парашютики, сидела грустная снегириха. Так не бывает в природе. Прилетел другой краснозобый снегирь, вспыхнул. Она поняла, взвилась, и он вслед за ней в ту же сторону, где скрылась и первая пара.

Непонятный звук, который я слышал, но, занятый снегирями, не обращал внимания — ку; снегири улетели, вдруг оказалось: это гуси летели.

С некоторым трудом я перешел лесную речку, по-видимому, это Нюньга, впадает в Кубрю; лугом вправо версты три Корелы, и можно вернуться на Филимоновские места. Берется из ничего: три ручья; проследить.

За речкой красивая поляна с остожиной. Солнечные лучи, проникая в лес, прекратили где-то ток глухарей, и они прилетели сюда «на почку» и сели три на березу. Эти глухари были от меня в 40—50 шагах, но елка заслоняла их от меня. Стоя под елкой, я насвистывал рябчиков. Один пропорхнул. И когда я выстрелил, рядом поднялись глухари и улетели.

За этой речкой березы много больше и еловый хворост. Чем больше березы, тем лес веселей. Солнце тоже росло и крепло в лесу. Ледяная дорога, негусто унавоженная, стала мазаться, скользить. Я услышал какой-то гул и подумал на шаги, но гул стал быстро расти, показался ручей с тремя березовыми кладочками, и гул оказался от водопада Бубнило (другой водопад Цедило).

Сосульки сока. Видел березку с блестящими сосульками на сучках: три-четыре, может быть, пять-шесть сосулек, свисающих с конца сучков. Но почему же не больше, почему с каждого сучка не свисает сосулька? Разгадалось очень просто: это пти-

ца, оклевывая почку, поломала сучки, и березовый сок из них закапал вчера на солнце, а ночью замерз.

К Мякишеву лес спускался ярусами: ниже и ниже. Вблизи села море мелятника. Тут падающая церковь, падающий голодный колхоз. Рыжий лысый мужик, рассказывая, в припадке злобы бросался с матерными словами на зеленого оборванного мальчишку. — Неужели же и картошки нет? — По милости начальства нет картошки: заставили лен убирать, картошку мороз захватил.

Он проедал корову, и больше у него нет ничего. Это ужас!

А церковь вот-вот упадет. Вокруг нее когда-то усердный поп вербы насадил. Народ срезáл прутья, а она все росла и росла на толстом стволе. И сейчас на красных прутиках уже показались хорошенькие мордочки. Вербы церковь переживут. Придет вербное воскресенье, вербы распустятся, а церкви нет.

Солнечный луч в ельнике. Снегири. Глухари. Березовые сосульки закапали. Снег плавится, воздух плавится. Треснула осиновая почка. Зажелтели пальчики на орешнике. Первая муха (звук). Первая маленькая красная бабочка над снегом. (И так все сегодняшнее распределяется по мере внедрения солнца в лес.)

Под действием того же луча глухарь с нижнего этажа (любит бегать на току по снегу) перемещается в самый верхний «на почки», которые теперь плавятся.

Плавится в солнечных лучах ароматная смолка на почках, — это самый высокий этаж леса; а внизу еще глубокий снег и корни погружены в мерзлую землю.

(Каким образом движется сок в березе, когда корни в мерзлой земле?)

6 Апреля. Мороз. Ярки и велики весенние звезды, только редко из-за дождей и туманов их приходится видеть весной. В эту ночь ярко доходила луна последней своей четвертью, все звезды выкатились, и мороз сделал последнее усилие в борьбе своей с весной воды.

Разве не силен мороз? но и этой силе приходит конец, и поутру при восходе солнца, звеня тонкими льдинками в белых цветах, смеясь, разбегаются ручьи в разные стороны.

Как прекрасны эти белые цветы на тонком льду, под которым бурлит, и бубнит, и звенит, и цедит свою воду ручей. Я ча-

сто думаю о морозе, разглядывая эти белые цветы, — что не выход ли это из унижения перед могучим солнцем: вместо смирения: «нате вам!» вот эти как будто никому не нужные в природе белые знаки над бурлящей водой.

Бесполезные знаки, зачем они? Но вот приходит человек, склоняется и разбирает, рисует, догадывается и бесполезное и ненужное опять пускает в природу как ее же величайшую силу искусства и красоты, перед которой само солнце кажется лишь круглой красной печкой земли...

<*На полях:* Солнце, Мороз, Человек.>

Музыка. Ручей, вырываясь из лесного хлама на солнце, сверкал и бурлил. Сверху солнце топило снег, и вода сверху, проходя слой насквозь, по хламу стремилась в ручей, вода стремилась к воде. Но в тени хлама мороз успевал схватывать капли, стекающие с былинок, и так с каждой соломинки, с каждой сухой травинки, торчавшей над водой, из-под лесного хлама росла и росла, спускаясь все ниже и ниже, сосулька. И вот когда в тени концы сосулек достигли стремительно летящей воды — тогда вот как застучали, зазвенели, ударяясь [друг] о друга, сосульки...

Делают усилие все — что мы называем мудростью; включить в более широкое будто бы понятие диалектики. (Мудростью ведь называется та необходимая последовательность, с которой проводится в жизнь та или другая идея.)

Слепое повиновение порождает ясное право на власть, на этом держится земля и вселенная. Но вот рождается существо со своим планом и нарушает древний вековечный закон...

По деревенской улице, весь залитый солне́чным светом, идет человек на деревянной ноге и косится на свою собственную тень. Он так загляделся на свою тень, что, не поклонившись, прошел мимо нас. Как это могло быть, ведь он в десяти шагах прошел по шоссе, а мы сидели на завалинке. Наверно, у него рождался какой-то план, когда он глядел на свою тень, и в этот план мы не входили, мы были далеко где-то на обыкновенной земле. Но мы все-таки были, и обзор плана окончился, он вдруг быстро оглянулся и приветливо нам поклонился.

Муж. Я сказал Пете в присутствии хозяина: — Завтра, Петя, Благовещенье, давай отдохнем, а то ведь, по старой поговорке, «в Благовещенье птица гнезда не вьет». — Верно ли? — подал

реплику хозяин и вышел, а мы разбирали, откуда у этого старого единоличника такой рационализм: оттого ли, что он был у немцев в плену, или свой кровный: правда ли не вьет? как Писарев спрашивал, правда ли есть добродетель быть вечно верной мужу, как Пушкинская Татьяна? Или, может быть, хозяин, подозревая во мне большевика, боится моей провокации и вперед ограждает себя показным сомнением в справедливости народного поверья о птице, не вьющей гнезда в день Благовещенья?

Жена и термос. Оба, и муж и жена, чрезвычайно тонкие люди. Вот я прошу ее налить кипятку в термос, и она соглашается: дело такое простое. Ее только чуть-чуть смущает, что дело так просто, а я так усердно прошу. Мне приходится объяснить, что краном самовара нельзя толкнуть край термоса: надо осторожней. И как я только сказал «осторожно», она поняла опасность и наотрез вдруг отказалась налить без меня горячей воды в термос. И как я ни убеждал, она говорила одно: — А что самовар поставить, плевое дело. — Но как же ночью? — Пустяки, встану. — Зачем же вставать. — А почему не встать?

Муравьи, массой выползая на солнечное тепло, шипят, слышно.

Ветер надул хвою в след землеройки: узор.

Начало гнезд у дятла, у желны.

Человек рыжий, лысый, как догорающая пожарная головешка.

Новейшее право на красоту.

Последняя весна.

<*Приписка:* Средний этаж → Сойкин нос на гнезде: 4 яйца.>

7 Апреля. (Благовещенье.) Спуск. Собрались ночью на глухарей, но у П. заболела сильно голова, и остались. Мороз –4. Цветы на окнах. Голубые дымы. Остаток утреннего месяца. Этот период борьбы мороза с солнцем (солнце и мороз поделили сутки: днем <*зачеркнуто:* оно> солнце — ночью он) очень похож на осеннюю борьбу: тогда солнце уступает. Осенью похоже на восхождение на снежную вершину, весной начинаешь спускаться.

Человек на деревянной ноге, его история. Во-первых, принцип деревни: всяк, кто не работает, не ест — в революцию был

нарушен: ел тот, кто не работал, а говорил; в то время – человеку на деревянной ноге было хорошо: чары спали, нищета и опять волчье положение. Мы вернулись к обнаженному принципу власти, чисто природному: полное крушение интеллигенции. Я в это время чувствую, как спадают гражданские цепи и я как художник освобождаюсь.

«Дело». Мы обошли сегодня с 7 утра леса́ по водоразделу Кубри (р. Нюньга) и Дубны, [безымянный] ручей, впадающий в Дубну (есть снимок), вышли через Корелы, Конюхово, Стар. Дубну к р. Дубне, где вчера были поставлены донники, и по шоссе в 3 ч. д. вернулись в Териброво.

Петя до того «в седле», что даже прямо сказал: он никак не может освоиться с нашей работой как с делом, и все ему кажется, будто это баловство. – А если подумать? – спросил я. – Если подумать, – ответил он, – то, конечно, это дело, и самое настоящее и нужное. – Значит, – сказал я, – ты просто не веришь счастью делать свое дело. Это остатки твоего личного рабства. – С этим я согласен, – сказ. он, – это остатки моего рабства.

После этого разговора я вспомнил, как робко всю свою жизнь боролся за личное дело с тем, что в мое время называлось гражданской добродетелью. Так переменилось с тех пор: все то, что тогда мы считали гражданской добродетелью, теперь понимается как остатки личного рабства. Между тем, если с этим обернуться к обществу, как оно сейчас есть, то наше утверждение личного бытия есть только самое-самое начало освобождения.

<*Приписка:* и я решаю, что Зуёк старше действительного и у него Надо и Хочется>.

Фенол[огия]. Кроты заработали. Массовый вылет лимонницы. Береза млеет, ветви шоколадятся. Сильно идут на пищик рябчики... Щука нерестится (налим все еще торчит в норе). Вода сильно убывает. Начинают отделяться на разливе бочаги и омуты. Сильно барабанят дятлы, но никак не можем найти их работу над долблением гнезда. На сухих буграх забегали паучки. На опушках сокращаются хвосты снега, но в лесу даже такое солнце сделать ничего не может: только крепче становится наст, нога до полудня в лесу не проваливается, и на глухарей ходить можно в валенках.

Борьба в лесу. Во всем этом огромном лесу, где, если сверху смотреть, земли распаханной виднеются только небольшие колечки, заключающие села и города, — очень мало найдется кусков спелого хвойного леса, каким он хранился до нашего времени. Теперь этот лес, предоставленный самовозобновлению хвойных деревьев под покровом лиственных, представляет собой как бы картину всеобщей гражданской войны за свет березы и ели. В таких лесах нет покоя и величия, как в спелых хвойных лесах, давно переживших свою лесную гражданскую войну, пожары, болезни. Здесь каждое дерево борется за существование, и постоянно видишь целое кладбище погибших существ. Но что хорошо в таких подмосковных лесах — это молодая буйная поросль.

8 Апреля. Мороз чуть поменьше, утро светозарное, как вчера, но днем бродят, то закрывая, то открывая солнце, темные дождевые облака.

Петя на рассвете из мелкокалиберной убил на 180 шагов глухаря. За речкой на поляне с остожиной я убил рябчика. Хозяева родились в этой местности, но ни разу не видели глухарей, были поражены, но далеко не так, как были бы мы поражены, если бы нам из леса принесли такую же неизвестную птицу: мы бы приняли как чудо.

Наш лес. Дикий зверь не то что в зоопарке, но даже в заповеднике все равно как икона, перенесенная из церкви в Музей. Достаточно человеку провести черту охраны, чтобы звери, деревья, цветы, вся природа получили бы иное выражение. И потому самый роскошный девственный охраняемый, подчищаемый лес гораздо хуже, чем наш изуродованный беспорядочной вырубкой, но растущий все-таки по своей воле лес. <*Приписка:* Зверь в Зоопарке и на Родине. (Экология.)>

<*Приписка:* Лось — средний этаж. Машин звери не боятся. Чудо. (Петин Глухарь из мелкокалиб.)>

Когда будет больше людей, много больше, чем теперь, — начнется и забота о лесе, и это выйдет само собой. Это совершится нескоро, незаметно люди привыкнут к бережливой охране природы и в этом хозяйстве найдут себе радость. <*Приписка:* Счастье будет большое в будущем, но точно такого, как наше теперь, не будет: наше пройдет. Будем же радоваться...>

Но утешать себя в утрате той будущей радостью нам нечего: нам, таким, как мы есть сейчас, как у нас есть, — лучше того, и, наверно, те будущие люди нам позавидуют. <*Приписка:* Будущие люди позавидуют, что мы жили в таких лесах, как мы сейчас завидуем их устройству, счастью.>

Надо подумать о природе своей тревоги об этом: что она значит? Если она происходит вследствие современного истребления лесов, то можно ли говорить об этом, если мы вот уже 20 лет стоим у края гибели своего государства. Не от общего ли ропота, зуда рождается тревога о лесах? Однако теперь заметно: в народном сознании революция утрачивает необходимость все причины зла относить к виновникам: совершается нечто такое, что должно совершиться, и мы должны все изжить до конца.

Опушка. Теплая поляна с остожиной. Снег из-под нижних еловых лап сбежал, и вот наконец ели опустили эти лапы на самую землю, и рябчик, задремавший на солнечном луче, услыхав чьи-то шаги по насту, шмыгнул внутрь ели под лапы. А бабочка лимонница порхнула над тем местом, где был рябчик: как будто и правда тут никто не бывал. <*Приписка:* Зуек все это видел, и ему захотелось поймать рябчика.>

Нет, куда наша природа лучше Кавказской! Там так трудно подниматься на горы, чтобы насладиться ароматом снега в солнечных лучах. И после так трудно и рискованно спускаться к лесам, долинам, садам. Тут у нас без всяких усилий сама природа с осени поднимает к снегам: за зиму в метелях и морозах переживаешь всю злобу климата вершин с вечными снегами. И опять тоже придет время, и без всяких усилий из этих снегов начинаешь спускаться к потокам, к лесам, цветам и садам...

<*Приписка:* Я иду с горы из-под ледника, а здесь гора поднимается вверх.>

Сегодня впервые на газоне полевой дороги желтые копья какой-то травы прокололи старый дорожный хлам и объявились на солнце.

И еще больше, заметней пожелтели сережки орешника.

Тверже сидит на своем гнезде ореховка, можно теперь подходить к самому дереву: боится застудить яйца.

Утром после восхода солнца дятлы взапуски дают свои трели, и есть среди них музыканты отменные: одна трель от всех отличается.

Под плахами у ручья наконец-то появились черви, значит, скоро пойдет налим на червя: так это сходится, что, когда черви показываются, с полей бежит мутная «земляная вода», и в мутной воде налим вылезает из норы и хватает червя.

Поэзия того, что́ есть или должно быть, или возможно.

А то может быть поэзия того, чего нет и не может быть и невозможно.

Жизнь зайца.

Где ел, там и ходил.

9 Апреля. «Рвы и камушки» (14 квартал).

Вчера к вечеру три четверти неба закрылось теплыми облаками, и от этого тепло сохранилось на всю ночь (+3). Утром был ничтожный мороз, и потом вышел день хотя и не совсем солнечный, но самый теплый из всех.

Муравьи, предчувствуя тепло, в эту ночь не убирались в глубину и толстым слоем перележали тонкий утренник.

Никогда не увидишь в Германии, к чему приходит дерево, если предоставить ему расти себе самому.

Дятел и дерево.

Червяк уже есть под камнями и плахами, но червяк слабый, собой еще не владеет. Вот еще две-три теплых ночи, два-три красных дня, и налим вылезет из норы и пойдет на червя. Налим тоже тепло любит.

Водолюб вышел наверх.

Леса раньше были такие высокие, ровные, на охоту пойдешь, и голова закружится. Теперь зверь и птица скрываются, а тогда, бывало, на чистом месте встречаешь.

4 веч. мы в Загорске. Разрешение охотиться будет лишь завтра. Собираю Петю в Москву: на 10-е и 11-е. Уедем обратно 12-го утром.

Пете в Москве: 1) Компас. 2) Уплатить 330 руб. в Жилищное тов-во и осмотреть квартиру. 3) Купить бинокль. 4) Блокнот. 4) Свои книги. 5) Пульки. 6) Конверты. 7) Огневу. 8) Аппарат и кассеты и пластинки. 9) Часы, пленка, сапоги.

10 Апреля. «Власть земли» и «легкую жизнь» видно теперь на шоферах грузовых машин.

Земля как грязь, как земля в цветочных горшках Успенского (его мистический нигилизм) включает и монархию, и православие, и многовековой быт народа земледельческого. Но где же выход? Возвращение — невозможно, цивилизация — гибельна. Выход: 1) мужество 2) учиться властвовать (людьми).

Вечером явился из Москвы «отец с дочерью» и просидел 5 часов. Это один из моих читателей, разбитый вдребезги человек, ищущий в моих книгах и находящий целебное свойство. Что-то вроде «власти земли», проводником которой являюсь я (прочитать «Соки Земли» Гамсуна). Об этом надо подумать особенно.

Между прочим, этот гость весьма близок к искателю (Горький), которого я хочу изобразить на Кавказе. И вот вдруг этот читатель-обожатель начинает тоже хвалить и Лидина! Жизнь похожа на взлет снаряда (тип всем Максим Горький).

Значительным был разговор о Ягоде как некоей державе: уголовные преступления: разве не палач? север: гонимые матери с младенцами и все, что мы видели в Соловках, и статуя на канале и трупы в лесах — всё Ягода! Страшно за совесть, как она притупилась, как мог вынести все это человек!

В конце концов гость подарил мне страницы из своего дневника о мне и очень робко, но ясно выразил свое желание, чтобы я написал «городской роман».

Называет себя он инженером, хотя ничего не окончил, подозреваю, что живет изобретениями, вроде Острого. Явно — жертва времени. Начинаю понимать возвеличение Горького: он есть гений этих людей.

Этот расстроенный человек не первый, кто врывается в мой дом чуть ли не силой и с каким-то вызывающим правом говорит: «я — читатель!» Чуть-чуть напоминает то время, когда нищие, калеки, убогие были помещены в Черниговский скит на место монахов, и они тоже требовали себе прав. Такое сравнение напрашивается от какой-то обязательной психической болезненности моих читателей, припадающих через мои писания как бы к самой матери-земле <*зачеркнуто:* нищие с претензиями>. Надо необходимо-необходимо выработать себе короткий ответ на все их вопросы, начиная, конечно, с того: «Спасите меня, я хочу застрелиться».

11 Апреля. Утром опять морозик. От вчерашнего читателя и сегодня туман в голове и нервное расстройство. До обеда прошло время кое-как. После обеда начал вырабатывать дневник на машинке. Приехал Лева и убежал на тягу. Потом явился Петя, пошла кутерьма сборов, и в 10 в. мы вернулись в Терияброво.

Тревожные вести из Москвы: желают меня видеть Панферов и Ставский. Значит, хотят притянуть к какому-то делу. Но мне кажется, я больше теперь уже к «делу» неспособен. А что надо, по-моему, — это надо теперь устроить «союз русского народа» вокруг Сталина. Нечто вроде того и устраивают, наверно, эти Ставские—Панферовы. Надо быть с ними очень осторожным.

12 Апреля. До трех ночи не мог заснуть. — Это перекал, — сказал Петя. — Что это значит? — Не успел уснуть и стал думать, и как начал сильно думать, не заснуть: в голове перекал.

Утром лежал мороз. Скворцы сидели в теплом луче и лапками почесывали себе шею. На опушке леса послышалось бормотание тетеревов, там с опушки на озимь вышли шесть петухов и начали токовать и драться попарно.

На столбе межевом сидела пуночка белая и глядела в их сторону. Жаворонки вздымались и садились на зеленя. Где-то чибисы кричали. Прокричал барашком бекас.

Подошел конюх колхоза и на вопрос мой, где у них будут пахать, не мог ответить: 35 лет тому назад (когда мы начинали травосеяние с четырехполкой) начали четырехполку, привыкли к ней, а теперь из Александрова назначили 8-полье, и ничего в нем не поймешь...

Всматриваясь в лицо конюха, вернее, выискивая лицо среди лохмотьев одежды, серой изгороди, земли серо-желтой, вытаявшей из-под снега только вчера, — я понял, что работа моя «Дом» (= экология = греческое слово: дом, в котором живет человек = ландшафт) должна включать и колхоз, и канал, и Москву в моем соприкосновении с ней: мою новую квартиру.

Экология (по Геккелю) занимается «отношением животного к органической и неорганической среде, в особенности его дружественными или враждебными отношениями с теми животными или растениями, с которыми оно входит в контакт».

«Животное» пусть в моем «доме» будет человек, которого я познаю из себя самого: я-сам — в отношении которого распределится весь «Дом».

Ястреб спугнул ток. Тетерева расселись по деревьям. Петя пошел к ним, я пошел по указу конюха посмотреть место тяги.

В лесу ближе к опушке вовсе нет снега, но дальше снег распределен кругами возле кустов, на эти круги становится весело смотреть, кажется, будто съехались со всех сторон дружественными группками и, не сливаясь один с другим, оставаясь на личном своем иждивении, каждая группа вблизи другой расстелила свою скатерть и запировала.

Орешник везде над пирующими свесил свои уже золотые сережки. Там и тут стояли погруженные в зеленые подушки моха березы, такие белые в лучах, что больно смотреть. Липкий сладкий сок берез этих, вероятно, давал знать о себе мухам, и эти липкие первые дачницы леса летали, жужжали, садились: на каждой белой березе непременно сидела маленькая черная жадная дачница.

Деловая пчела летит так быстро, что, встречаясь с ней, слышишь, а не видишь, пропускаешь ее, как бывает на автомобиле, сам едешь быстро, и другой с большой скоростью встретится и прожужжит.

Зяблики рассыпались, будто маленькие каскады воды, падающие с уступа на уступ все ниже и ниже.

Беременный Заяц. На торфяном болоте поднялась утка, и вслед за ней чвакнул с плеском, выдрался из куста и взлетел селезень. Пара бекасов металась вверху, раскатываясь барашками, с опушки, с поля доносились песни жаворонков, вопросы чибисов: «чьи вы, чьи вы?»

С великим треском по тонкому льду, сохраненному в древесной тени, с плеском на лужах вскочил и понесся возбужденный заяц. <*Приписка:* Я успел узнать, это была беременная зайчиха.> Но вот именно этот заяц подсказал наконец-то мне то самое главное, что было бесконечно значительней всех этих звуков весны: ведь заяц, перед тем как я взбудил его, лежал и молчал. Быть может, это даже была беременная зайчиха? Когда стихли эти звуки от зайчихи и наступило молчание, то открылась моему слуху вся сила огромного молчания, всеобщей тяжелой беременности среди незначительных звуков лесных и полевых самцов. <*приписка:* Лягушки> 1-е урчание лягушек: вспомнилась обмерзшая лягушка: нос из воды и выпученные глаза, вспомнился рассказ о теплой воде: вода теплая прибыла за день, лягушка вылезла на берег, вода спала, лягушка замерзла. <*На полях:* Дом беременной зайчихи.>

Появление Василия Алексеевича: шепотом: «сами того хотят» (тайная мысль — потому шепотом); «как чумные» (водку пьют, а там семья голодная).

Лягушки и Мороз. Рассказ о Морозе: теплая вода прибыла, одна лягушка решилась вылезти на берег, другая издали смотрела на нее из воды, завидовала и не решалась. Мороз схватил к утру: лягушка на берегу оцепенела, а другая в воде: один нос и выпучив глаза; вода сбежала, воздух вошел под лед, появились блестящие белые цветы.

Пришел Василий Алексеевич, счастливый человек, единоличник, их три: Григорий Конст. остался по гордости: был в германском плену и возымел презрение к нашим: суденышко сделал немецкое и сапоги-снималку; Василий же Алексеевич сына имел в НКВД и благодаря ему удержался. Весна такая чудесная, В. А. весь день с лопатой, от него, как от маленьких детей с воздуха, в доме пахнет морозом и солнцем.

— Счастливый вы человек, Василий Алексеевич! — Тс! — воскликнул В. А. весело и — Тс! — пригласил к молчанию. В то же время пальцем одной руки коснулся моего локтя, а другой поднес к губам. — Щелков Андр. Ив., вот точно такими словами говорил: «Счастливый ты человек». Тс! повторил он тихо: фа́бричка была у Андр. Ив., дом в Москве, а я в швейцарах у них. Бывало, в театр соберутся, бриллианты, бархат, блеск! А из театра знаете как было: прежде чем спать лечь, ведь непременно кофе напьются, без кофею спать никогда не лягут. И вот раз проходит А. И. через швейцарскую и говорит: «Счастливый ты человек!» <*Приписка:* В чем же дело?>

Счастливый человек и «они» (колхозники: тут шепотом, оглядываясь, как птица, в разные стороны, как скворец).

— Он ведь пьет на последнее, а дома есть нечего, семья плачет, он пьет как чумной. — Проделав все сложные обезьяньи и птичьи жесты, поминутно оглядываясь на дверь, он прошептал мне с губ на губы свое таинственное и бесповоротное заключение: сами того хотят (т. е. если он счастливый, то этим обязан себе, а они достойны своей жизни).

Бекас. Лучи вечернего солнца снопами бросились вниз, и в этих расцвеченных облаках вздымался и падал токующий бекас.

Молчание. Самки сядут на яйца, самцы веселей будут петь. Но чем больше будет веселых звуков в лесу, тем сильнее для понимающего будет выступать и значить сила молчания. Не

тем ли и в поэзии сильно слово, что открывает нам силу молчания.

Самец лучше всего поет, когда самки уж больше нет для него: она сидит в молчании. Так точно и Берендей рассказывает: по слову его надо учиться вниманию и участию. А иные приходят к самому Берендею и просят научить их говорить так же красно, как он... Другие, привлеченные словом, просят у него жизни...

Березовый сок и месяц. Я пришел на большую «красивую» поляну (почему красивая? потому что правильно круглая, обставленная ровным молодым лесом).

Молчание было такое, что кровь звенела в ушах, изредка и незначительно и обрывочно посвистывали певчие дрозды. Я уже начал было искать на небе первую бледную звезду, так примечено: если до звезды не полетели, то уж и не полетят. Вместо звезды на глазах моих «из ничего» народился месяц тоньше соломки, острее иголки. И в тот самый момент, когда я нашел его, на все молчание раздался всеохватывающий хрип вальдшнепа. Я стал на его пути, но обратно он вернулся по...

Птица с ликом девы. Наши хозяева, коренные местные люди, не только никогда не видали глухаря, но даже не могли себе представить, чтобы в нашем лесу могла жить такая огромная птица. В лесу, однако, они допускали чудеса, и для них этот убитый нами глухарь был как если бы мы встретили там «птицу с ликом девы»: поэзия ведь и есть кладовая чудес для неверующих. Нам поэзия, но хозяевам чудеса оставались в лесу. Они, конечно, и ахнули и подивились, но далеко не как если бы я неверующим встретил в лесу птицу с ликом девы... <*Приписка:* (Счастье невежества) и поэзия создает счастье.>

Быстро окинув глазом всю роскошь сине-зеленых переливов брачного наряда огромной птицы с большими красными бровями, хозяин взвесил ее на руке, передал хозяйке, она тоже взвесила и спросила его:

— Четыре кила будет?

— Больше! — ответил он ей.

И потом мне:

— Вот что бывает в лесу.

Вечером ходили на тягу (Филимоновские места). Земля настолько оттаяла, что Петя заложил первую свою банку для по-

имки землеройки. Когда он копал в большом лесу, я пришел на свое место в мелятнике и дал ему сигнал манком кряквы. Сейчас же кряква отозвалась. И в тот же момент потянул первый вальдшнеп (7 веч.).

Вслед за тем крикнул филин, и Петя ему отозвался. Филин стал приближаться... Пете удалось найти сегодня первое дупло дятла. Это дупло легко находить по посоркам. Другая дупляная птица филин кричала, значит, и ее найдем. Так началась работа. Стрелял по двум и промазал. Петя стрелял по четырем, взял двух.

Петя хорош тем, что легко дает себя подхлестывать: чуть тронешь вожжой, он и бежит.

14 Апреля. Поля славян. Поля большого колхоза Териброво, когда оглядишься, — просто поляна в холмистом лесу. Очень красиво глядеть из середины этой большой поляны радиусом в версту: так спокойно становится, когда любуешься волнистой линией пересекающихся лесных холмов. Леса вокруг еще темные, но уже наполнены соками и как будто дымятся весной. На небе синие рыбки тесно друг к другу, и там токует бекас.

Наша дорога полями в лес задерненная, не мажется, на ней шесть темных полос: две пробиты колесами телеги, одна серединная протоптана лошадью и две по сторонам, вперед и назад, справа и слева — следы ног человека.

Я делал снимок уродливой березы на опушке возле временного ручья, она мне напомнила нашего калеку «Деревянная нога». Еще я снимал Петю, как он проводит мышиную траншею: трудился он три часа, а ее водой залило. Во вчерашнюю банку попалась мышь неизвестной породы с большими ушами. К сожалению, мышь не донес до дома, потерял.

Пробовал снимать живые скелеты деревьев, пока они еще не оделись листвой, цветы орешника. Сегодня именно тот праздничный день Апреля, когда снег сошел и в лесу и орех раскидал везде золотые сережки среди надутых шоколадных почек.

Еще снимал одну скатерть под ореховым кустом, одну березу, погибшую от ели и расклеванную дятлами. Обошел весь кругом «филимоновский» участок.

С того края слышно, рубят лес, а с этого мы разыскиваем и отмечаем гнезда дупляных птиц (дятла и совы). Звук топора

и пилы больно приходится по сердцу, но я не даю ему воли и говорю: — Рубите, рубите! — Правда, ведь не разбойники же рубят, наверно же ведь надо сейчас рубить леса, придет свое время, и будут, как в Англии, сажать молодые деревца, лечить и ухаживать за старыми. Тогда можно будет и пожалеть дерево, а сейчас это неуместная жалость. — Рубите, рубите! — Визжит пила, стучит топор. И падает с треском дерево. Вот у большой много опилков, это дятел долбит себе гнездо. Вон ворон с тревожным карканьем носится в небе, — такой умный и мужественный самец! Его самка уже кормит своих молодых, слышно, они пищат в гнезде. Но ведь рубят же лес! Они на это не смотрят, дятел долбит, ворониха носит червей. И они придают нам мужества: пока до нас дойдет, мы успеем сделать свою работу и, может быть, по этим материалам создать лес, который невозможно срубить, лес, через который люди научатся беречь и охранять земные леса. — Рубите же, рубите! возможно, мы и успеем. Пестрый дятел, черный ворон! будем жить по завету царя Берендея: помирать собирайся, рожь сей! — Вот недалеко грохнуло дерево, можно без опасности туда подходить. Там двое пилят.

И вот она, благая весть: они лес не рубят, они выбирают сухие деревья...

В 11 д. услыхали близкое семейное токование, в чаще на маленькой полянке разливался довольный петух, окруженный тетерками.

Шел бесконечной просекой с цветущим орехом и пением зябликов, с белеющими скатертями неведомых гостей. До того хорошо, что за отсутствием людей заговорил сам с собой. И вздрогнул: вижу, рядом черный свидетель стоит. Тут же и успокоился: свидетель был пень. Так бывает тоже страшно, когда едешь раздумчиво по речке один. Бывает, коряга из-под воды силой неровного течения то выглянет, то спрячется, на коряге, бывает, сено нависнет, сухая трава обмотается — длинная борода и выше вроде как бы лицо с рожками, и то выглянет, то спрячется <*Приписка:* (Водяной)>.

Колхозники начали пахать (у них связь с землеройками: вот оно откуда пошло). Сеноставцы: звери (справиться).

<u>Дом</u>. Тот маленький дом, в котором мы рождаемся, разрушается со временем, как и гнездо у птиц: птенцы вылетают на большой простор, предоставляя гнездо дождям и бурям. Взрос-

лый человек должен непременно достигнуть такого простора, чтобы тело свое почувствовать вместе со всей землей, ее воздухом, светом, водой, огнем, населением как свой собственный дом...

И если науке даже тесно стало исследовать в лабораториях обитателей земли и она теперь хочет заниматься их домом (экология), то и человеку пора бы перестать вертеться вокруг себя и посмотреть на свой дом.

Показались бутоны волчьего лыка, выперли из-под земли красные иголки конского щавеля, вечером летали какие-то небольшие ночные бабочки, жук какой-то вился возле березы... Вот бы только одна совсем теплая, без всякого мороза ночь, один хороший теплый дождь, и тогда сразу все закипит: лягушки, птицы, трава и цветы.

Вечер прохладный, но тихий. Вальдшнепы плохо тянули, зато хорошо перекликались совы <*приписка:* по холодку>.

Некоторые птицы с вечера долго не могут уснуть, и все-то им не сидится на месте: в тишине отчетливо слышно их перепархивание <*приписка:* (средние этажи)>.

Так хозяева мои от птицы с ликом девы выразили свое удивление лишь восклицанием: «4 кило!» По-видимому, нет в народе и даже в ребенке того «младенческого» «первого» взгляда на мир. Скорее это свойственно тем, кто скучает по своему младенцу...

Змеистые каналы на поверхности земли делаются не только землеройками: крот, полевка.

Петя ходил в Корелы пробовать уток. Там болото, оказалось, еще не оттаяло. Петя сделал себе шалаш, стал дожидаться: одна утка хорошо кричала. Вдруг на кончик ствола что-то капнуло, он стер. Скоро опять капнуло, и когда стирал, ему капнуло на нос, а небо такое было чистое, что видно было, как народился месяц. Петя стал следить за каплями сверху и понял: опорной веткой в шалаше была березовая, и это капал из одного обломанного сучка березовый сок.

Ночью Петя опять хотел идти на глухарей, но я восстал: работу не сделает, а потом я виноват, что завлекал охотой.

13 Апреля. Утро с легким морозом, но холодное и смущенное, много облаков и сквозь них не очень теплое солнце. Меня заедала тоскливая мысль, что я своим художеством не воспи-

тываю, а порчу своих детей, что они разлениваются возле моего счастья, что я утонченно пользуюсь их обществом, чтобы не быть одному, и что в этом скрывается мой эгоизм. Я даю себе слово совсем не пользоваться Петиными услугами, как можно меньше отвлекать его для охоты и жить как будто я один (это очень надо!).

Я прошел путь влево от Взвозовской реки до Взвоза, вернулся по шоссе. Тетерева плохо токовали. На горячей опушке видел первую совершенно зеленую травку (пучками на старой листве). Спускался к реке по такой круче, что вспомнил Кавказ. Снега не было, но под мохом был лед, легко можно было слететь вниз. Мрачно было в этом еловом лесу, невесело было во мне: вместо зеленых этажей леса с такой сложной жизнью, что никто из ученых и художников не мог дать ее соединенной, я видел только стволы серые и пронзительные сухие пики. <*Приписка:* (Упадок: не вижу в лесу ничего.)>

15 Апреля. Легкий мороз, потом чуть крапанул дождик, и опять голубые рыбки на небе и сквозь них солнце.

Петя убил глухаря. Я неохотно скрадывал тетерева. Показались синие подснежники в лесу, в большом числе. В полдень пастух заиграл на жалейке очень хорошо, а когда вдумаешься, как настрадались люди со скотиной, то открывается в этих звуках большая радость.

Вслед за этим погнали скотину.

Утром пахали, и перед выездом бабы очень ругались...

Ручей. Петя рассказывал, что он услыхал песню глухаря возле ручья. И когда глухарь замолчал, он подумал, что этот звук от ручья исходил. А это действительно так постоянно бывает, что о чем думаешь, о том же и ручей говорит.

Вчера я думал о «Доме» и моих «читателях»: они именно затем ко мне приходят, что хотят вернуться домой, как и я сам когда-то сумел вернуться. А Горький, конечно, потому и понял меня и дорожил моими писаниями, что в душе тоже стремился «домой». В этом заключается и поворот к «счастью». И в этом «современность» моего «Дома», как в «Корне жизни» «строительство» было его современностью.

Мучусь своей отрешенностью от литературного общества, злюсь, обижаюсь своей оставленностью, но в конце концов хочу оставаться каков есть... и как оно есть.

«Счастье» Максима Горького: наивное счастье, как оно представляется мещанину, идущему по лестнице науки: мой дядя купец как уважал науку! Горькому удалось, а последующим не удастся...

<*На полях:* собака бродячая>

Вальдшнепы тянули, но место плохое было, и это ружье в моих руках бьет плохо.

Пруд еще не совсем растаял, а лягушки на закраинах высунулись, урчат вполголоса: кажется, будто на шоссе вдали тысяча телег.

16 Апреля. В сюжет «Лес» ввести: что мальчишка утащил у охотника дупло, скворечник. Охотник пришел к нему, застал, — как он разломал, и усовестил: «Что мне он (скворец) за лето натаскает?» Мальчик пошел в лес за дуплом и заблудился.

Кило Мишек 33-45. Печенье 11-60. 3 коробки пастилы 14.45.

18 Апреля. Ветер при солнце очень сушит. Очень тяжело думать, что если весна пройдет как зима (без снега), как перед тем лето без дождей — мы погибнем. Тяжело думать особенно потому, что слишком заносчиво относились ко всему, что не в «плане». И вот план, а без сапог ходим, план, а нет частей для машины, все решительно, и сапоги и части, жрет «военвед».

«Пионер», по-моему, хорошо движется. Павловна хорошо убрала садик. Я думал сегодня о семье Фаворского: хаотичны, простодушны с виду и эгоистичны — вследствие своей хаотичности. Так и все на свете хаотичное, расхлябанное в существе своем, думает лишь о себе. Весенний хлам в лесу тоже торчит, всё живет само себе, лезет, тычет в глаза: я, я, я! А вот как начнет с зеленью все прибираться торчащее, тогда другое дело. И так люди истинно культурные никогда не живут только для себя.

16 Апреля. На тяге. Наблюдать, как природа хоронит своих мертвецов: старые деревья, пни, грибы (гриб из прошлогодней тетрадки). Вспомнить всех знакомых мне обитателей леса из фауны и флоры, а также агрегаты и элементы лесного ландшафта (напр., поляны, овраги, опушки, лесные просветы и дали).

Выпь (бык водяной). Филин. Вальдшнеп, кроншнеп, дупель, бекас, гаршнеп (все это болотное). Лось, медведь, волк, лиса, заяц.

Петя нашел землеройку с двумя ранами в голову: кто это напал?

17 Апреля. Ветер до 5 ч. Страхи за сушь. Пыль орехов. Белка в зимнем меху. Позеленение лужаек. Черемуха. Жаба в ловушке. Вода в ведре. Смахнули дерево: вырезали дупло дятла. Гаечки. Начало дупл-гнезд. Скворцы. Гнездо белки. Дятел в короткой, распадающейся березе. Второе гнездо белки в полдерева. Сарычи (гнездо наверху). Где гнездуют зяблики? Орех в берестяной трубочке и паук. Дупло желны.

Пионер.

Копоруля = крот. Хомяк = именно крот. Не поглядел путем. Ермолка (Красный пламень). Есть человек, был — да помер! Василий Митрофанович Мамаев, сторож на ферме.

<*На полях:* В келье: тайна кельи пустынника.>

Когда опыт в человеке развивается быстрее соответствующей сердечной мысли, то получается человек практический, каких на свете огромное большинство. Но бывает, мысль нарастает быстрей опыта: это очень опасно: нет печальней ничего в человечестве, [чем] когда мысль уступает опыту, ради опыта приспособляясь... Зато если окрепшая мысль ищет подтверждения в опыте и быстро находит его, то такой человек идет прямо по головам «практических» людей, и в большинстве случаев они отдаются ему, даже и не подозревая, что он их видит насквозь, как человек в стеклянном улье видит работу пчел, всю насквозь.

(Начало от опоздания нашего в этой детской работе.)

<*На полях:* Берестяная трубочка.>

18 Апреля. На тяге. Зацвела ранняя ива. Утренний разговор с пильщиками + пораженцы: питаются обидами дикаря и от его раздражения ждали себе спасения. И по-прежнему ждут. Да здравствует Сталин, пока нельзя на этом месте быть милостивым.

Итак, почти одновременно зацвела ранняя ива и полным голосом запел певчий дрозд, заволновалась поверхность прудов от лягушек.

Мысли о Глебе Успенском при чтении «Соки Земли».

Явно, что до нас никому нет дела, и спрашивать не с кого: живи сам.

Верхний этаж самый чудесный, там солнце, но там же и ястреб...

Осина своими гусеницами закрылась не хуже, чем листвой.

Со вчерашнего дня певчий дрозд занял свою вечернюю высоту.

Пильщики-дятлы.

Ночью до утра земля остывает и бывает свежо. Но в лесу, конечно, остывает меньше, и скоро в лесу становится как в парнике.

Мать моя была жизнерадостная до крайности, и сильная, и умная, и деловая, и делала много добра, но при всем том она несколько боялась этической глубины, заглядывая туда, смущалась как ребенок и при разговоре об этом даже иногда и краснела в свои 70 лет.

Эту робость и некоторую растерянность в этических мотивах я от нее унаследовал: смущают какие-то «настоящие» люди, а может быть, их таких вовсе и нет.

Пока я не изберу ее (березку), трудно подозревать в ней душу: до меня тут был хаос... и бездна. Но как только я стал избирать и называть и радоваться: душа появлялась, и я искренно верил, что в этом деревце жила своя Дриада — душа дерева.

Я даже не могу сказать, дерево ли от меня оживало или я оживал и начинал понимать душу его.

В былое время прекрасные люди бросали свое прекрасное положение и уходили на моральный подвиг в пустыню. Почему бы мне не уйти от мишуры себялюбия литературного и не уйти в мир детства.

План — это условность, не всерьез же план: спроектировал, и все чтобы вышло по-нашему. Это невозможно, и вот как раз то самое невозможное было принято для выполнения. И что выходило — за это давали орден, а что не выходило — приписывали врагу, искали врага, находили подозрительных и исправляли...

10 октября в 8 час. вечера Клуб Писателей и Гослитиздат организуют встречу писателей и редакторов.

19 Апреля. У Левы нет времени — это значит, человек он беспорядочный, не умеет работать, и это приводит к себе: ни для кого другого нет времени, кроме как для себя. Даже матери не находит времени найти доктора.

Даже вода волнуется — вот как завозились лягушки. И разбрелись всюду, что ни шаг, то лягушка.

Ландшафт: густые зеленя на косогоре, а на самой горе вверху березовый лес, весь шоколадный от почек, и среди берез много осин, и на осинах издали по цвету узнаешь их цвет: гусеницы.

Тяга: 4 выстрела — 3 вальдшнепа. На небе довольный цвет.

Пильщики-единоличники: я издохну, а слово мое не умрет, слушай, папаша: земля перестанет рожать, избы повалятся, крапива вырастет.

Уроднение пустыни основано на том, что птицы и звери держатся своего ареала, а со стороны кажется...

Вчера вечером (см. описание начала буйства весны) Петя заметил беготню землероек и писк их.

Человек ниже дерева и все дерево видит лишь с поля: когда он ходит в лесу, то ему привычно видеть, что под ногами и что в среднем этаже. Вершина остается неосмотренной, и оттого часто глухари срываются, когда охотник под самим деревом. Надо учиться ходить по лесу, оглядывая все дерево снизу доверху.

Стоит присесть в лесу на полчаса, как начнут показываться существа, живущие тут где-нибудь около постоянно, оседло (в своем ареале).

Сегодня на свисток, кроме рябчика, прилетела ореховка, та самая, у которой 4 яйца (сегодня у нее 4 птенца с огромными ртами), прилетели гаечки (местные), дятел местный. С большой высоты на пищик спустился ястреб-тетеревятник, парил на месте, разглядывая рябчика, и, заметив меня, бросился как угорелый. Этот ястреб облетал тоже какой-нибудь известный ему район.

Мы глубоко ошибаемся, считая в большом, мало известном нам лесе каждое встреченное в нем существо представителем этого большого леса: оно представитель лишь небольшого участка. И картина совершенно изменится, если мы каждое лесное существо включим в его ограниченную среду с мелкими скре-

щенными интересами участников. (Так надо сделать в рассказе «Пионер леса»: в рассказе лес из большого неизвестного во время блуждания делается своим.) Однако, изучив ареал, надо обратиться к посредникам между ним и большим лесом: мигрирующим зверям и птицам.

Лесные Сизифы (пильщики): они говорили о себе, что «мы, бывало, выглядим все и выгладим все на своей полоске и дознаемся, в чем она нуждается, а трактор пропускает...» Так и дома в колхозах, которые взяты у кулаков, везде покосились без призора... Хозяин, бывало, знает все в своем доме — это свой дом, и он делает для себя, а выходит для дома. Теперь же делается только, чтобы выходило хорошо для слово-печати. (Мое слово бессмертно — а слово-печать: ложь.)

Может ли мир обойтись без крестьянина?

Утрата земли возмещается спортом и физкультурой <*приписка:* и мещанством...>

Осина и дятел. Сегодня мы нашли нетолстую осину, по стволу которой распределялись углубления до сердцевины, сделанные дятлом <*приписка:* как на свирели>. Срубив эту осину, мы все поняли: снизу внутрь этой осины вошел червяк и сверлил ее. Дятел понимал, что внутри осины червяк, вероятно, по звуку. Он, как доктор женщину, выстукал, выслушал осину и стал делать операцию: раз просверлил — низко, два — все низко, в третий раз просверлил повыше, попал, извлек червя и спас осину, совершенно как доктор спас бы женщину...

— Дятел — это доктор леса, — сказал я.

— Какой это доктор, — ответил Петя, — ведь ему бы только червяк, все его дело спасения из-за червяка.

— Червяк, — ответил я молодому человеку, — каждому нужен, каждый хлопочет из-за своего червяка, а выходит по-разному: один спасет, другой губит: там и тут все равно из-за своего червяка. Дятел, по-моему, спасает, дятел истинный доктор леса.

Осина своими гусеницами закрылась не хуже, чем листьями. И когда тетерев прилетел и увидел, что на дереве густо, он попробовал, не выбирая сучка, сесть в густоту, как при листве. Но эти гусеницы осиновые — чистый пух и только оказывают не плотную густоту. Тетерев, конечно, сразу провалился и стал балансировать крыльями. Потом он, упрямый Терентий, еще раз попробовал сесть в густоту, еще раз провалился. И после

того наконец-то перелетел на березу, под которой стерег его Петя с ружьем <*приписка:* стоял наш шалаш>.

20 Апреля. На тяге. Душа березы.

Тихий, теплый вечер с зеленеющей травой и цветами ранней ивы. Как хорошо! Вон стоят избранные мною сестры березы, совсем еще молодые, в два роста человека, вместе рядом растут как одно дерево. Каждую веточку избранного, облюбованного мною дерева я осмотрел и всю сеть тончайших веток на фоне неба вижу как книгу, которую можно бы читать как историю местного края. До того я сроднился с этим деревом, что в голову приходит вопрос: «Да неужели же у дерева нет своей души?» Перекинешься к душе человека, и мысль о душе дерева становится нелепостью, поэтической условностью: не в березе, думаешь, душа, а во мне, я избрал ее и одушевил.

Так, бывало, расставшись навсегда с возлюбленной, через многие годы удивляешься своему увлечению и начинаешь догадываться, что не было ее, а был я, наделивший ее своей собственной душой. <*Приписка:* в молодости в увлечении... А потом пройдет увлечение то, и видишь, что ничего там не было, а это я сам от себя наделил качествами.>

Так бывает, когда все пройдет, а когда любишь, то веришь, что и у возлюбленной и у березы есть своя душа непременно.

<*На полях:* NB. С точки зрения государственника душа человека мало чем отличается от души дерева.>

Моя мать была жизнерадостная до крайности, сильная, умная, делала много добра. Странно было в ней, что при всех своих достоинствах она робела этической глубины и в свои 70 лет краснела, вперед теряясь перед сложным вопросом этики. Эту робость и растерянность я получил от нее по наследству, мне все кажется, что существуют какие-то не как я, а «настоящие» люди. Возможно, что их вовсе и нет...

<*На полях:* Сегодня мне как-то не по себе.>

21 Апреля. С вечера тишина прошла через всю ночь до утра, и потом опять подул «изнойный» ветер. Собираемся ехать на Кубрю за щуками и налимами.

Говорят о логике фактов, логике вещей, очевидно, понимая под «логикой» принудительную силу этих фактов, этих вещей,

власть земли, государства, машины и т. п. Наш крестьянин привык к принудительной силе, или «логике» земли.

По-видимому, дóлжно привыкнуть и к логике машины так, чтобы машина человеку стала как земля с ее принудительной силой. Но привыкание это очень медленное, потому что <*зачеркнуто:* дикарь> сын землероба, переходя от земли к машине, считает ее источником незаслуженной свободы. Машина для него как своеволие, и он не хочет считаться с ее принудительной силой: «что мне Форд, у меня свое зажигание!»

В машинной культуре господствует план, тут нужна ясность или «объяснение», связанное со словом. В земледельческой культуре нужно больше молчать, при-слушиваться, при-сматриваться, тут «ничего не поделаешь». Машина, как власть земли, есть власть человека... Кто хочет понять время у нас, тот должен понять переход от земледельческой «власти земли» к «власти машины».

Культурный человек — это не кто поставил на подоконник цветы, а кто, поняв принудительную силу нового времени, выполнил в этом отношении свой долг и сделался со-временным человеком, хозяином механизмов, как был человек — хозяином земли. По образу и подобию того человека, хозяина земли, должен строиться новый человек, властелин механизмов.

Читаю «Соки Земли» Гамсуна, перечитав перед этим «Власть Земли» Успенского, и ясно вижу, насколько же выше, свободнее, легче, убедительнее искусство Гамсуна в сравнении с морально-народническим нытьем Г. Успенского. Понимаю себя в этом свете, свою глухую борьбу с «гражданской моралью», перешедшей в большевистскую литературную колбу. И вот сейчас глухое недовольство [собой] в отношении моральной чуткости понимаю как долг старому времени: плачý и плáчу. Единственная вещь, написанная мною свободно, — это «Корень жизни». И надо в дальнейшем помнить, что сказать от души, от себя самого и полным голосом — вот единственная мораль писателя.

22 Апреля. Мы ночевали на Кубре на полуострове в кулигах реки. Звонкое, радостное утро. Первая настоящая роса (признаки ее Петя видел вчера). Рыба прыгала. На горе токовали тетерева: два раздутые петуха и шесть тетерок, один петух обходил всех кругом, как олень стадо важенок, встречал дру-

гого, отгонял его, опять обходил, опять дрался. От всего утра мне пахло медом, и это, может быть, и правда пахло, могло пахнуть: полный расцвет ранней ивы, — работа шмелям и пчелам.

Поймано 2 налима, 2 головля, 1 плотица, ерш и окунек. Почти все налимьи донники в глубоких омутах — раки объели. Налимы ночью теперь гуляют, и надо ставить на перекатах, где раков нет. Надо не прозевать скорый нерест плотвы.

Петя поправил меня правильно в отношении к Ноге: пусть будет товарищем, а не слугой, не надо развращать его подачками и оплатой услуг. Суровый, но правильный режим. (Петя и собак не прикармливает: «это нечестно — кормит хозяин», и собаки его больше хозяев любят). У нас хозяйство по эту сторону машины, у него — по ту. Ночью в силу этого режима мы спали в машине, Нога под машиной, мы плохо спали: коротко нам было; а Нога храпел. Мне было все-таки стыдно, и я в то же время понимал, что этот мой стыд и жалость.

В темноте Петя пошел проверить ток, я же провертелся до света, очень обрадовался пробуждению Ноги и, увидев, что он идет к реке за водой, крикнул: «Захвати чайник!» Он обрадовался «услужить», принес чайник, сходил за дровами, развел костер, повесил чайник. В это время солнце всходило на его стороне и встречалось с костром человека — удивительная, прекрасная встреча, я так любил ее всю жизнь. А на моей стороне было мрачно. Тогда я с чаем, сахаром, хлебом и маслом перебрался на сторону Ноги. Он мне кипятил чайник, подавал, я заваривал, наливал, и так естественно сложились древние отношения Дон-Кихота и слуги его Санчо. У него такой был голос, что я спросил его, почему он не пойдет в дьяконы... Он запел [громко]. Вернулся Петя и стал ругаться: сети поставлены, а они...

Петя с червяком в руке, с удочкой, распутывающий сеть — это рыба в воде, землеройка в листве, и что-то во всем муравьиное: бесконечное терпение и преданность делу. Не только уха или чай, он даже хлеба забудет поесть: лишь бы только рыбу поймать. У меня же при ужении рыбы все-таки, должен сказать, преобладает мысль о предстоящей ухе. (Было два рыбака, одному бы поймать и дальше он не думает, другой, еще ничего не поймав, мечтает о предстоящей ухе.) Смотрю на Петю, как он отдается рыбному делу, и сердце мое болит, болит о его аспирантской работе.

Смотрю на Деревянную Ногу и со скорбью думаю о себе: чувствую отвращение ко всякого рода физическим калекам и до гроба в себе этого не преодолею, хотя знаю, что в каждое мгновенье я могу попасть в их ряды. Но мне кажется, я где-то внутри себя чувствую в себе самом калеку, борюсь с ним всю жизнь. Мало того! все лучшее, что удалось мне сделать — написать книжку детских рассказов, помочь кое-кому и т. п., досталось мне именно путем преодоления в себе калеки, на себя как <*зачеркнуто:* желанного мне> на приемлемого мной человека я смотрю как на горбуна: горбатого могила исправит, а вот я сам исправил себя и, будучи в существе своем невыносимо горбатым, смотрю на весь мир любовными глазами. Если я встречу такого горбуна, я обниму его обеими руками, потому что я сам хочу быть таким горбуном. (Отнести к Утру на Кубре и сюда же прежний его разговор о мамзелях, которых он прогнал.)

Калека. Если я содержу в себе калеку и огромную часть жизни своей отдаю на труд выпрямления своего горба, то какое же отвращение должен я чувствовать к тем, кто привлекает к себе сострадание милостивых людей своими горбами или прямо даже своим горбом спекулирует?

И вот еще смущение — живой человек, если только в опыте личной своей жизни хочет встречаться с моральными вопросами, а не в рассуждении, при каждом отдельном вопросе встречается с бесконечностью и тем самым, конечно, должен смущаться и перед этим теряться.

Вот именно этим смущением жертвы и пользуются всякого рода попы-морализаторы. Стоит жертве потерять страх и совесть, как она тоже начинает рассуждать о морали не хуже попа. Так, бывало, в гимназии окаянные мальчишки вступали в безбожный диспут с классным попом.

Некоторые говорят, что я делаю великое дело (М. Горький), и мне от этого становится очень хорошо, я сам до некоторой степени начинаю верить, что обладаю счастьем быть у великого дела. Но стоит мне только подумать, что и я тем самым велик, как и дело мое, и доверие к сказавшему исчезают мгновенно, я остаюсь воистину у разбитого корыта. Так непременно движется всякое творчество, и отсюда можно понять, что должны испытывать истинно великие люди на своих юбилеях.

В повести о М. Горьком («Счастливая гора») можно «счастье» представить себе в преодолении калеки: с этого личного

начать, тут источник оптимизма, и свое личное распространить на других (коммунизм). Горький, однако, в этой попытке счастьем спаять личное и общественное потерпел неудачу.

В рассказ о Кубре ввести собаку не «Рысь», а ту паршивую, которая живет в овраге.

Вспыхнула в серых лесах ранняя ива — дерево, на котором цветы как желтые, пуховые цыплята. И еще другая ива, у которой цветы зеленые и кажется, будто вся она покрылась зелеными листьями.

Бездарность Ноги.

— Что ты орешь, — сказал я, — посмотри охотников и рыбаков, кто из них шумит и кричит, ты не рыбак, тебе надо быть дьяконом.

Начинают лететь майские жуки, значит, скоро пойдет головль.

Мои гости: Птичик, самый маленький, сел на верхний палец самой высокой ели против вечерней зари, и видно, он пел, тоже славил зарю, клювик его раскрывался, но песнь до земли не доходила, очень уж мал он.

Позеленевшая дорожка кривоколенцем загибалась среди серых осиновых стволов по серому осиновому подстилу между длинными желтыми соломинами и метелками белоуса. По этому зеленому пути вышел линяющий заяц, белый в клочьях.

Месяц — очень рано.

Певчие птицы.

Жуки, шмели.

(Надо выискать себе в лесу место, где оставаться часами и ждать гостей.)

Разве можно переночевать на новом месте и не унести чего-нибудь с собой. И особенно ночевать на Кубре на полуострове между ее кулигами. В этом месте, где мы ночевали, река круто повертывает и некоторое время течет в обратном направлении параллельно первому — через 300—400 саженей она как будто одумается, вспомнит и возвращается в том направлении, как надо: вот из-за этой одной ошибки Кубри получается на лугу два полуострова и три параллельных реки с шестью берегами, заросшими ольхой — поди вот в них разберись! Умный не сразу поймет, а глупый тыкается, один утопился.

23 Апреля. Пашут трактором... Вспахали. А сеют из лукошка. В иных местах трактор рядом с цепами.

В ловушках сидят жабы, им теперь хорошо: жуки стали сыпаться в банки, очень много, тритоны.

Вчера чуть брызнул дождик, и сегодня опять сильный ветер при солнце и хмарь в воздухе, затускняющая солнце. <*Зачеркнуто:* Говорят, будто это пыль из лесов, от корья, от осиновых цветов.> Это «жгут сучки».

В ловушках стали попадаться полевки.

Заложили новую по другую сторону дороги.

Колхозники поражают своей откровенностью: прямо так все и выкладывают, как есть. Очевидно, условность разговоров о «счастье» существует лишь для Москвы и газет.

«Все как на ладони»: земля не рожает, потому что нет удобрения. Люди бегут оттого, что земля не рожает. Если чуть лучше, люди вернутся: тут все-таки повольней. Нет удобрения, и нет жадных к работе людей. Нога-то, оказывается, чуть ли не самый счастливый, он и кротолов, и полет, и рыбку ловит.

Смотрю, как сквозь путаную солому прошлогодних злачных трав теперь пробивается зелень. Всюду спускаются вниз осиновые гусеницы, сначала летели хвойные, теперь осина летит, вся поляна в осиновых семенах, всюду осиновая поросль, а под ней пойдет и еловая. Формируются березовые сережки.

Как взялась трава. Вяжут, вяжут ковры внизу, больше, больше летит и гудит насекомых.

Намечаю построить свою поляну в своем лесу со всеми гостями.

Тяга на Арханке сегодня кончилась дождем, наконец-то мелкий теплый желанный дождь!

24 Апреля. Солнечный день после дождя. Маленькие дети кричат: – Дяденька, дяденька, лягушка на лягушке! – И опять: – Дяденька, посмотри, лягушка на лягушке!

«Соки земли» Гамсуна настолько действительно «соки», что я вдруг понял (только теперь) смысл и значение слова «земля»: почему это «мать», «сила» и т. п. В этом и жадность труда, и вкус как «укус». Тут и мать моя, и жена-крестьянка, и моя поэзия и «счастье».

Сколько было рассказано о тех побрякушках, которыми в свое время путешественники пленяли воображение туземцев. Совершенно то же самое происходит в наше время с целыми огромными народами: индусы, китайцы, русские — все отдают свое первенство за чечевичную похлебку цивилизации.

Где только ни висят осиновые гусеницы! на осиновых же молоденьких прутиках, на елках, на пустых метелках белоуса. Одна гусеница села на метелку белоуса, и та наконец-то не выдержала: соломина переломилась, и старая пустая желтая метелка перестала покачиваться и вызывать в сумерках подозрение у птичек и зайцев.

Старое сено, солома, листва прорастают зеленью и в ней мало-помалу скрываются.

После дождя горячее солнце создало в лесу парник: аромат погруженной в зелень перепревающей старой листвы сошелся с ароматом березовых почек, молодой травы, росы.

Остатки временных снеговых ручьев в лесу прорастали и зарастали колко-зеленой травой...

Вся эта распаренная лесная земля с одуряющей смесью ароматов тления и роста как будто покончила с чем-то и говорила: «Довольно песен и слов, приступайте к делу». Не все могли, не все в состоянии были бы выполнить простое требование. Миллиарды осиновых семян легли на поляну, и как мало из них прорастет! Нет, далеко не каждому доставалось то счастье, о котором все пели. Даже дятел ошибся, так сильно ударил в осину, что назад опрокинулся и кувыркнулся...

Сережки на березах стали зеленые.

Молодой человек, бригадир по топливу Мухановского завода прошлый раз увидел меня с убитым тетеревом, подивился, порадовался. Теперь, встретив меня, весь просиял: а это ведь тоже (легкость знакомства) от соков земли.

Показались ласточки.

Приходит минута усталости и скорби, я сомневаюсь в себе, в своей нужности, чувство мое замирает, и меня как «я» почти нет, все это состояние можно бы выразить вопросом: — А что, если бы случилось, что нет меня вовсе? — Ничего от этого не будет, совсем ничего! — отвечает другой голос. И вот после этого «ничего» мне становится на душе спокойно. <*Приписка:* Переживаю ничто.> Пропустить еще сколько-то времени, «от-

дохнуть», и откуда-то явится радость и удивление миру, в который теперь я пришел как будто явно из «ничего».

Ветер сеет осиной, вся земля закрыта, семян в миллион раз больше, чем надо, а она все сеет, сеет, и так еще много семян, что серыми висюльками вся крона закрыта густо, как листвой. Третий день сеет и не устанет, а я, человек, я только смотрю, и то уже устал не сеять даже, а просто смотреть на это. <*Приписка:* Сюда напечатанное о мире старого и нового.>

— Человек, какой же ты человек, если устал, — укоризненно шепчет осина <*зачеркнуто:* мягко спуская одну за одной свои серые гусеницы>.

— Устал, не могу.

А земля требует, все требует без конца.

Даже дятел ошибся, ударил и кувыркнулся, а она все сеет и сеет.

И человек на поле ходит с лукошком и сеет, а рядом сеялка рядовая, трактор.

— Вот сеет же он!

Этот-то русский человек...

<*Приписка:* ...и что слова писатели сеют, как и осина. Подошел к сеятелю и разговор сначала об осине, потом о словах.>

Попасть бы на ту большую волну и бежать на след той великой мысли — угадать бы ее и неуклонно за ней.

Итак, народ, масса его, соки земли охотно меняет на побрякушки цивилизации, в нем самом нет этому прямого сопротивления. Наш народ, однако, всей массой повалил бы в деревню обратно с фабрики, потому что к деревенскому труду «способны» и в деревне как-никак «повольней». Вот тут, в этом скрытом желании быть самим собой, делать что хочется таится будущее, и это в конце концов все решит, и этого боятся властелины и рады бы сейчас... но «военвед» не дает воли ни народу, ни власти.

<*Приписка:* Еще вопрос о пределах: пугать, принуждать можно лишь до предела, и этот предел надо знать.>

25 Апреля. Облачно. Петя со вчера вечером на Кубре. Я сижу дома, читаю «Соки земли». Перехватил природы и стал как чумной (то ли от писательской совести: ничего не делаю; то ли

что поужинал грибными щами и молоком). Полагаем 26-го (не лучше ли сегодня) поехать.

«Расширение или усиление души» у Джеффериса есть другое название творчества, величайшей силы, свойственной одному лишь человеку <*приписка:* (личность)>.

...так оно и должно быть: борьба везде и всюду, и ты при всяких условиях должен то опускаться, то подниматься. Но только из-за всех этих кусков, квартиры, денег не стоит очень тратить себя: из-за этого бьются те, кто не может бороться по внутренней большой линии. Однако здесь есть опасность Толстого: попадешься в этих материальных вещах и застрянешь, как в паутине. (Предусмотреть.)

Орех распускается. И все распускается и зеленеет.

Ветер-сеятель продолжается и все сеет осину. Из тысячи семян прорастает одно. И вот сколько сеется: по одному из тысячи прорастает, и все-таки осинник такой частый, что заяц от него свертывает. Такой частый осинник, что зайцу невозможно пролезть. Между осинками этими частыми начинается скоро борьба за землю корнями и за свет. Выживает в борьбе десятое дерево. И когда осинник поднялся и стал в рост человека, зайцы в нем стали ходить. Тогда сквозь деревья полетели семена елок, и в тени осин начали расти елки и мало-помалу обросли осины и забили их. Вместо осинового леса стал еловый. Наверху же холма вся осина погибла, там взялись сосны, и среди них одна осина, она старая, старая. («Пионер» = жизнь деревьев, птиц, зверей должна быть так индивидуализирована, что они все как люди в «Соках земли». А сюжет весь в том, что мальчик ищет скворечник и хозяин-охотник нахóдит мальчика.)

<*На полях:* Лес — опушка: по опушке ручей.>

Осина — миллион семян и одно прорастает, и по одному из миллиона семян довольно: выходит частый осинник. Некоторые удивляются, как расточительна природа сравнительно с человеком. Но я думаю о читателях, которым бросаются многие миллионы напечатанных слов ежедневно, и не из миллиона одно, как в осиннике, а может быть, из ста миллионов слов одно прорастает. Нет, я думаю, человек в своем словесном посеве гораздо расточительней осины. Но почему же так? Я думаю, потому, что человек сеет пустыми словами.

Смотрю, как целая кочка желтой старой травы скрывается в новой зеленой, как через плотный слой осиновых серых листиков пробивается цветок с зеленью, и так спокойно становится на душе в простейшем законе: старая трава, старый лист становится удобрением для нового и в этом находит полное оправдание своему существованию.

Мне хотелось перенести этот простой закон на жизнь человека, я стал искать простейшего человека с удобрительной ценностью его трупа, как в листьях и траве, и не мог найти такого человека. Мало того: даже ни птички, ни бабочки... И еще дальше: даже цветок, на который я загляделся и отметил его, даже вот эта пустая метелочка белоуса, сломанная упавшей на нее осиновой гусеницей, я заметил ее — и довольно: она существовала не для одного удобрения. Итак, если всмотреться во все, то все имеет лицо и существует на земле, как и люди, лишь в незначительной части как удобрение.

Заколдованная поляна, которую предстоит мне построить: пусть всякий зверь, выходя на опушку, не решается пересекать поляну, а робеет и крадется по опушке... И охотник, ищущий пионера, обошел ее, не пересекая. Я создаю эту поляну. Гости: звери, птицы: одни проходят, другие растут, и это все равно, что медленно проходят.

Не верится, да, прямо не верится, что столько соломы, сена, прелья, суши когда-нибудь закроется зеленью...

Сегодня Петя привез рыбу: три налима попались на донники с карасями; двух щук застрелил, и третья большая попалась в сеть. Ужи на мельнице с проглотом лягушки.

Ужи. Решено северную лодку перевезти к мельнику.

Вечер на память — появились вальдшнепы в большем числе, чем было, не перелет ли? Сук ударил Петю возвратным ударом по глазу.

Сегодня слышал днем соловья. Вечером кукушки. Береза распускается. Осиновый подстил почти что закрылся. А ранняя ива все еще в цвету: стоит в тишине и смотрит и ничего не говорит, но все глядит, глядит. Березки-сестры позеленели.

Дешевое масло. Вор украл масло (4 куска лежали для продажи), он взял и один кусок дешево продал хозяину (какой умный вор: хозяин не подумал, что у него украл). Жене хвалит-

ся: — Поля, гляди, как дешево купил. — Она узнала бумажку... Свое масло купил. Народ собрался. — Вон он бежит: на горе. — Догонять... Вор ему в шею. Народ: так и надо: на то и щука в море, чтобы карась не дремал. Не тот вор, кто и т. д.

26 Апреля. Итак, можно сказать, что весна шла необычайно стройно, разве только была немного суха. Я взял ее полностью 24-го, но и сам после того скис. 25-го же весна «вступила в свои права», зазеленела береза, днем запел соловей, вечером везде куковали кукушки. Теперь если и будут холода, — это уже будет прикладываться к дачной весне, а не к нашей.

Рассказы колхозника из Терпброва: 1) Дешевое масло. 2) Осина и дятел. 3) Посев (лукошко, сеялка, трактор).

Слова надо сеять, как семена: перед посевом землю пахать и семена испробовать на всхожесть.

Выехали утром в Загорск, но провозились с колесом, приехали к обеду. Вечером в 10—11 гроза и ливень. Гроза! Лягушки, ласточки, кукушки, соловей, зеленые березки, гроза! все это день за днем.

Как Нога с детьми ночью на рыбе, лунная ночь: — Ребята, что на луне? — И отвечает: рвы и канавы. — А отчего земля началась? — Ребята все разом: — Сама от себя.

27 Апреля. Солнечное утро после грозы. Это бывает раз — успевай в это утро столько набрать жизни, чтобы при новом непременном падении из этого хватило сил выбраться на хребет новой волны. Борьба всеми средствами за жизнь. В этих настроениях упадка огромную роль играет застопорка в писаниях. Как только напряжение переходит границу — клапан открывается, и все проходит. У меня сейчас явилась мысль написать Кабарду для МВО очень просто для чтения всего Кавказа. Это легко. Кроме того, зреет «Пионер».

Дела на сегодня в Москве: 1) Лента. 2) Анна Дмитриевна. 3) Замошкин. 4) Панферов. 5) Ставский. 6) Гиз. 7) Крестьянск. газ.

Березы распускаются, такие маленькие листики, что даже нет от них тени еще, только есть от них сень <*приписка:* не тень, а сень зеленая прозрачная между тобой и голубым небом>: стоишь под березой и чувствуешь, что под чем-то стоишь, под

сенью: стоишь под самой легкой прозрачной зеленой светящейся краской.

Разговор с Серебряковым в ГИХЛе о себе раздраженный и гневный вследствие того, [что] меня «заматрицировали»: за 35 лет — не предложили юбилей, нет ни одной монографии, ни одной лекции и никакой критики: эту тему развивал целый час. После того перешел в «Октябрь» и развивал ее Панферову. Переворот литературы с самопоеданием. Предложение «Октября» с «заступничеством» есть большое событие, и надо отдать честь «Октябрю»: это единственный журнал, обратившийся не к марке моей, а к существу.

Вечером у Чувиляевых: начало устройства московского уголка (красн. дерево — 1000 р. задатка). Левины планы.

28 Апреля. Утро светлое, но холодное и тихое, преддверие майских холодов. Поездка в Загорск и потом с Огневым в Териброво. Перед тягой мы с Петей перешепнулись, чтобы гостям дичи настрелять. Вслух же говорили между собой о том месте, где вальдшнепов можно стрелять только на 70 шагов. — Нельзя же туда поставить гостей, — сказал Петя. — Ничего, — сказал Огнев, — мы попробуем стрелять на 70 шагов.

Перед охотой я похвалился своим ружьем, это правда неплохое ружье и стоило мне 3000 руб. Огнев ружья своего не показал... На тяге вальдшнепы летели очень высоко и быстро, мы с Петей по два раза промазали. Огнев же тремя выстрелами убил 3-х вальдшнепов, и когда, однако, пришло время чистить ружье, показал его: это было Перье в самом лучшем виде и стоило тысяч десять.

Говорили о целебной педагогической силе науки и о развращающем действии занятия литературой: там наука, тут «я», там принуждающая сила, тут свобода...

29 Апреля. Холодное, светлое утро. Диана пришла с глухарем. Я, уложив всех спать, отправился за грибами...

Трубочка бересты с орехом: это ореховка засунула орех (паук перезимовал). Ореховка могла украсть орех у белки в дупле, а дупло выдолбил дятел, и некоторое время жил в нем скворец, а пионер именно искал дуплистое дерево. Орехи падали, их ловила соня орешковая, полевка.

Как мочальная кочка: прошибло зеленую траву: как зеленые волны.

К рассказу «Пионер»: коряга в ручье, на нее навернулся лишайник старой ели. И кто-то (может быть, сам охотник) уже был на пути к пионеру, но, увидев голову в ручье, ушел: испугался.

Как выбивается из-под листвы папоротник: он кольцом совьется круглый и упрямым колесом этим упирается и поднимает листву. Лезет из-под преющей листвы сморчок. Опали чудесные желтые пуховки ранней ивы, и даже внизу на опавших цветах шмель что-то находит себе.

Чудесная поляна: ель обняла березу, и светолюбивое дерево должно было погибнуть, но береза обратила свои сучья к поляне, и эти ветви быстро потянулись вверх, и береза спаслась.

Хвощи высотой в палец, а видны, как целая большая елочка, и лучше, свежей этой зелени нет.

Зеленые сережки березы растянулись, и с ними темные колечки расползлись пятнами по всей сережке: маленькие пятнистые змейки.

Думаешь, Бог знает что лезет из-под листвы: так напрягается, так вздувает листву, а хватил за хохолок, потянул, и оказалось, там под листвой уже сготовилась вся в полности мать-мачеха.

Огнев рассказал о письме одного своего поклонника: «товарищеское письмо», оканчивалось «с биологическим приветом». А я на это рассказал: В молодости мне удалось одной простой женщине оказать одну маленькую услугу. Никакого романа у меня с ней не могло быть, и вообще я сделал это добро бескорыстно, случайно, нечаянно, левая рука не знала, что делает правая. За это женщина написала мне письмо, в котором на все лады благодарила меня, и оканчивалось письмо так: «в настоящее время и от сегодняшнего дня я вас буду считать своим ангелом...»

В то время я, конечно, все-таки более походил на ангела. И простая русская женщина хотела написать, что она меня хочет считать своим ангелом-хранителем. Так она хотела написать, а написала: ...буду считать своим ангелом-телохранителем.

Вечером на тяге было очень холодно. Огнев убил опять трех.

30 Апреля. На восходе лежал белый мороз. Но вскоре стало жарко, и было весь день очень тепло до тех пор, как последний солнечный луч не стал медленно светлым пятнышком подниматься выше и выше по стволу. Когда белое пятнышко тепла, передвигаясь по нагретой ушедшими лучами земле, подошло к стволу дерева, то ящерицы совсем голые, почуяв холод наступающего из тьмы мороза, пришли с разных сторон к теплому и светлому пятну. Солнце в это время опускалось, и последний луч поднимался. И белое пятно на дереве поднималось выше. И ящерицы вместе с пятном поднимались все выше и выше.

Разговор с Огневым о невозможности чем-нибудь одним связать лесных зверей, птиц. Связь всего есть человек: он и свяжет. Так связались уже осина – (дупло) – дятел – белка (запас: у белки было два запаса: одно в дупле, другое в корнях) – ореховка (своровала) – береза – (трубочка: ореховка занесла) – соня орешковая.

И вообще экология есть учение о связях какого-нибудь существа с другими. Я: вам никогда не перечислить всех факторов, влияющих на жизнь того или другого существа. Профессор: а вам никогда их не связать.

Кто это мог ночью там и тут всковырять и взлохматить слежалую в десяток слоев осиновую листву?

Что произошло вследствие такого обнажения земли?

Сморчок лежал на боку, и рядом с ним клочок белой заячьей шерсти: это значит, заяц еще не вылинял и задел ночью сморчок.

Betula alba[1] и береза такие же разные существа, как суровый мороз и низкая температура.

Папоротник в темноте под слоем в десять слежалых осиновых листов согнулся, как пушкинский младенец богатырь в бочке, натужился и круглой мохнатой своей коленкой поднял листву.

Ночью кто-то шевелил листву, ворошил, лохматил <*приписка:* ставил лист на ребро (см. выше: сморчок, шерсть)>.

Осина переболела свою гусеничную болезнь, как родила: все это внизу, теперь над сморчками, а сама в новых чистых

[1] *Betula alba* – береза белая (*лат.*).

серьгах зеленых, таких серьгах, что, пожалуй, сейчас не уступят даже и березовым.

Опушка поляны: посередине распалась и сложила свои белые одежды береза, пень ее белый — одна береста, как воротник, а изнутри вырвался цветущий куст ранней ивы. Поляна была котловина, в ней застоялась влага и теперь распарилась, тут на поляне жужжали громко насекомые, после морозной ночи [здесь] в тепле буйная жизнь. И тут в свете видно, как все спускаются и спускаются на своих парашютиках семена. И то бабочка, то шмель.

На опушке той же поляны береза вырастила ель такую сильную, что вскоре она стала выше своей покровительницы и затенила. Светолюбивая береза должна была погибнуть без света в тени выхоженного ею дерева. К счастью, вся борьба происходила на опушке, сучья березы один за другим из года в год тянулись к свету и наконец выбрались. А когда общая тяжесть всех сучьев на светлой стороне стала достаточно тяжела, то и сам ствол отклонился от ели к опушке на свет. Несколько в наклонном положении и с односторонними сучьями, но все-таки совершенно здоровая сильная береза...

Наука для поэта тем ценна, что указывает верный путь, чуть только сбился с чудесной дорожки, наука предупреждает: «уходи отсюда, здесь чудес не бывает».

Вечером на тяге в долине рождение месяца. Как из тумана нежно-зеленого выглядывают из березовых лесов темные верхушки елей. А осины еще серые, издали совершенно как дым. Чем больше надвигался вечер, тем больше меркзеленый березовый туман и тем сильней распространялся осиновый дым, пока наконец на том месте не остался один только дым. Тогда показалась первая звезда и совы начали перекликаться между собой.

1 Мая. Совы и утром после восхода солнца изредка перекликались. Ужи для спаривания полезли на ветки деревьев. Какие роскошные дни стоят, но только очень сухо, и страшно думать о будущем, как будто, наслаждаясь хорошей погодой, мы отнимаем дождь у земли.

Набрал еще корзину сморчков: «Посырей, посырей, но не очень уж сыро, посуше, посуше, но не очень уж сухо». В страшной тесноте осинника под десятью слоями слежавшихся оси-

новых листьев родился сморчок. Но все-таки мы нашли его не в самой-то гуще, как будто он добился своего и, сморщенный от тяжкого труда вырастания из тесноты, заслужил себе и небольшую полянку, и солнечный луч. Рядом с ним выбился хвощ и сразу же, как только выбился, оформился в маленькую ярко-зеленую елочку. Тесно, червяк к червяку лежали осиновые семена, скорлупки орехов (так много ореховой скорлупы, как будто тут у белок, мышей, землероек и сонь были народные собрания). <*Приписка:* Есть сморчки: далеко видна белая ножка, а есть спустят свою сморщенную юбку донизу: ничего не видно. Я люблю...>

Самая злая неправда о природе бывает от самомнения плохо образованного человека: он ставит себя слишком высоко для того, чтобы считаться с какими-то зверушками, и оттого спешит объяснять их жизнь по себе, человеку.

...и вдруг я понял свое дело как науку связи между всем существующим.

Я шел в лесу, сокрушенно раздумывая о словах профессора, что собрать всех зверей в лесу, связать их в чем-нибудь одном мне никогда не удастся. В это время внимание мое привлек сморчок возле обглоданной зайцами осины. Странно было, что сморчок свежий, упругий лежал на боку: очевидно, кто-то свалил его на рассвете, может быть... Кто же это?

И вдруг неподалеку от меня вскочил заяц, побежал и на моих глазах повалил на ходу лапой другой сморчок. Мало того! возле своего сморчка я нашел клочок белой шерсти, значит, линяющий беляк не только зацепил за мой сморчок, но даже как бы для меня, в доказательство, оставил клок зимней белой линяющей шубки.

Так удивительно связались обглоданная ночью осина, заяц, сморчок, и над всем этим мысль моя о связи: я вдруг понял свое дело как науку связи между всем существующим и что такая именно и есть та экология: наука о едином доме всех существ, душа которых на земле собрана в человеке.

И, значит, если я хотя бы намеком в свой рассказ введу человека, я могу все живые существа нашего леса собрать и соединить в одном доме.

Мне бы хотелось написать «Пионера» так, чтобы каждое из существ, затронутых описанием, получило свою судьбу в ландшафте, который будет создан...

2 Мая. Пасха.

Еда и визит Огнева. С обеда и до вечера грозились тучи, но все кончилось ветром, к ночи расчистило, и опять стало холодно ночью, и к утру 3-го лег теперь обыкновенный «майский» мороз.

Перевариваю мысль связать «Пионера» с строительством канала Москва—Волга.

Нашли орех, расколотый ровно надвое, как будто его по линеечке пилой срезали, и ученые люди думали, — какой зверь мог так ровно разделить орех. Белка не могла, от белки скорлупа рваная. Соня орешковая, такая маленькая, тем более не могла захватить орех целиком в рот и распилить. Нечего говорить о мышах, полевках и землеройке величиной почти в наперсток. Известный зверь ни один не мог распилить орех на две половинки.

— А может быть, есть какой-нибудь неизвестный?

— Нет, все звери в лесу нам известны. — Тогда пришел простой человек и сказал: «леший грыз». А когда все засмеялись над его словами, он всех ученых окинул насмешливым взглядом и сказал: — А если неизвестных зверей в лесу нет, и в лешего не верите, то ведь нетрудно и догадаться, отчего раскололся так ровно орех. — Отчего? — Нажало спелое зерно изнутри. Очень просто: орех сам раскололся.

3 Мая. Петя заказал мне охотничьи сапоги, обойдутся под тысячу рублей! Появление Горского. Чувствую к нему «невыразимое» отвращение. (Портреты: Пендрие, Обрехт, Марконет, Трубецкой, Бострем, Горский, Огнев.)

В науке считается хорошим тоном показать трудоемкость данной работы. В искусстве, напротив, художники стараются показать, что все сделано одним духом (вдохновение).

Особенность моей работы состоит в том, что я 1) беру материалы не из книг, а из природы, притом сам непосредственно. 2) Вторая особенность, что я материалы эти <*зачеркнуто:* изучаю> стремлюсь получить методически, как в науке. 3) Третье, что хочу создать современную сказку или рассказ для всех возрастов.

Читаю с великой пользой розановские «Опавшие листья». Розанов в одном месте говорит, что встреча его (возле Введения) с семьей его жены (Бутягиной) открыла ему мир благо-

родных людей, что он впервые понял порядочность и возможность счастья.

Надо это понимать для всех: каждый, входя в семью своей будущей жены, впервые лично встречается вообще с семьей (до сих пор, как несовершеннолетний, он и не мог понимать и ценить семьи, в которой родился). Мой брат Саша, напр., войдя в семью Лопатиных, вовсе забросил нас, то же самое и сын Лева с Фоссами. Я сам через Павловну вошел в народ и природу: на этом психологическом основании возникла моя природа, Родина, Россия, писательство и общество писателей как родственников.

Писатель, мой писатель, как я его понимаю по себе, постигает все сущее через себя: ему мало, напр., того, что синица — полезнейшая птица, уничтожает насекомых, что она очень хорошенькая и чрезвычайно живая. Писателю еще надо ко всему этому прибавить, как синица эта отзывается в его собственной личной душе, и когда он добивается посредством анализа своих чувств, какие именно чувства получаются в нем только от синицы, то он и относит их к самой синице, растворяя их в ее форме, цвете перьев, пении, живости. Ученые, напротив, изучают синицу, как она есть, в отношении ее к другим птицам: это изучение бесчеловечное называется научным и объективным. Писателю такое изучение может быть очень полезным, но он должен овладеть им, как я овладел «фордом», как Розанов Гуттенбергом.

Розанов дивится и не понимает после всех неприятностей «любви» Мережковского к себе и отмечает, что, однако, сотрудничать с <*зачеркнуто:* Розановым> (Варвариным) в «Русском слове» Мережковский отказался.

В этом случае Розанов — русский кустарь и обыватель, а Мережковский — европеец, воспитанный человек в том лучшем образе, каким мы представляем себе иностранца.

С переменой северного ландшафта на московский и введением в рассказ канала «Москва—Волга» лесная река, вообще вода приобретает особенное значение, и наблюдения мои теперь будут больше около рек.

4 Мая. Загорск. Продолжаются майские холода.

Из какой темной неволи выбиваются на свет песни и цветы!

Помню рассказы Павловны, как они, дети, под вечер полуживые на жатве от работы и голода (богатые, те на жатву са-

лом запасаются...), шли домой, чуть только не падая, и вдруг заводили бабы песню, и откуда что бралось: даже плясали! А цветы, — мы все знаем, из чего берутся цветы: какую могильную сырую неволю земли они преодолевают и выбиваются к свету. И вот, как они, тоже из страшной неволи выходят все наши искусства: от песни музыка и поэзия, от цветов живопись, скульптура.

Так вот нельзя, и это даже безумно — желать неволи, но без нее нет и свободы. Люди, однако, могут искусственно сделать такой рай для художников, что начинаешь подумывать о гигиене неволи: талантливый выбьется при всяких условиях, как вырывается песнь из груди, как выбивается цветок из земли. Зато уж для спекулянта искусством всякое испытание неволей есть смерть.

Огнев рассказывал, что в самых трудных условиях для чистой науки в революционные времена стремление к занятию непрактичными ценностями было столь велико, что сделанное энтузиастами науки в эти немногие годы далеко обогнало все сделанное у нас в зоологии и экологии за предшествующие годы. Очевидно, в этом движении к чистой науке есть религиозный мотив.

Петю в Москве спрашивают: — Неужели вы в лесу не скучаете? — Ни малейшим образом. — И не страшно? — Чего же в лесу страшного? — А волк! — Другие, напротив, говорят: — Как я вам завидую!

И вот те, кто завидует, еще на одну ступень дальше от природы, чем кто откровенно боится скуки и волка.

Биологи возле природы — все равно что медики возле человека, инженеры возле науки, попы возле церкви: они все знают, им все просто и нет никаких чудес. Впрочем, есть отдельные люди, которых знание и практика не опустошили до дна. Но и эти люди с богатством своим родились, а не обрели его в опыте знания (?)

Вечером вернулись в Тер789брово и по случаю ветра и холода не пошли на тягу.

5 Мая. В 3 ч. у. довольно тихо и солнечно, только очень холодно, потом ветер и облака, и за день не согрелось.

С утра обошел лес до Корел и оттуда михалевскими глухариными местами через Бубнилу и темную речку пришел к гнез-

ду ореховки. Тут встретил Петю с косачом и рябчиком. Ореховки за эти дни (от 1—4) из гнезда улетели. Недалеко встретилась семья ореховок, — не они ли это?

Вблизи нашлось на елке гнездо дрозда с 6-ю зеленовато-крапчатыми яйцами (чуть насижены). Знаменитую, известную нам трель, оказалось, выделывает маленький дятел. Видели, как он, бросив барабанить, покрыл на сучке свою самку. Бубнило теперь со всех сторон покрылся желтыми цветами и больше не бубнит, чего ему теперь? весь в цветах, вот и успокоился и цедит тихую струйку в свой омуток.

Показалась заячья капуста. На черемухе бутоны (всегда на расцвете черемухи холодно). Осина позеленела. Распускается орешник.

Тема: как солнечный луч утром в лес приходит и как он вечером уходит. (1. Раскрываются еловые шишки. 2. Поднимаются ящерицы.) Постоянно думать об этом и наблюдать приход и уход луча, т. е. годовые наблюдения распространить на суточные.

Понятие через Розанова: рождение семейственности, вложить в душу потерянного мальчика и сделать из этого ему семью в лесу: все растения (заячья капуста, гусиная лилия и др.), птицы, зверье, все в одну семью, и как совсем другие, чем зверь, птицы в отношении всего леса.

6 Мая. Майский холод. В мышеловках ничего, хотя в двух тронуто сало. Цветет ива (не ранняя) — как видение. Целый мир жилищ и ходов у реки под корнями (изучить).

Происхождение сказки: вот, напр., мороз, как я его наблюдал в борьбе с солнцем, рассказать — и будет сказка. Значит, сказка есть рассказ о том, с чем люди имели дело очень давно — это раз; и второе, что рассказ должен быть понятен и детям и старшим: очень прост.

Волшебная поляна: одна четверть обтекает ручей, под холмом, три четв. поляны лес кругом, посередине дерево, с которого начинается вода. Надо очень сильно собраться самому внутри себя, чтобы лесные недра открылись, и в пустом как будто лесу оказалось очень много всего.

Чувство это вполне отвечает тому, когда вокруг тебя собираются хорошие люди и с ними тебе совсем не надо стесняться.

А еще это чувство ближе к той спокойной радости, когда растрепанный жизнью молодой человек приходит в семью той

девушки, которая станет женой его и подругой всей будущей жизни: в этой семье молодой человек [встречает] неизведанное до сих пор им благородство человека, его родственное внимание и полное доверие. Тогда совершается как бы второе рождение и открывается целый новый неведомый мир, бесконечно более значительный для тебя, чем для общества было открытие Америки. Вот как трудно такое счастье найти для себя, так же трудно найти в лесу такую поляну, где все зверушки, птицы, мышата, ежи, цветочки покажутся тебе вместе во множестве <*приписка:* и в единстве>.

Спуск Дриады на Кубрю. Тихий холодный вечер. Первое зацветание черемухи. Первые майские жуки. Дергач и сразу все соловьи. Отражения в омутах. В берегах норы и рыбы в корнях. Гнездо тетерки и план его: болотистая поляна, посередине стожар, в 50 шагах слева (лицом к реке) куст можжевельника.

Под влиянием Розанова («Опавшие листья») думал о линии между его «смирением» и «самодовольством». Несколько успокоил себя своей работой для детей. Но вполне успокоить нельзя, потому что как бы там ни было, но писатель всегда эгоист и отчасти обманщик, потому что личную жизнь свою маскирует обществ. служением. (Разобрать.)

Среди единоличников человек на деревянной ноге ближе мне: деревянная нога психологически не дала возможности быть коллективистом. Однако шкурки кротов становятся все дороже и дороже <*Приписка:* (Обострилось в сухой год — крот рубль, а коров нечем кормить.)>, а в колхозе трудодень все дешевле: многие колхозники начинают уже и завидовать человеку на деревянной ноге. Скажите, пожалуйста, разве это не жизнь: весь день в лесу гуляет и ест ландрин! <*Приписка:* (Со стороны завидуют, а внутри он им.)>

7 Мая. На Кубре проверка жерлиц, определение Дриады на мельнице... День солнечный, с утра белый мороз (−2—3), вечером странное молчание в лесу.

Воспитанный человек Огнев, чувствуешь в нем породу и воспитание и думаешь, что вот пойнтера среди собак почитают за породу и воспитание, но как же не почитать человека! И должно быть, наша заносчивость варварская, кокетство натуральным дарованием — отдаленные отзвуки франц. революции.

Землеройки в банке поедают друг друга, и, наверно, так, что остается одна, сильнейшая в этом смысле: могла выждать, пока останется одна, и победить ее в последнем сражении. Так, однако, и люди ведут себя в тесноте...

На Кубре вчера вечером был холод, но цвела черемуха — и соловей пел: соловью только бы цвела она...

Вот это утонченное наслаждение поэта петь и в бедности и при всяких самых дрянных условиях многие принимают за добродетель.

Соловьев на Кубре в зарослях великое множество, и поют они о счастье, но это счастье не наше, какое-то тургеневское счастье.

Каждую весну и каждую осень человек поэтически переживает и свое собственное рождение и умирание.

Желтое младенчество зеленой листвы еще позволяет различать знакомые существа среди берез и осин, но скоро каждое из них должно исчезнуть в массе, чтобы создать всем вместе зеленый шум.

Поэт авраамовой семьи пишет о ней, черпая опыт в своей личной семье, и когда было много-много написано, открывается, что первый муж его жены 30 лет тому назад заразил ее сифилисом и болезнь теперь только явно выразилась... Весь род само собой прекращался, а поэзия авраамовой семьи оставалась в книгах. Это ли не распятие, не крест тому, кто всю жизнь истратил на борьбу с Христом.

Перед чем это было в лесу такое глубокое молчание? Мне почудилось, будто мне кто-то сзади шепнул что-то на ухо. И до того явственно было, что я оглянулся. Вокруг везде и на высоких деревьях не шевелился ни один лист, а здесь внизу возле моего уха одна ветка с желто-зелеными душистыми полулистиками сильно качалась. Значит, я не ошибся, услыхав шепот, кто-то сзади пролетал: мне показалось, шепнул... <*Приписка:* (Птица-парашют: это оказалась.)>

Есть одна птичка серая. Любит сесть на высокое дерево и оттуда, задрав хвостик, сложив крылья, парашютом с песней медленно спускаться пониже и часто до самого низу. Потом взлетит наверх и опять парашютиком с песней и вниз. Так она проводит свою весну.

Вечерние тетерева молчали, ни соловей, ни певчий дрозд, ни даже синица, пеночка, зарянка, как будто все в дружном единстве сказали «помолчим». В сумерках даже сова не крикнула, и только над кустом вальдшнеп протянул с хрипом, как бы спрашивая всех: «почему такое молчание?»

Есть птицы поползни, они в поисках своего червячка могут бегать по дереву даже и вниз головой. Среди людей есть тоже <*зачеркнуто*: такие> поползни... и готовые <*зачеркнуто*: на все> ради своего червяка <*зачеркнуто:* тоже ходить вниз головой>.

Человек в другом человеке понимает не больше того, что он в состоянии понять, не считая, конечно, того, что как «чужой ум» может служить ему для практических целей.

Петя говорит, что колхозники слишком уж все в один голос дуют об одном и том же: становится подозрительным это, может быть, в действительности им и не так-то уж плохо.

Только в эту зиму, после «процессов», Ягоды и т. п. я наконец разделался с эпохой либерализма, в которой воспитался. В сущности, я уже кончился как либерал, социалист и общественник в тот сокровенный час, когда понял сладость писать, т. е. оставаться с самим собой. Это было настоящее рождение живого (пусть эгоистического) существа из хаоса внешнего долга социализма, либерализма (внутри которых «вожди» тоже были такими же, как все, эгоистами). Но с тех пор и до последних дней (лет тридцать пять!) я не мог обрести того равнодушия к общественности, каким обладают все художники. В этом равнодушии и определяется обычное если не почтительное, то уважительное отношение к «власть-предержащим». Вот теперь так бы легко получить признание, юбилей и т. п. Только это уж поздно и не к лицу.

Надо писать, когда кажущаяся трудность писания исчезнет и все, что надо написать, представится до крайности просто. Сознательный путь к этому желанному спокойствию простоты: искание, опыты, постоянный труд и, может быть, еще непроизвольные колебания надежды и отчаяния в том, что из всех этих забот что-нибудь выйдет.

Чувствую теперь стыд за длительную эпоху своего кокетства варварством, дикостью, пантеизмом. Противно смотреть на себя. Искупает подлинность и глубина переживания.

8 Мая. Пасмурно, холодно, брызнул дождик и перестал. Ходил неудачно за грибами: сморчки кончаются, какие подсохли, какие набок свалились.

— Есть ли такие сморчки, что так и не выбились из-под старой листвы на свет? — Много...

В. С. Трубецкой, бывший князь — о нем весь город говорил: «какую штучку отмочил: одиннадцать человек детей, мал мала меньше, сам не в правах и есть нечего, а в слове своем захотел князем остаться». Слово это было хозяину дома, в котором он квартиру снимал, что, если хозяин будет дом продавать и потребует выезда, арендатор должен выехать. И князь выехал, и об этом весь город говорил и разделился надвое, кто восхищался поступком князя, в наше время чрезвычайно редким, а кто осуждал: из-за своего княжеского слова бросил 11 своих детей и слабую, больную жену в темное, сырое, подвальное помещение.

К рассказу о поляне:

На счастье всех наших зайцев, молния ударила в осину, и огромное дерево рухнуло на землю со всеми своими бесчисленными ветками. Это как с неба свалился огромный запас для всех местных зайцев. Еще с осени стали они сюда собираться. (Заячий клуб: картина объеденного дерева весной).

Сморчки родятся в осинах, но бывает, с планом пойдешь за сморчками в осиновый лес, и нет ничего, а то бывает, случайно в березовом лесу наткнешься на осину и вокруг нее соберешь на все жареное.

Трава поднимается все выше и выше, трудно теперь уж и разобраться, где какая трава, какие цветы. Не упускаю, однако, из виду я заячью капусту и кукушкины слезы.

Молодые осинки развертываются румяными листьями, а березки желто-зелеными.

Событие: Петя в давилку поймал двух землероек (вчера), а сегодня там же двух рыжих больших полевок.

Осиновые зеленые женские сережки облеплены крылатой пыльцой.

Новые гнезда дроздов, совы, дятлов.

<*Приписка:* Может быть, евреи не так уж и много знают, как пишет Розанов, но у нас в России евреи потрудились!>

9 Мая. Всю ночь мелкий холодный дождь и утром продолжается. Страхи о засухе оказались напрасными. Эти страхи от совести. Не может совесть выносить счастья, а такая весна, как нынешняя, редкое счастье в нашей природе.

Прочитал Розанова «Опавшие листья», хорошая книга, и человека жалко, Розанова.

Томящаяся душа ребенка в лесу и строительство канала (как перемена ландшафта): напр., вода отрезала возвращение, и вода сбежала в канал при пуске. Строительство как-то отзывается на поляне в лесу: напр., вода прибавилась.

Поездка домой (Петя остался в Терияброве). История с Кондриковым (написать Ставскому). Свидание с Панферовым (назначить на 14-е, 6 веч.).

10 Мая. Возвратилась прежняя погода, солнечно-холодная. Особенность этой весны в том, что в ней относительно мало было воды, и оттого борьба солнца с морозом предстала в чистом виде — очень редкое явление: день солнцу, ночь морозу. До сих пор еще не было теплых ночей.

Бывают люди, вещи, дни и часы — их не можешь сомкнуть со своим внутренним «Я»: вещи «лишние», время пустое, люди чуждые. И все это время пустое с чужими людьми и ненужными вещами в жизни является как бы накладным расходом. Но в какой-то мере зависит от себя самого — больше такого пустого времени, ненужных вещей, чужих людей или меньше. И может быть, искусство жить в значительной степени есть умение обходиться в ней с наименьшими накладными расходами.

(Написано после отчета А. Д. Чувиляевой по устройству моей квартиры в Москве: боюсь, что и Панферов со своим «Октябрем», и Чувиляева с квартирой, Е. П-а со своей болезнью, Лева пустотой свяжут меня, и я сделаюсь пленником общества, как все талантливые люди.)

Вспомнился конец физической личности: Учитель физкультуры скомандовал: «Плавно опускаться!» — и студенты стали медленно на носках, сомкнув пятки, опускаться. Подниматься же пришлось без команды: учитель физкультуры, плавно опускаясь, порвал себе связки и подняться не мог. И с этого разу жизнь его как физкультурника окончилась...

А. Д. рассказывала, что у нее был один знакомый горбун, духовно преодолевший свой горб, очаровательнейший человек. (В. В. Розанов в «Опавших листьях» — в этом роде: и какой христианин!) Благодаря горбу видна всякая мелочь в людях, все зло, а творческая сила сверх зла приводит к любви, но чисто языческой, к красоте. (Вспоминаю, Ремизов, тоже несколько горбатый.)

При застое духа, в тоске и т. п. стоит двинуться куда-нибудь, и обыкновенно все проходит: спасает движение, и этим спасаются: все время движутся. Но бывает, не хочется двинуться («цели нет»).

11 Мая. Бестолковый день: ездил за колесами — их три дня чинили и надували; колеса взял, а когда привез домой — они спустились.

Уехал из дома лишь вечером. Передо мной ехали военные с ружьями, очевидно, из Москвы на тягу. Видимо, они не знали места, — остановятся, оглядятся и дальше. При одной остановке я придержал машину и дал им совет, — ехать дальше, в Териброво. Со мной в кабинке сидела Лада.

Возможно, они ее узнали по фото, помещенному вместе с моим рассказом в журнале «Охотник-боец». Возможно, и не узнали ее, а их любопытство возбудил шофер в пустой машине на одной лавочке с пойнтером. — А кто вы? — спросил один из них. — Я назвал себя. — Ура! — закричали все пять охотников, приветствуя меня. После того я взял шефство над их автомобилем и, хотя и поздновато, но поставил их на хорошие места.

Такая встреча и такое признание мне доставили очень редкое удовлетворение от своего положения литератора.

По приезде пошел в поле навстречу Пете. И сразу новости: пролетели перепела. Вечер после холодов значительно более теплый. Всеобщий выход головастиков.

12 Мая. Встреча во сне с «Музой» (единственная). Та сладость чувства (сладострастие), которая входит как высокодуховное, поэтическое состояние (эрос).

Обдумывал предложение попа навестить Павловну. Нельзя допустить. Ведь он же лично ее не знает, а если личности ее не знает, а ищет в ней овцу для своей паствы, то ведь это корыстное отношение, и пусть называется «христианским», но ничем

не отличается от государственно-безликого. Нельзя допускать: больная женщина попадет к пауку, а через нее он раскинет паутину во всем моем доме.

Осматривали ловушки. Попалась одна землеройка, две землеройки-малютки и пять рыжих полевок.

На болоте мочальные головы стали ярко-зелеными, а мочалки исчезли, как не было. И везде в лесу прошлое исчезает и едва-едва заметно кое-где.

— Хвощи эти похожи на минареты, и я рассматриваю, нет ли на их высоте муэдзинов каких-нибудь маленьких, чтобы кричали вниз маленьким насекомым: Аллах, Аллах!

— Нет, — сказал Петя, — я минаретов не видал и муэдзинов не слыхал. Мне кажется, они больше похожи на ершиков, которыми чистят стекла на лампах.

Птичка — я назвал ее Зеленушка — очень маленькая, зеленоватая, чтобы спеть свою песенку, непременно должна была броситься с веточки вниз и подняться вверх, сесть на другую. Такое движение возбуждало ее, она поднимала носик вверх, открывала его и пела коротко. Больше на этом месте она уже не могла и, чтобы спеть еще, должна была снова двинуться. — Аппетит приходит во время еды, — сказал я Пете. — Не всегда, — ответил он, — иным, верно, чтобы подумать, надо двинуться, но у людей чаще бывает — движутся люди, чтобы не думать, и не горевать и не петь. — Я вынужден был с ним согласиться.

Зеленушка залетела наконец на такую высоту, что песенка ее нас не достигала, видно было только, что клювик ее, поднятый к небу, открывался... Песня ее не достигала земли, зато все земное, — румяные осины, желтовато-зеленые березы, заячья капуста внизу на болоте, блеск воды, — все вместе соединилось в единство.

— Это рай! — сказал Петя.

Подумав немного, он продолжил:

— Рай несомненный: воздух какой, свет и всё. Но почему, скажи мне, почему не все люди с этим согласятся, приведи сюда, и огромному большинству будет скучно.

Мне вспомнилось это же чувство, такое горькое, лет десять тому назад охватило меня на берегу Переславского озера, я почувствовал такую красоту этих родников Берендея! и с ужасом подумал о народном празднике на берегу этого озера: во что

это превратят! Потом я написал книгу «Родники Берендея» об этом озере, она имела успех, ее прочли сотни тысяч людей, и многие благодарные читатели прислали мне свои личные письма. Тогда я приехал на это озеро, и мне казалось, что все эти сотни тысяч людей собрались вокруг озера: это был праздник.

И вот, вспомнив это, я ответил на Петин вопрос: «Почему этот рай не чувствуют все?»: <*Зачеркнуто:* — У всех нет этого чувства, но ты можешь сделать, что многие будут вместе с тобой.>

Через некоторое время я еще сказал:

— Ты, наверно, рай понимаешь, как учила нас православная церковь: Судья определяет того в рай, другого в ад. А я думаю, никто не судит, не распределяет, и дорога в рай или ад для всех свободна. Большинство просто не находит никакого удовольствия себе в раю и предпочитает идти в ад, где вино, карты и все удовольствия. Но я думаю, если хорошенько взяться, можно многих захватить с собой в рай, и это есть творчество.

Вчера вечером (первый теплый вечер после холодных майских дней) был массовый вылет майских жуков. Из самых нижних подвальных этажей леса, сырых и темных, с хрустом и шорохом они выползают наверх, на свет, шевелят молодую траву, путаются в ней, пока не находят прочный стебелек, прут, подымаются выше, выше, расправляя крылья, бросаются, летят выше, встречают березу и, сделав круг у самой вершины, летят...

Иные, встретив на пути дерево как препятствие, падают вниз, и им опять нужно долго путаться в траве, но рано или поздно они выбиваются, все поляны в лесу шуршат, и многие тысячи поднимаются в этот вечер из самих темных мест в самые высокие, где живут птицы Сирин и Алконост.

Так временами некоторым лесным жителям удается от самого низшего темного этажа переселиться в самые высокие солнечные.

Связать майского жука с рекой: на жука выплывает головль.

Старое дерево упало на здоровое, и при малейшем ветре отсюда слышится странный, непонятный, необъяснимый звук. Имеет ли этот звук какое-нибудь значение для обитателей леса.

Подземное царство под корнями: промежутки между большими корнями сверху были засыпаны листвой, на листве выросла трава, и ее опять засыпало [листовой] пылью, все оброс-

ло мохом, и так под деревом образовался свод темный и сложный со многими [ходами] и галереями зверей в разные стороны и в глубину.

Огромный выворотень оброс, и под этим новым слоем растительности было внутреннее отделение столь обширное, что как бы целый город вылезал в небо, как Москва.

<u>Начало реки</u>:

Ярко-зеленая травка среди обыкновенной более тусклой давала знать о подземном источнике как начале нашей Кубри. Когда-то от сильного ветра на эту зеленую травку рухнули два огромных дерева и, хлестнув по зеленой травке, легли рядом одно вдоль другого и тяжестью своей нажали. И от этого нажима выступила вокруг вода, и маленькое озерко стало началом известной реки.

Те два старых сгнивших дерева скоро вовсе загнили и убрались разными прекрасного узора мхами, брусникой и другими растениями. Скоро от всех огромных и толстых стволов осталась разукрашенная всякими цветами и мхами могила. И вот только сколько семян летело сюда от окружающих елей, все падали в воду — начало реки — и погибали. Только те семена оставались живыми и проросли, какие падали на могилу [рухнувших] деревьев. Так мало-помалу выросли по тому и другому стволу частые елочки, и между ними сложилась правильная аллея.

<u>Сирин и Алконост</u>.

Начало в корнях, в горе, а радость вершин приходит потом: Сирин знает жизнь корней, Алконост, птица радости, о ней не слыхала, и её как будто нет. Привычка к печали порождает радость. И когда радость родится, то не помнит о своем происхождении. Радость сама по себе так хороша, что никто и не спрашивает о прошлом, о ее происхождении, о горе, корнях. Алконост все берет даром, свет, ветер, и поет. Но Сирин все помнит и в радости своей на вершине дерева поет о печали (о корнях жизни).

Петя взвешивает зверьков и меряет их, считает и меряет, как будто на свете вся суть жизни заключается в миллиметрах и граммах. Он, конечно, чувствует жизнь вершин и всего, но это ему не нужно: в граммах и миллиметрах его долг, его обязанность и все серьезное, остальное все «поэзия».

— А я-то разве не чувствую красоту, — говорил Огнев, — но ведь нужно считать, взвешивать: это нужно.

(Подозреваю в Огневе ту же схиму, аскетизм: не отсюда ли влияние: одно слово Землеройка.)

Наметать глаз на пейзаж.

Группы гнезд дроздов.

Там, где я видел прилет дроздов весной (на опушке), теперь гнездо на гнезде, и все группами.

В одном [месте] попадались только полевки, в другом землеройки, но глаз еще не наметался, как на охоте за птицами, чтобы сразу по пейзажу сказать: здесь должны быть те, здесь другие.

Кузнецы бывают иногда глухие, но в кузнице глухота не порок: там каждый делается глухим.

Сирин живет, как и Алконост, на вершине и тоже поет, но песнь его печальна: он помнит все о жизни в корнях...

Дупляные птицы — это средний этаж леса, все эти дятлы, синицы...

В землеройке сегодня при вскрытии оказалось 7 оформленных зародышей.

Вечером был на тяге, убил одного вальдшнепа. Не по времени холодно.

13 Мая. До восхода мы на мельнице. На несколько минут зеленая трава побелела от мороза. Сильно токовали тетерева. Вечером на спиннинг поймал двух маленьких щук.

Завтра приедет в Загорск Панферов обсуждать мое участие в «Октябре». Повести́ разговор о своей работе, что ее надо закончить и потом начать работу в «Октябре». А за это время понять, что можно сделать. Иначе положение перевальца или Кондрикова. Указать на мое отношение к государству: выйти из сферы огня: дети. Государство занято охраной рода, но не личности.

На тяге тепло и ветер. Поймал живую полевку: мы несли ее, а она тут же ела траву: мы слишком велики (стихия), и она должна много есть.

Черемуха все еще только зацветает.

Вот эта же самая, точно такая, с тем же видом и запахом цвела черемуха, когда любовь я мог понимать только по роману Ивана Царевича с Марьей Моревной. И теперь, когда у меня уже внуки, раз в год, когда зацветает черемуха, понюхав ее, на одно мгновенье я вдыхаю в себя ту любовь. И так не одна черемуха, а всякий запах является как бы термосом нашей души и до старости дает возможность помнить свое детство не головой, а всем существом.

Сегодня первый вылет комаров.

Корни, земля: заготовка пищи, напр., вылетает майский жук, и головль поднимается вверх. Тема: нижний этаж как заготовка пищи для верхнего яруса (энтомологич. справка).

Дятел и «птичка божия».

Явилась мысль о соединении лесной поляны со строительством канала: поляну заливает вода, звери, ящерицы лезут наверх. Выслали лодку.

14 Мая. Тепло с утра. «Из всех дней» теплое.

При возвышении государственности чахнет искусство.

Но почему же вся моя натура сопротивляется расцвету искусства, когда чахнет государство? Не люблю тоже педерастии и т. п. Между тем очень я — личник...

Я только сейчас наконец-то обрел совершенное спокойствие в отношении государства: «необходимо», и кончено. И чем меньше думать об этом, тем лучше, если Сталин, то пусть он, и дай Бог ему здоровья.

Колония жучков-вертлячков на Кубре в заводи: блестяще-серое пятно, а когда заметят тебя, все двинутся, но не вперед, а каждый вокруг себя.

Бострем очень обрадовался, когда я сказал, что буду меньше охотиться и займусь больше рыбой. Ведь апостолы рыбаками были, и Б. было приятно, что я на один шаг буду ближе к церкви. «У рыбы, — сказал он, — ведь холодная кровь». Вчера на Кубре мне попалась щука. Я освободил из тройного крючка легко две зазубринки, а когда освобождал третью, то первые две снова впились, и так глубоко, что их пришлось вырезать ножом. Неприятна была мне эта операция, вся рыба от крови стала ярко-красная, и руки мои были тоже в крови. —

Холодная кровь! — успокоил я себя, вырезая первый крючок. — Холодная кровь! — повторил я при втором. Вырезав два, опять видно третий, и опять вырезал, повторяя: — Холодная кровь! — Так я на один шаг стал ближе к апостолам.

До сих пор все говорили, что хорошо, только вот нет тепла, и только как явится тепло, сразу пойдет от земли «воспарение» и все начнет сильно расти. И вот сразу без всяких катастроф явился такой день... и заблестела береза.

Это бывает, когда детские желтовато-зеленые листики березы станут только зелеными и заблестят в лучах солнца лаком своим...

<*Зачеркнуто:* Итак, 1) закончу работу (канал) и «да» осенью, 2) от них: узнать перспективы.>

Панферов обманул. Зато весна! Гроза. Теплый дождь. К вечеру везде пар от земли. И это был день старого 1-го Мая. С этого дня надо считать конец борьбы мороза и солнца и начало тепла, теплых ночей.

15 Мая. Утро в теплых парах. Пешком, на велосипедах, на машинах все в город несут — тащат — везут черемуху, в лесу ее хватает на всех. — Как это ее на всех хватает? — Хватает, но только что это за черемуха, ощипанные кусты. — И все-таки хватает. — Погоди, перестанет на всех хватать и черемухи.

Почему лес от селения всегда кругом? Потому что прямая есть кратчайшее расстояние: радиус: лес возить (хорошее начало).

Он был уверен, что ловит ее, как рыбак, сетью, а она? — она думала, что она его ловит петлей. И она была права: он попался в петлю, и вскоре она всего его забрала в руки.

Лично в этом винить кого-нибудь невозможно, — что она делает аборт, или что он исчезает от алиментов. Тут [всё] в идее, во времени: сегодня было можно — завтра нельзя [и грязь]. Он не рассчитал, она сообразила. И он попался в петлю.

Доверенность Чувиляевой.

16 Мая. Три этажа фауны в лесу, и соответственно люди: Огнев копается в корнях, Формозов занимается средним этажом, дупляными птицами, и я по верхам, где Сирин.

Откуда взялся и что значит этот страх перед концом своего рода (или, что то же: своего государства)? Продолжение себя не в детях, а в идеях, книгах и, больше, в Христе вовсе не удовлетворяет. Вместе с Розановым в Христе понимаешь конец жизни и не приемлешь духовного возрождения.

Между тем люди такие «духовные от природы» существуют (люди лунного света). Между прочим, «талант» включает в себя физику, телесность, и страх перед концом (Христом) значит тоже страх остаться на земле бесталанным (страх собственника тела) <*приписка:* (страх брать деньги взаймы)>.

Вчера вечером нашел себя среди множества незнакомых людей между грудами камней и стекла: люди, стекло, камень и электрический свет. Ни одного листика зеленого, птицы, ни малейшего дуновенья аромата земли: камень везде, камень направо, налево, как открытый сверху ящик. Было так тесно среди них и не хотелось их разглядывать, до того мало было красивых людей, а которые были, — исчезали: утомительно и ни к чему было их выискивать. Те, кто мог и хотел, уехали на дачи, а здесь оставались отсеянные, городские люди...

Мы купили чаю-сахару, сыру и ушли в свой Леонтьевский переулок.

Надоел Накоряков, как-то засиделся он в Гизе, какой-то пыльный стал, будто их там в ГИХЛе не чистят. Так вот и в меня тоже вкрался этот зуд перемен.

От революции в человеке надолго остается зуд перемен.

Вот эта удивительно живучая наивность как опора всей литературной деятельности: что если тебе в таланте везет, то от этого и всем хорошо, что в таланте своем ты живешь для других.

В 11 д. выехал в Загорск. Лева и Петя должны вечером приехать на велосипедах.

Павловна вроде как бы начинает и поправляться.
Лева с Галиной как нищие.

Придумал Леве помочь, пусть едет на канал и соберет мне материал, и подготовит мне поездку по каналу.
Темы для него:
1) Какие благодаря каналу создались новые водоемы?

2) Узнать историю каждого: как от этого и чем изменилась природа (ландшафт). Как отнеслись к этому птицы, рыбы, звери. Что люди говорят?

3) Из каких рек и озер создался канал, дать характеристику каждой реки до строительства и что внесло строительство, как переменилась река. Звери, птицы, растения, люди.

4) Сопротивление среды: с какими природными трудностями пришлось встретиться при строительстве.

5) Мосты, строения, вносящие особенную перемену в ландшафт.

6) Сопротивление леса: корней, камня и проч. при копании.

7) Находки археологические, исторические, связанные с историей края. Нет ли каких легенд о канале?

8) Материалы, вызывающие аналогию работ по каналу и работ подземных животных в нижнем ярусе леса: кротов, землероек и пр. с отношением к верхнему ярусу, вершинам, т. е. это нечто вроде заготовки сырых материалов для жизни (свободной) вверху.

9) Интересные места, где можно мне остаться дня на 2—3, где надо пожить (неделю). Подготовить удобства, помещение, питание.

10) Пионер в лесу переносит ту самую необходимость, какую переносит человек низшего яруса общ[ественной] жизни при рытье канала: и этот мотив пионера в лесу перекликается с необходимостью рыть. А снизу видно, как прилетела птица радости и клюет майских жуков, приготовленных жизнью внизу.

11) История (с чего взялось, когда сделано то, когда другое).

12) География.

13) Экономическое значение.

14) Истор. памятники по пути канала.

Цвет: полный цвет — черемуха, вишня, груша. Очень тепло. Лето.

Вчера жизнь на Тверской людей в камнях и магазинах напомнила мне нижний ярус леса безотрадный, где существа заняты питанием и за отсутствием его пожирают друг друга.

Писатели гонятся за современностью, описывают машины, строительство. Я же сам как писатель стремлюсь быть современным. Самый же предмет я выбираю такой, чтобы он перебыл на земле у нас подольше и даже был, может быть, и до нас.

Попробуйте описать солнце, море, муху, муравья — вот задача! так описать, чтобы муха была вечностью неподвижной, а писатель, «Я» пролетел как метеор.

«Вечность» я, конечно, беру в отношении к человеку в том же самом смысле, как золотое перо называется «вечным» в отношении обыкновенного стального пера. <*На полях:* Современность. Вечное перо.>

17 [Мая]. Только промыв лицо, сочиняю Леве наряд на канал.

Он сделал мрачный вид и согласился.

После вечернего чаю отправился в Терияброво.

Териброво 8 ч. вечера, все цветет: черемуха, вишни, яблони.

Прогресс и Регресс. Узнали от Коли Куликова, как можно накачивать шины без вентиля. Отвинчивают вентиль и держат в зубах. Потом одной рукой накачивать, а другой, согнув шланг под угол, то выпрямлять, когда надо воздух впустить, то опять сгибать, чтобы воздух не вышел обратно. Таким образом человек превращается в вентиль. <*Приписка:* Выдумали вентиль, а теперь обратно человек становится вентилем. Прогресс и Регресс.>

70 лет тому назад в Териброве было всего три двора и кругом стоял хвойный лес, и все люди по фамилии были Анюхины. Новоселы эти построили себе избы, лес для этого рос возле. Тут возле изб тех трех начались первые поля, и вокруг них — этой поляны — кругом стали опушки леса. Лес был хвойный, еловый. (Каждый хвойный лес пустынный и [мрачный] таит в себе буйную силу. Стоит срубить, и поднимается сила чернолесья. Удивительно смотреть. Откуда это берется... спящие [почки]. 70 лет тому назад пришли три новосела и проч.) Выкопали пруд, и те же самые Анюхины начали селиться за прудом и стали называться Запрудные... Никто не писал истории — записывала березка.

В Секретариат Совнаркома.

Глубокоуважаемый т. С.

три года тому назад из резерва я для своих краеведческих опытов получил через т. Молотова легковую машину «Газ». За эти три года я изучил машину, ездил на ней самост. в город на завод, где на ней был поставлен кузов спецсборки и сделаны некоторые другие улучшения. Всего я проехал на этой машине

не более 25 тыс. километров и сохранил ее в прекрасном состоянии. И это дало мне возможность написать целый ряд «шоферских рассказов», некоторые из которых были перепечатаны в провинции и получили широкое распространение.

Имея квартиру в Москве и стоянку в гараже Военно-Охотничьего об-ва, я бóльшую часть времени провожу в разъездах, вследствие чего зарегистрировал свою машину в области, а не в Москве (желтый знак). Вследствие этого я формально не имею возможности теперь переменить свою машину на М1.

Мои литературные интересы и жизнь моя настолько теперь связаны с автомобилем, что невозможность быть «современным» в этом отношении, ездить в Москву и везде на машине старой конструкции мне было бы неудобно, и тем более, что с этой осени я буду жить постоянно в Москве.

Прошу Вас устранить формальные недоразумения и вместе с московскими гражданами переменить свою машину на новую. С уважением.

Продолжение: березка записывала: вот узелок: это выгрызли Запрудные к себе ближе. Но и Анюхиным надо было — и те скоро: и опять круг; и так круг равнялся и рос, а березка записывала. На 70 году своей жизни у березки было отмечено великое событие.

Не по-нашему, конечно, березка писала, но веточками своими по-своему тоже записывала: хороший год — росли ветки длиннее, плохой — короче; и так если стать под березку ранней весной, то за 70 лет своей жизни у ней все голубое небо исписано тонкими сучками, вилками, узелками, желваками.

Ты пошто пришел? — Так. — Незачем тебе, ты Новлянский? — Да. — Ваньку знаешь? — Знаю. — Он работает? — Работает — Вот и тебе бы. Иди, иди! — И когда тот стронулся, торжественным голосом: — А понадобится, за вами пришлем.

18-го собирались и в 2 ч. дня на Кубре. 20-го вечером (ночью) дома, 21-го я — в лесу.

18 Мая. Утро в Загорске, вечером на Кубре, ночь на ржи. Черемухой пахнет в машине. Цветет смородина. Летит осиновый пух. Скачут по воде наездники. Вертят кадрили свои жучки-вертунки.

«Нога» говорит: — Вот только поймаю и первой рыбе брюхо вспорю.

Петин мальчишка вышел к нам из кустов: три дня скрывается: сапоги у отца украл. Способный, но упущенный парнишка.

Деревья на Кубре: сторона стороне кланяется. Некоторые тянутся, другие обнялись над рекой, и лодка скользит в зеленом шатре по воде, засыпанной летучими семенами. [Прут] такой тоненький обвивает ольху, как, бывает, уж свою толстую и длинную самку.

Кто знает, что делается с мрачным еловым лесом, когда его срубят и в хвойную пустыню врывается солнечный луч? Какая вырывается от луча и земли буйная сила! и кажется, будто это была та самая сила, какую держал в себе и столетиями копил хвойный лес...

Быстро обрастает зелень новых тростников старые соломины, и скоро желтые метелки потонут в зеленом.

От тепла и до холодов «Нога» живет по мельницам.

Течение воды у нас на Кубре зависит от мельника, смотря по тому, как он пустит воду, бывает течение. Мельник захочет, и вовсе вода не пойдет.

Насекомые, гоняясь одни за другими, оставляют, касаясь воды, кружки. И бывает, майский жук опрокинется в воду, и тут его хватает стерегущий головль.

Есть на Кубре перекаты, где все деревья с той и другой стороны обнялись и сошлись над рекой густым зеленым небом. Там пели сегодня иволги, первые иволги. От зяблика до кукушки, от кукушки до иволги.

Ночь на Кубре. Комары и всякие мученья ночью: и поддувает, и подпирают глудки на пашне, и голова лежит низко, и кажется, клещ впился, и не можешь вынуть: голова останется.

Но поют соловьи на Кубре всем хором, всю ночь. Хорошо ли это, что так много соловьев? Иногда становится похоже на кузницу: соловьи, тетерева, лягушки. Хорошо или плохо, я не знаю, я борюсь за хорошее, за черемуху, за соловьев до утра: то засну, то проснусь.

И когда в последний раз проснулся, увидел вокруг себя рожь, и на каждом острие висела капля росы. Эта роса была моя победа, и это не могло быть лично моим делом: бывает та-

кая личная победа, когда она означает какую-то большую победу какой-то большой стороны.

Мы встали, поехали опять по Кубре осматривать жерлицы. Деревья обнимались над нами.

Рыбы нет для рыбака: есть щука, окунь, карась. Завтра ночью на Савельевском озере должен карась идти. Птицы нет охотнику — есть рябчик, тетерев.

19 Мая. Рыба не клюет. Мухановские любители, переславские любители, пьяненький из Афанасьева со всеми детьми, и сам пьян, а на руках маленький. Искатель счастья (в черемухе). «Нога». В 12 ч. ночи без рыбы домой.

20 Мая. Вешняя вода нашла себе в полях ход и размыла. Но в помощь человеку земля и солнце замуровали язвину, и летом стало русло вешней реки, красивое место в цветах. Мы вчера тут поставили машину, а сами от комаров легли спать наверху во ржи.

На опушках дупла, гнезда дроздов и муравейники.

Некоторые муравейники снизу заросли разными травами. Глядишь на эти травы и вспоминаешь известное, что некоторые муравьи сами выращивают для себя какие-то травы. Так вот и подумываешь, нет ли среди этих трав и муравьиной травы.

Осины разные, одна зеленая и пушит, другая стоит еще бурая. У берез листья вошли в свой размер, но еще блестят и от ветра шумят. Листья осины так нежны, что только трепещут и так тихо шепчутся, что нам, людям, не слышно.

Облетает черемуха. Садят картошку. Карась пошел.

Живому о смерти не хочется думать.

Бывает часто в лесу, высокое-высокое дерево поднимает холм, закрытый от глаза молодой порослью. И кажется, будто дерево само такое высокое. А если солнце восходит с той стороны и у тебя внизу мрак, а там загорятся шишки, будто они подарки из золота...

Живому о предстоящей неминуемой смерти думать не хочется, и невыгодно это: жить так хочется! И оттого вообще в массах не любят мистику: мистика ведь от смерти начинается.

21 Мая. Скворцы вывелись.

Петя вычитал у немцев: 1) Этажи верхние питаются этажами нижними. 2) Чем ниже этаж, тем менее дифференцированы его обитатели: нижние этажи, почвенные микроорганизмы везде одинаковы. 3) Есть пауки, стелющие паутину лишь на высоте метра, а есть — четырех и более. 4) Есть птицы, берущие орех непременно с куста, и есть — непременно упавший на землю.

Спасение сказки.

Удивление покидает мир. Даже воздухоплавание, даже радио и телевидение больше не удивительны. И можно вперед сказать, что перелет на другие планеты не даст того счастья, той радости, о которой сейчас грезится. Удивление связано с детством человека. Современный взрослый человек рано расстается со своим ребенком: он с 20 лет взрослый и больше ничему не удивляется.

Сказка питается детством, и детство здоровьем, и здоровье дается землею и солнцем. Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление, и с удивлением вернется и сказка. Невозможно? Нет ничего невозможного. Во всяком случае, возникает вопрос: почему современный человек не отказывается от возможности перелететь на другую планету, и поднимают даже вопрос о физическом бессмертии в будущем, но почему же тогда невозможно вернуть человечеству удивление и сказку.

Сказка — единственный выход из литературного индивидуализма.

Творчество сказки возможно при расцвете государства и науки.

Сказка связана со здоровьем рода человеческого, и потому она требует здорового общества. Тогда как литература «вкусная» паразитирует и сопровождает упадок. (О сказке на совет к Соколову.)

Итак, моя работа складывается: 1) Описание опытов спасения сказки. 2) Создание современной сказки о канале Москва—Волга.

Жена писателя («Мамочка» Розанова и Ефрос. Павл.).

Борьба с Христом Розанова имеет подпочву хорошей русской некультурности. По существу Розанов именно и есть хри-

стианин, но только хочет подойти к Христу сам и не дается себя подвести.

Опушки леса: гнезда дроздов, дупла дятлов, скворцов, муравейники.

Чтобы лес стал как книга — нужно сначала не по верхушкам глядеть, а нагнуть голову и вникнуть в мелочи. Это не очень легко, потому что хочется смотреть на вершины. Много нужно в себе пережить, чтобы захотелось с любовью и радостью глядеть себе под ноги. Надо, чтобы стало тесно в себе и очень больно от этого, и почувствовать малость свою и возненавидеть претензию вместе с птицами летать по вершинам.

Тогда в глубокой, уничтожающей тоске опускаешь глаза и встречаешь маленькое чудо какое-нибудь: вот хотя бы этот папоротник с такими сложными листьями, такой нежной зеленью, и самое главное, что он, достигнув теперь уже значительной высоты, до сих пор не может совсем выправить то колечко своей верхушки, которым он пробивал себе путь из-под листвы. Я видел его тогда и обрадовался, вспомнив при этом пушкинского богатыря-младенца, как он понатужился, выбил дно из бочки и освободился. После долгого удивительного разглядывания внизу — попала пушинка в глаз, захотелось вверх посмотреть, и вот тогда открылись вершины во всех своих подробностях, во всей своей красоте. Так нашелся выход из себя.

Когда научишься во всякое время по своему желанию встречаться в лесу, с кем загадаешь, с ежами, ужами, землеройками, то встреча с человеком становится все труднее, а желание встречи все больше.

На поляне цветы — всё одни золотые бубенчики, и они пахнут отлично, но понюхать опасно: там внутри всегда почти сидит живое черненькое насекомое. Называется бубенчик, я помню, trolleus europeus[1], но дальше о нем все забыл, на какой почве растет, кому на пользу, кому на вред.

Есть ботаники, которые все это знают, но я им не завидую: это знают, а что рядом, напр., это насекомое внутри такого цветка — это уже знает другой специалист. Мне же хочется, и я в этом уверен, что есть такое знание, на что ни взглянешь — и все понятно изнутри, и не отдельное, как у специалистов, а связанное со всем миром, со всем домом человека. Я верю

[1] *Trolleus europeus* — купальница обыкновенная (*лат.*).

в возможность такого знания и в своем опыте сам даже кое-что таким путем узнавал.

У осины женские цветы теперь похожи на вымя со множеством сосцов, и вот каждый сосок теперь, как молоко, выделяет и отпускает лететь пушинки...

Клен молодой выправляет морщинистый лист.

Триста лет копил лес свою силу и молчал, и когда его срубили, то от скопленной силы земли и солнца явилась буйная жизнь, запело множество птиц. И это все были слова того леса: та его сила...

В хвойном лесу иногда из-под иголок мох пробивается, и на мху родится заячья капуста (кислица) — ее очень любят дети (наверно, хороши зеленые щи), и можно кормить «лесного пионера».

Канал строится на здоровье людей, а в лесу обречен на гибель ребенок: так вводится в дело «душа».

В большом лесу, когда входишь в него с буйной вырубки, залитой светом, — воздух совсем другой: как будто не живут в нем, а молятся. И как все запаздывает! на вырубке облетают цветы черемухи, а здесь на ветках первые зеленые листики как птички сидят... Вот папоротник: пока выбивался из-под зимних одежд земли, он лишился всех листьев и теперь с одной зеленой головой стоит, как на вырубке дерево без сучьев с одной верхушкой. (Заячья капуста.)

Земля свои раны — промоины вешние, овраги — лечит травой и нарушенное водой обмуравливает, а дерево свои раны лечит смолой...

С чем-то в клюве пересекла поляну желна и, нисколько не стесняясь встречей с деревьями даже в осиновой чаще, исчезла.

Лицемерно вздыхают о детстве, что оно «прошло». Но спросить их, — зачем они дали ему «пройти». Все хорошее должно в человеке оставаться даже после смерти для пользования всех под охраной живых: так я охраняю детство своей души, а после меня его должны охранять другие.

Чета снегирей: вероятно, вывели.

В небольшом участке есть сорочье и есть воронье гнездо. Все было хорошо, пока птицы сидели на яйцах, а когда вывели, началась драка вечная, то сорока взмоет над мелятником, то ворона, сорока боится, что ворона заклюет ее малышей, ворона – что сорока.

Как же не обратить внимание, что в большом хвойном лесу воздух совсем другой, чем на вырубке в молодой поросли. Там вся жизнь ушла в дерево: растет сто, растет двести, даже триста лет. А здесь на солнце сколько птиц, цветов и смолистых блестящих листьев: там в дерево, тут все в песню ушло.

Власть, как и золото, обрекает носителя своего, как машина шофера, на движение: весь смысл положения заключается в нарастающем движении, и все больше и больше, все дальше и дальше, все выше и выше.

Поет соловей непременно вверху, а самка гнездо строит внизу, и наверху он поет, а она внизу стонет очень жалобно. Стоны вообще бывают чаще всего в нижних этажах, там внизу...

Если о человеке писать, то от соловья берет писатель какой-нибудь признак, лишь бы узнать, что соловей: громко поет, серенький, – и будет. Но если о самом соловье писать, то надо через себя самого понять, мгновенно схватить в соловье его соловьиную сущность (личность) и, чтобы быть современным писателем, надо узнать о соловье все, что о нем знают ученые.

Чудесно позеленели березы и утопили свои белые стволы в еловой черноте.

300 лет стоял, крепил свою силу лес и зато в семенах своих накопил такую готовность к движению, что сразу, как родились они, так летят по ветру и плывут по воде. Ветер и вода...

Формозов на вопрос Пети о жизни майских жуков дал тощий ответ: там немного, там... но вообще мало изучено. – Да зачем вам это нужно? – Как зачем, – сказал Петя, – мне нужно же в лесу соединять все существа... – А вы соединяйте без книг, наблюдайте и соединяйте.

<*На полях:* Луг Формозова.>

На поляне до реки всё были золотые бубенчики, и среди них как будто садовник вылепил из разных трав дерево, распростертое на лугу, – ствол и во все стороны сучья и ветви, большие и малые.

Это, может быть, лет двадцать тому назад ветер свалил это дерево, и оно так лежало и гнило и разлагалось до тех пор, пока не стало удобрением и благодаря удобрению этому новые растения среди желтых бубенчиков сохранили форму того дерева.

А недалеко от этого дерева, может быть, лет 50 тому назад росло другое, и тоже ветер свалил его, и оно сгнило, и десятки лет форма его сохранялась, возвышаясь над бубенчиками. Прошло много лет, и перегнило все дерево до конца, и то перегнило и распалось, что росло на трупе дерева. И все-таки среди сплошных золотых бубенчиков, на том месте, где лежало дерево, растет темно-густо-зеленый щавель, сохраняя на лугу в точности ту самую форму, какую имело дерево и как слагалось оно в течение нескольких столетий. (К этому щавелю пришел лесной пионер.)

Ореховка летит на манок рябчика по любопытству, а ястреб по хищности.

300 лет копил в себе силу хвойный лес, все терпел, все нес — целая длинная история. Но для земли это был только вздох, и когда лес срубили...

Семья ореховок (те самые, что мы в яичках видели), заслышав мои шаги, бесшумно разлетелась в разные стороны, и каждая птица затаилась на своем сучке, ныряя туда и сюда своей бутылкой.

Зеленушка сидела с клоком моха и старым листком в клюве и каким-то образом ухитрялась пикать.

Полевка наша, живущая в ведре, выскочила из него и бегала тихонько, не как мышь, а [как] зверок. Зато в заточенности проявила необходимую энергию (как лесное существо) и выпрыгнула из большого ведра.

Ель своей хвоей умертвила под собой всякую жизнь, и только там, где из-под слоя иголок выбивался мох, на зеленом мху вырастала заячья капуста.

Сказка (не мешает государству и обществу), она цементирует его составные части: старые и малые слушают сказку.

Боюсь высказать догадку о том, что... (да нет, и не выскажу). «Война и мир»? Сказка. Шекспир? Весь Шекспир — сказ-

ка. Гёте не весь. Байрон далеко-далеко не весь. Достоевский? Гоголь весь, пожалуй, не сказка и весь демон, весь в минусе и в «личности»; а ведь демон есть неудачный претендент на престол. Андрей Белый — весь претендент.

Допевает еще свои песенки зяблик.

Отцы, укрепляя свой род государством, делали святыми волков, вспаивающих основателей Рима, снабжали диких гусей волей, охраняющей Рим. У нас тоже красили яйца, освящали творог и всю природу постепенно [призывали] на помощь: животных, птиц.

Ранней весной от солнца еловый лес зеленеет, но когда береза распустится, он становится еще чернее, чем был, как будто по березе понял, что не стоит вообще зеленеть на земле. А березка, ничем не смущаясь, как зеленое воздушное видение стояла, скрывая свой белый ствол в еловой черноте.

22 Мая. Никола Вешний. Вчера у шоссейного прудика пойманы куторы. В ведро попались две бурозубки, одна съела другую, а потом сама умерла от голода.

Ни Ставскому, ни Панферову нельзя ни в чем сомневаться по их положению «вождей». Зато уж внутри...

Деревенские задворки — самое чудесное место на земле: среди молчаливых сараев, в центре полукруга полей, завершенных лесами. Песни птиц маленьких полевых — жаворонки и долетающие из леса больше. звуки тетеревов, журавлей... кукушек.

Читаю Розанова. Оказывается, можно писать и в черносот[енных] и в соц[иалистических] газетах, потому что $^1/_{1000}$ правды есть и там и тут. (В оправдание двурушничества.) Сколотил 30 тыс. И, по-видимому, сколачивал без помощи жены, напротив, считал в одиночку, притаивая.
Solo: «я» — и страшно умереть, он — и не очень страшно; если он умрет: вот страшное solo.

В моем нынешнем «обращении» есть некоторая доля розановского цинизма (дошел до жизни такой, довели Киршоны).

От всего социализма в живых остался один Иванов-Разумник.

Жарко и так тихо, что осиновый пух, этот летний снег, спускается прямо вниз, а в лесу от пара ли земного даже поднимается снизу вверх. <*Приписка:* Сколько пушинок, столько и комаров.>

Так много пуху, что в осиннике, почти как зимой, внизу все белое.

Есть дятлы крупные и есть мелкие, так есть папоротники крупные и маленькие, почти [как волоски] и зелень такая нежная, такая сказочная, что лучше ее такой в лесу нет ни у кого.

В ведро попалась землеройка и умерла от голода; вчера же попались две, одна съела другую — только хвостик остался! — и потом сама от голода кончилась.

Вчера мы нашли большую сухую березу, на которой суетились гаечки. Дупла их мы не могли рассмотреть. Покачав березу, мы убедились, что она вовсе гнилая, налегли на нее и обрушили. Она, упав, разбилась на несколько кусков, в одном из них оказалось гнездо и 6 голых птенцов. Мы их оставили, рассчитывая, что родители должны же услышать их писк. Но, видно, какая-то высота этажа в лесу необходима этим птичкам, и на земле найти и ходить за своими птенцами они не могли. Сегодня утром мы нашли их мертвыми. Я вспомнил в свое детское время гнездо коростели, черных мертвых цыплят. А ведь был я разбойник, и все думали, что из меня выйдет разбойник. Никто не знал, что я во сне плакал об этих черных цыплятах, оставленных матерью, и не так о них самих, как о чем-то черном содеянном, отчего даже мать не вернулась.

Розановское азиатское лукавство и европейское рыцарство Мережковского <*приписка:* (Герцена)>: об этом можно думать всю жизнь!

Мало ли было такого рыцарства в эсерах, но все оно растаяло, как леденцы, непонятно, чем сейчас может держаться честный человек, прямой. В такой доблести теперь подозреваешь просто глупость (и свою собственную). Честность, прямота, рыцарство — все эти качества типовые.

Розановское «я» как Solo должно все это разложить. И как разлагающий фермент, чистое Solo, он остается, конечно, тогда как выразитель общественности, честного типа Мережковский должен подлежать разложению вместе со всей общественностью и государством.

В цинизме своем Розанов мог бы идти беспредельно, так как границей такого анализа могло быть некое состояние общества, в которое он должен был бы упираться: «дальше идти некуда». Но государство было мягкое, церковь бессильная, общество шло навстречу революции.

Кукарин, ростовщик, и Розанов — люди одного гнезда. (Ив. Ив. Введенский пусть бездарность, но тоже все против Герцена.)

Я смотрю на свою резиновую лодку почти как на какой-то складной храм природы. Можно прямо на себе принести эту лодку к реке, сложить ее, спустить на воду, сесть, и вот он, храм: деревья с двух сторон обнимаются и образуют зеленый купол храма... <*Приписка:* (Исходная мысль: omnia mea mecum porto[1].)>

На ходу комары не трогают, можно куда угодно идти, но остановиться, сесть, писать что-нибудь невозможно. И это отчасти и хорошо, — не застоишься!

Существа, освещаемые солнцем или живущие в тьме.
Биотоп — местообитание.
Биоценоз — жизненное сообщество.
Стремление распространить возможно шире свои яйца и семена в целях расширения области своего распространения.

Шансы эмигрантов к сохранению самих себя и вида за пределами области распространения не очень велики (вот почему так много летом осинового пуха).

Стремление к распространению (у высших животных) умеряется консервативным стремлением удержаться в области первоначального распространения. Так, перелетные птицы отыскивают для своего размножения место своей родины. (Природа консерватизма.)

Человек достигал «своим способом» того, в чем ему было отказано природой (В. В. Розанов: некрасивое лицо свое заменил красотой слов и т. д.).

23 Мая. Ночью был наконец-то хороший дождь. Все рады, и хозяин и петух: хозяин чай пьет, петух кричит.

---

[1] Omnia mea mecum porto — Все свое ношу с собой (*лат.*).

«Единый фактор» (голоден) невозможно учесть, он является в чувстве жизни, и, может быть, даже как качество. Единый фактор — это: «Как поживаете?» И ответ: «хорошо» или «неважно», или «ничего» или «никуда».

Если «разумно» жить, то, значит, считаясь с природой (единым фактором). А если самим делать то, что задаром может сделать природа — это неразумно, нерационально и глупо.

Вспоминаю свои поступки как вовсе глупые и чувствую, насколько же я с тех пор поумнел. И вообще я из тех, [кто] умнеет очень медленно в опыте жизни. Потому и кажется все прошлое цепью глупых поступков («ничего не понимал»).

Ночью был наконец-то хороший дождь. Довольный хозяин чай пьет. Петух кричит. Все рады дождю, все довольны, и петух, и хозяин.

Утром ездил на велосипеде в лес возле Мистрина. Встретился Пет. М. Карасев, опять на коне: купил в Переславле. «Шоферское дело неверное: его возьмут женщины, легкое дело! а лошадей женщины в свои руки никогда не возьмут» (рассказ).

И еще шоферский рассказ: «Костер». И еще: вентиль.

— Где стоите? — спросил П. М.

Небо все хмурится-хмурится, пойдет дождь или обойдется?

Зяблик рассыпается погожим голосом, но возможно, что радостным утром после дождя зяблики просто беззаботно поют без предсказаний?

Певчий дрозд, «летняя птичка», мелькнул кобчик в тумане, нажимает вяхирь в елках, кукушка. Становится все тише и тише, слышно, где-то далеко птица задела крылом за ветку, горлинка гуркует, уверяя, что каждый человек, если захочет, может взять свое счастье.

Наконец капнуло, зяблик спохватился, часто начал кричать по-непогожему сверчком, часто меняя места, всех облетая, всех предупреждая...

Где-то дятел наспех протрепал крылом в мокроте.

— Скорее, скорее! — торопил всех зяблик.

Выходит заяц к поляне, так много всего там — заяц даже присел и осмотрелся и из всего множества увидел только то, что ему надо (то дерево, осину, к которой приходят все зайцы).

Так и я, окинув поляну, сразу заметил на елках новые, красные маленькие шишки среди крестиков новых побегов.

У речки на песке ни одного следа, и что раньше было, все смыто дождем.

Золотые бубенцы тем особенно хороши, что и пахнут именно тем самым, что и показывают: золотыми бубенцами.

Ольха на поляне — нелюдима: под ольхой часто бывает крапива. Но в крапиве жгучей бывает глухая крапива: эта крапива не жгется, и цветочки у нее, если пососать — очень сладкие.

Главная речка и в нее под углом другая, между речками омыта гора, ну вот как вышло, будто кто-то нарочно между речками крепость себе насыпал в давнопрошедшие времена, и с тех пор все заросло большим еловым лесом.

Комары сначала ничего, а потом, как расчухали, как взялись за меня, и до того зло...

Поднялся вверх. Зеленые перышки овса далеко еще не скрывают землю: весна ранняя, это он запоздал из-за сухости. Теперь после дождя ему хорошо. По овсу озорная тропа отрезает косяк, отсюда вид на лес: елка березку показывает, а березка стыдится и тоже показывает на темную ель.

То прямо-упрямое нечто было как «правда», как интеллигентность, Европа, отчасти как Герцен, может быть, и чего в своем прошлом я стыжусь как своей глупости, — торчит в высшей мере из Толстого и совсем уж наверно как глупость у Горького. Вот этого-то ничего нет у Розанова, и он на этом играет. Весь Мережковский в этом розановском свете уничтожается и Герцен, — все пустозвонство. Есть ли, однако, что-нибудь в самом-то Розанове, — вот это вопрос большой.

Солнце после дождя. Иду без шляпы в задворках по тропинке между сараями, трава на тропе подбита, примята ногами и часто прибита: земля виднеется. А по сторонам тропы поднимается та самая трава-мурава, которая, кажется, была со мной от рождения, этот пырей, одуванчики, просвирки. — Так вы тут стоите! — сказал... И правда, стоят, а тропа — я иду, иду, и эта тропа есть мне как самая близкая родина.

Лучше не гроза (а может быть, и гроза), пусть это явление старости (нападение насекомых и потом дятлов и проч.) пова-

лили осину, и «заячий клуб» будет лишь одним из этапов разрушения (грызуны), как заключительный этап: рисунок щавеля. Вот это-то и есть художественная экология, а не книги дефиниций биотоп, биоценоз, гомоценоз и т. п.

Следовательно, надо изучить жизнь дерева от рождения до смерти с его средой как «заячий клуб». Рождение дерева: осиновый пух; мартовские шишки ели...

Девственный лес и первичный лес: наши леса первичные.

«Общий порядок в природе поддерживается стремлением живых существ к питанию и размножению» (К. Фредерикс).

«Вследствие конкуренции внутри вида сами подготовляют свою гибель».

«Лесной пожар — это одно из средств, вносящих в девственный лес известную культуру» (Шенк).

О том, чего хочется, нигде не прочтешь: больше времени истратишь на поиски в библиотеках чужих работ, чем сам собственными ногами, руками, умом дойдешь до всего, ежедневно посещая лес.

Мороз — низкая температура.

Бог — голоден.

Холодно — борьба идет с неблагополучной физической средой; жарко (оптимальные условия) — борьба живых существ между собой.

Сила инерции коллекционеров = силе инерции любителей движения (туриста ускоряет движение).

24 Мая. Моя поездка в Загорск.

Дела: 1) Замок и цепь. 2) Вечное перо. 3) Гречн. крупа, Мясо, лавр. лист, перец, кулич-пасха, чай 1-й с., печенье, лимон, сладкое. 4) Машинное масло, вазелин, тальк, йод. 5) Кровать. 6) Бензин. 7) Белье: нижн., рубашки, простыни, наволочки, салфетки. 7) Лягушка и шины. 8) Боткина, Валерьяновые капли.

Вызывает Ставский. Какая-то катастрофа на канале (вода не пошла? вредительство?).

Прошлое надо охранять машинами (я хочу сказать: не пахать, как Толстой, сохой, а трактором, не учиться сеять из лу-

кошка, а учиться править автомобилем). (Мысль пришла во время переезда из Териброва в Загорск.)

Приехала Маня Елецкая (корненожка) и рассказывала: «от хорошей жизни хорошего и ждут, а нам ждать нечего». О евреях: хорошие люди, т. е. промеж себя хорошие, а нашим промеж себя нельзя хорошо (мы должны быть «бдительны» и проч.). А евреи все на местах начальства (никто из них черной работы не берет). У Дединцевых усадьба — теперь «Свиной городок», у нас деревня выстроилась. Жизнь о. Афанасия.

Сидишь у окна, и люди идут по улице, кажется, очень скучно: люди как люди, серенькие. Но включаю радио, слышится чудесная музыка, и люди там в волнах музыки идут прекрасные. Так и в юности в волнах любви все на свете казалось прекрасным. Музыка от любви.

Рассказ «Этажи леса» для детей (как гаечки не могли на прежней высоте найти своего гнезда).

25 Мая. В 6 у. еду в Москву: 1) Ставский. 2) Канал. 3) Квартира.

Писатели на расширенном заседании президиума были похожи на землероек в ведре: за ночь они поели друг друга, осталась одна и 7 хвостов.

После собрания были с Левой у Замошкина и очень оживленно провели вечер.

Куплено вечное перо, импортное.

26 Мая. Какая скорбь в душе! какая бесконечно ужасная перед глазами картина падения человека, и в то же время какая ничтожная причина, игрушка, вечное перо какое-нибудь вдруг почему-то обрадуют: велосипед, автомобиль, лодка — все такое привлекает к себе, и часто не только забываешься в этом, но даже просто бываешь счастлив.

Можно себе легко представить, что если все эти детские вещи заменить предметами искусства, картинками, операми, симфониями, статуэтками, изящными книгами поэзии, то вот и получится то обычное состояние души образованного и состоятельного человека, в котором он постоянно пребывает...

И если я перееду в Москву и устроюсь в своей квартире и буду иметь возможность заниматься искусством, то мерзости

окружающей жизни будут загонять меня в эстетизм и птички мои трясогузки всякие будут заменяться картинками. Но, может быть, через эти картинки я почувствую дыхание истинной культуры человечества, как чувствовал через своих пташек дыхание матери-земли?

По правде-то говоря, как же мало в своей жизни я пользовался для своей души силой искусства. И если земля давала мне так много и любовь эта к земле вызывала так часто желание приблизиться к человеку, и «человек» этот выходил из революции и человеческое дело показывалось в машинах и мостах, то почему бы не показаться истинному человеку в искусстве?

Итак, если весь русский либерализм, социализм и вся такая «прямота» есть конченное дело, то и традиции всей русской литературы кончены: с ними никуда теперь не уйдешь, разве только в «троцкизм» со всеми его последствиями... Но не это пугает, это напротив... а пугает гибель родины, чувство такое, что все было напрасно, и в этом мучит как бы измена отцам. И вот я к ребенку, к сказке подхожу, к такой литературе, которая для государства была бы не «польза», а признак жизни народа со стороны качества ее, а не одной пользы.

Эту мысль свою надо развить посредством дела, т. е. я должен задуманное выполнить, написать и как можно меньше об этом всем болтать.

Хорошо бы поговорить с Ю. М. Соколовым о сказке: рождалась она в народе в каком соотношении с государством.

Ясно сознаю переворот в себе в отношении своем к либералам и социалистам (в бессознательном состоянии он был у меня, конечно, со времени появления во мне «творческой» жизни). — И это да — это движение вперед. Но следует ли из этого подхалимство в отношении к государству? Вот эту ошибку делали все наши «правые»: ошибку как бы поспешности: расставшись с одним, спешили верноподданнически припасть к стопам другого. Это очень похоже на хамство... На государство надо смотреть в таком случае как на необходимость, и если даже от поезда надо посторониться, чтобы он тебя не задавил, то от Левиафана надо почтительно посторониться с вежливым поклоном.

Из всего этого, написанного утром в постели сего 26-го Мая, заключаю, что оба пера хороши, и русское стальное и золотое импортное.

Купить сегодня гребешок, масло. К обеду вернуться домой. Чернил синих.

12 ч. д. Савой. О геройстве Шмидта: — Положение человека на льдине возле с. полюса, окруженного вниманием всего мира, неплохое положение, каждый сел бы, да не каждый мог бы себе это устроить.

Когда я Ставскому сказал, что искусство процветает обыкновенно лишь при государственном упадке страны, что это очень понятно: при упадке не очень думают о средствах обороны и расходуют их на «все», напр., агрессивное государство или восходящее, им не до искусства. И когда я в пример привел восходящую Германию и падающую Англию, предположив, что литература, по всей вероятности, сейчас богаче в Англии, чем в Германии, Ставский спросил:

— А вы думаете, что Германия государство не падающее?

И когда я то же сказал о нас, где все тратится на оборону, что нам художников сейчас не нужно, потому что они для государства бесполезны, та же литература, которая полезна, та не искусство, он вдруг ответил:

— Я положу вас сейчас на обе лопатки, разве мы не издавали классиков, Пушкина в миллионных тиражах?

Так он меня положил.

Письмо от Познанской (пишет дипломную раб. о Пришвине).

Набросал письмо в ответ на «Кондрикова».

Завтра должен приехать Разумник (невеста едет, а я за ее отсутствие сошелся с другой: вот чудно-то!) Итак — я стал черносотенцем, и, должно быть, это в существе своем так же невыгодно, как было в наше время. Если же это и выгодно, то не из-за выгоды делается.

Какой страшный этот Пермитин!

Купил две ручки, одна советской работы со стальным пером, другая импортная с золотым. Какую же сделать рабочей, какую держать про запас. Лева ответил, что писать надо золотой, а про запас иметь советскую; Петя, напротив, сказал, что советская ручка довольно хорошо пишет — ей и писать, ее и носить с собой постоянно, а золотую беречь, как вещь дорогую. — Неверно! — заявил Лева, — надо жить полной жизнью, пиши, папа, постоянно золотым пером.

...впрочем, дорогие товарищи, дело, конечно, не в молодом талантливом писателе, а что если стрелять, то стрелять надо верно, а не так, что хочешь во врага, а попадаешь в друга.

27 Мая. Написал ответ на «подхалима» — в Архангельск, Мончегорск и Ставскому. Письмо Познанской. Ожидаю приезда Разумника и вечером Пети.

Поручения Пете в Москву: 1) Письмо в Совнарком...

Сегодня надо получить пенсию, отправить письмо, зайти в гараж и к Гусину.

Слова Ставского в защиту нашего современного государственного покровительства литературе посредством издания классиков аналогичны с их пониманием личности в образе стахановца.

Все исходит из отвлеченного понимания человека: это статистический человек. Человек не открывается как неповторимое существо, а неповторимое подгоняется под среднее, отвлеченное, статистическое и не существующее в природе. Им надо все скоро делать, и в таких тонкостях некогда даже им разбираться.

Говорят, что Фадеев был исполнителем и собственной рукой расстрелял множество людей. Между тем улыбочка у него очень симпатичная, и вообще как будто человек здоровый, нормальный, — никак не подумаешь.

Заявил Ставскому, что последние события заставили меня пересмотреть отношения свои к либералам, подобным Воронскому, и убедиться, что это все претенденты на трон, что только теперь стала понятна пропасть между художником, сидящим на своем троне, и употребляющим то же слово «Свобода» претендентом на государственный трон. — Я всё это пересмотрел, — сказал я, — и понял, что надо держаться мне государственной линии, в данном случае сталинской. — Вот именно, сталинской, — подчеркнул Ставский, как будто хотел этим сказать: государственной — это еще ничего не значит, а вот именно сталинской. Сказать сталинской, и не надо говорить государственной, а скажешь государственной надо прибавить сталинской. Надо говорить короче и яснее.

<u>Современный Дон-Кихот</u>. У него было такое нежное сердце, что если даже встречал на улице обдерганную ворону — жалел ее. Однако мгновенно вслед за явлением в себе жалости он

бросался к причине и находил ее сразу в уличных мальчишках: их распущенность была причиной положения несчастной вороны. И как только появлялась в сознании причина, в то же время этой причине находилась общая причина, начало начала всех зол: царское правительство.

И так проходили многие годы борьбы с царским правительством за ворону, и наконец борьба кончилась победой: царь пал... Дон-Кихот не долго радовался: царь пал, а вороны остались, и опять мальчишки, и опять причина всех причин то, что действует вместо царя.

Госуд. власть нечто вроде полюса: ничего нет, а все достигают.

Вот Шмидт ближе всех подошел к делу: взял и сел на дрейфующую льдину на полюсе, сидит себе там, и весь мир удивляется.

Разумник Вас. уверяет, что своими глазами видел, в «Комсомольской правде» было напечатано очень крупными буквами: дрейфующая советская льдина.

Каждый человек поневоле заключен в тайне своей, и рад бы выйти из нее, да нельзя это.

Кто умнее, Лундберг <*1 нрзб.*> или Ставский (понимает человека как среднее арифметическое всего населения).

В такой-то кутерьме снова появляется Шмидт на дрейфующей льдине.

Но чем же я лучше Шмидта: вздумал описать канал как подробность моск. ландшафта, когда и Берман и Фирин сидят!

Такие моменты жизни, как наш, существуют как будто в доказательство существования души: события неумолимые в своей необходимости <*приписка:* бездушии>, а вот, пожалуйте, — появляется Шмидт на льдине, и все ждут героя, и у всякого шевелится душа.

28 Мая. Пришел к полной убежденности в «ничего общего» с Разумником и убедил Леву прямо сказать ему, что ночевка его в Москве на нашей квартире не должна быть.

Расстаюсь без сожаления, без упреков совести: они все такие же разрушители, какими были, ничему не научились, и им не за что стоять.

Не понимаю, как можно любить Андрея Белого и Щедрина!

Ночью был большой дождь и стало тепло, и утром было солнце, и опять в парке прекрасно потемнело, загремел гром, пошел дождь, и опять прояснело, и опять дождь, и опять солнце.

Я прислонился в парке спиной к дереву, слушая иволгу, зябликов, уходил далеко... И когда я возвращался к земле, то видел стройные деревья, которые все время неотступно разглядывали меня, и я теперь смотрел на них, как будто никогда в жизни своей таких не видал...

Неподалеку отсюда гремели поезда и строительство.

Цветет сирень. Вылетели дрозды. Началось лето.

«Капля воды», которая мне показалась весной, теперь должна дать картину рек и озер, составляющих Беломорский канал, до Канала. Если разрешат посмотреть на Московский канал, то этот материал можно влить в Беломорье.

Писатель тот, кто умеет следить за собственной личной своей жизнью — это первое, этого довольно, чтобы сделаться писателем; но чтобы сделаться писателем-художником, нужно еще это свое увидеть отраженным в мире природы и человечества.

— Теперь, — сказал я Ставскому, — надо держаться государственной линии... сталинской. — Вот именно, — откликнулся Ставский, — вот именно: сталинской.

Дома подумал о том, что сказал, и так все представилось: на одной стороне высылают и расстреливают, на другой «государственной», или «сталинской», все благополучно. И значит, вместо «сталинской» линии я мог бы просто сказать, что держаться надо той стороны, где все благополучно. В таком состоянии, вероятно, и Петр от Христа отрекался. Скорей всего так.

Но я думаю, что это не все: по Розанову, напр., та сторона, где вешали, была и более выгодной стороной. Это стало понятно только теперь. И может быть, в моем положении сказать открыто, что держусь сталинской стороны — сейчас тоже невыгодно. Скорее, что в этом сказывается некоторое девственное движение в сторону «сверх-себя»: прыжок в неизвестное.

Постыло злопыхательство какое-то, что-то вышло на канале, и вот кругом радость, шепот громкий, без церемоний, точно так же, как и при царе во время японских побед. И вот это возвращение к тому же избитому месту очень противно, вроде

того, что чувствуешь, читая в «Правде» выражения: в общем и целом, пара дней, во главе угла и т. п.

И еще вот тоже бывает, станет перед глазами забор, самый обыкновенный, какой видел и не замечал всю жизнь, а вот он теперь стал, заслонил собой все, и волей-неволей ты должен теперь с ним считаться. И ты в ярости готов броситься на него, изломать, и не можешь броситься, потому что несомненно уж тогда будешь ты сумасшедшим. Ты благоразумно воздерживаешься и, опустив глаза, отходишь от пошлого места...

Написать в «Пионер» запрос о возможности напечатания в нем «Лесного пионера», т. е. возможности печатать с продолжением из номера в номер.

Ответить сегодня в Лит. агентство открыткой: «Ничего не имею против издания в Праге “Жень-шень”. <*Зачеркнуто:* Только рекомендую> Надеюсь только, что, предлагая издать, в этот раз Вы ознакомились с вещью и не будете <*зачеркнуто:* предлагать> присылать мне ее потом в изуродованном виде, как это было с другими сочинениями».

В царское время не в «выгоде» было, как пишет Розанов, а в том, что общество черносотенцев было действительно подлое, воистину «черносотенцы». С другой стороны были все порядочные люди, начиная от внешнего (кадеты), кончая нравственным миром (эсеры). То же самое, наверно, и теперь. Сравнить только общество <*зачеркнуто:* Иванова-Разумника>, Воронского, <*зачеркнуто:* Лундберга> и др. «троцкистов» с обществом Ставских, Панферовых, Фадеевых...

Как за 11 лет разросся малинник у забора за липами! Придет Гоголь, увидит это и создаст «Старосветских помещиков». Быт человеческий ведь тоже так, как малина, растет, складывается и находит своего певца. И кто-то, прочитав стих о малине у забора, вздохнет о возможности счастья смотреть, как из года в год разрастается малинник за липами, как будто это действительно возможно, сидеть и смотреть, как малина растет...

В этом глубокая правда, что многие держались в оппозиции к царю из-за «порядочности». В глубине этой «порядочности» находится то самое полотенце, которым вытирал свои руки Пилат, отдавая Христа. «Чистые руки» — вот источник упрямой порядочности кадетов. Странноватым кажется только, что почему-то кровь на руках эсеров вовсе не грязнила их в глазах

«порядочных» людей и «убийцами» именовались только черносотенцы. Да, именно черносотенцы именовались преступниками, что же касается эсеров, то это была просто «оперативная часть» революции. Конечно, иначе все представлялось с той стороны, но как чувствует себя та сторона, я себя в то время не заставлял задумываться.

В то время существовало некое единство этическое всех факторов революции, не мудрствуя лукаво, рядовой гражданин чувствовал «правду». В настоящее время этого этического единства факторов, действующих против Сталина, кажется, нет: их множество, гораздо больше, чем при царе, но этического единства, допускавшего Каляевские страдания относить к Христовым, нет. Теперь пока все это неудавшиеся претенденты на трон, и в свете этом все они жалки. Да, конечно, мы, обыватели, теперь-то уж можем различить Христовы и эти страдания.

Нынешние революционеры потому не могут создать этического единства, что сами власти попробовали («троцкисты») и какой-нибудь этикой или даже просто «лучшим» никого не обманут. Птица сломает крыло, упадет навсегда, и чувствуешь к ней сожаление, а троцкист упадет, и нет: он власти попробовал.

Есть, однако, ни в чем не повинные «кулаки», «инженеры» и всякого рода страдальцы-неполитики. Их страдание праведное, там у них, конечно, есть этический центр, просвечивающий конечной победой. И эта победа будет, когда чувство единства в народе пробудится, станет общим достоянием. Мне кажется, мы для этого все должны покориться, смириться, перенести, пережить «Сталина»: переживем, и он отойдет без революции с нашей стороны.

И все, что ныне происходит — есть переживание.

Так я хочу думать, другие, наверно, считают, что русскому народу придется еще пройти через власть немца.

Советские гусары от литературы: Фадеев, Панферов...

Лесной пионер.

Начало какой-то главы:

Травы выбивались из-под прелой листвы, хвои, сучков, мучительно изгибались, желтели в тьме, зеленели на свету и побеждали. <*Приписка:* Зеленели дорожки, утопали сморчки, кочки.> Тогда все, люди, животные, птицы их топтали, клевали, рвали, жевали, косили: этими травами жили все, и даже в реке

щуки держались травяных берегов. И вот когда эти травы победили и закрыли желтую прелую листву, первым на траву вышел откуда-то на свою тропу человек и стал оправлять свои гуменца.

Подробное описание промысла, а связь только та, что путник проходил близко к погибающему мальчику и спрашивалось: встретится человек с мальчиком или нет.

И так вот надо каждую главу.

Понимаю сейчас состав дружбы замечательных людей с посредственными: Толстого с Чертковым, К. Леонтьева с Александровым, Розанова с Цветковым. Приходит время усталости, упадок сил, непременный при взлетах обыкновенных и повседневных на высоту «сверх себя». Вот тогда высоколетающему человеку хочется быть как все. «Ведь я просто добрый малый, — говорит Розанов, — скольким тараканам я спас жизнь, когда в ванне их грозило залить водой».

И вот в то время, когда высоколетающий человек страстно пожелал быть обывателем, и появляется представитель обывателей, «друг» и успокаивает. То же самое, но более глубоко и осложненно происходит, когда женятся. «Друг», пожалуй, лишь частный случай события этого порядка, в большинстве случаев когда холост (К. Леонтьев), жена больна и не удовлетворяет больше (Розанов, Толстой).

Смешно, что при вызовах меня в Москву я иногда серьезно верю, что вот это хотят, наконец-то хотят призвать меня, и я мысленно упираюсь, отнекиваюсь, ссылаюсь на Горького, талант которого отняли...

Когда же я становлюсь лицом к лицу с действительностью, то встречаю среду, в которой ничего литературного не происходит, и помину об этом нет, напротив, тут как бы разбитость, уничтоженность самой потребности в литературном центре... Литературный факт теперь тем самым, что он литературный, не имеет никакого значения...

Рябина в полном цвету и одуванчики. Доцветает Сирень.

Работа. Не мечта о счастье, а работа для счастья.

Раз. Вас. рассказывал, что в каком-то томе сочинений Р. Штейнера преподается система изучения леса. Путем различного рода упражнений достигают понимания единства леса,

его личности (единство факторов = Голоден). Около этого, конечно, и я хожу и бессознательно все рекомендуемое Штейнером и всякими мистиками делаю... но...

Все мое писательство возможно лишь при наличии единства факторов. Я это единство чувствую в своей душе так же просто, как свое «вечное перо» в кармане. Тревожит меня, однако, лишь то, что пользоваться из этого неисчерпаемого богатства я могу лишь обманным путем. Я должен перед кем-то сделать вид, что я наблюдаю, слушаю не для своей литературы, а без всякого личного интереса. Впрочем, я еще не знаю, обман ли это: может быть, где-то в самой своей глубине я действительно прихожу в лес без всякой личной заинтересованности. Или моя заинтересованность до того бесконечно далека от ближайших литературных целей, так бесцельна, что маленькие практические приемы: на что-то в бинокль посмотреть, там записать, там что измерить, сосчитать... не считаются.

Что же такое это единство факторов, из которого я все беру и превращаю в совершенно конкретные ценности — известность свою, влияние, положение, свободу, деньги и проч.? В обществе говорят, что это талант, в крестьянстве — счастье («счастье твое, М. М., что ты можешь ковырнуть, а другой...»). В науке это единство факторов, источник моего богатства называется Голоден. Некоторые ученые говорят, что при исследовании очень полезно иметь его в виду, другие при исследовании совсем с ним не считаются и удовлетворяются ближайшей причиной.

В мое время, когда личною жизнью было неприлично жить, и ее надо было откладывать на то время, когда будет выполнен гражданский долг революции, всецело заниматься делом красоты называлось эстетизмом, и те гнилые люди, которые этим занимались, у нас презрительно назывались «эстетами».

После всего, что было, можно считать, что долг выполнен, и это вообще признано, что в строительстве новой жизни каждый теперь должен участвовать своей склонностью к тому или другому делу, быть самим собой. Я думаю, что право заниматься красотой тем самым обретает каждый способный к этому. Я беру это право и начинаю исследование леса с точки зрения красоты его. Для своего исследования я буду жить в красоте и со своей точки зрения буду считать красоту несознаваемой людьми необходимостью.

Забыл записать, что во время покаянной речи Мирского в Союзе писателей в окно влетела белая пушинка, — это было семя осины: оно проникает, наверно, и в заседание Совнаркома, и в ЦК партии.

Иногда человеку просто не хватает догадки (ума), и он укоряет себя в том, что мало ознакомился с предметом, и начинает опять изучать, изучать. Такой никогда не изучит.

Дела на завтра: 1) Замок и цепь. 2) Колесо. 3) Захватить лягушку. 4) Печенье, сухари и пр.

30 Мая. 3 ч. утра. Сырая прохлада и ветрено. Это хорошо для травы.

<*На полях:* Фразеры и Роботы.> 6 у. (В постели.) Видел сон. Человек со знаком (†) возле губ. Его речь, как расстр[оенное] радио, — мертвая, но иногда нотки живые: значит, есть же в этом и живое? = Панферов, Фадеев, пишущие мертвецы = писатель умер, говорит печатник. Тиражи и радио ввели в литер[атуру] народ и †-писателя и вообще агента, говорящего по радио, т. е. личность стала под вопросом, и некоторые в некоторых случаях даже оспаривают необходимость ее, т. к. техника радио скоро позволит мертвым говорить за живых (составлять новые фразы из ранее, при жизни записанных слов: «фразеры» и «Роботы»).

Розанов Бога не боится и даже называет просто Б., зато смерть ему так живо страшна, что он ее даже письменно не может назвать и, когда надо, ставит не слово, а (†). Мне же и (†) и Бога назвать неловко, в особенности (†), потому что Бога уже принято называть по-пустому. У немцев это меньше...

Мне удалось сегодня начать «Лесной пионер».

Никелевая напасть и ранее того письмо в «Правду» стахановки о «Кащеевой цепи» вместе с распадом этиколитерного центра (Смерть Горького) говорят с полной ясностью о невозможности сейчас у нас литерат[уры] художест[венной], кроме агитки и халтуры. Тоже не надо отказываться от бобров.

Характеристика революции: что не человек правит идеей, а идея человеком. Новый фазис революции (3-й во франц. примере). Кризис наступает.

31 Мая. Холодно. И ясно после ненастья. Вчера вечером был у Бострема, стало очень ясно, что задача моя не поддаваться приятности благополучия, которое с некоторого времени и привело меня к тому, что я не делаю усилий писать.

Рассказ Б. о том, как он спас собаку и потом не знал, что с ней делать. Подчинился совету отвезти ее в Пушкино и оставить. Привез, а когда поезд должен был тронуться, бросил печенье, собака выпрыгнула и не вернулась. Замучился этим и приехал в Пушкино: не нашел. Другой раз не нашел. Случайно приехал, пошел и прямо в объятия. Разузнал: хлеба покрошил, едва удалось — не ест, питается ресторанными костями. Теперь ездит в гости и раз привозил в гости в Загорск.

Разговор о праве на Красоту: он там решается служением Богу, как было во время Врубеля. Теперь в церкви нет искусства. Но я думаю, что дело не в том, чтобы идти в церковь за помощью, а в себе: то «детское» чувство может включать в себя и религиозное.

Выходит, что все это разделение Бострема — на Богу и Мамоне (пишет портрет черта) происходит от — Вот! — и он показал на жену. И это нельзя выправить. А женился, чтобы быть причастным жизни и не замуровать себя. В это время мелькает в голове возможность такого человека, который прошел это без мотивов христианского подвига, а делает оттого, что «<u>так надо</u>». И вот если это есть, то можно обходиться без попов. Розанов на этом стоял: я — славный малый. Человек спасен. И он если спасен, то живет во Христе, никогда (в лучших случаях) и не зная и не вспоминая о Христе (так надо). И если только он сбивается с пути, то ему надо вспомнить. И вовсе не обязательно, чтобы ему поп напомнил. А у нас именно таких-то людей и ловят попы, делая из хороших людей лицемеров. Церковь должна держаться в стороне и на случай, [если] торчит на пути, должна быть как амбулаторный покой.

Доброе дело надо делать или с совершенно холодным расчетом, или же беспамятно: сделал на ходу и забыл. Но когда сделавший чувствует некоторую усладу и приятность, то тогда всегда это доброе дело ему потом обернется злом. Так вот покойник д-р Плетнер говорил, что никогда не было в жизни его, что какое-нибудь доброе его дело удавалось. Значит, человек был неудачливый, а не то чтобы в этом была сущность вещей.

Иногда, конечно, ничего подумать, как было сегодня написано, что можно обойтись без «напоминания» (читай «без попа»). Но взять это в правило, сделать своей привилегией, конечно, нельзя. Так лишь можно вспомнить, когда видишь увлечение старчеством и т. п., как у Бострема.

Такие христиане, как Бострем, Розанова и т. п., непременно в то же время и «грешники». Но можно обходиться и жить без греха, и может быть много достойней, чем «грешники».

Похоже, как говорили в политике одно время, что у нас нет пролетариата и нужен капитализм, чтобы создался пролетариат и социализм. Так и у некоторых христиан: нужен грех, чтобы вышел христианин...

Розанов был... отчасти и нигилист, и анархист, и хулиган, и беспризорник, и человек из подполья.

Очень интересно бы это разобрать — наш разговор о машине, что я машину подчиняю себе, я господин ее и ее признаю в помощь себе.

— Мне это понимание ближе, — сказал он, — чем что думают уйти от машины в натуральное хозяйство. — Поймите, — сказал Бострем, — что лично и я, конечно, пользуюсь на каждом шагу, дело не в лично мне.

— А я, — ответил я, — начинаю о себе, я хочу лично сам, своим опытом, своим примером доказывать. Что вы можете доказать, если мечтой живете в натуральном хозяйстве, а умом в советском, почему вы не можете соединить?

— Вот почему! — ответил он.

И указал на жену.

После того рассказал, как он женился для того, чтобы испытать жизнь, ее чувства и страдания за них и все...

Таким образом, жена у него за все ответчица, и тот черт, который показывается у него иногда в картинах его — и есть его собственная жена.

Есть вещи <*приписка:* поступки>, которые, по-видимому, не могут быть сделаны сознательно: таковы добрые дела Плетнера и, возможно, женитьба Бострема. Эта женитьба похожа на описанное у Л. Толстого, и недаром Бострем [сводит] семейную драму Толстого к тому, что он заблудился в гордыне своей и не отдался (не бросился в «чан») старцам, от которых получил бы советы.

Машинистка, пока неважно писала, очень интересовалась работой и всегда знала и могла рассказать содержание ориги-

нала. Когда же она достигла настоящей техники, то перестала понимать написанное и работала бессмысленно, зарабатывая, конечно, денег больше, но проклиная свой бессмысленный труд.

Так, в этом роде, при накоплении славы, денег, детей, связей, гостей и т. п. ... Толстой почувствовал над собой злой дух, влекущий его в бессознательность. Он сопротивлялся ему, как мог... и в этой напрасной борьбе и победе злого духа и гибели его...

Если писать о чем-нибудь вне себя, имеющем интересную жизнь, напр., движение полярной экспедиции или новой кометы, то не нужно ухищряться в писании, иногда довольно только отмечать этапы движения, даже просто цифрами — и получится интересная книга. Но если мир вне себя не интересен, а все в человеке, в себе, то надо писать хорошо, и чем ближе к себе, тем труднее. Отсюда два пути.

1 Июня. Знатоки говорят, что все это эстетика, но я сам лучше себя знаю и думаю, что не только чувство красоты влечет меня на эту поляну, а и просто удовольствие от всего, что тут вообще все. <*Приписка:* Участвую, я участвую всем составом души своей и тела и не любуюсь, а живу, как должен жить человек, продолжающий начинания в природе.>

Бойтесь садиться на пень, в котором сверху на срезе виднеется много дырочек. Хорошо если такой пень под вами сам сядет, и вы догадаетесь... <*Приписка:* поймете, что раздавлен целый муравейник, и увидите, как вывалило наверх все его население.>

Навозница. Во всякой лесной деревне в это время непременно крестьяне захватывают в лесу врасплох и приносят домой молодую белку. <*Приписка:* Как белка молодая не далась: подскочила мать, маленькая обвилась вокруг шеи, мать прихватила за живот и с ношей своей на елку и с этой елки на другую в чащу, и только ее видели.> И тоже непременно в скворечниках одному какому-нибудь чувствующему себя сильным скворчонку не терпится, и он соблазняется, к радости мальчишек, спуститься к ним парашютиком. Какие говоруны потом выходят из таких...

Молодые только из гнезд вылетели, тихо сидят на сучках, и мать управляет в чаще сдержанно, чуть слышно... То же и белка.

Надулись и всю поляну покрыли белыми шариками одуванчики.

Лесные речки очень похожи на горные, пройдут по ним вешние воды, а летом по руслу их можно гулять, по песку, по камням (и узнавать, как река бежит, как деревья растут, отчего, почему...)

Мальчишки в том возрасте, когда их мучат глисты и они плохо едят, худы, остры, с серыми лицами — в это время они бывают чрезвычайно хитры, так умны, что взрослые от рассеянности своей и деловитости никогда не заметят их проделок.

Дарвин? (Как ужасно он надоел, и как пóшло стало это «дарвинизм»...)

Меньше этого королька никого из птиц нет в лесу, запоет наверху осины — внизу не услышишь, а тукает своим носом по сучкам на весь лес.

В частом ельнике занималась белка своими детьми.

Зяблик, кукушка, иволга, горлинка.

Было — настоящая река: сам переходил по кладочкам весной с большой опаской. Вот лежат эти кладочки, вот и шест мой. Но воды нет: одни камушки, над ними кладочки, а у пней, на которых лежат эти кладочки, цветет лесная смородина, песок, камень, бочаги, на песке отпечатки лап. (Корень.)

Осина — это очень странное дерево: чуть снег сошел — у нее гусеницы, и потом через всю весну их осиновая любовь: гусеницы опали — все ветки деревьев ими покрыты, сморчки лезут из-под них. Это там [начинаются] женские, как сосцы, и потом пух летит (можно поджечь), и так — вот уже дуб развертывается, а осиновый пух летит. И есть такие удивительные осины, что вот уже дуб развертывается, а у них только почки...

На поляне старый стог: зимой взять не могли, поселился медвежонок; и встреча с ним мальчика: медведь лег недалеко под елкой.

Не где-нибудь и когда-нибудь у викингов, а сейчас и в нашем же Союзе найдутся тысячи более предприимчивых и стойких людей, чем Шмидт, и летчиков более отважных, чем [Молоков] и Водопьянов. Но ни у кого из них не было умения привлечь к себе внимание среди государств[енных]... и относительно этой экспедиции Ш[мидта] говорят: он просто авантюрист.

«Быть или не быть»: для себя я решаю, что надо быть и в то же время, если понадобится, то не быть с теми, с кем не хочется, и устраивать такое свое собственное «быть», куда прийти могут только избранные мною самим. Мне надо так «быть», чтобы в пустыне мог бы я по своему желанию вызывать любимых людей и в городе среди грохота, гудков и бензина, в самой толкучке мог бы по желанию чувствовать себя как в пустыне. Затем именно я и занимаюсь искусством слова, чтобы мне быть, а когда захочется, и не быть, то и другое: не «или», а «и»: быть и не быть.

Как бы не разонравилась мне тема «лес». Петя должен этим заниматься: это его жизненная задача. А если он будет, то и я буду уходить и возвращаться и когда-нибудь создам такой лес, какого никто никогда не писал, и такого, как я, никогда никто не напишет.

Мягкие зубы. Рыбаки говорят, что бывает время, когда <*приписка:* у щуки мягкие зубы> щуки меняют зубы, не заглатывают, а только мнут живцов, и оттого их в это время на жерлицу поймать невозможно.

Надо ежедневно продвигать свою работу «Лесной пионер» и во всяком случае закончить ее к 1-му Августа, началу охоты. После же этого описать тоже очень скоро охоту на кабанов и переделать «бобры».

Едва ли при нынешних условиях возможно собрать в себе дух для серьезной работы, едва ли найдется такой смельчак и упрямец.

Рожь колосится, после теплого дождя надо будет искать грибы-подколосники. 2 недели колосится + 2 недели цветет + 2 недели наливает + 2 недели созревает = 1 Августа.

— Плохо, но и за границей нам было бы не лучше, и так везде! — сказал Бострем.

Бывает время на перевале — счастливейшая точка жизненного подъема, когда все, что искал на стороне, в книгах, в чужом опыте, в чужом уме, становится несущественным — даже ненужным: оказывается после перевала, что весь чужой ум содержится в твоем опыте, в твоем уме, и тогда тебе открывается все из себя и ты везде можешь жить сам с собой и нигде не будет скучно оставаться самому с собой. <*Приписка:* Тогда слы-

шишь от кого-нибудь о мудрости древних греков или о чудесах опытов индусов, и тебя не волнует больше их тайна: ты чувствуешь, что те же самые силы, лишь тобою не названные, помогали и в твоем труде. Мало того! ты мало даже придаешь значения тому, что названо и получило распространение. Самым главным ты считаешь сотворенное, которое таит свои слова только для тех, кто достаточно прожил, чтобы все понимать.>

2 Июня. То пасмурно, то солнце и тепло. Вывелись и пищат в лесу дятлы. Летние цветы. Неведомые летние ароматы. Похороны под сосной. Бочаги на поляне. Мысль о Надвоицких падунах.

Совсем другого цвета новые ветки на елках, словно надшитые.

Канделябры сосен и их шишки молодые.

Каждая ветка на елках, темно-зеленая, была надшита светло-зеленым, почти даже желтым концом.

Скворцы вылетели и табунятся.

Плох не Ставский, Панферов и т. п., а я сам делаюсь плох, когда с ними встречаюсь: я делаюсь не я; и в этом состоянии я узнаю себя таким хамом, какого в себе и не подозреваю. Долго потом ругаю Ставского за то, что он послужил поводом [увидать] себя в образе хама.

Какие надменные, какие это бесчеловечные слова: «на ошибках мы учимся». Кто это «мы»? Должны бы «мы» знать, что каждая наша ошибка куда-то падает как «грех» и мутит нашу воду и все больше и больше отравляет. Нет, «мы» не должны ошибаться.

Туда — это верно и надо, и это (я думаю сейчас) будет. Но должно идти туда без советчиков, без свидетелей, без поветрий, а прямо из себя, из своего одиночества. Чтобы никакого «события», а вот как бросил курить (стыдно стало), так и тут. И без философии.

3 Июня. С утра окладной дождь. Вчера вечером узнали о конце Гамарника. Осень революции: осыпаются листики. В поле первые табунки скворцов. Утром стал писать и не мог:

пустота; и захотелось двигаться и <*зачеркнуто:* заглушить> наполнить пустоту движением. В 8 у. сел на машину и в 9 у. был в Загорске.

Движение рождается по двум причинам: от полноты, когда через край переливается (+), и от пустоты по закону, что все живое боится пустоты (–) (terror vacui) [1].

В свое время мы были так наивны, что Советскую жизнь мерили нашим старым временем, мучились, напр., тем, что Пете, как непартийному, в будущем нельзя пробиться в университетские кадры. Сколько воды утекло и сколько перемен случилось до тех пор, пока Петя кончил курс. (Написано по поводу объяснения со Ставским: — Читаете ли, — спросил Ставский, — написанное Вами раньше? — Нет, — ответил я, — сам не читаю, надеюсь на редакторов: они исправляют. А разве Вам на меня жалуются? — Еще бы, Вы написали: «в советской власти вечности нет». — А между тем ведь это же единственная светлая продушина революции, что все эти переживаемые страной бедствия пройдут, что в них вечности нет.)

Приятное известие. Когда начался спор о предоставлении мне жилплощади, то встал официальный представитель Союза (кто?) и сказал: — Пришвин такой большой писатель, что никакого спора о предоставлении ему жилплощади быть не может. — И все утихли. Между тем, что другое, а в квартире в Лаврушинском «вечность» есть.

Конечно, я не описал Кабарду не потому, что современное смутное время не требует поэта (так я говорю), а — что есть деньги и можно не писать. Я впервые испытываю наслаждение: «могу не писать». Будь у меня возможность, я бы, по всей вероятности, ничего бы и не написал. Это и самолюбие: не могу занимать денег и ужасно боюсь, что придется когда-нибудь занимать.

«Кое-кто сказала “нет”. Я ей показал кукиш с маслом.
Вот вся моя литература» (Розанов. «Опавшие Листья. 386.)

Мои поиски «простоты» (заработок, природа и все проч.) есть путь «мусорного человека» (Розанов) к правде Христа.

о. Афанасий (как он хоронит и как он венчает).

---

[1] *Terror vacui* — страх пустоты (*лат.*).

Чтобы приблизиться к Христу, необязательно все написанное признать пустяками — нет! но то хорошее, что написано, надо считать как если бы не я написал, а кто-нибудь другой: не я, так другой бы написал, не все ли равно! Мне это было «дано», как и всякому, у кого есть талант.

«Кроткое мужество» (Розанов): вспомнился С. И. Огнев.

«Ни своего credo, ни своего amo» (Розанов).

4 Июня. Ясное, прохладное утро, ветер еще не унялся. Приступаю к серьезной работе: необходимо.

Сильнейшее впечатление от «Опавших листьев» Розанова, переживание. Вот, оказывается, вот пример, как неверно наше понимание, что к Христу, к Церкви можно прийти путем догадки, что ли: додумался и переменил во Христе свою жизнь. Это юность, нигилизм и толстовщина. Жизнью своей приходят, к этому подводит жизнь, и становится ясно. Личная жизнь прежде всего, но вот бывает, как сейчас, и жизнь общества, государства. Бывало, догадываешься, что вот то-то произошло от церкви, и останавливаешься с этим на середине. А теперь нет никакой середины, это все среднее сгнило до основания.

Разбираясь в природе с жизнью, диву дивишься, до чего мало изучено: столько лет прошло биологии, а ведь почти ничего. А люди? если заглянуть в души, — то же самое, так мало! Но почему же так тысячи лет «сознательно» живут... и друг возле друга и так мало знают? Ответ на этот вопрос: людям некогда <*зачеркнуто:* заниматься собой> друг в друга глядеть, они для этого слишком заняты.

Какой-то средний русский гражданин когда-то поверил в октябристов, что они идут к правде, дошел до кадетов, потом левей, левей и, наконец, до социалистов, и верил в них как в «передовой авангард».

После катастрофы он пришел к полному неверию в моральную сторону революции, вернулся к вере простейшего русского человека, исповедовался и причастился у первого же попа, после чего стал молиться дома, ходить в церковь. Теперь ему все в революции, и октябристы, и кадеты, и «передовой авангард», стали казаться каким-то наваждением.

Между тем такому, как Розанов, Леонтьев, Достоевский — когда еще все это казалось наваждением.

5 Июня. С ночи в утро окладной дождь.

Слух об аресте Т.

«Приходишь к мысли...»

Вернее: «это приводит к мысли». Как будто мысль вообще стоит, а движемся мы. Да, сейчас мы именно подходим, нас приводят.

И это похоже, очень похоже на то чувство, когда миришься с лысиной или с вставными зубами: раньше казалось это невозможным, отвратительным, а когда «подошел», «привели», то ничуть не обидно, «так надо».

К мысли о Христе тоже приходишь, и к мысли о смерти. И есть еще у каждого русского мысль, к которой он «приходит», это: немцы.

Движение как terror vacui и движение от полноты.

Ветер сорвал, или яблоко само упало от спелости. Ветер в пустоте рождается, он спешит и часто срывает незрелые семена.

Распределить все движение, и в природе и у человека, на — «из пустоты» и «от спелости, избытка».

N сказал: — Немца я не боюсь, никакого агрессора, завоевателя: на мое место никто не станет, потому что никто не может делать того, что делаю я, и никому мое место не нужно.

— И как все подготовлено! начиная с Петра, как будто шоссе мостили для въезда на автомобиле... школа, армия, социализм как школа прусской государственности. И вот в этом главная наука, навык думать про себя как надо и делать как приказывают; в этом навыке, когда все пойдет хорошо, «думать про себя» у среднего человека отпадет как лишнее, как не имеющее рабочей ценности.

Человек этот думал и еще так: что нет си́лы, которая бы могла задушить христианскую мысль, если она началась, нет того «счастья», которое могло бы сравниться со сладостью внутренней свободы даже в мучениях, но... откуда взяться одушевлению стоять на войне за гонителя своей свободы. (Пример глупости и безнадежности борьбы с религией.) И напротив, если бы нашлось тут между государством и церковью некоторое равновесие, то «тихоновцы» стали бы бессильной сектой.

Бычку не все ли равно, за какой кол он привязан, за березовый или осиновый, весь вопрос у него о веревке: хочется, чтобы веревка была подлиннее, и все... (Басня о желаниях осины и березы.)

Все теперь представляется так, будто кто-то с жестоким сознанием, как человек, задавшийся целью поесть телячьих котлет, стал бы ножик точить, чтобы зарезать своего теленка: и он, конечно, зарежет и превратит теленка в котлеты. Но был ли такой человек? — это раз. И второй вопрос: если он был, то где, у нас или на стороне (со стороны видней).

Или все само шло к такому концу, как яблоко спеет и падает или червяк его ест: падает; так может быть и в народе: народ живет, и нечто из жизни его выходит и требует личного выражения, и вот в этот перевал из кухни к сознанию — кажется, будто некто знал, вел к этому (недаром все время говорили о каком-то «вредителе», и если его не находилось, то старались выдумать; и все это вредительство имело ведь направление от классового врага до народного (немца).

Сколько глупостей наговорил Розанов в своих «Опавших листьях», и ничего: книга остается гениальной, и о глупостях не вспоминаешь. Но бывает, человек говорит только одни умные слова и долго почитается за самого умного человека. Но скажи он одну только глупую фразу, и вдруг все на него: «дурак!» <*зачеркнуто:* и в тот же момент все его умное тоже за глупость признают: дурак по всем статьям.>

Так было с Виктором Черновым, когда он написал свое знаменитое воззвание к крестьянам и начал его словами: «Я ваш селянский министр». Вслед за этим воззванием Чернов потерял свое имя и стал называться «Селянский министр», т. е. дурак <*приписка:* и все речи его не считались — все пропало: дурак, и все сказано>.

Разговоры везде стали светскими, т. е. люди говорят между собою, избирая темы о том, что ни мое, ни твое, ни наше, ни ваше, а что-нибудь всем постороннее, о чем говорить можно, не оглядываясь по сторонам. И вот теперь понятно оказывается, почему существуют салонные разговоры...

Бывало, что-нибудь тебе «до зарезу» надо, напр., телефон, и чтобы тебе это получить, нужно какое-то сверх-усилие, к которому готовишься вроде того, как бы к экзамену. С телефоном это было у меня, а уж за квартиру-то как пришлось постоять. И вот теперь начинаешь думать, что не стоит вообще жить сверх-усилием...

Для писания же все-таки оно должно остаться, тут, пожалуй, так просто живя ничего не сделаешь.

С квартирой новая заминка: ордер не дают, пока не была приемочная комиссия. А пока соберется комиссия принять, – может и Ставский полететь, может явиться мысль, что вообще незачем давать писателям дом и проч.

Панферов приедет 7-го. Хочу использовать, выпросить пишущую машинку.

6 Июня. Продолжается ненастье. Жду завтра гостей для «светских разговоров». Переминаю в себе возбужденное Розановым.

Одно из тех «добрых дел», в котором человек хочет выпрыгнуть из себя, что-то показать из себя, неизвестно кому показаться хорошим.

Человек жил тем, что занимал у одних и этим уплачивал долг предшествующему заимодавцу. Он человеческий мир разделял на хороших людей – кто ему давал, и на дурных – кто отказывал. На самом деле те, кто давал, были просто слабые люди, не умевшие понимать людей, сумасбродные, вообще люди плохие, тогда как те, кто отказывал, знали цену деньгам, труду, презирали бездельников, – были серьезные, хорошие люди.

Вот уже дня три стоит погода такая, что светит солнце и синеются тучи, найдет маленькое облачко и прольет на пять минут сильный дождь. И опять солнце, и с «той стороны» натягивает, синяя и с громом, большая...

Считалось в мое «прогрессивное время» что-нибудь тем неверно и плохо, что уже было, напр., «пантеизм». – Ведь этим еще Гёте занимался, – сказал мне Мережковский, желая этим сказать: с «пантеизмом» [покончено], и нового, своего тут ничего не сделаешь.

Рассказал Яловецкому о своей работе и убедился, что делаю очень важное интересное дело. Идея-то чего стоит! пока же, в то время когда стало невозможно писать вследствие противоречия государства, направленного к охране рода, и литературы, источника личного начала (до чего это ясно: уже в одном сопоставлении «художник и семья»), я придумал заниматься детской литературой и включить литературу в систему охраны рода.

Все забыл в юности прочитанное, потому что на каком-то жизненном перевале весь чужой ум, к которому когда-то припадал как к объективному источнику света, потерял прежнее значение и свой собственный ум предъявил свои векселя. Так вот понадобилось вспомнить определение государства, и не могу, забыл.

— Ты-то сам что теперь думаешь, — спрашивает внутренний голос, — ты должен теперь все это знать, потому что все видел в своем личном опыте. — И это правда, я знаю: в моем опыте главное, самое глубокое назначение государства — это охрана рода, и все его лучшие мероприятия направлены именно к охране рода.

Стоит заглянуть в жизнь любого художника в тот период, когда он борется всей силой души за свою личность, чтобы понять все расхождение задач искусства и государства...

Завтра попросить найти мне книгу «Беломорский канал».

Конечно, и во мне всякий есть человек, но я выбираю из всего себя лучшее, делаю из него человека возможного и называю это — реализм, а не то реализм, как некоторые думают, чтобы вывертывать все из себя без разбору и находить в окружающем мире людей ему подтверждение.

— Говорить — говорим! что вот переехать куда-нибудь на реку, на удовольствие. Полный расчет выходит, а как до дела дойдет — и на попятную. Конечно, М. М., привыкли, обжились, кругом все знакомо, знаешь, где взять, где...

7 Июня. Барометр круто повернул вчера на погоду, и с утра безоблачный, но слегка ветреный и прохладный день.

Ждем опять Панферова и точно с таким же неприятным чувством, потому что если бы по правде, то ему бы надо было дать под жопу коленом, а мы должны почитать его как «крупнейшего» писателя. Хорошо бы взять эту тему: анализировать до конца, почему в нашем обществе бездарнейший делается крупнейшим. Все подобное этому занятие, однако, тем ужасно, что ставит перед тобой забор безнадежности. Стоит ли удивляться и разбирать, почему, когда в комнате метут, пыль летает.

Яловецкий дает отрадную картину собраний самокритики и местных выборов. Возможно, кажется ему, что если здесь уберут маленьких фараонов и наверху, как теперь это делается,

то огромное большинство населения осознает необходимость и личную выгоду в том, чтобы держаться государственной (сталинской) линии.

Розанов восставал и против Христа, и против Церкви, и против смерти, но когда зачуял смертное одиночество жизни, то все признал, и Христа и Церковь, выговорив себе только право до конца жизни — право на шалость пера.

Как идет тропа человеческая волнистая и <*зачеркнуто:* капризная> прихотливая по лесам и у оврагов и над речками и озерами — где прошла нога человека, там уже не дикая пустыня. Так точно жизнь человека <*зачеркнуто:* это уже не дикая жизнь> не пуста, если по сердцам прошла сказка. Лег я на тропу и знаю наверно, что рано или поздно придет по ней другой человек. Слушаю сказку и знаю, что другой человек придет и будет слушать ее. Тропинка и сказка в родстве, это сестры, одну в природу отдали, другую в сердце человека.

Схема.

1. Падун — Сергей Мироныч: сказка.
2. Осип — сын С. М.
3. Зубарек ушел в лес.
4. Грянула весна воды — 1-я связь этого: строительство канала.
5. Вторая связь: Зубарек переходит болото, <*зачеркнуто:* стог сена для прим[анки] лосей, в нем молодой медведь> в нем блуждание.
6. Поиски: все охотники двинулись по общей тропе и на свои путики.
7. Зубарек и стог сена.

А как дальше — будет видно потом.

Ветер. Летят одуванчики.

Та тревога, борьба с самим собой и множество всего такого, из чего возникает писатель, в составе души другого человека может отсутствовать, и тот человек проживет без этого умно, достойно. Из верующих я находил таких людей, не лично верующих, а принявших от родителей обряд православия как необходимость.

Стою у порога признания Христа, Церкви, государства и думаю, что же это: ход истории подвел меня к этому, заставил че-

рез вечные надоедливые перемены увидеть покой, или это склероз...

Каждый писатель, когда ему пишется, чувствует, будто он взлетает, и чувство этого взлета потом манит его еще раз, и еще взлететь. Мало того! это состояние взлета он считает главным основанием своего избрания, забывая, что когда метут комнату, то и пыль тоже взлетает.

Был Панферов с 1 ч. д. до 12 н.

8 Июня. Гл. Иос. Вис.!
четыре года тому назад я был в Хибиногорске один день, <*зачеркнуто:* провел там несколько часов в сопровождении официального представителя ОГПУ в обществе Кондрикова> беседовал там несколько часов с Кондриковым в присутствии сопровождающего меня представителя ОГПУ. Я вынес самое хорошее впечатление от строительства в Хибинской тундре <*зачеркнуто:* и свою старую книгу «Колобок» дополнил несколькими страницами, посвященными строительству в Хибинской тундре>. В то время не было стахановцев, зато принято было в очерках отмечать персонально отличников. <*Зачеркнуто:* Я выбрал прельстившего меня Кондрикова тем лицом. Мог ли я, писатель...> И я тоже единственный раз за все время моей литературной деятельности сделал в этом отношении «пробу пера» и посвятил в своей книге несколько сочувственных страниц «строителю Кондрикову».

В настоящее время Кондриков оказался врагом народа, и вследствие этого постановления я признан халтурщиком и подхалимским писателем, подлежащим проверке в своих связях с врагом народа.

Напоминаю Вам, Иос. Вис., что мои книги о севере, написанные еще до революции, имели и тогда большой успех, были не раз в советское время переизданы, что мое описание Беломорского канала было исключено из действительно «подхалимского» сборника «Бел.-Балт. канал» и ныне распространено на севере в сотнях тыс. тиражом.

Три года тому назад я <*приписка:* имея за 60 лет> совершил труднейшее путешествие по северу на лодке, готовлю теперь об этом новую книгу. Сотни тысяч детей учатся по моим книгам русскому языку и ныне будут понимать меня как халтурщика, подхалима и врага народа <*зачеркнуто:* Ал. М. Горький печатно признал меня>

Я не буду напоминать Вам сказанное о мне письменно А. М. Горьким, но пользуюсь случаем послать Вам перевод моей книги на английский язык, в аннотации к которой издатели [называют] мою книгу одной из самых замечательных, какую когда-либо им приходилось издавать, и всемирно известный ученый Гексли в предисловии называет книгу «редким и необычайным явлением».

Помогите мне, Иосиф Вис., восстановить свое опороченное имя, чтобы я мог опять ездить по северу, не рискуя получить от первого встречного кличку подхалима и врага народа.

Посылая Вам книгу «Север», я не могу хвалиться ею как совершенным произведением, но как художественное исследование это в своем роде книга единственная, и я думаю...

Появление Галины. Лева в милиции. Отелло и Дездемона. Шпага Разумника.

Колдобина. Оскорбление жены. Отелло пустил в ход шпагу Иванова-Разумника.

Душа таких людей разбита, и если покажется, будто... не верь: это осколки. Наговорили, нагадили, и нет ничего.

Такой писатель, а в стороне! Поближе к нам![1]

— И что это «у нас»? — Мы покажем, поедемте в Днепропетровск.

Где-нибудь в Днепропетровске, только не у нас здесь.

Как далеки они от искусства, и как далеко искусство от них.

Гениальная душевность, и чтобы тут же непременно нагадить.

Полное обалдение от пережитого.

Какой-нибудь выход:

1) Переговорить с Левой о Панферове: если будут отношения, то а) машина б) квартира.

Они делают с утра до ночи, их душа не знает покоя, без конца делают, делают, и им до смерти надо, чтобы кто-то со стороны пришел и сказал: «вы делаете хорошо». Они ждут это от писателя, и теперь нет сомнения, что на этот трон качества некоторые круги хотят меня посадить, сделать меня кем-то вроде густатора* с правом говорить, когда хорошо — хорошо, когда плохо — молчать.

[1] Позднейшая приписка В. Д. Пришвиной в машинописной копии: «Слова Панферова, Ставского. Зазывают».

Теперь уже нельзя совсем отойти и тоже нельзя сесть на трон густатора. Надо найти возможное приличное расстояние.

Хитрость... что это такое? Нет, нужно на все соглашаться при условии оставаться самим собой.

Лева пришел к Тоне, – Галины нет. Дома – нет. Пошел опять к Тоне, возвращается откуда-то инженер. – Вы Галину не видели? – Нет, я ее не видел, – сказал инженер. Лева идет домой, и Галина там. – Ты была с инженером? – Да, мы гуляли. – Тогда Лева решает заколоть инженера, нет, на первых порах он думает побить ему морду. Приходит к нему в комнату. – Мне надо с вами поговорить. – Можете. – Здесь не могу, выйдем. – Хорошо. – Инженер выдвигает ящик и что-то кладет в карман. – Это револьвер, – решает Лева, – я ему дам в морду, он убьет. Надо тут же колоть. – Вынимает шпагу из трости и колет. Но трость оказывается железная. Прокалывает руку, царапает живот и все. Кровь, однако, льется. Он возвращается к Галине, отдает ей (на сохранение) согнутую в спираль шпагу, отправляется в Уголовный розыск, говорит, что он ранил человека, и просит дать ему санитарную помощь.

Павловна спросила: – Если муж идет убить человека, то какая же жена может остаться дома и ждать, чем это кончится. Дорого обойдется Галине эта прогулка!

Лева в пустоте живет, вот беда. Какая бы ни была семейная история, Галина уверена: он прибежит.

Он прибежит.

Печорин (современный) = Панферов и проч.

Природа и девственность (Фауст и Марья Моревна).

Бывает, в редчайших случаях описание предмета является усилением любви к нему. Так вот мне очень удались рассказы о двух собаках, о Нерли и Ладе, и в состав моей особенной любви к этим собакам входило в большой степени и радование о рассказах. Вот если бы и вся литература стала не обиранием жизни – «собираю материалы» – а любовным усилением ее...

Страшные слова:
– Ты сам такой!
Гнев любви.
И вот оно все преступление!
Все прошлое в этот миг.
И я, отец, в нем, и ты, мать.

То самое, чего боится в себе Курымушка.

И это то самое, что и теряет человек Гамлет, и рождение в этой утрате мысли: быть или не быть.

Его жалость к ней такого же рода, как наша к нему.

9 Июня. Очень рано собрался и выехал к Пете, в 6 у. был в Териброво и всю историю о Леве рассказал, и понял во время рассказа, что шпага колола сама (учился на деревянной уточке-игрушке), что это все делал «ребенок» (инфант).

У Пети попались две землеройки — живые, двинулись вперед с дятлами; они сейчас усиленно кормят. Кометы головастиков в прудах движутся ветром. Землеройка съела за сутки червей в пять раз больше своего веса.

— Надутые они, — сказала Павловна о Панферове, — молодой, а... — и засмеялась.

Осина-многодуплянка (дуплогнездники).

Время, когда вылетают молодые дятлы.

Молодые пищат на весь лес. Кормят — самец с красным затылком и самка с черным по очереди.

Для чего бывает сучок над дуплом? (на нем посидеть и старому, и молодому).

Как землеройке в сутки надо материала в пять раз больше своего веса — она вечно заботой своей о жизни должна жить вне себя — так и люди некоторые...

Прилетел самец со стрекозой, надо всем дать понемногу, а лезет один. Самец потянул, чтобы вырвать стрекозу у Жадника, и вытащил его всего: он успел схватиться за край и, обежав ствол, возвратился и сел на сучок: так совершился первый вылет; дятел самец предложил голову стрекозы, чтобы тот оторвал... и так он делил.

Высыпали разом в лесу медуницы, пахнут медом беленькие цветы.

В дупле желны живет лесной голубь.

Быстрота движения жизни в этот период, чуть... и вылетели.

«Мухоловка», услыхав тревожный крик дятла, прилетела и сама подняла тоже тревогу.

Сейчас хорошо в солнечный день засесть в чащу и по отдельным впечатлениям создавать единство факторов: тут все важно, и пятно солнца, и глубокая тень, черная-черная глубина: от вспышки зелени глубинеет темная глубина, и оттуда вы-

стреливаются с жужжанием насекомые... Медоносные травы поднимаются к свету, встречая пчелу.

Сколько надо пищи птенцам и голубей и ястребов, только кроткий голубь на червя метится, а ястреб на голубя. Полет кормильцев-птиц за пищей через вырубку за кормом.

Встреча осиновой трепещущей кроны в синеве с теплым облаком.

«Великое время» Панферова там в городе в смешном виде показывает занятия Пети, а когда приедешь — так только и понятным становится «великое время» (иногда как жизнь нижнего яруса, в корнях).

...только тут Левина драма превращается в комедию-фарс, и от одного слова «шпага» становится очень смешно. И наоборот: сколько такого, над чем все смеются, в лесу является драмой.

Ежов, очень скромный, стыдится при разговоре, опускает глаза, а только сел на свое место, за стол, и во все стороны у людей полетели головы.

Как Панферов начинает: — Мы, конечно, и в подметки не годимся вам, М. М., в отношении культурности, и вы писатель настоящий, но позвольте сказать вам правду: вы держитесь в стороне.

— Так говорил Киршон Пастернаку...

— Бросьте, мы же к ним не обращаемся, нам нужны люди, имеющие органическую связь с жизнью.

Все сводится к тому, чтобы использовать.

Мысль о педагогической критике, что я не плохое указываю писателю, а самое хорошее, я восхищаюсь теми немногими строчками, выбранными мной из всего сочинения. Мой ученик пишет новое, исходя от этих образцов, и так совершенствуется (я так работал, и такая истинная работа художника). Человек, увидавший свои достижения, должен сам увидать свои недостатки и стыдиться спешить издавать свои книги. «Критика» в том смысле, как ее теперь понимают, должна относиться к злой воле, к преднамеренной спекуляции пошлостью (самая легкая халтура: спекуляция пошлостью).

У муравьев был общий путь по стволу высокой ели. Человеку понадобилось подсушить это дерево. Он широким кольцом снял кору, чтобы корни не могли вверх подавать соки. В борь-

бе за жизнь дерево направило в это место смолу, как бросает оно на все места поранения... Муравьи, встретив смолу на своем пути, были ею задержаны. Новые муравьи по телам погибших продвинулись на свежее место и там застряли. И так очень скоро от множества погибших почернело все кольцо, и по черному первому слою нарос другой, и по третьему неподвижному слою, уничтожившему клейкость смолы, четвертый слой мог совершить свое общественное дело, имеющее высшее назначение жизни всего муравейника.

Увидав это, я понял критиков и всех, кто хочет навязать, как представитель общества, какую-то дыру писателю – как смолу.

В этой смоле морали общественной тонет художник, и множество их тонет. Но по трупам их, в конце концов, выбиваются немногие художники и находят истинный путь. Так я сам пробивался когда-то через смолу РАППа.

– Позвольте! но ведь я как писатель должен давать мысли непременно свои собственные, а как в толкучке я могу свои в себе отделить от чужих?

Непременное условие – отъединение. Вы же хотите приблизить, и вам это нужно, чтобы управлять художественным творчеством.

– Вы считаете худ. творчество подробностью того общего творчества жизни, в котором вы принимаете участие: творчество нового <*зачеркнуто:* социалистического> коммун. общества. Как творец всего, вы хотите, чтобы часть служила общему, подчинялась ему и во всякое время была, как деталь машины, готова для смазки, починки или замены другой частью... Вы право свое на участие в таком творчестве выставляете как непререкаемое...

Но позвольте сказать, что те же самые условия для творчества жизни, какие вы создаете для себя, очень удобны и для спекулянтов жизненной пошлостью и особенно лакомы тем претендентам на творчество, которые имеют благие намерения, но кончают спекуляцией пошлостью как бы против своей воли.

Вы не имеете никакого критерия в их распознавании, и потому, сколько ни рубите голов, все будет больше и больше накопляться врагов.

Вот именно фактические условия «верно»–«неверно» являются благоприятной желатиной для бактерий пошлости. В этой

пошлости должен погибнуть весь новый строй, если вы не включите в круг жизнетворчества автономию творческой личности и [не] оставите ее в покое, ни в коем случае не включая в свой круг деятельности как подробность.

(Идея ответа Панферову, Деткову и подобным.)

— Вы какого социального происхождения? — спросил Панферов.

— Не все ли равно теперь, Ф. И., но вы же сам знаете, я описал свое детство.

— Ах, да, вспомнил. Но я возражаю против вашего «не все ли равно»: вы росли в усадьбе, а я в деревне у мужиков.

— Было, да: я-то помню, всегда я чувствовал в своей нравственности ваше положение как высшее, я во время революции перенес не меньше, чем вы в своем детстве, мы сравнялись теперь, и я очень счастлив за свое детство, я считаю его перед вами своим преимуществом.

Почти на каждой большой поляне теперь сядь, и скоро увидишь: летит дятел, а вслед за ним другой, через некоторое время они возвращаются с добычей. Можно идти в их направлении, и скоро услышишь писк на весь лес.

Лесной пионер, глава N-я.

Бывает время, самое начало лета, травы одна за одной вступают своими цветами в общий ковер: нынче все красные — и остались, завтра все желтые, всей массой куриная слепота вошла — и осталась, синие ..., малиновые? клевера, лиловые орхидеи. На моей поляне, когда травы растут, тишина бывает! слышно, как листики осины в трепете стучат друг о друга. И вот шум — летит дятел.

За рябиной крушина цветет, под крушиной в высокой траве зачернелся птенец дрозда и трепыхается.

Девушка с косой — как лозунг невинности, и все эти дятлы и вся «природа» — есть Марья Моревна, но не Маргарита: я грех преодолел в голоде, и в отношениях с Марьей Моревной посредником неужели [был] Мефистофель.

Страшен тот мир и непонятен, который у Павловны: эти сплетни родовые убийственные, эта «блядь», это внимание, направленное к дурному. Надо все тут разобрать и все понять: все ведь это во имя достоинства женщины, — какой женщины? (которая ночью не пойдет гулять с чужим мужем).

Бывает, не хочется, а надо, сегодня надо, завтра надо, и так пойдет, пойдет все не хочется, а надо, и так без просвета каждый день.

Выхожу я в таком состоянии на дорогу, человек идет с желто-зеленым лицом, тихо идет, покачивается.

— Откуда?

— Из Архангельска.

Семь лет работал, всех похоронил, а изба цела. И за 7 лет не заработал обратной дороги.

Тема: почему нынче мужики больше не смеются на барина.

10 Июня. Наблюдение над вылетом птенца дятла. Петя дежурил от 3 до 7, я от 7 до 10 у.

Жарит и парит перед грозой. Растет рожь, какое чудесное поле, оторваться трудно, все бы глядел и глядел. А это еще ведь только растет, и две недели будет цвести, две недели наливать и созревать две недели — сколько всего впереди!

Хорошо бы наблюдения сегодняшнего дня превратить в очерк о дятлах Михаила и Петра Пришвиных: я напишу рассказ, напечатают корпусом, а петитом все наши записи сегодняшнего дня, таблица, примечания, обобщения. Написать можно в «Юном натуралисте». Хорошо сделать фото наших дупел и в одно из них посадить молодого дятла. Если не удастся поймать живьем, придется взять одного пулькой.

Весь воздух звенит от насекомых, и надо непременно идти, на ходу комары не трогают, чуть остановился — съедят. К этому времени как раз и приурочен природой, очевидно, вылет молодых дятлов: есть чем покормить их, вот уж есть-то чем!

Глубокоуважаемый т. Молотов, решаюсь обратить Ваше внимание на одно некрасивое явление в нашей стране. Вот как только наступило летнее тепло, на шоссейной северной дороге появились люди с желто-зелеными лицами, идущие как черепахи. Спросите, откуда они идут, — «из Архангельска». Иногда это уже дети кулаков, а сами кулаки кончились на лесозаготовках. Идут они месяца по два. Неужели же они лет за пять работы своей на северных реках по лесосплаву не заработали себе билет на обратный проезд, хотя бы в товарном вагоне? Не говоря о человеческом <*зачеркнуто:* возмущении> чувстве сострадания, которое возбуждают эти воистину несчастные тени прошлого, такое пешее хождение, ночевка в деревнях в тече-

ние месяцев, мне думается, политически нам сейчас крайне нежелательны. Ведь даже если они научились на севере вовсе молчать, то не молчит их вид, до последней степени тягостный и никак не отвечающий той картине жизни счастливой страны, которую все мы стремимся создать.

11 Июня. Одуванчики и раковые шейки. Росы холодные. Дни – жара, комары. Начинают показываться слепни. Последний тетерев бормотал на вечерней заре.

«Лесной пионер» начинается описанием жизни на поляне: история деревьев, каждого дупла и до падения, и место, где щавель родится.

По-видимому, один птенец-дятел с большой копейкой вылетел из гнезда и скрылся.

Ловили порхунов-дроздов и пускали их: летят счастливо, не сталкиваясь с деревьями.

У дятлов ноги значат много больше, чем крылья. Еще младенцами они в дупле своем по стенкам поднимаются к летку, приваливаются и, высунув голову, пищат. Один наестся и опустится, другой поднимается.

Колыбельная песнь. Дятлова колыбельная песнь: вчера перед тем, как ложиться, самец постучал, попел, много всего, когда уснули – распушился, все повыбрал из себя, влез – и запищали, он опять колыбельную песнь, опять влез, и все стихло. А самка осталась в дровах. (Эти дрова – гнилые осинки, в них сороконожки и всякие...)

Разная высота дятловых гнезд.
Порхуны дроздов – это другой этаж.
Голубь в гнезде желны на большой высоте.
Начало рассказа «дятел» – сизифы срубили, а они новое сделали.
1) Скорлупки под деревом – вывелись. 2) Запищали. 3) Высунулись.
Появление «Трехпалого» (дятла).

Лесной пионер.
Хорошо бы с самого начала ввести героев поляны...

Как барсук переходит шоссе: подходит в сумерках и останавливается в кусту, пропуская всякие ужасы: машины и проч.

После того вдруг бросается, как таджики на улице Горького, мчится, похож бывает на половую щетку: ни головы, ни хвоста, катится шар и потом врывается в чащу и шумит больше медведя, лося, больше всего: ужас!

Лось переходит шоссе, заяц, всякий зверь.

Впечатление от Панферова такое, что в душе, конечно, чувствует: все векселя революционера, бедняка и пр. просрочены и что надо укреплять себя в творчестве...

<*На полях:* Класс бесполезных.>

Молодежь готова голодать, лишь бы работать в чистой науке, жажда бескорыстного, бесполезного — официально, а для себя интересного, свободного. Это сила науки, искусства, и эти силы сейчас ведут глухую борьбу, скрытую, но рано или поздно перейдут в открытое наступление.

Тут, в этом, среди этих людей лежит и накопляется мой капитал, и тут надо очень остерегаться входить в близость с теми, кто это подметил и в свою очередь и это хочет использовать для себя и приспособить для государства.

Розановские «Опавшие листья» интересны лишь потому, что свой интимнейший мир, семья, дети и пр. в свете величайших проблем... <*приписка:* гениальность в этом же и состоит: здесь только раскрыто сердце, а у других: только то и читаемо, где сердце, [чья-то] душа: «я». Чтобы «он» стало как «я». «Я» выведенное: т. е. «я» — единство с мы...>

Сегодня мы утром проверяли дятлов, в нашем гнезде остался один с бледной копейкой. Где второй?

Мы следим, чтобы захватить вылет. В 5 ч. проверял Петя: страшный переполох, напротив сидит на дереве кобчик. Вопрос: не он ли выхватил птенца; возможно ли это? А вполне естественно: кобчику ведь тоже надо своих кормить, и лисице тоже.

Если спросят у колхозников, что делая у них жил знаменитый писатель, они скажут: он жил сам по себе, ходил с сыном в лес рано и возвращался поздно. Раз проходил полями, мы сеяли. Он подошел: — Как живете? — Так и так, рассказали, что вот пролетарии ничего не платят за свою собственную корову, а мы, такие же пролетарии, должны платить по 260 лт. — Что вы на это скажете? — Он же улыбнулся нам и сказал: — Бог

правду видит, да нескоро скажет. — Больше мы ничего от него не слыхали, ни плохого, ни хорошего.

А в сущности, Панферовское «к нам поближе» могли бы сказать и в Териберках, и в Загорске...

Есть ли в этом правда или же это во мне остатки старой гражданской совести? Ведь я пишу детям «Пионера» — разве это не близко к колхозникам?

Вопрос решается исключительно тактом, ведь и они не просят дела, а лишь бы показывался, виден был, не гнушался...

— В отношении гражданских обязанностей самое лучшее — это, разузнав все, что требуется от гражданина, выполнять это с великой точностью. И если в числе обязанностей будет стоять «поближе к нам», то и в этом отношении надо определить размер дани и уплатить ее. После революции такое сознание начинает входить, и дальше оно будет культивироваться как «гражданский долг», гражданские обязанности и т. п.

Мы же раньше по безумию своему в этот «долг» помещали все свое «Я».

Красная копейка на голове дятла попала в солнечный луч и засветилась, как пуговка на велосипеде.

Зап. Пришвина.

Человек много узнал из живой природы, но это так ничтожно в сравнении с тем, что он может узнать, что почти равняется со знанием древних людей. Между тем древние и мы! Очевидно, наше знание растет в арифм. прогрессии, а [самомнение] в геометрической.

Укладывая спать, у них нет того, чтобы свистнуть: спать и никаких. Он просит, но и так просто не сдается, и ты лети.

Связь: скифы, дрова, молодые.

Вечер. Второй день месяцу. Роса и прохлада после очень жаркого дня. Рожь такая высокая, так тихо — не дрогнут колосья, и только один от моего дыхания: один колосок дрожит от моего дыхания.

12 Июня. Жарко. Росисто. Комары. Лисица перебежала дорогу: перебегая, увидела меня и на мгновенье остановилась.

Тетерев, петух поднялся с росистой поляны... Дятлов сын еще сидит.

— Худо ли взять молодую жену и, натешившись, повести с ней новую жизнь! Но сохрани меня Бог дойти — чтобы, когда самому нечем жить, хвататься за бабу: нет силы в себе самом жить хорошо, баба выест все из тебя и, зашвырнув тебя, как швыряют весной [новой] жизни ветхую одежду, загуляет с другим. Нет! уж для такого-то счастья не стану я менять холостую жизнь на семейную...

Всех своих невесток поедом ест Ефр. П., и все из-за ревности к своему «дитю», все ей чудится, что не такая женщина должна быть женой ее сына и не такая родня должна ее окружать. Нет на земле того идеала, каким должна быть жена ее сына, разве уж такая, что, став перед свекровью во весь рост свой и во весь гнев, сама уничтожит ее и у сына останется женщина одна, соединяющая в себе и жену и мать.

Вот тут-то, в этом родовом «своя рубашка ближе к телу», и заключается весь родник собственности. И если Петя говорит, что в колхозах больше не спорят из-за межи на поле, то это...

После обеда гроза и теплый, такой теплый дождь, которому больше всего мальчишки радуются: слепой дождь (с солнцем).

При переходе к коллективному хозяйству расстаются не с самим чувством собственности, а с простейшей его формой.

Утром глядел на птенца в дупле, а через какой-нибудь час он вылетел (хлопоты отца-дятла по выманиванию: все в повелительном наклонении: «спать!» «летать!»). Не давал есть: сидел с червем и цыкал в смысле: «летать». Карасев и дятел. Его короткие барабанные трели. Рыцарь, каким он должен быть, советский рыцарь. Все отличия у дятлов в шапочках. Как трудно среди елей найти осину. То дерево, на котором он подвешивается, по которому барабанит.

Фенология: кукушка, соловей, трубит лесной голубь, каждый день новые цветы, новые насекомые, вот-вот и слепни, порхуны дрозды, эта глубина и густота трав, канделябры на соснах, красные шишки на елях, кончилась навозница, крушина цветет, одуванчики одни отлетают, другие пушатся, пузыри пузырят как после дождя.

Когда всматриваешься в жизнь какого-то одного дятла и думаешь о миллионах растительных и животных существ ви-

димых и невидимых, о тех капризах условий и комбинаций атмосферы, биосферы, то с изумлением спрашиваешь о составе того цветка, когда входишь в лес — ничего, в сущности, не зная.

В 6 ч. вечера приехали в Загорск.

Новости: Казнь маршалов.

13 Июня. Загорск.

Вспоминая визит Панферова. Павловна сказала: «Это был проклято́й человек». Мне вспомнился Онегин, Печорин, — все это проклятые́.

Читаю мемуары Огневой, очень понравились меткие слова о кадетах, и я догадался, что кадет — это был прообраз большевика, тоже счастье человечества как цель, тоже самоуверенность.

С. И. Огнев сказал о «Русских ведомостях»:

— У них было 40° лжи, но мы эту ложь не замечали и казалось, что все правда. Теперь только увидели.

— Женщина, в платье какие-то складки, в складках этих мои догадки.

<*На полях:* складки-догадки>

14 Июня. Погода переменилась: прохладно и ветрено.

После встречи с самой Огневой (80 лет) стал читать с большим интересом ее мемуары, интересная кадетская подоплека типа Ставрогина (Муромцев). Очень ясно становится происхождение современного прокля́того человека (от Онегина и Печорина, кадет, эсеров и т. п. — и все безродные в широком смысле, т. е. оторванные от народа). Многое ясно теперь, но не все, потому что мы очень быстро движемся к тому неизвестному, от которого все прошлое станет как «пережитое» и все насквозь будет видно. Сейчас нам это не видно, т. к. нас частично движут ее остатки тех же сил.

Огнев спросил меня, как будем мы с Петей дальше работать, я ответил, что будем стараться вводить в работу о лесе большее и большее количество экологических факторов и до тех пор, пока не будет понятен весь лес как лицо земли.

С. И. Огнева сказала, что с мужем жила 45 лет и все это время он ходил за ней, глядел на нее... — Это дятел! — сказал я. —

Как дятел? — Рыцарь современный, кто нашел не в мечтах, а на земле свою прекрасную даму и ходит, заботится о ней, как дятел. Разве не знаете вы жизнь дятла?

Говорят, что в «Правде» меня опять назвали столпом «Перевала». Так это надоело, что лень уж и отвечать.

Есть что-то в нашей современной жизни вроде удушливого газа: лучшее желание, лучшая мечта, лучшая мысль, лучшее дело в самом своем прорастании из личного в общее подвергаются действию злых сил.

После действия этих удушливых газов от всего остается лишь пустое слово: правда, отечество, счастье, народ, национальность и т. д., — все это совершенно пустые слова.

Обман пустых слов рано или поздно открывается, и тогда возникает вопрос о вредительстве, находят очередную жертву, вредителя, и агитируют за «бдительность».

Очень хорошее, патриотическое намерение стеречься врага и предупреждать друзей об опасности при действии тех же злых сил, удушливых газов, становится особенно разрушительным: каждый работник в своем товарище начинает подозревать врага; всякое злое намерение от самолюбия, зависти, хамства и т. д. находит оправдание в бдительности; из-за бдительности люди поедом едят друг друга, а некие спекулянты, созерцая это, пользуются и ловят рыбу в мутной воде.

Происходит как бы сознательное, систематическое разрушение национальных сил, разложение русского народа.

И даже когда это отчасти поняли и начали трубить о национальности, о Великороссии, то именно тем самым явился и благовидный покров разрушения. Все это теперь вскрывается, как будто корни советского дерева вступили в бесплодную среду и листья-покровы все разом посыпались...

Что это? изжита ли идея социализма до конца, или кто-то со стороны намеренно приводил ее к абсурду? Вот, напр., восхваление, вознесение и превознесение всего восходящего нарочно придумано для его же умерщвления или же является естественным следствием факторов данной среды?

В стремлении освободить себя от чужого ума и добиться от себя самого личной своей мысли или личного чувства, которое представляется как путь правды (неправда: невольное подчинение чужому уму, чужой воле) — <*зачеркнуто:* я> он постепенно забывал прочитанное в юности и так дошел до перевала

жизненного пути. После того он стал возвращаться без страха к мудрецам, от которых бежал как от чужого ума. Перечитывая теперь, он стал и у мудрецов понимать свое — верное, и чужое — неверное.

Фигура повторения в словесной речи:

— Дерево шумит — идут люди под деревом и гуторят между собой.

Шумит дерево, трудно разобрать, о чем это люди между собой говорят.

Разобрать трудно, долетит слово какое-то, как будто случайно вырвалось человеческое слово из говора целого зеленого народа, расположенного на ветке возле одного ствола, единой своей державы.

Как единая своя держава дерево шумит: люди вы, люди! как слабо, как жалко ваше отдельное слово среди единого зеленого шума, единой державы.

Кончить «Пионера» видом законченного канала, а канал понять как силу, держащую [целую] систему вод в повиновении человека, тут и «Падун Мих. Пришвина».

<u>Демьян Бедный</u>. <u>Загадка</u>.

<*На полях*: «Чудовищно! Вместить как трудно мне в слова / Всё то, чего вместить не может голова. <u>Разгадка</u>: дурак.»>

Материалы сплава пересмотреть и протянуть к «Лесному пионеру».

Не забыть, что дятел из дерева извлекает свою брачную песню: он только искусник, музыкант, поет у него дерево, как поет дерево у скрипача.

У меня тоска бывает чаще всего от прихода в свое внимание чего-нибудь избитого, повторенного много раз, пошлого. Есть, однако, избитое, например, выбитая ногами людей тропа — никогда не вызовет тоски, есть травка-мурава на дворе, всю жизнь смотришь — и ничего.

Однако слово «Демьян Бедный» даже и без стихов — вызывает тоску. Вид лестницы милиции, суда... Берет на бок у девушки со взбитым коком на другой стороне. Массовое тело физкультурниц. Редакции «Известий» и «Правды». Флаги.

А то бывает, что-нибудь напомнит твой невыполненный долг: т. е. раз обошел, другой обошел, третий — надо, а против-

но, и опять обошел, и опять, и опять: напр., какую-нибудь рукопись или книгу надо прочесть и не можешь: не сделав сразу, запустил в тоску. Таких возбудителей тоски субъективного происхождения очень много.

Быть может, даже и всегда тоска появляется именно на границе пошлости и личной за нее ответственности, в момент, когда слышится как бы голос: ты отвечаешь за пошлость, ты бы мог предупредить, но пренебрег, и вот тут-то и начинается тоска, постепенно парализующая выход «из себя». Итак, пошлость сама по себе недостаточна, чтобы возбудить тоску, нужна еще личная ответственность за нее.

А то бывает, хотел сделать что-нибудь — и не вышло, или вышло, но не оправдало надежд, связанных с этим, так свои фотографии у меня часто вызывают тоску, потому что затея безмерно превышала возможности фото. А то что-нибудь не докончишь, и в другой раз «не хочется кончать», а оно напоминает, и ты избегаешь встречи (ответы на письма). А то просто неудача, из-за которой отвернул лицо в сторону. И так бывает!

Напротив, все совершенное, законченное, выполненное с чистой совестью вызывает радость при встрече, хорошее воспоминание, гордость. В тоске — уединиться, в этом — поделиться с другими. Там — неприятели, здесь — друзья.

И еще бывает тоска просто оттого, что неприбрано что-нибудь где-нибудь и валяется зря. Потребность в порядке вызывает тоску, и, бывает, просто в комнате начнешь прибираться и восстанавливаешь работоспособность.

Настроение в литературе играет огромную роль: надо только уметь отдаться ему и потом задержать упорной сосредоточенной работой. Очень опасно, однако, принимать жизненные решения под настроением. Можно, напр., настроиться религиозно, ходить в церковь, говеть, и все это будет одно представление. Какая-нибудь крупная перемена в жизни, и от такой религии и следа не остается в душе.

Вот сейчас в такой трагический момент жизни нашей России постоянно делаешься такой игрушкой настроений, приходящих извне, охватывающих и захватывающих.

У всех коммунистов, хороших и плохих, умных и глупых, у Коли Дедкова, и Панферова, и Ставского, и Фадеева — есть что-то общее, что это?

В это жестокое время все так быстро изнашивается! Какой же безумец-художник пустит в общество затейный наряд своих красок, слов, звуков. Все это сразу износится.

Значительная часть генералитета нашей армии оказалась шпионами, за границей это принято как наша слабость. Но «Правда» и тут нашлась: они смотрели на казнь их как на доказательство нашей мощи. Надо сделать усилие над собой, чтобы найти в этих словах какой-нибудь смысл. Но вот, вспомнив конец Империи, когда надо было тысячами казнить — и не казнили, понимаешь, что в решительном действии в отношении колебателей основ нашего государства может сказаться и действительно его мощь.

Надо отметить, однако, что все эти события совершаются там, вверху — в народе, в обществе к этому привыкли и мало придают значения.

Принципиально сейчас никто почти даже из тузов либерализма (профессора) не стали бы возражать против того, чтобы открыто стать на сторону Сталина. И только скажут: если бы знать, что он удержится...

15 Июня. Если кому-нибудь нечем жить, то он хватается за внешнее: Печорин за княжну Мери, Онегин за Татьяну, а большевики за власть.

Свобода творится всем обществом, но ее нельзя просить у хозяина государства. Просить свободы — все равно что просить у хозяина снять замок с его кладовой, дверьми обращенной на улицу. Вам свобода книжку писать, а другой полезет в кладовую...

Писать ли Панферову?
Надо ли путаться?

Как и вчера, ветер сильный, холодно. Поеду сегодня вечером, отвезу Петю, а завтра вечером приеду и после завтраго, т. е. 17-го, а может быть, 18-го поеду в Москву: решать с квартирой и машиной.

Отправить письма Панферову и Иловайской.

Ухудшение с Левой: кажется, лучшее, что в нем еще остается, — это страх перед родителями, т. е. страх нравственный, врожденное <*зачеркнуто:* уважение>: отец и мать.

Найти северные тетрадки.

Буря. Настоящая буря.

Опять головная боль. И горькое чувство: как давно, давно я уже не пишу...

Панферов думал, что раз он позвал меня в «Октябрь», то я сразу же и дам ему материалы! и все перепутал, о чем я ему говорил: нет никакого внимания. Может...

Душа человека — это Я.

Тело человека, если научиться понимать его, есть вид и даже панорама души: один взгляд на Киру Флоренскую... на эту барыню, как она держится: походка, — власть.

16 Июня. Ветрено, прохладно и ясно, на небе кошачьи хвосты. В лесу «лес шумит», и через шум, слышно, поет подкрапивник.

Вспомнился Короленко, — какая тогда сладость была у молодежи «отдаться» чарам «Лес шумит». Как все это далеко прошло.

Квартирное дело в последней фазе, ордер имеется, остается дождаться приемочной комиссии, после чего получается ключ — последнее звено жестокой цепи.

Комаров вовсе нет. Только теперь головки папоротников распрямились.

Лес шумит только вверху, в среднем ярусе, в осиннике чуть колышутся и постукивают друг о друга осиновые листики, а в самом низу, в папоротниках полная тишина, в лесу ведь во всякую бурю можно найти тишину.

Вчера Фаворские вздумали на дачу, и в своих комариных лесах я не мог указать дачникам путь.

Среди папоротников старый пень и такая тишина, что под шум всего леса слышна здесь сильная могучая руководящая песня шмеля. И тут руки — в такой тишине! среди бури — руки складываются для молитвенного внимания.

Нет, никогда в лесу не бывает пустоты, и если кажется пусто — это ты сам виноват.

Встретил Иван да Марью.

Старые умершие деревья, их огромные пни, погруженные в папоротник, даже в бурю дремлют в полной тишине, прислушиваясь к рассвету.

Нежнейшие высокие папоротники, в тишине собравшись вместе здесь, как в гостиной, только изредка прислушиваясь друг к другу, кивают и покачивают головами.

Осины, внизу орешник, под орешником живет папоротник со сниткой и, как третий сожитель, хвощ.

Книги широко разделяются на две стороны: так я бы и сделал в библиотеке две стороны, по одной книги, которыми пользуются, по другой — которые читают.

Поэзия — это чем люди живут и чего они хотят, но не знают, не видят и что надо им показать, как слепым.

Какие в хмелю бывают люди, напр., Панферов и Разумник.

Разве я не понимаю Незабудку: ведь я и весь мир чувствую иногда при встрече с Незабудкой, а скажи — сколько в ней лепестков, не скажу. Неужели же вы меня пошлете «изучать» незабудку.

Бабочка совсем черная на листе орешника.
Слышу стон соловьиной матери.
Осина, под нею орешник, рябина, внизу папоротник, снитка и хвощ, и как чудо над ним дикая роза на светлом листке и ландыш.
Цветут шиповники.
Все еще поет зяблик.
Певчий дрозд, кукушка.

Есть так мало строк у писателя, которые в том же смысле, как перо называется вечным, так назвать можно вечными. Некоторые писатели знают их у себя и пишут новые произведения, свои опытные строки, опираясь на «вечные». Другие писатели пишут, опираясь на природный талант: как Бог дал, и если талант изменит, писатель пропал: Бог дал и Бог взял.

О, какая радость! встретил ромашку: «любит-не любит» и вернулся к мысли о том, что лес раскрывается только тем, кто любит его и чувствует родственное внимание ко всей его твари. «Любит — не любит?» — шепчет ромашка проходящему человеку, и если он не обращает внимания, шепчет «не любит»

и остается одна. Или вот он сюда идет, наклоняется, радуется и ничего если срывает: любит, любит, раз любит, можно и рвать.

На вырубке свежий пропил пня, на котором сижу, в густоте молодой осинки незаметно пробралась дикая роза и сразу вспыхнула всеми своими цветами. И осинка стала среди подруг своих как именинница, украшенная розами, а пчелы и шмели без перерыва прилетали ее поздравлять.

Птичка, голосок — слышу, а найти не могу: самая мелкая птичка, самый нежный голосок, будто не птичка, а поет бабочка. Вспомнился Брюсов: как с виду жесткий, такой Печорин, а где-то в нем пела эта птичка, и умный человек всю силу человеческого ума приложил, чтобы сохранить этот голосок. Да, вот на что может израсходовать жизнь свою человек, и как он в этом бесконечно прекрасен!

Трупы деревьев не то что человека, у деревьев трупы нестрашные: вот береза лежит в раковых шейках в зарослях Иван-да-Марьи, береста завернулась трубочками и в них!

Тут были какие-то строения, видно, что обрыто было и вырыто: вот фундамент, вот, кажется, погреб был, и на лужайке от этого места идет, продолжаясь в новую жизнь, еле заметная цветная полоска: бывшая дорога давно умершего человека. Я по ней иду и чувствую, что вот немножко бы что-то в себе произошло, и я бы переменился, и тогда бы все переменилось во мне и вокруг, и я понял бы того человека в себе самом, того человека, который шел по этой дороге тогда и теперь в виде «я» идет по ней.

На поляне корни умершего дерева среди высокой травы и разных цветов нагрелись солнечными лучами, и тут на корнях сошлись шесть кузнечиков, три ящерицы, две огромные мухи... Я приблизился, все исчезло...

Сел шмель тяжелый, и покачнулась цветоножка.

Черная бабочка тени боится: черная юбка, белая кайма.

Лес понять — одному, и если другой — два, то два как один, три как один, четыре, пять — все как единый я. Это единство невозможно... Это единство есть мечта о соитии, его поэзия, его счастье родовое и в роду единство бесконечное.

Так нахожу я свою [милую] в шуме леса и в солнечном свете: бесконечное счастье будущей жизни. И с этой высоты я улыбаюсь тем, кто ищет ее на бульваре: ищите, ищите!

Нович, Мехлису от 5/VI «Правда».

На лугу куриная слепота как золотые фонарики, — больно смотреть!

В 2 часа пришел Лева просить рекомендации Ставскому в «Новый Мир». В 3 ч. я отвез его на вокзал в Загорск. Сам приехал домой в 4.15 м., несколько обалдев от дороги.

И так далее и тому подобное...

17 Июня. Тихо, ясно и, наверно, будет среди дня и жарко. Обрабатываю вчерашнее лесное. Борьба за жилплощадь в Москве после получения ордера вступила в длительную фазу получения ключа. Какая-то приемочная комиссия не хочет взяться за дело, а без приемки никого не впускают.

История с Плетневым показывает последнее падение общественности, любую овцу можно взять из стада, опозорить, пришибить, и бараны не шевельнутся. Это ли или чудовищная наглость газеты, называющей себя «Правдой», трудно сказать, что больше мерзит. Особенно плохо, что Плетнев наверно антисемит, дикий русский, и с ним расправились евреи. Плохо тем, что рано или поздно и русские с евреями тоже расправятся. Не в Плетневе даже дело, а в гнусном посеве злобных национальных семян.

Он был такой дурачок и романтик, что пробовал ухаживать за кассиршей в то время, как у нее «касса» переставала действовать.

Друг мой, разрешите дать вам дружеский совет: нельзя за кассиршей ухаживать, когда у нее «касса» не действует: известно должно быть вам, раз касса сломалась — кассирша вне себя...

Рассказ «Лесной пионер» весь должен быть в действии, никаких описаний, никаких рассуждений: стремит. ход весны, стремит. работа на канале, стремит. хочет герой спастись. Раз это сказка, то и действие должно быть сильное, иначе заснут. И от этой мысли чтобы уж и не отступать.

Смерть есть смерть не тем, что умрешь, кончишься, а что все в мире представится тебе в ином измерении. Вот, напр., Ро-

занов сколько наговорил против Христа, против монашества, церкви, а пришла смерть, и все это признал. Чуть-чуть это напоминает ту перемену, которая наступает в отношении к детям: казалось в отрочестве, что любить своих детей невозможно, а когда проходит отрочество, юность и мужчина становится отцом, — какая прелесть свои ребятишки. Иное измерение! Так и в свете смерти все переменяется, и вот эта перемена именно и разлучает с живыми.

В наше время позорных случайностей, измен и падений и обязательного самохвальства все ждешь, вот и до тебя дойдет, и тебя оскорбят. И оскорбляют. А потом, когда время придет оправдаться, сосчитаться с врагом, — нет врага: он объявлен вредителем, и его с собаками нигде вокруг не найдешь.

В то же самое время не чувствуешь возможности настоящего признания.

Одна девушка приехала посмотреть на меня, подивиться живому писателю. Простое наивное существо! все больше и больше дивилась моим словам. Я показал ей все свои книги и когда дошел до английской в золотом переплете, она сказала: «Ну, теперь ордена покажите, какие должны быть у вас ордена!» К сожалению, мог показать ей только знак Ворошиловского стрелка.

Иногда мне кажется, что под предлогом будущего в нашем времени таится отрицание текущего момента жизни, и вот именно отсюда каким-то образом выходит пренебрежение личностью.

Коммунист есть непременно Левиафан, государственное животное на всех четырех ногах. И он смотрит на всех с точки зрения этого животного и часто в высшей степени расположен, готов сделать добро, готов быть щедрым, милостивым. Долг гражданской чести каждого двуногого должен состоять в том, чтобы показать четвероногому возможность неподкупного, независимого ни от каких его благ личного существования, удовлетворения бесполезностью. Так мало-помалу этим путем «не от мира сего» двуногие рано или поздно войдут в силу. Весь вопрос только в сроках и через сколько барьеров должны еще перескочить четвероногие и двуногие, составляющие СССР.

Не обеспечен человек в жизни, но он может чувствовать себя обеспеченным, и когда он жизнь свою считает обеспеченной, то он так про себя понимает, что это все и это можно...

18 Июня. Тихо, росисто и солнечно, по утру прохладно, пашущая лошадь на отдыхе окуталась паром своего дыхания. Горлинка в лесу и кукушка.

На верхней гладкой стороне роса на листьях осины сошла, на нижней бархатной держится мельчайшим бисером.

Здравствуйте, елочки! Как поживаете? Молодые шишки стали в половину и вместе висят еще со старыми пустыми.

Роса. В холоде утра черная бабочка, монашка, до того [пристыла] и замерла, что чуть коснулся листа, и упала, как железная.

Умирающий ландыш не пахнет.

Солнце встает, и куда луч попадает, все встает, но в тени долго спят, даже часов до семи.

Хвощ в росе — дивной красоты: на льну, лен в вершок светло-зеленый.

Снимок крушины в цвету.

На рассвете года или на рассвете дня — все равно: опушка леса — это убежище жизни. А там в провалах вершин почти что черным-черно.

Хорошо завязалась малина в лесу, а крушина все еще цветет, все еще кукует, все еще воркует горлинка.

Белизна берез на опушке против восхода — это белизна мрамора...

Напрасно заливало дерево множество ран своих смолой, потоки желтой целебной смолы остались, а ель умерла. И муравейник внизу почему-то не пережил, постепенно стал снизу зарастать... заросли муравейники.

Наконец-то показались и колокольчики!

Смелее же, Петя, вводите все больше и больше факторов, это будут факторы нашего счастья.

Не польза, а счастье!

Молодой огромно-нелепый и вялый сарыч вылетел неумело на поляну и сел, ничего не понимая, на нижний сук.

С опушек полей мало-помалу жизнь перешла на лесные поляны, и там тоже начали раскрываться лепестки сложенных венчиком одуванчиков.

Лесной омут. По холодной росе ночная бабочка серая упала на спинку среди омута, прилипла к воде — и билась гибельной дрожью и давала частые кружки с мелкой волной на весь омут... [проплывали] под ней головастики, [прискакали] наездники. Иволга пела в зеленом свете, мирно ворковала горлинка, рябчики всей семьей из травы подняли головки. Тут смородина склонила зеленые ягоды.

Мать-мачеха отцветшая чуть не купала листья. Каменка желтая и в прозелень, песочек, корни обнаженные, и в глубине мелкой воды бесконечно глубокий лес до неба, [синяя] елка, живущая далекой вершиной, внизу вся бородатая.

Смородина, хмелем обвитая, сильная ягода до невозможности.

Ель умерла, и даже бородки, выросшие после смерти, изрéдились, пообвисли, попадали. Зато взялся хмель и обвил все умершее дерево от низу и сам благодаря умершему дереву увидал сверху большой свет.

Действие: выше и выше поднимается зеленый хмель...

Чем больше жмут дьяволы, тем больше я дорожу часами своей свободной работы в лесочках, в омутах.

Попал в чепушняк и наступил.

Боже мой, кому хочется наступить на змею, но ведь не убережешься — и раз наступил, надо успеть раздавить и спастись самому от яда.

Всем смешно в самом начале лета слушать о начале зимы, а я-то чувствую: все реже в лесу «ку-ку» и больше сытое молчание. Как редчайший случай трель барабанная дятла, — услышишь и вздрогнешь: «нет ли кого»?.. Нет шума зеленого: поет певчий дрозд — один, и это милей, всё милей, всё лучше — все верно, только «того уже нет».

Восхищаюсь тому политическому такту, который усвоил себе русский человек, но когда он оттуда приходит в частную жизнь и начинает учить: то верно, то неверно — это ужасно, это возрождение попов.

Метнулась птица, или зверь шмыгнул?

Пока я сам не спасся, как могу я другому рекомендовать свой путь к спасению?

Многие живые люди справедливо не любят людей, живущих литер. трудом, и говорят, что нужен один писатель, который останется, а не десять тысяч, из которых останется все равно тот же один. Это экономно и хорошо, только как же узнать одного из той начинающей тысячи?

Вернулся на утреннюю поляну, где в холодной росе обмершая, будто камень, падала бабочка — теперь все цветет, все гудит, благоухает в огне: как будто все варят варенье.

У нас на Севере одна Лиана — это хмель, оплетающий ель, ольху, рябину, и, нечего греха таить, нас, дураков, тоже хмель оплетает.

Рожь зацвела. Васильки показались.

Профессор Пете сказал:

— Больше и больше, Петя, вводите в исследование экологических факторов.

Проверил, за что вычли в Детгизе 1200 р., оказалось, что вычли за переплату по 2-му изд. книги «Зверь Бурундук»: заплатили за 100 000, а издали 50 тыс. Значит, договор на «Лесную повесть» не расторгнули, как я просил. Мне вспомнился ободряющий пример моего великого предшественника в детской литературе: он тоже заключил договор с детским издательством и написал роман-сказку, подобную той, о которой я так несмело мечтаю. Этот великий предшественник Сервантес и сказка его «Дон-Кихот».

Петя прочитал из своей Сравнительной анатомии: «Принцип дифференциации мы называем основным принципом всякого развития, так как именно этим путем возникает все новое».

Вот эта дифференция не от логики, а как своя личная миссия, глубочайшее органическое убеждение, борьба от смеха до крика и слез за себя и что так надо для всех, — вот это мой путь в литературе. Так вот отчего заняла меня бабочка, трепещущая в омуте: это я! В таком случае, бабочку эту надо спасти.

Я как та бабочка, трепещущая в омуте. Надо развить рассказ, чтобы получилась совершенная невозможность бабочке спастись, но когда щуренок заметит волну и бросится (это ведь молния!), ему попадется вместо бабочки тритон, а его волна перевернет бабочку, и она поднимется и улетит.

То, что через революционеров, пусть это сам Ленин, то все это «само делается» и в этом нет «Я». Смутно я это чувствовал, когда взялся за перо, я на упреки совести отвечал сам себе: то все, рабочее движение, остается и совершится, как я думал об этом, но все это само сделается, а мне нужно «Я».

И когда вот, как теперь, возвращаешься к этому «само делается», то понимаешь эту потерю понимания всего личного в наше время, понимаешь людей вроде С[талина], Левиафана на четырех ногах.

19 Июня. Проходит навозница, начинается сенокос, пока еще на болотах. Самое время слепню, а вот нет ни слепней, ни комаров. Все оттого, что ветер такой и росы холодные. А скорей всего оттого, что была сухая весна.

Коммунист последней формации — это политически воспитанный, тактичный человек, более или менее хорошо скрывающий свое превосходство над всеми людьми не своего толка. На гениальных артистов разного рода, живущих в ином, более независимом, как им кажется, строе, они смотрят как на полезных сумасшедших. Да, так, вероятно, и разделяют всех сумасшедших: те, которых можно соблазнить посредством необычных для всех граждан удобств жизни и тем приспособить к общему делу строительства новой жизни, и тех, кого укротить можно лишь с помощью средств, подобных смирительной рубашке. Вот почему выдающимся людям всевластные коммунисты очень охотно дают все, о чем их попросят.

На одних елях шишки зеленые, на других красные, почему?

Мое законное право и даже обязанность — переменить машину, все недоразумение в том, что я зарегистрировал ее в Загорске, а не в Москве. И тем не менее на мою просьбу у Панферова поговорить об этом он ответил:

— Мы дадим вам машину.

Кто это «мы»?

Вся страна сейчас разделяется на тех, кто говорит «мы» и кто «они».

Взвоз: Догнала цыганка, спрашивает: — Лошадь потерял. — Какая лошадь? — На четырех ногах. — Лошади все на 4 ногах. Какая масть? — Вороная. — Вся вороная? — ...Дай погадаю... — Отвяжись! — Дай погадаю, где твоя лошадь. — Я сам знаю. —

Дай погадаю. — Отвяжись. — Дай погадаю. — Отвяжись, говорю, а не то... — Кто ты? — Коммунист я. В колхоз надо. — Она поглядела сбоку и отошла.

Каждый день на луга прибывают в большем и большем числе лиловые колокольчики.

В лесу расцвела могучая тенелюбивая трава лиловый львиный зев. У нее лист разрезан на семь частей, и каждая часть разделяется на три: две малые и средняя длинная, и длинный конец носит 9—11 зазубрин, обращенных остриями вперед.

Филимонов очень даже сродни тому, кто занимает деньги: у одних берет, другим отдает; и так весь мир разделяется на хороших людей — кто дает ему деньги, и на дурных — кто не дает. Филимонов не деньги занимает, но из жизни занимает, даже снимает приятное, все берет к своим услугам и во всем артист.

Чем тише сам, тем больше видишь движение жизни. Даже после велосипеда не сразу придешь в себя и начнешь понимать жизнь. Машину освоить — это не баранку вертеть, а научиться, сойдя с машины, быстро приходить в себя.

Есть богатые люди, которые только тем занимаются, что ловят крупных лососей, стараясь величиной пойманной рыбы побить всемирный рекорд. Но есть и небогатые служащие разного рода, которые этим же самым живут в отношении всякой рыбы, приспособляясь к местным условиям.

Приходишь в себя обыкновенно, обратив внимание на какую-нибудь весьма малую подробность жизни, и через эту мелочь тебе открывается мало-помалу весь большой мир, и вот этот весь большой мир и есть «Я».

Брать чужие деньги — надо отдать. И так же точно, взяв чужие мысли, нужно отдать людям свои.

Если «Я» есть душа всего мира, то и представляет собой...

Есть мушка черная с желтым концом на брюшке, может в воздухе остановиться перед самым твоим носом, отгонишь — опять возвращается, и на ту же самую точку...

Известно, какая нежная цветоножка у раковой шейки, и так она своим толстым цветком довольно обременена, а когда на шейку [взгромоздится] тяжеленный шмель, она гнется, а он,

этим рассерженный, жундит, пока цветоножка не покорится, тогда он всосется и замолчит.

Рубиновая гвоздичка загорелась, фонарик жизни...

Итак, вот мое путешествие сегодня: Териброво — Цыганская речка — Взвоз — Мистрино — Териброво.

Завтра Троица, хозяйка полы вымыла. — Надо бы, — сказала, — березками убрать; да боимся. — Чего же боитесь, раз уж елку разрешили, то само собой и березку... — Нет, про березку ничего не слыхать, и вам не советую, а то все заговорят: писатель, мол, пример показал, на вас весь поклеп ляжет.

Через некоторое время цыгане проехали, лошади, повозка у них убраны березами.

— Вот видите, — сказал я, — цыгане же не боятся.

— С цыгана и спроса нет, — сказала хозяйка, — цыгану можно. У них вон и лошади свои, и ехать можно во все четыре стороны. А ты вот попробуй-ка, поезжай.

Полевка погибла в родах.

20 Июня. Троица.

Едем с утра на Кубрю ловить рыбу.

Водяные белые лилии распускаются.

Самцы стрекоз темно-синие большие проснулись и стали будить самок блестяще-зеленых на росистых хвощах. Начали с того, что совокуплялись... После того начинали раскрываться белые и желтые лилии. Еще поет соловей. Когда обсохли хвощи, стрекозы стали осторожнее, к ним надо подходить, чтоб не падала тень: тени боятся.

Как рожь на полях, так и на лугах зацвели все злаки, и когда насекомые садились или задевали злачинку, она окутывалась дымком своей пыльцы.

Чирок с детьми:

Лилии раскрылись к обеду.

В селе Новом церковь устояла. — Попу платим 1 ф. муки в год и по 50 к. в месяц с верующего едока. За это он нас бесплатно хоронит.

Щука сорвалась и вдруг всплыла вверх брюхом, бросился, схватил за хвост — не надо было трогать — она рванулась и ушла в омут. Большая щука-то, фунтов на десять. Вот для

праздника, горе-то какое! Ходит по берегу, всем рассказывает, и легче — отжила! бомбами бы их чертей бить!

21 Июня. Духов день. В Новом престол.

Вчера пришел гармонист, на лавочке под деревьями сошлись девушки, стали танцевать, родители вышли, сбежались дети. Вдруг появляется пьяный шофер <*приписка:* «личные деньги»> (5-й брат семьи, все четыре брата рахманные, 5-й шофер Мухановского завода, буян) с бревном в руке, готовый обрушить его на первого встречного. Началась борьба с ним. — Веревку, веревку! — кричали. Появилась старуха с веревкой, на пьяного навалились, женщины, девушки сошлись в круг. Пришли рахманные-братья, связали младшего брата, унесли его, как резаного барана. И все удовольствие кончилось.

Хорошо было в праздник, когда все были в избах (весь день). Даже мы купили вина и когда выпили, то почувствовали какую-то хорошую связь с народом. Что это? сказать трудно: вино тут получает какое-то совсем иное значение, чем вода.

Хорошее в русском народе — это что вот ты встретил неизвестного человека, и через минуту ты с ним говоришь, будто всю жизнь знал его. Хорошее чувство: «вместе несем». Хорош для незнакомого...

Русский человек хорош для незнакомого, готов открыть все и служить...

Хорош интимный человек. Не существует общественного человека: это трус.

Все хорошее — это частный человек, плохое — общественный.

Вчера вылетели дятлы из нашего предпоследнего дупла. (Это надо заметить, что молодые дятлы вылетели, когда всюду цветет.)

Разговор с хозяином на тему, что все сделалось, как надо было сделаться, и все прошло, но мы еще не знаем, что же это было.

Паня — девушка с пышными формами, но нет в ней того, что заставляет мужчину интересоваться ими. Кто ищет <u>тело</u> — вот оно, между тем не возьмешь, не захочешь: нет души. Это тело — в доказательство души: должна быть душа, [заполняющая] прелестью тело.

Сегодня не поладилось с велосипедом. С утра провозились два часа. Ехать было жарко. Я потерял себя и не мог собрать. Ничего не видел ни в лесу, ни на лугу, хотя в лесу было солнце, на лугу — все цветы были вместе, и на каждом цветке таилась бабочка. Я вспомнил Паню, у которой великолепное тело, но нет души. Так и в природе мне везде было Панино тело. Еще мне мелькнуло то окаянство жизни, сложенное из того зла, которое закрывает людям глаза на счастье: живут во зле.

У Пани были такие великолепные косы, она их остригла! детская площадка — специальность. В газетах: «девушка с косами», стремление к ученью.

В наше время тайны раскрываются гораздо раньше, чем можно ожидать этого, так вот конец Горького: думалось, я сам не раз говорил, что человек этот превратился в учреждение; но кто же мог думать, что так скоро вскроется все содержимое могилы, с костями, червями.

Набивалась старушка творогом.

Скорей всего, это не событие, но из такого люди обыкновенно делают события.

Надо бы начать писать, а то ведь это уже ни на что не похоже становится.

С автомобилем и всякими благами в расчете на личное почтение к себе в деревне можно очень просчитаться: люди до того привыкли к тому, что автомобиль не собственный и связан с положением, и так меняются положения быстро, что не очень-то и связывают в целое положение и личные достоинства. Сегодня человек положения с автомобилем, завтра положение изменится и автомобиль отберут.

Я давно это и везде замечал, и, вероятно, потому и замечал, что живо помню, как, напр., генеральский чин от самого генерала разливался на вещи: <*приписка:* имение> генеральский мундир, генеральские туфли, ордена — и продолжался после смерти генерала на генеральше и генеральских детях, и долго после продажи имения через крестьян было говорено: тут жил генерал. Вот это было положение!

Теперь почитается должность, но положение из должности никак не выходит, человек остается таким же, как все. Казалось бы, положение писателя, как мое, старого писателя, по книжкам которого учат в школе сотни тысяч детей, — иное де-

ло. Но нет! Сегодня Петя пошел прописываться, председатель сказал, что сегодня праздник и он не может, а вот завтра весь день: — Хочешь, сам приходи, — сказал председатель, — хочешь, пришли старика.

Но ведь генерал же я, как же это так, прислать генерала: сам бы должен был прибежать, а вот «пришли». Мне было чуть-чуть неприятно, но, поймав себя на этом, я взвесил все и с удовольствием пожертвовал своего «генерала» на общее безгенеральское положение.

Хорошо тем, что: как ведь трудно отделаться от «вечности», а вот отделываешься и, благодаря внешним причинам, не застреваешь в склерозе...

Барсучьи норы.

Оттого называется лес темным, что солнце смотрит в него как в окошечко и лес видит. Нельзя увидеть ему барсучью нору и омут.

Темный лес, но зато и чудеса: птицы из темного, перелетая светлый луч, мелькают как райские птицы, простая рябина вспыхнет и не сравнить... а что гаечка делает.

Не пора ли внедрять этические вопросы коммунизма?

Сила впечатлений деревни от города, необходимость зарядки, иначе Застой.

В мире нет ничего чужого, мы так устроены, что видим только свое, только одно свое раскрытое «я».

Я вспомнил судьбу сержанта Хозе и ответил: — Не хочу я твою [землянику].

Горлинка прилетела на березу, и на песке остались ее лапки.

Мальчик ходил с Петей в лес. Петя ему показал дупло. — Видишь? — Вижу. — А смотрит в другую сторону. — Куда ты смотришь, вот дупло. — Вижу, на березе. — Нет же, вот на осине, смотри сюда. — Петя показал палкой. Он посмотрел туда, увидел, сказал равнодушно: — Круглая дырочка. — И вдруг ни с того ни с сего: — А вы у нас молоко берете. — Разве у вас? — У нас. По горшку бывает, а бывало и два. У нас мама радуется, когда два. Нам не всегда достается. — Отчего же не всегда? — Мама не дает, говорит: а может, они еще возьмут.

Читал «Каиново болото» Уэллса и почувствовал, что они находятся еще накануне того, что мы пережили... Я почувствовал еще, что делаю самое удивительное и нужное дело... Миф.

Мы решили ехать в Загорск 24-го (выходной день); — 25-го Петя проведет в Москве: ожидаем решения вопросов 1) квартирного, 2) автомобильного. Еще надо Ларскому договор вручить и узнать о деньгах и о судьбе рассказа «Завидово».

23 Июня. Дни переходят в жаркие, но росы всё сильные, прохладные. Скотину выгонять стали много раньше и на полдень от слепней пригонять домой. Пастушья свирель имеет способность проникать в каждый дом и достигать каждой спящей души.

Сегодня мелодия проникла в меня, и я допустил возможность для себя жизни совершенно простой, в которой настоящее добро выходило бы без всяких усилий, а просто в силу того, что хочется с человеком поговорить, обласкать детей. И ничего на этом не строить и никому об этом не говорить. Мы с Петей сейчас почти так и живем.

Хозяйка принесла самовар очень рано и сообщила новость: на той стороне ночью воры чистили погреба.

Простота жизни и мыслящее затишье с готовностью внимания ко всякому проходящему, — вот я бы чего хотел сейчас для себя. И мне думается, к этому вскоре [прибегнут] многие.

Кавказский детский рассказ о том, как барсук, кот и лисица жили в барсучьей норе и как барсук с котом ушли от вонючей лисицы и поселились повыше.

Мальчик Парторга Коля: мужчина, и девочка Лида, карие глаза когда заблестят, то заполнят все в глазу, а щечки вспыхнут. У них у всех женщина начинается с пеленок.

Отгрызают лес и на поляне живут, мало интересуясь лесом, интересуясь только тем участком, где их село.

Мы знали раньше только настоящее, мы теперь расширили свой горизонт в прошлое и будущее (Уэллс), и вот почему, лишась настоящего (сломав его), стали несчастны. Никакого оправдания, никакого объяснения — можно расширить знания, необходимо это и хорошо: не от этого горе. Нет, мы просто еще не устроились в новом доме и обрели с ним много забот. Надо устраиваться.

Как гаечка о сучок обе щеки, будто обнимается.

Такой лес, что само солнце не сразу и увидишь, по солнечным пятнам и лучам, в которых как пыль насекомые, наконец-то догадаешься: вот там оно стоит, спряталось за большим деревом и оттуда наискось бросает утренние лучи.

Птица села с червяком во рту и покрикивает, а в ответ этим крикам желтые рты раскрываются. Семья рябчиков...

Не все работают и муравьи, подсчитать, сколько работают и сколько спят — иной бухгалтер позавидует и муравью.

Что-то на елке постукивало тихо и мирно, я же стоял у муравейника под этой елкой возле частого молодого осинника. Комары кусали, я взял веточку и только махнул, рядом из осинника вспорхнула птица, задела меня и улетела. Тут я понял, что постукивало на елке: рябчик.

Есть большие лесные поляны, где начиналась когда-то жизнь человека, едва-едва тут узнаешь теперь по буграм, на которых более зеленая темная трава, по углам, по кирпичу, что жил человек. Работал, любил, остается после человека смородинный куст.

Поставить вопрос о вечности в связи со Ставским и Панферовым.

У деревьев нет докторов, помощи ждать неоткуда, и они сами себя лечат, затягивая раны свои душистой смолой. Бывает, раны давно затянуты, а смола все бежит и, скопляясь, [собирается] в ком. Я этот ком обыкновенно завязываю в уголок носового платка и пользуюсь как духами, здоровыми для дыхания и мне очень приятными.

Петя, когда поймает землеройку, хватает ее в ведре за хвостик и пересаживает в маленький пузырек из-под горчицы. Тут же он ловит слепня, опускает его в пузырек, и самое маленькое позвоночное, из-под земли попав в пузырек, не смущается и ест его, хрустит.

Мечта о квартире, что в Москве — именно в Москве! запру за собой дверь и тут все мое и что ни захочу — что ни задумаю, могу выполнить: любую книгу прочитать и купить...

Нужда учит жизнь ценить, но нельзя же ведь за нуждою гоняться (хотя лично для себя и в великой тайне почему и не

сойтись с нуждой? сам для себя можешь делать что хочешь, но пути в этом нет... напр., научиться делать свое счастье и держать его в руках).

Жара днем бывает жгучая. Петя загорает. Даже я соблазнился, пожарил свою поясницу.

Рожь наливает.

К рассказу о цыганах добавить, что женщины нищенствуют, а мужья этим пользуются, и кто мало соберет, бьют и спасенье под телегу. Насекомые кишат. Мужики с ужасом смотрят. Цыгане с ужасом — на деревенскую жизнь. И сюда же о том труде, о той сложности жизни, которая необходима теперь, чтобы оставаться современным и жить почти в такой простоте.

24 Июня. Все такой же сияющий день. В лесах начали сенокос. 25 — выходят косить всем колхозом.

Мы сегодня после вечернего чая едем домой, и завтра Петя едет в Москву узнавать о квартире и машине.

Травы такой росой обдаются, что утром все равно как после дождя, и кусты тоже...

Такой осинник, что зайцу не проскочить, а тут еще из-под низу в густоте выросла густая крапива.

До какой высоты в лесу бывает роса?

В сухое время счастье в лесу пруд.

Стрекоза: [порхнет] и вспыхнет павлиньим автогенно-голубым.

Невозможно сказать, до чего [порой] бывает темен лес в ярко-солнечный день. Никто не удержится, чтобы не спустить мысль с того крючка, на котором она привязана у каждого. Сорвется она, как с цепи, и сверкнет.

Есть вопросы к тем людям, которые живут совсем не [на чём] (Горький).

Луг вдоль чистой реки, тонкие раковые шейки. Несобранное богатство... тем хороши, что не собраны никем, и он думает: вот я соберу, открою и прославлю.

Строились без строя огромные массы наступающих раковых шеек.

Когда-то я думал, что без стыда за свое существование не могут жить на земле люди лысые, пузатые; желтые старые девы. И как я [изменился], когда у самого появилась лысина — можно и лысому жить.

Неизвестная какая-то очень крупная птица слетела с вершины дерева, и после нее осталось только, что ветка качалась. Я думаю, это был глухарь.

...лысые... откуда они охоту берут одеваться, душиться, расчесывать...

На траве по росе был след, как казалось, человека: шел разведчик узнавать, не поспела ли трава на поляне; но это, оказалось, не человек шел, а барсук возвращался по росе утром в нору.

Цветут сначала ландыши, потом шиповник — всем свое время, но в лесной чаще в темных сырых местах на всех опушках лесных бывает шиповник в то время, когда уж крушина начнет мелькать давным-давно, а один куст цветет не в своей поре.

С поляны в лес как в темную пещеру.

Все было жалко, очень жалко, а когда кончилось, то оказалось, что так и надо и все шло как следует и жалеть-то нечего было.

Вот новости: 1) рукопись «Завидово» возвратили из «Охотник-боец» с запиской от руки, в которой «Уважаемый Мих. Мих.» было вычеркнуто и заменено «т. Пришвин». 2) Моей рекомендацией Левы Ставский пренебрег. 3) Квартира — комиссия не приняла, и дело оттягивается еще месяца на два, очень пахнет провалом. 4) Автомобиль: Панферов исчез. 5) «Октябрь»: все на фу-фу.

Все это вместе создало «Каиново болото»: буду вперед под этим понимать некую социальную инфекцию, в которой доходишь до такого состояния, что самую болезнь считаешь происходящей не от души, а от желудка. Снилось, что пошел к Панферову, а он, оказывается, полит. преступник, и в его квартире людей расстреливают. Угнетающее чувство близости своего конца: от своей ненужности к концу.

Наказ Пете в Москву: 1) позвонить в авторемсклад о тягаче и щечках. 2) Анне Дмитриевне.

Продолжение... в то время когда слово, как и все на свете, стало товаром, имеющим расценку даже не в отношении к таланту автора, а скорее к ясности сознания его в том, что действительно слово есть товар; вот в это-то время доказывать кому-то зачем-то нетоварную природу истинного искусства!

На завалинке в беседе с Григ. Конст. Куракиным, единоличником, инвалидом: как хорошо он понимает мужицкое дело и роль интеллигенции — всю жизнь жалел мужика, а когда он вот кончился, оказалось, что и жалеть-то нечего было.

Наступает самое напряженное время перед возможностью войны, и вот именно и передается, через кутерьму, как то «каиново» чувство....

И такая увеличивающаяся заостренность подвижничества в чистом воздухе и собравшейся у самых ног всей пыли человечества! Трудно продвигаться, но надо.

Квартира в Лаврушинском против Третьяковки начинает казаться безумной мечтой о тихом убежище в горле вулкана. И тем не менее, расчет совершенно правильный: убежище возможно только в самом горле...

Гибнет Испания, но испанский футбол процветает; недавно бригада испанских футболистов была в Москве торжественно встречена. Это ли не кутерьма!

...а впрочем, это мораль та же самая, что и на войне, как описано у Толстого в «Войне и Мире»: на усталого не смотрят, он отстанет и должен погибнуть: от него даже прямо отвертываются, потому что вся мораль в том, чтобы двигаться вперед.

И ты, Михаил, помни только это, и если хочешь спастись, забудь все свои добродетели.

Наша тревога происходит от быстроты движения <*зачеркнуто:* общественной> государственной планеты: невозможно всмотреться, влюбиться и вжиться, все мелькает, и хочется, чтобы скорее и скорее мелькало, чтобы самое мелькание, быть может, заменило быт, необходимый человеку. Мелькнул северный полюс, мелькнул перелет в Америку как мелочь, вот выступает Германия за кровь, за народность, вот выступает СССР за принцип всечеловека...

Стал бы на такое высокое прочное место, откуда бы это мелькание сливалось в огненные полосы, как при падающих звездах...

Стал бы... Но как стать, если вся мораль в том, чтобы идти нога в ногу: отстал, и ты как виноватый, ты обречен, и на тебя стараются и не смотреть. – Перескочить бы во время общего хода на что-нибудь, как в метро с движущейся постоянно лестницы переходят на последнюю неподвижную ступеньку.

В Москву вишни с юга пришли, девицы привезли нам немного в Загорск: хорошие вишни. И вот о счастье за едой вишен, – что раньше ценилось счастье вырастить вишню самому или от родителей получить, воздавая за труд выращивания почтением своим к отцу-матери. Теперь вишни сами приходят в ящиках, и довольно дешево ты можешь купить их на свои трудовые деньги. Выращивание вишен в состав счастья, как раньше, не входит, происходит просто массовая заготовка их.

Яловецкий согласился со мной в том, что раз мужик кончился, то жалеть об этом теперь нечего. Но Павловна не согласилась, она сказала, что русский человек с распахнутой душой был очень хорош и об исчезновении его нельзя не жалеть. Но это ведь не только русский, всякий непосредственный человек теперь стал жить посредством чего-то [надуманного] и потерял обаяние простоты и доверчивости.

Панферов... <*приписка:* Фадеев и другие «советские гусары»> их много: это все полуобразованные люди с огромным самомнением. Связываться с ними никак нельзя, у них только вид гусарский, а в сущности своей в душевной они калики (калеки) перехожие, сегодня тут, а завтра там.

Почему деревенские учителя, живущие в самой чистой атмосфере детской души, не получают из нее для себя той целебной силы, которая бы учителя самого воспитывала как высокий тип человека. Напротив, в этой высокой профессии есть что-то пришибающее развитие человека: он развивает, а сам не развивается? Надо думать, что развитие, которое дает учитель ребенку, скорее всего, неправильное, и оттого именно, работая в этом всю жизнь, учитель сам не питается целебными соками земли.

26 Июня. Продолжается период суши, и барометр неуклонно падает. Дай-то, Господи, дождика! (Как хорошо это «Господи».)

Лева — это большевик 19—20 гг., в свое время не разрядившийся, укрощенный влиянием отца. Тот большевик был до того в существе своем материален, горюч, что так и сгорел как материя. А этому молодому человеку надо жить изо дня в день, работая над тем, чтобы получить известность, даже славу. Романтизма в нем без конца, но нет работоспособности. Пока еще он мог налетом доставать себе командировки, но, кажется, это кончается, и последний налет дал ему только велосипед. Жена тоже ленивая. Не знаю, что делать с ними, чтобы охранить от падения.

Решил на июль перебраться в Загорск: дятлы вылетели, землероек и здесь много. Зато здесь еще можно работать без слепней и комаров. Так само собой выходит, что надо быть здесь. Итого пожили почти три месяца. Приступаю к сочинению «Пионера».

До чего это избито и до чего непонятно, когда говорят «Пан» или пантеизм. И то же самое не поймешь теперь, хорошо ли, плохо ли описание Гоголя «Чуден Днепр»: мы это заучили в школе, когда вовсе ничего не понимали в словесном искусстве. Особенно не верили мы отцу Ивану, когда он уверял нас, что, разглядывая всякие твари, можно постигнуть самого Творца.

Все это, и пантеизм, и «Чуден Днепр», и Творец, открываемый созерцанием тварей, когда-то выросло из сердец и умов, урожай этот был собран, зерна измельчены, хлеб выпечен, съеден нами, после чего первоначальный смысл всего такого был не только утрачен, но даже понятия эти стали поперек всякого живого движения духа: мы именно благодаря этому не верим ни в Пана, ни в Творца...

Так что и Творец, и Пан, и Чуден Днепр — все это получено даром через учителей, как бы по наследству. Это ничем не отличается от имущественного наследования...

Наследство: революция — опыт 1-го глаза = без наследства = без культуры. Итак, в сумме механически воспринимаемых в школе знаний есть и такие, без которых нельзя обойтись, и если их все целиком отвергнуть и предоставить все делу индивидуального восприятия, то ничего не получится.

Вероятно, учителя вообще учат, сами ничего не понимая, и оттого и себе закрывают путь духовной жизни, и детей делают такими же, как сами. Вчера, взяв для чтения на ночь Павла и прочитав у него в первой главе о Творце, постигаемом в сотворенных вещах, подумал, не об этом ли Творце я пишу в «Журавлиной родине»: рассматривая Творца, вижу путь творчества.

Во второй половине, как и вчера, появилось дождевое облако, сегодня даже брызнуло из него огромными золотыми каплями. Так мало, что и рубашку не промочило.

Много писал, очень хорошо выходит «Дриандия», — так писал бы и писал, но страшно: «Пионер» может не выйти, потому что истратишь себя, устанешь и не захочется.

Приехал ночью из Москвы Петя, говорит, что затяжка с квартирой дело вполне естественное, что Тренев пишет пьесу по личному поручению Сталина и Вишневский тоже, отчего и вселились. А Луговской хотел силой ворваться, Барто его тащила назад, но он ударил сторожа, и тот подал на него в суд. Кажется, квартира будет в Июле.

Решено завтра переехать в Загорск.

Вот и надо бы теперь пересмотреть материалы русской революц. 18—19—20 гг. и разобрать по ним, как и почему именно погибали элементы творчества жизни и старое вино влилось в новые мехи.

27 Июня. Такой жаркий день! после обеда, казалось, вот-вот начнется дождь. Но не только обошлось без дождя, а даже барометр пошел на погоду.

Мы переехали после 3-х месячного житья в лесу. Боюсь, что не поздно ли взялся Петя за эту работу.

28 Июня. Утром ровно в 6 часов, когда на нашем заводе № 6 начнет завывать сирена, у нашей собаки гончей Трубача от гудка, созывающего рабочих, пробуждается волчье, и он начинает выть волком в тон сирены, созывая своих предков волков.

Чтобы описать дерево, скалу, реку, мотылька на цветах или в корнях дерева землеройку, нужна жизнь человека: нужно до того дожить, чтобы все это до крайности далекое стало близким и возможным для человеческого понимания.

Осина — самое светолюбивое дерево, у нее всякий листик <*приписка:* дрожа, колышась> со всех сторон купается в свете, и так все и везде: свет и тень рядом. Осина такая светолюбивая, а под ней всегда тенелюбивые травы, папоротник, хвощ.

Пыльца цветущих растений так засыпала воду в лесных речках, что в ней перестали отражаться береговые деревья и облака.

Русальская неделя. О Третьякове вспомнил и подумал об идеальном советском человеке, новом, активном до крайности и вообще со всякими качествами желанного человека: вот, кажется, понял идеал, кто-то пришел, сказал: «это я!» С удовольствием сейчас же все и ответили: «Очень рады, согласны: — ты!»

И тут начинается, как по сигналу кого-то себе на уме с затаенною злою мыслью, — все начинают превозносить его: «он, он избранник!» Это называется испытание славой: никто не может выдержать этого испытания. Как будто русалки собираются, начинают [славить] избранника, он теряет ясное сознание, не помнит, что делает, и вдруг с треском как вредитель проваливается или отходит молча в сторону и стекленеет: каждый видит его теперь всего насквозь и больше не ждет от него ничего, и он ничего не может начать. Так застекленели Сейфулина, Гладков и совсем уж маленький Третьяков, он мог бы годиться еще на роли мелких дельцов, но, побывав в более высоком кругу, набил себе оскомину. Проходит немного времени, разглядели его всего до ниточки, и оказывается, нет, не тот. И уже тогда конец, никогда уже ему ни в чем не воскреснуть.

Птица Гугай.

Нет прозрачнее тех слов, которые пишет А. Н. Толстой в статьях об авторских гонорарах драматических писателей.

Прочитал у Мицкевича характеристику Пушкинской литературной эпохи: в то время талант еще не стал товаром, и все писатели без исключения любили и уважали друг друга и держались вместе. У нас и сейчас эта нетоварность таланта держится в понятии «большой писатель». Ни в каком случае не известность, слава, успех, богатство, — все это вмещается в определении: = «Наш крупнейший мастер» и пр. Но когда говорят «большой писатель», то именно и говорят, что это писатель, независимый от влияния райка, и талант его — не товар.

В наше советское время есть тысячи предметов, изменивших свое товарное лицо в борьбе твердых цен со спекулятивными. Вчера я предмет покупал потихоньку, из-под полы, по блату, сегодня везде его можно купить в пять раз дешевле по твердой цене в любом количестве: предмет этот изменил свое лицо, он не товар, и отношение к нему иное, и люди, имея дело с советским продуктом, явно добреют. Но почему же писатели все злеют в отношении друг к другу (я по себе это замечаю: случай с «Перевалом»), в чем тут дело? почему именно в наше социалистическое время талант превратился в губку, всасывающую нечистоты товарного рынка? Сколько разоблаченных спекулянтов, предпринимателей, аферистов! сколько таится их неразоблаченных, сколько растет в желаниях.

29 Июня. Сарыч еще дремал на суке в полдерева. Бесшумно я подкатил к нему по тропинке на велосипеде и стал для отдыха в ту позу, в которую видимо становится велосипедист перед своей возлюбленной, которая пропалывает капусту на общественном огороде. (Приваливает задом к раме, почти сидит и, улыбаясь сверху, разговаривает.) Сарыч, однако, учуял мою близость, перевернулся неохотно, оглядел меня и еще неохотнее перевернулся назад и совсем без всякого желания решился и полетел. Наверно, очень сыт, съел что-нибудь очень тяжелое.

Кукушка еще кукует немного.

Некоторые думают, что от хорошего питания и воздуха вид мой хорош: «Вы прекрасно выглядите, — говорят мне все. — Наверно, по обыкновению в лесу живете? Как охота?» Я отвечаю всем приветливо, что лес и охота самые лучшие условия для здоровья.

Мой лес! если бы только могли они заглянуть в эти лесные [чащи сосны] и хвоща.

Охота! меньше всего я охотник в том смысле, как это все понимают. Конечно, не понимают, что эта внешняя охота нужна мне лишь для того, чтобы ею маскировать внутреннюю мою охоту жить, такую неловкую, что о ней и стыдно сказать и неловко: можно ли серьезному человеку, писателю в такое-то время целый час сидеть наблюдать в бинокль, как тяжелый шмель гнет цветоножку... Можно ли до такой степени доходить в такой охоте? И я отвечу, что можно, если во всем остальном прийти к решению готовности: если окажется, что нельзя жить, как я живу, то я во всякий час готов отказаться от себя и впол-

не сознаю эту необходимость. Вот эта сила сознания необходимости и есть моя сила, благодаря которой выгляжу я так хорошо. Это, выходит, не совсем от хорошего питания.

Петя вчера дал мне хорошую мысль — расстроить через кино воображение моего мальчика и отсюда найти мотив его ухода в лес. Мне это даст возможность провести свою мысль о Дриандии реальней.

Кукушка беспрерывно куковала, передыхая лишь на короткие законные паузы после нескольких десятков лет, которые она обещает жить каждому загадавшему гражданину. Не было никакой мне охоты загадывать, я доволен был тем, что жил и после пары «ку-ку». И вдруг, как это нередко бывает, кукушка сказала ку... и не докончила.

И я забыл свою мысль.

Так бывает со всеми, кто живет под «ку-ку».

Иван-да-Марья — цветы всегда собираются вместе в такую большую тесноту, что вызывают у меня в памяти нас, мужиков, как мы жили до революции, собираясь везде в тесноту.

Умными считают себя те, кто всегда мысли чужого ума, оказавшиеся полезными и признанными, принимают без всякой критики, и скорые дела его состоят в счете и мере, как у торговцев. Скорость действия при таком понимании всегда достигает необычайной быстроты, и вот эта быстрота действия и принимается всеми за «ум». Никакой конкуренции с таким умом не может выдержать тот ум, который оценивает все сам и в решенных вещах ищет первого взгляда, а чужим умом пользуется лишь после того, как все проверит своим.

Описание Дальозера: уступы.

Там же другой цветок, и перед самым сенокосом у старого пня стал во всей своей летней красе высокий Иван-чай.

1) Крик желны. Прилетел самец, крикнул, ответ из дупла. Не переставая, сам стал вокруг по дереву бегать, прыгать с минуту — и стих; потом крикнул [снова].

2) Самка, покормив, с криком села на место самца и, оправившись несколько секунд, улетела.

В ожидании несколько раз высовывается голова с просящим криком. Вблизи слышно долбление. Не это ли побуждает высунуть голову.

3) В 7.35 самец почесался и улетел, а самка, слышно, пикала вблизи.

Для писателя выгоднее заниматься делом бесполезным.

Бесполезное, повторяясь, становится сначала полезным, а [потом] пошлостью.

Сезонные обязанности (как у человека). Держала во рту сладкую пищу и не проглатывала, думая о детях, а мужик лишь бы попало и выпьет, а дома нет ничего. Она прилетела, и его тень прошла по земле.

Колыбельная песня самца: уснули, и он улетел, а самка ничего не знала — спят — и разбудила и опять пошло.

Петя поехал в Москву, вернется 30-го, значит, 31-го вместе поедем.

Да, это нечто новое, до этого я дожил, и «Опавшие листья» Розанова сыграли в этом свою роль, были последним толчком...

Надо отметить в Союзе писателей голос новой демократии, отстаивающей свои права на квартиры в Лаврушинском: кто собрался-то! — Ты кто? — Литератор. — Член союза? — Нет. — Что написал? — Участвую в гонораре за Чапаева.

Москва как вулкан, души засыпаются... Или это поле сражения, битвы? Счастье тому, кто может отойти. Но не всякому-то это возможно, отойти.

Разумник несчастен до крайности, у него все отнято, но он не смиряется, а петушится. И, конечно, надо бы это понимать как увечье и через увечье смотреть в душу. Но тут вот что препятствует, первое, конечно, опасение за себя и за Леву, второе — раздражение на его странное непонимание меня. Как будто раз я давал ему по дружбе деньги в нужде, то тем самым я должен разделять и его политические настроения. Что же это за вздор! Очевидно, я прошибся и видел в нем больше, чем есть у него.

Относительно квартиры в Москве является вопрос, не поселить ли там тещу с Мишей. Трудно сказать, когда квартиры еще нет. Посмотрим.

Решил сходить к Бострему и с ним кое-о-чем поговорить.

29 Июня. Теплые дожди. Много влаги. Все пошло в сильный рост. Могучая полнота в природе.

Неудача с Московским каналом заставила меня подумать о Беломорском Канале: нельзя ли «Лесного пионера» переселить в Выговский край. Сразу дело упрощается в сто раз... Берендеева чаща тоже как материал. Замечательно!

Разумник прежде всего человек глубоко несчастный, это надо помнить...

Мечта о счастье или работа для счастья.

Найти сибирские сказки и набрать из них названия для птиц и зверей и растений.

30 Июня. Лева привез известие, что Моссовет разрешил населять дом в Лаврушинском в том виде, как он есть, т. е. без балконов и 8-го этажа, и что 30-го даже будто бы выдадут ключи.

<*Зачеркнуто:* Сегодня> 225 лет от Жан-Жака Руссо, в «Правде» вспоминают «мелкобуржуазного идеолога» и хвалят Энгельса, — что хорошо написал о Руссо. Я не читал Руссо, но думаю, он весь сидит во мне и читать нечего. И в коммунизме весь Руссо. Теперь очень интересно бы узнать фашистское освещение Руссо. Я думаю, что с точки зрения современного немца-фашиста Руссо должен быть родоначальником разврата желаний, иллюзорности.

В далеком будущем чувство долга немцев приведет их к обладанию свободой, которой в существе своем обладают русские, и напротив, русская свобода приведет русских к немецкому долгу. Тогда весь остальной мир должен будет покориться этому союзу свободы и долга.

С утра я был не в духе, ничего не делал: очень жарко! После обеда сошлись кругом грозовые тучи, дождя было мало, но все-таки к вечеру стало после грозы хорошо, и я у окна спокойно читал послание Павла.

Да, мы на войне и оттого думаем и чувствуем, как думают и чувствуют все на войне.

Лева хочет, как и я, иметь три жилища, в Москве, в Загорске и в деревне, где он хочет в уединении писать книгу. Для проведения операции ему нужно 3000 р., которые он хочет за-

нять у меня. Мучительно готовлюсь быть твердым в отказе. Душевная болезнь его все яснее и яснее определяется: во всяком деле он ставит задачу обойти тягость труда и выпить его приятную сторону. Просто работать он не может, а должен непременно все подводить под затею: без затеи нет дела. Не знаю, чем и как ему помочь...

Как хорошо ни напиши свою вещь, и чем лучше, тем даже еще больше, все читателю еще чего-то не хватает, чего? А вот посмотреть на самого писателя, как он есть сам как человек. На что это нужно — сам удивляюсь. А есть это. И по-моему, всякому должно быть интересно, как тот или другой писатель создавал свою вещь.

Поручения Пете

1 Июля. Утро солнечное после вечерней грозы и дождя на рассвете.

Объяснение с Левой: а Васька слушает да ест.

Отношения братьев.

Продвинул «Падун» на $1\,^1/_2$ главы.

Ужение на Торбеевом озере: Яловецкий, Огнев, Родион Сергеевич, егерь.

2 Июля. Утром на Вифанском пляже. Хорошо иногда побывать в самых людных местах в те часы, когда нет никого. Тогда люди, мелькая, не сбивают мысль, и в то же время ты не в пустыне, они тут с тобой и всякие выступают по твоему желанию: кого хочешь, ты можешь вызвать к себе. Я бываю лично удовлетворен в такие часы и к людям чувствую расположение, как к детям.

И когда этого достигнешь в себе, что на людей будешь смотреть как на детей, то заметишь нечто такое, чему как диву обрадуешься. Вот сейчас я заметил, что за каких-нибудь несколько часов отсутствия людей на пляже крот накопал холмик желтой земли. Отец хороший, сегодня купаясь с своим мальчиком, должен обратить на это его внимание...

Приписка: ...некоторые неубранные остатки человеческого общества навели меня на мысль о первом начале и необходимости государства: больше людей, теснее они собираются и больше надо за ними присматривать, и больше и больше должна расти государственность. Мало-помалу начинают и забывать,

для чего явилась необходимость в государстве, начинают уже восхищаться самой организацией порядка: чисто и все, а как чувствуют себя в чистоте — до того нет дела...

Под песню «страна родная» военным шагом прошли две стройные комсомолки в трусиках. Мне пришлось отодвинуться дальше на мужской пляж. Я нехотя отодвинулся, подчиняясь законам приличия и отчасти христианского умеренного аскетизма, в которых был воспитан. Но я не мог оторвать своих глаз от чудесных холмиков молодого женского тела и понял крота, который за время отсутствия людей, выбрасывая глину из темной норы, создал подобие того холмика.

Поняв это, я вдунул в глину, вырытую кротом, свою бессмертную душу и, представляя себя отцом, сказал:

— Сын мой, полюбуйся на купающихся комсомолок, посмотри, вон даже и крот...

Не слышно кукушки, ее сменила иволга, наступило время желтеющей ржи и золотой птицы иволги. Рожь золотится под клики золотой птицы иволги.

Красноармеец с ребенком на руках, — вот символическая картина нашего времени: война и беременный живот.

Идея озеленения Москвы встретилась с необходимостью обороны, и <*зачеркнуто:* полетели> пошли на дрова исторические бульвары Москвы и закрылись их дорожки асфальтом. Так все делается, не как мы желаем, а как Бог велит.

Этой весной ежей не было и других насекомоядных было мало: землеройка... И насекомых от суши и жары тоже мало. Но как они знали, эти насекомоядные, что будет мало насекомых? Ничего они не знали, а те же причины, от которых мало насекомых, сделали и насекомоядных...

Рожь наливает под песню иволги, золотые кувшинки и белые лилии.

Воображение уток. У нас две породистые утки, одна белая, другая черная, очень крупные. Селезня к ним не было, и черную утку мы посадили на гусиные яйца, и теперь она уже водит за собою небольших гусей, воображая, что это утки. Купаются утки в тазу по очереди. Когда белая садится в таз, черная подходит к ней и, обмакнув нос в воду, у белой утки перебирает перышки. Она делает это, потому что воображает, будто у себя самой перебирает, и чем дольше, тем больше ей так верится,

и до того доходит, что становится на лапки, поднимается и хлопает крыльями, как делают это утки, когда бывают в воде. В свою очередь белая утка, когда ее чистит черная, тоже что-то воображает, и можно догадаться, о чем она думает, эта утка без селезня думает, конечно, что это селезень с ней занимается, и ждет большего.

От Анны Дмитриевны телеграмма: ключи получила. Завтра приеду.

Гроза. Ливень. И на ночь окладной дождь. А тишина! березка отдалась дождю и не поведет ни одним листиком.

В отношении к природе есть два класса людей, одни, как только становится тепло, вступают в борьбу <*зачеркнуто:* за жизнь> за хлеб и с обветренным лицом, измозоленными руками в своих колхозах отбивают из общего роста от земли свою человеческую долю продовольствия. Другой класс людей, которые при наступлении тепла едут в природу отдыхать и восхищаются восходом, закатом, теплыми дождями, струистыми реками. Одни люди работают в природе, другие пользуются ею для своего отдыха. Может ли быть у этих разных людей одинаковое понимание природы?

<*На полях:* Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною. (Коринф. I, гл. VI, 12.)>

3 Июля. После такого большого дождя Петя взялся копать червей своим землеройкам, и оказалось, что там, внизу, куда дождь не дошел, земля еще от прежнего солнца была совершенно горячая. Можно думать, что это станет с влагой, когда сверху начнет ее жечь, а земля снизу горит. Вода, конечно, снова поднимется и снова упадет в виде дождя.

Так где человек, везде и природа, везде. Может быть, механизмом человек побеждает природу, и тут за механизмом действует сила разума или способность действовать по плану: разум, план, механизм: от разума план, от плана механизм, и вот победа. Но появляется Робот и побеждает опять человека, и, проклиная новое рабство, человек вздыхает о рабстве древнем: кажется ему иногда, мерещится, что в те времена лучше ему было.

Пишу еще надвое: туда очень мало и больше, главное, с большим аппетитом сюда в дневник о том, как надо будет писать.

Когда же пробьет час, я буду писать о том, что надо, и в единстве.

Введенский прислал письмо, — что на Пасхе дочери его ему показали на солнце: солнце играло. И он мне это сообщает как любителю природы.

4 Июля. Петю отправил в Москву укладываться для переезда. Перечитал «Падун» — хорошо. Покатился к пруду. Пришло в голову: Зубарек не будет ломать скворечники, а пойдет следом Осипа: тот принес дупло для скворца, этот ищет гнездо для Кондора.

Иволги. Вылетевшие галчата и молодые грачи.

Переживаю «вчера» от Анны Дмитриевны: слух об отмене собственности на квартиры с возвращением денег. И нисколько не страшно: как-то не в этом все дело-то, и, напротив, крепнет вера, что твое настоящее «Я» от тебя никто не отнимет.

Плетневская история: самое ужасное, что думают, будто ему теперь лучше, чем прежде. Какое хамство! Это ничего, значит, что можно без суда ошельмовать человека на весь свет, лишь бы жилось ничего. И так это именно теперь и пошло́: плевать, куда попадет, за это не отвечают...

— А что если, — сказал он, — войны действительно больше не будет, как многие недавно говорили о прошлой войне: последняя. Народы изведут себя без войны: будут готовиться к войне, все на войну свое отдадут, и ничего не останется.

Встреча героя.

Человек на 4-х ногах. Для него поэтическая площадка в парке над прудом. Если о себе думать, вернее, о личности, которую вынашиваешь, то человек на 4-х ногах страшилище. Но если себя пропустить и как-то прямо думать о нем, как бы ему сделать лучше, то, право же, ведь не плохо это чудовище на 4-х ногах («человек и человек, чего вы хотите?» — сказал Бетал). И тот же мотив «Пионер» в Кабарде.

Счастливый покойник.

Говорят, что будто бы Крупская о Плетневе сказала, что ее он лечит хорошо и не кусается. Еще говорят, что дамы, больные сердцем (не сердобольные), завалили Плетнева цветами. И еще говорят, что кто-то, увидав цветы, понял, что Плетнев умер, и так пошел по Москве этот слух, будто Плетнев не пережил своей диффамации.

В ответ на хулу больные сердцем дамы (не сердобольные) так засыпали Плетнева цветами, что некоторые граждане, живущие, вероятно, в том же доме, мельком увидев множество цветов на лестнице возле квартиры знаменитого доктора, поняли это в другую сторону. И вот от них уже пошло по всей Москве, что профессор не пережил хулу «Правды» и умер.

Так вот бывает, что уж как повезло, так и пойдет все больше и больше везти. Слух о трагической гибели замечательного врача вызвал лавину добровольных протестантов, и так дело дошло до Хозяина. А когда Хозяин велел расследовать и Вышинский не нашел следов преступления, то враги, заявившие свое полное согласие с неведомым автором хулящей статьи, один за другим потихоньку, не глядя друг на друга, поплелись к Плетневу просить прощения. Знаменитый Кончаловский, говорят, в приемной у Плетнева сидел три часа и все-таки не был принят.

Но я думаю, — раз произнесенная хула не может быть совсем уничтожена даже официально напечатанным ее осуждением. В какой-то части своей хула непоправима, т. к., напр., она легко могла бы вызвать смерть самого Плетнева. Но тем более непоправима та хула, которая не имеет даже печатного опровержения.

Яловецкий до того осторожен, что некоторые суждения считает неверными и прямо возражает «неверно!» лишь за то, что они произносятся вслух. И сам же он их разделяет, если они будут сообщены как «подразумеваемые». Что-то вроде «мысль изреченная есть ложь». И вот, говорят, в Москве сейчас все так и живут, не произнося никаких рискованных слов, но подразумевая их.

Когда сядешь наконец-то за работу, и дело начинает идти, вдруг, бывает, ворвется чужой человек, и это как смерть, все, что должно было родиться — он перебьет. Этот тронутый инженер Низов нашел секрет открывать мою калитку и врываться. Так и пропал вечер. Но я думаю, литературное дело как пар, чем больше сжимать его, тем он сильнеет и в конце концов найдет себе выход.

После Низова Кожевников. Тем, что мы нажили в Териброве, в Загорске, надо безмерно дорожить и никуда не переезжать: этих отношений нажить в Москве, говорят, невозможно.

Надо помнить, что мир остается всегда таким, как он есть, но мы изменяемся от детства до старости и нам кажется вместе с тем, будто и мир весь изменяется.

Часто хватаются за прошлые моральные ценности, каких теперь уже нет. Вот сейчас при разгроме Абиссинии, Испании многие хватаются за старые условные понятия международной этики, хватаются, а взяться не за что («и мостик сломан на пруде, одни столбы торчат в воде»).

Так они жили... и не тужили. Но вот начало и до них доходить, что не в красоте и не в озеленении тут дело.

5 Июля. После грозы и того большого теплого дождя жара не возвращается. Вчера спустилось до +12, сегодня с утра моросит дождь при +11, ветер и все как осенью.

И тогда неожиданно заговорило такое, о чем всегда привычно думали, что оно заговорить и не может.

Вот если бы розановскую психологичность да + укрытие субъекта. Но вот именно тут-то и возникает вопрос очень трудный, как укрыть субъект и сделать объект психологическим.

Того нет, другого нет, хочется перчатки купить теплые, а пропустил лето: именно летом надо покупать зимнее, а зимой запасаться на лето. И так постоянно чего-то хочется.

Хочется написать Плетневу:

Многоуваж. N. N., считаю своим долгом благодарить Вас за помощь, оказанную Вами моей жене Е. П. П., она при Вашем лечении быстро поправляется. При этом пользуюсь случаем уверить Вас, что с поры появления в «Правде» <*зачеркнуто:* хулиганской> статьи о Вас <*зачеркнуто:* написанной хулиганом автором и поддержанной хулиганом редактором> я ни одного мгновенья не верил ни одному написанному в ней слову. Скажу <*зачеркнуто:* прямее> более, я отношу эту статью к самому злому сознательному вредительству и чувствую себя угнетенным до крайности, потому что сегодня Вы, а завтра я и все мы, подлинные работники науки и искусства, под угрозой хулиганских нападок прессы.

Я спросил К.: — Почему Альмединген с дочерью мог вдвоем редактировать журнал «Родник», да притом еще служить где-то в артиллерийском ведомстве полковником, а для «Пио-

нера» нужны десятки служащих? — К. взял коробок спичек и положил: — Лежит, — ответил он, — и никого не надо: сам лежит. А попробуйте держать на ребре: нужен палец. Так и наши детские журналы, как и вся нынешняя жизнь — все на ребре!

Нужно непременно достать книгу Беломоро-Балтийский водный путь, может быть, хотя бы тем она будет полезна, что даст мне материал.

Почему мы неохотно идем, когда нас зовут на консультацию по детским журналам? Потому что мы знаем, — это нужно не для детей и не для журнала, а для устройства каких-то еврейчиков возле журнала, и удачные мысли, которые ты выскажешь, они как-то утилизируют для себя.

Я ехал на велосипеде, бабы крикнули: — Старый, а на машине едешь... — Старый, — ответил я, — а еще и на бабе проеду.

Розанов «Когда начальство ушло».

«Для меня несомненно, что исчезновение “начальства”, таяние его, как снега перед солнцем... вернее — перед весною... начинается и всегда начнется по мере возрождения в человеке благородства, чистоты и невинности».

«Благородство — это деликатность человека к человеку. Ясность души, покой ее. Правда уст и поступков. Мужество. Но душа всего этого — деликатность, вытекающая из какого-то глубокого довольства собою, счастья в себе... неоскорбленности...»

«Боже, если бы мы могли забыть обиду... Но мы никогда ее не забудем и не станем свободными».

Из беседы с N. и N. выяснилось, что ни с «Октябрем», ни с Союзом ничего общественного мне начинать не следует. Правда, я не в ЦК, я не в курсе политики, и в этом отношении Панферов будет не товарищем моим, а господином. С другой стороны, он какой же писатель! и, как плохой, наверно с большим самомнением, которое будет поддерживаться еще силой политики. Так выйдет, что «...пред особой знатной чиновник маленький стоял». Невозможно. А те добрые дела, о которых я помышлял: учить молодых в Союзе, — они повлекут бесчисленные жалобы обиженных, тронутых и всяких претендентов на литературный если не трон, то порог.

Видел во сне явственно Горького на заседании возле шахт. Я сделал предложение сойтись всем в деле изучения шахт и все

материалы сносить к Горькому и вместе творить. — Если вам, А. М., по здоровью своему тяжело, разрешите, я все возьму на себя. — Он просветлел и кивнул в том смысле, что вот этого именно все мы и ждем и так надо.

Ну, конечно, дело не в евреях: русские, если возьмутся, то и делают и выглядят хуже евреев. Но порядочные русские не берутся, плохим же всегда еврей предпочтительней, и в этом смысле евреи делают нам большое одолжение. Но далеко на евреях не уйдешь, они мелкие люди, ограниченные силами лишь подсобничества. Порядочным же русским людям власть как бы не свойственна: рады бы, но не могут и ждут, чтобы пришел кто-нибудь к власти со стороны, и в особенности немца (варяга) любят.

Вспоминал, как жаловался я в ГИХЛе на то, что о мне нет ни лекций, ни юбилеев, в ответ же я встречал недоумение: мне ли, столь известному и почтенному, жаловаться на такие пустяки. — Хотите, — сказал Панферов, — мы вам все это устроим! — До того, значит, разделилось официальное признание (которое так легко сделать) от того, которое само делается (читателями) и не подтверждается юбилеями.

6 Июля. Дождь от раннего утра. Встречаем героя СССР Алексеева в Загорске.

Есть у русского человека болезнь, влияющая на весь ход русской истории, это болезнь и горе — что у всякого русского человека язык чешется и что он живет и с трудом хранит заветное, выжидая лишь случая, когда можно ему перешепнуть кому-нибудь и тем облегчить свою душу.

Встреча героя расстроилась: сеногной на весь день.

Мария Дмитриевна Менделеева прислала философское письмо, в котором называет меня очень добрым человеком, пытающимся все примирить. Интересно мне, что ее упрек в «доброте» исходит из того же источника, что и у тех, кто упрекает меня в без-человечности.

На самом деле я не так-то «добр» и не так-то бес-человечен. Я пишу о зверях, деревьях, птицах, вообще о природе от лица такого человека, который в жизни своей как вовсе бы не был оскорблен или преодолел бы свое оскорбление, непременно тем самым вызывающее злобу. Я не беру такого человека из

головы, не выдумываю, это я сам лично, поместивший занятие свое искусством слова в ту часть своего существа, которая осталась неоскорбленной. Впрочем, я тогда не думал о себе, мне думалось, что вся поэзия вытекает из неоскорбляемой части человеческого существа, и я взялся за нее как за якорь личного спасения от оскорбления и злобы.

Вот отчего в своих книгах я оптимист и совсем неисправимый, потому что всего себя отдал служению неоскорбленного существа человека. Если бы я ошибался, то, наверно, давно бы попал в дом умалишенных, но выходит напротив: у меня появляются друзья, все больше и больше, даже в Англии, даже в Германии «Жень-шень» назвали «мужественной» книгой. Я даже теперь настолько убедился в реальности своего «неоскорбляемого видения» (см. «Родники Берендея»), что считаю себя первым настоящим коммунистом, потому что действительно новый мир можно построить только из неоскорбленного существа человека. («Красота спасет мир» — сказал Достоевский.)

Вместе с сыном, который делает аспирантскую работу в лесу, изучая фауну по разным этажам леса, я занимаюсь в том же лесу своей фауной верхнего этажа, где живут птицы Алконост и Гамаюн. Опыт молодого ученого только убеждает меня в реальном существовании моих верхних птиц, хотя научным методом существование их доказать невозможно.

Точно так же, если разделить по этажам существо человека, то наверху будет «неоскорбляемый», а внизу униженные и оскорбленные. Только не думаю, что это сверхчеловек, нет — это «Я», т. е. сама душа в ее неоскорбленной части. Верно, что эти «Я», у одних спящее, у других дремлющее, у третьих встревоженное, ищущее, у четвертых творящее, когда-нибудь сойдутся в Мы, и, значит, я — коммунист.

7 Июля. Продолжается сеногной.

Письмо Д. Д. Плетневу.

Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич,

считаю своим долгом выразить Вам мою глубокую признательность за помощь моей жене, которая, благодаря Вашему лечению, быстро поправляется.

Пользуюсь случаем уверить Вас, что с первого же прочтения известной Вам статьи я думаю о том огромном вреде, который наносят нашему культурному строительству <*зачеркнуто:* подобного рода завистники... возможность подобного рода... в наших условиях... подобного рода хулы.> Я желаю Вам здо-

ровья, чтобы перенести такое большое несчастье, желаю стойкости, мужества в борьбе с врагами строительства той счастливой жизни, о которой с такой радостью мы услыхали из уст нашего великого вождя.

Люди тем отличаются от животных, что любовь свою начинают с лица и часто и себя-то впервые поймут, прочувствуют по себе всю историю культуры человечества до того момента, с которого животные только начинают свою любовь.

В любви своей люди тем отличаются от животных, что ее начинают с лица, и часто бывает, что человек и себя-то впервые поймет и даже, поняв себя, перечувствует по себе всю историю человечества до того момента, с которого животные только начинают ту же самую свою половую любовь. И так, начав с лица, человек в любви становится личностью прежде всего, — и это с него спрашивается, а продолжение рода не всегда еще и существенно. Тогда как животное в любви своей лишь продолжается как животное и личностью вовсе и не становится.

8 Июля. Прохладно-ясное утро. Приступаю к 5 главе. Мало могу писать, заболевает голова. Но, кажется, напишу. Вчера приезжала «Морошка», северная женщина, окающая и крепко сшитая.

Думаю о «по ту сторону добра и зла» = там, где человек не оскорблен, не обижен. Там находятся родники поэзии. Проходя оттуда к нам через почву добра и зла, поэзия часто принимает вкус добра и потому поэта часто считают добрым человеком.

Поэзия начинается не от добра.

По ту сторону добра и зла хранятся запасы мировой красоты, лучи которой, проходя через облака добра и зла...

Осипа надо дать всего как есть из Берендеевой чащи, вернее, просто живого, как его видят. Его разговор стихами, когда Зубарек спрашивает: надо провести. Создать четкий северный тип (частично думать о Морошке).

Я скажу вам, это не эгоизм, а натура («нутро»).

Эгоизм появляется, когда натура ломается, напр., крестьянин переезжает в город.

Лева начал быть эгоистом, когда сошелся с Галиной.

Наполнить лес медведем.

Квартира есть реальность.

И неоскорбленная часть души — тоже реальность.

Но я квартиру получил, потому что я «большой» писатель, а большой, потому что не из-за денег пишу (неоскорбляемая часть души). Другой же пишет из-за денег и уже давно имеет квартиру. Значит, — при чем тут неоскорбленная часть? Вопрос: что реально, квартира или душа? То и другое реально: одно — это всё (деньги, квартира), другое — это «я». Квартира (помнишь «положение»?) — это «счастье», это «успех» — это: «богатый», это необходимость, государство и проч.

Вчера вывелись дикие утки (охотничьи).

Приехала Вика из Москвы, рассказала, что сегодня от Левы вещи перевезли, что Анна Дм. кипит и Петя с Викой на новой квартире уже ели макароны на постн. масле.

Итак, Колин — Панферов и весь этот зов «поближе к нам» = тому, о чем пишет Менделеева: не мир, но меч.

В корнях дерева можно представить себе случайное углубление с отвесными стенками, куда свалится землеройка, и к ней будут падать лягушки, жуки.

Невеличка — это верхний этаж.

Вечерняя прогулка на Вифанский пруд. Хороший вечер. Первый, кто залюбовался отражением в воде — был первый художник, и его искусство началось, как и вся жизнь, от воды.

9 Июля. Переменная, неверная и прохладная погода продолжается.

Фетиши и маски: сначала были фетиши (цари, иконы), теперь пошли маски: там было непонятно, потому что далеко, здесь непонятно близко.

Даль создает тайны и фетиши, близость — маски <*зачеркнуто:* непроницаемые>.

Маской может быть и то, что иной говорит искренно, душевно, даже так, что, высказывая, сам верит в свою искренность. А расстанется с тобой, — вдруг охладеет: окажется, это он настроился под непосредственным влиянием твоей личнос-

ти. И вслед за тем, как разошлись, он может поступить совсем по-другому.

Я в себе этого очень боюсь, так со мной бывает, но, кажется, до сих пор я еще этим никого не подвел.

Личное влияние. Бывает, прислуга доложит о ком-нибудь и скажешь: — Гони вон! — Но домогатель сам вошел, и делаешь вид, будто охотно его принимаешь. Так создаются защитные маски от соприкосновения с чужим человеком. И вообще маски вызываются необходимостью быть с чужим человеком. В революцию в России появился чужой человек.

Могу писать письма и что угодно, только не свою работу, как только берусь за работу, начинает болеть голова.

8 у. Териброво с Ладой. Единство дерева. Рожь желтеет, волнуется, перепел выходит. Картошка цветет.

В середине лета бывает всего так много, так хорошо, так тепло, приятно, и так все это чувствуешь, что нечего и говорить, и всякий повторяет действительно: «нечего и говорить», как хорошо. И это правда, потребность в слове является лишь... при условии недостатка в чем-нибудь, когда пустоту в счастье заполняют словами.

Эрудиция. Многие чувствуют то же самое, что и великие люди, и стоит при этом сделаться литератором, мгновенно может возникнуть догадка о том, что, может быть, и я тоже велик, только вот чего-то не хватает, — чего? С этим вопросом о себе (чего не хватает?) идут к признанному мастеру под предлогом выразить ему свое величайшее уважение. Впрочем, ко мне часто идут и без всякого предлога и о своем уважении ничего не говорят. Мы долго с одним таким претендентом ходили кругом и около в поисках, — чего ему не хватает. И когда он, оказалось, моих книг почти совсем не читал («где их достать?»), я спросил, читал ли он Диккенса. Нет, не читал (где достать?). Но какой Диккенс, Гоголя и то не всего... Мне показалось грубым сказать ему прямо, что он человек невежественный. Я сказал:

— Вам не хватает эрудиции.

И узнав, чего ему не хватает, он очень обрадовался и согласился:

— Не хватает эрудиции.

Подразумевалось: а хвати эрудиции, был бы великим человеком.

Рожь почти налила и буреет, клевера в полном цвету, и картофель тоже цветет. Овес в колосе, и лен еще не отцвел.

«Гениальная мысль»! прочитал в своей книге «Север» — что когда озера от Надвоицкой плотины разлились, то создались острова новые, и были торфяные плавучие острова с гнездами, зверями, и среди них Зубарек.

Значит, последняя глава <*приписка:* продолжение аврала> — это туман и буря — на Выгозере, идет пароход «Чекист» и встречается с плавучим островом.

Дупляная утка — (гоголь = прочитать дома о ней): поместить тоже в то единое дерево, в дупло (желны — это дупло от удара топором — гвоздь — повесил кошель).

10 Июля. Пробиваются лучи через облака, падают редкие теплые капли. Полная уверенность в хорошем урожае, и только уж по русской привычке скажут непременно: «вот только как с уборкой».

С тех пор как завелась у меня определенно «своя мысль», т. е. я начал писать повесть и, гуляя, думать все только о ней, природа мне перестала даваться, и я получаю от нее во время прогулок только чисто телесные наслаждения: чувствую, что все вокруг хорошо. Так вот и дачники...

По большой теплой капле пробегает по каждому тяжелому колосу, капля каждая еще ниже капает. Солнце взошло, и засверкал весь народ, а вы что думаете? это народ, как массы! И у них васильки бесполезны — это нам искусство.

Запах (легкий) спиреи, и это очень хорошо, что знаешь, а то всю жизнь ходишь и не дознаешься.

Бочаг: камешки, водица — а что вокруг над водой высокого выросло! Спирея белая, красный Иван-Чай. Прямо видишь, как у воды... и вот вода — начало.

Сквозь ветви ели, охраняющие меня от слепого теплого дождя, смотрю на цветы этой лесной поляны: как они покачиваются, принимая каплю. И думаю, спрашивая: есть ли душа человеческая, неспособная покачнуться от такого теплого дождя в лесу? И ответил себе: есть такая душа, это обиженная душа...

Покойники — близкие люди, которых любил и продолжаешь любить, это еще не совсем мертвые, и даже это существа

такие, что могут быть живее других живых. Мертвые же люди...

На лесных покосах, известно — косят, а цветы прячутся в кустах: их там не достанешь. И каждый кустик — букет.

К рассказу «Эрудиция»: кто по таланту, кто по усердию (все перечитал) обладает литературным вкусом, — тому сразу виден весь культурный состав своего гостя, кончил он два факультета или ничего не кончал: культурность человека почти не зависит от факультета. Обладая литературным вкусом, вы прямо стоите как будто возле чистой воды и рассматриваете, как все в ней отражаются. А тот, кто отразился, и не подозревает о своем отражении, он пыжится, прячется — смешно смотреть. <*Приписка:* И, может быть, к счастью общему, я не встречаю культурных людей.>

— Сметану п а х т á л а.

«Паровые гуси».

Соус Устьинского.

Поведение в Москве: нельзя говорить о «чем-то» и с какими-то людьми. И весь секрет поведения в том, чтобы чуять везде это «что-то» и тех людей, которые этого ждут. Надо совершенно уничтожить в себе все остатки потребности «отводить душу».

Не забыть виденное в окно: некто в Загорске ехал верхом шагом и читал, сидя в седле, газету...

Возможно в заключительной главе мне (автору) взять Зуйка и с ним забавляться пуском, и я ему рассказывал, как управлять и строить: по опыту своему, то, что написал в «Падун Мих. Пришвина».

Вечером приехал в Загорск, тут еще больше дождя и тоже очень тепло: субтропики.

Петя приехал из Москвы и рассказывал о подвигах Анны Дмитриевны с красною мебелью. Петя классически ничего не понимает в мебели, как мужик. Впрочем, понимают в этом немногие, а только притворяются.

11 Июля. Опять такое же солнечно-облачное теплое утро, как и вчера.

Обиды разного рода — это раны души, одни тоже, как раны, заживают скоро, другие очень долго, третьи с детства и на всю жизнь. Страх, я думаю, собирается вокруг больного места, он предупреждает об опасности: где-то болит, и вот страшно, что этим больным местом зацепишься.

Писать по художеству, как все равно и любить что-нибудь, возможно лишь забывая личные обиды. Я пишу, конечно, в обход всяких обид из целины души и, вспоминая все пережитое, не знаю, как объяснить сохранность в себе неуязвленных мест. Мне кажется, что в самой природе таланта заключается какое-то легкомыслие, вроде сорочки счастливого: родился в сорочке, и все как с гуся вода.

Замечаю себе, что надо стараться записи делать как можно лучше, имея целью научиться сразу писать: посмотрел и написал. Такого рода записи должны быть очень вкусными, если вкус понимать как (у)кус.

От главы, посвященной почти целиком жизни одного дерева, открывается путь введения целого ряда подобных глав, не включающих героя, но связанных с ним так, что отсутствие героя делает героем, напр., дерево, — для одушевления леса, или описанием каких-нибудь двух сестер речек, вскрывающих душу воды. Эти главы вместе с тем необходимы будут для замедления действия. Эта «душа» леса у меня найдена в дереве, предстоит найти «душу» воды (хорошо видно в разрушении лесистых берегов: деревья, напротив, созидают берега).

Голодный день, спит Павловна: ложится в 2 ночи, а я в 5 у. встаю, в 12 нужен обед. От 12 до $^1/_2$ 3-го я трачу на ожидание еды. И ничего сделать нельзя, если возмутишься, то совсем лишишься еды: она все бросает. Нельзя распоряжаться прислугой, а она дурит. Нельзя против нее: больна. Жизнь указывает оставить ее. Трудно одному в деревне: день велик. Но, может быть, и привыкну, как уже, кажется, за год победил в себе необходимость...

Визит Веры Антоновны (классический).

Визит Бострема.

Раздобыл через НКВД тот самый «Канал», из-за которого так перемучился в свое время. Трудно представить себе что-либо более бездарное.

12 Июля. Петров день.

Начал работу над книгой «Канал», надеюсь выжать из нее все соки, какие в ней есть.

Песня ýрок: поет народ, а сочинял подхалим — неужели песня народная?

«Стиль чекистской работы совершенно исключает неуверенность в собственных силах» («Канал» 155).

Разговор с Бостремом о нечестивости прямой воли Толстого в морально-религиозных вопросах и о слабости его же воли в борьбе с Соф. Андр.

Мой падун: та исправляющая сила общественной работы, которая растворяет оскорбленное «я» урки, пусть будет преобразована в этом «я» мальчика Зуйка, охваченного лесами. Найти проток души каналармейца, его угнетенного «я» — к «я» Зуйка.

Канал мой. Конец: — Где же люди? — Не ищите их далеко, они здесь: они отдали свое лучшее, и их так много, что имен не упомнишь. Имена здесь сливаются в народ, как сливаются капли в падун.

Мысль Бострема о том, что фашистская идеология массам непонятна. (По всей вероятности, это верно.) Вследствие этого они слабее коммунизма. И вот почему Англия, держась своей политики равновесия, не соединяется с красными в Испанском деле: фашизм слабее красных.

Статья Розанова «Амнистия»: Ваал и Каин. «Своя кровь». «Мой дом, где меня все любят». Это возвращает меня к вечной мысли о моем перевороте: от революции к себе, и это (свой дом, где любят меня) как идеал, к которому революционеры должны прийти и начать творчество от неоскорбленной души. Что-то вроде этого...

Теперь видно, что я в поступках своих, в мыслях исхожу из этого «переворота», верного в моей убежденности, подтвержденного опытом, но в существе своем для меня еще неясного. Тут надо думать и думать.

«Мой дом, где все меня любят» — почему бы нельзя его расширить до всей земли, всей природы, всего мира как органического целого: все это ведь «мой домик», а вне его царство Каина.

Книгу Розанова перечитать и проблемы пересмотреть на себе.

Вести из Каинова мира: арестован Сулимов и другие. Перестает действовать на душу, вроде того, что «не своя кровь».

Вспоминаю, что в какой-то Московской праздничной кутерьме смотрел на портрет Ленина и Сталина и мне было их жалко. Тогда я это чувствовал, но не знал, из каких золотых родников души выходит эта жалость. Так, наверно, очень много и в моей душе, как во всякой, скрыто золотых родников, о которых и не подозреваешь. Деньги-то нам, писателям, платят именно за умение находить эти родники.

Мы, человеки, как отдельные корешки, питаем один общий ствол, и если я о чем-нибудь догадаюсь в себе, то это, значит, и для других корешков: все то же самое, вот почему, когда писатель говорит о себе, он говорит и о другом.

Утята от нашей кряквы чрезвычайно живые: был утенку всего второй день: вчера из яйца вылез, а сегодня отгонял воробья от общего корма, воробей скоком, а утенок рысью и догоняет. Вот больше и больше такого, в этом внимании — религия будущего.

Наседка, курица вывела утят. Как только вышла курица, утята побежали к утке с ее малышами и присоединились к стаду. Утка, защищая своих, бросилась на курицу и прогнала. Курица осталась при пиковом интересе.

Вечером отправил Петю в Москву стеречь квартиру до 16-го.

Розанов строит план как бы онаучивания мира: что «сознательные» неминуемо должны стать на место верующих. Были верующие, теперь сознательные. Он мог так строить, в то время всемирная катастрофа была в отдаленнейшем мечтательном плане. Теперь катастрофа придвинулась вплотную, и никакой линии будущего провести невозможно: кажется, что после катастрофы все переменится, и, во всяком случае, всякая линия за «после катастрофы» ломается. Так возникает в ученой среде эта новая форма эсхатологического чувства (чувства конца мира).

Так «всемирная катастрофа», предчувствие конца мира сопровождало всю мою жизнь. Смыслом моего личного конца теперь должно быть — это нащупать сквозь толщу катастрофы хоть каких-нибудь вестников желанного мира.

Берег держит воду
Вода моет берег
Сейчас он держит воду
Завтра вода его размоет
Кто же сильнее, вода или берег?
Так у людей муж держит жену
А жена размывает мужа, как берег
Кто сильнее?

Берег у воды как губка, впитавшая жизнь.

14 Июля. Продолжаю читать «Канал имени Сталина».

Не тем одушевились инженеры, что усвоили катехизис социализма, а что беда живым открыла живое, неоскорбленное место души для творчества.

В идеалах своих человек стоит всегда как летчик перед воздушными ямами, — перед возможностью внезапного провала к дедовской морали: то вот только говорил, что надо ради общего дела разорвать с семьей, а то вдруг лепечет: чти отца твоего... Да, растеряется, и в это время то выпирает...

Канал, 188: ...строители канала в огромном большинстве виноваты были лишь в том, что шли против большевиков, а во всем остальном инженеры и крестьяне были нормальные граждане. Пожалуй, именно своей деятельностью и в таких тяжких условиях они доказывали великодушие человека, что человек при всяких условиях будет жить и творить. Чекисты же осуществляли государственную принудительную власть (социализмом тут, возможно, вовсе и не пахло). Из этих элементов: сила чекиста, как бы разбивая атом, освобождала из него творческую способность... просто молоток на одной стороне — на другой «перерождение» = атом без оболочки = человек без счастья. Работать, писать, творить интересно и без счастья — инженеру, и мужик будет работать без счастья: он ведь природный общественник. Так это в образе: берег и вода = некое временное равновесие сил. И канал — как система, равновесие, которое надо человеку поддерживать. Можно ли, глядя на канал, видеть эту скрытую борьбу? Можно: вот сочится, вот...

Так и «поляна» — поля с деревней в центре — в лесу есть такая же система, равновесие, как канал, и тоже коллектив в основе равновесия.

Дикие утята выходят из яйца такие, что у них все готово. Это годится для изображения вылета дятлов.

15 Июля. «Своя же баба да на чужом огороде и то слаще» — старомужицкая поговорка, можно бы и так ее повернуть: свой же председатель да в чужом сельсовете и то как-то почтеннее выглядит. Так что и «сладость» к женщине, и почтение к представителю власти возрастают прямо пропорционально их отдаленности. Самая сладкая женщина — это Прекрасная дама, самый великий властелин — Иегова <*зачеркнуто:* фараон>

Помнить, что все подобные записи надо делать сразу без последующих поправок, чтобы они выходили вполне законченно.

Чувствую в своих писаниях ту реальность, что я побеждаю как-то и после какой-то борьбы за что-то — мое «что-то» остается сохраненным и заключенным в моих писаниях.

Я думаю, что литература современная должна быть биографией: правда, «вечности» нет, из чего же исходить, из какой реальности?

В этом и есть секрет моей долговечности в литературе: я пишу только о том, что сам лично пережил.

Не мню я себя великим писателем и это целью себе никогда в жизни не ставил: ни славу, ни деньги. Я пишу в свое удовольствие и не знаю почему: так это хочется. Но читатель меня убеждает, и я думаю, что так мне и надо писать. Еще убеждает меня долговечность моих писаний, из которых Колобку уже 32 года, и он всё юн. В чем же секрет этой долговечности? Я думаю, в то́м, что все мои писания есть биография.

В логике, в рассуждении есть путь ухода от непосредственной жизни. В этом уходе от жизни мотивом может быть оскорбленность души и страх перед новым оскорблением. Вот почему евреи рационалисты и их нынешние таланты все головные и почему нет евреев на тяжелых органических работах.

Сосна горела, как свеча. На озере у самой воды летела утка и от утреннего приозерного тумана казалась огромной птицей.

Не биография даже, а признание. Правда, в многих вещах нельзя признаваться, но для чего же искусство? Вот идут превосходного сложения женщины купаться и на моих глазах раз-

деваются. Невозможно мне признаться в своих чувствах. Но я заметил, что в эту ночь крот сделал себе дырочку и набросал холмик мягкой земли как раз на том месте, где купаются женщины. И мои две красавицы сели как раз возле кротовой дырочки. Невозможно мне описать свои чувства, но подземное существо черное, мохнатое, слепое, с одним обонянием — почему бы не описать? Опишу крота, и никто не догадается, что в нем я скрыл свои подземные чувства, в которых прямо невозможно признаться.

При таланте и большом мастерстве можно решительно все описать.

Писать понятно для всех, по-моему, невозможно: пройдет некоторое время до тех пор, пока произведение будет признано полезным для всех. Конечно, и когда будет признано, понимать будут не все, но тогда в силу того, что «надо», непонимающие будут делать вид, что понимают.

Вот почему я не пишу для всех и вовсе не забочусь о дураках, признали бы умные, а дураков рано или поздно заставят признать.

Вспоминаю, как в Кеми стрелок убил заключенного при попытке бежать. Начальник, сопровождавший нас, негодовал только на то, что убитого долго не убирают, а что убит человек, этого вовсе не было: убит заключенный при попытке бежать, и стрелок непременно был должен убить. Человек тут не был, а только один механизм: заключенный и стрелок, бежит заключенный — его убивает стрелок, а не человек.

В таком сцеплении всех, совершенно бесчеловечном, и происходила постройка канала. В том-то и есть неприятность и глубокая фальшь сборника «Канал им. Сталина», что авторы чекистов хотят сделать человечными.

Навестить Шкловского с целью узнать, нет ли еще чего по Беломорстрою, книг, музея.

Питание + размножение = животная жизнь + сознание = человек.

Потребности 1) питания 2) размножения и 3) сознания.

К полету Громова в Америку. Похоже, что авиация у нас действительно стоит высоко. Но и как ей не быть высоко: люди-то какие! Что мне терять? что у меня остается? Ничего! И я лечу. За Громовым сотни тысяч такой готовой молодежи,

только позвать — и каждый с радостью полетит, куда только велят.

16 Июля. Рябина краснеет. Выходишь из дома — есть о чем думать, конечно: так вот сегодня у меня сидит в голове необходимость обдумать объективно отношения чекистов и инженеров на Беломорской стройке.

Я думаю об этом и должен непременно о чем-нибудь думать. И когда хорошо, то непременно эта дума будет выбита встречной думой от впечатления, в которой разрешится и та моя отвергнутая дума.

Инженер чекисту: — Мне приятно быть полезным, но неприятно, когда меня используют. Сделайте милость, не старайтесь учить меня, как надо, и я буду полезным.

Эти сосны в косых лучах солнца! и вдруг мысль, что они мои личные, а не общие. Вмиг это становится, будто я в эти сосны как-то мыслью проникаю, слежу за ними постоянно, вижу их корни: все внутреннее. Это — моя собственность. А когда я спрашиваю Сергея Ивановича: — Что если бы сосны эти были наши? — Мы бы, Мих. Мих., — говорит он, — тут бы дачи поставили: там ваша, тут моя.

Хочу собрать весь комплекс этических вопросов, который стоит перед современным человеком.

Начало такой проблематики: — Жизнь меняется, и мы изменяемся — любим иначе.

— Может быть, все меняется, а я остаюсь на своем месте.

— Дайте же мне время подумать, в себя прийти, — говорит инженер.

— Нет времени, — отвечает чекист, — канал должен быть закончен... если каждый инженер будет в себя приходить...

— Как же разрешается этот спор?

— А вот как разрешается. Мысль какая-нибудь колом стоит в голове и требует разрешения. Ты выходишь на работу, встречаешь во время производства ее что-нибудь неожиданное: оно выталкивает твою мысль, и вдруг через эту борьбу получается разрешение. Чекист прав в том, что он должен толкнуть инженера на работу, инженер прав в необходимости «прийти в себя».

Вода прибывает, и люди прибывают.

— Товарищ — дайте же мне время прийти в себя, для государства выгодней будет, если я сам буду держаться на своих ногах, чем заставлять одного держать меня в воздухе за волосы, а другого подгонять, а третьего указывать.

Разгадка утенка. Ящик такой, что ни одному утенку из него не выбраться. Но каждое утро в кухне утка вылезала из ящика и на весь дом орала, вызывая из ящика утят. Каждое утро я должен был эту утку хватать и уносить на двор, чтобы моим домашним можно было еще поспать. Каждый раз вместе с уткой на полу я находил одного утенка и, не очень раздумывая, просто дивился, как это он один и мог выбраться из ящика. Однажды я перевязал ножку утенка белой ниточкой, чтобы узнать, тот ли самый утенок или же все разные. Оказалось, утенок все тот же, но мало того: когда на дворе дают утятам крошево, один утенок всегда отгоняет воробья и гонится за ним. Он гонится [успешно], потому что воробью надо скок-скок, а утенок мчится со страшной [быстротой].

Рождение Левы (8 Июля).

Краснеет рябина. Опадает мак, падают красные лепестки: зеленый жук вполз в мак, обломил красный тяжелый лепесток, венчик, — упал со всеми своими тычинками; ветер помог, всё упало, со всеми тычинками, и вдруг из большого красного вполне готовый во всей своей форме плод: маковая головка.

Обстановка: краснеет рябина, поспевает горох, завязались огурцы, отходит клубника, рожь спеет...

Встреча с Андрюшей, мой рассказ о штурме муравьев и его отказ: «Не хочу быть нижним муравьем».

Петя приехал из Москвы: работа в квартире кипит, столяры, краснодеревочники.

На слова Андрюши: «Не хочу быть нижним муравьем» — что все-таки не в этом дело. Возможность «нижнего» не исключается ни при каком строе. Это так. Но все-таки, давая такой совет, надо помнить себя и спрашивать: не зажирел ли ты сам?

17 Июля. Пете в Москву: 1) Об Успенском у Шкловского. 2) Матери: чай, сало, колбаса. 3) Накоряков.

Сознание человека расположилось, как опилки на полюсах, на основах двух потребностей: питания и размножения.

Питание	Размножение
Война	Религия
Наука и техника	Искусство
(Мужчина)	(Женщина)

Пришло в голову, когда рассматривал опадание лепестков мака: лепестки опадают вместе с тычинками, а женский орган превращается в плод. Я подумал о плодах: — вот «сущность»! а тычинки (мужское) сделали свое дело (всякое дело имеет конец) и больше не нужны.

Ночью во сне мысль продолжалась на материале чекистов (погоняльщиков) и инженеров (творческая «сущность»).

Еще мне ночью снился мой Зуек как чрезвычайная живость, что тут и вокруг, во всей торфяной глыбе (острове) насквозь пронизано все жизнью — таково ведь всегда болото: потому что в болоте отсутствует движение по линии (деятельность, мужское начало).

Но это все очень плохое рассуждение по поводу чего-то данного в чувстве.

Прохладно-солнечное утро. Поет без перерыва иволга.

Думал о дятле и его гнезде, как видел это сам, и вот что сам видел, а не в книге прочел, в этом есть открытие, т. е. что в «сам» заключается некая познавательная сила и что дело педагога есть научить людей лично входить в жизнь, о которой надо что-то людям сказать.

А то почему же и дипломаты ездят друг к другу для личных свиданий.

Уважаемый Н. Никандр., я хочу приступить к работе о бобрах, и, как мы условились с Вами, давайте заключим договор. Назначьте сами гонорар в таком расчете, что надо заплатить переводчику (в книге N листов) + мне за переработку всего материала в книгу размером в 7 печ. листов. Поимейте в виду, что в счет моего гонорара должна войти поездка в Воронежский заповедник. Подписать договор доверяю сыну Петру Михайловичу Пришвину. Желательно получить английский экземпляр книги, который Вы мне предлагали: по нём будет работать переводчик, а я по своему экземпляру, так будет скорее. Уважающий Вас, Михаил Пришвин.

По поводу опадания листиков мака: не в том дело, чтобы очеловечивать природу, — это бесполезно и даже вредно, как суеверие. Но увлекательно искание, и необычайно обогащают

находки у них, животных и растений, общих с человеком переживаний. Благодаря такого рода находкам открывается перспектива мира как органического целого.

Вспомнилось, и это годится в Канал: найти в Соловецкой тетрадке, как личинка в лубке дерева прогрызает канал и вслед за ней этот канал озеленяется.

Теплый день, теплая ночь, елка почуяла в себе силы, и ей не нужно доктора: она сама бросила на свои раны свой пластырь, ароматную клейкую смолу. Тот же солнечный луч, пробудивший жизнь дерева, разбудил муравьев, и они поползли: им путь был вверх по этому дереву. Добежав до конца, первый муравей утонул в вязкой смоле, и другой, и третий. Новые муравьи по утонувшим шли и сами тонули, и дальше по второму и по третьему, и тысячи, и по тысячам новые тысячи, пока стала [толстая] сухая черная дорога, по которой шли муравьи.

Все это видя, пахан сказал:

— Не хочу быть нижним муравьем.

Или же этим кончить главу заключенного на Дальозере и начать вслед за этим штурм водораздела с паханом.

И может быть общий прием такой: там у Зуйка луч вечерний поднимает ящериц вверх. А вслед за этим глава о людях: что тот же самый луч... и пр. И так же личинка делает канал.

Параллели первой и второй природы с соответствующими концовками и запевками.

«Пожалеть» — вот чем человек так резко отличается от животной борьбы. Но жалеть можно, когда это не ослабляет того, из-за чего идет вся эта жестокая борьба в мире. Если же этой жалостью нарушается все основное хозяйство, то жалеть никак нельзя, надо быть безжалостным. И вот когда либералы, ослабленные претенденты на трон, выступают, маскируясь жалостью, Ницше говорит: — Падающего толкни.

Котлован (или чан) — Бросься! — Не! (Вспомни «Чан» и Блока: понять — поймешь и канал: в этом котловане расчет на простеца, которому «терять нечего»).

18 Июля. Эти дни все дожди и прохладно. Петя уехал провожать сынка своего на Алтай. Вернется 21-го. Павловна варит варенье малиновое, вишневое, крыжовник и черную смороди-

ну. Я перевариваю Канал и раздумываю о «нижнем муравье» и «котловане».

«Броситься в чан» — это и есть «нижний муравей» (психологически): это «не я». Требовать от человека, чтобы он бросился в чан — это значит требовать забыть «я».

Когда в юности я внезапно уверовал в Маркса, — это я бросился в чан, это и был мой штурм и состояние нижнего муравья и «не я» (рядовой марксист). Все сопровождалось любовью к своим, готовностью биться с врагами и умереть (быть нижним муравьем). Вожди чувствуют себя иначе, и это «чекисты», а я — нижний муравей, в котором и есть творческая сущность (маковая головка).

Итак, штурм водораздела был действом, в котором мужем был чекист, а женщиной: крестьяне, уголовники, инженеры.

Есть такое у нас искушение: охваченному радостью, как сладостным огнем... охваченному сладостным огнем радости броситься... (в «Войне и Мире» броситься хотел Николай Ростов, бросился Петя Ростов).

Считается добродетелью (на канале), что мысль об использовании (даже самых нежных чувств) не покидает строителя (утилитаризм фанатический или догматический).

Вспоминали с Павловной мою сдавленную жизнь и сохраненную мной радость творчества («геооптимизм»). Этой силой жизни творили и на канале некоторые инженеры.

Лица на канале такие, что все смекнули (свою пользу).

Одним для творчества надо было выйти из себя (воры и пр.), другим прийти в себя.

Зару́бить на носу: письма никогда не писать срыву.

Строительство канала нужно понимать из себя: там это погуще, тут пожиже. Сгустить жизнь вокруг себя, и получится строительство Канала. Мы все строим какой-то канал.

Было древнее равновесие края, которое поддерживали скалы, лес, вода. Человек расстроил это равновесие и тягостный труд соблюдать равновесие взял на себя.

19 Июля. Дожди. На базаре показались белые грибы.

Та же самая причина, от которой современный дикарь без удивления встречает радио и самолет, лишает нас восхищения

от всей души подвигами советских героев. И точно так же, как условно мы называем человека на самолете «птицей», так точно и наш герой в сравнении с античным: герой, да, конечно, герой, но все-таки это не античный героизм, а советский государственный...

Социалистический реализм, социалистическая родина и советский героизм — все это не по-настоящему, от души, а принудительное: велено так называть, оно, может быть, и правильно, и по всем смыслам, кажется, так, а вот без моего участия сделалось.

Но какая же именно причина лишает дикаря удивления от звуков радио?

Мы слушали с Павловной радио, и я ей сказал: — Как это прекрасно! Какое богатство дает в наши руки время. Что если бы мать моя могла прийти сюда с того света и подивиться. Что бы с ней было?

Мы открыли окно. Разодетые люди шли с гулянья, беседовали между собой, но никто не обращал никакого внимания на чудесную музыку из моего окна...

— Отчего это? — спросил я.

— Привыкли, — ответила Павловна.

— Да что-то уж скоро привыкли. Пожалуй, так и мать моя не очень бы удивилась.

— И очень просто, — ответила Павловна, — уж очень много всего со всех сторон приходит, и все непрошеное.

Но какая же все-таки причина? Не оттого ли, что из вековечной тишины мы сразу попали в американское движение и не можем опомниться, вышли из себя, а в себя не можем прийти?

Придите в себя, и тогда придет удивление.

Что-то случилось на Московском канале. Приехал N., шепчет: «Канал провалился, вода не пошла. Еще на два года работы». Через две недели канал открывают и хоть бы что. Как же понимать теперь N.? И является новый вопрос: отношение к советскому героизму не потому ли лишено удивления, что ты сам неудачник и не можешь для удивления перешагнуть через себя? Еще больше, чем N., брюзжит старуха Екат. Михайловна, для той уже нет ничего нигде и ни в чем хорошего...

Ориентация по N. и старухе очень полезна в самопроверке — и надо, надо постоянно проверять в этом себя. Но с дру-

гой стороны, если и современного героя признать как героя античного и вообще сказать себе: «так хорошо!» — то начинаешь ловить себя на чем-то еще более страшном, чем равнение по смешным неудачникам. Как будто маленькие живые дети земли глядят на тебя, а ты их больше видеть не можешь: душа твоя в коричневой коже, и там, за кожей и шумом пропеллера, ничего не видать, не слыхать — ни детей, ни цветов, ни музыки.

Это в самом деле страшно — подумать о том, что же чувствует сам-то герой?

Но это так: не Герцен, не Толстой, а Громов и Чкалов, и трудно, сохраняя в себе Толстого и Достоевского, восхититься до конца советским героем и крикнуть Чкалову и Громову: ура!

Так и проходят герои в народе русском, как в деревне проходит автомобиль: никто ничего...

Только на этом «ничего» не надо что-либо строить из опасения попасть в такие пророки, как N.

И весь этот завилон-вавилон завернулся исключительно от желания анализировать что-то неприятное при чтении книги о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Теперь я, кажется, понимаю: тут что-то похожее на Робота и еще пуще: государственный Робот механизировал самые души и мало того, что заставил их работать по-своему, но по-своему, как надо, и говорить, и мало того: ночью себе самому так говорить, как велено Роботом.

Так мало-помалу младенец, заключенный в лесу, становится как бы зеркалом Робота.

Дожди. В лесах еще земляника спеет — [вспыхнул] слой белых грибов, и вот Загорским пьяницам жизнь: утром пошатался, продал на базаре и вечером пьян.

Сказал Павловне о том, что думал сегодня: направо неудачники, судящие все по себе, налево осанна.

— Где же правда? — спросил я.

— Ни лево, ни право, — сказала П., — то, что ты делаешь, есть правда.

— Позвольте! но если речь идет о таких полезностях, как Прометеев огонь?

Производитель вина:

— О каком вине вы говорите, о той бутылке, которая необходима для насыщения? Вам дадут бутылку, вы напьетесь, и вам нет дела до вина. Я же служу делу, готовлю вино.

Потребитель:

— И не потребляете?

— Ни рюмки.

— Значит, вы занимаетесь вином, чтобы я его пил: вы мне, пьянице, служите... Но почему же вы так возвышаетесь?

Революция всех перебрала, теперь последняя очередь: казнят тех, кто взял меч. «Взявший меч от меча и погибнет».

Лада. Возвращаясь домой, всегда открываю буфет и даю Ладе что-нибудь. Зато как бы долго не видел я ее, как бы ни радовался встрече с ней, она, завидев меня, встает и глядит на буфет. Люблю я эту собаку больше всех, у нее такие глаза! и пр.

— Лада моя! — радуюсь я.

А она глядит на буфет.

Слава. За славой никогда не гонялся я, но она должна быть. И если нет ее, то работать не хочется. Не в славе дело, можно ее и презирать, но для дела всякого артиста она необходима, и надо быть готовым с ней справиться. Слава должна быть.

Методом государственной механизированной организации можно сделать канал, но литературу устроить нельзя. Вот после Горького вдруг всем стало ясно, что художественной литературы у нас нет. Всякий это сознает, и А. Н. Толстой лучше всех, но в Испании говорят, что нет в мире сейчас выше нашей литературы.

Мне кажется, что А. Н. Толстому теперь не стыдно врать, он думает, что у нас больше и некому слушать: не разберут. По своему легкомыслию и необходимости много зарабатывать он никогда не считался с немым свидетелем, называемым с о-в е с т ь ю (весть от немого).

Маленькие рассказы

1) Старухин хлеб (журн. Молодая Гвардия). 2) Лимон (Мурзилка). 3) Гость (Мурзилка). 4) Лада (Колхоз. ребята). 5—10) Шоферские рассказы (30 дней). 11) Копыто (Пионер). 12) Деланая сметана.

20 Июля. Утро солнечное. Поездка в Териброво. 8 у. После дождя все полно влагой. Веялку убрали. Все папоротники — сильно раскрутили головки (после Ивановой ночи). Витютень еще воркует.

Чем ярче день, чем краше, тем чернее в лесу.

Как убежали мои звери = белка, кутора и землеройка.

Июльская бабочка — муха: синее отливное брюшко, подбрюшье ярко-красное, наверху красный крап по зеленому... летит очень тяжело и кажется огнем.

Если корабли воздушные, то почему же со временем не сделаться и воздушным замкам? (В связи с мыслью о необходимости расставаться с землей — искра на прерывателе. — Сознание является в перерыве: и вот из воздушного замка спустился и все вспомнил и понял в секунду: а жили тысячи лет и не понимали.)

Наука — родник движения и могущества (у нас: лыжные следы в лесах, самолеты в воздухе и проч. и проч.).

Протоны сделали человека могущественным. Какого человека? Как мыслит этот человек?

Современный «человек»: какой-то человек силен, но какой-то и слабее слабого...

Девушка с открытым ртом и готовой улыбкой. Здравствуй! Кому ты душу свою хочешь отдать?

Природа свои черновики оставляет жить, и мы можем видеть, как, например, создавались в природе губы красивого человека и сколько некрасивых человеческих и сколько ужасных губ в природе: губы гиппопотама! А у нас у людей везде хитрость: тоже ведь и художник, сколько всего напишет неверного, пока «выйдет» то, что надо.

Я хочу написать эту свою вещь, как делает природа: постараюсь [дать] жизнь и все те формы, от которых создалась последняя повесть моя о мальчике, заблудившемся в лесу.

Запасы славы, как золота, в данном обществе ограничены: то вот почти весь запас ее ушел в свое время на Толстого и Достоевского, то вот теперь на Чкалова и Громова.

Куда девается поэзия метро, электрички, канала? Гражданин берет билет и едет, и ему нет дела никакого до строительства, до того интереса к машине: как она, отчего она идет. «Взять билет» — это все отношение: потребителю нет никакого дела до производителя.

Начало записок о создании канала.

Природа поступает со своими черновиками разумней, чем мы, писатели: мы их́ рвем и показываем личико. Природа все свои черновики хранит в живом виде, и благодаря этому я могу, занимаясь с усердием, рассмотреть, как создавалось лицо человека и все детали лица: глаза, уши, нос, губы и так все до самой ничтожнейшей ниточки можно видеть в ее происхождении. Начало чувства бабочки, цветка и осы... и трудолюбие — все остается.

Увлекательно это занятие — проследить все фазы создания какой-нибудь вещи, записать все и оставить все это жить, как в природе. Со временем явится такой удивительный поэт, он все лоскуты мои соберет, и будут они жить — целый мир как рядом с героем его...

Когда это будет? Вот явились воздушные корабли: воздух оказался довольно плотной средой. Но если корабли воздушные, то почему же не будет воздушных замков?

Мне кажется, это можно сделать, когда мы все будем жить в воздушных замках. Воздух среда довольно плотная, явились воздушные корабли, почему же не явятся воздушные замки. Но и воздушные замки тоже с чего-то начинаются, и вот я вздумал начать это дело: писать повесть так: сегодня повесть, — а завтра повесть не пишется и я пишу о своих материалах, о том, как я делаю эту повесть. Конечно, в писательстве есть свои законы, и первый закон, — чтобы написанное было интересно для чтения. Задача моя чрезвычайно трудная и две опасности, как Сцилла и Харибда, ужасных: одна опасность, что повесть напишется хорошо, а как я писал ее, окажется неинтересным и никто это не будет читать; другая опасность, напротив, интересно будет, как я искал путь создания, но самую повесть не напишу.

21 (8) Июля. Казанская. Дня через два-три будут зажинать.

Цветущая трава была выше пояса, и в ней была погружена житница, срубленная в лапу. На такой «лапе», нижней я присаживался и писал, почти невидимый в высокой траве. Теперь не только скошена трава, но и сено убрано в житницу, а «лапа»

моя висит в воздухе. Все кончилось в этом году, скоро с этой лапы вниз польется осенний дождь, а потом на всю зиму она исчезнет в снегах. Сердце сжалось, когда я увидел свою милую лапу висящей в воздухе. От лапы вспомнил возлюбленную своей юности: сначала лапу, а потом ее: лапа оказывается теперь уже ближе к сердцу, чем она... А когда-то...

И пошло, и пошло... Так среди лета, когда только-только устроились дачники, у меня начинается осень. И пошло, и пошло...

Гуще и гуще седеют росы.

Рожь видом богаче овса, и ты сразу по виду понимаешь: людям рожь, овес лошадям. Но в овсе васильков больше, бывает, одни васильки — и тогда за счет сорной травы, василька овсяное поле бывает красивей ржи.

Спирея высокая, как человек в белом платке, и от нее воздух на поляне пахнет пряниками.

Растопырив ноги, сутулый человек стоял на плотине и следил за ящерицей (от солнечного луча).

Сутулый (долг: канал должен быть) и Пахан (сутулый дает весть: о неоскорбляемой части души).

Канал всех оправдает: и нас и вас!

Не всё обида, вспомни. — Помнишь? — И не забывай (это о своих восторгах лесных).

— А если я не виновен?

— Если не виновен, то тем больше надо строить.

— А если ошибка?

— Ошибок нет!

С этим каналом я как писатель, в сущности, сам попал на канал, и мне надо преодолеть «свою волю»: вернее, понять неоскорбляемую часть души. А я попал невинно...

В темных лесах между хвощами и папоротниками бывают такие большие лиловые колокольчики, что можно в них, как рюмками, пить вино. И я пивал.

Свет и грибу нужен.

Срывают цветы для того только, чтобы поднести их к носу, вынюхнуть и бросить.

Чувствовал это еще в детстве, но сказать об этом могу лишь в старости. (Разобрать почему.)

Вот почему: тогда, давно, казалось это тайной и что если ее узнают, то пропал. Потом оказывается, что и другие, но тут нельзя сказать, именно потому, что и другие переживали и говорили, и Америку открывать незачем. И, наконец, — почему получаешь право на слово? Как, значит, трудно сказать, если по правде: слово растет, как рожь: колосится, наливает и спеет.

У некоторых собеседников есть манера такая, ни в чем не соглашаться. Не сразу это поймешь, начнешь спорить, а потом разглядишь, в чем дело, и видишь сам себя кругом в дураках.

Отгуляли Казанскую с хозяевами: приходил поп из Корел, отпел, и хозяева ругали: такой-сякой, жадный, руки загребущие, глаза завидущие. Не нравилось мне это, спорил я, доказывал, что никому так не пришлось плохо, как попам. — Так то белые? — в один голос сказали хозяева. — Ну белые..., конечно, белые, — ответил я. — А наш красный.

На этом спор наш кончился.

Кругом леса, а нет грибов и ягоды мало: ни черники, ни брусники.

Итак, вот мое достижение в эту поездку: я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительской части работал. И, конечно, я бы работал: «Канал должен быть сделан». Я бы работал, как и вообще работают в сов. время, «неоскорбленной душой». И в этом деле моя свобода, мое счастье, моя правда (канал должен быть сделан).

Возвратился в Загорск к 6 в. Никогда этого не было раньше: скучно одному. Впрочем, это, вероятно, что в лесу больше нет у меня затеи, что надо дома писать, а как-то все не проворотишь. Петя вечером приехал из Москвы. Квартира делается: мебель в столовой.

Кутерьма растет: эпоха Ежова определяется.

Рассказ о козле и Вике.

Вика два раза в день ходила за водой и на пути у ней к колодцу коза ходила вокруг колышка. Вот какая маленькая, вот какая худая, вот какая жалкая козочка! Девочка Вика сама ушла к нам от мачехи, самой нелегко жилось. И она пожалела козочку, носила ей каждый день хлеба, а то ведро поставит и скажет: пей.

— Ну, как твоя козочка? — спрашиваем мы ее.

— Поправляется! — весело отвечает Вика.

А не спросишь, сама что-нибудь расскажет о своей козе.

Случилось однажды, Козочка наконец до того оправилась, что, когда Вика подошла, вдруг...

С тех пор Вика больше не носит туда хлеба и пить не дает и на вопрос «как твоя козочка?» — молчит.

Тайна Вики по мере того, как мы спрашивали и она молчала, разрасталась. Однажды Вика была нездорова, я пошел сам за водой, и кстати вспомнилась «тайна», и захотелось мне узнать, почему же история с козочкой кончилась. Может быть, козочку просто перевели на другое место? Нет, вот она. Что-то мне показалось в этой козочке... Я поглядел, а это козел!

Ну, тут, конечно, все и открылось. Вика сама у своей мачехи жила как худая козочка, и она жалела ее и кормила и поила. И вдруг, на вот: оказалось, козел.

Вся жалость пропала, и в самом деле как-то неловко: козочка — это понятно, но молоденькой девушке — и за козлом ухаживать...

Поездка на Торбеево озеро с Соф. Ив. Огневой. Толстовские настроения: рожь почти спелая, сено и женщины с граблями. С. И. 80 лет, первый раз в машине, и как это ново, — машина! держится и на скверной дороге героем. Встретился мальчик с раздавленными пальцами, хромал. Когда посадили в машину, обрадовался: 1-й раз в жизни сел в машину, дал гудок: даже смеялся. И опять толстовские настроения и даже в его духе и это доброе дело.

Накоряков ищет не вещи, а ему надо договор заключить, только бы договор, как рвется он к договору! И почему бы не заключить, а потом взять на себя вину: не успел.

23 Июля. Издатели, как вóроны, на кровь летят. Но при одном только предложении «договор» писать не хочется. Если бы они не о договорах думали, а о самих вещах! В месяц какой-нибудь я мог бы написать, а сейчас еще стоит под вопросом, напишу ли я.

Вот вам и вся недолга!

Говорили с Петей о Леве и Андрюше: оба повесы, развратники, безобразники и кончили тем, что попадают бабам в лапы. Сколько опыта, и нет никакой пользы. В этом одном опыт

не дает ничего и даже наоборот: чем больше опыта, тем более неведомой остается область любви, и все кончается тем, что герой попадает в обыкновенные лапы. Напротив, неопытный делается господином и строителем семьи.

Так что есть область жизни, которая не открывается в опыте.

Явилась мысль превратить рассказ в действие воды и действие против нее человека... Стремительность рассказа, согласная со стремительностью весенней воды... Исчезает вовсе жизнь мальчика на поляне... Достаточно, что он был отрезан и всплыл на острове вместе со зверями. И, может быть, назвать всё:

А в р а л.

Москва НКВД Гулаг (Главн. управление лагерями)
Дмитрию Андреевичу Успенскому.

Ваше имя я нашел в книге «Канал имени Сталина» и обращаюсь к Вам с такой просьбой. Я работаю над повестью «Аврал» и хочу в ней прославить Надвоицы. Это будет не повесть, а скорее легенда. Но я легенды свои пишу на строго фактических основаниях, и оттого моя вещь будет во много раз лучше, если я буду иметь возможность с Вами, строителем Надвоицкого узла, провести в беседе 2—3 часа. Прошу Вас, докончите то славное дело помощью в моем строительстве: это будет помощь не лично мне. Я потому и осмеливаюсь отнять у Вас время, что дело это касается одинаково и меня, и Вас, и всех, кто строил канал. Если Вы еще в Москве или Дмитрове, то назначьте мне разговор там или тут. Желательно знать за несколько дней, т. к. я могу отлучаться из дома. Телеграмма по адресу: Загорск, Комсомольская, 85, Михаилу Пришвину.

Москва, Никольская, угол Черкасского, Государст. Изд., Накорякову.

Приеду разговаривать нашем деле двадцать шестого двенадцать дня. Михаил Пришвин.

Через несколько часов ответ: Согласен. Накоряков.

После обеда приехала «Морошка», одна из Петиных дам, учительница из Архангельска, вся в пудре и на губах гвоздика. И так, что кажется, в ней ни-че-го! Мы ждем невестку, а он вводит... кого он вводит в наш дом, как не стыдно! Вероятно, правда, не стыдно... Куда девался Базаров? Что нынешнее поколение может противопоставить теперь от себя естественному идеализму отцов?

Ливень с громом и градом. Вечер, такой прекрасный! — удили на Торбеевом озере, поймали ерша, плотицу и двух окуньков, Павловна с Морошкой набрали грибов белых и подосиновиков. Вода была тихая-тихая, солнце садилось кровавое, после заката поднялся с воды туман. Я думал о старухе Огневой, от которой пахнуло душевной чистотой толстовского времени. Начинаешь понимать, за что в хороших семьях, у здоровых народов так особенно почитают стариков: сколько ведь людей умерло, пока я дожил до своих 64 лет, и сколько истрачено жизни, чтобы сохранились какие-то нравственные устои в лице этих немногих...

24 Июля. Дождь. Не забыть придать рассказу «Козел» смысл: что вот, мол, девушка всегда обманывается: думает, ухаживает за ней Иван-Царевич, а разглядит, и козел, самый обыкновенный козел.

Не забыть, что вчера мне мелькнуло: когда я слышал покрякивание утки на высокой грядке: ее сигналы малышам и как потом Павловна и Вика возле них: так вот это мне предстало как мир, как величайшая ценность: эти люди, ухаживающие за утятами, и есть люди: и какая это школа любви. И что эти рассказы «Утенок», «Козел» пришли из этого мира сами, и что никуда не надо уходить, а тут возле тебя все само будет складываться в сказку.

Начало рассказа «Козел»: Вика еще немного в сказки верила и в Ивана-Царевича, про себя думала, что есть он такой.

Вчера послал Успенскому письмо, но ответ едва ли будет. Писатель после Горького сошел на нет.

Обида и оскорбление — это всем, но у одних романтизм — это «я», враждебное миру, у других «я» как в скорлупке и ищет выхода этого «я» из скорлупы обиды и оскорбления. Вот именно эта тема и была исходной в моей психике, и моя литература так произошла, и, соприкасаясь с природой, я научился расширять душу. На другой стороне остается «пораженец»: в этой точке я расхожусь и разошелся с революционерами, когда стал писать.

Дела на 26-е: 1) Вечное перо. 2) Накоряков + собр. сочинений. 3) Осмотр квартиры и Анна Дмит. 4) Книга: Лес. 5) Разрешение на Семино. 6) Пыжи, или еще что там. 7) Взять ружье. 8) Фильтр, проявитель. 9) Разновески.

27-го купить: Пыжи и разновески. Кило масла.

Дневник, как он будет собран вокруг Аврала, будет иметь особенную ценность при анализе «я» — враждебного миру, разрушительно-мефистофельского и «я» — творческого, неоскорбляемого. Обида в последнем случае играла роль в необходимости построить некий воздушный замок, при опускании которого на землю получается особо острое чувство радости встречи с землей. Это надо в дневнике соединить с постепенным превращением моей московской квартиры в воздушный замок.

Интересен вопрос: ускорение темпа — где предел, после которого начинается вред качеству.

Когда вольно ходили в народ и работали, то каждый в этом опыте находил себе чрезвычайно полезное, теперь, когда все поневоле работали и многие жили черным трудом, — этот опыт дал одну мысль всем: не нужно никуда ходить на сторону, к рабочим-крестьянам, а надо делать свое дело.

25 Июля. После суточного дождя пасмурное, насыщенное водой, но довольно теплое утро.

Иной жулик, обходя соблазненную им девушку, и понять не может, что для нее это был раз и все, он судит о ней по себе: была одна, будет другая; и ей тоже, думает он, был он, будет другой. Тут никакого понятия, и спрашивать нечего.

В Москве колоссальные очереди за нитками, повод к издевательству над наукой планирования. Наука планирования имеет нечто общее с метеорологией: все взоры обращены к горизонтам и перспективам этих удивительных наук, а когда одни говорят: завтра будет жарко, постоянно бывает холодно, когда другие обещают всем обеспечить — глядишь, к зиме ситец, а летом валенки и шубы, а ситца... Думается, что рано дают волю этим наукам определять нашу повседневную жизнь.

На мозговую ниточку (еврея) надеваются тысячи газетных вырезок, и получается особый логически связанный пучок невозможно разнообразных и крикливых явлений, пятен, чепухи, претендующей на картинность, художество.

Вечером при разговоре с Огневым показалось: нам при жизни своей больше уже для себя не видеть добра и жить мы

теперь не бессовестно можем, лишь имея цель дальше личной жизни своей.

Две пары: Достоевский—Толстой и Чкалов—Громов: те с Христом, эти с бомбами. И как это могло выйти из одной и той же страны.

26 Июля. День заключения договора на книгу «Индейцы» и празднование. Встреча с Воздушным Замком. И печальные размышления о том, как Лева огалинился и Петя обморошился. Бегая по бабенкам своим, они некоторое время чувствуют все себя печориными, пока наконец какая-то с фантастической силой овладевает печориным...

Так что я из всего этого убедился, что книгу Белого «Гоголь» потерял, несомненно, Петя.

Анна Дмитр.: если пеленки, квартира погибла! Я: — Не терять же, А. Д., сына из-за квартиры. — Да, все это очень, очень трудно, но ведь он раз испробовал, ввел женщину в вашу семью, всех измучил и сам разошелся. Неужели опять повторять. — Мало того, он повторяет и Левин опыт: тот ведь выселил меня из квартиры. — Это и будет, Ефр. Пав., очевидно, больше не может: детей вырастила, а внуков не может. Это понятно.

Оставляю разговор с Петей до беседы с Ефр. Павл. по этому вопросу.

Встреча героев: многим даже довольно развитым людям хочется явлением героев удовлетворить свою потребность в этическом оптимизме (как жить иначе?). И вот они говорят: «Это хорошо!» Я сегодня ответил Анне Дм. на ее восторг, что все-таки не мешает вспомнить героев нашей прошлой эпохи: Толстого и Достоевского. Те герои посвятили себя делу любви, эти — Чкалов и Громов — посвятили себя разрушению. «Впрочем, — сказал я, — при потребности в этическом оптимизме можно понять советских героев защитниками того, что сделано теми героями...» Так некогда были Пересвет и Ослябя — иноки-воины, были рыцари-крестоносцы. Но думают ли Громов и Чкалов о любви?

27 Июля. Дождь с грозой. Вернулись из Москвы. Обменялся с Цветковым телеграммами. Приедет 30-го.

Рассказывал Ефр. П. о «Воздушном Замке»: Павловна! представь себе, что не только не надо печки топить, а даже негде

бумажку ненужную сжечь. Это называется центральным отоплением. Ты об этом грязном деле вовсе не думаешь, не надо заготовлять дров, не надо таскать их со двора, грязнить квартиру, следить за топкой, угорать... Ты ничего об этом не будешь знать, а будет тепло, и ты никогда не будешь видеть тех, кто все это делает, между тем, конечно, кто-то делает. У нас в воздушном замке не надо будет ходить за водой с ведрами на коромысле, вода проведена и бежит к нам из крана даже горячая: холодная и горячая. — Но кто-то где-то ведет эту воду и кипятит? — Это тебя не касается. Мало того, полы паркетные, и их не надо мыть. В кухне газовая плита и тоже проведено, спичку поднеси и вари. Захочется тебе спуститься, нажимаешь кнопку и спустишься, не захочешь, возьми трубку телефона, и тебе на дом все принесут: готовые котлеты положишь на плиту, подогреешь и все. Имея средства, ты можешь никогда не спускаться вниз и в широкие окна можешь любоваться полетом ласточек над Москвой. Ты можешь забыть о земле и, делая свое какое-нибудь дело, напр., сочиняя повесть, вовсе можешь забыть о грубом труде. И многие бы забыли о нем, если бы наше правительство...

28 Июля. Солнечный человек: Анна Сахновская. Веселое здоровье, ясные глаза. А когда подошло то, на что все жалуются и стонет мир от своего сотворения, то же лицо стало только более серьезным, и так выходило из его выражения, что никакой в этом нет неожиданности: так надо и заключено в природе всех вещей на земле.

Утята наши в полматки, а один, только оттого что хромой, не растет и до сих пор почти такой, каким из яйца вышел.

Набивали патроны: по 50 шт. 31-го едем с Огневыми в Калининскую обл. Гора-Поневиц открывать охоту.

Прислали «Мурзилку» с рассказом «Лимон». Большое доставляют удовлетворение такие рассказы: сколько прочли, сколько друзей!

29 Июля. Пасмурное насыщенное влагой утро. Думал о Семашко и других посидевших немного возле трона, испытавших сладость власти: «хоть день, да мой!» — вот что у них. Возможно, что в таланте, между прочим, и власть заключается, отчего даровитого человека не только не соблазняет, но даже часто

и прямо враждебна просто-власть. В таланте власть дана «Божией милостью», и у царя предполагается тоже такая, а не голая, как в республиках, где впервые властью удовлетворяются бездарные люди и пользуются ею для себя лично.

Власть возможна только от Бога, и в этом смысле сказано: «нет власти, аще не от Бога», т. е. что всякого иного происхождения («голая власть») вовсе и не является властью.

Обида. Есть такая обида: мне казалось раньше, что в лучшем своем я как и все и если бы все захотели жить своим лучшим, то и могли бы попасть в ту самую полосу света и счастья, в которую я попал. Обида в том, что, оказывается, не все как я и таких, как я, очень мало: «вам хорошо, у вас талант, что вам? — написали и вышли из положения». Обида в том, что «все» оказываются в положении, из которого нет выхода: Кащеева цепь. Мало того: твоим же путем, узнав его секрет, пользуются негодяи и устраиваются по-своему хорошо (приходят на похороны ради пирога). В этом ужасная обида и Горького. Надо анализировать глубже эту обиду, потому что в ней заключается какое-то искушение (не та же ли самая претензия на голую власть, претензия таланта, которому все мало: Толстой и др.).

Есть двух родов индивидуальности, одна получается от распада некоего целого на составные части; другая индивидуальность содержит в зародыше целое и должна раскрыться и найти конечное свое выражение в целом.

Настоящий коммунист (каких было довольно) личное свое все помещает в общественное (Сутулый). Такой коммунист перерождается (перерожденцы) в личника, напр., на Соловках т. Михайлов, который занимался организацией ученых для просвещения заключенных. Во время этого занятия у него разыгрался у самого аппетит к «хочу все знать», и душа его распалась: для себя — это одно, и для других — другое. Раз такой запрос возник — надо его удовлетворить: «стахановец» и есть разрешение самой партией жить для себя, учиться, развивать свою личность. С тех пор, надо считать, начался законный «исход» коммунистов и конец тому, что раньше составляло душу партии: жить для других. Но «стахановец» есть личность предусмотренная и как бы дозволенная. Следовательно, партия трансформировалась, но не кончилась.

Герой — это высший стахановец, который, так же как герой советский отличается от античного, мало имеет общего с лич-

ностью. Но стахановец как дозволенная личность явление новое в партии, его не было в мое время, и он есть знамение времени. Так что если я о марксизме сужу по себе в юности и на основании своего опыта предсказываю, то стахановца я предсказать не мог бы: ни стахановцев, ни героев в наше время не могло быть.

30 Июля. Если Гамарник и Тухачевский, то в чем гарантия, что не Чкалов и Громов? Я хочу сказать, что даже перелет Москва—Сан-Франциско не гарантирует: можно перелететь и изменить, тогда как настоящий герой, как Лев Толстой или Достоевский, вполне гарантирует. И не в одной трудности дело героя, а еще он как личность должен быть ясным и законченным. Но самое неприятное — это подпись под напечатанной статьей: я — герой Сов. Союза. Можно воскликнуть «герой!», но нельзя буква за буквой набрать в типографии и напечатать, не может быть герой навязан, тем более от себя самого: я — герой и пр.

Цивилизаторы дикарей прельщали побрякушками, пугали стрельбой, приводили в ужас, поджигая, напр., спирт: дикари воображали, что так можно и море поджечь. Теперь дикари берутся знанием: дикарь суеверно учится всему: хочу все знать. Так и разделилось современное общество, как и средневековое религиозное: ученые настоящие, как жрецы, и суеверная масса, которую они (волей-неволей) обманывают. (В Зоопарке есть специальная обезьяна, которую отпускают из парка на лекции для убеждения простых людей в том, что человек происходит от обезьяны.)

В парке солнце легло на черной хвоистой земле золотыми пятнами и тихо было, тихо. Только легкий сквозняк слегка качнул листики небольшого малинового куста, и по этому движению стало понятно, что и пятна эти солнечные, и черные стволы, и пики боковые сухие на еловых стволах — все это живет, но сейчас лишь притаилось, глядит и не дышит.

Механизированные герои и орденоносные личности.

Вообще все для всех не свое, даже самое время: не в этом времени живем, а в будущем — сказал нижний муравей.

И все это размышления муравья, которому неохота быть нижним.

Адрес Тарусы: Москва-Каланчевская 8 ч. 4 мин. утра — приходит в Серпухов ок. 11 ч. 6 мин. — автобус — Таруса около 1 ч. Очередь у вокзала (билет по дороге). Другой вариант: на извозчике 5 р. до Оки ($^1/_2$ часа), на пароход: 12.30 к. $^1/_2$ 4-го в Тарусе.

Уплатил Цветкову гонорар и пустил в ход перевод «Серой Совы».

Аврал. (Как создавался канал.)
Падун. (Как я свой канал создавал.)

Розанов — послесловие русской литературы, я — бесплатное приложение. И все...

Ответ из леса: «так что, Мих. Мих. и Серг. Ив., — вам от нас отказ».

Решили завтра ехать не на «Гора-Поневиц», а по-за Михайловское.

Замыслы переезда в Тарусу на Оку.

Выставка акварелей художника Шитникова на заводе «Каучук». Все отзывы иностранцев «гениально» и возмущение небрежным оформлением выставки. Все русские ругают, напр., «надо бы выставку запретить: в ней нет ни одного человека». А это исстари было и у помещиков даже: критикуют как бы лично задетые (вроде Артема). Как бы не электричество скопляется, а неприязнь к некоему личному проявлению, но разрешение электрическое: молния.

Вспомнили, как Розанов мучился русской мерзостью, которую мы постигли только теперь.

— Почему я тогда тоже не видел?

— Молод были, охотились.

Это верно, не в глупости слепота, а в личной радости жизни. Вот почему надо непременно дожить до своего понимания, своего, т. е. такого, которое дается временем, опытом.

Ведь если есть радость жизни, то это здоровье нельзя отдавать за понимание, потому что рано или поздно поймешь, а здоровье вернуть нельзя.

31 Июля. Собираемся на охоту в Калининскую область.

В «Правде» просят граждан спасать себя откровенным рассказом в НКВД о соседях, друзьях, родственниках, ведущих

несоветские разговоры. Вот теперь каждый ушки навострил, один слушает, думая, нельзя ли поживиться себе, другой поставил ушки на макушку, чтобы черт за язык не потянул и чтобы, Боже упаси, не сорвалось с языка что-нибудь лишнее. И все это называется «бдительность».

Что надо на охоту.

$^1/_4$ чаю, 1 кило сахару, 2 бут. вина, печенье — пастила, 2 ружья, ящик с патронами, патронташ, шомпол, термос, простыни, подушки, 2 пальто, туфли, брюки запасные, смена белья, чулки 2 пары.

1 кило мяса = 13 р. Масло 16 р. Крупа 12 р. Мясо = 90 р.

У людей случаи, у воды ручьи. Бывает, вдруг случай — и вдруг откуда ни возьмись ручей. А туда поглядишь, откуда ручей вытекает, и нет ничего случайного: промыло плотину между ряжами и потекло.

Калган (корень).

1 Августа. Вчера с Огневыми прибыли в Конякино вблизи Гора-Поневиц.

Жаркое утро и очень росистое. Убили одного тетеревенка. Гроза: огромило. Огромило телку, колхозного жеребенка, сгорел стог сена и копна ржи. Телке успели кровь спустить.

2 Августа. Ильин день. Опять очень жарко, но гроза повторилась маленькая, без дождя, хотя совсем недалеко, в Переславище, был ливень. Множество холостых тетерок, выводков или нет, или второй кладки. После обеда переехали в Михалево. Нашли хороший выводок тетеревов и глухарей.

Пьяный зять (дурака в дом приняли).

Английская политика решила все.

На чистой скатерти самовар без подноса.

На сеновале ремонтируется только одна сторона крыши, под которую сгребают кое-как сено.

3 Августа. Ненастное ветреное утро постепенно делается солнечным и не очень жарким. На проволоке собираются табунками ласточки — первый признак осени. Чудесный лес: ели очень старые с пиками и кое-где еловая частота, все подостлано зеленым мелко-зернистым мохом, глухариные копки, лосиные орешки, много всяких грибов.

Вечером заехали в Переславище к Домне Ивановне: как Москва съела у старушки детей. В Федорцове, когда доставал водку, молодой человек не отходил от машины. Жена тянула его в лес за грибами, а он ей: «Не хочу в лес. Я людей люблю». И указывая на нас: «Я сам революционер». (Всю жизнь отдал за политику.)

Охота на глухарей. Все было в том, чтобы не упустить Ладу из виду. Глухарь бежал в чаще, и Лада шла в чащу, и мы с Петей за Ладой с двух сторон. Я залез в такую чащу, что дальше идти не мог. Но Петя крикнул: сюда, здесь дорожка. Глухарю в чаще было невозможно взлететь, он тоже вышел на зеленую дорожку и взлетел. Петя выстрелил. Глухарь, раненный в крыло, свалился. Переполненный радостью Петя догнал, схватил и, чтобы покончить поскорее, ударил глухаря головой о березу и с такой силой, что голова отскочила. Рассмотрев свою добычу со всех сторон, счастливый, он уложил его в сетку. — А голову, — спросил Петя, — возьмем голову? — Я ответил, не глядя вниз, где она была в траве: — Ну вот еще, на что нам голова!

4 Августа. В Михалеве я узнал свои места лишь когда пришел туда и увидел, а Петя везде помнит. Понять надо, почему это, и что остается у меня и что у Пети.

Глядел на свое фото жеребца, как он взвился над кобылой и какая она стояла покорная и готовая нести всякое бремя. И так весь мир расположился, люди, звери, растения, как опилки возле магнитных полюсов.

Молитва... но если насиловать себя для молитвы, получается толстовство: с молитвой нельзя «шутить» или использовать, потому что родник молитвы только чистое сердце. Если же хочешь просто в себя прийти, то для этого есть пасьянс.

Написать благодарность Серг. Серг. Турскому.

Прочитать внимательно мемуары С. И. Огневой и через них понять последнего в профессорском роду С. И. Огнева. Вот это «нечто», как нам, дикарям, кажется, неживое и тем неприятное, живет и в «князе», и во всяком породистом человеке: некая пустота, заменяемая физической и умственной культурой. В то же время какая-то легкость общения, допускаемое легкомыслие. Огнев и Панферов... это интересно сопоставить.

5 Августа. Строительство моего канала должно в глубине своей быть строительством мира. «Бобры» есть тоже книга мира, и, конечно, все детские рассказы. В этом сознании есть прочность, и когда об этом думаешь, то становишься довольным, как будто наедаешься и добреешь.

Определяется Сутулый, чекист: наполовину из себя: пафос рядового марксиста. Ему противопоставляется инженер знающий и осторожный, вроде Огнева, джентльмен. Противопоставить в их форме нерешительность знания (в основе знания сомнение) и стремительность фанатической веры (в основе веры действие). Инженеру все кажется Чаном, в который он должен броситься. «Бросишься и воскреснешь вождем народа», — говорит Сутулый. Так они говорили, а со стороны канала вопрос был только об ускорении (темпы). Роль Сутулого именно в темпах, и это ему легко делать: он весь в том, чтобы сделать канал в срок. Русский человек, убирающий под грозой урожай, кочевник, складывающий юрты, мгновенно переходящий в движение: так создан был канал.

6 Августа. Анна Дмитр. пишет, что 12-го желает сдать мне квартиру.

Вот наконец желанная квартира, а жить не с кем.

Павловна — куда ей в Москве. Петя разваливается. Я полагал, как и с Левой тогда, буду жить с подвижником науки, а еще я и сам не видал жилища, — он туда бабу привел. Если дать волю, он вытеснит меня, как вытеснил Лева. Наука при этом, как и у Левы литература, отступает. Вчера Петя сробел перед экзаменом и отступил. Все летнее пропало даром. Куда же его девать? Взять в секретари? Вопрос с женщиной. Любовницу приводить к нам — это противно: мы жили такой строгой семейной жизнью. Женится — вытурит (начнутся ссоры невестки с Павловной и пр.). Видимо, остается лишь расходиться. И в квартире действительно жить некому, один я.

Так вот квартира — неладно. С Петей неладно, с Левой — неладно, Павловна — неладно, машина при Петином досмотре разваливается, лодки разбросаны — одна в Териброве, другая на Кубре. Все ни к чему. И думаешь не о работе своей, а о всех этих черепках.

Петина психология: половое отношение (в особенности когда только налаживается) приближает иногда такое существо,

на которое без этого и не посмотрел бы. В этом состоянии обман получается оттого, что качества, свойственные всем, приписываются возлюбленной как личные свойства и тем делают ее единственной. Эти качества, свойственные всему миру и связанные с размножением живых существ, содержат в себе всю силу радости жизни земной: тут и звезды, и месяц, и голубая стрекоза в тростниках, — все, все в свете, весь свет! И вот это все лучшее в мире открывается в единственной: у нее месяц во лбу, звезда в косах. Влюбленному впервые открывается радостный мир, и ошибка его в том, что все это приписывается ей одной. И потому как только он удовлетворится, так «очарование» проходит: «брак — могила любви», в котором обретается своего рода техника любви, устраняющая всякий обман...

Поэзия прямо обратна браку, она, как и религия, останавливает ход любви в момент сильнейшего ее напряжения, весь мир сошелся воронкой... все готово, один момент... и нет! Предмет исчез, а мир остался сведенным. Ее нет, воронка цела. Вот тогда Пан играет на свирели или просто свистит в эту дырочку, а монах опускается на колени, восхищаясь клейкими листиками весенних растений...

В чистом виде все это чудесно: и брак — гроб любви, и песня пана, и «да будет воля Твоя» религиозного человека. Но в малых чувствах, в быту, в «жизни» все происходит смешно... Так смешно, что Петя, выбрав себе неумную и немолодую женщину, начинает с того, что ее развивает.

...питание и даже смерть отпадают: личность бессмертна и независима от размножения и питания.

Маковая головка, — какая это чудесная игрушка для ребенка. И цветы дети любят, — вот где, а не из машинной техники надо брать формы детских игрушек.

С высоты Христа любовной
На забавный мир людей...

Забавные рассказы.

Сговорился о ремонте машины к 12-VIII и о посылке стола и книг в Москву. Значит, празднество «воздушного замка» на 12-е обеспечено.

Радио впервые сделало музыку объектом: это уже больше не «душа», как мы полагали, собираясь в концерты или слушая деревенский хоровод. Музыка больше не спрашивает тебя о тво-

ем согласии: играет когда надо и когда не надо и всем проходящим по площади.

Работы кончились. Но радио забыли выключить, и вот без людей треплется звук, сливаясь с порывами ветра, и диктор объявляет... Часовой задремал под эти звуки, и вот слушают, как, бывало, слушали падун, привыкают леса, ветер, вода, как, бывало, привыкали к былинам Сергея Мироныча. «Кармен», опера тоже ведь неплохая (годится к моменту начала прорыва воды на плотине № 10).

Люди на канале в сгущенном виде то же самое, что и все мы в стране. Мы тоже все работаем под давлением необходимости войны.

Как в художественном произведении, зная, что сила его заключается в форме, т. е. отношении вещей, созданном личностью художника, мы не можем оторваться от содержания, связанного формой; так точно и «вечность» Христа, Его воскресение и дарованное Им спасение мы не можем оторвать от нашей жизни и сказать, что Христос есть форма, отношение вещей, создаваемое верующими.

В Христе нельзя додуматься до чего-нибудь и заключить его в рассуждение: в этом и есть глупость рационализма, т. е. умствования (книжный ум). В Христе надо жить...

Умер самый лучший утенок, уже в пере. Нашли его мертвым возле таза с водой и без всяких поранений.

Необходимость серьезного и решительного разговора с Петей.

Изменение чего-либо в человеческой жизни начинается с личного действия, вот отчего происходит почитание героев, царей и т. п. и отчего в советском государстве личное действие («спец-человек») взято было на учет («парт-человек»); от героя, царя и т. п. остался «спец-человек». И вот этот процесс обезвреживания всякого рода спекуляции, торговой, политической, нравственной, проник и в смежные высшие области: религия, искусство, наука — все было взято на учет. Мерилом всяких качественных ценностей стала полезность данному моменту советского строя. Самой насущной полезностью является, конечно, оборона, и вот почему все лучшие силы народов пошли на оборону.

Простора деятельности — ловить рыбу в мутной воде осталось, конечно, довольно, и жулики всякого рода, наверно, возросли числом против прежнего; но все-таки, наверно, и под ними сохнет земля: жулик трансформируется в бюрократа, обещая в будущем окончательно превратиться в шестерню.

Так что недаром душа музыки вышла на улицу и кончились все пустыни: всякая личная «измена» взята под учет. И, конечно, уязвлена в самом истоке своем, в той возможности так самому лично создать отношение вещей, чтобы верилось в бессмертие.

Получается пересмотр самый подробный всего содержания жизни и соединение под высоким давлением всего народа для боя со всем миром за коммунизм. Это явление стало огромно, война предстоит такая большая, что требования к личности, могущей стать выше времени и судить независимо, возросли чрезвычайно. Писатель, который захотел бы воспользоваться этим явлением как материалом, значит, стать выше, был Андрей Белый, и он на этом сломал себе шею. А сколько претендентов на трон, подобных Разумнику!

Возможно одно лишь сокровенно-религиозное отношение, т. е. ...?

Огнев бросается в «чан»: он ведь должен быть доведен до этого, как бывает доведен человек до самоубийства. Вот это «в чан!» надо анализировать.

Все, что пишет Шкловский о Розанове, есть демонстрация книжности своего еврейского ума. А сам Розанов вырос из русской культуры свободно и радостно, как цветок.

8 Августа. Когда жнут желтую рожь, бывают лимонно-желтые прохладные зори, и в это время ласточки всегда табунками рассаживаются на проволоках. А в лесах на болотах начинают отделяться, желтея, березки. У Лады тоже осень: сильно пожелтели основания клыков.

Отправил в Москву стол, книги и еще кое-что, одеяла...
Павловне плохо: вчера слушала о квартире и заплакала. Мне стало ее так жалко, что так это и осталось на сердце уколом. В молодости женщина явилась как единственная и незаменимая. Вокруг всё были женщины, а я, как заколдованный, думал все об одной. Вот пришла старость. После тридцати пяти

лет жизни с обыкновенной как будто бы женщиной, каких, казалось, так много везде, она сделалась для меня тоже единственной и незаменимой никем. Так в моей жизни, как два полюса, южный и северный, стали две женщины: единственная в юности и единственная в старости. И так дóлжно жить.

И еще одно удивительное единство во мне — Розанов. Он своей личностью объединяет всю мою жизнь, начиная со школьной скамьи: тогда, в гимназии, был он мне «Козел», теперь, в старости, герой, излюбленнейший, самый близкий человек.

Шкловский, книжный ум и еврей, изучил Розанова, разложил его неглупо на составные части и стал ему подражать. Умен, а в этом глуп, не может понять, что такой органический талант, как Розанов, живет, растет, зреет на человеке, как яблоко на дереве, а он, еврей и книжник, корыто с песком, захотел показаться яблочком!

В литературе русской всегда было так, что тем выше литературное произведение, чем автор меньше думал о себе как литераторе, а представлял себе, будто он вообще открывает каким-то своим способом Америку. Таким был Розанов всю свою жизнь, и вдруг оказалось в последних трех книгах, что он литератор, поэт божьей милостью. Так было: вопреки всему Розанов оказался литератором. А Шкловский разбирает и доказывает, как хитро строил Розанов свои вещи, и даже указания Розанова на то, где пришла ему в голову та или другая мысль, напр., в ватерклозете, Шкловский называет «пейзажем». Умно до глупости, а для чего-то нужно.

Жизнь пережить — не поле перейти. Детей воспитать — не курочек пересчитать.

9 Августа. На днях читал в «Правде», что из Александро-Невской лавры сделали «Некрополь» и свезли туда могилы замечательных людей: Чайковского, Даргомыжского, художников, поэтов. Но среди замечательных людей не было, напр., имени Пушкина, значит, Пушкина тронуть не посмели. Правда, как тронуть могилу, если покойник отпет? Неужели же их теперь отпевали? И еще хуже, если прошло сто лет и могила стала подробностью ландшафта? Мерзость эта вскрывает силы, которые повертывают все революции вспять: это силы могу-

чих неповинных мертвецов, которых толпа по невежеству оскорбляет вместе с живыми мертвыми, действительно виновными в том или другом.

Хромой утенок поправился, но в то время как все другие утята уже начали менять пух на перья и длиной стали в матку, этот разве только чуть-чуть прибавился против того, как вышел он из яйца. Матка заметила его и стала бить, не то считая его приблудным, не то виноватым в своей малости. Как же! она столько сил отдала, чтобы выходить, и нá вот: возвращайся назад и ходи за одним. К счастью, он скоро понял свое положение, и чуть утка к нему, он бросается в общее стадо. А ночевать Ефр. П. по-прежнему его носит в духовку и, выпуская, подкармливает.

Отправил письмо Разумнику, отклонив его приезд короткими строчками. Вспомнилось, как Горький отклонял свидание со мной и как это меня коробило... (Надо это потом хорошенько разобрать.)

Читал о Гёте и думал о Розанове, что один на пьедестале, а другой без памятника и место, где зарыт, забывается: нет никакой отметины на месте могилы, и ежедневно там по этому месту люди ходят.

Ехал по городу на велосипеде, и один какой-то недоброжелатель крикнул: «Смотри, говно сзади горит». Это из блатного языка, голос из того страшного мира, в котором не может быть примирения с культурой: он был и останется до новой революции. И если кадеты заигрывали с левыми, эсерами и большевиками, то сами большевики сознательно заключили блок с этим миром и сознательно отстранили его, когда достигли власти. Большевики дошли даже до того, что этих бывших друзей своих заставили каналы рыть, и еще больше: исправлять их! А эсеры так и остались в отношении к преступному миру на позиции Miserables Виктора Гюго, для них эти демоны по-прежнему «униженные и оскорбленные». Эсеры остались старыми девами революции.

(К этому Петя рассказывал, что два таких однажды сошлись на улице, пьяные, и один другого оскорбил обыкновенным матерным словом. Тогда оскорбленный крикнул загадочные и страшные слова: «Наденъ валенок на шею!» После этих слов ясно было, что должен был пущен в ход нож, но кругом люди были. Оскорбляемый удалился.)

Вопрос: как же надо понимать силу, которая могла обвернуть вокруг пальца весь этот преступный мир, так что сам Каин оказался младенцем, и очень наивным. Эта сила действовала посредством механизации и утилизации.

1) Сутулый — слепой носитель этой силы.

2) Пахан Черкун (Голый царь) — пусть и будет «младенцем». Разыграть все действие по авралу плотины между Сутулым и Паханом.

3-е лицо: инженер Огнев.

Ремонтируют машину. Коля Куликов именинник: Никола Капустник. Вечером они вымыли себе руки керосином, и мы угостили их в огороде за столиком. Коля жаловался на жену Лизу, что он 15 часов проработает, а домой вернется, жена ему ребенка навязывает. — Понимаю, конечно, скучно ей: все одно и то же. — А я не понимаю, — сказала Павловна, — первый долг женщины беречь своего ребенка, второй долг дать покой мужу, когда он приходит с работы. — Коля согласился.

Лимонная прохладная предосенняя заря вознесла меня, и «Я» мое вошло в музыку мира...

Иногда, когда музыку слушаешь, свое «я» застаешь за какой-то совсем ничтожной посторонней музыке мысленкой. А музыка сама собой. Это показывает, что «Я» — моя душа — не хочет подчиниться и отдаться и лучше готова заниматься маленьким делом, но своим собственным. И сколько вот таких не занятых музыкой «я» треплется в мире со своим маленьким ничтожнейшим делом. Как часто, глядя на них, кажется до крайности непонятным и странным ввиду краткости нашей личной жизни их поведение: заниматься такими пустяками, когда жизнь наша так коротка.

Из этого можно сделать кусочек «аврала», когда убило камнем подрывника, а музыка по радио продолжалась. Сутулый чувствовал горе, и нужна была музыка такая, чтобы горе его через музыку сошлось бы с горем всего мира, заключенным в музыкальных волнах. Но теперь музыка звала к радости, а он трепался один в тех радостных волнах со своим горем. «Но это еще хорошо, — подумал он, — что все-таки здесь же покойник, и я должен его пожалеть». Но бывает, что музыка зовет прекрасным звуком к прекрасному делу, а «я» какое-то мелкое, занятое своим маленьким делом, не хочет подчиниться и со своей мысленкой треплется между музыкальными волнами. Какой

это вздор! и сколько таких маленьких «я» треплется в мире между музыкальными волнами общего дела. Музыка эта освежила его и возвратила к делу. Музыка подхватила и раскрыла его «я» в ширину, он бросился к шлюзу и забыл о покойнике.

Стихию музыки через воду и оркестр на канале ввести в действие, пастух в Надвоицах со свирелью и радио.

Героя моего рассказа звали Зуек, как и многих мальчишек возле больших морей и озер зовут зуйками. Эти мальчишки, когда сети вытаскивают, снуют между рыбаками, как маленькие чайки зуйки всегда снуют между громадными чайками поморниками и глупышами. Зуек, внук надвоицкого сказителя былин Сергея Мироныча, родился и рос возле Надвоицкого падуна на реке Нижний Выг у самого истока его из огромного Выгозера.

10 Августа. Гроза и дождь.

Стахановец как советски-практическое решение вопроса бытия индивидуума в коллективе. То же самое и советский герой.

Ввиду вчера рассмотренного положения преступного мира в советском государстве, как же возможно допустить бытие вообще бесконтрольной личности («кто вас проверяет?»). Так что вот и «бдительность»...

Тут явно действует временная необходимость...

В нашем Союзе написать хороший роман так же трудно, как обворовать госбанк. И если напишешь — тебя забьют, и если украдешь — некуда деть. В том-то и горе, что и творец качества, и преступник непременно индивидуальности.

Если вопрос отношения индивидуального к универсальному разрешается исключительно в пользу индивидуального — вот это и есть индивидуальность. Если же индивидуальность является осуществлением универсального, то это личность.

Выяснить с Петей финансы.

С 15 Авг. по 15 Сент. принимать йод. И вместе с тем ежедневно при всяких условиях хотя бы на 15 минут пропускать через себя материалы канала.

Живу в советском государстве как на капусте подсолнух: земля подходящая, можно расти, но...

11 Августа. Врабатывался в «Канал». Приезжал бедный Петр Карл. — «говорить нечего». Просил у меня дать ему [смысл] политической современности, я сказал: это выметают последние остатки тех людей, которые разрушали империю и теперь ждут за это награды. История безжалостная. — Как же мне лично быть? — спросил он. — Уткнитесь в свое дело, — ответил я. И он очень обрадовался, он уехал счастливый.

12 Августа. Собираемся в Москву принимать квартиру. Купить «Бобры» Федюшина в Междунар. книге и «Калевалу». Послать Полякову о негативах (самому съездить при пробе машины).

По дороге в Москву: ввести в «Канал» Дехтерева и Зеленое озеро.

Принял квартиру.

Не мебель и ковры, а что-то совсем другое радовало меня, передохнув после обеда, понял: это чувство высоты жилья (под небесами).

Есть мученики автомобиля, и есть мученики города, но если автомобиль свой — вместо мученья радость: зло и мученье и радость не от самого автомобиля. Так, наверно, и город: люди, населяющие город — одни мученики, другим город есть свой город, им хорошо, и они в городе плавают как рыба в воде.

Решено роман Зеленое озеро включить в «канал», в Огнева как один из этапов потери родины.

Ехали два человека в автомобиле и говорили между собой про инженера Огнева. Один из них, сутулый, высокий и очень широкий в плечах великан говорил: — Теперь все зависит от Огнева... Я знал... позвольте, но ведь Огнев, инженер, приговорен к высшей мере...

Темпы ставят вопрос о личности. Чекисту кажется это сопротивление инженеров леностью, инертностью, переходящей <*зачеркнуто:* следствием буржуазного строя, переходящим> во вредительство. На самом же деле весь человек, вся личность инженера была связана с ритмом прошлой эпохи, и чтобы ему войти в новый ритм жизни, ему надо было выйти из себя, что значило почти то же самое, что жильцу 10-го этажа броситься из окна вниз в какой-то кипящий чан с такой верой, что не разобьешься, не сваришься, а сделаешь великое дело и сам сделаешься другим, лучшим человеком. Но нужно ли, возможно ли

выйти из себя? и как это сделать? Надо ведь не уважать себя, чтобы желать выйти и стать не самим собой, а другим... (Вопрос 1-й Федору Куприяновичу: что значит для инженера перемена «темпа». Вместе с утратой себя должно утратиться качество вещи, прелесть ее: личность — родник качества.)

13 Августа. Сейчас в Московской квартире жарко, а зимой, возможно, станет холодно, и все не от себя зависит, если жарко — уйти некуда, если холодно — словом не велишь никому и дрова не в твоих руках.

14 Августа. Когда солнце прямо бьет лучами в темный лес, то видно, как каждая елка против всех на все стороны ставит свои пики...

Если на тихую воду смотреть против солнца, то вся вода везде вспыхивает звездочками, как в морозный солнечный день изморозь: это делают, на мгновенье показываясь, мальки, против солнца совершенно невидимые.

Те «открытия», о которых я так часто говорю и считаю за большое дело — задушевные открытия в том смысле, что если смотреть на мир из-за своей души, то самые обыкновенные вещи и явления мира, всем известные, показываются в новом свете, и многие говорят об этом: «я тоже так всегда понимал, только не смел высказать».

Раньше писатели брезговали политикой и свои вещи очень неохотно давали в газеты. Теперь политика брезгует литературой, и чуть только пахнёт литературой очерк, в нем сейчас же открывают какой-то второй тайный смысл и возвращают автору с вопросом: «что вы этим хотели сказать?» Или же в лучшем случае откладывают до номера, который будет специально литературный и тем будет можно допустить многосмысленность.

Видел вчера дачников, когда они густой массой выходят из вагонов и тесно друг к другу движутся в домики под свои сосны. Среди них есть всегда великий толстяк в рубашке, перетянутой по брюху ремешком, есть... есть...

Трогательны бывают деревья, из-за которых люди селятся, когда рано утром еще все спят: это ведь сестры милосердия из растительного мира, и такие добрые, и такие прекрасные!

Кто-то хотел вскочить на подножку движущегося поезда, но милиционер успел схватить его и удержать. Все дачники окружили арестованного, очевидно, ему сочувствуя. Они все милиционеру возражали, и он их успокаивал и до того наконец вежливостью своей, соединенной с упорством, довел всех, что можно было протянуть руку к арестованному и энергично повернуть его в нужную сторону. Внезапно откуда-то вырос другой милиционер, и вдвоем они повели. (Советский милиционер не может переходить какой-то границы в своей служебной энергии, а то его публика живо уймет.)

Вчера, имея впервые базу в Москве, решился сделать небольшую наблюдательную прогулку, как делал это в лесу. И сразу заметил постройку Каменного моста и понял ее как постройку канала. (Продолжить вечером о щитах...) Несколько человек по горло в воде удерживали и закрепляли щит. Один из рабочих с напряженными желваками на всем верхнем теле держал вагу, и от этого зависела работа всех других, но, делая главное дело, он вовсе не думал, что он главный, а только что так надо. И всякий другой в своем деле понимал, что так надо для того дела, которое делают все. Можно было понять это так, что вот сошлись гости к одному столу, нагруженному яствами, и каждый мог брать для себя из общего; здесь же наоборот: стол нагружали, и каждый занят был тем, чтобы дать из себя для общего стола. Так вот точно и канал строился: все должны были давать из себя: канал должен быть построен.

Вот это же и есть вторая родина: в первой родине человек брал для себя с общего стола; во второй родине он стал давать из себя.

...через технику (строя что-то) человек завлекается: он попал в общее дело, но у него самолюбие, ему хочется, раз он взялся — сделать лучше; и раз взялся, то тем самым и попал в общее дело и центр «Я» переместился: брал со стола, теперь надо на стол, чтобы спасти то «Я» — второе, без которого жить ему нельзя: канал должен быть.

А может быть, и все мы работаем общее дело, но только одни имеют досуг думать о себе и ставить в этом себя на главное место, другие силой первобытной общественности должны были делать общее дело, не думая. Вот это «я», которое отделилось в свое время как «я», теперь должно было остаться как «я» и тоже войти в общее дело. Через самолюбие он вошел и...

Помнить, вспоминать и напоминать себе, что работа моя посвящена воде и общему делу (и, может быть, затем и ребенок в канале, что в нем будущее).

Анализировать «Канал должен быть построен». В огромной стране все были против государственной власти и разбили ее; но без власти люди жить не могли. Жить не могли без власти, но, презирая власть, брать ее не хотели. Всякий порядочный человек обязан был выказывать свое презрение к власти и даже называть себя анархистом. Но пришел единственный человек и убежденно сказал: «надо брать власть». Его послушались, потому что в воле единственного человека сошлась воля миллионного народа: невидимая воля миллиона стала видимой через одного человека Ленина. Так на развалинах империи возник грозный Союз ССР. После этого стало много возникать внутри Союза той же самой силой: властный скажет — и слушаются. И так было сказано: Балтийское море должно быть соединено с Белым. И по этому слову Сталина сделалось, что канал должен быть построен, и это стало необходимостью всякого, кто был привлечен к этому строительству.

15 Августа. Опять жара. Сегодня начал принимать йод: значит, с 15/VIII—15/IX не пить ни рюмки, охотиться и создавать канал.

В 4 у. выехали на грузовике в Териберки и в 7 у. вышли на охоту. Очень жарко, тетерева сильно бегут, нашли два полных выводка, а взяли одного, и одного вальдшнепа. У Лады разгар течки. Она нервничает. С размаху так ударилась о дерево и так от этого зашумело молодое дерево, что мы приняли за взлет птицы.

— Всегда смешно, — сказал Петя, — когда собака налетает на дерево: так тоже птица иногда в чаще, пробиваясь наверх, застревает — и тоже смешно.

— А если, — сказал я, — Лада ударилась ногой и захромает, то уж не смешно.

— Она ударилась головой.

— Почему же ты думаешь: ты разве видел?

— Нет, я не видел, как ударилась, но прямо после того она облизнулась: это я видел. Раз облизнулась, значит, голова...

Великий урожай на все, даже на орехи. Сколько орехов! Рожь убрали. Лен берут. Начали овес.

Как я отдался весне, сколько всего набрал. Теперь ни на что не смотрю. У меня самого зреет плод.

Пишу и слышу, что мальчика обидели, отняли у него яблоко, и он заливисто орет. Слышу, как сцепились два петуха у самой земли, и вспоминаю ту ночь воздушного замка, когда я чувствовал высоту и всё редко сходилось в одно, и так страшно, что трубы еще на бо́льшей высоте выпускали дым и отравляли воздух.

Пустовка Лады сейчас в той стадии, когда не кобель ищет суку, а сама сука бежит к кобелю. И вот вспомнилось, как вначале Лада заигрывала и бежала от Трубача, и когда он ее настигал, то даже и грызла, а вот теперь... И так вся любовь как сила размножения протекает и у людей, как у суки и всех живых существ. Так девушка у нас бежит и огрызается и так же потом... До того похоже, что просто удивительно, почему люди плохих людей зовут «псы». Сами хуже, чем псы.

В существе своем втайне моя любовь тоже ведь кобелиная, но потому-то я и скрываю ее так ревниво от всех, что вдруг вот и откроется и уже с несомненностью факт, что моя любовь тоже, как у всех, кобелиная. И каждый, зная все, надеется, что вот у него-то как-нибудь из этого выйдет любовь небесная — надеется и скрывает любовь свою от общего глаза. Но так ведь и жизнь наша с ее ужасным и оскорбительным концом: каждый сгниет и каждый, живя, все надеется, что его-то чаша сия как-нибудь да обойдет.

16 Августа. Жара. Нашли выводок и ничего не взяли. Вернулись ожаренные. Уйма орехов, брать и не перебрать никогда. Урожай всего! Моя квартира — тоже плод.

Я восхищался своей квартирой и сказал Леве: — Вот 35 лет работал в литературе с успехом и лет мне 64 года: хорошо теперь и отдохнуть в своей квартире. — Для этого, — ответил он, — не надо ни талантом обладать, ни работать 35 лет, ни доживать до 64 лет. Вот хотя бы у Лидина уже лет 15 тому назад была квартира лучше твоей...

А иволга до сих пор поет, и дикий голубь гуркует. Видно, это у них до отлета.

17 Августа. Жара. Сильная роса. Масса промахов. Паутина. Иволга. Желна с семейством. Те высокие метелки, которые

весной так долго не ломаются. Вся деревня пустая, кто лен берет, кто рожь молотит, а кто в лесу за орехами. Неуемная ходьба вышибает из головы всякую мысль. Если бы к этому прибавить еще общество, чистку обуви, сбруи, ружей и т. п., – вот и получится военная служба.

Вода в лесу и на канале: весна воды там и тут: параллельно: и там и тут нечто делается, там не нами, здесь же нами. Собирать в одно лесной материал весны воды: напр., борода на воде или полдерева корытом и по корыту хлещет вода со своим назначением – везде, где пробегает вода, что-нибудь совершается: где она пробежит, потом будут не такие цветы и насекомые, и птицы и звери придут не такие, как рядом: только оттого, что старая осина корытце поставила. Из гнезда дятла бьет фонтан.

Все «перекованные», кого я сам видел и кто в книгах описан – неверные и жалкие существа. Возможна ли та личность, о которой я хочу написать?

«Канал» – это военная организация: военная, значит, основанная на какой-то власти государственной: «и человека человек послал к анчару властным взглядом». Организация, значит, такая расстановка работающих частей, в которой каждая из них давала бы наибольший полезный эффект. «Канал» создался благодаря сильной власти и умелой организации, взятой с военного образца, вероятно, много и от немцев. Еврейское самолюбие: Берман, Фирин, Коган, Френкель.

<*На полях:* Смородиновое варенье. Мятная. Щетка ружейная. Мелкая дробь. Щелкун. Парфорс* и шнур. Масло. Дрожжи.>

У жертвы отнимается право кричать и плакать.

Христос как сила, оружие и право жертвы: это «сим победиши», крест против меча, это кто сказал: «взявший меч от меча и погибнет». И еще: «Прости им, они не знают, что творят».

Отказ Горького от свидания со мной и отказ мой от свидания с Разумником Вас. = то же самое. Следовательно, у Горького имелись относительно меня очень определенные сведения. Кроме того, и главное, он был сам убежден в принципах советской власти, и мое критическое отношение к ней ему было неприятно.

Есть люди особенного, острого и раннего сознания, вот как Лермонтов и в отношении нашей революции Розанов, – эти

люди пред-чувствуют, пред-мыслят и пред-сказывают. Но другие до того же доходят медленно в личном опыте. Да, более медленно, иногда прямо долго. И вот одна из причин, почему надо стремиться некоторым к долголетию.

У Ефр. Павл. после ее женского периода и прекращения половых отношений (уже более года) характер резко изменился в лучшую сторону, и нам с ней жить стало много лучше. Да, вот любовь! она, конечно, может быть счастьем, но может быть и несчастьем. Зато когда любовь проходит, то это во всяком случае к счастью.

18 Августа. С утра несколько пасмурно, хотя барометр все движется вправо. Ходить за тетеревами нельзя, за три дня Лада отбила ноги и еле ходит. Отправляю Петю за машиной и про себя горюю о нем: очень вяло живет и страсти достигать нет совершенно.

В основе того социализма, который действует убеждением, лежит христианское сознание; такой социализм ведет в отношении политическом к анархизму. А тот социализм, который действует насилием, приводит непременно к власти и государству. И оттого я думаю, что человека на канале в смысле «был Савлом — стал Павлом» не было и быть не могло. Было же приспособление; и даже «перемена темпа» — есть чисто процесс приспособления.

Узлы новой родины (как у сказителя: «везде солнышко по деревьям задевать будет») возникают в труде, в трате себя, в творчестве: человек как Робинзон: узел раз завязался — и пошло, и пошло.

Значит, лучшее на канале — это что человек расстается с наследством чужого ума и начинает любить и ценить то, что делает сам лично. На этом личном и строится новая родина.

На канале в обществе днем и ночью человек, как Робинзон, все начинает сначала: даже постель обмял, и так вся природа и белая ночь...

У Лады от этих охот в сушь — содраны лапы, и день, какой день! а мы не за глухарями в лесу, а за орехами. Так много орехов, что едешь на велосипеде и хватаешь рукой, иногда выходит очень удачно.

Хватаешь ветку рукой, сгибаешь, склоняешь к себе, вывертываешь нижнюю сторону листьев к себе, и она сразу показывает все свои орехи. В два часа набрали мешок.

Семья собралась под кустом. Хозяин склоняет ствол с висящими орехами, и ему делается их не видно: орехи внизу, он смотрит на верхнюю блестящую сторону листьев — листья, и больше нет ничего. Зато детям внизу все видно, и они с жадностью обрывают согнутую ветвь.

День до вечера оставался пасмурным, и вечером солнце вышло сверху на узкую лимонно-желтую полосу. Совсем даже было холодно.

Читал с восторгом «Антигону», в которой увидел Христа, и вспомнил старое время, когда Мережковский, Вячеслав Иванов и другие эстеты ходили в православную церковь как на элевзинские таинства и пытались начать аполлоническое просветление бедной России.

В 1915 году Зелинский издал свою «Антигону» с вздохом: «сколько теперь у нас антигон!» Между тем нам теперь отсюда то время представляется бедным именно относительно Креонта. Единственный Столыпин и то кажется очень жалким в борьбе с бесчисленными антигонами. И вот теперь в отместку той слабости наступило во всей силе время Креонта, которое рано или поздно подготовит нам Антигону, настоящую.

19 Августа. Опять полносолнечный день. Иду снимать паутину.

«Неписаный закон» (Антигона) — это душа, это «Я».

Лирика — это «я», эпос — это «он» (мой рассказ о нем — лирический эпос).

Овес косят, рожь давно убрана. Рожь давно убрана, а перепел все кричит. Семья соек, ворон и желны.

Душа по неписаным законам живет: это «я», который пришел сюда раз и уйдет навсегда. И надо найти это неповторимое небывалое «я» и написать о нем: это очень ценится и надолго остается, пока не разберут в писаные законы.

Писаный закон создала неписаная душа, не зная о тех, кто еще будет. Мы, новые неписаные, приходим и закон изменяем. Я так понимаю...

Ведь из неписаного же материала зарождается и слепливается слово написанное?

Очень тихо в лесу, только тихий трепет осины и далеко вверху гул от пчел...

Совокупление. Темница, страдание бывает до тех пор, пока «Я» — это «я», но вот я увидел высокую ель с белыми шишками — одну и рядом с желтыми, золотыми, и на одной золотой смола блестит. В этот·миг «я» вышло из тюрьмы, стал «Я», и радость охватила меня. Значит, радость в таком «совокуплении».

Совокупление или творчество все равно сопровождается радостью, только совокупление — Дионис, а творчество — Аполлон (смотри образно, как пленный дух, страдающий воплощается в шишке).

Упрямый рыжик стоял на моей тропе.

Не знаю, как это выходит, что на одной ели шишки серебряные, а рядом на другой золотые.

Обыкновенно барашки на небе стоят, но сейчас они бегут, все барашки быстро убегают, и на их место приходят кошачьи хвосты, за хвостами неопределенные облака, и — тут солнце меркнет.

Солнце, прощай!

Вспомнилось:

— Что если бы мне такую квартиру в 28 лет!

— Сколько бы ты глупостей в ней наделал! — сказала Ефр. Павл.

Иначе сказать: что было бы, если бы я женился на «невесте».

Она бы себя воображала «выше меня», как Вера Антоновна живет с Яловецким, и едва ли угадала бы меня.

В Москве опыт: ходить по музеям и сравнивать, что дает лес, что красота: не то ли это самое?

Учат и учатся тому, что известно. У нас все учатся. И образованному это все известно.

Урожай на все и особенно на орехи: такого урожая орехов на моей жизни еще не было и, верно, не на всякую жизнь человеческую и бывает. Радовались, конечно, всему, и ржи, и пше-

нице, и овсу, и картошке, но только всему такому радовались с расчетом: многие, поняв урожай, отложили намерение уйти на фабрику, другие, прослышав об урожае, бросились с фабрик в деревни, рассчитав, что при урожае в деревне жить много свободней. Без расчета, без одумки, вздохов и воспоминаний тяжелого пережитого радовались только орехам: это Бог послал! и валили в лес семьями (отец гнет — дети из-под низу рвут).

Государство сменило родовое устройство, но оно тоже стало на семью как на свою основу и точно так же, как и род, стало против личности. (А то откуда же взялось восстание любящих, идущих против рода.)

Год такой...

Правда, и мы — кругом лес — как в лукошке сидим, а они прямо в лесу, одни кусты и какое уж у них удобрение! — и там урожай. И там, где отродясь ничего не родилось, и где не удобряли вовсе и даже хлеб на хлеб сеяли — везде урожай. Значит, год такой...

И вот подумаешь, что было бы, если бы этот год вышел голодный... смута новая, война? а вот вышел «год такой», и будут хвалиться.

Царское время ужасно виновато в косности. И взрыв технический должен был произойти: и он при Сталине совершился, такой технический, что само государство превратилось в такую точную машину, что ни один человек не ускользнул от учета и по радиосигналу, данному из центра, всякий человек...

Зарубить на носу: что в Москве жить так же отдельно и еще больше, чем в Загорске, а культуру (искусство) понимать как лес. Вообще ни в каком случае не выходить из себя.

Материалы собраны для канала, остается найти т о н.

Свою принудительную власть государство взяло из родового строя, от «старших». И если ты хочешь знать, откуда взялась сила человека послать другого за ядом к анчару, то надо смотреть на старших в семье. Только старший в семье опирается на личный опыт, а властный в государстве держит в руке рычаг машины, которая является рационализацией безличного опыта множества людей.

В этой квартире так хорошо, что как будто это даже и не я живу, а кто-то в этом роде настоящий.

Анна Дмитриевна сама не шила, не пилила, не стругала, не мыла: она ничего не делала, а только всем распоряжалась и тратила на все казенные деньги. Но от нее все зависело, к ней все шли, все в ней нуждались, она за всех отвечала. Вокруг нее были все специалисты, она же специально ничего не знала, она была организатор, и у нее была через это вся власть.

Она ничего не делала своими руками, не шила, не мыла, не пилила, не стругала. Но у нее был план в голове и деньги в кармане, благодаря чему (плану и деньгам) она могла не только распоряжаться в квартире, но и (...так человека человек послал к анчару).

В 5 в. приехал Петя и расстроил меня 1) Разумником, который ищет свидания (ничего не было, но просто время пришло, я рассмотрел, разлюбил, охладел к такого рода людям). Вопрос: уклониться от объяснения или объясниться? 2) Петя окончательно провалил план наш весенний, работу бросил, экзамены бросает: весь дух вон. (Все перерешить.)

Еще узнал, что Ставский ищет свидания со мной для интимной беседы. Надо необходимо определить свою позицию, вроде, напр., следующего. Положение граждан одних в отношении других (при диктатуре пролетарского государства) похоже на педагогов... Одни граждане смотрят на других как на малолетних, вследствие чего те и другие развращаются. Временные нормы берутся как вечные и заслоняют в сознании идеалы коммунизма. Да! но... об этом нельзя говорить. Я думаю, что «позиций» таких высказывать нельзя. Надо: ссылаясь на возраст, определить свои задачи (сверх этого ничего не могу: ночные собрания — три дня работы выпадает). Одним словом, в Москве мне надо устроиться так же удобно для работы, как я привык это делать в лесу.

Ему страшно было искренно среди людей высказать свое мнение: «а вдруг, — думал он, — мое мнение как раз и совпадет с тем, что думали расстрелянные враги народа». И он маялся не потому, что таил в себе какую-то вредную мысль, а что боялся неведомого.

Вечером ходили с Петей на близкий выводок. Заря была лимонная, строгая.

20 Августа. Ходили на глухарей. Петя убил одного и ранил двух (мелкая дробь). Я стрелял два раза пулей и не попал:

глухарь сидел на вершине дерева и качался от ветра на тонких сучках, как на качелях. Доходило до того, что он перевертывался вверх зобом и, помогая крыльями, справлялся. Беспокоили сучки, однако он никак не хотел оставить и допустил Петю на дробовой выстрел.

После обеда ничего не делал, все обдумывал свое будущее поведение в Москве.

Бывает год: во всем урожай. И где удобряли, старались, и где не удобряли, не старались, даже сеяли хлеб на хлеб, — не от рук человека вышел урожай, год такой. Так, бывает, целая эпоха соберется как тезис, целая страна с огромным народом в одном тезисе. И если в тезисе этом Креонт, то нечего искать Антигону: она явится как антитезис в другое время и, может быть, в другой стране.

Обдумывая «Ставского», я вспомнил и Горького и Белого — Горький хотел кого-то обойти, но его обошли, а Белый, обходя Р. Штейнера, Христа и др., остался эгоцентриком. Так бывает: обходящий бывает сам обойден. В том и другом случае, и у Горького и у Белого, был неверный путь, и его надо остерегаться, т. е. жить без «политики».

Решение Ленина — взять власть, т. е. то, что всякому интеллигенту было ненавистно, — есть решение гения. Он шел против всех и в этом был прост, как ребенок.

Записки Разумника. Венере Милосской за что-то Разумник не понравился, и она на короткое время заперла его у себя в клозете. Он же, как усердный литератор, за это время успел написать для опубликования на весь мир о том, что у Венеры воняет так же, как и во всяком нужнике. Этим он хотел отомстить богине.

Своего противника надо делать богом...

21 Августа. Утро пасмурное (всю ночь шел мелкий дождь).

Дорогой Разумник Васильевич! <*Зачеркнуто:* по некоторым обстоятельствам <*зачеркнуто:* (мудрено о них говорить)> я на некоторое время не могу встречаться с Вами и с некоторыми другими лицами, находящимися в Вашем положении.>

<*Зачеркнуто:* Не сердитесь и не думайте в худую сторону, но подошла полоса <*зачеркнуто:* подобная как была у нас с Ва-

ми в начале революции>: на некоторое время мы не должны встречаться. Я Вам сообщу, когда «полоса» пройдет.>

Не сердитесь, всех находящихся в Вашем положении я тоже предупредил. Вашу рукопись я укрывал не потому, что боялся уж очень ее, а не нравится она мне, случится что-нибудь — и мне стоять в ней не за что. А когда не за что стоять — я величайший трус и в себе этого труса не стыжусь.

Когда некая полоса тревоги, не допускающая возможности сходиться свободно для простых душевных бесед, пройдет (а она пройдет же!), я Вам кое-что расскажу о себе, и Вам все будет ясно.

...Решил ничего не писать, а описание кабинета Венеры возвратить просто.

Как это пришло сознание такое ясное, что стоять тут не за что... что я просто наивный человек...

Наивность при других хороших данных — почти сила, которой можно долго двигаться: наивный человек ведь слеп лишь на самое близкое, что знает даже дурак. И вот эта наивность, минуя близкое, всем видимое, может дать зрение на более далекое, во всяком случае, такое, чего обыкновенно не видят. Но если наивность прошла, то вернуть ее так же невозможно, как девственность.

Поразительная неудача на охоте, и думаю, это от наших внутренних неудач: у Пети вышла ерунда, и это передается мне и расстраивает. Вечером приехали в Загорск.

Ничего я нового не узнал, просто поговорил на тему «ослиные уши», и вдруг стало все ясно: и почему китайцы сбили японские самолеты, и почему «полетел» старый наркомфин Гринько, и все, о чем ни подумаешь, даже и почему Англия договорилась с фашистами и почему в лесах я лишился своего внимательного спокойствия и т. д. Мы стоим у самого порога мировой катастрофы, если она уже и не началась. И стало занятие литературой таким же пустым делом, как отделка своей квартиры в Москве, «воздушного замка». Вовремя раскрытый заговор и урожай поддержали ход событий, и теперь их уже едва ли что-нибудь остановит.

На 25-е в Москве: 1) Сапоги. 2) Квартплата. 3) Телеф. плата и книги.

23 Августа. Ночью до света дождь. Утята на рассвете вырвались, — такие жадные! окружили лужу и сразу всю выпили дочиста. У них на крыльях показались голубые пеньки маховых перьев. И у некоторых голоса со свиста переменились на кряк.

Вчера был Огнев, и выяснилось, что ничего не сделаешь: сам Петя не готов. Очень беспокоит его положение: под моим влиянием он явно портится. И оно понятно, всякий портится, если есть готовый фонд бытия, даже Разумник (не постыдился же после двух лет моей пенсии в ссылке брать, когда приехал в Москву!). И, видимо, даже и я сам порчусь при своем фонде и не пишу. Таков весь русский человек.

Вчера я Огневу сказал, что, может быть, это странно несколько — определяться на работу над землеройкой на несколько лет, в то время как все больше и больше намечается близость катастрофы.

— Так нельзя думать, М. М., — сказал Огнев, — опыт показал, что все пророки наши ошибались и предвидеть ничего нельзя. А потом, и вообще так жить нельзя: быть может, очень скоро от нас ничего не останется, и все-таки до самого конца...

— Вы говорите, предвидеть нельзя, но Ленин, когда сказал «надо брать власть», наверно же нечто предвидел...

Между прочим, что это чувство потери интереса к повседневной работе ввиду мировой катастрофы было основным чувством студентов-революционеров нашего времени. Тысячи всяких возможных инженеров бросили из-за этого свое ученье и стали подпольными людьми. Это чувство родственно и староверческому «концу света», и пораженческому, и, может быть, «мировая скорбь» того же происхождения (ввиду чего-то большого не хочется делать малое). На этом и выросла русская интеллигенция и весь ее нигилизм, и отсюда стахановец как антитеза.

То замечательно, что «мировая катастрофа» 44 года тому назад вырвала из рук моих дело и теперь та же самая «мировая катастрофа» колеблет охоту раскаляться в мирном повседневном труде. Глядя на близкую будущую войну, чувствуешь себя вправе отложить в сторону текущую работу и освободиться от ее тягости. А попробуй, освободись, и будешь в пустоте хвататься с жадностью за последние известия из Китая или Испании.

Барышни министерства торговли, однако, в 1917 году бросили работу, лишь когда увидели на улицах пожары и услыхали стрельбу. Они до того жили как землеройки. И Гессен купил имение в февральские дни. Так в нижнем плане «нигилист» противопоставляется «живцу», в высшем «мировая скорбь» и «клейкие листики» Достоевского. И так, если выступает из низшего плана одно начало и противопоставляется противоположному началу, но взятому из плана высшего, то клейкие листики кажутся как «обыкновенная история», напротив, если революция выступает в низшем плане, то самая «обыкновенная история» становится как «цветочки» Франциска Ассизского.

Со мной именно вот это и произошло: сквозь пустые будни революции я увидел священные будни мира и с этими священными клейкими листиками соединил свою поэзию.

Голодному солнечная поэзия открывается в кусочке черного хлеба... Так голодному в любви и дружбе нынешнему человеку (Коля вчера: «Спасибо, что доверились мне, ведь слова сказать некому». Бострем вспомнил ослиные уши: за тем и ходит, чтобы шепнуть земле: у царя ослиные уши) мои слова, человека голодного к жизни, будут нарастать в красоте, как фольклор.

Что же вернее, иллюзия голодного и его жажда жизни прекрасной или же сытая действительность: сыт, счастлив...

И вот тут распадается человек, для личности хлеб как «Цветочки» Франциска, для массы хлеб как насыщение. И так вообще: «идеал» — это личность, действительность — масса: значит, все сводится к личности и обществу. И то же самое Dichtung und Wahrheit.

И все размножение: тут-то и весь грех, возрастает население — необходима техника добывания средств жизни и роль государственного насилия с его идеалом сытого счастья и действительностью поглощения личности и черных страданий... И так растет благодать, как на болоте белая лилия...

История русской интеллигенции от Радищева до Ленина. В лице Ленина последний русский интеллигент сказал: так жить, как мы жили, в нигилизме, нельзя, надо брать власть. И Сталин вслед за тем сказал о необходимости в жизни счастья (раньше интеллигент не имел права быть счастливым).

Нужно собрать внутри себя тишину, чтобы не зависеть от внешних событий без побега во внешнюю пустыню. Надо при-

выкать к внешним отношениям постепенно, как йод принимать. Ввиду опыта сделаю визит Ставскому, с тем чтобы вернуться спокойным и продолжить работу и не чувствовать волнения бесконечного от частичной потери себя.

Надо помнить, что Ставский, Панферов и кто бы там ни был не являются постоянными величинами, прочными представителями государственности, партии и т. д. Нет никого: ни Молотова, ни Ворошилова, и только один треугольник: Народ, Сталин и «я». <*Зачеркнуто:* (Царь, Бог и народ — как было раньше.)>

Наверно, каждый не-дурак, как и я, чувствует в чем-то свою бедность: Огнев в кадето-дворянстве своей среды, я в своем революционном нигилизме, Панферов... («Вы, М. М., конечно, культурней меня».)

Есть особая жизненная сила порядка, побреешься — всегда на душе становится светлее, приберешься — еще лучше, и тоже как-то надо бывает в душе вычистить, — собрать тишину — и начнешь писать.

— Стогом сена мышь не задавишь.
— Волку в зубы — Егорий дал.
— Без стыда лица не сносишь.

Лен поспел! Так хорошо поспел лен, что мышка в густоте его пробежала и далеко вслед ее загремели сухие головки, наполненные семенами.

Благодать — это как рента, происходит не от труда, а как рента от самой земли, так тут от правильной жизни, от Бога.

Бострем говорит: в семьях теперь нет благодати.

24 Августа. Слово как мышь, пуховой подушкой его не удушишь. Дави его, — скроется в землю, и вырастет на его месте березка и своими зелеными листиками вышепчет ветру родимое слово. И полетел ветер, и понес, и понес...

Нет, тут за слово бояться нечего, оно правда как мышь, и стогом сена его не задавишь.

Попробовал написать детский рассказ «Самурай», все шло хорошо, но на середине с детского правдивого рассказа свел на притчу для взрослых и погубил.

Ясный день. Вечером ездили всей семьей и с маленьким на Вифанский пруд к мельнице. Очень доволен я, что Лева и Галина служат. Неурядица у них гораздо больше отзывается на мне, чем я думаю.

Восстановить альбом моего быта (фотоснимки).

По совету своего «редактора» Левы собираюсь заострить свой рассказ «Самурай» против фашизма и назвать его «Чистая кровь». Удалось бы! Ведь только художественная форма для художника слова есть достойное для него выражение политических взглядов. Что же касается «совести», то и совесть успокоится, если удастся напасть на след новой формы.

Маленький рассказ, мастером которого остался только я (так говорят мне), возможно, еще даст мне пожить.

Возможно, что все мои потуги к философии большой вещи с биологическими опытами являются теми смешными баррикадами, которые ставит себе юный литератор. Вроде того, напр., как Арсеньев мучился над середой: событие случилось в середу и так записано в дневнике, а ему надо в рассказе сделать, чтобы вышло в пятницу.

Старики и отроки в отношении сердечных тайн находятся в равном положении: те и другие не могут, тем и другим необходима совершенная тайна. Если же, однако, тайна вскрывается, то мальчики и жалки и самое большое иногда противны (онанизм), но старики трагически-смешны, у них всегда любовь как трагикомедия.

25 Августа. Утро роскошное. Вечером едем в Москву с Петей. Отделываю рассказ «Чистая кровь».

Сидел до обеда, отделывал и переписывал «Чистая кровь».

В Москве сделать:

1) Выручить сапоги. 2) Уплатить деньги: квартира и телефон. 3) Купить телеф. книгу. 4) «Чистая кровь». 5) «Молодой Колхозник», Ставский. 6) Луппол.

Умный человек всегда заключает в себе дурака, которого он преодолел в себе силой разума. Но такому всегда неприятно в обществе дураков, потому что дураки пробуждают его дремлющего дурака и тем самым принижают. Тем более принижает, что дураки живут и, упражняясь в дураческом методе, все совершенствуются, одеваются, манеры, квартира, образование,

тогда как дурак умного появляется во всей наготе, и над ним сами же дураки или потешаются, или презирают как неприличное явление в образованном обществе.

26 Августа. Проснулся в Москве в той именно обстановке, в какой должен жить порядочный человек: это именно то «все так живут», о чем с такой болью тайно мечтал я и явно отстранял, маскируясь охотником и «паном». Так вот же надо наконец выявить свой замечательный опыт. Или, может быть, мои писания как раз и являются восполнением того, что мне так не хватало («счастья»), что именно они и есть разность (а – б = «Жень-шень»).

И все время так кажется: не то я в отеле, не то у кого-то в гостях.

На постройке Каменного моста. Люди в котловане. А там дальше кривая гибкая линия набережной, камешек к камешку сросся, и вышло цельное, как скала. Вспомнился Семенов, писатель, которого все дураком считают с тех пор, как он получил орден Ленина. Когда-то он мне признался, что весь он в пожаре своем начинается от одной своей прогулки по набережной Невы, ему вдруг «открылось» (вера есть вещей невидимых обличение), что все эти каменные дворцы сложены руками рабочих и что все это потому им, массам, принадлежит. В этом откровении вся эта вера.

Сила порядка. Устройте порядок, и вы тем свяжете беспорядочного: он будет подчиняться и долго делать так, как вами намечено. Стоит расставить вещи, и они будут стоять и определять вашу волю. А, в сущности, и машина есть не что иное, как действенно-волевое распределение частей. И так всё, расположите камни, чтобы по ним можно было переходить реку, и вы заставите массы людей бездумно переходить по этому мосту. И вот государство, порядок, заключающий всю массу страны, является у нас со всей современной техникой, радио, самолетами... Принудительная сила такого «порядка» должна быть столь велика, что да молчит всякая тварь.

Лева так и сказал: — У тебя, папа, неизменный «уклончик». — Лева, — ответил я, — без сомнений автора, без борьбы тезисов невозможно искусство слова. — Он помолчал и, забыв через минуту этот разговор, воскликнул: — Ах, как хорошо на

душе, когда знаешь, что день прошел и у тебя двадцатка откладывается.

Он такой наивный, что насквозь видно происхождение этого патриотизма из двадцатки («Страна моя родная»). — Ничего, — думаю я об «уклончике»: на одной стороне Разумник с его постоянным неподвижным уклончиком, на другой стороне неподвижность Вишневского и их «страна моя родная». Настоящая страна моя движется по диагонали. — Ничего, — сказал я вслух Леве, — с Ви́шневским лучше, чем с Филимоновым. — И он согласился: — О да, конечно.

Видел страшных подростков. Одно время их прижали. Но кто-то в газетах пожалел, и у милиции опять руки связаны.

В парке Культуры и Отдыха видел много людей простых, неплохо одетых и относительно довольных: это все новая страна... без «уклончика».

Видел ужасный мотопробег в деревянном цилиндре американца с его девушкой, настоящие американцы, сказочные. И подумалось: вот только бы мотоциклы, а то наши теперь тоже сумеют.

Американизм — характерен исчезновением культурной линии, исходящей от личности, как в Западной Европе. Это дает возможность индивидуальности как грубо-животной силе не стесняться...

27 Августа. У Луппола три дела: 1) Огнев. 2) Лес. 3) Маленькие рассказы.

Порядок великодушен, он принимает в себя порочного человека, и пороки его, убийственные для другого в условиях беспорядка, здесь ничего, исчезают, как вонь при хорошей вентиляции.

Встретился один толстый из НКВД с орденами, и глаза у него такие, будто он когда-то кого-то допрашивал с недоверием, презрением и после того не вернулся к себе: с такими глазами и остался. Я спросил его, то или нет я взял направление. — Правильно, — ответил он.

Выражения лиц на движущейся лестнице в метро: человек замирает, сосредоточенный исключительно на ощущении своего физического перемещения, так бывает еще, когда он...

28 Августа. Наслаждаюсь по-детски удобством от квартиры «Воздушный замок» и в первый раз в жизни своей чувствую, что у меня как у всех. Этим я не хочу сказать, что у советских граждан сейчас как у меня. Нет! «как у всех» означает строй жизни «порядочного» человека, подчиненного законам общежития европейской цивилизации, определенной для всего света. Нет ничего легче жить, как в установленном порядке, но есть такие люди — лучше им жить в труднейшем беспорядке, да вот только своем. И я был всю жизнь такой и не хотел и не мог жить как все. А вот теперь под старость это «как все» оправдывается необходимостью сбрасывать балласт, чтобы двигаться. Ну вот я сбрасываю и могу дальше лететь.

Сегодня заключаем договор на книгу о лесе, которая должна дать школам и лесным кадрам полезное и увлекательное чтение. Школьники должны иметь в этой книге для себя образцовую прозу, кадры лесные — повышенный интерес к своему делу. Книга в 10—12 листов вмещает в себя следующий материал.

1) Лес как поэтический родник человечества. 2) Художественная характеристика лесных пород: ель, сосна, береза и т. д. 3) Лес как растительное сообщество. Многоярусность. Социология леса. 4) Этажи леса в отношении распределения в нем фауны. Экология, т. е. лес как дом животных. 5) Польза леса для человека: здоровье, охота, стройматериал, топливо и т. д. 6) Лесные богатства СССР и их эксплуатация. Лесной ландшафт СССР.

Из Москвы поезд вечерн. 1.25—7.50.

Раскладывая тетрадки, выдумал создать из них 5-й том: «Записи». Начинать их делать без системы, а прямо выбирать из тетрадок отдельные, поддающиеся оформлению места. И так, чтобы высосать все, после чего можно будет их приклеивать одну к другой для характеристики того и другого места, эпохи.

Условия в лесном ведомстве оказались столь тяжелыми и начальник Мартынов до того неловким, что я спросил его: — Для чего же мне лезть в этот хомут? — После чего я закусил удила и не пошел ни на что.

Дома, в Загорске, убыль: улетел селезень. Павловна очень обижена: — Своя птица, ходила за ней все лето, и вдруг бросила все семейство и улетела. Сдуру, конечно.

Был Разумник, взял свое и, кажется, впервые очнулся. Столько лет дружбы, и теперь ничего не чувствую: так надо, и ни малейшего упрека.

Левина «двадцатка», так мило определившая его патриотизм, сливается с какою-то другой, с третьей, как капли воды, и так слагается «20»-е число, на котором издавна стояло наше благополучие. Так их множество окатывается, а урожай ведь на всё, и так всегда у нас было: на хлеб урожай, и на всё урожай.

Неприятности от революции прикрыли мое коренное всерусское негодование на царское управление. Вытекающую из этого ошибку в моем историческом самоощущении надо исправлять, надо помнить, напр., как было трудно Пушкину под цензурой царя, но... Тут есть еще одна ширма: при мне-то ведь не было этого, при мне, напротив, в государстве такая была преступная свобода печати...

В Москве в несколько дней у нас с Петей пошло поварское дело, и так мы говорили, почему повара мужчины лучше работают, чем поварихи. Решили на том, что план поварам помогает: у мужчины всегда план прибавляется к традиции, у женщины традиция больше значит, чем план. И оттого во всех домах, кроме тех, где первенствует традиция, мужчина сильнее.

Все мы, работники искусства, им живем и кормимся, все «за деньги» работаем, и в то же время если выйдет хорошо, то и не за деньги. Так и сила наша, от которой дети рождаются: от горячей крови это, а мы говорим, если все хорошо выйдет, от какой-то любви.

29 Августа. Пробую начать работу свою вновь. Петя предложил сосчитать мои начала. — Что делать? — ответил я, — видно, уж я баловень судьбы. — Вот верно! — сказал Петя. — Верно-то верно, — ответил я, — а вот поглядел бы ты на меня в твое время, в 28 лет.

Я достиг теперь некоторого «положения» вопреки всем обыкновенным путям к положению, легким путям. Как будто все мне говорили: «ты сурок». Значит, быть против всех иногда тоже путь, значит, по какой-то линии я всех умней. (Как-то по-другому хотел я это сказать: вроде того, что есть положительная творческая сила идти против всех, и в этом и есть «я», и другая сила, легкий путь идти без «я» и «как все».)

Петя рассказывал ужасы о душе тех специалистов, которые вместе с ним получали «высшее» образование. Это все надо понимать как «жертву»...

В газетах о пленуме комсомола, что комсомолец, вмещенный, как шестерня, в механизм общественной жизни, оставался в частной жизни как бы беспризорником и это поставили на вид т. Косареву (Файнберг и друг. уже давно нет, а он все переживает обиду на них).

30 Августа. Росистое утро. Жаркий день. Ездили в Александровку с «Паном» (Плач Пана).

В Бобошине масса яблок, обломный урожай, дерево стоит при дороге с крупными яблоками, никто из мальчишек не трогает их, потому что яблоки эти кислые. Вот наша русская жизнь: нельзя не только яблонку выходить, — огурцы и те в иной деревне нельзя вырастить: всё разворуют. Одни предлагали убеждать людей, другие — заставить посадить всех (колхоз).

31 Августа. В этом и был весь спор идеалистов и материалистов, или народников с марксистами, что одни хотели действовать убеждением, другие силой. Вот хороший пример: в деревне никому нельзя посадить огурцы — кто посадит, — всё разворуют. Что же делать, если нужно, чтобы огурцы вырастали. Одни советовали убеждать людей не воровать. Другие — заставить всех посадить. Ну, конечно, это победило: заставили всех огурцы посадить. Так можно действовать, имея как цель огурцы. Но где же сам человек и его личное поведение? Вот этот вопрос возник на пленуме комсомола, что комсомольцы в общественных (казенных) делах добрые коммунисты, а в личной своей жизни еще более эгоисты, чем обыкновенные «болотные» люди.

Живи с теми же самыми людьми и вещами постоянно, и все равно если ты поэт, то должен увидеть их так, будто никогда не видал. Сила первого взгляда есть основная сила поэзии.

1 Сентября. Еду в Москву: в 6 в. заседание правления. Помнить о лесе, чтобы сидеть как в лесу и, вернувшись, не страдать от «лишних» слов. Помнить, что ведь только раз один так, а потом бы оно и пошло. Все в нашем времени к этому подводит, и так надо. Помни: завтра отчет.

В газете «Колхозные ребята» прославляется героем мальчишка 14 лет, донесший на своего отца в НКВД. Преступление отца при этом не указывается — какое именно, а прославляется именно, что донес. Это, конечно, есть возвращение к пережитому. Но я не в отчаянии, всякое гнуснейшее дело, доведенное до конца, очищает путь противоположному началу. Раз уже так дозволено и прославляется столь великая мерзость, как предательство отца, то этим самым отцы будут настороже и так будут воспитывать детей, чтобы они их не предавали.

В деревне на улице всякая живность: коза, баран, свинья, корова, куры, гуси — много всего! и часто всё вместе кипит. Но три гуся белые пышные ходят всегда отдельно, и на них даже указывают: «паровые гуси».

В Москве в квартире своей. Порядок («заведенный») является и поработителем. В «Анархии» должен быть порядок только личный (в своей квартире).

Сочетание анархизма со смирением, верней, анархист в одежде буддиста или, еще вернее, волк в овечьей шкуре, — вот что есть Лев Толстой.

Разговор с Лупполом.

Три небольших срыва, вследствие чего и с собрания ушел не совсем как из леса. Все эти срывы вызываются с той стороны любезностью, вследствие чего у меня «что на ум взбредет» кокетливо развивается. Мне страсть хочется поиграть с огнем. Ужасен широкозадый еврей в военном: это, кажется, Субботский, воен. попадет во враги народа (пока что...). Старая лисица (вспомнить фамилию этого старого писателя). Ставский, Панферов, Фадеев...? Конец [Катаева], Третьякова и... Паоло Яшвили!

Письмо Андрюши. (Нарвался на родственника.)

Положение Левы «пошатнулось».

— А Галина прочна?

— Сама Галина прочна, но редакция вся целиком пошатнулась.

2 Сентября. По утрам стало очень прохладно. В 12 д. приехал из Москвы домой и, переживая вчерашнее, так и не собрался работать. А между тем стало так, что одна единственно только работа жизнь дает.

— Трудно лошади в хомуте, а сними — без хомута скучно.
— Без стыда лица не сносишь.
— Стогом мышь не задавишь (литература — стог, мышь...)
— Волку в зубы — Егорий дал.

Самому на себя теперь смешно смотреть, как подмывает шепнуть земле про ослиные уши и как нет-нет и прорвется заветное в разговоре с людьми. И такой русский человек весь: болтун, страшный любитель общества. Наблюдать теперь с этой точки зрения, как выковывается молчун.

Утята становятся такими, что приходится старых заметить, а то еще немного времени, и старых не узнать в толпе молодых. Так вот за одно лето сколько их выросло вместе с брюквой, свеклой, капустой и помидорами. Росли они и росли, а мы в это время сколько раз теряли себя и казалось, что не живешь уже больше в свете, а только временами показываешься. Но вот видишь, что за время твоего исчезновения какое выросло стадо уток — и тут радуешься очень: значит, это в твоей личной судьбе лишь беспорядок и ты исчезаешь, а мир живет себе, как и жил.

То же самое чувство (Антей) получаешь и в лесу, и ему прямо противоположно чувство от заседания президиума Союза Писателей.

Гигиена домашней моей жизни и должна состоять в том, чтобы сохранить за собой эту простейшую среду возрождения...

3 Сентября. Грех требует возле себя хозяйства беспланового. Пойти на грех войной прямо с планом почти невозможно: чем строже план, чем тверже воля, тем больше вырастет грех (как у Л. Толстого вырос грех гордости). Надо не «хвататься» за план, а, теряясь в обстоятельствах, лавировать и выбиваться.

Проверил себя по календарю и по записи расходов: не могу и никогда не удается мне приучить себя ежедневно на ночь отрывать страничку календаря, не могу записать все расходы. Но я могу, напр., ежедневно писать в эту книжечку, могу, потому что это идет изнутри моей личности совершенно свободно. А принудить себя надолго к чему-нибудь я не могу, для этого мне нужен принудитель. И мы все такие, русские.

Мы болтливы, как галки, когда они слетаются в множестве на одно дерево. А жизнь заставляет сейчас нас быть молчаливыми, как ястребы. Выйдут из нас ястребы, или останемся галками? Ястребы будут, конечно, в своем законном числе, как им полагается быть в природе, но весь народ русский в своем характере навсегда будет с галками. В этом его особенность и, может быть, сила.

Героизм раскольников наших должен быть мил революционеру, но какой у них строй мыслей, их план? Их недостатки общие с сектантами: pars pro toto [1].

Англ. издание «Жень-шеня» и моя квартира в Москве — две такие прекрасные вещи, каких в жизни у меня не было.

4 Сентября. У молодого писателя все сводится к теме, — будь тема ясна, написал бы скоро напором души. У старого же темы нависли, как тучи, а вот написать трудно, и знает, как надо, а вот слишком много нависло, и духа не хватает обнять это все и написать. Вот почему почти всегда великие художники жизнь кончают моралью.

5 Сентября. Ненастье. Сомкнул новое начало со старым текстом. Теперь следует весна воды: это поэзия воды. Борьба: вода и слово человека. Власть — слово и дело.

После обеда и чая собрались в Териброво и в 6 в. приехали.

6 Сентября. Ненастье продолжается. Петя пошел на просеку промять Трубача. Я остаюсь дома писать. Принял решение завести спаниеля.

Конский щавель — красное ухо из бочага.

Семигнездник — трава, в каждом гнезде целая большая капля, и все семь капель весь день, не сходя, как бриллианты блестят.

К осени листья на березах желтеют и валятся, зато шишки на елках становятся все тяжелее, все туже, все смолистей, душистей, живут во всю силу и жить собираются. (Тоже и озимь так, и что еще? все такое собрать.)

Бодрое тепло осени.

---

[1] pars pro toto — часть вместо целого (*лат.*).

Бывает, и в самой природе существа живут и крепнут, не прямо следуя за теплом солнца. Вот когда падает лист на деревьях, ползучий гад забирается под землю и муравьи уходят в глубину муравейника, — в это время возьмите в руку еловую шишку, какая она тугая, напряженная, смолистая и ароматная. И когда после зимы первый луч проникает в лес и все начинают предбрачную игру, еловая шишка раскрывается и в тающий снег роняет свои семена.

Осень, падает лист. Семья ореховок.

Не в этом дело (катастрофа мировая), но это необходимо для дела, и этому надо подчиниться. И кто сумеет больше всех подчиниться этой необходимости, тот свободнее всех будет и ему дастся власть больше всех.

Какая же разница между, скажем, Сутулым и Марьей Мироновной.

7 Сентября. Автомобиль с большой скоростью летит, другой летит так же ему навстречу, и оба шофера не боятся друг друга: им обоим столкнуться невыгодно. Так и люди в большом городе привыкают встречаться, не задевая друг друга, но как страшно сойтись с чужим человеком в лесу. И даже в деревне покажись чужой человек, все его спрашивают: чей, откуда.

Рабство не в том, что один человек другого заставляет работать и даже посылает на смерть. Если мысль соединяет людей и один ей предан более другого, то почему же одному, более сильному единомышленнику не послать другого, если так надо? Рабство тогда, если один бессмысленно подчиняется воле другого...

На берегу Кубри. Пахнет хмелем. Хмель, обвившись, душит и сушит молодые ольшаники, но окрепшие деревья от хмеля как будто вовсе не страдают: хмель не добирается до высших зеленых вершин, которыми они живут в свете.

Вытащили две большие щуки. Страшно, когда показывается в мирной воде такая пасть. Никогда не увидишь щуку в воде как она есть, видишь как бы тень щуки. Только в воздухе оказывается во всем блеске ее замечательно парчовый наряд.

Ястреб гнался за тетеревом. Петух, спасаясь, с шумом бросился в ольху, обвитую хмелем, прямо к Петиным ногам. Лада

стала по нем и потом, когда он взлетел и упал, достала его нам из воды.

На всем Ляховом болоте был один только бекас.

Давно бы надо убрать овсы, да вот неуправка, и вот теперь хорошо ходить по лесным опушкам, примыкающим к овсам.

Встретился нам знакомый парень и сказал: — Ну, ребята, отпил я у матушки молочка, иду на призыв. — Не хочется? — спросили мы. — Нет, — удивился он нашему вопросу, — очень даже хочется. — Вот бы мать моя поднялась и послушала «народ»: было ли в то время, чтобы новобранцы радовались идти на военную службу.

Мысль не может прямо соединить много людей: мыслит человек про себя, и не сразу его понимают другие. Но из мысли рождается план, и он соединяет многих. Из плана же непременно рождается дело, и тут в деле осуществления плана соединяется множество людей, и многие в этом деле начинают понимать весь план и потом через план приобщаются к мысли.

А может быть, и в природе есть план, если войти внутрь нее. Но мы не можем войти внутрь ее, как в себя, и потому нам кажется, что плана только в природе нет и человек отличается от природы именно тем, что действует по плану.

Инстинкт парня, которого мы сегодня встретили: он так готов служить, что через месяц военной муштры его нельзя будет узнать. И он будет все делать, что ему велят, так, будто родился с этим, и все это дает ему только то, что в Красной Армии лучше, чем в колхозе. Вот это «лучше» и есть явление мудрости правительства и полное доказательство того, что армия хороша.

Этот позор в человеке: его физические отправления наравне с жабами и крокодилами, эти болезни, старость и смерть; прибавить к этому неизбежность измены, предательства и мерзостей повседневной жизни; все это вместе собрать, понять как стыд человека и что без стыда лица не сносишь... Так вот этот позор, бывает, предстанет как позор личный и так, что если я был бы настоящий человек, то должен бы все это преодолеть.

Когда наш русский человек, председатель какой-нибудь, получает наконец-то для своего учреждения машину и наконец-то в нее садится, то в существе автомобиля он находит под-

тверждение и оправдание всем дремлющим в нем порокам: самовластью, заносчивости, самодурству, самомнению.

И правда, в этих наглых гудках, в этом самохвальстве своей коробки, саморекламе, назойливости, навязчивости, поверхностном всезнайстве — вот все вокруг только мелькает — таится характерная черта современного общества...

Власть зарождается в преданности человека (какой?) мысли: кто больше предан этой мысли, рожденной временем, тот и властелин, а кто не в состоянии быть преданным этому, тот сделается рабом человека. Из такой мысли рождается план, из плана дело осуществления плана.

8 Сентября. Продолжается ненастье. Вот скоро придет «Бабье лето» (от Ивана Постного 29 Ав. (= 11 Сент.) до Рождества Богородицы 8 Сент. (= 21). Старая примета, если Бабье лето ненастное, то осень будет сухая, и наоборот. Осень же начинается с Ивана Постного.

План сегодняшнего дня: утром работа над моей вещью, вечером спиннинг.

Профессора в Доме ученых наверху даже какую-то барышню принимали, как следует принимать знаменитость, но швейцару все профессора различались между собой лишь номером, который он всем одинаково выдавал с вешалки: для него номера от калош были разные, но профессора, как для нас калоши, были все одинаковые. И вот когда этот самый знаменитый в Москве человек потерял [номер] и назвал свое имя, швейцар отказался выдать калоши. Вот в этом незнании, невежестве и зарождается необходимость закона, для которого люди — есть человек, профессора — профессор, в том же смысле ржаные зерна есть рожь, капля воды — вода.

Есть радость — всем нашим радостям родительница...

9 Сентября. Сквозь непогожие кошачьи хвосты видны вверху, высоко над ними в синеве барашки: чья возьмет? Рожь только из проски вышла, еще позеленела, а уже отвечает росе, видно, что от росы стала матовая. Победили хвосты: дождь.

Русскому автомобиля описать невозможно: если возьмешься писать машину, то конструкция ее устарелая, если свою радость езды, то это чувство всеми пережито, наивно, провинци-

ально и никому не интересно. Нужно описывать небывалое, невиданное или на что люди тысячи лет смотрели, но не видели того, что ты впервые заметил.

Начало «Записок»: Есть радость родительница: ты обрадуешься чему-нибудь и потом всегда, когда встретишься с этим, будешь радоваться, как будто действительно это радость растет и ты урожай собираешь.

Талант есть у всех, только его надо знать, а когда говорят «бездарь» — это значит, человек не знает свой талант, а имеет претензию быть кем-то: это претендент на чей-то трон, и я его терпеть не могу.

Свое милосердие, свое искусство, свои улыбки и... человек находит на небе в облаках и заре, но на земле у зверей, птиц, гадов нет этого ничего, им бы только размножиться и прокормиться. И оттого с давних времен человек свое лучшее помещал на небеса, все прекрасное и бесполезное для питания и размножения.

Совершив свое «доброе дело», я пришел к тому самому, что сделал А. Толстой в отношении Р-а. И тот же самый поворот, тот же «патриотизм».

Утро на Кубре (9-го). Ольха стала серая, но хмель, обвитый вокруг серых стволов, бледно-желтый и далеко видный. Многие листья деревьев даже свернулись и корабликами плывут по воде. Петя обратил мое внимание на рыбку величиной в палец, много светлее воды, почти белую; на хвосте у нее сидел щуренок, такой же величины, даже поменьше, но темнее воды; обе рыбки, белая и темная, двигались медленно и неправильно, в сущности, двигалась белая рыбка, а щуренок медленно ее заглатывал и переваривал, начиная с хвоста.

Мы обратили на это внимание, но задумались неглубоко, потому что и небо в барашках было прекрасно, и вода осенняя стала прозрачной, и так ароматно пахли подсыхающие листья и травы. Схваченная белая рыбка была мелкой подробностью. Правда, при размышлении открывалась перспектива на всю жизнь природы с человеческим отказом от этого и неприятием мира. Но в нас самих было много радости жизни, и руководствоваться нашей додумкой и действительно не принимать строительного плана мира и быть в нем пораженцем было бы неправдиво.

Так вот с пораженчеством во время войны: надо в нем различать положительную сторону человеческого милосердия и протеста и политическую додумку...

На ночь читал патриотическую статью о Бородине и «Войне и мире». Совсем опускается то, что большевизм современный возник из пораженчества. (Мы-то, не пораженцы, ликуем, осуществляется наше заветное чаяние... но пораженцы видят справедливо измену.) Впрочем, если это государство понять в аспекте мировой катастрофы как революционную силу, то все будет иначе.

Анализ «патриотизма»: Левина двадцатка и некий живчик (не я со своей группой наношу удар в спину своему государству, но весь мой народ, заключенный в боевое государство, наносит прямой удар тем, кто питает войну).

Разговор в семействе: — Не знаю Вашей политики, но так понимаю по-своему, что сила наша от страха, а их слабость от хорошей жизни, у них средства идут на жизнь, а у нас на войну: мы не живем. — Ты это по-старушечьему. — Все равно и по-старушечьему, но неправде нельзя устроить правду.

Утрата личного самоопределения, своего личного уюта больше утраты и земли и капитала. И вот это страшнее всего, а нам это уже и не страшно, мы через это прошли, и в этом наша сила: жить хочется. У нас «жить хочется», у них сохранить нажитое.

Х р о́ м у ш к о — рассказ о хромом утенке: 1) Как утенок выскакивал из корзины (через мать), как мы догадались. Так и начать: «Каждое утро один маленький утенок выскакивал из корзины, а все другие не могли выскочить, и мы не могли догадаться, как это он такой маленький мог выскочить. Но один ли это утенок, может быть, разные. Мы завязали ниточкой... Как ему отдавили лапку и он захирел. Все большие, а он маленький. Все бьют. Павловна полюбила его (вот на что человек на земле!). Утенок стал жить в одиночестве, и с ним всегда ходит курица: курица эта, умная и хищная, поняла, что Павловна Хромого прикармливает, и держится возле Хромого. У нее нос вострый: сразу насадит кусок. Можно сделать так, что она его высидела и осталась «при пиковом» интересе. Курица стала воровкой и ходит с Хромым.

10 Сентября. Весь день солнечный. Начитался газет и думаю о мировых вопросах.

Думаю, что та сторона, белые, в их массе только то сила, что имеет смысл охраны нажитого добра культуры, и вот этому действительно противопоставляется как сила – сила нашей революции: тут жить хотят – там жизнь берегут; тут варвары – там Рим. Но что же это фашисты?

11 Сентября. Иван Постный. (Бабье лето.) Всю ночь дождь, бабье лето началось слезами.

Вчера по радио слышал чтение Книппер рассказа Чехова о том, как он катался на салазках с девочкой Надей. И рассказ мне неизвестный, и чтение (первый раз слышу, читает актриса человеческим голосом) – оставило глубокое впечатление. И сейчас утром вспомнилось и свое.

Помню, что когда с любовью своей я попал в безнадежное положение, захотелось писать, и в этом писании открылось мне чувство, похожее на любовь. И когда у меня стало выходить и я понял, что этим и жить можно, то стал думать о том, как бы мне это чувство удержать навсегда. Я стал разбирать те свои недостатки, от которых погибла моя любовь, и, переводя на свое новое чувство, стал заговаривать себя, – устранить это в новом моем чувстве и тем удержать его. Прежде всего, в любви моей была спешка, эгоистическая чувственность с неспособностью вникнуть в душу другого человека. Спешку я решил в новом чувстве контролировать трудом, и т. д. В сущности это была система охраны Марьи Моревны, т. е. того самого чувства, которое охватило на салазках девочку Надю, сохраненное ею и после замужества, детей: это девственность – родник поэзии.

Осмотрели все под Ясниковым, ни одного дупеля. Видно, Иван Постный вернулся к древним временам христианства и перестал любить жирных птиц. В Константинове у нас шпонка сломалась, чинили три часа, потом яблоки покупали, и мне опять захотелось купить дом с садом. Два чувства, одно – сидеть на месте, в Загорске, другое – переменить этот дом на другой, на реке и с садом. Я потому это записываю, что из этих чувств мир состоит: 1) вперед к лучшему (революция, СССР) 2) сохранить нажитое (хорошая Европа, Англия).

За 4 года моей автомобильной езды, – какое ухудшение дорог, какое уменьшение в магазинах зап. частей – с точки

зрения своего автомобиля. И какое, наверно, усиление воздушного флота, напр. — с точки зрения государственной. Так и всё, если с точки зрения человеческой личности, то какая это жалкая, ничтожная и хвастливая страна СССР, а с точки зрения переустройства мира — какая это могучая страна. «Мне ничего не жалко оставить, встал, взял котомку и пошел» — если это помножить на миллионы, то получается сила, та сила варваров, которые разрушили Рим.

Король. В Загорске на перекрестке стоял король в женском алом берете. И этот король воров и жуликов до последней черточки напоминал Маяковского. Не оставалось никакого сомнения в том, что все короли <*зачеркнуто:* натуральные>, занимаются ли они царством, стихами или проститутками, одной и той же природы и что я к ним питаю нечто вроде сословной или классовой ненависти. Через некоторое время я подумал: — А может быть, оттого я их не люблю, что и сам тоже «король».

С бархата темно-красных георгинов еще не сошел дымок росы.

Дым росы.

Есть люди, у которых нет ничего сейчас и все в будущем, и есть собственники, кому надо охранять собственность — вот и все человеческое общество.

Но попробуй стать на какую-нибудь сторону, и что будет: станешь на сторону с целью охраны культурных ценностей, и к тебе в множестве примажутся охранители собственности мещанской, выставив своим лозунгом идеалы культуры; станешь на сторону тех, кто революционным путем стремится пробиться к культурным ценностям и сделать их своими, — опять фетишизм: варвары новые, как и старые, одинаковы, они жить хотят и будут родиться в культурных ценностях.

Но вот война между ними, и тебя лично с ножом в руке спрашивают, на чьей ты стороне. Положим, я отвечаю, что стою на стороне варваров. — По каким мотивам? — спрашивают меня. — Песенки слушал и сказывал сказки свои на родине, и где язык мой — там и я. Так пришлось, что родина эта моя у варваров, вот и буду стоять за них. Так вот... Кроме того, я сам тоже варвар и мне хочется такой катастрофы, чтобы все к чертям полетело у счастливых народов... Что это такое во мне? Но это есть мое тоже настоящее.

Тишина осенняя, слышно, как лист отрывается.

Листья падают. Сколько ни гляди на дерево, не угадаешь, какому листику лететь вслед за упавшим.

Листопад. Сколько ни смотри на дерево, никогда не угадаешь, какому листу сейчас очередь падать. Ученый все знает, может сказать, но ему нужно время, пока он сосчитает листья и узнает, какому падать, весь лес опадет.

13 Сентября. В Москву. «Катастрофа» как категория души русского интеллигента (тема).

«План» и ландшафт = планирование.

1) При Наркомземе СССР: Управление охотой и звероводство. +

2) Московское добровольное общество охоты.

3) Посоветоваться с Хускивадзе (узнать у Зуева).

14 Сентября. Начинаю привыкать к дивану и тахте. Начинаю понимать город внизу: он не так велик, как тесен, сжимает.

Был Титов — тип Замошкина, Руднева и др. «отцов» (отцовское чувство утончается и становится на место материнского).

Зуев — болтун бедный, потом Лева и Андрюша, современная молодежь. Вечером на закуску величайшая пошлость: «Петр I» А. Толстого в кино.

Чертами «Короля» изобразить «Пахана».

«Держать себя» как особое искусство.

Веришь — не веришь, все равно это надо скрывать, и вот надо средство держать себя.

По наивности (а может быть, так и надо) многие думают, что его «я» есть нечто вроде присоса ко всему миру и что такой присос свойственен всем. Но есть люди (короли), которые думают, что «я» и есть весь мир и всё и что другие «я» — это его уже дело, а мы ничего общего с ним — вот это короли.

Бывает не у всех людей, но у многих бывает утомленность самим собой, когда выглянешь из себя в другое «я» и о самом ничтожном с виду существе подумаешь: а и там ведь тоже единственное в мире «я», при всем ничтожном внешнем положении самое значительное и ничем и никем не заменимое...

Был сильный дождь, и воздух даже на глаз очистился. Перед закатом солнце опускалось в большую синюю тучу. Самолет, как муха, пролетел между солнцем и тучей. В прозрачном

воздухе с необыкновенной четкостью поднялись Воробьевы горы. А дома умытые как бы лицами повернулись к моему окну, и стало понятно от этого, что вовсе уж не так-то их и много в сравнении с тем пространством от самолета между солнцем и тучами до Воробьевых гор. Не так-то много, но теснятся они и закрывают собой...

15 Сентября. Собрались и к вечеру приехали в Загорск. Колебание: «Канал» закупорил всю мою работу, лишил меня притока денег. Не взяться ли за Кабарду, не отложить ли «Канал»?

Есть государственная тайна, о которой нельзя вслух сказать, потому что ею воспользуются враги. А разве у всякого человека тоже нет такой личной тайны, которую ему нельзя почему-нибудь высказать? А тем более, напр., художнику слова. Разве кончилась, напр., совершенно авербаховщина, суть которой именно и состоит в том, что высказанные социалистом и вождем народа слова, призывающие нас к единству и радости жизни, расхватываются и применяются для угнетения всякого творчества?

Как знать, не осталось ли их среди нас много еще, и вот ты выскажешь свое заветное слово, а они им воспользуются и обратят во вред.

16 Сентября. День в Загорске работал над рассказом «Своя машинка», чтобы устроить из него «От земли и городов» с анализом редакционных аллегорий. Пришел к выводу, что вся беда литературы от лозунга «бдительность» и что намеки, неясности вследствие этого недопустимы. Значит, литература, по-видимому, возможна лишь совершенно ясная, «детская».

То, что я задумал – сделать вещь для всех возрастов, по-видимому, сделал Вал. Катаев в новой книге, имеющей большой успех, «Белеет парус одинокий». Но, кажется по первым страницам, что он слишком верно придерживается стиля повестей Пушкина.

Вечером приехали в Териберки.

17 Сентября. Лист падает. Остывает вода. Еще кружатся жучки-вертунки, но страстных жалящих насекомых, наездников [совсем] давно нет. Бледные тростники, серая ольха, жел-

тый хмель. Холоднеет в воде, сочнеет трава, голодней и злей становится щука.

Лист падает. Остывает вода. Побледнели тростники, посерела зелень ольхи, и вьется вокруг ее ствола теперь далеко видный желтый хмель. Да и сам хмель пожелтел! Еще вьются на воде жучки-вертунки, но не видать больше яровитых наездников, не слыхать страстных жалящих больно насекомых. Токуют тетерева, но самки их так и не показываются: им незачем... Холоднеет вода, сохнет трава, все злей стервенеет голодная щука, — не попадайся ей! <*Приписка:* Сюда: как щуренок заглатывал.>

— Государь строит государство свое, но устраиваются в государстве люди сами, и ты, государь-строитель, сам строй и дай людям самим устраивать свою личную жизнь.

Люди наши около церкви устраивались, на ее обломках, сектами, одни приживались к ее новшествам, другие стояли за старое, селились как мхи на ее обломках. Петр I строил, но людей не только не устраивал, но и мешал. Государь, строй свое государство.

Катастрофа, конец света... а жизнь личная после того как... Катастрофа есть соблазн страдающих.

И еще соблазн есть в русской жизни другой: соблазн строительства материального. Вот, напр., никто яблони в деревне не посадит — разворуют яблоки. Одни говорят: надо людей убедить не воровать, другие: всем посадить яблонки.

Сегодня мне удалось соединить обе первые главы в одну вводную: «о чем шумел падун». Вторая глава вводит в жизнь семьи: рассказать, как рос Зуек, как полесовали.

Отцам досталось здорово, и дети вышли — ну, какое это поколение! а вот новорожденным покровительство: все для будущих граждан!

Так вот жили возле Надвоицкого падуна и подрастали ребята, начиная от самого маленького Зуйка. С ними росли и вели их отец, полесник Осип Сергеевич, и первая краснопевка на всем Выгозере Степанида Максимовна. Старились с ними и отходили дедушка Сергей Мироныч и «княгиня» его, как он по-стар[инному] называл бабушку Настасью. Сестра его Марья Миро-

новна тоже часто приезжала с Карельского острова и неделями заживалась в Надвоицах. Старуха эта особенно любила маленького Зуйка и утешалась им: учила грамоте его по псалтири. Прошло время, старшие ребята уже все ходили своим путиком с Осипом полесовать на Корос-озеро, и уже Зуйка приучали к ружью и в будущую весну обещались взять его на Корос-озеро. Тут случилось, однажды приехали какие-то ребята на карбасе и от них пришел к Сергею Миронычу какой-то большой сутулый парень с лохматой головой и просил ночлега себе и товарищам.

— Табашники? — спросил С. М.

— Курить мы курим, я не буду скрывать, — ответил Сутулый, — но у вас не будем курить.

— Не пускай! — шепнула Марья Мироновна, — это грех: табашники.

— Люди хорошие и у нас не будут грешить: какой же грех нам? — сказал Сергей Миронович, — откуда пожаловали?

<*Приписка:* Мы же все старой веры, так нам и ночевать нельзя грех>

— Мы пожаловали к вам из Москвы.

— По какой надобности?

— Мы будем строить водный путь, чтобы ходили по нем большие корабли из Балтийского моря в Белое.

— Ой ли, — повеселел С. М., — молодцы ребята, вот какое дело-то! Ну, княгинюшка, — сказал он жене, — ставь самовар: гости приехали.

И гостю:

— Я жену свою, старуху, княгиней зову.

За Сутулым вошли еще три молодых человека, вежливо остановились в дверях и дождались, пока Мироныч их сам к столу пригласил, а «княгинюшка», собирая чай и еду, ласково повторяла:

— Гостите, гостите!

<*Приписка:* На гостей полюбоваться пришел зять.>

Недоверчиво и грозно смотрела Марья Мироновна из своего угла: с табашниками за стол не хотела садиться и их вежливому обращению не верила. Но Мироныч, когда стал на стол самовар, повеселел, и когда Сутулый попросил его рассказать, как он жил раньше, Мироныч охотно рассказал о себе.

— Веку мне, — сказал он, — 94 года, и родился я в деревне Мал. Починки на Корос-озере. <*Приписка:* Сутулый вынул карту. — Нет его. — Вот и нет, вот из-за этого...> Родитель мой,

батюшка, полесник был, да и я с ним. 94 года, а на сто шагов в копейку попаду. Как тебя звать-то?

— Михаил, — ответил Сутулый.

18 Сентября. Да примирится же с тобой и покоренная стихия.

Эпиграф к моей работе и одна из тем ее — это: «Да примирится же с тобой и покоренная стихия».

Это мне пришло при раздумье о столкновении раскольников с государством Петра...

Беловодчики устроились на Алтае на чудесных рыбных реках, но вод своих белых они и там не нашли для себя, и враги их не получили возмездия.

Бабье лето неописуемой красоты. Что делали пауки: пока ночь жерлица стояла, вся она была опутана жемчужными нитями. Туман насел так, что капли, собравшись, падали слышно и сшибали лист. Такая тишина! Между желтыми листьями, тем блюдом купав, в ряске за ночь утка проложила ходы, и теперь можно видеть, где она плавала.

Лес на холмах расцветился не случайно, а как будто правда искусно разными пятнами были подобраны краски, как на ковре. А вышло это оттого, что внизу по речке распределились большими пятнами ольха и осина: это были на сером красные пятна. Выше было полно дубов и кленов: золотая середина. Еще выше березовый мир белоствольный, и среди них группами темно-зеленые, почти черные ели.

И все это в той голубоватой дымке, какой покрываются спелые сливы.

19 Сентября. Искали дупелей в Ляхове, — ничего не нашли. На Кубре щук ловили жерлицами, — поймали одну небольшую. Девочек катали, и они вечером бегали вокруг нашего дома.

Углеводы. Вечером по случаю пойманной щуки захотелось выпить по рюмочке, но кооперация закрылась. — Вон кооператор, — сказал Вас. Мих., — картошку копает со всем семейством. — Я объяснил ему свое желание, щуку поймал и прочее. Он обрадовался услужить. По пути в магазин разговорились о консервах, он сказал, что у него есть консервы «Гусиное рагу», я же, просто чтобы не молчать, говорил вообще о консер-

вах: что все-таки консервы не очень-то легки для желудка, если неделю ими питаться, непременно расстроишь желудок. — Углеводы, — возразил мне кооператор, — нельзя же одними углеводами. — Я понял в этих углеводах какое-то упрямое сопротивление моим словам, вроде того, что нельзя так свободно говорить о консервах. — Углеводы, — сказал я, — жиры, белки. — Да, — подхватил коопер., — жиры и белки. И никогда у нас ни у кого не расстраивался желудок от консервов. — А как же монгольский-то президент с его свитой, читали? — Читал, только не считаю, что это от консервов, тут не без умысла. — И опять я почувствовал эту какую-то особенную упрямость в защите консервов и стал вспоминать, у кого это очень недавно я наблюдал эту упрямость и точно такой же тон?

— Вы, — сказал я кооператору, — как будто считаете меня за принципиального врага консервов, между тем как я тоже нахожу их очень полезными.

— Вы перед этим иначе выразились, — холодно ответил мне кооператор.

И вдруг по этому холодку, упрямству и некоторой доле надменности я вспомнил Софью Моисеевну, библиотекаршу в ГИХЛе. В разговоре с ней я не одобрил фильм А. Толстого «Петр Первый» и даже назвал это халтурой. Вот она тоже, как и кооператор консервы, стала защищать «Петра Первого»: — Всем нравится, — говорила она, — решительно всем.

И в тоне ее было то же, что и у кооператора: некоторые вещи если и не нравятся, то об этом нельзя говорить, эти вещи, — консервы ли это или кинофильм — все равно! всегда-то должны нравиться и про них прилично говорить только хорошее.

20 Сентября. «Ничье» — мое (Падун). Государственное — ничье.

Кто надавил пуговку и, увидав следствие, удивился, а кто — сразу же начал пользоваться, — вот тот страшен.

Самосвет. Ходили на дальнюю просеку, видели много глухарей, по одному промазали, взяли рябчика. Желуди падают, как яблоки, очень гулко, и орехи — тряхнешь, и на земле.

Росинка на росинку падает, собираются в большую каплю, и она, падая, сшибает то лист, то желудь, то орех. Везде кругом самосвет.

Вечером вернулись в Загорск.

21 Сентября. Рождество Богородицы – конец Бабьего лета. Ну и лето! впервые понял, какая прелесть это бабье лето.

Некоторое снижение «патриотизма», которое неизменно наступает после очередной гекатомбы. Впрочем, кривая патриотизма через некоторое время круто поднимается вверх. Значит, снижение находится в связи с ослаблением мощи вождя («патриоту» барометром служит собственное состояние: «американский житель»).

В «Правде» описан один прокурор, присвоивший себе орден Красного знамени от покойника (сам написал себе бумагу по стрелковой части). Прокурор!

Один услыхал впервые радио, не поверил, а потом удивился и стал расспрашивать, стараясь понять, почему же это выходит. Другой, не интересуясь причинами, сразу же сделался потребителем, как будто так и должно все делаться в интересах его персоны. Вот такой человек и является современным, он привык к изобретениям самым необычайным и считает их тем же, чем мы считаем силы природы. Такому человеку нет никакого дела до тех Коперников, Галилеев и всяких других «мучеников науки»: они мучились, а он теперь спасен, и нам – солнце, им – электричество, нам ветер, им – вентилятор, все очень естественно, он спасен, значит, освобожден от мученья. Его же все мученье состоит в том, чтобы пробиться в люди и завладеть этими ценностями.

Прокурор, украв орден, много вскрыл. Он вскрыл современного советского варвара: знает технику суда и может судить, но может и сам украсть. Наши новые кадры инженеров и других техн. деятелей, «спецы» – все такие. Можно быть инженером, строить неплохо мосты и быть круглым невеждой в умственном и моральном отношениях.

Так вот сложится государство как автомат, как вторая стихия, и человек культурный в отношении к Левиафану будет как в неолитическое время стал дикарь к обыкновенному зверю.

Так побеждает современный человек силы природы, сам делаясь составной частью естества.

Величайшая трагедия: только сказал человек: «Довольно строить, давайте устраиваться!» – как... гоголевские страшные сказки: папоротник цветет.

Чуть стало лучше, и опять явилась революционная интеллигенция («троцкисты»). А мы-то думали, что то все прошло! Все вернулось к самому старому с Францией, с Англией, как и тогда!

И опять становится как при царе: что с царем труднее, невозможнее быть, чем против царя.

Массовый вылет подёнков власти.

Все понятно, если это есть начало мировой катастрофы и в ожидании светопреставления можно ложиться в гроб. Но если это вот уже и есть война и так вот будет без катастрофы...

Воздух ничей: его много. И если он ничей, то он, выходит как-то, и мой: ничей и мой — это очень близко. А если воздух есть государственная собственность и отпускается по норме, то воздух государственный и «не мой». Вот чего, именно этого ограничения и боялись раскольники, предсказывая, что все будет взвешено, все измерено.

Вечером в лунном свете гонялись друг за другом девочки (в Териброве), один мальчишка стоял на голове, другой лепешкой лежал под деревом. Визг, веселье, резвость необычайная, будто в капле воды под микроскопом. И вот это была настоящая жизнь, а не в Лиге наций.

Рождество Богородицы (конец Бабьего лета).

Когда подходишь к затаенным в речных тростниках уткам, то большей частью услышит тебя первой и взлетит не ближайшая утка. По дальней охотник разряжает ружье, а потом, когда ружье безопасно, вылетают ближние, бывает, совсем «из-под носа».

Выплаживаются журавли, гуси, волки = выводятся.

22 Сентября. Красота бабьего лета продолжается. Сижу с насморком. Начал «Падун» вновь. Неприятный фельетон Федина о староверах и сектантах (в «Правде») повлиял на меня: старуху свою «Марью Лукичну» буду изображать не только как «темную силу» суеверия, но и как «мирскую няню». Так что оставляю ей гроб: пусть это знак катастрофы (смерть), а жизнь ее — дитя Зуек.

Петя в Пушкине находит место генетика. Что скажут в Зоопарке. И не взять ли работу «Лес». Три пути.

23 Сентября. Ночью был жар. Утро ясное. На окнах роса. Переживаем речь Литвинова. Так вовне своей страны, на весь мир мы либералы дальше Англии, — это мы в гостях; а мы у себя дома — это... но ведь это не важно, как мы сами живем. Важно, что живем вот для такой-то идеи.

Обыватель политике не придает такого большого значения: там для него это идет само собой. И он в «катастрофы» не должен верить.

Исполненное желание — это для себя: съел и кончено, желания нет. А то вот желание в своем движении, «неисполненное» — вот что питает талант, что дает возможность вообще «выйти из себя» и остаться на [после] для всех. Неисполненное желание, мне кажется, является питательной почвой таланта.

(Начало). Есть ли у меня талант или я — фальшивка. Много раз я себя об этом спрашивал и не мог ответить, и мало того: приходил к выводу, что и невозможно это знать. Тут время решает: пройдет лет десять, и тогда все станет видно. Прошло 35 лет с тех пор, как я пишу, и я теперь могу ответить безошибочно, — талант у меня какой-то есть, большой или маленький, — это все равно, был бы талант, было бы за что уцепиться. А мое заветное желание — это записать за собой, как я сделал то или это. Мне хочется быть исследователем своего таланта не для чего-нибудь. Эта моя внутренняя потребность, мое желание совершенно недостижимое, потому что достигнуть полного опознания своего таланта — это значит съесть самого себя. Но я могу что-то сделать в этом отношении, могу издали, прячась в кустах, выглядывая, следить. Может быть, для этого нужен тоже талант? Да, конечно, талант следопыта.

Много раз я начинал следить за собой, но бросал, и вот наконец я собрался сделать опыт такого двойного писания, — написать вещь и написать о том, как я ее написал. Так вот я собрался и стал записывать в свою книжечку ежедневно, как я буду создавать повесть, поэму или легенду о потерявшемся в лесу мальчике. <*Приписка:* Мысль об этом мальчике есть моя идея, неподвижная в течение 35 лет моей литературной деятельности>

24 Сентября. За три рубля.

Сюжет: пьяница портной с Нижней улицы. Работает голый (жена прячет одежду). С ним собака, огромный дог. Пьяница — человек без головы. — Где твоя голова? — А вот моя голо-

ва! — оглядывался на собаку. Собака раз его спасла: из воды в канаве. Дружба на смерть. И раз в пьяном виде продал собаку. Наутро отрезвелся и вспомнил. Бежать скорей. А тот собаку перепродал в Москву, а в Москве как в бездне. Ударило в сердце. — Мальчишки спрашивают: — Где твоя голова? — И он часто оглядывается: этого и добиваются мальчишки. Оглянется, — нет головы. <*Приписка:* Дог стерег пьяницу. Увидал и к жене: там-то. И жена идет. За 3 руб. продал, и тот — негодяй — продал в Москву, как Анчар.>

Лошадь Негра.

Спросил вчера юрисконсульта 50 лет: — Что вы думаете о подлецах: когда вам было 30 лет, больше их было, чем теперь, или теперь их больше? — Подлецов для меня всегда было достаточно, и я думаю, что их не убывает. — А мне стыдно вспомнить себя в 30 лет, до того люди тогда мне казались хороши. Но почему я стыжусь? Это было очень хорошо, что я мог видеть хороших, это же ведь есть истинная девственность. И надо охранять девственность.

Приезжали Андрюша, Лева, Галина с маленькими, передали нам, кто из знакомых стоит и кто сидит. Так теперь будто бы и спрашивают, встречаясь: «Такой-то стоит? — Такой-то, — отвечают, — стоит, а такой сидит». Печальные разговоры. Это, вероятно, война.

25 Сентября. Туман после дождя, едем в Москву.

«Катастрофа» мировая должна быть раскрыта душой Мирской няни (пассивное отношение) и душой Сутулого (активное). Рядом с этим люди, которые живут, не думая о катастрофах — одни как обыватели, другие, образованные, просто не верят в самую возможность катастрофических перемен: человек в их понимании мало меняется, мир движется не вперед, а по кругу.

Москва.

Мы по себе можем понять, как сливаются капли и происходит вода: это когда выходишь из своей комнаты на шумную улицу. Так много людей, что разглядывать отдельных нет возможности никакой, но от каждого что-то выходит, и так больше, больше, а сам тоже все больше и больше начинаешь оберегать цель, из-за которой вышел на улицу. Всё крепче держишь цель и всё...

И. Розанов. Песни народных поэтов.

Разговор с Шагинян: «Чагодаевка». Борьба со склерозом (жизнь без отдыха, только производство, не способна к потреблению).

Доклад Бедного (Ефим Алексеевич): привыкание и зарастание. Мы привыкаем, а там зарастает, и новые тропы становятся старыми, и новые русла ручьев и новые берега — все обрастает тростником, камышами, крапивой и всяким быльем. И мы к новому былью постепенно привыкаем, и новые берега становятся близкими.

Когда выходишь на шумную улицу, где так много людей, напрасно по привычке станешь выбирать одно лицо, чтобы приблизить к себе, чтобы там где-то в глубине себя откликнулось и ты узнал и понял его. Напрасное усилие! Лицо это мелькнуло, и на место его стало другое, и ты не успел приблизить ни того, ни другого, как появляется третье и вовсе отбивает всякую охоту заниматься отдельными лицами. Но витрины блестят и манят, и вот ты больше не обращаешь внимания на лица, хотя везде чувствуешь вокруг себя массу человечества. На витрины смотришь, на машины, на дома, и все крепнет и крепнет цель, из-за которой ты вышел на улицу. Так, поглядывая кругом между прочим, ты мерно шагаешь со всеми к своей какой-то цели. И так каждый, не видя лиц, идет плечом к плечу с другим к своей какой-то цели, и все эти цели сливаются в жизнь большого города, и вся масса людей, отдельных, как капли воды, сливается в действующего человека почти так же, как сливаются бесчисленные капли в бегущую воду.

По себе, как сам в массовой работе исчезаешь и становишься массовым человеком, можно хорошо понять, как одна какая-нибудь капля воды, падающая из облака, сливается постепенно с другими и становится ужасающей силой, против которой становится соединенная сила людей.

Лева становится типичным литературным неудачником, притом соблазненным и развращенным простотой заработка. Не знаю, как помочь ему, и мучусь.

26 Сентября. Тотальная война: японцы бьют китайцев, мы бьем сами себя — и выходит, что так и надо и что это не мы, люди, бьем, а робот.

27 Сентября. Переживаю состояние человека, который поднимает бунт в одиночной камере: снес бороду, купил Четьи-Минеи. <*Зачеркнуто*: Дурь какая-то в голове: собственной рукой снес себе всю бороду, зачем-то купил Четьи Минеи. Было бы понятно, если бы сбрил бороду и сжег Четьи-Минеи. Но что это? что-то вроде бунта в одиночной камере.>

Какой-нибудь нынешний молодой человек, — ему Горький как личность понятен: это человек «нашего класса»: смутная мысль о Горьком, сделанном усилиями советского правительства... Слышал вчера о портретах Горького с Ягодой...

28 Сентября. Хорошо продвинул главу о Зуйке («Желание»). Крепнет уверенность, что легенду свою напишу. Убеждаюсь, что в Москве от литературного мира надо держаться как можно дальше.

Вечером приехали в Загорск, взглянули на звезды и решили, что завтра должен быть мороз. Так вот из вагона лишь вылезли, и оказалось зачем-то нужным определить, какая завтра будет погода.

29 Сентября. Грянул первый мороз и сразу значительный: –3°.

У Торбеева убили 2-х вальдшнепов. Видели 4-х зайцев: урожай зайцев.

Ввел «Желание» как силу жизни, противоположную чувству «конца».

Посетил Григорьева. Ушел с тяжелым чувством, что человек почти что вовсе упал. Вот те и мудрец!

Говорили, что литература после Горького осталась без хозяина, что никто не возьмется быть хозяином. При этом я о себе подумал: что <u>не могу</u>. Но это первый раз я подумал в смысле ограниченности своей природы: <u>надо</u>, а не могу.

Румянец выходил на лице как на сливе, из-под нежного голубого пушка.

Мальчик выздоравливал, и мало-помалу синеватый цвет лица голубел и румянец вставал, как на сливе: красный цвет из-под нежного голубого пушка.

Как в спелом яблоке сладость оставляет в нем всю кислоту, но только собой ее пересиливает, и мы говорим тогда «сладкое яблоко», — так и добро всегда подстелено злом, и оно только перемогает собой сохраненные в прежней их силе злые начала, враждебные миру людей на земле.

30 Сентября. Моросил дождь.

Хорошо писал (глава о семге). Приезжала Галина, говорит, что тяжело и что так еще не бывало. Понять все трудно, а думается, что это все для войны и что если война, то люди с тоской и образованием обществу не очень-то и нужны. Надо спешить писать, а то это будет вовсе не нужно, и когда не будет нужно, охота писать пропадет.

Это состояние носило общее имя и было известно всем от начала человеческого рода и даже было свойственно не только человеку, а всем тварям земным, четвероногим, пресмыкающимся, птицам и рыбам. Но для него лично любовь пришла как неизвестное и небывалое. То, что называлось любовью и о чем он знал по тысяче прочитанных романов и наблюденных жизненных случаев, — этот опыт человечества ему ничего не давал, и казалось, что в его случае происходит небывалое. И оно так действительно было: его личность раскрывалась в этом впервые, он как личность был сам на земле небывалостью.

Мариетта Шагинян сказала, что она не существует как потребитель. На эту тему я думал, и мне представилась вся жизнь как производство и как потребление: напр., драма Толстых: он — как производитель, она — Соф. Андр. — как потребитель; драма революции: производитель (идейный) и тут же потребительская контрреволюция. Драма творчества: автор и читатель.

Если по-своему думать, то надо остерегаться общества дураков: их ведь много, и у них все готовое, и они тебя все зашвыряют готовым.

В Загорске грачи собрались в огромные стаи, с криком облетают вечернее небо и перед тьмой разбиваются на небольшие группы и рассаживаются на деревьях вблизи мест своих гнездований. В Москве это не событие. И вообще в городе строй природы мало чувствуется.

История Маруси: жила у князей, по-французски знает, видела хорошее общество. Князья исчезли, она осталась одна

в уличной толпе, и она искренно ее ненавидела. Ее стали все дразнить. На днях взбешенная она ударила мужчину («Маруся, иди за меня замуж») палкой и убила его.

1 Октября. Сыро. Был дождь моросун.

Петя убил двух вальдшнепов и набрал на жареное подосиновиков.

— Так надо, Ева! — говорил Адам, и Ева терпела боль. И от этого деспотического акта родилось свободное дитя.

«Так надо!» — в отношении индустриализации нашей страны, «так надо» — в отношении военизации, народного образования, национальностей, лыжного спорта и т. п.: так надо. И ради всего этого — «обильно пролитая кровь» — «так надо!» Кто-то ворчит, кто-то надсаживается, кому-то тяжело.

— Так надо, Ева!

Но ведь бывает же половой акт как любовный, без насилия и деспотизма? Бывает, но только у личностей. И так получается необходимая двойственность: «так надо» — это для большинства, для масс; для сознательной (скажем так) личности не существует «так надо». И вот когда либералы поднимают голос за свободу, они тем являются обманщиками, что предлагают свободу там, где господствует только «так надо». Они, обманывая, поднимают народ (сознательно или бессознательно), с тем чтобы свергнуть деспота, сесть самим на трон и для народа объявить прежнее «так надо».

Так вот после каждой кровавой гекатомбы и всеобщего нравственного возмущения встает опять Сталин более могучим, чем был.

Попробуй-ка уток вырасти без ежедневного «надо» кормить.

Горький в том ошибался, что хотел вдвинуть литературу в «так надо». Этим он много сделал для народного просвещения, но для искусства добра не принес.

В моей повести:

«Светопреставление» старухи = «Так надо» чекиста и его катастрофе мировой, а из этого существо рождается (Зуек) самое свободное. Зуек должен быть как я в своих произведениях во время советской власти.

Повесть моя должна быть исторической не в обычном смысле «истории» как прошлого, а истории как она действительно

совершается в настоящем: переходом жизни прошлого в будущее, как переходит через <*зачеркнуто:* водопад> падун вода озера в море.

<*На полях:* небо и земля, отцы и дети, деспотизм>

2 Октября. О «приданом»: сходясь с женщиной, берешь ее всю: вот что меня всегда удерживало от легких связей. При совокуплении присоединяется к тебе ее дух. Есть <зачеркнуто: люди> самцы, которые это «приданое» отпихивают от себя ногой: чистые кобели. Так что дети не свидетельствуют еще о брачных отношениях. Брак совершается в совокуплении, когда мужчина и женщина вступают в длительную связь.

Тема нашего времени: жизнь на земле: счастье.
Вторая тема: деспотизм и его жертвы.

3 Октября. Писал VI главу, хорошо.

4 Октября. Выехали в Терићрово. Пролет вальдшнепов, убили 5 штук. Трубача проминали.

5 Октября. На лесной поляне этой была тропа человека, но всю осень человек не ходил по тропе, и листья падали так — без человека. В высокой траве упавшие листья были незаметны: много их было, и много было травы. Но на тропе листья ложились без человека один к одному, и все множество их было на тропе не ниже высокой травы рядом. Вот заяц побежал по тропе и расшумелся на весь лес. <*Приписка*: Не было человека, так весь лес облетел, и по человеческой тропе только заяц шумел.>

Известно, что вальдшнепы водятся по месту: убьешь — и другой, другого убьешь — третий, и кажется он бессмертным, одного убьешь, и бессмертный дух воплощается в листве, сучках...

Только на верху осин трепещутся еще последние листочки, внизу же они стали стеной по-зимнему серые, и на сером бледные листья ореха: каждый орешник теперь остался с отборными листьями.

На охоте волнение бывает такое, что «сердце оторвется» — и если после того удалось, если счастье, то на всю жизнь оста-

нется в глазах, какие были тут осинки, трава, облака; если же, напротив, сделал ошибку, промахнулся по зверю или птице, то все вокруг тоже останется с тобой, но в другом свете. Так и не только в охоте, но и во всем, весь наш человеческий мир окрашен нашим счастьем и нашим горем. <*Приписка зачеркнута:* Без счастья можно творить, а без горя нельзя.>

Шепчут, падая, — «расставаться!» Но их расставанье короткое: зиму перележат, и старые листья, прея как удобрение, воскресают молодые.

Расставаться! Не раз уже было мне в жизни, что вот, кажется, конец. Но проходишь перевал, и там опять открывается дорога. Это дает какую-то надежду.

Хуже всего, что Павловна выходит из строя и нельзя мне осуществить жизнь в избушке у реки: на свои-то деньги я мог бы жить так припеваючи. Ведь каждый бы день мне жизни прибавлял сколько-то, как в Москве каждый день ее отнимать будет.

Мальчишка З а м-Чапаев (руки в карманы, голова толкачом, глаза беспризорника, не может справиться с руками: руки сами жмут шину, вывертывают вентиль, — его гонят, он не может не...). Вот заведется в классе такой ученик, да, в каждом классе есть такой, и учителю надо непременно свое отношение к классу складывать начиная с этого разбойника: «с ним справлюсь, а остальные сами придут ко мне». Так и во всей жизни, везде и всюду со злой силы начинать устройство: надо злую силу заставить творить добро (как у Гёте). Или наоборот: не обращая внимания на злую силу, поднять все доброе так, чтобы злая сила увидела, что ей делать тут нечего. Возможно, и в школе именно такой истинный путь борьбы с негодяями: чтобы хорошие ученики сами стали на сторону учителя.

В солнечный день фотографы по теням снимают: если теневое выйдет, то солнечное само собой напечатается, если же взять скорость затвора по солнцу, то тень вовсе не видна и снимка не будет.

Листья кленов лежат как ладони с пальцами, а в каждой ладони вода.

Художник делает с натурой приблизительно то же самое, что делает смерть с человеком: умирает натура человека, но в наших сердцах возникает то самое, что мы готовы назвать «сам-человек», его истинная сущность.

Был среди [нас] один человек, — какой он был национальности? — это все равно: он умер, и национальность его теперь больше не имеет никакого значения в отношении его личности: умер. Мы видели его выступающим со своими литерат. произведениями, — я не буду о них ничего говорить, это умерло. И все такое умерло: он был убит осколком снаряда. Но он был не сразу убит: он успел еще передать командование своей частью другу, такому же надежному командиру, как он. Третий из этих друзей, природный испанец, остался помочь умирающему на поле сражения. Умирающий отказался от всякой врачебной помощи... Все совершилось под вечер.

6 Октября. До света небо чистое, и звезды светились очень ярко. Мы еще порадовались наступающему прекрасному дню. Но когда звезды повышли, пришел сильный туман, он шел по небу белыми снопами и садился. Деревья, трава — все было залито тяжелой росой. Было холодно, сыро, чхать хотелось. Потом на всходе солнца хватил мороз: трава поседела, но листья не мерзли, напротив, тяжелые капли стали падать и ронять листья. Нескоро пробились солнечные лучи в лес из тумана, и где-то, как перо Жар-Птицы, сверкнул в луче падающий мокрый лист клена.

Мы пережили много тяжелых минут душевной неприятности, пока наконец не установилось то утро, когда золотой осенью люди встают и дивятся: какое чудесное утро!

Убили двух вальдшнеп. и рябчика (я наконец-то у Пети урвал).

После обеда складывались, ликвидирую квартиру в Терихброве и сухие отношения с хозяевами.

7 Октября. День как будто еще лучше, чем вчера. Читал о вредительстве в Зоопарке. Не зная политики, думаешь, что как раз вот и делается вся эта ревизия с целью вредительства, что никакое организованное вредительство не может нанести такого вреда, как эта «реконструкция». Догадываешься лишь по аналогии с коллективизацией — сколько было тогда жертв! — что и тут совершается нечто вроде того: тоже страшное кровопускание.

Вспоминал в лесу мать свою и Павловну («приданое» женщины) и дивился счастью своему, что мог жить в стороне от [летящей] пыли.

Еще я думал о своем решении, похожем скорее на выполнение с моей стороны решения суда надо мной: обойтись без учеников, никому ничего не проповедовать.

Зуек должен быть связанным через детское «почему?» со строительством Сутулого и потом быть оторванным: так что и то (строительство) и другое (природа) должно окраситься в детское чувство, и то и другое предстанет в борьбе и выйдет как перемена ландшафта.

Дедушкин сказ.

Вчера под нашей машиной погиб гусь из-за своей важности, его гнали, но он должен был сохранить свою важность и броситься, как курица, не мог, и за то по важной голове ударил буфер.

Гусь важности своей никогда не теряет.

Это очень важная находка, чтобы строительство Сутулого проходило через психологию Зуйка. Это дает возможность сохранить сказочно-детский тон легенды, даже когда мы и потеряем из виду Зуйка.

Есть сказочность в простоте, в наивности: философия, понятная для детей, есть мудрость. Наприм.: «Капли сливаются — это вода. А люди так просто не могут. И знают, что надо (построить канал), а не могут сразу в этом деле слиться, как сливаются капли воды». Благодаря присутствию ребенка, мне кажется, можно широко пользоваться этим приемом.

К слиянию капель-людей смутная мысль, как во сне, у меня: что если бы не общее дело, то как мог бы жить человек, зная, что он умрет. Человек живет на земле не думая о смерти, он живет, как будто жизнь его вечная и он никогда не умрет. Это бывает у него оттого, что вся жизнь людей вместе велика, бесконечна, бессмертна, и каждый Иван жизнью дорожит не ивановской, а всей жизнью, только ему это по-ивановски представляется.

Сила воды была в том, что капли воды мгновенно могут сливаться в единство и действовать. Люди так не могли, и это был их недостаток (см. выше рассуждение о «надо» и «по-своему»). Но зато у людей была сила плана. В воде просто капли сливаются. Но у человека-капли рождается мысль, и эта мысль приводит к плану, и план приводит к действию.

Пересмотр: 1) мысль, доведенная до простоты крайней (детской), должна быть поэзией. 2) Эта книга для тех детей, которые остаются во взрослом человеке. 3) Все те главы, — от капли до воронки — где изображается «весна воды», должны быть представлены как организация сил против человека, и главы человеческие вслед за тем «аврал», в которых человек, сливаясь с человеком, достигает силы воды + план, значит, победит план.

Какой-то там «прогресс» знали наши отцы и деды, — что это за прогресс для тех, у кого на памяти возник самолет, и радио, и телевидение. Ведь если так дальше пойдет наш прогресс, то нам надо отказаться от будущего: мы не можем предвидеть, во что превратит такой «прогресс» самого человека. Вот я силюсь представить себе его и вижу перед собой округлую возвышенность и себя возле нее, как будто стал таким небольшим шаром, что я вижу глазами, как он закругляется, поднимаясь к горизонту. А оттуда, из-под горизонта, наверх выходят рыцари в железных доспехах с пулеметами и поют наступление: поют рыцари по радио и стреляют тоже при управлении по радио...

Человеку развитому смерть страшна не болью, а разрушением плана: вот то-то хотел еще сделать и не могу: мой план пропадет... И между собой у людей идет борьба за план.

Человек силен на земле своим планом: мы за план свой стоим в борьбе, и нужно очень много, чтобы один человек с другим бросил свои личные планы и подчинился плану общему.

Зуек по мере того, как вырастают лагери, приходит к людям, знакомится с ними, и через него мы знакомимся с действующими лицами повести.

Из наблюдений над мальчишкой, у которого руки в карманах, если же он руки вынет, то они сами начинают действовать: сто раз скажи — и всё они шевелятся. Так Зуек попал к 35-тысячникам, и ему казалось, что тут не люди, а всё руки и руки. У человека настоящего всё в лице: надо в лицо смотреть. А у этих если руки в карманах, то по лицу ничего не узнаешь, и если руки вынет, смотри на руки — и всё поймешь.

Лицо человека постоянно меняется, и красота его в переменах, стоит на мгновенье представить, чтобы поток красоты остановился, как всякое, самое красивое лицо сделается непри-

ятною маской. Вот и надо сделать лицо из мрамора или красками, чтобы оно, неподвижное в линиях и цвете, было подвижно изнутри, было источником красоты, а не просто красивости.

Зуек и машины: деррик, экскаватор, элеватор. Сказка машин (с автозавода).

Привык разговаривать с незнакомыми так, что — разговариваешь и в то же время представляешь, будто тебя слушает спрятанный здесь же секретный сотрудник (сексот). Никогда это двойственное состояние не покидает, и подчас занятно бывает положение акробата, идущего по канату. Раз было, подсел ко мне один какой-то, и я сразу понял, зачем он возле меня. Я тогда сказал ему о Марксе, как я, ученый человек в его представлении, — что Маркса не было. — Как не было? — вытаращил он глаза. — Вот как с богами, — ответил я, — были боги и не были, так и Маркса не было, его выдумали. — Сексот был поражен. А я ему все два часа от Москвы до Загорска доказывал и про себя одновременно думал: — Пусть-ка доложит пославшим его, вот посмеются!

Так во время зубной операции я понял, что Ворушкина — сексот и что где-то шевелится в комнате другой. И вот я...

8 Октября. Как и вчера, чудесное утро. Но мне плохо: вчерашняя болтовня была как-то ниже меня, стыдно и противно. Вот уж воистину-то <u>подлая</u> жизнь.

<u>Суеверие в форме знания</u>.

Догматизм В. Д. Ульриха, моего учителя: правоверный марксист делил мир на два класса, — святых пролетариев и грешную буржуазию. Сын его В. В. стал это в жизнь проводить, стал государственным палачом.

Верует ли поп или не верует, — не все ли равно? Поет и машет руками, и довольно: верующие едоки...

Большинство ищет идолов, чтобы им поклониться, меньшинство властелина, чтобы использовать поклонение идолам.

План и желание (План — Сутулый, Желание — старуха Лукична).

Не провести ли роман Успенского (Сутулова) с [Подольской].

Счастье — не камень, на него становиться нельзя — говорит Мар. Лук.

Алексей Денисов — охотничья коммуна: коммунист образцовый. Купил мне собаку и взял 200 р., сказал: испробуй, не годится — себе возьму, а деньги отдам. Верь, друг, отдам. Не будет денег, гусями отошлю тебе, гуси у меня хорошие, будешь рад. Собака не годилась, я отвез: не застал. Жене сказал: пусть деньги вернет, а не будет денег — гусями. Жду, пожду... нет. Осень прошла — нет Алексея. И зима прошла, — все нет. — Вот придет осень, я туда заверну на охоте — гусями с него сдеру. Пришла осень — не пришлось и охотиться. Приехал я, спрашиваю: А[лексей] был? — Нет! Обидно мне было, что я о нем так думал, не жаль денег, жалко себя: истратился душой, в другой раз уж не поверишь, а ведь это потеря. И досадно: Ну так нет же, сдеру гусями. [Однажды] поехал, [та же] избушка и старуха его лен моет у окна. — Что же, спрашиваю, А[лексей], где он. — А помер, батюшка. — Помер! давно ли? — А враз тогда помер, как собаку привел. И наказывал мне: ты, говорит, им за собаку гусями отдай.

— Счастье не камень, на него становиться нельзя, — сказала Мар. Лук.

— Горе тоже плохая держава, — отв. Серг. Мир. — Ну, что это старики наши в гробы ложились. Но бывает, поднимешься как волна, станешь, и ничего: стоишь. — Это желание в главу VI или в другую какую-то.

Речь Рузвельта против «инфекции войны». Пухлая речь, но в наше время и то хорошо. Вот поднять бы вопрос о внутренней инфекции. Совершенно как в чуму: самоизоляция. И както ни малейшей надежды не было на лучшую жизнь. Теперь вот хоть речь эта где-то в Америке.

9 Октября. Вчера погода начала меняться, барометр стал падать, соль отсырела, ночью был дождь.

Народ, плененный своим собственным правительством, — возможно ли это?

Люди перестают совсем доверять друг другу, работают и больше не шепчутся даже. Огромная «низовая» масса людей, поднятая теперь вверх, такого рода, что ей шептаться не о чем: ей все это: «так и надо». Другие за шепот идут в уединение, в науку молчания. Третьи научились молчать. Замечательный

пример такого стоицизма мои хозяева в Териброве. Так молчать, как они, — это почти что в гробу лежать.

Противогазы это что! нам надо спасаться от психической инфекции: маска мрачности и безмолвия (а под маской тем сильнее желание: сколько собрал орехов наш мрачный хозяин благодаря тому, что он единоличник). И есть маска «врать и ходить кругом около».

Птицы летят это или листья? Внизу листья, вверху как будто и птицы, там высоко. Какие же это птицы? Не ласточки — ласточки улетели, не скворцы — скворцы давно улетели. Разве дрозды? Да, конечно, это могут быть только дрозды: выше дрозды, ниже листья.

Надо остерегаться переносить свою нелюбовь к какой-либо личности на группу и, наоборот, свое отношение к группе распространять на личность. Помнить всегда и всюду, что групповая окраска вообще иная, чем личная: две эти области — два полюса жизни человека.

Природа раскрывается в наших желаниях: полетел бы! — и видишь летящую птицу и ей удивляешься; лег бы отдохнуть — и вот тебе мягкий луг, покрытый цветами. В самых тончайших своих желаниях раскрыт природой человек. Но планов человеческих нет в природе: планы человеческие составляют природу самого человека.

10 Октября. Работа моя разрастается, вхожу в мир «открытий», приближаюсь к уверенности, что делаю нечто серьезное. И опять становится неприятно думать о возможности нечаянной смерти: умрешь, и работа останется неоконченной.

Клавдия — это женщина, закрытая кожаной курткой, наганом и орденом. Я к ней чувствую личную приязнь. Встреча с этой женщиной и тогда, в жизни, и теперь в процессе работы — большое счастье. Женщина нешуточная. И еще много дает найденная философская тема: мир как план и желание.

Если только повесть мне удастся, то параллельная повесть, о том как я создал ее, как обрастал рассказ о потерявшемся мальчике, — эта повесть будет весьма значительной.

Всякий талант неизъясним.
(Пушкин. «Егип. ночи».)

Ездили к «Смене» за вальдшнепами — их нет. Привезли зайца и рябчика.

11 Октября. Моросит, осеняет, но очень тепло, и в лесу не сырит: все так же сухо. Деревья в самой последней своей красоте.

Психология «катастрофы»: человеку так худо, что он готов на все и самое ужасное кажется ему желанным и сладким как верное средство перевалить в мир блаженства.

К психике Сутулого: бывает, человеку, чтобы решиться на что-либо, надо вроде как бы разбежаться и броситься в пропасть, — так он решается, и после того нет уже ему возврата туда, назад, где была такая тяжелая борьба между «как надо» и «как самому хочется». Решился, и после того стало одно только «так надо».

После обеда определенно пошел очень теплый, но мелкий, осенний окладной дождь. Мы уснули, — дождь сеял по крыше, проснулись — все сеял.

Читаю Пушкина, вспоминаю Горького и завидую полноте жизни таких людей, вернее — широте. Близок мне по жизни В. В. Розанов, это и дочь его говорит, Тат. Вас.

Работа идет так медленно, что вспоминается изречение Троцкого: «грызите гранит науки» (кстати, до чего же литературно-претенциозно выражался ех-вождь).

Петю, как хорошенького парнишку, с детства избаловали девочки, он привык к победам, легким достижениям и оттого не может накопить себе сжатой силы для большого романа.

За ужином у меня вилка упала, и сказали: — Придет женщина. — Минуты не прошло, в калитку постучали, вошла Т. Б., «легкая» женщина. Я купил у нее за 100 р. кулон и тут же подарил Павловне. Легко можно и всю ее купить на ночь. И как же бедно-бедно живут служащие советские люди, вот уж серая-то жизнь. А по радио целый день стараются воспевать счастливую жизнь, и так это всем надоело!

12 Октября. На рассвете не было перерыва дождя. Но это хорошо, осень должна быть похожа на осень, как и всё везде и во всем должно быть похожим на себя самого.

Какой бы там я ни был писатель, большой или маленький, но писатель я самый настоящий, и «творчество» мое не поддельное, и авансы на «творческую командировку» получены мною ни от имперских, ни от советских предприятий. Вот читаю Пушкина и до точности узнаю свою работу. «Талант неизъясним», но все-таки первое условие, подпочва поэзии — это особое чувство, похожее на пересыщенный раствор, в котором кристаллизуется и осаждается мысль.

Недавно в президиуме слышал разговор Д. Бедного о поэзии. Помню, когда я служил в отделе военного времени Министерства Торговли и Промышленности, то Товарищ министра иногда посылал меня вместо себя представителем в разные комиссии. В таких комиссиях не могли быть не превосходительные члены, и таким образом я тоже автоматически превращался в статского генерала, и ко мне обращались: «Ваше превосходительство». Все эти комиссии были чрезвычайно специальны, вроде как помидорная комиссия, т. е. комиссия по заготовке помидоров для армии. Зато, не понимая и тем самым как бы тая какой-то грех, все старались быть любезными друг с другом и к скудным словам одного превосходительства, натянув, прибавить хоть что-нибудь из другого. Сидеть в таких комиссиях было необычайно спокойно, и пить чай было очень приятно. Вот так же было и в президиуме Союза Сов. писателей, когда Бедный докладывал о поэзии. Он очевидный эстет, и фольклор его чисто эстетического происхождения. При своем физическом и нравственном безобразии он может всегда оставаться большим любителем фольклора и, конечно, оптимистом.

Когда у всех урожай, то яблоко бывает дешевое, так вот и наше советское всеобщее счастье: обесцветила волосы, завилась, набок красный беретик, стандартное пальто, как на вешалке, — вот и все счастье, и так оно дешево!

Ружья остаются:	1) Тройник Гейма 12 к. (Пете)
	2) Дробовик Гейма 12 к. (Мне)
	3) Зауер 24 к.
	4) Маузер винтовка 22 к.

Ружья на продажу:

1) Тройник Гейма 20 к.	—	2000 руб.
2) Лейдеккер 24 к.	—	2500 руб.
3) Грельфен винтовка	—	500
		5000 руб.

Бедовый мужичок.

Мужичонка, — и сейчас есть сколько угодно таких: сам с ноготок, борода большая, лохматая, и в ней сено; из лица только нос какой-то торчит, да глазенки какие-то бегают виновато; стоит в очереди, и видно за чем: в руке пустая полулитровка. Дунуть, кажется, на такого, и повалится в канаву и не встанет. А поди посмотри его дома — вот какой бедовый! Монарх, куда монарх на троне! там все-таки хоть обязательное поведение, сядь и сиди, зачешется, — потерпи. Тут зачешется, — всей ладонью чешет, захочется, — топнет ногой и [на своих] домашних. Вот и такого бедового мужичонку послать на канал.

Артем — скупал наделы, потом основатель и единственный президент Соловьевской республики.

Итак, на канал должен быть собран и показан народ: тут была вся Россия.

Никогда не останавливайся перед чем-нибудь только из-за того, что другие за это брались и среди них были люди, может быть, и способней тебя. Это неверно! твой кончик счастья виден только для тебя, и за него потянуть можно только тебе одному. Вот отчего хороший грибник не боится народа в лесу, он верит, что твой гриб от тебя никуда не уйдет и никто твоего гриба не заметит. И хороший охотник не боится чужой стрельбы, напротив, — «стреляют, — думает он, — значит, там-то и дичь». Так идет счастливец на гам и стрельбу, и оттуда на него прямо и зверь, недаром же и говорят: на ловца и зверь бежит.

Что Чацкий в обществе обыденных людей, что Чарский из «Египетских ночей» среди аристократической черни, и даже хотя бы и сам-то Пушкин чем лучше! так вот и я в очереди у кассы магазина Райширпотреб: там в блестящих одеждах, здесь измызганные, но по существу та же самая «чернь».

13 Октября. Утром первый зазимок (снег).

Перемещение Зуйка в лес требует какого-то нового звена в сюжете, вытекающего из строительства Надвоицкого узла. Мотив этого сюжетного звена должен также организовать... целое приключение Зуйка в среде каналоармейцев.

Боже мой, как трудно оторваться от материалов своих, от земли, от мыслей и полететь. Что за участь такая! как будто мне суждено природой моей, что пока я всего себя не ухлопаю,

со всеми своими помыслами, досугом и пр., до тех пор не оторвусь.

Углубить «так надо».

Был Каманин, выпил у меня и рассказывал, как его жена хлопнула его кочергой из ревности (письмо нашла к одной даме), после чего они помирились и решили создать третьего ребенка («ей 30 лет, а говорят, что после 30 рожать детей хуже»). Каманин, Клычков, Кожевников, — редкие типы крестьян в сов. литературе.

Анализ «так надо».

Из чего складывается мое собственное «так надо» и в чем мое «хочется».

В моем «надо» содержится необходимое условие для моего «хочется». Мне что-то надо делать для того, чтобы я мог выполнить мое желание.

14 Октября. В Москве.

«Так надо» должно быть одной из главных тем работы: в этом свете показать русский народ на канале.

Связь «так надо» с чувством катастрофы: это и в Сутулом, и в старухе.

Желание предшествует плану, но не из всякого желания рождается план.

Если делать по желанию без плана, то «надо» не чувствуешь.

«Надо» рождается в плане.

План рождается от желания и сам от себя порождает «надо» — все это значит: «Царство Божие нудится».

— Мало ли чего я бы ни пожелал, да вот видит око, да зуб неймет. Значит, есть невозможные или дремлющие желания.

Желание, — прежде всего это желание сходится с мыслью, превращается в идеал, отсюда выходит план, и начинается действие, или осуществление первоначального желания.

Итак, план есть дитя желания и мысли.

«Так надо» есть мотив труда, это песня трудящегося, в нем заключается туга, страда или прямо страдание.

Необходимость «так надо», или необходимость страдания.

Не всякое страдание есть творческое, напр., болезнь печени, сколько ни страдай — за это ничего не получишь.

Творческое страдание, или «так надо», предполагает соучастие в плане.

Чувство катастрофы или конца, какого-то «чем хуже, тем лучше», зарождается через накопление и переполнение в душе пассивного страдания... в этом переполнении скрыта, однако, и воля: человек желает такого конца: вместе с этим концом ведь и зло кончается. Тут скрыта революция: революция, или действие, направленное к полной перемене, к истреблению зла («не обслуживай свое заключение, а помогай создавать общество, в котором не будет пороков»).

Старуха лежит в гробу: это пассивное сопротивление дурной жизни, которая скоро должна погибнуть. Сутулый стоит на плотине, изучая движение каждой точки: это человек с планом.

Сутулому (или Клавдии) нужно было сделать, чтобы план для каждого был ясен и вызывал бы то самое желание к действию, осуществлению, из которого он родился.

Клавдия свою работу организовала на одной мысли, похожей на скалу, к которой прикрепляется плотина. Эта мысль ее была в том, чтобы каждому каналоармейцу сообщить план канала так ясно, чтобы в нем пробудилось то самое желание действовать, из которого и родился весь этот план. Родиной плана она считала какое-то первое желание лучшего: быть может, это был один из первобытных людей, который поставил вехи по пути движения лодок, после чего все поняли пользу вешек в воде и начали их ставить в принудит. порядке для каждого, отчего и стало «так надо». (NB. На этом мотиве можно отлично развить историю канала в смысле повелительного «так надо».)

«Так надо» и «хочется», перенесенные в сферу любви: как «суждено» и «люблю» (люблю, но суждено: люблю, но это нельзя, а то надо).

Молодой собачий глаз.

Из толпы кто-то глядел конским глазом.

Лева засасывается трубкой и болтается. Кажется, сам сознал, что литература его не выходит. Коля Дедков устраивает его в какой-то трест.

Очередное письмо матери, глупой, начитанной и претенциозной: девочка ее достала «Золотой Рог», и мать предлагает Издательству переделать «Рог» для детей.

Со всех сторон доходит, что кутерьма эта есть подготовка общества к выборам. Пыли от этой кутерьмы так много, что мои «Новые берега» закрываются.

Во всяком случае, если вздумается отложить работу, то надо отделать хорошо все написанные главы, иначе не вернешься к ней.

Когда Акимыча посадили за спекуляцию ружьями, то конфисковали оба его ружья, кажется, Перде и любимое его Лебо. После этого сынишка его сказал: — Нет, я не буду охотником, а то и меня посадят. — Прошло несколько месяцев, мальчик начал кое-что понимать и наконец сказал матери: — Охотником можно быть, только надо иметь одно ружье, у меня будет Лебо.

15 Октября. Куплен мотоцикл за 3360 руб. Петя уехал с шофером на нем в Загорск.

Мотоцикл продавала барышня-звереныш. Она устроила себе юбку так, что задница ходуном ходила. Я глядел на задницу и думал, что мотоциклет гораздо легче очеловечить, чем барышню, что в этом-то и есть слабость писателя в борьбе с лейтенантом, что писатель подходит к барышне как к человеку, втайне, конечно, так же, как и лейтенант, желая зверя. Так некоторые пробовали даже спасать проституток. И еще я думаю, что вот и в наше жестокое время разные Разумники в том же положении и не хотят понять, что государство есть зверь и больше ничего.

Вспоминаю разговор в Детгизе с Пискуновым: — Среди нас есть и очень порядочные. — Не сомневаюсь, — отв. я, — но вы в руках бюрократии. — И стало ясно все: бюрократизм происходит от исключительного положения власть имущего партийца, которого «обходят» спецы похуже, потому что хорошему зазорно обходить начальника наряду с жуликами. Вот, по-видимому, этим и объясняется «кутерьма»: нужно одемократить страну, вырвать из рук партийных диктаторов. Вместе с тем надо не допускать к выборам и неблагонадежных.

16 Октября. В понятие добра и вообще всего хорошего входит и достижение его, т. е. что добра достигнутого нет, а каж-

дый раз надо его достигать. Точно так же и слава человека существует как сияние движения героя к великой цели — Герой! — кричит народ, и это всё. Не может быть «положения» героя, и нам теперь всегда неловко читать статью, которая подписана: герой Сов. Союза такой-то.

Было видно даже и в полумраке рассвета, как на крышах московских рождался мороз и потом как яснело и яснело чистое небо, а на крышах белело, белело. И когда солнце стало всходить, каждый московский дом вплоть до едва видных Воробьевых гор вставал с белой косынкой на голове.

Ночью часа в три остаются горящими только фонари на улицах, дома кругом спят. Но отдельные огоньки в окнах кое-где все-таки есть, я смотрю на них и думаю...

Думаю о бедном Андрюше и вспоминаю одного Загорского садовника-неудачника, человек влюблен в сады, но ничего у него не удается: сады его отчего-то сохнут, и сам он со своими садами высох, отрепался. Однажды он чуть-чуть было не воскрес и явился ко мне даже прилично одетым. С сияющим лицом неудачник сказал мне, что нашел себе по сердцу женщину и женится. — Ну, — обрадованно сказал я, — теперь конец неудачам — теперь сады ваши больше не будут сохнуть. — До того было верное дело, что садовник меня даже на свадьбу позвал. И вдруг через несколько дней снова является обтрепанный и несчастный. Открылось, что невеста его была дочерью бывшего кулака и жениться нельзя: выгонят со службы. Так вот человек рассчитал, сообразил и единственный момент своего счастья пропустил. Андрюша, наоборот, не посмотрел на то, что отец его невесты троцкист, и женился. И теперь, уволенный за связь с троцкистом, сходит с ума: просился даже в лагери — и туда не берут. Но он правильно поступил, что женился, и если даже погибнет, — я бы выбрал скорее его положение, чем несчастного и благоразумного садовника.

«Так надо!» — у Андрюши, а не у садовника.

Возможен ли третий герой: такой, чтобы, взвесив утрату личного счастья и утрату идейного общего дела, отказался бы от личного счастья (напр., он строит узел канала и знает, что за такую женитьбу его выгонят...).

Ты, Андрюша, страдаешь все-таки за то, что ты ни холоден, ни горяч, а тепел, т. е. что ты ни рыба, ни мясо.

Так что...

— если жалость направишь на «теплое», то с ней попадешь в геенну. Эта жалость православных и либералов к царским политикам и погубила государство и самих жалельщиков. Выход: герой или сверхчеловек...

У наших стариков из купцов, крестьян жалость была другого рода, напр., если он нищий, то его жалели, исходя из его положения как нищего: бедный, хороший нищий — и его жалели и ему подавали. Но не было вовсе той жалости именно как нищего, что вот мы богатые, а он нищий: нищий — это положение, и жалели человека внутри положения, но не распространяли жалость свою к самому положению.

Итак, существует два «так надо» — одно исполнение воли своего господина, другое — воли Божией (при господине-человеке личная воля уничтожается: тебе хочется, а против этого «так надо»; при господине Боге «так надо» есть то самое, что и самому хочется, т. к. и сам-то Бог заинтересован в личности и считает ее необходимой для человека). Остается раскрыть, что же такое эта «воля Божия», как ее рационализировать или, вернее, психологизировать.

Госуд. деятель существует, поскольку существует государство как необходимое зло, и такой деятель по самому существу его является злодеем, деспотом. Но Сутулый (чекист) значит, ...он должен 1) чуять высшее «так надо», 2) приводить «свои воли» к одной.

Значит, надо нарисовать волю Божию (Сутулого) и рядом, как смешанный сор, — разные своеволия (ни холоден, ни горяч).

Встретился Мандельштам с женой (конечно) и сказал, что не обижается <*приписка:* и не на кого обижаться: сами обидчики обижены>.

Вечер продремал в Загорске. Слушал рассказ о том, как Петя доехал на мотоцикле (15-го).

17 Октября. Начал окончательно отделывать первые главы, вышло очень хорошо. Зубные дела.

18 Октября. Петя ездил за вещами в Териброво, устроили лодку. Был Огнев. Таким людям особенно тяжела современная

«предвыборная кампания». Край, где и дикие яблонки в лесах рождают вкусные сладкие яблоки.

Квартирный переворот.

19 Октября. У Пушкина говорится о двух единственных ценностях: воля и покой.

Еду в Москву спасать квартиру. Слишком надолго затянулась революция, и кутерьма ее должна же когда-нибудь смертельно наскучить: воля — не своя, покоя нет.

1 глава — Мирская няня. 2 — Зуек и падун. 3 — Сутулый. 4 — Начало строительства. Уход Мирской няни. 5 — Строительство до последней весны. 6 — Ход весны в лесу. 7 — Ход весны в Надвоицах.

Сюда: 1) Одеколон; 2) Пахан. Собрать сюда моменты аврала как слияние капель и возникновение «так надо».

Учиться, рисуя мыслью, схватывать сущность лица: есть такая сущность, которая видна бывает в особенные, довольно редкие минуты, и тогда нет вовсе «некрасивых» лиц. Лучше всего тогда мне в лицах своя задумчивость: чувствуешь, что в этом заключается весь человек и что это собственно и есть тот полюс, вокруг которого вращается весь шар, населенный людьми. Потайная мысленка такая. Мне кажется, если заняться этим собиранием, то можно увлечься, как в лесу.

Турманы над Москвой.

Мальчик с крыши бросает голубя, и он взвивается над Москвой. Какое небо! Но разве думает о солнце и небе мальчик, выпускающий голубя. Зачем это ему, если все небо, все солнце со всеми своими лучами помещается в голубе. Он думает о голубе, а все остальное входит в него само собой.

Вечером смотрю на море огней и на небо чистое, как будто слушаю симфонию, и думаю: думаю о своем, а симфония где-то сама собой.

Вечером был Каманин, Кожевников, Лева и «губернатор». Гадали, из-за чего кутерьма, и кто-то высказал предположение, — не из-за того ли, чтобы на место бюрократов стали вот такие, как «губернатор», т. е. люди подлинно из «народа» и подлинно честные. Если да, то мы переживаем революцию «сверху».

Про себя Николай рассказывал, что когда он был мальчиком и поп его полюбил, то ему грезилось, что поп ему подарит такую «козу» (салазки), что под гору будет как всякая коза, а на гору ее не надо будет втаскивать, как всякую козу, а она сама будет взлетать на всякую гору. И так действительно случилось, что в стране родной все переменилось, земледельческая страна стала индустриальной, и все пошло в гору, и сам Коля, простой деревенский парень, стал московским «губернатором». Детские мечты сбылись: Колькина «коза» летит в гору.

20 Октября. Хорошо работал. Разговор с Ровинским о работе в военной газете и о сценарии о бобрах. Разговор с П. Н. Щекиным: вы всю жизнь охотились, а я так же упрямо всю жизнь учил (о-хотился: «как хочется», учил «как надо». Иной начинает с «как надо», а кончает «как хочется», другой начнет «как хочется» и кончит: «как надо»). Вспомнился один из самых первых моих рассказов для детей: листик (как хочется) и винтик (как надо) = листик — я, винтик — А. М. Коноплянцев. Иметь в виду Коноплянцева как секретаря.

Петя поехал в Пушкино определяться на работу. Мне трудновато расставаться с ним, но «так надо».

21 Октября. Пишу. Не удержался, прочитал Титову. То ли не понял, то ли не так уж хорошо я написал. Лучше не читать бы...

Бывает, человека заключат в тюрьму, а то бывает, он в себе самом заключится, — и уж наверно эта своя собственная тюрьма горше той, казенной. <*Приписка:* Правда, в тюрьме можно быть свободным, не выходя из казенной тюрьмы, но нельзя быть свободным, не выходя из себя.> И так можно себе представить, что все люди как заключенные и по-разному, каждый по-своему ищет себе выход.

Старость — это, конечно же, заключение, но не безвыходное. Вот смерть — это серьезное заключение, такое серьезное... И то бывает... Да, смерть, только смерть решает окончательно вопрос о тюрьме и свободе.

А может быть, чтобы жизнь вышла именно «как надо» — следует жить «как хочется»? Все в силе, если «до смерти» захотеть, то такая смерть и выйдет «как надо».

Если «до смерти» хочется и ты отдался этой о-хоте, то такая смерть, вероятно, и переделает свое «хочется» в необходи-

мое «так надо». Это очень похоже на мою жизнь, я так именно жил: из моего «хочется» вышло «так надо» (через лишения, смерти подобные).

Плеско́ — редактор «Литер. газеты». Обещал ему дать очерк выборов. По всей вероятности, придется обмануть.

Был у Чувиляева. Квартирная паника. Жалко смотреть на людей. А. Д. опухла от страха за площадь. Осиное гнездо. Китеж в осином гнезде. Разврат осиного гнезда: ванна, отопление, водопровод в совокупности жизнь у реки превращают в невозможную мечту. Надо этого плена бояться.

22 Октября. Не записал.

23 Октября. С утра поездка в Загорск. Учился на мотоцикле. Чудесная погода, все удивляются: лето!

24 Октября. Весь день на охоте с Огневым, а день-то какой, и какие дни идут подряд красные, чудесные. В облетевшем мелколесье пахнет от земли чесноком, и почему-то это очень вкусно... Убили двух зайцев.

Сведения о Дехтереве Влад. Ник. из Алма-Аты, что он как только познакомился с Иночкой, бросился в горы искать для нее эдельвейс, что он отбыл 10 лет на Соловках за карикатуру на Троцкого. Написать ему (адрес у Огнева).

Женщина русская: увидала — на вокзале лежит, дрожит бледная женщина. Узнав, что у нее малярия, она сняла с себя дорогое меховое пальто, укрыла ее, а сама пошла в буфет пить чай. Когда вернулась, то «больная» с ее шубой исчезла. Рассказывает об этом без всякой злобы вроде веселой шутки над собой.

25 Октября. Рано выехал в Москву. По пути читал записки лесные. Заседание президиума: прием новых членов. Против кандидатуры одного писателя после прочтения его биографии было возражение: — Он был прапорщиком в царской армии, а в красной армии он является почему-то взводным командиром, почему? — Это вопрос военный, — сказал Федин. — Нет, это вопрос политический. — Нет, военный, — продолжал Федин, — вот Буденный был вахмистром, а в красной стал командармом, — чисто военный вопрос, это логика. — Бросьте

логику! — возразил Павленков. Выбрать выбрали, но записали в протокол, чтобы проверить относительно прапорщика.

«Прирожденное великодушие не давало ему сделаться подозрительным и недоверчивым» (Тургенев «Новь». О Нежданове). Вот и я такой, и еще тут что-то надо прибавить, мне кажется, можно самому себя воспитывать в этом направлении. (Напр., «география разлива» = «расширение души» Джефферис.)

В Загорске посадили всех действующих лиц, и когда стал спрашивать, то оказывалось, всех за дело: председатель горсовета за недочет в 5000 руб. и т. д. Грешок был, конечно, у каждого, но с таким грешком раньше можно было жить, а теперь нельзя. Что-то вроде Страшного Суда.

Человечек малого роста, нос очень похож на взведенный курок, и в согласии с этим глазные прорези вышли наискось, но не как у китайцев, а обратно, верхний конец косины к носу-курку, отчего и глаза кажутся взведенными и весь задорный человечек как бы взмывает вверх. Это Митька, товарищ пахана.

26 Октября. Возвращаюсь к своей работе с намерением усилить движение вещи посредством смыкания лирических запевок, т. е. чтобы концовка сходилась с запевкой.

Окончательно надо считать поконченным прием, напр. Тургенева, пояснительных отступлений, столь ослабляющий движение всей вещи. Думаю, что да, т. к. это все равно как и в живописи, если бы у художника не хватило изобразительных средств и он стал бы надписывать.

Действующие лица: это администрация города, партийцы стахановцы, беспартийные большевики.

Письмо Дехтереву, в нем хорошо, что говорю о неоскорбляемой душе человека, которой на земле соответствует «девственная природа».

Можно ли на улице большого города, и особенно, как теперь в Москве, в период реконструкции города найти независимый уголок природы, соответствующий неоскорбляемой части души человека?

<*Приписка:* Да, я прихожу к этому, что <*зачеркнуто:* мечта о> потребность девственной природы рождается именно внутри человека и в том месте, где он не может быть никем и ни-

когда оскорблен. Так вот среди грохота падающих камней ломающихся зданий, в пыли... возможно ли найти такой уголок, есть ли...>

Есть, конечно, только надо знать время и откуда смотреть. С высоты шестого этажа я люблю смотреть, как луна, когда она полная, выбивается из уличных фонарей, и когда все уснут... Мороз на крыше.

27 Октября. Сутки идет непрерывный и очень теплый дождь.

Неприятности с телефоном («автобаза») — или они довели меня, или же только обнаружили, что нервы мои никуда: так вспыхиваю...

28 Октября. После суточного теплого дождя теплый красный день — и это почти ноябрь!

О чем мы говорили вчера с «крестником»?

Поехали с Петей в Загорск. Мы счастливы, потому что мы охотники, несчастлив Коноплянцев: ничего в себе нет враждебного нашему советск. строю, между тем на службе боится поднять глаза, — боится, что они в глазах у него увидят и догадаются. Так что о себе в отношении к людям он говорит: «я — доска». Как будто человек добровольно закопал себя в землю или погрузился, как подстреленная утка, в воду, и, высунув для дыхания носик из-под листика, пребывает.

А мы охотники, мы живем свободными людьми, никого не боимся, а если видим опасного человека, начинаем с ним болтать, как будто он самый близкий человек. Однажды я одному соседу в вагоне сказал, что Маркса не было. — Как не было? — Так: просто не было. — А как же все говорят и столько книг написано, и самим даже Марксом. — Какой вы ребенок! сколько говорили о Боге и сколько было книг об этом написано и указано о некоторых, что их сам Бог написал. А в конце концов оказалось, что Бога-то вовсе и нет. Так вот и с Марксом...

29 Октября. Ночи звездные. Перед рассветом мороз в −2—3° и туман, а когда солнце взойдет, то делается тепло очень и земля в мелколесье пахнет вкусно чесноком. Тишина такая в лесу! При первых лучах весь лес сверкает ледяными бусинками. Высокие желтые метелки белоуса напитались водой и замерзли. Но когда солнце поднялось и согрело их длинные

стебли и они оттаяли, то не могли больше выдерживать тяжести насыщенной водой метелки и стали ломаться. Мы пришли на поляну, где белоус был как поле ржи, и вот мы увидели, шевельнулась одна былинка. — Не заяц ли? — спросил Петя. — Нет, это птичка, — ответил я. А вовсе и нет ничего: растаявшая былинка подломилась, и пошло, и пошло! на глазах наших все поле высоких диких злаков склонилось к земле. И так им и надо: так надо, чтобы каждая гордая вознесенная к небу голова склонилась к земле, так надо, чтобы последние остатки семян возвратились к земле и сохранились.

Убили трех зайцев возле Двориков, белеют, но еще не совсем седые. И белки не готовы, а вот оно, разрешение. Запаздывают, вероятно, по случаю сухой и теплой осени.

Такой чудесный день, иногда будто в Апреле на тягу идешь, да, на тягу! и тут же мечтаешь об этом, что будет тяга, будет непременно. И так ведь круглый год ждешь впереди непременно чего-то хорошего и знаешь, что оно будет. Но такая ведь и вся земля и всё на земле, если к ней близко стоять. Вот где источник радости, счастья (оптимизма). Надо об этом крепко подумать и найти возможный полюс: счастливого человека в городе, на фабрике где-нибудь.

Как бывает в городе, техника определяет быт. Вот для примера нынешние похороны, когда на громадном грузовом автомобиле стоит красный гроб и вокруг него сидят родные, покойник с родными мчится с большой скоростью. Насколько это удобней, чем, бывало, идти в хорошую и в дурную погоду за гробом несколько верст. Как это все идет навстречу тайному желанию каждого поскорее покончить с покойником и начать жить без него. И вся техника тем и соблазняет, что непременно с ней все делается удобней, проще, дешевле. И на этом основании удобства совершается движение, прогресс, старое сопротивляется только посредством красоты, религии. Но красота и религия свойственны лишь отдельным лицам, тогда как потребность в удобствах, дешевизне, доступности свойственна всем. Так возникает вопрос о бесполезности и ненужности религии, искусства.

Да, так вот техника разлагает быт, от него остаются лишь формы (красота). Так...

К земле вернулся человек на тракторе и не слыхал под шум мотора крик журавлей, и газы сжигаемого керосина отняли

у него ароматы цветов, а ритм мотора — ритм движения самой земли. И все это оттого, что не бытие определило сознание, а идея (техника) определила бытие (похороны). Если же бытие определяет (наличие автомобиля), то надо выяснить, какие же именно элементы бытия. И окажется, что автомобиль, т. е. техника.

Так вот и остается неясным это наличие радости у человека, имеющего тесное общение с природой (землей), — что это, атавизм, пережиток или намек на возможность в будущем? В личном опыте своем я знаю, как пользоваться этими ценностями (для себя). Но мне хочется свой опыт сделать на пользу людей и помочь им выйти из их порочного круга. Так точно вот хотел сделать Л. Толстой, и у него ничего из этого не вышло. Не надо ли мне пересмотреть его опыт, понять его ошибки и... не все же у него ошибки.

Несомненно, однако, что вопрос о счастье возле земли не решить без вопроса о религии, науке, творчестве.

Я лично, конечно, про себя всегда думал об этом и как-то незаметно все свел к себе самому: что эта близость к земле есть путь моего творчества: близость к земле — близость к роднику, к существу творчества, близость к городу: к плану, и что близость к земле дает — «как хочется», а близость к плану — дает «как надо».

И что счастье «как хочется» (быть самим собой) ничего не имеет общего со счастьем земледельца (как у Толстого).

Современность — это борьба за план; вот почему отступает «земля» со своим «хочется».

Борьба за план — пусть и будет одним из планов моей книги — и это есть план современности. Не во всякой ли революции выдвигается план. А мирная жизнь — это «как хочется» <*приписка:* (и тут лицо)>.

<*На полях:* Семга и жизнь рода.>

Наука и есть по существу своему не что иное, как способность ставить планы (мыслить) и осуществлять (действовать), — вот почему революция опирается на науку («как надо»).

Творчество содержит в себе две стороны: 1) как хочется, 2) как надо.

1) Как хочется (жизнь). 2) Как надо (план).

Есть «как надо» — в силу привычки, это рутина, бездумие, но никак не план и не «как хочется»: сюда же и суеверие.

Так что люди мои на канале определяются этими тремя элементами творчества, положительными: план (как надо) и как хочется (жизнь, природа, я, личность) и, скажем, «как влечет» (рутина, сопротивление материала).

Помнить, что все относительно, т. е. происходит борьба и оттого все меряется между собой, и кто берет верх, — тот и судит, и так представляется, будто победитель (напр., «так надо») несет всю правду (хлыстовская философия о переменах мест между Богом и Человеком: Бог спит — человек работает и наоборот).

Те силы, о которых мы думаем, напр. Инерция или Рутина и др., могут быть сказочно персонализированы, если смотреть на них с точки зрения мальчика. И это даст возможность правдиво ввести в психологию мальчика многие труднейшие понятия взрослых.

31 Октября. Мороз –3, туман предрассветный, как все эти дни, но солнце уже не выглянуло.

Ездили в «Горбы», гоняли одного зайца, которого убить не дали нам Торбеевские гончие. Охота финансовых работников; во что выродилась охота!

1 Ноября. Люди у нас в Союзе, хорошие «русские» люди — в другой, жалкой форме — но те же самые. Но кое-что я ненавижу смертельно в создавшемся новом и больше всего ненавижу газету «Правду» как олицетворение самой наглой лжи, какая когда-либо была на земле. Ненавижу, вспоминая слова Тургенева о русском народе, что нет более изолгавшегося народа, чем русский, но что зато никто на свете так не жаждет правды, как русский.

«Хочется» и «Надо» начинают проникать даже в мои сны. Следует довести это до того, чтобы все впечатления, поступающие ко мне от жизни, располагались бы по двум этим категориям.

Еще следует через это инфантилизировать всю философию жизни.

Еще следует найти сюжетную необходимость личного отъединения Зуйка — самое главное.

Мелькает вывести его из «мифотворчества».

Из той «философии», т. е. вопросов жизни, которые возникают ежедневно, рождаются и материалы для гаснущей повес-

ти. Вот сейчас я думаю о том, что и умирающий человек знает, что надо умереть: все умрут, и его сейчас очередь: надо! И в то же время ему все еще хочется хоть немного пожить. (Мироныч перед смертью не мог видеть: глаза его умерли, но сам он еще хотел пожить, хоть минуточку: и сказал: «помирать собирайся — рожь сей». После того услыхал шум — затих: «видно, закрыли», сказал он. И еще последние слова его были: «помирать собирайся — надо! — а рожь сей».) Когда я об этом раздумывал, то в окно была ви́дна из окошка на рассвете река во льду: ей бы надо давно замерзнуть, умерла вода, но глаза ей никто не закрыл: ни птица, ни зверь...

Вопрос о смерти — есть в отношении воды вопрос о слиянии смежных капель: никакого вопроса у них нет. А у людей разделяет «хочется».

Рутина, План и др. «существа».

В «Правде» сегодня напечатана семья рабочего: отец и сыновья, инженер один и другой директор завода. Я это увидел в метро, и вдруг во мне совершился «тот поворот». А это вот что: когда у Сталина выходит очередная расправа с врагами, то она кажется на первых порах безумием и концом всего: через это, кажется, ему уж и не перейти. Проходит некоторое время, и совершается «тот поворот»: одумаешься и начинаешь понимать и мириться. В этот раз при взгляде на семью стахановца стало ясно, что «партчеловек», правивший до сих пор страной, это партбюро должен рушиться и на его место стать другой человек, не распорядитель, а действительно деловой, органический, народный. И дивишься, как мог сделать такой переворот человек, сам вышедший из партийной кружковщины... как, вживаясь в строительство (или как это назвать...), человек совершенно перестроил самого себя.

Враги. Итак, Сутулый пусть будет мой воображаемый Сталин. Основной враг — это вода и смежные агенты: то мороз, то солнце. И люди: Мироновна и вокруг по всему Выгозеру и, конечно, все заключенные.

В 3 ч. д. открывали музей Горького.

2 Ноября. Детиздат: взять деньги. Леве о парткоме и Шумяцком.

Вчера встреча с проф. Кулагиным (78 лет) и весть о читателях моих.

Из разговоров с людьми о себе самом выяснилось, что все строительство канала надо преломить в психике 7-летнего мальчика, т. е. это должен быть Курымушка с той отчетливостью индивидуальности, как это бывает у особенных детей.

Вчера был Цветков и рассказывал о графине Сологуб и других, кто в советское время радостно переносил страдания и перемены своего положения.

Разговор с Леоновым, что Горький интересен больше как человек, чем как писатель.

Устьинский и рост души: если думать спокойно о человеке, судить его поступки в меру роста его души, то — все хорошо.

Г-ня Сологуб, Устьинский независимые и радостные люди (а курсистка думала, что за всем надо ей поспеть и если все новое будет знать, то и будет впереди), и у Горького это было: все знать.

Гудит перфоратор, как невиданный десятирожный зверь, там церковь разбирают, тут складывают дом и даже тот дом, в котором ты живешь, переделывают, и с утра до ночи... тут шлепотня...

Из этого всего, что движется вокруг меня, я беру...

Прочитал «Новь», и там о Нежданове сказано: «романтик реализма», — это хорошо сказано. И еще я нашел для себя близким сомнение в своей личности в процессе любви.

Аксюша сказала: — Людей сразу видно. — Хороших? — спросил я. — Да, людей. — А плохих? — И плохих: отказались от Бога, живут как придется, разве это не видно тоже.

Происхождение хорошего в Павловне: «я — верующая» (верующая без ипостасей, и, напр., богородиц вроде как бы две: одна — дева, другая мать). Рассуждений о Боге ни малейших, но поведение умное.

Предвыборная кампания разрастается, есть слух, что арестованы Пильняк, Артем Веселый...

Хочется обласкать тем же хотением, но не за что взяться, и руки не могут трогать: нечего, а душа хочет, и так это желание разливается во всем обиходе лаской улыбок, лаской слов, стремлением делать что-то хорошее для другого. Итак... и поэзия из этого (Муза, Прекрасная Дама).

Движется что-нибудь в мире — и ему хочется двигаться, стоит — ему хочется стоять. Кто движется — ему не хочется стоять, кто стоит — не хочется двигаться. И в человеческом мире Рутина пользуется этим, и когда по Плану: то должно остановиться, чтобы не делать вреда строительству, другое должно сдвинуться с места — вот тут Рутина собирает все «не хочется» и выставляет против Плана и его «надо» целую армию существ, которым не хочется действовать по плану.

Привычка — Рутина, и План: — навыки.

Рутина выводила на борьбу с Планом привычки, а План создавал армию навыков.

Раз есть план, то надо же и делать по плану, а то какой это план, если он остается без «надо»: план без надо — это мертвый план. Живой настоящий план как только родился в чьей-нибудь голове... (Зуек заметил это себе: План рождается в голове) немедленно превращается в дело. — Как же это план превращается в дело? — План расставляет на места материалы и людей — для этого нужна сила. Но раз сдвинутое тут и хочет дальше двигаться, и тут начинают действовать навыки, и эти навыки, как целая армия, выступают против привычек рутины. (Рутина имеет армию привычек, План — навыков).

— Что значит сто́йт, — говорил Сутулый, — и что значит движется — вот улица старого времени, по ней едут на извозчиках с скоростью 5 килом. в час, между повозками мелькает велосипедист с скоростью 10 кил. в час, и ему кажется, что он движется, а они стоят. А вот теперь автомобилист едет по той же улице с скоростью 30 километров, и шоферу кажется, что велосипедист стоит. Это называется темпом — у нас взят быстрый темп, и прежний темп, конечно, в сравнении с нашим — рутина.

— Рутина! — шепчет Зуек.

Ребенок все понимает, но по-своему, как, бывало, и я сам понимал. Но ведь и каждый из нас есть «я сам», и если обратится к себе самому и вспомнит, какой он был в детстве, то во многом он был богаче пониманием, чем стал потом. Помню, бывало, на Выгозере Старшие все занимаются полезными вещами: сиг ему нужен — он ловит сига, а зачем ему нужны жучки-вертунки: играть ему некогда, и ему жучки-вертунки проходят без внимания. Если же нас, маленьких, коснется дело, то

мы сига не упустим, и, значит, больше понимали. Старшие только сига, а мы прихватываем и жучков-вертунков.

Так было с Зуйком и в строительстве узла, когда оно началось.

3 Ноября. Зашел в Сберкассу «Молодой гвардии», где я бываю в два-три года раз узнать, не перевели ли ненароком мне за что-нибудь деньги. В прошлый раз, три года тому назад, в этой кассе сидела молодая барышня совершенно одна. В глазах у нее была грусть, и, вероятно, под влиянием счастливой находки значительной суммы мне стало ее жалко, личико ее было такое милое.

— Вы здесь совсем одна! — сказал я ей.

— Да, я совсем одинока, — ответила она.

— Желаю вам, — сказал я, — выйти...

— Замуж? — поторопилась она угадать мое желание.

— Нет, зачем непременно выйти замуж, — ответил я, — выйти из одиночества, хотел я сказать.

С тех пор прошло три года. Мне захотелось купить одну дорогую вещь, и денег не хватало. Я вспомнил «Молодую Гвардию» и зашел туда. Что-то переменилось в этом доме, перестроилось. Сберкасса оказалась в большом зале, устроенном наподобие банка, с окошечками с надписями. Над одним из окошек была надпись «Сберкасса», в нем сидела та самая моя прежняя барышня и читала роман.

— Желаю проверить, — сказал я, — не поступило ли что-нибудь на мой счет.

Она, не отрывая глаз от романа, протянула свою ручку к окошку и расставила пальцы так, чтобы я мог в них вложить свою сберкнижку.

Я опустил свою книжку в пальцы с таким же чувством, как опускаю гривенник в автоматический телефон.

Получив книжку, она промедлила несколько секунд: верно, дочитывала, потом подняла глаза, и...

— Ах!

Она узнала меня.

— Как вы долго не были!

— Да, много воды утекло за три года, — сказал я, — вы тогда были в кабинке такая одинокая, а теперь какой зал, сколько людей! Помните, я пожелал вам выйти из одиночества.

— Эти люди, — сказала девушка, — ко мне не имеют никакого отношения, это все бухгалтерия, а у меня сберкасса: я по-прежнему в одиночестве.

— В одиночестве!

Она так располнела, и мне этому совсем не верилось, что она в одиночестве.

— Так-таки никого и не было? — сказал я с улыбкой.

И она с улыбкой опытной женщины ответила:

— Были, но все равно я в одиночестве. <*Приписка:* Замужем, но все равно: она в одиночестве.>

Помни!

Надо помнить в лесах, что записывать надо наблюдения точные, т. е. чтобы все за себя само говорило, а не вытягивать из себя лирическую философию.

«Черная слобода», «Кащеева цепь» — все это составилось из веры в чудо: что если нажать, то можно. И в этом теперь большевизм, и тем он отличается от Англии: революция и эволюция. И у Тургенева в «Нови» та же мысль-чувство: Соломин — это Англия — эволюция, Нежданов и др. — революция.

«...и много было знамен». Но не было ни одного знамени, которое было бы воистину знамя и знаменовало собой внутреннее состояние души человека. Люди со знаменем были вне себя и говорили и делали что надо, вовсе даже и забыв то, что им самим хочется.

Смерти, конечно, все живое боится и бежит от нее. Но когда надо постоять за такое, что больше себя — есть это! — человек, охваченный смертью, говорит: помирать собирайся — рожь сей! И сеет ее для тех, кто будет после него, и так подает руку другим. и по мостику своего жизнетворчества, как по кладочке, над смертью, потомки переходят в жизнь будущего.

4 Ноября. С утра поехал в Загорск и вечером занимался.

5 Ноября. С Огневым и Яловецким и Петей гоняли зайцев, убили трех, Трубач гонял никуда. Зато хорошо выпили.

6 Ноября. Утром строил «плотину» и ввел в психологию строительства новый этап «Чан», в который должен упасть со своим «хочется», умереть в «надо» и воскреснуть вождем народа...

Лева приехал. Ему для ребенка от редакции «На страже» подарили танк, а Галине — поезд. Он делает вид, что очень охотно едет на демонстрацию.

Читал газету о врагах большевизма, троцкистах и бухаринцах. Думал о своей плотине: что...

7 Ноября. Вставая, — первое: завожу часы. Сегодня, заводя их, думаю о человеке, который, положим, четверть века, вставая с постели, заводил свои часы. И они в хороших руках, хорошей марки, скажем, мозеровские, четверть века верно шли. Так вот, будет ли счастлив этот самый пожилой гражданин, если его облагодетельствуют часами с месячной заводкой? И будет ли тоже соответствующе осчастливлен молодой гражданин месячным заводом, если он не имел часов и не знает никакого другого завода, кроме месячного? Нет, конечно, ни тот старый, ни этот молодой гражданин не оценят прогресса, не будут восхищаться и удивляться ему, напротив, возможно, что старый даже будет ворчать и уверять, что часы с ежедневной заводкой приятнее и создают человеку дисциплинирующую этику. Молодой же, получив часы и не зная прежней дисциплины при заводке, подумает, может быть, что так и вообще по-настоящему надо пользоваться в жизни готовеньким, и особенной радости, соответствующей удивительному изобретению, не почувствует.

Ночью читал Некрасова «Рыцарь на час» и восхищался. Мне вспомнился тот человек, о котором я думаю в последние дни: человек, в несчастиях нашей советской жизни радостно крепнущий духом, независимый от внешнего мира (Шики, Аксюша и др.). Вот настоящие большие поэты наши и были именно такими людьми. Пусть формально будет такой человек даже и пессимист, вот именно такой пессимизм у него будет лишь формой, внутри же себя в истоке своего творчества, тем самым существом в себе истока, — он оптимист. И Горький знал этот источник («гео-оптимизм»), пытался даже рационализировать его, использовать для государственного оптимизма.

В одной маленькой редакции корректорша заметила в корректурах праздничного номера страшную ошибку: в слове Сталинград было пропущено р, отчего выходило не град, а гад. Обрадованная тем, что она нашла такую большую ошибку, она, конечно, подумала о премии, как это всегда бывает в редакциях. За ничтожную ошибку получали корректоры премии, что же должна получить она! В мечтах о премии она разболталась об этом в редакции и вместо премии за болтовню была убрана: вовсе исчезла... И это правильно сделано, помолчи она — эта характерная черта времени не попала бы ко мне в книжку...

Вот бы поднять наших либералов покойников, рассказать бы им этот случай, — как бы они захихикали! А посади их самих править «свободным» народом, — хуже бы еще натворили. Итак, взвесив все, скажем: «Поделóм глупенькой болтушке». И хорошо, если «судья», направляющий ее в Колыму, понапутствует ее словами: — Вы там поумнеете и будете держать язык за зубами.

Сколько в жизни своей я сделал усилий, чтобы охранить свой эрос в чистоте, удержаться от падения в разврат — путем брака и творчества. Леву несколько сдерживает еще брак, Петю... но в общем у них плоховато, у них идет растрата. Думаю, что какая-то психическая задержка в этом отношении у меня и была основной пружиной, сделавшей меня писателем (не у всех ли это у поэтов? не в силу ли этого именно и происходит вечный антагонизм поэта и лейтенанта?).

Ведь ничего-то ничегошеньки не знаешь, потому что кто знает — под смертным страхом молчит. Ничего не зная, чувствуешь по своему делу глухую среду. Сегодня ночью мне почудилось, что все дело тут в Испании, и в связи с теми событиями у нас внутри так ужасно все переменилось и тоже извне все стало против нас.

Ветер. Все утро стучал вчера вывешенный красный флаг, а когда рассвело и его поправили — развеваясь, мелькая красным перед глазами, он стал раздражать меня, и, спасаясь, я забился в угол за круглым столом.

Я ли не делаю усилий, чтобы из самой природы своей выгнать «интеллигенцию» — и ведь, казалось, выгнал. Нет! вот опять... что это? Мне кажется, что это есть некая потяжка к чему-то в стороне от тебя самого, твоего непосредственного дела с тайной целью найти объективную причину в оправдание своего личного упадка.

8 Ноября. Отлично охотились, убили 4 зайцев. Вечером вся семья вместе. Удивил внук: он теперь учится говорить и ýстали в этом ученье не знает вовсе. Вместе с тем он все время творит сказку. Взял, напр., сдвинул все стулья — это поезд, пригласил сесть к себе мать свою, Павловну. И когда поезд этот пошел, прощаясь с нами, он стал делать ручкой. А еще какое удивительное сочетание «надо» и «хочется»: что ему хочется — то и надо. Как двинет стулом, как двинет другим.

Смотри на детей, и увидишь путь человека, каким он должен быть, на детях все это видно, будьте как дети! а 7-го, накануне, во время ученья своего на мотоцикле, подошли два мальчика, видно, беспризорные: наглые, преступные, дерзкие, хитрые, так что понятие Дети неотделимо от Старшие (Семья), как писатель включает читателя. Дети и семья = поэты и читатель; Ребенок, а за ним отец и мать, так поэт и за ним читатели. И если «будьте как дети» — это значит дети, у которых есть любящие родители, но не беспризорные; так и поэты, — это у кого есть читатели, но не просто поэты «в душе».

Следует внука пригласить к себе в Москве и купить ему игрушек.

Итак, первое, что я добыл себе, это — увидел в действительности то существо, которое мечтаю изобразить: оно существует.

Еще Чан мне представился как «смертельно хочется» — Клавдия и все другие, кто бросается в чан, и это женственное состояние Чана противопоставляется мужественному, содержащему в себе план (Сутулый). Следовательно, План и Чан — два начала, иначе как Чающие (чан) и Обещающие (план).

Еще думал о промежутке, т. е. о том пустом пространстве, которое отделяет мое и твое, настоящее и будущее (этот промежуток люди рода переходят по своему ребенку, как по мостику). Какие-то элементы творчества, — какие?

Еще появляется Дехтерев, вернее, присоединяется к Огневу и Карасеву. Дехтерев не должен броситься в Чан, — он тоже человек Плана, но... Сутулый и он с каких-то разных сторон подходят к плану — (их разделяет — что?)

Еще о надо и хочется в перспективе коммунизма, т. е. в будущем, когда что хочется, то будет так и надо (нечто вроде апокалипсического лев с ягненком).

9 Ноября. Выехал в Москву, когда под утренней звездой показался первый розовый свет, в это время весь город спал среди электрических огней. Я смотрел на город и думал о его истории со времен Сергия Радонежского: как все в нем переменилось! А Утренняя звезда смотрит так же, и я силюсь вспомнить, где именно видел я ее наиболее прекрасной... И так жизнь города в столетиях и просто в людях, уснувших вчера и сегодня принужденных вставать — Звезда и это ведь видит.

Хорошо бы после настоящей работы взяться бы за историю Загорска.

Лучезарный рассвет и как рождался мороз.

Все прекрасное на земле — от солнца, и все хорошее от человека. Солнце и человеком владеет и через него делает на земле чудесные вещи. И человек тоже вмешивается в творчество солнца, и чудесные вещи искусства являются на службу добру.

Все прекрасное от солнца, и все хорошее от человека, солнце и человек владеют землей, и часто, глядя на солнце, человек учится и делает тоже прекрасные вещи <*зачеркнуто:* и так рождается искусство>. Если бы Солнце могло поучиться у человека, вот бы хорошо-то было бы жить на земле!

10 Ноября. По Аксюше понял и Павловну и весь <*зачеркнуто*: хороший> русский народ: от горя молился русский человек, в горе находит он веру. Павловна, когда сошлась со мной, перестала молиться.

И вот пришла «зажиточная жизнь», все заводы и учреждения разукрасились иконостасами живых богов (подвижники зажиточной жизни — прямо жалко их!).

Октябрьский праздник, на домах учреждений, фабрик и всюду целыми иконостасами повисли портреты подвижников зажиточной жизни.

Посетили меня племянница Оля (через 20 лет) и Марья Николаевна — жена Сергея (Иванова). Вспомнили, как трудно мне было в то время бороться с «буржуазными предрассудками» и как я все победил.

Аксюша — это первая прислуга, которой я лично могу управлять, скажу: «выстирай рубашку!» — и она мне выстирает, скажу: «собирай на стол — гостей кормить» — и она собирает. Раньше все через Павловну, которая всегда во всем сопротивляется и тем самым, владея мелочами, обретает власть и надо мной. Какой это гнет! сколько сцен из-за калош, воротничков и т. д. И в то же время какая это была для меня школа жизни, как эта нелепая опека сберегала меня.

По Аксюше, Пете, Павловне я знаю весь ужас деревенской жизни и в то же время ради чего-то прекрасного в той же самой жизни невозможность резкого суда над деревней. Горький пытался это сделать, и у него ничего не вышло. Из-за каких-то

праведников приходилось все сносить, и «счастливая, зажиточная жизнь» не сняла с нас этого проклятия...

Похоже на разложение, да, раз-ложе-ние: на одной стороне та «праведность» благоухающая, на другой мерзость тления, отчего и невозможно соединение. Разложение элементами добра воспринимается как освобождение (от жизни земной), во всяком же случае как расширение сознания. И это делает невозможным возрождение добрых начал природных.

«Зажиточная жизнь» — это немецкая естественная глупость здоровой свиньи, переносимая, подобно Столыпинским «крепким земле мужикам», в русскую жизнь.

Поэтический восторг Горького, тот самый, когда говоришь: — Солнце — родина всего прекрасного, человек — всего хорошего! — при государственной утилизации превратился в хвалу «зажиточной жизни». <*Приписка:* А Распутин — не тем же он плох?>

Вот как бы не вышло того у меня с моей «былью» в оправдание «так надо», потому что ведь это «так надо» и есть самобичевание, а если не «надо», значит, как «хочется» — анархизм.

Так приходишь к необходимости оправдания того, что мы называем «обманом», а может быть, иначе это есть творческая легенда или «идея», бессмертная личность, сверхчеловек... (стоит присмотреться к ребенку, когда у него складывается речь, и тут видишь тысячи примеров, когда жизнь происходит от <u>слова</u> (что есть Слово?), и стулья в один миг превращаются в поезд... и т. п.). Слова тут рождаются между прочим, а суть в «<u>я могу</u>»: я хочу и я могу — в слиянии создают поезд и все другое: в том «действительном» поезде едут чужие люди, в этом созданном поезде едут все свои, милые.

Итак, поезд «действительный» есть как «вторая» природа (такой же и канал), а «свой поезд» есть настоящий и окончательный поезд, в котором все — только люди. Так и строительство канала — «вторая природа» — кончается «усвоением» ее ребенком: он едет на обрывке болота — и это есть морской корабль, он управляет падуном — и это есть подлинный падун. Так что окончательная ценность — это превращение ребенком второй природы в третью.

Третье состояние и есть <u>благодатное состояние</u> (или творческое).

Из этого всего выходит, что герой мой Зуек и будет победителем: он приедет как Лоэнгрин, и одновременно будет умиряться вся стихия.

Кто же будет у меня «Распятый»? — личности не будет, но весь человек, работающий на канале, есть распятый человек, и «надо» будет ему крестом...

«Надо» есть крест.

11 Ноября. Чувствуешь себя в области знания совершенным ничтожеством: я ничего, ни в какой области хорошенько не знаю. Странной кажется претензия расширять область сознания людей, и все-таки я с успехом работаю в этой области расширения сознания и чувствую, что только сумей я назвать то смутное неназванное, что заполняет меня, и тем самым я сделаю что-то ценное.

Вечером читал Чувиляевым. Неважно читалось, потому что не дошло до изюмины и не может дойти: видно, что это только самое начало очень большой вещи.

Обнаружил в себе, в душе своей то чернильное пятно, которое можно было закрыть, но смыть невозможно. Опять оно открылось, это пятно унижения, и напомнило ночь в Орловской гостинице, когда я ездил с матерью в Задонск Богу молиться.

Довольно тепло, и в тумане день за днем моросит мелкий дождик, я так и не собрался за весь день выйти на улицу. Зато собрались ко мне в комнату эти чувства осенней безнадежности общества. Ведь невозможно же человеку живому истребить в себе все свое прошлое, а дело подходит к тому, чтобы все свои сомнения истребить и не дымить собой в новом обществе, которое должно без колебания отдаться какой-то идее и броситься в чан, исповедуя только одно, что так надо.

Наступает вот только теперь окончательная расплата за «так хочется» (свобода) французской революции и нашей «эпохи великих реформ» (не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит). Скоро, наверно, петля затянется и над самой Францией, источником этой свободы.

И... так надо! И пора приходит всем, кто может, зажигать свои факелы.

Вот этот огонек факела, зажженного в такое-то время, и должен гореть над рукописью моей «Были»...

Кто-то сказал, что сейчас у нас идет расчет со всей неметчиной, внедренной в русскую культуру...

Кто-то сказал, что Франция открыла у нас заговор, согласованный с Германией.

Время подходит к тому, чтобы людям забыть свои лица, народам — забыть свою народность и броситься в Чан истории...

У фашистов стоит вопрос о своем народе, у нас же поставлен вопрос не о себе, а о человеке.

12 Ноября. Туман, слякоть.

То, что называют реальностью — это есть смерть...

В поисках реальности приходит и смерть: это и есть реальность, сама себя уничтожающая: Ничто. А жизнь — это легенда, творчество.

Криком начинается жизнь, вызывающим могучим криком ребенка...

Позвал от скуки Щекина и буду спрашивать педагога о новых слоях интеллигенции, — достаточно ли глубок этот запас и проч., второе — народ или человек.

И что же есть этот «человек», за которого, видно, скоро всем нам придется помирать?

Вечером приходил Щекин-Кротов, который когда-то в Ельце (1918—19 гг.) понял первый, что большевики — длительное явление и, значит, надо приспособляться к работе с ними. Сколько сделано им культурной работы с тех пор! Надо посмотреть его Рабфак, возможно, я найду там материал и для своего канала (если исходить из того, что вся наша жизнь, мы все вкупе делаем канал).

Работа с каналом застопоривается. Определяю для работы этой постные дни (среду и пятницу), в остальные буду делать что-то другое. Этим решением решается, что канал едва ли будет готов в эту зиму.

Образование, как сито сортировки, распределяет людей на сорта: те, кто может усвоить больше — становятся выше, кто мало способен к науке, падает вниз.

Организация — это распределение работающих частей на свои места (соответствующие их способностям).

13 Ноября. «...Если ветер осенний бушует...»

Из-за предвыборного собрания не поехал на свидание с Петей, но собрание, назначенное в 7 в., до $8\,^1/_2$ не открылось, и я удрал от него, избегнув встречи с регистраторшей. На Северном вокзале оказалось, что поезд только в 11, да еще ветер сильный... вернулся домой.

Разговоры об организации руководства «Детгизом»: я, Касаткин, Кожевников, Яковлев + Андреев и Бабушкина.

В Третьяковской галерее: среди ангелов XI в. нашел одного с лицом Аполлона. Так греческие боги сошлись с византийскими, с новгородскими и т. д. Так наши Рублевские иконы явились как символы-боги, рожденные действительно через непорочное зачатие. После них хорошо смотреть на современные портреты. (Те боги — «так надо», эти — «так хочется».) Вот бы теперь, в эту новую эпоху «так надо», явилось бы искусство... оно бы должно сомкнуться, как это ни странно, с Новгородом — Византией — Грецией. Продолжать осмотр, развивая «так надо» и «так хочется».

14 Ноября. Читаю «Исповедь» Л. Толстого и думаю, что «свобода», т. е. личное развитие, имеет свой «потолок», и «счастье» людей, если причины, «так надо», не допускают их, как допущен был Л. Толстой, до своего потолка. В сущности, вся философия Толстого после того, как он достиг потолка, сводится к самозаключению: пахота, педагогика, Евангелие, Чертков, — и все это выдуманное «надо» — не реально, это тоже мечта: мечта о тюрьме; но реальное «так надо» — Соф. Андреевна, православная религия.

Домовое заседание с хорошей вестью о возвращении пая и неприкосновенности писательских жилищ.

Беседа с Пермитиным, он — еще один член общества любителей детской литературы.

Вспомнилась жизнь австрийца Генрихсона: старая жена и молодая; старая владеет домом, [молодая] — душой хозяина. Через что же ее сила, власть? через пол: тут нечто, чему старая должна подчиниться и превратиться в домашнюю работницу. Такой же случай был у Шершуновых: мать подчинилась дочери. Все нажитое, все лучшее (старая жена) летит от прихоти (эта слепая сила влечет, не считаясь ни с чем). Ученый Мюллер всемирно знаменитый на старости попадает во власть балерины.

Остается (у Мюллера) единая капля, и эта единая капля (мгновенье), эта потребность неудовлетворенная при удовлетворении всех других становится преобладающей, диктующей. С этим «бесом» монахи пытались бороться (отец Сергий), и чем больше намаливали «надо», тем с большей силой вырывалось «хочется». Тут есть вопросик: если это слепая сила, то почему же любовь всегда считалась реализацией личного «я хочу» против родового «так надо» (Анна Каренина). А то расширение души от любви, когда «Я» обнимает весь мир?

Так, значит, мое «надо» и «хочется» вдвигается в половое личное «хочу» — и общественное «так надо».

Так вот, значит, и Падун для семьи был регулятором индивидуального «хочу», которое, лишь пройдя через смертельные опасности, превращалось в «так надо».

«Так надо» есть признание «хочу». А то, бывает, я хочу — значит, это и надо.

15 Ноября. Пороша на крышах, и по белому, как тигр по хребтам гор, выступал важно черный кот. Ему понравилось местечко возле теплой трубы, и тут черный среди всего белого залег, как тигр залегает в Уссурийском краю на припорошенных хребтах. Снизу, с улицы, если бы кому-нибудь удалось увидать, то там был, конечно, просто кот, но сверху тигр на хребтах Уссурийских гор. Он вздрогнул, осел: воробей над ним пролетел и сел на дерево. И он идет на дерево. Оно под чердаком. С огромной лестницы прыжками со ступеньки на ступеньку.

Смерть как перерыв.

Как разрыв между людьми.

Похоже на разрыв первичного тока с появлением искры: эта искра — жизнь человека...

И так искра за искрой, и это всё люди, один за другим.

Искра сопутствует переходу первичного тока в ток высокого напряжения.

Часто мелькающие искры дают непрерывное свечение.

И это жизнь.

А мы — это искры, и какой бы ни был маленький промежуток от искры к искре — все равно искра — Я исчезает, и перерыв тока есть наша смерть.

Искушение: и она, узнав, что сам искуситель колеблется, — опустила глаза и когда подняла опять, то в них уже вовсе не

было того огонька «хочется», и она говорила о том, как в таких случаях поступали те или другие угодники, словом, говорила о том, что надо, а не что хочется.

Очень слежу за собой и помню, напр., что вот именно при самом «зароке» думал, что зарок-то именно и соблазнит... покажет меня с прекрасной стороны и соблазнит. Оказалось, тут тоже возникают «обязанности».

Читал Толстого о Гоголе, — какое высокомерие! И вот... Толстой глуп! тот самый Лев Толстой! между прочим, точно та же самая глупость есть и у Горького. Похоже, что это есть глупость человека, прославленного и поставленного на место учителя и пророка: хочешь, не хочешь, а учи и пророчествуй, взялся за гуж, не говори, что не дюж. По существу, как художник, он хорошо знает, что и нет в нем ничего такого и нечего сказать по существу, но ведь надо, все требуют, и вот он соглашается. О, не дай-то Бог попасть в моралисты!

16 Ноября. Вернулся к работе, бросил «постные дни», написал часть VI главы, в которой начинается строительство глазами Зуйка.

Вечером читал Замошкину и нашел в нем большую поддержку. Сильно это подняло меня, и я почувствовал, что работаю, и очень даже много, а не бездельничаю, как кажется в упадочные дни.

Ольга Н. Зам. (учительница) сказала, что «Жень-шень» в числе каких-то 15 других книг одобрен для чтения в кружках.

Воронский умер, его жена и дочь в тюрьме: человек канул, как ключ на дно. Жуть! То был последний семинарист в литературе. И какая мучительная длительная агония.

17 Ноября. В Москве пороша, какая же пороша должна быть в Загорске! Постараюсь сегодня выехать туда.

Эксцессы пола больше, чем другого, создают неровность отношений. Ведь это «слепая» любовь, и после эксцесса повязка падает, появляются глаза и бывает омерзительно. Впрочем, я этого больше боюсь, это меня удерживает, но в деле было наоборот: к человеку я привязывался.

Ничего не понимаю в политических событиях и боюсь о них разговаривать, но какие-то волны прямо по воздуху, по догад-

кам от чтения газет достигают, и оттого во всякий момент существует в себе какая-нибудь личная догадка о всем, что происходит, и подчас кажется, что догадка эта яснее, чем у тех, кто около этого специально сидит. Сейчас мне кажется, что роковую роль в перемене политики сыграло наше участие в испанских делах. И второе, возможно, в связи с первым, появление среди «действующих лиц» большого числа пораженцев, быть может, и не желающих нашего поражения, как было, напр., в 1904 году, но убежденных в нашей слабости.

Как бы ни уверяли в квартирном благополучии, но надо быть всегда начеку.

Рассказ о карьере философа Л., который отбыл на канале 5 лет и восстановился в правах за разоблачение Деборина как идеалиста.

И чем дальше человек от действительности — вот удивительная черта времени! — тем прочнее держится он, пример — я как писатель, Лосев как философ.

Интервью от «Лит. газеты». И поездка в Загорск.

18 Ноября. В Москве слякоть, в Загорске зима, глубокая пороша.

Ходил в лес. Все завалено снегом. Береза большая склонилась под тяжестью снега до самой земли аркой. Видно, не впервые ей — впервые снегопад не может согнуть такое дерево, — а год за годом склонялось оно все ниже, ниже и наконец от первого снега ложится вершиной до самой земли. По знакомой дорожке в мелятнике стало невозможно идти, ветки с одной стороны перегнулись на другую. Но берешь палочку, ударяешь по ветке, снег валится, ветка прыгнет вверх и пропустит.

Снег лег [на] талую землю, лягушка, почуяв над собой снежное одеяло, вздумала вылезти вверх — и вылезла и поплелась по снегу, пока мороз не схватил ее и не закоченил. На снегу осталась написанной вся трагическая история ее попытки: от дырочки, из которой она выпрыгнула на снег, и до конца. Эта линия чрезвычайно извилистая, запутанная разделяла всю небольшую лесную поляну.

Рябчик тоже тут шел и, увидев меня, очень неохотно перелетел и опять сел.

Моя прогулка в лесу длилась часов пять и была совсем бескорыстная, без аппарата, ружья, даже без карандаша. Зато я ви-

дел, как высокие ели, загруженные снегом, от какого-то верхнего, нас внизу не достающего ветра чуть-чуть покачивались, и это казалось, будто они дышали, и так осторожно и важно дышали, что снег ничуть не обваливался.

Я вспомнил, что Зуек мой в лесу должен сказочно жить, что тут я должен писать страстно и сильно.

Еще мне пришло в голову, что я отстал от времени тем, что считаю дело свое гарантирующим меня от налета: теперь не посмотрят ни на чистую душу, ни на заслуги, налетят — и сколько нагадят. Надо... да, надо!

Петр I был «зверь» — в смысле антихриста, но «зверь» же и составляет само тело государства, и мы все находимся в необходимости выносить зверя и отдавать ему Кесареву долю, одно утешение отдающего «Кесарево» — это временность зверя (1000 лет?).

Заглянул в Толстого: в «Исповедь» — и увидел в ней начало все того же самого разрушения, какое происходит сейчас. И стал вопрос: а было ли что в нашей культуре такое, что прибавило бы нечто к мировой культуре, и что это, если оно было? Надо сейчас пересмотреть весь багаж русского и какие семена уцелеют от великого пожара и на обломках потом прорастут.

Я сегодня сказал Огневу, что пораженчество питается скрытым желанием самому сесть на трон: ничто в себе сейчас, а впереди всё и трон; когда же я нашел себе личное удовлетворение в писательстве, будущее меня перестало интересовать, потому что появилось настоящее: исчезла пустота, и я перестал скучать сам с собой; и всякое желание трона исчезло, — я сам сел на трон: от добра добра не ищут. Вот одновременно с этим у меня явилась неприязнь к пораженчеству.

...а что если, имея перед собой общечеловеческий идеал Интернационала, найду необходимым пожертвовать родной страной: пусть пропадет вся страна и останутся идеи Интернационала, — план, по которому некогда перестроится весь мир. Так вот, буду ли я в отношении этой поджертвенной страны пораженцем? Неужели же и в этом геройстве таится кость славы: я — царь?

19 Ноября. Вчера вечером Вика что-то уронила, Павловна безумно дернулась, как будто на глазах ее кого-то близкого ей

убили, после того с проклятиями набросилась на Вику. Я же, вспомнив, что истериков усмиряют иногда силой, стал в свою очередь кричать на нее: «Перестань!» и т. п. В конце концов она ушла к себе и легла в постель. Вот эта черта безумной непокорности: «я слово — она два» вплоть до полного бешенства, в которое и я входил и орал до безумия, убегал и возвращался смиренным, испуганным, с «расширенной душой» — была всегда, но теперь уже прямо и страшно.

Павловна и Россия во мне как-то соединились в одно, и я вовсе не могу даже судить, хороша или плоха Россия-Павловна, кажется, и плоха, и хороша, а главное, что жизнь моя сюда отдана, и вопрос переходит к себе самому: «ты-то глядел, кому ты отдавался? ты-то ведь сам такой же, как же это возможно — посмотреть со стороны на себя?»

Вот почему мне сейчас тяжело и дома: все рушится! тяжело и в отечестве: тоже все рушится.

Дошло, что умер Воронский, что жена его в тюрьме, а дочь потребовала, чтобы и ее посадили: «я тоже таких убеждений». И ее посадили. Воронский написал малозначительные вещи, но и то все-таки «последний семинарист» в литературной истории как-то будет существовать, большое это дело — написать, большое это сопротивление смерти.

А счастье было так близко...

Фашизм как налог на гражданскую свободу: научились посредством такого налога собирать огромную силу государственной власти. На помощь пришла техника, Робот и...

Ходил с Трубачом под Глинково и к Красному Мосту. Заячьи следы занесены — не нашли. Но, кажется, Трубач по лисице пошел, и я не слыхал при сильнейшем ветре, куда он погнал. Часа через три я вернулся домой, и вслед за мной вернулся Трубач. Ветер, нельзя.

Конец и в конце Христос, — как это естественно, совсем как природа. Это не богоискательство, а лишь название или итог от простого сложения всего, чем жил. Так вот и приходят к Христу, лишь когда жизнь раскроется во всей своей жестокости и лжи. Видно, недаром нашел я в Третьяковке на старых иконах среди ангелов Аполлона, и он был, как и другие ангелы, зацелован народом.

И вот теперь ясно, что́ это было во мне, когда оно дало возможность быть с самим собой и противопоставилось претензии на трон (демонизму)...

Только надо, чтобы никто не знал и все обошлось в совершенной простоте и без попов: чтобы всё как природа и на помощь и утверждение той самой жизни, которой я жил до сих пор.

Вот хотя бы это писание детских рассказов, эта служба ребенку...

Хорошо кому-то сказать, что не вашей силой созданы все эти цветы и вся краса, какая только ни есть, и даже краса демоническая. В вашей же силе есть только одна сила, «ничто». Есть моменты необходимости в этой силе, и тогда она может быть даже и прекрасной.

Инженер Дехтерев — этот не должен броситься в «чан», потому что последнее неразложимое зерно души его есть Христос.

Моцарт и Сальери. Сальери — это кто делает канал, Моцарт = Зуек: берут сделанное и роднят.

20 Ноября. Мороз крепнет и за сутки — к 6 ч. у. 21-го достиг −10°.

Человек имеет безграничную даль в глубину себя и соответственно этому безграничную ширь вне себя. Но чтобы понимать эту ширь, ему надо не «выходить из себя»: надо быть в себе. Из себя человек выходит, когда ставит себя в центре всего мира и на все сущее смотрит с точки зрения своей пользы.

Мы с чрезвычайной скоростью куда-то мчимся, я это замечаю по вехам прошлого, возьмешь что-нибудь, напр., Толстого, и ужаснешься, как далеко эта веха от нас...

Советская правда советскому гражданину до сих пор была в том, что мы строим плановое хозяйство, которое избавит людей от войны, а заграница, фашизм, капитализм несут в недрах своего строя войну.

И все-таки правда у Сталина, а не у троцкистов: удайся им переворот...

Впервые (64 г.) понял я, какая пропасть разделяет меня с «троцкистами»: там личная пустота подменяется способнос-

тями и поддерживается техникой, в связи с этим каждый из них сознательно или бессознательно является претендентом на трон. Я же обладаю троном и сижу на нем очень прочно, т. к. никто другой не может сесть на мое место... Раньше я думал по величайшей наивности, что дело тут только в литературном таланте. Это наивное самопонимание было мне полезно тем, что предохраняло меня от богоискательства, которое было действительно литературным явлением, и только (точнее, оно было литературным нигилизмом: отсутствие таланта заменяется чем-то большим, чем талант (Бог), и достижение отодвигается, как и при социальном нигилизме, в будущее).

Я утвердил свое право заниматься искусством слова как делом, равноценным всяким «настоящим» делам, включая революционные и религиозные.

Мое занятие было истинно реально, потому что я исходил из того, что есть во мне самом, но не что будет когда-то вне меня.

Взявшись за дело, я принял всю вину в неудачах своих на себя и отбросил всякие «объективные причины» в оправдание своих неудач.

Меня сразу же разделило от них нечто похожее на смирение (хотя это не точно), у них же была непременно гордость (и тут не совсем то).

То, что мне казалось как смирение и гордость, было два понимания мира: лично-творческое и общественно-строительное, при первом личность (я сам) является родником жизни, во втором общество.

21 Ноября. –10. Солнце. На Глинковском поле гонял беляка. Небольшая корочка. Двойной след. Застыл на ветру, и Трубач сбился.

У крестьянина в старину имущество и средства существования – это первое, а второе уже и люди. Это можно наблюдать в хозяйстве Павловны: как часто она забывает меня из-за того, что ей вздумалось самой идти на базар покупать провизию. Часа два сегодня стучал в ворота: ушла и все заперла. Начинаю от этой нашей долгой жизни уставать и понимать людей, которые на старости лет расходятся. Женщина сдает раньше, и вот

когда хозяин собирает все свои силы, чтобы еще продвинуться, тут у него дома нет поддержки.

Жду Петю.

22 Ноября. Многоследица. Бесплодная охота за лисицей. — Одно хорошо, — сказал Петя, — что теперь уже все сознают. — Я же вспомнил время секты «Начало века» и их «Воскресение» (как по нотам!); а между прочим, в достигнутой счастливой жизни тоже ведь были «большие комнаты, электричество, нянька и т. д.» и, главное, какое-то недоумение, ошалелость такая, что со стороны думаешь, глядя на них: стоило ли все выносить из-за чистой комнаты?

В ж-ле «Октябрь» рассказы Панферова о мужике, по которому ползали вши, и как этот мужик вымылся, сделался «героем», и возле него две дочери в голубых платьях. Рядом статья Фейхтвангера и то же самое о мужике, что у него был ничтожный словарь и жалкая мифология, а теперь радио, кино и пр. Очень похоже.

23 Ноября. Кости отходят от вчерашнего, ничего не думаю, еду в Москву. Аксюша.

24 Ноября. Выходной день. Сказка для маленького Левы: игрушки у деда. И сказка для большого Левы: ночью в два часа к нему позвонили будто бы из НКВД и велели собираться: «Через час за вами заедут». Он стал белый и пошел к Галине прощаться, но та сказала спокойно: это глупости. Он позвонился в НКВД, и оттуда тоже сказали: глупости. После целый день Лева радовался, что, слава Богу, миновала беда. Он признался, что сам с кем-то пошутил в этом же роде, но только он тут же и сознался. Боюсь, что такая «шутка» повторяется и этим сейчас некоторые люди шутят.

Переписал рассказы для «Пионера» и «Мурзилки».

25 Ноября. Сегодня президиум.

Есть в жизни людей, назовем это последним риском: это когда человек потерял всякий интерес не только к наживе личных благ, но даже к их охране. Бывало это изредка с иными, когда их раскулачивали: очень даже менялись люди. Но среди деревенских охотников, бывает, прямо и родятся такие чудные люди: ни малейшего интереса к личным приобретениям и вся

радость — на охоте и на людях. Спросите вы у Алексея Денисова: дай мне ружье — даст, собаку — даст, переночевать, разделить последний кусок — разделит.

В президиуме Вишневский и другие говорили о выборах в таком духе, что нельзя понимать их с точки зрения европейской демократии, а надо понимать как средство усилить диктатуру пролетариата и оборону страны. И что в этом-то и есть новое, движение истории.

А и правда, когда совершается что-нибудь совершенно новое, небывалое, то для понимания, объяснения его оглядываются на прошлое, былое и с той точки оценивают небывалое. Так вот теперь и наши выборы оценивают с точки зрения «четыреххвостки».

...Но Брут достойный человек!

И вот этот Брут нам говорит о свободе граждан, о всем таком и вот поднимает в душе... А Брут достойный человек...

Шекспировская «масса», «народ», который бунтует, Антоний: какое к нему презрение. А у нас это как Бог (масса, большинство). Это происходит оттого, что Шекспир мерил массу личностью, так что мера эта была внутренняя; здесь же, наоборот, личность меряется с точки зрения полезности массе и сама масса «человек» рассматривается с извне как «всякий человек», т. е. что есть-пить-любить, ходить в кино и проч. Все перевертывается, если так смотреть на «человека», и государство становится механизмом... Вот тут-то и вся запятая... Новое, небывалое в истории — это наше знание, наша техника, все это кино-радио, вся эта механизация-цивилизация.

Мне рассказывали, что у культурных деятелей кроме кино нет никаких других средств для привлечения масс в клубы: кино...

Но ведь механизация есть лишь средство для счастья, это не самоцель: вот тут-то и есть самое расхождение. Фейхтвангер говорит, что цель: раньше «мифология» — теперь «кино».

Тоже Панферовская «вошь»: положим, тот же человек стал мыться в ванной, душиться, расчесывать волосы перед зеркалом в свете электричества, — лучше он стал как человек? По их мнению, лучше, т. е. с точки зрения их всего вымытого человека: такой весь-человек лучше.

«Весь-человек» — это механизм, внутри которого заключается «сам-человек» — его «я»: «хочется».

Весь-человек — это берега, это путь, и механизм этого есть всё путь, всё — «так надо».

Что́ значит человек теперь со своим «хочется»: как эфемерно его желание, его критика.

В моем рассказе Зуек и должен быть именно с его «хочется» представлен в двух «надо» — в природе и в человеческом деле.

И оно было вечно, это «так надо», как все равно вечно должны были люди множиться, осуществляя свое «хочется» лишь в условиях «так надо»: и в христианстве художники делали «как надо».

А «хороший человек» (действительно хороший) — он бывает при всяких условиях и редок до крайности, и художник подлинный так же редок, как хороший человек, и нет метода, нет системы, механизма, посредством которого их можно бы было множить. Вот в этом-то смысле А. М. К[оноплянцев] написал мне о «предрассветном часе». Обратное же этому есть Горький, который хочет дать счастье «всем» («весь-человек»).

Значит, мы — заключенные и свое «хочется» можем осуществлять только в условиях «так надо».

И нет выхода?

Если... то и нет.

Но я хочу, и мне кажется, что где-то есть. Я отдаюсь этому «кажется», и вот выходит нечто, и все говорят о нем и приветствуют. И кажется становится реальностью, выходит, а «надо» лежит где-то, как у змеи сброшенная шкура.

Так что Коноплянцев неправ: выход какой-то есть, но только нет системы, метода, и о выходе каждый должен сам догадаться.

Коноплянцев сам не нашел себе выхода, и ему осталось «так надо» как вечное нечто и совсем безысходное.

Ветер и стужа свирепствуют, а ведь листья-то летают по ветру.

Да, конечно, это, конечно, листья, и их носит.

Но мы люди, мы созданы, чтобы осуществить на земле желанную свободу, и потому вкладываем в листья себя самих и говорим, что листья летают.

И говорим о ветре, как о лице, что он дует.
И о солнце, что оно раскинуло лучи.
И снег идет.
И река бежит.
Как будто всем им хочется и они все по-своему делают.

Мало того! все эти существа дружные, любят друг друга.
Мы этого хотим, и у нас это даже и выходит (рассказ о том, как грач соединил всю улицу).

Горький, наверно, мечтал о каком-то таком же творческом выходе, но ему пришлось (так надо) соединить, объединить свой выход с социализмом: это был соблазн метода (как у Гоголя — чёрта).

Вот этого самого страшного искушения нет в Евангелии: искушения Бога методом, хотя возможно, что оно входит в искушение обратить камни в хлеб.

Как судить небывалое? нет ни аршина, ни метра у людей для меры небывалого. Тогда все это событие персонифицируется, и является Единственный, богоподобный, герой, победитель, и о нем говорят, что победителя не судят. И только уже когда все кончится и все прошлое встанет как одно лицо и не из чего будет возникать небывалому, тогда настанет тот Страшный суд, на котором будут судить всех победителей.

Победители создают небывалое?
Или время переходит в небывалое и с ним появляются люди-победители?

Итак,

Будьте как дети!
Роман.

Да умирится же с тобой
и покоренная стихия.

А дитя это: 1) Творец. 2) Знает правду. 3) Обладает полнотой воли (хочу): он сам по себе. И даже когда плачет, то плачем своим требует.

Человек: каждое человеческое «надо» родится в атмосфере, в оболочке своего «хочется» — это его легенда, это его дитя.

И каждому дитяте дано испытание борьбы его «хочется» с «так надо», и победителем бывает такое дитя, у которого его «хочется» для других переходит в «так надо»: это и есть истинные победители и творцы культуры.

По существу, массовый человек живет всегда «как надо» и без перемен, только форма «так надо» меняется: не лучина, а лампа, не баня, а ванна, не конь, а мотор. И самая перемена формы «так надо» есть сама по себе «так надо», и это и есть «прогресс», обусловленный творцами «новой жизни».

26 Ноября. Писал по лучам жизни текущего момента. Сдал: «Пионеру» «Мужество», в «Мурзилку» «Синий лапоть». Появление делегаток с требованием — быть на домовом митинге 27-го (все Вишневский наделал). Чтение «Юлия Цезаря». Встреча Игнатовых.

27 Ноября. В избирательной комиссии в ожидании, когда откроют дверь (сказано с 10 у., и нет никого).

Вот вопрос какой: если Аксюша предана церкви и ценности, вытекающие из этого, ведь не имеют ничего общего с разумом: неразумно, а хорошо! — то почему же преданность сов. власти судят с точки зрения разума: мол, неразумное? Судят... Между тем если преданность сов. власти есть, то из этого вытекают тоже хорошие вещи... Вот в этом и есть связь, цемент: не в разуме. «Смысла» тут не найдешь: животность: жить хочется, и каждый держится за то, за что может держаться, — отсюда «надо» и принуждение.

Ни религия, ни мораль, — так что же остается?

28 Ноября. Ночью выпала пороша, и мы хорошо охотились (с Яковлевым). На снегу Яковлев оказался чудовищно некрасивый, и я узнал (вспомнил) то, что думал о нем 10 лет тому назад: в Москве это было не видно, а в природе вспомнил: в нем скрыто преступление (даже смеяться не может).

Люди в массе своей некрасивы, но все размножаются, и в этом размножении все хотят быть красивыми. Они в этом стараются украсить себя и от своих усилий, правда, становятся много приглядней.

Масса как лицо (продумать сначала по Шекспиру, а потом — как она выглядит при большевиках).

Когда Сутулого со всех сторон окружили враги и он должен был применить суровые меры для утверждения своей власти, то интеллигенция потихоньку стала говорить, что социализм есть личное дело тов. Сутулого («Социализм — это я»).

Власть (продумать современную власть, читая Шекспира).

Когда поэт явился к Цезарю, то он прогнал его словами: «уйди, не мешай, дурак». Вот у нас теперь такое время, когда глупо соваться с поэзией.

Павловна и Лева — это один тип, ценное и лучшее в них — это чувство родовой связи. И недостатки их вытекают тоже из родовитости (телесности, преобладающей).

Возмущение от восхищения публицистов над ценностями цивилизации, как кино-радио и т. п., должно исчезнуть, если вспомнить, что дело в удовлетворении не личности, как мы думаем (не «себя»), а масс. Удовлетворяемая личность в этом случае есть масса. И государственный деятель (большевик) думает всегда о массе как о личности. И вот он, фетишизм...

29 Ноября. Пороша свежая.

В лесу очень тихо и так, что только не тает. Деревья окружены снегом, ели повесили громадные снежные лапы, березы склонились, и некоторые вовсе наклонились к земле арками. В этой тишине снежные фигуры стали [так] выразительны, что странно становится, — отчего же это они ничего не могут друг другу сказать. И когда снег стал лететь, то было так тихо, что казалось, будто слышишь шепот снежинок как разговор между странными фигурами.

Наши русские люди <*приписка:* как заваленные снегом деревья> до того сейчас перегружены тяжестью переживаний, до того им хочется поболтать о всем друг с другом, что просто нет сил больше терпеть. Но чуть кто не вытерпел, — другой подслушал, и пропал человек! Некоторые думают, что вот именно за одну только болтовню все и пропадают и что будто бы по существу никаких заговоров и не было. Милейший N. радостно встретился глазами со мной в перегруженном вагоне, и когда наконец возле меня освободилось место и он сел, то желание нечто сказать и невозможность сказать в людской тесноте встретились так напряженно, что при каждой попытке сказать он оглядывался на того или другого соседа и мне говорил: — Да...

а..., Михал Михалыч. — И я отвечал ему тем же, и так мы ехали от Москвы до Загорска два часа, повторяя:

— Да, Михаил Михайлович.

— Да... Георгий Эдуардович.

Кино-радио и тому подобное является лишь средством культуры, подобно автомобилю: доехал и слава Богу, но не в самой же машине дело. Мещанская цивилизация именно и состоит в том, что средство культуры принимается за цель (напр., роза на столике милиционера называется «культурная жизнь»).

Культура — это есть та атмосфера <*приписка:* творчества в настоящем из прошлого в будущее>, которая связывает высокоразвитых людей...

Культура — это есть творческая связь между людьми... и если автомобиль и самолет служат для такой связи, то они являются агентами культуры...

Я как поэт чувствую себя подобно Шекспировскому поэту, которому Юлий Цезарь сказал: «Уйди, дурак, и не мешай!» И вся разница между тем поэтом и мной та, что я учел опыт того несчастного поэта и не сую свой нос в палатку Цезаря. Одним словом, я поэт сознательный и современный.

Поэзия и выборы. Эти наши выборы похожи на сборку машины: все части складываются в такое единство, чтобы все двигалось от давления одного рычага. И вот когда все части пригоняются одна к другой, затачиваются, шлифуются, — тут уж ты, поэт, не подходи (в палатку Цезаря). И не думай, не будь дураком!

А им хочется болтать, как хочется!

Поэзия становится просто болтовней, и с болтунами как теперь расправляются! Складывается догадка у некоторых, что ничего нет (заговоров, шпионажа и т. п.), а просто ловят болтунов и, пользуясь ими, творят некую легенду, весьма полезную для <*зачеркнуто:* строительства>...

И так из человека выковывается машина, в которой каждая часть работает нехотя, т. е. без участия собственной, личной воли: хочешь не хочешь, а давай! Части мало-помалу прирабатываются и когда приработаются, то своя воля исчезнет и все будет «как надо» (у поэта всегда «хочется», и вот почему нельзя ему лезть в палатку Цезаря).

Поэту начинает везде чудиться Робот.

Есть механизм власти, требующий единства управления точно так же, как всякий механизм, и тут все лишнее (поэзия, философия, религия, быт, болтовня) устраняется... <*приписка:*: всё на борьбу за власть.>

Эта власть и есть нечто другое: Кесарево и Богово <*приписка:* (Бог не может, и тут дьявол и власть)>.

И вот я чувствую в себе «то существо»: оно и страдает, и гордо, и смиренно, и в глубине враждебно, как всегда враждебна вода берегам <*приписка:* или это потому что не могу (христиане...)>.

«Болтун» — это как ручей: кажется, ведь и ручей просто болтун в сравнении с камнями, по которым он бежит, а между тем маленький ручей со временем перерезает самые великие скалы.

Современная борьба с болтунами (бабы лен трепали...).

Мечта моя создать союз детских писателей рушилась: довольно было поговорить с Касаткиным и Яковлевым! Всякое сближение сейчас с писателями разрушительно для психики... Ты болеешь один и борешься, как можешь, со своей болезнью, и моменты побед твоих как тюремные радости: прислали папирос, и ты рад. Если же ты складываешься в болезни с другим, с третьим, то болезнь растет, а утешения...

...внезапно погасло электричество во всем городе, улица погрузилась во мрак, и только чуть светятся огоньки счастливых бедняков, освещающих себя керосином...

Этот мрак всегда есть ужас освещающих себя электричеством, и в сущности это и есть светопреставление.

Яковлеву стало скучно подстерегать зайца, лес ему показался каким-то особенно пустынно-молчаливым: «Не оттого ли, — подумал он, — что рубка распугала птиц и зверей?» И лес был некрупный... «Какой это лес, это остатки прежнего леса», — подумал он. И когда мы сошлись на шоссе, он стал пытать меня: почему мало птиц, почему... Ему хотелось, чтобы я дал причину, и тогда ему бы можно было пришпилить свою скуку к объективной причине разрушения леса, а там бы пошло и пошло. Я же этой пустоты не чувствовал и был счастлив в мелком лесу. Мне даже стала подозрительна его дача, его

жена: не для жены ли дача и халтура... <*приписка:* (анализ пораженцев)>

Нет, нет! надо смелее сбрасывать балласт привязывания своего гнева к частному (литературе и Маршаку): пускай гнев рушится на это, а радость всегда сохраняется.

Лева — вылитая мать, у Пети что-то общее с Аксюшей, племянницей Павловны: Петя и Аксюша одинокие люди, которые крепнут в борьбе с одиночеством.

Я ненавижу
И через это люблю больше
И хочу создать Китеж в Москве.

30 Ноября. Править государством может и много людей вместе, но царствует только «Я» («царствовать» — в смысле наисвободнейшего волеизъявления).

N. ненавидит наш режим до смерти, но когда для испытания я намекнул ему на возможность мира путем уступки территории, он отшатнулся и сказал: нет! А раз «нет», то сколько ты ни возмущайся правительством, цена твоему возмущению грош, и ты не опасен, и тебя не тронут: опасны только пораженцы.

Уступка территории есть нечто вроде оскопления: жить можно и без яиц, но какая это жизнь! Так что в яйцах дело, а не в самой территории.

Народ готов жертвовать чем угодно, но уступки территории своему правительству не простит. И потому правительство обещается: «ни пяди родной земли врагам».

Так что отношения народа к правительству определяются войной...

<*Приписка:* Итак, я желаю победы своему царю: если он победит, то все жертвы будут оправданы и все горе искуплено: так надо. Если же...

А между тем в этом положении каждый живущий...>

Хорошие люди. — Самому написать бы книгу о хороших людях (как я хотел, когда начинал «Кащееву Цепь») или собрать сборник из всемирной литературы.

Вот именно в яйцах дело, а не в территории: и отсюда необходимость войны как единственного средства разрешения отношений народа и власти.

Как судить тирана до тех пор...

Самим невозможно судить властителя, если он даже тиран, можно только кряхтеть и ворчать и сулить: «Ужо тебе!» Невозможно судить, потому что невозможно учесть, какими жертвами сохранено будет отечество. Если же война, то все само собой скажется, и если война проиграна, то жертвы тирана встают как мстители.

Ненасытна мстительность, когда тиран побежден, потому что ведь он один, одна-единственная жизнь отвечает за множество даром погубленных. Вспомните гибель царя Николая...

Провести мысль, что каждый живой организм окружен врагами: чуть ослабел (Мантейфель), и они заедят. Так и Сутулый...

Люди перестали болтать, и в обществе стало сухо, будто срубили в пустыне оазисы (Свобода и Язык).

Наши «экономисты» не на личность нападают, а требуют от личности формироваться в обществе (развить), т. е. — Личность, — говорил Сутулый, — в нашем понимании, буржуазная личность похожа на маховик без трансмиссии. Мы боремся с таким самоверчением, а не с личностью человека. Мы хотим с личности перекинуть ремень в массы, чтобы маховик не даром вертелся.

— Использовать можно все на свете, — ответил Огнев, — железо, камни, животных, в том числе и человека, вы на человека смотрите как на животное, правда, государственное.

— Может быть, — сказал Сутулый, — но это необходимо и временно: мало-помалу из рабочего класса начнут выходить личности, для которых общество будет необходимо для их личной деятельности, как кислород для дыхания (стахановцы).

Там движут силы первичные, о которых вслух смешно говорить: кому-то хочется дачу иметь точно так же, как и раньше хотелось, и точно такую же. И тот человек, у которого дачу эту отобрали, помирился на жизнь без дачи, и ему от этого стало свободнее: из Москвы в свои выходные дни он стал ходить в лес за малиной, за грибами, и такой бескрайний лес стал ему волшебной сказкой в сравнении с леском его собственным.

И вот когда такой человек увидел коммуниста, стахановца, который, как и он сам когда-то, добивается для себя дачи, может быть, его же собственной дачи, то ему приходит в голову

мысль, что от революции произошла перемена лиц, но не мыслей и чувств: новым людям так же хочется ограничиться, как и буржуазному человеку, и он тоже самой властью творчества ищет удобства, добивается ванной в своей собственной даче, а не речки в лесу. Да, по-видимому, именно поэты, мечтатели, моралисты усложняют жизнь человека. — Пошел, дурак, не мешай. (Ю. Цезарь.)

Сила их в том, что то же самое примитивное чувство собственности, власти, своего грубого «я» теперь, при невежестве, вне обстановки культурных поправок кажется им как бы вновь открытой Америкой и своя личная претензия является осуществлением общественного идеала.

Сутулый говорил: Ваша личность — это от Фауста, от Гамлета, и эта личность упирается в пустоту, вертится как маховик без передачи, остается в бессилии перед невозможностью связать распавшиеся времена. У нас же вместо скорби мировой — исход: связь времен, и, может быть, ту же самую силу скорби, определенную всем на земле, мы гасим не в самоверчении, а в работе на благо будущего общества. И нам хорошо в этом решении, мы заполняем пустоту души работой и гасим скорбь свою радостью.

Так Сутулый и еще немногие, и так некоторое время, но в длительном времени, в массе людей...

На Канале, где «Чан» (котлован), масса была поймана, и в этом нечто замечательное, небывалое, та самая «масса» шекспировская, вечно изменчивая, коварная была поймана и заключена в котлован. Этим и был создан канал.

1 Декабря. Снег валом валит.

Написал «Звери-кормильцы». Читал Шекспира. Вечером приводил в порядок дневники, сохранившиеся 1912 г. - 1937 = = 25 лет. Посредством этих дневников, написанных бросками, как материал для рассказов, я могу вызвать все прошлое за четверть века.

Начало этой зимы у меня вызвало начало движения электр. поезда сравнительно с паровым: не дергает, не набирает инерции, а дает короткий гудок и сразу вперед; так в этот раз зима началась без зазимков, без обманов и рывков: пошел снег и понемногу трусит каждый день, и все больше и больше.

2 Декабря. Ночью снег валил валом, утром –13°. Позвонить Зуеву в 9 у. о патронах. Сходить в ГИХЛ и к Панферову.

Весь день приводил в порядок неисчерпаемое свое богатство: дневники за 25 лет. Вспомнил чувства свои на войне: я не понимаю, в чем я виноват, но я чувствую себя виноватым, дряблым, ничтожным, униженным: и все это за то, что я в самом существе своем поэт, и как таковой я уничтожаюсь, я как губка, насыщенная водой, все трогают меня и выжимают. — Да что вы тут стоите, — крикнул генерал, — вон несут раненых, бегите в школу, тащите скорее скамейки. — И я бросился и тащил вместе с другими скамейки, и был единственный момент на войне, когда я тащил скамейку — я был человеком.

Поэзия и носитель ее «Я» среди существ, обреченных делать общее дело. Дать на Канале образ «Я», которому Сутулый велел носить скамейки и он был рад и оправдан, тогда как другой, Дехтерев, оправдан именно тем, что он остался как «Я» (как возможно это?).

Работа на Канале и на войне — это все равно.

3 Декабря. –13°. Какая готовится многоследица!

Аксюшина возлюбленная пустыня: без дела бывает только на молитве: христианский тип. Те же самые хорошие люди складываются в разные типы: та же Аксюша в христианском воспитании, какая она будет при коммунистическом: та же девственность, защищенная пустыней, трудом и молитвой; и — физкультурой, трудом и звонкой пощечиной или бранным словом.

В лесу когда совершенно один — это одно; и когда вдвоем с Петей — нас двое, и все другое. А когда трое, то третий, все равно: Яковлев, Огнев, Яловецкий — обыкновенно один из трех немного мешает и показывает свои недостатки. И, наконец, когда много, то опять возвращаешься к себе: среди них опять чувствуешь себя в пустыне.

Ты был волен, когда сам ходил за водой и рубил дрова и носил их вверх и топил ими свою печь. Но теперь у тебя водопровод и паровое отопление: ты не властен теперь ни в воде, ни в огне. С тебя снята воля, и власть распоряжаться огнем и водой перешла к кому-то другому, — к кому? Так механизация общества отнимает волю у отдельных людей и является тем налогом, за счет которого образуется власть.

<*На полях:* Объект — субъект (надо).
Тучи — нет — старость.
Снег, падая, не знает, что из этого выйдет, и падает.
Легенда.
Я — нищий.>

Вечером при переходе от станции Загорск к себе видел раздавленного поездом человека, лицо спокойное, а на животе красным пузырем внутренности. Рассказал Павловне, а когда ночью Петя не приехал, она стала спрашивать: не Петя ли там был под поездом...

4 Декабря. Петя не приехал. Спрашиваем по телефону в Зверосовхоз: Петра, генетика. — А он какой бригады? — Спрашиваем зоотехника, ветеринара, и о всех: а какой бригады. — А директор? — Все равно хоть и директор, не скажете бригады — не буду отвечать.

Послали срочную телеграмму — нет ответа.

В лесу все засыпано. Снегу столько, что в поле трудно ходить, прошел Глинковским полем на Княжеское, оттуда через Ильинское мимо к Дерюзину. Весь день гонял и ничего не убил.

Тучи ли?
Или, может быть, люди?
Или не в тучах дело и не в людях,
тучи были всегда, люди как люди...
Не тучи, не люди, а старость: это
я сам становлюсь как все старики.

Вот самый жалкий нищий, притом пьяница, и у него есть свое какое-то «Я», и если спросить его, как детей: плывет лодочка, в ней два пассажира: твое «Я» и величайший из людей Сталин, кого ты оставишь, кого выбросишь? и он ответит, что он оставит «Я». И если это «Я» взять отвлеченно как мировое «Я», то он будет больше, чем весь мир, вся вселенная: Вселенную можно сбросить с лодочки, а «Я» останется — и это есть душа (субъект), а то «не-Я»: бездушный мир (объект).

Субъект	—	Объект
Вода	—	Берег
Душа	—	Мир (бездушный)
Хочу	—	Надо
Я	—	Он
Глаза	—	Свет

Мир сам по себе не бездушен, но он повернут ко мне телом своим как некая преграда душе моей, как берег к воде, как «надо» к «хочу».

Цель коммунизма: повернуть объект душой к субъекту, и тогда «надо» станет тем, что мне хочется.

Человек под вагоном с пузырем своих внутренностей под грудью — есть ли в человеке целом эта реальность? Нет, не в том дело.

Он был грабарь, выкопал за жизнь столько-то кубометров, — это ли реальность? («Реомюр»). Ведь в эту выемку положили камни и на камнях поставили дом, и в нем теперь люди живут, — как же это не реальность. А какие это люди? Быть может, это шулера? Какая же это реальность, шулера! и человек копал землю по нужде, души его в этом деле не было, а какая же это реальность без лица, без души? Нет, человек этот рассказывал сказки детям, и те сказки остались в детях, сказками своими человек этот связал поколения, и в этих сказках, в этой легенде была душа этого человека, и это есть реальность.

Легенда как связь распавшихся времен, — вот что есть реальность и самое нужное.

<*Зачеркнуто:* В словах Сталина «нет объективных причин» скрывается признание, что реальна душа (субъект), но не внешний мир (объект).>

Реальная работа — это работа для души.
Но можно строить машины, фабрики для души.
И надо их строить только для души.

В лесу. Снежинки, падая, не знали, что делают, падали одна на одну, и от этого везде на ветвях деревьев выходили фигуры. Чище всякого мрамора были тела фигурок, бескорыстней работы величайших художников были линии, заключающие холодный материал. Все делалось ни для чего, и так создались эти фигурки только для души. Их так много в лесу, что каждый может узнавать в них свое: чем живешь, о чем думаешь, читаешь, видишь во сне, — все тут есть...

Бывают дни в лесу, когда без ветра, а так, от собственной тяжести, при начале оттепели, может быть, фигурки падают. Был ночной сторож, сидел он в тулупе, дремал, и вдруг повалился, рассыпался в воздухе, и внизу на снегу от всей большой и такой яркой фигуры осталась ря́бинка, величиной в чайное блюдечко. Нет ничего, только ветка наверху все качается, как

будто машет ладонью, прощается с исчезнувшим ночным сторожем.

А вот упал Геркулес, вот Зайчик, вот Сестры сидели рядом, такие прекрасные! Везде падают, рушатся фигуры, а деревья без всякого ветра в полнейшей тишине всюду машут и машут ветвями.

Зуек глядел вокруг...

5 Декабря. Опять летит пороша. От Пети ночью телеграмма, что приедет 9-го или 10-го на два дня.

Лаврову[1] послать автобиографические материалы, пригласить к себе в Москву для работы над архивом.

Идея моих тетрадей, моей жизни, что, почуяв в себе художника, я отдался писанию целиком, все было отдано писанию, вся жизнь. Понимать это надо в ином значении, чем обычно «вся жизнь»: Гоголь, художник Ивáнов тоже отдали, но там другое. Им не было поставлено запрещения заниматься искусством, как у нас, т. е. сначала решить обществ. вопросы, а потом после заниматься личной жизнью. У них не было того состояния, когда юноша, <*зачеркнуто:* закупоренный> заключенный в марксизме, вырвался из него и обрадовался жизни.

Где-то Гамлет говорит о том, что самое удивительное у людей — что все они знают неизбежный свой конец и все-таки живут, как будто они никогда не умрут.

Проверить, так ли у Шекспира, не я ли это сам: эта мысль, к которой я постоянно возвращаюсь и от которой прихожу теперь к заключению о реальности легенды, т. е. что сказка, соединяющая распад времен, и есть именно то, «чем люди живы».

Человек старый, все изведавший, сохраняет в себе младенца и этим младенцем связывает времена (помирать собирайся — рожь сей: под этой формулой скрыта вера в жизнь). Дитя как исток веры, значит, дело жизни — дело охраны дитяти в смысле веры в жизнь (не тот ли это «светлый мальчик родился», о котором мать мне говорила, в ночь под Рождество). Так что я хожу около того, что хорошо известно христианам эпохи Возрождения. И вот это старое, если бы я сумел сказать о нем так, чтобы они его не узнали, а приняли за новое, то это бы и было то, что нам надо. Вот тогда бы я как писатель стал предтечей нашего возрождения.

[1] *Лавров* — ленинградский филолог, который занимался творчеством Пришвина; погиб во время войны. (*Примеч. В. Д. Пришвиной.*)

Чудесных людей сохранила от революции церковь: сколько их вроде графини Сологуб. Но только и то надо помнить, что не меньше хороших людей скрыто и в коммунизме, тоже подвижников, тоже страдальцев. (Вот о чем сказал Коля Дедков, своими словами: «я буду счастлив, когда Мих. Мих. будет свободно и дружески беседовать с Иосифом Виссарионовичем».)

Надо всегда помнить, что церковь и государство в практике сто́ят друг друга.

N. неверно сказал, что мир раскололся на христиан и их врагов. Это он с точки зрения правоверного христианина. На самом деле и у коммунистов хорошие люди бессознательно идут с Христом, и в церкви христиане идут с антихристом.

Кто же это хороший человек?

Хороший человек — это прежде всего душевный, т. е. который «знает, что делает», не суетный (не сует нос свой, ища случая = Липовецкий). Человек Китежа града: внутренний. Петя — Аксюша — брат Николай — Маня... — С другой стороны (коммунистической), хороший человек (Коля Дедков), никуда не отступая (как «душевный» — в Китеж), умеет найтись в текущем моменте и разрешить сцепленный клубок обстоятельств в сторону правды. «Душевные» люди соответствуют монахам в истинном смысле слова (един = монос), а эти мирянам в их чистом «языческом» смысле (у них и семья, и служба, и война, и мир: без них бы жить нельзя).

Сутулый-чекист должен быть сделан этим «хорошим». И ему противопоставлен — душевный человек (инженер Дехтерев).

«Хорошие люди» — в «Канал», и их надвое: хорошие общественники и хорошие одиночки, те и другие необходимые, посвоему определимые в «так хочется» и «так надо».

Встреча «хороших» людей: Юлий Цезарь поэту: «уйди, дурак, и не мешай!» Возможно ли подобное с той стороны? нет! тот «хороший», как Китеж, скрывается...

6 Декабря. Вчера вечером с Левой разговор о новом человеке...

Хорошего человека, — на то он и есть хороший человек — все используют. Если используют попы — это старый право-

славный человек, если коммунисты — это новый человек. И от тебя самого зависит — если пойдешь с Христом — то старый человек, если же как Горький, то новый...

Пороша. Мощь: пол и эрос, почему надо в войну убить.

Жизнь груба.
Я не могу
Но если в духе
Я мощь соберу
То жизнь пройдет сама
и мне отдастся.

Шоферы боятся друг друга, а пассажиры?
Без мощи — фигуры.

Понять строительство Канала как согласование всех бесчисленных «хочу» в единое «надо», и каждое «хочу» само собой становилось «надо» (вернее, «надо» переходило в единое «хочу», напр., всем хочется есть, и кто работает как надо — он вот и ест: или властвовать: и он если делает как надо — властвует).

Так отмирали все частные «хочу» как некие личные иллюзии одна за одной. (Какие они? и какие объективные: есть, пол, власть, что еще?) Субъект переходит в объект, в плотину, в канал.

7 Декабря. Вестибюль Метро станция «Комсомольская площадь»: огни в вазах напоминают урны, и думается, как хорошо бы устроить вот такое красивое кладбище. И вот когда готов отдаться через красоту идее такого кладбища, вдруг появляется встречная мысль: — А что если соберутся живые к своим умершим и электричество погаснет? Или через сколько-то лет устареет вся конструкция технически и сама электрическая сила будет заменена другой?

Снег валом валит при легком морозце, и через густые клубы метели приносится откуда-то по радио песня. И опять не можешь включить эту песню в радость утра, как бывает, когда слышишь песнь жаворонка. Вот если бы тысяч десять лет по утрам радио передавало одну и ту же утреннюю песнь, то, наверно, эта песнь человеческая значила бы для нас больше, чем песнь жаворонка.

В таком расчете на давность строилась церковь, но в машинно-техническом веке «вечности» нет.

«Вечность» — в искусстве.

Редактор газеты «На страже» сказал Леве: — Читайте передовые в «Правде», ведь это стихотворения в прозе.

Старик в вагоне просил милостыню одной только улыбкой, и было так много желающих подать, что старик не успевал всего взять и оставлял желающих подать с протянутой рукой. Видно было, что ему мало было нужно для себя, может быть, только хлеб и вода, а лишнее он кому-нибудь отдавал другим или в церковь, и эта милостыня обязывала его любить людей и молиться за них. Счастье его было в улыбке, он всех покорял ею, и как действительно он был счастлив, если везде и всюду видел любящих людей, готовых подать ему. Вот о какой жизни мечтает художник Бострем.

Хороший охотник шофер Никол. Алексеевич Балашенков. Но убить зайца вчера нам удалось только под вечер. — Не в зайце дело! — сказал он. — Не скажите, — ответил ему Лева, — охота — это как роман: не в брачном ложе дело, а какой же роман, если герой этого не достигнет и останется ни с чем. Герой должен сойтись со своей героиней, охотник должен зайца убить.

— Так-то, пожалуй, и верно, — отв. Бал., подвешивая за спину своего убитого зайца.

— Да, — закончил Лева, — все так, когда достигнут, то кажется, не в этом дело и не этого достигал. А вот пойдем по городу, вы с зайцем — и все к вам с почтением, а нас с насмешкой будут спрашивать: «а где же ваш зайчик?»

Снег засыпал весь лес, и за двести шагов не слышно лая бегущего гонца. И сколько фигур, созданных одними только снежинками! Вот где царство чистейшей формы, совершенно бесполезной, бескорыстной и воистину безумно прекрасной. Какие птички на тонких сучках! Какие шарики на торчках, какие подушки и торсы, и задницы, и спины зверей, и бабушка с внучкой, и охотник со своей собакой, и над всем палец: единственное, что осталось от самой ели — верхний палец, на который весной вечерней зарей садится певчий дрозд и всех баюкает своей песенкой (собрать как можно больше фигур и фотографировать в солнечный день).

Хорошие люди. Эти снежные фигуры похожи на хороших [людей] в раю: при жизни эти существа все используют и, взяв от них лучшее, называют своим: так поступают художники, ораторы, политики, экономисты: для всех них эти существа хороши тем, что дают им материалы, и тем самым они всем полезны. Но вот пришло время, и хорошие существа освободились от пользы своей и живут в красоте своей бесполезно.

Слышно, будто Н. А. Семашко перенес опасную болезнь и остался жить, но теперь посажен как «враг народа». Тоже был «хороший человек» в большевиках. Но теперь обречен в общей участи интеллигенции. Все старое, по-видимому, должно погибнуть, и «старые большевики» как последний источник интеллигенции, игравшей роль «бича Божия».

В Сталине собирается теперь нечто враждебное всей старой русской интеллигенции, мечтательной, без-дельной, болтливой, [нечто] собранное в единое стадо против царя. Сколько тут в эти сектантские сети попалось хороших людей! И все стало прошлым, и все рассыпалось в прах. Гроза на них надвинулась из воли, дела и чего-то вообще такого, чего в тайниках души робел интеллигент («дело»). Долой всю болтовню!

А что если и Сталин — только последний русский интеллигент, собравший в себя всю разрушительную силу «ничто» и долженствующий совершить последнее и необходимое уничтожение.

Эрос		поэзия		Религия
пол	=	государство	=	Знание

Неизвестная актриса.

Глаза играют, блестят, заманивают, но не подумаете, что это человек, — это сами глаза такие, и даже близорукие глаза (черные, армянские, как у М. Шагинян).

А если хороший человек попадает в плен коммунистам и одинаково к православным и то «хорошее» в человеке не от тех или других идей и вероучений, то на что нам идеи и вероучения? А наоборот никак нельзя: пусть идеи, но зачем нам хорошие люди.

8 Декабря. Раньше мне казалось, что все написанное есть написано о пройденном и раз уже оно написано, то больше к нему люди не вернутся, и книга написанная как надпись на

могильной плите. И вот теперь смотрю на жизнь, читаю книгу, и все перевертывается: в книге — пройдено, в жизни все тысячу раз пройденное опять начинается.

9 Декабря. После метели хватил мороз в −17°.

Как хороший человек попадает в бараны. Во-первых, подбираются погоняльщики, от природы такие. И их сравнительно с баранами ничтожный процент, но, будучи организованы, они могут гнать миллионы баранов. Психологически все происходит чрезвычайно просто: в чем-то кому-то получшело лично, и это определило действие в сторону причины улучшения. Далеко ходить незачем, вчера еще Лева мыкался и под влиянием своего друга глядел на все нахмуренным скептиком; сегодня он устроился в оборонной газете, и какой оборонец-то вышел из него. Так вот именно и пастыри и бараны выходят из тьмы.

О творчестве, как надо бы, и не думаю, благодарю судьбу, что могу жить печалью.

У березы под мысиком, у елки на пальчиках, у ольхи на вилочке и на пенышке шар.

Когда удается поймать дичь, то лес оглядывается.

Целый белый медведь.

Людоед ли устал и спит и в руках у него прутики.

У Белого слона хобот упал.

Сколько зайцев и белых собак.

И все белое на черном, и все можно сделать на бумаге карандашом.

Птица Лебедь. Много фигур, закутанных в белые плащи и шали: мать с младенцем.

Японец на часах, руки в муфту...

10 Декабря. Охота в глубоких снегах. Изучение фигур. Очерк «Ценный старик», Коля Овчинников, «Враг народа» (Коц). Все в порядочке. Заря на стекле и веточки мороза. — Жив папаша!

Начало: Главное горе портретной фотографии — это что люди стремятся изобразить собой, что они «снимаются». А в литературе этому точно соответствует, когда писатели «сочиняют». Пошлее этого сочинительства нет ничего на свете, и вернейшее средство против него — это писать для себя, не думая о печати, и потом, если выйдет, и напечатать. Так я делаю много лет подряд <*приписка:* — как замечаю за собой грех сочини-

тельства, все бросаю и начинаю писать> и достигаю хороших результатов. В особенности мне повезло, когда я напечатал несколько таких записей «для себя» в отрывном календаре. Этими маленькими рассказиками прошли миллионы простейших людей, которые, услыхав мое имя, восторженно говорили: «Знаю, читал!» Любитель лесной охоты, летом, зимой, осенью, ранней весной я постоянно в лесах, в народе и всюду встречал своих таких «читателей», и часто в беде мне они помогали, и я бывал рад, что взялся когда-то за свое трудное ремесло. Но всех больше обрадовал меня на днях шофер Коля Овчинников из Загорска, он, может быть, даже и жизнь спас мне, и во всяком случае здоровье. Я о нем хочу рассказать все так, как было.

Или так начать:

Лет пять тому назад из городского гаража прислали мне мальчика почистить машину. Звали его Коля Овчинников. Он в начальной школе познакомился с моими рассказами и, как читатель, относился ко мне с величайшим уважением, а через меня и к машине: вычистил на славу. С тех пор прошло четыре года, машина моя, Машка, стала старушкой, а Коля Овчинников ездит шофером на полуторатонке. Иногда мы встречаемся с ним и киваем друг другу головой <*приписка* с улыбкой>, не [отрывая] рук для настоящего поклона. И улыбаемся и всем бывает хорошо: есть у нас очень славные ребята и памятливые!

Начало: Как быстро усложняется наша жизнь! Давно ли мы, напр., Петя, все мужчины, носили брюки на ремешках. Теперь пользуется ремешком лишь молодежь, а солидные люди носят брюки на помочах. С ремешком можно всю землю пройти от полюса до полюса и ничего: ремешок все будет держать. А возьмите помочи на пуговицах, долго ли продержутся пришитые пуговицы? Отлетят пуговицы, и ты без пуговиц с помочами будешь беспомощным: брюки съедут вниз. Так что при помочах ты должен носить с собой иголку и нитки или же ограничить свое пребывание местностью, где имеются починочные мастерские.

Вот то же с передвижением, на лошадях или на машине: бывало, едешь себе потихоньку, а теперь машина приносит сколько забот!

<u>Закон</u>. <*Приписка:* Первое начало: о правде писания о переживании.>

Начало... <u>Длинное зажигание</u>.

И вот говорится пословица, не имей ни рубля, а имей сто друзей: <*зачеркнуто:* на днях этот Коля Овчинников если не спас мне жизнь, то во всяком случае спас мне здоровье. Просто дивишься, раздумывая об этом.> Было это на днях, мы с сыном Петей возвращались с охоты, он правит, я рядом в кабине на дорогу гляжу. И вижу, что-то блеснуло.

— Тебе блеснуло? — спросил.

— Блеснуло.

— Стой!

Он остановился и вышел посмотреть. На дороге так часто бывает, лежит хлеба коврига — это часто! а то раз было овса нашли мешок, сено прессованное, чего-чего... И даже суеверие какое-то развивается при таких находках: вот хлеб, — каждый раз выходило к хорошему.

— Ну что? — спросил Петю, — ерунда какая-нибудь?

— Нет, — ответил, — полезная вещь.

Оказывается, пол-литра водки. Такой находки у нас еще не было.

«К добру ли?» — подумалось.

И оказалось к беде.

Да, вот до чего же быстро жизнь наша усложняется. Давно ли все мужчины носили ремешки, а теперь давай помочи, ремешок носили — брюки всегда держит, помочи — пуговица отлетит, и брюки съезжают; значит, при помочах носи иголку и нитки. Вот тоже езда зимой на лошадях и на машине. Привыкли мы на лошадях, а теперь при машине сколько забот. Это вот когда будет у нас как Америка, мастера на каждом шагу, а <у> нас... все запасные части вози с собой...

Возил я бабину с собой четыре года. На днях пришли знакомые шоферы, смеются: бабину возит с собой! она же не портится. Я взял, дурак, и выложил. Так четыре года возил, на пятом году выложил, и при первой же поездке бабина испортилась.

Мы целый день лисиц гоняли и зайцев в глубоком снегу. Жарко было на морозе в одной стеганой куртке. В машине час езды: сорок килом. до города, не успевает остыть... и порвало боковину, резкий ветер морозный врывался, мы держали и нажимали на газ. Оставалось четыре километра до города <*приписка:* зубы наши стучали>, и вдруг машина остановилась, [остыла]: искру потеряла.

Зажгли переноску, стали работать. Один [светит], другой работает, проверили прерыватель: искры нет; отвернули бронирование, обошли замок напрямую: искры нет, переменили

конденсат — нет искры. Осталась бабина, проверили — бабина испортилась.

Так четыре вот года возил, на пятом году раз не взял, и бабина испортилась, а когда бабина испортится — вся машина бесполезная груда металла, искры нет — ехать приходится на длинном зажигании.

А до чего я запаслив, что даже на такой случай длинную веревку взял с собой в заднем ящике, чтобы в случае беды прицепиться к грузовику: это у шоферов и называется ехать на длинном зажигании.

Показывается машина, поднимаем руку.

— В чем дело?

— Искру потеряли, возьми на длинное до города...

Прицепились, поехали. Встречается машина. Наша осторожно сторонится и пропускает. Забуксовала в снегу, приостановилась на мгновенье, но вдруг взяла, рванула и... мы сидим, а она с веревкой нашей уходит. Даем сигналы гудком, светом — ничего!

В свете нашего прожектора огромной змеей взвивается вверх наша веревка, поднимая снежную пыль.

Ну, теперь наше дело пропало, все отказывали в длинном зажигании, теперь есть [машины]: нет буксира.

Последняя машина остановилась, и когда «нет буксира», — я говорю:

— Ладно, Петя, садись поезжай: долго ли четыре километра. Скажи директору городского гаража: отец замерзает, живо.

Петя живо взбирается на грузовик, бросает сверху мне свое пальтишко, говорит:

— Ты правда не замерзни, грейся, топчись, водка там есть...

И уехал.

2. Гонец мой, Трубач, англо-русский красавец, после гона мертвый спал в задней части машины на сиденье. Из пробитой боковины прямо на него дул злой морозный ветер. Петино пальтишко я повесил на это оконце, снял с себя ватную куртку, остался в одной фуфайке и так лег на Трубача, а сверх его и себя положил ватную куртку. Трубач закряхтел, но теплу обрадовался.

И несколько времени нам с Трубачом было ничего, нельзя сказать чтобы очень тепло, но терпимо. Я рассчитал, что туда и назад Пете всего полчаса, переговоры с директором — полчаса, всего час. Если сильно зазябну, буду бегать, не поможет — есть водка. Вот спички бы... Нашел и спички, но от беганья и по-

та на ходу они стали никуда не годными. Вот в этом и беда вся, что и фуфайка от пота влажная и что влага постепенно доставала и куртка насквозь вымерзала... Время от времени сзади наезжает машина и слышно каждый раз, как шофер, осветив неподвижно-холодную черную массу моего гроба, вынужденно свертывая в снег, ругается. А мне каждый раз страшновато, что какой-нибудь не разглядит и толкнет: если толкнет, то по кузову, и если даже слегка толкнет пятачком, то голова моя...

По моему расчету прошел час с лишним, когда зубы мои стали сильно стучать. Стар я, должно быть, становлюсь: нет мне охоты голову свою беречь от случайного удара пятачком, нет охоты выходить на морозный ветер и бегать для согревания, нет никакого желания пить водку без закуски, обманывая себя понижением температуры своего тела.

Когда машина показывалась со стороны города и первый луч прожектора падал на замерзшее ветровое стекло моей Машки, — я под курткой и думал: «Не наша ли?» и осторожно, чтобы не напустить много холода, выглядывал. В лучах прожектора цветочки мороза на стекле Машки были необыкновенно прекрасны, я ими мог любоваться, и потому думается, что положение мое не было очень-то чтобы уж серьезное. Страшно было положение тем, что я мог схватить воспаление легких, но я тогда об этом будущем вовсе не думал, лежал, терпел, стучал зубами и любовался цветником.

В это время Петя без пальто, весь тоже иззябший, сначала как дикий зверь носился по городу от шофера к шоферу в неистовой злобе на директора гаража. Он не знал, что тот дурной человек уже снят со службы и доживает как директор последние дни. На телефонный рассказ Пети о своем замерзающем отце директор отвечает, что машинами распоряжается не директор, а заведующий гаражом. — Вам же позвонил, — отвечал Петя, — что заведующего нет в городе. — На эти слова директор никак не ответил и положил трубку. Первая мысль его была идти и отомстить директору, но ведь на это время нужно. И вот он начал звонить в гараж к Ивану, на квартиру, к тому, другому, к третьему.

Пете был заведующий нужнее, чем машина. И вот чайная и при чайной машина, груженая пятитонка. Если машина, значит, в чайной шофер, а в чайной же не один только чай. Там шоферы. И тут перед чайной женщина с узлом белья держит его за рукав. Она просит помочь ей: там, в «чайной», сидит муж ее шофер и пьет чай с другими шоферами, а им надо в баню

сходить, на носу праздник — выборы, а они немытые. — Не говори прямо «жена зовет» — скажи: женщина, а зовут его Коля Овчинников.

Услыхав это имя, Петя забыл про женщину и в чайную, а там все знакомые, и когда рассказал Петя о директоре, то гул пошел по всей чайной. Коля Овчинников вызвался ехать ночью на своей груженой пятитонке, Мироныч, старый шофер, с большой охотой согласился спасать. За сколько-то минут успели на все лады обсудить поступок, все ругали, все [директора], а Мироныч сквозь зубы сказал: — Правда, закон.

Какой же закон! в уставе шоферском вменяется даже каждому шоферу в обязанность помогать другим машинам в беде, а тут директор: в том ли закон, что распоряжается машинами заведующий, а если нет заведующего на месте... Вздор-то какой! Петю очень заинтересовало, почему же при общем негодовании Мироныч сквозь зубы: «правда, закон...» А тут при выходе жена вцепилась в Овчинникова.

— В баню, в баню.

С трудом отбился от жены Коля, повторяя «спасать, спасать едем».

— Кого спасать?

— Ценный старик замерзает, — отвечал он, и Мироныч в свою очередь его же подтвердил:

— Ценный старик!

Не по закону три человека в шоферской кабинке, но Петю, прозябшего за день, посадили в кабинку, и когда наконец он обогрелся, успокоился, то спросил Мироныча, который сидел за рулем, как это он, в каком смысле сказал про закон, когда обсуждали поступок директора, ведь нет такого закона.

— Ну, конечно, нет, — согласился Мироныч.

И через некоторое время опять:

— А все-таки закон есть.

Петя перестал его понимать и подумал: «наверно они порядком чаю хватили, вот все и...»

А между тем Мироныч имел действительно мысль, когда говорил о законе, и вот какая это мысль: он [рассказывал] из собственного опыта. Куда-то ехали с Колей Овчинниковым и тоже из чайной ехали, да, грешным делом, переложили. И так-то бараки казались шоферу больше, больше, а там внизу все такие маленькие. Вот... ну как мух, и во все стороны, и ничего — ни одного даже не задавили. Но тут как вышел на дорогу...

Месяц был тут, большой такой месяц светил и в канаве две березки росли. Вот как туда на березки в канаву... березки как свечи...

— Помнишь, Коля, что я тогда тебе сказал?

— Помню.

— Ну, скажи.

— Ты сказал мне: Коля, видишь месяц, видел березки — так чтобы месяц знал да березки.

— Верно! — подтвердил Мироныч, — я так сказал.

И Пете:

— Так что, Петя, как ни кричал, а закон есть: закон и никаких. И я ему так точно и сказал: месяц и две березки, потому что закон.

— Папаша, жив? это я приехал спасать тебя, я, Коля Овчинников, жив?

— Жив.

— Ну, все в порядке. А воду из машины выпустил?

— Нет, я забыл.

— Ну, это глупо.

И бросился к крану, вода побежала, он успокоился и повторил:

— Все в порядочке.

13 Декабря. Стахановец. (Рассвет, Сергий преп.)

12 Декабря. Король гол. 90 лет старец в Двориках. Двойственность, как и у нас в литературе: настоящее и официальное. Мехлис и: то же самое, король гол.

17 Декабря. 9-го поехал в Загорск и встретился там с Петей. 10-го охотились мы и замерзали. 11-го отдыхали. 12-го выбирали и охотились. 13-го вернулся в Москву. 14—15—16-го писал о «жареном комаре» (16-го отправил в «Октябрь»).

Стахановец.

Каждый раз, как вижу Лавру с ж. д. моста, вспоминаю, что 500 лет тому назад здесь всё лес был дикий и волки выли и препод. Сергий нашел в себе такую силу и желание жить в этом лесу и начинать... В отношении к моск. государству он был просто гениальный стахановец, и, конечно, в глубине души цари смотрели на него как на спеца от религии, очень полезного. Мы не знаем, чего стоило преп. Сергию войти в дружбу с царями, не

того ли же, что стоила Максиму Горькому дружба с правительством СССР? Но так или иначе, дело сладилось.

Вчера я захворал, сегодня с утра как будто лучше.

Темы: 1) Измельчание человека. 2) Коллективизация душ. 3) От порядка хорошо — почему? 4) Машина: создать для каждой части полезную необходимость: полисмен.

19 Декабря. Никола Зимний. Продолжаю болеть гриппом. На дворе уже дня три дождь идет, готовится нам охота. Казнь Мейерхольда: «чужой театр». Почему такая напасть на чужое. И Цезарь сказал: «Уйди, дурак, и не мешай». Так расчищается путь «патриотам», и для искусства наступает время гóрше рапповского. Никаких перспектив для творчества честного. Занимаюсь архивами и перепечаткой на машинке дневника за 1937 г.

Ссылаясь на грипп, пытаюсь увильнуть от поездки на Кавказ. пленум.

Начало моей деятельности как председат. бюро секции охотничьей Д. П.

20 Декабря. Дождь.

Рычанием в стенах и трубах нового дома, искушения дьявола и «Да воскреснет Бог!» (в смысле о. Леонида Задонского: только сейчас понял!) Это моя молитва, моя природная, в ней сила, бодрость и радость от сбрасывания старой чешуи. Это возрождение («а о прочем умалчиваю»), подобное «помирать собирайся — рожь сей». В сравнении с этой молитвой «да будет воля Твоя» кажется вялой и подхалимской (или это оттого, что Бострем вспоминается?).

21 Декабря. Все дождь.

Дождь и грипп. Петя звонится, что 23 вечером приедет. Продолжаю переписывать дневник 37 г. Раздумываю над словами возмущения Джеффериса о неизменно рабском положении человека на земле: так же не обеспечен в ежедневном куске хлеба, как и первобытный человек. И обратно, как Александр Мих. Коноплянцев (и все правосл.), что «лучшей» жизни здесь на земле и быть не может. Так чтó об этом и думать. Правда, ведь если мы и лучше живем, то и больше заботы о «лучшем» (теплый ватерклозет), если мы меньше зависим от сил приро-

ды, то тем самым больше зависим от общества людей. Пещерный человек тем отличается от нашего, что тот боялся медведя, а мы боимся начальника (А. М. даже и глаза не поднимает).

Что же лучше, зависеть от слепых сил природы или от сознательных сил общества?

Надо анализировать «лучшее»: оно очень близко к «моде» и ее принудительной и обманчивой силе: существо одетого и раздетого одно и то же, но... лучшее в новой форме быта. И, конечно, религиозному человеку разговор о «лучшем» все равно что разговор о моде. В этом все существо социализма, в этом «лучшем»... Подумайте только, как подошло!

Тут ошибка в том, что на людей смотрят «по себе», как вот самому кажется, что если бы тебя освободили от забот о насущном хлебе, то ты бы мог осуществить свое «лучшее», напр., написать книгу. Ты можешь, конечно, ошибаться — дадут тебе условия, и ты в этих условиях хороших напишешь хуже, чем в плохих. Но ладно! это возможно, что в лучших условиях ты сделаешь лучшее. Из этого, однако, совсем не выходит, что «средний» человек (арифметически средний) в лучших условиях будет думать о лучшем.

— Так что не очень скучайте о медведе пещерном, первоб. человеке, — помните, что борьба с начальником куда тяжелее и со временем будет казаться гораздо занятнее.

— Ведь мало еще ему, что он начальник и, значит, властен в отведенном ему круге людей и вещей, он хочет от своих подданных признания в том, что положение начальника в Советском Союзе и есть настоящее и единственное достойное человека положение.

22 Декабря. −6°. Грипп продолжается. А как, вероятно, все оледенело. Вчера был у меня Щекин-Кротов Вас. Ив., принес статуэтку Римлянки и две чашечки. Вика и Аксюта возле предметов искусства. «Повелительница» Анна Дмитриевна и подданная Аксюта: вот два мира. Мой рассказ Кротову о пещерном медведе и совр. начальнике. Воспоминание о дураках, которые ободрали человека ради общего дела. Новая уверенность, что если связь времен существует, то только через личность, тем самым через «легенду» (сказку).

Мой рассказ о А. М. Коноплянцеве и его брошюре о К<онстантине> Л<еонтьеве> (работал в рудниках, а теперь глаза не

может поднять на начальника), Щекин сказал: — И ведь у каждого есть своя такая брошюра!

23 Декабря. Мороз −5 и легкая звездная порошка, самая бы охота. Но еще страшно выходить после гриппа. Жду сегодня Петю в Москву.

Губы Ежова сложились с губами злого неудачника учителя моего в Реальном училище Силецкого и еще одного рабочкома из Алексина, ненавидевшего не меня, а в лице моем весь какой-то «класс». И их таких всех, и Печорина тоже, свойство, что их злоба не персональная, а вытекает как бы из мировой скорби: мир или класс — это все равно. Какой-нибудь фотограф Прехнер, — Печорин и Печорин! но и тоже видишь на каждом шагу, что все-таки и не Печорин. Этот тип, по словам Пети, очень сейчас распространен среди молодежи. И особенность их сравнительно с прежними индивидуалистами (демонами), что они могли свою злость удовлетворять. Ежов — это все тот же «демон», закончившийся в палаче. (Кто знает, сколько скуки в искусстве палача.) Нет, тут наконец-то человек мировой скорби получил себе нескучное занятие.

Этот тип надо бы тоже на канал. Между прочим, он может явиться как продукт разложения революционера русского, и эсера (Разумник Вас.), и большевика. Этим кончаются благие намерения спасти род человеческий (наверно, нечто подобное было и во времена Робеспьера).

Ввести в «Канал», что Хочется — это хочется быть как все (сила моды), а Надо — это быть самим собой: трудно быть как надо. И отсюда: всем людишкам «хочется» быть как все, мелочь какая-нибудь хочется, а Надо Сутулого вызывает личное «надо»: каждый как бы вновь встречает это свое «надо» и как нечто неведомое ему складывает охотно в Надо Сутулого, как в ящик, и так строится канал.

Столь излюбленный народниками «простой народ», — как он ужасен среди великих памятников искусства.

Троица Рублева, укрытая под непроницаемым окладом, — сколько поклонов земных и лобзаний приняла она даже не как Троица, а прямо как назначенная святыня. Кто же теперь из кланявшихся ей как святыне по назначению поклонится ей как святыне самой по себе, написанной Рублевым и выставленной

в Третьяковской галерее без оклада. И так все православие, когда всем оно будет раскрыто...

Но что... из веры вышла Троица Рублева? Или вера тут случайна... верили же Троице и поклонялись ей, когда Рублев был закрыт! Чудотворность иконы вовсе не связана с ее хорошим письмом: и плохого письма икона может быть чудотворной, и великой кисти — может остаться просто картиной.

В окладе Троица была чудотворная, а без оклада, настоящую Троицу, народ не узнал.

Наше «Хочется» обыкновенно бывает от врожденного нам желания иметь то и делать самое то, что есть у всех и что делают все. Кроме того, где-то в глубине нас таится обязанность к себе самому, и это уже не то легкое «Хочется», а сурово-повелительное «Надо». Но оно, это «Надо», у большинства людей и в обычное спокойное время дремлет, укрытое под одеялом удовлетворенного желания жизни такой, как у всех.

24 Декабря. Опять по насту начались пороши — при малом морозе (–5°). Выходить еще боюсь. Петя приехал сюда.

Думал об Аксюте: вот старая дева, у нее узел жизни, каким бывает для женщины младенец, завязан на небе с Богом. Умом она может ничего не понимать, но в сердце делается то самое, что сказано о непорочном зачатии. Аксюта и Нат. Прокоп. см. выше, как Н. П. принесла в Союз младенца и потребовала квартиру = вот где собственность. И в Аксюте — отказ от собственности.

25 Декабря. Спиридон Солнцеворот.

Вчера вечером на 5 минут вышел на воздух.

Варв. Ник. с дочкой приезжала хлопотать о муже и уехала ни с чем.

В Загорске широко распространился и перекинулся в Москву слух, будто меня с сыном «взяли». Лева возмущен, ему тяжело думать, что вот посмели же и о мне говорить и что, надо полагать, и действительно могут взять, и тогда уже никто не заступится и только будут шептать друг другу, что взяли, вот и все. Совершенно как во время чумы и еще хуже: там хоть карантины устраивают, против этого люди беспомощны. Какой-то падеж человеческий. Возможно, что кому-то и выгодна паника и кто-то нарочно пускает слухи... Был же слух, что Шмидт арестован. А может быть, слухи сами собой возникают...

26 Декабря. Небо прояснилось, полное впечатление от неба, что солнце пошло на лето, а зима на мороз: почти −15°!

Освобождаюсь от навязанных православием представлений: нет! именно она гениальна, эта могучая повелительница; а что будто бы выше ее, как мудрец, тот муж ее с язвой в желудке, то это неверно: именно он является язвой в ее существе. Это слепое пятно ее... И это же было у Соф. Анд. Толстой, и у моей матери (Лидия): как будто страх перед полной жизнью их уязвляет и собирается в это слепое пятно (это и есть Ахиллесова пята).

27 Декабря. −16. Выхожу, но в учреждения не показываюсь: я — больной. Вчера был у меня А-в Иван Андреевич, он написал роман об Италии, не будучи там никогда. Придет же вот такое в голову. Приходил П. Н. Щекин-Кротов, просил у меня 4000 р. После их ухода стал вспоминать, что́ лишнее им говорил, и нашел много лишнего. Такое заячье положение! И другое положение государственного актера, участие в государст. представлении хористом (государственный хор, корифеи госхора).

...до того мерзко! а спросишь: «Чего же бы ты хотел?» и ясно видишь, что и там, в хорошем прошлом, и теперь, в благополучных государствах, и было, и есть, и будет всегда благополучием некоторая длительность устойчивости человека, идущего по канату; что — всегда, везде и всюду этот момент устойчивости расцвечивается сказками, и эти сказки по существу и являются реальностью, а никак не то жалкое состояние равновесия.

Так вот полезно людям иногда поглядеть на веревку, по которой приходится идти, этот взгляд себе под ноги, если только не свалишься, вызывает к созданию новой, более увлекательной сказки.

Начинает мерещиться возможность возвращения к Кавказу. «Горы» — внизу море (Ледник): хорошо. Счастливая гора.

Анна Дмитриевна ворвалась как буря, переставила у меня все вещи. Было неприятно, возникало сомнение в лучшем от перестановки, но в конце концов стало все-таки много лучше. Я спросил ее, остановилась ли она на чем-нибудь у себя или все постоянно и у себя переставляет. Она говорит, что не остановилась. — Ну, по крайней мере, надеетесь ли когда-нибудь

в будущем остановиться? — Не думаю, знаю одно, что переставляю всегда к лучшему.

Такая вот и революция: вечная перестановка всего к лучшему. Вне революции остается то, что не переставляется и вечно пребывает в себе, как оно есть. Что это, как это назвать? Знаю только, что не только революция, но даже сама жизнь перед этим чем-то робеет: какое-то слепое пятно, ахиллесова пята жизни; не это ли Бог?

И у Ан. Дм., как у всякой до крайности энергичной женщины, есть свое слепое пятно, возле которого она в недоумении останавливается и чего-то боится.

<*Приписка:* Все более и более стирается граница между живыми и мертвыми.>

Писатели, которых нет с нами:

Пильняк	Зарудин	Ив. Макаров
Арт. Веселый	Зазубрин	Корнилов
Клюев	Замятин (умер за границей)	
П. Васильев	Губер	Лежнев
С. Третьяков	Ив. Катаев	Горбов
Клычков		Беспалов
Орешин		
Р. Иванов	Наседкин	
Воронский (умер)	Каренин	
Чапыгин (умер)		
	Бруно Ясéнский	
	Сверчков	
	Большаков	

28 Декабря. Мороз свирепеет.

Аксюта и мой зарок. Переписка дневника прошлого года. Воспоминание Чегемского ущелья: как изящны были струйки воды, и оляпка, и разрез гор: вспомнился старый друг, что вот бы его сюда. Не будь красоты, и не вспомнился бы, а вот.

Рассказ Аксюты о самосуде в 17 году: как один разбойник в лесу бежал и стало ему, будто не елки, а домá, везде домá, измучился и лег возле дома. Нашли спящим под елкой.

Слепое пятно, напр., и в моей радости английского издания «Корня жизни»: я думал, что раз в Англии меня знают, то с этим будут считаться у меня на родине. Так что я рассчиты-

вал на «слепое пятно» ГПУ. Теперь, однако, уже сменен этот расчет на слепое пятно. Теперь у нас ни на что не посмотрят, и такого оголения до сих пор еще не было, революция движется все в новых и новых фазах. Строительная фаза должна смениться военной.

Из рассказа Аксюты о самосуде не забыть, что народ за убийцами священника гнался долго, народ в каждой деревне нарастал. И не мудрено, что один из них, помоложе, выбился из сил, и деревья стали ему как дома́, и он не мог в лес убежать — везде дома́. И лег он под забором. На самом же деле лег он под елкой, и тут его нашли. Было это в 17-м году, вел ребят матрос нездешний. Жертвы: отец и сын. Избиваемые просили пить, но жалеть нельзя: тут же за это грозили. В один день хоронили: три гроба священника, и в яме расстреляли разбойников. (Цыган чуть не убили.)

29 Декабря. Мороз –20. В лесу, говорят, гололедица без следов. Узнал, что перевод «Серой Совы» движется и скоро будет готов. Хорошая будет вещь. Перечитал Тургенева «Дон Кихот и Гамлет» (вера и сомнение) — как хорошо! и на себя-то как на писателя посмотреть с этой точки — видно, и на современность, на Сталина — видно.

Восприимчивость и самодеятельность (Тургенев) = воскр. = 1-й глаз.

Les grandes pensées viennent du coeur — «великие мысли рождаются в сердце» — сказал Вовенарг (по Тургеневу).

Пока простой народ (массы) достигнет уровня понимания художественной литературы, мы все, писатели, начисто вымрем. И достигнет ли.

Меримэ считает за самую сущность поэзии уменье самобытно говорить общеизвестное (по Тургеневу).

30 Декабря. Мороз сломился: –9. Собираемся встречать завтра в Загорске Новый год.

Перечитал по-новому речь Тургенева при открытии памятника Пушкину. Как хорошо! и куда все девалось! И это: что «простой народ ни в какой стране не читает своих гениев». Теперь в этом вся закавыка. Мы не знаем, кому мы книгу даем и что из этого выйдет. Не в писателе дело теперь — довольно написано! — а в читателе.

Странная связь: пока П. Н. приходил ко мне для разговоров — я ему доверял, а когда он попросил 4 т. денег (!), я почему-то испугался его и стал допускать...

Надо о каждом, кто приходит к тебе, спросить про себя: «Можно ли в этом человеке быть уверенным?» — и только после разрешения из глубины совести говорить с ним свободно. Иначе рано или поздно непременно влетишь.

Вчера подсчитал остатки денег и вышло, что, ничего не зарабатывая, могу жить года три и больше! Значит, насколько же я свободен и счастлив и сколько я могу сделать!

С этим чувством и буду встречать Новый год.

Эта механизация общественности действует как необходимость, та самая, заключенная в заповедь: в поте лица своего.

...А то есть «свобода» (только личная может быть свобода): кто-то сумел так устроиться и создать легенду (о свободе), и этой легендой, свойственной личности, увлек за собой и тех, кому определено жить «в поте лица» (соблазн малых сих). Вот после того соблазна потребовалась еще большая скрепа (механизм), и стали складываться берега, и вода (личность) искать себе выхода. (Так возвращаюсь к своей теме: к борьбе воды и созданию новых берегов.) Тем самым (захватом воды в новые берега) создается необходимость в бдительности — а Зуек представится как начало воды, свободы, легенды, т. е. чувство свободы еще острее — и в этом, в легенде, и заключается движение жизни... в этом «обмане» таится любовь и слепая готовность к жертве (если бы знать, стали бы жениться, выходить замуж, иметь детей). Так что моя «легенда» = любовь = романтизм = стихия воды = творчество = природа творчества.

Вода, дух, творчество, берега и что угодно, только не люди, не в людях тут дело! и вот это-то сознание, что не в людях, что люди только носители — вот это-то прозрение сквозь человечину и есть моя «легенда»: что не в людях тут дело.

Мое описание природы как во время Аврала, так и с Зуйком, должно иметь целью создание колеблющейся среды человека: я хочу сказать, просвечивания для нас, людей, непроницаемой природы «индивидуальности».

После большого перерыва перечитана «Быль», и впечатление превосходное: спокойствие, простота, сжатая сила. Полное убеждение, что вещь будет сделана. И та работа, которую я сей-

час делаю, в пустой промежуток болезни, оказалась большой необходимой работой, потому что если это будет настоящая вещь, то это будет небывалое: полное раскрытие процесса создания.

Хорошо, хорошо! а как вспомнишь это хорошо написанное, — какая нищенская, ледащая жизнь ему соответствует, вот тут-то и становится нехорошо. Но, подумав, я обыкновенно вспоминаю замечательного путешественника Нансена и других путешественников, ученых, давших миру так много, и вот этих сидящих сейчас на дрейфующей льдине, — как бедно вокруг них, и как интересно внутри них. Так и успокоишься о себе, бедно было вокруг, но внутри себя... вот это, о чем говорят все, что так «хорошо» написал, это и было внутри, а снаружи как будто, по бедности окружающего, ехал на дрейфующей льдине от полюса до Гренландии — льды вокруг, а внутри хорошо.

Планы мои на 1938 год.

1) Ввиду того, что я довольно поработал в жизни своей и мне 65 лет от роду и всех своих, жену, детей я устроил и обеспечил года на 3—4 свое личное существование, — я могу теперь жить, совершенно не заботясь о будущем в матер. отношении. Я с 1938 года выбрасываю из себя совершенно эту заботу и живу лично как свободный и счастливый человек с одной оговоркой: от сумы и тюрьмы не отказывайся.

2) Всю свою жизнь, воспринимая красоту только в природе, я воспроизводил ее только для людей, а теперь хочу пользоваться сам красотой для себя и в повседневной своей жизни общаться с предметами искусства. Войду в тесное соприкосновение с музеями и у себя дома устрою свой музей.

3) Совершенно свободно, не стесняя себя сроками, продолжаю писать свою «Быль», которая в отношении «Корня жизни» должна быть тем же, что у Гамсуна «Соки земли» в отношении «Пана». Это будет самое спокойное произведение о самых волнующих вещах.

4) Жизнь и книгу моего брата «Серой совы» пересказать так для детей, чтобы это была классическая книга для чтения юношества, подобная Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» и «Путешествие Миклухо-Маклая».

5) Подготовлять материал «книги о книге», т. е. записки в 1937 году должны раскрыть всю лабораторию создания «Были». Насколько я знаю, это будет единственная книга. Возможность этой книги обусловлена удачей «Были», потому что

какой же интерес анализировать происхождение книги, которая не удалась.

6) Мне бы хотелось и в этом году дать побольше мелких вещей для детей. Напр., хорошо бы написать высоко-художественные картинные характеристики движения в природе по месяцам с соответствующим фото своим. Еще хорошо бы написать «Счастливая гора» Эльбрус, в которой дать природу и людей Сев. Кавказа и Черного моря. Вместе с этим войти в общение с руководит. Детгиза и разрабатывать на практике старую мысль свою о ребенке-легенде.

7) Хотел бы посетить Воронежский Заповедник (бобры) и Алтайский.

8) Работа над архивом, начиная от распределения главных событий моей жизни по годам — в отношении моей личности, кончая объективностью события, т. е. историческим рассказом или очерком.

Заключение.

Мое равнодушное отношение к соврем. общественности объясняется а) тем, что плод мой созрел и ему не нужны больше соки родной яблонки; б) состояние почти что войны повелительно диктует поэту: «уйди, дурак, и не мешай».

— Когда подумаешь, что в сущности живешь на милости людоедов, то Аксюша в своей невозможной бедности с тончайшего благородства христианской душой кажется настоящим ангелом.

31 Декабря. −9. Звездная пороша. Утром перебрался в Загорск встречать Новый год. По пути глядел на людей и чувствовал их огромное и беспризорное размножение. «Через сколько-то лет об этом беспризорном размножении будут говорить с такою же горечью утраты, как теперь говорят о девственных лесах. Ни во́йны, ни революции, ни учение Христа не остановят беспризорное размножение, хотя вот исходят из этого: остановит его нож хирурга». — «Это мнение трусов, а потому что как нет пределов девственных угодий для завоевания разума, так нет, конечно, пределов размножению: чем больше людей, тем сильнее движение вперед завоевания миров человеком».

Газетный язык и речи о счастливой стране и великом вожде стали похожи на склерозные сосуды: слова эти о счастье потеряли всякую гибкость, упругость...

Легенда о моем аресте наполнила весь Загорск. Она возникла из-за того, что после выборов я сел в свой автомобиль и со мной Илюша с ружьем: Илюшу приняли за охранника, а Машку мою за черного ворона.

Встретили Новый год под радио. И можно бы и не под радио, можно было просто пожелать хотя бы друг другу здоровья. Но мы держались радио из-за часов, думали, что дурак, произносящий тост, окончит речь до боя часов на башне и мы при двенадцатом ударе закроем радио и скажем свое. Но дурак забыл о часах и так бубнил, что мы не слыхали боя и, не доверяя своим часам, простояли в ожидании конца речи дурака 5 минут уже в новом году. Дурак для государственного дела оказался не так уж глуп: благодаря его речи мы забыли лично о своем и вынуждены были начать год выслушиванием пожеланий счастливому плаванию по каналу Москва—Волга, счастливой деятельности Верховному Совету и создателю его Сталину. Дурак-то умнее нас умных оказался: не мы одни, а миллионы людей под речь его пропустили бой часов их личного счастья. Поняв ошибку через 5 минут в Новом году, мы несмело и растерянно пожелали друг другу здоровья. А о счастье и вовсе забыли: дурак нас обошел.

КОММЕНТАРИИ

Дневник Михаила Пришвина и его художественное творчество – уникальное явление в литературе первой половины XX в., когда писатель в СССР существовал в жестких рамках идеологического диктата и тотального контроля, а тот, кто выходил за эти рамки – соцреализма – был либо лишен возможности печататься, либо репрессирован. К середине 1930-х гг. становится очевидным, что Пришвин выдерживает трагедию человека и писателя, оказавшегося на перекрестке традиций в период страшной исторической ломки: он не сломился и не поддался. Тем не менее, с каждым днем ему все труднее и труднее становится находить себя в новой культуре («*"Быть или не быть": для себя я решаю, что надо быть и в то же время, если понадобится, то не быть.* <...> *Мне надо так "быть", чтобы в пустыне мог бы я по своему желанию вызывать любимых людей и в городе среди грохота, гудков и бензина, в самой толкучке мог бы по желанию чувствовать себя как в пустыне. Затем именно я и занимаюсь искусством слова, чтобы мне быть, а когда захочется, и не быть, то и другое: не "или", а "и": быть и не быть*»). Так определяет Пришвин суть эпохи: когда государственное вторгается в частную жизнь человека и определяет ее и человек, отстаивая свое личное пространство, свою свободу, оказывается в абсурдной ситуации, когда он должен одновременно «быть» и «не быть»... то есть жить и не жить.

И в дневнике, и в художественных произведениях мировоззрение Пришвина исключает обе полярно противоположные идеи современной ему литературы: он не стремится ни переделывать мир, ни восстанавливать былые культурные ценности. Он хочет увидеть мир «с лица», понять и описать его. Дневник Пришвина – это культурное поле, созданное словом писателя, пространство, где прошлое взаимодействует с настоящим – в 1936–1937 гг. с настоящим, которое огульно отрицает прошлое, с настоящим, которого не может принять ни один мыслящий человек. Пришвин тоже не может принять происходящее, но он признает неотвратимость или необратимость истории и пытается художественно осваивать, обживать свое время, не поддаваясь ему, но и не отрицая очевидное («*Дело писателя так связано с современностью, что, по-видимому, ему невозможно, как ученому, пропуская современность, работать независимо на "полочку" будущего. Писатель останавливает мгновенье и потому не может не быть современным*»).

Дневник Пришвина – как любой дневник – передает ежедневно происходящее, впечатления об увиденном и услышанном, прочитан-

ном и осмысленном, возникшем в памяти или во сне, он вмещает исторические и философские аллюзии, но отличается единством формы и содержания, поскольку создается писателем. Это художественный текст, составленный из мозаики разных по характеру и стилю записей автором, который каждое утро из года в год, начиная с 1905 г., записывает прошедший день своей жизни. Весь диапазон современности — от нечаянно замеченных знаков чудом сохранившейся прошлой понятной жизни («*Под вечер, гуляя при догорающей заре, видел, как из маленького домика вышел старый священник в мантии с узелком и сейчас же исчез в следующем маленьком домике. Какие-то люди еще держат связь с предками*») до врывающихся в каждый дом знаков новой жизни, не укладывающейся в сознание, не-человеческой, но абсолютно реальной — заполняет дневник писателя («*Приумолкли дикторы счастья и радости, с утра до ночи дикторы народного гнева вещают по радио: псы, гадюки, подлецы, и даже из Украины было: подлюка Троцкий. У нас на фабрике постановили, чтобы не расстреливать, а четвертовать... Достоевский продолжает оставаться единственным описавшим бесов*»). Пришвин понимает, что корни происходящего таятся в глубине русской истории — истории революционной интеллигенции, парадоксально-трагически завершающейся у всех на глазах («*Революция всех перебрала, теперь последняя очередь: казнят тех, кто взял меч. "Взявший меч от меча и погибнет"*»; «*Так закончилась вековая эпопея революционной интеллигенции и <...> Сталина назвали "величайшим из людей"*»). Жизнь писателя, как и жизнь его современников, определяется безумными реалиями: судебные процессы, самоубийства, публичные покаяния, пустые лозунги, ложь («*Вчера вечером узнали о конце Гамарника. Осень революции: осыпаются листики. <...> Утром стал писать и не мог: пустота; и захотелось двигаться и... заглушить... наполнить пустоту движением. В 8 у. сел на машину и в 9 у. был в Загорске*»). Он может заполнить пустоту только в спасительном поле природы — в лесу («*все живое боится пустоты*»).

Пришвин ищет и находит опору, помощь, единомыслие в писательском сообществе: Розанов, Толстой, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Шекспир, Гете, Ницше, Достоевский, Софокл, Гамсун, Герцен, Некрасов, Тургенев, Джефферис, Ф. Сологуб... Первый, главный и самый близкий в этом ряду — Розанов. И современники: Пастернак («*Я не свободен в своей поэзии — меня держит жизнь, я не свободен в жизни — меня держит поэзия. И так я живу "особенный" (за это упрекали Пастернака), уединенный...*»), Мандельштам («*Встретился Мандельштам <...> сказал, что не обижается <...> и не на кого обижаться: сами обидчики обижены*»). Цитаты, мотивы и сюжеты из Священного писания также многочисленны и очень существенны в тексте дневника в эти годы.

Однако нельзя забывать, что Пришвин участвует в текущем литературном процессе, пытается честно служить своему народу, обществу, государству, не подчиняя творчество официальной мифологии — и, как ни странно, ему это удается, примером чего он считает прежде

всего повесть «Жень-шень» (*«повесть “Жень-шень” <...> выросла из моей собственной крови, души, а не просто беллетристика, которой обманывают авторы читателя»*). Он старается не оказаться жертвой сталинской авторитарной системы, но еще больше старается не соблазниться, чтобы не оказаться в ситуации, к примеру, Горького и не «отдать первенство за чечевичную похлебку». Тем не менее, писатель принимает и усваивает ритм новой эпохи, близкой ему ускорением, которое после революции получает русская жизнь (*«Царское время ужасно виновато в косности. И взрыв технический должен был произойти»*).

В первые дни 1936 года Михаил Пришвин, по-видимому, даже не предполагая поворота, перед которым уже стояла страна, отмечает то, что кажется ему надеждой на перемену жизни. Нельзя не отметить, что Пришвин, как и все или многие его современники, поддавался обаянию сталинских речей (хотелось верить) и все же выбивался из-под их влияния (*«Какие-то американцы (по словам Сталина) предсказывали, что конституция есть ослабление диктатуры пролетариата. На это Сталин сказал, что они “ничего не понимают”. И он, конечно, прав, потому что американцы понимают конституцию как освобождение личности творческой, создающей из бесполезного высшие ценности, а Сталинская конституция имеет в виду не личность, а стахановца, т. е. личность, обусловленную непосредственной пользой для общества»*). Человек и художник христианской культуры, для которой понятие незаменимой, неповторимой, творческой личности было фундаментальным, Пришвин живет и работает в рамках культуры, рассматривающей личность как частный случай, который можно и нужно использовать в интересах государства, где торжествует безличное (*«И фашизм, и коммунизм... Фейхтвангер пишет о фашизме, а мы все это видим в коммунизме. Общее в том и другом нечто <...> оглупляющее: немцы — пишет он — поглупели. Но ведь и мы поглупели невероятно и все от тех же причин, которые у фашистов носят названия “чистой расы”, у нас “класса рабочих”. Там и тут как главный фактор вводится варвар. Надо выяснить, почему оба фактора, и чистая раса и рабочий класс, производят одинаково оглупляющее действие и направлены против интеллигента. Почему до сих пор возле талантливого и честного специалиста стоит и мешает ему глупый и необразованный коммунист. По-видимому, тут борьба совершается государственно-родового начала с личным»*). Смена культурно-исторической парадигмы реализовала отказ от абсолютного в пользу относительного, от личного в пользу безличного; так был обозначен вектор развития от библейско-христианской парадигмы к языческой. Пришвин готов многое понять в этой жизни и принять как неизбежность, но в главном не отступает ни на шаг: для писателя крайне важно сохранить традицию, преемственность в современном мире, теряющем культурную память (*«Очерк того существа, которому мы теперь даем Пуш-*

кина и вообще ради которого все живем и работаем в Советском Союзе: тот "счастливый" человек без начала и без конца»). Всеми силами он пытается отстоять собственную личность и свое слово от поглощения временем. Каждое его произведение, и в первую очередь дневник, — это испытание на способность сохранить внутреннюю свободу, то есть на возможность личного общения с людьми и окружающим миром. Ежедневно своей жизнью и творчеством, без всякого пафоса и геройства Пришвин утверждает реальность существования личности в чуждом, враждебном окружении. Он дистанцируется от власти: на просьбу «Известий» написать впечатление от речи Сталина, просит жену ответить телеграммой, что Пришвин на охоте и связи с ним нет...

Труднее всего писателю поверить в абсолютное зло; он сопротивляется, он не может не надеяться — ищет хоть какой-то смысл в том, что совершается, хоть какую-то возможность, но позволяет себе рассуждать о времени и о власти только в дневнике — ни разу в опубликованных им строчках не появилось ни одного слова о Сталине (*«революция в <...> смысле ниспровержения кончена, и каждое дурное явление ты должен сам лично устранить»; « Детям елку дали, — так когда-нибудь у писателей будет свобода и мысль»; «Чувствовался глубокий перелом жизни, и пока в хорошую сторону»*). И все же он не обольщается, считая, что стратегия Сталина в большой степени определяется вероятной в скором будущем войной и потому допускает некоторые призрачные послабления в жизни (*«"Жить стало веселей" надо понимать как тактический прием. <...> Слова "родина", "Великороссия", мелочи быта вроде елочки и т. п., принимаемые обывателем "весело", имеют не меньшее рабочее значение на войне, чем пушки и противогазы»; «если "веселая жизнь" перейдет какую-то меру, она корректируется войной: тогда все разномыслие, порожденное веселой жизнью, вмиг будет приведено к единству. И так, по всей вероятности, жизнь будет делаться все веселей и веселей вплоть до войны»*). В то же самое время его не оставляет ощущение, что эта политика «кнута и пряника» не касается самой жизни, по крайней мере в отношении «пряника», а остается в словах (*«Все возвращается на прежнее место, и родина, и Великороссия, и елка. <...> Но все это возвращается сравнительно с прежним как бы в засушенном виде, вроде как бы растения в гербарии»*). То же самое происходит в культуре (*«лично-творческое начало, Пушкин на наших глазах обращается в государственно-родовое или даже прямо в технический прием»*).

Все это было, по Пришвину, продолжением пронизывающего русскую историю явления, которое он считает едва ли не главной причиной краха гуманизма (либерализма) — распад слова и дела (*«кое-что я ненавижу смертельно в создавшемся новом и больше всего ненавижу газету "Правду" как олицетворение самой наглой лжи, какая когда-либо была на земле»*). Оппозиция «слово — дело» с каждым годом не только не находит разрешения, но углубляется и усугубляется, что Пришвин отмечает еще в 1932 году (*«слова человеческие, а дело звериное»*).

Очевидной была необходимость и одновременно невозможность разрешения противоречий культуры и жизни — и положение художника, зажатого в тисках этих непримиримых противоречий и стремящегося их так или иначе примирить или, по крайней мере, понять, как в этом жить, было крайне трудным. Между тем, неразрешимость заключалась в самом существе повседневности: в оппозиции слова и дела, утопии и жизни, которая эту жизнь подминала, прогибала... Но, быть может, именно утопия и не была способна учесть погрешность и включить ее в свою парадигму: погрешность, которая как раз и заключается в том, что жизнь живая, и это живое, как пружина, постоянно стремится развернуться, прийти, по меньшей мере, в исходное положение. Каждый раз, когда пружине удается развернуться, она бьет по самой утопии... и как капля точит камень, так жизнь прорастает сквозь утопию. Так эта безысходность парадоксальным образом провоцирует появление спасительных ростков культуры и природы (*«всякое гнуснейшее дело, доведенное до конца, очищает путь противоположному началу»*). Эти ростки Пришвин везде постоянно обнаруживает, и оказывается, что жизни, абсолютно лишенной смысла, для него не существует. И он не «вследствие», а «вопреки» страшной логике современности ни за что не отдаст этот смысл на поругание, на уничтожение, этот смысл таится и будет таиться до самого конца в каждом его произведении, в каждом слове, как соломинка, за которую можно ухватиться (*«выход какой-то есть, но только нет системы, метода, и о выходе каждый должен сам догадаться»*). И, может быть, самое важное, что жизнь писателя Пришвина демонстрирует: можно прорасти, только очень трудно преодолеть соблазнительную «засасывающую» силу повседневности *.

---

* Ср.: «обратил <...> внимание на сосны левого берега Вексы. <...> На каждом стволе был довольно широкий круг от расчистки коры: красный круг, это значит *подрумянили* стволы с целью подсочки <...> после чего деревья будут срублены <...> — Но как же это возможно, если рядом тракт, и когда срубят сосны, тракт будет засыпаться песком; есть специальный закон, охраняющий деревья возле дорог. — Они не думали о большом законе, охраняющем всесторонне жизнь человека, законом считали они распоряжения своего начальника <...> В этой "механизации" оказалась засасывающая сила. В бору, где столько я пережил, теперь пели зяблики, и голоса их, как это всегда бывает в борах, раздавались сильно преувеличенно и непонятно. Под звуки этих зябликов я уже начал было кому-то прощать, вспоминать пословицы вроде того, что плетью обуха не перешибешь. Тогда желна, черная птица с огненной головой, закричала по-своему на два голоса: один — как тревожный сигнал, другой — как стон в смертельной тоске. Я схватился, выбрал себе местечко посуше и под песни зябликов, обрываемых тревожным стоном желны, стал писать в газету обвинительный акт, основанный на том, что хотя дерево и не чувствует боли, но человек иногда страдает за дерево так, что удары по дереву ложатся на самого человека. Я спас сосны левого берега Вексы, но об этом после будет особый рассказ» (Собр. соч. 1982—1985. Т. 4. С. 592—593).

Характер дневника в 1936—1937 гг. остается прежним: писатель стремится понять новую жизнь, оценить достижения, осознать степень цинизма власти, обнаружить способы существования, вернее, спасения личности. Пришвин по-прежнему остается в дневнике предельно открытым: общий страх, который проникает в повседневную жизнь, никак не сказывается на его ежедневном общении — с самим собой — в его драгоценных тетрадках (*«И как же бедно-бедно живут служащие советские люди, вот уж серая-то жизнь. А по радио целый день стараются воспевать счастливую жизнь, и так это всем надоело!»*) Именно в эти годы тема государства и трагически сложных отношений личности и власти становится в дневнике определяющей (*«Тема нашего времени: жизнь на земле: счастье», «Вторая тема: деспотизм и его жертвы»*). Первое, то, что властью декларируется и остается в словах, он отстаивает всем своим творчеством (*«Я буду жить и писать всем <...> о великом богатстве жизни на каждом месте, о счастье непомерном, которое каждый может достичь себе и создать из ничего»*), второму не перестает ужасаться (*«У жертвы отнимается право кричать и плакать»*).

Пришвин дальше и дальше отходит как от оппозиции власти, так и от самой власти, от государства, — может быть, это и есть место писателя: всегда на обочине, откуда он способен, не участвуя, видеть жизнь (*«Мучусь своей отрешенностью от литературного общества, злюсь, обижаюсь своей оставленностью, но в конце концов хочу оставаться каков есть... и как оно есть»*). Пришвин отступает в то пространство, куда отправляет поэта Пушкин: «живи один» — там он свободен и счастлив (*«у меня <...> своя лесная пустыня и в ней подвиг счастья»*), там он может писать так, как хочет (*«Я пишу в свое удовольствие и не знаю почему: так это хочется. Но читатель меня убеждает, и я думаю: что так мне и надо писать»*). Не романтично и совсем не пафосно выглядит такая позиция, но она не выглядит и мещанской, обывательской — и чего она стоит Пришвину, не знает никто (*«Тоска проедала мне сердце. Вырубка представлялась как изорванная, замученная Россия. Больно было до крика»*). Это не похоже на поведение человека, спасающего свою жизнь... или шкуру; это позиция человека — писателя, который в душе не смирился, понимает весь ужас происходящего на родине, но не верит и никогда не поверит, что эта страшная история не закончится (*«в советской власти вечности нет»*). Он понимает, что бунт личности (пушкинский Евгений) иссяк, потерял культурную актуальность — это путь в безумие, по-видимому, потому, что на любое противостояние власть отвечает одним: смертью (*«Я, как поэт, чувствую себя подобно Шекспировскому поэту, которому Юлий Цезарь сказал: "Уйди, дурак, и не мешай!" И вся разница между тем поэтом и мной та, что я учел опыт того несчастного поэта и не сую свой нос в палатку Цезаря. Одним словом, я поэт сознательный и современный»*). Он «не сует свой нос во власть», но его перо не обходит, кажется, ни одного уголка жизни, в котором власть правит свой бал или

в котором, напротив, притаилась живая личная жизнь отдельного человека и тоже правит бал. Кто знает, сколько надо мужества и душевных сил, чтобы так думать и жить («*Бросился в Москву от страшной и беспричинной тоски. Все размотал в вине и разговорах*»).

По Пришвину, потенциал отрицания, ведущий к разрушению (новой революции?), был в русской истории абсолютно исчерпан («*И еще вот тоже бывает, станет перед глазами забор, самый обыкновенный, какой видел и не замечал всю жизнь, а вот он теперь стал, заслонил собой все, и волей-неволей ты должен теперь с ним считаться. И ты в ярости готов броситься на него, изломать, и не можешь броситься, потому что несомненно уж тогда будешь ты сумасшедшим. Ты благоразумно воздерживаешься и, опустив глаза, отходишь от пошлого места...*»). В дневнике всплывает параллель с японской войной: поражения царизму в войне желали не только большевики, но и либералы, меньшевики — бóльшая и передовая часть русского общества — и что из всего этого вышло... Писатель оказывается в лабиринте, из которого нет выхода — не из чего выбирать: нет позиции, нет места, нет точки зрения, где человек может чувствовать себя честно в обществе, политике, государстве («*опять становится как при царе: что с царем труднее, невозможнее быть, чем против царя*»).

День за днем, из года в год Пришвин создает свой дневник (книгу) — образ мира. В этом мире нет ответов на вопросы «почему так?» или «зачем?», он ответов и не ищет, он в этом мире живет («*Народ, плененный своим собственным правительством, — возможно ли это?*»).

В 1936 году Пришвин обнаруживает необратимые последствия революции («*Невозвратное время*»), определившие образ государства, в котором главным, если не единственным организующим принципом становилась тотальная зависимость каждого от власти («*Трудно сказать, когда это случилось, но только вдруг <...> эта личность стала сверхчеловеческой и незаместимой*»; «*мы упустили его, и он теперь стал незаменимым и единственным* (“*и человека человек послал к анчару властным взглядом*”). <...> *Все происходило как после потопа: множество рек и ручьев стали бежать в одно место, и то место сделалось морем*»). Лейтмотивом дневника 1936 года оказывается стихотворение А. С. Пушкина «Анчар» — символ безграничной власти, несущей смерть, и столь же безграничной рабской покорности, от смерти, кстати сказать, по Пушкину, не спасающей («*Начало греха власти человека над человеком, войн и всех бедствий бывает, когда именной личный человек превращается в вообще-человека и этот отвлеченный “человек” собирает в себя силу, посредством которой и осуществляется власть одного над другим*»).

Пришвин оказывается между двух полюсов: личность и власть (история), которые, в его понимании, не могут слиться и не могут абсолютно разойтись: только вот личность, чья функция состоит в раз-

витии своих способностей, не востребована нынешней властью — во всех областях жизни общества власть борется именно с личностью, вплоть до физического уничтожения («*Власти нужен индивидуум — со всей его гениальностью, его можно использовать, потому что он отграничен от другого индивидуума, он противостоит миру* <...> *"я" — личное, "я" как особенный в своем роде представитель всех людей и всего мира* <...> *"я" личное* <...> *является нам в творчестве связи между людьми (культуре)*»). Но если за личностью «весь мир», то ни происхождение, ни тем более конец существующей власти у Пришвина не вызывают сомнений («*никаких групповых интересов у деспота нет, а только личная утеха под предлогом общественным. Так всегда кончаются деспоты: живая жизнь из-под власти их утекает*»).

Литературное наследие Пришвина — дневник и художественные произведения — представляет собой единый текст, в котором все взаимосвязано и основано на личных воспоминаниях, переживаниях, рефлексиях — он писатель, который способен писать только о себе («*Я думаю* <...> *что все мои писания есть биография*»; «*Не биография даже, а признание*»). Более того, именно в эти годы Пришвин понимает восстановление биографии не только как черту, органически присущую его творчеству, но и как современную культурную задачу. Известные слова О. Э. Мандельштама: «революция <...> отняла у меня "биографию", ощущение личной значимости»; «люди оказались выброшены из своих судеб, как шары из бильярдных луз» — так или иначе, со знаком плюс или минус можно отнести к каждому пережившему революцию человеку. Строить собственную биографию в новом времени означало строить культуру, восстанавливать преемственность, противостоять идее, что государство строит всем общую биографию, создавая «нового» человека («*Я думаю, что литература современная должна быть биографией:* <...> *"вечности" нет, из чего же исходить, из какой реальности?*»). Единственной реальностью, из которой может исходить писатель, оказывается собственное «я», личность, по определению сохраняющая и сохранившая ценности, которые придают жизни целостность и возвращают ей смысл («*Новая уверенность, что если связь времен существует, то только через личность, тем самым через "легенду" (сказку)*»).

И Пришвин не только не отрекается от своей биографии, но декларирует ее значимость в новой культурной ситуации, к тому же перед лицом человека с «правильным» социальным происхождением. Он опровергает норму жизни, по которой социальная природа государства определяется исключительно «пролетарским» происхождением граждан («*— Вы какого социального происхождения? — спросил Панферов. — Не все ли равно теперь, Ф. И., но вы же сам знаете, я описал свое детство. — Ах, да, вспомнил. Но я возражаю против вашего "не все ли равно": вы росли в усадьбе, а я в деревне у мужиков. — Было, да: я-то помню, всегда я чувствовал в своей нравственности ваше положение как высшее, я во время революции перенес не меньше, чем вы в своем дет-*

стве, мы сравнялись теперь, и я очень счастлив за свое детство, я считаю его перед вами своим преимуществом»). И хотя на протяжении всей послереволюционной истории мелкобуржуазность то и дело оказывается признаком «врага» и приводит к известным последствиям, взгляды Пришвина сдвигаются именно в эту сторону, становятся все более и более радикальными относительно новой идеологии, последовательно уничтожающей все связанное с приоритетом личных интересов, с частной жизнью отдельного человека (*«Вы меня извините, но выйти в личной жизни своей за пределы мелкобуржуазных понятий не мог и плетусь на лошадке своей, как последний извозчик в Париже»*).

В эпицентре дневника стоит автор со своими переживаниями и мироощущением, способный осваивать время, только пропуская его через себя (*«Что за участь такая! как будто мне суждено природой моей, что пока я всего себя не ухлопаю, со всеми своими помыслами, досугом и пр., до тех пор не оторвусь»*). Напряжение между большим историческим временем и временем личным, биографическим в эти годы достигает высшей точки (*«Казнь Мейерхольда: "чужой театр". Почему такая напасть на чужое. <...> Так расчищается путь "патриотам", и для искусства наступает время горше рапповского. Никаких перспектив для творчества честного. Занимаюсь архивами и перепечаткой на машинке дневника за 1937 г.»*).

Текст Пришвина демонстрирует мыслительный процесс: понять — значит преодолеть безысходность, найти выход (пусть в мысли — для него это так же реально, как в жизни), найти живое, позитивное, потому что негативное нечего искать, оно везде, оно пронизывает жизнь и проникает во все поры — а он будет до последнего дня своей жизни верить в то, что «для личности всегда есть выход» (*«сквозь пустые будни революции я увидел священные будни мира и с этими священными клейкими листиками соединяю свою поэзию»; «нащупать сквозь толщу катастрофы хоть каких-нибудь вестников желанного мира»*). Мир как целое и существование целого как объективной истины — то есть живой реальной жизни, которая не может быть уничтожена никакой революцией, никакой идеей, остается для Пришвина единственной опорой и надеждой... и сквозь призму этого мира он видит современность. Пришвин не устает думать и писать — не устает бороться за право оставаться самим собой (*«Чем больше жмут дьяволы, тем больше я дорожу часами своей свободной работы в лесочках, в омутах»; «глубочайшее органическое убеждение, борьба от смеха до крика и слез за себя и что так надо для всех, — вот это мой путь в литературе. Так вот отчего заняла меня бабочка, трепещущая в омуте: это я! В таком случае, бабочку эту надо спасти»*) — и, что еще более удивительно, он умудряется свободно жить в своем уединении, руководствуясь импульсом, желанием, инстинктом, чувством, интуицией... он на полную катушку живет. И, кстати, не теряет чувства юмора (*«В нашем Союзе написать*

хороший роман так же трудно, как обворовать госбанк. И если напишешь — тебя забьют, и если украдешь — некуда деть»).

Пришвин живет среди обычных, простых людей — не «культурных»: его семья, охотники, водители, пассажиры московской электрички, и их образ жизни одновременно и его, это мир «природы», а не «культуры» (*«почему тянет меня к простаку, интуиции, инстинкту, народу, природе, земле, красоте, искусству, а не сложности декадентской, аристократизму, космополитизму, науке, рационализму и мистицизму, к отвлеченному: частично тут мое уважение, частично ненависть»*). Каждый раз, выбираясь по литературным делам в Москву, он оказывается в чуждом для себя пространстве «культуры», где подчас чувствует себя не в своей тарелке (*«переменить тон юродства и болтовни, применяемый мной в Москве при поездках»*). Пришвин живет своим внутренним миром, и литературная форма — дневник (мост между природой и культурой) — как нельзя лучше соответствует стилю его жизни. Свой дневник он совсем не пафосно всегда называет «мои тетрадки» (*«Никакие сокровища в свете не могли бы возместить мне эту кладовую записанных слов и переживаний, хотя из нее очень мало беру для своих рассказов»*) *. Пришвин укоренен в природе, он не может без природы жить, недаром критики называли его пантеистом (*«Чувствую теперь стыд за длительную эпоху своего кокетства варварством, дикостью, пантеизмом. Противно смотреть на себя. Искупает подлинность и глубина переживания»*). В любом случае речь идет о преображенном художественным ви́дением пантеизме, а не о мировоззрении — главным культурным ориентиром было и оставалось для Пришвина христианство, однако «силу земли» в своей душе он всегда чувствовал (*«увидел в себе <...> огромную силу свойственной моей природе поэзии, эту способность чувствовать гармонию во всяком хаосе, извлекать красоту из самого бедного, никому не нужного хлама. Это подлинная сила земли, перешедшая в душу человека. Не могу и не хочу думать об этом по своим сочинениям: вероятней всего, что я мало сумел воспользоваться данной мне силой. Я сужу по той многолетней радости жизни, которая мне была ключом в условиях жизни, невозможной для культурного человека»*). В его слове природа сознает самое себя, и новая культура вбирает в себя природу как равную, необходимую, спасительную силу (*«“я” — сознающая себя природа: человек»*). И тогда понятно, почему с таким непостижимым упорством, ежедневно Пришвин пишет и пишет о природе: о погоде, звездах и облаках,

* Ср.: «Бывало не раз, устанешь на охоте и заночуешь в лесу, и вот к твоему огоньку придет какой-нибудь человек, и тут, у костра, этот местный человек что-нибудь расскажет. Только через эти слова в лесу кажется, будто это сама природа о себе что-то сказала по-своему. А после вспомнится и то дерево, под которым развел теплинку, и тот ручей, который пел тебе всю ночь» (*Пришвин М. М.* Мои тетрадки (1940). М.: Молодая гвардия, 1989. С. 37—41).

о цветах и деревьях, о лягушках, птицах и бабочках, о зайцах, ежах и собаках, об озерах, оврагах, лесах, болотах и омутах, как будто хочет передать своему читателю то понимание, которым держится сам: этот мир зеленой природы, окружающей человека, каждый день и каждый час свидетельствует о том, что жизнь пронизана смыслом.

В дневнике этих лет, как и всегда, Пришвин то и дело вспоминает свою жизнь, вновь и вновь обращаясь к истокам своей личности. Рождение Пришвина-писателя связано с психологической травмой – драмой его первой любви (1902): он всегда понимал трагичность разрыва с той, кого считал Невестой, и в то же самое время роль, которую эта утрата сыграла в его писательской судьбе: он почувствовал в себе художника. К этому нужно добавить раннюю смерть отца (мальчику было 8 лет), о чем в дневнике и автобиографическом романе «Кащеева цепь» он пишет крайне остро и осознает как утрату Отца – Бога: поиск собственного пути к Богу и есть путь пришвинского жизнетворчества («*как неверно наше понимание, что к Христу, к Церкви можно прийти путем догадки, что ли: додумался и переменил во Христе свою жизнь.* <...> *Жизнью своей приходят, к этому подводит жизнь, и становится ясно. Личная жизнь прежде всего, но вот бывает, как сейчас, и жизнь общества, государства*»). Также необходимо отметить изгнание из родовой усадьбы Хрущево (1918) с материнским домом и садом. На подсознательном уровне все это в течение жизни так или иначе воплощается в снах, которые он подробно записывает в дневник («*Видел сон, в котором все близкое мне как бы округлялось формами и сходилось.* <...> *Появилась моя невеста в своем милом виде, как 35 лет тому назад, мы с ней сидели на лавочке, и нам было как будто мы с ней никогда не расставались и жили вместе всю жизнь*»)... Автомифология писателя строится на утрате Невесты и поиске любви, ранней потере отца (Отца) и поиске Бога, изгнании из сада (рая) и поиске Дома – с садом непременно. Все это развивается в дневнике 1936–1937 гг. И Россия, несмотря на все катаклизмы истории, остается для писателя источником жизни и творчества – в природе и народе он находит мир, противостоящий чуждой ему советской культуре; он знает и чувствует, что этот мир не уничтожен, он существует, и каждый простой человек, так же как и он, писатель, видит в окружающем его приметы, узнаёт его... в траве-мураве. Именно так, в этой же самой реальности скрывается мир, в котором Пришвину было всегда хорошо жить и писать («*Солнце после дождя. Иду без шляпы в задворках по тропинке между сараями, трава на тропе подбита, примята ногами и часто прибита: земля виднеется. А по сторонам тропы поднимается та самая трава-мурава, которая, кажется, была со мной от рождения, этот пырей, одуванчики, просвирки. – Так вы тут стоите! – сказал... И правда, стоят, а тропа – я иду, иду, и эта тропа есть мне как самая близкая родина*»; «*Деревенские задворки – самое чудесное место на земле: среди молчаливых сараев, в центре полукруга полей, завершенных лесами*»).

Сложившийся образ Пришвина — певца природы до сих пор очень трудно преодолеть, он ведь и правда очень много пишет о природе. И все же он не «певец природы», потому что не воспевает природу, а в глубоком единстве, в «сотворчестве» с ней работает и живет (*«Когда научишься во всякое время по своему желанию встречаться в лесу, с кем загадаешь, с ежами, ужами, землеройками, то встреча с человеком становится все труднее, а желание встречи все больше»*).

Так или иначе, ему удается всех обойти — власть, семью, друзей: ни один человек не знает, какой дневник он ведет (*«Когда некая полоса тревоги, не допускающая возможности сходиться свободно для простых душевных бесед, пройдет (а она пройдет же!) я Вам* <Иванову-Разумнику. — *Я. Г.*> *расскажу кое-что о себе, и вам все будет ясно»*). Чувство полного социального одиночества (которое усугублялось непониманием и одиночеством в семье и среди друзей — таких как Разумник, Бострем) давало ему свободу думать обо всем на свете, а внешне жить просто, как все... и какой это незаметный, трудный и мужественный путь. Пришвин демонстрирует замечательное единство мышления, самосознания и образа жизни — потому-то он этим образом жизни так дорожит (*«Вопрос о переезде в Москву.* <...> *Это новая жизнь, и надо отнестись к этому чрезвычайно серьезно.* <...> *Мы должны устроиться в Москве так же независимо, как в Загорске»*).

Вновь и вновь вспоминая о детстве, гимназических годах и побеге в Америку, об увлечении марксизмом и тюремном заключении, об университетских годах в Германии, о первой любви, разочаровании в марксизме, повороте к писательству — он переосмысляет свою жизнь в свете нового времени, сам создает миф Пришвина и в этом мифе живет... Рефлексия, которая по определению вырывает человека из непрерывного потока жизни и заставляет извне посмотреть на самого себя, у Пришвина каким-то образом (очень органично) входит в повседневность... здесь и сейчас постоянно сосуществуют он сегодняшний и вчерашний, на которого смотрит сегодняшний — конечно, это происходит на страницах дневника (*«какой-то Сам разговаривал с каким-то Собоем»*). Пришвин, кажется, неспособен «жить» отдельно от «мыслить», в его практике это единый процесс жизни — получается, что счастливой (*«горлинка гуркует, уверяя, что каждый человек, если захочет, может взять свое счастье»*). Это — человек мыслящий (он же «играющий»: охота, машина, фотография) — такого никакая власть не может превратить в управляемый объект. И если жизнь не предполагает свободы, тем более счастья, то дневник, демонстрируя сам мыслительный процесс, как раз и становится пространством свободы и счастья — мысль бродит, где хочет... Может быть, писатель и дорожит так своими тетрадками, потому что в них он реально становится абсолютно свободным, ведь мысль — единственное, что невозможно ни арестовать, ни расстрелять, ни уничтожить. Но именно к этому, по Пришвину, стремилось государство (*«государственный Робот механи-*

зировал самые души и мало того, что заставил их работать по-своему, но по-своему, как надо, и говорить, и мало того: ночью себе самому так говорить, как велено Роботом»). А он улизнул от всевидящего ока этого Робота (замятинского, кафкианского, оруэлловского), создал свое собственное пространство свободы, открытое для читателя (что для него крайне важно), и похоже, что только это одно-единственное давало ему силу жить и писать — так, как хочется. Пришвин знает, что такое страх, но того страха, который заставил бы его как-то иначе думать или писать, он точно не испытывает (*«Привык разговаривать с незнакомыми так, что — разговариваешь и в то же время представляешь, будто тебя слушает спрятанный здесь же секретный сотрудник (сексот). Никогда это двойственное состояние не покидает... Раз было, подсел ко мне один какой-то, и я сразу понял, зачем он возле меня. Я тогда сказал ему о Марксе <...> что Маркса не было. — Как не было? — вытаращил он глаза. — Вот как с богами, — ответил я, — были боги и не были, так и Маркса не было, его выдумали. — Сексот был поражен. А я ему все два часа от Москвы до Загорска доказывал и про себя одновременно думал: — Пусть-ка доложит пославшим его, вот посмеются!»*). Какая-то отчаянная и наивная бравада, рискованная и бессмысленная... но по ней видно, что ему невозможно все время с полной, тупой серьезностью относиться к страху. В то же самое время это ма́стерская провокация, построенная по закону жанра: Маркса не было, но как будто не потому, что он против Маркса, а просто потому что это где-то очень высоко или далеко, как боги... и поди тут пойми (*«некоторые думают <...> что я старая лисица и беру хитростью. На самом деле я беру откровенностью и простотой <...> может быть, и хитростью <...> это не плохо при цели, поставленной в большой дали и высоте. <...> Сам уж не знаю, как о себе думать. Знаю только, что, конечно, меня принимают не за меня, и я играю на своей простоте»*).

В 1930-е гг. Пришвин отмечает как в себе, так и в окружающих людях попытки решить проблему самоидентификации, но понимает невозможность отождествить себя с той единственной социальной группой, которая определяет новую жизнь: ответить на вопрос «кто я в этой новой жизни?» не так просто (*«24 Января 1935. Оглянешься на прошлое — что пережито! — и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту»*). Тема «маски» с начала XX века была в культуре одной из важнейших и интереснейших, но в 1930-е гг. проявился ее социальный подтекст (в 1933 г. вышла книга А. Белого «Маски»). В это время маска становится одним из способов скрыть свою личность за личиной (*«24 Января 1935. <...> вечером* у *Чувиляевых люди-маски»*), что, с одной стороны, приводит к однообразию или единообразию, уничтожающему живую жизнь, но часто помогает спасти ее (*«19 Сентября 1935. Как в дождик надо взять зонтик, так надо человеку в обществе надевать маску и строить личину. Или двигаться все*

глубже и глубже в пустыню, или строить личину. Если же строить личину, то лучше всего английскую (искренности, простоты)»). Маска, по Пришвину, скрывает и истинное лицо нового государства, жизнь принимает карнавальный оттенок — все в масках: руководители государства под маской скрывают ложь, рядовые граждане — страх («*3 Июня 1932. Социалистическая маскировка достигла самого высокого совершенства, и много людей (из простых) веруют в это всё (включая мощи Ильича)»*).

Маска как способ защиты личности в чуждом или опасном окружении, как свобода в выборе модели поведения — все это Пришвин понимал еще в 1930 г. («*23 Декабря. Нельзя открывать своего лица.* <...> *Требуется обязательно мина и маска*»; «*20 Ноября. Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала почти для всех обязательной. Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоятельствами*»). Тем не менее, его собственная личина — охотника, человека, ведущего странный на общепринятый взгляд образ жизни, чуждого писательскому сообществу в том виде, в каком оно существовало в столице в эти годы, исключенного из общественной писательской жизни, — определяет его положение. К примеру, его не выбирают в Президиум на Первом съезде писателей, никогда не приглашают вместе с другими в особняк Рябушинского, где обитал Горький и где проходили писательские собрания. Да и представить себе Пришвина на таком рауте невозможно: он человек не только не светский, а напротив, сознательно выбирающий если не маргинальный, то во всяком случае полу-маргинальный образ жизни («*что-то вроде пустынножительства*»). К тому же писатель обнаруживает, что личина, маска и его полу-маргинальная жизнь, его хитрость и юродство уходят корнями в традицию русской литературы и имеют в культуре высокий смысл — борьбы со злом средствами искусства («*творчество есть великая маскировка, великое скрывание... или даже создание лица, личности, единства, закрывающих зло*»).

Однако маска не безобидна и играет важнейшую роль в процессе перевоплощения (иногда и перерождения) человека. В 1936 г. процесс перерождения, происходящий под маской, достигает апогея — маска вытесняется марионеткой, которая, в отличие от маски, не просто скрывает личность, но и трансформирует ее, демонстрирует такие качества, как изломанность, незащищенность и в то же время абсолютную преданность и подчиненность, послушность кукловоду: маска статична, марионетка управляема («*каждый в крайнем славословии, хлопаньи в ладоши как будто сознательно старался заглушить, забить голос собственной личности. Что-то зловещее и небывалое в человечестве чудилось в этих говорящих и хлопающих марионетках*»; «*Задумчивый рассеянный человек при словах ораторов "спасибо вождям за счастливую жизнь" поднимает руки с колен и легонечко начинает похлопывать. Мне кажется, он придумывает особый аппарат для пара-*

дных собраний: чтобы перед каждым гражданином висели механические руки, приводимые [в движение] самим оратором: скажет "счастливая жизнь", нажмет пуговку на кафедре, и руки без всяких усилий со стороны граждан сами захлопают»).

Так получается, что все внешнее (маска) — яркое и расцвеченное, а живая жизнь под маской — не востребована, не актуализирована в обществе, она таится, прячется и вянет на корню. К примеру, машина своей современностью, вписанностью в прогрессивный цивилизаторский контекст — знак всего положительного и передового — в руках чиновника становится маской («*Когда наш русский человек, председатель какой-нибудь получает какую-то для своего учреждения машину и наконец-то в нее садится, то в существе автомобиля он находит подтверждение и оправдание всем дремлющим в нем порокам: самовластью, заносчивости, самодурству, самомнению*»). За машиной-маской обнаруживается развернутый текст культуры, уводящий в воронку истории, где «самовластье» или «самодурство» были наихудшей характеристикой какого-нибудь барина-крепостника («*И правда, в этих наглых гудках, в этом самохвальстве своей коробки, саморекламе, назойливости, навязчивости, поверхностном всезнайстве — вот все вокруг только мелькает — таится характерная черта современного общества*»). И, в конце концов, само государство беззастенчиво демонстрирует на весь мир маску, скрывающую его сущность («*Переживаем речь Литвинова. Так <...> на весь мир мы либералы дальше Англии, — это мы в гостях; а мы у себя дома — это... но ведь это не важно, как мы сами живем. Важно, что живем вот для такой-то идеи*»). На самом же деле совершается более трагическая метаморфоза: все возвращается на круги своя в виде кровавой пародии («*Рушится, разлагаясь, демократия, и монарх возвращается в маске сверхчеловека. Это маленькое дело требует миллионы жертв*»). И, размышляя о своей маске охотника в эти годы, он понимает, что скрывать приходится даже самое невинное, но свое собственное личное желание просто жить («*эта внешняя охота нужна мне лишь для того, чтобы ею маскировать внутреннюю мою охоту жить, такую неловкую, что о ней и стыдно сказать и неловко: можно ли серьезному человеку, писателю в такое-то время целый час сидеть наблюдать в бинокль, как тяжелый шмель гнет цветоножку...*»).

Пришвин не живет по предписанным нормам советской жизни и не пишет по законам утвержденного партией соцреализма — он играет не по чужим правилам, а по своим... и каким-то образом этого никто не видит и не понимает («*— Читаете ли, — спросил Ставский, — написанное Вами раньше? — Нет, — ответил я, — сам не читаю, надеюсь на редакторов: они исправляют. А разве Вам на меня жалуются? — Еще бы, Вы написали: "в советской власти вечности нет". — А между тем ведь это же единственная светлая продушинка революции, что все эти переживаемые страной бедствия пройдут, что в них вечности*

нет»). А его читатель — и прежний и нынешний — как раз всё понимает *.

Тайна пришвинского стиля заключается в том, что его текст, как будто бы абсолютно ясный, каким-то образом закодирован — на первый взгляд в нем не обнаружишь ничего «чуждого», из-за чего его можно и нужно было бы запрещать, но дешифрованный тем самым «другом-читателем», к которому он только и обращен, к «имеющему уши», текст втягивает современность в мировую культуру, оказывается общечеловеческим, актуальным, многозначным, обращенным к свободной личности человека. В то самое время, когда был востребован и торжествовал человек принципиальный, идеологический, прямой, однозначный, внутри культуры, которая нивелировала смысл до полного вытеснения его из жизни каждого человека и общества в целом, которая низвела все человеческое — любовь, творчество, частную жизнь — до примитивного идеологически обоснованного дела, Пришвин обращается к тайной глубине человеческой души, существующей независимо от идеологии или государственного строя, неуничтожимой, потому что именно она и есть жизнь.

Очень существенно, что в его позиции нет агрессии, принципиального противостояния власти, но есть уверенность в своей правоте — правоте писателя. Он своей жизнью и словом утверждает те ценности, которые цинично попирает власть, но которые никакая власть не в силах упразднить («*Не мню я себя великим писателем и это целью себе никогда в жизни не ставил: ни славу, ни деньги.* <...> *убеждает меня долговечность моих писаний, из которых "Колобку" уже 32 года.* <...> *В чем же секрет этой долговечности? Я думаю, в том, что все мои писания есть биография*»). Секрет именно в подлинности, в правде, в искренности, потому что биография, пусть на коротком отрезке жизни человека, демонстрирует реальность бытия личности, совсем не обязательно движущейся по проторенным историей общим дорогам.

Между тем, позиция писателя и его взгляды никак не отличаются ни однозначностью, ни предсказуемостью («*Что-то случилось на Московском канале. Приехал N., шепчет: "Канал провалился, вода не пошла. Еще на два года работы". Через две недели канал открывают и хоть бы что. Как же понимать теперь N.? И является новый вопрос: отношение к советскому героизму не потому ли лишено удивления, что ты сам неудачник и не можешь для удивления перешагнуть через себя. Еще больше, чем N., брюзжит старуха Екат. Михайловна, для той уже нет ничего нигде и ни в чем хорошего...*»; «*Ориентация по N. и старухе очень*

---

* Ср.: «Оглядываясь назад, я вижу, что меня захватывали книги, написанные в пору великих кризисов, когда "порвалась связь времен" (Гамлет) и творческое меньшинство пыталось как-то найти, где выход из кризиса. <...> Есть ли сегодня условия для глубоких книг? Хотя бы в жанре дневника? Есть дневники Пришвина, Шмемана... » (*Померанц Григорий.* Культура сама себя защищает... // Континент 141. Париж; М., 2009. № 3. С. 347).

полезна в самопроверке — и надо, надо постоянно проверять в этом себя»). С одной стороны, для Пришвина неприемлема позиция человека, который радуется беде: злопыхательство и злорадство никогда не встретишь на страницах его дневника. Но так уж переплелось в России праведное с неправедным, что отделить одно от другого было невозможно: ты против государства, против этой власти — и оказываешься на стороне низкого, мелкого, злорадствующего по поводу того, что принудительный, но безусловно героический труд народа (*«на канале вся Россия»*) не имеет смысла (*«Постыло злопыхательство какое-то, что-то вышло на канале, и вот кругом радость, шепот громкий, без церемоний, точно так же, как и при царе во время японских побед»*). С другой стороны, как только ты оказываешься на стороне государства (Сталина), возникает неразрешимый узел проблем, лабиринт, по которому бродит душа и мысль в поисках выхода — выбора, а выхода на самом деле нет (*«Но если <...> сказать себе: "так хорошо!" — то начинаешь ловить себя на чем-то еще более страшном, чем равнение по смешным неудачникам. Как будто маленькие живые дети земли глядят на тебя, а ты их больше видеть не можешь: душа твоя в коричневой коже, и там за кожей и шумом пропеллера ничего не видать, не слыхать — ни детей, ни цветов, ни музыки»*). Не идеи, взгляды и точки зрения, а сама душа перерождается, покрывается «коричневой кожей», перестает слышать и видеть, то есть быть живой... И то же самое Пришвин чувствует в литературе (*«Аппарат отъявленных негодяев разлучает с читателем. Но если опять тот же аппарат начнет тебя признавать и пускать в ход, то это еще хуже, чем нынешнее презрение»*).

В современном Пришвину «государственном лабиринте» нет одного-единственного выхода, и человек все время находится как бы на культурно-историческом перепутье, он каждую минуту должен искать выход из возникшей ситуации, не окончательно верный, а лишь в эту минуту возможный или даже необходимый (*«Теперь, — сказал я Ставскому, — надо держаться государственной линии... сталинской. <...> Дома подумал о том, что сказал, и так все представилось: на одной стороне высылают и расстреливают, на другой "государственной", или "сталинской", все благополучно. И значит, вместо "сталинской" линии я мог бы просто сказать, что держаться надо той стороны, где все благополучно. В таком состоянии, вероятно, и Петр от Христа отрекался. Скорей всего так»*). Это не оптимальный и тем более не высоконравственный выбор: Пришвин понимает ситуацию с точки зрения евангельской парадигмы как отречение апостола Петра; утешительно только то, что это отречение не окончательно, что оно свидетельствует о подлинности и трудности пути. Пришвин с первых лет своего писательства, с первых своих путешествий и книг знает, что под маской государства не только ложь, но и его настоящая родина, где все живо: природа, культура, язык и народный дух (*«моя родина не Елец, а в краю*

непуганых птиц. Я верю, что такая моя родина существует, и я люблю ее беззаветно»). И все это в своей нынешней жизни в эти самые страшные годы он находит, и потому верит, что выход — для личности — точно есть. Жизнь отнять могут, но то, что ты думаешь и что любишь, никто не может у человека отнять.

Кроме того, некоторые черты советской парадигмы Пришвин видит в совершенно других эпохах и других парадигмах, и это тоже лишает современность уникальности и абсолютности («*если с точки зрения человеческой личности, то какая это жалкая, ничтожная и хвастливая страна СССР, а с точки зрения переустройства мира — какая это могучая страна. "Мне ничего не жалко оставить, встал, взял котомку и пошел" — если это помножить на миллионы, то получается сила, та сила варваров, которые разрушили Рим*»). На страницах дневника проживается огромное количество разнообразных поведенческих стратегий, и его роль в этом отношении, по-видимому, для писателя огромна («*Ясно сознаю переворот в себе в отношении своем к либералам и социалистам (в бессознательном состоянии он был у меня, конечно, со времени появления во мне "творческой" жизни). — И это да — это движение вперед. Но следует ли из этого подхалимство в отношении к государству? Вот эту ошибку делали все наши "правые": ошибку как бы поспешности: расставшись с одним, спешили верноподданнически припасть к стопам другого. Это очень похоже на хамство... На государство надо смотреть в таком случае как на необходимость, и если даже от поезда надо посторониться, чтобы он тебя не задавил, то от Левиафана надо почтительно посторониться с вежливым поклоном*»). Пришвин не герой, но и не трус, он понимает, что изжиты все известные способы борьбы, и не находит ничего, кроме борьбы за внутреннюю свободу, для того чтобы по правде писать: раскланяться можно, прислуживать нет. Дневник, который он ведет, не думая об опасности — смертельной, эти тетрадки, эти набегающие друг на друга слова стоят за него и будут стоять на любом человеческом или Божьем суде. Когда спросят, где ты был и что делал в те страшные годы, тетрадки точно зашелестят, как листья в лесу, когда он там осенью бродил; недаром он считал, что тетрадки — это его оправдание («*Идея моих тетрадей, моей жизни, что, почуяв в себе художника, я отдался писанию целиком, все было отдано писанию, вся жизнь*»).

Моральные нормы, выработанные человечеством, в новой культурной ситуации перестали быть живыми и действенными, нравственный выбор в рамках известной модели поведения человека сделать оказывается действительно невозможно: оба полюса отталкивают, вопиют о противоположном, оказываются тупиками сознания («*Думаю о "по ту сторону добра и зла" там, где человек не оскорблен, не обижен. Там находятся родники поэзии. Проходя оттуда к нам через почву добра и зла, поэзия часто принимает вкус добра и потому поэта часто считают добрым человеком. Поэзия начинается не от добра. По ту сторону добра и зла хранятся запасы мировой красоты, лучи которой, проходя*

через облака добра и зла...»). Пришвин обращается к Ницше с его работой «По ту сторону добра и зла». Ницшеанская интуиция о будущем перестает быть фантастической, перестает быть «прелюдией к философии будущего» — она становится реальностью и требует поиска новых небывалых путей, норм, правил, выходов, понимания жизни и пр. Ницше обозначил ситуацию, в которой оказался теперь Пришвин и которая не имела этического разрешения в известной системе координат. Ницшеанский человек должен начинать с какого-то нуля и культуру, выработанную человечеством, должен развивать, переосмысливать или осваивать заново... Этим Пришвин и занимался всю свою писательскую жизнь («*Есть вещи и явления, названные кем-то и потерявшие в движении времени смысл своего имени. И вот весь труд писателя, бывает, сводится к борьбе за настоящее имя тому, что все знают и называют именем, потерявшим всякий современный смысл*»).

Запись за записью проявляют в дневнике абрис власти («*наши выборы похожи на сборку машины <...> все части пригоняются одна к другой, затачиваются, шлифуются, — тут уж ты, поэт, не подходи. <...> А... хочется болтать, как хочется! Поэзия становится просто болтовней, и с болтунами как теперь расправляются! Складывается догадка у некоторых, что ничего нет (заговоров, шпионажа и т. п.), а просто ловят болтунов и, пользуясь ими <...> все лишнее (поэзия, философия, религия, быт, болтовня) устраняется*»). И вдруг этот безнадежный ряд («*Поэту начинает везде чудиться Робот*»), сквозь который проступает подоплека всего — абсолютное победившее зло («*тут дьявол и власть*»), неожиданно заканчивается упрямым, очевидным, уверенным в победе словом — в нем невозможно усомниться, потому что каждый знает: капля камень точит («*"Болтун" — это как ручей: кажется, ведь и ручей просто болтун в сравнении с камнями, по которым он бежит, а между тем маленький ручей со временем перерезает самые великие скалы*»). Природа и ее великие живые законы становятся аргументом в борьбе писателя с властью. Но остановиться на этом в нынешней ситуации для писателя невозможно («*Люди перестали болтать, и в обществе стало сухо, будто срубили в пустыне оазисы (Свобода и Язык)*») — каждый знает, что самое страшное происходит в природе, когда иссякает вода. Пришвин находит точные слова, определяющие его состояние и его отношение к власти («*чувствую в себе "то существо": оно и страдает, и гордо, и смиренно, и в глубине враждебно, как всегда враждебна вода берегам*»). Слова «Свобода» и «Язык» для Пришвина ключевые — недаром оба он написал с прописной буквы: в числе других они являются универсальными характеристиками модели культуры.

В 1933 году Пришвин узнаёт, что Беломоро-Балтийский канал им. И. В. Сталина, соединяющий Белое море с Онежским озером, проходит по части «государевой дороги», проложенной Петром I во вре-

мя Северной войны в 1702 году. Актуализация исторической ретроспективы для писателя усугублялась тем, что свое первое путешествие в 1906 году он совершил в те же края: след «государевой дороги» Петра Пришвин тогда еще застал и сфотографировал. Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами писатель просто не мог («*Петр I разорвал связь с прошлым* <...> *начал строить новую Россию.* <...> *Такое же строительство и Сталина*»). Там же и тогда же он услыхал, что за работавшими на строительстве крестьянами везли виселицу («*Петр I был "зверь" — в смысле антихриста, но "зверь" же и составляет само тело государства*»).

В 1936—1937 гг. Сталин в дневнике писателя уподобляется Петру I, и советская история вписывается в контекст русской истории, что, кстати, ставит под сомнение уникальность как этого исторического опыта, так и идеи «перековки», пересоздания человека: на самом деле всё каким-то образом возвращается на круги своя («*то особенное восприятие русской жизни, когда видишь, что она в существе своем, выражаемом "нá х... мне это все", совершенно такая же, как и была при моем рождении, больше полвека тому назад. А все новое, электричество, автомобили, самолеты* <...> *что из этого, если телегу заменил грузовик: люди совершенно те же самые*»; «*И как все подготовлено! начиная с Петра, как будто шоссе мостили для въезда на автомобиле... школа, армия; социализм как школа прусской государственности. И* <...> *главная наука, навык думать про себя как надо и делать как приказывают; в этом навыке* <...> *"думать про себя" у среднего человека отпадет как лишнее, как не имеющее рабочей ценности*»).

После поездки на Беломорский канал Пришвин приступает к работе над романом о свободе и необходимости (в его терминологии: о «хочется» и «надо»), определяет географическое и историческое пространство романа, который получит название «Осударева дорога». Жанр впоследствии Пришвин уточняет: роман-сказка, сказка-быль. Реалистическая сказка, в которой все одновременно правдоподобно и в то же время выходит за пределы обыденных «низких истин». Все персонажи романа рассуждают, пытаются что-то понять, друг другу объяснить — было так? наверное, не было, только о том, что было, Пришвин не может и не хочет писать роман — об этом в дневнике («*Всем научились пользоваться люди, только не научились пользоваться свободой, если она просто придет* <...> *бороться с нуждой и крайней необходимостью легче гораздо, чем со свободой. В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе* <...> *чуть-чуть полегче — и праздник.* <...> *Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать, люди дуреют, имеют возможность летать, а сами мечтают о натуральном хозяйстве*»). Он пытается писать роман о свободе, включающей необходимость, пытается писать о человеке, задавленном необходимостью, который внутри этой необходимости начинает создавать себе свободу — ту, которую никто не может у него отнять («*С этим каналом я как писатель, в сущности, сам попал на канал, и мне надо преодо-*

леть “свою волю”: вернее, понять неоскорбляемую часть души. А я попал невинно...»; «я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительской части работал. И, конечно, я бы работал: “Канал должен быть сделан”. Я бы работал, как и вообще работают в советское время “неоскорбленной душой”. И в этом моя свобода, мое счастье, моя правда»). Это сейчас мы знаем, что люди в заключении не просто работали, а бывали счастливы, если выпадала возможность работать, да еще по своей специальности... Человек уже там, в заключении, внутри ада начинает этот ад осваивать и в аду становиться свободным — вот что означает эпиграф, который Пришвин завещал к своему роману: «Аще сниду во ад и Ты тамо еси». А о той свободе, которая должна быть в нормальной человеческой жизни, он знает (*«Свобода творится всем обществом, но ее нельзя просить у хозяина государства»*).

Оппозиция «надо — хочется»; «власть — личность»; «Медный всадник — Евгений»: роман Пришвина «Осударева дорога» на самом деле о том, что когда-нибудь им придется договариваться (*«Государь строит государство свое, но устраиваются в государстве люди сами, и так государь-строитель сам строит и дает людям самим устраивать свою личную жизнь»*). Пришвин противопоставляет государству не идеи и принципы, а жизнь с ее непредсказуемостью, глубиной, сложностью и, главное, такой свободой, которая включает необходимость и здравого смысла, и интуиции, и еще много всего. Единственным аргументом в защиту жизни для Пришвина является творчество, к которому невозможно принудить (*«Почему это в ходе революции быстро иссякает вера в самостоятельное творчество народа... (Наше правительство прямо выжимает поэтов...) Нет охоты петь, нет свободы петь»*). Он так просто представляет себе государство, кажется, похожее и на его идеальную (или вполне реальную?) страну Дриандию, и одновременно на Кабарду — такую, какой ее видит в своих мечтах (словах) Бетал Калмыков, и на Советский Союз, каким он предстает тоже в словах — конституции, газетах, речах и лозунгах (*«если государство будет обслуживать не массу, а личность, и личность будет творческая, т. е. готовая служить своим творчеством массе, и не должна [будет], как теперь, лишь бороться с государством за такую свою свободу (служить). <...> Теперь государству приходится обламывать личность, вечно испытывать ее на “полезность”: учитывать, проверять, контролировать, равнять по средней полезности»*).

Как же связана его душа со строительством Беломорского канала, если спустя три года после поездки от того, что здесь у себя, в Загорске, идет ночной проливной дождь, утром в дневнике появляется беспокойство (*«Всю ночь до утра шпарил дождь. Что теперь делается на Канале?»*). Невозможно обнаружить никакой логики, и ничем невозможно объяснить эту связь, только бессильным чувством тревоги, которое сидит в глубине души и не отпускает. Или, отчаявшись от того,

что не пишется (*«Едва ли при нынешних условиях возможно собрать в себе дух для серьезной работы, едва ли найдется такой смельчак и упрямец»*), Пришвин на следующий день возвращается к роману (*«Мысль о Надвоицких падунах»*). Роман «Осударева дорога» тут, он никуда не делся — Беломорский канал не отпустит его до конца жизни (*«я замучен судьбой бедного Евгения»*).

В дневнике 1936—1937 гг. много всего: что-то Пришвин пророчески предвидит, в чем-то ошибается и неправильно понимает, где-то забывается и одергивает сам себя, а где-то не одергивает... но, может быть, именно в дневнике 1937 года он пытается развязать какие-то узлы. К примеру, часто в разные годы Пришвин выстраивает оппозиции — взаимодействие полярных смыслов складывается в некую картину мира — в данном случае ряд оппозиций создает оппозицию языческой и христианской картины мира:

Радость воскресения и радость возрождения.

Личность	—	*Общество*
Воскресение	—	*Возрождение*
Путь страдания	—	*Путь труда*
Идея	—	*Материя*
Радость	—	*Счастье*
Гоголь—Достоевский	—	*Пушкин—Толстой*

И вот в 1937 году оппозиция рассыпается (*«Хороший человек — это прежде всего душевный, т. е. который “знает, что делает”. <...> Человек Китежа града: внутренний. С другой стороны (коммунистической), хороший человек, никуда не отступая (как “душевный” — в Китеж), умеет найтись в текущем моменте и разрешить сцепленный клубок обстоятельств в сторону правды. “Душевные” люди соответствуют монахам в истинном смысле слова <...> а эти мирянам в их чистом “языческом” смысле (у них и семья, и служба, и война, и мир: без них бы жить нельзя)»*). И так языческое и христианское образуют некое обязательное единство, при этом первое, как и в жизни, определяется бессознательным естественным выбором, включающим родовое как основу жизни, второе — сознательным выбором души. И современную советскую жизнь Пришвин отказывается делить на два очевидных лагеря — личность, которая находится в центре мира и выбирает свой путь, только личность создает подлинную сложную настоящую жизнь: христианская парадигма в пришвинской картине мира преодолевает и включает в себя «язычество» как необходимую составляющую (*«N. неверно сказал, что мир раскололся на христиан и их врагов. Это он с точки зрения правоверного христианина. На самом деле и у коммунистов хорошие люди бессознательно идут с Христом, и в церкви христиане идут с антихристом»*).

Вольно или невольно Пришвин сближает литературу с историей, дневник превращается не только в художественное произведение, но

и в памятник эпохе: «*К сказкам, поэзии все относятся как к чему-то несущественному, обслуживающему отдых человека. Но почему же в конце-то концов от всей жизни остаются одни только сказки, включая в это так называемую историю?*» Далеко еще до последних лет его жизни, когда в дневнике одна за другой появляются записи уходящего писателя о сказке: «*Сказки мои — это могильные холмы, в которых я зарывал сокровища своей личности... жизнь для игры и сказки трудней и больней*».

Я. З. Гришина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ранний дневник	— *Пришвин М. М.* Ранний дневник. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2007.
Дневники. 1914—1917	— *Пришвин М. М.* Дневники. 1914—1917. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2007.
Дневники. 1918—1919	— *Пришвин М. М.* Дневники. 1918—1919. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2008.
Дневники. 1920—1922	— *Пришвин М. М.* Дневники. 1920—1922. М.: Московский рабочий, 1995.
Дневники. 1926—1927	— *Пришвин М. М.* Дневники. 1926—1927. М.: Русская книга, 2003.
Дневники. 1928—1929	— *Пришвин М. М.* Дневники. 1928—1929. М.: Русская книга, 2004.
Дневники. 1930—1931	— *Пришвин М. М.* Дневники. 1930—1931. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2006.
Дневники. 1932—1935	— *Пришвин М. М.* СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2009.
Собр. соч. 1935—1939	— *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В ? т. М.: ???, 1935—1939.
Собр. соч. 1956—1957	— *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 6 т. М.: ???, 1956—1957.
Собр. соч. 1982—1986	— *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982—1986.
Собр. соч. 2006	— *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2006.
Личное дело	— Личное дело Михаила Михайловича Пришвина. Воспоминания современников. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2005.
Цвет и крест	— *Пришвин М. М.* Цвет и крест. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004.
Путь к Слову	— *Пришвина В.* Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1994.
Творить будущий мир	— *Пришвин М.* Творить будущий мир. М.: Молодая гвардия, 1989.

Быт	—	Книга Бытия.
Евр	—	Послание к Евреям.
Екк	—	Екклесиаст.
Иер	—	Послание Иеремии.
Ин	—	Евангелие от Иоанна.
Ис	—	Книга пророка Исаии.
Исх	—	Книга Исхода.
Лк	—	Евангелие от Луки.
Мф	—	Евангелие от Матфея.
Откр	—	Откровение Иоанна Богослова.
Рим	—	К Римлянам. Послание святого апостола Павла.
РГАЛИ	—	Российский Государственный архив литературы и искусства.

С. 5. *Народ валил весь день из леса с елками...* — В канун 1936 г. елка, запрещенная в 1927 г. как «рождественская» и «религиозный пережиток», вернулась в жизнь, но уже как «новогодняя» и не имеющая отношения к «религиозной обрядности». См.: Дневники. 1932–1935. С. 981.

Продолжение «Чащи»... — Имеется в виду книга очерков «Берендеева чаща», над которой Пришвин начинает работать после поездки в Архангельский край и на Пинегу (1935); отрывки в течение 1935–1936 гг. публиковались под названием «Северный лес» в газетах и журналах.

Читаю Герцена и переношу его к нам... — Пришвин читает «Былое и думы» (1852–1868).

С. 6. *Исстрадался на севере человек в борьбе за веру, за буквы старых книг, за сложение пальцев в кресте...* — Истории старообрядческого поселения Выгореция посвящена первая книга Пришвина «В краю непуганых птиц» — он видел старообрядцев во время своего путешествия на Север в 1906 г. («не помню, когда еще веяло на меня от человека такой свежестью, чистотой, искренностью и силой»). При Николае I Выгореция прекратила свое существование: скиты разогнали, часовни и кладбища разрушили. Ср.: Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 126–150.

С. 7. *Герцен и Печерин о роли науки в обществе.* — В главе «Pater V. Petcherine» («Былое и думы») А. И. Герцен называет В. С. Печерина «великим мыслителем, который в своем развитии идет дальше большинства, развиваясь в человека, а точнее, в личность»; его путь от литератора и профессора кафедры греческой словесности в Московском университете до монаха иезуитского ордена и священника в Англии свидетельствует о сложности его духовного поиска. Ср.: Из переписки В. С. Печерина с Герценом и Огаревым // ЛН. М., 1955. Т. 62. Наука для Герцена — мощный фактор социального развития и обновления, а после 1825 г. альтернатива попыткам насильственного преобразования общества; затем знакомство с западной наукой привело его к убеждению, что наука находится в состоянии глубокого кризиса и нужда-

ется в спасении со стороны широко мыслящих «людей жизни», способных достичь органического единства науки, философии и практики.

Староверская кровь (И. Н., умирая, отказался от большевистской белой муки). — Имеется в виду Илья Николаевич Игнатов (ум. 1921), двоюродный брат Пришвина со стороны матери Марии Ивановны Пришвиной, которая происходила из староверского купеческого рода г. Белева Тульской губернии; критик, публицист, с 1899 г. постоянный сотрудник газеты «Русские ведомости»; начиная с 1905 г. в «Русских ведомостях» публиковал свои очерки Пришвин.

...двадцать поколений немцев работали, чтобы создать Гёте (Герцен)... — Ср.: «Я не жалею двадцати поколений немцев, потраченных на то, чтоб сделать возможным Гете...» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М., 1955. С. 56).

Вышел «Зверь Бурундук». — Имеется в виду книга «Зверь-бурундук» с иллюстрациями Е. Чарушина.

Договор с Фаворским об иллюстрации. — В 1933 г. вышла книга Пришвина «Жень-шень» с иллюстрациями В. А. Фаворского. Теперь, видимо, речь идет об иллюстрации четвертого тома Собрания сочинений Пришвина «Берендеева чаща», который и вышел в 1939 г. с иллюстрациями В. А. Фаворского.

Бой с Маршаком.— По-видимому, Пришвин выступил на совещании о детской литературе, организованном ЦК ВЛКСМ 15—17 января 1936 г. Ср.: «Сейчас наш молодой писатель может не только изучать рассказы Льва Толстого, но он может опереться и на опыт книг для детей, написанных М. Пришвиным ("Записки егеря Михал Михалыча" и др.), на повести и рассказы Бориса Житкова, В. Бианки, на книжки, написанные и нарисованные Евгением Чарушиным. Михаил Пришвин — писатель для взрослых. Пожалуй, не всякий ребенок, а только прирожденный натуралист, путешественник и охотник согласится обойтись без внешне законченной фабулы и полюбит книги Пришвина за поэтическое виденье мира, за богатство языка и материала. Но зато всякий писатель, который захочет писать о природе, оценит пришвинские рассказы для детей и многому научится у них» (*Маршак С. Я.* Театр для детей: Статьи, выступления, заметки, воспоминания // Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1971).

Даже если очень придираться, в этом выступлении Маршака трудно найти какие-то скрытые выпады лично против Пришвина, писателя как для детей, так и для взрослых. Причину того, что Пришвин бросился «в бой», нужно скорее искать в общей атмосфере враждебности, которую он постоянно чувствовал в эти годы («*15 Сентября 1932.* ...охотничьих моих рассказов больше нигде не печатают»; «*9 Марта 1933.* "Пришвину надо не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр

его сочинений"»; «*26 Апреля 1934.* О "Жень-шень" даже рецензии нет нигде»; «*24 Августа 1934.* Съезд (Первый съезд Союза писателей. — *Я. Г.*) тепленький. Ораторы выжимают из себя силу произносить заранее написанные речи <...> смысл всего таится где-то <...> на собраниях у Горького, куда меня не зовут. И не выбрали в президиум, и не зовут, и рассказ мой в "Известиях", кажется, провалился»). Откуда-то этот холодный ветер неприятия дул — Пришвин видит «еврея», но сам себя окорачивает, понимая, что в данном случае не в этом дело. Он не может понять, кто или что против него — а против была сама атмосфера сложившейся жизни, в которой никто никогда не знал, как отзовется его слово, что произойдет в следующий момент и пр. Пришвин считал, что *случайно* не пригласить его не могли, и чья-то воля в этом проявилась («Все это, по-видимому, указывает на какую-то линию политики не только в отношении меня»). Конечно, он никогда не знал, что происходит в кулуарах, так как жил и работал вне писательской среды, где это ощущалось ежедневно, но чувствовал враждебное *нечто* абсолютно точно («*1 Октября 1932.* ...была одно время во мне почти мания преследования, и вдруг как-то я ее понял, рассмотрел, и она прошла»).

Кроме того, в споре с Маршаком был и крайне важный для Пришвина мотив: в одном-единственном случае он не мог не вступить в полемику — речь шла о русском языке (об этом см. ниже, с. 868).

Подобные чувства по отношению к литературному окружению испытывал в 1920—1930-е гг. не только Пришвин. Ср.: «Михаил Булгаков <...> писал в дневнике после публичного чтения "Роковых яиц" 28 декабря 1924 года на одном из светских "Никитинских субботников": "там сидело человек 30, и ни один из них не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое русская литература... Эти «Никитинские субботники» — затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев"» (цит. по: *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 314).

С. 7. *Ремизов: нет материалов.* — С Алексеем Михайловичем Ремизовым Пришвин познакомился в 1907 г. в Петербурге, подружился и стал членом «Обезьяньей великой вольной палаты» — кружка литераторов, группировавшихся вокруг Ремизова (Вяч. Шишков, А. Толстой, Е. Замятин, Б. Пильняк, Л. Леонов и др.), В шутливой форме игры в «Обезьянью палату» проявлялся серьезный интерес к духовному наследию древней Руси, к национальной мифологии и памятникам народной культуры. Ср.: «*31 Июля 1927.* Мне помнится, в начале моих литературных занятий, когда Ремизов брал материалы у Рязановского (археограф. — *Я. Г.*) для своей повести "Неуемный бубен", и мы поздно ночью шли с ним домой, он сказал мне что-то вроде этого: "Вы говорите о жизни, но ведь там нет ничего, все мы делаем". Помню, каким ужасом повеяло мне от этих слов, и как смутно стало на душе, и даже злобно к кому-то (я думаю, что злоба была к самому Ремизову, который брал материалы у Рязановского и это считал ни за что)»; «*Б/д.*

Ремизов играл словами как мячиками и много развел подражателей пустоте словесной. Но сам он не был пуст. Ему не хватало охоты, смелости, наивности и еще чего-то (?) к живому и слепому движению, к тому, чего так много было у Горького. Он утонул в море эстетической старины» (Дневники. 1926–1927. С. 138; Личное дело. С. 67–70).

Я – бог. – Эти два слова переносят в 1909 г. – в Ранний дневник Пришвина, когда он, начинающий писатель, член петербургского Религиозно-философского общества, знакомится с лидерами хлыстовской секты «Начало века» и сталкивается с целым комплексом идей, связанных с религиозным поиском народа и культурной элиты. Ср.: «*28 Января 1909.* Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедуют теперь декаденты: все царства – Легкобытова, Мережковского, Иванова... И процесс одинаковый: Я – Бог. И потом образование царства. Ты больше Я»; «*2 Февраля.* У Мережковского <...> – У вас, – сказал Мережковский, – биографически: вы не проходили декадентства. – А что это значит? – Я – Бог. Нужно пережить безумие. А вы здоровый... » (Ранний дневник. С. 203–204).

Однако в данном случае эти слова относятся к Ремизову-писателю, понимающему себя – автора – как творца с неприемлемой для Пришвина идеей о соотношении искусства и жизни («Вы говорите о жизни, но ведь там нет ничего, все мы делаем»); однако эти слова никак не относятся к его человеческим качествам, духовным интересам и отношению к миру; по крайней мере, записи Пришвина о Ремизове не дают никакого основания для такого мнения. Ср.: «*20 Декабря 1928.* ...я люблю людей умных с родственным вниманием в глазах, А. М. Ремизов мне очень нравился» (Дневники. 1928–1929. С. 342; Личное дело. С. 67–70).

С. 8. *...в «Журавлиной родине» раскрыто творчество...* – «Журавлиная родина. Повесть о неудавшемся романе» (1929) была задумана как цикл рассказов, «обновленный фенологическим расположением <...> начиная от самой ранней весны света», однако под воздействием сбоя циклического чередования времен года (задержка весны) замысел автора подвергается трансформации: циклическое время Журавлиной родины начинает взаимодействовать с биографическим временем, в котором живет и работает писатель, в результате чего возникает роман о творчестве («Весна задержалась, все в природе ужасно расстроилось. <...> Все это на меня сильно действовало и очень расстраивало "Журавлиную родину". Садишься писать о зверях и вместо этого запишешь воспоминания о каком-нибудь учителе своем из далеких времен») (Собр. соч. 1982–1985. Т. 3. С. 32).

Ленинградский почтальон. – Имеется в виду стихотворение С. Маршака «Почта (Борису Житкову)» (1927).

...Колеса, колеса – послушный народ... – Строка из стихотворения С. Маршака «Колеса».

С. 8. *...машины шинами шуршат.* – Строка из стихотворения С. Маршака «Почта».

С. 9. *Иногда вдруг из «Конька-Горбунка». <...> К фольклору, но не по новой методе: выхватить из среды (пример: стахановца: представим его в Медвежьих горах).* – По-видимому, речь идет о механическом использовании четырехстопного хорея с парными рифмами, которым в традиции народных плясовых припевок, детских песенок и потешек написана сказка П. Ершова «Конек-горбунок»; подобную легкость использования фольклорной традиции Пришвин уподобляет современной трагической легкости («*выхватить из среды*») перемещения человека из естественной органичной жизни в среду противоестественную, метафорой которой становится Медвежья гора: во время поездки на строительство Беломоро-Балтийского канала в 1933 г. Пришвин отмечает в своем дневнике: «*25 Июля.* Из устного Онежского названия Медвежья гора стало сокращенное письменное М-гора, а из этого вернулось в разговорную речь как Эм-гора, и это все правильно, все это словесное переустройство соответствует содержанию: Медвежья гора и Эмгора: на Медвежьей горе жили медведи, на Эмгоре расположилась теперь база ОГПУ по строительству О[него]-Беломорского канала» (Дневники. 1932–1935. С. 275–276).

Именно этой легкости не может принять Пришвин в современной ему детской литературе. Подход Пришвина к литературе для детей (к детству, к ребенку) принципиально иной: «В своих поисках я исходил не от русской сказки и не от Льва Толстого в его рассказах о природе. Близости к детям я достигал, стараясь рассказывать им не о чем-нибудь поучительном, а о собственных своих играх взрослого человека. Давным-давно, будучи еще сам ребенком, я заметил, что взрослые играют еще гораздо более детей и тратят денег на свои игрушки гораздо больше, чем для детей. Так почему же нам надо рассказывать детям непременно о полезном и поучительном?»; или: «...в этой книжке не все будет специально для детей... скорее всего, она будет обращена к детству, источнику нашего творчества, и, как древняя сказка, будет объединять старых и малых» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 4. С. 718; Т. 3. С. 31).

Понеслось на Амазонку. – Строка из стихотворения С. Маршака «Почта (Борису Житкову)» (1927).

С. 10. *...в целях холостого (хотя и гениального) творчества...* – Ср.: «*20 Декабря 1928.* Вечером был К. Он творит легенду, что вокруг моего лика – гениальное безумие (Розанов, помню, тоже сказал: "в глазах огонек гениального безумия"). Мне безумие, хотя бы и гениальное, не очень нравится – "не от мира сего", я люблю людей умных с родственным вниманием в глазах. <...> Гениальное безумие холодно и устремляется не на всех, а только на избранных» (Дневники. 1928–1929. С. 342).

...(ведь раз даже у стенки стоял)... — Имеется в виду случай из биографии писателя, который произошел в 1919 г. в Ельце во время отхода Мамонтова, когда Пришвина спасли киргизские слова: он навсегда запомнил со времени путешествия в заиртышские степи в 1910 г.: «хабар бар? — есть новости?» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 5. С. 260; Дневники. 1914—1917. С. 545—546; см. также коммент. к с. 38 («...в Ельце во время Мамонтова...»)).

С. 11. *...почему цыплята у него «свистят»...* — Строка из стихотворения Маршака «Пудель»: «По улице / Курица / Водит цыплят / Цыплята тихонько / Пищат и свистят». Пришвин имеет в виду ошибку: свистят не цыплята, а утята.

С 12-го по 18-е Января: боевая неделя в ЦК ВЛКСМ... — Имеется в виду совещание о детской литературе в январе 1936 года.

С. 12. *Машка...* — Ср.: «В трудное время, не желая заниматься литературной халтурой, держал я корову Машку. <...> Когда жизнь улучшилась, время перешло на быстрое и дорогое, возиться с коровой стало невыгодно, мы продали Машку и в сарай, где она была, поставили автомобиль. В память нашей доброй кормилицы, машину свою мы назвали тоже Машкой и обращались с ней по привычке иногда тоже как с живым существом» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 585—586).

...искать Берендееву чащу, где еще никогда не бывал человек с топором. — Речь идет о путешествии Пришвина на Север, в Архангельскую область (1935), по материалам которого была написана книга очерков «Берендеева чаща» (1935) и повесть-сказка «Корабельная чаща», напечатанная посмертно. Ср.: «...собраться с силами, чтобы пробиться в Чащу, девственный лес. Все говорят о нем, и никто не знает, как он велик <...> посмотреть лес, не видавший топора» (Дневники. 1932—1935. С. 677—678).

Запань (*запонь*) — плавучая преграда из бревен поперек реки для задержания леса при сплаве.

Роман Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». — Роман Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм» (1933, рус. пер. 1935).

С. 14. *...(постановление о препод[авании]истории)...* — По-видимому, имеется в виду Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании отечественной истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г., в котором отмечались недостатки в преподавании истории в советской школе, рекомендовалось сообщать учащимся исторические события в историко-хронологической последовательности и давать в доступной форме обобщение фактов в марксистском освещении.

С. 14—15. *...«жизнь стала веселее».* — Речь идет о словах Сталина «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселей» из речи на Всесо-

юзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г. Далее Сталин отмечал: «А когда весело живется, работа спорится... Если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас». В 1936 г. появляется песня под названием «Хочется всей необъятной страной / Сталину крикнуть: "Спасибо, Родной!.."» на музыку А. Александрова, слова В. Лебедева-Кумача, которая звучит в исполнении ансамбля под управлением А. Александрова: «Звонки, как птица, одна за другой / Песни летят над советской страной / Весел напев городов и полей / Жить стало лучше, жить стало веселей!».

С. 15. *...как было Хрущево...* — Имеется в виду имение на окраине города Ельца, в котором Пришвин родился, провел раннее детство, куда он после революции вернулся в дом, построенный на завещанном матерью участке земли и где попытался жить, до тех пор пока в 1918 г. крестьяне не выгнали его из Хрущева. См.: Дневники. 1918–1919. С. 252.

С. 17. *...связь со старыми официантами...* — В тетрадь вложена газетная вырезка: «Мы должны больше выдвигать женщин, они аккуратнее, чем мужчины. Когда их выдвинешь, они всю душу отдают делу, они не пьянствуют, как некоторые мужчины. (Смех, аплодисменты.)»; на листке надпись рукой Пришвина: «25.1. Микоян».

Улыбка Хаджи Мурата... — Речь идет о повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат» (1896–1904). Ср.: «Человек этот был Хаджи-Мурат. Он подъехал к Полторацкому и сказал ему что-то по-татарски. Полторацкий, подняв брови, развел руками в знак того, что не понимает, и улыбнулся. Хаджи-Мурат ответил улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкого своим детским добродушием. Полторацкий никак не ожидал видеть таким этого страшного горца. Он ожидал мрачного, сухого, чуждого человека, а перед ним был самый простой человек, улыбавшийся такой доброй улыбкой, что он казался не чужим, а давно знакомым приятелем» (http://www.magister.msk.ru/library/tolstoy/prosa/tolst024.htm)

Алексей Денисов, толстовский мужик... — охотник из деревни Чирково под Загорском, знакомый Пришвина, тип Платона Каратаева, героя романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

...русский народ жив не единым хлебом... — Мф 4: 3–4.

С. 18. *Читаю Буша...* — Вероятно, имеется в виду книга известного специалиста в области ботанической географии, профессора Николая Адольфовича Буша «Ботанико-географический очерк Европейской части СССР и Кавказа» (1936).

...СССР на стройке. — Имеется в виду журнал «СССР на стройке» — пропагандистский журнал, который по инициативе М. Горького изда-

вался в Москве с 1930 до 1941 г. и в 1949 г. на 4-х языках (русском, английском, немецком и французском). Журнал большого формата (А3) печатался на бумаге высокого качества с использованием новейших технологий тех лет; ситуация запрета конструктивизма привела фотохудожников к фотомонтажу как к альтернативному способу самовыражения, дававшего к тому же возможность не только активно участвовать в формировании нового художественного направления, но и распространять результаты своих экспериментов по всему миру. Применение монтажа являлось отличным способом подведения фактов под идеологическую основу: клей и ножницы в сочетании со стилистикой авангарда позволяли преобразить любую картину, превратив тем самым реальность в утопию. Достижение этих целей, конечно же, требовало высочайшего качества исполнения, а потому к созданию «СССР на стройке» были привлечены лучшие из лучших фотографов и художников того времени. В настоящее время журнал считается одним из самых инновационных графических проектов XX в.

В одном из номеров журнала (1935. Октябрь. № 10), посвященном пушно-меховому хозяйству СССР, помещено восемь рассказов Пришвина, среди которых «Архары», «Первый глухарь», «Зайцы», «Орел» и др., а также целый ряд фотографий работы Пришвина с авторскими подписями (см.: http://trendsetter.ru./art/ussr_in_construction)

С. 19. *...имеющие уши да слышат...* — Мф 13: 9.

...пока лев не ляжет рядом с ягненком... — Ис 11: 6.

С. 20. *Читаю «Крейцерову сонату».* — Повесть Л. Толстого «Крейцерова соната» (1887—1889), вызвавшая в свое время широкий общественный резонанс и бурную полемику в русском обществе, поднимает вопросы, очень существенные с точки зрения философии любви, которая постепенно складывается в дневнике Пришвина, начиная с самых первых его страниц и кончая последними; пришвинский любовный дискурс оказывается важнейшей частью общего вопроса о свободе.

С. 22. *Развитие мысли о кузнеце Вакуле и черте.* — Аллюзия на повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1829—1832; цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки»); Пришвина привлекает в повести идея преодоления зла человеком, которым движет любовь и вера; в эти годы Вакула упоминается в дневнике несколько раз.

«Гудок» — газета железнодорожников, издается в Москве с 23 декабря 1917 г. В 1920-е гг. большую известность приобрела так называемая четвертая полоса «Гудка», где помещались злободневные фельетоны, часто написанные на материале писем рабочих корреспондентов и читателей. В газете сотрудничали И. А. Ильф, Е. П. Петров, М. А. Булгаков, В. П. Катаев, Ю. К. Олеша и др.

С. 22. *...«селянскому министру», который жил в Чернове Викторе...* — Виктор Чернов, один из лидеров правых эсеров, министр земледелия Временного правительства (1917), называл себя «селянским министром». Известен литературной и публицистической деятельностью как до, так и после революции.

С. 22—23. *...претендент и конкурент Беталу...* — Тема «поэт и власть», традиционная в русской культуре, после революции нисколько не потеряла актуальности, напротив, обострилась до последнего предела, в частности в связи с тем, что язык становится не столько средством коммуникации, сколько средством манипуляции. Начиная с первых революционных лет, Пришвин время от времени отмечает в дневнике появление в языке новых слов, устойчивых словосочетаний, аббревиатур и т. д., связанное с ломкой традиционного поведения, переоценкой морально-этических установок в обществе, происходящих в момент революционного разрушения прежней жизни — государственного, экономического и социального устройства. В настоящее время лексико-фразеологические особенности русского языка советской эпохи изучаются лингвистами как пропагандистские клише, служившие для внедрения в сознание людей идеологических стереотипов. Совокупность этих клише и приемов их употребления получает название «новояза», расцвет которого связывается со «сталинской эпохой». В настоящее время считается, что в собственно лингвистическом аспекте в чертах «новояза» трудно обнаружить что-либо принципиально неизвестное до того времени русской языковой системе. Поэтому полемика на эту тему направлена не столько против «новояза» как такового, сколько против государственно-политического устройства и идеологии, которые воплощались в «новоязе» и обслуживались им: использование клише, стереотипных словосочетаний способствует искажению истины, языковой трансформации реальности; умолчания, негативная оценка целого ряда слов, связанная со сменой идеологических доминант (мещанство, богатство, свобода и пр.), лишает слова их подлинного смысла — многие исследователи считают это главной функцией тоталитарного языка, создающей искаженный образ мира, который соответствует идеологическим установкам (ср.: *Земская Е. А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 533—534). В этой ситуации писатель, как владеющий словом, оказывается потенциальным противником как «претендент на престол», который на своем поле может обыграть власть: недаром Сталин лично руководил литературным процессом, придавал огромное значение печатному слову и стремился подчинить каждого художника своим политическим интересам. Ср.: *Сарнов Б.* Сталин и писатели. М.: ЭКСМО, 2008.

С. 23. *Похоже на фигурку в трубочке со спиртом «американского жителя»...* — «Американский житель» — игрушка, представляющая со-

бой запаянную стеклянную трубочку с жидкостью, в которой «скачет» плавающая фигурка. Ср.: «Из всех петербургских весен та весна 16-го года представляется мне самой типической, когда вспоминаю такие образы, как: <...> пеструю от конфетти ярмарочную слякоть Конно-Гвардейского Бульвара на вербной неделе <...> деревянные игрушки <...> картезианских чертиков, называемых "американскими жителями", — крохотных бесенят из стекла, поднимающихся и опускающихся в стеклянных трубках, наполненных розоватым или сиреневым спиртом, вроде как настоящие американцы <...> в лифтовых шахтах прозрачных небоскребов» (*Набоков В.* Память, говори: К вопросу об автобиографии: http://www.tovievich.ru/news/10.11.2008/0018.htm).

...хвалил мою книгу «Север»... — Имеется в виду первый том Собрания сочинений в 4 т. (1935—1939) под названием «Север», который включал ранние произведения писателя: «За волшебным колобком» («Колобок»), «В краю непуганых птиц» и др., дополненные некоторыми материалами, связанными с поездкой на Север в те же места в 1933 г.

...(«и человека человек послал к Анчару властным взглядом»). — Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Анчар» (1828), в котором власть — носитель ненависти к человеку и смерти возникает в связи с обсуждением личности вождя, который узурпирует власть. «Анчар» — символ не только безграничной власти, несущей смерть, но столь же безграничной рабской покорности, от смерти, кстати сказать, по Пушкину, не спасающей, становится лейтмотивом дневника 1936 г.

...произошло то, о чем загадывал Л. Толстой... — Ср.: «В 1906 г. в письме к одному из своих друзей и помощников П. И. Бирюкову Толстой вспоминал, что "отрицательное отношение к государству и власти" окончательно сложилось у него под влиянием казни народовольцев в 1881 г. (которой он пытался воспрепятствовать), но что "началось это и установилось в душе давно, при писании «Войны и мира», и было так сильно, что не могло усилиться, только уяснялось..."» (*Лурье Я. С.* После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993; см. также: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0360.shtml).

С. 24. *Секач, одинéц.* — Кабан-секач, одинец, вепрь — старый, очень большой и сильный кабан, живущий отдельно от стада; считается, что охотиться в одиночку на него опасно.

С. 25. *...повторяя «веселая могила».* — На полях приписка рукой В. Д. Пришвиной: «Дурень! 24/VII 53. Ляля». Ср.: Из воспоминаний Николая Ивановича Дедкова, который в 1920 г. был учеником Пришвина в семилетней школе, открытой в селе Алексино Смоленской обл. в доме бывшей усадьбы купцов Барышниковых; в конце 30-х гг.

Дедков бывал у Пришвина в Загорске, где они вместе охотились: «На тот свет я пойду так: наряжусь в свою охотничью одежду, возьму ружье, буду трубить в охотничий рог, соберу всех своих собак — Ярика, Анчара, Ладу — всех-всех! Отец и мама заметят меня еще издали и, радуясь, скажут: "Смотрите, это наш Миша идет со своими собаками!"» (Личное дело. С. 84).

С. 26. *Леонардо, считая живопись величайшим искусством...* — Ср.: «...живопись превосходит все человеческие творения по тонкости размышлений, к ней относящихся. Глаз, называемый оком души, это — главный путь, которым общее чувство может в наибольшем богатстве и великолепии рассматривать бесконечные творения природы, а ухо является вторым, и оно облагораживается рассказом о тех вещах, которые видел глаз. Если вы, историки или поэты, или иные математики, не видели глазами вещей, то плохо сможете сообщить о них в письменах» (Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентийского // Эстетика Ренессанса. М.: Искусство, 1981. Т. II. С. 362).

С. 27. *...вспоминал свою поездку на Кавказ, когда мне было года 22—23.* — Имеется в виду поездка на Кавказ (в Гори) в 1896(?) г., когда Пришвин, студент Рижского политехникума, летом едет для работ на виноградниках. Ср.: «В политехникум поступило на химический факультет с Кавказа предложение — прислать химиков для борьбы с филлоксерой, страшным вредителем виноградников. <...> По утрам мы занимались с микроскопами, а вечером и до глубокой ночи за большим столом с бурдюком кавказского вина спорили о роли личности в истории и о других подобных вещах» (Путь к Слову. С. 55—59).

...за переводом Бебеля... — В годы учебы в Рижском политехникуме (1893—1896) Пришвин был членом одного из первых марксистских студенческих кружков под руководством В. Д. Ульриха. Ср.: «Я <...> усердно и даже отчаянно занимался в "школе вождей", читал трудный "Капитал" <...> переводил с немецкого историю социализма Меринга и с особой страстью "Женщину и социализм" Августа Бебеля». Много лет спустя он отмечает: «Теперь, просматривая Бебеля, понять не могу, с чего же именно взялся тот огненный энтузиазм, с которым я перевел эту вовсе не блестящую книгу» (Путь к Слову. С. 56—57).

Как я мало тогда мог воспринимать от природы. — Ср.: «Природа Кавказа на меня действовала бессознательно, я ею не любовался, не удивлялся. Помню большую веранду, где мы пили вино и вели свои споры, огромное дерево орех. <...> Месяц большой красный между чинарами, серые домики, крик гортанный и лязг оружия в близком духане. После Кавказа я стал сознательно понимать и родную природу. <...> Когда я вернулся домой, то впервые увидел у себя на родине облака. Никакого внимания раньше на облака я не обращал, но после

снежных гор понял облака над равниной Елецкого района с ее ржаными полями, васильками и ромашками. <...> Так что, я считаю, Кавказ был колыбелью <...> моего чувства природы, сделавшего меня писателем» (Путь к Слову. С. 56).

...короткое существование Соловьевской республики. — Имеется в виду Соловьевская волость в Елецком уезде Орловской губернии, где в революционные годы была провозглашена Соловьевская волостная республика. Ср.: «Волостные республики. Распадаются области, одна за другой объявляют себя республикой самостоятельной, губернии, каждая живет за себя, не сознавая, что опора их — уезды, каждый стремится жить независимо, и в уездах волости, даже села превратились в волостные сельские республики. Нечему тут удивляться и нечего пугаться: раз царский трон повален и царем каждый стал, кто захотел, раз признан основной новый жизненный закон самоопределения, то непременно так и быть должно, чтобы всякое сельцо заявило себя особой республикой. Рано или поздно придет время, когда эти самоопределившиеся республики, как муравьи, потащат все свое на постройку целого государства: пугаться тут нечего. Теперь же пока что происходит так, будто муравьиную кучу все муравьи потащили в разные стороны» (Дневники. 1914—1917. С. 587).

С. 28. *...тут око за око...* — Исх 21.

...подставить щеку другую ударившему тебя... — Мф 5: 38—41.

...тургеневские описания смертной казни... — Имеется в виду рассказ И. С. Тургенева «Казнь Тропмана» (1870).

С. 29. *...почитывал Белого «Ветер с Кавказа».* — Речь идет о книге Андрея Белого «Ветер с Кавказа: впечатления» (1928), о чем Белый писал в очерке «Как мы пишем» (1933): «Два года назад я использовал свой личный дневник, переделав его в книгу “Ветер с Кавказа”; процесс работы опять-таки совпадает с временем написания; я переписывал свой дневник, наводя на него легкий литературный лоск и использовав прежние достижения “Белого”; работа, учитываемая почтенным количеством часов, проведенных за скрипением пера, но пустяковая в сравнении с художественной; ведь писал публицист; в итоге очерки, подобные открыткам с видами. Обе книги я писал; и потому обе — продукт допустимой “халтуры”: надо же и художнику зарабатывать хлеб насущный; пишу это, чтобы было видно, что главные усилия художников вне работы записания; и они — не учитываемы, не оплачиваемы» (http://www.litfest.ru/forum/23-74-1).

Это почти диаметрально противоположно всему, что писал об очерке Пришвин. Ср.: «...очерк “Колобок”, по общему признанию, настолько насыщенный поэзией Севера, что не всякий и назовет-то его просто очерком. Но вот, помнится, настоящий поэт Александр Блок, прочитав эту книгу, сказал: “Это, конечно, поэзия, но и еще что-то” <...> это

гто-то не от поэзии есть в каждом очерке <...> это *гто-то* очерка есть как бы остаток материала, художественно не проработанного вследствие более сложного, чем искусство, отношения автора к материалу <...> такие очерки <...> могут быть названы очерками только за особенное напряжение, как бы усиленно реальное отношение автора к материалу» (Мой очерк // Творить будущий мир. С. 92).

С. 29. *Весна света горит всей своей красой.* — Свет — один из важнейших архетипов поэтики Пришвина, универсальная собирательная ценность (город света, весна света, игра света и тени, архетип солнца др.). Весна света — его любимое время года («Мое время сильнейшей впечатлительности <...> весна света»; «Весь день слегка морозный просверкал, как весной света»). Составляя первую летопись своей жизни в 1918 г., по-видимому, в связи с задуманным автобиографическим романом, писатель отмечает: «*1885.* Второй класс. <...> Счет годов с весны» (Дневники. 1918—1919. С. 365). Ср.: «*2 Марта 1951.* В Москве уже лет тридцать и больше я наблюдаю чудесное время, названное мною весной света. <...> Лет пятьдесят я уже веду пропаганду весны света»; «*30 Декабря 1953.* Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям "весну света"» (Собр. соч. 1956—1957. Т. 6. С. 372—373, 794). В 1936 г. в дневнике зарождается рассказ под названием «Весна света» (1938).

С. 30. *...как потом с акад. Павловым...* — 24 января 1921 г. Совнарком принял постановление «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова», то есть о создании особых условий, обеспечивающих его деятельность. Это постановление за подписью Ленина стало для Ивана Петровича охранной грамотой и сделало его в течение всей жизни неприкасаемым для репрессивных органов.

...со времени «Заветов»... — «*Заветы*» — ежемесячный литературно-политический журнал, легальный орган партии эсеров, который выходил с апреля 1912 по июль 1914 г. в Санкт-Петербурге. Ведущий публицист и фактический руководитель — В. М. Чернов. Руководство журналом осуществляли также С. Д. Мстиславский и С. П. Постников. Отдел «Литература и общественность» вел Р. В. Иванов-Разумник. В журнале печатались произведения А. А. Блока, И. А. Бунина, Е. И. Замятина, Н. А. Клюева, А. М. Ремизова.

Пришвина ведь он открыл. — Имеется в виду статья Иванова-Разумника «Великий Пан» (1910—1911).

С. 31. *...взять «Джунгли» Киплинга...* — имеется в виду «Книга джунглей» (1894) или «Вторая книга джунглей» (1895) Дж. Р. Киплинга.

«Рождение геловека» (трагедия) у Разумника есть единственная тема литературы. Погему <...> не рождение пана? — Полемика с Ивановым-Разумником уходит корнями в статью «Великий пан» (1910—

1911) — первую серьезную критическую статью, посвященную творчеству Пришвина, в которой критик отводит писателю важнейшую роль в задаче обновления культуры: «Он [Пришвин] хочет подойти к решению вечных мировых вопросов, но чувствует, что для этого недостаточно "безумно вопить" (как многие из современных писателей) <...> надо, прежде всего, суметь слиться с тем миром природы, в котором живешь. <...> Перед нами тонко чувствующий чуткий, субъективнейший художник, ищущий <...> у природы ответа на вековечные вопросы духа. Зло мира, грех, смерть». Великий пан, «примитивная стихийная мировая душа», в статье критика вполне обоснованно становится вехой на пути художественного освоения мира Пришвиным («...из всех книг... обрисовывается примитивная, стихийная душа самого автора: примитивная — в смысле "лукавого мудрствования" на пути его духовного поиска — заметим, что речь идет о преображенном художественным видением пантеизме, а не о мировоззрении (пан — бог, исполненный природного вдохновения)». В 1936 г. Пришвин рассуждает в русле давней статьи Иванова-Разумника («Рождение пана — вот чудесная тема. <...> Страсть к жизни: радость творчества. Творчество как процесс рождения пана»), а в 1937 г. отмечает новый этап в своем мироощущении («Чувствую теперь стыд за длительную эпоху своего кокетства варварством, дикостью, пантеизмом. Противно смотреть на себя. Искупает подлинность и глубина переживания»). Ср.: *Иванов-Разумник Р. В.* Великий пан // Иванов-Разумник Р. В. Творчество и критика: Статьи критические 1908—1922. Пг., 1922.

По рассказам Разумника, все его судьи... — Об арестах и ссылках Иванова-Разумника в 30-е гг. см.: *Иванов-Разумник Р. В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

...*«Наши Достижения»*... — Журнал художественно-документального очерка «Наши достижения» (1929—1937) был основан М. Горьким, который видел главную задачу издания в воспитании масс на конкретных примерах социалистического строительства; постоянными разделами журнала были наука и техника, культура и быт, искусство и литература.

С. 33. ...*читали ясные ответы Сталина амер. журналисту.* — Имеется в виду опубликованное в газетах от 5 марта 1936 г. интервью Сталина американскому журналисту Рою Говарду, в котором, к примеру, на вопрос, оставил ли Советский Союз свои планы мировой революции, Сталин ответил, что «таких планов и намерений... никогда не было», а на вопрос об избирательной системе ответил, что «в выборах будут участвовать различные общественные беспартийные организации», что «всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти» и т. д.

С. 33. *Собираемся в Кабарду.* – В машинописную копию внесены следующие записи, которых нет в подлиннике и которые, возможно, взяты из записной книжки: «Почему писатели как художники не пишут портреты с живых людей и непременно должны их превращать в “героев” своих романов? Этому, наверно, мешает какой-нибудь предрассудок или практическое затруднение, но ведь написал же Максим Горький прекрасный портрет Льва Толстого. Наверное, это можно. Меня очень заинтересовал Б. Калмыков. Мне пришло в голову так посмотреть на природу не только как на родину железа, каменного угля, торфа, зверей, птиц и всего полезного и вредного для человека, но и как на родину человеческого таланта. “Интеллигентность, – спросил я Бухарина, – какого рода эта интеллигентность, наверно, ведь тоже природная? Да, не размазня, – ответил Б.” Не как у нас раньше понимали. Эта интеллигентность не помешала Б-ну самолично расправиться со своими врагами.

Мысль об охране природы как родины талантов в связи с Калмыковым до того прочно засела мне в голову, что скоро со всех сторон в мою писательскую суму потекли московские рассказы и легенды о Калмыкове. Началось это со Шкловского, который, наверно, слышал от Бабеля.

У меня одно время даже была шаловливая затея написать рассказ Бабеля, записанного у Шкловского. Я было что и начал, но скоро он все стер... Не знаю, многое ли отвечает действительности в этих московских легендах (но что-нибудь, конечно, есть, из чего же нибудь люди ведь делали легенды, передавая их друг другу. Пожалуй, с этих легенд и я начну, а после расскажу, что я увидел сам на Кавказе. Надо собрать написанное, изгоев... Бухарин. Московские легенды (начать с детства).

Передо мной живой человек. Не могу преодолеть в себе самом человека и пользоваться живым существом как материалом для романа. Ничем не хочу от него “пользоваться” и берусь за перо, только желая ему добра: мне он очень нравился, и я хочу, чтобы о нем больше знали. Это Бетал Калмыков, о нем впервые узнал от Н. И. Бухарина в кабинете редактора “Известий”.

– Поезжайте в Кабарду, – уговаривал меня Бухарин. – К Беталу Калмыкову. Там увидите необыкновенное строительство в сельском хозяйстве. Кстати, поохотитесь на кабанов.

Бухарин там был, все видел, охотился и очень полюбил Калмыкова, как чисто дитя природы, и за его личную необычайную храбрость, и за его государственный талант, и за интеллигентность».

С. 34. *...люди обоготворили смерть свою, отказ от жизни сделали достойнейшим чувством...* – Одной из ключевых розановских идей была критика «религии Голгофы» – абсолютизации страдания в христианстве, предельные формы которого он видел в русском сектантстве (самосожигатели, закапыватели). Ср.: «Образовалось в христианстве неутолимое искание страданий: “терновых венцов”, “оков”, “оплева-

ний", т. е. появилось что-то юдаическое в христианстве, и, усердно "усаживая друг друга в темницу", приглашая "пострадать" и морально через это "нагнетая" на человека страдание, — люди *слились не с Спасителем в Гефсиманской Его молитве, но именно с иудеями* в их вопле: "Распни Его"» (*Розанов В. В.* Религия как свет и радость (1899) // Розанов В. В. Собр. соч.: Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 17–18). Абсолютизации страдания как «величайшему излому сознания в истории» Розанов противопоставлял христианство «как свет и радость». Розанов также писал об использовании в России левым, террористическим движением христианской жертвенности, прикрываясь которой, оно создает себе общественную «неприкосновенность»: «"Вы пострадали. Вашей души ищут. И мы никогда вас не осудим". В этом-то "не осудим" и заключался ключ неуязвимости, броня и латы, крепчайшие всякой стали, — которые сделали их, "нравственно некритикуемых", вечно живыми, бессмертными, "протеями". <...> Они присвоили себе фетиш святости, — отрицая у всего и во всем, кроме себя одних и своего дела, "святость"» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Мимолетное. С. 211–212). (Комментарий А. Медведева.)

С. 35. *Голубые звезды вечером в Москве не показались ...* — Так возникает в дневнике мотив будущего, может быть, самого «московского» рассказа Пришвина «Весна света» (1938).

С. 37. *Так Офелия, даже утопая, поет.* — Аллюзия на трагедию У. Шекспира «Гамлет, принц Датский» (пер. М. Л. Лозинского). Ср.: «Она меж тем обрывки песен пела, / Как если бы не чуяла беды / Или была созданием, рожденным / В стихии вод» (акт IV, сцена 7).

С. 38. *...хочется поскорее забыть...* — Из подобных записей следует, что в отношении к самому себе Пришвин не прибегает к тем или другим методам психологической защиты, он очень трезво оценивает свое, в данной ситуации более чем благородное, поведение. По-видимому, дело в том, что ему свойственна эмоциональная вовлеченность в действие — и то, что делается по велению рассудка без этой вовлеченности, никакой цены в его шкале ценностей не имеет.

«Первый глаз» — это глаз пана... — «Первый глаз» — остранение («вывод вещи из автоматизма восприятия» — Шкловский), по-пришвински предполагает отказ от культурного груза, само собой разумеющегося понимания мира (*«25 Мая 1928.* ...будто я в своем полном разуме и чувстве вновь только что родился и, не зная, что будет завтра, всему удивился», т. е. «примитивная душа» Великого пана, о которой пишет Иванов-Разумник, в творчестве Пришвина подразумевает детское, первобытное, архаическое — дионисийское — обновление культуры (*«31 Января 1929.* Замятин открыл в моем писании "обнажение приема"... Пришлось познакомиться с учением Шкловского, —

очень интересно... я думал, пишу авторскую исповедь, а они признали в этом форму обнажения приема») (Дневники. 1928–1929. С. 356).

С. 38. *...принципиальность и пропуск жизни.* – На полях машинописной копии дневника 1936 г. рукой В. Д. Пришвиной пометка: «См. в 40-х гг. [дневник Пришвина] о Евангелии: "единств. книга, в кот. нет принципа." В. П.».

...приглашал меня признать и отдаться «да будет воля Твоя». – Речь идет о советской власти, которую Георгий Эдуардович Бострем, потомственный дворянин шведского происхождения, окончивший Санкт-Петербургскую и Мюнхенскую академии, художник-абстракционист, не признавал и не мог признать, но для заработка выполнял заказ на портреты Ленина. Ср.: «В 1920-е гг. художник оказался в Сергиевом посаде <...> чтобы выжить, ему приходилось <...> тиражировать портреты Ленина, читающего "Правду". Такие портреты обычно украшали стены партийных и государственных учреждений города» (*Шпанькова Т. Н.* Сергиев Посад. Красюковка. Сергиев Посад, 2007. С. 40).

...в Ельце во время Мамонтова отказался надеть на себя для защиты своей жизни крест... – Имеется в виду эпизод из биографии Пришвина во время нашествия Мамонтова и взятия Ельца в августе 1919 г. во время Гражданской войны. Ср.: «Приехали подводы с десятками вооруженных киргиз, меня приняли за еврея. – Покажи крест! – Я показал паспорт. – Читать не умею, давай крест! – Ах, тот крестик... Бабушка наша принесла этих крестиков множество и на всех надевала, но я отказался и, как ни уговаривали, этим способом спасаться не захотел. – Давай крест! Нету? – Нету. – Давай часы. – И взял у меня часы. Другой взял пальто. Третий навел на меня винтовку. Тогда вдруг оказалось, что умирать-то не очень и страшно, только вспомнились мне в это мгновение тетрадки мои, и вдруг откуда-то пришла ко мне необычайная смелость. – Хабар-бар! – крикнул я. Это было единственное, что я знал по-киргизски. Пьяница опустил винтовку, услыхав родное слово. – Хабар-бар, негодяй! – заорал я на него, а "хабар-бар" означало по-киргизски что-то вроде нашего "здравствуй"» (*Пришвин М. М.* Мои тетрадки // Творить будущий мир. С. 39–40). Дневник Пришвина этого времени утрачен.

С. 39. *...из которых одна с утра до ночи в 40 своих лет учит на рояле.* – Жена Бострема Евгения Флегонтовна была учительницей музыки и давала частные уроки на дому (см.: *Шпанькова Т. Н.* Сергиев Посад. Красюковска. С. 41–42).

Послал «пенсию» 500 р. ... – Речь идет о помощи Иванову-Разумнику во время ссылки. Ср.: «У каждого из нас много друзей-приятелей до черного дня; но естественно, что на другой же день после моего ареста все эти друзья-приятели забились в кусты <...> только два-три

друга <...> оказались действительными друзьями, не побоявшимися даже (даже!) переписываться со мною, жителем саратовским. Таков был старый друг еще с гимназических времен, А. Н. Римский-Корсаков; но здесь подробнее скажу только о другом старом друге, М. М. Пришвине. Не только писал он мне бодрые письма в Новосибирск и Саратов, не только присылал новые свои книги, не только хлопотал в московских издательствах о какой-нибудь работе для меня, но даже, когда хлопоты не увенчались успехом, по собственному почину, нисколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей. Только благодаря ему я еще и существую в сем "физическом плане" — и не могу умолчать об этом» (*Иванов-Разумник Р. В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 265, 493, 500—501).

С. 41. *Чеховские рассказы замечательные «Весна» (писатель неудавшийся), «Тоска» (извозчик), «Мечты» (бродяга) и друг. ...* — Имеются в виду рассказы А. П. Чехова «Весной» (1886), «Тоска» (1886), «Мечты» (1886).

С. 43. *Нартан* — село в Чегемском районе Кабардино-Балкарии.

Кокори — брус с корневищем.

С. 45. *...словарь Брокгауз...* — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (сокр. ЭСБЕ) — русская универсальная энциклопедия в 86 т. (1890—1907).

Ангел ногу повредил Иакову. — Быт 32: 24—32.

С. 50. *...в русской литературе под предлогом рождения духовного человека изображается смерть физического человека: «Хозяин и Работник»...* — В повести Толстого «Хозяин и работник (1895) речь как раз идет о том, как преображается купец Василий Андреевич Брехунов, не только осознавший перед лицом смерти тщетность и суетность прежней жизни (физического человека), но начавший новую жизнь (духовного человека), в которой он спасает жизнь своего работника Никиты.

С. 55. *«В Краю непуг. птиц» с «Беломорск. каналом» нарасхват...* — Имеется в виду первый том Собрания сочинений (1935), в который под общим названием «В краю непуганых птиц (Онего-Беломорский край)» вошел очерк «Отцы и дети» (1933), написанный в результате поездки Пришвина на Беломоро-Балтийский канал, а также либо сокращенный и переработанный вариант книги Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907), либо первый вариант книги — в конце дата: 1905; как бы то ни было, описанный в первой книге Выговский край с Осударевой дорогой Петра Первого и тот же край с построенным каналом.

С. 56. *Овечий кош* — загон.

Быки-швицы — порода.

С. 59. *Фирновые поля на Казбеке. — Фирн* — плотный, крупнозернистый слежавшийся снег.

С. 60. *«Играй, друг мой, на своей флейте, но я человек, я тебе не флейта».* — Из разговора Гамлета с Гильденстерном в трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц Датский».

Турлучные постройки... — временное жилище, построенное с использованием древесины только на верхний и нижний венцы, со стенами из камыша или хвороста, обмазанными глиной.

С. 61. *Рассказ Бетала об агрогороде...* — в период массовой коллективизации (1929—1936) большую роль сыграла организация крупных зерновых совхозов, так называемых «фабрик зерна». К этому периоду относится зарождение идеи создания агрогородов — сложного комплекса развитого сельскохозяйственного предприятия.

С. 65. *...от... жакана... — Жакан* — свинцовая пуля особой конструкции для стрельбы из гладкоствольного охотничьего ружья.

...у меня еще четыре пули в винчестере... — Имеется в виду легкое магазинное помповое ружье фирмы «Winchester» со сравнительно небольшой отдачей.

С. 72. *Сапетка* — корзина для хранения кукурузы в початках; *зд.:* хранилище, сарай.

С. 74. *Иван Ант. — у Гоголя — Кувшинное рыло* — Имеется в виду персонаж поэмы Н. В. Гоголя, которая вышла в 1842 г. под названием «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (впоследствии «Мертвые души»), чиновник Иван Антонович Кувшинное рыло, который, пользуясь своим положением, вымогает взятки у посетителей (7 глава).

С. 79. *...назвали своего огромного кавказского парй Шуркой...* — Считается, что настоящая форма кавказских овчарок относится к разновидностям так называемых турецких бездомных собак «парй», оставшихся после завоевания Кавказа.

С. 86. *...громадная морена... — Морены* — обломки пород, переносимые внутри ледникового покрова и в его основании, разнообразные по составу: от суглинков до валунов и гальки.

С. 89—90. *...«охотник, охотник, отчего ты не схватил ее за копытце?» <...> это во сне понималось как родник поэзии...* — Имеется в ви-

ду первая «парижская» любовь Пришвина и связанный с ней лейтмотив повести «Жень-шень».

С. 90. *...для защиты от абреков...* — Власть считала абрека разбойником и боролась с ним, а в народе за ним закрепилась слава благородного защитника бедноты вроде Робина Гуда.

«нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить». — Строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Сват и жених» (1847), положенного на музыку (Ц. А. Кюи).

С. 92. *Всев. Иванов публично отказался от своего «факира»...* — Имеется в виду автобиографический роман Вс. Иванова «Похождения факира», ставший объектом критики в дискуссии о формализме в марте 1936 г. К примеру, критик К. Зелинский в статье «О новых вкусах народа» отмечал: «В "Похождениях факира" главное, мне кажется, в двойственном отношении автора к своим героям. Он хочет разоблачать их и критиковать вместе со старой Русью и не может еще отделаться от любования чудаками и чудаческой природой человека» (http://www.sibogni.ru/arhive/83-997). В ходе «дискуссии» критике подвергались те представители творческой интеллигенции, эстетические принципы которых отличались от «социалистического реализма», который становился общеобязательным; их обвиняли в «формалистических вывертах», в том, что их искусство не нужно советскому народу, что оно уходят корнями в почву, враждебную социализму. В 1936 г. дискуссия о «формализме» в литературе проходила в виде безапелляционных проработок многих писателей и их «покаяния».

Интересно, что стиль выступления, кажется, единственного человека, кто был против по существу и сказал об этом, а именно Б. Пастернака, совпадает со стилем выступлений Пришвина в подобной ситуации (к примеру, его выступление в 1932 г. на пленуме Оргкомитета советских писателей) — его трудно представить себе кающимся, ему удается говорить фактически правду, но в той форме, которая как бы ускользает от определения, как бы юродствуя, надев на себя маску шута или Ивана-дурака — когда анализируешь сказанное в этом стиле, то черт знает что получается, и в этой связи как-то проговаривается правда (для имеющих уши), то, что невозможно представить себе сказанным в докладе — серьезно, ответственно и пр. И этот проход по острию ножа — пользуясь правом шута, которое никто не предоставлял, но которое очень трудно всерьез опротестовать и отнять... убить, конечно, можно.

...приводит Гоголь рассказ об унтер-офицерше... — Аллюзия на комедию Н. В. Гоголя «Ревизор» (1835). Ср.: «Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-Богу, врет. Она сама себя высекла».

С. 96. *...двуликий Янус.* — В римской мифологии бог, получивший от Сатурна дар ясно видеть все и в прошлом и в будущем, отчего изображался с двумя лицами: молодым, обращенным в будущее, и старым, смотрящим назад в глубь веков; в обиходе символ двуличия, неискренности.

С. 106. *...остатки самума...* — *Самум* (*араб.*) — песчаный вихрь, знойный юго-западный сухой ветер.

...на празднике кабардинской лошади (таврение). — *Кабардинцы* — верховые лошади небольшого роста с очень твердыми копытами, хорошо приспособленные для горной и каменистой местности, отличаются высокими скоростными качествами и выносливостью; *таврение* — клеймение, мечение лошадей путем нанесения на кожу знаков.

Пили за $^1/_4$ английской... — Имеются в виду лошади чистокровной английской породы, непревзойденные по резвости; в данном случае речь идет о скрещивании кабардинских кобыл с чистокровными английскими жеребцами (под $^1/_4$ имеется в виду 25% чистокровной крови); англо-кабардинская порода сочетает в себе лучшие качества исходных пород.

Поднять кабардинку... — Имеется в виду высота лошади в холке.

С. 109. *Карахалка на ляжку...* — *зд.*: крестьянин ставит тавро на ногу лошади, а надо на шею.

С. 110. *Смерть Пачева.* — Имеется в виду народный кабардинский поэт Бекмурза Машевич Пачев, который начал свой творческий путь как устный песнотворец, но впоследствии стал пишущим поэтом, для чего изобрел свой алфавит на арабской графической основе. Он унаследовал просодию устного творчества и независимость джегуако (акын, ашуг), не поддавался влиянию ни князей и дворян в старину, ни власти и идеологии большевиков в советское время, всегда мыслил самостоятельно, не уступая ничьему давлению, включая Бетала Калмыкова. На прокурорской тачанке его возили по Кабардино-Балкарии, показывая ему перемены в жизни народа, строительство Малокабардинского канала, дорог, Баксанской электростанции, заводов и фабрик, здания пединститута и многое другое. Бекмурза все оценил, но остался при своем мнении и о Калмыкове, и о ОГПУ, и не согласился воспевать ни Сталина, ни Калмыкова, ни новые порядки. Не захотел стать большевистским поэтом, и остался самим собой. Однако, вопреки своей привычке расправляться с непокорными, Калмыков даже не арестовал его, возможно, из-за возраста (ему было уже за семьдесят), а может быть, считался с традицией неприкосновенности народного песнотворца. Но после смерти Бекмурзы Пачева был придуман варварский способ «перековки» его поэзии: Калмыков поручил нескольким поэтам и чиновникам переделать его стихи в духе большевистской идео-

логии. См.: *Налоев З.* Диктатура и писатели. ADYGA.org. Ср. запись от 16 апреля 1936 г. Ср.: «Написал в "Известия" о Пачеве».

С. 113. *гебуком (губуком) — Чебук, губук* — черенок виноградной лозы для посадки.

С. 121. *...первое время «стрельба в Пушкина», теперь Пушкин...* — Ср.: «Фигура Пушкина оказалась привлекательной для товарищей, пришедших к власти в 1917 году. Нигилистические призывы вроде "сбросим Пушкина с парохода современности" работали против самой новой власти, поэтому русских классиков стали сортировать по принципу полезности. Перед вербовкой на службу коммунизму дворянин Пушкин прошел чистку. Народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский, богоискатель, марксист, бюрократ, дипломат и графоман, заявил, что "экзамен огненного порога, отделяющего буржуазный мир от первого периода мира социалистического, Пушкин безусловно выдержал и, по нашему мнению, выдержит до конца". И — "пока нам нужны помощники", — признался нарком, — Пушкину надлежит остаться "учителем пролетариев и крестьян". <...> К "историческому празднику советской культуры", то есть столетию со дня смерти поэта, с 1935 года готовилась вся страна. Пушкинская комиссия во главе с Ворошиловым и Горьким, думается, работала под личным руководством Сталина. Появились специальные работы о том, как правильно понимать и толковать поэта. "Пушкин искал то, что нашел коммунизм, — писал Кирпотин, — условия равновесия и гармонии личного начала и общественного". И дальше: "Просвещенная гуманность Пушкина вливается в социалистическую гуманность обновленного мира, как могучая река вливается в неиссякаемый океан". К 1937 году — столетию со дня пушкинской смерти, которому были целиком посвящены газеты в самый разгар массовых репрессий, когда громким чтением стихов Пушкина заглушали стоны миллионов, газеты связали поэта напрямую с Октябрьской революцией. "Пушкин целиком наш, советский, — писала "Правда", — ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в народе, и сама она есть осуществление лучших чаяний народных... В конечном счете творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан"» (*Дружников Ю.* Пушкин, Сталин и другие поэты: http://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/9.html).

...кино лучшее искусство. — Имеются в виду известные слова Ленина о кино («из всех искусств для нас важнейшим является кино»), сказанные в 1922 г. А. В. Луначарскому, о чем известно из воспоминаний Луначарского.

...кунагество... (*тюрк.* конак, кунак — гость) — распространенный на Северном Кавказе обычай побратимства, по которому двое мужчин, принадлежавших к разным родам, племенам или народностям,

вступали в тесные дружеские отношения и оказывали друг другу всяческую помощь.

С. 122. *...карагач <...> и осокорь... — Карагач* — разновидность вязов и ильмов; *осокорь* — черный тополь.

...это потомок Базарова... — аллюзия на роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862).

С. 126. *Начкон* — сокращенно начальник в институте коневодства.

С. 127. *Полувал* (*спец.*) — грубая кожа из коровьей или бычачьей шкуры, которая употребляется для изготовления седел; зд.: по-видимому, человек, изготавливающий кожи для седел.

С. 133. *Пши* — князь по рождению, владелец земли.

С. 141. *...имеет значение мутовки... — Рогатка-мутовка* — палка с коротко срезанными на одном конце разветвлениями нескольких сучков для вымешивания теста.

С. 142. *Все эти друзья жили в комнате...* — ср. рассказ «Лимон» (1837).

С. 144. *...в облогах. — Облог, облога, облоги* (*обл.*) — запущенная, заросшая дерном пашня.

С. 148. *Как молоком облитые стоят сады вишневые...* — строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Зеленый шум» (1863).

С. 150. *...вроде верши на земле... — Верша, вёрша, верши* (*спец.*) — приспособление для ловли рыбы, сплетенное из прутьев или проволоки в виде воронки.

С. 151. *...пришел в кош... — зд.*: пастуший шалаш.

С. 159. *...«они вспоминают минувшие дни»...* — аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822).

...кавардак (коурдок, ковурдок) —хлеб лаваш, начиненный рубленым жареным мясом.

С. 160. *...выпил чихирю, тем и живет... — Чихирь* — молодое домашнее вино.

Женщина, облаченная в солнце. — Откр 12: 1.

С. 161. *Блок: «отойди, сатана»...* — По какой-то ассоциации у Пришвина возникло воспоминание о знакомстве с хлыстами в Петербурге

в 1909 г., о чем он в течение многих лет по разным поводам часто вспоминает в дневнике; в данном случае сатана — образ искушения возможностью рационального способа постижения мира и, соответственно, творчества. Ср.: «*30 Января 1918.* Чан. Теперь стало совсем ясно, что выходить во имя человеческой личности против большевиков невозможно: чан кипит и будет кипеть до конца, самое большое, что можно, — это подойти к этому краю чана и подумать: "Что, если и я брошусь в чан?" Блок — для него это постоянное состояние [на краю чана], задолго до революции. Другое дело — броситься в чан. Я думаю сейчас о Блоке, который теперь, как я понимаю его статьи, собирается броситься или уже бросился в чан» (Дневники. 1918—1919. С. 33—34).

...после романа Лермонтова, пережитого в детстве... — По-видимому, имеется в виду «кавказский» роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840).

С. 165. *...ектенья...* (*грец.* *ekteneia* — усердие) — совокупность молитв, читаемых дьяконом или священником при каждом богослужении от имени верующих и содержащих просьбы и обращения к Богу.

С. 167. *...прошли немного по пути на кругозор...* — Имеется в виду смотровая площадка.

С. 168. *Курганы киммерийские, люди бронзового века, изредка и скифские.* — Киммерийская и скифская эра (1000—200 гг. до н. э.) — время перехода от бронзового века к железному.

С. 169. *...машина будет скатываться с грейдера в канаву.* — *зд.*: грейдер — дорога.

С. 171. *Маллеинизация* — метод диагностического обследования животных на заболевание сапом — широко распространенной болезни, прежде всего лошадей.

С. 172. *Гя́ур* —у исповедующих ислам название всех немусульман.

...и баранту... — зд.: стадо баранов и овец.

С. 173. *Абрекствовал...* — зд.: скитался.

С. 176. *В городе ставят «Хижину старого Лувена».* — Имеется в виду сценарий Пришвина по мотивам повести «Жень-шень», по которому в 1935 г. был снят фильм «Хижина старого Лувена» (режиссер Ф. Филиппов; операторы П. Мершин, С. Уралов; музыка Л. Шварц).

Темпера для весны...— *Темпера* (*ит.* tempera — смешивать краски) — живопись красками, связующим веществом в которых являются эмуль-

сии из воды и яичного желтка, а также из разведенного на воде растительного или животного клея; хороша тем, что имеет тонкий слой после высыхания и позволяет наносить множество прозрачных, полупрозрачных слоев — «*для весны*».

С. 180. *Оляпка* — птица отряда воробьиных; также называется водяной дрозд или водяной воробей; зимует на незамерзающих участках рек в предгорьях.

С. 183. *«Природных чувств мудрец не заглушит...* — строки из стихотворения Е. Баратынского «Череп» (1824)

С. 186. *...(декорация для оперы «Китеж»).* — Имеется в виду опера Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1904, либретто В. И. Бельского).

С. 188. *Бабель организует номер Кабарды «СССР на Стройке»...* — см. коммент. к с. 18 (*«...СССР на стройке»*).

...мир дворцам, война хижинам. — Ср.: «Якобинцы отправились на площадь Революции к подножию статуи Свободы, чтобы принести там клятву "Смерть тиранам, мир хижинам!" 21 Января 1793 г. Протокол заседания Конвента». Позднее немецкий революционный демократ и писатель Георг Бюхнер слегка перефразировал и использовал лозунг «Мир хижинам, война дворцам» как эпиграф к воззванию, обращенному к крестьянам. В данном случае подчеркнут противоположный смысл выражения, по Пришвину, более соответствующий развернувшемуся в Кабардино-Балкарии строительству.

...история революции в Кабарде по рассказу Фадеева... — Личность Бетала Калмыкова вызывала интерес у писателей, и в разное время в Кабардино-Балкарии побывали И. Бабель, А. Фадеев, Ю. Либединский, М. Кольцов, Н. Тихонов.

С. 189. *...«мы новый, лучший мир построим».* — Перифраз строчки из песни «Интернационал» (1875; слова Эжена Потье; русский текст А. Коца; музыка Пьера Дегейтера).

С. 195. *...магмовые фигуры... — Магма* (*греч.* — месиво, густая мазь) — расплавленная масса, образующаяся в глубинных зонах Земли; при извержении на поверхность застывает и отвердевает.

С. 208. *...разговоры с <...> Фарнионом.* — Фарнион Коста́ (псевд.; наст. имя и фам. Константин Солтиевич Фарниев) — осетинский советский писатель.

С. 209. *...редко попадает на кладбище.* — Ср.: стихотворение осетинского поэта Коста́ Хетагурова: «Как часто охотник / На смерть обречен, / Но редко бывает / В земле погребен» (перевод А. Ахматовой).

С. 210. *...дал кумыку второй рог... — Кумыки* — один из крупнейших народов Дагестана, проживают также в Моздокском районе Северной Осетии и на севере Чечни.

С. 211. *Арвы-ущелье (небесное ущелье)...* — Имеется в виду Дарьяльское ущелье, которое осетины называют Арвы-ком (Небесное ущелье).

...рассказ его об узденe... — Уздень, узденя (кумыкск.) — лицо, принадлежавшее к феодальному дворянству Кабарды и Дагестана, имеющее права на землю и живших на ней людей.

С. 216. *Литература 5>* — Пришвин отмечает вехи творческой биографии: побег с друзьями-гимназистами в «край непуганых птиц» в 1885 г., который навсегда определил его тягу к путешествиям; увлечение и разочарование в марксизме; первая «парижская» любовь в 1902 г., которая проявила его творческую натуру и обратила к писательству; семейная жизнь, связанная с природой, охотой; и литература, которая стала единственным делом его жизни.

С. 217. *Баранта* — самоуправная месть, состоящая в угоне скота, разорении аулов, грабежах.

С. 219. *«Реком» — жертвенное место...* — Речь идет о средневековом памятнике архитектуры «Реком» (XIII—XIV вв.), расположенном в верхней части Цейского ущелья и представляющем собой бревенчатый сруб с низкой деревянной крышей, построенном без гвоздей и железных деталей и украшенном резьбой; по мнению некоторых ученых, храм построен грузинскими христианами-миссионерами на месте древнего языческого святилища. В 1936 г. здание подвергалось полной реставрации археологом-кавказоведом и реставратором И. П. Щеблыкиным совместно с проф. Л. П. Семеновым и Е. Г. Пчелиной.

С. 220. *...окажет содействие Маурер...* — По-видимому, имеется в виду Генрих Владиславович Маурер — партийный деятель, секретарь Обкома КПСС.

...нам, не верящим, Демьянова уха... — Аллюзия на басню И. А. Крылова «Демьянова уха» (1813).

С. 221. *...по поручению Чичикова <зачеркнуто: мертвые души >* — Аллюзия на поэму Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842).

С. 223. *Воляпюк* — искусственный язык, разработанный в конце 70-х гг. XIX в. немецким пастором из г. Баден Иоганном Мартином Шлейером (1831—1912) с тем, чтобы «облегчить международное общение»; к началу XX в. идея внедрения нового языка теряет былую

популярность, и число его знатоков резко падает. Ныне употребляется иронически (в значении «тарабарщина») и означает невразумительную, бедную, неграмотную речь с искажениями норм и правил языка и т. д.

С. 223. *...повидать место... моей... встречи с Черным морем...* — Имеется в виду поездка в Гори для работ на виноградниках в годы учебы на химико-агрономическом отделении Рижского политехникума в 1894 г.

С. 227. *Найти Реклю...* — Имеется в виду известный французский географ Жан-Жак Элизе Реклю (Reclus) и его работа «Земля, описание феноменов жизни на земном шаре» (1867—1868), в которой он изложил концепцию физической географии, базирующейся на идее гармонии между человеком, Землей и космосом.

С. 228. *...сделаться современным писателем, «властителем дум»...* — Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «К морю» (1824), в котором поэт называет «властителем дум» Байрона.

...цибиками чая... — В дореволюционной России *цибиком* назывался ящик для транспортировки чая, вмещающий 25 или 35 кг.

С. 234. *...искал профиль Пушкина в Коктебеле.* — Профиль Пушкина, напоминающий некоторые его автопортреты, четко виден правее остроконечной вершины Сюрю-Кая.

С. 236. *...я слышал разные рассказы Бабеля о Бетале Калмыкове...* — Ср.: «Еще до того, как вечер открыл Всеволод Иванов, кто-то спросил Исаака Эммануиловича: правда ли, что он написал новую книгу — о Бетале Калмыкове? Бабель ответил неопределенным жестом. Можно было расшифровать его так: написал, но до завершения далеко! Этот последний “вечер с чаепитием” был устроен редакцией одного из толстых журналов в “каминной” писательского дома на улице Воровского. Весь вечер Бабель рассказывал о Бетале Калмыкове (или, как я догадывался, читал наизусть свои новеллы). Правда, утомившись, Исаак Эммануилович попросил кого-то из друзей прочитать отрывок из газеты (судя по формату — из периферийной газеты). Но едва читка закончилась, Бабель снова принялся рассказывать. Что это было, этот газетный текст? Мы, безусловно, почувствовали связь между газетным очерком (?) и новеллами Бабеля. Словно прозвучал чистейший звук камертона — и вслед за ним свободные вариации в той же тональности. Газетный очерк нас позабавил: он был стилизован под фольклор. Когда-нибудь мы обнаружим этот затерявшийся номер неизвестной газеты, и я не удивлюсь, если увижу, что знакомый материал озаглавлен примерно так: “Сказание о Бетале Калмыкове”. Герой представал пред читателями истинно сказочным батыром, но, к счастью, неотступно звучала юмористическая, чуть ироническая нотка.

Она не разрушала образа, но незаметно сводила батыра Бетала с балкарского Олимпа на нашу бренную землю. <...> А какое-то время спустя, наверно, уже в 1937 году (Бетал Калмыков был арестован 12 ноября 1938 г. — *Я. Г.*), Бабель сообщил мне об аресте Бетала: "Его вызвали в Москву, в ЦК, и когда он вошел в одну из комнат, на него набросилось четыре или пять человек. При его физической силе не рисковали арестовать его обычным способом; его связали, обезоружили. И это Бетала, который мог перенести любую боль, но только не насилие над собой! После его ареста в Нальчике был созван партийный актив Кабардино-Балкарии. Поезд, с которым приехали представители ЦК, был заполнен военными — охраной НКВД. От вокзала до здания обкома, где собрался актив, был образован проход между двумя рядами вооруженных людей. На партактиве было объявлено о том, что Бетал Калмыков — враг народа и что он арестован, а после окончания заседания весь партактив по проходу, образованному вооруженными людьми, был выведен к поезду, посажен в вагоны и увезен в московские тюрьмы..." Бетал погиб. И остался ненаписанным цикл рассказов Бабеля о Кабардино-Балкарии...» (*Канторович Владимир.* Бабель о Бетале Калмыкове: http://www.isaakbabel.ru/content/view/136/).

С. 238. *...просят от «Крест. газеты» моего отклика на новую конституцию.* — Речь идет об обсуждении проекта Конституции, который был опубликован 12 июня 1936 г. и в течение полугода обсуждался на предприятиях, собраниях и пр. Ср.: «...в связи с подготовкой проекта новой Конституции и появившимися было признаками смягчения репрессивного режима вся страна жила слухами о предстоящих в будущем году радикальных демократических реформах <...> в 1956 году, вспоминая об этом времени, Пастернак признавался, что и ему оно казалось порой "прекращения жестокостей"» (*Борисов В. М.* Река, распахнутая настежь. К творческой истории романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго»: http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/borisov-reka.htm).

С. 239. *Это из речи Андре Жид'а на похоронах Горького...* — Андре Поль Гийом Жид находился в Советском Союзе с 17 июня по 24 августа 1936 г. О своей поездке он рассказал в книге «Возвращение из СССР», которая была расценена в СССР как антисоветский пасквиль и стала поводом для прекращения публикаций его книг. После возвращения он вспоминал: «Летом почти все ходят в белом. Все друг на друга похожи. Нигде результаты социального нивелирования не заметны до такой степени, как на московских улицах, — словно в бесклассовом обществе у всех одинаковые нужды. Я, может быть, преувеличиваю, но не слишком. В одежде исключительное однообразие. Несомненно, то же самое обнаружилось бы и в умах, если бы это можно было увидеть. Каждый встречный кажется довольным жизнью (так долго во всем нуждались, что теперь довольны тем немногим, что

есть)... Что делают эти люди перед магазином? Они стоят в очереди. В очереди, которая протянулась до ближайшей улицы. Стоят человек двести или триста, спокойно, терпеливо — ждут. Еще рано, и магазин закрыт. Я возвращаюсь минут через сорок — те же люди продолжают стоять. Для меня это удивительно — зачем было приходить раньше? Что они выигрывают? — Как что выигрывают? Обслужат тех, кто пришел первым. И мне объясняют, что в газетах было объявлено о большом поступлении... не знаю чего (кажется, речь шла о подушках). Их будет, может быть, четыреста или пятьсот штук на восемьсот, тысячу или полторы тысячи покупателей. Задолго до вечера их не останется ни одной. Нужды так велики, а публика так многочисленна, что долго еще спрос будет превышать предложение, и превышать значительно» (http://www.fidel-kastro.ru/politica/zhid_return.html). Кстати сказать, французский писатель Андре Жид (1869—1951), почти ровесник Пришвина, также в течение 60 лет вел дневник, что считается своего рода рекордом: «Более 1 млн слов, написанных одним из наиболее проницательных умов XX столетия». Пришвин от этого рекорда не столь далек.

С. 239. *...я хочу быть как писатель не в оппозиции как таковой (как Разумник)...* — Иванов-Разумник, чьи взгляды на жизнь всегда отличались крайним максимализмом и принципиальностью, был именно в этом смысле полной противоположностью Пришвину. Хотя дружеские отношения между ними сохранялись в течение всей жизни и прошли испытание: Пришвин поддерживал Разумника материально и морально в годы «тюрем и ссылок» и абсолютно доверял ему (Иванов-Разумник был первым и единственным человеком, которого Пришвин пригласил в 1939 г. для работы над своим архивом), Пришвин никогда не разделял его взглядов, нетерпимости, нежелания понимать глубину и сложность самой жизни вне зависимости от господствующей идеологии; в течение всей жизни они были одновременно и единомышленниками, и антиподами. Ср.: *Иванов-Разумник Р. В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки.

Книга проф. Морозова... — Имеется в виду Георгий Федорович Морозов, выдающийся русский ученый, автор классического и неоднократно переиздававшегося труда «Учение о лесе» (1912), создатель современного учения о лесе, которое он называл «лесоведением» и определял как «блестящую поэму о жизни леса», принадлежащую «к числу замечательных творений биологической мысли».

С. 241. *Начал проявление.* — Имеется в виду проявление фотопленок, отснятых во время поездки в Кабардино-Балкарию.

С. 244. *...старый петровец...* — Имеется в виду сельскохозяйственная академия, основанная в 1865 г. Московским обществом сельских хозяев как Петровская сельскохозяйственная и лесная академия, по

первому уставу — всесословное и открытое высшее учебное заведение с возможностями свободного поступления в студенты (без образовательного ценза), выбора предметов изучения, без вступительных и переводных экзаменов.

С. 245. *«Die Frau und Sozialismus»* — Имеется в виду книга Августа Бебеля «Женщина и социализм» (1879).

С. 250. *...камера Адамса...* — Ансель Адамс — американский фотограф-пейзажист, создатель зонной теории, т. е. системы, облегчающей расчеты экспозиции при сложных условиях освещения.

...ружье Перде... — Охотничьи ружья английской фирмы «Джеймс Перде» были известны в России и ценились здесь, как и во всем мире, как образцовые.

С. 251. *В одной древней книге неплохо сказано...* — Речь идет о Библии.

С. 254. *К рассказу «Гость».* — В 1939 г. рассказ был напечатан в журнале «Новый мир».

...(«Маршак снят»). — На самом деле Маршака сняли в 1937 г., и Пришвин понятия не имел об истинных подводных камнях происходящего. Между тем, Корней Иванович Чуковский записывает в дневнике уже 21 февраля 1936 г. следующее: «Вчера нагрянул на меня Цыпин. Очень сладко и любовно предложил мне выбросить из программы несколько моих книжек. “Нельзя. Нельзя. По настоянию ЦК”. <...> Цыпин рассказал, что решено ликвидировать ленинградскую редакцию, и очень скоро: сюда назначается некий Светлов, редактор газеты в Иваново-Вознесенске, который прибудет сюда через несколько дней, он должен с течением времени отстранить Маршака от редакционной работы» (*Чуковский К.* Дневник (1930—1969). М.: Современный писатель, 1994. С. 136—137).

О судьбе Ленинградского отделения Детгиза, которое возглавлял Маршак, написала работавшая в те годы в Детгизе Л. К. Чуковская в своей книге «Прочерк»: «Разгром редакции начался исподволь: прежде всего, сняли нашего директора, Льва Борисовича Желдина, не глядя на всю его правоверную партийность. В замену ему явились двое: Криволапов (директор) и Мишкевич (главный редактор). Им, по-видимому, и поручено было Большим Домом подготовить “материал”: сначала мы должны оказаться вредителями. <...> Мишкевич и Криволапов нашли себе в искоренении крамолы достойных помощников. Это был секретарь партийной организации, заведующий производственной частью, Комолкин; затем Дмитрий Иванович Чевычелов <...> он был нашим политредактором, или, попросту говоря, прикрепленным к Ленинградскому Детгизу цензором. <...> Чевычелов вычи-

тывал и вычеркивал и проверял политическую грамотность редакторов с большим усердием. Так, побудил он однажды Желдина объявить мне выговор в приказе с занесением в личное дело. В послесловии к одной из редактируемых мною книг говорилось: советские люди строят социализм. Книга — о Палате мер и весов — вообще была толково, дельно написана, а в казенное послесловие я не вникала. Между тем в 1936 году лично товарищ Сталин объявил, что социализм нами уже построен и мы теперь строим уже не социализм, а коммунизм. Читать газеты мне было недосуг, и потому построения социализма я не приметила. <...> В течение многих лет Большой Дом вглядывался в "группу Маршака". Было о чем беспокоиться: ни одного осведомителя изнутри! Вокруг нас, разумеется, стукачей хоть отбавляй, но внутри основного редакторского состава — никого. А ведь именно мы отвергали одни рукописи, другие приветствовали; мы решали, какие к какому писателю предъявлять требования. И среди нас ни единого стукача! (Да еще одна бывшая ссыльная — именно я!) Достойны ли мы высочайшего доверия?.. Каждого из нас, редакторов, изредка, поодиночке, приглашали на беседу в Большой Дом, вели беседы весьма вежливо — но безрезультатно. Вежливая настойчивость встречала столь же вежливый и столь же настойчивый отпор. <...> "Ленинградскую редакцию" швырнула о скалу та же запланированная стихийная волна, что утопила тогда же Пулковскую обсерваторию, позднее захлестнула театр Мейерхольда и вырвала с корнем вавиловский Институт растениеводства» (*Чуковская Л.* Прочерк. http://lib.rus.ec/b/131161/read).

С. 255. *Есть ли у Шекспира? Есть: Брут.* — Аллюзия на трагедию У. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599), в которой Брут воплощает тип кроткого по своей природе, страдающего политика-идеалиста, который не из личных побуждений, а единственно во исполнение долга и ради идеи идет на убийство («О, Цезарь... я тебя убил не так охотно, как себя») и превращается, по сути, в жертву. Ср.: *Шестов Л.* Юлий Цезарь // Шекспир У. Полн. собр. соч. / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1903. Т. 3. С. 146—153: http://www.rus-shake.ru/criticism/Shestov/Julius_Caesar/).

С. 257. *Аборт (запрещение).* — 27 июня вышло Постановление ЦИК и СНК СССР о запрещении абортов и усложнении процедуры развода.

С. 259. *...в одиночестве помянул Дуничку.* — В копию дневника 1936 г. вписано, по-видимому, последнее письмо Е. Н. Игнатовой Пришвину: «Только что ты ушел, как принесли деньги. Спасибо тебе большое за икру, даже не угостила тебя ею, очень уж много ты принес, но пошлю в Ново-Конюшенный Анне Дмитриевне, и все разойдется. Еще раз спасибо. С удовольствием слушала твои рассказы о Кавказе, они заставили меня забыть и о болезнях и о старости, и захотелось танцевать. Надеюсь, что по соседству ты будешь хотя изредка меня наве-

щать. Показывал ли ты Ефр. Павл. какому-нибудь хорошему сердечнику, это надо сделать. А о сыновьях не беспокойся, оба они будут работники, вероятно хорошие работники. Нельзя требовать талантов, вспомнила Толстого, Гете и друг. Я не умею писать, а сказать что-то хотелось, — все молчу, молчу и даже слушать приходится мало. 6/VII-36. Всего доброго (Игнатова)».

С. 261. *Когда тебя насильно пересадили в другую среду...* — В начале 1933 г. Иванов-Разумник был арестован и провел сначала восемь месяцев в заключении, затем попал в кратковременную ссылку в Сибирь, а с осени 1933 по конец 1936 г. находился в трехлетней ссылке в Саратове (см.: *Иванов-Разумник Р. В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 93—94).

Пастухов <...> 8 дней поднимался и до самой вершины не мог дойти. — На самом деле Андрей Васильевич Пастухов, военный топограф, был первым русским альпинистом, который в сопровождении казаков Кубанского Хопёрского полка в 1890 г. в очень трудных условиях и практически без специального снаряжения (в тяжелых овчинных тулупах, страхуясь вместо ледорубов штыками, привязанными к палкам) с целью изучения совершил восхождение на Эльбрус и покорил высочайшую точку — западную вершину Эльбруса; он провел топографическую съемку, составил первую карту самой значительный вершины Кавказа. В 1896 г. им же было совершено восхождение на восточную вершину, где также была проведена топографическая съемка, измерение температуры, взяты пробы разреженного высокогорного воздуха. Пастухов действительно прожил короткую жизнь — он скончался в 39 лет, но не во время восхождения. Следуя его воле, друзья похоронили Пастухова в Пятигорске на склоне горы Машук, откуда открывается вид на Эльбрус.

С. 262. *...построить целый иллюзорный мир (о. Сергий).* — Аллюзия на повесть Л. Н. Толстого «Отец Сергий» (1890—1898).

С. 263. *...да будет воля Твоя.* — Слова из молитвы «Отче наш».

Со страхом Божиим... — слова из возглашения дьякона перед причастием.

...на Кавказе в 1895 (?) году... — Пришвин ездил на Кавказ в 1894 г.

Счастливая гора. — В дневнике то и дело появляются записи-наброски к задуманной, но так и не написанной повести «Счастливая гора».

С. 268. *...церковь работы Растрелли...* — По-видимому, имеется в виду колокольня Троице-Сергиевой лавры архитектора Д. В. Ухтомского, который, как и Растрелли, работал в стиле барокко.

С. 268. *Соки земли.* — Аллюзия на роман К. Гамсуна «Соки земли» (1917), который является гимном крестьянскому труду.

...у Успенского «власть земли». — Аллюзия на один из серии очерков Г. И. Успенского на темы деревенской жизни «Власть земли» (1879).

С. 272. *...Чудак Горшков...* — дальний родственник Пришвина, художник Михаил Николаевич Горшков. Ср.: «Буду учиться, страдать, делать все, что только мне велят, но когда станет так плохо, хоть умирай, — я не буду умирать, брошу все, возьму палочку и уйду в Италию, как художник Горшков» (Путь к Слову. С. 46).

С. 276. *Начало повести.* — Разработка будущей повести и ее графический план.

Два человека:
Саид схватил жизнь
«Я» — создал легенду о Саиде Татаринове

«Я»: вода как человек
Учитель Макаренко
Народоволец
Археолог
Поэзия курганов
Человечество как вода
Вода как человек — } Катастрофа
Поэзия знания
И не-поэзия (в лице
Саида): дело:
Скифы и кукуруза
Саид: человечество как вода

Хронология
Центр действия: возраст 25 лет = 1920(?) г.
1920 – 25 = 1895: Рождение: 1895.
По 10 лет в 1905 г. (Желтая Круча): явился Макар, началась школа, раскаты 1-й революции.
1909 = время моего «Чер. араба»: по 14 л., начало ученья.

Лица
Макар — учитель: создать из него народовольца: верующего рационалиста, поэзию знания взять у Реклю (Человек и Земля).

Правда: полнота и единство личности в творчестве. Из Правды всё: весь успех Саида и его храбрость.

Счастливая Гора. Внизу курорт. Ключ: река из шести родников: бассейн. Замок.

География
Счастливая Гора (Эльбрус)

Ледник из Адыл-Су и Цеи
Целебный источник из 6 ключей с замочком...
Загнутая сосна
Желтая круча
Горячие ключи: жизнь вулкана
Жизнь вулкана: катастрофа на Эльбрусе: конус почернел.

Любовь

Расхождение в любви и в правде двух людей, все вместить в наш самый первый детский спор о лошадях: 1-я победа Саида.

Любовь как «схватил»: все любит, род любит: государство.

Любовь создает «личность» (романтическая). На этом пути только легенда. Анна, солнечная: веснушки. Сразу согласилась и заморила легенду; а когда перешла к Саиду — явилась легенда — любовь. Вообще изобразить две любви, поэтическую — силу различия (поэзия, личность, качество), и любовь родовая Саида. Анна в легенде и Анна сама как есть.

Любовный сюжет: я не любил эту женщину и полюбил, когда утратил, когда ее Б. полюбил.

Горный подъем. Спор о лошадях. Жена на Саидову лошадь: я — «отставать».

Это не любовь как бесконечно малая — не величина: и в то же время любовь как бесконечно малая есть величина.

Итак: любовь настоящая родовая у Саида, а моя любовь «единственная» есть условность и существо поэзии.

— Прогоню. — Значит, ты старый вправду и мне на тебя жалко смотреть. — А как же Стенька Разин, он был молодой — нехороший человек!

Начало строительства, или Атлас.

Связать с революцией: 1-е выступление Саида — это он угнал Атласа.

Одна из тем: Если весь человек выходит — это правда и словам его верь! если не весь — неправда.

Правда — это полнота творчества: весь человек Саид.

На этом построить всего Саида.

Саид Татаринов.

Саид — правда = мужество = цельность = я-сам = весь человек
Я — легенда
Макар — учитель
Анна — жена «Я», потом Саида: Анна = солнечная: величие единства в любви = в ней нет, но она мать Я.
Зураб (*испр*: Зораб), Гриолид, Роллон Диозавр, Милон, Бокс
Адыгея Зарема Бобар (араб.)
Счастливая гора
Вода как человек

Человечество как вода

Курганы

Любовь — рождение индивид. личности, сила различия.

Катастрофа = как мечта о конце мира и как действительность.

Природа и приключения: Адыгея.

Саид — один из тех, кто мелкой собственностью не был отравлен и является тем будущим человеком, который явится через одно пустое поколение детей мелких собственников: мелкоты.

Ручей, которого не может задавить никакая гора... (описать как лицо в драме борьбы огня и воды).

Низменная равнина ограничивает подножье гор, подобно морю, омывающему утесистые берега (да так и было недавно).

— Наводнение водами и наводнение людскими массами подчиняется одним и тем же законам.

— Ни одна другая страна не представляет столь противоположных черт природы, как Кавказ.

САИД ТАТАРИНОВ

Есть люди, которых оценить можно только во время какого-нибудь дела, захватывающего их целиком. В эти моменты они все на свете понимают, и если бы можно было бы их спрашивать и записывать их ответы, мы бы давно узнали такие вещи, что такое правда и многое, о чем сейчас и не догадываемся. Но безумно спрашивать в интересах будущего человеческого сознания в то время, когда идет борьба за самую жизнь. Оттого и кажется, что нет правды на свете.

В бессловесном молчании переменяют люди эти нашу жизнь.

Другой человек, напротив, при всем своем мучительном желании не может с головой уйти в дело и скопленная энергия ищет себе какого-то иного выхода. Вот я такой человек, и хочу оправдать я теперь жизнь свою рассказом о своем друге, который, по-моему, должен бы все знать, но не может ничего сказать о себе. Нас с детства разделяла река, бурно бегущая в степь из ледников Счастливой горы с двумя высочайшими в Европе вершинами. Я родился в степи, он в горах, но в летнее время от мух и слепней мы гоняли свои табуны и стада к ним в нагорные альпийские пастбища. Его звали Саид Татаринов, и мы в детстве говорили с ним на языке, смешно сложившемся из их тюркского и нашего казачьего русского. Раз, помню, Саид приходит ко мне и говорит:

— Ходи со мной в горы.

— Скоро, — отвечаю, — Зураб поведет косяк на водопой: нельзя мне.

Саид осмотрел Зураба, обошел, снял мою бурку и перед самими его глазами поставил на траве ее, как человека.

К своему косяку — он тоже поставил.

— Ходи! — повторил Саид.

И мы стали с ним подниматься в горы: выше и выше густыми темными лесами. Когда леса кончились, и стало все видно вперед, где фир-

новыми своими льдами-полями сверкали ледники и на голубом небе стояли чистые белые знакомые с детства фигуры, а внизу на пастбищах ходили наши косяки, Саид показал мне на Зураба. Наш косячный поджал уши, вытянув щукой шею, вел всех своих двадцать кобылиц на водопой, и они все шли за ним, толстые, жеребные и с жеребятками. На месте, где я оставил косяк, теперь стояла только черная бурка, как человек. Зураб подвел кобылиц к воде. Какая-то из чуждого косяка кобылица прибежала и, не решаясь подойти, козочкой стала на камне. Зураб угнул голову, сложил уши, оскалил зубы, и она, только это увидев, опрометью бросилась искать свой косяк. Напоив кобылиц своих, Зураб сам долго степенно пил воду, холодную ледниковую воду, и в прежнем строгом порядке привел как раз к бурке Саида. (2-ой жеребец горной породы привел. Начало спора)

— Якши понимай! — сказал Саид.

И мы стали с ним скатывать камни, сначала маленькие прыгуны, а потом и большие. Не знаю, что в этом, но только можно весь день спускать в пропасти камень за камнем, и скучно не будет. Много же наших камней удержало одно дерево над пропастью: ударится в него камень, дерево вздрогнет и остановит. Наконец нам удалось тронуть такой большой камень, что [дерево], как-то особенно ахнув, полетело в пропасть со всеми своими задержанными камнями. Это была настоящая катастрофа в горах. После удара внизу, похожего на самый сильный пушечный выстрел, послышался шелест на той стороне, на желтой круче.

— Слышишь, Саид? — спросил я.

Он долго слушал, потом показал мне пальцем на Желтую кручу. Там по желтому, как мыши, мелькали камешки, и это все вместе шептало. Саид говорил:

— Гора сказать хочет.

И вот с тех пор началось, так и теперь продолжается на Желтой круче этот вечный шепот, в разную погоду тише или громче, но с тех пор нет прежней тишины никогда: гора обсыпается, гора сказать хочет.

Пришло время и у нас, у людей тоже кончилась тихая жизнь, тоже катастрофа пришла, и все сыплется, сыплется и душа моя с тех пор, как гора тоже что-то все хочет и хочет сказать...

Появление Макара.

За рекой в ауле Куба русское правительство устроило двухклассную школу, и чтобы горцы скорей учились по-русски, и нашу казачью станицу приписали к этой же школе. Мы стали в этой школе каждый день встречаться с Саидом.

Огонь из моря выдвинул Ошкомахо (Счастливую гору), и с тех пор вода днем и ночью без устали круглые сутки и круглый год, столетия, тысячелетия неустанно трудится, чтобы опять обратно в море вернуть эту гору. Огонь мог поднять Счастливую гору двумя величайшими в Европе вершинами, но гора не может устоять против силы воды и даже самая большая гора не может задавить самый маленький ручей.

Местами в горах до того много льется воды и падает камня, что человеку с другим человеком разговаривать можно только на ухо. Сколько раз, бывало, при грохоте обвалов и реве падающей воды я с восхищением смотрел на друга, которому при таком реве скал и воды вслух ничего было невозможно сказать. Я угадывал тогда в нем по себе самом то самое маленькое как будто «я», этот поток человеческого сознания, который тоже, как маленький ручей воды, не может ничто в мире приглушить и совершенно с ним покончить. Наше личное человеческое дело учиться и понимать в борьбе воды с косыми ее берегами.

Сколько раз, бывало, при грохоте обвалов и реве падающей воды я с восхищением смотрел на своего друга, которому при таком грохоте вслух было ничего невозможно сказать. Я угадывал тогда в нем по себе самому то маленькое свое «я», которое, как в ручье вода, ничто в мире не может [с ним] совершенно покончить. Я потому с восхищением смотрел тогда на его думающее лицо, что раз это бывает так у меня и у него, то, значит, и у знакомого, и неизвестного, и у множества, в нашей стране и в другой, и в третьей, и по всему земному шару — такие родники сознания, действующие через это «я».

До того я задумывался под рев падающей воды, [капли:] перемещались и спрашивал себя: — А почему бы и у них, у капелек, как у нас, как у зубчиков пилы тоже бы не было все по-своему. Так я по-человечески хотел даже и воду понять, а друг мой, когда мы потом спускались в тихие долины, напротив, жизнь человечества и понимал по воде и всегда это личное «Я» старался понять одинаково и растворить его, как растворяется капля в воде.

В горах у нас много людей живет больше ста лет, а бывает, один год проживает человек, и он скажет больше, чем сто лет пройдет в какой-нибудь горной сакле.

Я помню, когда мы в детстве с Саидом скатывали камни, грохнулся обвал, и с тех пор Желтая круча стала вечно шептать, я заметил: у самого края обрыва повисла головой вниз совсем маленькая, в человеческий локоть, сосна. Но дерево ведь не может расти вниз головой. Корнями оно стало сильней и сильней врастать в край обрыва, закрепляться больше и больше, а верхний свой крестик поднимать вверх из года в год все выше и выше. Сколько лет прошло с тех пор, как грохнула наша первая катастрофа в горах? Вот за это время, завертываясь вверх, ствол сосны описал почти полный круг и над этим кругом у обрыва поднимается стройное деревце...

Поток, о котором я буду много рассказывать, выбегает на свет из ледниковой пещеры Счастливой горы, на две версты в глубину режет Боковой хребет, ска́лы, альпийские пастбища, леса, больше ста верст в длину, и последние предгорья как две синие большие руки легли и, раскрыв ладони, выпускают неугомонную реку из гор в степь. Нас с детства разделяла эта бурная река. Я родился по левую сторону этой реки в степях, он в горах по правой горной стороне.

Конечно, я это сейчас так ясно могу определить линии нашего расхождения. Мы объяснились по-детски, часто прерывая неясную беседу борьбой, кто кого...

С. 278. *...это путь от «Лопухина» (Львов) до Христа, «до смертию смерть».* — С сотрудником российского Красного Креста Лопухиным (история неудачника) Пришвин, военный корреспондент, познакомился на фронте в 1915 г. Ср.: Дневники. 1914—1916. С. 121, 255.

Характерна горьковская «вторая природа» <...> антропоморфированная природа... — Ср.: «Я, товарищи, как и вы все, конечно, восхищаюсь этой природой, но для меня роднее этой природы та природа, которую я чту и уважаю и, скажу даже ныне отвергнутым словом, — свято чту и уважаю. Это та природа, которая создана руками человека. Это та вторая природа, которую мы, люди, творим на земле против первой природы». Для Горького «вторая природа» — символ нового государства, требующий рационалистического подхода к миру для преодоления старой природы (и человека) и создания антропоморфной второй природы «против первой» («Это — труд человека, это наше создание, это мы — творцы второй природы») (*Горький Максим.* Речь на торжественном заседании пленума Тбилисского Совета. 27 июля 1928 года: http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-96.htm). Для Пришвина дело не в природе, а в творящей личности, которая существует внутри христианской парадигмы смерти и воскресения — в виде «Жень-шеня», то есть творчества, воссоединяющего и культурно обживающего старое и новое в небывалом единстве.

...эстеты — шалуны... — Аллюзия на характеристику, данную сектантом-хлыстом П. М. Легкобытовым Мережковскому и его окружению в 1909 г., когда Пришвин привел лидера петербургской хлыстовской секты к Мережковскому. Ср.: «*21 Июня.* Сатир из рел.-фил. собрания: хохочет, хохочет, вдруг серьезно: — У них пророческий дар, у них есть часть того, что есть у меня, только они... шалуны» (Ранний дневник. С. 266).

С. 280. (*Пушкина свергали*)... — Ср.: «Наша постоянная и главная ненависть обрушивается на романсово-критическую обывательщину. На тех, кто все величие старой поэзии видит в том, что и они любили, как Онегин Татьяну (созвучие душе!), в том, что и им поэты понятны (выучились в гимназии!), что ямбы ласкают ихнее ухо. Нам ненавистна эта нетрудная свистопляска. <...> Разоблачить этих господ нетрудно. Достаточно сравнить татьянинскую любовь и “науку, которую воспел Назон”, с проектом закона о браке, прочесть про пушкинский “разочарованный лорнет” донецким шахтерам или бежать перед первомайскими колоннами и голосить: “Мой дядя самых честных правил”. Едва ли после такого опыта у кого-нибудь молодого, горящего отдать свою силу революции, появится серьезное желание заниматься древнепоэ-

тическим ремеслом» (*Маяковский В.* Как делать стихи? (1926): http://www.stihi-rus.ru/1/Mayakovskiy/200.htm). В первые послереволюционные годы отношение к Пушкину часто определялось политической ситуацией и конъюнктурой; в это время всплывает манифест футуристов, опубликованный еще в 1912 г. в альманахе «Пощечина общественному вкусу» и подписанный В. Маяковским (чье отношение к Пушкину на самом деле было сложнее), В. Хлебниковым, Д. Бурлюком и др. Манифест провозглашал огульно-нигилистическое отношение к русской литературе прошлого: «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности» — точка зрения, которую разделяли пролеткультовцы (справедливости ради надо сказать, что и современные писатели подверглись в манифесте такой же критике: Горький, Куприн, Блок, Бунин и др.). Ср.: коммент. к с. 121 (*...первое время «стрельба в Пушкина»...*).

С. 281. *...надо им пуп от богов отрезать.* — «Нужно людям пуп от Бога отрезать...» — один из излюбленных тезисов П. М. Легкобытова, лидера петербургской хлыстовской секты в начале XX в. (см.: Ранний дневник. С. 281).

С. 282. *...почему бы нам и не почитать Каабу как священное место...* — *Кааба* (*араб.* — куб) — главное святилище ислама. В представлении последователей Мухаммеда Кааба — священный храм в Мекке, в сторону которого следует обратиться, если хочешь, чтобы твоя молитва была услышана Богом.

...во время Испанского мятежа. — В середине июля 1936 г. в испанском Марокко, а вслед за тем во многих городах самой Испании начался военно-фашистский мятеж, главой которого стал генерал Франко.

С. 285. *...пики стожаров.* — *Стожары* — *зд.*: стержень.

...зато в воде отчетливо видна ее тень-отражение... — Зеркальный мотив — отражение летающей стрекозы в водной глади ручья — возникнет в рассказе Пришвина «Голубая стрекоза» (1941), в котором умирающий солдат на берегу ручья находится как бы на грани двух миров: днем не видно отражения стрекозы, летающей над ручьем, в сумерках не видно реальной стрекозы, а видно только ее отражение; и оба мира равноценны для умирающего и обладают для него значением, эквивалентным жизни: спасают.

С. 286. *Отправляется Уолтону...* — George Walton, переводчик книги Пришвина «Жень-шень».

С. 287. *...на похоронах старушки...* — имеется в виду Е. Н. Игнатова (Дунечка).

С. 288. *Если бы не о женщине сказано было, а о природе, что идешь в природу, бери с собой кнут...* — аллюзия на слова Ф. Ницше «Ты идешь

к женщинам? Не забудь плетку!» в книге «Так говорил Заратустра» (1885).

С. 290. *...будь что будет (пари Паскаля).* — Знаменитое «пари Паскаля» остается едва ли не самым парадоксальным выражением понимания веры в Бога и вытекающего из нее трагического положения человеческой души перед проблемой веры и неверия и заключается в утверждении, что человек ничего не проигрывает, допуская существование Бога, но выигрывает все, в случае же отрицания существования Бога — наоборот. См.: *Паскаль Б.* Мысли (1657—1658).

С. 291. *Внезапно вернулся к роману «[Начало] века».* — Трудно сказать точно, когда Пришвин задумывает роман или повесть под названием «Начало века» с подзаголовком «из эпохи кающейся интеллигенции» — похоже, что в 1908 или 1909 г., а потом в течение всей жизни не раз возвращался к нему. Ранний дневник рассматривался писателем как материал для задуманного произведения, по крайней мере Пришвин изрезал текст дневника «на клочки», разложил эти «клочки» по папкам, обозначив темы: «Начало века», «Богоискательство», «Новгород», которые свидетельствуют, что речь должна была идти о религиозно-философских поисках сектантов и символистов. В раннем дневнике обнаруживается план будущей повести, множество черновых набросков, вариантов записей, действующие лица и пр. — однако замысел так и не был осуществлен.

С. 293. *Вчера вечером вернулись из Михалева...* — На первом развороте новой дневниковой тетради газетная вырезка:

«МОСКВА—ВОЛГА.

* Ровно год назад Совнарком СССР и Центральный Комитет ВКП(б) вынесли постановление "О строительстве канала Москва—Волга". В постановлении подводился итог первому этапу строительства и устанавливалась программа завершения этого грандиозного сооружения, создаваемого по инициативе товарища Сталина.

* Канал начинается на правом берегу Волги, на 8 км выше впадения в нее реки Дубны, недалеко от Кимр. Здесь головной узел сооружений, в том числе бетонная плотина, огромные земляная и песчаная дамбы, гидростанция и шлюз № 1. Весной перед плотиной и дамбами остановится паводок и образуется "московское море" с зеркалом воды около 440 кв. км.

* От Волги к Москве 128-километровая трасса канала идет на юг, чуть отклоняясь к юго-востоку, а затем сворачивая к юго-западу. Только первые 16 км волжская вода пойдет к Москве самотеком. Но, начиная с шлюза № 2, насосные станции будут поднимать ее на высоту около 40 метров. На 7-м километре от Волги перед вторым шлюзом канал встречается с рекой Сестрой. Река по новому руслу проходит под каналом по гигантской трехочковой железобетонной трубе.

* После второго шлюза канал идет через лесозаводский бугор 15-километровой выемкой, глубина которой достигает 17 м. Сейчас уже начаты озеленение берегов и отделка откосов канала дерном.

* Город Дмитров разделяется каналом на две части. Здесь будет сооружена большая пристань. Шоссейный мост дороги Дмитров—Рогачев уже собран.

* За Дмитровом, около станции Яхрома Савеловской ж.-д. линии, заканчивается сооружение шлюза № 3. Тут же сооружается насосная станция № 183. Первый пропеллерный насос этой станции должен быть испытан к годовщине Октября. На 66-м километре канала вырос шлюз № 4. Вблизи этого шлюза заканчивается сооружение двух гигантских железнодорожных мостов Савеловской линии, пересекающих канал».

В тетрадь вклеены две газетные вырезки: схема трассы канала «Москва—Волга» и карта Испании, на которой отмечены правительственные войска и войска мятежников, с карандашной надписью: «8 сент. 1936 г.».

С. 294. *...ошеломляющий процесс троцкистов...* — «Ошеломляющим» назвал Пришвин этот процесс (19—24 августа 1936 г.), видимо, потому, что это был первый показательный процесс, когда созданная после революции система уничтожения классовых врагов была обращена внутрь партии для решения внутрипартийных конфликтов; кроме того, настоящей сенсацией на процессе оказались не только обвинения и стиль обвинений (генеральный прокурор СССР и главный обвинитель А. Я. Вышинский называл обвиняемых «цепными псами капитализма», которые попытались «растерзать» лучших из лучших в советской стране), но и признание обвиняемыми своей вины, которое рассматривалось как юридическое основание для осуждения. См.: *Люкс Л.* История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 249—254.

Пророчество Достоевского: «и все растечется в грязь». — Ср.: «*24 Января 1920.* Из "Бесов": "Ничего не будет и проваливаться, а просто все растечется в грязь"» (Дневники. 1920—1922. С. 14).

...показываются по-иному Бухарин, Радек и др. ... — Речь, по-видимому, идет об их присоединении к обвинениям, о признании вины бывших соратников; в письме, адресованном некоторым членам Политбюро, Бухарин через несколько дней после казни обвиняемых писал: «Что расстреляли собак — страшно рад. Троцкий процессом убит политически». См.: *Люкс Л.* История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина. С. 254.

Рассказ «Копыто»... — рассказ написан и опубликован в 1936 г.

С. 295. *Река Вьюлка богагами идет, плесами...* — бочажистая речка, с ямами, омутами, колдобинами, образующая *богаги* — глубокие места шире самой речки; бочаги обычно располагаются цепочкой.

С. 296. *Дальше такого конца, как сложилось у Зиновьева и др. <...> идти некуда.* — В этом месте в дневник вклеены 2 газетные вырезки:

«**ХРОНИКА.** Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР отклонил ходатайства о помиловании осужденных Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 24-го августа с. г. по делу объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра — Зиновьева Г. Е., Каменева Л. Б., Евдокимова Г. Е., Бакаева И. П., Мрачковского С. В., Тер-Ваганяна В. А., Смирнова И. Н., Дрейцера Е. А., Рейнгольда И. И. Пикеля Р. В., Фрица-Давида (Круглянского Ильи Давида Израилевича), Ольберга В. П., Бермана-Юрина К. Б., Лурье М. И., Лурье Н. Л. Приговор в отношении всех осужденных — Зиновьева Г. Е., Каменева Л. Б., Евдокимова Г. Е., Бакаева И. П., Мрачковского С. В., Тер-Ваганяна В. А., Смирнова И. Н., Дрейцера Е. А., Рейнгольда И. И., Пикеля Р. В., Гольцмана Э. С., Фрица-Давида (Круглянского Ильи Давида Израилевича), Ольберга В. П., Бермана-Юрина К. Б., Лурье М. И., Лурье Н. Л. — приведен в исполнение». (Карандашная надпись рукой Пришвина: «“Известия” 26/VIII 36 г.».)

«**ПРИГОВОР ПОДСКАЗАН ПРОЛЕТАРСКИМ ГУМАНИЗМОМ.** Устами Военной коллегии Верховного суда Союза ССР советский народ вынес свой приговор презренной шайке двурушников-убийц. Иного приговора быть не могло. Он прямо вытекает из прошедшей перед судом чудовищной вереницы тягчайших улик и злодеяний фашистской троцкистско-зиновьевской своры. Он подсказан великими чувствами пролетарского гуманизма, ибо продиктован интересами защиты свободы и счастья миллионов трудящихся. Не зевать! Особенно бдительными быть к так называемым “раскаявшимся” из троцкистско-зиновьевского охвостья! Академик В. Вильямс». (*Надпись над текстом рукой Пришвина*: De mortius — слова из известного афоризма «De mortius aut bene aut nihil» (*лат.*): о мертвых либо хорошо, либо ничего.)

С. 299. *...может быть, все наделала моя книжка «Жень-шень», присланная из Англии в золотом переплете и с золотыми словами?* — В 1936 г. в Лондоне вышла книга Пришвина «Жень-шень. Корень жизни» (перевод Дж. Уолтона и Ф. Гиббонса, предисловие проф. Дж. Хаксли).

...никто не может отнять... — *Вариант записи*: У всякого должно быть место вроде храма, это за письменным столом, в детской, в лесу — все равно! и должна быть особенная минута ночная или утренняя — где и когда все пережитое собирается, как в линзе лучи, в один фокус и все внешнее от этого становится личным, собственным. Вот такую собственность уже никто не может отнять, и часто из таких

уголков души, как из подземных озер, выходят на свет целебные источники.

С. 301. *Борьба моя за Разумника есть борьба за честного человека.* — В это время Иванов-Разумник находился в ссылке в Саратове (1934—1936), а в Москве ему пытались найти редакторскую работу М. М. Пришвин (с помощью Л. М. Пришвина, сына писателя), И. А. Груздев, А. Г. Горнфельд. В письме к жене В. Н. Ивановой от 4 февраля 1934 г. Иванов-Разумник пишет: «Но вот что из его [М. М. Пришвина. — *Комм.*] письма я тебе сообщу и что меня глубоко тронуло, — фантастический его проект начать хлопоты о том, чтобы меня отдали ему на поруки вкупе с Мейерхольдом и поселили бы в Загорске! Я хохотал, но скажу правду — тронут был почти до слез, сравнивал этот его, пусть фантастический, проект с поведением < ...> "старых друзей" <...> спрятавшихся в кусты»; а в письме от 22 апреля 1934 г. пишет следующее: «Получил [от М. М. Пришвина. — *Комм.*] 200 р. И следующее письменное сообщение на переводе: "Этот уголок перевода есть единственная для меня возможность написать: все пропадает. С работой плохо: Лева все еще не добился ничего. Год по 200 рублей гарантирую. С поруками отговаривают: что это Вам будет в отношении меня стеснительно"» (Минувшее. [Вып.] 23. С. 493; цит. по: *Иванов-Разумник Р. В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки).

«Человек — это звучит гордо»... — перифраз слов Сатина из пьесы М. Горького «На дне» (1902), которые превратились в плакатный афоризм.

С. 310. *— Все возьму! — сказал булат.* — Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Золото и булат» (1825).

...как изложено у Августа Бебеля: Женщина <...> и социализм... — Имеется в виду книга Августа Бебеля «Женщина и социализм» (1883), которую в студенческие годы Пришвин, член марксистского кружка, переводил на русский язык.

С. 318. *...«черкешенка» русской литературы.* — По-видимому, аллюзия на драматическую историю любви Печорина и черкешенки Бэлы, персонажей повести М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838—1840).

С. 319. *Приехал Р. В. Иванов.* — Имеется в виду Иванов-Разумник.

С. 320. *Иван Постный* — Этот день, 11 сентября, посвящен памяти Иоанна Крестителя, с него устанавливается строгий пост.

...очень стромкие бекасы... — *Стромкий* — огромный.

...в сменных перьях. — По-видимому, имеется в виду зимнее-весеннее довольно плотное перо у тетерева.

С. 321. *...жил драг.* — *Драг* — человек, снимающий шкуры с убитых или павших животных.

С. 325. *...начатая работа о том, как мальчик затерялся в лесу.* — Ср.: «*8 Ноября 1930.* Один из главных рассказов представляет нам 7-летнего деревенского мальчика, заблудившегося в огромном лесу, его переживание, его спасение. Как и в "Робинзоне" у Дефо, здесь взят в основу тоже факт, но разработан с чрезвычайным реализмом вплоть до фотографии, до краеведения без погашения чисто худож. значения рассказа» (Дневники. 1930—1931. С. 275). Впоследствии мальчик, заблудившийся в лесу, станет одним из главных персонажей романа-сказки Пришвина «Осударева дорога» (1948) о строительстве Беломоро-Балтийского канала, который только в 2006 г. был опубликован в том виде, в каком автор завещал его опубликовать. См.: Собр. соч. 2006. С. 227—460.

...включив в материал «Берендееву Чащу». — Имеется в виду повесть «Берендеева чаща» (1935), написанная в результате поездки Пришвина на Север. Ср.: «Так вот и мы с Петей, как два мальчугана, с тройниками, стреляющими дробью и пулей, с биноклями, термосами, маленькими современными фотоаппаратами, но совсем без провизии — только чай! — отправились на север искать Берендееву чащу под предлогом необходимости пролить свет на вопросы механизации в лесной промышленности» (Дневники. 1932—1935. С. 840).

...отправил <...> рассказ «Копыто»... — Рассказ был напечатан в № 11 журнала «Пионер» за 1936 г.

С. 329. *Дурак в деревне попадает в пастухи...* — Ср.: «*13 Января 1914.* Наблюдения в Песочках. Почтальон Николай был пастухом, а теперь почтальон — целая карьера. Пастух в деревне — дурачок. Кто же возьмется быть почтальоном? Конечно, только дурачок. Теперь эта должность перешла к Николаю, и тут в этом дурачке оказалось шестое чувство (шестое чувство — интеллигентность, это есть особое состояние души, первичное состояние, которое потом эксплуатируется в высших слоях настоящими «интеллигентами» или «аристократами» и так создается внешняя защита этого состояния души). Николай вдруг преобразился, когда стал почтальоном (столкнулся с другим классом людей). И теперь родные очень обижаются, когда спросит кто-нибудь из прежних: — А дурачок ваш с вами?» (Дневники. 1914—1917. С. 14).

С. 330. *...на глазах наших исчезла Абиссиния...* — Имеется в виду оккупация Абиссинии фашистской Италией, начавшаяся в 1936 г.

С. 332. *...своего рода «иеро-фобия».* — *Иерофобия* (*устар.*; *греч.* hieros священный + фобия) — боязнь встречи с предметами религиозного культа.

С. 334. *У Л. Толстого: «необходимость заблудиться».* — Видимо, имеется в виду тот принцип построения художественного текста, который Шкловский назвал остранением и обнаружил в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого («он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз виденную»).

С. 335. *Читал мемуары Хаджи-Мурата...* — По-видимому, имеются в виду *Хаджи-Мурат Казанбий Хаджи-Мурат.* Мемуары / Пер. с аварского. Махачкала, 1927; см.: *Дьяков В. И.* Исторические реалии «Хаджи-Мурата» // Вопросы истории. 1973. № 5.

...нет христианской испуганности «преступлением и наказанием». — Аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

С. 337. *...мыслью о несправедливом отношении Лиги Наций к законному испанскому демократич. правительству.* — По-видимому, речь идет о том, что после создания в Лондоне в начале сентября 1936 г. «Комитета по невмешательству в дела Испании» Лига Наций уклонилась от рассмотрения поставленного республиканским правительством Испании вопроса о принятии мер к прекращению итало-германской агрессии и, в конце концов, 27 ноября 1936 г. переадресовала Комитету обращение испанского правительства. В это время в СССР развернулась компания солидарности с республиканской Испанией. 3 августа в Москве на Красной площади прошла демонстрация с лозунгами: «Руки прочь от революционной Испании! Да здравствует героический испанский народ!»

С. 339. *...до Параклита...* — Пустынька Святого Духа Утешителя — небольшой монастырь.

С. 342. *...как «Родники».* — Имеется в виду книга «Родники Берендея» (1926), которая в журнальном варианте вышла с подзаголовком: «Из записок фенолога с биостанции “Ботик”». Впоследствии стала первой частью книги «Календарь природы» — «Весна». См.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 162—256.

С. 343. *...начатую повесть «Счастливая гора»...* — Повесть так и не была написана.

С. 344. *...роман «Улисс» автор Джойс, Дос Пассос, Хэмингуэй.* — В 1935 и 1936 гг. главы из романа Джеймса Джойса публиковались в журнале «Интернациональная литература» (1935. № 1—3, 9—12; 1936. № 1—4); к этому времени были опубликованы известные книги Э. Хемингуэя «Фиеста», «Прощай, оружие!», а также социальная трилогия «США»: «42-я параллель» (1930), «1919» (1932) и «Большие деньги» (1936).

...секр. парткома Цаги... — Центральный аэрогидродинамический институт (ФГУП ЦАГИ) им. проф. Н. Е. Жуковского.

С. 347. *...положение с МВО.* — По-видимому, имеется в виду Московское военное общество

Вспомнилась басня «Стрекоза и Муравей»... — Аллюзия на басню И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» (1808).

С. 348. *...«Лимон». «Собака Никифора».* — Рассказ «Лимон» опубликован в № 6 журнала «Мурзилка» за 1937 г. Рассказ под названием «Собака Никифора» неизвестен.

С. 350. *...герой середины прошлого века, Печорин...*— Аллюзия на роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838—1840).

С. 351. *...и Демон тоже беспризорник, и сам Лермонтов...* — Аллюзия на поэму М. Ю. Лермонтова «Демон. Восточная повесть» (1829 — январь 1839), над которой поэт работал всю жизнь, отождествляя себя с главным персонажем, вернее, с глубиной его душевной муки в надежде на преодоление зла через любовь.

С. 354. *Был на съезде.* — Вероятно, имеется в виду обсуждение проекта Конституции СССР, которое в преддверии съезда Советов в течение полугода проходило повсеместно по стране.

С. 355. ...(*маска и марионетка*). — Тема «маски» с начала XX в. была очень существенной в культуре, но в 1930-е гг. появился ее социальный подтекст. Уже в 1932 г. маска, по Пришвину, скрывает или пока еще прикрывает истинное лицо нового государства, жизнь принимает карнавальный оттенок, потому что все в масках: и руководители государства — под их маской ложь, и рядовые граждане — под их маской страх («*3 Июня 1932.* Социалистическая маскировка достигла самого высокого совершенства, и много людей (из простых) веруют в это все (включая мощи Ильича)»). В тексте дневника 1935 г. маска становится одним из способов скрыть свою личность за личиной, что, с одной стороны, приводит к однообразию и единообразию, уничтожающему живую жизнь, а с другой стороны, часто помогает спасти ее («люди-маски»); маска играет важнейшую роль в процессе перевоплощения (а затем и перерождения) человека. В 1936 г. процесс перерождения, происходящий под маской, достигает апогея — маска вытесняется марионеткой, которая, в отличие от маски, не просто скрывает личность, но и трансформирует ее, вбирает в себя такие качества, как изломанность, незащищенность, и в то же время подчиненность, абсолютная преданность и послушность: маска статична, марионетка управляема.

...отслужит <...> сколько-то часов в департаменте и потом будет музыкой заниматься или литературой. Ссылались на Гончарова. —

Действительно, И. А. Гончаров работал переводчиком в Департаменте внешней торговли Министерства финансов с 1835 по 1852 г. и его первый роман «Обыкновенная история» вышел в 1847 г.; с 1858 г. Гончаров служит в цензурном ведомстве (сначала цензором, потом членом главного управления по делам печати), а в 1859 г. заканчивает роман «Обломов».

С. 356. *...в шапочке из роз сам Господь Иисус Христос.* — Аллюзия на поэму А. Блока «Двенадцать» (1918): «В белом венчике из роз / Впереди Иисус Христос».

...снял пьесу Д. Бедного «Богатыри» за хулу на крещение Руси. — 14 ноября было опубликовано постановление Всесоюзного комитета по делам искусств «О пьесе "Богатыри" Демьяна Бедного», в котором осуждалось «искажение исторического прошлого русского народа»; одноименный спектакль в Московском Камерном театре под руководством А. Я. Таирова был снят. Д. Бедный с 1920-х гг. был одним из приближенных к руководству страны поэтов. Известны слова Ю. Олеши по этому поводу: «Пьеса здесь главной роли не играет. Демьян заелся, Демьяну дали по морде. Сегодня ему, завтра другому. Радоваться особенно не приходится» (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1144049).

...в Англии появилась моя книга в роскошном издании... — Имеется в виду повесть «Жень-шень», которая вышла в Лондоне с иллюстрациями В. Фаворского. (Jen Sheng: the Root of Life. English vershion by George Walton and Philip Gibbons. London: Andrew Melrose, 1936.)

С. 357. *У Дос Пассоса («42-я параллель»)...* — Входит в трилогию американского писателя Джона Родериго Дос Пассоса «США»: «42-я параллель» (1930), «1919» (1932) и «Большие деньги» (1936).

С. 359. *Цеппелин* — дирижабль.

С. 361. *...взять Пушкинские сосны («Здравствуй, племя» и пр.)* — Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Вновь я посетил...» (1835).

С. 363. *«Я пришел нарушить закон».* — Мф 5: 17.

С. 364. *Синий лапоть.* — Рассказ «Синий лапоть» был опубликован в журнале «Дружные ребята» в 1938 г.

С. 367. *В 5 в. Сталин читает на всю страну.* — 25 ноября — 5 декабря в Большом Кремлевском дворце проходил VIII чрезвычайный съезд Советов СССР. С докладом о проекте Конституции СССР в первый день работы съезда выступил И. В. Сталин. На съезде 5 декабря была принята новая Конституция СССР. Этот день объявлен всенародным праздником — днем Конституции СССР.

В книге воспоминаний «Неувядаемый цвет» Н. М. Любимов писал: «В начале лета 36-го года в газетах опубликовали проект новой Конституции, которой потом присвоили наименование "Сталинской". Было написано, что в выработке проекта принимают участие в числе других Бухарин и Радек. Конституция даровала избирательное право сословиям, которые до сих пор таковым не пользовались: духовенству, бывшим торговцам, "кулакам" и всяким прочим... Казалось бы, есть от чего возликовать. Этот невиданный по широте демократический жест Советского правительства вызвал в иных умах переворот. Но меня, хоть и молодого, но уже стреляного воробья, провести на мякине Конституции было невозможно. Я говорил своим ближайшим друзьям <...> что означает сей манифест: "Мертвым — свободу, живых — под арест". Их мнение не расходилось с моим. Но я все-таки не мог предвидеть, сколь близка к истине моя невеселая шутка».

25 ноября Преподаватель Института мирового хозяйства и мировой политики А. Х. Соловьев записывает: «По гостевому билету был на открывшемся чрезвычайном 8-м всесоюзном съезде Советов. С докладом о новой Конституции выступил т. Сталин... Доклад произвел неотразимое впечатление. Овации и здравницы великому вождю т. Сталину, творцу Сталинской Конституции, были ошеломляющие. Восторженно пели "Интернационал". Грандиозное торжество. Небывалый авторитет т. Сталина». 26 ноября писатель Корней Чуковский записывает: «Вчера слушал в Москве по радио речь Сталина. Это речь на века» (*Вострышев М. И.* Москва сталинская. Большая иллюстрированная летопись: http://www.fedy-diary.ru/?p=3691).

С. 369. *...(слышал я, будто он позвонил к Пастернаку <...> сказал о сосланном Мандельштаме...* — Имеется в виду звонок Сталина Пастернаку. См. об этом.: *Быков Д. Л.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 495—502. (ЖЗЛ.)

В дуэли Пегорина... — Аллюзия на роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

С. 373. *Силу жизни можно использовать для внешнего дела... (Форд).* — Речь идет о Генри Форде, американском инженере, изобретателе и промышленнике, одном из основателей автомобильной промышленности, идеальном примере человека, который силу жизни обратил в дело жизни. (Ср. запись от 4 Ноября).

Говорят, что положение Мейерхольда покачнулось. — 28 января 1936 г. в «Правде» была опубликована статья «Сумбур вместо музыки», которая содержала разгромную критику оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова») и оказалась началом политической кампании против «формализма» во всех видах искусства. Причем речь шла не о безыдейности или враждебных идеях, но об эстетике — «отсутствии простой и понятной мелодии», о по-

такании извращенным вкусам буржуазных слушателей «дергающейся, крикливой, неврастенической музыкой». Мейерхольд с его репутацией формалиста и театрального экспериментатора с неизбежностью оказался в эпицентре борьбы. В 1936 г. режиссеру пришлось выступить с докладом «Мейерхольд и мейерхольдовщина», где он, каясь, по условиям времени, тем не менее защищал свои творческие идеи и пытался донести их смысл до власти, доказывал, что эксперимент, из которого рождается новое, что двигает искусство вперед, необходим, что «нельзя, идя к простоте, терять особенность <...> своего лица», называл себя учеником К. С. Станиславского, который всегда «любил искать дороги окольные, но никогда не терял связи с жизнью». Ср.: *Овсянникова И.* «Борис Годунов» в ГосТИМЕ. Неоконченная трагедия: реализм в условном театре: http://academy.tart.spb.ru/Students/Creativity/4758.aspx?lang=ru).

С. 378. *...разного рода попам (о. Матвею, Черткову...* — Имеется в виду духовный наставник Гоголя в последние годы его жизни Ржевский протоиерей о. Матвей Константиновский, который, по некоторым воспоминаниям, был несокрушимым, властным и волевым пастырем, требовательным и аскетичным (см.: *Леонтьев-Щеглов И. Л.* Гоголь и о. Матвей Константиновский: http://dugward.ru/library/gogol/cheglov_matvey.html). В письме Жуковскому Гоголь писал: «Мое дело говорить живыми образами, а не рассуждениями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни», а о. Матвей, к примеру, «обвинял создателя "Ревизора", что он любит больше театр, а не церковь...» (*Воронский А.* Гоголь. Последние годы, кончина: http://gogol.lit-info.ru/gogol/bio/voronskij/poslednie-gody.htm).

Речь также идет о трудном положении Толстого, оказавшегося под влиянием двух враждующих между собой людей — Софьи Андреевны Толстой (Пришвин читает в это время ее дневник) и В. Г. Черткова, ближайшего друга и секретаря Толстого, в то же время одного из идеологов «толстовства», по Пришвину, бесконечно упрощающего идеи писателя.

С. 379. *Распадение Неплюевской общины о. Николая Опоцкого...* — По-видимому, речь идет об о. Николае Опоцком, который в Новгородской епархии основал вельбицкое братство с приходской школой по образцу неплюевского, но в 1910 г. был отстранен от деятельности в братстве.

С. 381. *Андре Жид, вернувшись домой, написал о нас одиозную книжку...* — Имеется в виду книга Андре Жида «Возвращение из СССР» (1936, рус. пер. 1989), о которой Пришвин мог составить мнение только по статье в «Правде». Ср.: «Я же устроен так, что строже всего отношусь к тем, кого хотел бы любить. Немного стоит любовь, состоящая из одних похвал, и я думаю, что окажу большую услугу и самому СССР,

и его делу, если буду говорить о нем искренне и нелицеприятно. Мое восхищение СССР, восхищение теми успехами, которых он уже добился, позволяет мне высказывать критику по его адресу»; «...мы были уверены, что едва ли в какой-либо другой стране можно встретить такую неподдельную искреннюю сердечность, едва ли в какой-либо другой стране можно встретить такую очаровательную молодежь»; «В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. Действительно ли это те самые люди, которые делали революцию? Нет, это те, кто ею воспользовался. Каждое утро "Правда" им сообщает, что следует знать, о чем думать и чему верить. И нехорошо не подчиняться общему правилу. Русский рабочий считает себя счастливым, он и на самом деле более счастлив, намного более счастлив, чем французский рабочий. Его счастье — в его надежде, в его вере, в его неведении» (http://bookz.ru/authors/jid-andre/zhid_ussr/1-zhid_ussr.html).

С. 385. *Кавказские рассказы.* — Цикл «Кавказские рассказы» (1938) включает рассказы «Желтая круча», «Саид», «Басни Крылова», «Рыцарь», «Мужество» и «Гость» (включен позднее). См.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 364—370.

С. 387. *Читаю <...> «Берег Маклая».* — Имеется в виду книга дневников Н. Н. Миклухо-Маклая «На берегу Маклая» (впервые издана в 1923 г.) о путешествии к берегам о. Новая Гвинея и жизни среди коренного населения острова — папуасов в 1871—1872, 1876—1877 и 1883 гг.

...появится в виде искушающего дьявола (Отец Сергий). — Аллюзия на повесть Л. Н. Толстого «Отец Сергий» (1890—1898).

С. 389. *Введенье ломает леденье.* — 4 декабря — Введение во храм Богородицы. По народным приметам, Введение ломает леденье — к оттепели. На Введение похолодание — к суровой зиме.

...Варюшка подмостит, а Никола пригвоздит. — Имеются в виду приметы, связанные с 17 декабря — день великомученицы Варвары и 19 декабря — день св. Николая Чудотворца.

С. 391. *...«Да исправится молитва моя»...* — молитва, которая читается на Литургии Преосвященных даров в среду и пятницу первые шесть недель Великого поста, в понедельник, вторник и среду на Страстной неделе.

...«Свете Тихий»... — молитва, восходящая к катакомбной эпохе христианской Церкви, читается во время Вечерни.

С. 392. *Письмо Л. Толстого Миклухо-Маклаю...* — Речь идет о письме Л. Н. Толстого русскому путешественнику, ученому и общественно-

му деятелю Н. Н. Миклухо-Маклаю от 25 сентября 1886 г., в котором Толстой писал: «Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой Вы служите, составят Ваши коллекции и открытия, но Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и Вы сослужите большую и хорошую службу человечеству» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1934. Т. 63. С. 379).

С. 392. *...то же было с Арсеньевым и его Дерсу.* — Речь идет о герое документально-художественной повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» (1923).

С. 403. *События в Китае...* — Речь идет о Гражданской войне, которая началась в 1927 г., когда по решению правого крыла Гоминьдана во главе с Чан Кайши был разорван союз между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая. В декабре 1936 г. Чан Кайши был арестован гоминьдановскими генералами и принужден согласиться на перемирие с коммунистами для совместной борьбы против японских захватчиков.

С. 409. *...призвание глаголом жечь сердца людей.* — Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

С. 416. *«Детвидав»* — «Детиздат» (*укр.*).

С. 417. *«Как я укреплял тещу Никифора»* — один из ранних очерков Пришвина (1909), который затем вошел в книгу «Заворошка» (1913). См.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 640—653.

С. 425. *...иногда пользовался лыжницей...* — *Лыжница* — лыжня.

С. 429. *Статья Фейхтвангера против Жида в «Правде»...* — В дневник вклеена газетная вырезка: «Что касается более серьезных упреков Жида, то он прежде всего в ожесточенной форме критикует "обоготворение" Сталина. Верно, что в Советском Союзе столь исключительно чествуют Сталина, что это кажется необычным западноевропейскому человеку. Но если присмотреться глубже, то становится ясным, что это исключительное почитание относится не к Сталину как к отдельному человеку, а как к представителю социализма. Это почитание Сталина не является чем-то искусственным, оно выросло вместе с результатами строительства социализма. Народ благодарен Сталину за хлеб и мясо, за порядок и образование и за оборону всего этого путем создания новой армии. Народ говорит: "Сталин" — и подразумевает под этим увеличивающееся благосостояние, растущее просвещение. Народ говорит: "Мы любим Сталина", — и это является естественным, человеческим выражением его единомыслия с социализмом и с режимом.

Жид делает далее издевательские замечания по поводу стахановских методов. Он полагает, что только "леность" русских сделала необходимыми эти методы. Разве не свидетельствует простой взгляд на результаты, достигнутые в Советском Союзе, что работа выполняется здесь с гораздо большей любовью, чем где бы то ни было? Разве могут быть достигнуты такие результаты путем принуждения? Разве не доказывает ознакомление с любой фабрикой или любым домом в Москве, что народ одобряет интенсивность труда, которую от него требуют? Разве удивительно, что страна, живущая по принципу: каждый по способности, каждому по труду, — что эта страна старается поднять свое производство при помощи сдельной оплаты труда и рационализации? Не свидетельствуют ли утверждения Жида о мнимой "лености" русского человека яснее всего о его самомнении, о его капризах, об отсутствии у него чувства реальности и о его злой воле? Жид весьма усердствует по поводу "унификации душ" в Советском Союзе, по поводу усиливающегося "нивелирования". Он забывает, что здесь создается совершенно новая культура, которая находится еще в начальной стадии, что значительная часть народа, большая его часть, в известном смысле учится читать. Но буквы алфавита, элементарные основы отдельных дисциплин являются одинаковыми, они не индивидуализированы. Нельзя ожидать и было бы нежелательно, чтобы кто-либо, начинающий в этой области читать "а" или "о", произносил эти "а" и "о" индивидуально, — как "э" или "у". Когда здесь научатся лучше читать, — а это вопрос очень короткого времени, — тогда будет допущено более сильное подчеркивание индивидуального. В остальном нельзя отрицать, что в отдельных областях желательна бо́льшая терпимость. Но разве Жиду не известно, что Советский Союз находится под серьезной угрозой, что он чувствует себя в состоянии войны? Разве Андрэ Жиду не известно, что люди здесь должны работать, подобно тем библейским евреям, которые строили свой новый храм, держа в одной руке инструмент каменщика, а в другой — меч? В этих условиях не так просто, да и нецелесообразно ослаблять дисциплину. Вожди Советского Союза поступают мудро, продолжая крепко держать в руках кормило правления. Ведь пока что не устранены опасности, которыми угрожает фашизм» (30 Дек. 1936 г.).

С. 437. *...в эти Пушкинские дни...* — Имеется в виду празднование столетия со дня смерти А. С. Пушкина.

С. 439. *Толстовский заяц.* — По-видимому, имеется в виду эпизод охоты на зайцев и восторг Наташи, когда охотники загнали зайца

...(*да здравствует разум*!)... — слова из стихотворения А. С. Пушкина «Вакхическая песня» (1825).

С. 440. *«Да воскреснет Бог! и расточатся враги Его»* — слова из Пасхальной стихиры.

С. 440. *На это я тоже ответил, что православный.* — Ср.: «В истории христианства особая незабываемая страница принадлежит "опальной" переписи населения 1937 г. Чудом сохранились и дошли до нас ее материалы об отношении населения Советского Союза, в частности России, к религии. Эти материалы так же уникальны, как уникален и вопрос переписного листа о религиозных или атеистических убеждениях респондента. Согласно традициям мировой и российской статистики, такого рода вопрос считался некорректным... В переписи же 1937 г. респонденты должны были сначала определить свое отношение к религии, а затем верующие — назвать сами свое вероисповедание. Вопрос о религии был введен в переписной лист лично Сталиным, который редактировал последний вариант анкеты в канун переписи... Какими соображениями руководствовался Сталин, когда ставил этот вопрос, мы знать не можем, но в массовой широкой печати был заведомо разрекламирован тезис о "сплошном атеизме населения", который должна была подтвердить перепись. Однако такого рода ожидания не оправдались. Перепись состоялась в ночь с 5 на 6 января и была доброжелательно встречена населением, люди охотно отвечали на все вопросы. Исключением был вопрос о религии. Во многих районах, особенно в сельской местности, он вызвал переполох. Нетрудно понять причины этого, если вспомнить обстановку тех лет в стране (насильственные переселения раскулаченных, нараставшую волну репрессий и т. д.), а также официальное отношение к религиозным убеждениям как "пережитку прошлого в сознании отсталых людей". Респонденты были поставлены в сложное положение. С одной стороны, они боялись за себя и за своих родных и близких, а с другой — "кары Божией" за отречение от веры. Во многих районах начали распространяться всякого рода тревожные слухи, а с мест понеслись донесения особой секретности из местных органов учета и статистики в ЦК ВКП(б) и правительство. До нас дошли такого рода донесения... Судя по этим материалам, распространявшиеся тогда слухи были типичными для того времени. Например, самым массовым было опасение, что верующих "будут ссылать, а их детей выгонят из школы"... что на верующих "будут смотреть как на кулаков" ... "будут лишать продовольствия и вышлют" и т. д. Боялись, что с верующих будут брать "особые налоги"... "выбросят из колхоза", "снимут со снабжения в кооперации". Распространился даже зловещий слух о предстоящей с 5 на 6 января "варфоломеевской ночи"... Но были и другого рода слухи. В связи с принятием Конституции СССР в 1936 г., по которой священники получили право голоса, верующие надеялись, что если они не будут скрывать своих убеждений, то правительство вынуждено будет открыть закрытые церкви и вернуть сосланных священников... Надеялись в этом случае даже на помощь международных организаций: "Перепись пойдет на рассмотрение Лиги наций, а Лига наций спросит у т. Литвинова, почему мы закрыли церкви, когда у нас много верующих"» (*Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной пере-

писи населения) // Исторический вестник. 2000. № 5 (1); http://www.krotov.info/history/20/1930/1937_zher.htm).

С. 442. *Читаю «Серую Сову», и как с себя списано, у меня ведь тоже своя Анахарео...* — Пришвин не раз подчеркивал особую близость канадского писателя Серой Совы (настоящее имя Арчибальд Стэнсфелд Билэйни, по-индейски Вэша Куоннезин — Серая Сова, кличка, которую молодой индейский охотник получил за ночной образ жизни), его отношения к природе и образа жизни к собственно пришвинским. Однако в данном случае Пришвин через Серую Сову обрисовал стиль своих отношений с семьей для того, чтобы отдать благодарную дань прошлому и обозначить конец — невозможность продолжать «жизнь с людьми-детьми и животными»; он всерьез задумывается о разрыве с женой и о том, чтобы максимально смягчить этот разрыв — «углубляя "счастье"», которое берет в кавычки, подчеркнув тем самым его исчерпанность.

...читал «Серую Сову» в немецком издании... — Имеется в виду книга Серой Совы «Pilgrims of the Wild» (1935), в русском переводе «Странники лесной глуши». Пришвин, который владел немецким языком, но не знал английского, прочел ее в немецком переводе («Мое знакомство с Серой Совой книжное»).

С. 444. *Общество всегда убивает: «чан», в который бросается человек, чтобы воскреснуть...* — См. коммент. к с. 161 (*Блок: «отойди, сатана»...*).

С. 445. *Снежная метель: «буря мглою».* — Аллюзия на стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер» (1825).

Приемник Си 235 — сетевой индивидуальный радиоприемник.

С. 446. *Буду переводить.* — Пришвин сделал не перевод, а пересказ автобиографической книги Серой Совы, и в 1938 г. главы из книги уже публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Пионер», «Дружные ребята». Именно Пришвину советский читатель обязан знакомством с канадским писателем. В 1940 г. вышла книга Серой Совы «Саджо и ее бобры» в переводе Аллы Макаровой. Пришвин подарил А. Макаровой свою книгу с надписью: «На память об общем друге Серой Сове», а книги А. Макаровой с дарственными надписями находятся сейчас в библиотеке мемориального Дома-музея М. М. Пришвина в д. Дунино под Москвой. Их общая борьба за книги Серой Совы была еще впереди.

С. 447. *Розанов, помню, когда я в первый раз у них за столом появился...* — С Василием Васильевичем Розановым, который был преподавателем в Елецкой гимназии, когда Пришвин в ней учился, он встре-

тился уже начинающим писателем в Петербургском религиозно-философском обществе в 1909 г. Ср.: «*9 Декабря 1908.* На последнем рел.-фил. собрании Розанов по поводу моей книги высказал убеждение в существовании такой страны. Это был замечательный разговор уже потому, что я торжествовал над ним свою победу. И разве это не победа? Мальчик, выгнанный из гимназии, носивший всю жизнь по этому случаю уязвленное самолюбие, находит своего врага в религиозно-философском собрании, вручает ему свою книгу с ядовитейшей надписью: "Незабываемому учителю и почитаемому писателю" — и выслушивает от него комплимент. Вот победа! А он-то и не подозревал, с кем он имеет дело.

Разговор, насколько я помню, был такой. Василий Васильевич, встретив меня, взял за руку, отвел в сторону и серьезно, очень серьезно — я это заметил — стал восхищаться книгой:

— Лопка! Какое чудесное слово, и об охотнике хорошо, и о грехе хорошо, и о детях птицы хорошо... вы интересный человек, а когда я там смотрел в собрании, вы казались мне каким-то статуеобразным...

— Вы меня считали за тупого человека? — спросил я.

— Нет... плотный вы... а в книге охотник... живой.

Еще он мне говорил там, как все эти лопки и птицы изменились в культуре, сколько мы потеряли.

Страна обетованная, которая есть тоска моей души, и спасающая, и уничтожающая меня — я чувствую, живет целиком в Розанове, и другого более близкого мне человека в этом чувстве я не знал. Недаром он похвалил меня еще в гимназии, когда я удрал в "Америку".

— Как я завидую вам! — говорил он мне.

К одному и тому же мы припадаем с ним, разные люди, разными путями. Отчего это? Что это значит? Когда-нибудь я буду много думать об этом. Но теперь [некогда]. Розанов и Мережковский прельщают меня своей противоположностью: бытовики и личники»; «*28 Ноября 1909.* Он рассказывает, как плохо ему жилось учителем гимназии. Теперь вот учат, а тогда... Место покупалось у попечителя. Розанов — мечтатель, а тут нужно было что-то делать до того определенное... — Казалось, что с ума схожу... и сошел бы... Я защищался эгоистично от жизни... В результате меня не любили ни ученики, ни учителя... <...> Мой фантастический полет... Я говорил часа три подряд. Меня слушали, переспрашивали. Когда я сказал о том, сколько потеряло человечество, меняя кочевой образ жизни на оседлый... Розанов сказал: это у Ницше...» (Ранний дневник. С. 197—198, 226).

...Гексли пишет о «Жень-шене», что это похоже на Джеффериса... — Вступление к английскому изданию книги «Жень-шень. Корень жизни» написал известный английский биолог Джулиан Хаксли (Гексли). Вот его текст: «*Жень-шень* Михаила Пришвина — это книга о природе необычного, редкого качества. У писателя глубокое чувство природы: каждый, кто обладает способностью сильно чувствовать, испытывает желание проникнуть в ее тайну, и в книге это находит выражение в

отношениях с природой, животными и растениями. *Жень-шень* можно сравнить с книгой Ричарда Джеффериса *История моего сердца*, это русская интерпретация того же самого опыта, какой пережит Джефферисом в Англии. Так же как *История моего сердца*, *Жень-шень* иногда граничит с сентиментальностью, но это не ослабляет потрясающей мощи и непосредственности авторского восприятия природы. Редко удается писателю такое живое изображение животных и их внутреннего мира, как это удалось господину Пришвину в изображении пятнистого оленя Восточной Монголии. Без сантиметальности или очеловечивания, он заставляет нас почувствовать их индивидуальность и своеобразие их жизни. Особого внимания заслуживает описание страсти, которая овладевает оленями-самцами в брачный период: не помню, чтобы я читал что-нибудь еще, что давало бы такое же чувство непосредственного проникновения в совершенно неизвестный мир животного. Пришвин — одновременно и ученый, и любитель природы. И в этом смысле хотелось бы отметить один интересный аспект его книги: она наводит на мысль, что за 10 тысяч лет с древнейших времен человек очень мало чего достиг в деле приручения животных. *Жень-шень* напоминает, что перед человеком в этой сфере все еще огромное поле деятельности. *Жень-шень* — небольшая книжка, но блестящая — она произвела на меня сильное впечатление. Я уверен, что в нашей стране, народ которой отличает особая любовь к природе, ее ждет большой успех. Джулиан Хаксли».

Текст редакторского резюме: «Представляя *Жень-шень* читающей публике, мы хотели бы выразить свое убеждение в том, что это одна из самых значительных книг, на публикацию которой мы получили права. Общеизвестно, что восхваление ненадежно. Книг из или о России слишком много. Добавляя еще одну, мы не просим прощения, потому что эта книга не касается преходящих мелких человеческих целей или желаний. Это история Маньчжурского леса: история жизни пятнистых оленей Маньчжурии и жажды простого человека обрести мудрость, выходящую за пределы житейского и повседневного, история о том, как двое мужчин, русский и китаец, ищут Корень Жизни. Автора называют "второй Серой Совой", и его книга считается величайшей природной книгой после *Green Mansions*» (Пер. Я. Гришиной).

С. 448. *Читал Реклю об индейцах в Канаде...* — Речь идет о французском географе Жане Элизе Реклю, авторе всемирно известного шеститомного труда «Земля и люди», который путешествовал по Канаде и описал канадских индейцев.

На этом поставлен и Платон Каратаев... — персонаж романа Л. Толстого «Война и мир».

С. 450. *...тургеневское описание смертной казни в Париже...* — См. коммент к с. 28 («*...тургеневские описания смертной казни...*»).

С. 451. *Читаю Jefferis'a...* — Во вступлении к английскому изданию повести Пришвина «Жень-шень» (Jen Sheng: the Root of Life by Mikhail Prishvin) профессор биологии Джулиан Хаксли (Гексли) сравнил Пришвина с Ричардом Джефферисом («История моего сердца»), что, естественно, вызвало интерес Пришвина. Пришвин читал книгу Джеффериса «The Story of my Heart» (1883) в немецком переводе (*Gefferies Richard.* Die Geschichte meines Herzens. Yena, 1906). Книга находится в библиотеке Пришвина (ГЛМ). На страницах книги остались пометы писателя и записи на полях; вот некоторые из них: «Итак, "усиление" души = моему "методу" исследования жизни» (С. 13); «А это часто бывает, что чувствуешь, насколько больше таится в душе, чем понимаешь. Но редко кто в этом видит наше неизмеримое богатство» (Там же); «Чудом я называю природное явление в тот момент, когда оно достигает внимания и душевного понимания человеком, таким образом, вся так называемая "естественная история" есть история чудес» (С. 38); «Мы любим природу, хотя она к нам равнодушна: мы можем любить ее, потому что мы больше ее, любим и не спрашиваем о взаимности» (С. 62).

9-е Января — это слепая Голгофа. — Ср. цикл рассказов 1916–1924 гг. «Слепая Голгофа» (Собр. соч. 1981–1986. Т. 2. С. 598–636).

С. 452. *Живешь гадким утенком, а про лебедя узнаешь нескоро...* — Аллюзия на сказку Г. Х. Андерсена «Гадкий утенок».

...в обличии сверхчеловека является, как явился самому Ницше, Христос: чем это и вправду не сверхчеловек? — По-видимому, имеется в виду книга «Антихристианин» (1889), в которой Ф. Ницше, выступая против христианства как мировоззрения, утверждает, что суть учения Христа в упразднении жестких законов и противоположностей, понятий вины, наказания, расплаты. По Ницше, Христа отличало непротивление злу, принятие того, что происходит и произойдет, и сама смерть Христа свидетельствовала о том, что он умер так, как жил — любя даже тех, кто причинил Ему зло. Ницше утверждает, что христиане, начиная с ап. Павла, не поняли Христа и во имя Его проповедовали месть, кару и суд.

С. 453. *...речь мою в Комсомоле.* — По-видимому, имеется в виду речь на совещании по детской литературе, организованном ЦК ВЛКСМ в январе 1936 г.

С. 454. *Процесс <...> действует очень глубоко какою-то своей скрытой силой.* — Ср.: «Георгий Федотов так комментировал унизительные выступления бывших героев большевистской революции на показательных процессах: "Я не радуюсь их унижению. Я унижен вместе с ними. Ибо их позор — тоже, в конце концов, позор России. Ведь эти люди когда-то победили Россию. Они оказались сильнее всех ее вождей. Они кичились своей несокрушимой "большевистской" волей.

И эта сила, и эта воля оказались мнимыми. Когда воздух революции вышел из этих пустых резиновых шаров, они свернулись в жалкие тряпочки. <...> Троцкий оценивал поведение обвиняемых — своих бывших соратников — несколько мягче. В речи в Нью-Йорке в феврале 1937 года он сказал: "Процессы ГПУ носят абсолютно инквизиторский характер. <...> Может быть, на свете есть много героев, которые могут вынести любые пытки <...> в отношении себя, своих жен и детей... Я не знаю... Мои личные наблюдения говорят мне, что способность человеческих нервов сопротивляться ограничена... московские процессы не лишают чести поколение старых большевиков, они просто показывают, что большевики состоят из плоти и крови и что они не могут бесконечно выносить маятник смерти, раскачивающийся над их головами в течение лет. Московские процессы лишают чести политический режим, их породивший "» (цит. по: *Люкс Л.* История России и Советского Союза: От Ленина до Ельцина. С. 253—254).

...идея пораженчества. — Имеется в виду идея пораженчества правительства своей страны, т. е. попытка решить проблемы внутренней жизни страны за счет поражения в войне; в русской истории примером идеи пораженчества был призыв Ленина в ходе Первой мировой войны брататься с немцами и «превратить империалистическую войну в войну гражданскую», а еще раньше распространенная в обществе идея поражения царизма в войне с Японией 1904—1905 гг.

...за столько лет умели убить одного Кирова. — В убийстве С. М. Кирова обвинялись троцкисты. Ср.: «Биограф Сталина А. Антонов-Овсеенко писал: "Часто спрашивают, неужели на Сталина не было ни одного покушения?" Да, ни одного... Да, их не было у нас, заговорщиков, ибо уже к началу 30-х годов с именем Сталина связывали все победы социалистического строительства. В спорах, затеваемых экспозицией, в ее планах никогда не заходила речь о физическом уничтожении Сталина» (*Люкс Л.* История России и Советского Союза: От Ленина до Ельцина. С. 262—263).

С. 455. *Достоевский продолжает оставаться единственным описавшим бесов.* — Аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872).

Слова Достоевского: «И все растечется в грязь». — См. коммент. к с. 294 (*«Пророчество Достоевского...»*).

Приговор самый неожиданный... — Ср.: «На следствии Радек дал согласие выступить с любыми разоблачениями и показаниями против кого угодно. В качестве одного из главных обвиняемых был привлечен к открытому процессу по делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра". Стал центральной фигурой процесса, так как начал давать очень подробные показания о своей "заговорщицкой деятельности", назвав при этом заговорщиками огромное число партийных деятелей, в том числе и тех, кто в тот момент еще не был арестован. Давал обширные показания против своих "соучастников" по процессу.

Хотя большее число участников процесса были расстреляны, Радек, возможно, "в благодарность" за послушание, 30.1.1937 приговорен к 10 годам лишения свободы. (В августе 1936 г. в газетах публикуются материалы процесса над группой Зиновьева–Каменева. 21 августа в "Известиях" появляется статья Радека, где он называет подсудимых "фашистской бандой", "мразью" и требует для них смертной казни.) В лагере был убит уголовниками» (*Хазанов Б. Я.* Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. http://www.hrono.ru/biograf/radek.html).

С. 460. *Вспомнил о блюминге... — Блюминг* — высокопроизводительный прокатный стан для обжатия стального слитка.

С. 463. *Вчера же была Т. В. Розанова...* — Переезд Пришвина в Троице-Сергиев (с 1930 г. Загорск) в 1926 г. ознаменовался встречей с Татьяной Васильевной Розановой, дочерью В. В. Розанова. В их общении все оказалось важным для Пришвина: и переосмысление отношений с Василием Васильевичем Розановым (*16 Марта 1927.* Был у дочери Розанова Татьяны Васильевны. "Хорошо, — говорит, — что вы любите природу, значит, человека не любите, нельзя его любить". Совсем Розановская манера, и лицом и натурой совсем Розанов»), и радость от духовной близости с глубоко верующим человеком — почти роман («*13 Апреля 1927.* Меня продолжает волновать Т. В., и все происходит во мне совершенно так же, как бывает у влюбленных») и неожиданная провокация, очень важная для Пришвина, — испытание ее, как церковного человека, на свободу («*12 Июня. Троица.* Пионы, подаренные мне <...> были такие красные, такие огромные <...> я отворил комнату, чтобы не прослушать стук Тани: она обещалась перед заутреней перепечатанную рукопись. Я подумал о ней в связи с цветами, такие страшные Мефистофельские цветы! догадается она, что они такие, откажется, или возьмет с собой в церковь? <...> Таня крикнула со двора: — Михаил Михайлович! — Идите сюда, — сказал я ей. — Нет, я спешу к заутрене, возьмите рукопись. — Но вы же без цветов идете, возьмите у меня цветы. — Да вот разве цветы. — Я с некоторым волнением ждал ее, потому что думал, что она испугается красного, не решится идти с ними в церковь... Она вошла и ахнула: "Какие цветы, откуда вы их взяли". <...> И она взяла, такая маленькая, такая некрасивая, но живая как ртуть, огромный [букет] и побежала с ним молиться...»), и трезвое решение расстаться, и, как оказалось, пророчески зарисованный в дневнике план с указанием места могилы Розанова в Черниговском скиту Сергиева, по которому уже в наши дни это место было установлено... (см.: Дневники. 1926–1927. С. 227, 250, 310).

С. 464. *Есть версия толкования процесса такая, что троцкисты хотят терроризировать правительство психологически: напугать врагами и расчистить путь Робеспьеру.* — Создание советских мифов было одной из задач пропаганды, которая, в частности, постоянно муссиро-

вала в средствах массовой информации идею вражеского окружения с участием «троцкистов» и непосредственно военной угрозы. Ср.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 15–18.

С. 469. ...*«смирись, гордый человек!»*... – Перифраз из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

С. 470. ...*дух веет, где хочет.* – Ин 3: 8.

С. 473. *Умер Орджоникидзе.* – В ряде воспоминаний (к примеру, в мемуарах Н. С. Хрущева) утверждается, что 18 февраля 1936 г. Серго Орджоникидзе застрелился (см.: http://www.bibliotekar.ru/encSuicid/65).

Поехал делегатом на пленум Союза писателей. – В тетрадь вклеена газетная вырезка, название газеты и дата не определяются: «Мы относимся к Пастернаку отнюдь не враждебно, – сказал выступивший затем В. Киршон, – мы верим ему, когда он говорит, что он целиком с партией и народом. Он талантливый поэт, но он живет в какой-то чрезмерно замкнутой творческой обстановке, вне обычной советской атмосферы. Необходимо, чтобы он понял это, перестал быть "особенным" в этом отношении поэтом, не теряя, конечно, своего творческого своеобразия».

С. 475. *«На земле весь род людской»...* – куплеты Мефистофеля из оперы Шарля Гуно «Фауст» (1859): «На земле весь род людской / Чтит один кумир священный, / Он царит над всей вселенной, / Тот кумир – телец златой!»

С. 476. *Чистка писателей (Пастернак и Пильняк).* – Ср.: «Атмосферу этой кампании (и времени в целом) выразительно передает речь одного поэта <...> произнесенная 24 февраля 1937 года на пленуме Союза писателей, посвященном столетию со дня смерти Пушкина: "Пусть мне не говорят о сумбурности стихов Пастернака. Это – шифр, адресованный кому-то с совершенно недвусмысленной апелляцией. Это –двурушничество, Таким же двурушничеством богаты за последнее время и общественные поступки Пастернака. Никакой даровитостью не оправдать его антигражданских поступков (я еще не решаюсь сказать сильнее). Дело не в сложности форм, а в том, что Пастернак решил использовать эту сложность для чуждых и враждебных нам целей". В контексте начавшейся газетной кампании эти слова, напоминающие собравшимся о мере нравственной ответственности писателей перед историей страны, звучали прямым вызовом. Так они и были восприняты официальными лицами в Союзе писателей, как показал в конце года критический поход против поэта, еще недавно слывшего "крупнейшим"» (*Борисов В. М.* Река, распахнутая настежь. К творческой истории романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». http://

pasternak.niv.ru/pasternak/bio/borisov-reka.htm). В это же время жесткой критике подвергается Б. Пильняк, который спустя месяц, 4 апреля, на собрании писателей Москвы был вынужден признать порочность своей «внепартийной» позиции; в октябре Пильняк был арестован. В мае 1937 г. В. Кирпотин выступил в «Правде» с резкими нападками на Пильняка и заявил, что обвиненный в троцкизме критик Воронский подсказал Пильняку тему контрреволюционной «Повести непогашенной луны» (1926). По-видимому, Пильняка расстреляли как японского шпиона в 1938 г. Ср. в дневнике Пришвина: «*17 Марта. 1936*. Я несвободен в своей поэзии — меня держит жизнь, я не свободен в жизни — меня держит поэзия. И так я живу "особенный" (за это упрекали Пастернака), уединенный...».

С. 480. *Марфа жизни*. — Лк 10: 38—42.

С. 483. *...и все будут как дети*. — Мф 18: 3.

С. 486. *...я сказал когда-то первый на пленуме «сорадование»...* — Имеется в виду выступление Пришвина на Первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей в 1932 г. (см.: Творить будущий мир. С. 108—114).

С. 487. *...«я другой такой страны не знаю»...* — Имеется в виду песня «Широка страна моя родная» («Песня о родине») (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского).

С. 489. *...смердяковская зависть <...> это в значительной дозе у нашего пролетария <...> «сами, сами комиссары!»...* — Суть смердяковской зависти — в исступленном отрицании всех святынь, в центре которого обостренный до последнего предела конфликт отцов и детей (отцеубийство); по Пришвину, пролетарская психология вырастает из «хамской», «подпольной», «смердяковской зависти», а частушка как результат устного народного творчества одновременно и выражает, и пародирует злободневность («Сами, сами комиссары / Сами председатели / Никого не почитаем / Ни отца, ни матери!»).

Одно время поэты <...> старались доказать, что поэзия тоже делается (Маяковский)... — Ср.: «Надо браться за перо только тогда, когда нет иного способа говорить, кроме стиха. Надо вырабатывать готовые вещи только тогда, когда чувствуешь ясный социальный заказ. Чтобы правильно понимать социальный заказ, поэт должен быть в центре дел и событий. Знание теории экономии, знание реального быта, внедрение в научную историю для поэта — в основной части работы — важней, чем схоластические учебнички молящихся на старье профессоров-идеалистов. Для лучшего выполнения социального заказа надо быть передовым своего класса, надо вместе с классом вести борьбу на всех фронтах. Надо разбить вдребезги сказку об аполитическом ис-

кусстве. Эта старая сказка возникает сейчас в новом виде под прикрытием болтовни о "широких эпических полотнах" (сначала эпический, потом объективный и, наконец, беспартийный), о большом стиле (сначала большой, потом возвышенный и, наконец, небесный) и т. д. и т. д. Только производственное отношение к искусству уничтожит случайность, беспринципность вкусов, индивидуализм оценок. Только производственное отношение поставит в ряд различные виды литературного труда: и стих, и рабкорскую заметку. Вместо мистических рассуждений на поэтическую тему даст возможность точно подойти к назревшему вопросу поэтической тарификации и квалификации. Нельзя придавать выделке, так называемой технической обработке, самодовлеющую ценность. Но именно эта выделка делает поэтическое произведение годным к употреблению. Только разница в этих способах обработки делает разницу между поэтами, только знание, усовершенствование, накопление, разноображивание литературных приемов делает человека профессионалом-писателем» (*Маяковский В. В.* Как делать стихи? (1926): http://www.stihi-rus.ru/1/Mayakovskiy/200.htm).

...стали зазывать в литературу рабочих с заводов и фабрик. — Имеется в виду объявленный РАПП «Призыв ударников в литературу» (1931), который привлек сотни рабочих в литературные кружки.

С. 493. *...по пути Радищева, из Москвы в Петербург...* — Аллюзия на книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790).

С. 495. *...от канадских кану...* — *Кану* (*каяк*) — долбленая лодка.

С. 496. *...от писем к В. И. ...* — Имеется в виду Варя Измалкова, «парижская» любовь Пришвина.

И так я живу «особенный» (за это упрекали Пастернака)... — О творческой замкнутости, изолированности Б. Л. Пастернака от общественной жизни говорилось в докладе В. Киршона на Пленуме Союза писателей (27—28 февраля 1937 г.).

С. 501. *...от поездки по северному каналу...* — Имеется в виду поездка Пришвина на Север: Соловки, Беломорский канал (1933).

...гордится романами Ильфа и Петрова и Валентина Катаева. — Имеются в виду книга И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» (1937) и, по-видимому, роман В. Катаева «Белеет парус одинокий» (1936).

С. 512. *...ботить рыбу* — *Ботить (ботать) рыбу* — подымать и загонять рыбу.

С. 513. *...в существовании какого-то провала между «пантеизмом» (поэзией) и этикой чисто христианской...* — В культуре начала XX в.

Розанов воспринимался как философ языческого «пантеизма», подвергший критике рационализм христианского догматизма. Ср.: «Язычеству чужд догматизм, его религия внедогматична и сами символы ее как бы плотские, как бы живут, как бы составляют плоть и кровь, ибо эта религия больше чувственная, больше кровная и жизненная, нежели разумная. Догмат — первый признак рационализма, и весь христианский догматизм рационалистичен. Розанов единственный мыслитель в современном "неохристианстве", который пошел против догматики» (*Закржевский А. К.* Розанов (1913) // В. В. Розанов: pro et contra: Антология. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 165—166). (Комментарий А. Медведева.)

С. 515. *...я так мало этим письмам придавал значения.* — Переписка Горького с Пришвиным (1911—1935) опубликована. См.: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Издательство Академии наук, 1963. С. 319—362.

...«искания» вроде Вертера... — Аллюзия на роман Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774).

Читаю Гл. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд»... — Очерк «Крестьянин и крестьянский труд» (1880) — одно из произведений, посвященное русской пореформенной деревне.

С. 520. *...поляна с остожиной.* — Остожье (*устар.*) — небольшой покос на один стожок сена.

С. 521. *...море мелятника.* — *Мелятник* — густой подлесок.

С. 523. *...как Писарев спрашивал, правда ли есть добродетель быть вечно верной мужу, как Пушкинская Татьяна?* — По-видимому, аллюзия на статью Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» (1865).

С. 524. *...я решаю, что Зуек старше...* — Так появляется имя будущего героя романа-сказки «Осударева дорога» — Зуек; *зуек* — птица, водится в северных районах, на Белом море, на реке Мезень.

...идут на пищик... — *Пищик* — дудочка для приманивания птиц на охоте.

...на разливе бочаги... — *Бочаги* — омуты, ямы, колдобины по руслу реки.

С. 528. *«Власть земли»...* — Аллюзия на очерки Г. Успенского «Власть земли» (1882).

«Спасите меня, я хочу застрелиться». — Ср.: «*12 Апреля.* Берендей рассказывает: по слову его надо учиться вниманию и участию. А иные приходят к самому Берендею и просят научить их говорить так же

красно, как он... Другие, привлеченные словом, просят у него жизни...»; «*15 Апреля.* Вчера я думал о <...> моих "читателях": они именно затем ко мне приходят, что хотят вернуться домой, как и я сам когда-то сумел вернуться».

...вроде Острого. — Иван Острый — чудак-изобретатель.

С. 529. *...(когда мы начинали травосеяние с четырехполкой)...* — Имеется в виду время, когда Пришвин после окончания университета в Германии и возвращения в Россию с сохраняющим силу «запрещением въезда в столицу» (до отъезда в Германию он, член студенческого марксистского кружка, был осужден и отбыл год в одиночной камере Митавской тюрьмы) устраивается на работу в Клинское земство, где, в частности, занимается внедрением в то время прогрессивного четырехполья (травосеяние). Ср.: *Волынцев Е. Н.* Молодой земский агроном // Личное дело. С. 32—34).

Экология (по Геккелю)... — Термин «экология» впервые был введен в научный оборот немецким биологом Эрнстом Геккелем в капитальном труде «Общая морфология организмов» (1866), но широкое распространение получил после публикации его популярных лекций «Естественная история миротворения» (1869); Геккель определял экологию как науку о динамической совокупности отношений растительных и животных организмов между собой и с окружающей их средой.

С. 531. *Появление Василия Алексеевича...* — В 1937 г. в деревне Теріброво Пришвин познакомился с Василием Алексеевичем; его жизненная история, облик и образ жизни, разговоры с ним привлекли Пришвина: много лет где-то в глубинах особой писательской памяти пролежал этот сюжет — и вдруг в 1952 г. написался. Ср.: «*16 Августа 1952.* Рассказ "Василий Алексеевич" не могу пережить, дивлюсь ему и понимаю, что он пришел ко мне как бы свыше. Бывают же такие удачи!» Рассказ был впервые опубликован в 1962 г. — Пришвин, кажется, и не пытался публиковать его; но понятна радость писателя, который написал рассказ на самую болезненную, животрепещущую, неразрешимую тему своего времени — «личность и общество», которую в течение двадцати лет стремился выразить в романе «Осударева дорога» — и вдруг родился такой простой народный рассказ, понятный каждому, о чем он всегда мечтал, на эту самую тему. Ср.: «Надо сказать, что Василий Алексеевич никогда, как обычные старики, не пускался в критику нового времени, и если критиковал, то очень тонко. Может быть, это было оттого, что оба сына его были на важных должностях. <...> — Василий Алексеевич, — спросил я, — вы такой большой хранитель старинного уклада, а сыновья ваши так определенно стоят на новом пути. Наверное, не во всем с ними согласны? — Бывает, мы спорим немного. <...> Вам помнятся слова первосвящен-

ника Каиафы, когда привели к нему Христа? Каиафа <...> сказал, что Его необходимо распять, а то придут римляне и разорят и погубят весь народ. Так пусть лучше один невинный погибнет. А народ сохранится. Вот об этом мы с сыновьями и спорим. — Сыновья стоят за народ? — спросил я. — Вы точно сказали <...> сыновья стоят за народ и еще так говорят: в нашей практике приходится десять невинных истратить, чтобы найти и уничтожить одного негодяя, а если только один и за весь народ — то какой тут может быть разговор? <...> Я же простой человек и, конечно, так говорю: "Дети мои! Человек не курица: отруби курице голову — и будет другая взамен, и курица воскреснет, а отруби человеку — и он не воскреснет. Придет, конечно, другой человек, придет, да не тот!" — Что же ваши сыновья? — Молчат» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 603—606).

С. 538. *Берестяная трубочка.* — Впоследствии рассказ включен в цикл «В краю дедушки Мазая».

С. 541. *Лесные Сизифы (пильщики)...* —— Смысл мифа о Сизифе в том, что нет кары ужасней, чем бесполезный труд: боги приговорили Сизифа поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз.

С. 543. *...в кулигах реки. — Дать кулигу* — дать крюк, образовать колено.

...как олень стадо важенок... — Важенка — олень-матка.

С. 547. *«Соки земли» Гамсуна <...> Тут и мать моя, и жена-крестьянка, и моя поэзия и «счастье».* — В 1925 г., когда в журнале «Красная новь» была опубликована книга Пришвина «Родники Берендея. Из записок фенолога с биостанции "Ботик"», критика высоко оценила новое произведение писателя: в частности, отмечалась «преемственность между исследовательской лирикой Пришвина и пантеистическим раздумьем Кнута Гамсуна» (*Войтоловский Л.* Печать и революция. 1926. № 8).

С. 552. *Анна Дмитриевна.* — Жена друга Федора Куприяновича Чувиляева, которую Пришвин попросил помочь обставить свою новую квартиру.

С. 558. *...розановские «Опавшие листья» <...> ...встреча его (возле Введения) с семьей его жены...* — После разрыва с А. П. Сусловой Розанов в конце 1880-х гг. встретился в Ельце со своей будущей женой В. Д. Бутягиной (урожд. Руднева; 1864—1923) и ее матерью, А. А. Рудневой (1826—1911), происходившей из священнического рода. В письме к К. Н. Леонтьеву в мае 1891 г. Розанов писал: «<...> что для Вас — Оптина Пустынь, то для меня — здесь церковь Введения, и одна семья

духовная (или, вернее, — род)» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 399). Встреча с глубоко православной семьей Рудневых, домик которых стоял напротив церкви Введения Пресвятой Богородицы, стала для Розанова переломным духовным событием — обращением в церковное православие, движением от теоретической «философии понимания» (его первый философский труд «О понимании» (М., 1886)) к «философии жизни». После переживания мира как экзистенциального «Безобразия», «Дыры» эта семья стала для Розанова обретением православного «космоса (κпумещ — *украшаю*)» — «гармонии, благообразия, доброты»: «В первый раз в жизни я увидал *благородных людей* и *благородную жизнь.* И жизнь очень бедна, и люди бедны. Но никакой тоски, черни, даже жалоб не было. Было что-то "благословенное" в самом доме, в деревянных его стенах, в окошечке в сенях на "За-Сосну" (часть города). В глупой толстой Марье (прислуге), которую терпели, хотя она глупа, — и никто не обижал. <...> Моя же новая "философия" жизни началась не с вопроса, а скорее с зрения и удивления: как может быть жизнь благородна и в зависимости от *одного этого* — счастлива; как люди могут во всем нуждаться, "в судаке к обеду", "в дровах к 1-му числу": и жить благородно и счастливо, жить с тяжелыми, грустными, без конца грустными воспоминаниями: и быть счастливыми по тому одному, что они ни против кого не грешат (не завидуют) и ни против кого не виновны» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 242—243). (Комментарий А. Медведева.)

С. 559. *...как Розанов Гуттенбергом.* — Немецкого изобретателя печатного станка Иоганна Гутенберга (Gutenberg; ок. 1399—1468) Розанов демонизировал как «Мефистофеля-Гутенберга», определившего своим изобретением «печатный», публичный характер литературы Нового Времени и европейской цивилизации в целом: «В чем, так сказать, магия книгопечатания, отрицательная магия? Буквы, каждая напечатанная, потеряли лицо свое и с ним душу свою. Буквы стали неодушевленные, и все строки неодушевленные, и вся страница, и целая книга. Книга неодушевленная!!! — черт знает чтó такое. Труп, разложение, вонь. Ибо ведь по содержащейся-то в ней мысли книга есть одушевленное из одушевленного. И вот это одушевленное из одушевленного передано через машинные знаки. Граммофон раньше граммофона. Как граммофон убивает пение, так "книгопечатание" убило содержание книг, это пространство духа летящего и трепетание воздуха под крыльями. "По рукописи" я чувствую *его*, по печати — *автора* не чувствую. Магия письма исчезла. Книга есть а-магическая рукопись, — рукопись с "убитым в ней духом"» (*Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 г. // Розанов В. В. Собр. соч.: Мимолетное. С. 149). «Печатной» литературе присущи обезличенность («Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушелись "в печати", потеряли лицо, характер» (*Розанов В. В.* Уединенное

(1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 39), рыночная зависимость от читателя («Все писатели — рабы. Рабы своего читателя») (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915) // Там же. С. 430), зависимость от политики (буквы — «свинцовые пули») (Там же. С. 369).

Этой «публичной», афишированной литературе Нового Времени с ее эгоцентричным тщеславием Розанов противопоставил смиренную средневековую рукописность, сохранявшую духовное целомудрие писателя и его индивидуальность: «Ведь в Средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневековая литература, во многих отношениях, была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодоносна в своей невидности. Новая литература до известной степени погибла в своей излишней видности; и после изобретения книгопечатания вообще никто не умел и не был в силах преодолеть Гутенберга» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913). С. 249). Новизну «Уединенного», изданного *«почти на праве рукописи»*, Розанов видел в возврате к догутенберговской, «рукописной» интонации, которая своей интимностью преодолела «печатность», публичность опубликования: «Я "издаю свою душу", как Гершензон "издавал Пушкина", с тем же безучастием, объективностью и библиографичностью. Как страшно: душу, живую, горячую, — прилагаю к холодному типографскому станку. Холодно душе. А станку "ничего". Зачем я это делаю и даже как это вообще возможно? Я думаю одолеть литературу (моя мечта). Не душа моя похолодеет от печати, но "свинцовый ряд"... его *не будет* (растопится). Опять рукописи... желтенькие, старые. Как бы хорошо. Опять свободный человек: свободный от ЧУДОВИЩНОГО РАБСТВА книгам. О, какое это рабство... унизительное, гнетущее; всеразрушающее (культуру)» (*Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 г. С. 263). (Комментарий А. Медведева.)

С. 559. *...сотрудничать с <...> (Варвариным) в «Русском слове» Мережковский отказался.* — О своих отношениях с Д. С. Мережковским Розанов писал: «Перипетии отношений моих к М. — целая "история", притом совершенно мне непонятная. Почему-то (совершенно непонятно, *почему*) он меня постоянно любил, и когда я делал "невозможнейшие" свинства против него в печати, до последней степени *оскорбляющие* (были причины), — которые всякого бы измучили, озлобили, восстановили, которых *я никому бы не простил от себя*, он продолжал удивительным образом любить меня. <...> Поэтому хотя потом М. и Ф. пошли в "Рус. Сл." и потребовали: "Мы *или* он (Варварин) участвуем в газете", т. е. потребовали моего исключения, — к счастью, это мне не повредило, потому что финансово я уже укрепился (35 000) — нужно понять это как "выдержанность стиля" (с.-д. и "общественность"), к которой не было присоединено души. Редко в жизни встретишь любовь и *действительную связанность*: и имя его, и дух, и судьба — да будут благословенны; и дай Б. здоровья (всего больше этого ему нужно) его З.» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913. С. 253—254). Одновременно с работой в консервативном «Но-

вом Времени» Розанов шесть лет (1906—1912) сотрудничал в либеральной газете «Русское Слово» (под псевдонимами «Варварин», «Ветлугин» и др.). Его сотрудничество прекратилось после ультиматума Д. С. Мережковского и Д. В. Философова владельцу «Русского Слова» И. Д. Сытину. В 1914 г. Мережковский инициировал исключение Розанова из Религиозно-Философского общества. См. подробнее: *Николюкин А. Н.* Мережковский Д. С. // Розановская Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 576—581. (Комментарий А. Медведева.)

С. 562. *...проверка жерлиц...* — *Жерлица* — устройство для ловли рыбы.

С. 563. *Поэт авраамовой семьи...* — Авраам (евр. «отец множества народов»: Быт 17: 5) — ветхозаветный патриарх, с которым Бог заключил Завет, установив обряд обрезания как знамение Завета. В обрезании Розанов видел религиозное оправдание пола: «Как бы Б. на веки вечные указал человеку, *где* можно с ним *встретиться*» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912). С. 81). В противовес Голгофе Христа Авраам как родоначальник богоизбранного Израиля («И сказал Господь Авраму <...> сделаю потомство твое, как песок земной»: Быт 13: 16) у Розанова — образец благословенного Богом семейного чадородия: «Что такое Библия? Книга “отчеств”. “Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова” — вот формула Израиля. <...> Библия местами переходит прямо в исчисление рождений, в необозримую генеалогию, ветвление и ветвление человека. Это какой-то словесный “дуб Мамврийский”, — так и хочется поправить “дуброва Мамврийская”, — и шумящий в ней священный ветер. Индивидуум всегда в ней взят в точке членения с “суком”, на котором сидит; и вся полнота внимания остановлена на точке тех новых возможных “членений”, где от него выбежал или мог бы выбежать свежий лист» (*Розанов В. В.* Из седой древности // Розанов В. В. Собр. соч.: В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. М., 1995. С. 356).

О связи болезни своей жены с ее первым мужем, М. П. Бутягиным (ум. ок. 1884), Розанов писал в письме к П. А. Флоренскому от 15 сентября 1912 г.: «Я Вам не говорил, чем она больна: ее муж, — любимейший, — умер (Карпинский по признакам) от прогрессивного паралича на почве сифилиса, и она через плаценту (“детское место”, коим ребенок соединен в утробе) получила заражение, павшее на мозг же, и у нее произошла сухотка спинного и головного мозга!! Отсюда получилось раннее, в 45 лет, “перерождение” всех кровеносных сосудов и миокардит, т. е. воспалительный процесс мускульной ткани сердца, а на почве перерожденных сосудов произошел в 47 лет удар: когда закрылась проходимость некоторых кровеносных сосудов в мозгу. И это открыть через 30 лет после заражения!! Теперь уже все запоздало, и она, несчастная, изуродована: вся левая сторона тела полу-висит, ослаблена, с потерею чувствительности и ослабленной способностью движения. Вся жизнь испорчена медицинским недосмотром. И тут,

конечно, виноват муж, который должен за всем смотреть, должен бы ее охранить» (*Розанов В. В.* Полное собрание «опавших листьев». Кн. 2: Смертное / Под ред. В. Г. Сукача. М.: Русский путь, 2004. С. 157–158).

Болезнь жены, приведшая ее к инсульту в 1910 г., стала причиной написания «Уединенного», а также трагического тона и последующих книг: «Я говорил о браке, браке, браке... а ко мне все шла смерть, смерть, смерть» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912). С. 119); «Не спас я мамочку от страшной болезни. А мог бы. Побольше бы внимания к ней, чем к нумизматике, к деньгам, к литературе. Вот одна и *вся* моя боль» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913). С. 270). С переживанием болезни жены Розанов отходит от «здорового» язычества (тема брака) к «страдающему» христианству: «Христос – это слезы человечества, развернувшиеся в поразительный рассказ, поразительное событие. <...> Христианство нежнее, тоньше, углубленнее язычества. Все "Авраамы" плодущие не стоят плачущей женщины. <...> Не в этом ли родник, что мы умираем и болеем: т. е. не потому ли и для того ли, чтобы всем открылся Христос. Чтобы человек не остался без Христа» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915). С. 351–352). (Комментарий А. Медведева.)

С. 565. *...но у нас в России евреи потрудились!* – Возможно, имеется ввиду книга одного из основателей «формальной школы» В. Б. Шкловского (1893–1984): *Шкловский В. Б.* Розанов // Шкловский В. Б. Сюжет как развитие стиля. Пг.: Опояз, 1921. С. 1–56 (отд. оттиск: Розанов. Пг., 1922. – 56 с.). Оценку этой книги Пришвин дает далее. (Комментарий А. Медведева.)

С. 566. *...и человека жалко, Розанова.* – Тема жалости является одной из важнейших в «Уединенном» и в «Опавших листьях»: «Никакой человек недостоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости»; «Есть ли жалость в мире? Красота – да, смысл – да. Но жалость? Звезды жалеют ли? Мать – жалеет: и да будет она выше звезд» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. С. 132, 175–176). (Комментарий А. Медведева.)

История с Кондриковым... – По-видимому, Пришвин узнал об аресте Василия Ивановича Кондрикова, с которым познакомился во время своей поездки на Север в 1933 г. Пришвин оценил масштаб его личности и сделал его героем отдельной главы в своей книге. В дневнике поездки о Кондрикове также есть записи. Ср.: «*9 Октября 1933.* 1-й тип. Господствующий тип в наше время – это филистер "перековки" человека, имеющий в голове постоянную мысль о том, как бы всякого встречного человека "использовать" для того дела, которому сам служит (тип вышел из политики, из ГПУ). 2-й тип. Это современный "герой" вроде летчика Водопьянова: сам по себе он ничто, но его посылают лететь, и он геройски расшибается и обращается в ничто. При неразвитии своем и молодости в нем нет личности, а значит, и ника-

кой собственности, он весь в потенции, в готовности действовать. Его состояние похоже на того передержанного мужчину, к которому может прийти всякая женщина и взять его. Во что бы то ни стало, к чему бы то ни было пристать. И так он пристает к мотору на самолете и сам превращается в летающую машину. Смерть ему совсем не страшна. Молодых людей в этом роде великое множество, и герои для будущей войны у нас теперь налицо. 3-й тип, это грюндера, [организатора] вроде американских пионеров: Кондриков, Успенский и много других — это герои стройки...» (Дневники. 1932—1935. С. 309—310. Ср.: Колобок. Строитель Кондриков (Письмо к другу) // Собр. соч. 1935—1939. Т. 1. С. 421—427).

В. И. Кондриков возглавил трест «Апатит» в 1929 г. на стадии организации нового производства, а к лету 1936 г. уже совмещал должности управляющего трестом «Апатит», директора Севхимкомбината, директора комбината «Североникель» и начальника треста «Кольстрой». Город строили раскулаченные спецпереселенцы и заключенные, условия жизни которых оставляли мало шансов на выживание. Именно Кондриков начал переселять рабочих из палаток в теплые бараки, добивался продуктовых спецпайков; рассказывают, что во времена Кондрикова многие умудрялись поддерживать своих родных, оставшихся в средней полосе России, посылая им мешки с сухарями. По его инициативе в городе открывались школы и кружки, куда принимали всех желающих независимо от социальной принадлежности. В 1937 г. Кондриков был арестован, обвинен в «троцкизме, вредительстве и создании контрреволюционной организации», не признал своей вины и был расстрелян (http://www.kirovsk-hibinogorsk.ru/history.html). В настоящее время в Кировске установлен памятник В. И. Кондрикову, «великому человеку Хибин».

С. 567. *Встреча во сне с «Музой»...* — имеется в виду Варя Измалкова, первая «парижская» любовь Пришвина.

С. 569. *...птицы Сирин и Алконост...* — райские птицы, чье пленительное пение заставляет забыть о земных тревогах.

С. 573. *Доверенность Чувиляевой.* —

Север	— 8411	
Кащеева цепь	— 6904	
Берендеева чаща	— 11837	
	27.152	
Остаток на 15/V 37	35.931	
63.083	87.506	
Детгиз	— 5.000	
Кино	— 9.500	
Загорск	— 9.923	19.423
Итого 87.506 85.000		Из этого выдано А. Д.

Чувиляевой — 10.000, и раньше: 1.000 не из этого

(Знай работай да не трусь!)
Вот за что тебя глубóко
я люблю, родная Русь.

Дела на завтра: 1) Квартира. 2) Гончаров: сапоги. 3) Киноденьги. 4) Гребешок. 5) Часы. 6) Радиоденьги. 7) Масло. 8) Лубянка 9) Номерные Знаки. Заказал костюм портному брату Александра Лукьяновича за 150 р., дано на приклад 50 р. и материал 3 м по 120 руб. О «Серой Сове» кончено с Накоряковым. Определение землеройки «Бурозубка».

С. 574. ...*(люди лунного света)*. — Имеется в виду книга В. В. Розанова «Люди лунного света. Метафизика христианства» (СПб., 1911). По Розанову, половая энергия «людей лунного света» («духовные содомиты») направлена на создание культуры, тогда как половая энергия «самцов» — на создание семьи. К «людям лунного света» Розанов причислял Рафаэля и Чернышевского (*Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1913. С. 160). Ср. в раннем дневнике Пришвина: «Розанов в своей книге “Люди лунного света” дает нам прямо анатомию психики таких людей: есть люди, выделенные природой из общего языческого мира, где едят, размножаются и дерутся из-за еды, — это “люди лунного света”, христиане, псалмопевцы» (Ранний дневник. Начало века (материалы к задуманному роману). С. 310, 749). (Комментарий А. Медведева.)

С. 580. *Жена писателя («Мамочка»...* — «Мамочка» — домашнее имя жены Розанова, В. Д. Бутягиной-Розановой: «Зависимость моя от мамочки — как зависимость безнравственного или слабонравственного от нравственного. <...> Мамочка — нравственный гений, вот в чем дело. И от этого так привязался и такая зависимость» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915). С. 504, 550). О «мамочке» как воплощении у Розанова жалостной материнской любви писал Г. П. Федотов: «Лишь чадородие, то есть материнство, т. е. жалостная, кормящая любовь, его вдохновляет. Это и библейское и, притом, женское понимание любви делает Розанова единственным в сфере нашей языческо-христианской культуры. <...> Любовь для Розанова — жалость и боль о человеке. Не восхищенное созерцание (платонизм), а отогревание в невыносимом холоде жизни. <...> Вот почему нет святее имени матери (“мамочкой” зовет он своего “друга”). “Звезды жалеют ли? Мать — жалеет: и да будет она выше звезд”» (*Федотов Г. П.* В. Розанов. «Опавшие листья» (1930) // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. II. С. 395). (Комментарий А. Медведева.)

С. 581. *...вспомнив при этом пушкинского богатыря-младенца...* — Аллюзия на «Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831) А. С. Пушкина.

С. 585. *...делали святыми волков, вспаивающих основателей Рима...* — В римской мифологии волчица вскормила своим молоком основателей Рима Ромула и Рема и стала символом города.

...пойманы куторы. — Куторы — род млекопитающих семейства землероек, отличающихся характерными признаками приспособления к водному образу жизни.

...попались две бурозубки... — Бурозубки — разновидность землероек.

...можно писать и в черносот[енных] и в соц[иалистических] газетах ... $^1/_{1000}$ правды есть и там и тут. — Свое параллельное сотрудничество (1906—1912) в противоположных по своим направлениям газетах — в консервативном «Новом Времени» и в либеральном «Русском Слове» Розанов оправдывал искренностью, апелляцией к свободе читателя, стремлением к объективности и разрушением условной партийной идеологии: «Что вы за дураки, что не умеете отличить правды от лжи; почему я для вас должен трудиться? Да и то определенной лжи я совсем не помню. Правда, я писал однодневно "черные" статьи с эсэрными. И в обеих был убежден. Разве нет 1/100 истины в революции? и 1/100 истины в черносотенстве? <...> Именно, что я писал "во всех направлениях" (постоянно искренне, т. е. об 1/1000 истины в каждом мнении мысли) — было в высшей степени прекрасно, как простое обозначение глубочайшего моего убеждения, что все это "вздор" и "никому не нужно": правительству же (в душе моей) строжайше запрещено это слушать. <...> Вот и поклонитесь все "Розанову" за то, что он, так сказать, "расквасив" яйца разных курочек, — гусиное, утиное, воробьиное — кадетское, черносотенное, революционное, — выпустил их "на *одну* сковородку", чтобы нельзя было разобрать "правого" и "левого", "черного" и "белого" — *на том фоне, который по существу своему ложен и противен...* И сделал это с восклицанием: — Со мною Бог» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915). С. 419—421). (Комментарий А. Медведева.)

Solo: «я» — и страшно умереть, он — и не очень страшно; если он умрет: вот страшное solo. — Итал. «solo» (от лат. solus — один, единственный) Розанов определял бытийное одиночество человека: «"Я умру" — это вовсе не то, что "он умрет". С "я умру" сливается (однокачественно) только "мама умрет"; даже чудовищнее: п. ч. я грешный. Да, вот в чем дело: для всего мира я тоже — "он умрет" и тоже — "ничего". Каждый человек только для себя "я". Для всех он — "он". Вот великое solo. Как же при этом не зареветь с отчаянием» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915). С. 429). О принципиальном одиночестве объективированной миром личности Розанов писал и в 1916 г.: «"Я" есть "я", и это "я" никогда не станет — "ты". И "ты" есть "ты", и это "ты" никогда не сделается как "я". Чего же разговаривать. Ступайте вы "направо", я — "налево", или вы "налево", я "направо". Все люди "не по дороге друг другу". И нечего притворяться. Всякий

идет к своей Судьбе. Все люди — solo» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Последние листья. М.: Республика, 2000. С. 21).

Важным культурным контекстом в осмыслении этой темы Розановым и Пришвиным является высказывание Б. Паскаля «Je mourrai seul; il faut donc faire, comme si j'etais seul»: «в смертный свой час человек всегда одинок. Значит, и жить ему надобно так, словно он один на свете» (*Паскаль Б.* Мысли // Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник»: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М., 2004. С. 704). Это высказывание было одно из любимых у Л. Н. Толстого: «Паскаль говорит: человек должен умирать один. Так же должен и жить человек. В том, что главное в жизни, человек всегда один, т. е. не с людьми, а с Богом» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 42: Круг чтения. Т. 2. 30 сент.). В дневниковой записи от 26 декабря 1901 г. Толстой пытался разрешить тотальное одиночество человека христианской любовью к другому и Богу: «Всякий человек закован в свое одиночество и приговорен к смерти. "Живи зачем-то один, с неудовлетворенными желаниями, старейся и умирай". Это ужасно! Единственное спасение, это вынесение из себя своего "*я*" любовь к другому. <...> Но люди смертны, и если в жизни одного больше горя, чем радости, — то то же и в жизни других. И потому положение все то же отчаянное. Только и утешения, что на миру смерть красна. Одно полное спасение была бы любовь к бессмертному, к Богу. Возможна ли она?» (Там же. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 54: Дневник, записные книжки и отдельные записи 1900—1903. С. 116).

О категориях «я» и «он» в связи с проблемой смерти писал М. М. Бахтин. Раскрывая смысл паскалевского высказывания у Толстого, Бахтин в изображении смерти у Толстого видит объективацию, овеществление сознания: «...смерть он <Толстой. — *А. М.*> изображает не только извне, но и изнутри, то есть из самого сознания умирающего человека, *почти* как факт этого сознания. Его интересует смерть *для себя*, то есть для самого умирающего, а не для других, для тех, которые остаются. Он, в сущности, глубоко равнодушен к своей смерти для других. "Мне надо одному самому жить и одному самому умереть". <...> Это возможно только благодаря известному *овеществлению* сознания. Сознание здесь дано как нечто объективное (объектное) и почти нейтральное по отношению непроходимой (абсолютной) границы "я" и "другого"» (*Бахтин М. М.* 1961 г. Заметки // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские Словари, 1996. Т. 5. С. 347). В отличие от монологического изображения смерти у Толстого, Достоевский изображает смерть глазами другого, тем самым свидетельствуя о принципиально незавершимой природе сознания — бессмертии души: «Достоевский *никогда* не изображает смерть изнутри. Агонию и смерть наблюдают другие. Смерть не может быть фактом самого сознания. <...> Сознание по самой природе своей не может иметь осознанного же (т. е. завершающего сознание) начала и конца. <...> Смерти же изнутри, т. е. осо-

знанной своей смерти, не существует ни для кого, ни для самого умирающего, ни для других, не существует вообще. Именно это сознание для себя, не знающее и не имеющее последнего слова, и является предметом изображения в мире Достоевского. <...> В мире Достоевского смерть ничего не завершает, потому что она не задевает самого главного в этом мире: сознания для себя. <...> Достоевский дает всему этому идеалистическое освещение, делает онтологические и метафизические выводы (бессмертие души и т. п.)» (Там же. С. 347–348). (Комментарий А. Медведева.)

С. 587. *...(В. В. Розанов: некрасивое лицо свое заменил красотой слов и т. д.)...* — В «Уединенном» Розанов вспоминал, как гимназистом рефлексировал по поводу своей мизерабельной внешности: «Но в душе я думал: — Нет, это *кончено.* Женщина меня *никогда не полюбит, никакая.* Что же остается? *Уходить в себя, жить с собою, для себя* (не эгоистически, а духовно), *для будущего.* Конечно, побочным образом и как "пустяки", внешняя непривлекательность была причиною самоуглубления. <...> я весь — дух, и весь — субъект: субъективное действительно развито во мне бесконечно, как я не знаю ни у кого, не предполагал ни у кого» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912). С. 54–55). (Комментарий А. Медведева.)

С. 590. *...биотоп, биоценоз, гомоценоз...* — *Биотоп* (от био- и греч. topos — место) — участок земной поверхности (суши или водоема) с однотипными условиями среды, занятый определенным биоценозом; *биоценоз* (от био- и греческого koios — общий) (ценоз) — совокупность растений, животных, грибов и микроорганизмов, населяющих данный участок суши или водоема и характеризующихся определенными отношениями между собой и окружающей средой; биогеоценозы, образованные в одинаковых почвенно-климатических условиях, одинаковым комплексом основных видов и мало отличающиеся друг от друга, можно назвать *гомоценозами.*

С. 591. *Рассказ «Этажи леса»...* — Впервые опубликован в 1941 г.; входит в цикл «В краю дедушки Мазая».

С. 593. *О геройстве Шмидта...* — в 1937 г. О. Ю. Шмидт руководил воздушной экспедицией по организации дрейфующей станции «Северный полюс-1».

С. 596. *...Петр от Христа отрекался...* — Мф 26: 69–75.

С. 597. *...то самое полотенце, которым вытирал свои руки Пилат, отдавая Христа.* — Мф 27: 11–26.

С. 599. *...Толстого с Чертковым, К. Леонтьева с Александровым, Розанова с Цветковым.* — *Чертков Владимир Григорьевич* — последова-

тель Л. Н. Толстого в его религиозном учении (толстовство), издатель его сочинений, фактический душеприказчик литературного наследства Толстого, ставший причиной раздора в семье Толстых в связи с вопросом о завещании писателя: «Чертков вовлек меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела, и противна мне. Буду стараться, *любя* (страшно сказать, так я далек от этого), вести ее» (*Толстой Л. Н.* «Дневник для одного себя» (30 июля 1910 г.) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1934. Т. 58: Дневники и записные книжки 1910. С. 129). *Александров Анатолий Александрович* (1861—1930) — журналист, поэт, приват-доцент Московского университета, познакомился с Леонтьевым в 1884 г. Автор воспоминаний и статей о Леонтьеве, автор его первой библиографии: *Александров А.* Памяти К. Н. Леонтьева. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. *Цветков Сергей Александрович* (1888—1964) — литератор, представитель московского славянофильства, друг Розанова (последний познакомился с Цветковым в 1906 г. по рекомендации С. Н. Булгакова), его первый библиограф (Т. В. Розанова о С. А. Цветкове // Литературоведческий журнал. М., 2000. № 13/14. Ч. 2. С. 246—249). Розанов очень ценил дружбу с Цветковым: «В 57 лет Бог благословил меня дружбой Цв. <...> Как люблю его. Как уважаю» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915). С. 489). Ключевой чертой личности Цветкова для Розанова была «психологичность», его способность сопереживать и сострадать: «Неужели это иллюзия, что “понимавшие меня люди” казались мне наилучшими и наиболее интересными. Я отчетливо знаю, что это не от самолюбия. Я клал свое “да” на этих людей, любовь свою, видя, что они проникновеннее чувствуют душу человеческую, мир, коров, звезды, *все* (рассказы Цв-а о мучающихся птицах и больных собаках, о священнике в Сибири и о проказе — умер, и с попадьей, ухаживая). Вот такой человек “брат мне”, “лучший, чем я”» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913). С. 255). В ответ на обвинения критиков в демонизме Розанов писал: «Да *ничего* подобного: добрейший малый. Сколько черных тараканов повытаскал из ванны, чтобы, случайно отвернув кран, кто-нибудь не затопил их» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915). С. 478). (Комментарий А. Медведева.)

С. 601. *...во время покаянной речи Мирского в Союзе писателей...* — Имеется в виду литературовед, критик Д. П. Святополк-Мирский, один из тех, кто в 1920-е гг. в эмиграции увлекся марксизмом и в 1932 г. при содействии М. Горького вернулся в СССР. По-видимому, заседание в Союзе писателей, о котором идет речь, было организовано в момент начавшейся травли Святополка-Мирского, которая закончилась в июне 1937 г. арестом по «подозрению в шпионаже».

...со знаком (†)... — со знаком смерти.

Розанов Бога не боится... — Слово «смерть» Розанов заменяет графически знаком креста в «Уединенном», «Смертном»: *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. С. 120, 125, 134. Розанов писал об апофатичности смерти, считая абсурдными всякие попытки определить смерть: «Какой это ужас, что человек (вечный филолог) нашел слово для этого — “смерть”. Разве *это* возможно как-нибудь назвать? Разве *оно* имеет имя? Имя — уже определение, уже “что-то знаем”. Но ведь мы же об этом *ничего не знаем.* И, произнося в разговорах “смерть”, мы как бы танцуем в бламанже для ужина или спрашиваем: “Сколько часов в миске супа?” Цинизм. Бессмыслица» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913). С. 193); «Смерть — конец. Параллельные линии сошлись. Ну, уткнулись друг в друга, и ничего дальше. Ни “самых законов геометрии”. Да, “смерть” одолевает даже математику. “Дважды два — *ноль*”» (Там же. С. 167). (Комментарий А. Медведева.)

С. 602. *...разделение Бострема — на Богу и Мамоне (пишет портрет герта)...* — Георгий Эдуардович Бострем после окончания Санкт-Петербургской и Мюнхенской академии художеств увлекся абстракционизмом; в 1916 г. путешествовал по святым местам в Европе, посетил Грецию, Персию, Алтай, а по возвращении решил посвятить жизнь православию. После революции в 1920-х гг. оказался в Сергиевом Посаде, где для заработка тиражировал портреты Ленина, читающего газету «Правда»; после войны занимался реставрацией храмов. Свою будущую жену, преподавателя музыки, и двухлетнюю падчерицу он спас, когда их выгнали из дома за неуплату — так началась семейная жизнь. Ср.: *Шпанькова Т. Н.* Прогулки по родному городу. Сергиев Посад. Красюковка. С. 40—42.

С. 603. *Розанов был... отчасти и нигилист, и анархист <...> и человек из подполья.* — Главный герой повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864). Сходство Розанова с «парадоксалистом» Достоевского отмечали уже его современники (Д. Лутохин, В. Полонский, В. Ховин). Наиболее подробно связь Розанова с подпольным человеком рассмотрел А. Д. Синявский: *Синявский А. Д.* «Опавшие листья» В. Розанова. Париж: Синтаксис, 1982. С. 180—181, 257—259. В образе «обыкновенного коллежского советника, Василия Васильевича Розанова» Синявский видел продолжение литературного стиля «Записок из подполья», в котором «сквозит не просто смирение, а скорее — ядовитое и тонкое издевательство над самим собой и над читателем» (Там же. С. 178). Розанов близок «парадоксалисту» в попытке преодолеть «эгоизм»: «писал (пишу) “Уед.”: писал (пишу) в глубокой тоске как-нибудь разорвать кольцо уединения. ...Это именно кольцо, надетое с рождения. Из-за него я и кричу: вот что *здесь*, пусть — *узнают*, если уже невозможно ни увидеть, ни осязать, ни прийти на помощь. Как утонувший, на дне глубокого колодца, кричал бы людям “там”, “на земле”» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913). С. 179). (Комментарий А. Медведева.)

С. 607. *Мысль о Надвоицких падунах.* — Надвоицкие падуны (водопады) Пришвин видел и описал в своей первой книге «В краю непуганых птиц» (1906) и во время поездки на Беломорский канал в 1933 г. Это место, где идет строительство канала.

...вечером узнали о конце Гамарника. — Советский военачальник, государственный и партийный деятель Я. Б. Гамарник застрелился 31 мая 1937 г. накануне неминуемого ареста по «делу Тухачевского»; до ареста Тухачевского он полностью разделял политику Сталина и поддерживал его в борьбе против «троцкистов» и пр., но за Тухачевского вступился, сказав Сталину, что это ошибка.

С. 608. *о. Афанасий (как он хоронит и как он венчает).* — Всю жизнь Пришвин вспоминает из своего детства хрущевского священника о. Афанасия. Ср.: «*Б/д.* О. Афанасий — центральная личность в Хрущеве. Прошлый год, когда ругали мужиков, он заступился и назвал хороших; все такие же блаженные, как он, Недостоенная церковь — вот его образ»; «*Б/д.* О. Афанасий был попик блаженный, про себя нес человеческое горе, но людям отвечал улыбкой из-под горя, как бы сочувствуя им в необходимости жить, а мужики по-своему понимали его и говорили: "Самый крестьянский поп"». Когда умер молодым брат Пришвина Александр, о. Афанасий вошел в церковь со словами: «Нет утешения, нет утешения»; Пришвин записывает, что это была «та обнаженная правда, которая вселяла мужество, давала силы все сообща перенести, и жить дальше, не сломиться» (Путь к Слову. С. 31—32).

С. 614. *Схема.* — Так начинает складываться роман-сказка «Осударева дорога».

С. 616. *...сделать меня кем-то вроде густатора...* — *Густатор* — человек, воспринимающий информацию через вкус.

С. 627. *Новости: Казнь маршалов.* — 11 июня 1937 г. в газетах официально сообщили о том, что маршал М. Н. Тухачевский, арестованный по «делу военных», и семь видных советских военачальников — И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, В. М. Примаков, Б. М. Фельдман, В. К. Путна, Р. П. Эйдеман приговорены к смертной казни Верховным Судом СССР за шпионаж и измену Родине (http://lib.ru/PROZA/KARPOW_W/zhukow.txt).

...сказал о «Русских ведомостях»... — Газета «Русские ведомости» (1863—1918, с 1868 г. — ежедневная), орган кадетов, получила огромное распространение не только в столицах, но и в центральной России, в определенных кругах считалась газетой «скучной», «профессорской», потому что никогда не угождала вкусам толпы. Многие годы сотрудником и совладельцем газеты «Русские ведомости» был двоюродный брат Пришвина И. Н. Игнатов; с 1907 по 1915 г. в ней публи-

ковал свои корреспонденции Пришвин (многие из них вошли в книгу «Заворошка», 1913). В 1915 г. Пришвин отмечает, что писание в «Русских Ведомостях» — «сплошное притворство» <...> «все это не мое, не мое» (Дневник. 1914—1917. С. 151), рассматривая это как «службу», т. е. осознавая себя не журналистом, не «общественным деятелем», а писателем, свободно выбирающим, о чем, как и где писать. Ср. воспоминания Ремизова: «Пришвин корреспондент "Русских Ведомостей". Под постоянным выговором своего двоюродного брата... Игнатова. "Писать надо с выводами". А он хотел без выводов, как Чехов» (*Кодрянская Наталья.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 322).

...кадетская подоплека типа Ставрогина... — Персонаж наиболее политизированного романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872), в котором обсуждается революционное движение 70-х гг. XIX в.

С. 628. *...меня опять назвали столпом «Перевала».* — Имеется в виду развернутая в 1930 г. в периодической печати кампания против так называемых писателей-попутчиков, членов литературной группы «Перевал», в частности против Пришвина (*Григорьев М.* 1) Бегство в Берендеево царство // На литературном посту. 1930. № 8. С. 49—61; 2) Пришвин, алпатовщина и «Перевал» // Литературная газета. 1930. 4 дек.). Ср.: Дневники. 1930—1931. *Варламов А.* С. 292—328. На XVI съезде партии (1930) писатель Киршон обвинил группу «Перевал» в том, что она «в ответ на лозунг ликвидации кулачества как класса выдвигает лозунг гуманизма и человеколюбия» (XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 75, 279). В течение 1930—1931 гг. наблюдается массовый выход писателей из «Перевала», и группа прекращает свое существование. Ср.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. С. 65—127.

С. 632. *...один взгляд на Киру Флоренскую...* — Имеется в виду дочь сына о. Павла Флоренского Кирилла Павловича.

Вспомнился Короленко <...> «Лес шумит». — Имеется в виду рассказ В. Г. Короленко «Лес шумит» (1885), восприятие которого молодежью выразил писатель Скиталец (наст. фамилия Степан Гаврилович Петров): «В конце восьмидесятых годов, в годы ранней юности, встретился мне в новой книжке толстого журнала рассказ под красивым заглавием "Лес шумит". Язык рассказа звучал певуче, мелодично, лучше многих стихов; подобно музыке, открывал он то, что казалось невозможным выразить словами» (http://lukianpovorotov.narod.ru/Folder_Skitalets/korolenko.htm).

С. 635. *История с Плетневым показывает последнее падение общественности...* — Речь идет об опубликованной 8 июня 1937 г. в газете «Правда» статье, которая с подробностями описывала зверское насилие, будто бы совершенное профессором медицины Д. Д. Плетневым над своей пациенткой; однако, несмотря на развернувшуюся травлю

известного в Советском Союзе и за границей врача, дело это было замято и оказалось лишь предысторией, которая завершилась семь месяцев спустя, уже в 1938 г., на процессе «правотроцкистского блока», когда профессору Д. Д. Плетневу, а также докторам Л. Г. Левину и И. Н. Казакову было выдвинуто абсурдное обвинение в «сознательном ускорении смерти В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, Максима Горького и его сына», совершенном под руководством Ягоды, а история 1937 г. даже не всплывала. См. об этом: *Троцкий Л.* Случай с проф. Плетневым: http://www.souz.info/library/trotsky/trotm429.htm; *Бобров О. Е.* «Садист» Д. Д. Плетнев, «врачи-убийцы» или — «не верь, не бойся, не проси...»: http://www.critical.ru/guestroom/b11_01.htm.

С. 636. *...пришла смерть, и все это признал.* — О предсмертном духовном перевороте Розанова от яростного христоборчества к церковному исповеданию Христа можно судить по письму Н. В. Розановой Э. Голлербаху: «Он все слабел, слабел. Последние дни я, 18-летняя, легко переносила его на руках, как малого ребенка. Он был тих, кроток. Страшная перемена произошла в нем, великий перелом и возрождение. Смерть его была чудная, радостная. Вся смерть его и его предсмертные дни была одна Осанна Христу. Я была с ним все время в дни его болезни и в его последние дни. Он говорил: "Как радостно, как хорошо. Отчего вокруг меня такая радость, скажите? Со мною происходят действительно чудеса, а что за чудеса — расскажу потом, когда-нибудь". "Обнимитесь вы все... Целуемся во имя воскресшего Христа. Христос воскресе!" Он 4 раза по собственному желанию причастился, 1 раз соборовался, три раза над ним читали отходную. Во время нее он скончался. <...> Много страшно чудесного открылось в последние дни его, в смерти и в его погребении. <...> Да, воистину: "Посрамлю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну". Такой свет, такая радость была вокруг него. Такая светлая кончина, такая Осанна Христу» (цит. по: *Голлербах Э. Ф.* Последние дни Розанова (к 4-й годовщине смерти) (1923) // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. II. С. 312—313). (Комментарий А. Медведева.)

С. 638. *Попал в чепушняк...* — *Чепушняк* — грязь, прошлогодняя перепревшая трава и пр.

...*«того уже нет»*. — Возможно, аллюзия на стихотворение А. Дельвига «Мои четыре возраста» (между 1814 и 1817) с рефреном «Того уж нет!»

С. 643. *...четыре брата рахманные...* — *Рахманный* — смирный, тихий.

С. 645. *...судьбу сержанта Хозе...* — По-видимому, имеется в виду персонаж оперы Ж. Визе «Кармен».

С. 646. *Читал «Каиново болото» Уэллса...* — Имеется в виду фантастическая антифашистская повесть Г. Уэллса «Игрок в крокет» (1936),

в котором Каиново болото с его озверевшими обитателями становится предостережением современного миру.

С. 651. *Калики (калеки) перехожие* — странники.

С. 654. *Русальская неделя* — зеленые или летние святки от Троицы до Петрова дня; могут длиться 2 или 3 календарные недели. Один из немногих языческих праздников, дошедших до наших дней.

...независимый от влияния райка... — *Раёк* — галерка (*устар.*).

С. 659. *Поручения Пете.* — В дневнике то и дело появляются списки разных поручений сыну:

1) Белом. канал достать книгу, напр. через Шкловского. 2) Сатинский. 3) Разновески 4) Сапоги.

Сов. Писатель. Адрес Шмидта. Займ и справка о деньгах. Абрикосы. Мешки.

7 Июля. Поручения на завтра:
1) Перевезти вещи из Леонтьевского в Лаврушинский.
2) Получить деньги и вручить Анне Дм-е.
3) Уплатить займ.
4) У Шкловского достать книгу (письмо).
5) Абрикосы.
Письма Анне Дм-е, Шкловскому.
6) Сапоги.
7) Прописка.
Спиннинги, сумки, блесны, удочку с поплавком, леску.
Разновески, большие весы.

С. 661. *От Анны Дмитриевны телеграмма: ключи получила.* —

Кабинет

Конторка	—	200
Ремонт	—	? 1000 +
Кн. шкаф	—	? 1000 +
Люстра	—	? 1000 +
Лампа	—	108
Тумба	—	? 200 +
Занавес	—	? 500 +
Гарнитур	—	5000 р.
Обивка	—	? 50 +
Крюк	—	

Столовая

Диван	—	1000
Стулья	—	1500
Шкаф	—	800

Тумба	—	125
Лампа вис.	—	250
Занавес	—	? 100 +
		4000

Передняя

Стол	—	100 +
Стулья 2	—	200
Вешалка	—	200 +
Зеркало	—	200 +
Дорожка	—	100 +

Петина комната

Тахта	—	118.50
Матрас	—	140 —
2 стула	—	50 —
Стол	—	25 —
Занавес	—	100 +

4-я комната

Кровать	—	442
Матрас	—	113
2 стула	—	50
Столик	—	70
Занавес	—	100 +

Кухня

Полочка	—	30 +
Столик	—	60
Табуретки 2	—	40 +
Раскладушка	—	50 +
Столик	—	50 +

Ванна

Полочка, табуретка		100 +
Линолеум	—	300 +
Дверь	—	200 +
Полка в шкафу	—	50 +
Ящик для писем	—	50 +
Английск. замок	—	50 +
Цепочка	—	20 +

Посуда

Сервиз столовый на 6 ч.	—	115 р. +
Сервиз чайный	—	250 р. +
[Или дороже в сумме с скатертями		около 5000 р.]
Ножи, вилки	—	200 +

Кух. посуда	—	500 +
		16.979
		т. е. 17 тыс.

<*Зачеркнуто:* Перевозка 500>

т. е. додать 7 тыс.
+ в уме: 3 тыс. = 20 тыс.

С. 663. ...*«мысль изреченная есть ложь»*. — Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1830).

С. 664. *...при разгроме Абиссинии...* — см. коммент. к с. 330 (*«...на глазах наших исчезла Абиссиния...*).

Вот если бы розановскую психологичность... — Розанов писал, что, желая повлиять на читателя не «идеями», а своей *«психологичностью»*, он ожидает от него подобной же «ввинченности мысли в душу человеческую — и рассыпчатости, разрыхленности их собственной души»: «На “образ мыслей” я нисколько не хотел бы влиять; “на убеждения” — даже “и не подумаю”. Тут мое глубокое “все равно”. Я сам “убеждения” менял, как перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими и чужими). <...> “мое влияние” было бы в расширении души человеческой, в том, что “дышит *всем*” душа, что она “вбирает *в себя все*”. Что душа была бы нежнее, чтобы у нее было больше ухо, больше ноздри. Я хочу, чтобы люди “все цветы нюхали”...» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913). С. 255). Напором своей психологичности Розанов мечтал преодолеть литературу: «...что “потом” будут психологичны, — как я и “наши” (Рцы, Фл., Шперк, еще несколько, немного). Какое бы счастье. Прошли бы эти “болваны”. Ведь суть не в “левости”, а в что болваны» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915). С. 545—546). О своей предельной субъективности Розанов писал: «Я весь — дух, и весь — субъект: субъективное действительно развито во мне бесконечно, как я не знаю ни у кого, не предполагал ни у кого» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912). С. 55). (Комментарий А. Медведева.)

...редактировать журнал «Родник»... — имеется в виду журнал для юношества «Родник» (1882—1917); А. Н. Альмединген с 1882 г. был редактором, а с 1894 г. — редактором-издателем журнала.

С. 665. *Розанов «Когда начальство ушло»*. — В книгу вошли статьи, окрашенные революционным духом (*Розанов В.* Когда начальство ушло... 1905—1906 гг. СПб.: [типография А. С. Суворина], 1910). Превращение Розанова из реакционера в прогрессиста стало поводом обвинений его в безнравственности и нигилизме (*Струве П. Б.* Большой писатель с органическим пороком (Несколько слов о В. В. Розанове) (1910) // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. I. С. 378—387). Книгу

высоко оценил Андрей Белый: «...еще одна вариация на старую тему оправдания революции, но какая новая вариация! Мы привыкли оправдывать освободительное движение наше отвлеченно: этическими, религиозными, политическими и социально-экономическими принципами; мы привыкли видеть правду освободительного движения, высказанную в отвлеченных принципах; <...> в реально происходивших событиях прошлого он прочел жизнь и правду; в тысячах людей, с его точки зрения оторванных от быта, он увидел кровь и плоть этого быта, в "*безбожниках*" увидел "ангелов". <...> В событиях недавнего прошлого Розанову открылся прежде неведомый религиозный пафос неведомой прежде религии» (*Белый Андрей.* Рец.: В. Розанов. «Когда начальство ушло...», 1905—1906 гг. // Там же. Кн. II. С. 79—80). Пришвин цитирует три записи из Предисловия к книге (*Розанов В. В.* Когда начальство ушло... // Розанов В. В. Собр. соч.: Когда начальство ушло... М.: Республика, 2005. С. 8—9). (Комментарий А. Медведева.)

С. 666. *Мария Дмитриевна Менделеева прислала философское письмо...* — Имеется в виду письмо М. Д. Менделеевой (Кузьминой), дочери Д. И. Менделеева, от 3 июля 1937 г., в котором она писала: «Я всегда помногу раз перечитываю ваши произведения — так много для меня в них родственного; до сих пор не "надоедала" Вам своими восторгами, но теперь "Золотой рог", еще раз перечитанный, — совершенно не позволяет мне молчать... Конечно, все живое — родственники ("цепь жизни") — я и растения сюда причисляю. Вы-то понимаете, как и почему. И вот то, что так необыкновенно блещет в Ваших рассказах — понимание этого общего я так объясняю: бесполезно искать отгадки в павловской рефлексологии, которая так много дала... Конечно, речь, отвлеченное мышление (абстракция) — громадный кладут промежуток меду человеком и животными — но разве нервная деятельность только в этом и состоит? Разве это не только небольшая надстройка в человеческом мозгу? А все остальное — инстинкты, например, — разве человек, подобно всем животным, не доверху ими полон?.. Но этого мало — главный мост я вижу в той области, которую можно назвать эмоциями — чувствами. Они, пожалуй, больше всего занимают места в жизни... Любовь, радость, горе, привязанность, месть, благодарность и то особое чувство, которому я не умею дать много названия как радость жизни, — мировое чувство приобщения ко всему на Земле? Вот уж Вам-то нечего это объяснять — у Вас-то это и можно познать. Цветок, пение птиц, танцы журавля, месть волка и т. д. Чувства везде — одни. И знаете, Вы очень добрый человек, слишком добрый, Вы всем все прощаете; я же человеку ничего не могу простить... Преступление было — приручать зверей; преступление забавляться охотой на них. Все мы — звенья одной цепи жизни (я сама до сих пор охочусь...), но и это меня мучит...» (РГАЛИ).

С. 667. *(«Красота спасет мир» — сказал Достоевский.).* — Ср.: *Достоевский Ф. М.* Идиот (1867—1868). Ч. 3. Гл. V.

...птицы Алконост и Гамаюн. — Птица Гамаюн так же, как Алконост и Сирин, — райская птица, но Гамаюн — вещая птица, а Алконост и Сирин — поющие песни печали и радости; на лубке птица Гамаюн всегда изображалась одна, как вещунья. У Пришвина райские птицы объединяют реальный мир (лес) с райским.

...внизу униженные и оскорбленные. — Аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861).

С. 668. *Думаю о «по ту сторону добра и зла»...* — Имеется в виду работа Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» (1886). Уже в книге «Так говорил Заратустра» (1885), к которой Пришвин постоянно обращается в послереволюционные годы, Ницше провозглашает переход сверхчеловека на позицию «по ту сторону добра и зла», полагая, что своим «сверхчеловеком» он решил положительную часть задачи — дал людям идеал, выразил свое убеждение в том, что главная моральная ценность заключается в культурном совершенствовании человека, в результате которого должен появиться новый тип, превосходящий современного человека, прежде всего по моральным качествам; главной целью философа было внушить людям жажду морально-интеллектуального творчества. Творчество для Пришвина — это единственно возможная форма жизни, вернее, это сама жизнь, в которой для творческого человека не существует водораздела между искусством и бытом, идеей и повседневной реальностью: одно всегда вытекает из другого и сосуществует в тесной взаимосвязи. О своем автобиографическом романе «Кащеева цепь» (1923—1927) Пришвин с определенностью записывает: «*5 Декабря 1927.* Над изображаемой мной эпохой в "Кащеевой цепи" висела философия Ницше» (Дневники. 1926—1927. С. 533). В 1936—1937 гг. Пришвин, может быть, как никогда ранее чувствует полную моральную истощенность новой культуры, ее принципиальную ориентацию на пользу — использование всего и вся, включая самого человека; ницшеанские идеи и пророчества перестали быть «прелюдией к будущему», а необходимость переосмысления культуры в свете новой жизни осознавалась писателем как реальнейшая и насущнейшая задача современности. В поэтике Пришвина ницшеанский мир «по ту сторону добра и зла» получает конкретное очертание, а именно, приравнивается к живому источнику жизни и поэзии. Зла в прежнем очевидном понимании в этом мире нет (человек в нем не обижен), но и добра, с которым все ясно, тоже нет («Поэзия начинается не от добра»); однако добро и зло не исчезают, а оказываются почвой для творчества будущего. Зато этот мир, по Пришвину, хранит красоту, которая не потеряла своего абсолютного смысла — который есть свет («По ту сторону добра и зла хранятся запасы мировой красоты, лучи которой, проходя через облака добра и зла...»). Ср.: Энциклопедия постмодернизма. М.: Книжный дом, 2001; http://slovari.yandex.ru/dict/postmodernism/article/pm1/pm1-0359.htm; *Подоксенов А. М.* Мировоззренческий кон-

текст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша». Белгород; Елец, 2007. С. 40–71.

С. 668. *Осипа надо дать всего как есть из Берендеевой чащи...* – Осип – проводник Пришвина во время его путешествия на Пинегу в 1935 г., в результате которого был написан цикл очерков «Берендеева чаща».

С. 671. *Запах (легкий) спиреи... – Спирея*, или *таволга* – высокий кустарник с тонкими коричневыми побегами, изящными мелкими листьями и обильными белыми цветками.

С. 672. *Сметану пахтáла. – Пахтать* – сбивать из сметаны масло.

Соус Устьинского. – Имеется в виду новгородский священник протоиерей Александр Петрович Устьинский, с которым Пришвин был знаком до революции, в 1911–1912 гг., когда подолгу жил в Новгороде (см.: Ранний дневник. С. 581–643). Ср.: «*30 Октября 1934.* А вот было в старое время, в 1914 г., когда только что началась война, один старый священник в Новгороде как величайшую свою тайну открыл мне, что он сегодня молился за императора Вильгельма... В то время я был немного патриотом, <*приписка:* как многие интеллигенты>, немцы на первых порах мне представлялись приблизительно как теперь нам фашисты, я священнику так сказал: – Если вы, отец, за Вильгельма молитесь, то почему бы не помолиться за черта? – Отец широко открыл глаза и ответил мне так: – <*приписка:* Я думаю, всем это без того понятно:> за это существо я уже давно молюсь» (Дневники. 1932–1935. С. 535. См. также: Отец Спиридон // Цвет и крест. С. 320–323).

С. 673. *...вкус понимать как (у)кус.* – Аллюзия на роман К. Гамсуна «Соки земли».

...«душа» леса <...> найти «душу» воды... – Аллюзия на пьесу М. Метерлинка «Синяя птица» (1905).

«Канал», из-за которого так перемучился... – Осенью 1933 г. Пришвину передали предложение Горького написать очерк для коллективной книги о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Пришвин берется за предложенную ему для участия в сборнике тему, совпадающую с его творческими планами, и начинает работать. Однако пафос строительства получает у Пришвина в очерке, предложенном им в сборник, совершенно иное – не идеологическое – измерение; славословящий канон отсутствует («Я делаю, что мне велят, но <...> вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и что самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи <зачеркнуто: и является свидетельством моей личности>»), ориентиром оказывается не полезность сооружения («Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист.

странах, и тогда эта плотина ничего не представляет особенного»), а сопровождающее сооружение столкновение идей, не «перековка» («нельзя понимать “перековку” в глубоко моральном смысле») и не пафос построения социализма, а труд сам по себе и присущее человеку в любой ситуации желание участвовать в общем деле — работать («Пришли люди и трудились: не хотели, а надо. Через 500 лет стало свободно, а жили тут, потому что тут человек был покорен, и родина тащила. Такая природа всякой родины. Вот и канал...». Текст, подготовленный Пришвиным для сборника «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства» (под ред. М. Горького, Л. Л. Авербаха и С. Г. Фирина, 1934), был отвергнут. Очерки «Отцы и дети. (Онего-Беломорский канал)» были опубликованы в журнале «Красная новь» (1934. № 1). Горький в письме к Пришвину от 28 апреля 1934 г. пишет: «История с рукописью для “ББ канала” — не ясна для меня и очень длинна, поговорим о ней при свидании» (ЛН. Т. 70. С. 361). Далее в тексте выписанные из сборника цитаты и страницы.

С. 674. *Статья Розанова «Амнистия»: Ваал и Каин. «Своя кровь». «Мой дом, где меня все любят».* — «Об амнистии» (1906) — статья Розанова из книги «Когда начальство ушло... 1905—1906 гг.» (СПб., 1910): *Розанов В. В.* Собр. соч.: Когда начальство ушло... С. 124—131.

Ваал — семитское божество плодородия, почитание которого было связано с принесением человеческих жертв (Иер 19: 5). Каин — старший сын Адама и Евы, убивший из-за зависти своего брата Авеля (Быт 4: 8), первый человекоубийца (Мф 23: 35; 1 Ин 3: 12; Евр 11: 4). Человеческая история предстает у Розанова сплошной цепью человекоубийц и человекоубийств от Каина, гефсиманского оставления Отцом Сына до Французской революции (Ш. Корде, Марат) и русского терроризма: «Вечный закон!! “Своей крови” — жалко; “чужой” — ничуть не жалко!!” <...> “убийство” обнимает землю и небо, Каина и Голгофу <...> “Каин” и “Гефсимания», т. е. все жертвы и жертвы, все кровь и кровь, то, очевидно, все это суть “туземные ваалы” же, ваалы “Тира, Сидона и *Иерусалима* <...> И вот мы бьемся в нашей политике в пределах этого “ваала”. У кадетов — свой “ваал”, у социалистов — свой, у правительства — свой же. В каждой редакции своя статуетка совсем крошечного “ваала”, которому она приносит, до времени чернилами и пером, а потом не невозможно и кровью — “жертвы”» (*Розанов В.* Об амнистии (1906) // Розанов В. В. Собр. соч.: Когда начальство ушло... С. 126—127).

Спасение от греха человеконенавистничества, имманентно присущего истории и политике, Розанов видел лишь в домашнем уединении, в «тихом уголке, где “меня все любят” и я “всех люблю” и где уничтожены самые мотивы что-нибудь ненавидеть и что-нибудь презирать»: «И я единственное утешение нахожу только в домашней жизни, где всех безусловно люблю, меня безусловно все любят, везде

"своя кровь", без примеси "чужой", и "убийца" не показывается даже как "тень", "издали"... Кроме "домашнего очага" он везде стоит. Вот отчего я давно про себя решил, что "домашний очаг", "свой дом", "своя семья" есть единственное святое место на земле, единственно чистое, безгрешное место: выше Церкви, где *была инквизиция,* выше храмов – ибо *и в храмах проливалась кровь.* В семье настоящей, любящей (я только таковую и считаю семьею), натуральной, натуральною любовью сцепленной – никогда! В семье и еще в хлевах, в стойлах, где обитают милые лошадки, коровы: недаро́м "в хлеву" родился и "наш Боженька", Который бессильно молился в Гефсиманском саду...» (Там же. С. 126, 129). (Комментарий А. Медведева.)

Надо сказать, что тема поиска дома, образ дома присутствует в Дневнике Пришвина постоянно на протяжении всей жизни – усложняется, обрастает новыми смыслами, но не исчезает... в 1937 г. дом осмысляется в «розановском» смысле с резким отделением от мира, где Каин убивает невинную жертву – смысл записи бесконечно усиливается трагической жизнью русского человека на своей родине: известие об очередных арестах писатель отметил как «весть из Каинова мира». (Комментарий А. Медведева.)

С. 675. *Розанов строит план как бы онаучивания мира...* – Пришвин излагает идею статьи Розанова «Отчего левые побеждают центр и правых?» (1906) из книги «Когда начальство ушло...» (СПб., 1910). Эту статью П. Б. Струве назвал «гимном революции как науке» (*Струве П. Б.* Большой писатель с органическим пороком (Несколько слов о В. В. Розанове) (1910) // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. I. С. 382). Констатируя бессилие и закат христианской цивилизации, Розанов писал о наступлении сменяющей ее научной парадигмы, в которой «содержится столько добра, доброты, любви – и настоящей – к ближнему, сколько в длинных проповедях вовсе не содержалось»: «Выросла наука – совершенно новое дело, новый способ отношения к миру, к людям: взглянуть с лица, – сухо, черство, "ни до кого дела нет", отвлеченно, алгебра. А зайди с заднего крыльца, – претеплая обитель, и сидят там добрые, внимательные люди. Совсем обратно раззолоченным храмам, где с лица золотые слова, заботы о "мире всего мира", и уж особенно сострадание к человеку "по примеру Христа", а зайдя сзади, видишь: ни до чего-то, ни до чего дела нет. "Нам тепло, а вы как знаете". И полюбил человек науку, как храмы. И разлюбил прежние храмы. Вот короткая история. <...> Наша "революция" или "эволюция", смотря по вкусу и удачам будущего, есть только фазис в попытках человека заработать счастье своими руками. Революция – отдел науки. Прежде всего, в ней бездна научных элементов, она вся копошится научными теориями, и все ее двигатели читают и перечитывают книжки и брошюры, – думают, спорят и, словом, так же действуют "во имя науки", "найденного и доказанного", как мученики действовали, когда шли в Рим "во имя Евангелия". И как в мучениках

и победе над Римом главное было не человеческий состав и не катакомбы, а Евангелие, так и в революции главная суть не сами революционеры, а наука. Революция — *отдел науки*. И потому-то она непобедима» (*Розанов В*. Отчего левые побеждают центр и правых? (1906) // Розанов В. В. Собр. соч.: Когда начальство ушло... С. 157—158). (Комментарий А. Медведева.)

С. 676. *...чти отца твоего...* — Исх 20: 12.

С. 677. *Самая сладкая женщина — это Прекрасная дама...* — Полную чашу сладости любви к Недоступной — в чем и заключается суть Прекрасной дамы, Пришвин испытал до дня в своей первой любви к Варе Измалковой.

...самый великий властелин — Иегова. — Иегова (Сущий) (Исх 3: 14) — одно из имен Божиих, великое и святое, означающее самобытность, вечность и неизменяемость существа Божия,

С. 678. *К полету Громова в Америку.* — Имеется в виду перелет экипажей М. М. Громова и В. П. Чкалова через Северный полюс в Америку летом 1937 г.

С. 682. *Ницше говорит: — Падающего толкни.* — Пришвин трактует известный афоризм Ницше как возможность для человека, оказавшегося на краю, вступить в борьбу, приложив все свои внутренние силы, инстинкт выживания к тому, чтобы выбраться, возродиться, победить; писатель замечает: «Напрасно называют Ницше неудачником» — это пришвинская тема — преодоление неудачи, которая стала главной для него с момента исключения из гимназии и которая повела его по пути рождения личности («Обида и оскорбление — это всем, но у одних романтизм — это "я" враждебное миру, у других "я" как в скорлупке и ищет выхода этого "я" из скорлупы обиды и оскорбления. Вот именно эта тема и была исходной в моей психике, и моя литература так произошла, и, соприкасаясь с природой, я научился расширять душу»). Именно это, по-видимому, имел в виду Розанов (учитель Пришвина в Елецкой гимназии, настоявший в 1889 г. на его исключении), когда в 1909 г. сказал уже начинающему писателю: «Голубчик Пришвин, значит, это пошло вам на пользу».

С. 683. *...(«геооптимизм»).* — Ср.: «Ваше чувство дружбы к человеку так логически просто исходит из Вашей любви к Земле, из "геофилии" Вашей, из "геооптимизма"» (*Горький М.* О М. М. Пришвине // Красная новь. 1926. № 12).

С. 686. *...А. Н. Толстому теперь не стыдно врать, он думает <...> не разберут.* — Ср.: «И он [Тынянов. — *Ред.*] перешел на свою любимую тему: на Алексея Толстого. "Алексей Толстой — великий писатель.

Потому что только великие писатели имеют право так плохо писать. Как пишет он. Его "Петр I" <...> Толстой пробовал несколько желтых жанров. Он пробовал желтую фантастику ("Гиперболоид инженера Гарина") — провалился. Он пробовал желтый авантюрный роман ("Ибикус") — провалился. Он пробовал желтый исторический роман — и тут преуспел — гений!"» (*Чуковский К.* Дневник (1930—1969). С. 134).

С. 688. *...две опасности, как Сцилла и Харибда, ужасных... — Сцилла и Харибда* — в древнегреческой мифологии два чудовища, обитавшие по обеим сторонам узкого морского пролива между Италией и Сицилией и губившие проплывавших мореплавателей.

...житница, срубленная в лапу. — Житница — помещение для хранения зерна, амбар; *сруб «в лапу»* — способ рубки «замком», скрепляющим венцы в самом конце бревна.

С. 692. *Куда девался Базаров?* — Аллюзия на роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1861).

С. 695. *...некогда были Пересвет и Ослябя...* — святые воины Александр Пересвет и Андрей Ослябя по благословению преподобного Сергия Радонежского участвовали в Куликовской битве.

С. 699. *Розанов — послесловие русской литературы, я — бесплатное приложение.* — Розанов постоянно рефлексировал о преодолении, завершении в своем творчестве литературы, констатируя, что в нем «разломилось и исчезло» «колоссальное тысячелетнее "я" литературы»: «...иногда кажется, что во мне происходит разложение литературы, самого *существа* ее. И может быть, это есть мое мировое "emploi". <...> Я ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки быта. <...> во мне есть какое-то завершение литературы; литературности; ее существа — как потребности отразить и выразить. Больше что же еще выражать? Паутины, вздохи, *последнее уловимое.* О, фантазировать, творить еще можно: но ведь суть литературы не в *вымысле же,* а в потребности *сказать сердце.* И вот с этой точки я кончаю и кончил. И у меня мелькает странное чувство, что я *последний* писатель, с которым литература вообще прекратится, кроме хлама, который тоже прекратится скоро. Люди станут просто *жить,* считая смешным, и ненужным, и отвратительным литераторствовать» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915). С. 332—333); «Нужна вовсе не "великая литература", а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература мож. быть и "кой-какая" — "на задворках". Поэтому нет ли провиденциальности, что здесь "все проваливается"? что — не Грибоедов, а Л. Андреев, не Гоголь, — а Бунин и Арцыбашев. Может быть. М. б., мы живем в великом окончании литературы» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913). С. 172).

Преодоление литературы связано у Розанова с осознанием кризиса, исчерпанности художественных жанров (с их вымыслом, условно-

стью, искусственной построенностью) и актуальности *документальной*, личностно выраженной формы (письмо, дневник, рукопись и т. д.), которая адекватно выражает онтологическое переживание личности: «личность вдруг встает вся, и притом "как есть"» (*Розанов В. В.* О письмах писателей (1909) // Розанов В. В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. М., 1995. С. 431). Суть розановского «преодоления литературы» можно выразить словами Паскаля, в этом смысле прямого предшественника Розанова: «Когда читаешь сочинение, написанное простым, натуральным слогом, невольно удивляешься и радуешься: думал, что познакомишься с автором, и вдруг обнаружил человека!» (*Паскаль Б.* Мысли // Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник»... С. 622). В новой художественной парадигме Розанова, ставшей актуальной в «инонаучной» культуре XX в., не человек обосновывается жанровым каноном, а жанр обосновывается живой личностью, индивидуальностью автора. Эту установку на личностный, бытийный опыт Розанов воплотил в «опавших листьях»: «не рождалось еще писателя, у которого *сполна все его лицо* перешло бы в "литературу", сполна все бытие улеглось бы в "литературу". <...> "Розанов" есть "великий писатель", п. ч. "вся его жизнь" и вся его "личность" перешла, естественно и неодолимо для него самого, в "написанное им"» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Сахарна. М., 2001. С. 225—226).

В основе новой художественной парадигмы Розанова — эссеистический принцип непосредственного личностного переживания и выражения (впечатлительность), предельная форма неовеществленного «свободного самооткровения личности» (М. Бахтин), самоописания личности изнутри ее незавершимого бытия. Этот принцип определяет установки нелитературной «рукописности» Розанова на незавершенность, необработанность, фрагментарность, «мимолетность». См. подробнее: *Медведев А.* Эссеистичность // Розановская Энциклопедия. С. 2337—2339. (Комментарий А. Медведева.)

С. 706. *...был он мне «Козел»...* — Прозвище преподавателя Елецкой гимназии, прототипом которого в автобиографическом романе Пришвина «Кащеева цепь» был Розанов.

...оказалось в последних трех книгах, что он литератор, поэт божьей милостью... — Имеется в виду трилогия Розанова: «Уединенное» (СПб., 1912) и «Опавшие листья» (Короб 1. СПб., 1913; Короб 2. СПб., 1915). Ср.: «Могут быть два основных случая литературного пейзажа: пейзаж, совпадающий с основным действием, и пейзаж, контрастирующий с ним. <...> "Пейзаж" Розанова — второго типа. То есть это пейзаж *противопоставленный*. Я говорю про те сноски внизу отрывков, в которых сказано, где они написаны. Некоторые отрывки написаны в ватерклозете, мысли о проституции пришли ему, когда он шел за гробом Суворина, статья о Гоголе обдумана в саду, когда болел живот. Многие отрывки "написаны" "на извозчике" или приписаны Розановым к этому времени. <...> Здесь меня интересует установка автора на

противоречие места и действия и самого действия» (*Шкловский В. Б.* Розанов // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. II. С. 332–333). (Комментарий А. Медведева.)

С. 707. *...ежедневно там по этому месту люди ходят.* — Розанов был похоронен у храма Черниговской иконы Божией Матери в Гефсиманско-Черниговском скиту Свято-Троице-Сергиевой Лавры рядом с могилой К. Н. Леонтьева. В 1920-е гг., когда в скиту разместился исправительный дом им. Каляева, некрополь был уничтожен, о чем вспоминала Т. В. Розанова: «В 1928 г. кладбище при Черниговском монастыре было срыто и, несмотря на официальную охранительную бумагу из Реставрационных мастерских Москвы, могилы К. Леонтье- в а и В. В. Розанова — уничтожены. Черный, гранитный памятник — К. Леонтьеву разбит в куски слепыми инвалидами колонии, а крест на могиле отца — сожжен. На нам стояла надпись, выбранная из Псалтыри П. А. Флоренским: "Праведны и истинны пути Твои, Господи"» (Описание последних минут и смерти В. В. Розанова, написанное старшей дочерью Татьяной в 1947 г. 24 мая старого стиля. По воспоминаниям и сохранившимся письмам от того времени // Записки отдела рукописей. М.: Пашков Дом РГБ, 2000. С. 68). В 1926 г. Пришвин сделал подробный письменный план месторасположения могилы, благодаря которому могила Розанова была восстановлена в 1991–1992 гг. (Комментарий А. Медведева.)

С. 707. *Miserables Виктора Гюго <...> по-прежнему «униженные и оскорбленные».* — Роман Виктор Гюго «Отверженные» (1862) и Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861).

С. 715. *Парфорс* — колючий или затяжной ошейник для дрессировки охотничьих собак.

...«сим победиши»... — из сочинения «Жизнь царя Константина» византийского историка Евсевия Памфила (263–340).

...«взявший меч от меча и погибнет»... — Мф 26: 51–52.

...«Прости им, они не знают, что творят»... — Лк 23: 34.

С. 716. *...«был Савлом — стал Павлом»...* — апостол Павел до обращения носил имя Савла (Рим 11: 13).

С. 717. *Читал с восторгом «Антигону»...* — трагедия древнегреческого драматурга Софокла (442 г. до н. э.), переведена на русский язык Ф. Ф. Зелинским (1915).

...элевзинские таинства... — древнегреческие празднества (мистерии) в честь богини земледелия Деметры и Диониса.

...аполлонигеское просветление... —— Речь идет проблемах культуры, которые в начале века широко обсуждались в русле книги Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (СПб., 1906); Ницше усматривал идеал в равновесии дионисийского и аполлонического начал в человеке и в культуре. Конспектируя Ницше, Блок записывает: «Аполлон не мог жить без Диониса» (*Блок А.* Записные книжки. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 80). В 1937 г. Пришвин также отмечает: «Совокупление или творчество все равно сопровождается радостью, только совокупление — Дионис, а творчество — Аполлон».

С. 722. *...Вашу рукопись я укрывал...* — Ср.: «...я в конце 1936 года благополучно увез свои рукописи на новое место жительства, в Каширу. В это время <...> наступали "ежовские времена", и держать "Юбилей" (рукопись о тюремном заключении, допросах, ссылке и пр. — *Ред.*) становилось все более и более опасным. Я обратился к одному московскому другу, который, казалось... был вне возможных ударов "ежовщины", с просьбой взять на хранение мою рукопись, содержание которой было ему совершенно неизвестно... этому московскому другу, согласившемуся приютить мою рукопись, я отвез ее в запечатанном конверте, сообщив только, что дорожу ею... Он взял большую банку из-под консервов, уложив в нее конверт в рукописью и ночью закопал банку в своем саду... Наступал сентябрь 1937 года — разгар "ежовщины", — когда я вдруг получил от московского друга письмо с просьбой приехать и взять у него мой экземпляр Чехова (под таким псевдонимом скрывалась консервная банка с рукописью...) Он выкопал мою рукопись из ее годовой могилы, вернул ее мне и дал понять, что хорошо бы нам "некоторое время" вообще не общаться — ни лично, ни письменно» (*Иванов-Разумник Р. В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 94—95). Иванов-Разумник даже не представлял, что его московский друг — Михаил Пришвин, который в годы саратовской ссылки регулярно помогал ему деньгами («Никакой работы найти не мог, да особенно и не искал ее: благодаря щедрой денежной помощи друга жизнь была обеспечена, и я имел свободных 24 часа в сутки. Стал понемногу писать свои житейские и литературные воспоминания» (Там же. С. 93)), со своим тайным дневником рискует едва ли не больше его самого.

С. 722. *...китайцы сбили японские самолеты...* — В 1937 г., когда Япония захватила Пекин, вторглась в Центральный Китай и оккупировала Шанхай, Китай вступил в войну.

...Англия договорилась с фашистами... — В течение 1936—1937 гг. английская дипломатия стремилась к налаживанию отношений с Германией; встреча Гитлера и члена кабинета Галифакса состоялась в ноябре.

С. 724. *...в нижнем плане «нигилист» противопоставляется «живцу», в высшем «мировая скорбь» и «клейкие листики»...* — Оппозиция

безысходности «мировой скорби» нигилиста (Ср.: «...жалостливый человек все еще подавлен страхом и ужасом; он все еще проклинает страдание и не постигает ни его смысла, ни его благодатности; он все еще боится муки и не знает ничего о ее творческом преодолении и просветлении. И потому его "мировая скорбь" не возводит его к Богу: он остается в пределах "гуманности" и "сентиментальности", и луч Божий не озаряет ее и обыкновенной жизни» (*Ильин И. А.* О мировой скорби: http://malib.ru/iljin_singingheart/19/9/)) и любви к жизни «живца» с его «обыкновенной историей» (аллюзия на роман И. А. Гончарова), преодолевающей мировую скорбь любовью к миру (Ср.: «Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо... Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь...» (*Достоевский Ф. М.* Роман «Братья Карамазовы», глава «Братья знакомятся» из Книги пятой «PRO I CONTRA») и преображающей «обыкновенную историю живца» в безгрешную радость жизни Франциска Ассизского («Цветочки святого Франциска Ассизского»).

С. 724. *...ослиные уши...* — Мифологический сюжет о древнегреческом царе Мидасе с ослиными ушами (так наказал его за провинность Аполлон), которые он прятал под фригийской шапочкой от всех, кроме цирюльника; тот, знающий тайну, мучаясь, что никому не может сказать о ней, вырыл ямку в земле и шепнул туда: «У царя Мидаса ослиные уши!», — и засыпал ямку. Но на этом самом месте вырос тростник, который прошелестел о тайне всему свету. См.: *Овидий.* Метаморфозы. XI, 85—193.

И то же самое Dichtung und Wahrheit. — По-видимому, имеется в виду автобиография Гёте «Поэзия и правда» (1811).

С. 730. *...слагается «20»-е число...*— В этот день в дореволюционной России чиновникам выдавали зарплату.

С. 732. *Это, конечно, есть возвращение к пережитому.* — По-видимому, имеется в виду история Павлика Морозова, как она преподносилась в прессе с 1932 по 1936 г. и обрастала все новыми деталями, подвергаясь пропагандистской обработке и превращаясь в миф о мальчике-герое, не пощадившем ради идеала новой жизни своего отца. Современные исследования, надо сказать, поставили под сомнение даже сам факт доноса, но миф о Павлике Морозове сыграл свою роль в истории страны и ее идеологии. Ср.: *Келли Катриона.* Товарищ Павлик: взлет и падение советского мальчика-героя / Пер. с англ. И. Смиренской. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 246—252.

Конец [Катаева], Третьякова и... Паоло Яшвили! — Имеются в виду Иван Иванович Катаев, писатель, один из создателей «Литературной

газеты», член правления Союза писателей, арестованный и расстрелянный в августе 1937 г.; Сергей Михайлович Третьяков, поэт, драматург и сценарист, арестованный и расстрелянный в сентябре 1937 г., и Паоло Яшвили — грузинский поэт, застрелившийся в июле 1937 г., не без оснований опасаясь ареста. *Ср.: Быков Д. Л.* Борис Пастернак. С. 579—581.

С. 733. *То же самое чувство — Антей... — Антей* — в греческой мифологии великан, сын Посейдона и Геи, получавший необоримую силу от соприкосновения с матерью Геей — землей.

С. 734. *...почти всегда великие художники жизнь кончают моралью.* — Ср.: «*Б/д.* Крупные русские писатели не пером пишут, а плугом пашут по бумаге, пробивая ее, вывертывая на белом черную землю. Вот почему легкое писание, беллетристика, русскому кажется пошлостью, а русский писатель кончал свой путь непременной той или другой формой учительства и объявлял дело своей прошлой жизни "художественной болтовней". И если иные и не кончают учительством, а остаются художниками до конца, то это художество не совсем свободно, в нем какой-то безумный загад смотреть и радоваться солнышку, когда голова будет отрублена. Не знаю, кого бы назвать из таких писателей? Вероятно, если ничего не перемениться, я сам буду такой...»; «*Б/д.* Претензии на учительство — это склероз великого искусства»; «*Б/д.* Художник... никогда не вступает с жизнью в законный брак. Он — как сама жизнь и, прожив одно, переходит к другому, заполняя промежутки "беспутством". Утомительная и неверная жизнь, почти как акробата! И пусть, утомленный, он прислонится к науке, морали или религии — это не остановит его: он и науку, и мораль, и религию сделает своей любовницей. И если они, все поняв, начнут давить его, — вдруг бросит их всех и уйдет *сам с собой* в пространство жизни, как ушел Лев Толстой из Ясной Поляны и умер на глухой станции, окруженный международными корреспондентами» (*Пришвин М. М.* Дневниковая проза: В 2 т. М.: Терра — Книжный клуб, 2007. Т. 2. С. 375—376).

...красное ухо из бочага. — Бочаг — яма, залитая водой, омут.

С. 740. *...чтение Книппер рассказа Чехова...* — Имеется в виду рассказ «Шуточка» (1886).

С. 742. *...«Петр I» А. Толстого в кино.* — Двухсерийный художественный фильм по одноименному роману А. Толстого снял режиссер В. М. Петров; в фильме снимались лучшие советские актеры: Н. Симонов, Н. Черкасов, М. Жаров, А. Тарасова, М. Тарханов и др. Фильм получил приз на выставке в Париже.

С. 744. *...как полесовали. — Полесовать* (*сев. диал.*) — промышлять в лесу, охотиться, лесовать.

С. 746. *Да примирится же с тобой и покоренная стихия.* — Неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833). У Пушкина: «Да умирится же с тобой / И побежденная стихия».

Беловодчики устроились на Алтае... — Возникновение легенды о свободной стране Беловодье относят к концу XVII в., а ее распространение связывают с жизнедеятельностью бегунов, одной из старообрядческих сект; постепенно староверы — беглецы от правительственных повинностей самовольно заселяют долины рек Бухтарма и Катунь на Алтае.

С. 748. *...после очередной гекатомбы. — Гекатомба (греч.).* — в Древней Греции жертвоприношение, первоначально состоявшее из 100 быков; впоследствии всякое значительное общественное жертвоприношение.

С. 750. *Переживаем речь Литвинова.* — Возможно, речь идет о положительном ответе М. М. Литвинова на вопрос чехов 21 сентября 1937 г., могут ли они рассчитывать на помощь СССР в случае нападения Германии.

С. 757. *...злую силу заставить творить добро (как у Гёте).* — Ср.: «Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла» — так Мефистофель представляет себя в трагедии Гёте «Фауст».

С. 758. *Читал о вредительстве в Зоопарке.* — В организации Московского зоопарка в начале 20-х гг. принимали участие крупные ученые-биологи М. М. Завадовский, П. А. Мантейфель, хороший знакомый Пришвина, Г. П. Дементьев, которые разрабатывали научные основы содержания животных в неволе; П. А. Мантейфель разработал основы прикладной зоологической науки, которую назвал «биотехникой». Директору зоопарка М. М. Завадовскому принадлежала инициатива создания «Кружка юных биологов Зоопарка» (КЮБЗ), который серьезно занимался наукой на материале зоопарка. Не случайно создание КЮБЗа совпало по времени с организацией в зоопарке научно-исследовательских экспериментальных лабораторий. В 1934 г. по доносу были арестованы и репрессированы 12 молодых участников кружка, которых обвинили в «связях с иностранными шпионами» (они получали для зоопарка животных от немецкого зооторговца). В 1936 г. из зоопарка был вынужден уйти П. А. Мантейфель, обвиненный «в потере бдительности, вредительстве, развале работы». В 1937 г. в предисловии к первому тому «Трудов Московского зоопарка» уже новое руководство отмечает «разгром в зоопарке вредительской группы, препятствующей связям ученых зоопарка с большой наукой». Новые зоотехники, пришедшие на смену уволенным, плохо разбирались в специфике содержания диких животных в неволе, их необходимо было учить и контролировать (см.: http://www.moscowzoo.ru/get.asp?id=C57).

С. 764. *Ездили к «Смене»...* — Имеются в виду места в 5 км от Загорска, где до революции находилась Пустынь Параклита, после революции — трудовая сельскохозяйственная артель «Параклит», преобразованная в 1929 г. в колхоз «Смена». (Указано Ю. Н. Палагиным.)

С. 765. *«Талант неизъясним»...* — слова из повести А. С. Пушкина «Египетские ночи» (гл. II).

...Товарищ министра... — Термин этот встречается в Российском законодательстве со времен императора Павла I: в учрежденном при нем министерстве было несколько Товарищей министра, которые под председательством министра составляли присутствие, коллегиально решавшее ряд дел.

С. 766. *...президент Соловьевской республики...* — см. примечание к с. 27 (*«...короткое существование Соловьевской республики...»*).

Что Чацкий в обществе обыденных людей, что Чарский из «Египетских ночей»... — персонажи комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1828) и повести А. С. Пушкина «Египетские ночи» (1835).

С. 767. *«Царство Божие нудится».* — Мф 11: 12.

С. 769. *...мои «Новые берега» закрываются.* — В процессе работы над романом о канале сменилось несколько названий: «Быль», «Былина», «Падун», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Новые берега» и, наконец, «Осударева дорога».

С. 772. *У Пушкина говорится о двух единственных ценностях: воля и покой.* — Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» (1834)

С. 773. *...Колькина «коза» летит в гору.* — Н. И. Дедков был в 1938 г. арестован и провел в заключении 18 лет. Вернулся в Москву в 1956 г., поддерживал дружеские отношения с В. Д. Пришвиной.

С. 774. *Сведения о Дехтереве Влад. Ник. ...* — Пришвин встретил его на Соловках в 1933 г.

С. 775. (*Тургенев «Новь». О Нежданове*). — Роман И. С. Тургенева «Новь» (1877) и главный герой романа.

С. 779. *...хлыстовская философия о переменах мест между Богом и Человеком...* — О хлыстах см.: Ранний дневник. Богоискательство. С. 581—643.

С. 785. *...читал Некрасова «Рыцарь на час»...* — Имеется в виду стихотворение Н. А. Некрасова Рыцарь на час» (1862).

С. 787. *...кто бросается в чан...* — ср.: Цвет и крест. Русский чан. С. 202–204.

С. 790. *...он приедет как Лоэнгрин, и одновременно будет умиряться вся стихия.* — Аллюзия на оперу Рихарда Вагнера «Лоэнгрин» (1848), в которой Лоэнгрин таинственно появляется на плывущей ладье из сна, спасает Эльзу от навета, вносит в ее жизнь любовь и смысл: он сын Парсифаля (который, в соответствии с мифом о Граале, когда-то спас чашу Грааля), почему и обладает чудесной (мифологической) силой.

Мальчик Зуек в романе «Осударева дорога», над которым Пришвин работает в течение всего 1937 г., тоже носитель неких превышающих его реальные возможности свойств. Картина появления Зуйка на канале наполняется мифологическим содержанием. Во-первых, мальчик плывет по воде — это главный символ романа, вызывающий множество мифологических ассоциаций: вода в романе — живая стихия, организующая жизнь и отражающая ее. Водная стихия водопада-падуна таит образ неведомого человека, «шагающего все вперед и вперед», упорядоченная стихия воды в канале — неизвестную «волшебную» силу воздействия на окружающий мир, и придает бытию новое качество призрачности или подобия («новая плененная вода стала все вокруг переделывать, как иногда в сновидениях... кажется и то, и не то»). Во-вторых, Зуек движется по воде на плавине («вдруг весь остров покачнулся, что-то глухо рухнуло, что-то оборвалось где-то под островом, земля дрогнула... вода подняла <...> торфяные сплетения вместе с кустами, с деревьями... здесь собралось множество всяких зверей... зайцы сидели, не шевелясь, на своих местах, застывшие от ужаса... и рядом сидели лисицы, и волк дрожал рядом с лосем... звери забыли свою хищность... они забыли даже голод... синий дымок поднимается... у костра... наконец увидали маленького оборванного Робинзона»); с плавиной, так или иначе, связаны библейский, античный и литературный мифы (Ноев ковчег и лев рядом с ягненком, Прометей и Робинзон). В-третьих, Зуйка реально спасает на плавине родовая память («Зуек стал делать точно, как если бы с ним был его отец... он вынул, как и отец вынимал... завернутые в кожаном мешочке кремень, огниво и трут... подражая отцу, высек огонь»). Зуек выдерживает испытание, он непобедим и неуязвим благодаря логике мифа, который строит писатель, а не логике реальной жизни. Он одновременно обычный мальчик и мифологическое существо, которое для людей — чудо («Зуек принял канат спокойно... обмотал... вокруг дерева. Надел свою оборванную, лохматую куртку, взял сумку, ружье и медленно полез вверх по трапу. Наконец... вылез на палубу к людям, не понимая, что все глядят на него, как на чудо») (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 428, 454–455). Зуек одновременно принадлежит разным мирам: природному и человеческому, старому миру (староверский род) и новому (строители), в который он стремится попасть, не видя и не подозревая коварного лица этого мира. Он — мост между старым и новым, но в лице тех, кому этот мост нужен («N. неверно сказал, что мир раскололся

на христиан и их врагов. Это он с точки зрения правоверного христианина. На самом деле и у коммунистов хорошие люди бессознательно идут с Христом, и в церкви христиане идут с антихристом»).

...нашей «эпохи великих реформ»... — Имеется в виду период царствования Александра II, который начался отменой крепостного права и продолжился радикальными реформами всей государственной, экономической и социальной жизни России (1861—1872). Выражение впервые появились в книге Г. А. Джаншиева «Из эпохи великих реформ» (1894).

С. 792. *«...Если ветер осенний бушует...»* — Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1860—1862).

С. 793. *...она, узнав, что сам искуситель колеблется...* — Имеется в виду Аксюша, племянница Ефросиньи Павловны, которую она пригласила для ведения хозяйства в Москве, когда стало очевидно, что Пришвин переезжает туда один.

С. 794. *Читал Толстого о Гоголе...* — Имеется в виду либо первая неоконченная статья Л. Н. Толстого «О Гоголе» (1909), либо вторая, когда С. П. Спиро, журналист и драматург, взял у Толстого интервью о Н. В. Гоголе в дни празднования столетия со дня рождения писателя 22 марта 1909 г.

С. 801. *...с точки зрения «четыреххвостки»*. — Всеобщее, тайное, равное и прямое избирательное право еще в XIX в. называли в России «четыреххвосткой», наподобие той плетки, которой в Древнем Риме повелевали рабами. Сталинская конституция 1936 г. формально восстановила «четыреххвостку».

Брут достойный человек! — По-видимому, имеется в виду известный факт, что Марк Юний Брут, римский сенатор, политический деятель, происходил из семьи, сознательно культивирующей тираноборческие традиции.

Шекспировская «масса», «народ», который бунтует, Антоний... — По-видимому, имеется ввиду трагедия У. Шекспира «Антоний и Клеопатра» (1594).

С. 803. *...обратить камни в хлеб.* — Мф 4: 3.

Будьте как дети! — Мф 18: 3.

Да умирится же с тобой и покоренная стихия. — Аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833). В ходе работы над романом «Осударева дорога» сменилось три эпиграфа: «Да умирится же с тобой...», «Ужо тебе, строитель!» и последний, на котором Пришвин остановился: «Аще сниду во ад, и Ты там еси».

31 Зак. 3028

С. 804. *Чтение «Юлия Цезаря».* — Трагедия У. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599).

С. 807. *Кесарево и Богово...* — Мф 22: 15—21.

С. 811. *...когда я тащил скамейку — я был человеком.* — Воспоминание относится к 1914 и 1915—1916 гг. Пришвин едет на фронт военным корреспондентом. См.: Цвет и крест. На Братскую линию. С. 466—481; Дневники. 1914—1917.

С. 813. *Он был грабарь... — Грабарь* — землекоп (*укр., польск.*).

С. 814. *...живут, как будто они никогда не умрут.* — Вероятно, имеются в виду слова Гамлета из трагедии У. Шекспира: «Страна безвестная, откуда путник / Не возвращался к нам, смущает волю, / И мы скорей снесем земное горе, / Чем убежим к безвестности за гробом» (Пер. А. Кронеберга).

...«чем люди живы». — Название рассказа Л. Н. Толстого (1881).

С. 827. *...о А. М. Коноплянцеве и его брошюре о К<онстантине> Л<еонтьеве>...* — Друг Пришвина А. М. Коноплянцев был биографом К. Н. Леонтьева. По-видимому, имеется в виду сборник: *Коноплянцев А. М.* Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания. М., 1911.

С. 828. *...в Реальном училище Силецкого...* — Имеется в виду Тюменское Реальное училище, в котором Пришвин учился в 1889—1892 гг.

...надо бы тоже на канал. — Имеется в виду роман «Осударева дорога».

Кто знает, сколько скуки в искусстве палача. — Строки из стихотворения Ф. Сологуба «Нюренбергский палач» (1908).

С. 829. *...народ не узнал.* — После этой записи в копии идет следующий текст, которого в подлиннике нет (в это время Пришвин делает машинописную копию Дневника 1937 г., возможно, запись сделана во время переписки): «Над чем я сейчас работаю в детской литературе? Я всегда работаю над одной темой, в которой и детская и общая литература сливаются в единое целое. Если же у меня выходят книги одни для детей, другие для взрослых и на разные темы, то это действительно они выходят, а не делаются, как я того хочу. Та единая тема, над которой я работаю, это дитя, которое я сохраняю в себе, мальчик. Сюжет этой единственной повести очень простой: мальчик потерялся в лесу. Желая написать книгу об этом в 1905 году, я ездил на север и собранные мной материалы дал в книге "В краю непуг. птиц". С тех пор каждая моя книга, повесть, рассказ начинались этой попыткой, а выходило нечто близкое, но не то самое, и я опять начинал все сыз-

нова. Все мои детские рассказы, собранные в книге "Зверь Бурундук" и др., произошли тоже этим путем, в поисках художественной простоты. Никогда не был я так близок к достижению моей темы, как в настоящее время. Мне посчастливилось в Московской области найти один лес, в котором действительно заблудился и довольно продолжит. время жил один дерев. мальчик. Я ввел в сюжет строит. канала Москва—Волга и с этим строительством связал освобождение мальчика. Но в самый последний момент, когда надо было писать, действие опять перенеслось на Север и канал Москва—Волга заменился Беломоро-Балт. каналом, а материал "В краю непуг. птиц", собранный 32 года тому назад, для той же темы подходит. Никогда я не был так близок к своей теме, как теперь, несколько глав для большой вещи уже совершенно закончены. <*Приписка:* Не выйти против плана теперь может только в отношении доступности книги для детей.> Рядом с этим я пишу свои очередные детские рассказы и перевожу с английского для юношества книгу канадского индейца Вэша Куоннезин (Серая Сова) на русский язык».

С. 832. *Перечитал Тургенева «Дон Кихот и Гамлет»* — *Тургенев И. С.* Гамлет и Дон-Кихот (Речь, произнесенная 10 января 1860 г. на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым). Статья представляет собой рассуждения писателя о двух великих произведениях — трагедии Шекспира «Гамлет» и романа Сервантеса «Дон-Кихот». Тургенев полагает, что всех людей можно условно разделить на два типа: «...все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета. Правда, в наше время Гамлетов стало гораздо более, чем Дон-Кихотов; но и Дон-Кихоты не перевелись».

...речь Тургенева при открытии памятника Пушкину. — Имеется в виду речь, прочитанная Тургеневым 7 июня 1889 г. на публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве, в которой писатель сказал: «...какой же великий поэт читается теми, кого мы называем простым народом? Немецкий простой народ не читает Гёте, французский — Мольера, даже английский не читает Шекспира... Это вершина, к которой надо приблизиться. И все-таки Гёте, Мольер и Шекспир — народные поэты в истинном значении слова, то есть национальные» (*Тургенев И. С.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 12. С. 279).

С. 833. *...в поте лица своего.* — Быт 3: 19.

С. 834. *Подготовлять материал «книги о книге»...* — Впоследствии Пришвин назовет дневниковые записи, сопутствующие работе над романом, «лесами» к роману «Осударева дорога».

Указатель имен

СОДЕРЖАНИЕ

Выражаем глубокую благодарность коллективу
Российского государственного архива литературы и искусства
и особенно сотрудникам читального зала
за помощь в подготовке к изданию многотомного
Собрания дневников М. М. Пришвина

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин
ДНЕВНИКИ
1936–1937

Верстка: *С. В. Степанов*
Корректор: *Ю. А. Курбатова*
Художественное оформление: *Г. Расторгуев*

Подписано в печать 25.11.09. Формат 84 × 108 $^1/_{32}$.
Бум. офсетная. Гарнитура Octava. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 62,00. Тираж 3000 экз.
Зак. № 3028

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostok_publish@front.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323-54-70

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12